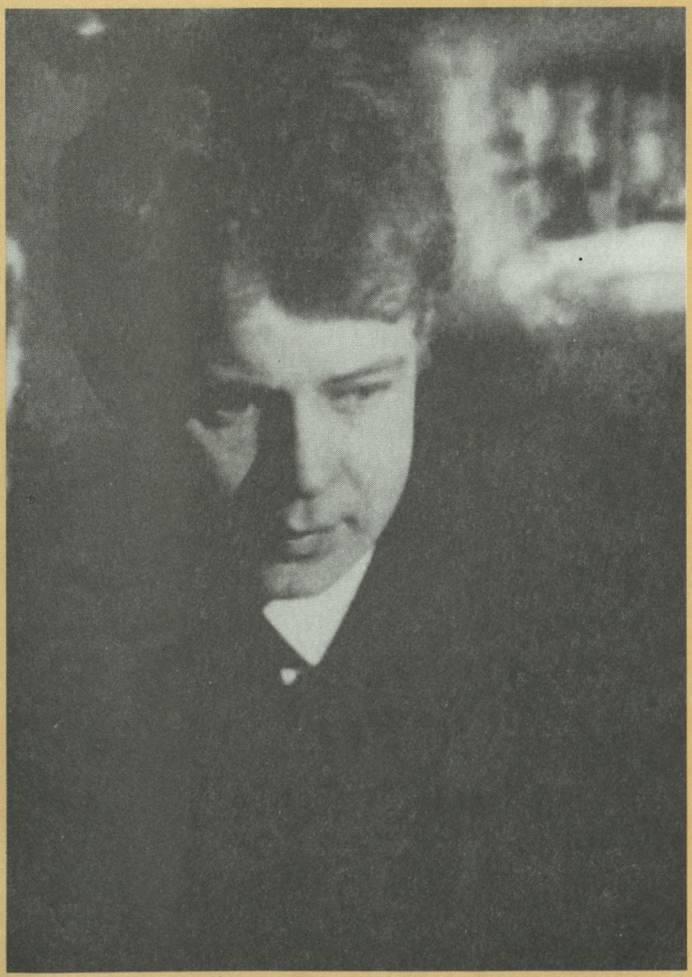
83.3(2=Рус)7-8(Кр)
Л 524

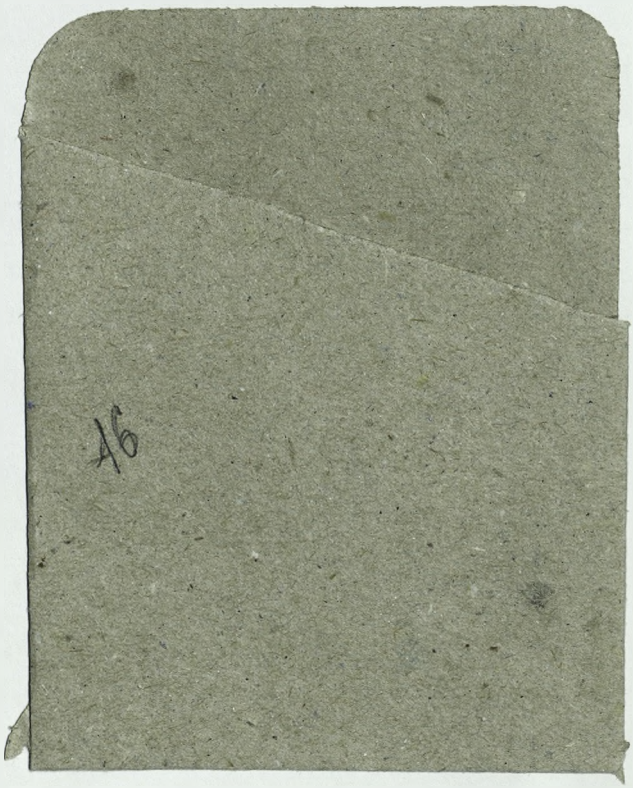
ЛЕТОПИСЬ

Жизни и творчества

С.А.ЕСЕНИНА

4




16

Учреждение Российской академии наук

Институт мировой литературы
им. А.М.Горького

ЛЕТОПИСЬ

жизни

и

творчества

С.А.ЕСЕНИНА

В пяти томах

Основатель проекта Ю.Л.Прокушев

Главный редактор Н.И.Шубникова-Гусева

Редакционная коллегия:

Е.Н.Астахова, О.Е.Воронова, С.П.Есенина,
А.Н.Захаров, Н.В.Корниенко, Ф.Ф.Кузнецов,
Т.К.Савченко, М.В.Скороходов, В.В.Сорокин,
С.И.Субботин, А.М.Ушаков, А.И.Чагин

Москва
ИМЛИ РАН
2010

83.3(2=Рус)7-8(Кр)
Л 524

ЛЕТОПИСЬ

жизни
и
творчества

С.А.ЕСЕНИНА

Том четвертый

3 августа 1923 – 1924

1509708-Б
РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА им.ГОРЬКОГО

Москва
ИМЛИ РАН
2010

ББК 83.3

Издание осуществляется при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Исследовательский проект № 98-04-06310а
Издательский проект № 09-04-16172д

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М.Горького

Составление тома Н.И.Шубниковой-Гусевой

Составление разделов тома
Л.Г.Голубевой, М.В.Скороходова, Н.М.Солобай,
С.И.Субботина, Н.Г.Юсова, Ю.Б.Юшкина

Составление указателей С.А.Серегиной

В работе над томом принимали участие:
А.В.Амелина, Гедвига Кубишова (Словакия),
Гордон Маквей (Англия), А.Г.Машкова, Н.В.Михаленко,
В.Э.Молодяков (Япония), Мишель Никё (Франция), Т.К.Савченко,
В.П.Тарутин, Ежи Шокальский (Польша)

Ответственный редактор тома М.В.Скороходов

Научная и общая редакция тома С.И.Субботина

Рецензенты: Н.Н.Воробьёва, С.Н.Морозов

Четвертый том Летописи включает материалы о жизни и творчестве С.А.Есенина с 3 августа 1923 по 1924 год, расположенные в хронологической последовательности.

Приложение к тому содержит документы, фотографии и факсимиле автографов из государственных архивов, музеев и частных собраний.

ISBN 5-9208-0165-4
ISBN 978-5-9208-0378-8

© ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, 2010
© Коллектив авторов, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертый том Летописи жизни и творчества С.А.Есенина охватывает период с 3 августа 1923 года по декабрь 1924 года. По словам самого поэта, этот период характеризуется изменением стиля его «словесной походки». В автобиографии, датированной 20 июня 1924 года, читаем: «Сейчас я отрицаю всякие школы. Считаю, что поэт и не может держаться определенной какой-либо школы. Это его связывает по рукам и ногам. Только свободный художник может принести свободное слово».

В томе отражено и прокомментировано множество разнообразных событий творческой и личной жизни Есенина на протяжении 17 месяцев его жизни: разрыв с А.Дункан и переезд к Г.А.Бениславской, «дело четырех поэтов», поездки в Ленинград, на родину, на Кавказ и др. Большое внимание уделено работе поэта над стихами циклов «Любовь хулигана», «Персидские мотивы» и поэмами «Песнь о великом походе», «Поэма о 36», подготовке к публикации этих поэм и «Страны Негодяев», а также книг «Москва кабацкая» (1924), «Стихи: 1920–24» (1924) и «Русь советская» (1925, вышла до 25 дек. 1924), участию в литературных вечерах. Представлены также статьи и публичные высказывания Есенина в печати, критические отклики о его творчестве, в том числе в переводах с итальянского, польского, чешского и японского языков.

Последний период жизни и творчества поэта изучен довольно основательно. Тем не менее, значительная часть материалов тома вводится в научный оборот впервые.

Научное изучение биографии Есенина последних лет его жизни начинается в 1950-е годы. Публикуются неизвестные стихотворные и прозаические произведения, письма и дарственные надписи поэта, выходят монографии. Среди них работы Ю.Л.Прокушева: «Сергей Есенин (Литературные заметки и публикации новых материалов)» (альм. «Литературная Рязань», кн. 1, Рязань, 1955), «Новое о Сергее Есенине» (альм. «День поэзии», М., 1956), «Юность Есенина» (М., 1963), а также К.Л.Зелинского «Сергей Есенин» (в книге: Есенин С. Стихотворения. Л., 1953, с. 5–52); В.Г.Белоусова «Сергей Есенин в Батуми» («Батумский рабочий», 1959, 4 января); С.Ф.Турабова «Есенин в Азербайджане» («Литературный Азербайджан», 1959, № 10); С.С.Масчан «Из архива С. Есенина» («Новый мир», 1959, № 12), М.Пешича (М.М.Пешић) «Сергеј Јесењин. Живот, љубав, дело» (Београд, 1957), С.Лаффит (S.Laffitte) «Serge Essénine (Une étude: Choix de textes, bibliographie, portraits)» (Paris, 1959) и др.

Особенно интенсивно последние годы жизни и творчества поэта изучаются в течение последних сорока лет. Из наиболее значительных исследований можно назвать работы А.П.Ломана, В.Ф.Земскова «Дарственные надписи Есенина:

инскрипты» («Русская литература», 1970, № 3); В.И.Балуашвили «Сергей Есенин в Грузии» (в его книге: «Встречи с Грузией. К проблеме литературного взаимообогащения». Тбилиси, 1978); П.Тартаковского «Свет вечерний шафранного края... (Средняя Азия в жизни и творчестве Есенина)» (Ташкент, 1981), а также работы В.А.Вдовина, опубликованные в журнале «Вопросы литературы» в 1970-е годы, статьи известного английского исследователя Г.Маквея и др. Ценные материалы, относящиеся к пребыванию Есенина в Грузии, вошли в сборник «Сергей Есенин в Грузии: Товарищи по чувствам, по перу...» / Сост. и предисл. Г.В.Бебутова (Тбилиси: Мерани, 1989). Среди воспоминаний — очерки Т.Табидзе, Г.Леонидзе и др. Ряд важных работ о неизвестных автографах Есенина, а также о биографических подробностях этого периода его жизни опубликовано Ю.Б.Юшкиным в газете «Литературная Россия» (1981).

Творчеству Есенина 1924–1925 годов посвящена первая кандидатская диссертация о поэте С.П.Кошечкина («Мастерство Сергея Есенина: (Произведения 1924–1925 гг.)». М., 1959). В минувшее десятилетие защищены докторские диссертации, в которых по-новому освещается этот период жизни и творчества Есенина: Ю.Л.Прокушевым («Сергей Есенин (Жизнь, творчество, эпоха)». М., 1999); О.Е.Вороновой («Творчество Есенина в контексте русской духовной культуры». М., 2000); Н.И.Шубниковой-Гусевой («Поэмы Есенина: творческая история, контекст, интерпретация». М., 2001); А.Н.Захаровым («Художественно-философский мир Сергея Есенина». М., 2002) и др.

Серьезное внимание последним годам жизни поэта уделено в целом ряде книг: Е.Наумов. «Сергей Есенин: Жизнь и творчество» (Л., 1960; 2-е изд. М.; Л., 1965); П.Юшин. «Сергей Есенин: Идейно-творческая эволюция» (М., 1969); А.Марченко. «Поэтический мир Есенина» (М., 1972; 2-е изд. 1989); С.Кошечкин. «Раздумья о поэте» (М., 1974); Ю.Прокушев. «Сергей Есенин: Образ, стихи, эпоха» (М., 1975; 2-е изд. 1978; 3-е изд. 1979); А.Волков. «Художественные искания Есенина» (М., 1976), G.McVay. «Esenin: a life» (Ann Arbor, 1976; 2nd ed., New York, 1988) и «Isadora & Esenin» (Ann Arbor, 1980) и др.

Важные материалы содержатся в книгах Т.К.Савченко «Сергей Есенин и его окружение» (М., 1990); А.Н.Захарова «Поэтика Есенина» (М., 1995); Н.Г.Юсова «"С добротой и щедротами духа..." Дарственные надписи Сергея Есенина» (Челябинск, 1996), В.А.Вдовина «Факты — вещь упрямая: Труды о С.А.Есенине» / Сост. А.А.Вдовина, Н.Г.Юсов; коммент. Н.Г.Юсов (М., 2007), а также в работах В.А.Дроздкова, С.И.Субботина, Ю.Б.Юшкина, Л.Ф.Карохина, В.С.Баранова и др. Немало новых архивных материалов опубликовано в книге Э.Хлысталова «13 уголовных дел Сергея Есенина» (М., 1994).

Работа над составлением тома велась с опорой на издания, где собраны и обобщены документальные материалы:

— Полное собрание сочинений С.А.Есенина (1995–2001). В 7 т. (9 кн.). Гл. ред. Ю.Л.Прокушев;

— В.Белоусов. «Сергей Есенин: Литературная хроника». Ч. 2. М.: Сов. Россия, 1970;

— «Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы». Сб. / Общ. ред. Н.И.Шубниковой-Гусевой; сост. С.П.Митрофановой-Есениной, С.И.Субботина. Т.П.Флор-Есениной; подгот. текстов и указатель имен С.И.Субботина. М.: Республика, 1995.

Для отдельных групп летописных статей широко использовались материалы, содержащиеся в книгах:

— Н.И.Шубникова-Гусева. «Сергей Есенин и Галина Бениславская». СПб.: Росток, 2008.

— «С.А.Есенин: Материалы к биографии» / Отв. ред. Н.Б.Волкова, сост., подгот. текстов, коммент. Н.И. <Шубниковой->Гусевой, С.И.Субботина, С.В.Шумихина. М.: Ист. наследие, 1992 (фактически — 1993);

— «Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи» / Вступ. ст., сост. и коммент. Н.И.Шубниковой-Гусевой. В 2 т. М.: Инкон, 1993;

— Н.И.Шубникова-Гусева. «Поэмы Есенина: От "Пророка" до "Черного человека": Творческая история, судьба, контекст и интерпретация». М.: ИМЛИ РАН, 2001.

Для уточнения отдельных датировок публикаций авторских книг Есенина и коллективных сборников с его участием использовалась работа: Н.Г.Юсов. «Прижизненные издания С.А.Есенина: Библиографический справочник». М.: Златоцвет, 1994.

Проанализированы освещающие этот период многочисленные воспоминания и дневники современников, наиболее полно представленные в мемуарной литературе. Ряд авторов посвятил Есенину целые книги воспоминаний преимущественно о последних годах его жизни. Среди них: С.Виноградская. «Как жил Есенин» (М., 1926); В.Наседкин. «Последний год Есенина: Из воспоминаний» (М., 1927); И.Грузинов. «С.Есенин разговаривает о литературе и искусстве» (М., 1927); В.Эрлих. «Право на песнь» (Л., 1930); Н.Вержбицкий. «Встречи с Есениным» (Тбилиси, 1961), И.Шнейдер. «Встречи с Есениным» (М., 1965), а также книги М.Ройзмана, Н.Вольпин и др. Зачастую воспоминания очевидцев являются важными источниками, позволяющими воспроизвести ту атмосферу, в которой жил Есенин. Они широко приводятся в Летописи.

В процессе подготовки данного тома Летописи важное место заняли архивные поиски, распространявшиеся не только на отечественные библиотеки и архивы, но и на зарубежные. С целью просмотра публикаций и выявления дополнительной информации Н.И.Шубникова-Гусева в 2006–2009 годах выезжала (в рамках эквивалентного обмена между Российской и Польской академиями наук) в Варшаву, где ею при обследовании de visu всех доступных газет и журналов этого периода были обнаружены не известные ранее отклики о Есенине и его творчестве в польской печати.

Из есенинских произведений, переведенных на польский язык, в Летописи учтены такие, как поэма «Пантократор» в переводе Б.Ясенского, опубликованная в авангардном варшавском журнале «Blok» (1924, № 3/4); поэма «Товарищ» в переводе К. Винавера (варшавский журнал «Nowa kultura» (1924, № 14). Представлены в виде иллюстраций обложки этих журналов и страницы с публикациями, сохранившиеся лишь в виде микрофильмов. Для Летописи впервые переведены Ежи Шокальским на русский язык статьи В.Вандурского о литературе в современной России, опубликованные в журнале «Nowa kultura» (Варшава, 1924), где речь идет о Есенине.

Большую помощь оказали составителям зарубежные коллеги. Наиболее полно с помощью Г.Кубишовой и сотрудника библиотеки в г. Брно (Словакия) М.Генкриха представлены в томе материалы о рецепции поэзии Есенина

в Чехии, переведенные для нашего издания А.В.Амелиной. В работах Ф.Кубки «Поэты современной России. Характеристики. Сергей Есенин» («Básníci dnešního Ruska. Charakterstiky I. Sergej Jesenin», «Cesta», 1923, № 3); «Поэты революционной России» («Básníci revolučního Ruska (Studie o moderni ruské lyrice)» (Praha, 1924), Н.Мельниковой-Папоушковой «Сергей Есенин» («Sergej Jesenin», «Host», 1923, № 3–5) и И.Вейла «Русская революционная литература» (сб. «Chvilky», Прага, 1924) дается высокая оценка творчества поэта. В частности, Ф. Кубка в книге «Поэзия революционной России», анализируя русскую революционную поэзию за пять лет с 1917 года, пишет, что «к Есенину нужно подойти философски»: «Есенин — художник. Его образы имеют золотую огненность иконы. Его березки и луга — прерафаэлевская нежность. Призрачная бесформенность имажинизма (Шершеневич, молодой Маяковский) получает мягкие закругления и естественную мягкость. Есенин — самый крупный художник русской революционной поэзии» (перевод А.В.Амелиной).

Широко учтены в томе Летописи переводы произведений Есенина на чешский язык: стихотворения «Осень», «В том краю, где желтая крапива...» (под заголовком «Путь в Сибирь») и поэма «Товарищ» в переводах Богумила Матезиуса, напечатанные в литературных приложениях «Dělnická besídka» к пражской газете «Rude pravo» (23 ноября, 21 декабря и 7 декабря 1924 года); подборка «Три стихотворения» Есенина: «Не ветры осыпают пущи...», «Нивы сжаты, рощи голы...» и «Устал я жить в родном краю...» в переводе Богумила Матезиуса из литературного приложения «Hodina» (№ 49) к газете «Národni osvobozeni» (Прага, 28 декабря 1924 года); подборка произведений Есенина: отрывок из «Инонии» в переводе Франтишека Кубки, отрывок из «Сорокоуста» («Видели ль вы...») и «Запели тесаные дроги...» в переводе Марии Марчановой и «Исповедь хулигана» в переводе Я.Випела из пражского журнала «Cesta» (1924, № 29/30), здесь же опубликована статья Франтишека Кубки «Neimladši písemnictví ruské» («Молодое поколение русской литературы»), где говорится о Есенине; фрагмент драматической поэмы «Пугачев» и отрывок из поэмы «Пришествие» в переводе Ф. Кубки из пражского журнала «Host» (1924, rog. IV, № 2).

Немало новых переводных материалов впервые предоставлено для настоящего издания исследователем из Франции Мишелем Никё. Среди них выпущенная в Вене международным издательством «Renaissance» (Wien; Berlin; Leipzig; New York) книга «Русское лицо революции: Антология современных русских поэтических произведений...» («Das russische Revolutionsgesicht: Eine Anthologie zeitgenössischer russischer Dichtungen...»; составление, перевод и предисловие Савелия Тартаковера) с поэмой Есенина «Преображение» (полностью) и фрагментом стихотворения «Голубень» (ст. 9–17, с заголовком «Под голубым небом»).

Наряду с предисловием С.Тартаковера «Волшебный сад русской поэзии», где заходит речь и о Есенине, произведения поэта помещены во второй части антологии – «Два русских крестьянских поэта / "Преображение". Поэма Сергея Есенина / "Песнь Солнценосца" Николая Клюева / (переведено размером оригиналов)» и в ее третьей части «Из современной русской лирики (миниатюрная антология)» (всего в этой книге четыре части и приложение).

Впервые, благодаря помощи нашего коллеги из Японии В.Э.Молодякова, в Летописи отражено содержание антологии «Собрание стихотворений рабоче-

крестьянской России» («Роно Росия сисю», перевод и предисловие Кэйси Осэ), выпущенной в Токио издательством «Кайдзося», со стихотворениями Есенина «Там, где вечно дремлет тайна...» и «Нивы сжаты, рощи голы...» и его поэмами «Инония» (отрывки) и «Преображение» (полностью). В предисловии К.Осэ, переведенном на русский язык для настоящего издания В.Э.Молодяковым по экземпляру книги из собрания г-жи Татиэ Миямото (Токио), отмечается, что при составлении антологии был взят за основу сборник «Поэзия большевистских дней» (Берлин, 1921). Это, очевидно, нашло отражение и в оформлении токийского издания — на его обложке по-русски значится то же название (см. Приложение). Как выяснилось, по сравнению с берлинской книгой К.Осэ значительно расширил авторский состав своей антологии, практически вдвое увеличив его. Кроме того, К.Осэ в ряде случаев изменял состав той или иной подборки стихов, в частности, есенинской.

В данный том Летописи включены новые материалы двух больших частных собраний, в которых находятся уникальные документы, касающиеся жизни и творчества Есенина: его неизвестные автографы, записки, дарственные и владельческие надписи, письма его близких и родных. Благодаря этим материалам установлены не известные ранее события жизни и творчества поэта и уточнены даты написания целого ряда его стихотворений и писем.

Сложным для настоящего тома было выяснение ряда фактов, связанных с поездками Есенина, особенно с его пребыванием на Кавказе. В этом случае нередко помогали впервые включенные в Летопись материалы архива Г.А.Бениславской, недавно введенные в научный оборот: есенинская записка ей от 28 августа 1923 года, восемь не вошедших в Полное собрание сочинений (либо опубликованных там по неточным или недатированным копиям) телеграмм поэта, отправленных им из Ленинграда и с Кавказа, переписка его родных и близких и др. — всего около ста новых документов. Уточняются даты: 1) госпитализации Есенина в санаторий на Полянке (на основании сведений из не известного ранее письма Е.А.Есениной к А.Г.Назаровой) — 13 декабря 1923 года, а не 17 декабря, как считалось прежде; 2) отъезда Есенина из Тифлиса в Баку — 18 сентября 1924 года (в Есенин, VI –19 сентября); 3) телеграммы с предположительной датировкой в Есенин, VI — между 13 и 15 декабря 1924 года — на самом деле 12 декабря, и др.

Предпринятый комплексный анализ перечисленных источников позволил датировать многие события (или уточнить их датировки), а в ряде случаев — восстановить целостную картину события по совокупности косвенных документальных свидетельств. Один из наиболее ярких примеров такого рода — датировка и обстоятельства поездки С.А.Есенина вместе с американским журналистом А.Р.Вильямсом в деревню Верхняя Троица Тверской губернии к М.И.Калинину, находящемуся там на отдыхе.

Ранее существовало несколько гипотез о времени события: в литературе о М.И.Калинине называлось лето 1923 года, а Н.Г.Юсов относил событие к 20–24 августа 1924 года. Бесспорных документов, подтверждающих обе гипотезы, не было.

Для установления даты этого и связанных с ним эпизодов было предпринято специальное исследование. К сожалению, документов о передвижении А.Р.Вильямса по России выявить не удалось — в ответ на наш запрос Архив

МИДа сообщил, что в его фондах соответствующие материалы отсутствуют. Местные газеты Тверской губернии не отразили это событие.

Чтобы датировать поездку Есенина к Калинину, требовалось установить, когда Калинин находился на отдыхе в родной деревне и в какие дни поэт мог у него побывать. В итоге при анализе документов, обнаруженных в Государственном архиве Российской Федерации и в Российском государственном архиве социально-политической истории, установлено, что М.И.Калинину 8–16 сентября 1923 года был разрешен краткосрочный отпуск, но 14 сентября он уже председательствовал на заседании ЦИК СССР. Таким образом, во время своего отпуска М.И.Калинин мог находиться на родине лишь с 8 по 13 сентября. Есенина же не было в Москве 11 и 12 сентября 1923 года, о чем косвенно свидетельствует отсутствие выписанных на его имя счетов в кафе «Стойло Пегаса», где в то время он бывал ежедневно. Совокупность этих сведений позволяет заключить, что поездка поэта в Верхнюю Троицу состоялась как раз с 10 по 12 сентября 1923 года. 13 сентября Есенин уже будет в Москве.

Указанное время встречи Есенина с М.И. Калининым подтверждается и воспоминаниями А.Р.Вильямса, где отмечено, что как раз в те дни поэт искал квартиру для проживания. Устройством квартиры для Есенина наиболее интенсивно занимаются тогда М.С.Грандов и А.Г.Назарова (см. воспоминания А.Г.Назаровой и заявление М.С.Грандова в Президиум ВЦИК с просьбой о выделении Есенину квартиры, недавно обнаруженное в Российском государственном военном архиве).

В настоящем томе впервые систематически представлена совокупность документальных материалов, связанных с т. н. «делом четырех поэтов» и с другими уголовными делами, заведенными на Есенина в 1923–1924 годах (в т. ч. свидетельств из дневниковых записей и писем современников).

Ранее материалы «дела четырех поэтов» были опубликованы (в статье А.Белоконя («Север», Петрозаводск, 1993, № 10), книге Э.Хлысталова «13 уголовных дел Сергея Есенина» (М.,1994), Полном собрании сочинений С.А.Есенина и др.) неполно. Здесь эти документы публикуются по подлинникам (ЦА ФСБ РФ, дело № Р-14827; сверено Ю.Б.Юшкиным).

Крайне скупо зафиксированы отклики на это событие в издании «Русские советские писатели. Поэты: Биобиблиографический указатель» (Т. 8: С.А.Есенин. М., 1985). В настоящем томе Летописи представлены многочисленные газетные материалы, посвященные этому делу. В связи с тем, что таких публикаций было очень много и в большинстве из них в той или иной форме пересказывалась информация из центральных газет, в томе подробно цитируются лишь ключевые материалы, а в комментариях к ним указываются другие публикации, появившиеся в отечественной и зарубежной печати.

Уточнить или выяснить канву тех или иных событий в ряде случаев удалось путем обследования доступных в отечественных хранилищах (на период подготовки Летописи) газет, журналов и непериодических изданий, выходивших с августа 1923 года по декабрь 1924 года. Были просмотрены газеты и журналы, выходившие как на территории Советской России, так и за ее пределами (Дальний Восток, пресса Русского Зарубежья).

Отличие этого тома Летописи от предыдущих состоит в обилии критических откликов на произведения Есенина, информационных заметок о творчестве поэта, ставшего широко известным и чрезвычайно популярным. Значи-

тельное количество таких материалов с упоминанием имени Есенина появляется на страницах научного издания впервые, что обусловило наиболее полное их цитирование.

Важная новая информация обнаружена в следующих газетах: «Брянский рабочий», «Вечернее время» (Париж), «Вечерние известия» (Москва), «Заря» (Харбин), «За свободу!» (Варшава), «Звено» (Париж),«Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (Москва), «Известия административного отдела Моссовета», «Коммунист» (Харьков), «Красная газета» (Пг.-Л.), «Накануне» (Берлин), «Новое время» (Белград), «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Новости жизни» (Харбин), «Новый мир» (Нью-Йорк), «Последние новости» (Париж), «Рижский курьер», «Руль» (Берлин), «Русская жизнь» (Рига), «Русский голос» (Нью-Йорк), «Русский голос» (Харбин), «Русь» (София) и др.

Составители внимательно просматривали литературно-художественные журналы или журналы с соответствующими рубриками, а также ведомственную и партийную периодику. В результате неизвестную информацию о жизни и творчестве Есенина удалось разыскать в следующих журналах: «Зори» (Петроград), «Молодая кузница» (Екатеринослав), «Печать и революция» (Москва), «Современные записки» (Париж), «Студенческая мысль» (Саратов), «Удар» (Париж), «Blok» и «Nowa Kultura» (Варшава), чешские журналы «Most», «Cesta» и др.

Тем не менее, отдельные летописные статьи нуждаются в дополнительных подтверждениях или архивных изысканиях. Так, остаются недоступными некоторые материалы «дела четырех поэтов» (ноябрь-декабрь 1923 г.), находящиеся в частном архиве, ряд материалов из архива Г.А.Бениславской, переданных А.Г.Назаровой К.Л.Зелинскому, и др. В связи с неудовлетворительным комплектованием или плохой сохранностью зарубежных периодических изданий в отечественных архивах часть их номеров осталась вне поля зрения составителей. Не удалось разыскать, например, воскресное приложение к газете «Русский голос» (Нью-Йорк) за 4 ноября 1923 года с публикацией маленькой поэмы Есенина «Русь» (событие устанавливается по рекламному объявлению) и др.

Определенную трудность при составлении Летописи представляет включение событий, к настоящему моменту не определяемых точной датой. В этом случае рамки события обозначаются знаком вопроса, а летописная статья с приблизительной или неоднозначной датировкой обязательно сопровождается развернутым комментарием, в котором приводятся все известные на данный момент аргументы.

Несмотря на недоступность отдельных источников, проведенная составителями собирательская и аналитическая работа позволила на новом фактическом материале дать достаточно полную и объективную картину жизни и творчества Есенина августа 1923–1924 годов.

* * *

Период жизни и творчества Есенина, которому посвящен настоящий том, насыщен и интенсивен в творческом отношении. В это время поэт всё настойчивее обращает внимание на свое внутреннее «переструение». В письме к Г.А.Бениславской, наиболее близкому ему в эти годы другу и помощнику в из-

дательских делах, Есенин пишет 20 декабря 1924 года: «Я чувствую себя просветленным, не нужно мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия. <...> Путь мой, конечно, сейчас очень извилист. Но это прорыв».

После возвращения из зарубежной поездки наступает самое трудное для Есенина время. Организованная травля поэта (всего в период с 1923 по 1925 годы на него было заведено семь уголовных дел) подорвала его здоровье. Дело № 2037 по обвинению «в антисемитской агитации, направленной к возбуждению антисемитской розни», заведенное на Есенина, С.Клычкова, П.Орешина и А.Ганина после инцидента в пивной Малинникова 20 ноября 1923 года, соответствовало преступному действию, предусмотренному статьей 83 Уголовного Кодекса (с наказанием вплоть до расстрела). После публикации статьи Л.С.Сосновского «Испорченный праздник» в «Рабочей газете» инцидент стал общественно-литературным, более того – политическим фактом. Так называемое «дело четырех поэтов» широко и тенденциозно освещалось в печати.

На товарищеском суде, который состоялся 10 декабря в Доме Печати, в качестве свидетелей были приглашены: Демьян Бедный, Н.И.Смирнов, гр. Родкин, надзиратель 47-го отделения милиции Ардаров, практикант того же отделения Лапин и др., а также представители литературных и просветительских профессиональных организаций, редакций газет и журналов. Разбор дела писателями, а не представителями карательных органов дал возможность объективно оценить обстоятельства произошедшего, которые представлены в настоящем томе Летописи.

Попытки Л.Сосновского придать инциденту политический характер были отвергнуты. Свидетели В.Львов-Рогачевский, А.Эфрос, А.Соболь отмечали отсутствие антисемитских выпадов со стороны обвиняемых, с которыми они часто встречались. Среди выступавших были «друзья» поэта, в том числе А.Мариенгоф, которые, якобы для смягчения приговора, говорили, что в этом году поэт «совершенно спился, близок к белой горячке и не может быть рассматриваем и судим как нормальный человек. Его просто нужно лечить...».

На суде выступали также «приехавшие из Америки товарищи», рассказывающие, что во время своего пребывания там «Есенин учинял дебоши, подобные разбираемому». В своем заключительном слове Есенин, не заботясь о своей репутации и остерегаясь уголовного преследования, подтверждал, что он хулиганил, дебоширил и в Москве, и в Нью-Йорке, и в Париже, но в то же время категорически отвергал какое-либо обвинение в антисемитизме. Защитник В.П.Полонский утверждал, что «подсудимых можно судить только за пьянство и дебош, а обвинение в антисемитизме должно быть снято».

10 декабря 1923 года заседание суда продлилось до трех часов ночи и было нелегким для всех обвиняемых, особенно для Есенина, который оказался в центре внимания. Ввиду позднего времени оглашение приговора перенесли на 13 декабря. Тот факт, что Есенин после суда согласился лечь в санаторий, чтобы не присутствовать в Доме Печати в день оглашения приговора, говорит о многом. Он лишний раз показывает, насколько тяжело переживал поэт сложившуюся вокруг него обстановку, насколько болезненным было состояние, до которого он был доведен кампанией, развязанной Л.Сосновским. В декабре 1923 — январе 1924 года Есенин находится на лечении в профилактории на

Большой Полянке. В феврале и марте он попадает в Шереметевскую, а затем в Кремлевскую больницу.

Несмотря на то, что товарищеский суд по «делу четырех поэтов» единогласно отверг обвинение в антисемитизме и ограничился порицанием за хулиганство, травля поэта в печати продолжалась. Коллегия ОГПУ прекратила дело уже после гибели А.Ганина и Есенина (11 мая 1927 года). Официальная же реабилитация Есенина, П.В.Орешина, С.А.Клычкова и А.А.Ганина по этому делу состоялась лишь 31 марта 1993 года.

Материалы настоящего тома Летописи со всей очевидностью показывают, что последние годы жизни Есенина представляют собой духовную трагедию, которую еще предстоит понять и раскрыть во всей ее глубине и сложности.

Рапповская критика всё чаще упрекает Есенина в отсталости и консерватизме. 9 мая 1924 года поэт вместе с М.Волошиным, С.Клычковым, Б.Пильняком, О.Мандельштамом, А.Толстым и другими поэтами и писателями подписывает письмо в отдел печати ЦК РКП(б) в защиту не признававшихся большевистской идеологией писателей, которых называли «попутчиками» (термин Л.Д.Троцкого), от рапповской критики. Поэт всегда находится в курсе общественных и литературных событий и принимает в них заинтересованное участие.

Поразительно, что в творчестве Есенина в это время наступает самый просветленный период. Один из современников поэта, Б.М.Зубакин, вспоминал: «Шло от него прохладное и высокое веяние гения. Лукавый, человечно-расчетливый, двоедушный — вдруг преображался, и все видели, что ему смешны все расчеты земные — и слова, и "люди", и он сам себе — каким он был только что с ними. Он становился в такие минуты очень прост и величав — и как-то отсутствующ. Улыбался всё рассеянней и нежней — как-то поверх всего, но всем. Он не был "падшим ангелом", он был просто ангелом — земным». Характерна реплика отца, записанная сестрой поэта Е.А.Есениной: «...Он не такой, как мы. Он Бог его знает кто».

На смену бурным страстям и диссонансам «Москвы кабацкой» в поэзию Есенина входит «иная жизнь, иной напев». Поэт раскрывает свою истинную суть — мудрого философа. Именно в это время всё настойчивее звучит мотив приятия многоликой окружающей жизни, и всё чаще в стихах поэта возникает образ женщины — женщины-матери и женщины-любимой. Именно в это время поэт создает стихи совершенно необычной даже для Есенина нежности, грусти и задушевности (цикл «Любовь хулигана», «Письмо матери» и др.).

В эти годы Есенин всё настойчивее обращается к эпосу. В 1924 году он пишет две из шести своих больших поэм — «Песнь о великом походе» и «Поэму о 36», задумывает «Анну Снегину» и завершает «Страну Негодяев».

В Летописи прослеживаются все этапы работы поэта над произведениями этого периода — творческая история циклов «Любовь хулигана» и «Персидские мотивы», других стихотворений, а также «Песни о великом походе» и «Поэмы о 36». Освещается зарождение замыслов, работа над черновыми и беловыми автографами; существенно уточнены этапы подготовки произведений к печати и время их публикации. Отражены этапы завершения драматической поэмы «Страна Негодяев» и история написания рукописной книги того же названия — единственной в наследии поэта.

В этот период Есенин много сил отдает подготовке к изданию новых книг. Летом 1924 года после трех неудачных попыток ему удается издать «Москву кабацкую», в конце 1924 года выходят книги «Стихи 1920–24» и «Русь советская».

3 сентября 1924 года Есенин уезжает на Кавказ и почти год живет там (Тифлис, Баку, Батум и др.), приезжая на короткое время в Москву, Ленинград и Константиново. На Кавказе написаны и опубликованы многие новые его стихи и поэмы: «На Кавказе», «Баллада о двадцати шести», «Стансы», «Русь уходящая», «Русь бесприютная», «Письмо к женщине», «Поэтам Грузии», «Письмо от матери», «Ответ», «Цветы», «Письмо деду», «Метель», «Весна», стихи цикла «Персидские мотивы» и др.

«Работается и пишется мне дьявольски хорошо», — отмечал в одном из писем конца 1924 года поэт. Позже этот период жизни и творчества Есенина исследователи назовут, соотнося с Пушкиным, «болдинской осенью».

В настоящем томе удалось по дням, а порой и по часам восстановить жизнь поэта в то время. Читатель также встретится в тексте тома с широким спектром мнений о поэзии Есенина. Но, как бы ни отличались оценки, за очень редким исключением все критики, независимо от того, к какому лагерю они принадлежали, признают мощный талант поэта и его влияние на творчество самых разных писателей. В 1923–1924 годах произведения Есенина регулярно включаются в антологии русской поэзии (в т. ч. вышедшие на английском, итальянском, немецком и японском языках), в сборники для чтецов-декламаторов и школьные хрестоматии. Создаются первые музыкальные произведения на есенинские стихи.

Том снабжен разделом — Приложение, где представлены важнейшие и наиболее характерные для рассматриваемого периода жизни Есенина документальные материалы, существенно расширяющие или иллюстрирующие конкретные летописные статьи. Это — автографы ряда стихотворений, поэм, писем, дарственных надписей; журнальные публикации произведений Есенина; обложки его книг, а также ряд документов, касающихся биографии поэта. Приложение знакомит с иконографией поэта, его родных, близких, друзей, писателей-современников, издателей, с которыми встречался Есенин, а также с фотографиями памятных мест, где жил и которые посещал поэт. Материалы Приложения даются согласно хронологии и в соответствии с порядком летописных статей.

В Приложении использованы архивные документы и фотоматериалы, предоставленные Государственным музеем-заповедником С.А.Есенина в Константинове, рукописным отделом ИМЛИ, Российским государственным архивом литературы и искусства, Государственным литературным музеем, а также материалы из личных собраний С.П.Есениной, Г.С.Назаровой, Н.Г.Юсова и др.

* * *

В работе над Четвертым томом Летописи активное участие принимали не только члены Есенинской группы ИМЛИ РАН, но и зарубежные коллеги.

Вместе с составителем тома Н.И.Шубниковой-Гусевой над отдельными разделами тома работали:

— Ю.Б.Юшкин — участие в составлении раздела «Август 1923 — май 1924»;

— М.В.Скороходов — мемуарная литература;

— Л.Г.Голубева, Н.М.Солобай, С.И.Субботин — отечественная и эмигрантская периодика.

Большую помощь составителям оказали:

— госпожа Татиэ Миямото (Токио, Япония), любезно предоставившая для описания и использования в Приложении наст. тома экземпляр антологии Кэйси Осэ «Роно Росия сисю» из своего собрания;

— В.Э.Молодяков (Токио, Япония), подробно описавший это издание и выполнивший перевод фрагментов предисловия Кэйсэ Осэ к нему;

— Стефано Панкальди (Болонья, Италия), благодаря которому был получен текст книги Этторе Ло Гатто, и С.С.Субботина, сделавшая перевод материалов на итальянском языке;

— Гордон Маквей (Бристоль, Англия), приславший ряд материалов, связанных с биографией Есенина, в т. ч. выдержки из адресованных ему писем современников поэта, а также фотографии и фотокопии вырезок из иностранных газет;

— Мишель Никё (Кан, Франция), ознакомивший с труднодоступными для российских исследователей материалами о Есенине на французском и немецком языках и оказавший деятельную помощь как в дальнейшем их поиске, так и в переводе их на русский язык;

— Ежи Шокальский (Варшава, Польша), оказавший помощь в переводе публикаций в периодике Польши на русский язык;

— А.Г.Машкова (Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова), а также Гедвига Кубишова (Банска Быстрица, Словакия) и Милош Генкрих (Брно, Словакия), предоставившие электронные копии публикаций произведений Есенина и литературы о нем на чешском языке;

— Камен Михайлов, осуществляющий поиск материалов на болгарском языке;

— А.В.Амелина, оказавшая помощь в переводе материалов на чешском языке;

— Л.Г.Григорьева, ознакомившая с рукописью своей книги «Статьи о Есенине и переводы его произведений на иностранные языки»;

— Н.Г.Юсов, дополнивший материалы тома редкими публикациями и обогативший Приложение воспроизведением обложек ряда редких изданий;

— В.П.Тарутин, разыскавший для тома некоторые не доступные ранее архивные и печатные источники;

— Т.К.Савченко, принимавшая активное участие в обсуждении материалов тома и державшая одну из его корректур;

— С.А.Сергина, составившая указатели и работавшая в архивах;

— Н.В.Михаленко, принимавшая участие в подготовке архивных материалов к печати.

Предварительную работу по настоящему тому начинал С.П.Кошечкин. Ряд ценных материалов предоставлен В.И.Панкратовой, О.Л.Аникиной, Н.Н.Бердяновой (Константиново).

Приложение составили Н.И.Шубникова-Гусева, М.В.Скороходов, Н.М.Солобай, С.И.Субботин при участии Н.Г.Юсова, Ю.Б.Юшкина.

Коллектив составителей весьма признателен всем, кто способствовал подготовке и выходу настоящего тома. С особой благодарностью необходимо отметить неизменный интерес к Летописи жизни и творчества С.А.Есенина и помощь в работе над ней со стороны сотрудников Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН во главе с членом-корреспондентом РАН Н.В.Корниенко. Составители выражают благодарность хранителям есенинских материалов: Н.В.Есениной и С.П.Есениной; бывшему директору ГМЗЕ Е.Н.Астаховой; сотрудникам: ГМЗЕ — О.Л.Аникиной, К.П.Воронцову, А.В.Девятайкиной, Т.Я.Зотовой, В.И.Панкратовой; РО ИМЛИ — М.А.Айвазяну, А.А.Кутейниковой, В.Ф.Капице; РО ИРЛИ — Т.А.Кукушкиной, Т.В.Мисникевич, М.М.Павловой, Т.С.Царьковой; ГЛМ — М.С.Гомозковой, А.Я Невскому, Е.М. Варенцовой; работникам других государственных архивов (РГАЛИ, РГБ, ГАРФ), а также О.Е.Вороновой, З.М.Дикун (Рязань), Л.Ф.Карохину, Б.Я.Фрезинскому, Р.П.Хрулевой (Санкт-Петербург), Н.Н.Бердяновой, Н.А.Богомолову, В.А.Дроздкову, Н.В.Котрелеву, Е.Ю.Литвин, З.В.Москвиной, Л.М.Турчинскому, А.А.Федюхину (Москва) и др., оказавшим разнообразную помощь в работе.

ЛЕТОПИСЬ

1509708-Б

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА им.ГОРЬКОГО

1923

Август, 3. Газета «Правда» (№ 173) публикует анонимную заметку «Возвращение Айседоры Дункан», в которой идет речь о Есенине:

«Айседора Дункан, задержавшаяся на один день в Риге, ожидается в Москву сегодня, в пятницу, 3 августа. Вместе с А.Дункан приезжает поэт С.Есенин. Ирма Дункан с детьми школы проводит лето на отдыхе в подмосковном имении "Литвиново"».

См. также запоздалую информацию об этом событии: журн. «Жизнь искусства», 1923, 21 авг., № 33.

Есенин вместе с А.Дункан поездом Рига – Себеж – Москва прибывает по Московско-Белорусско-Балтийской дороге на Виндавский (ныне Рижский) вокзал Москвы.

Событие и его дата устанавливаются с учетом предыд. записи и даты счета в кафе «Стойло Пегаса», которое поэт посетит в этот же день (см.: 3 авг. 1923, четвертая запись).

Есенин, VII (2), 511.

Дата, принимаемая ранее на основании воспоминаний И.Дункан, — 5 авг. 1923 (Маквей-2004, 464), — не подтверждается.

Маршрут поезда выявлен В.П.Тарутиным в результате анализа «Официального указателя железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Летнее движение 1923 г. Вып. 2. С мая 1923».

Материалы о прибытии Есенина в периодике не обнаружены.

Из автобиографии поэта (1923):

«Доволен больше всего тем, что вернулся в Советскую Россию».

Есенин, VII (1), 13.

Из очерка «Железный Миргород»:

«... я вернулся не тем. Много дано мне, но и много отнято. Перевешивает то, что дано.

Я объездил все государства Европы и почти все штаты Северной Америки. Зрение мое переломилось особенно после Америки».

Есенин, V, 161.

Позже И.И.Шнейдер вспомнит:

«Когда белые фартуки носильщиков рассыпались вдоль перрона цепочкой белых пятнышек, встречающие, как по команде, двинулись по платформе: поезд подходил к перрону.

Мы сразу увидели их. Есенин и Дункан, веселые, улыбающиеся, стояли в тамбуре вагона. Спустившись со ступенек на платформу, Айседора, мягко взяв Есенина за запястье, привлекла к себе и, наклонившись ко мне, серьезно сказала по-немецки: "Вот я привезла этого ребенка на его Родину, но у меня нет более ничего общего с ним..."»

Восп., 2, 44.

См. также след. запись.

С вокзала Есенин и А.Дункан отправляются по адресу: Пречистенка, 20, где помещается Школа Дункан.

Есенин посещает кафе «Стойло Пегаса», и на его имя выписывается счет.

Есенин, VII (2), 179.

Дата события определяется по сводному «Счету С.А.Есенина», где обозначены суммы, истраченные Есениным и его знакомыми в кафе «Стойло Пегаса» с 3 авг. по 10 нояб. 1923. Счет имеет графы: «Месяц», «Число», «На какую сумму и по какому счету получено», «Сумма», «Курс червонца», «Сумма в черв. р.».

Документ свидетельствует о том, что из 100 дней авг. — нояб. 1923 г. на имя Есенина в «Стойле Пегаса» не выписывались счета лишь за 18 дней: 4–6, 15 и 17 авг. 1923; 11, 12, 16 и 17 сент. 1923; 14–17, 20 и 22 окт.; 4, 6, 7 нояб. 1923.

Судя но этим счетам, Есенин как совладелец «Стойла Пегаса» не только пользовался 20%-ной скидкой на питание в кафе, но также брал из кассы кафе деньги.

Еще 21 счет в окт.–нояб. 1923 г. подписан Г. А. Бениславской, так как тогда, по ее словам, «было условлено, что деньги Е<сенина> будут выдавать только» ей, «а не ему» (Материалы, 57).

12 счетов на имя Есенина остались неподписанными. Остальные выписаны другим людям (Н.А. Клюеву, Е.А. Есениной, Г.А. Бениславской и др.), но имеют помету официанта: «На счет Есенина».

Есенин, VII (2), 179, 509–513 (с уточнениями).

См. также: 7–14, 16, 18–31 авг. 1923; 1–3, 5–9, 13, 15, 18–21, 23, 25–29 сент. 1923; 4, 14, 22, 24, 30 сент. 1923; 1–4, 6–11, 13, 18, 21, 23–25, 27–30 окт. 1923; 5, 12, 19 и 31 окт. 1923; 1–3 и 8–10 нояб. 1923; 5, 14, 15, 18, 21–23 нояб. 1923; после 10 нояб. 1923.

Об одном из таких посещений Есениным «Стойла Пегаса» вскоре после его возвращения в Россию вспомнит Р.Ивнев:

«...однажды, в начале августа 1923 года, когда я находился в "Стойле Пегаса" и только что собирался заказать себе обед, с шумом распахнулась дверь кафе и появился Есенин. В первую минуту я заметил только его. Он подбежал ко мне, мы кинулись в объятия друг к другу. Как бывает всегда, когда происходят неожиданные встречи друзей, хочется сказать много, но, в сущности, ничего не говоришь, а только улыбаешься, смотришь друг другу в глаза, потом начинаешь ронять первые попавшиеся слова, иногда не имеющие никакого отношения к данному моменту. Так было и на этот раз. Я не успел еще прийти в себя, как Есенин, показывая на стройную даму, одетую с необыкновенным изяществом, говорит мне:

— Познакомься. Это моя жена, Айседора Дункан.

А ей он сказал:

— Это Рюрик Ивнев. Ты знаешь его по моим рассказам.

Айседора ласково посмотрела на меня и, протягивая руку, сказала на ломаном русском языке:

— Я много слышал и очень рада... знакомить...

Вслед за Дункан Есенин познакомил меня с ее приемной дочерью Ирмой и мужем дочери — Шнейдером.

Я всмотрелся в Есенина. Он как будто такой же, совсем не изменившийся, будто мы и не расставались с ним надолго. Те же глаза с одному ему свойственными искорками добродушного лукавства. Та же обаятельная улыбка, но проглядывает, пока еще неясно, что-то новое, какая-то небывалая у него прежде наигранность, какое-то еле уловимое любование своим "европейским блеском", безукоризненным костюмом, шляпой. Он незаметно для самого себя теребил свои тонкие лайковые перчатки, перекладывая трость с костяным набалдашником из одной руки в другую.

Публика, находившаяся в кафе, узнав Есенина, начала с любопытством наблюдать за ним. Это не могло ускользнуть от Есенина. Играя перчатками, как мячиком, он говорил мне:

— Ты еще не обедал? Поедем обедать? Где хорошо кормят? В какой ресторан надо ехать?

— Сережа, пообедаем здесь, в "Стойле". Зачем куда-то ехать?

Есенин морщится:

— Нет, здесь дадут какую-нибудь гадость. Куда же поедем? — обращается он к Шнейдеру.

Кто-то из присутствующих вмешивается в разговор:

— Говорят, что самый лучший ресторан — это "Эрмитаж".

— Да, да, "Эрмитаж", конечно, "Эрмитаж", — отвечает Есенин, как будто вспомнив что-то из далекого прошлого.

Айседора Дункан улыбается, ожидая решения».

Восп., 1, 338, 340.

Август, 3 или **4.** Есенин отправляет телеграмму и деньги А.Б. Мариенгофу, находящемуся на отдыхе на Черноморском побережье в Аркадии (близ Одессы).

Событие устанавливается и датируется по воспоминаниям А.Б. Мариенгофа и с учетом того, что 11 авг. 1923 (см.) они встретятся в «Стойле Пегаса».

Из «Романа без вранья» А.Б. Мариенгофа (1927):

«На лето <1923 г.> уехали с Никритиной к Черному морю пожариться на солнышке. В августе деньги кончились <...>

Вдруг: телеграфный перевод на сто рублей. И сразу вся кислятина из души выпарилась. Решили даже еще недельку поболакаться в море.

За обедом ломали голову: от кого бы такая благодать?

А вечером почтальон вручил нам догадку. Телеграмма: "Приехал Приезжай Есенин".

Ошалел, заскакал и захлопал в ладоши.

Из желтого кожаного несессера, заменяющего колыбель, бросил в меня стыдящий взгляд шестинедельный Кирилл <сын А.Б.Мариенгофа и А.Б.Никритиной>: "Такой, мол, дядя здоровый и козлом прыгаешь!"

Усовестясь, я помахал пальцем перед его розовенькой горошинкой с двумя дырочками:

— Ну, брат Кирилл, в Москву едем... Из невозможных Америк друг мой единственный вернулся... Понимаешь? <...>

Наутро Кирилл сменил квартиру – кожаный несессер на деревянное корытце — и в скором поезде поехал в Москву».

Мой век, 403–404.

Г.А.Бениславская пишет С.П.Покровскому:

«Доброе утро! А С<ергей> Е<сенин> приехал-то! Наконец. Узел безнадежно запутывается».

На обороте записки указан адресат:

«С<ергей> П<окровский>, а не С<ергей> Е<сенин> (хоть он и приехал)"».

Шубникова-Гусева-2008, 147.

С.П.Покровский — сотрудник газеты «Беднота», которого в 1923 г. связывали с Г.А.Бениславской близкие отношения.

Август, 3 или **4** (?) или **Август, 7 — Осень.** Есенин навещает своих детей — Татьяну и Константина.

События устанавливаются по воспоминаниям Т.С.Есениной с учетом времени нахождения Есенина в Москве.

Из воспоминаний детей:

— дочери поэта:

«Первые его появления запомнились совершенно без слов, как в немом кино.

Мне было пять лет. Я находилась в своем естественно-прыгающем состоянии, когда кто-то из домашних схватил меня. Меня сначала поднесли к окну и показали на человека в сером, идущего по двору. Потом молниеносно переодели в парадное платье. Уже одно это означало, что матери не было дома — она не стала бы меня переодевать.

Помню изумление, с каким наша кухарка Марья Афанасьевна смотрела на вошедшего. <...>

Есенин только что вернулся из Америки. Все у него с головы до ног было в полном порядке. <...>

Глаза одновременно и веселые и грустные. Он рассматривал меня, кого-то при этом слушая, не улыбался. Но мне было хорошо и от того, как он на меня смотрел, и от того, как он выглядел».

Восп., 2, 269–270;

«Новинский был оживленным местом — неподалеку шумел Смоленский рынок с огромной барахолкой <...>

На бульваре мы нежданно-негаданно познакомились со своим сводным братом — Юрой Есениным. Он был старше меня на четыре года. Его как-то тоже привели на бульвар <...>. Мать его, Анна Романовна Изряднова, разговорилась на лавочке с нянькой, узнала, "чьи дети", и ахнула: "Брат сестру повез!" Она тут же пожелала познакомиться с нашей матерью. С тех пор Юра стал бывать у нас, а мы — у него. <...>

Есенин не забывал своего первенца, иногда приходил к нему. С осени 1923 года он стал навещать и нас.

Зрительно я помню отца довольно отчетливо. <...>

С приходом Есенина у взрослых менялись лица. Кому-то становилось не по себе, кто-то умирал от любопытства. Детям всё это передается.

Когда он пришел в другой раз, его не увидели из окна. Дома была и на звонок пошла открывать Зинаида Николаевна.

Прошли уже годы с тех пор, как они расстались, но им доводилось иногда встречаться. В последний раз они виделись перед отъездом отца за границу, и эта встреча была спокойной и мирной.

Но сейчас поэт был на грани болезни. Зинаида Николаевна встретила его гостеприимной улыбкой, оживленная, вся погруженная в настоящий день. В эти месяцы она репетировала свою первую роль.

Он резко свернул из передней в комнату Анны Ивановны, своей бывшей тещи.

Я видела эту сцену.

Кто-то зашел к бабушке и вышел оттуда, сказав, что "оба плачут". Мать увела меня в детскую и сама куда-то ушла. В детской кто-то был, но молчал. Мне оставалось только зареветь, и я разревелась отчаянно, во весь голос.

Отец ушел незаметно.

<...> возникает другая сцена, вызывающая совершенно другое настроение. На тахте сидят трое. Слева курит папиросу Всеволод Эмильевич, посередине облокотилась на подушки мать, справа сидит отец, поджав одну ногу, опустив глаза, с характерным для него взглядом не вниз, а вкось. Они говорят о чем-то таком, что я уже отчаялась понимать».

Восп., 2, 268–270;

— сына поэта:

«Солнечный день, мы с сестрой Таней самозабвенно бегаем по зеленому двору нашего дома. <...>

Вдруг во дворе появились нарядные, "по-заграничному" одетые мужчина и женщина. Мужчина — светловолосый, в сером костюме. Это был Есенин. С кем? Не знаю. Нас с сестрой повели наверх, в квартиру. Еще бы: первое, после долгого перерыва свидание с отцом! Но для нас это был, однако, незнакомый "дяденька". И только подталкивания разных соседок, нянь, наших и чужих, как-то зафиксировали внимание — "папа". Самое же слово было еще почти непонятно. В роли "папы" выступал досель Всеволод Эмильевич Мейерхольд, хотя воспитывали нас смело, тайн рождения не скрывали, и мы знали, что Мейерхольд — "папа второй", ненастоящий, а "первый папа" был для нас незримой личностью, имя его изредка произносилось взрослыми в разговорах.

Есенин сел с нами за прямоугольный детский столик, говорил он, обращаясь по большей части к Тане. После первых слов, что давно забыты, он начал расспрашивать о том, в какие игры играем, что за книжки читаем. Увидев на столе какие-то детские тоненькие книжицы, почти всерьез рассердился.

— А мои стихи читаете?

Помню общую нашу с сестрой растерянность. И наставительное замечание отца:

— Вы должны читать и знать мои стихи...»

Восп., 2, 275.

К.С.Есенин вспомнит также:

«Четко осталась перед мысленным взором сцена, когда в нашей столовой между отцом и матерью происходил энергичный деловой разговор. Он шел в резких тонах. Содержания его я, конечно, не помню, но обстановка была очень характерная: Есенин стоял у стены, в пальто, с шапкой в руках. Говорить ему приходилось мало. Мать в чем-то его обвиняла, он защищался. Мейерхольда не было. Думаю, что по инициативе матери. Несколько лет спустя, прочитав строки:

Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне, —

я наивно спросил маму: "А что, это о том случае написано?" Мать улыбнулась. Вероятнее всего, характер разговора, его тональность были уже как-то традиционны при столкновении двух таких резких натур, какими были мои отец и мать».

Восп., 2, 275, 276.

См. также: Скороходов М. К истории отношений С.А. Есенина с детьми — Татьяной и Константином. — Сб. «Мир Есенина», Ташкент, 2008, вып. 8, с. 5–10.

Август, 4. Есенин с А.Дункан, И.Дункан и И.И.Шнейдером выезжают в подмосковное Литвиново, где отдыхают дети Школы Дункан.

Это событие (а также события 5–6 авг. 1923) устанавливается по воспоминаниям И.Шнейдера (см. ниже), а их даты определяются на основе сводного счета, где за 4–6 авг. 1923 не значится счетов, выписанных на имя Есенина (Есенин, VII (2), 179). Скорее всего, отъезд состоялся во второй половине дня, так как Есенин и его спутники приехали в Литвиново, когда было темно (см. письмо Е.Н.Федоровской к матери. — Маквей-2004, 370).

И.И.Шнейдер вспомнит:

«Школа отдыхала в Литвинове. Решено было ехать туда.

Раздобыли открытую легковую машину, и обе Дункан, Есенин и я отправились в Литвиново.

По дороге нам попалось коровье стадо. Есенин, увидев стадо, вытянул шею:

— Коровы…

Потом, оглядываясь на нас, быстро заговорил:

— А вот если бы не было коров? Россия и без коров! Ну, нет! Без коровы нет деревни. А без деревни нельзя себе представить Россию».

Восп., 2, 44.

«После своего возвращения из-за границы *Айседора Дункан* <…> проехала в подмосковное имение "Литвиново", где Школа Дункан, во главе с Ирмой Дункан, проводила лето на отдыхе».

Журн. «Зрелища», М., 1923, № 8, 30 окт. – 4 нояб.

Автомобиль, на котором едут Есенин и его спутники, застревает в нескольких километрах от Литвинова.

«— Было уже темно, — рассказывает Айседора, — когда вблизи школьного имения с автомобилем случилась небольшая авария. Оставшийся короткий путь надо было сделать пешком, и для сокращения его мы пошли лесом».

Журн. «Зрелища», М., 1923, № 8, 30 окт. – 4 нояб.

И.И.Шнейдер вспомнит:

«Всё шло благополучно, пока мы мчались по шоссе вдоль железной дороги, но, свернув на Литвиново, машина то и дело стала останавливаться на проселке и, наконец, въехав уже в сумерках в лес, села дифером на горб колеи, а затем и совсем отказалась двигаться дальше. Стемнело окончательно. До Литвинова оставалось около трех километров, и я предложил идти пешком. Так и сделали. Идти в темноте было трудно».

Восп., 2, 44–45.

Ср. с воспоминаниями ученицы Школы Дункан Г.К.Хачатуровой:

«Мы ждали их до темноты, но их всё не было, и тогда, вооружившись факелами, мы все (ученики школы) пошли их встречать и увидели, что автомобиль застрял в грязи, образовавшейся после дождя».

Маквей-2004, 371.

Вечер. Есенин прибывает в Литвиново.

«— …Вскоре из-за деревьев, — рассказывает Айседора, — послышались звонкие голоса, хруст ветвей, топот бегущих ног и… через минуту я стояла, охваченная тесным кольцом детей. А еще через секунду, когда из этой волнующейся и *волнующей* маленькой толпы радостно вырвался и зазвенел "Интернационал", я с нарастающим изумлением всматривалась в эти детские лица, освещенные фонариками, которые некоторые из них держали в руках. Какие гордо поднятые головы, какие жизнерадостные лица, какая жизнь в глазах! Как прекрасны были эти маленькие люди, здоровые, загорелые, босые, стоящие в свободных позах — в их скрепленных на плечах красных туниках, простых, как русская рубашка.

Как разнилось это сильное и радостное выражение лиц русских детей от всего того, к чему я "привыкла" за этот год — в Америке и Европе. В этот момент мне еще сильнее захотелось дать такой же радостный дух, каким обладала эта горсточка, *всем* детям».

Журн. «Зрелища», М., 1923, № 8, 30 окт. – 4 нояб.

Ср. с воспоминаниями И.И.Шнейдера:

«Неожиданно далеко впереди забрезжили какие-то розовые отблески, резко обозначились черные стволы деревьев.

Это розовое сиянье быстро надвигалось на нас и вдруг прорезало лесную тьму языками пламени <…> Факелы приближались и, внезапно ринувшись прямо на нас, образовали огненный круг, шумевший, и кричавший, и осветивший радостные лица и сияющие глаза "дун-

канят" в их красных туниках и со смоляными факелами в руках. Они направились навстречу нам, обеспокоенные долгим отсутствием машины, везшей к ним их Айседору.

А она, как завороженная, смотрела расширившимися, счастливыми глазами на этих загорелых эльфов, окруживших ее в ночном лесу Подмосковья.

Как было хорошо идти всем вместе до Литвинова, войти в просторный дом, убранный пахучими березовыми лозами, сесть за стол, украшенный гирляндами полевых цветов, сплетенными детьми».

Восп., 2, 45.

Ученица Школы Дункан Е.Д.Белова позже вспомнит:

«Встреча с Айседорой и Есениным была на даче в "Литвиново" в 1923 году, они вернулись из-за границы. Директор объявил нам, что сегодня приезжают Айседора с Есениным. Мы стали готовиться, одели свои парадные платья — хитоны красные, бархатные, украсили дачу зеленью, цветами.

Они приехали к концу дня, когда уже смеркалось. Директор где-то достал факелы, и мы с факелами, с красным знаменем, где было написано "Свободный дух может быть в освобожденном теле", отправились туда, где застряла легковая машина, на которой ехали Дункан и Есенин из Москвы.

Дункан была одета в дорожно<е>, легко<е>, кожано<е>, темно-зеленого цвета пальто и такие же сапожки, на голове была одета велюровая, широкополая, черная шляпа. Есенин был так красив в светло-сером костюме, через руку был перекинут плащ, в руке трость. Светлые, как лен, волосы, синие глаза. Директор скомандовал взять Айседору на руки, мы подбежали, взяли на руки и пронесли какое-то небольшое расстояние».

Маквей-2004, 371.

Август, 4. Газета «Рижский курьер» (№ 764; рубрика «Библиография»; подпись: Л. К-ий) печатает рецензию Л.Ю. Пирагиса на книгу Вл. Пиотровского «Святогор-скит: Поэмы» (Берлин, 1923), в которой говорится о Есенине:

«Есенин — не хулиган Есенин, каким мы его знаем теперь, а скромный мальчик, начинающий поэт Есенин чаровал стихом, дышавшим сырым ароматом черноземной мощи России.

Есенин и Клюев — два имени, связавшиеся в нашем представлении с нутром России, — ее непроходимыми дебрями и тихими лесными заводями, где доживают свой век лешие и шишиги болотные и где тихая благодать креста борется в скитах с темной силой "врага".

Пиотровский — последователь этого начала в поэзии. Стих его близок к тайникам того живого русского слова, которое вместе с русской душой сотни лет обитало в скитах и "спасалось" по непролазным дебрям тайги».

Август, 5. Есенин и А.Дункан знакомятся с усадьбой, в которой размещается Школа Дункан.

Событие устанавливается по воспоминаниям И.И.Шнейдера и учениц Школы Дункан (см. ниже), а его время — по сопоставлению с предыдущими событиями (см.: 4 авг. 1923, первая и вторая записи; 4 авг. 1923, вечер).

В письме к Г.Маквею (20 сент. 1979) В.С.Сережникова отметит:

«... утром следующего дня, во время нашего завтрака в столовой, вошли Дункан, Есенин, Ирма и директор школы. Дункан была в красной длинной тунике и задрапирована тогой. <...>

За Дункан, легкой походкой, в светло-сером костюме, улыбающийся, следовал С.Есенин. Волосы пышные, очень светлые и необыкновенно синие глаза. Замыкали это шествие Ирма и директор. Все прошли на террасу, где весело шумел самовар».

Маквей-2004, 371.

И.И.Шнейдер вспомнит:

«Как хорошо было утром, когда мы не дали долго спать Айседоре и Есенину: потащили их в парк.

Взволнованно смотрела Айседора на танцующих детей, по-детски радовался их успехам Есенин, хлопая руками по коленкам и заливаясь удивленным смехом».

Восп., 2, 45.

Август, 5–6. Есенин и А.Дункан живут в Литвинове.

Границы события определяются временем отъезда и возвращения Есенина из поездки в Литвиново с учетом воспоминаний И.И.Шнейдера и дат посещения Есениным кафе «Стойло Пегаса» (см.: 3 авг. 1923, четвертая запись; 7–14, 16, 18–31 авг. 1923).

И.И.Шнейдер вспомнит:

«В Литвинове мы прожили несколько дней. Есенин и Дункан рассказывали о своей поездке. Иногда, вспоминая что-то, взглянув друг на друга, начинали безудержно хохотать.

Когда рассказывали о первом посещении берлинского Дома искусств в "Кафе Леон", Айседора вдруг, восторженно глядя на Есенина, воскликнула:

— Он коммунист!

Есенин усмехнулся:

— Даже больше...

— Что? — переспросил я.

— В Берлине, в автобиографии написал, что я гораздо левее коммунистов... Эк хватил. А вступлю обязательно!

Каждый день Есенин с удовольствием присутствовал на уроке танца, который Ирма устраивала на зеленой лужайке возле дома. Иногда уходили далеко гулять, возвращались голодные, как волки».

Восп., 2, 45.

К.Г.Хачатурова отметит:

«Дети жили в большом помещичьем доме, а в стороне стоял небольшой двухэтажный домик, где жило "начальство": Илья Ильич с Ирмой, Есенин с Дункан и мои родители».

Маквей-2004, 464.

Есенин читает свои стихи.

Событие фиксируется по воспоминаниям учениц Школы Дункан:

— Е.Д.Беловой:

«Сергей Есенин часто читал нам свои стихи, мы так любили слушать...»;

«... помню, читал он очень громко, с надрывом, темпераментно»;

— К.Г.Хачатуровой:

«Есенин читал свои стихи <...> Помню его фигуру со спины с поднятой рукой. Гуляя, дети останавливались и слушали его. Мы чувствовали, что перед нами стоит не простой человек...»

Маквей-2004, 371, 372.

Август, 6. Петроградская газета «Последние новости» (№ 3) публикует материал А. Тинякова «Памяти А.А. Блока (Отрывки из воспоминаний)», в котором упоминается Есенин.

Август, 7. Есенин вместе с А.Дункан и И.И.Шнейдером возвращается из Литвинова в Москву.

Событие и его дата устанавливаются по воспоминаниям И.И.Шнейдера и с учетом того, что 7 авг. 1923 на имя Есенина будет выписан счет в «Стойле Пегаса» (см.: 7–14, 16, 18–31 авг. 1923).

Мемуарист отметит:

«Начались дожди. На дорожках вытянулись, затопив все вокруг, огромные лужи: настроение сразу упало. Иногда казалось, сейчас посветлеет, вырвется из туч золотой шар и зажжет на деревьях зеленые искры, но дождь затянул косой сеткой парк, белые развалины барского дома, серые сараи и намокшие, потемневшие крыши деревенских изб. Через три дня <см.: 4 авг. 1923, вечер; 5–6 авг. 1923> мы с зонтами молча усаживались в раздобытые экипажи, чтобы ехать на станцию <"Нара">.

Но в сухом, светлом и теплом вагоне все снова ожили и проговорили до самой Москвы. Радостные, оживленные, вернулись Дункан и Есенин на Пречистенку».

Восп., 2, 45–46.

Август, 7–14. Есенин и А.Дункан живут на Пречистенке, 20.

Рамки события определяются временем возвращения Есенина и А.Дункан из Литвинова (см. предыд. запись) и датой их размолвки (см.: около 10 авг. 1923) с учетом дня отъезда А.Дункан в Кисловодск (см.: 14 авг. 1923, вторая запись).

Р.Ивнев позже напишет:

«...я посетил Есенина и Дункан в их особняке на Пречистенке. <...>

Айседора и Есенин занимали две большие комнаты во втором этаже.

Образ Айседоры Дункан навсегда останется в моей памяти как бы раздвоенным. Один — образ танцовщицы, ослепительного видения, которое не может не поразить воображения, другой — образ обаятельной женщины, умной, внимательной, чуткой, от которой веет уютом домашнего очага.

Это было первое впечатление от первых встреч, от разговоров простых, задушевных (мы обыкновенно говорили с ней по-французски, так как английским я не владел, а по-русски Айседора говорила плохо) в те времена, когда не было гостей и мы сидели за чашкой чая втроем — Есенин, Айседора и я. Чуткость Айседоры была изумительной. Она могла улавливать безошибочно все оттенки настроения собеседника, и не только мимолетные, но и всё или почти всё, что таилось в душе... Это хорошо понимал Есенин, он в ту пору не раз во время общего разговора хитро подмигивал мне и шептал, указывая глазами на Айседору:

— Она всё понимает, всё, ее не проведешь.

Дункан никогда не говорила мне в глаза, но Мариенгоф и некоторые другие передавали, что больше всех и глубже всех любит "ее Есенина" Риурик — так она произносила мое имя. Не знаю, чем я заслужил такое трогательное внимание ко мне».

Восп., 1, 341–342.

Ср. также с воспоминаниями Л.И.Повицкого:

«Я вернулся в Москву к моменту приезда Есенина и Дункан из-за границы и отправился к нему на свидание в отведенный Дункан особняк на Пречистенке. Я его застал среди вороха дорожных принадлежностей, чемоданов, шелкового белья и одежды.

Мы обнялись, и он крикнул Дункан. Она вышла из соседней комнаты в каком-то широчайшем пестром пеньюаре. Он меня представил ей:

— Это мой друг Повицкий. Его брат делает Bier! Он директор самого большого в России пивоваренного завода.

Я с трудом удержался от смеха: вот так рекомендация. Позднее я понял смысл этих слов. Для Дункан человек, причастный к производству алкоголя, представлял, по мнению Есенина, огромный интерес. И он, по-видимому, не ошибался. Она весело потрясла мне руку и сказала:

— Bier очень хорошо!

Вид этой высокой, полной, перезрелой, с красным грубоватым лицом женщины, вид бывшего барского особняка — всё вызывало у меня глухое раздражение. Как это всё непохоже на обычную есенинскую простоту и скромность...

Когда она ушла, я зло проговорил:

— Недурно ты устроился, Сергей Александрович...

Он изменился в лице. Глаза потемнели, брови сдвинулись, и он глухо произнес:

— Завтра уезжаю отсюда.

— Куда уезжаешь? — не понял я.

— К себе на Богословский.

— А Дункан?

— Она мне больше не нужна».

Восп., 2, 242.

Август, 7 и после 7. Есенин встречается с И.В.Грузиновым.

Событие устанавливается по воспоминаниям И.В.Грузинова, а его нижняя граница — по дате возвращения Есенина из Литвинова в Москву (см.: 7 авг. 1923).

И.В.Грузинов позже вспомнит:

«Прошло два или три дня после возвращения Есенина на родину. В эти дни я почти не расставался с ним».

Восп., 1, 372.

Есенин с А. и И.Дункан, И.И.Шнейдером и Р.Ивневым едут в ресторан «Эрмитаж».

Из воспоминаний Р.Ивнева:

«Наконец все решили, что надо ехать в "Эрмитаж". Теперь встает вопрос, как ехать.

— Ну конечно, на извозчиках.

Начинается подсчет, сколько надо извозчиков.

— Я еду с Рюриком, — объявляет Есенин. — Айседора, ты поедешь...

Тут он умолкает, предоставляя ей выбрать себе попутчика. В результате кто-то бежит за извозчиками, и через несколько минут у дверей кафе появляются три экипажа. В первый экипаж садятся Айседора с Ирмой, во второй Шнейдер с кем-то еще. В третий Есенин и я.

По дороге в "Эрмитаж" разговор у нас состоял из отрывочных фраз, но некоторые из них мне запомнились. Почему-то вдруг мы заговорили о воротничках.

Есенин:

— Воротнички? Ну кто же их отдает в стирку! Их выбрасывают и покупают новые.

Затем Есенин заговорил почему-то о том, что его кто-то упрекнул (очевидно, только что, по приезде в Москву) за то, что он, будучи за границей, забыл о своих родных и друзьях. Это очень расстроило его.

— Всё это выдумки — я всех помнил, посылал всем письма, домой посылал доллары. Мариенгофу тоже посылал доллары.

После паузы добавил:

— И тебе посылал, ты получил?

Я, хотя и ничего не получал, ответил:

— Да, получил.

Есенин посмотрел на меня как-то растерянно, но через несколько секунд забыл об этом и перевел разговор на другую тему.

По приезде в "Эрмитаж" начались иные волнения.

Надо решить вопрос: в зале или на веранде? Есенин долго не мог решить, где лучше. Наконец выбрали веранду. Почти все столики были свободны. Нас окружили официанты. Они не знали, на какой столик падет наш выбор.

<...> Я чувствовал, что передо мной прежний, "питерский" Есенин.

Во время обеда, длившегося довольно долго, я невольно заметил, что у Есенина иногда прорывались резкие ноты в голосе, когда он говорил с Айседорой Дункан. Я почувствовал, что в их отношениях назревает перелом».

Восп., 1, 338, 340–341.

Август, 7 ... 12. Встретившись с А.Ширяевцем, Есенин делится с ним идеей издания альманаха крестьянских писателей «Россияне».

Событие и его рамки устанавливаются с учетом даты возвращения Есенина из Литвинова (см.: 7 авг. 1923) и письма А.Ширяевца к С.Д.Фомину (см.: 13 авг. 1923, вторая запись). Современники отмечают, что мысль об издании журнала возникла у Есенина сразу же после его возвращения из-за границы.

Название «Россияне» зафиксировано в авторских материалах, относящихся к книге «Москва кабацкая»:

«Готовится к печати: Есенин. <...> Россияне, сборник <далее зачеркнуто: при участии Есенина, Клюева, Ганина и других> <...>».

Есенин, V, 541.

Г.А.Бениславская в 1926 г. отметит:

«... многие помнят, как он носился с идеей организовать журнал...».

Материалы, 42.

См. также: 15 или после 15 авг. 1923, вторая запись; 21 авг. 1923, вторая и четвертая записи; начало окт. 1923; до 23 окт. 1923; 13–31 дек. 1923, четвертая запись; 14 февр. – 9 марта 1924, вторая запись; 7 апр. 1924, третья и четвертая записи; 11 апр. 1924, первая запись; 6 июня 1924, третья запись; до 24 авг. 1924.

Август, 7 ... 22. Есенин знакомится с молодым поэтом Иваном Приблудным.

Рамки события устанавливаются ориентировочно с учетом того, что уже после 22 авг. 1923 г. И.Приблудный постоянно общается с поэтом, бывает с ним у Г.А.Бениславской, выполняет различные поручения Есенина и столуется за его счет в кафе «Стойло Пегаса» (см.: 30 авг. 1923, первая запись).

Будучи на 10 лет младше Есенина, И.Приблудный называл себя его учеником и «младшим братом», а дружбу с ним — «необычайным романом». О первых неделях своего общения с Есениным И.Приблудный напишет Г.А.Бениславской 28 окт. 1923:

«Я его любил, как может любить человек гонимый и никогда никого не любивший. Я иногда просто холодел, замечая, как много, до жути много в нас общего с ним <...> в первые недели нашего необычайного романа я готов был за него с кем угодно драться...»

Шубникова-Гусева-2008, 306–307.

Обещает помочь начинающему поэту в издании книги.

Событие устанавливается по письму И.Приблудного к Г.А.Бениславской (28 окт. 1923):

«Всё дальше и дальше уже перестаю верить его <Есенина> обещанию издать мою книгу, всё дальше и дальше я вижу, как слаб мой [б<ывший>] Сережа, <...> для меня всего больнее — я перестал верить, что ОН <С. Е.> вообще *считает меня талантливым*».

Шубникова-Гусева-2008, 307. Курсив автора письма.

См. также: до 28 окт. 1923; 28 окт. 1923.

Макет первого сборника И.Приблудного «Гость из Украины. Стихи. 1923, январь-июль», подготовленного еще до знакомства с Есениным, хранится в ИМЛИ. Сборнику предпослан эпиграф из стихотворения Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...»: «Всё пройдет, как с белых яблонь дым. / Увяданья золотом охваченный, / Я не буду больше молодым» (см. также: 8 февр. 1923, третья запись). Открывается он программным стихотворением, созвучным творческому духу крестьянских поэтов:

Вам, в железо, в гранит закованным,
Заколоченным в пыль, в снега,
Расскажу о краях диковинных,
О шуршащих весной лугах.

К вам пришел я из лунной родины,
От курганов, озер и рощ,
Где сады стелят пух смородиной,
Где поля — синий мох и рожь...

Сборник не был издан. Первая книга стихов И.Приблудного «Тополь на камне» (1926) выйдет уже после смерти Есенина.

Подробнее об И.Приблудном см. книги О.Бишарева «Тайна Сергея Есенина» (М., 1993, с. 88–106) и «Младший брат Есенина» (М., 1995); статью Т.К.Савченко «Поэтические уроки Есенина в творчестве Ивана Приблудного» («Сергей Есенин и литературный процесс: традиции, творческие связи. Сб. науч. тр.», Рязань, 2006, с. 18–32); Шубникова-Гусева-2008, 305–310.

Август, 7–14, 16, 18–31. На имя Есенина выписываются счета в кафе «Стойло Пегаса».

Есенин, VII (2), 179.

См. также: 3 авг. 1923, четвертая запись; 1–3, 5–9, 13, 15, 18–21, 23, 25–29 сент. 1923; 4, 14, 22, 24, 30 сент. 1923; 1–4, 6–11, 13, 18, 21, 23–25, 27–30 окт. 1923; 5, 12, 19 и 31 окт. 1923; 1–3 и 8–10 нояб. 1923; 5, 14, 15, 18, 21–23 нояб. 1923; после 10 нояб. 1923.

Август, 7 ... 14 или **Октябрь, после 18.** Есенин посещает артистическое кабаре «Эксцентрион» (Тверской бульвар, 23).

Событие фиксируется по воспоминаниям Л.В.Никулина, а его время определяется по содержанию с учетом того, что с 14 авг. по 18 окт. 1923 г. А.Дункан находилась на гастролях.

Л.В.Никулин вспомнит:

«Я встречал Есенина довольно часто в Клубе поэтов на Тверской улице, <...> в Книжной лавке поэтов, в проезде Художественного театра. <...> Он только что возвратился из поездки в Америку. Близость его к Айседоре Дункан, американская поездка создали нездоровую сенсацию вокруг поэта. В ту пору при Московском Камерном театре Таиров создал нечто вроде мюзик-холла — артистическое кабаре под названием "Эксцентрион". Здесь собирались актеры, художники, литераторы, новинкой был вывезенный из-за границы танец "шимми", и мы увидели грузную, в открытом голубовато-зеленом платье, немолодую женщину — Айседору Дункан, танцующую в паре с Таировым. Далеко за полночь пришел Есенин, он почему-то был во фраке, очевидно для того, чтобы поразить нас, но эта одежда воспринималась именно как маскарадный костюм; мне помнится, он всячески старался показать свое пренебрежение к этой парадной одежде. Озорно, по-мальчишески, он вытирал фалдами фрака пролитое вино на столе, и, когда теперь, перечитывая Есенина, я нахожу строки:

К черту я снимаю свой костюм английский.
Что же, дайте косу, я вам покажу —
Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу? —

я вспоминаю ту давно минувшую ночь и Есенина в одежде, которая на этот раз ему совсем не шла и была одета ради озорства».

Восп., 1, 308.

Август, 7 ... Сентябрь (?). Есенин пишет записку П.Н.Зайцеву: «Заходил. Хочу говорить о стихах для "Недр"».

Есенин, VI, 159.

П.Н.Зайцев вспомнит:

«Вскоре после возвращения из-за границы Есенин зашел в редакцию "Недр", где я работал тогда, но меня не застал. Я нашел на столе у себя в редакции клочок бумаги, на котором было нацарапано <далее следует текст записки> <...>.

Редактор "Недр" отнесся к предложению Есенина холодно. По его мнению, поэт не подходил по общему строю и направленности для "Недр", и вопрос о печатании его стихов в "Недрах" и об издании его книги не был включен в порядок дня. Сам он в редакцию к нам больше не заходил: ждал, что мы придем к нему — с ответом и приглашением».

Есенин, VI, 572–573.

Есенин видится с Р.Ивневым.

Р.Ивнев вспомнит:

«С Есенина начала постепенно сползать искусственная позолота Запада, проявлявшаяся в какой-то странной манере держать себя, словно он так долго путешествовал по дальним странам, что отвык от родных мест и едва их узнавал (первое время он даже говорил с нарочитым акцентом). Он становился снова прежним Есениным времен 1915–1920 годов. Но всё же в нем чувствовалась какая-то надломленность.

Встречи наши с Есениным продолжались, как будто в жизни его не произошло никаких перемен. А перемены всё же были. Хотя он стал "прежним Есениным", но в нем не было прежней есенинской простоты и непосредственности. Он иногда задумывался, иногда смотрел рассеянно, потом как бы стряхивал с себя что-то ему чуждое и опять становился самим собой, улыбался и балагурил».

Восп., 1, 344–345.

Август, 7 ... Декабрь. Есенин пишет на отдельном листке из альбома:

«Е.Соколу с любовью и верой.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в Бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.
С. Есенин».

Есенин, VII (1), 221, 476.

Приведены строки 5–8 стихотворения Есенина «Мне осталась одна забава...». На листке — помета Е.Сокола:

«1923 г. Стойло Пегаса».

См. также: 28 сент. 1920; Летопись, 3 (1), 240.

Август, 7 — Декабрь. Есенин делает надписи Е.Г.Соколу:
— на книге «Ключи Марии» (М.: МТАХС, 1920):
«Сокол милый, люблю Русь, прости, но в этом я шовинист С. Е.».

Есенин, VII (1), 224;

— на книге «Радуница» (?):

«Тех кто ругает / Всыпь им. / Милый Сокол, / Давай навеки / За Русь / Выпьем».

Есенин, VII (1), 225;

— на принадлежащем адресату словаре рифм:

«Я и сам когда-то, Сокол,
Лоб над рифмами раскокал.
Нет алмазов среди стекол.
Не ищи вокруг да окол.
С. Есенин».

Есенин, VII (2), 15, 37.

Август, после 7 (?). У Есенина возникает замысел подготовки своего собрания сочинений.

Есенин, I, 392.

Есенин вносит правку в тексты стихотворений «Сыпь, гармоника! Скука... Скука...», «Пой же, пой. На проклятой гитаре...».

Сохранились вырезки из гранок Ст. ск. с авторскими пометами — ИМЛИ; на гранке первого из стихотворений — сверху надпись неустановленной рукой: «Запрещено цензурой» и вписанное автором посвящение «А.Мариенгофу». Дат на гранке нет, но, судя по характеру помет, они сделаны в 1923 г. во время подготовки сборника «Москва кабацкая».

См.: Есенин, I, 601, 604.

См. также: 16 ... 19 (?) авг. 1923; 29 окт. 1923; конец нояб. 1923.

Есенин делает несколько авторских списков стихотворения «Мне осталась одна забава...».

Автограф — РГАЛИ, без даты, в составе фрагментов макета сборника «Москва кабацкая». Стихотворение указано в содержании М.каб., но в самом сборнике отсутствует. Второй беловой автограф — РГАЛИ, также без даты, на обороте бланка редакции журнала «Красная нива», следовательно, выполнен не раньше авг. 1923. Третий автограф — частное собрание (Санкт-Петербург), также без даты (см.: Есенин, I, 611).

Об автографе ст. 5–8 (частное собрание; Москва) см.: 7 авг. ... дек. 1923.

Август, 8 – 13. Есенин сдает в редакцию журнала «Красная нива» стихотворения «Всё живое особой метой...» и «Сторона ль ты моя, сторона...».

Событие устанавливается по воспоминаниям С.Б.Борисова, а его рамки определяются с учетом времени разговора в «Стойле Пегаса» об очерках о заграница (см. след. запись).

Из воспоминаний С.Б.Борисова:

«Светлокудрый, синеглазый (тогда глаза еще не поблёкли, не затускнели в чаду "Москвы кабацкой"), с расплывшейся, по-женски мягкой улыбкой, вошел, выставив вперед правое плечо, в редакционную комнату Сергей Есенин.

— Вот я и пришел.

Это было летом в 1923 году <...>.

Есенин был элегантен (одет по-заграничному) и жизнерадостен.

В редакции "Кр<асной> нивы" работал тогда я и Василий Казин.

Как-то неуверенно Есенин предложил стихи. Взяли.
В редакции разговор был незначащий...»
Материалы, 139.
См. также: 14 окт. 1923, вторая запись.

Вместе с С.Б.Борисовым Есенин идет в кафе «Стойло Пегаса», где заводит речь о своей заграничной поездке и об очерках на эту тему.

Событие фиксируется по воспоминаниям С.Б.Борисова, а его верхняя граница определяется с учетом даты создания первой части «Железного Миргорода» (см.: 14 авг. 1923, первая запись).

Мемуарист вспомнит (1926):

«...я вместе с Есениным вышел в кафе "Стойло Пегаса". За обедом он рассказал мне о своих заграничных впечатлениях. От поездки он не был в восторге и тому, что вернулся в Россию, рад был весьма.

Есенин в ту пору с имажинистами еще не порвал, и ватага имажинистов плотно его окружала. А относиться к имажинистам Есенин стал тогда уже прохладно... <...>

Есенин встречался часто с Клычковым и Орешиным, и имажинистам, я помню, это очень не нравилось...

О заграницe, об эмигрантах Есенин отзывался очень резко. <...>

Далее мне Есенин говорил о Европе в том духе, как у него высказано в "Гостинице для путешествующих в прекрасном". <...>

В этих суждениях многое относится к тому, что Есенин видел Европу только из окна ресторана. Но и его впечатления были весьма примечательны. <...> Я предложил ему написать несколько очерков...».

Материалы, 139–140.

Ср. со свидетельством С.С.Виноградской (1926):

«Воспоминания давали нить его жизни, заполняли все ее периоды. Только в воспоминаниях о поездке в Европу и Америку он был скуп. Он не любил говорить об этом, и из случайно оброненных им фраз осталось впечатление о сплошных скандалах по ресторанам и большой, мучительной, одолевавшей его там тоске».

Как жил Есенин, 10.

Август, 8 ... 1924. Есенин делает дарственную надпись Н.П.Хорикову на журнале «Гостиница для путешествующих в прекрасном» (М., 1923, № 2):

«Николаю Хорикову за то, что он русский. С. Есенин».

Есенин, VII (1), 227, 478.

Август, после 8 ... 31 (?). Есенин и И.В.Грузинов посещают студию С.Т.Конёнкова.

Событие и его ориентировочная дата устанавливаются с учетом предыд. записей и по воспоминаниям И.В.Грузинова:

«Вечером мы у памятника Пушкина. Берем извозчика, покупаем пару бутылок вина и направляемся к Зоологическому саду, в студию Конёнкова.

Чтобы ошеломить Конёнкова буйством и пьяным видом, Есенин, подходя к садику конёнковского дома, заломил кепку, растрепал волосы, взял под мышку бутылки с вином и, шатаясь и еле выговаривая приветствия, с шумом ввалился в переднюю.

После вскриков удивления и объятий, после чтения "Москвы кабацкой" Конёнков повел нас в мастерскую.

Сергей хвалил работы Конёнкова, но похвалы эти были холодны.

Вдруг он бросается к скульптору, чтобы поцеловать ему руки.

— Это гениально! Это гениально! — восклицает он, показывая на портрет жены скульптора.

Как почти всегда, он и на этот раз не мог обойтись без игры, аффектации, жеста.

Но работа Конёнкова, столь восторженно отмеченная Есениным, была, пожалуй, самой лучшей из всех его вещей, находившихся в мастерской».

Восп., 1, 372.

Ср. также с воспоминаниями С.Т.Конёнкова:

«Появившись у нас на Пресне, <Есенин> сразу же спросил:

— Ну, каков я?

Дядя Григорий без промедления влепил:

— Сергей Александрович, я тебе скажу откровенно — забурел.

И в самом деле, за эти полтора года Есенин раздобрел, стал краситься и пудриться, и одежда на нем была буржуйская.

Но очень скоро заграничный лоск с него сошел, и он стал прежним Сережей Есениным — закадычным другом, российским поэтом».

Восп., 1, 292.

Август, после 8 (?) – Декабрь. Л.М.Клейнборт обращается к Есенину с просьбой написать автобиографию для его книги «Очерки народной литературы».

Время события определяется в соответствии с воспоминаниями Л.М.Клейнборта:

«В 1923 году мне понадобился материал для моих очерков народной литературы, где видное место отводится (2-й том) Клюеву и Есенину. Клюев мне доставил свои высоколюбопытные записки о себе. Остановка была за Есениным. <...> Я написал ему, но не получил ответа. Написал вторично. Тогда он ответил, что в кратчайший срок пришлет всё, что мне нужно...»

Есенин, VII (1), 404–405. Ни одно из упомянутых здесь писем не известно.

Есенин выполнит просьбу Л.М.Клейнборта в следующем году (см.: 20 июня 1924, после 20 июня 1924).

Ю.П.Анненков встречается с Есениным и делает его портретный набросок.

Художник рисует Есенина по впечатлениям последней встречи после возвращения из зарубежной поездки:

«...Девическая краса его лица быстро побледнела. Цвет стал желтовато-серым, под глазами натекли легкие припухлости. Таким чуть-чуть отечным юношей, не потерявшим стройности и грубоватой грации русского подмастерья, он оставался до конца своих дней или, по крайней мере, до того дня, когда я встретился с ним в последний раз после его возвращения из-за границы. Таким он и сохранился и на моем наброске, который мне удалось сделать с него, несмотря на сумбурность встречи».

Анненков Ю. Дневник моих встреч. В 2 т. М., 1992, т. 1, с. 156.

См. Приложение.

Август, около 10. Между Есениным и А.Дункан происходит размолвка.

Событие и его время определяются по воспоминаниям И.И.Шнейдера с учетом дня отъезда А.Дункан из Москвы (см.: 14 авг. 1923, вторая запись).

И.И.Шнейдер вспомнит:

«...через несколько дней между Есениным и Дункан произошла размолвка. Есенин исчез.

<...> Айседора была обижена на Есенина. Ею опять овладела мысль о неизбежном конце их отношений...».

Восп., 2, 46.

См. также: 4 авг. 1923; 5–6 авг. 1923; 13 авг. 1923, первая запись; 14 авг. 1923, вторая запись.

Август, до 11. А.Б.Мариенгоф возвращается в Москву после отдыха на Черноморском побережье.

О границе события см.: 11 авг. 1923.

Есенин читает А.Б.Мариенгофу ранний вариант поэмы «Черный человек».

Мариенгоф, 142.

Граница события — с учетом письма А.Б.Мариенгофа С.П.Кошечкину (23 окт. 1958):

«Читал мне Есенин "Черного человека" не "в первые же недели по приезде из-за границы", а при первой же встрече. Никритина была при этом».

Письма, 508.

В декабре 1957 г. А.Б.Мариенгоф, беседуя с С.П.Кошечкиным, подтвердит:

«Был более ранний вариант "Черного человека", привезенный Есениным из-за границы».

В мире Есенина, 378.

Август, 11. Есенин вместе с А.Б.Мариенгофом посещает кафе «Стойло Пегаса».

Есенин, VII (2), 513.

См. также: 3 авг. 1923, четвертая запись; 7–14, 16, 18–31 авг. 1923; 1–3, 5–9, 13, 15, 18–21, 23, 25–29 сент. 1923; 4, 14, 22, 24, 30 сент. 1923; 1–4, 6–11, 13, 18, 21, 23–25, 27–30 окт. 1923; 5, 12, 19 и 31 окт. 1923; 1–3 и 8–10 нояб. 1923; 5, 14, 15, 18, 21–23 нояб. 1923; после 10 нояб. 1923.

Август, 12. Самарская газета «Коммуна» (№ 1395; раздел «Литература. Искусство. Наука») публикует материалы, в которых говорится о Есенине:

— в «Хронике искусств»:

«В первых числах августа в Москву вернулись из заграницы Айседора Дункан и поэт Сергей Есенин»;

— в рубрике «Наши понедельники» — в статье «Прощальный вечер И. Акульшина» (подпись: Немо):

«На пути И. Акульшина "опасность", приобретая культуру — потерять черноземную целостность и свежесть, пойдя по стопам С.Есенина и других новокрестьянских поэтов, задушенных <...> "крахмальным воротничком"».

Август, 12, или **19,** или **26.** Есенин знакомится с Д.К.Богомильским.

Событие и его возможная дата устанавливаются по воспоминаниям Д.К.Богомильского с учетом того, что в первое воскресенье августа (5-го) Есенин в Москве отсутствовал (см.: 5–6 авг. 1923).

Д.К.Богомильский напишет (1964):

«В одно из воскресений августа 1923 года мой сосед по квартире Иосиф Вениаминович Аксельрод со своим товарищем Александром Михайловичем Сахаровым познакомили меня с Есениным, пришедшим к Аксельроду.

Я жил тогда на Рождественском бульваре в доме № 17, кв. 10.

В этот день Есенин прочитал ряд своих стихотворений, из которых мне особенно запомнилось: "Всё живое особой метой...".

Чтение поэта потрясло меня. Впоследствии я убедился, что никто, даже такой замечательный артист, как Качалов, не читал стихов Есенина так совершенно, как читал их сам поэт».

Восп.-65, 340.

Август, 13. А.Дункан соглашается поехать в Кисловодск вместе с И.Дункан. Происходит примирение Есенина и А.Дункан.

События и их дата устанавливаются по воспоминаниям И.И.Шнейдера с учетом времени отъезда А.Дункан («завтра», т. е. 14 авг. 1923; см.: 14 авг. 1923, вторая запись).

И.И.Шнейдер вспомнит:

«Айседора затихла и безропотно подчинилась взбунтовавшейся Ирме, которая настойчиво потребовала от меня, чтобы мы втроем немедленно отправились в Кисловодск: "Айседора серьезно больна, и ей необходимо курортное лечение".

Потрескивали ремни и хлопали сундучные крышки — Ирма хозяйничала, собирая Айседору в дорогу. <...>

Я объявил "моим дамам", что смогу выехать в Кисловодск только через три дня, а они вдвоем выедут в Минеральные Воды завтра к вечеру скорым поездом. Сам же я был занят мыслью: как и где разыскать Есенина? <...>

Я попросил дворника, швейцара и завхоза помочь мне и разослал их во все места, где только мог быть Есенин, дав задание во что бы то ни стало привезти его.

Дамы ничего об этом не знали и продолжали укладываться. Ирма заявила мне, что, если Есенин и появится, Айседора не должна его видеть. Айседора молчала, по-видимому, соглашаясь и с этим тяжелым требованием. <...>

Первым возвратился дворник Филипп Сергеевич, имевший почему-то обыкновение разговаривать со мной, присев на корточки и подперев лицо кулаками.

— Нашел... Тверезый... — И, опустившись на корточки, удовлетворенно добавил: — Сейчас будут, — после чего последовал длинный выдох и устремленный на меня снизу вверх выжидательный взгляд.

Я пошел посмотреть, что делает Айседора, но едва я вошел в ее комнату, как кто-то прибежал с сообщением о том, что приехал Есенин.

Айседора метнулась в комнату Ирмы, и та тотчас же заперла за ней дверь. Но она забыла о двери из "гобеленового коридора".

Я встретил Есенина в вестибюле. Он выглядел взволнованным.

— Айседора уезжает, — сказал я ему.

— Куда? — нервно встрепенулся он.

— Совсем... от вас.

— Куда она хочет ехать?

— В Кисловодск.

— Я хочу к ней.

— Идемте.

Я тихо нажал бронзовую ручку и так же тихо отворил дверь. Айседора сидела на полукруглом диване, спиной к нам.

Она не услыхала, как мы вошли в комнату.

Есенин тихо подошел сзади и, опершись о полочку на спинке дивана, наклонился к Дункан:

— Я тебя очень люблю, Изадора... очень люблю, — с хрипотцой прошептал он.

<...> Было решено, что Есенин поедет в Кисловодск вместе со мной через три дня. Ему были предъявлены "твердые требования": ночевать эти дни здесь, на Пречистенке. Он принял их, не задумываясь, беспечно улыбаясь и не сводя с Айседоры радостных глаз:

— Завтра проводим вас в Кисловодск, а там и мы с Ильей Ильичем подъедем!»

Восп., 2, 46–47.

См.: 14 авг. 1923, вторая запись.

А.В.Ширяевец сообщает С.Д.Фомину:

«Вернулся из Берлина Есенин, затевает то же, о чем мы думали и говорили с тобой <см.: 7 ... 12 авг. 1923>. Осенью что-нибудь тиснем обязательно».

Письма, 331.

Газета «Вечерние известия» (№ 35; подпись: «Гри») публикует статью «На литературных баррикадах» с упоминанием имени Есенина:

«Кстати о попутчиках. Определение это впервые дано т. Троцким молодым писателям – Б. Пильняку, Серапионовцам, Есенину. Т. Троцкий называет их "попутчиками Революции", потому что творчество их связано с революцией, не являясь, правда, литературой Октября.

Очень правильно определил их значение т. Троцкий. "Творчество попутчиков" является "переходным". "Они знаменуют возрождение литературы — после трагического провала на новых исторических началах". Их большое преимущество перед значительной массой пролетарских писателей — то, что ими "усвоены литературно-технические достижения дореволюционных школ"».

Август, 14. Есенин пишет первую часть очерка «Железный Миргород».

Есенин, V, 265–271, 388–410.

Рукопись (автограф допечатной редакции — РГАЛИ) выполнена черными чернилами. В конце подпись автора теми же черными чернилами с поправками.

Время написания первой части очерка отмечается по авторской дате, указанной в рукописи и воспроизведенной в газетной публикации.

Сохранилась обложка рукописи с авторской карандашной надписью на ней: "Железный Миргород". Формат листа бумаги, из которого она сделана, — тот же, что и для автографа первой части произведения. Кроме того, после своей подписи под его текстом, сделанной чернилами, Есенин позднее проставил место написания и дату ("Москва 14 август 23") тем же карандашом, что и в "обложечном" заголовке.

Из очерка:

«Я не читал прошлогодней статьи Л.Д.Троцкого о современном искусстве, когда был за границей. Она попалась мне только теперь, когда я вернулся домой. Прочел о себе и грустно улыбнулся. <...>

<...> Перед Америкой мне Европа показалась старинной усадьбой. <...> Мне страшно показался смешным и нелепым тот мир, в котором я жил раньше.

Вспомнил про "дым отечества", про нашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами, вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за "Русь" как за грязь и вшивость. С этого момента я разлюбил нищую Россию».

Есенин, V, 162.

См. также: Летопись, 3 (2), 404.

См. Приложение.

В очерке «Железный Миргород» Есенин систематически полемизирует со статьями Л.Д.Троцкого «Внеоктябрьская литература» (см.: 5 окт. 1922, вторая запись) и «Эпоха "культурничества" и ее задачи» (см.: 1 июля 1923, третья запись).

См. подробнее: Есенин, V, 396–397.

Из воспоминаний И.В.Грузинова (1926):

«"Стойло Пегаса".

Сергей показывает правую руку; на руке что-то вроде черной перчатки: чернила.

— В один присест написал статью об Америке для "Известий". Это только первая часть. Напишу еще ряд статей».

Восп., 1, 373.

Фрагменты допечатной редакции очерка, не вошедшие в газетный текст, опубликованы В.А.Вдовиным (ВЛ, 1968, № 7, июль, с. 252). Полный ее текст, воспроизведенный по автографу РГАЛИ, см.: Материалы, 297–310 (подготовлен к печати С.И.Субботиным) и Есенин, V, 265–278 (раздел «Другие редакции»).

См.: 8 ... 13 авг. 1923, вторая запись; 15 или после 15 авг. 1923, первая запись; до 22 авг. 1923; 22 авг. 1923, первая запись; после 22 авг. – до 10 (?) сент. 1923; 28 авг. 1923, вторая запись; 30 авг. 1923, вторая запись; 14 сент. 1923; до 16 сент. 1923; 16 сент. 1923, первая запись; 16 окт. 1923, вторая запись; 26 окт. 1923.

Есенин провожает А. Дункан и И.Дункан в Кисловодск.

Событие устанавливается по воспоминаниям И.И.Шнейдера. Дата — по информации в газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» от 15 авг. 1923 (№ 182):

«Вчера А. Дункан выехала в Кисловодск, где даст несколько концертов <...>, затем отправится в небольшое турне, причем выступления ее состоятся в Баку, Тифлисе, Батуми, Ялте, Севастополе, Симферополе, Одессе, Киеве и Харькове. <...> После поездки А.Дункан возвратится в Москву».

Скорее всего, А.Дункан выехала в 23 часа 15 минут скорым поездом № 6 Москва – Минеральные Воды, в котором имелись спальные вагоны и вагон-ресторан. Согласно «Официальному указателю железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Летнее движение 1923 г. Вып. 2. С мая 1923», этот поезд ходил по вторникам и воскресеньям (сообщено В.П.Тарутиным). В 1923 году 14 авг. приходилось на вторник.

И.И.Шнейдер вспомнит:

«...мы с Есениным проводили Айседору и Ирму в Кисловодск. Айседора собиралась выступить в Минеральных Водах, а потом совершить небольшое турне по Закавказью».

Восп., 2, 47.

Саратовская газета «Голос труда» (№ 131; подпись: В.С-цкий) публикует статью В.Сушицкого «По Москве (Впечатления)», в которой идет речь о Есенине:

«<...> Узнаю литературную новость: имажинизм, как школа, вновь пытается расцвесть. Он несколько углубил и видоизменил свое поэтическое лицо и вновь бросает перчатку в стан врагов. Скучно, но поднимаем <ее>, ибо видим, что Анатолий Мариенгоф, оставшийся, за отъездом за границу Сережи Есенина, "сторожить поля российской поэзии", всё так же невнятен и думает, что выбросить нецензурные выражения из своих стихотворений и сделать несколько нововведений уже значит в своем лице послужить прогрессу развития русской поэзии. <...>

А вот Сережа Есенин всё такой же талантливый, всё так же полон скрытых возможностей. Одно из новых его стихотворений "Волчья гибель" будет прекрасным выражением того душевного разлада, который переживает поэт-крестьянин под давлением прихода городской фабричной культуры».

Варшавская газета «За свободу!» (№ 181) печатает неподписанный материал «Развенчание Есенина»:

«Критик “Известий” г. Устинов <см.: 29 июля 1923, первая запись> развенчивает “знаменитого” Есенина. Оказывается, что Есенин лишь мелкобуржуазный поэт и красная критика ставит его на одном “идеологическом” уровне с Е.Замятиным (?!), Пильняком и др. авторами, о которых “Изв<естия>” отзываются пренебрежительно. Любопытно при этом, что тов. Устинов отмечает в Есенине последнего года новое “полевение” — все-таки, по мнению критика, не пролетарское. <...>

...Среди поэтов, желающих остаться верными “Великому Октябрю”, — есть свой великий поэт — Малашкин. Правда, творчество этой группы ограничилось, по свидетельству тов. Устинова, — пока одной лишь “декларацией”, в которой, надо полагать, доказывается, что “буржуазию следует продолжать бить по морде”, — но эти “великие заветы” Октября вдохновляют лишь на уличные скандалы, вроде тех, которыми ознаменовано путешествие Есенина по Европе и Америке».

Берлинская газета «Накануне» (№ 407) помещает статью А. Бобрищева-Пушкина «Пашущий Пегас», где заходит речь о Есенине:

«...великая идеология у всех, постигших великую миссию новой России. Пусть стихи Есенина — “стихи скандалиста”, он повторяет в них: “Я люблю Родину, я очень люблю Родину”. В России нет свободы политики, ну так что же? Много ли о политике думали Пушкин, Гоголь, Тургенев, Толстой? А.Белый бросил, как бомбу, ошеломляющий парадокс, будто запрет политики, запрет партии с готовыми трафаретами даже заставляют всякого мыслить самостоятельно. Во всяком случае, принудительное воздержание от политики лучше, чем принудительная политика».

Август, до 15. В Госиздате РСФСР выходит книга М.Бабенчикова «Ал. Блок и Россия» (М.; Пг.), где идет речь о Есенине.

Кн. летопись, 1923, № 15, авг., поз. 401.

Автор пишет:

«Сквозь ткань поэтических образов имажинизма медленно проступает облик России Блока, одного из “молодых” его периодов:

Блок

Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Есенин

И Русь всё так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

Проступает на мгновенье, чтобы затем безвозвратно кануть в объятья кабацкой безнадежности города.

Ибо, по существу, на признание Блока, обращенное к России:

Ты всё та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом.
И другая волнует мечта...

имажинизм спешит ответить Блоку:

Какое имя — Россия,
Другое ли,
Всё равно...

“Дух” России глубоко чужд имажинизму. За исключением С.Есенина, “эти люди, откуда, чьи? – другие новые”, не зная страшных лет нескончаемой ночи, естественно, когда

нужно говорить о России, готовы только повторять за Мариенгофом: "Где ты, Великая Российская Империя"...

Больше других из среды современных поэтов подошли к Блоку, в отношении восприятия "его" России (не в есенинско-клюевском "пугачевском" смысле), пролетарские поэты».

Цитируются стихотворения А.Блока («Осенняя воля», 1905; «Новая Америка», 1913) и Есенина («Устал я жить в родном краю...», 1916), а также поэмы А.Мариенгофа «Слепые ноги» (1919) и «Застольная беседа» (1921).

Август, 15. Журнал «Зрелища» (№ 49) публикует анонс вечера имажинистов с участием Есенина:

«В ближайшие дни состоится вечер имажинистов. Вступительное слово скажет Сергей Есенин, только что вернувшийся из-за границы. Есенин поделится впечатлениями об Европе и Америке. С чтением стихов, кроме актеров, выступят поэты-имажинисты: Вадим Шершеневич, Анатолий Мариенгоф, Николай Эрдман, Рюрик Ивнев и другие».

См. также: 19 авг. 1923, первая запись; до 21 авг. 1923, первая запись; 21 авг. 1923, первая и третья записи; 23 авг. 1923, первая запись; 25 авг. 1923; 27 авг. 1923.

Август, 15 или **после 15.** Есенин сдает в редакцию газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» рукопись первой части очерка «Железный Миргород».

Тогдашний помощник секретаря редакции «Известий» В.М.Василенко напишет об обстоятельствах передачи рукописи очерка в газету:

«Заметки Есенина об Америке я прочел еще в рукописи, полученной мною от самого поэта. Сергей Александрович пришел однажды в редакцию "Известий". На нем было очень элегантное темно-синее пальто и такого же цвета котелок. Синее платье подчеркивало синеву его несколько поблекших, но все еще прекрасных васильковых глаз. И сам он был как-то особенно изящен, мягок, застенчив.

Присев к столу, Есенин протянул мне сколотые булавками листки бумаги, исписанные неровным почерком. <...> Одна пачка исписанных листков была размером со школьную тетрадку, другая — значительно длиннее и шире. На меньшей я прочел: "Железный Миргород. Статья первая".

— Это мои впечатления от поездки в Америку, — пояснил поэт...».

Журн. «Наш современник», М., 1958, № 4, июль–авг., с. 290—291.

Подзаголовок «Железного Миргорода» в автографе — «Статья первая» — показывает первоначальное намерение Есенина написать цикл путевых заметок о своей зарубежной поездке. Об этом же поэт говорил И.В.Грузинову (см.: 14 авг. 1923, первая запись).

См.: 8 ... 13 авг. 1923, вторая запись; 14 авг. 1923, первая запись; до 22 авг. 1923; 22 авг. 1923, первая запись; после 22 авг. – до 10 (?) сент. 1923; 28 авг. 1923, вторая запись; 30 авг. 1923, вторая запись; 14 сент. 1923; до 16 сент. 1923; 16 сент. 1923, первая запись; 16 окт. 1923, вторая запись; 26 окт. 1923.

Есенин получает приглашение на прием к Л.Д.Троцкому.

Событие и его время устанавливаются по воспоминаниям И.И.Шнейдера с учетом последующих событий:

«... <Есенин> прибежал в возбужденном состоянии и объявил:

— Ехать не могу! Остаюсь в Москве! Такие большие дела! Меня вызвали в Кремль, дают деньги на издание журнала!

Он суматошно метался от ящиков стола к чемоданам:

— Такие большие дела! Изадоре я напишу. Объясню. А как только налажу всё, приеду туда к вам!»

Восп., 2, 48.

См.: 21 авг. 1923, вторая запись.

См. также: 14 авг. 1923, вторая запись.

О замысле журнала см. также: 7 ... 12 авг. 1923; 21 авг. 1923, четвертая запись; начало окт. 1923; до 23 окт. 1923; 13–31 дек. 1923, четвертая запись; 14 февр. – 9 марта 1924, вторая запись; 7 апр. 1924, третья и четвертая записи; 11 апр. 1924, первая запись; 6 июня 1924, третья запись; до 24 авг. 1924.

А.Л.Миклашевская вспомнит:

«Как-то днем я и Никритина шли в театр. Навстречу нам быстро шел С.Есенин, бледный, сосредоточенный. Она его окликнула. Поздоровался, сказал: "Иду мыть голову. Вызывают в Кремль". <...> Это было в конце лета 1923 г. <...>».

СЕГС, 231–232.

Август, 15 или 16. Есенин переезжает из помещения Школы Дункан (Пречистенка, 20) на квартиру А.Б.Мариенгофа (Богословский — ныне Петровский — пер., д. 3, кв. 46).

Дата события определяется ориентировочно по воспоминаниям И.И.Шнейдера:

«На следующий день Есенин пришел проститься — чемоданы были почему-то обвязаны веревками...

— Жить тут один не буду. Перееду обратно в Богословский, — ответил он на мой вопрошающий взгляд.

— А что за веревки? Куда девались ремни?

— А черт их знает! Кто-то снял.

И он ушел. Почти навсегда».

Восп., 2, 48.

И.В.Грузинов также отметит (1926):

«По возвращении из-за границы Есенин перевез свое небольшое имущество в Богословский переулок, в комнату, где он обитал раньше».

Восп., 1, 372.

Об этом времени вспомнит Е.А.Есенина:

«Сергей был одинок и походил на человека, который потерял всё, что было дорого. <...>

В Богословском переулке стало неуютно, бедно. Он одиноко сидел в чужой комнате и, положив на руки голову, о чем-то подолгу думал. Рядом была комната, в которой раньше размещался Сергей. Теперь там жил Мариенгоф, и облик комнаты до неузнаваемости изменился. Около большой кровати ютилась убогая детская колыбель. На столе валялись огрызки яблок и дыни. Пол и кровати имели очень неуютный вид».

В семье родной, 231.

Из воспоминаний А.Л.Миклашевской (1960):

«Никритина, <...> эта бердслеевская Саломея, очаровала избалованного, изысканного Мариенгофа.

<...> У них почти не на что было сесть, не из чего пить, есть. Они, не задумываясь, приглашали к себе Книппер, Качалова, Андрееву, Коонен, Таирова.

<...> Вернувшись из-за границы, Есенин жил в одной квартире с ними».

СЕГС, 231, 232.

Август, середина. Есенин встречается с Н.Д.Вольпин.

Н.Д.Вольпин вспомнит, что встретилась с Есениным в редакции в середине августа и он повел ее обедать в «Стойло Пегаса». После обеда они прогулялись, выпили в каком-то маленьком кафе черного кофе и провели весь вечер и ночь дома у Н.Д.Вольпин на Волхонке. Еще по пути Есенин сказал Н.Д.Вольпин, что знает: она не была ему верна. Та ответила:

«"Вы мне не дали права на верность". Сергей рассмеялся. Расставаясь поутру, <...> сказал истово: "Расти большая!"».

Как жил Есенин, 320.

Август, вторая половина. Есенин знакомится с актрисой А.Л.Миклашевской.

Точная дата знакомства не установлена. Время события устанавливается ориентировочно.

Судя по воспоминаниям А.Л.Миклашевской, ее знакомство с Есениным произошло одновременно с вызовом Есенина в Кремль.

Позже А.Л.Миклашевская вспомнит:

«Познакомила меня с Есениным Никритина, актриса нашего театра. <...> Как-то днем я и Никритина шли в театр. Навстречу нам быстро шел Есенин <...>. На меня он почти и не взглянул. У него были красивые волосы — пышные, золотые. Это было в конце лета 1923 года, вскоре после его возвращения из поездки за границу с Дункан. <...>

Я часто бывала у Никритиной. У них-то по-настоящему и встретилась с Есениным». СЕГС, 231–232.

В беллетризованных воспоминаниях А.Б.Мариенгофа о знакомстве Есенина с А.Л.Миклашевской в его квартире рассказывается:

«Есенин взял со стола лист в каракулях и прочел вслух:

Та, что зарю положила на губы
И думает — сама заря...

— А у меня стихов про любовь нету. Всё про кобыл да про телят. А про любовь – хоть шаром покати.

— За чем же дело стало?

— Для этого ж влюбиться надо. Да вот не знаю, в кого.

Он никогда не писал без жизненной подкладки. <...>

На его поэтово счастье, минут через двадцать Никритина вернулась к обеду вместе со своей приятельницей Гутей Миклашевской, первой красавицей Камерного театра. Крупная, статная. Античная, сказал бы я. Вроде Айседоры, но лет на двадцать моложе. Волосы цвета воробьиного крыла...

Через несколько дней Есенин уже читал нам:

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали...»

Мариенгоф А. Роман с друзьями. — Журн. «Октябрь», 1965, № 11, с. 87.

Есенин пишет первое стихотворение цикла «Любовь хулигана», посвященного А.Л.Миклашевской, — «Заметался пожар голубой...».

Есенин, I, 187–188, 346, 612–616.

См. Приложение.

Время события определяется с учетом воспоминаний А.Л.Миклашевской:

«Первые стихи, написанные мне: "Заметался пожар голубой, позабылись родимые дали. В первый раз я запел про любовь, первый раз отрекаюсь скандалить"...»

СЕГС, 233.

В редакцию «Красной нивы», где стихотворение будет опубликовано, оно поступит 22 сент. 1923 (см.).

В автографе — заголовок «Любовь хулигана» и посвящение «Августе Миклашевской», которые в равной мере относятся и ко второму стихотворению — «Ты такая ж простая, как все...». В печати оба стихотворения появились без заголовка и посвящения (Есенин, I, 613).

В архиве Г.А.Бениславской сохранилась машинописная копия двух стихотворений — «Заметался пожар голубой...» и «Ты такая ж простая, как все...» — под заглавием «Любовь хулигана» с посвящением «Августе Мика» — так любовно называли Миклашевскую друзья. О разночтении с основным текстом см.: до 22 сент. 1923.

Шубникова-Гусева-2008, 227, 229, 393–394.

О чтении Есениным стихотворения «Заметался пожар голубой...» в Высшем литературно-художественном институте см: 1 окт. 1923.

А.А.Козловский так пишет о творческой истории цикла:

«Цикл "Любовь хулигана" будет сформирован поэтом в М.каб., где в него включены: "Заметался пожар голубой...", "Ты такая ж простая, как все...", "Пускай ты выпита другим...", "Дорогая, сядем рядом...", "Мне грустно на тебя смотреть...", "Ты прохладой меня не мучай...", "Вечер черные брови насопил...". Напечатан с общим посвящением "Августе Миклашевской". В том же составе и в том же порядке, но без посвящения повторен в Ст$_{24}$. Общий заголовок цикла снят при подготовке Собр. ст., но порядок стихов сохранен.

Все стихи цикла, кроме заключительного, в наб. экз. не датированы. Последнее стихотворение "Вечер черные брови насопил..." помечено 1923 г. В Собр. ст. все стихи датированы 1923 г. Они действительно были созданы с августа по декабрь 1923 г., что выясняется из истории взаимоотношений поэта с адресатом цикла. Это подтверждается и историей публикации отдельных стихов. Вместе с тем с полной уверенностью судить о последовательности написания каждого из стихотворений цикла трудно. Нет оснований для того, чтобы рассматривать порядок их расположения в цикле как хронологию их написания. <...> "Дорогая, сядем рядом..." <...> датируется по рукописи <см.: 9 окт.1923>».

Есенин, I, 613–614.

См. также: до 22 сент. 1923; 22 сент. 1923, первая запись; сент. – нояб. 1923, первая запись; 9 окт. 1923, первая запись; 14 окт. 1923, вторая запись; 13–31 дек. 1923, вторая запись; 2 янв. ... до 2 февр. 1924; 16 марта 1924, вторая запись; до 19 июля 1924.

Есенин заходит в кабачок «Не рыдай».

Событие и его время устанавливаются по воспоминаниям В.Е.Ардова:

«Летом 23-го года еще существовало в Москве своеобразное артистическое кабаре "Не рыдай". Когда-нибудь надо рассказать об этом кабачке, где служили Игорь Ильинский, Михаил Жаров, Рина Зеленая, Вера Инбер, Виктор Типот, пишущий эти строки и многие другие артисты, литераторы, художники, режиссеры...

Но в тот летний вечер я был гостем в "Не рыдай" и сидел за так называемым "артистическим" столом, где подавали блюда подешевле и веселилась наша богема. В тот вечер с нами рядом сидела артистка А.Миклашевская — женщина поразительной красоты. Ей посвящены многие стихи Есенина. А тут и сам поэт пришел в "Не рыдай" (очевидно, условившись о том заранее с Миклашевской). Он сел с нами. Весь вечер шла веселая и милая беседа. Есенин трезвый, добрый, смешливый, и, когда он ушел с Миклашевской, мы все единодушно восторгались им именно с этой стороны».

ЛР, 1994, 4 нояб., № 44.

См. также: 7 апр. 1924, седьмая запись.

В.Е.Ардов рисует дружеские шаржи на Есенина.

Из воспоминаний В.Е.Ардова:

«Помнится, я нарисовал в тот вечер профиль Есенина. И словно бы получилось похоже. Меня упросил отдать ему рисунок один мой приятель — журналист, собиратель рисунков и автографов. Он клялся, что у него этот рисунок, под которым сам Есенин подписался в знак признания сходства, будет сохраннее. Но уже в 30-х годах приятель мой признался, что портрет Есенина им утерян...».

ЛР, 1994, 4 нояб., № 44.

См. Приложение.

Август, вторая половина ... Сентябрь, до 27 (?). Есенин частично заполняет анкету для членов Всероссийского союза поэтов (ВСП) и пишет заявление в правление организации.

Время события определяется ориентировочно, в соответствии: 1) с указанием в анкете года («1923»); 2) с временем возвращения поэта в Москву из-за рубежа (3 авг. 1923 г.); 3) со словами «нет квартиры» в анкетной графе «Адрес». 27 (?) сент. 1923 Есенин поселился у Г.А.Бениславской, получил временную прописку и отмечал в документах ее адрес как место своего проживания.

Заполненные графы анкеты:

1. Фамилия *Есенин*

2. Имя и отчество *Сергей Александрович*

4. Год и место рождения *Рязань 1895, 4 окт.*

5. В какой области литературы работаете — — —

6. С какого времени пишете *с 8 лет*

7. Где печатались *?*

8. Какие сборники изданы отдельно *(!)*

16. В какой группе поэтов состоите *имажинисты*

18. Отношение к воинской повинности *на учете*

20. Адрес *нет квартиры*

/подпись/ *С. Есенин*».

Есенин состоял членом ВСП. 21 мая 1919 г. был избран в президиум ВСП.

По возвращении из-за границы поэту пришлось заново переоформлять свое членство в организации, что и было сделано: поэтом была заполнена новая анкета и написано соответствующее заявление:

«В Правление ВСП. Прошу зачислить меня в члены Союза. С. Е.».

Скорее всего, это заявление было не первым из поданных Есениным в ВСП. Он принимал активное участие как в организационной деятельности Союза, так и во многих мероприятиях, им осуществляемых, начиная с 12 нояб. 1918 г., когда он читал свои стихи на открытии эстрады-столовой ВСП в бывшем кафе «Домино» (Тверская, 18).

Вступив в ВСП заново по возвращении из-за границы, Есенин тем не менее почти не принимал участия в деятельности союза. Но членство свое в ВСП он систематически продлевал. По словам К.С.Есенина, в его архиве сохранялись «два билета действительного члена Всероссийского Союза Поэтов. Билеты — на простой бумаге. Бланки выписаны на 1923 год, но исправлены — один на 1924 год, за № 269, второй — на 1925 год, за № 170» (ЕиС, 376). Где находятся теперь эти документы, неизвестно.

Есенин, VII (2), 210, 319–323.

Август, вторая половина – Сентябрь. Есенин часто встречается с А.Л.Миклашевской.

Интервал событий устанавливается по воспоминаниям А.Л.Миклашевской и других мемуаристов.

А.Л.Миклашевская вспомнит (1960):

«В один из вечеров Есенин повез меня в мастерскую Конёнкова. Конёнкова в мастерской не было. Была его жена. Мы вошли в студию. Сергей сразу затих и весь сиял. Про него часто говорили, что он грубый, крикливый, скандальный. Потом я заметила, что он всегда радовался, когда сталкивался с настоящим искусством. Иногда очень бурно, а иногда тихо, почти благоговейно. И когда потом я прочитала его стихотворение "Пушкину", — я вспомнила этот вечер.

Обратно шли пешком. Долго бродили по Москве. Он был счастлив, что вернулся домой, в Россию. Радовался всему, как ребенок, трогал руками дома, деревья. Уверял, что всё, даже небо и луна, у нас другие, чем там. Говорил, как ему трудно было за границей, и вот он все-таки удрал. Он в Москве!

Целый месяц мы встречались ежедневно. Мы очень много бродили по Москве. Ездили за город. И там подолгу гуляли. "И помню осенние ночи, березовый шорох теней, пусть дни тогда были короче, луна нам светила длинней..." Это был август, ранняя, зо-

лотая осень... Под ногами сухие, желтые листья. Как по ковру, бродили по дорожкам и лугам... И тут я увидела, как Есенин любит русскую природу! Как он счастлив, что вернулся на родину. Я поняла, что никакая сила не могла оторвать его от России, от русских людей, от русской природы, от русской жизни, какой бы она трудной ни была.

— Я с вами как гимназист, — тихо, с удивлением говорил мне Есенин и улыбался.

Часто встречались в кафе поэтов на Тверской. Сидели вдвоем, тихо разговаривали. Есенин, трезвый, был даже застенчив. Много говорили о его грубости с женщинами. Но я ни разу не почувствовала и намека на грубость. Он мог часами сидеть смирно возле меня.

Комната моя была похожа на рощу из астр и хризантем, которые он постоянно приносил мне.

Помню, как первый раз он пришел ко мне. Помню, как я сидела в кресле. Помню, как он сидел на ковре у моих ног, держал мои руки и говорил: "Красивая, красивая..."

Как-то сидели в отдельном кабинете ресторана "Медведь": Никритина, Мариенгоф, Есенин и я. Мне надо было позвонить по телефону. Есенин пошел со мной в будку. Он обнял меня за плечи. Это было впервые. Я ничего не сказала, я только повела плечами, освобождаясь из его рук. Когда вернулись, Есенин сидел притихший, задумчивый. Сказал: "Я буду писать вам стихи". Мариенгоф смеялся: такие же, как Дункан? — "Нет, ей я буду писать нежные"».

СЕГС, 232–233.

С.Б.Борисов отметит (1926):

«Он <Есенин> умел быть таким нежным, таким внимательным! Помню Есенина и Миклашевскую. Часами он просиживал подле Миклашевской, говорил нежные слова и тут же обращался к тем, с кем он сидел:

Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок».

Материалы, 391.

Август, после 15 – Сентябрь. Есенин готовит для частного издательства сборник стихотворений (проект не осуществится).

Есенин, VII (3), 91–92.

Название сборника не установлено. Содержание неизвестно.

Дата — с учетом свидетельства С.Б.Борисова о местожительстве Есенина:

«В 1923 году, вскоре после приезда <...> Есенин обратился ко мне с просьбой устроить сборник стихотворений и чтобы я написал к этому сборнику небольшую статью библиографического и биографического характера. Я нашел издателя (частного), который охотно согласился издать сборник и выдал Есенину аванс. Вместе с Есениным мы отобрали ряд стихотворений, в большинстве уже опубликованных, и тогда же на квартире Есенина (жил он тогда в Богословском переулке рядом с поэтом А.Мариенгофом) из разных чемоданов и папок Есенин извлек груду вырезок из газет и журналов о себе — преимущественно там были иностранные газеты, помню, даже на японском языке <см.: Летопись, 3 (2), 37–40>. При первом знакомстве с этим материалом, находившемся в крайне беспорядочном состоянии (на многих вырезках не было даты и указания источника), я убедился, что в части русской литературы там очень много не хватало, но всё же я начал составлять библиографическую сводку, надеясь недостающий материал достать в библиотеках».

Борисов С. К биографии Сергея Есенина. — Журн. «Красная нива», 1926, № 2, с. 10.

Есенин пишет автобиографию для несостоявшегося сборника стихов.

Есенин, VII (1), 11–13.

Авторской даты на рукописи автобиографии, хранящейся в ГЛМ, нет. На обороте листа, содержащего его вторую часть, имеется надпись С.Борисову:

«Сеня милый! Сие есть продолжение С. Е.».

Есенин, VII (1), 393.

С.Б.Борисов свидетельствует:

«В это же время Есенин начал мне рассказывать свою биографию, а так как это происходило в чисто богемных условиях, порой за стаканом вина, то я ему сказал, что из этого что-либо путное не выйдет, и попросил его написать.

В два приема, сидя в кафе "Стойло Пегаса", Есенин написал свою автобиографию. В это время случился какой-то казус с нашим издателем. Несмотря на то, что он почти все заплатил Есенину за стихи, издать книжку он не мог. Я вернул Есенину его материалы и автобиографию. Материалы Есенин взял, а автобиографию он оставил мне, сказав при этом следующее:

— Подержи у себя. Второй раз я писать не буду, а эту обязательно затеряю. Она может когда-нибудь пригодиться...

<...> она написана Есениным — химическим карандашом на четвертушках простой бумаги с небольшими помарками и почти без знаков препинания».

Борисов С. К биографии Сергея Есенина. — Журн. «Красная нива», 1926, № 2, с. 10.

См. мнение В.Ф.Ходасевича (1926):

«По-видимому, эта вторая, московская, автобиография написана неспроста. <...> В ней есть важное отличие от берлинской: на сей раз Есенин в особом, дополнительном отрывке рассказывает о том, про что раньше он совершенно молчал: именно — о своих сношениях с высшими сферами и вообще о периоде 1915–1917 гг.».

РЗЕ, 1, 52.

Август, после 15 (?) ... Сентябрь (?). Есенин дарит С.Б.Борисову свою фотографию с надписью:

«Милому Сене. / С любовью. С. Есенин».

Есенин, VII (1), 222–223.

Событие датируется с учетом воспоминаний С.Б.Борисова (Материалы, 146; Есенин, VII (1), 476–477). Местонахождение фотографии в настоящее время неизвестно.

Август, 16 (?) ... 19 (?). Есенин читает друзьям стихотворения из цикла «Москва кабацкая».

Событие устанавливается по воспоминаниям И.В.Грузинова:

«Здесь <на Богословском> он в первый раз читал своим друзьям "Москву кабацкую"».

Восп., 1, 372.

И.И.Старцев вспомнит:

«Вскоре после приезда читал "Москву кабацкую". Присутствовавший при чтении Я.Блюмкин начал протестовать, обвиняя Есенина в упадочности. Есенин стал ожесточенно говорить, что он внутренне пережил "Москву кабацкую" и не может отказаться от этих стихов. К этому его обязывает звание поэта. Думается, что в большей своей части "Москва кабацкая" была отзвуком "Стойла Пегаса", тем более что в некоторых из стихотворений проскальзывают мысли, которые он тогда же высказывал и топил их в вине».

Восп., 1, 416.

Август, 18. Газета «Брянский рабочий» (№ 181) продолжает публикацию цикла С.Александрова «Заметки о современной поэзии» статьей «IV. Имажинисты», где говорится о Есенине:

«Имажинисты почти уже сошли со сцены и только изредка еще кое-где выступают со своими стихами. Но о них нужно говорить как об очень характерном явлении остатков прежней психологии, явлении, которое так недавно оказывало значительное влияние на всех современных поэтов.

Слово "имажинисты" — буквально обозначает "образоносцы", от слова имаж — образ; такое название это течение получило потому, что считает образ за основу поэзии. Без образа вообще нет поэзии — это было давно известно и без имажинистов, но у имажинистов особое отношение к образу — для них образ это всё, поэзия есть сочетание, "композиция" образов, химическое смешение образов, а не логическое их соединение, в то время как у других поэтов образ употребляется время от времени в описании как подсобная форма. Вот, напр<имер>, у имажиниста Сергея Есенина стихотворение "Осень":

Тихо в чаще можжевеля по обрыву,
Осень — рыжая кобыла — чешет гриву:
Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.

Сравните это хотя бы с некрасовским "Поздняя осень, грачи улетели, лес обнажился, поля опустели".

"Обнажился", "опустели" ведь это здесь тоже образы».

См.: 22 авг. 1923, вторая запись; 23 авг. 1923, вторая запись.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3856; рубрика «Литература и писатели») помещает неподписанную и недостоверную информацию, в которой упоминается Есенин:

«В Берлине при ближайшем участии Есенина, Шершеневича, Мариенгофа и Ивнева вышел новый журнал. Называется он "Гостиница для путешествующих в прекрасном". На обложке вместо оглавления напечатано в виде адресного указателя:

Сегодняшние постояльцы: 1) Грузинов; 2) Есенин; 3) Ивнев; 4) Мариенгоф и т. д.

В журнале печатаются только имажинисты».

Место выхода журнала указано ошибочно. Неверно и утверждение, что его авторы — только имажинисты.

См. также: до 12 июля 1923; авг. 1923, третья запись; 16 сент. 1923, пятая запись; 6 нояб. 1923; дек. 1923, первая запись.

Август, после 18. В Петрограде выходит журнал «Книга и революция» (№ 4) с рецензией Д.Выгодского на книги С.Клычкова «Гость чудесный» и «Домашние песни»; в рецензии упоминается Есенин.

Граница события устанавливается с учетом помещенной в номере информации о смерти М.К.Лемке, скончавшегося 18 авг. 1923.

Из рецензии:

«...напрасно "Альциона" пыталась слить его с символическим окружением, напрасно и сейчас Клычкова отождествляют с "народными" Клюевым, Есениным...».

Август, 19. Газета «Правда» (№ 185; раздел «Хроника») помещает объявление «Вечер Сергея Есенина»:

«Во вторник, 21-го, в Политехническом музее состоится первый по возвращении из-за границы вечер Сергея Есенина. Кроме него выступит ряд поэтов-имажинистов. Сбор поступит в пользу шефской комиссии ФОН'а 1-го МГУ».

См. также: 15 авг. 1923; до 21 авг. 1923, первая запись; 21 авг. 1923, первая и третья записи; 23 авг. 1923, первая запись; 25 авг. 1923; 27 авг. 1923.

Варшавская газета «Kurier Polski» публикует материал с упоминанием имени Есенина.

Подробнее см.: конец янв. ... начало февр. 1924.

Август, до 21. В Москве развешиваются афиши, информирующие о вечере Есенина в Политехническом музее.

Известны две афиши вечера. В одной из них сообщается:

«Вторник 21-го августа приехал СЕГОДНЯ и выступает ЕСЕНИН.

Он говорит: об Америке и Западе

Поэзия. Театр. Живопись. Беллетристика.

ОН: НОВЫЕ СТИХИ.

ЕГО чествуют все имажинисты: Иван Грузинов, Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич, Рюрик Ивнев, Матвей Ройзман, Николай Эрдман. <...> Организатор вечера А.М.Алексеев».

Есенин, VII (2), 559.

Из другой афиши:

«Первое выступление СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА по возвращении из-за границы.

НОВЫЕ СТИХИ

Берлин — Милан — Париж — Нью-Йорк

<...> Сбор в пользу ШЕФСКОЙ КОМИССИИ ФОН'А 1-го МГУ».

Есенин, VII (2), 560.

См. Приложение.

Рюрик Ивнев вспомнит:

«Шли разговоры о необходимости устроить грандиозный вечер в тогдашней "цитадели поэзии" — Политехническом музее. Нашлись, конечно, и устроители, и импресарио, и администраторы. Мариенгоф настоял, чтобы вечер был устроен под "флагом имажинистов". Есенин в ту пору еще не успел окончательно охладеть к этой школе и согласился.

И вот вскоре по всему городу запестрели огромные афиши, извещающие о "вечере имажинистов", на котором приехавший из-за границы Сергей Есенин поделится с публикой своими впечатлениями о Берлине, Париже и Нью-Йорке и прочтет свои новые стихи».

Восп., 1, 342.

См. также: 15 авг. 1923; 19 авг. 1923, первая запись; 21 авг. 1923, первая и третья записи; 23 авг. 1923, первая запись; 25 авг. 1923; 27 авг. 1923.

Выходит журнал «Горн» (книга 8; за август) с материалами, в которых говорится о Есенине.

Граница события определяется по информации о поступлении номера в продажу (газ. «Правда», 1923, 21 авг., № 186).

Журнал печатает:

— рецензию Н.Тарабукина на «Избранное» Есенина (М., 1922):

«Есенин уже прочно вошел в русскую литературу. Он становится "классиком". Издание его стихов Госиздатом как бы официально закрепляет за ним это положение. Но то, что собрано в этом сборнике, "избиралось" едва ли самим Есениным, ибо в него не вошли многие лучшие вещи поэта, как, напр<имер>, "Сорокоуст", "Исповедь хулигана" и др., должно быть, потому, что некоторые выражения в них показались хранителям "нравственности" рискованными в поэтическом лексиконе.

Книжка составлена по преимуществу из ранних произведений, взятых из сборников "Радуница", "Голубень", "Трерядница", в которых Есенин выступал как "крестьянский" поэт. Поэтому характеристика Есенина по книжке "Избранное" не может быть исчерпывающей. Так, напр<имер>, хотя бы метрическое построение стихов, по при-

близительному подсчету, выражается в следующих цифрах: из 52 стихов, составляющих сборник, 50% написаны хореем, 27% — ямбом, 17% — свободным стихом, 6% — дактилем. Между тем как, по отношению ко всему написанному Есениным, цифра свободных стихов вне метра должна быть значительно увеличена, ибо более поздние вещи, не вошедшие в сборник, написаны по преимуществу свободным стихом. То же надо сказать и о рифме. В этом сборнике преобладает рифма грамматическая, тогда как в поздних вещах она чаще созвучная.

Сложные технические и композиционные задачи, ставимые русской поэзией за последние два десятилетия, чужды Есенину.

Композиционно стих Есенина построен самым упрощенным образом. Это — ряд четырехстрочных строф, объединенных рифмами первой строки с третьей, второй — с четвертой. В целях достижения композиционного единства он нередко прибегает в построении строф к "кольцу", также весьма примитивному, хотя и распространенному приему. Сложные формы рондо, сонета у него не встречаются совсем. Оригинальных ритмических вариаций, нарушающих однообразие метра, у него немного. Не свойственна его стиху и звуковая фактура слова.

Основным стержнем поэзии Есенина является образ. Имажинисты утверждают, что там, где нет образа, — нет и поэзии. <...> У Есенина образ имеет целый ряд особенностей. Изобразительной стороной его образов является деревенский пейзаж. Метафора образа строится обычно по нисходящей линии: явление более общего порядка и большей значительности он наделяет свойствами явлений более частных и меньшей значимости. Прежние поэты обычно олицетворяли обыденный предмет в какой-нибудь "возвышенный" образ. Есенин поступает наоборот. Солнце он сравнивает с колесом, луну — с лягушкой. Отличительной чертой его образов является их антропоморфизм. Он наделяет природу свойствами человека или животных. Осень для него — "рыжая кобыла", ветер — схимник, который "мнет листву по выступам дорожным", месяц — ягненочек, изба — старуха, закат — красный лебедь, синий сумрак — стадо овец. "Никому и в голову не встанет, что солома это тоже плоть", — говорит он, а вот ему так постоянно "встает", что дорога может задуматься о "красном вечере", что "старый клен на одной ноге" может сторожить "голубую Русь", что месяц может плыть и ронять весла по озерам, и т. д.

Колорит есенинской поэзии типично импрессионистический: вечер — зеленый, трава — голубая, сумрак — синий, Русь — голубая, "зола — зеленая из розовой печи". Вспомните Дега, Моне, Ренуара. Чаще же всего встречающийся цвет — синий. В 52 стихотворениях сборника — синий как прилагательное для определения цвета встречается 26 раз. В одном месте он даже признается, что синь ему "сосет глаза". Золотой в качестве цветовой окраски встречается 24 раза, голубой, зеленый и белый — по 11 раз, красный — 10, розовый и желтый — по 7. Это как раз те цвета, которые любили импрессионисты. Любовь же к золоту сближает Есенина с русским народным искусством от древней иконы до игрушки кустаря. Черный цвет, изгнанный совершенно с палитры импрессионистов, также не свойственен и Есенину. Как окраска он встречается всего дважды.

С импрессионистами сближает Есенина и крайний субъективизм восприятия и эскизность манеры письма. Большинство его вещей — лишь наброски. В пейзажах Есенина нет человека как определенного персонажа. Одушевляя природу, он как бы растворяет в ней человека, наделяя ее человеческими средствами. Нет в его лирике, очень интимной, и Эроса. Эротика чужда ему и тогда, когда он из "задора" вводит какой-нибудь слишком "рискованный" в поэзии образ. В данном сборнике только одно стихотворение посвящено женщине. Вся любовь его направлена к родине. Не к России, а к — Руси. Он подыскивает самые нежные слова для ее определений... <...> Эта бес-

хитростная деревенская любовь, веселая своей тоской и радостная в грусти, далека все же от надломанной любви к России Блока. У последнего эмоция неотделима от размышлений, восторг — от боли, любовь — от патриотизма.

Напрасно было бы искать в поэзии Есенина философского мировоззрения, тем более выражения классовой идеологии крестьянства. Он по существу не крестьянский, а деревенский поэт. <...>

Наша поэзия отражала психологию помещика, интеллигента, в пролетарской поэзии — рабочего. В лице Есенина она отразила психологию "хулигана". <...> Это — не апашизм и не декадентский надлом. Это — деревенское ухарство, веселый задор деревенского парня, каким и является по существу Есенин. <...>

Поэзия Есенина идеологически псевдонародна, каковой она была и у Кольцова, Никитина, Некрасова. С современностью она совпадает повышенной нервозностью, идеологически же она далека от современности. Революционность чужда ей по существу. <...>

Современность идет мимо него.<...>

Впрочем, Есенину только 27 лет. И характеристика эта отправным пунктом имеет только "Избранное"»;

— рецензию на сборник «Революционная поэзия: Чтец-декламатор». Том 1 (подпись: «П. К-ий»):

«Авторы стихов притянуты в сборник только по признаку "лучшей идеи человечества": здесь классики — Пушкин, Лермонтов; символисты — Бальмонт, Брюсов (неизменный "каменщик"), Блок, Сологуб; американский демократ Уитмен, крестьянские поэты — Некрасов, Никитин, Суриков и таковые же нового толка, как Клюев, Есенин, Орешин; пролетпоэты — Герасимов, Александровский, Кириллов, Самобытник <...>. Всего понемногу. Весь материал, как мусор с жемчужными зернами, упакован в одну обложку и: — дескать, пой о "революционной" поэзии!».

См.: до 3 июня 1923, вторая запись.

Август, 21. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 186; рубрика «Хроника искусств») помещает анонс о вечере Есенина в Политехническом музее (Большая аудитория, Лубянский проезд, 4):

«Во вторник 21 августа, в Политехническом музее состоится первое выступление Сергея Есенина по возвращении из-за границы. В программе: впечатления о литературе, театре и живописи в Америке и Европе; новые стихи "Берлин – Милан – Париж – Нью-Йорк". В вечере участвуют также поэты Грузинов, Ивнев, Мариенгоф, Ройзман, Шершеневич и Эрдман. Сбор в фонд шефской комиссии ФОНа 1-го МГУ.

Есенин делится впечатлениями от поездки по Европе и Америке, читает стихи из цикла "Москва кабацкая", отрывки из "Страны Негодяев"».

Есенин на приеме у Л.Д.Троцкого.

Событие датируется по дневниковой записи Р.Ивнева (21 авг. 1923):

«Сегодня у Есенина "аудиенция" у Троцкого. Сережа хочет хлопотать о журнале для большого издательства».

Ивнев Р. Жар прожитых лет: Воспоминания, дневники, письма / Подгот. текста, вступит. ст. Н.П.Леонтьева. СПб.: Искусство-СПБ, 2007, с. 333.

Из дневниковой записи Р.Ивнева (23 авг. 1923):

«Сережа будет редактором толстого журнала <"Вольнодумец"; см.: 21 авг. 1923, четвертая запись>. Блок имажинистов и крестьянских поэтов. Он какой-то странный.

О беседе с Троцким ничего путного не рассказал. В общем, говорит, что Троцкий принял его хорошо. И он "очарован" Троцким».

Там же.

Из письма Есенина к А.Дункан (29 авг. 1923):

«Был у Троцкого. Он отнесся ко мне изумительно. Благодаря его помощи мне дают сейчас большие средства на издательство».

Есенин, VI, 158.

Г.А.Бениславская отметит (1926):

«Помню, после единственного свидания с Троцким, когда Л<ев> Д<авидович> ему обещал содействовать в издании журнала, С. А. восторженно мечтал об этом журнале. Тогда не удалось это осуществить».

Материалы, 42.

В мемуарах М.Д.Ройзмана (1973) встреча с Л.Д.Троцким описывается со слов присутствовавшего на ней Я.Блюмкина:

«Есенин заявил, что крестьянским поэтам и писателям негде печататься: нет у них ни издательства, ни журнала. Нарком ответил, что этой беде можно помочь: пусть Сергей Александрович, по своему усмотрению, наметит список членов редакционной коллегии журнала, который разрешат. Ему, Есенину, будет выдана подотчетная сумма на расходы, он будет печатать в журнале произведения, которые ему придутся по душе. Разумеется, ответственность политическая и финансовая за журнал целиком ляжет на Сергея. Есенин подумал-подумал, поблагодарил наркома и отказался.

Когда вышли из кабинета, Блюмкин, не скрывая своей досады, спросил Есенина, почему тот не согласился командовать всей крестьянской литературой? Сергей ответил, что у него уже был опыт работы с Клычковым и Орешиным в "Трудовой артели художников слова": однажды выяснилось, что артель осталась без гроша. А кто поручится, что это же не произойдет и с журналом? Он же, Есенин, не так силен в финансовых вопросах. А зарабатывать себе на спину бубнового туза не собирается».

Ройзман, 198.

По-иному оценивает отказ Есенина от этого предложения Г.А.Бениславская (1926):

«Е. уже был болен, его надо было поставить на ноги, а потом привлечь к работе в каком-либо журнале. Ясно, что сам он, конечно, не смог бы организовать».

Материалы, 42.

А.Б.Мариенгоф позже напишет:

«До начала беседы Есенин передал Троцкому только что вышедший номер нашего имажинистского журнала "Гостиница для путешествующих в прекрасном" <№ 2; см.: до 12 июля 1923>.

<...> Троцкий, взглянув на журнал, сказал:

— Благодарю вас.

И, выдвинув ящик письменного стола, достал тот же номер "Гостиницы для путешествующих в прекрасном", чем сразу и покорил душу Есенина.

В журнале была напечатана моя "Поэма без шляпы". В ней имелась такая строфа:

Не помяни нас лихом, революция.
Тебя встречали мы какой умели песней.
Тебя любили кровью —
Той, что течет от дедов и отцов.
С поэм снимая траурные шляпы,—
Провожаем.

— Передайте своему другу Мариенгофу, — сказал Троцкий, — что он слишком рано прощается с революцией. Она еще не кончилась. И вряд ли когда-нибудь кончится. Потому что революция — это движение. А движение — это жизнь».

Мой век, 139–140.

А.Б.Мариенгоф на встрече Л.Д.Троцкого с Есениным не был, так что о степени достоверности его рассказа судить трудно. К тому же «Поэма без шляпы» была опубликована в другом номере Гост., выпущенном еще в 1922 году (см.: 1 окт. 1922, первая запись).

О замысле журнала см. также: 7 ... 12 авг. 1923; 15 или после 15 авг. 1923, вторая запись; 21 авг. 1923, четвертая запись; начало окт. 1923; до 23 окт. 1923; 13–31 дек. 1923, четвертая запись; 14 февр. – 9 марта 1924, вторая запись; 7 апр. 1924, третья и четвертая записи; 11 апр. 1924, первая запись; 6 июня 1924, третья запись; до 24 авг. 1924.

В отказе поэта логично усмотреть нежелание подчинить будущее издание определенной идеологии: «Я не разделяю ничьей литературной политики. Она у меня своя собственная — я сам» (Есенин, VI, 193).

Известные высказывания поэта свидетельствуют о его противоречивом отношении к Л.Д.Троцкому. В очерке «Железный Миргород» Есенин пишет о нем:

«Мне нравится гений этого человека, но видите ли?.. Видите ли?..»

Есенин, V, 161.

Имя Л.Д.Троцкого упоминается в автобиографии Есенина (1923), а также в его «Песни о великом походе» (1924) и в «Руси бесприютной» (1924).

В.Ф.Наседкин отмечает:

«Идеальным, законченным типом человека Есенин считал Троцкого».

Наседкин В. Последний год Есенина. М., 1927, с. 35.

Подобное свидетельство есть в воспоминаниях С.Б.Борисова (1926):

«С большим уважением, доходящим до почитания, относился <Есенин> к Троцкому...».

Материалы, 392. См. также: 19 июля 1924, третья запись.

Ср., однако:

«Лейба Бронштейн <...> правит Россией, а не должен ей править...»

Подробнее см.: 12 марта 1923, первая запись.

См. также: 15 или после 15 авг. 1923, вторая запись; 29 авг. 1923, первая запись.

Есенин выступает на вечере в Политехническом музее.

М.Д. Ройзман позднее подробно опишет начало вечера:

«Сперва Шершеневич, Мариенгоф, Ивнев произнесли краткие речи, поздравили Сергея с приездом, потом облобызали его. Разумеется, слушатели отлично понимали, что имажинисты раньше встретились с Есениным, возможно, поздравляли, целовались, и начало "встречи" не могло не показаться нарочитым. После этого Сергей стал рассказывать о своем путешествии за границу. Он описывал комфортабельные гостиницы, заокеанские гиганты-пароходы, тяжелые чемоданы Айседоры Дункан. Он не подготовил план своего выступления, говорил обо всем серьезно, а, может быть, следовало над многим поиронизировать».

Ройзман, 181–182.

Р.Ивнев напишет:

«...задолго до назначенного часа народ устремился к Политехническому музею. Здание музея стало походить на осажденную крепость. Отряды конной милиции едва могли сдерживать напор толпы. Люди, имевшие билеты, с величайшим трудом пробирались сквозь толпу, чтобы попасть в подъезд, плотно забитый жаждущими попасть на вечер, но не успевшими приобрести билеты. Участники пробирались с не меньшим трудом.

Но вот вечер наконец начался.

Председатель объявил, что сейчас выступит поэт Сергей Есенин со своим "докладом" и поделится впечатлениями о Берлине, Париже, Нью-Йорке. Есенин, давно успевший привыкнуть к публичным выступлениям, почему-то на этот раз волновался необычайно. Это чувствовалось сразу, несмотря на его внешнее спокойствие. Публика встретила его появление на эстраде бурной овацией. Есенин долго не мог начать говорить. Я смотрел на него и удивлялся, что такой доброжелательный прием не только не успокоил, но даже усилил его волнение. Мною овладела какая-то неясная, но глубокая тревога.

Наконец наступила тишина, и в зале раздался неуверенный голос Есенина. Он сбивался, делал большие паузы. Вместо более или менее плавного изложения своих впечатлений Есенин произносил какие-то отрывистые фразы, переходя от Берлина к Парижу, от Парижа к Берлину. Зал насторожился. Послышались смешки и пока еще негромкие выкрики. Есенин махнул рукой и, пытаясь овладеть вниманием публики, воскликнул:

— Нет, лучше я расскажу про Америку. Подплываем мы к Нью-Йорку. Навстречу нам бесчисленное количество лодок, переполненных фотокорреспондентами. Шумят моторы, щелкают фотоаппараты. Мы стоим на палубе. Около нас пятнадцать чемоданов — мои и Айседоры Дункан...

Тут в зале поднялся невообразимый шум, смех, раздался иронический голос:

— И это все ваши впечатления?

Есенин побледнел. Вероятно, ему казалось в эту минуту, что он проваливается в пропасть. Но вдруг он искренне и заразительно засмеялся:

— Не выходит что-то у меня в прозе, прочту лучше стихи!

<...> Публику сразу как будто подменили, раздался добродушный смех, и словно душевной теплотой повеяло из зала на эстраду. Есенин начал, теперь уже без всякого волнения, читать стихи громко, уверенно, со своим всегдашним мастерством. Так бывало и прежде. Стоило слушателям услышать его проникновенный голос, увидеть неистово пляшущие в такт стихам руки и глаза, устремленные вдаль, ничего не видящие, ничего не замечающие, как становилось понятно, что в чтении у него нет соперника. После каждого прочитанного стихотворения раздавались оглушительные аплодисменты. Публика неистовствовала, но теперь уже от восторга и восхищения. Есенин весь преобразился. Публика была покорена, зачарована, и, если бы кому-нибудь из присутствовавших на вечере напомнили про беспомощные фразы о трех столицах, которые еще недавно раздавались в этом зале, тот не поверил бы, что это было в действительности. Всё это казалось нелепым сном, а явью был триумф, небывалый триумф поэта, покорившего зал своими стихами. Всё остальное, происходившее на вечере: выступления других поэтов, в том числе и мое, — отошло на третий план. После наших выступлений снова читал Есенин. Вечер закончился поздно. Публика долго не расходилась и требовала от Есенина всё новых и новых стихов. И он читал, пока не охрип. Тогда он провел рукой по горлу, сопровождая этот жест улыбкой, которая заставила угомониться публику.

Так закончился этот памятный вечер».

Восп., 1, 342–344.

На вечере в Политехническом музее присутствуют Г.А.Бениславская и А.Г.Назарова, которая отметит в воспоминаниях:

«Мы с Галей были на вечере в Полит<ехническом>, где Е<сенин> читал “Москву кабацкую” и отрывки из “Страны <Негодяев>”».

Шубникова-Гусева-2008, 147.

См. также: 15 авг. 1923; 19 авг. 1923, первая запись; до 21 авг. 1923, первая запись; 23 авг. 1923, первая запись; 25 авг. 1923; 27 авг. 1923.

Есенин делится с корреспондентом газеты «Трудовая копейка» программой издания журнала «Вольнодумец».

Событие и его дата определяются на основе информации, зафиксированной в материале «Первое выступление Сергея Есенина» в газ. «Трудовая копейка» (см.: 25 авг. 1923):

«Из личной беседы с Есениным выяснилось, что им налажено в Москве издание нового журнала “Вольнодумец”, который будет отражать новое культурстроительство, а не заниматься прикладничеством и агитками, как “Леф”. В работе “Вольнодумца”, кроме

возглавлявшего <так!> журнал Есенина, ближайшее участие будут принимать Ан. Мариенгоф и Вад. Шершеневич».

См. также: 7 ... 12 авг. 1923; 15 или после 15 авг. 1923, вторая запись; 21 авг. 1923, вторая запись; начало окт. 1923; до 23 окт. 1923; 13–31 дек. 1923, четвертая запись; 14 февр. – 9 марта 1924, вторая запись; 7 апр. 1924, третья и четвертая записи; 11 апр. 1924, первая запись; 6 июня 1924, третья запись; до 24 авг. 1924.

Август, до 22. В редакции газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» готовится к печати первая часть очерка Есенина «Железный Миргород».

Дата события определяется с учетом времени публикации очерка (см.: 22 авг. 1923, первая запись).

Неавторизованная машинопись первой части произведения исполнена с автографа РГАЛИ (см.: 14 авг. 1923, первая запись) с сокращениями и поправками рукой редактора (ГАРФ, ф. редакции газ. «Известия»). Количество и характер помет на машинописном тексте, порядок прохождения подобного рода материалов в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», а также сведения, содержащиеся в воспоминаниях В.М.Василенко, позволяют предположить, что очерк «Железный Миргород» мог находиться в работе несколько дней.

С рукописью внимательно знакомится В.М.Василенко (см.: 15 или после 15 авг. 1923, первая запись), затем она перепечатывается на пишущей машинке. Скорее всего, с машинописным текстом знакомится главный редактор и секретарь редакции О.С.Литовский.

Потом с машинописью работают два редактора. Неизвестный редактор делает помету «Ут. н.» около заголовка «Железный Миргород. Статья первая». Затем вычеркивает слова «Статья первая», а также последнее предложение текста («О том, что такое Нью-Йорк, поговорим после»).

С.И.Субботин полагает:

«Снятие указанных мест вполне объяснимо, если расшифровывать помету "Ут. н." как "Уточнить название". Провести это уточнение у самого автора в тот момент вряд ли было возможно — как раз вечером 21 августа, когда шла сдача номера с "Железным Миргородом" в печать, Есенин выступал в Политехническом музее <...>. Скорее всего, необходимая информация была получена у лица, редактировавшего и правившего машинопись есенинского очерка ранее. Когда выяснилось, что продолжения "Железного Миргорода" в редакции нет, подзаголовок очерка и его заключительная фраза были из текста устранены».

Есенин, V, 390.

В результате изучения машинописи с пометами и сокращениями, сделанными в редакции газеты, С.И.Субботин делает следующие выводы:

«Правка в наборной машинописи ГАРФ и сокращения в ней были сделаны рукой известинского редактора (красными чернилами), а перед сдачей в набор — также и другим сотрудником газеты, выпускавшим номер (синим карандашом). В то же время каких-либо следов почерка Есенина в рассматриваемом источнике текста не обнаружено. Поэтому нельзя полностью исключить предположения, что поэт не имел к описанной правке никакого отношения.

Суть альтернативной гипотезы — в том, что внешнее вмешательство в текст "Железного Миргорода" было так или иначе согласовано с Есениным. Соображения в пользу этого таковы: после выхода в свет первой части очерка Есенин не только не протестовал против правки своего оригинального текста, как это обычно делалось им в подобных случаях, но принес в "Известия" и вторую часть своего произведения; это могло произойти лишь при его согласии с появлением в печати первой части в сокращенном виде. <...>

Существует также факт, который может быть объяснен определенным участием Есенина в редакционной подготовке "Железного Миргорода" к печати. Первым этапом работы редактора "Известий" над машинописью есенинского очерка явилась расстановка на полях красными чернилами вопросительных знаков напротив наиболее сомнительных, с его точки зрения, мест текста. Отмеченные места потом купировались либо редактировались теми же красными чернилами; одновременно вычеркивались знаки вопроса на полях машинописи. В итоге большинство "завопрошенных" мест "Железного Миргорода" было из текста убрано. Однако одну из "сомнительных" фраз ("До чего бездарны поэмы Маяковского об Америке") редактор не тронул, а поставленный рядом с ней вопросительный знак зачеркнул. Причиной такого решения вполне мог быть компромисс, достигнутый редактором и автором при устном обсуждении "сомнительных" мест первой части очерка.

Конечно, всё это можно истолковывать и по-другому — скажем, как результат решения лица с большими полномочиями, чем у рядового редактора. Но до тех пор, пока нет документальных подтверждений тому либо другому объяснению, ситуацию принято трактовать в пользу автора».

Есенин, V, 391–392.

В соответствии с вышеизложенным текст «Железного Миргорода» напечатан в Есенин, V по первой публикации с исправлениями по автографу.

См.: 8 ... 13 авг. 1923, вторая запись; 14 авг. 1923, первая запись; 15 или после 15 авг. 1923, первая запись; 22 авг. 1923, первая запись; после 22 авг. – до 10 (?) сент. 1923; 28 авг. 1923, вторая запись; 30 авг. 1923, вторая запись; 14 сент. 1923; до 16 сент. 1923; 16 сент. 1923, первая запись; 16 окт. 1923, вторая запись; 26 окт. 1923.

Август, 22. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 187) публикует первую часть очерка Есенина «Железный Миргород».

В публикации указана дата написания очерка: «Москва, 14 августа 1923 г.».

Есенин, V, 161–166.

Наиболее существенные сокращения первоначального текста при публикации произведения:

«Народ наш мне показался именно тем 150 000 000-ым рогатым скотом, о котором писал когда-то в эпоху буржуазной войны в “Летописи” Горького некий Тальников. Где он теперь?

Я с удовольствием пожал бы ему руку, ибо это была большая правда и большая смелость в эпоху квасного патриотизма»;

«...лучше фокстрот с здоровым и чистым телом, чем вечная, раздирающая душу на российских полях, песня грязных, больных и искалеченных людей про “Лазаря”. Убирайтесь к чёртовой матери с Вашим Богом и с Вашими церквями. Постройте лучше из них сортиры, чтоб мужик не ходил “до ветру” в чужой огород»;

«...лишь бы поменьше было таких ценителей искусства, как Мещеряков в Госиздате или (царство ему небесное) покойный Вейс...».

В печатном тексте первой части отсутствуют аллюзии на содержание поэмы В.В.Маяковского «150 000 000»; на «весьма нелестные высказывания о русском народе», содержащиеся в эссе М. Горького «О русском крестьянстве» (Берлин, 1922), и на статью Д.Тальникова «При свете культуры (Чехов, Бунин, С.Подъячев, Ив. Вольный)» (журн. «Летопись», Пг., 1916, № 1, янв., с. 275–299), который писал о «квасном патриотизме», а также на фрагменты рассказа И.А.Бунина «Я всё молчу» (1913), — например, про «Лазаря», — которые рассматривались Д.Тальниковым (там же, с. 291). Сняты также упоминания Н.Л.Мещерякова и Д.Л.Вейса (заведующего Госиздатом РСФСР и его заместителя в 1921–1922 г.).

Судя по воспоминаниям Д.Н.Семёновского, об опубликованном тексте очерка автор высказывался без энтузиазма:

«...я заговорил о том, что читал в “Известиях” его очерк об Америке “Железный Миргород”.

— Разве было напечатано? — равнодушно спросил Есенин. — Я не видал этого номера».

Восп.-95, 77.

Такая реакция поэта, считает С.И.Субботин, вполне объяснима: если Есенин согласился с предложенными редактором «Известий» сокращениями в «Железном Миргороде» вынужденно, то он уже не мог относиться к печатному тексту очерка как полностью к своему собственному (см.: Есенин, V, 394–395).

Среди других причин охлаждения Есенина к первоначальному замыслу о «ряде статей» об Америке исследователи называют появление в печати фельетона И.Л.Оршера (см., напр.: Прокушев Ю. Поэт века. — В мире Есенина, 148). Об этом фельетоне см.: 28 авг. 1923, вторая запись.

См. также: 8 ... 13 авг. 1923, вторая запись; 14 авг. 1923, первая запись; 15 или после 15 авг. 1923, первая запись; до 22 авг. 1923; после 22 авг. – до 10 (?) сент. 1923; 30 авг. 1923, вторая запись; 14 сент. 1923; до 16 сент. 1923; 16 сент. 1923, первая запись; 16 окт. 1923, вторая запись; 26 окт. 1923.

См. Приложение.

Газета «Брянский рабочий» (№ 184) продолжает публикацию цикла С.Александрова «Заметки о современной поэзии» статьей «7. Крестьянские поэты», где о Есенине говорится:

«Целая плеяда ярких, талантливых поэтов-крестьян выступила в годы революции и создала особую крестьянскую поэзию. Поэты-крестьяне не имеют до сих пор определенного объединения, но лучше всяких организаций их объединяет единство их творчества.

Среди этих крестьянских поэтов выделяются: Сергей Есенин, Николай Клюев, Сергей Клычков, Петр Орешин, Ширяевец-Абрамов.

Первое место среди них принадлежит Сергею Есенину, это вообще едва ли не самый яркий талант среди современных поэтов. Все эти поэты — сами крестьяне, пришли из деревень, "кто от степи, кто от Волги, кто от лесу, лесу темного" (Ширяевец). Этих поэтов характеризуют слова Есенина "из трав мы вяжем книги". Есенин про себя и других вправе был сказать: "Но остался задор в нем прежней выправки — деревенского озорника" (С.Есенин — "Исповедь хулигана").

Поэты-крестьяне возродили кольцовскую поэзию, возвеличили ее, соединив поэзию Кольцова с красочной чисто-народной поэзией и со стихами лучших русских поэтов — мастеров слова, в особенности Бальмонта и Блока (Львов-Рогачевский, "История новейшей литературы").

По красоте и оригинальности стиха крестьянские поэты превосходят поэтов "Кузницы".

В основу творчества своего поэты-крестьяне взяли народную мифологию, верования, предания, народные песни и их красочный и образный язык, их музыкальн<ость> и напевность и затем природу, которую они "оживили", а не воспели. <...> Подобно Кольцову, поэты-крестьяне, собственно, не поэты, а певцы, и их стихи можно петь или читать нараспев.

<...> Огромное количество образов, слов и оборотов из народной речи принесли в литературу поэты-крестьяне. Но у них и старые избитые образы и слова оживают и блестят, как, напр<имер>, у Есенина его излюбленные "старые" слова: синий, голубой, корова, телята и т. д. звучат, как совершенно новые и яркие... <...> Характерно для всех крестьянских поэтов — это лучезарность настроения, радостный, светлый, "голубой" дух их поэзии.

<...> Но наравне с этим они изображали и "звериный дух" того же крестьянина — причудливо переплетающийся в деревенской психологии, это переплетение особенно хорошо изображено Есениным в его "Пугачеве". "Есенину дано вообще больше всех подслушивать биение сердца современной деревни, перелить в ясные песни то, что загадочно и глухо ворочается в ее глубинах" (Коган, ст<атья> о Есенине в журнале "Красная новь").

"Голубиный дух", лучезарность особенно показаны поэтами в их сюжетах, взятых из мифологии. Так, у Есенина в его поэме "Микола" любимый народный угодник Микола посылается Богом исходить "черной скорбью вытерзанный люд". Он исцеляет людей и, помимо того, "собирает божьих тварей, кормит просом с подола"...

Любимые образы Есенина, Клюева, Ширяевца и др. это: Кроткий Спас, Пречистая Всепетая Матерь и т. д., но сами поэты не религиозны.

К этим образам они прибегают для лучшего отражения особой религиозной психологии крестьянина».

См.: 18 авг. 1923, первая запись; 23 авг. 1923, вторая запись.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3860; рубрика «Новости в три строки») помещает запоздалую информацию:

«Известная танцовщица-босоножка Айседора Дункан и поэт Есенин прибыли в Москву».

Август, после 22. Есенин приходит в гости к Г.А.Бениславской.

Событие фиксируется по воспоминаниям А.Г.Назаровой.

Точная дата первой встречи Есенина и Г.А.Бениславской после зарубежной поездки не установлена.

Время события определяется с учетом сроков переезда Есенина из особняка, где размещалась Школа Дункан, на квартиру А.Б.Мариенгофа (см.: 15 или 16 авг. 1923) и выступления Есенина в Политехническом музее, на котором присутствует Г.А.Бениславская (см.: 21 авг. 1923, третья запись).

А.Г.Назарова вспомнит:

«Г<але> по делу пришлось пойти к Е<сенину>. Там они условились, что Е<сенин> придет к Г<але> на Никитскую. Как сейчас помню, как обрисовал "положение дел" на Никит<ской> один знакомый <Покр<овский> — *приписка Г.А.Бениславской на полях*>: "Пол натерт, везде чисто, сама нарядная, в комнате корзина цветов". <...> Е<сенин> пришел без меня. Я с работы вернулась около 11. После приезда из-за границы я его 1-й раз видела близко. Он очень изменился. В 21 г<оду> было в нем больше мальчишеского, чего-то задорного, живого. У него даже походка была другая. Более легкая, уверенная, упругая какая-то, а теперь в ней была, правда, еле заметная, вялость. В манере держаться, говорить — не было уж той простоты. Рука одна была в перчатке ("на заграничный манер", — подумала я). Папиросы превратились в сигареты. И много таких, еле заметных мелочей наложило какой-то след на Е<сенина>, сделало его каким-то другим, более взрослым, более "светским", я бы сказала. В модном костюме, о фасоне которого он с увлечением нам рассказывал, с шампанским, он каким-то диссонансом ворвался к нам, в нашу неуютную, плохо обставленную комнатушку, к нашим потертым платьям и "беднотовским" интересам. <...> Е<сенин> рассказывал, как он рад, что вернулся в Россию, говорил много и оживленно и тут же, смеясь, добавлял: "А знаете, почему я так много говорю? Соскучился. Столько времени не говорил. Не с кем было. <"Понимаете — молчал два года, всё время молчал" — *приписка Г.А.Бениславской на полях.*> Не знаю я их языка, да и знать не хочу" <...> Это был 1-ый визит Е<сенина> на Никитскую в ту самую комнатушку, в которой пришлось потом долго жить и работать Е<сенину>».

Материалы, 135–136.

Вечером к Г.А.Бениславской приходит И.Приблудный и читает свои стихи. Поэты остаются на ночлег.

Из воспоминаний А.Г.Назаровой:

«Позднее пришел Прибл<удный>, о котором Есенин уже рассказал нам как об очень талантливом мальчике. Приблудный читал стихи, которые нас уже тогда поразили своей красочностью и звучностью и какой-то серьезной мудростью... <...> Остались они у нас ночевать, а на следующее утро Е<сенин> уже проектировал, нельзя ли ему сюда перебраться совсем».

Материалы, 136.

В одно из посещений Г.А.Бениславской Есенин читает вариант стихотворения «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...».

Текст см.: Летопись, 3 (2), 263.

См. также: Есенин, I, 599.

В рукописных источниках этот текст не зафиксирован. Известен по воспоминаниям Г.А.Бениславской (Материалы, 40–41).

Есенин читает друзьям и знакомым ранний вариант поэмы «Черный человек».

Время события определяется с учетом воспоминаний С.С. Виноградской и времени посещения Есениным Г.А.Бениславской, в одной квартире с которой проживала С.С.Виноградская.

В комментариях к поэме С.А.Толстой-Есениной и Е.Н.Чеботаревской отмечается: «С.С.Виноградская вспоминает, что вскоре после заграничной поездки Есенин читал ей "Черного человека" по рукописи» (Есенин, III, 690).

С.А.Толстая-Есенина вспомнит также, что Есенин отдал «Черному человеку» «так много. Написал несколько вариантов поэмы» (сб. «День поэзии 1975», М., 1975, с. 200).

По свидетельству современников, Есенин после зарубежной поездки читал «Черного человека» многим своим знакомым.

М.Д.Ройзман позднее напишет о «Черном человеке»:

«Поэма Есенина была длинней, чем ее окончательный вариант. В конце ее лирический герой как бы освобождался от галлюцинаций, приходил в себя».

Восп., 1, 393.

В.Ф.Наседкин также отметит:

«То, что вошло в собрание сочинений, — это один из вариантов. Я слышал от него другой вариант, кажется, сильнее изданного».

Восп., 2, 309.

Другого мнения придерживался А.Б.Мариенгоф, который напишет, что в окончательный текст Есенин внес поправки «не очень значительные» (Мариенгоф, 142).

См. также: Шубникова-Гусева, 480–487.

Август, после 22 – Сентябрь, до 10 (?). Есенин пишет вторую часть очерка «Железный Миргород».

Точное время начала работы над второй частью неизвестно, датируется ориентировочно с учетом совокупности фактов. Нижняя граница датировки определяется с учетом особенностей автографа, воспоминаний мемуаристов, а также того факта, что до 22 авг. 1923 г. в редакцию газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» вторая часть очерка не поступила. Верхняя граница определяется с учетом даты публикации (см.: 16 сент. 1923, первая запись) и объема редакторской правки текста (см.: до 16 сент. 1923).

Вывод о том, что две части очерка выполнены в два приема, сделан С.И.Субботиным в комментарии к очерку (см.: Есенин, V, 388–395) и основывается на следующем.

Две части рукописи очерка имеют различия в формате бумаги, существует разница и в цвете чернил, использованных автором. Первая часть очерка написана черными чернилами; для его второй части (начатой с заголовка «Железный Миргород (продолжение)») Есенин употребил зеленые чернила. К тому же публикация «Железного Миргорода» в газете была осуществлена с почти месячным интервалом по времени между первой и второй частями очерка.

Предположение о том, что «вторая часть очерка ‹...› была подготовлена Есениным позднее и сдана в редакцию не одновременно с первой частью» впервые выдвинул В.Г.Белоусов (Хроника, 2, 271). Утверждение В.М.Василенко, что Есенин принес в «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» сразу обе части «Железного Миргорода» (см.: 15 авг. или после 15 авг. 1923, первая запись), было, таким образом, поставлено под сомнение.

См. также отсылки, данные в след. записи.

Есенин сдает рукопись второй части очерка «Железный Миргород» в редакцию газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов».

Точная дата этого события не установлена. Но оно могло произойти после публикации первой части очерка до десятых чисел сентября с учетом того, что рукопись второй части очерка также внимательно изучалась и редактировалась, как и первая (см.: до 16 сент. 1923).

Продолжения «Железного Миргорода» не последовало.

См.: 8 ... 13 авг. 1923, вторая запись; 14 авг. 1923, первая запись; 15 или после 15 авг. 1923, первая запись; до 22 авг. 1923; 22 авг. 1923, первая запись; 28 авг. 1923, вторая запись; 30 авг. 1923, вторая запись; 14 сент. 1923; до 16 сент. 1923; 16 сент. 1923, первая запись; 16 окт. 1923, вторая запись; 26 окт. 1923.

Август, после 22 ... Ноябрь, до 19. Есенин встречается в кафе «Стойло Пегаса» с А.Мариенгофом, В.Шершеневичем, И.Приблудным, Д.Семёновским.

Событие устанавливается по воспоминаниям последнего, а его рамки определяются с учетом упоминания о публикации очерка «Железный Миргород» (см.: 22 авг. 1923, первая запись) и того, что встреча была в «Стойле Пегаса»:

«Он показался мне высоким и плечистым. На нем был новый серый костюм, но пресловутый цилиндр на голове заменяла обыкновенная кепка. Его лицо было всё еще свежим и привлекательным.

Мы сидели за столиком и разговаривали.

<...> Он начал читать мое стихотворение:

Плачет, плачет очами бессонными
Безотрадная серая высь...

Стихотворение было написано еще в семинарии, я отдал его в "Вестник шанявца", где оно, вероятно, и было напечатано. Я теперь стеснялся его, но Есенин прочитал наизусть все шестнадцать строчек, не сделав ни одной ошибки.

Чтобы перевести разговор на другое, я пошутил:

— Напрасно тебя называют крестьянским поэтом. Даже я больше крестьянин, чем ты. Я летом пахал, косил, а ты что делал?

Есенин засмеялся:

— Так не по паспорту же определяется направление поэта.

Потом я заговорил о том, что читал в "Известиях" его очерк об Америке "Железный Миргород". <...>

— Ты должен бы больше писать прозой, она тебе удается, — сказал я.

— Нет, проза у меня хуже стихов, — ответил Есенин, — я буду писать только стихи.

— А почему ты не напишешь, как ты летал? — спросил я. — Тема такая интересная!

— Может быть, и интересная, да в душе не прозвучала, — ответил Есенин.

В кафе пришли Мариенгоф и Шершеневич. С ними был какой-то военный с румяным, полным лицом. Поэты с военным прошли в глубь кафе и заняли стол у стенки. Мы с Есениным тоже перешли к ним и поместились за соседним столиком.

<...> Появился в кафе и очень юный поэт Иван Приблудный, который, как оказалось потом, выполнял роль есенинского адъютанта.

Круглое лицо поэта дышало деревенской свежестью. Голубая вязаная рубашка обтягивала его широкую грудь.

Есенин подошел к военному и попросил у него взаймы десять рублей.

Получив новенький червонец, он передал его Приблудному:

— Отнеси сейчас моей сестре. Без копейки сидит.

Поэт отправился в путешествие, оставив Есенину томик в красной разрисованной обложке. Это было берлинское издание есенинских стихов. Есенин любовно посматривал на книгу, поглаживал ее.

— Талантливый парень, — сказал Есенин об ушедшем. — Хорошо будет писать! <...>

Мариенгоф и Шершеневич говорили о новых рекламных трюках. Кто-то из них рассказывал о том, что какой-то негр проехал по улицам Парижа или Берлина на корове.

Есенин оживился:

— Моя мысль! Помните, я предлагал проехать на корове по Москве? Теперь нас опередили.

Не обошлось и без очередного скандала. Есенин зачем-то вышел из-за стола и начал кричать на служащую кафе:

— Вас разогнать надо! Я давно говорил, что буфет нужно прикрыть!

Я смотрел на бледное в электрическом свете, раздраженное лицо Есенина, на его размахивающие руки. Только сейчас я почувствовал ту перемену, которая произошла с ним. <...>

Есенин вернулся к столу.

Понемногу он успокоился. Снова возобновился наш разговор.

Я передал Есенину отзыв о нем А.М.Горького как о "колоссальном таланте". Он ответил:

— В Германии я видел Алексея Максимовича. Когда я читал там свои стихи, он заплакал и сказал: "Откуда такие берутся".

Запомнилось выражение Есенина:

— Талант дураком приходит...

Запомнилось и то, как он говорил, что всё его творчество — о России, что Россия — главная тема его стихов.

— Без этой темы я не был бы поэтом. Мои стихи национальны.

В кафе стало людно и шумно.

— Хочешь, я прочитаю свои новые стихи? — спросил Есенин.

И начал читать недавно написанный цикл стихов "Москва кабацкая".

По предложению Есенина я тоже прочитал два стихотворения. Он внимательно слушал мое чтение.

— Какая нежность! — сказал он, когда я читал:

Лунный свет еще нежней голубит
Каждый камень на моем пути.

Сделал и критические замечания: строчка "И, любя, сливаемся в одно" показалась ему банальной. По поводу выражения "Все мы братья во веки веков" Есенин сказал:

— Уж очень истина-то не новая.

В заключение же посоветовал:

— Тебе надо издать книжку.

Есенин нуждался в деньгах, но надеялся поправить свои дела: для этого он собирался продать журналу "Красная новь" стихи о кабацкой Москве.

Когда я уходил, Есенин пообещал:

— Я, может быть, приеду к вам в Иваново. Там у вас есть где выступить?

— Найдем, — ответил я.

Но приехать в Иваново ему не пришлось».

Восп.-95, 76–79.

Август, 23. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 188; рубрика «Театр и искусство») печатает отчет С.Борисова «Вечер Есенина»:

«"Доклад" Есенина на вечере 21 августа в переполненной аудитории Политехнического музея — впечатления о заграничной поездке, — по существу, не являлся докладом, а беседой на разные темы. Нужно отметить, что меньше было впечатлений, а больше раздражений по поводу "Лефа". Увы, это раздражение и полемические выпады покоились не на критической базе, а на шатком фундаменте поэтической конкуренции... Но всё же по докладу можно признать, что поездка произвела сдвиг в мироощущении поэта <...> Былая любовь к старой нищей Руси сменилась близостью к городу, к его индустрии и каменным громадам. После доклада поэт читал свои последние стихи <...> Но необходимо отметить, что в первом цикле — "Москва кабацкая" — несмотря на жалость поэта к этой умирающей Москве, которую Октябрь выбросил за борт истории,

чувствуется новая большая струя в поэзии Есенина. Сила языка и образа оставляет за собой далеко позади родственную ему по романтизму поэзию Блока. Следующие стихи "Страна негодяев" относятся еще к старым работам и слабее первых».

См. также: 15 авг. 1923; 19 авг. 1923, первая запись; до 21 авг. 1923, первая запись; 21 авг. 1923, первая и третья записи; 25 авг. 1923; 27 авг. 1923.

Газета «Брянский рабочий» (№ 185) продолжает публикацию цикла статей С.Александрова «Заметки о современной поэзии». В статье «8. Крестьянские поэты (окончание)» вновь говорится о Есенине:

«Кольцов дал поэзию крестьянского труда, поэты-крестьяне нашего времени помимо того — поэзию крестьянского духа и особенно "крестьянскую поэзию природы". Природа в стихах поэтов-крестьян не воспевается, а оживляется. В их стихах природа сама живет, у нее своя душа. Здесь поэты приходят к самому настоящему анимизму — одухотворению природы, которое есть и во всех народных верованиях и песнях. В этом одухотворении природы отличие поэтов-крестьян от других певцов природы.

Вот, например, С.ЕСЕНИН обращается к настоящему вечеру:

"Пролей, как масл<о> власа <луны> в мужичьи ясли моей страны. Спуст<и>, как полог, зарю на синь, окинь с улыбкой м<и>рскую весь и солнце зыбкой к <к>устам привесь".

Или С.КЛЫЧКОВ в стихотворении "УЛЮСЬ" — "и словно манит тонкой кистью черемухи рос<ист>ый куст, и слышится мне шорох листьев и шепот человеч<ьих> уст".

Но поэты-крестьяне пишут не только "о древлем благочестии" (ШИРЯЕВЕЦ), "о шорохе листьев" (КЛЫЧКОВ); о Миколе Милостивом (ЕСЕНИН) и о зверином и о голубином духе крестьянина. Они пишут и о революции, которая красным набатом (КЛЮЕВ) разбудила деревню, и деревня сознает, что ей "не быть теперь черницей — светлый путь теперь нашла" (ШИРЯЕВЕЦ).

Восприятие революции у них, конечно, чисто крестьянское, бунтарское. Но ведь такое бунтарство сродни революции пролетариата.

По-крестьянски с мелкобуржуазной манерой отзываются они о повороте революции: например, у ЕСЕНИНА: "видно, в смех над самим собой пел я песнь о чудесной гостье".

КЛЮЕВ, образно выражая то же отчаяние, восклицает:

Всепетая Матерь с иконы сбежала
Усатым мадьярам себя продавать.

Особенно остро разочарование и тоска сквозит в стихах ЕСЕНИНА, который к тому же мучительно переживает период оформления, искания правильного пути в жизни и искусстве. Подавленный отчаянием, он "похабную надпись заборную превращает в псалом". Но несмотря на эти его выверты — ведь нельзя забыть другого лучезарного элемента, который был в его первых стихах и, можно надеяться, еще будет в дальнейшем.

Особое отношение у поэтов-крестьян к городу. Они по-крестьянски боятся города-зверя, который наступает на деревню, оттесняет ее на задний план: "Так охотники травят волка, зажимая в тиски облав... И поле стынет в тоске волоокой, телеграфными столбами давясь" (ЕСЕНИН).

Но они принуждены преклоняться перед "железным ходом времени".

Вот, например, отрывок из одного прекрасного стихотворения ЕСЕНИНА, в котором поэт описывает, как ранней зарею проходит поезд мимо полей и лугов, и рядом с поездом бежит жеребенок, стараясь перегнать поезд, и поэт восклицает:

Милый, милый, смешной дуралей.
Ну куда он, куда он гонится.

Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница.

Это прекрасное изображение соотношения деревни и идущей вместе с городом промышленности.

Поэтизация крестьянского духа, его яркое изображение чисто крестьянского отношения к революции и к городу, поэзия деревенской мифологии и природы в прекрасных талантливых стихах-песнях с их ярким красочным и образным народным языком — вот что характеризует группу поэтов-крестьян нашего времени».

Практически все стихотворные цитаты здесь искажены.

См.: 18 авг. 1923, первая запись; 22 авг. 1923, вторая запись.

Август, после 23. Есенин приходит к Г.А.Бениславской.

А.Г.Назарова вспомнит:

«А через день или два <см.: после 22 авг. 1923, первая запись>, поздно вечером, прибежал возбужденный Приблуд<ный> и спросил, можно ли Е<сенину> прийти ночевать к нам, "п<отому> ч<то> ему негде". Е<сенин> пришел страшно возбужденный, с кем-то поссорившийся, и целый вечер мог только говорить про эту ссору. После этого 1 месяц еще Е<сенин> не мог нигде обосноваться и ночевал то в "Стойле", то в Богословском, то на Никит<ской>, то у кого-нибудь из знакомых, скитаясь из одного места в другое, а потом и совсем переехал на Никитскую, думая всё время получить комнату или квартиру».

Материалы, 136–137.

Август, 24. А.Дункан телеграфирует Есенину:

«Дарлинг очень грустно без тебя надеюсь скоро приедешь сюда навеки люблю — Изадора».

Письма, 228.

Г.А.Бениславская вспомнит:

«...Почти ежедневно он <Есенин> получал от нее и Шнейдера телеграммы. Она все время ждала и звала его к себе. Телеграммы эти его дергали и нервировали до последней степени, напоминая о неизбежности предстоящих осложнений, объяснений, быть может, трагедии».

Материалы, 50.

См. Приложение.

См. также: 29 авг. 1923, первая запись.

Август, 25. Газета «Трудовая копейка» (№ 5) публикует неподписанную информацию «Первое выступление Сергея Есенина»:

«Во вторник, 21 с. м. в Политехническом музее состоялось первое выступление, после заграничной поездки, Сергея Есенина, поддержанного другими имажинистами; публика, особенно молодежь, переполнившая аудиторию, шумно приветствовала молодого поэта.

После вступительного слова Ан. Мариенгофа, приветствовавшего Есенина от имени имажинистов, Вад. Шершеневича, очертившего современную литературу, "которая поросла Пильняком", Р.Ивнева, рассказавшего о первых встречах с Есениным, — сам Сергей Есенин прочел обстоятельный доклад о заграница и ее искусстве.

Много интересных бытовых и литературных явлений. Колоссальный интерес к русскому искусству, не только новому. Есенин цитировал массу статей английской, американской, французской и немецкой прессы о русских имажинистах, которыми интере-

суются больше, чем футуристами, так как футуризм пришел с Запада в Россию, тогда как имажинизм, наоборот, завоевывает Запад из России.

После доклада Есенин читал свои новые стихи. В них очень чувствуется перелом в психике поэта, уход от деревни и тишины к шуму города, и одновременно появился какой-то новый стиль, почти песенный. Эти стихи, вероятно, проиграют в печати, так как они сильно рассчитывают на слуховое восприятие».

См. также: 15 авг. 1923; 19 авг. 1923, первая запись; до 21 авг. 1923, первая запись; 21 авг. 1923, первая и третья записи; 23 авг. 1923, первая запись; 27 авг. 1923.

Август, 27. Газета «Вечерние известия» (№ 37; подпись: «В.») помещает статью «Политехнич<еский> музей, 21 августа» о вечере Есенина:

«Началось это буффонадно-торжественно.

— Всероссийский орден имажинистов приветствует великого поэта, — возгласил Мариенгоф. — От Ц.К. ордена — слово Шершеневичу.

— Ты приехал в тяжелое время. Литература поросла Пильняками. В поэзии борются две группы: пролетпоэты и леф.

Пролеткульт от проповеди электрификации жизни, законов прогресса уходит назад к реставрации отжитого. К лучинофикации.

Леф кормит читателя молочком вместо мяса. Перед никчемной индивидуалистической лирикой уходят назад грандиозные темы, принципы механизации искусства.

Мы, имажинисты, идем в литературу, неся лозунги романтического идеализма. Идем под флагом национального искусства, ибо за русским искусством пойдет весь мир.

После достаточно невразумительного выступления Рюрика Ивнева, пытавшегося дать параллель — Есенин и современность, виновник торжества поделился впечатлениями заграничной поездки.

Говорил занятно.

— Париж — это мировой метр д'отель, ровно твой патриарх Тихон.

— Венеция имеет красивые дома, но вода в каналах чрезвычайно зловонная.

— Художественников в Америке принимают с трепетом и называют "учителями мира".

— В Чикаго на улицах я видел стадо коров.

И весь доклад в этом роде.

Во второй части вечера Есенин читал свои стихи из цикла "Москва кабацкая".

В заключение прочел отрывок из поэмы "Страна негодяев". Поэма обещает быть остро-своеобразной и интересной».

См. также: 15 авг. 1923; 19 авг. 1923, первая запись; до 21 авг. 1923, первая запись; 21 авг. 1923, первая и третья записи; 23 авг. 1923, первая запись; 25 авг. 1923.

Август, до 28. Продолжаются встречи Есенина с Г.А.Бениславской.

Граница событий устанавливается по датированному документу (см.: 28 авг. 1923, первая запись).

Г.А.Бениславская вспомнит:

«...после заграницы Сергей Александрович почувствовал в моем отношении к нему что-то такое, чего не было в отношении друзей, что для меня есть ценности выше моего собственного благополучия. Носился он со мной тогда и представлял меня не иначе как: "Вот, познакомьтесь, – это большой человек". Или: "Она — настоящая" и т. п. Поразило его, что мое личное отношение к нему не мешало быть другом; первое я почти всегда умела спрятать, подчинить второму. И поверил мне совсем».

Материалы, 86.

М.Д.Ройзман напишет о Есенине и Г.А.Бениславской:

«Когда он знакомил меня с ней, сказал:

— Относись к ней лучше, чем ко мне!

— Хорошо, Сережа! Будет сделано!

Есенин, довольный, прищурил правый глаз, а Бениславская смутилась. Она была года на два моложе его, но выглядела девочкой, в которой, когда она с задором спорила или азартно смеялась, проглядывало что-то мальчишеское».

Ройзман, 140.

Август, 28. Г.А.Бениславская передает Есенину деньги и сопроводительную записку:

«Богословский пер. 3, кв. 46. Сергею Александровичу Есенину.

За д... спасибо. 1923. 28 авг.».

Шубникова-Гусева-2008, 225, 151 (факсимиле; частично).

На том же листе — расписка поэта:

«Получил Есенин».

Местонахождение документа в архиве Г.А.Бениславской почти наверняка означает, что, взяв посланные деньги, Есенин, расписавшись в их получении, вернул записку ее подателю (скорее всего, И.Приблудному), а тот передал ее Г.А.Бениславской.

См. также: 5 окт. 1921, первая запись.

См. Приложение.

Газета «Правда» (№ 192) печатает фельетон И.Л.Оршера «“Сергей Есенин в Америке”: Личные воспоминания. Напечатано на правах декрета в “Известия ЦИКа СССР и РСФСР” <так!>» (подпись: «списал стенографически О.Л.Д’Ор»).

В фельетоне пародируется стиль и содержание первой части «Железного Миргорода» Есенина (см.: 14 авг. 1923, первая запись).

Из фельетона:

«...Американцы не были захвачены врасплох, так как мое появление в Америке было заранее предсказано Пулковской обсерваторией.

Трудно нашему брату, небесному светилу, странствовать инкогнито...

Наш пароход (почти вдвое длиннее Тверской с Ямскими и впятеро шире Ходынки) еще не успел подойти к берегу, как около ста тысяч человек с записными книжками и фотографическими аппаратами бросились с американского берега в воду и поплыли к нам навстречу.

Это были фотографы и репортеры.

Карабкаясь на пароход, точно желая взять его приступом, они кричали:

— Где здесь мистер-товарищ Есенин, величайший поэт, которого не было со дня сотворения мира и не будет до скончания его?

Толкая и топя друг друга, фотографы и репортеры влезли на палубу. Я вышел к ним, и они ахнули от восторга, увидев мое телосложение.

Фотографы попросили меня отогнуть немножко от моей лебединой шеи дорогие кружева моего матинэ. Я это сделал, и они <были>ослеплены белизной моих плеч и классической правильностью моих форм.

Палуба огласилась криками:

— Венера Милосская!

— Фрина!

Все в один голос решили, что при царском правительстве московские купчики ни за что не выпустили бы из России такого красавца.

Фотографы стали снимать меня... Меня удивило, что они фотографировали почти исключительно мои ботинки, брюки и другие части моего туалета. Голову мою они почти не фотографировали.

Когда я обратил их внимание на это обстоятельство, они сказали:

— Мы снимаем лучшее, что у вас есть. Наши издатели никогда нам не простят, если будем им давать мелочи и всякую чепуху.

Репортеры стали спрашивать, почему я так скоро оставил Европу. Я им ответил:

— Европа слишком мала, чтобы вместить в себя мой талант и мои чемоданы.

Они записали этот ответ, который единодушно был признан гениальным.

Прежде, чем сойти на берег, я вынужден был бесплатно поговорить с одним неприличным человеком, который оказался каким-то политическим цензором или агентом политического розыска.

Он повел меня в отдельную комнату и спросил:

— Вы верите в бога?

Я сказал ему, что это — смотря в какой стране. В России я не верю в бога, но в Америке я очень почитаю мистера — бога Иисуса и мистрис Марию.

Он заставил меня прочесть молитву, и я ее прочел так трогательно, что у моего допросчика слезы показались на глазах.

После этого меня пустили на берег. На берегу стояла и дожидалась меня бедная старая девушка, довольно высокого роста, но очень плохо одетая. В одной руке она держала факел. Другую она протянула мне.

Я положил на протянутую руку доллар и потрепал ее по щеке. Старая девушка вся просияла и униженно стала кланяться. На мой вопрос, как ее имя, старая девушка ответила:

— Я — статуя свободы.

Тут я только заметил, что она из бронзы.

Американцы окружили меня и с победными песнями при торжественном марше повели по городу.

В честь моего приезда, на второй день, американцы устроили пышные похороны. Решили для этого пожертвовать своим любимым президентом, мистером Гардингом.

Натурально, на следующий день мне поднесли древнюю американскую президентскую корону, но я поблагодарил и сказал:

— Эта мелочь может доставить удовольствие какому-нибудь Маяковскому. Мне же не надо. Я давно уже признанный политический и физический владыка и вождь вселенной. Уберите корону...

Меня сразу оценили в Америке. Сравнивали со всеми величайшими поэтами и героями мировой истории. Какой-то чудак даже сравнил меня с каким-то римским консулом Марием, который, по словам другого чудака, также любил спать на развалинах Карфагена.

Не понимаю даже, в чем сходство. Одно слово — чудак!

Из Америки я решил вернуться в Россию. Оказывается, тут еще РСФСР и даже СССР. Что же, пусть...

В какой-то газете я прочитал большой фельетон о литературе за подписью какого-то не известного мне Л.Троцкого...

Надо будет сообщить ему, чтобы он зашел ко мне в "Известия". Думаю поощрить "этого человека". В "этом человеке", кажется, что-то есть».

См. также: 8 ... 13 авг. 1923, вторая запись; 14 авг. 1923, первая запись; 15 или после 15 авг. 1923, первая запись; до 22 авг. 1923; 22 авг. 1923, первая запись; после 22 авг. – до 10 (?) сент. 1923; 30 авг. 1923, вторая запись; 14 сент. 1923; до 16 сент. 1923; 16 сент. 1923, первая запись; 16 окт. 1923, вторая запись.

Август, до 29. Есенин знакомится в редакции журнала «Красная новь» с А.К.Воронским.

Граница события определяется с учетом официального приглашения на мероприятие артели писателей «Круг», направленного А.К.Воронским Есенину (см.: 29 авг. 1923, вторая запись).

А.К.Воронский вспомнит (1926):

«Осенью 1923 года в редакционную комнату "Красной нови" вошел сухощавый, стройный, немного выше среднего роста человек лет двадцати шести — двадцати семи. На нем был совершенно свежий, серый, тонкого английского сукна костюм, сидевший как-то удивительно приятно. Перекинутое через руку пальто блестело подкладкой. Вошедший неторопливо огляделся, поставил в угол палку со слоновым набалдашником и, стягивая перчатки, сказал тихим, приглушенным голосом:

— Сергей Есенин. Пришел познакомиться.

Хозяйственный и культурный подъем тогда еле-еле намечался. Люди еще не успели почиститься и приодеться. Поэтам и художникам жилось совсем туго, как, впрочем, живется многим и теперь, и потому весь внешний вид Есенина производил необычайное и непривычное впечатление. И тогда же отметилось: правильное, с мягким овалом, простое и тихое его лицо освещалось спокойными, но твердыми голубыми глазами, а волосы невольно заставляли вспоминать о нашем поле, о соломе и ржи. Но они были завиты, а на щеках слишком открыто был наложен, как я потом убедился, обильный слой белил, веки же припухли, бирюза глаз была замутнена и оправа их сомнительна. Образ сразу раздвоился: сквозь фатоватую внешность городского уличного повесы и фланёра проступал простой, задумчивый, склонный к печали и грусти, хорошо знакомый облик русского человека средней нашей полосы. И главное: один облик подчеркивал несхожесть и неправдоподобие своего сочетания с другим, словно кто-то насильственно и механически соединил их, непонятно зачем и к чему. Таким Есенин и остался для меня до конца дней своих не только по внешности, но и в остальном.

Есенин рассказал, что он недавно возвратился из-за границы, побывал в Берлине, в Париже и за океаном, но когда я стал допытываться, что же он видел и вынес оттуда, то скоро убедился, что делиться своими впечатлениями он или не хочет, или не умеет, или ему не о чем говорить. Он отвечал на расспросы односложно и как бы неохотно. Ему за границей не понравилось, в Париже в ресторане его избили русские белогвардейцы, он потерял тогда цилиндр и перчатки, в Берлине были скандалы, в Америке тоже. Да, он выпивал от скуки, почти ничего не писал, не было настроения. Встречаясь с ним часто позже, я тщетно пытался узнать о мыслях и чувствах, навеянных пребыванием за рубежом: больше того, что услыхал я от него в первый день нашего знакомства, он ничего не сообщил и потом. Фельетон его, помещенный, кажется, в "Известиях", на эту тему был бледен и написан нехотя. Думаю, что это происходило от скрытности поэта.

Тогда же запомнилась его улыбка. Он то и дело улыбался. Улыбка его была мягкая, блуждающая, неопределенная, рассеянная, "лунная".

Казался он вежливым, смиренным, спокойным, рассудительным и проникновенно тихим. Говорил Есенин мало, больше слушал и соглашался. Я не заметил в нем никакой рисовки, но в его обличье теплилось подчиняющее обаяние, покоряющее и покорное, согласное и упорное, размягченное и твердое.

Прощаясь, он заметил:

— Будем работать и дружить. Но имейте в виду: я знаю — вы коммунист. Я — тоже за Советскую власть, но я люблю Русь. Я — по-своему. Намордник я не позволю надеть на себя и под дудочку петь не буду. Это не выйдет.

Он сказал это улыбаясь, полушутя, полусерьезно.

Еще от первого знакомства осталось удивление: о нетрезвых выходках и скандалах Есенина уже тогда наслышано было много. И представлялось непонятным и неправдоподобным: как мог не только буйствовать и скандалить, но и сказать какое-либо неприветливое, жесткое слово этот обходительный, скромный и почти застенчивый человек!»

Восп., 2, 67–68.

Август, 29. Есенин пишет А.Дункан в Кисловодск:

«Дорогая Изадора! Я очень занят книжными делами, приехать не могу. Часто вспоминаю тебя со всей моей благодарностью тебе. С Пречистенки я съехал сперва к Колобову, сейчас переезжаю на другую квартиру, которую покупаем вместе с Мариенгофом. Дела мои блестящи.

Очень многого не ожидал.

Был у Троцкого. <...>

Желаю успеха и здоровья и поменьше пить.

Привет Ирме и Илье Ильичу.

Любящий С. Есенин.

29/VIII 23. Москва».

Есенин, VI, 158, 570–572.

См. Приложение.

Скорее всего, это ответ на телеграмму А.Дункан (см.: 24 авг. 1923).

См. также: 15 или после 15 авг. 1923, вторая запись; 21 авг. 1923, вторая запись.

А.К.Воронский отправляет Есенину приглашение на мероприятие артели писателей «Круг»:

«Уважаемый товарищ.

Артель писателей "Круг" просит Вас пожаловать на товарищескую вечеринку, устраиваемую по случаю наступления литературного сезона в помещении "Дома печати" (Никитский б., д. 8) в 9 часов вечера 31-го сего августа.

Председатель Артели писателей "Круг"

А. Воронский».

Письма, 228.

См.: 31 авг. 1923, вторая запись.

Август, 30. Есенин обедает в кафе «Стойло Пегаса» с Иваном Приблудным.

Сохранилась расписка последнего от 30 авг. 1923:

«В счет Есенина. Взято котлету на 175 руб. Иван Приблудный. / P. S. И стакан [кофе] чаю. 35 руб. И. Пр.».

Есенин, VII (2), 511.

Парижская газета «Последние новости» (№ 1028) помещает неподписанную информацию «Есенин о своих заграничных впечатлениях», где приводится несколько отрывков из «Железного Миргорода»:

«Есенин, благополучно вернувшийся в Москву после многочисленных приключений в Европе и Америке, печатает теперь в "Известиях" свои путевые впечатления <следуют цитаты из главки "Bot «Paris»" под названием "На пароходе в Америку" и "Элис-Айленд" под названием "В Нью-Йорке">».

См. также: 8 ... 13 авг. 1923, вторая запись; 14 авг. 1923, первая запись; 15 или после 15 авг. 1923, первая запись; до 22 авг. 1923; 22 авг. 1923, первая запись; после 22 авг. – до 10 (?) сент. 1923; 28 авг. 1923, вторая запись; 14 сент. 1923; до 16 сент. 1923; 16 сент. 1923, первая запись; 16 окт. 1923, вторая запись; 26 окт. 1923.

Август, 31. Журнал «Прожектор» (№ 14) печатает статью А.К.Воронского «Россия, человечество, человек и Ленин».

Критик, в частности, пишет:

«... теперь, на глазах наших, растет и лезет изо всех щелей Русь новая, советская, Русь кожаных людей, звездоносцев, красных шлемов <...>, у кого на степной полевой загар легли упрямые тени <...>, а в лесных, голубых, васильковых глазах сверкает холод и твердость стали...».

Вероятно, смысл и пафос этих слов оказались созвучны раздумьям самого Есенина о новой России и сыграли роль при выборе им названия одной из поэм — «Русь советская», а метафора Руси кожаных людей легла в основу строк о кожаных куртках Питер-града в «Песни о великом походе» (о работе над ней см., в частности: первая половина июля 1924; после 17 июля 1924).

Есенин участвует в товарищеской вечеринке Артели писателей «Круг».

Фотографируется с участниками вечеринки.

Материалы, 63.

См. Приложение.

К.А.Федин пишет П.Н.Медведеву о проекте Есенина:

«Уважаемый Павел Николаевич, сообщите, пожалуйста, Н.Клюеву, что при "Круге" в начале наступающего литературн<ого> сезона организуется автономная секция писателей, которые будут именоваться, вероятно, "крестьянскими". Секцию организует Серг<ей> Есенин, который имеет в виду пригласить Клюева войти членом в эту организацию».

Сб. «Николай Клюев: Воспоминания современников», М.: Прогресс-Плеяда, 2010, с. 272.

Проект Есенина не осуществился. Ср. также: 8 ... 20 дек. 1918.

Август, 31 ... 1924. Есенин подписывает незаполненный бланк «Издательства артели писателей "Круг"».

Есенин, VII (2), 181.

Время события определяется ориентировочно с учетом периода контактов Есенина с издательством, выпустившим его книгу «Стихи» (см.: после 10 окт. – нояб. (?) 1924).

См. также: 31 авг. 1923, вторая запись.

Август, конец. В один из дней отправляется с друзьями купаться на Москву-реку.

Событие и его время устанавливаются по воспоминаниям С.Т.Конёнкова:

«Стояли последние жаркие дни недолгого московского лета. Большой шумной компанией отправились купаться. На Москве-реке, в Филях, был у меня заветный утес, с которого любо-дорого прыгнуть в воду. Повеселились вволю. По дороге к дому Есенин, вдруг погрустневший, стал читать не известные мне стихи:

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.
Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком...

Тяжелая тоска послышалась мне в его голосе. Я перебил его:
— Что ты? Не рано ли?
А он засмеялся.
— Ничего, — говорит, — не рано.
И опять Есенин пропал из моего поля зрения. На этот раз — навсегда».
Восп., 1, 293.

Август, конец – Сентябрь, до 15. Выходит сборник «Утренние зори: Вторая книга для чтения» (М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923; составители В.Ананьин и И.Флеров) со стихотворением Есенина «В дурную погоду» <«Поет зима — аукает...»>.
Кн. летопись, 1923, № 17, сент., поз. 8361.

Выходит сборник «Зарницы: Чтец-декламатор для детей» (М.: Изд-во Т-ва «В.В.Думнов, насл. бр. Салаевых»; составитель Н.Ашукин; 1923) со стихотворениями Есенина «Осенью» <«Нивы сжаты, рощи голы...»>; «Пурга» <«Заметает пурга...»>; «Песня о собаке» <«Песнь о собаке»>; «Родной край» <«Топи да болота...»>.
Кн. летопись, 1923, № 17, сент., поз. 8369.
Сборник содержит краткие биографические сведения о Есенине:
«*Сергей Есенин*, из крестьян Рязанской губернии. Начал свою поэтич<ескую> деятельность как крестьянский поэт, затем примкнул к имажинистам. Отд<ельные> издания: "Радуница", 1915 <так!>. "Голубень", 1918. "Сельский часослов", 1919. "Преображение", 1921. "Трерядница", 1921».

Август. Парижский журнал «Удар» (№ 4) печатает неподписанную информацию с упоминанием имени Есенина:
«Вышел второй номер Гостиницы для путешествующих в прекрасном <см.: до 12 июля 1923>. Журнал Русских имажинистов. При участии Грузинова, Есенина, Ивнева, Мариенгофа, Ройзмана, Вл. Соколова, Шершеневича, Чекрыгина, Якулова, Эрдмана».
См.: 18 авг. 1923, вторая запись; 16 сент. 1923, пятая запись; 6 нояб. 1923; дек. 1923, первая запись.

Сентябрь, 1. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 196) публикует статью А.В.Луначарского «Еще о Театре Красного быта».
Этот материал полемически отзовется в статье В.Г.Шершеневича «О терминологии и об идеологии. (Дискуссионно)» (см.: сент. (?) 1923, первая запись), а затем и в имажинистской декларации «Восемь пунктов», подписанной Есениным (см.: до 8 февр. 1924).

Пражский журнал «Воля России» (№ 14; подпись: «Т.») публикует информацию «Из литературной хроники в России: Литературная критика» с упоминанием Есенина:
«Литературная критика связывает меланхолию пролетарских писателей с той "оппозиционностью", которую заняли по отношению к советской действительности Шершеневич, Мариенгоф, Есенин; причем последний даже вовсе покинул Россию».

Сентябрь, 1–3, 5–9, 13, 15, 18–21, 23, 25–29. Столуясь в кафе «Стойло Пегаса», Есенин расписывается и делает пометы на выставляемых ему счетах.
Есенин, VII (2), 179, 326, 509–513.

См.: 15 сент. 1923; 16 сент. 1923; 22 сент. 1923; 7 окт. 1923; 8 нояб. 1923.

См. также: 3 авг. 1923, четвертая запись; 7–14, 16, 18–31 авг. 1923; 4, 14, 22, 24, 30 сент. 1923; 1–4, 6–11, 13, 18, 21, 23–25, 27–30 окт. 1923; 5, 12, 19 и 31 окт. 1923; 1–3 и 8–10 нояб. 1923; 5, 14, 15, 18, 21–23 нояб. 1923; после 10 нояб. 1923.

Сентябрь, 2. В газете «Правда» (№ 197; раздел «Библиография») – статья Л.Сосновского «О "Всемирной иллюстрации"», где заходит речь о Есенине:

«Транспортная секция Центросоюза выполняет громадной трудности работу — снабжение всех пролетариев транспорта продуктами и товарами. Вместе с тем она занимается и неторговой деятельностью, напр<имер>, создала издательство "9 Января". В числе прочего издает и журнал "Всемирная иллюстрация". Хозяева журнала, за недосугом, едва ли внимательно просматривают журнал. Я просмотрел только два №№ и вижу, что в журнале

— желтое борется с красным.

Вот вам № 10, совершенно подхалимская статейка о поэте М.Волошине <...>.

В следующем номере журнала мы находим другие перлы. Напр<имер>, фотографии Айседоры Дункан и поэта С.Есенина. Надпись разъясняет, что это — супруги, причем супруг Есенин *сбежал* от своей *маститой супруги*. Так и написано.

Неужели мы можем мириться с такими трактирно-литературными нравами?»

Фотоснимок, о котором идет речь, см., напр.: Есенин, VII (3), [164], № 65; Летопись, 3 (2), 435.

Берлинская газета «Накануне» (№ 424; раздел «Литературная неделя»; рубрика «Литературно-художественная хроника») помещает анонимную заметку «Имажинисты»:

«С приездом Сергея Есенина деятельность московских имажинистов сильно оживилась. Группой вновь открыто кафе "Стойло Пегаса" (в помещении кафе "Бом"). Руководят деятельностью жизни <так!> А.Мариенгоф, Р.Ивнев, И.Грузинов и М.Ройзман. В.Шершеневич всё более и более отходит от поэзии к журналистике».

Сентябрь, 2, 4, 6–8, 11, 13 и 14. Иваново-вознесенская газета «Рабочий край» (№ 195, 196, 198–200, 202, 204, 205) печатает неподписанную информацию с упоминанием имени Есенина:

«Готовится к печати "Красный ткач", л<итературно>-худ<ожественный> журнал, под ред<акцией> С.Зорина.

<...> Привлечены лучшие литературные силы, в их числе:

Н.Асеев, В.Александровский, А.Баркова, Н.Бухарин, А.Воронский, Е.Вихрев, С.Городецкий, С.Есенин, С.Зорин, Вс. Иванов, П.Коган, В.Казин, О.Литовский, И.Майоров, В.Маяковский, Б.Пильняк, С.Селянин, Д.Семёновский, Г.Устинов и др.».

В этом издании Есенин не печатался.

См. также: 16 сент. 1923, третья запись.

Сентябрь, 3. Парижский еженедельник «Звено» (№ 31) публикует материалы, где говорится о Есенине:

— статью К.Мочульского «Мужичьи ясли (О творчестве Есенина)»:

«Все стихи Сергея Есенина — песни одной большой поэмы. Отдельные сборники "Радуница", "Голубень", "Преображение", "Трерядница", "Господи, отелись", "Инония" и другие — только главы ее. Замысел могучий, план простой, тема — едина. Годы, раз-

деляющие циклы стихотворений, не изменяют общего построения. <...> И это единство — упорная, напряженная сосредоточенность на одном. Есенин — пророк, и его поэма о России должна быть новой Библией:

Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей
("Инония").

<...> Он творит мир, с наивной мудростью одухотворяя природу, обожествляя стихии. Его воображение — могуче и первобытно. Он мыслит образами, живет в мифах. Русский пастырь Есенина — создание искусственное. Автору не удается убедить читателя в своей примитивности и "библейской непосредственности". Сколько он ни кричит о том, что он деревенский парень, последний поэт деревни и хулиган, сколько он ни озорничает и ни грубит — всё это ни к чему. Спокойной важности древнего патриарха у него столько же, сколько у его учителя Маяковского. А подделки под звериную шкуру и пророка Исайю — всегда неудачны. Есенин слишком нервен, чтобы до конца донести тяжелое благолепие своего вымысла. Иногда ему трудно удержаться, чтобы не похвастаться:

Бедные, бедные крестьяне...
О, если б вы понимали,
Что сын ваш в России
Самый лучший поэт!

Совсем как Игорь Северянин!

К счастью, такие признания редки: первые сборники его, на которых лежит благородная печать Александра Блока, проникнуты упрямой верой в созданный им мир. Поэт ограничивает свои художественные средства: в технику стиха, усвоенную им от Кольцова, Ал. Толстого и Блока, он не вносит нового. Он творит в ритмических формах прошлого. И новая "мифология" выглядит в этом утонченно-культурном обличии довольно странно. <...>

Излюбленный — и, быть может, единственный — прием, которым оперирует Есенин, — метафора. Он как будто специализировался на нем. У него огромное словесное воображение, он любит эффекты, неожиданные сопоставления и трюки. Здесь он — неисчерпаем, часто остроумен, всегда дерзок.

<...> из религии в быт и из быта в религию, поэт пытается снять разделяющую их грань: русский пейзаж становится храмом, убогий и унылый крестьянский быт — богослужением в нем. Подмена живописи иконописью, растворение крестьянского быта в "литургии" определяют собой всю систему образов. Контуры Христова Лика слагаются из линий полей, оврагов, лесов: рисунок, данный Блоком в "Стихах о России", бережно сохраняется Есениным. Он только разрабатывает детали, подчеркивает неуловимые штрихи, нагромождает параллели. Его пейзаж слишком вырисован, перегружен, натуралистичен. Тождество: "природа России — Богородицын покров" распространяется на все мелочи. <...> "Церковность" вмещает слишком уж много, и ей не доверяешь. <...>

Концепция Есенина завершается пророчеством. В нем — объяснение и его мифологии, и его "богослужения". Россия — Назарет: в "мужицких" яслях рождается Христос. Живописные — все эти телята, кобылы, ослята — склоняют колени перед Иисусом. Оттого и звуки сливаются в молитву и движения торжественны, как церковный обряд. В мире совершается таинство. <...>

После дней крови — Страстей Господних — должно наступить "Преображение" русской земли. И неожиданный финал: в поэме "Инония", написанной немногим позже, Есенин, кощунствуя, отрекается от Христа и проповедует "иное учение":

Наша вера — в силе
Наша правда — в нас!»

См. также: РЗЕ, 2, 37–41;

— объявление:

«Rossica. Отдельные издания.

Есенин. — Исповедь хулигана. Предисловие Ф.Элленса. Перевод его же и М.Милославской. Изд. Я.Поволоцкого».

И.И.Шнейдер телеграфирует Есенину из Кисловодска:

«Поражаюсь молчанием чего нервируете нам поездку телеграфируйте Баку Новая Европа выезжаем — Шнейдер».

Письма, 228.

Сентябрь, 4. В.Ричиотти в письме Р.Ивневу из Петрограда упоминает Есенина:

«Прошу Вас, Ивнев, сообщить мне о Вашем творчестве, о мыслях и стихах. Это важно для меня, так как мною организован цикл вечеров: Есенина, Ивнева, Мариенгофа, Полоцкого, Ричиотти, Золотницкого, Эрдмана и Шершеневича <...>. Этот цикл "вечеров поэзии" важен с агитационной точки зрения, так как петербуржцы, широкая масса, о имажинистах имели самое до сих пор скромное представление. Объясняю это малодоступностью нашего творчества для большой публики».

Письма, 332.

Сведения о реализации этого проекта не выявлены.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 2782) помещает запоздалую информацию «Есенин выселен из Франции».

Сентябрь, 4, 14, 22, 24, 30. Есенин, возможно, посещает кафе «Стойло Пегаса».

Есенин, VII (2), 179, 510.

События отмечаются предположительно, так как счета, выписанные поэту в эти дни, не имеют его подписи.

См. также: 3 авг. 1923, четвертая запись; 7–14, 16, 18–31 авг. 1923; 1–3, 5–9, 13, 15, 18–21, 23, 25–29 сент. 1923; 1–4, 6–11, 13, 18, 21, 23–25, 27–30 окт. 1923; 5, 12, 19 и 31 окт. 1923; 1–3 и 8–10 нояб. 1923; 5, 14, 15, 18, 21–23 нояб. 1923; после 10 нояб. 1923.

Сентябрь, 8. Есенин пишет Г.А. Бениславской:

«Галя милая, простите за все неуклюжества».

Есенин, VI, 159, 573.

См. Приложение.

А.Г.Назарова записывает в дневнике:

«"Папа любит маму, мама любит папу", дочка любит их обоих, а С<ергей> Е<сенин> любит только Мусеньку <Г.А.Бениславскую>, и она его тоже любит... Здесь кончается жизнь, начинается "кино", надо бы озаглавить написанный про это роман... Да! На Никитской кино, фарс, комедия и драма так перемешались, что отделить их бывает порой не только трудно, но и невозможно. Одни бросаются под паровоз, оставляя две дюжины писем и взбаламутя пол-Москвы, а потом через день... приезжают обратно "живыми"... Другие... присылают корзины цветов, не говоря, что это они, а на следующий день цветы также бесследно исчезают... Третьи приходят с шампанским, а

уходят... унося в кармане модных брюк последний покой одних и ласку, любовь и даже душу других...»

Шубникова-Гусева-2008, 152. Здесь идет речь, скорее всего, о романах проживающих в квартире на Никитской соседей: С.С.Виноградской, самой А.Г.Назаровой, а также о поклонниках Г.А.Бениславской.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3877; рубрика «Литература и искусство»; раздел «Хроника искусства и литературы») печатает неподписанную информацию, в которой упоминается Есенин:

«В октябре в Нью-Йорке выходит новый ежемесячный журнал, специально посвященный искусству: литературе, музыке, театру, танцу, живописи и архитектуре. Журнал будет выходить со статьями и произведениями на трех языках — русском, английском и еврейском. Соответствен<но> все отделы журнала будут вестись русскими, американскими и еврейскими писателями.

В журнале этом, который будет называться "Три ин он" (три языка в одном журнале), примут участие известные писатели, художники и артисты: Артур Волфон, Гусев-Оренбургский, Айседора Дункан, Осип Дымов, Е.Ерошин, Сергей Есенин, Иванов-Разумник, А.Кусиков, Вен. Левин, Иосиф Левин, Макс Боденгейн, Мани-Лейб, Менахем, В.Мечтатель, Робинс, Тоффел, А.Фовицкий, В.Шершеневич и многие другие.

Журнал не связывает себя ни с какими художественными школами, привлекая к себе все вечно живое и молодое.

Интересующиеся более близко могут запрашивать письменно:
А.Волфон, 540 Ист 138 ул.».

Журнал в отечественных архивах и библиотеках не выявлен.

См. также: 9, 12, 18, 20 и 23 окт. 1923.

Сентябрь, 9. Журнал «Огонек» (№ 24) публикует стихотворение А.Б.Мариенгофа с посвящением: «С. Есенину»:

И нас сотрут, как золотую пыль,
И каменной покроют тишиной.
Как Пушкин с Дельвигом дружили,
Так дружим мы теперь с тобой.

Семья поэтов чтит обычай –
Связует времена стихом,
Любовь нам согревает печи
И нежность освещает дом.

Простая вера и простые чувства.
Страх перед смертью, к петуху зарезанному жалость.
Безумие и безрассудство
Мы носим, как шикарный галстук.

А жизнь творим, как песнь, как стих, –
Тот хорошо, а этот плохо,
Один — спесиво — цедит ром,
Другой пьет жиденькое пиво
С кусочком воблы и гороха.

Берлинская газета «Накануне» (№ 430) печатает статью К.Спасского «Мария или Наталия?», в которой говорится о Есенине.

Автор сетует на современную молодежь за то, что она не знает классиков, и продолжает:

«Я воспитывался на Пушкине, я весь насквозь пропитан Пушкиным. А они читали Игоря Северянина, зачитываются Блоком, знают наизусть Маяковского и Есенина, а Пушкина не знают».

Сентябрь, 10. Есенин вместе с американским журналистом Альбертом Рисом Вильямсом выезжает в деревню Верхняя Троица Тверской губернии к М.И.Калинину, находящемуся на отдыхе.

Для установления даты этого и следующего событий было предпринято специальное исследование. Существует несколько гипотез о периоде, когда они произошли. В ряде изданий (Калинин М.И. Избр. произведения в 4-х т., М., 1960, т. 1, с. 241; Михаил Иванович Калинин и Верхневолжье. М., 1975, с. 233) события датируются летом 1923 года. Н.Г.Юсов относит события к 20–24 авг. 1924 (см.: Юсов Н.Г. О поездке Есенина в Верхнюю Троицу. — Сб. «Есенин на рубеже веков: Итоги и перспективы; Материалы Междунар. науч. конференции, посвященной 110-летию со дня рождения С.А.Есенина», М. — Константиново — Рязань: Пресса, 2006, с. 372–375).

В ходе подготовки настоящего издания З.В.Москвиной и Н.М.Солобай была проведена архивно-разыскательская работа и фронтальный просмотр газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» с целью установления времени возможного пребывания М.И.Калинина на родине — в селе Верхняя Троица. В конце авг. 1923 М.И.Калинин возвращается в Москву из продолжительной поездки по Дальнему Востоку. 7 сент. он председательствует на очередном заседании ЦИК СССР (ГАРФ, ф. 3316, оп. 13, ед. хр. 1, л. 26, протокол № 9), а вечером того же дня выступает в Москве на «Дне старой и новой деревни» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», 1923, 9 сент., № 203). С 8 по 16 сент. 1923 М.И.Калинину разрешен краткий отпуск (РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 379, л. 7). В связи с этим он не присутствует на внеочередном заседании ЦИК СССР 11 сент. 1923 (председательствует А.Енукидзе; ГАРФ, ф. 3316, оп. 13, ед. хр. 1, л. 37, протокол № 10). Однако 14 сент. 1923 он уже в Москве, председательствуя на заседании ЦИК СССР (ГАРФ, ф. 3316, оп. 13, ед. хр. 1, л. 39, протокол № 11) и принимая верительные грамоты латвийского посланника (газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», 1923, 15 сент., № 207). Таким образом, во время своего отпуска М.И.Калинин мог находиться на родине лишь с 8 по 13 сент. 1923.

Что касается Есенина, то его отсутствие в Москве 11 и 12 сент. 1923 косвенно подтверждается тем, что в эти дни на его имя не были выписаны счета в кафе «Стойло Пегаса», где в то время он бывал практически ежедневно. 10 сент. 1923, согласно счету (ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 249, л. 68), он, пообедав в кафе, взял из его кассы 1000 руб. (скорее всего, на дорогу). Совокупность этих сведений позволяет заключить, что поездка поэта в Верхнюю Троицу состоялась как раз с 10 по 12 сент. 1923. 13 сент. (см.) он уже будет в Москве.

Данную версию подтверждают и воспоминания А.Р.Вильямса, где он пишет о том, что познакомился с Есениным вскоре после его разрыва с А.Дункан, в тот период, когда поэт искал квартиру для проживания. Есенин, проводив А.Дункан в турне по Советскому Союзу (см.: 14 авг. 1923, вторая запись), переезжает к А.Б.Мариенгофу (см.: 15 или 16 авг. 1923, первая запись) и ищет квартиру — об этом свидетельствуют воспоминания И.И.Старцева (см.: до 27 сент. 1923, первая запись). Устройством квартиры для Есенина наиболее интенсивно занимаются в то время М.С.Грандов и А.Г.Назарова (см.: 20 сент. 1923; сент. – окт. 1923, первая запись).

Из воспоминаний А.Р.Вильямса «По советской стране»:

«... я приехал из Нью-Йорка и стал скитаться по степям, лесам и деревням Советского Союза. <...>

С Есениным я проехал за сорок верст от Кимр повидать известного всему миру мужичка Тверской губернии — всесоюзного старосту, гостившего в своей деревне».

Журн. «Прожектор», 1927, № 6, с. 12.

В воспоминаниях А.Р.Вильямса «Поездка в Верхнюю Троицу» (перевод опубликован в 1960 г.) дается более детальное описание поездки и ее предыстории:

«Я познакомился с Есениным вскоре после его разрыва с танцовщицей Айседорой Дункан. Есенин искал себе квартиру — просторную и удобную. Но в перенаселенной Москве найти такую квартиру было трудно, и кто-то посоветовал поэту обратиться к Калинину. В то время Калинина в Москве не было — он уехал на несколько дней в деревню, немного отдохнуть.

— Неважно, — со всей самоуверенностью молодости заявил Есенин, — он будет рад увидеть Пушкина сегодняшней России, — и тут же добавил: — или любого из его друзей.

Поэт настаивал, чтобы я тоже поехал с ним. И мы отправились в деревню, в гости к Калинину.

На следующий день мы вышли из поезда в Твери. В комнате, где мы остановились на ночлег, была только одна кровать. Есенин настоял на том, чтоб я спал на кровати, а сам растянулся на полу. Утром, когда я проснулся, его не было. Вскоре, верный себе, он прикатил в великолепном экипаже, запряженном тройкой резвых коней. <...> В то время знаменитая русская тройка практически уже исчезла из быта. Однако Есенин умудрился достать ее. Не без дрожи я начал свою первую (и последнюю) поездку на тройке».

Журн. «Москва», 1960, № 12, с. 168. Пер. с англ. П.Чумака.

Сентябрь, 11–12. Есенин вместе с А.Р.Вильямсом гостит в деревне Верхняя Троица Тверской губернии у М.И.Калинина.

О времени события см. предыд. запись.

Из воспоминаний А.Р. Вильямса:

«Мы застали Михаила Ивановича за починкой веялки. Он лежал под нею на спине и, работая молотком, исправлял поломавшееся колесо. Ни крестьянский поэт, ни американский журналист не смогли оторвать его от этой работы, пока машина не была исправлена. Но, кончив работу, Михаил Иванович принял нас любезно: предложил всей компанией, вместе с деревенскими соседями, пойти в лес по грибы, а как вернулись, усадил нас обедать, причем ели все вместе, деревянными ложками из общей чашки. Спать он нас устраивал, вместо кроватей, на мягком душистом сене, а чтобы поразвлечь своих гостей, сводил нас на праздник в соседнюю деревню. Там Есенин читал крестьянам свои стихи, крестьяне слушали и хлопали, а Михаил Иванович беседовал с земляками и слегка критиковал новых поэтов и литературу...».

Журн. «Прожектор», 1927, № 6, с. 12.

Из воспоминаний А.Р.Вильямса «Поездка в Верхнюю Троицу»:

«К полудню мы прибыли в Верхнюю Троицу и с шиком подкатили к избе Калинина. Во дворе, окруженный местными жителями, Михаил Иванович чинил машину, лежа под ней на спине. Наше торжественное появление, может быть, и произвело некоторое впечатление на крестьян, но не на Калинина. Такое тщеславие было, как видно, ему не по вкусу. Он поздоровался с нами несколько небрежно и снова занялся машиной — новой веялкой советского производства.

Поработав основательно гаечным ключом и другими инструментами, Михаил Иванович пустил машину: послышался громкий хрип, какое-то поскрипывание, но зерно потекло тоненькой струйкой.

— Ну что за болваны ее делали! — бранился Калинин.— Говорят, кричат, носятся со схемами и цифрами, а в результате — такая развалина!

<...> Однако с машиной он все-таки справился. Опять покрутил что-то, рычаги вздрогнули, и веялка плавно заработала.

— Иди-ка посмотри, — позвал Михаил Иванович свою мать.

Из избы вышла невысокая женщина в сарафане, повязанная красным платком.

— Вот это чудо! — воскликнула она, глядя, как из желоба сыплется янтарное зерно.

Поздоровавшись с нами, она провела нас в избу, и мы сели за стол вместе с остальными тремя членами семьи. Со словами "чем богаты, тем и рады" хозяйка поставила на стол большую миску с горячим мясом и картофелем. По старому крестьянскому обы-

чаю все ели из общей миски, но из уважения к нашим привычкам Калинин поставил для нас отдельные тарелки. Сам же взял деревянную ложку и ел из общей миски.

— Если бы я поступал иначе, — объяснил он, когда мать вышла поставить самовар, — мама подумала бы, что я зазнался. Она считает, что город портит людей. Может быть, она и права...

Вскоре большой сияющий самовар весело зашумел на столе. На самоваре стоял горячий чайник. Наши стаканы наполнялись. С чувством явного удовлетворения Калинин, смеясь, заметил:

— По крайней мере, эта русская машина работает всегда безотказно.

— Вот именно, — солидно подхватил Есенин.— И я надеюсь и уповаю на то, чтобы мы не изобрели ничего большего и лучшего.

— Какая чепуха! — сказал Калинин, возмущаясь такой приверженностью к прошлому, и, увлекшись, стал было перечислять преимущества, которые дают машины. Но тут пришел председатель сельсовета, и они начали вспоминать, как двадцать лет тому назад, летом, Калинин, выйдя из тюрьмы, прятался в своей деревне. <...>

Во время этого разговора послышались с улицы голоса, звуки гармошки и балалайки и глухие удары о землю — где-то играли в городки.

— Раньше я играл в городки довольно хорошо,— сказал Калинин,— но сейчас уж предпочитаю по грибы ходить.

Взяв корзины, он и его друг, председатель сельсовета, отправились в лес. Есенин и я пошли гулять по улицам. Во многих домах пировали, раздавались песни.

<...> Есенин отпивал по доброму глотку из каждой протянутой ему кружки. К счастью, на этот раз вино вызвало у него спокойное и грустное настроение. Он начал петь. Под руку с новыми знакомыми Есенин отправился с песней по деревенской улице. За ними увязались девушки в ярко вышитых платьях, парни в домотканых рубахах и старики в лаптях и поношенных тулупах.

Остановившись у свежеотесанных бревен, Есенин начал читать свои стихи. Сначала он читал громко, и красноречие его возрастало по мере того, как небольшая вначале группа окружавших его людей вырастала в толпу.

А вокруг было всё то же, о чем он писал в стихах, — пронизанные летним солнцем золотые стога соломы, пасущиеся на лугу стада, высокие журавли колодцев, медленно поворачивающие крылья ветряные мельницы.

Время — мельница с крылом
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь
Литъ часов незримый дождь.

Крестьянам нравился напев и ритм стихов, им нравился и сам Есенин. Однако они не умели высказывать, как горожане, свои чувства. Послышались жидкие хлопки, возгласы “давай дальше!”, а Калинин, который к этому времени тоже подошел к нам, слегка кивнул головой и коротко бросил: “Хорошо!”

Есенин привык к шумному восторгу городских поклонников. Ему хотелось и здесь получить доказательства своей славы, и он решил подогреть настроение слушателей. <...>

К тому времени пригнали скот. Подымая клубы пыли, овцы и коровы проходили по улице. Толпа стала расходиться. Одни ушли домой, другие окружили Калинина, рассказывая ему о своих делах и нуждах. От поэзии разговор перешел к пахоте и другим насущным заботам деревни.

Вечером за кипящим самоваром мы вернулись к прежней теме. Настроение у Есенина улучшилось, когда он увидел, что Калинину знакомы многие его стихи и он мо-

жет читать их на память. С большим чувством Есенин прочитал свою "Москву кабацкую" — о пьяном, тоскующем в кабаке крестьянине, окруженном бродягами, проститутками и ворами и вспоминающем своих покинутых друзей. Поэт спросил:

— Михаил Иванович, разве это не выражает истинные чувства крестьянина?

— Может быть, и выражает,— ответил Калинин, — но мне кажется, что это скорее наивные ощущения поэта, чем чувства настоящего крестьянина.

— Но разве я сам не крестьянин по плоти и крови? — запротестовал Есенин. — Я-то знаю, что чувствует крестьянин. Я родился в деревне и вырос в ней.

— Я тоже,— сказал Калинин.— И многие наши комиссары и писатели — родом из деревни. Но старые интересы вытесняются новыми. В городе мы скоро отвыкаем от деревни.

— Кто угодно, но только не я, — сказал Есенин и прочитал стихи:

Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

— Очень хорошо, — сказал Калинин. — Но жить в этих деревянных лачугах не так уж хорошо. Тараканы, пьянство и суеверия — в этом нет никакой романтики. Мы стараемся избавиться от этого. Мы хотим создать новую деревню, новую жизнь. Сделать это, сидя в кафе, идеализируя нашу отсталость, нельзя.

Очень серьезно, настойчиво Калинин пытался доказать Есенину свою точку зрения:

— Послушай, Сергей, у тебя есть талант и вдохновение. Почему бы тебе не вернуться в деревню, не принять участие в ее борьбе, не выразить ее надежды, не стать певцом новой жизни? Вот это принесло бы пользу и тебе, и твоей поэзии, и России!

Есенин на минуту опешил от мысли, что возможна такая резкая перемена в его жизни. Поэта тронуло внимание Калинина, и он молча согласился. Чем больше Есенин раздумывал над мыслью, высказанной Калининым, тем больше загорался ею.

Утром он был полон радости от принятого нового решения. Мы тронулись в обратный путь. Покачиваясь, ехали по дороге в повозке, запряженной уже одной, а не тремя лошадьми. Вдруг неожиданно Есенин вспомнил, что так ни разу и не заикнулся о главной причине своей поездки к Калинину.

— Вот так Михаил Иванович! — воскликнул он. — Я приехал попросить квартиру в Москве, а что же получилось? Мне посоветовали жить в деревенской избе!

Посмеиваясь над таким неожиданным оборотом дела, он добавил:

— Но это же хороший совет. А какие заголовки будут в газетах! "Есенин становится отшельником! Отрекаясь от города, поэт возвращается в родную деревню!"

Если бы только у него хватило воли выполнить свое решение! Манящее благополучие и яркие огни города значили для него слишком много...».

Журн. «Москва», 1960, № 12, с. 168–170. Пер. с англ. П.Чумака.

Е.А.Есенина вспомнит:

«Сергей не застал Калинина дома. Мих<аил> Ив<анович> был на гумне. С цепом в руках, утирая платком струившийся по лицу пот, Мих<аил> Ив<анович> с улыбкой встретил Сергея.

— Умеешь? — показывая на рожь, спросил Калинин.

Сергей, сняв шляпу и перчатки, молча взял другой цеп, и в два цепа они до завтрака молотили рожь».

В семье родной, 245–246.

Ср. с записями высказываний односельчан М.И.Калинина о нем:

«Рачительный хозяин <...> не забыл ни свою деревню, ни мужицкую работу. Приезжает к нам на году несколько раз и проводит часть лета. Сам косит, сам молотит и

выполняет другие работы по хозяйству, да так, что любой молодой парень ему позавидует. Для нас он и теперь остался таким же, как был, нисколько не изменился».

Газ. «Комсомольская правда», 1927, 20 нояб., № 150.

Сентябрь, 12. Петроградская «Красная газета» (вечерний выпуск; № 217) публикует информацию В.Шимановского об инсценировке драмы Есенина «Пугачев» в руководимом им Самодеятельном театре:

«...появятся и уже появились новые пьесы-инсценировки — "Квадрат 36" Лакшина, "Пугачев" Сергея Есенина...».

Намерение режиссера инсценировать есенинское произведение не осуществилось.

См. также: 14–17 окт. 1923, пятая запись; 16 окт. 1923, первая запись; 27 нояб. 1923; 18 дек. 1923, вторая запись; 29 янв. 1924; 15 (?) или 16 (?) июня 1924.

Сентябрь, 13. Есенин возвращается в Москву.

Событие подтверждается подписями поэта на двух счетах, выставленных ему в этот день в «Стойле Пегаса» (Есенин,VII (2), 510).

Сентябрь, 14. Харбинская газета «Новости жизни» (№ 207) перепечатывает очерк Есенина «Железный Миргород», дав ему подзаголовок «Американские впечатления Сергея Есенина».

Перепечатка из газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», где подзаголовок отсутствует.

Состоит из главок: I, II Bot «Paris»; Элис-Аленд; Нью-Йорк. Подпись: Сергей Есенин. Москва. 14 августа 1923 г.

См. также: 8 ... 13 авг. 1923, вторая запись; 14 авг. 1923, первая запись; 15 или после 15 авг. 1923, первая запись; до 22 авг. 1923, первая запись; 22 авг. 1923, первая запись; после 22 авг. – до 10 (?) сент. 1923; 28 авг. 1923, вторая запись; 30 авг. 1923, вторая запись; до 16 сент. 1923; 16 сент. 1923, первая запись; 16 окт. 1923, вторая запись; 26 окт. 1923.

Сентябрь, 15. Есенин в «Стойле Пегаса» делает помету на одном из счетов:

«Условно подписываюсь С. Есенин
Зачеркнул Есенин из-за — — — — Вашей»

Есенин, VII (2), 211, 325–326.

Помета относится к строке «Пива /10/1250», где обозначено количество заказанного (очевидно, не Есениным) пива (10 бутылок) и его стоимость (1250 руб.).

А.Дункан отправляет Есенину телеграмму из Баку:

«Выезжаем понедельник Тифлис приезжай туда телеграфируй выезде Ориант навеки люблю — Изадора».

Письма, 228.

См.: 16 (?) сент. 1923.

См. Приложение.

Сентябрь, с 15 на 16. В кафе «Стойло Пегаса» происходит инцидент с участием Есенина, оказавшегося затем в отделении милиции № 46.

Есенин, VII (2), 325–326; Материалы, 313–314.

А.Г.Назарова вспомнит:

«15 сентября — мое рождение. Решили мы его отпраздновать. Пригласили Е<сенина>. Обещал быть непременно, к 10 ч. Ждем. 10 ч. — нет, наконец, около 11<-ти> — раздаются

три звонка. Летим открывать. Входит Приблудный с шляпой Е<сенина>. "А где С. А.?" — в один голос с Г<алей> спрашиваем. — "Вот шляпа, а его нет". — "Как нет? где он?" — "В милиции. Подрался в «Стойле». Его забрали и увели в отделение". Звоним в милицию. "Да, есть такой, не освободим, пока не проспится". Идем туда — передаем подушку и папиросы. Узнаем, что спит. Сбивчиво и несвязно Приб<лудный> рассказывает, в чем дело: "С. А. сидел в «ложе». Собирался идти к вам. Всё посылал Александра (швейцара) за цветами на Страст<ной>. Их был уже целый воз. Была там Катя. Пришла за деньгами. С. А. ждал, когда ему дадут деньги, чтобы отдать их сестре и идти на Никит<скую>. Пошел к кассе. По дороге его ли толкнули, толкнул ли он — но кто-то кого-то обругал. Е<сенин> замахнулся бутылкой и облил пивом. Сцепились. Вызвали милицию. Его забрали"».

Материалы, 129.

В отделение милиции пришли А.Б.Мариенгоф, Е.В.Кононенко и Н.Д.Грандова (родственница М.С.Грандова). Е.В.Кононенко звонила из милиции М.И.Калинину, но тот, переговорив с дежурным по отделению, признал его действия законными.

Во время нахождения Есенина в милиции были допрошены три милиционера. 16 сент. 1923 г. была допрошена официантка кафе «Стойло Пегаса» Е.О.Гартман, которая называла Есенина, совладельца этого кафе, «неизвестным гражданином».

Материалы, 311–314.

Есенин подвергается допросу, подписывает соответствующий протокол и дает подписку о невыезде:

«1923 года сентября 16 дня я, нижеподписавшийся Есенин С.А., даю настоящую подписку в том, что по первому требованию властей обязуюсь явиться, куда мне будет указано, и не выезжать без разрешения на то властей из г. Москвы и губернии. Кроме того, обязуюсь в 2-дневный срок прописаться по адресу: Богословский пер., дом № 3, кв. 46, в районе 26 отд<еления> мил<иции>, в чем и даю настоящую подписку. С. Есенин».

В Протоколе допроса обвиняемого Есенин признал себя виновным в хулиганстве, но нанесение оскорблений представителям милиции не признал. На Протоколе приписка:

«Личность С.А.Есенина удостоверена помощником секретаря газеты "Беднота" т. Бениславской».

Материалы, 314–315.

См. также: Хлысталов, 41–46.

Материалы дознания за № 1382 по этому инциденту поступят в Народный суд Краснопресненского района гор. Москвы из 46 отд. милиции 2 окт. 1923. Суд вынесет постановление 11 окт. 1923 г.: привлечь Есенина к уголовной ответственности по статьям 176 и 86 Уголовного Кодекса (хулиганство), назначив слушание дела на 23 нояб. 1923. На состоявшееся в этот день открытое судебное заседание Есенин не явился. Дело было приостановлено «до розыска».

Материалы, 315, 429.

Сентябрь, до 16. В редакции газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» готовится к печати вторая часть очерка Есенина «Железный Миргород».

Машинопись второй части произведения, исполненная с автографа, в фонде редакции «Известий» не сохранилась. Однако сравнение рукописного текста (РГАЛИ) с опубликованным в газете, а также воспоминания В.М.Василенко дают основание предположить, что вторая часть текста потребовала еще более кропотливой редакторской работы, чем первая (см.: до 22 авг. 1923). С рукописью второй части должен был ознакомиться В.М.Василенко (см.: 15 или после 15 авг. 1923, первая запись), затем она была перепечатана на пишущей машинке. С машинописным текстом такого рода не мог не познакомиться главный редактор и секретарь редакции. Затем с машинописью работали редакторы. Кроме купюр, сделанных в редакции, в отличие от первой части, имеется множество мелкой редакционной правки. Была ли она согласована с автором, неизвестно.

См. также отсылки, приведенные в след. записи.

Сентябрь, 16. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 209) публикует вторую часть очерка Есенина «Железный Миргород».

В печатном тексте отсутствуют следующие фрагменты рукописи:

«У какого-то смешного поэта, написавшего “сто пятьдесят лимонов”, есть строчки о Чикаго как символе Америки:

“Пройдешь:
За ступней ступня
И еще ступня,
Ступеней этих самых до чёртиков”.

Сие описание “флигелей” напоминает мне описание Козьмы Индикоплова, который уверял всех, что он видел то место, где земля сходится с пологом неба.

Правда! Оно, положим, и есть ступени, но никто по ним не ходит, потому что ступени эти “чёртиковы” существуют только на пожарные случаи, а подымаются там исключительно в лифтах в 3–4 секунды до 46 этажа. Так что по картинкам иногда можно ошибиться и нечаянно дать Америку, перелагая Уитмана 19-го века, Америку старого Нью-Йорка. Тогда Бродвей был не таким»;

«Все это свидетельствует о том, что народ они <американцы> весьма молодой и не вполне сложившийся в формы»;

<После слов: «Но из этих окурков растет что-то грандиозное> в той среде, которая называется рабочим классом; об этой среде поговорим особо».

В тексте, не вошедшем в публикацию, Есенин иронически переосмысливает название поэмы Маяковского: в тогдашнем и в нынешнем просторечии слово «лимон» означает «миллион рублей».

Какие-либо публикации или записи Есенина о рабочем классе Америки неизвестны.

См.: 8 … 13 авг. 1923, вторая запись; 14 авг. 1923, первая запись; 15 или после 15 авг. 1923, первая запись; до 22 авг. 1923; 22 авг. 1923, первая запись; после 22 авг. – до 10 (?) сент. 1923; 28 авг. 1923, вторая запись; 30 авг. 1923, вторая запись; 14 сент. 1923; до 16 сент. 1923; 16 окт. 1923, вторая запись; 26 окт. 1923.

Петроградская «Красная газета» (№ 221) дает анонс «Выставка русской литературы за годы революции» с упоминанием Есенина.

См.: 18 сент. 1923.

В газете «Рабочий край» (Иваново-Вознесенск, № 206) печатаются материалы с упоминанием Есенина:

— информация о подписке на литературно-художественный иллюстрированный журнал «Красный ткач» (издание «Рабочего края»), в числе постоянных сотрудников которого назван Есенин.

См. также: 2, 4, 6–8, 11, 13, 14 сент. 1923;

— в разделе «Литературная страница» — статья Д.Семёновского «Крестьянские поэты» (подпись: Д. С.):

«Крестьянская, земледельческая поэзия, начатая Кольцовым и продолженная Никитиным и Шевченко, вплоть до наших дней имела много сторонников и последователей. Особенно пышно раскрылась она в предреволюционную пору и в вихревые годы революции.

Выдвинулся ряд талантливых поэтов, зазвучали новые, смелые песни, мощные и богатые по содержанию, яркие и красивые по форме. Назовем из этих поэтов Н.Клюева, С.Клычкова, С.Есенина, П.Орешина, А.Ширяевца и М.Артамонова. Все они — крестьяне по происхождению, выросли в обстановке деревенского труда, поэтому и мироприятие их — крестьянское. <...>

Поэзия рязанского крестьянина С.Есенина вначале была юношески радостной, веселой, в его стихах слышались переливы той "тальяночки", о которой он поет:

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха,
Выходи встречать к околице, невеста, жениха.

В революцию Есенин написал ряд прекрасных стихов и поэм: "Товарищ", "Ус", "Певущий зов", "Отчарь" и др.

Каждая строка его песни светилась, горела огнем восторга и ликованья:

Радуйтесь!
Земля предстала
Новой купели!
Догорели
Синие метели,
И земля потеряла
Жало.

Будущее для поэта — золотое лето в голубом саду. Поэту казалось:

Кто-то мудрый, несказанный,
Всё себе подобя,
Всех живущих греет песней,
Мертвых сном во гробе,
Кто-то учит нас и просит
Постигать и мерить.
Не губить пришли мы в мире,
А любить и верить.

Таким Есенин был вплоть до своих увлечений имажинизмом, который значительно изуродовал светлый облик поэта, затемнил его, сделал его стихи ходульными и напыщенными. Впрочем, теперь Есенин, кажется, уже уходит из имажинистского стана».

Газета «Правда» (№ 209) печатает статью Л.Д.Троцкого «Партийная политика в искусстве», в которой упоминается Есенин:

«Мы очень хорошо знаем политическую ограниченность, неустойчивость, ненадежность попутчиков. Но если мы выкинем Пильняка с его "Голым годом", серапионов с Всеволодом Ивановым, Тихоновым и Полонской, Маяковского, Есенина, — так что же, собственно, останется, кроме еще неоплаченных векселей на будущую пролетарскую литературу?»

Киевская «Пролетарская правда» (№ 211) печатает статью Б.Розенцвейга «Постоялый двор воспоминаний ("Гостиница для путешествующих в прекрасном", № 2), в которой заходит речь о Есенине:

«И как приятен, как трогателен и как правдив возглас Мариенгофа в ответном письме Есенину — "нашего брата сейчас — раз, два и обчелся". Это в свете недавней и, пожалуй, уже сбывшейся мечты об имажинистской академии, когда каждый из мэтров оседлал Росинанта и вслушивался в зов боевой трубы, – то бишь пощечины, раздаваемой врагам образа в литературном кафе. <...>

Когда от расцвеченных остроумием теоретических фраз надо перейти к непосредственному творчеству — у имажинистов всегда налицо полная импотенция. То же и на этот раз.

Отсюда скорбные жалобы Есенина на то, что имажинизм иссякает (по приезде из Америки), отсюда напрасное вспрыскивание наспех "сурового логического мышления и психологизма".

Старания, однако, напрасны. В списках литературных гостиниц имажинистское подворье продолжает числиться третьеразрядным».

См.: до 12 июля 1923; 18 авг. 1923, вторая запись; авг. 1923, третья запись; 6 нояб. 1923; дек. 1923, первая запись.

Сентябрь, 16 (?). Есенин пишет А.Дункан:

«Milaia Isadora! / la ne mog priehat / potomuchto / ochen saniat. / Priedu v laltu. / Liubliu tebia / beskonechno tvoi / Sergei. / Irme privet. / Isadora!!!»

Есенин, VI, 159, 573–574.

См. Приложение.

Возможно, является ответом на телеграмму А. Дункан (см.: 15 сент. 1923, вторая запись).

Сентябрь, 18. В Пушкинском доме при Академии наук (Петроград) открывается «Выставка русской литературы за годы революции (1917–1923)», устраиваемая Пушкинским домом, Госиздатом и Петроградским институтом книговедения, на которой представлено до 6000 книг, в том числе книги Есенина.

Ежедневно открыта с 2 до 5 часов с 18 сентября по 1 ноября. По вторникам и четвергам на выставке намечаются доклады и литературные вечера, по воскресньям — концерты.

См.: 16 сент. 1923, вторая запись.

Сентябрь, 20. М.С.Грандов на бланке редакции газеты «Беднота» пишет заявление в Президиум ВЦИК:

«В Россию возвратился из-за границы поэт Сергей Есенин. Творчество его хорошо известно т.т. Троцкому и Воронскому, которые, насколько я понимаю, видят в Есенине одну из тех крупнейших фигур современной литературы, мимо которых республика не может проходить равнодушно, а тем более сознательно их игнорировать. Задача Республики в отношении таких, как Есенин, при всей романической <так!> расплывчатости их миросозерцания, но при несомненном тяготении к пролетарской революции и ее конечным целям, в том, чтобы окружать их тем минимумом внимания, без которого они становятся печальными и нелепыми жертвами житейских тисков и – в большинстве случаев — скатываются на опустошительную дорожку идейной апатии. Нечто подобное, по моему глубокому убеждению, грозит теперь Сергею Есенину. К этому убеждению привели меня личное знакомство и личные встречи с ним. Есенин с самого дня возвращения в Москву скитается, как бездомный, по квартирам знакомых, где ищет себе ночлега. Находя ночлег, он не находит, однако, необходимых условий для работы. А работать ему сейчас хочется, как никогда. Попытки найти квартиру остаются бесплодными. Всё это расшатывает человека и подготовляет обильную пищу для тяжелой жизненной драмы этого талантливого поэта. Необходимо прийти ему на помощь. Он сам не решается обратиться за ней, боясь остаться не понятым или, вернее, понятым, как шкурник и т. п. Меж тем, при современном жилищном законодательстве и жилищном голоде он бессилен разрешить для себя квартирный вопрос без содействия государственных органов. Об этом содействии я и прошу Президиум ВЦИК. Конкретно дело сводится к тому, чтобы предписать соответ-

ствующему учреждению предоставить С.Есенину и его семье (живущей на его иждивении) квартиру из трех комнат с кухней».

Артеменко В. «Скитается, как бездомный». — «Лит. газета», 2010, 24–30 марта, № 11, с. 5.

Заявление опубликовано здесь по копии, направленной автором Л.Д.Троцкому (РГВА, ф. 4, оп. 14, ед. хр. 17, л. 174–174 об.). Этот документ поступил в Управление делами предреввоенсовета Республики 26 сент. 1923 (входящий № 8235). Сообщено В.И.Артеменко.

См. также: сент. – окт. 1923, первая запись; 8 окт. 1923; до 10 окт. 1923.

Сентябрь, до 21. Есенин фотографируется вместе с В.В.Казиным в редакции газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов».

Есенин, VII (3), № 76, 242–243.

Граница события определяется по дарственной надписи Есенина А.Г.Назаровой на этой фотографии (см. след. запись).

См. Приложение.

Сентябрь, 21. Есенин дарит А.Г.Назаровой фотографию, на которой он запечатлен вместе с В.В.Казиным, с надписью:
«Милой Ане с любовью С. Есенин 21/IX 23».

Есенин, VII (1), 218.

Сентябрь, до 22. Есенин пишет стихотворение «Ты такая ж простая, как все...», ставшее вторым в цикле «Любовь хулигана», посвященного А.Л.Миклашевской.

Есенин, I, 189–190, 347–348.

Создание этого стихотворения до 22 сент. 1923 г. отмечается по редакционной помете на беловом автографе стихотворения «Заметался пожар голубой...», который является парным (т. е. выполненным одновременно и с единой целью) ко второму — «Ты такая ж простая, как все...», на котором помет нет:
«В набор. В № 39 Боргес. Исходящий № 1307. 22/IX-23 г. Входящий № 353а. 22/IX-23 г. 52 стр.».

Смысл помет: рукопись объемом 52 строки (24 + 28) поступила в редакцию «Красной нивы» 22 сентября 1923 г., намечена к публикации в № 39. «Боргес» — тип шрифта. В № 39, вышедшем 30 сентября, эти стихи не появились, публикация их была отложена: они напечатаны в № 41 журнала.

В автографе — заголовок «Любовь хулигана» и посвящение «Августе Миклашевской», относящиеся к двум стихотворениям.

См.: А.А. Козловский — Есенин, I, 612–613.

В сохранившейся в архиве Г.А.Бениславской машинописной копии, сделанной с неизвестного автографа, имеется разночтение в строке: «По-смешному я сердцем велик» вместо «По-смешному я сердцем влип...».

Шубникова-Гусева-2008, 227, 229, 393–394.

См.: вторая половина авг. 1923, вторая запись; 22 сент. 1923, первая запись; сент. – нояб. 1923, первая запись; 9 окт. 1923, первая запись; 14 окт. 1923, вторая запись; 13–31 дек. 1923, вторая запись; 2 янв. ... до 2 февр. 1924; 16 марта 1924, вторая запись; до 19 июля 1924.

Сентябрь, 22. Есенин приносит в редакцию журнала «Красная нива» рукописи стихотворений «Заметался пожар голубой...» и «Ты такая ж простая, как все...».

Есенин, I, 612–613.

Дата события — по редакционной помете на автографе (см. предыд. запись).

См. также: вторая половина авг. 1923, вторая запись; до 22 сент. 1923; сент. – нояб. 1923, первая запись; 9 окт. 1923, первая запись; 14 окт. 1923, вторая запись; 13–31 дек. 1923, вторая запись; 2 янв. ... до 2 февр. 1924; 16 марта 1924, вторая запись; до 19 июля 1924.

Есенин пишет доверенность Е.А.Есениной:

«Доверяю получить мой академический паек моей сестре Екатерине Есениной. С. Есенин.

Дата события — по заверительной надписи:

«Подпись руки Сергея Есенина подтверждается. М.Ройзман. 19 22/IX 23».

Есенин, VII (2), 212, 332–334.

Сентябрь, 23. Журнал «Огонек» (№ 26) публикует стихотворение Есенина «Не ругайтесь! Такое дело!..»

См.: Есенин, I, 161–162, 579–580.

Сентябрь, 26. А.Дункан посылает Есенину телеграмму из Тифлиса:

«Приветствую в этот счастливейший день желаю чтобы он много раз повторился люблю — Изадора».

Письма, 229.

Скорее всего, телеграмма была послана в связи с днем рождения Есенина (21 сент. по ст. ст., 3 окт. по н. ст.).

См. Приложение.

Сентябрь, до 27. Есенин временно переезжает из квартиры по Богословскому переулку в Оружейный переулок на квартиру И.И.Старцева.

Последний вспомнит:

«...перекочевал временно ко мне на Оружейный.

У него не было квартиры. Мы с женой предлагали ему окончательно перебраться в нашу большую и светлую комнату, где бы он мог спокойно работать и отдыхать. Отнекивался. То собирался ехать в санаторий поправлять нервы, то говорил:

— Пойду, попрошу себе жилье. Что такое, хожу, как бездомный!

Бесприютность его очень тяготила. <...> Положение действительно было очень тяжелое. Вещи и рукописи были разбросаны по разным квартирам Москвы. Ночуя у меня и желая утром переодеться, он подчас бывал вынужден или одалживать необходимые ему вещи или тащиться за своими вещами в другой конец Москвы, где они были оставлены».

Восп., 1, 417.

Есенин пишет Г.А.Бениславской:

«Галя милая! простите, что обманул.

Дня еще не видел, какой он — есть.

Думаю, что не смогу поехать с Вами. Немного разбит настроением и физически».

Есенин, VI, 160, 574–575.

Сентябрь, 27 (?). Есенин переезжает жить к Г.А.Бениславской: Брюсовский (ныне — Брюсов) пер., д. 2, кв. 27.

Событие и его дата устанавливаются по воспоминаниям А.Г.Назаровой. Еще одним подтверждением начала совместной жизни Есенина и Г.А.Бениславской является 21 счет в октябре – ноябре 1923 года, подписанный Бениславской, а также счета, выписанные на имена Г.А.Бениславской, Е.А.Есениной, Н.А.Клюева и др., с пометой официанта: «На счет Есенина».

См. также: 9 окт. 1923, вторая запись.

Квартира 27, в которой Есенин поселяется осенью 1923 г. и живет около двух лет до середины 1925 г., часто выезжая на Кавказ, в Ленинград и Константиново, находилась в большом угловом доме, который расположен на углу Никитской улицы и Брюсовского переулка, и имела два адреса: Брюсов-

ский переулок, д. 2/14 и Большая Никитская, д. 14/2. Это ведомственный дом, где жили сотрудники газет «Правда», «Известия» и «Беднота». Осенью 1923 г. вместе с Г.А.Бениславской в комнате жила ее подруга А.Назарова, которая вскоре получила жилплощадь и переехала жить на Таганку, а также заместитель главного редактора «Бедноты» М.С.Грандов, его жена Е.В.Кононенко, С.С.Виноградская и Н.Д.Грандова, родственница М.С.Грандова (см.: Шубникова-Гусева-2008, 169–174).

А.А.Есенина вспомнит:

«Два больших восьмиэтажных корпуса “А” и “Б”, носящие название “дома «Правды»”, стояли во дворе дома за номером 2/14 друг против друга. В основном в этих домах жили работники газет “Правда” и “Беднота”.

Квартира, в которой жила Галя, находилась на седьмом этаже. Из широкого венецианского окна Галиной комнаты в солнечные дни вдалеке виднелся Нескучный сад, лесная полоса Воробьевых гор, синевой отливала лента реки Москвы и золотились купола Ново-Девичьего монастыря. От домов же, расположенных на ближайших узких улицах и переулках, мы видели лишь одни крыши.

Соседи у Гали были молодые, всем интересующиеся, особенно литературой <…>

<…> Галя мало беспокоилась о домашнем уюте, и обстановка у нее была крайне бедна. Вместо обеденного — стоял кухонный столик, письменный — заменял ломберный, на котором была бронзовая, на черной мраморной подставке, настольная лампа. Стояла еще покрытая плюшем василькового цвета тахта с провалившимися пружинами, за что получила прозвище “одёр”, шведская железная кровать с сеткой, две тумбочки, два старых венских стула и табуретка. Но чистота всегда была идеальная».

Восп., 1, 103, 107.

А.А.Берзинь напишет:

«Мне хочется сказать много хорошего о милом человеке, верном и заботливом друге Есенина, его жене, подруге, товарище и ангеле-хранителе, каким была для него всю свою жизнь Галина Артуровна Бениславская».

Материалы, 367–368.

Из воспоминаний С.С.Виноградской:

«…самым ценным, самым преданным другом последних лет была Г.Бениславская. С невиданной самоотверженностью, с редким самопожертвованием посвятила она себя ему. В ней он нашел редкое соединение жены, любящего друга, родного человека, сестры, матери. Без устали, без упрека, без ропота, забыв о себе, словно выполняя долг, несла она тяжкую ношу забот о Есенине, о всей его жизни — от печатания его стихов, раздобывания денег, забот о здоровье, больницах, охраны его от назойливых кабацких “друзей” до розысков его ночами в милиции. Этого редкого и, нужно сказать, единственного настоящего друга Есенин недостаточно ценил. Он часто твердил: “Галя мне друг; Галя мне единственный друг”. Но еще чаще забывал это».

Как жил Есенин, 22.

Е.А.Есенина вспомнит:

«Галя <Бениславская> делала всё возможное, чтобы обеспечить покой и удобство Сергею. Она нашла хорошую опытную домработницу. Зная любовь Есенина к порядку, она, начиная с костюмов и кончая носками, сама следила за чисткой и починкой. Везде и во всем она завела строгий порядок. Сергей очень ценил ее внимание. <…>

Некоторые из гостей Сергея, узнав, что Галя только друг его, решили ухаживать за ней, и подчас довольно назойливо. Сергей заметил и, чтобы прекратить волокитство, неприятное Гале, однажды сказал ей: “О вас могут нехорошо думать. Давайте поженимся”. Галя отрицательно покачала головой. “Нет, Сергей Александрович, что обо мне будут думать, мне всё равно. Я не пойду за вас замуж только из-за того, чтобы люди обо мне лучше думали”».

В семье родной, 239–240.

Сентябрь, после 27 (?). Есенин поручает Г.А.Бениславской хранение своих рукописей.

Из воспоминаний Г.А.Бениславской:

«Когда С. А. переехал ко мне, ключи от всех рукописей и вообще от всех вещей <он> дал мне, так как сам терял эти ключи, раздавая рукописи и фотографии, а что не раздавал, то у него тащили сами. Он же замечал пропажу, ворчал, ругался, но беречь, хранить и требовать обратно не умел. Насчет рукописей, писем и пр<очего> сказал, чтобы по мере накопления всё ненужное в данный момент передавать на хранение Сашке (Сахарову): "У него мой архив, у него много в Питере хранится. Я ему всё отдаю". С Сашкой он считался, как ни с кем из друзей, верил ему и его мнению. Вскоре, отобрав всё, что можно было сдать в "архив", я отдала Сахарову. Но когда я хотела это сделать в следующий раз, С.А. сказал, что больше Сахарову ничего не давать и, наоборот, от Сашки надо всё забрать и привезти сюда. Надо сказать, что в отношении стихов и рукописей распоряжения Е. были для меня законом. Я могла возражать ему, стараясь объяснить ту или иную ошибку, но если С. А. не соглашался с возражениями, то я всегда подчинялась и слепо исполняла его распоряжения».

Материалы, 89.

Сентябрь, после 27 (?) – 1925. Г.А.Бениславская помогает поэту вести тетради с газетными и журнальными вырезками (в том числе привезенными из зарубежной поездки) и собирать новые.

Шубникова-Гусева, 62–64.

Сохранилось две тетради с переплетами малахитового и бордового цвета, с золотым обрезом, на последней странице — печатный знак «A. Gerspacher. Berlin. W 8» (ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 5 и 37). Все газетные и журнальные вырезки из отечественной периодики выписывались в Бюро вырезок, за этим постоянно следила Г.А.Бениславская. Она же вписывала библиографические данные и делала другие пометы в этих тетрадях. Есенин, очевидно, внимательно следил за этой работой. В одной из тетрадей имеется, например, помета, сделанная его рукой, к вырезке из газеты «Бакинский рабочий» (см.: после 15 дек. 1924). Г.А.Бениславская продолжала работу по сбору вырезок даже после ухода Есенина к С.А.Толстой в июне 1925 года.

Поэт внимательно следил за острыми спорами о своих стихах, постоянно читал рецензии и критические отклики и остро на них реагировал.

«Есенин ловил ухом и прятал в памяти каждое слово, сказанное о его стихах. Худое и лестное. Ради десяти строк, напечатанных о нем в захудалой какой-нибудь газетенке, мог лететь из одного конца Москвы в другой. Пишущих или говорящих о нем плохо как о поэте считал своими смертельными врагами».

А.Мариенгоф — Как жил Есенин, 52.

Сентябрь, конец ... Октябрь, до 15. Выходит сборник «Жизнь и труд: Первая книга для взрослых. Вып. 1: Лит. отд.» / Сост. Л.Булгакова и Е.Голант (М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923) со стихотворениями Есенина «Пастух» <«Я пастух, мои палаты...»> и «В хате».

Кн. летопись, 1923, № 19, окт., поз. 9764.

Сентябрь. Есенин пишет А.Б. Мариенгофу:

«Дорогой Анатолий, мы с Вами говорили. Галя моя жена».

Есенин, VI, 160, 574–576.

В «Романе с друзьями» А.Б.Мариенгоф напишет:

«После возвращения Есенина из Америки Галя стала для него самым близким человеком: возлюбленной, другом, нянькой. Нянькой в самом высоком, благородном и красивом смысле этого слова, почти для каждого из нас дорогого по далекому детству, а в войну измученные люди переделали няню в "нянечку".

Я, пожалуй не встречал в жизни большего, чем у Гали, самопожертвования, большей преданности, небрезгливости и, конечно, – любви.

Она отдала Есенину всю себя, ничего для себя не требуя. И уж если говорить правду, — не получая».

Мой век, 245–246.

Есенин фотографируется один.

Есенин, VII (3), № 75, 242.

В.Ф.Наседкин в «Стойле Пегаса» знакомит Есенина с Р.М.Акульшиным.

Из воспоминаний Р.М.Акульшина:

«Осень 1923 года. Я недавно приехал из Самары и выдержал все экзамены в Литературно-художественный институт имени Валерия Брюсова <ВЛХИ>. <...>

Со мной дружит второкурсник, поэт Наседкин. Он учился вместе с Есениным в университете Шанявского. <...> Наседкин <...> обещает познакомить меня с Есениным. Я люблю народные песни. Когда, гуляя по двору института, я запеваю: "Уж да ты, калинушка, ты, малинушка", ко мне подходит Наседкин и подпевает вторым голосом. Люди, никогда не жившие в деревне, считают нас чудаками и в насмешку подают копеечку, как слепцам.

— Давай, знаешь, кому споем? — говорит как-то мой друг.

— Кому?

— Есенину. Пойдем к нему в "Стойло Пегаса".

...Вечереет. Моросит дождь. Свистит ветер. Иду, как на трудный экзамен. Вот знакомая вывеска. Несколько раз за осень я проходил мимо нее. А там, в самом "Стойле", еще ни разу не удалось побывать. <...>

Стою у двери. Наседкин кладет руку на плечо Есенина.

— Сергей, на минутку.

Они оба подходят ко мне.

— Познакомься: крестьянин от сохи.

— Не похож, — сомневается Есенин.

— Ты послушай, как он поет народные песни, тогда сразу поверишь.

— Поет? — вскрикивает Есенин и, подбежав к эстраде, властно, по-хозяйски останавливает музыкантов.

— Сейчас будут исполняться русские народные песни!

Мы с Наседкиным входим на эстраду и становимся у края, впереди музыкантов. На мне овчинный полушубок нараспашку, самотканые полосатые штаны и сапоги с высокими голенищами. Ко всему этому так нейдут большие круглые очки в роговой оправе.

От волнения колени трясутся. Я запеваю: "Уж да ты, калинушка, ты, малинушка". Голос, дрожащий вначале, быстро крепнет. Перед нашими взорами — русские равнины, реки, моря, березки, зеленые луга и шумные леса. С нами — русский народ, его страдания и радости, его отчаяния и надежды, его честное сердце и широкая натура.

Песня заслонила пьяные физиономии завсегдатаев кафе, табачный дым, стойку с бутылками.

На побывочку на недолгую
Ко жене молодой, к отцу с матерью.

Песня спета.

— Браво! Бис! — шумит аплодирующая публика.

Есенин подходит к эстраде, крепко жмет мне руку, потом наклоняет мою голову и осыпает ее поцелуями:

— Теперь верю, что Вы крестьянин... Не крестьянин не может так петь. <...>

— Мы будем встречаться часто! И всегда будем петь! — говорит нам на прощание Есенин».

РЗЕ, 1, 242—244.

Сентябрь (?). Журнал «Зрелища» (№ 53; за сентябрь) публикует статью В.Г.Шершеневича «О терминологии и об идеологии: Дискуссионно», полемически направленную против статьи А.В.Луначарского «Еще о Театре Красного быта».

См.: 1 сент. 1923, первая запись.

Положения этой статьи войдут в имажинистскую декларацию «Восемь пунктов», подписанную Есениным (см.: до 8 февр. 1924).

Если А.В.Луначарский защищает «красный», или «революционный», театр в отличие от экспериментаторского театра В.Э.Мейерхольда, то В.Г.Шершеневич выступает оппонентом А.В.Луначарского, противопоставляя режиссерскую деятельность В.Э.Мейерхольда «натурализму Художественного театра и модернизму Камерного».

Есенин, VII (1), 524–525.

См. также: McVay G. Vadim Shershenevich: New Texts and Information. — «Russian Literature Triquarterly», Ann Arbor, 1989, № 22, p. 295–296.

Журнал «Журналист» (№ 7) печатает статью Як. Окунева «Братья-писатели», в которой заходит речь о Есенине.

Граница события определяется с учетом информации, размещенной в журнале: сообщается о событиях, относящихся «к началу сентября».

Автор пишет о состоянии русской литературы, об эмиграции и отмечает:

«Но всё же не все ушли. Некоторые остались и пытаются сопутствовать революции. Но попутчики эти все-таки не свои, а чужие...

Модернисты и имажинисты, Мариенгофы и Есенины, те же попутчики, наблюдатели из бинокля и, кроме ломки старой формы и революционной фразы, они ничем не обнаруживают своего сосуществования с революцией, своей действительной общности с нею. Есенин претворяет революцию в образ бунта, бессмысленного и стихийного, а Ленина трансформирует в Пугачева. Он не видит порядка в кажущемся беспорядке, закономерности в кажущейся стихии. Классовые устремления и классовые цели чужды и непонятны наблюдателю с тросточкой в руках. Революция идет помимо него, он не участник ее, даже не статист, а посторонний человек в ней, и оттого она у него бессмысленна, стихийна, жестока».

Сентябрь – Октябрь. Хлопоты М.С.Грандова и А.Г.Назаровой о получении Есениным квартиры.

А.Г. Назарова вспомнит:

«Есенин страшно мучился, не имея постоянного пристанища. На Богословском комната нужна была Мариенгофу, на Никитской в одной комнатушке жили я и Галя Бениславская. Он то ночевал у нас, то на Богословском, то где-нибудь еще, как бездомная собака, скитаясь и не имея возможности ни спокойно работать, ни спокойно

жить. Грандов — редактор "Бедноты", "увлекающийся" Е<сениным> (иначе, как "милый" и "родной", не называвший его), решил помочь ему в этом деле <и устроить квартиру помимо Е<сенина>, ничего не говоря последнему. (*Приписка Г.Бениславской*)>. На "беднотовском" бланке было написано письмо-ходатайство о предоставлении Е<сенину> квартиры в 3 ком<наты> (его сестра тоже ютилась где-то в Замоскворечье, и из деревни должна была приехать 2-я сестра) в Президиум ВЦИК <см.: 20 сент. 1923>, копии были посланы в секретариат Троцкого и Воронскому.

Воронский не подал голоса, из секретариата ВЦИК ответили, что бумаги пересланы в Моссовет <см.: 8 окт. 1923, до 10 окт. 1923>, а из секретариата Троцкого позвонили, что т. к. это не в их возможности (дать квартиру), то они с ходатайством от себя переслали бумаги в МУНИ За дело с квартирой взялась я. Позвонила в Моссовет какому-то Добролюбову, который сказал мне, что они письмо переслали "по назначению", т. е. в МУНИ. Я отправилась в МУНИ. Там была принята зав. МУНИ т. Поповым. Я не помню в точности нашего часового разговора с т. Поповым, но его замечания вроде: "У Есенина есть жена — Дункан, а у нее целый особняк, почему он не живет в нем?", "Как вы наивны — знаете, сколько в Москве поэтов? Неужели всем я должен давать квартиры?.. Ведь живет же где-то сейчас Есенин, на что ж ему квартира?" — и многие другие подобные им врезались мне в память. Со злостью хотелось обругать этого сытого человека, имеющего спокойную квартиру, и, хлопнув дверью, уйти, но... Вспомнив мучения С. А., я еще любезнее начала буквально "просить" понять безвыходное положение такого таланта, как Есенин. "Все они таланты!" — буркнул Попов и, написав что-то на пачке бумаг, дал их мне: "Пойдите в Краснопресненское РУНИ<Районное управление недвижимого имущества>.". Я взяла бумаги. Два экземпляра письма Грандова (во ВЦИК и секретариат Троцкого), бумажка Моссовета с просьбой "по возможности просьбу удовлетворить", надпись ВЦИК "направляем по назначению для исполнения" и просьба от секретариата Троцкого "дать квартиру ввиду особой нуждаемости" – вот документы, очутившиеся у меня. Поверх всего написано: "В Краснопресненское РУНИ. Из имеющейся площади — в очередь — удовлетворить просьбу Есенина. *Попов*". Решила: ну, с такими "ходатайствами" через 2 часа у меня будет квартира для Есенина. И только через месяц почти ежедневного хождения в РУНИ я поняла, что эту стену никакими секретариатами не прошибешь».

Материалы, 121–122.

Г.А.Бениславская также напишет, что никто из «стоящих у кормила» не позаботился о Есенине. Единственным человеком, который осенью 1923 года хлопотал о получении им трехкомнатной квартиры, был М.С. Грандов (Материалы, 121, 122, 124).

Ср. также с воспоминаниями А.А.Есениной:

«Сергея всегда тяготила семейная неустроенность, отсутствие своего угла, которого он, в сущности, так и не имел до конца своей жизни. Зато много было рано свалившихся на него забот о близких ему людях».

Восп., 1, 108.

См. также: 20 сент. 1923; 8 окт. 1923; до 10 окт. 1923.

Есенин знакомится в редакции журнала «Красная новь» с К.Л.Зелинским.

Время определяется по воспоминаниям последнего (см. след. запись).

К.Л.Зелинский беседует с А.К.Воронским о Есенине.

К.Л.Зелинский позже напишет:

«Вспоминается один разговор с А.К.Воронским. Был он, вероятно, осенью 1923 года, то есть тогда, когда я познакомился с Есениным в редакции "Красной нови" в Кривоколенном переулке.

— Чем вы объясняете тайну нечаянной славы Есенина, Александр Константинович? Ведь он просверкал словно ракета над двумя материками.

— Да, но ракеты быстро сгорают, — ответил Воронский.

— Признайтесь, но вы любите его стихи. Что в них берет за душу?

— Люблю. Скажу больше. Мне Михаил Иванович Калинин признавался, что любит стихи Есенина. И другие старые большевики тоже говорили. Я думал над этим. Тут, вероятно, во-первых, говорит в нас тяга к природе, к простому, естественному, что нужно каждому человеку. Ведь наша цивилизация однобока. Конечно, город уничтожает одурь, сонливость, тупость деревенской жизни. Но, уничтожая всё это, мы и сами делаемся беднее. Помните, как у Толстого начинается "Воскресение": "Как люди ни старались убить зеленую траву, а она все-таки весной и сквозь камни пробивалась". У каждого из нас в глубине души и сквозь "камни" всех повседневных забот пробивается трава нашего детства. Наше время суровое. Но, поверьте, в глубине у самого "железобетонного" большевика, настоящего большевика, любовь к жизни неугасима. А ведь Есенин — это любовь, и это трава, это голос того бытия, какое человек еще не успел заглушить цивилизацией. Недаром он называл свои стихи "песней звериных трав <так!>".

— Вы хотите сказать, что Есенин будит в каждом нечто подспудное, таящееся под наслоениями городской культуры?

— Нет, не только. Есенин наш потому, что он с народом. Но берет он за душу не призывами, как Безыменский и Маяковский. Есенин в своей лирике возвращает нас к тем временам чуть ли не патриархального, первобытного коммунизма, когда слово и дело были нераздельны. И бысть бе слово. Его стихи сливаются с его житейским обликом. А читает он так, словно изливает себя через стихи. В истории русской поэзии я, пожалуй, не назову другого столь непосредственного поэта. Государственная иерархия, сложившиеся человеческие отношения, наконец, наука, идеи, понятия — всё это по-разному опосредствует отношения одного человека к другому. И, видимо, подсознательно мы от этой, разумеется, нужной, неизбежной системы опосредствований устаем. Помните у Фета: "О, если б без слов сказаться душой было можно". Или у Лермонтова:

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно!
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Читаешь Есенина и иногда ловишь себя на мысли, что его узорные слова словно без слов входят в душу, от сердца к сердцу. Такое чувство, что его поэзия бьется в вашей руке, как сердце пойманной птицы. И ладонь сама разжимается, чтобы дать свободу этому живому ощущению полнейшей непосредственности. И, наконец, Есенин удивительно русский человек. У какого русского не дрогнет душа в ответ на его строки о Руси. Вот уж верно он сказал о себе: "А в сердце светит Русь"».

Зелинский К. На рубеже двух эпох: Литературные встречи 1917–1920 годов. М., 1959, с. 211–213.

Сентябрь – Ноябрь, до 20 (?). Есенин нередко бывает в общежитии Всероссийского союза писателей (Тверской бульвар, 25) вместе с П.Орешиным, С.Клычковым, А.Ганиным у живущих там П.Карпова, Д.Шепеленко, А.Ширяевца.

События устанавливаются по воспоминаниям Д.И.Шепеленко, а их верхняя граница определяется в предположении, что после инцидента в пивной Малинникова (см.: 20 нояб. 1923, четвертая запись) и последующих событий общение четырех поэтов стало менее тесным.

Д.И.Шепеленко вспомнит:

«Есенин часто приходил в комендантскую в Доме Герцена. Вваливался довольно поздно ночью, таща на себе корзину с пивом.

В пьяном виде любил петь песенку:

Вспомню, вспомню я,
Как меня мать любила,
И не раз и не два сыну говорила:
— Не водись с ворами, —

и при этом он вставал и тыкал пальцем в Клычкова и Орешина».

РГБ, ф. 144, карт. 12, ед. хр. 59, л. 2 (в записи П.А.Кузько).

Сентябрь – Ноябрь. Есенин пишет стихотворения «Пускай ты выпита другим...», «Мне грустно на тебя смотреть...», «Ты прохладой меня не мучай...».

Есенин, I, 191–192; 195–198; 616–618.

Рамки событий определяются ориентировочно по датам написания первых и завершающего стихотворений цикла. «Пускай ты выпита другим...» – третье стихотворение цикла «Любовь хулигана». Первое стихотворение этого цикла написано в августе. Второе — «Ты такая ж простая, как все...» – до 22 сент. 1923 (см.). Оба они напечатаны в № 41 журн. «Красная нива» (см.: 14 окт. 1923, вторая запись). Третье стихотворение цикла напечатано вместе с четвертым — «Дорогая, сядем рядом...» — под общим заглавием «Любовь хулигана» и общим посвящением «Августе Миклашевской» в № 7 журн. «Красная новь» (см.: 2 янв. ... до 2 февр. 1924).

См. также: вторая половина авг. 1923, вторая запись; 22 сент. 1923, первая запись; 9 окт. 1923, первая запись; 13–31 дек. 1923, вторая запись; 16 марта 1924, вторая запись; до 19 июля 1924.

Есенин неоднократно посещает «Кафе поэтов». Читает стихи.

События и их время устанавливаются по воспоминаниям И.В.Грузинова:

«*1923 г.* Осень. Час ночи. "Кафе поэтов", Тверская, 18. В комнате президиума Союза поэтов, в самом отдаленном углу кафе человек двенадцать: поэты и их друзья. Сымпровизировано экстренно чествование возвратившегося из-за границы Есенина в интимной обстановке. Как всегда, часам к трем ночи начинает разгораться "кафейный" скандал. Вокруг закипают пьяные страсти.

Вдруг я чувствую, что меня кто-то дергает за рукав, — Есенин.

Идем по Тверской. Есенин в пушкинском испанском плаще, в цилиндре. Играет в Пушкина. Немного смешон. Но в данную минуту он забыл об игре. Непрерывно разговариваем. Вполголоса: о славе, о Пушкине. Ночь на переломе. Хорошо, что есть городской предутренний час тишины. Хорошо, что улицы пустынны. Козицкий переулок. Есенину прямо. Мне направо. На углу останавливаемся. На прощанье целуем друг у друга руки: играем в Пушкина и Баратынского. <...>

В другой раз, когда речь зашла об образности русской народной поэзии, Есенин наизусть прочел большой отрывок из былины, по его мнению, самый образный. Память у Есенина была исключительная. Он помнил все свои стихи и поэмы, мог прочесть наизусть любую свою вещь когда угодно, в любое время дня и ночи. Нужно при этом иметь в виду, что стихотворные вещи его составят больше четырех томов, если собрать всё написанное им.

Память на человеческие лица у Есенина была прекрасная. Вместе с тем он замечал и запоминал каждое сказанное ему слово, замечал еле уловимое движение, в особенности, если оно было направлено по его адресу. В "дружеской попойке", если при этом были мало известные ему люди, он подозрительно следил, как относятся к нему окружающие.

По-видимому, не обращал никакого внимания на отношение к нему друзей и знакомых, по-видимому, пропускал мимо ушей всё, что о нем говорил тот или другой человек, по-видимому, всё прощал. Но это только до поры до времени. Изучив человека, припомнив всё сделанное и сказанное, резко менял отношение. Навсегда. Вместе с тем прощал все обиды, материальные ущербы, оскорбления, дурные поступки, всё, что угодно, если знал, что данный человек в глубине души хорошо к нему относится».

Восп., 1, 355–356.

Октябрь, 1. Есенин читает стихи на литературном вечере во Всероссийском литературно-художественном институте (Поварская, 52).

Событие устанавливается по информации в газ. «Рабочая Москва» (1923, 3 окт., № 221).

Вечер состоялся по поводу торжественного открытия занятий.

Подробные воспоминания об этом вечере оставит Р.Акульшин (Березов), учившийся в этом институте:

«Но не только Есенин был кумиром молодежи в те годы. Немало было поклонников и у Маяковского.

В комсомольской организации нашего института, которой руководил Джек Алтаузен, кто-то подал мысль позвать обоих поэтов.

Приглашая Есенина, ему не сказали, что в институте будет Маяковский, а от Маяковского утаили желание студентов видеть на вечере и Есенина. <...> ...Уютная, такая не казенная, аудитория дома на Поварской, 52, описанного Толстым в романе "Война и мир" как дом Ростовых, заполнена студентами. На месте кафедры устроен небольшой помост.

Маяковский пришел за полчаса до назначенного времени. <...> Есенин запоздал. Это дало повод к замечаниям, что, побывав в Америке, он не перенял американской пунктуальности.

<...> Брюсов занял место в первом ряду. Плотный и самоуверенно-нахальный студент Фридман был конферансье. Сначала он дал слово Есенину, который стоял на эстраде слева, у самого окна. Он был в том же сером американском костюме, в котором я увидел его в "Стойле Пегаса".

<...> Итак, первым начал читать Есенин:

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали,
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

— Чудно... Прекрасно, — шевелили губами слушатели. Каждое слово поэта проникало в глубину сердца и заставляло его трепетать по-особенному.

Есенин читал выразительно, не проглатывая ни одного слова. Ритм стиха он выделял покачиванием кудрявой головы, слегка выкрикивая концы строк. После первого стихотворения в зале стало твориться что-то невообразимое. У каждого было желание — ринуться на помост и задушить в объятьях поэта.

Маяковский, сидевший в первом ряду справа, оглянулся на аудиторию и еле заметно улыбнулся.

Хитрый конферансье Фридман сделал странный ход: не дав возможности Есенину прочитать сразу же второе стихотворение, он объявил:

— Владимир Владимирович Маяковский!

Аплодисменты, — шумные, продолжительные. Есенин смущен. На его лице написано: "Он еще не читал, а вы его приветствуете не менее усердно, чем меня после прочтения".

Есенин остается на том же месте, к его услугам мягкое кресло. Маяковский поднимается на помост. Начинается гвалт: каждый заказывает поэту, что он должен прочитать. На лице Маяковского — довольство. "Меня знают, — вероятно, думает он, — вон сколько поступило заказов и на «Наш марш», и на «Облако в штанах», и на «Необычайное приключение», и на «Левый марш». Что-то Есенину никто не сделал ни одного заказа".

Он начинает с "Левого марша".

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше слово, товарищ маузер.
Довольно жить законом,
Данным Адамом и Евой.
Клячу истории загоним!

Почти вся аудитория вместе с поэтом повторяет:

Левой!
Левой!
Левой!

Есенин корчится. Его губы что-то шепчут. На лице гримаса. Когда Маяковский кончает марш, стекла окон дрожат от бури аплодисментов. Но не успевает утихнуть этот восторг, как Фридман снова объявляет:

— Сергей Александрович Есенин!

<...> ...если вывели на одну площадку двух петухов, то они должны драться, позор падает на голову того, кто смалодушничает и ринется в бегство.

Я не знал, что любовь зараза,
Я не знал, что любовь — чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.

— Браво! — прерывает кто-то с заднего ряда. — Вот это поэзия, — шепчут студенты здесь и там, но большинство слушает, затаив дыхание, и, только когда замолкает поэт, начинают бушевать от восторга.

О, какой это необычайный вечер, таких вечеров не помнит история русской литературы! Два часа состязаются поэты, не зная, кто же из них дороже собравшимся здесь. Брюсов аплодирует одинаково обоим. <...>

Когда пьют смесь из разных напитков, то обалдевают до бесчувствия.

Слушатели в этот вечер были щедро напоены смесью из Есенина и Маяковского и под конец совсем обезумели. Это безумство выражалось в спорах, доходящих чуть ли не до драки в продолжение многих дней после выступления двух столпов Москвы и всей России».

РЗЕ, 1, 244–247.

Октябрь, 1–4, 6–11, 13, 18, 21, 23–25, 27–30. Столуясь в кафе «Стойле Пегаса», Есенин делает пометы и расписывается на выставленных ему счетах.

Есенин, VII (2), 179, 510, 511.

См. также: 3 авг. 1923, четвертая запись; 7–14, 16, 18–31 авг. 1923; 1–3, 5–9, 13, 15, 18–21, 23, 25–29 сент. 1923; 4, 14, 22, 24, 30 сент. 1923; 5, 12, 19 и 31 окт. 1923; 1–3 и 8–10 нояб. 1923; 5, 14, 15, 18, 21–23 нояб. 1923; после 10 нояб. 1923.

Октябрь, после 1. Есенин неоднократно читает стихи под окнами Всероссийского литературно-художественного института.

События устанавливаются по воспоминаниям З.И.Ясинской, а их граница – с учетом начала занятий в институте (см.: 1 окт. 1923; 3 окт. 1923).

З.И.Ясинская вспомнит:

«Брюсов любил и ценил хорошую работу, но никогда и ни в чем не бывал педантом или доктринером. Случались у нас неофициальные, внепрограммные и не предусмотренные по плану вечера поэзии. Так, Сергей Есенин приходил к брюсовцам незваный, приходил запросто "в гости на широкий двор", как сам однажды выразился. В осенние сумерки, в 5–6 часов, когда начинались занятия, и не заходя в вестибюль, становился под деревьями (кажется, кленами) и, нетвердо держась на ногах, мерно покачиваясь и помахивая черным снятым с головы цилиндром, начинал вслух читать свои стихи. Сидевшие на лекции ближе к окнам, откуда виден был сад, раньше других заслышав звонкий голос Есенина и увидев его под деревьями, быстро и бесшумно выскальзывали из аудитории (в актовом зале было очень много дверей). "Есенин, у нас Есенин", — шелестело по рядам, и через две минуты ошеломленный лектор созерцал лишь опустевшие красивые стулья и брошенные на них тетрадки, папахи, фуражки. Все убегали слушать Есенина. Профессура относилась к таким побегам либерально, не мирился только П.С.Коган. У него чаще других бывали первые часы, Коган возмущался, разыскивал ректора и почему-то никогда не мог его найти. Знал ли об этих импровизированных вечерах поэзии, срывавших занятия по расписанию, Брюсов-ректор? Я думаю, да, знал. И сознательно попустительствовал как поэт. Зато какое наслаждение доставляли нам эти неожиданные посещения Сергея Есенина. Он первый стал называть нас так: "Вы — брюсовцы!"».

Ясинская З.И. Мой учитель, мой редактор. — Сб. «Брюсовские чтения 1962 года», Ереван, 1963, с. 315–316.

Октябрь, 2 … Ноябрь, 30. В петроградском издательстве «Academia» выходит книга В.М.Жирмунского «Рифма, ее история и теория», где говорится о рифмах Есенина.

Нижняя граница события определяется с учетом информации в книге: «Напечатано по распоряжению Разряда Истории Словесных Искусств. Секретарь Разряда Б.Казанский. 1 октября 1923 г.», а верхняя – по сведениям Кн. летописи (1923, № 22, нояб., поз. 11620).

Из главы III «Из истории русской рифмы» (IV. «Рифмы неточные». 3. «Маяковский»):

«В настоящее время приемы Маяковского получили довольно широкое распространение; ср. стихотворения имажинистов, напр<имер> Есенина. Трудно предвидеть, надолго ли удержится эта новая версификация, как и вообще – какая судьба ожидает в будущем ту систему метрических форм, которая распространилась у нас за последние двадцать лет под влиянием Блока и Маяковского».

Отклик см.: до 16 – до 29 февр. 1924, вторая запись.

Октябрь, 3. Газета «Рабочая Москва» (№ 221; подпись: «А. В.») публикует информацию «Литературно-художественный институт»:

«Литературно-художественный институт. 1 октября в 7 ч. вечера состоялось торжественное открытие занятий в литературно-художественном институте. С приветственными речами выступили профессора: Брюсов, Коган, Григорьев, представители белорусских писателей, ком. ячейки, института и другие. Выступавшие профессора отметили крайне важное значение первого в мире института, которому предстоит выпустить профессионалов-писателей и критиков. В институт приняты из 1000 подавших заявления 250 человек, 80% из которых — рабочие и крестьяне.

На литературном вечере выступили со своими произведениями поэты Брюсов, Маяковский, Асеев, Есенин, Шенгели, Адалис и др.».

О вечере см.: 1 окт. 1923.

Октябрь, начало. Есенин продолжает обсуждать проект издания альманаха «Россияне».

С.Д.Фомин вспомнит:

«По возвращении Есенина из заграничных путешествий встречаюсь с ним в 1923 г. в Успенском переулке, в редакции "Красной нови". Есенин в это время затевает издавать альманах "Россияне". Идут долгие споры с Сергеем Клычковым по поводу издания этого альманаха. Есенин хотел быть единоличным редактором, на что Клычков не соглашался.

— Тогда я уеду в Питер и буду работать с Миколаем <Клюевым; см.: до 13 окт. 1923>, — сказал, улыбаясь, Есенин».

Восп., 1, 500.

См. также: 7 ... 12 авг. 1923; 15 или после 15 авг. 1923, вторая запись; 21 авг. 1923, вторая и четвертая записи; до 23 окт. 1923; 13–31 дек. 1923, четвертая запись; 14 февр. – 9 марта 1924, вторая запись; 7 апр. 1924, третья и четвертая записи; 11 апр. 1924, первая запись; 6 июня 1924, третья запись; до 24 авг. 1924.

Октябрь, до 4. Есенин пишет:

«Я очень здоровый и потому ясно осознаю, что мир болен. У здорового с больным произошло столкновение, отсюда произошел весь тот взрыв, который газеты называют скандалом.

В сущности, ничего особенного нет. История вся зависит от меня. Дело в том, что я нарушил спокойствие мира.

Обыкновенно в этом мире позволяется так. Первое: если ты мужчина и тебе 25 или 27 лет, то ты можешь жениться на женщине 20 или 22 лет. Если ты до супружества имел дело с такой-то и такой-то, то женщина твоя должна быть абсолютно "честной", обладающая той плевой, которая называется "невинностью". Второе: если ты родился бедным, то работай в поле сохой или иди на фабрику. Если ты родился богатым, то расширяй свое дело и жми рабочих.

Этих человеческих законов можно привести без числа.

Когда я был маленьким, эти законы меня очень удручали, а когда я вырос, я оскорбился и написал письмо всему человечеству. "М. Г., эти договоры вы писали без меня, моей подписи нет на вашей бумаге. Посылаю вас к черту".

Один мой друг испугался того, что произведения его никогда не будут поняты, потому что он вообразил, что человечество остановилось в своем развитии. Я человек оригинальный. Я не люблю захватывать чужие мысли. Но эта мысль удивительно похожа на то, что я думаю. Я не хочу этим оскорбить ни одного человека. "Каждого люблю я выше неба", — как говорит один поэт, но сегодня в растворенное окно мое дует теплый весенний ветер. Сегодня я вытащил из гардероба мое весеннее пальто. Залез в карман и нашел там женские перчатки...

Некоторые гадают по рукам, а я гадаю по перчаткам. Я всматриваюсь в линии сердца и говорю: теперь она любит другого.

Это ничего, любезные читатели, мне 27 лет — завтра или послезавтра мне будет 28. Я хочу сказать, что ей было около 45 лет.

Я хочу сказать, что за белые пряди, спадающие с ее лба, я не взял бы золота волос самой красивейшей девушки.

Фамилия моя древнерусская — Есенин. Если перевести ее на сегодняшний портовый язык и выискать корень, то это будет — осень.

Осень! Осень! Я кровью люблю это слово. Это слово — мое имя и моя любовь.

Я люблю ее, ту, чьи перчатки сейчас держу в руках,— вся осень».

Есенин, VII (2), 91–93.

Фрагмент неустановленного произведения.

Дата определяется по содержанию («...завтра или послезавтра мне будет 28»).

Введен в научный оборот, опубликован и откомментирован: журн. «Человек», М., 1995, № 5, с. 183–185 (раздел «Оригинал» — в статье Н.И.Шубниковой-Гусевой «Сергей Есенин: неизвестные материалы»; в рубрике «К 100-летию со дня рождения»).

В журн. «Человек», а также в Есенин, VII (2) текст опубликован по машинописной копии (ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 276, 3-я папка, л. 65–66), хранящейся в папке, в которую С.А.Толстая-Есенина поместила произведения Есенина. Эта папка содержала материалы подготовки Собрания сочинений Есенина в 1940-е гг. Данные материалы поступили в Отдел рукописных фондов ГЛМ в 1958 г. от Е.Н.Чеботаревской.

В разделе «Копии произведений Есенина и отрывков из его статей» — списки опубликованных произведений поэта (заявление в литературно-художественный коммунистический клуб советской секции писателей-художников и поэтов, статья «О „Зареве“ Орешина», стихотворения «Форма: Свое. С. Е. (Пример), б/п; 2. Народная. Подражание песенке матери. С. Е.»), а также комментируемый текст, который С.А.Толстая-Есенина предлагала впервые опубликовать в Собрании.

Он был атрибутирован Есенину по месту хранения и указанию С.А.Толстой-Есениной о содержании имеющихся в папке материалов, а также по стилю и по перекличкам с другими произведениями поэта, над которыми тот работал в 1923 г.: «Страной Негодяев», «Железным Миргородом», «Черным человеком». Было также указано, что автограф текста, возможно, утерян. После публикации материала стал известен и этот автограф, хранившийся тогда у Н.В.Есениной (сообщено Н.Г.Юсовым).

В этом отрывке идет речь об А.Дункан («...ей было около 45 лет <в 1922 г.>») и цитируется строка поэмы А.Кусикова «Васильковый марш» (1922): «Каждого люблю я выше неба...».

Октябрь, 4. Есенин отмечает свой день рождения в кафе «Стойло Пегаса».

Событие устанавливается и датируется в соответствии с подписанным Есениным счетом кафе от 4 окт. 1923 (ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 249, л. 29), содержащим заказ на 30 персон (см. Приложение).

Среди гостей — И.М.Касаткин и Б.Пильняк, который вскользь упомянет об этом мероприятии (неточно назвав его именинами) в письме из Коломны тому же Касаткину (14 окт. 1923):

«...мы не договорили того разговора, по-моему, важного, который начали у Есенина на имянинах <так!>...».

Пильняк Б. Мне выпала горькая слава...: Письма 1915–1937. М.: Аграф, 2002, с. 239 (указано К.Б.Андроникашвили-Пильняк).

Е.И.Лившиц поздравляет Есенина с днем рождения:

«Сергей Александрович, дорогой!

Сегодня я тоже помню Вас и, наверно, буду помнить еще много дней впереди. Я верю в Вас, верю, что и у Вас будет еще много радости, простой человеческой радости.

Низкий, низкий поклон и поцелуй».

Письма, 229.

Октябрь, 5, 12, 19 и 31. Есенин, возможно, посещает кафе «Стойло Пегаса».

Есенин, VII (2), 179, 510, 511.

Счета кафе, выписанные в эти дни на имя поэта, остались не подписанными им.

См. также: 3 авг. 1923, четвертая запись; 7–14, 16, 18–31 авг. 1923; 1–3, 5–9, 13, 15, 18–21, 23, 25–29 сент. 1923; 4, 14, 22, 24, 30 сент. 1923; 1–4, 6–11, 13, 18, 21, 23–25, 27–30 окт. 1923; 1–3 и 8–10 нояб. 1923; 5, 14, 15, 18, 21–23 нояб. 1923; после 10 нояб. 1923.

Октябрь, 6. А.Ветлугин пишет Есенину:

«В океане, 6 октября 1923 г. S. S. President Fillmore

Милый Сережа,

только уже перед самым отъездом, проезжая через Париж, встретил Мирского и получил твое письмо. Очень хочу считать его искренним. Желание мое платонично донельзя. И раньше, — когда всё гремело и кипело, — нам нечего было с тобой делить. А теперь, когда "в моей душе, как в океане" и т. д., и говорить нечего.

Всё это уже прошло, отгремело, как революция. Сегодня каждый начинает жить по-особому, в стать собственной глупой мудрости. Напрасно только ты подтруниваешь над моей "философией". Кто знает — в последний день что окажется ценнее (не в ломбардном, а в Иововском смысле): пафос ли Пугачева или неколебимая радость веснушчатого ирландца Мак-Дональда, — помнишь, с нами ездил театральный техник — с его 32 000 долларов и изумительной сестрой в Кливеланде. Впрочем, ты его никогда бы не понял и не оценил. Ты еще в революции. Я уже на "отмели времен", где, вопреки мнению тишайшего Лундберга, — увы или ура — не осталось даже "отвращения к косности". Тебя ужаснул задний двор — литературная шатия, — меня перестал радовать и самый для дураков выштукатуренный фасад — Искусство (и с большого и с малого "И").

Перестав играть с самим собой, я не вижу библейской радости ни от недоказанных танцев, ни от завершенного Пушкина. Есть вкусовые и зрительные ощущения. Остальное от лукавого в воспитании либо от восторженного в тщете.

Ты ушел в Москву ("творчество"), я еду в ненавистную тебе Америку (мечта об юдоли Мак-Дональда).

Мне мое имя — строка из паспорта, тебе — надпись на монументах. Мою смерть отметят в приходо-расходной книге крематория, твоя воспламенит Когана, если он тебя переживет (а "он" всех переживет).

Но, выбирая меж 32 000 000 читателей Есенина и 32 000 долларов Мак-Дональда, счастливую рубашку хочу снять не с тебя, а с него. Ты и подлинно скиф, меня же веселит отель, бар, аэроплан, шелковое женское белье, венецианский дворец дожей, суп у Voisin и устрицы Prunier. Во всем этом самым серьезным образом я полагаю единственную реальную ценность. Это уже не красноречие и не мелодекламация. Быть Рокфеллером значительнее и искреннее, чем Достоевским, Есениным и т. д.

И в этом мое расхождение с тобой. Ты никогда не научишься смотреть на корабли, проходящие мимо. Ты весь из междометий. Я не люблю любить, презираю ненавидеть, обожаю официальную вежливость, ценю холодное презрение, кроткую фальшь предпочитаю бурной правде. Ты потрясен и оскорблен ложью мира. Я ласково подчиняюсь.

Это не трактат о "ты" и "я". Просто объяснение, почему мы никогда не смогли бы сойтись. О тебе вспоминать буду всегда хорошо, с искренним сожалением, что меряешь на столетия и проходишь мимо дней. Американский мед горек, но, видно, в нем я и умру. Если вздумаешь написать: 141 West, 70 Street. Mr. Vetluguin. New York city».

Письма, 229–230.

Упоминаемое в тексте письмо Есенина к А.Ветлугину неизвестно.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 225) публикует статью П.С.Когана «Письма о литературе. О таланте, литературе на заказ, о "половой революции" Бориса Пильняка».

Полемика с этой статьей, а также с другими высказываниями о творчестве Б.Пильняка содержится в статье Есенина о писателях-«попутчиках» (см.: после 17 мая 1924, четвертая запись).

Октябрь, до 7. Выходит журнал «На посту» (№ 2–3; за сентябрь – октябрь) с материалом А.И.Зонина «Надо перепахать (о литературном отделе "Красной нови")», где упоминается Есенин:

«Пильняк, говорят, показал действительно и объективно в художественном отображении "угол уездно-крестьянской революции". Без Пильняка, Вс. Иванова, Елиз. Полонской, Есенина и еще некоторых разного калибра попутчиков, оказывается, у нас в литературе пустое место».

Граница события — по информации в «Рабочей газете» (1923, 7 окт., № 225).

Октябрь, 7. Петроградский журнал «Литературный еженедельник» (№ 39; рубрика «Литературный блокнот») помещает ряд эпиграмм, подписанных «Юр.», в том числе эпиграмму «Всем поэтам»:

Все, чья муза не оценена,
В неизвестности шатается,
Вслед за голубым Есениным
Торопитесь одунканиться.

Октябрь, 8. В ответ на запрос из секретариата Л.Д.Троцкого управляющий делами Моссовета составляет справку относительно предоставления Есенину квартиры:

«Заявление т. Грандова из ВЦИК было переслано в Моссовет. Оттуда было направлено согласно указания члена Президиума т. Волкова в МУНИ т. Попову с такой примерно резолюцией. Если т. Есенин обратится в МУНИ, оказать ему возможное содействие».

Артеменко В. «Скитается, как бездомный». — «Лит. газета», 2010, 24–30 марта, № 11, с. 5.

См. также: 20 сент. 1923; сент. – окт. 1923, первая запись; до 10 окт. 1923.

Октябрь, до 9. Есенин телеграфирует А.Дункан:
«Я люблю другую, женат и счастлив. Есенин».

Есенин, VI, 161, 576.

И.И.Шнейдер датировал эту телеграмму 13 окт. 1923 г. со ссылкой на виденную им квитанцию об ее отправке (Шнейдер, 80), ныне не известную. По утверждению Г.А.Бениславской, ее телеграмма (см.: 9 окт. 1923, вторая запись) ушла в Ялту спустя какое-то время после того, как Есенин послал А. Дункан свою (Материалы, 50).

Шубникова-Гусева-2008, 154–155.

См. Приложение.

Октябрь, 9. Есенин пишет стихотворение «Дорогая, сядем рядом...».

Есенин, I, 193–194, 616.

Черновой автограф с авторской датой: «9 октября 1923 г.» находился в собрании К.Л.Зелинского (из архива Г.А.Бениславской).

Впервые будет опубликовано вместе со стихотворением «Пускай ты выпита другим...» в № 7 «Красной нови» под общим заглавием «Любовь хулигана» и общим посвящением «Августе Миклашевской» (см.: 2 янв. ... до 2 февр. 1924).

См. также: вторая половина авг. 1923, вторая запись; до 22 сент. 1923; 22 сент. 1923, первая запись; сент. – нояб. 1923, первая запись; 14 окт. 1923, вторая запись; 13–31 дек. 1923, вторая запись; 16 марта 1924, вторая запись; до 19 июля 1924.

Г.А.Бениславская посылает телеграмму А.Дункан:

«Писем телеграмм Есенину больше не шлите он со мной к вам не приедет никогда не вернется надо считаться Галина Бениславская».

Шубникова-Гусева-2008, 155.

См. Приложение.

Г.А.Бениславская вспомнит:

«Так как телеграммы, адресовавшиеся на Богословский переулок (С. А. жил уже на Брюсовском), не прекращались, то я решила послать телеграмму от своего имени, рассчитывая задеть чисто женские струны и этим прекратить поток телеграмм из Крыма: <воспроизводится текст телеграммы на память неточно>

Хохотали мы с С. А. над этой телеграммой целое утро — еще бы — такой вызывающий тон не в моем духе, и если бы Дункан хоть немного знала меня, то, конечно, поняла бы, что это отпугивание, и только. Но, к счастью, она меня никогда не видела и ничего о моем существовании не знала. Поэтому телеграмма, по рассказам, вызвала целую бурю и уничтожающий ответ...».

Материалы, 50.

Об ответе А.Дункан см.: 11 окт. 1923.

См. также: до 9 окт. 1923.

Октябрь, 9, 12, 18, 20 и 23. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3908, 3911, 3917, 3919, 3922) печатает объявление с упоминанием имени Есенина:

«1 ноября в Нью-Йорке начинает выходить новый ежемесячный журнал “Три” — “Three in one” — “Drei in eins”, посвященный вопросам культуры: жизни мысли, литературы, театра, музыки, живописи, пластики и архитектуры. В журнале “Три” (Three in one) принимают участие известные писатели, поэты, артисты, музыканты, композиторы и художники Европы и Америки. <...>

Журнал “ТРИ” выходит на ТРЕХ языках: русском, английском и еврейском. Журнал “ТРИ” выходит толстой книгой, размером в 240 страниц большого формата.

В журнале принимают участие: Арсений Аврамов <так!>, Баал-Махшовес, Лев Бубрих, Артур Волфон, С.Гусев-Оренбургский, Осип Дымов, Айседора Дункан, Сергей Ессенин <так!>, Илен, В.Копман, Александр Кусиков, Ланде, В.Левин, художник Иос<иф> Левин, Всеволод Э.Мейерхольд, В.Мечтатель <псевд. В.Левина>, Мани-Лейб, Менахем, Джон Роббинс, Л.Сабанеев, А.Я.Таиров, Тоффел, А.Фовицкий (Альфа), А.Штейнберг, Морис Шварц, Иосиф Ясслер».

См. также: 8 сент. 1923, третья запись.

Октябрь, после 9. Есенин в «Кафе поэтов» читает стихотворение «Дорогая, сядем рядом...» И.Грузинову.

Событие и его граница — по воспоминаниям И.В.Грузинова с учетом даты написания стихотворения:

«*1923 г.* Вечер. За столиком в “Кафе поэтов” Есенин читает — “Дорогая, сядем рядом...”.

Я спрашиваю:

— Откуда начало этого стихотворения? Из частушки или из "Калевалы"?

— Что такое "Калевала"?

— "Калевала"? Финский народный эпос.

— Не знаю. Не читал.

— Да неужели? Притворяешься?

С минуту Есенин разговаривает о каких-то пустяках и затем, улыбаясь, читает наизусть всю первую руну из "Калевалы"».

Восп., 1, 355.

Октябрь, до 10. В ответ на свое заявление во ВЦИК с просьбой о предоставлении Есенину и его семье квартиры М.С.Грандов получает уведомление из Моссовета.

Событие и его граница устанавливаются по приписке к справке, составленной для секретариата Л.Д.Троцкого (см.: 8 окт. 1923):

«Т. Грандову резолюция Моссовета сообщена. 10/X».

Артеменко В. «Скитается, как бездомный». — «Лит. газета», 2010, 24–30 марта, № 11, с. 5.

См. также: 20 сент. 1923; 8 окт. 1923.

Октябрь, 11. А.Дункан посылает телеграмму Есенину из Ялты:

«Получила телеграмму должно быть твоей прислуги Бениславской пишет чтобы письма на Богословский больше не посылать разве переменить <так!> адрес прошу объяснить телеграммой очень люблю — Изадора».

Письма, 230.

См. также: до 9 окт. 1923; сент. – окт. 1923, первая запись; 9 окт. 1924, вторая запись.

См. Приложение.

Октябрь, 12, 13, 15, 22–24. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3911, 3912, 3914, 3921–3923) печатает рекламное объявление с упоминанием Есенина:

«Книга для всех. Русская общедоступная библиотека. Избранные произведения русской и иностранной классической и современной литературы. Поступили в продажу: <...> 2–3. Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

См. также: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая 1922; 5 ... 24 июня 1922; 1, 5, 6 и 30 нояб. 1923; 12, 14, 17 и 18 дек. 1923.

Октябрь, до 13. Есенин получает из Петрограда письмо Н.А.Клюева (оно неизвестно).

Граница события определяется с учетом времени отъезда Есенина в Петроград (см.: 13 окт. 1923).

Из воспоминаний С.Д.Фомина:

«<Есенин> вынул из бокового кармана серой меховой куртки письмо и протянул мне:

— Читай.

Письмо это было от поэта Н.Клюева, который жаловался Есенину на свое тяжелое положение, упоминая про гроб, заступ и могилу.

Действительно, Есенин уехал в Ленинград к Н.Клюеву, но издание альманаха там не осуществилось».

Восп., 1, 500.

Г.А.Бениславская вспомнит (1926):

«Близился срок возвращения Дункан. С. А. был в панике, хотел куда-нибудь скрыться, исчезнуть. Как раз в это время получил слезное письмо от Клюева — он, мол, учитель, погибает в Питере. С. А. тотчас укатил туда».

Материалы, 52.

А.Г.Назарова напишет (1926):

«Е<сенин> получил письмо от Клюева — "умираю с голоду, болен. Хочу посмотреть еще раз своего Сереженьку, чтоб спокойней умереть". С. А. взволнованно и с большой любовью говорил, какой Клюев чудный, хороший, как он его любит. Решил, что поедет и привезет его в Москву. Просил Я<ну> уступить комнату для К<люева>. Я<на> уступила, Е<сенин> собирался уезжать».

Материалы, 127.

Ср. с воспоминаниями Е.А.Есениной:

«Кто-то приехал из Ленинграда и рассказал Сергею, что Клюев просит милостыню. Стихи не печатают, жить нечем, и передали последнее стихотворение Клюева:

Стариком, в лохмотья одетый,
Стою у церковной ограды.
Я был когда-то поэтом,
Подайте на хлеб, Христа ради.

Эти строки [до слез] очень волновали Сергея.

— Боже мой, Боже мой! Такой поэт просит милостыню, что же это такое? — И он тут же уехал в Ленинград».

В семье родной, 235. Цитируется (по памяти) стихотворение Н.А.Клюева «Стариком, в лохмотья одетым...» (см. о нем: Летопись, 3 (1), 219–220).

См. также: 13 окт. 1923; 17 окт. 1923, первая и вторая записи; 18 окт. 1923, первая запись.

Есенин пишет Г.А.Бениславской:

«Галя милая! Заходил. К сожалению, не мог ждать.

За вчерашнее обещание извиняюсь.

Дулся в карты. Домой пришел утром. Разыграл Мариенгофа и Приблудного.

В общем, скучно. Иду на совещание относительно Клюева с паспортной братией».

Есенин, VI, 160, 574.

Октябрь, 13. Есенин вместе с И.Приблудным, А.М.Сахаровым и И.В.Аксельродом выезжает в Петроград.

Событие определяется по воспоминаниям Г.А.Бениславской, а его дата — по совокупности следующих данных: отсутствия счетов Есенина в «Стойле Пегаса» 14–17 окт. 1923; слов А.Г.Назаровой о том, что Есенин уехал в воскресенье и приехал почти через неделю, и Г.А.Бениславской — «приехал в четверг» (18 окт. 1923), а также прощального письма Г.А.Бениславской к С.П.Покровскому, датированного: «Ночь с 13 на 14 окт.» (см.), и телеграммы Есенина и И.Приблудного (см.: 17 окт. 1923, первая запись).

Шубникова-Гусева-2008, 155–156.

И.В.Грузинов вспомнит:

«...в 1923 году, когда обозначился уход Есенина из группы имажинистов, он прежде всего обратился к Клюеву и хотел восстановить с ним литературную дружбу.

— Я еду в Питер, — таинственным шепотом сообщает мне Сергей, — я привезу Клюева. Он будет у нас главный, он будет председателем "Ассоциации вольнодумцев". Ведь это он учредил "Ассоциацию вольнодумцев"!»

Восп., 1, 378.

Из воспоминаний Г.А.Бениславской:

«... в 1923 г. <Есенин> едет в Питер к Клюеву. Не успел достать денег, в последнюю минуту занял 20 или 30 руб. у Александра (швейцара в "Стойле"). Сахаров сказал, что билеты он сам всем купит (ехали: С. А., Сахаров, Аксельрод и Приблудный). Я, Аня, С.А., Приблудный приезжаем на вокзал. Билеты через кого-то нам передали. Оказывается, жесткий вагон и место не спальное. "А где же Сашка?" — спрашивает С. А. <...> А дело вот в чем: Сашка предпочел ехать в мягком и, поскольку у С.А. в тот момент не было денег, ему предоставили жесткие места».

А.Г.Назарова отметит:

«Е<сенин> обозлился, но все-таки уехал».

Материалы, 85, 127.

Октябрь, с 13 на 14. Г.А.Бениславская пишет С.П.Покровскому о своем отношении к Есенину:

«Твоей я уж больше никогда не буду. <... > Видишь ли, ты не сможешь быть, когда часть души, хотя бы на время, я буду отдавать и как отдавать, так вот стихийно, как это случилось сейчас. <...> ...вдруг Есенин подойдет, позовет и, что бы ни было, чем бы это ни грозило, всё равно я, как загипнотизированная, пойду за ним. <...> Давно, давно я писала о Есенине: "...и всё же, куда бы я ни пошла, от него мне не уйти. ...жить, всегда готовой по первому его зову перечеркнуть всё прожитое и чаемое впереди, перечеркнуть одним размахом, без колебания, без сожаления". И я тогда была права. Сейчас я это ясно поняла. <...>

Понимаешь, Е<сенин> может меня бросить через день-два (я вообще этого никогда не боялась не только в отношении Е<сенина>, в этом смысле во мне нет такой вот женской предусмотрительности и осторожности: "ну что ж, свое я взяла, а вечного нет ничего"... И бросит, конечно. Но все-таки я могу всё разрушить даже ради этих двух дней. Я не знаю, кто и что меня обрекло на это, быть может, я сама, может, это самогипноз, но так это сложилось во мне, не переделаешь. <...>

А плохого ты ничего не делай, этим ты ни от чего не удержишь меня, не остановишь».

Далее Г.А.Бениславская приводит текст своего любимого стихотворения А.Блока «Зимний ветер играет терновником...» (1903).

Шубникова-Гусева-2008, 156–158.

Октябрь, 14. Есенин утренним поездом прибывает в Петроград.

Журнал «Красная нива» (№ 41) публикует стихотворения Есенина: «Всё живое особой метой...» и «Сторона ль ты моя, сторона...» (повторно), «Заметался пожар голубой...» и «Ты такая ж простая, как все...» (впервые).

В содержании журнала первые два стихотворения не обозначены.

В автографе двух последних стихотворений имеется заголовок «Любовь хулигана» и посвящение «Августе Миклашевской». В журнале — без заглавия и посвящения.

См. Приложение.

См. также: 8 ... 13 авг. 1923, первая запись; вторая половина авг. 1923, вторая запись; до 22 сент. 1923; 22 сент. 1923, первая запись; сент. – нояб. 1923, первая запись; 1 окт. 1923; 9 окт. 1923, первая запись; 13–31 дек. 1923, вторая запись; 2 янв. ... до 2 февр. 1924; 16 марта 1924, вторая запись; до 19 июля 1924.

Г.А.Бениславская вечером отвечает на письмо С.П.Покровского, упоминая Есенина:

«...надо овладеть собой. Всё равно, "Есенин свистнет", и я пойду за ним; из-за него я могу сделать то, что никто меня бы не заставил, — себя забыть совсем. И обо всем, что я могу потерять из-за этого, я сумею не жалеть. Этого, я знаю, ты не понимаешь и не поймешь. И при всем том мне от него ничего не надо, вот так специально для меня. А люблю я его очень. Говорят, женщина больше всего в мире любит своего ребенка, — я бы ребенка не могла так любить, как его. И все-таки ты не прав в своей непримиримости, — ни он у тебя, ни ты у него ничего никто не может отнять».

Шубникова-Гусева-2008, 158.

С.П.Покровский, в частности, пишет Г.А.Бениславской: «Ты совсем пришибла меня своим письмом <...> могу жить лишь тобой...» (Шубникова-Гусева-2008, 158).

Октябрь, 14–17. Есенин находится в Петрограде.

Е.А.Есенина вспомнит:

«Клюева он <Есенин> нашел в прекрасной квартире, словом, в лучших условиях, чем он сам, и, по словам свидетелей, Сергей материл его в мать и Бога. Нам он ничего не сказал.

— Чудак он, — говорил Сергей, — не понимает, что не до него сейчас людям и капризничать не время».

В семье родной, 235.

Фотографируется с художником И.И.Бродским и тремя неустановленными лицами.

Есенин, VII (3), № 77, 243.

Датируется по публикации М.Чагиной «За старой фотографией», где указан окт. 1923 (журн. «В мире книг», М., 1975, № 10, с. 70), с учетом времени пребывания Есенина в Петрограде (см. предыд. запись).

Относительно даты и места съемки имеются разные мнения. А.Ломан и Н.Хомчук считают, что снимок сделан в помещении ленинградского «Севкино»: «Фотообъектив запечатлел рядом с улыбающимся С.Есениным и его добрым знакомым художником И.Бродским троих неизвестных» (журн. «Нева». Л., 1965, № 6, с. 205).

М.Чагина указывает, что он был сделан «в мастерской художника И.Бродского» и «все, кроме Бродского, сняты в зеркальном отражении». То, что фотография была сделана в мастерской И.И.Бродского, указывается и в альбоме «Музей Есенина в книге» (М., 1995, с. 197), но снимок датируется: «1924 г. Ленинград».

См. Приложение.

Посещает Центральную агитстудию Политпросвета (бывшую театральную студию В.В.Шимановского; Стремянная ул., 10).

Событие и его время устанавливаются с учетом воспоминаний Вс. Рождественского, сотрудниц студии сестер Вышеславцевых, а также по информации в журн. «Жизнь искусства» (см.: 16 окт. 1923, первая запись).

Студия В.В.Шимановского преобразовывается летом 1922 г. в «Секцию самодеятельного театра» и получает новый статус и название «Центральная агитстудия Политпросвета». «Многие петроградцы благодаря ее деятельности вовлекаются в творческую жизнь города, участвуют в массовых постановках» (Карохин Л. Сергей Есенин и Виктор Шимановский. СПб., 2000, с. 34).

Из воспоминаний Вс. Рождественского:

«Однажды сидели мы с небольшой компанией у режиссера театра Гайдебурова — бывшего есенинского приятеля <В.В.Шимановского>. Спектакль только что кончился. Зрительный зал был почти пуст. Над сценой опускали пожарный занавес, рабочие убирали декорации.

В тесной каморке за кулисами всё плавало в густом табачном дыму. Вяло шел разговор о театральных делах. Вдруг кто-то постучал в жидкую фанерную дверь. На пороге выросла необычайно элегантная фигура, типичный персонаж западноевропейской пьесы. Но улыбка была добродушно русской, а белокурые волосы совсем по-ямщицки выбивались из-под легкой сероватой шляпы.

— Сергей! — ринулись мы к вошедшему.

Есенин радостно обнимал приятелей. Лицо его озарилось почти ребяческим восторгом.

И только тогда, когда он подвинулся ближе к свету, стало ясно, как разительно изменился он за эти годы. На нас глядело опухшее, сильно припудренное лицо, глаза были мутноваты и грустны. Меня поразили тяжелые есенинские веки и две глубоко прорезанные складки около рта. Раньше этого не было.

Выражение горькой усталости не покидало Есенина ни на минуту, даже когда он смеялся или оживленно рассказывал что-нибудь о своих заграничных странствиях.

<...> Есенин говорил в тот вечер без конца».

Восп., 2, 105.

Вс. Рождественский, вспоминая посещение студии Есениным в окт. 1923 г., допускает две неточности: В.В.Шимановский не был режиссером театра П.Гайдебурова и не был «бывшим» приятелем Есенина. С Есениным они встречались и в 1924 г. (см.: Карохин Л. Сергей Есенин и Виктор Шимановский. СПб., 2000, с. 36–37).

Сотруднице студии С.Г.Вышеславцевой, ставившей в то время моноспектакль по драматической поэме Есенина «Пугачев» (см.: 16 окт. 1923, первая запись), запомнится щегольской вид Есенина. Ее сестра, А.Г.Вышеславцева (с 1925 г. — жена В.В.Шимановского), вспомнит:

«...шапка соболья, чудесная шуба на меху, распахнул шубу, а на нем сатиновая голубая рубашка. Глаза голубые, вьющиеся светлые волосы. Это был Сергей Есенин. <...> Он являлся другом Виктора Владиславовича Шимановского, и внешне в юности они были даже похожи...».

Карохин Л. Сергей Есенин и Виктор Шимановский. СПб., 2000, с. 37.

Есенин читает стихи сотрудникам руководимой В.В.Шимановским студии и Вс. Рождественскому.

Вс. Рождественский вспомнит:

«Он читал свои новые стихи, и тут я впервые ощутил их трагическую ноту. Всё в них свидетельствовало о какой-то внутренней растерянности, о мучительном желании найти себя в новом и непривычном мире. Наконец, оборвав на полуслове, Сергей махнул рукой и свесил белесую голову.

— Нет, — сказал он трудным и усталым голосом. — Всё это не то. И не так нужно говорить о том, что я здесь увидел. Какого черта шатался я по заграницам? Что мне там было делать? Россия! — произнес он протяжно и грустно. — Россия! Какое хорошее слово... И "роса", и "сила", и "синее" что-то. Эх! — ударил он вдруг кулаком по столу. — Неужели для меня всё это уже поздно?

Слезы перехватили ему горло, и как-то по-детски — неловко и грузно — он упал всею грудью на спинку стоявшего перед ним стула. Тело его сотрясалось от глухих, рвущихся наружу рыданий».

Восп., 2, 105–106.

Читает перед труппой В.В.Шимановского драму «Пугачев» и предлагает поставить ее на сцене Самодеятельного театра.

Событие и его время устанавливаются по воспоминаниям сестер Вышеславцевых с учетом информации в журнале «Жизнь искусства» (см.: 27 нояб. 1923) о подготовке постановки «Пугачева» в студии на Стремянной.

А.Г.Вышеславцева напишет:

«Сергей Есенин нам предложил свою драму "Пугачев", замечательную драматическую вещь, которую он сам прочитал необыкновенно. Мы, конечно, пришли в дикий восторг...».

Сб. «Белые ночи: Очерки, зарисовки, воспоминания, документы». Л., 1989, с. 477.

С.Г.Вышеславцева вспомнит:

«... молодому театральному коллективу Сергей Александрович предложил первому поставить своего "Пугачева" <первому – театру В.Э.Мейерхольда осенью 1921 г.>. К тому же у Шимановского появился замечательный по своим данным кандидат на роль Пугачева – талантливый самородок из крестьян-бедняков Курской области – Георгий Орлов, ставший через несколько лет солистом Театра оперы и балета имени Кирова».

Карохин Л. Сергей Есенин и Виктор Шимановский. СПб., 2000, с. 37.

Постановка не осуществилась.

См. также: 12 сент. 1923; след. запись; 27 нояб. 1923; 18 дек. 1923, вторая запись; 29 янв. 1924; 15 (?) или 16 (?) июня 1924.

Октябрь, 16. Журнал «Жизнь искусства» (№ 41; раздел «Хроника») помещает неподписанную информацию:

«Студия Шимановского разучивает Пугачева в фонетической разработке С.Г.Вышеславцевой».

Ср.: 12 сент. 1923; предыд. запись; 27 нояб. 1923; 18 дек. 1923, вторая запись; 29 янв. 1924; 15 (?) или 16 (?) июня 1924.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3915) перепечатывает из московской газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» очерк Есенина «Железный Миргород» (главы «1. Бродвей» и «2. Быт и глубь Штатов»).

См. также: 8 ... 13 авг. 1923, вторая запись; 14 авг. 1923, первая запись; 15 или после 15 авг. 1923, первая запись; до 22 авг. 1923; 22 авг. 1923, первая запись; после 22 авг. – до 10 (?) сент. 1923; 28 авг. 1923, вторая запись; 30 авг. 1923, вторая запись; 14 сент. 1923; до 16 сент. 1923; 16 сент. 1923, первая запись; 26 окт. 1923.

Октябрь, 17. Есенин и И.Приблудный телеграфируют Г.А.Бениславской:

«М<о>сква Бениславской Ваганьковский "Беднота"
М<о>сква Петрограда О.Ж.Д. НР 2142, 10 сл. 17 / 10, 14, 1
Четверг утром ждите Е. П.»

Телеграмма датируется по телеграфным выходным данным. Год отправления — по содержанию. Есенин вместе с Н.А.Клюевым и И.Приблудным приедут в Москву в четверг (см.: 18 окт. 1923, первая запись).

Подписи даны сокращенно: Е. — Есенин. П. — Приблудный.

Шубникова-Гусева-2008, 289.

См. Приложение.

См. также: до 13 окт. 1923; 13 окт. 1923.

Есенин вместе с Н.А.Клюевым и И.Приблудным выезжает вечерним поездом в Москву.

Октябрь, до 18. Г.А.Бениславская и Е.А.Есенина выполняют просьбу Есенина и перевозят его вещи в комнату Г.А.Бениславской.

Последняя вспомнит:

«...как-то вечером зашла Катя. По обыкновению, начав с пустяков, она в середине разговора ввернула, что завтра приезжает в Москву Дункан. Мы решили сейчас же забрать вещи с Богословского, и через час они были здесь».

Материалы, 52.

Е.А.Есенина также вспомнит об этом:

«... я нашла его <Есенина> в Брюсовском у Бениславской Галины Артуровны. <...> Вещи Сергея через неделю были в квартире Гали».

В семье родной, 231, 232.

Октябрь, 18. Есенин с Н.А.Клюевым и И.Приблудным прибывает в Москву и приезжает к Г.А.Бениславской.

Дата определяется на основании воспоминаний Г.А.Бениславской и телеграммы Есенина и Приблудного (см.: 17 окт. 1923, первая запись):

«В четверг приехал С. А. с Клюевым и Приблудным из Петрограда. <...>

Сначала я и Аня Назарова были очарованы Клюевым. Почва была подготовлена С. А., а Клюев завоевал нас своим необычным говором, меткими, чисто народными выражениями, своеобразной мудростью и чтением стихов, хотя и чуждых внутренне, но очень сильных. <...>

Пришла Катя, поздоровалась и вышла в кухню. Я и Аня пошли к ней. "Что это за старик противный, отвратительный такой?" — спросила нас. <...> Мы на Катю зашикали...».

Материалы, 52, 57.

А.Г.Назарова вспомнит:

«...вернулся с К<люевым>. В 1-й момент, когда К<люев> вошел в комнату, — и я увидела — сытое, самодовольное и какое-то нагло-услужливое лицо, — что-то упало у меня внутри. По рассказам С. А. не таким представляла и любила К<люева>. <...> Рассказывали про поездку. К<люев> читал стихи. Е<сенин> слушал и всё посматривал на нас, словно хотел узнать, какое впечатление производит К<люев>. Когда К<люев> ушел, он начал говорить, какой он хороший, и вдруг, как-то смотря в себя: "Хороший, но... чужой. Ушел от него. Нечем связаться. Не о чем говорить. Не тот я стал. Учитель он был мой, а я его перерос..."».

Материалы, 127.

Из воспоминаний Е.А.Есениной:

«...Клюев приехал к Сергею в гости. Это был толстобрюхий дядя, похожий на попа-расстригу. На нем была ситцевая синяя, в цветочках, рубаха с заплатой на весь живот. На мясистом лице небольшие бойкие глаза, пухлые изнеженные руки и мягкий певучий голосок. Сергей, как отца родного, встретил Клюева. Он даже выглядеть при нем стал совсем юношей <...>

Что-то фальшивое, неестественное было в его облике. Но когда он стал читать свои стихи, я почувствовала себя совсем мизерной. Клюев, фальшивый и гадкий Клюев, стал Богом, горою по сравнению с моей маленькой особой. Голос его был чист и звучен, сам он казался выше и благородней, и мы невольно слились с его образами и мыслями и как заколдованные следили за каждым его движением. Сергей был очень доволен».

В семье родной, 235–236.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 238; рубрика «Концерты, лекции, доклады») дает объявление:

«В Доме ученых (Пречистенка, 16) сегодня литерат<урно>-художественный вечер. В программе чтение поэтом С.Есениным своих последних произведений. Нач<ало> в 8 ч. веч<ера>».

Это чтение, тогда не состоявшееся, было перенесено на следующую неделю (см.: 25 окт. 1923).

Новониколаевская газета «Советская Сибирь» (№ 235) печатает материал П.Остролецкого «О Пильняке, Великой Британии и писательской совести: (Литературный фельетон)», в котором говорится о Есенине:

«Сравнительно недавно читателю "Известий" были преподнесены в виде праздничного блюда американские впечатления небезызвестного имажиниста Есенина, послужившие темой для остроумного фельетона в "Правде" О.Л.Д'Ора <см.: 28 авг. 1923, вторая запись>.

Можно многое простить, конечно, Есенину, поскольку литературное фиглярство составляет, как известно, неотъемлемую принадлежность имажинистской "потусторонности". И если Есенин с наивной простосердечностью признается, что, очутившись в культурной Америке, он "стал ругать всех, цепляющихся за Русь, как за грязь и вшивость", конечно, не позволит себе сомневаться в искренности беспардонного поэта, в особенности – москвичи, привыкшие к созерцанию чудачеств этой породы людей, неизменно фигурировавших на всех диспутах в голодных 18 и 19 гг. в образе "венских пшютов" с неизменно венчавшим гениальную голову блестящим цилиндром.

Самовлюбленность без мер и границ с беззастенчивой хлестаковщиной во всех похождениях наших имажинистских "метров" – явление симптоматическое, и это исключает возможность серьезного критического подхода к рискованным сентенциям Есенина.

И на том спасибо».

Октябрь, 18 (?). А.Дункан возвращается в Москву из гастрольной поездки.

Ориентировочная дата события определяется по информации газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» от 21 окт. 1923, № 241 («на днях вернулась в Москву...»).

Октябрь, после 18. Есенин продолжает встречаться с А.Л.Миклашевской.

Событие устанавливается на основании воспоминаний А.Л.Миклашевской, а его граница – в соответствии со временем выхода журнала «Красная нива» с первыми стихотворениями цикла «Любовь хулигана» (см.: 14 окт. 1923, вторая запись) и возвращения Есенина из Петрограда в Москву (см.: 18 окт. 1923, первая запись).

А.Л.Миклашевская вспомнит:

«Есенин позвонил мне и с журналом ждал в кафе. Я опоздала на час. Задержалась на работе. Когда я пришла, он впервые при мне был нетрезв. В этот день час для него был слишком большим сроком. И впервые при мне был скандал. Он торжественно, стоя, подал мне журнал. Мы сели, за соседним столом что-то громко сказали по поводу нас. Есенин вскочил... Человек в кожаной куртке схватился за наган. К удовольствию окружающих, начался скандал. Казалось, с каждым выкриком Есенин всё больше пьянел. Я очень испугалась за него. Вдруг неожиданно, неизвестно откуда появилась сестра его Катя. Мы обе взяли его за руки. Он посмотрел нам в глаза и улыбнулся. Мы увезли его и уложили в постель.

<...> Мы продолжали встречаться, но не каждый день. Начались репетиции в театре "Острые углы". Чаще всего встречались в кафе. Каждое новое стихотворение он тихо читал мне. В стихотворении "Ты такая ж простая, как все" больше всего самому Есенину нравились строчки: "Что ж так имя твое звенит, словно августовская прохлада". Он радостно повторял их.

Как-то сидели в "Пегасе": Есенин, я и подсевший к нам С.Клычков. Есенин читал только что напечатанные стихи: "Дорогая, сядем рядом, поглядим в глаза друг другу, я хочу под кротким взглядом слушать чувственную вьюгу".

Клычков похвалил, но сказал, что оно заимствовано. Есенин удивился: "Разве был такой поэт, я не знал". А минут через десять стал читать стихи и хитро улыбался.

Он очень хорошо знал литературу. С большой любовью говорил о Лескове, о его замечательном русском языке. Взволнованно говорил о засорении русского языка, о страшной небрежности к правильному русскому языку. Он был очень литературно образованным человеком. И было непонятно, когда и как он стал таким, несмотря на свою сумбурную жизнь. Много стихов и даже прозу знал наизусть.

Помню, сидели в кафе: Михаил Кольцов, Кармен, Есенин, какая-то очень красивая женщина в большой шляпе и я. Есенин очень волновался, опять говорил о засорении русского языка. Читал Пушкина, Гоголя, Лескова.

Вспоминается добрая улыбка Михаила Кольцова, какое-то бережное отношение к Есенину».

СЕГС, 233–234.

Октябрь, после 18 ... Ноябрь, 6. Есенин и Н.А.Клюев посещают И.М.Касаткина.

Рамки события определяются с учетом времени, когда Н.А.Клюев находится в Москве, а само событие устанавливается по письму И.М.Касаткина И.Е.Вольнову:

«Есенин и Клюев сегодня были у меня, и оба Вам земно кланяются».

Письма, 332.

Октябрь, после 18 ... 1924, начало года (?). Есенин записывает номера телефонов А.М.Сахарова и И.В.Аксельрода:

«Сашкин 14303

Iосин 5243».

Есенин, VII (2), 180.

Время события определяется ориентировочно, учитывая время одновременного интенсивного общения поэта с абонентами указанных телефонов.

Запись сделана на обороте обрывка типографского бланка счета картонажной и переплетной мастерской «Труд и творчество». Пайщик этого кооперативного товарищества и арендатор одной из типографий — А.М.Сахаров (см.: Есенин, VII (2), 181).

См. также: конец марта (?) ... начало апр. (?) 1924.

Октябрь, 19. Новониколаевская газета «Советская Сибирь» (№ 240; раздел «Литературная страница. Запад и мы. Иностранцы о советской культуре») публикует информацию с упоминанием имени Есенина:

«Библиотекарь германского книгохранилища в Лейпциге Артур Лютер напечатал статью о русской литературе в Германии <...> “отмечает Маяковского, Б.Пильняка, Есенина и Эренбурга...”».

Исходная публикация статьи А.Лютера не выявлена.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 2827; подпись: «Наблюдатель») публикует статью «Мытарский путь русского артиста в Америке», где упоминается «всемирно известная босоножка, приезжавшая в Америку с русским поэтом».

Октябрь, 19 — Ноябрь, 6. Есенин в обществе Н.Клюева, А.Ганина, М.Рабиновича, И.Аксельрода неоднократно бывает у А.Дункан в помещении ее Школы (Пречистенка, 20).

Вместе с Н.Клюевым, А.Ганиным и М.Рабиновичем посещает мастерскую С.Т.Конёнкова.

События устанавливаются по сведениям из протокола допроса А.Ганина в ОГПУ от 17 нояб. 1924 (Растерзанные тени: Избр. страницы из дел 20–30-х годов ВЧК–ОГПУ–НКВД... / Сост.: Ст. Куняев, Серг. Куняев. М.: Голос, 1995, с. 35), а их рамки определяются временем пребывания Н.Клюева в Москве.

Октябрь, до 20. Выходит журнал «Красная новь» (№ 5; за август–сентябрь) со статьей С.А.Клычкова «Лысая гора», где говорится о Есенине:

«Вся нынешняя поэтическая молодежь — сплошь искусники, причем каждый "искусен" по тому канону, какой существует в "стенке". Насколько это скверно и безотрадно — могут не понимать только одни критики, извека любящие географическое распределение поэтов и писателей. Страшнее всего то, что эта болезнь нарочитой бессмыслицы, увязанной подчас в хитрую и пеструю словесную одежку, не только у нас в столице, но и в самой глухой провинции: милые и талантливые люди предпочитают ходить кверх ногами. Есенинские башкиры и киргизы-имажинисты — не одно хвастовство. (Относительно Есенина-поэта и Есенина-имажиниста необходимы два совершенно отдельных разговора.)»

Автор уподобляет российский поэтический Парнас тех лет этакому обиталищу нечистой силы:

«Надуманность, неестественность и непростота образа стали достоинством».

Приметы этого он находит и в творчестве Есенина:

«Однажды я застал Есенина за такой работой: сидит человек на корточках и разбирает на полу бумажки. На бумажках написаны первые пришедшие в голову слова. Поэт жмурится, как кот на сметану, подбирает случайно попавшие под руку бумажки и из случайных слов конструирует более или менее выигрышный образ. Выходило подчас совсем недурно. Проделывалось всё это, может, в шутку и озорство, тем не менее для нашего времени и эта шутка показательна: механизация нашей образной речи — явление характерное не только для имажинистов».

Полемика не нарушит дружеских взаимоотношений Есенина и С.А.Клычкова.

Граница события определяется по информации в газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1923, 20 окт., № 240).

Октябрь, 20. В воронежском журнале «Железный путь» (№ 16) помещена редакционная заметка «Разрешите оправдаться! (Несколько слов о нашем журнале)», где идет речь о Есенине:

«...в некоторых стихотворениях, напечатанных в "Железном пути", проскальзывают крестьянские мотивы, но уверения <...> по поводу того, что, мол, народничество давно изжито, — в известной степени *неверно*. Правда, среди рабочих давно изжито, но вообще-то — нет.

Хотя бы из беглого просмотра критической литературы (труды Львова-Рогачевского и др.) можно видеть, что сейчас в поэзии чуть ли не доминирует так называемое неонародническое направление. Гордость России — С.Есенин — и затем Клюев, Клычков, Артамонов, Деев-Хомяковский и целая плеяда талантливейших поэтов и писателей отображали и сейчас продолжают отображать быт деревни. В крестьянской стране, конечно, нельзя росчерком пера выбросить из поэзии деревенские лейтмотивы».

Октябрь, 21. Берлинская газета «Накануне» (№ 466) публикует статью Р.Б.Гуля «Живопись словом»:

«Нет поэта, чувствующего Россию так, как чувствует ее Сергей Есенин. Если спросят, что я разумею под "Россией"? Отвечу: понятие почти "географическое". Максимум зеленой территории (поля, леса), максимум населения (деревня, крестьяне) и язык. Россия, о которой написано слишком мало статистических отчетов и спето слишком много песен. Не мозг и кости, а большое, сонное, здоровое тело, по которому, чуть виднеясь, бежит хребет телеграфных столбов. Сын этой "географической" зеленой России, самый русский поэт в настоящем и прошлом — Сергей Есенин.

Есть много прекрасных стихов "о России". Лучшие из них писал А.Блок. Но всё же рядом с есенинской Россией это не то по своему подходу. Вместе с другими А.Блок подходил к России как к теме — "извне". Тонкий, по-западному культурный интеллигент, он любил ее чуть чуждой любовью. Как очень близкую, а всё же непонятную, не совсем понятую. Вчитайтесь, эта "непонятность" есть в стихах Блока. По-моему, именно в них вся прелесть их. Она естественна и законна.

Любовь интеллигента к полям деревни, где гуляет он, б<ыть> м<ожет>, с томиком Маллармэ в руках, может быть сильна. Но пóтом пропахшая привязанность мужика к своим нееловским полям и лесам – чувство иное. Оно, как налитый до краев ковш, – тяжелое, звериное чувство. В нем – ощущение "своего", кровного, собственности. За избой вся земля кончается! И вся Россия – "своя изба". Такое ощущение есть у Есенина.

Алексея Кольцова многому учили "господа". Он даже пробовал писать под них: – "На кресте моя могила, под крестом моя любовь". Но это сбивало его с нутра, с голоса, делало стихи "некольцовскими", плохими, ненужными. Запеть же вовсю, по-настоящему, по-мужицки, как бы мог Кольцов, – было трудно. Слишком тяжело лежал сверху пласт чужой, чуждой деревне культуры; Кольцов пропел немного и тихо.

Сергея Есенина тоже учили культурные интеллигенты. Кажется, первым учил А.Блок. Его следы есть в стихах Есенина. Но революция – ветер времени, – в которую пришлось Есенину жить, сорвала с страны "ее верх", прежнюю "культурную крышу". "Без крыши" и обнажилась, развязалась новь, низина. Пой каждый по-своему, как умеешь, как знаешь! Понеслись над новью крики, песни, новая музыка!

Из зажженной деревни первым вышел Сергей Есенин. Он не пишет стихов "о России" и "деревне". Для него это не "тема извне". Он сам – кондовая деревня и Россия. Его устами само поет не игрушечное, настоящее, широкое село!

О Есенине много писали. Враги и друзья хвалили. Признавали поэтическую своеобразность. Но никто не раскрывал секрета ворожбы есенинской поэзии, не искал причин ее *худож<ественной>* власти.

Первый дар крестьянского поэта – *песенность*.

В статьях о поэтике левые футуристы-критики любят укреплять свои построения цитатами из Маяковского и Хлебникова. Это естественно. Для них оба поэта наиболее удобны. Из Маяковского и Хлебникова, не убив произведения, легко вынуть строфу, строку, два слова, слово. Поэзия их чрезвычайно "разложима". Ибо творческий принцип их – сознательная *механичность*. Пусть попробуют левые формалисты резать и разнимать есенинское тело. Получится невнятность и конфуз. Как в работе о Розанове. Это невозможно, ибо есенинское творчество органическое, почти бессознательное. Он не ушел от истоков поэзии — песни. Есенин поет. Маяковский пишет. Идя улицей, нельзя напевать Маяковского. А Есенина можно петь, гуляя, работая, колоть дрова и петь!

Пройдут годы. Ученые филологи в пролеткультах СССР будут читать лекции об оркестровке стиха Маяковского и писать о нем длинные статьи. А в русской провинции за-

поют под гитару: "Сторона ль моя, сторона! Дождевое, осеннее олово!" И на деревенских посиделках зальются под тальянку:

По селу тропинкой кривенькой
В летний вечер голубой
Рекруты ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой.

Есенин — поэт-песенник с необычайным даром чувства. Он "душой", как цыган, поет. Потому стих его всегда, *как песня, органичен.*

Второй дар крестьянского поэта — *живопись словом.*

Есть поэты и прозаики, воспринимающие звуковую сторону слова в ущерб второй сущности его — "цвету". Наиболее определен здесь Андрей Белый. У Есенина почти обратное. "Цвет" доведен до необычайной, в глаза бьющей яркости. Он ворожит цветами. Образы его по краскам удивительны. Но в этом нет дисгармонии. Живопись в дружбе с органической песенностью.

Поэтический штандарт Есенина — сине-голубой с золотом. Это любимый есенинский цвет. Цвет русского неба, деревенской тоски от окружной бескрайности. Без этого цвета у него нет почти ни одного стихотворения. И в этих цветах я издавал бы все его книги.

"Голубая Русь", "голубая осина", "вечер голубой", "голубые двери рая", "голубизна незримых кущ", "заголубели долы", "синий лязг", "синь сосет глаза", "синий плат небес", "синяя гать", "неколебимая синева", "синяя гуща", "синий вечер", "равнинная синь", "синь во взорах", "синяя мгла", "синеющий залив", "синий лебедь".

Синим цветом залито всё. И всегда он в отделке с золотом звезд, зорь, заката, золотых осин.

За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненочек кудрявый — месяц
Гуляет в голубой траве...

Опять передо мною голубое поле,
Качают лужи солнца рдяный лик...

Цвета более редкие — красный, алый, розовый, желтый, зеленый. Если кто-нибудь скажет — "цвета" есть у любого поэта, — отвечу: конечно, есть у многих, хотя много "бесцветных" поэтов. Но у Есенина на цвете построено всё. Чисто "цветом", а не музыкой стиха достигает он изумительных эффектов. Вчитайтесь в краски, идите за Есениным, раскрашивая стих — убедитесь сами. Многоцветная картина:

Под *красным* вязом крыльцо и двор,
Луна над крышей, *как злат бугор.*
На *синих* окнах накапан лик,
Бредет по туче *седой* старик.
Он *смуглой* горстью меж тихих древ
Бросает *звезды* — озимый сев.

Здесь эффект стиха — цветовой. И еще явственнее он будет там, где рисунок не многоцветен, а в две краски. Белое с красным-золотым <цитируются первые 12 строк стихотворения "Вот оно, глупое счастье...">.

Иногда в "музыкальной" строфе Есенин окрашивает лишь последнюю строку. И этот цветовой мазок дает эффект всей строфе:

С пустых лощин ползет дугою тощей
Сырой туман, курчаво свившись в мох,

И вечер, свесившись над речкою, полощет
Водою *белой* пальцы *синих* ног.

Но не только первичными цветами (прилагательными) работает Есенин. Он искусный составитель "комбинированных цветов" из целых фраз и строк: "*Синим лебедем* мрак", "И на *известку колоколен*", "*Рожок луны по капле масло льет*", "*Скирды солнца в водах лонных*".

В руках рязанского парня палитра изумительной многоцветности. Он поет и работает кистью. Беззаботно и весело. И сросшееся содружество этих даров — причина ворожбы есенинской поэзии.

* * *

Художественное произведение ценно не только само по себе как вещь для экспорта в читательскую массу. Это цена — рыночная. Есть у него другая цена, для немногих. Художественное произведение — слуховое окно, сквозь которое надо слушать бой сердца, ход крови, *былую жизнь человека*. Оно ценно как "состояние автора", оно не отрываемо от авторской плоти и всегда "автобиографично".

Идя за Есениным по его стихам, я отмечу сейчас лишь одну ясную черту — его надрыв.

Первый этап: "Радуница", "Голубень", "Преображение" — живопись, пение, радость, покой. С "Трерядницы" что-то уж "биографически" сломано: "Душа грустит о небесах", "Устал я жить в родном краю", "Облетела моя голова", "Теперь любовь моя не та", "Я покинул любимый дом". Это не "тема". Это изменение тона. С разрывом души — стих надрывается. В "Треряднице" меньше полных красок. В голосе меньше прежних спокойных нот. Песнь щемит, мечется и в тоске своей великолепна. За "Трерядницей" — "Песни забулдыги". Они еще ярче и притягательнее — надрыв острее. Порой в образах мелькает небывалая грубость, а голос на последней ноте крика.

Пришла революция. Деревенски-революционные стихи о ней не уравновешены, хлыстовски-неистовы. Революцию Есенину стихами не поднять. Для этого нужны плечи, мускулы и нервы Маяковского. Он — единственный поэт, победивший художественно революцию. Усталые плечи А.Блока сломались под тяжестью русского революционного шедевра — "Двенадцати". У Есенина за революционными стихами — "Кобыльи корабли". "Сорокоуст" — звериная тоска по деревне. Цинизм и сквернословие путаются с необычайной нежностью, какую знают лишь надорвавшиеся в жизни. Надрыв одолевает. Самогонкой захлебывается мужик. Драматизм доходит до трагического.

Сыпь, гармоника, скука, скука!
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мной, паршивая сука,
Пей со мной.

Это последнее — "Москва кабацкая". Пусть стихи ее по форме уступают многим прежним стихам. Но нет более насыщенных чувством русского надрыва и трагизма. Они по-прежнему песенны. Так песенны, что сжимают сердце голыми руками».

Под «Песнями забулдыги» подразумевается здесь один из разделов берлинского «Собрания стихов и поэм» Есенина (1922), а под «Москвой кабацкой» – одноименный цикл из книги поэта «Стихи скандалиста» (Берлин, 1923).

См. также: 12 дек. 1923, третья запись.

Октябрь, до 23. Есенин продолжает заниматься реализацией плана по созданию журнала.

Событие устанавливается по воспоминаниям И.В.Грузинова, а его граница — с учетом след. записи.

И.В.Грузинов вспомнит:

«Осень.

У Есенина наступает временный перерыв в творчестве. Он хочет заняться редактированием и переделкой старой литературы для широких читательских масс.

Встретив меня в "Стойле Пегаса", сообщает:

— Я начинаю работать над Решетниковым. Подготовляю Решетникова для Государственного издательства.

<…> Ранним утром я встречаю Есенина на Тверской: он несет целую охапку книг: издания "Круга" <см.: 23 окт. 1923>. Так и несет, как охапку дров. На груди. Обеими руками.

Без перчаток. Холодно.

Вечером того же дня в "Стойле Пегаса" он говорит мне:

— Я занимаюсь просмотром новейшей литературы. Нужно быть в курсе современной литературы. Хочу организовать журнал. Буду издавать журнал. Буду работать, как Некрасов».

Восп., 1, 373.

См. также: 7 … 12 авг. 1923; 15 или после 15 авг. 1923, вторая запись; 21 авг. 1923, вторая и четвертая записи; начало окт. 1923; 13–31 дек. 1923, четвертая запись; 14 февр. – 9 марта 1924, вторая запись; 7 апр. 1924, третья и четвертая записи; 11 апр. 1924, первая запись; 6 июня 1924, третья запись; до 24 авг. 1924.

Октябрь, 23. Есенин делает идентичные владельческие надписи на выпущенных издательством «Круг» книгах В.Ильиной «Крылатый приемыш» (1923) и М.Шкапской «Явь» (1923):

«Есенин 23 / X 23».

Шубникова-Гусева-2008, 229–232; факсимиле надписей – там же, 228, 230.

В архиве ГМЗЕ сохранился список книг из личной библиотеки поэта, составленный его сестрами. Некоторые из этих книг имели владельческие надписи. Ранее было зафиксировано 13 таких надписей, 12 из них помечены 1917 г. (началом совместной жизни с З.Н.Райх), одна — на книге И.Грузинова «Имажинизма основное» (М.: Имажинисты, 1921), — не датирована и, скорее всего, сделана в год выхода книги, в 1921 г. (см.: Субботин С.И. Библиотека Сергея Есенина. – Сб. «Есенин на рубеже эпох: Итоги и перспективы». М. — Константиново — Рязань, 2006, с. 331–354).

Теперь к ним можно присоединить еще три книги из собрания А.Г.Назаровой с владельческими надписями Есенина, сделанными в начале совместной жизни с Г.А.Бениславской (см. эту и след. записи).

См. Приложение.

Октябрь, 23 (?) или после 23 (?). Есенин ставит свою фамилию на обложке книги М.Шагинян «Литературный дневник» (1923), также вышедшей в издательстве «Круг».

Книга сохранилась в архиве Г.А.Бениславской, которая также поставит на ней свою подпись (см.: Шубникова-Гусева-2008, 231–232; факсимиле обложки).

Граница события определяется предположительно на основе предыд. записи и сведений И.В.Грузинова (см.: до 23 окт. 1923).

См. Приложение.

Октябрь, 23 и **25.** Есенин и Н.А.Клюев обедают в «Стойле Пегаса».

Есенин, VII (2), 512.

Октябрь, 24. Есенин вместе с Н.А.Клюевым присутствует в Большой аудитории Политехнического музея на концерте народной песни киргиз-кайсаков (казахов и киргизов).

Событие устанавливается по воспоминаниям Н.А.Клюева, а его дата – по информации в еженедельнике «Искусство и жизнь» (Оренбург, 1924, № 2, 10 янв.).

«...на вечере киргизской музыки (в Москве) <Есенин> уверял меня, что кто-то передал его напевы косоглазым киргизам и что киргизская музыка составляет суть и душу его последних стихов. Было это в 1924 году».

Клюев Н. Словесное древо. СПб.: Росток, 2003, с. 71.

Н.А.Клюев здесь ошибся годом – он приезжал в Москву лишь в 1923, но не в 1924 году.

Из анонса мероприятия:

«В конце октября в Большой аудитории Политехнического института <так!> состоится вечер киргизской народной песни, устраиваемый обществом изучения киргизского края. В программе — киргизские народные песни и инструментальные мелодии, как в примитивном виде, так и в художественной обработке. Исполнители — госоркестр народных инструментов под упр<авлением> Г.П.Любимова, Ирма Яунзем (пение), Доливо-Саботницкий (пение), а также собиратель и гармонизатор киргизских песен — композитор А.В.Затаевич, собравший более 1300 киргизских песен и являющийся автором большинства исполняемых в концерте гармонизаций. Исполнителями песен-примитивов выступят киргизы-студенты ком<мунистического> унив<ерситета> нац<иональных> меньшинств Востока».

Газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», 1923, 17 окт., № 237; без подписи.

Октябрь, 25. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 244; рубрика «Лекции, доклады и концерты») анонсирует предстоящий вечер с участием Есенина:

«В Доме Ученых (Пречистенка, 16) сост<оится> литературно-художественный вечер. Чтение поэтом Есениным своих последних произведений. Нач<ало> в 8 ч<асов> веч<ера>. Вход для членов клуба. Гости входят по рекомендации».

См. также: 18 окт. 1923, вторая запись.

Есенин вместе с Н.А.Клюевым и А.А.Ганиным участвует в «Вечере русского стиля» в Доме ученых (Пречистенка, 16).

Из отклика:

«Очередной литературный четверг в Доме Ученых был посвящен “вечеру русского стиля”, перенесшему присутствовавших в атмосферу стародавней русской бывальщины. В старый барский особняк, занимаемый Домом Ученых, пришли трое “каликперехожих”, русских поэтов-бродяг: С.Есенин, Ал. Ганин и Ник. Клюев.

Сергей Есенин прочел свои “Кабацкие песни” <так!>.

Алексей Ганин — большую поэму “Памяти деда” (“Певучий берег” <так!>).

Николай Клюев — “Песни на крови”.

Выступление имело большой успех».

Газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1923, 27 окт., № 246; раздел «По организациям и кружкам»).

В памяти современников о вечере остались очень разные впечатления.

Вл. Пяст вспомнит:

«От этого вечера в памяти остались: колоритная фигура в длинном зипуне (Клюев) — и еще ярче — кудрявая есенинская голова, с выражением несколько сонным, и его правая рука, в двух пальцах которой была зажата папироса и которою он как бы дирижировал своему музыкально модулирующему инструменту — голосу <...>

Не стихи Есенина, вообще, запечатлелись в моей памяти ярче всего из того вечера, нет, — а его импровизированная речь, с которой он неожиданно обратился к “ученой” (в большинстве) публике. Речь вот какая, настолько же неожиданная, насколько приятно прозвучавшая моему слуху. Речь — о Блоке.

— Блок, — говорил молодой поэт, предводитель послефутуристических бунтарей, — к которому приходил я в Петербурге, когда начинал свои выступления со стихами (в печати), для меня, для Есенина, был — и остался, покойный, — главным и старшим, наиболее дорогим и высоким, что только есть на свете».

Восп., 2, 93.

Иначе напишет об этом выступлении Есенина С.Фомин:

«...Есенин вернулся из Ленинграда с Клюевым в Москву и выступил с ним на Пречистенке в ЦЕКУБУ. Здесь он читал стихи из "Москвы кабацкой" и "Исповеди хулигана".

Жутким мне показалось выступление Есенина. Был он в обычном своем сером костюме, с необыкновенным фуляровым шарфом, завязанным большим бантом. Перед чтением стихов сказал вступительное слово. Упоминая о поэме Блока "Двенадцать", принимался несколько раз наливать из графина в стакан воду, пил большими глотками и затягивался папироской. Перед долго ждавшей аудиторией ходил, потирая руки, хмурил брови и держал себя с нарочитой развязностью».

Памяти Есенина, 133–134.

Ср. также с воспоминаниями, приведенными В.Пястом:

«Один мой приятель, бывший со мною на том же "крестьянском" вечере в ЦЕКУБУ, так описывает свои впечатления (в письме ко мне после смерти поэта):

"У Есенина был франтоватый вид. Костюм и шляпа с заграничным шиком — и под шляпой слегка помятое, точно невыспавшееся слегка, простецкое русское лицо с милой добродушно-рассеянной улыбкой. По-приятельски, но без фамильярности улыбается каждому. Каждому готов сказать «ты», но иногда брови сдвигаются, и он очень важен, важен, как молодая мать, прислушивающаяся к движению внутри себя зачинающейся новой значительной жизни"».

Восп., 2, 94.

Октябрь, около 25. Есенин читает стихи в «Стойле Пегаса».

Событие устанавливается по воспроизводимому в воспоминаниях В.Пяста письму его корреспондента, дата определяется с учетом упоминания этого события мемуаристом, как произошедшего примерно в то же время, что и выступление в Доме ученых (см. предыд. запись).

Из воспоминаний В.Пяста:

«А вот и другое выступление Есенина в ту же пору — в "Стойле Пегаса". Предоставляю слово тому же письму:

"Помните кафе «Пегас»? У Есенина свое особое там было место — два мягких дивана, сдвинутых углом супротив стола, стульями отгороженного от публики. Надпись: «Ложа Вольнодумцев». Это всё еще они, «орден имажинистов», как окрестили себя его друзья, от которых он уже несомненно, хоть и незаметно, но вполне удаляется. Есенин много пьет. Всех угощает. Вокруг него кормится целая стая юных, а теперь и седеющих, и обрюзгших уже птенцов. Это всё «пишущие» — жаждущие и чающие славы или уже навсегда расставшиеся с ней.

Вот он опять на эстраде. Замолкают столики. Даже официанты прекращают суетню и толпятся, с восторгом, в дверях буфетной. Он читает знаменитые стихи, где просит положить его под русские иконы — умирать. Голос срывается. Может быть, навсегда! Это предчувствие. Все растроганы и тяжело дышат. А вот он внезапно встает и через всю залу идет к не знакомому с ним поэту, известному импровизациями, сидящему в стороне. Об этом поэте <Б.М.Зубакине>, за его спиной, но достаточно громко был «пишущими» послан гнусный, ни на чем не основанный слух. Есенин подходит, опирается на его стол

руками, вглядывается в него и говорит: «С таким лицом подлецов не бывает!» Обнимает, целует его, — и вот — еще одно сердце, завоеванное им навеки"».

Восп., 2, 95.

Октябрь, 26. Белградская газета «Новое время» (№ 751) публикует статью А.Ренникова «Мемуары хулигана» об очерке Есенина «Железный Миргород»:

«Я думал до сих пор, что советский поэт Есенин последнее время совсем бросил писать, будучи занят волнующими воспоминаниями о нанесенных ему в Париже и Нью-Йорке тяжких побоях.

Оказывается, нет. Оправившись, как дворовый пес, от заграничной экскурсии, он снова взялся за литературу. В промежутках между московскими ночными банкетами лежит в кровати, весь забинтованный, прикрывает левой рукой затекший посиневший глаз и пишет...

Мемуары об Америке

* * *

Мемуары печатаются в московских "Известиях" нижними фельетонами и носят общее название "Железный Миргород". Почему Миргород, сам Есенин не знает. Очевидно, оригинально очень. На протяжении десятков столбцов советский поэт старается, пользуясь Америкой как предлогом, развернуть перед читателями все свои, приобретенные после мужичьего детства, познания в науке, философии, психологии, этнографии, лингвистике, электротехнике, индустрии; в осторожной форме намекает, что, не будь Горького, он был бы среди сотрудников "Известий" самым интеллигентным...

Но главное, конечно, не в этом. А в руководящей идее мемуаров: в параллели между счастливой Америкой и счастливым СССР.

* * *

"На наших улицах, – пишет Есенин, — слишком темно, чтобы понять, что такое электрический свет Бродвея. Мы привыкли жить под светом луны, жечь свои свечи перед иконами, а не человеком".

"Америка внутри себя не верит в Бога. Там некогда заниматься этой чепухой. Там свет для человека".

"Обиженным на жестокость русской революции культурникам не мешало бы взглянуть на историю страны, которая так высоко взметнула знамя индустриальной культуры. Вслед за открытием этой страны, туда потянулись... авантюристы самых низших марок и стали теснить народ Америки. Красный народ стал сопротивляться, начались жестокие войны, и в результате — от многомиллионного народа краснокожих осталась горсточка в 500 000 человек, которую содержат кинематографические предприниматели...".

"И не жаль, что дикий Гайавата уже не охотится здесь за оленем... Не жаль, что рука строителей этой культуры была иногда жестокой...".

* * *

Это истребление краснокожих Есенин советует вспомнить нашим "культурникам". А кто — "культурники"? Конечно, интеллигенция, со страхом взирающая на то, как редеют ее ряды, как систематически истребляется из года в год русский народ...

Есенин нашел удачную параллель. Краснокожие — русский народ. Истребители его — люди высшей расы, строители "индустриальной культуры". И <почему> это именно раса — Есенин охотно объясняет:

"Для русского уха и глаза вообще Америка, а главным образом Нью-Йорк — немного с кровью Одессы и западных областей. Нью-Йорк на 30% еврейский город. В Нью-Йорке евреи осели довольно прочно и имеют жаргонную культуру, которая ширится все больше и больше. У них — свои поэты, свои театры. От лица их литературы мы имеем несколько имен мировой величины... Здесь есть стержни, есть культура. В специфически же американской среде — отсутствие всякого присутствия...".

* * *

Я не думаю, чтобы Есенин, проводя параллели между краснокожими и русскими, не отдавал бы себе отчета в том, что он пишет. Говоря об "обиженных жестокостью русской революции", он успокаивает, что индейцев осталось гораздо меньше, чем русских: всего 500 000 человек. Упоминая о заполнении Америки евреями, он прямо говорит: "Мне не жаль, что Гайавата не охотится здесь за оленем". Таким образом, чтобы столица новой Америки — Москва была бы на 30% еврейским городом, не жаль туземного населения России. Ради строителей новой, "индустриальной культуры" — не беда, если остатки русского народа будут содержаться только для кинематографических фильм...

* * *

Есенин пишет всё это на русском языке, в России, среди русских читателей... Успокаивает умирающих и убиваемых, приветствует новую расу... И никто из туземцев не даст этому мерзавцу по физиономии, никто не напомнит ему, как его били в Америке, никто не плюнет в лицо, не подумает свернуть шею гнусной гадине!

Сидят страстотерпцы-богоносцы, покорно читают, вздыхают... Индейцы так индейцы... Гайавата так Гайавата, какое нам дело? Лишь бы паек!

И тошнит не только от этой сволочи, вышедшей из хамских подонков, — Есениных, Горьких... Кружится голова и от вымирающих индейцев — читателей...».

См. также: 8 ... 13 авг. 1923, вторая запись; 14 авг. 1923, первая запись; 15 или после 15 авг. 1923, первая запись; до 22 авг. 1923; 22 авг. 1923, первая запись; после 22 авг. – до 10 (?) сент. 1923; 28 авг. 1923, вторая запись; 30 авг. 1923, вторая запись; 14 сент. 1923; до 16 сент. 1923; 16 сент. 1923, первая и вторая записи.

Октябрь, 27. Есенин присутствует на спектакле по рассказу О.Генри «Кабачок и роза» в театре «Острые углы», где играет А.Л.Миклашевская.

Из воспоминаний актрисы:

«Театр "Острые углы" открылся инсценировкой рассказа Мопассана "Дом мамаши Телье". <...> В этом же театре я играла в инсценировке по рассказу О.Генри "Кабачок и роза". Неожиданно для Есенина я играла женщину, абсолютно не похожую на себя в жизни. Ему доставило удовольствие и это, и образ женщины, которую я играла».

СЕГС, 236–237.

Посылает А.Л.Миклашевской корзину цветов и записку: «Приветствую и желаю успеха. / С. Есенин. / 27. X. 23 г.».

Есенин, VI, 161.

А.Л.Миклашевская вспомнит:

«За кулисы прислал мне корзину цветов и маленькую записку <...> Но из нашего театра так ничего и не получилось. У нас не было репертуара. Никритина и Мариенгоф в один прекрасный день не пришли на репетицию. Никритина вернулась в Камерный театр, когда он приехал. Мариенгоф и свою пьесу "Вавилонский адвокат" передал Таирову. Играли в ней Никритина и Позоева. После чего театр "Острые углы" перестал существовать».

СЕГС, 237.

Октябрь, до 28. И.Приблудный пишет стихотворение «Раскаяние», посвященное Есенину.

Событие и его граница устанавливаются по письму И.Приблудного Г.А.Бениславской (см. след. запись) относительно пропажи денег, в которой его обвинили. В архиве А.Г.Назаровой сохранился список этого стихотворения, выполненный ее рукой:

Раскаяние

С.Есенину

Ты светлый и кроткий, не мучь и не трогай,
Ведь я же и скромным остаться не мог.
Бреду, спотыкаясь, тернистой дорогой.
А снилось так много, так много дорог.

И тягостно чую в полдневном тумане –
Упаду надолго, надолго усну.
Быть может, ты вспомнишь, прощая, помянешь
Моих начинаний святую весну.

Разбуженный лаской, негаданной встречей,
Я выпавший жребий снести не сумел.
Уйду, одинокий, далече, далече,
В сереющий вечер, в холодный удел.

И стану бродягой, убийцей и вором
И, злобно кривляясь, наброшусь на всех.
Меж стонущих улиц под первым забором
Согреют меня...

Шубникова-Гусева-2008, 454–455.

Октябрь, 28. И.Приблудный пишет Г.А.Бениславской. В письме заходит речь о Есенине.

Отрицая, что взял у Бениславской большую сумму денег, просит его простить:

«Знаете ли Вы, что с каким угодно человеком может случиться грех. Так он случился со мной.

<...> Если что и должен я Вам, то, во всяком случае, не выдуманные Вами 14 тысяч. Если они у Вас вообще пропали, то причиной этому может быть что-либо иное, не Я, если же ЭТО Вы выдумали, то надо еще подумать, кого больше должна совесть мучить — меня ли, причинившего Вам первую неприятность, или Вас, обвиняющую меня во второй, [так] столь же некрасивой. Я так Вас полюбил, я так был благодарен Вам за первую жертву прощения. А как пугал меня Сережа мой. Наперебой старался перед первым встречным изложить мое несчастье (не в добром см<ысле> сл<ова>). И, кроме того, еще навязал мне ручку золотую, тетрадь, платок и пр. И теперь — несмотря на то, что приблизительно по этому поводу я знаю кое-что, — я никогда ничего не скажу. А он не видел, как мне больно было, особенно перед людьми, за что-нибудь любящими меня».

Шубникова-Гусева-2008, 307.

Судя по письму, И.Приблудный и ранее причинял подобные неприятности Г.А.Бениславской, а позже – и Есенину. Однако дружеские отношения между поэтами сохранятся. Г.А.Бениславская также будет проявлять внимание к товарищу Есенина.

Октябрь, 29. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 2837) публикует анонс под заголовком «4 ноября», в котором упоминается предстоящая публикация стихотворения Есенина «Русь»:

«Знаменательная дата в жизни русской Америки. В этот день на столбцах "Русского голоса", в его воскресном номере читатель найдет корреспонденцию из Москвы И.Василевского (Не-Буква) о молодой России, последний рассказ Максима Горького, не печатавшийся нигде за пределами России, стихотворение Есенина ("Русь"), многочисленный материал, посвященный русскому артистическому сезону в Америке, отдел шутки и смеха, детское чтение и т. д.».

В отделе "Свободная трибуна" читатели "Русского голоса" сообщат о своем житье-бытье и о своих горестях. Следите за рубрикой "Четвертое ноября"».

Эта информация будет повторена газ. «Русский голос» 1 и 3 нояб. 1923 (№ 2840 и 2842).

Воскресное приложение к газете от 4 нояб. 1923 со стихотворением Есенина осталось недоступным — в библиотеках и архивах России отыскать его не удалось.

Октябрь, после 30. Есенин пытается окончательно расстаться с А.Дункан.

Граница события устанавливается ориентировочно с учетом информации в газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1923, 21 окт., № 241) о возвращении А.Дункан в Москву, ее выступлениях («На днях вернулась в Москву и в ближайшее время выступит с произведениями Вагнера»); воспоминаний Г.А.Бениславской о разрыве поэта с А.Дункан, а также учета дат получения денег в кафе «Стойло Пегаса» Г.А.Бениславской. Учитывается также, что до отъезда Н.А.Клюева (см.: 7 или после 7 нояб. 1923), судя по воспоминаниям Г.А.Бениславской, последняя встреча Есенина и А.Дункан произойти не могла.

О сложном и мучительном разрыве с А.Дункан рассказывает Г.А.Бениславская:

«Это был период, когда С. А. был на краю, когда он иногда сам говорил, что теперь уже ничто не поможет, и когда он тут же просил помочь выкарабкаться из этого состояния и помочь кончить с Дункан. Говорил, что если я и Аня его бросим, то тогда некому помочь и тогда ему будет конец. <...>

Я стала спрашивать о Дункан, какая она, кто и т. д. Он много рассказывал о ней, рассказывал, как она начинала свою карьеру, как ей пришлось пробивать дорогу. Говорил также о своем отношении <к ней>: "Была страсть, целый год это продолжалось, а потом всё прошло — и ничего не осталось, ничего нет. Когда страсть была, ничего не видел, а теперь... Боже мой, какой же я был слепой. Где были мои глаза? Это, верно, всегда так слепнут". Рассказывал, какие отношения были. Потом говорил про скандалы. <...>

Когда я сказала, что, быть может, он, сам того не понимая, любит Дункан и, быть может, оттого так мучается, что ему в таком случае не надо порывать с ней, он твердо, прямо и отчетливо сказал: "Нет, это совсем не так. Там для меня конец. Совсем конец. <...> Ничего там нет для меня. И спасаться оттуда надо, а не толкать меня туда"».

Материалы, 56–66; 86–89.

Есенин, придя с И.В.Аксельродом и Н.А.Клюевым к А.Дункан на Пречистенку, проводит в ее обществе несколько дней.

Событие устанавливается по воспоминаниям Г.А.Бениславской, а его время — по данным счетов «Стойла Пегаса»: Бениславская получала по ним деньги 31 окт.; 1, 2 и 3 нояб. 1923.

«Она <Дункан> вернулась в Москву. Начались бесконечные сплетни, которые услужливые прихлебатели С. А. и Дункан передавали им обоим. С. А. это дергало и озлобляло. Тогда "приятели" стали уговаривать его поехать к ней "объясниться и расстаться по-хорошему". Несколько дней тянулись эти уговоры. Всегда разговоры начинались в моем отсутствии. С. А. дома рассказывал обо всем этом мне, но я тогда не учла расшатанность его нервов, не придавала этому значения и старалась только перевести разговор с этой больной для него темы. <...> Однажды днем приходит И.Аксельрод <...>

<…> когда я вошла в комнату, С. А. уже одевался с той тщательностью, как это бывало в решительных случаях его жизни. Спрашиваю Аксельрода: "Куда?" Сдержанный, торжествующий ответ: "К Дункан". С. А. взбудораженный и раздраженный. Попробовала отговорить, но С. А. уже сорвался с причал, был чем-то взбешен, ясно, что словами тут не поможешь, по-настоящему надо было выставить Аксельрода и Клюева, но было поздно. С. А. обещал вернуться, и Аксельрод дал честное слово, что через два часа они привезут С. А. сюда, на Брюсовский.

В два часа ночи вернулся один Клюев, без Е. <…>

Наутро С. А. нет. Поздно вечером иду в "Стойло" за деньгами. <…> И уже входя в зал, в зеркале на противоположной стене вижу голову С. А., доху и шапку Дункан и еще двоих за этим столом <…> Как ни в чем не бывало, поздоровалась кивком головы с С. А., подхожу к кассе — просят подождать, денег сейчас нет. Сажусь на диванчик у кассы почти напротив их столика. Дункан обернулась, внимательно посмотрела. С. А. тоже пристальным долгим взглядом посмотрел, как бы что-то объясняя. Ничего не понимаю. Решила всё предоставить естественному ходу вещей. Минут через 15 в кассе появляются деньги. Получаю и собираюсь уходить. С. А. направляется ко мне, здоровается и сдержанным, глухим голосом, как бы стараясь убедить и заставить понять что-то, – то, что сейчас некогда и невозможно объяснять, – говорит полушепотом: "Галя, ничего, понимаете, ничего не изменилось. Так надо. Я скоро приду. И деньги берите здесь, как всегда. И вообще всё по-прежнему"».

Материалы, 56–59.

В своих воспоминаниях Г.А.Бениславская рассказывает, что приятели Есенина, к которым она относила не только С.Борисова-Шерна, И.Аксельрода, но и А.Ганина, пытались ее разлучить с поэтом. Зависть и оскорбленное самолюбие приятелей привело к тому, что они внушили сестре Есенина Кате, что Бениславская является агентом ГПУ, прикомандированным к поэту. К счастью, Гале удалось объяснить происхождение этих слухов (Шубникова-Гусева-2008, 163).

Появившиеся вновь в 1990-е гг. утверждения о том, что Бениславская была «приставлена ГПУ для наблюдения за поэтом», документально опровергнуты в статье Александра Здановича, сотрудника Центра общественных связей Министерства безопасности РФ: «Бениславская не следила за Есениным. Так утверждают в Министерстве безопасности России» («Российская газета», 1997, 13 сент.). «Сам факт пусть короткой, но официальной службы на Лубянке <в начале 1920-х как секретаря сельскохозяйственного отдела в Особой междуведомственной комиссии, куда ее устроил М.Ю.Козловский, отец подруги>, – утверждает А.Зданович, – исключал привлечение Бениславской в качестве секретного сотрудника ГПУ» (см. подробнее: Шубникова-Гусева-2008, 48–50).

Октябрь, конец (?). Есенин входит в объединение крестьянских писателей вместе с Н.Клюевым, П.Радимовым, П.Орешиным, А.Ширяевцем, И.Вольновым, А.Чапыгиным, И.Касаткиным.

Время события определяется по письмам И.М.Касаткина И.Е.Вольнову, написанным в окт. 1923, с учетом времени составления письма в ЦК РКП(б) (см.: конец окт. … начало нояб. 1923):

«В Москве образовалось объединение Крестьянских писателей, в кое входят поэты: Есенин, Клюев, Радимов, Орешин, Ширяевец; беллетристы: Вольнов, Чапыгин, Касаткин. Сообщаю об этом по поручению кружка, которому я настаиваю дать наименование "Ватага". Готовьте материал».

Письма, 333.

И.Е.Вольнов пишет И.М.Касаткину:

«Организации кружка крестьянских писателей мало сочувствую, но от участия не отказываюсь. Не сочувствую, потому что не понимаю, как можно быть крестьянским, пролетарским, дворянским, поповским писателем, — можно быть только русским пи-

сателем, но и это недостаточно (так иной раз кажется)... <...> Увидите Сережу Есенина, кланяйтесь низко».

Письма, 333.

Октябрь, конец ... Ноябрь, начало. Есенин подписывает письмо в ЦК РКП(б):

«В Ц.К. Р.К.П.

Уважаемые товарищи!

Нижеподписавшиеся, группа поэтов и писателей, вышедших из недр трудового крестьянства, с самого начала Октябрьской революции деливших свою судьбу с судьбами революционного крестьянства и советской власти, настоящим поднимаем вопрос перед ЦК РКП об уделении со стороны рабоче-крестьянской власти внимания к нашим творческим достижениям. На этом основании просим предоставить нам возможность самостоятельно издавать свои книги, тем более, что возможность эта дана почти всем литературным группам. Считая себя вне каких бы то ни было литературных групп, просим предоставить нам право пользоваться самостоятельной сметой при Госиздате на тридцать печатных листов в месяц, с самостоятельной редакцией из представителей нашей группы и самостоятельным распределением печатного материала.

Инициативная группа

Петр Орешин, Сергей Клычков, Сергей Есенин, А.Чапыгин, Николай Клюев, П.Радимов, Пимен Карпов, Александр Ширяевец, Ив. Касаткин».

В тексте источника зачеркнут последний абзац:

«Кроме того, ввиду исключительно тяжелого материального положения каждого члена нашей группы, ходатайствуем о немедленном отпуске нам в счет гонорара аванса в размере пятидесяти червонцев на каждого члена группы».

Есенин, VII (2), 243–244, 422.

Дальнейшая судьба письма неизвестна. Скорее всего, оно не было отправлено.

Подробнее см.: Базанов В.В. Эпизод из истории создания литературных объединений крестьянских писателей. — РЛ, 1972, № 3, с. 167.

Октябрь, конец ... Ноябрь, до 15. Выходит в свет книга Г.Ф.Устинова «Литература наших дней» (М., 1923), составленная из опубликованных ранее газетных и журнальных статей автора. Существенное внимание уделяется характеристике творчества Есенина.

Кн. летопись, 1923, № 21, нояб., поз. 11346.

Из главки «Крушение идеализма» (заключительный абзац):

«И на первом же году существования Советской Республики умерла подделывающаяся под революционность поэзия Блока, Клюева и их последователей. Среди писателей и поэтов, как и всюду, начался раскол, пошло расслоение. Всё молодое и талантливое пошло с революцией. Первый же год выдвинул ряд имен из среды пролетарских поэтов: Вл. Кириллов, Гастев, В.Александровский, Бессалько, Маширов-Самобытник, Илья Садофьев, М.Герасимов и др. От левых с.-р. отошли С.Есенин, А.Ширяевец, П.Орешин и другие, фактически порвав с народничеством. И хотя они уже не продолжали писать военно-революционные марши, всё же их деятельность, в особенности деятельность Есенина, произведшего колоссальную революцию в форме стиха, заслуживает и внимания, и изучения».

Ср. с более ранней газетной публикацией этой работы (см.: 28 мая 1922, пятая запись).

Из главки «Осуждены на погибель»:

«Чуют ли поэты свою гибель? Конечно. Ушла в прошлое дедовская Русь, и вместе с нею, с меланхолической песней, отходят ее поэты. <...> Есенин вообще очень остро

чувствует и переживает конец старой Руси. Он трогательно грустит над уходящим старым бытом, которому он еще в 1920 году пропел "Сорокоуст" <приведена вторая половина второй главки поэмы>.

В таких меланхолических тонах он тоскует о привычном русском хаосе, который побежден железной организацией. Побежден ли? Для Есенина он побежден бесспорно. Но поэт еще не сдался, — быть может, и сам он решил умереть вместе с этим хаосом, не желая изменить своим рязанским предкам. <...>

Теперь уже совершенно очевидно, что если в творчестве Есенина не произойдет поворота, его поэтический путь можно считать законченным. Но легко сказать — поворот! <...> Тут требуется новое внутреннее содержание, новая вера, — новый человек.

Всего вероятнее, что та форма, которую дал Есенин стиху, останется и воскреснет в другом поэте, который вольет в нее новое содержание. Это и будет его заслугой. Содержание же вместе с Есениным отойдет — да уже и не отошло ли? — в прошлое. Вместе с дедовской Русью, вместе с ушедшей эпохой буржуазного субъективизма и псевдопугачевщины.

Классовая борьба продолжается».

Из главки «Вчера и сегодня»:

«...этот самый имажинизм предоставлен не только всем уже достаточно надоевшей группой поэтов Есенина, Мариенгофа, Кусикова и Шершеневича. Нет, он пошел дальше и глубже. Вчера он, можно сказать, безраздельно властвовал в поэзии, а сегодня уже переселился в беллетристику и выступает под именами: Борис Пильняк, Всеволод Иванов, Мих. Зощенко, Ник. Ляшко, Ник. Никитин и проч., проч... О подражателях имажинизму, которых достаточно во всех литературных школах, в том числе и в среде пролетарских поэтов, я и не говорю: таких подражателей можно насчитать сотни.

По имажинистскому идеологу Есенину, будущее должно предстать нам в таком виде:

"Будущее искусство в своих возможных достижениях, как некий вселенский ветроград <так!>, где люди блаженно и мудро будут хороводно отдыхать под тенистыми ветвями одного преогромного дерева, имя которому социализм, или рай, ибо рай в мужицком творчестве так и представляется, где нет податей за пашни, где «избы новые, кипарисовым тесом крытые», где дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш с сыченою брагой» <с искажениями, ср.: Есенин, V, 202>".

Это написано Есениным в поэтическом откровении "Ключи Марии".

В дальнейшем в этой же брошюрке "вождь имажинизма" сбился с панталыку и плюнул на социализм и вдребезги разругался с городом (с пролетариатом).

Кто читает хоть что-нибудь, тот знает стихи Есенина, и ему не надо напоминать об его произведениях вроде:

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях досчатый мост...

Но, кроме Есенина, и вся новейшая литература — Вс. Иванов, Б.Пильняк, Ник. Никитин — тоже глубоко тоскуют по "гречневым просторам" "родной Руси". Это не сменовехизм, это — нечто другое».

Ср. с позитивной оценкой творчества Есенина в статье Г.Ф.Устинова «Литература и революция» (см.: после 22 авг. 1921). Позже публицист станет отзываться о стихах поэта всё более и более критически (см.: 21 апр. 1924).

Октябрь (?). Журнал «Молодая гвардия» (№ 7–8, за октябрь; подпись: «Г. К.») публикует рецензию на издание «Лава: Рабочий декламатор» (М., 1923; сост. С.Обрадович), в которой говорится о Есенине:

«...один из лучших “Чтецов-декламаторов” <...>

Не можем не отметить, что в сборнике отсутствуют некоторые поэты, которые должны были бы в нем занять одно из первых мест по своему значению <...>. Из крестьянских поэтов представлены Орешин (очень бедно) и Есенин, но нет ни Клычкова, ни Клюева...».

См.: до 15 марта ... до 1 апр. 1923, первая запись; 16 июня 1923, четвертая запись; 2 дек. 1923, третья запись.

Октябрь ... Декабрь. Есенин пишет записку М.С.Грандову: «Грандов, милый! Прости. Сергей Есенин».

Есенин, VII (2), 28.

Время события определяется в соответствии со сведениями из воспоминаний Г.А.Бениславской. Она сообщает, что осенью 1923 г., в период своего увлечения стихами Есенина, М.С.Грандов хлопотал о предоставлении Есенину отдельной квартиры (см.: 20 сент. 1923; сент.–окт. 1923, первая запись), а спустя несколько месяцев потребовал, чтобы Есенина в их общей квартире не было:

«...Скрытой пружиной всему этому были личные отношения: Грандов любил девушку <Е.В.Кононенко>, которая уже несколько лет очень сильно увлекалась С. А.; она и Грандов жили в одной квартире с нами, и потому присутствие С. А. нарушало не только покой вообще <...>, но в особенности — покой этой пары...»

Материалы, 35–36.

Октябрь – Декабрь. Частой гостьей у Есенина и Г.А.Бениславской становится А.А.Берзинь.

Судя по воспоминаниям А.А.Берзинь, она познакомилась с Есениным до его отъезда за границу в кафе «Стойло Пегаса» (см.: Берзинь А. Последние дни Есенина. — Журн. «Кубань», 1970, № 7, с. 82–100).

Е.А.Есенина напишет:

«Не помню, как появилась в нашем доме Анна Абрамовна Берзинь. Светло-русая, с голубыми глазами, высокого роста и всегда с улыбкой, она почти ежедневно стала бывать у нас. Работала она в Госиздате, принадлежала МАППу, была знакома почти со всеми литературными группами и много знала о каждой в отдельности.

Стадо писателей и поэтов должно было пастись определенным пастухом, и каждый пастух (вождь) своей группы ревниво следил за своими подданными, и визит в чужую редакцию считался изменой.

— Иди к нам, Сережа, у нас хорошая молодежь, наши ребята нуждаются в тебе, и тебе у нас хорошо будет, — говорила Анна Абрамовна.

— Дорогая Анна Абрамовна, я с удовольствием помогу, кому есть нужда во мне. Ничто не мешает вам и молодым поэтам найти меня, — говорил Сергей».

В семье родной, 234.

Из воспоминаний А.А.Берзинь:

«В мою жизнь прочно вошла вся прозаическая и тяжелая — изнаночная — сторона жизни Сергея Александровича. О ней надо рассказать подробно и просто, рассказать так, чтобы стало ясно, как из женщины, увлеченной молодым поэтом, быстро минуя влюбленность, я стала товарищем и опекуном, на долю которого досталось много нерадостных минут, особенно в последние годы жизни Сергея Александровича».

Материалы, 367.

Октябрь (?) – Декабрь (?). Есенин знакомится с литературным критиком и партийным деятелем И.Вардиным.

Время события определяется ориентировочно с учетом предыд. записи и воспоминаний Е.А.Есениной:

«Анна Абрамовна <Берзинь> познакомила Сергея с Вардиным и вместе с Вардиным много пользы дала Сергею. Она через Вардина открыла Сергею дорогу на Кавказ...».

В семье родной, 234.

Ср. с оценкой И.В.Вардина Есениным в его письме к Е.А.Есениной от 17 сент. 1924 (см.).

В этот период И.В.Вардин заведовал подотделом печати ЦК РКП(б), был одним из секретарей РАПП и сотрудником журнала «На посту».

См. также: 18 авг. 1924, вторая–четвертая записи.

Есенин намеревается проанонсировать книги, готовящиеся им к печати (не выходили):

— «Любовь хулигана».

Книга с таким названием значится в информационном объявлении, написанном Есениным на одном из листов сводного макета трех невышедших изданий книги «Москва кабацкая»: «Готовятся к печати / ЕСЕНИН: Любовь хулигана, Чорный человек, Страна негодяев; РОССИЯНЕ, сборник; Миклашевская, монография» (Есенин, VII (3), 92).

О предполагавшемся автором составе книги «Любовь хулигана» сведений нет. Тем не менее, наиболее вероятно, что центральной ее частью Есенин намеревался сделать одноименный цикл из семи стихотворений, который впоследствии войдет в другую его книгу — «Москва кабацкая» (Л., 1924).

См. также: вторая половина авг. 1923, первая и вторая записи; до 22 сент. 1923; 22 сент. 1923, первая запись; сент. – нояб. 1923, первая запись; 9 окт. 1923, первая запись; 14 окт. 1923, вторая запись; 13–31 дек. 1923, вторая запись; 2 янв. … до 2 февр. 1924; 16 марта 1924, вторая запись; до 19 июля 1924;

— отдельное издание поэмы «Черный человек».

Заявлено автором в информационном объявлении (см. выше).

После возвращения из-за границы, осенью, Есенин читает написанную за рубежом поэму своим друзьям и пытается ее напечатать. Рукопись этого варианта до сих пор не обнаружена, хотя, по некоторым сведениям, она сохранилась — и находится в частном собрании (г. Москва).

14 нояб. 1925 г. (см.) Есенин доработал заключительную часть поэмы и сдал ее в печать. Поэма опубликована после смерти поэта в журнале «Новый мир».

См. также: окт. (?) – дек. (?) 1922; янв. (?) – февр. 1923; март – июль 1923;

— отдельное издание драматической поэмы «Страна Негодяев».

Заявлено автором в информационном объявлении (см. выше).

См. также: Есенин, VII (3), 93.

Есенин планирует выпустить в свет эту вещь после возвращения из-за рубежа, как и поэму «Черный человек». Убедившись, видимо, в невозможности издать ее отдельной книгой, он в течение 1924 г. делает еще несколько безуспешных попыток опубликовать это произведение.

В частности, поэма была включена в сборник стихов Есенина, который готовил Д.К.Богомильский (см.: Есенин, III, 543); она планировалась к публикации в Гост., 1924, № 4 (см.: до 8 февр. 1924).

Сохранилась тетрадь, привезенная Есениным из Германии, где его рукой записан текст поэмы с правкой и датой «922–923» на последней странице. При этом первый лист рукописи выполнен как титул книги: «Сергей Есенин / Страна Негодяев / Москва / 1924» (частное собрание, Москва).

Подробнее см.: Есенин, III, 541–542.

Публикации отрывков из поэмы состоятся в периодике 1924–1926 гг. и в книге Стр. сов. Полностью она будет напечатана в составе Собр. ст. уже после смерти поэта.

Есенин, III, 147–220.

См.: янв. – февр. 1922; март – май 1922; 14 мая – дек. 1922; до 15 янв. 1923; до 26 янв. 1923; 3 февр. 1923, первая запись; 14 февр. 1923;

— сборник литературно-критических статей «Россияне».

Заявлено автором в информационном объявлении (см. выше).

См. также: Есенин, VII (3), 93–94.

Содержание неизвестно;

— монография «Миклашевская».

Есенин, VII (3), 94.

Книга была заявлена в информационном объявлении (см. выше).

Есенин, видимо, намеревался подготовить и издать монографию после знакомства с актрисой в середине авг. 1923 г., изучив ее творческую биографию (можно предположить, не без ее согласия). Однако никаких документов о дальнейшей работе над этой книгой не выявлено.

Ноябрь, 1. Коллектив третьей типографии «Транспечати» обращается к Есенину:

«Поэту Сергею Есенину

Уважаемый товарищ.

Завком 3-й Типографии Транспечати от имени рабочих этой типографии просит не отказать читать Ваши стихи на вечере в честь 6-й годовщины Октябрьской революции, устраиваемом рабочими 3-й Типографии в доме Наркомпроса, Мясницкая, Юшков пер., 5 ноября в 8 часов вечера.

О Вашем согласии просим нас известить.

Председатель завкома.

Секретарь завкома».

Письма, 231.

Письмо было вложено в конверт с надписью:

«Русскому поэту Сергею Александровичу тов. Есенину через т. Аксельрода от рабочих 3-й типографии».

Письма, 231.

Возможно, инициатором этого обращения был И.В.Аксельрод, в 1923 г. типографский служащий. Принял ли Есенин это приглашение, не установлено. Сведения о выступлении поэта на вечере в доме Наркомпроса не выявлены.

Ноябрь, 1–3 и 8–10. Есенин, возможно, посещает кафе «Стойло Пегаса».

Есенин, VII (2), 179, 510.

События отмечаются предположительно, поскольку счета кафе, выставленные Есенину в эти дни, не имеют его подписи.

См. также: 3 авг. 1923, четвертая запись; 7–14, 16, 18–31 авг. 1923; 1–3, 5–9, 13, 15, 18–21, 23, 25–29 сент. 1923; 4, 14, 22, 24, 30 сент. 1923; 1–4, 6–11, 13, 18, 21, 23–25, 27–30 окт. 1923; 5, 12, 19 и 31 окт. 1923; 5, 14, 15, 18, 21–23 нояб. 1923; после 10 нояб. 1923.

Ноябрь, 1, 5, 6 и 30. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3931, 3935, 3936, 3960) помещает рекламное объявление о поступлении в продажу книги «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Текст см.: 12, 13, 15, 22–24 окт. 1923.

См. также: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая 1922; 5 ... 24 июня 1922; 12, 14, 17 и 18 дек. 1923.

Ноябрь, 2. Н.А.Клюев пишет Н.И.Архипову из Москвы:

«Сейчас узнал, что телеграмму тебе не послал камергер Есенина <И.Приблудный>. Я живу в непробудном кабаке, пьяная есенинская свалка длится днями и ночами. Вино льется рекой, и люди кругом бескрестные, злые и неоправданные. Не знаю, когда я вырвусь из этого ужаса. <...> Вымойте мою комнату, и ты устрой ее, как обещал. Это Дункан <письмо написано на обороте фотографии А.Дункан с ее дарственной надписью Н.Клюеву>. Я ей нравлюсь и гощу у нее по-царски.

Кланяюсь всем.

Н.Клюев.

Брюсовский пер., 2. 27, дом Правды».

Письма, 333.

М.М.Шкапская пишет П.Н.Зайцеву из Петрограда:

«Какие новости в Москве? У нас тут Есенин и Толстой обосновались, а у Вас Шкловский, — я думаю, что всё же мена, невыгодная для Питера».

ИМЛИ, ф. 15, оп. 2, ед. хр. 157, л. 10.

По-видимому, в дни, когда Есенин был в Петрограде (см.: 14–17 окт. 1923), он сказал кому-то, что хочет перебраться туда насовсем, и это его намерение, преображенное молвой, дошло до автора письма уже как совершившийся факт.

Ноябрь, 3. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 252; рубрика «Библиография») дает информацию:

«На днях выходит из печати № 6 (16) журнала "Красная новь". Стихи: С.Есенина, В.Инбер, П.Орешина и др.».

Аналогичная информация будет опубликована в газ. «Правда» (1923, 4 нояб., № 251).

Ноябрь, после 3 ... 21. Выходит журнал «Красная новь» (№ 6; за октябрь–ноябрь) со стихотворениями Есенина «Я обманывать себя не стану...» и «Эта улица мне знакома...».

О нижней границе события см. предыд. запись. Верхняя граница устанавливается по статье Л.Сосновского «Испорченный праздник», где первое из стихотворений упоминается как напечатанное (см.: 22 нояб. 1923, первая запись).

В критике первое из стихотворений будет рассматриваться в общем контексте «Москвы кабацкой». В нем выражено отношение Есенина на появившиеся в эмигрантской печати обвинения в сотрудничестве с ЧК и прислужничестве властям, на попытки сблизить его имя с именем Г.Распутина. Клеймо «распутинщины» шло за Н.А.Клюевым и Есениным (см., напр.: 17 янв. 1921, вторая запись).

Ноябрь, 4. Берлинская газета «Дни» (№ 308; раздел «Литература и искусство») публикует информацию о выходе «на днях» первого номера журнала «Звезда» с упоминанием имени Есенина.

См.: до 20 дек. 1923.

Ноябрь, 4, 7, 10, 11, 15, 17, 18, 23, 25. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 253, 255, 257, 258, 261, 263, 264, 270, 275) в рекламном объявлении о подписке на журнал «Красная нива» на 1924 год называет Есенина в числе авторов журнала в 1923 году.

См. также: 5 и 8 дек. 1923.

Ноябрь, 5. Газета «Вечерние известия» (№ 47) печатает статью М.Каскевича «Октябрь в поэзии: В.Александровский — И.Березарк — В.Брюсов — П.Орешин — С.Есенин — И.Ионов — А.Блок — В.Маяковский»:

«Октябрьская революция положила начало новой эре, эре борьбы рабочего класса — этого "ваятеля будущего" — с разлагающимся капиталистическим миром.

Не только поэты пролетарских литературных организаций пишут об Октябре. Ему посвящено немало строк и поэтами других литературных течений и "школ" — С.Есениным, А.Блоком, В.Маяковским и т. д. <...>

Достигнуть этой золотой весны <цитата из "Микулина хода" П.Орешина>, свободно колосившейся в поле, "русский пролетарий смог лишь через большую грозу, через вешнюю полынь вод Октября".

Ревут валы,
Поет гроза!
Из синей мглы
Горят глаза.
За взмахом — взмах,
Над трупом — труп.
Ломает страх
Свой крепкий зуб.
Всё взлет и взлет,
Всё крик и крик!
В бездонный рот
Бежит родник...

(Есенин)».

Ноябрь, 5, 14, 15, 18, 21 – 23. Столуясь в кафе «Стойло Пегаса», Есенин подписывает выставляемые ему счета.

Есенин, VII (2), 510.

См. также: 3 авг. 1923, четвертая запись; 7–14, 16, 18–31 авг. 1923; 1–3, 5–9, 13, 15, 18–21, 23, 25–29 сент. 1923; 4, 14, 22, 24, 30 сент. 1923; 1–4, 6–11, 13, 18, 21, 23–25, 27–30 окт. 1923; 5, 12, 19 и 31 окт. 1923; 1–3 и 8–10 нояб. 1923; после 10 нояб. 1923.

Ноябрь, 6. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 254) публикует рецензию Б.Гиммельфарба на журнал «Гостиница для путешествующих в прекрасном» (№ 2):

«Лучшие в номере — стихи Есенина...».

См.: до 12 июля 1923; 18 авг. 1923, вторая запись; авг. 1923, третья запись; 16 сент. 1923, пятая запись; дек. 1923, первая запись.

Ноябрь, 7 или после 7. Н.А.Клюев возвращается в Петроград.

Датируется по письму Клюева к Н.И. Архипову от 2 нояб. 1923: «Октябрьские праздники задержат» (Письма, 333).

А.Б.Мариенгоф вспомнит (1927):

«Есенин заказал для Клюева шевровые сапоги. <...>

А когда шевровые сапоги были готовы, Клюев увязал их в котомочку и в ту же ночь, втихомолку, не простившись ни с кем, уехал из Москвы».

Мариенгоф, 149.

А.Г.Назарова напишет (1926):

«Интересен отъезд К<люева> из Москвы. Поняв, что у Е<сенина> нет денег, ни поесть, ни попить вдоволь у нас нельзя, п<отому> ч<то> всего было в обрез, — он перебрался окончательно к Дункан <...> и тихо, не зайдя даже проститься к своему любимому Сереженьке, — уехал снова в Ленинград».

Материалы, 128–129.

Ноябрь, 8. Есенин присутствует на выступлении А.Дункан в помещении оперы С.И.Зимина.

События устанавливаются по воспоминаниям современников поэта с учетом газетных отчетов о выступлении А.Дункан.

См. также: Ардов В. О танце со стороны. – Сб. «Айседора. Гастроли в России», М., 1992:

«...в четверг <8 нояб. 1923> был на вечере Дункан».

См. также: газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», 1923, 21 окт., № 241 — информация о возвращении А.Дункан в Москву и планах ее выступлений 6, 8 и 15 нояб. 1923.

С.Б.Борисов вспомнит (1926):

«...с Сергеем, нагруженным огромным букетом цветов, поехали в театр Зимина, где выступала Дункан. Сбор был битковый, и по безалаберности Сергей не озаботился оставить места. Он долго объяснялся и ругался с контролером, требуя, чтобы его пропустили.

— Я муж Дункан, — заявил он.

Пропустили. Мы пошли за кулисы и дождались, когда вернется Дункан. При виде Есенина она бросилась ему на шею.

Потом, указывая на грудь Сергея, она сказала:

— Здесь у него Христос.

И, хлопнув по лбу, добавила:

— Здесь у него дьявол...

Сергей почему-то быстро ушел из-за кулис.

Ночью в "Странствующем энтузиасте" Дункан и компания артистов, из Камерного, кажется, ужинали. Дункан была возбуждена и жадно пила вино из всех бокалов. Сергей сидел за другим столиком в обществе двух дам и к нашему столику не только не подошел, но не взглянул.

На лице Дункан было страдание».

Материалы, 142.

Ср. также с воспоминаниями Е.А.Есениной:

«Около двух месяцев Сергей не мог привыкнуть к Гале и часто, будучи пьяным, говорил извозчику: "На Пречистенку" вместо "В Брюсовский переулок". Не одну ночь мы с Галей дрожали на улице около особняка Дункан, и нередко мне приходилось поворачивать оглобли на Брюсовский переулок. Сергей не знал, что Галя была со мной и следом за нами другой дорогой возвращалась домой. Дункан давала последние вечера, она опять собиралась уехать из России. Я не хотела пропустить ни одного ее вечера, и Галя не раз была моей спутницей. Дункан была прекрасна...».

В семье родной, 233.

Ноябрь, 10. Есенин дает расписку в получении денег из кассы кафе «Стойло Пегаса»:

«За общий расчет четырех дней. / С. Есенин».

Есенин, VII (2), 212.

Расписка написана на обороте бланка «кафейного» счета после слов: «Получено восемь тысяч», выполненных рукой неустановленного лица. Рядом с подписью поэта (слева от нее) той же рукой — «Ноября 10».

Дата события определяется с учетом этой пометы. То, что эта расписка сделана в 1923 г., подтверждается также другой распиской, имеющейся на лицевой стороне того же бланка счета.

Ноябрь, 10 (?). Есенин знакомится с писателем Вс. Ивановым.

Дата события определяется предположительно с учетом дней посещения Есениным «Стойла Пегаса» и времени возвращения Вс. Иванова из Крыма в Москву в начале нояб. 1923, а также воспоминаний Вс. Иванова. Писатель запомнит, что Есенин в этот день получил из кассы кафе «Стойло Пегаса» деньги (судя по сохранившимся счетам, это было 10 ноября).

Из воспоминаний Вс. Иванова:

«Я переехал в Москву. Почему-то мне кажется, что в первые же дни своего приезда я познакомился с Есениным. Меня с ним познакомил поэт Э.Герман. Есенин зашел к нему вместе с Мариенгофом. Это было поздно вечером. Сразу же, с квартиры Германа, который жил тогда в Кисловском переулке, мы направились в ресторан "Стойло Пегаса". В ресторане посетителей было немного. Есенин и Мариенгоф отвели заведующего рестораном куда-то в сторону и, не стесняясь меня нисколько, приняли от него всю выручку дня».

Восп., 2, 75.

Ноябрь, после 10. Есенин делает пометы на «Счете С.А.Есенину» из кафе «Стойло Пегаса» (в графе «Месяц»): у чисел 9 и 10 сентября — «сентябрь», у чисел 1 и 2 (и 19) — «октябрь» (дважды).

Есенин, VII (2), 179.

Граница события определяется по последней записи в этом сводном счете, сделанной 10 нояб. 1923.

Ноябрь, 11. Журнал «Художественный труд» (№ 3; раздел «Хроника») публикует информацию «Юбилей Союза Поэтов» с упоминанием имени Есенина:

Дата выхода номера определяется по информации в газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1923, 11 нояб., № 258).

Из материала:

«20 ноября исполнится пятилетие Всероссийского Союза Поэтов.

Юбилейная комиссия в составе В.Я.Брюсова (председатель), В.А.Гиляровского, П.Н.Петровского, А.А.Чумаченко и С.А.Полякова составили программу праздника.

Днем, в помещении Клуба ВСП (Тверская, 18), состоится "выставка" всего относящегося к ВСП (рукописи, портреты, афиши, книги и пр.).

Вечером, в помещении Союза писателей (Тверской б., 25) — торжественное собрание при участии В.Я.Брюсова, В.В.Маяковского, В.В.Каменского, Н.Н.Асеева, М.П.Герасимова, В.П.Федорова, И.А.Аксенова, И.А.Новикова, О.Э.Мандельштама, С.А.Есенина, В.Г.Шершеневича, Р.А.Ивнева и Б.Л.Пастернака.

После заседания в помещении Клуба товарищеская вечеринка по подписке».

Аналогичную информацию разместит 20 нояб. 1923 газ. «Беднота» (№ 1671).

См. также: 20 нояб. 1923, первая запись; 21 нояб. 1923, четвертая запись.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 2850) публикует объявление о продаже книги Есенина «Стихи скандалиста»:

«Объявление книжного магазина М.Н.Майзеля.

Оптовая и розничная продажа русских книг.

Новые книги: <...> Есенин С. Стихи скандалиста <...>.

MAX. N. MAIZEL, 424, grand St. New York № 4».

Ноябрь, до 13. Харьковское издательство «Молодой рабочий» выпускает сборник «Ленин» (составители В. Крайний и М. Беспалов).

Граница события определяется с учетом рецензии на книгу (газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», 1923, 13 нояб., № 259; подпись: В. С-в).

Этот сборник окажется одним из основных источников есенинской портретной характеристики героя отрывка из его поэмы «Гуляй-поле», получившего название «Ленин» (Есенин, II, 439–440, 448).

Подробнее см.: 27 янв. 1924, вторая запись; после 27 янв. – февр. (?) 1924; март (?) ... до 11 или 12 апр. 1924; конец апр. – до 15 мая 1924, первая запись; после 15 мая 1924, вторая запись; 31 мая 1924, первая запись; после 3 или 4 июня ... 14 или 15 июня 1924.

Ноябрь, 14. Вологодская газета «Красный Север» (№ 256) печатает статью С.Панкратова «Поэзия рабоче-крестьянского быта», в которой упоминается Есенин:

«Октябрьская революция до самого дна всколыхнула деревенскую глушь. У крестьянина появились новые запросы, интересы к новым формам землепользования и т. д., и поэзия всё это охватывает и отражает, как в зеркале.

Вот, например, одно из "сочинений" крестьянина Самодурова. Написано полуграмотно, рифма не выдержана, размер тоже. Но тут нет "вычурностей", как у Есенина и Маяковского и других, — всё просто и понятно».

Ноябрь, 15. Пражский журнал «Воля России» (№ 19; рубрика «Из литературной хроники в России: Литературная критика»; подпись: «Т.») помещает информацию с упоминанием вечера «Русского стиха» <так!> в Доме ученых в Москве, где выступал Есенин.

См.: 25 окт. 1923.

Ноябрь, 15 (?). Есенин в день выступления А.Дункан посылает ей корзину цветов.

Дата события устанавливается предположительно с учетом того, что Есенин и Е.А.Есенина, судя по ее воспоминаниям, были не на одном выступлении А.Дункан в Москве (см.: 8 нояб. 1923).

Из воспоминаний Г.А.Бениславской:

«На вечер Дункан <Есенин> послал корзину цветов, а сам не пошел. <...> Нарядился в "пушкинский костюм" и был спокойным и веселым весь вечер. Только около 10–11 ч<асов> начал волноваться, что Дункан может вздумать после вечера заехать в "Стойло" и, увидев меня с ним, устроить мне скандал. Условились, что я уйду на всякий случай, а он ее очень быстро выпроводит с таким расчетом, что, когда через полчаса я вернусь, ее уже не будет. Но пока мы уславливались, приехали с вечера Катя <Есенина> и Марцел <Рабинович>, сообщив, что Дункан поехала домой, и С. А., спокойный и ясный, вернулся со мной и Катей на Брюсовский».

Материалы, 65.

После этого, по словам Г.А.Бениславской, Есенин видел А.Дункан всего один раз (см. след. запись).

Ноябрь, после 15. Последняя встреча Есенина и А.Дункан.

Дата определяется ориентировочно по воспоминаниям Г.А.Бениславской с учетом события, описанного в предыд. записи.

Г.А.Бениславская напишет (1926):

«Я поддержала его — с Катей было не опасно, я знала, что она сумеет вытащить его оттуда. А Катя посещений Дункан боялась пуще всего и расплакалась, уцепившись, как ребенок, за шубу С. А. Удалось ее успокоить и уговорить. Через два часа они вернулись оба на Брюсовский и с хохотом вперебой рассказывали, как Катя не дала Дункан даже поговорить наедине с С. А., как Шнейдер пробовал удерживать, а С. А. напугал его, прикинувшись очень буйным, и как они всё же выбрались оттуда, несмотря на то, что не было денег на извозчика, а никто из братии намеренно не хотел дать».

Материалы, 66.

Одна из учениц московской Школы Дункан К.Г.Хачатурова спустя много лет опишет последний приход Есенина на Пречистенку со слов своей матери, которая при этом присутствовала:

«После концерта все собирались за большим, длинным столом в комнате Изадоры. <...> И вдруг открывается дверь красного дерева и вошел Есенин, ведя за руку девушку. Не раздеваясь, они сели за стол, и Есенин сказал: "Спой, Катя, как наша мать пела, когда телят в поле выгоняла", и Катя запела тоненьким-тоненьким голоском.

Изадора встала и вышла из комнаты. Есенин сказал: "Не понравилось хозяйке, ушла". Мама тоже встала из-за стола и вышла, чтобы навестить меня в дортуаре, где мы спали, и увидела, как Изадора ходит по длинному коридору, в который выходили все жилые комнаты, держа руки у висков и повторяя: "Майн гот, майн гот! <Боже мой, Боже мой!>", а Есенин стал прощаться со всеми гостями, обойдя три раза вокруг стола.

С каждым попрощался за руку. Потом взял свою статуэтку работы Конёнкова и ушел. Больше они с Дункан не виделись...».

Маквей-2004, 373–374.

Ноябрь, 17. Газета «Правда» (№ 261) печатает статью Л.Д.Троцкого о А.Безыменском «Как пахнет жизнь», нашедшую отклик в «Россиянах» Есенина.

См.: также: 24 нояб. 1923; после 24 нояб. ... дек. 1923.

Ноябрь, 18. В петроградском журнале «Зори» (№ 2) публикуется статья П.Д.Жукова «Сергей Есенин»:

«1. Песни на рожке

Наши пролетарские поэты поют гимны городу, фабрикам и заводам. Гудки и копоть, грохот молота и визги ремней — вот привычный образ города.

Сергей Есенин — пастух, заигравший грустные песни деревни.

Материал его песен — четко определенный, ограниченный и диковинный для горожан. Ширь и неоглядность "родимого" края. Солнце. Луна. Синь, синева. Воды. Река. Озеро. <...> А вот и избы, хаты. С сенями, с двором и с хлевом. Кобыла, корова, ягненок, куры, петухи, щенки... <...>

Эпитеты Есенина — краски, которых не найдешь на бедноцветной палитре городского художника: золотой, синий, голубой (все три излюбленные и поэтому часто встречающиеся), голубоватый, голубеющий, зеленый, розовый, розоватый, желтый, белоснежный, алый, красный, багряный. Так раздразнивающе не наше: пахучий, тягучий. Есенин знает слова: любимый, кроткий, тихий, осторожный, незримый, задумчивый, нежный — мы их давно не слышали от наших поэтов.

Кажется, резче не отгородишься от нас.

Когда среди городских школьников производили опросы, оказывалось: на сотню редко один видал, как доят коров. А уж ягнят — знают только понаслышке. Надо ли производить опросы, чтобы уверенным быть, что петроградцы и москвичи не знают: дежки, попелицы, махотки, стежки, выти, и поэтому не поймут поэта.

Это — надо справляться в Дале, не исключена возможность – и в диалектических словарях.

Но материал деревенского быта еще отнюдь не исчерпывает кругозора поэта. Сравнивая зарисовываемый материал с более знакомыми явлениями и вещами, для прояснения рисунка, Есенин пригоршнями выкидывает на страницы своих стихов:

четки, ризы, монашков, схимников, язвы Христа, богомольцев, требу, обедню, литию, монастырь, библию, купола церковных глав, рай, Саваофа (у поэта через "фиту"), Авраама, тень Маврикии, Иордан, Мати Пречистую Деву (прописные буквы — поэта), медовый ладан, трепет ангельских крыл, апостола Андрея...

И понятно:

тайну, незримое, благодать. Так ладаном и пахнет! <...>

Если уж поэт "молится на алы зори" и "причащается у ручья", то его

Душа грустит о небесах,
Она не здешних мест жилица.

Настоящий Нестеров! Тот самый, который любил живописать русские луга с цветочками и хвойный лесок и на их фоне умиленного старичка или тихого, златоволосого отрока.

2. "К черту старое!"

Однажды с кротким, нежным пастушком случилась неприятная история: ему кто-то "разбил нос" и "окровавил рот" (см. признание его "Всё живое особой метой"). Наигрывать на рожке, надо согласиться, очень стало трудно. Вот почему Есенин отшвырнул рожок: "к черту старое! " Откуда

Беспокойная дерзкая сила
На поэмы его <так!> пролилась?

Ответ у Есенина один: "чужой и хохочущий сброд" "отбил" ему "морду"!

То есть? Не город ли, "черная гибель" и "железный враг" родимых полей.

Соратник Есенина в прошлом, Орешин рассердился на поэта, когда тот отшвырнул рожок <см.: авг. ... нояб. 1921>:

С богом! валяйте тройкой,
Шершеневич, Есенин, Мариенгоф!
Если мир стал простой помойкой,
То у вас нет стихов! <...>

Орешин — сугубо прав в одном: теперь в сердце Есенина не стало любви; он перегрузился ненавистью. Но не думаю, что Шершеневич и Мариенгоф заполонили Есенина. Для разбойника лесов и степей городские сорванцы — дети тихие.

Когда в человеке Есенине натянута религиозная струна, ей порваться неизбежно. Безбожники-изуверы, бунтовщики-истерики рождаются в среде верующих. <...> "Время мое приспело", — говорит Есенин, и прав: сгорело в нем "божественное", но оно было, если он теперь "тело, Христово тело, выплевывает изо рта", если он "богу выщипливает бороду оскалом своих зубов", если он "языком вылизывает на иконах лики мучеников и святых" и если:

Все молитвы в твоем часослове я
Проклюю своим клювом слов.

Здорово засели в Есенине всякие "ектении" и "литии", если он благим матом кричит:

Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, Господь!

Куда делась и деревенская идиллия!

Проклят град Китеж, прокляты даже его пятки и следы. "Край заброшенный", да милый, тараканья родина с горшками и ризами отправлена ко всем чертям. <...>

3. Коварный вопрос

Последняя его вещь "Пугачев" знаменует тематический перелом, не создавший перелома в его настроениях и не изменивший его мастерской. В последней все по-старому. Даже хуже: притупились и порасхлябались его поэтические инструменты. Во многих случаях "Пугачев" звучит бессознательно пародийно (как отметил И. Груздев в № 3 "Книги и Революции" <см.: после 17 июля 1923>): "Пугачев" — своего рода "Вампука" с механизированным повторением как приемом: "Вы с ума сошли! Вы с ума сошли! Вы с ума сошли!" — восклицает Пугачев, когда узнаёт про измену. В ответ ему Крямин: "О, смешной, о, смешной, о, смешной Емельян". Когда на Пугачева занесена сабля изменника, то он читает монолог, начинающийся словами: "Что случилось? Что случилось? Что случилось?"

Заграничного Есенина мы не знаем. Из привезенных его стихов (еще не напечатанных) метнулось еще одно стихотворение и запомнились строчки:

Ах, какая смешная потеря! <...>

Становится боязно, что скверно отзовется на Есенине изречение: "Что имеем, не храним, — потерявши, плачем". Становится страшно, что оправдается раздумье поэта: <Цитируется стихотворение "Не жалею, не зову, не плачу..."> <...>

4. Вместо заключения

Сделанные наблюдения необходимы, но едва ли достаточны. Сам собою напрашивается перевод с языка литературного анализа на социологический: Есенин — певец "медвежьего" уголка деревни, далекого от классовых противоречий; Есенин — пастух, но пастух, дующий в дудку куркулей; Есенин пытается изжить "дондеже", но всё еще плутает среди трех сосен отжившего православия».

В Екатеринбурге выходит журнал «Товарищ Терентий» (№ 1) «с отделами: Литературным. Художественным. Наука и техника. Юмор. Спорт. К работе журнала привлечены следующие литературно-художественные силы: Айкуни, Арский, Александровский В., Асеев, <...> Есенин...».

В 1923–1924 г. Есенин в журнале не печатался.

На выставке «Барбазанж» в Париже во время музыкально-вокального вечера, посвященного произведениям композитора Мельмейстера, исполняются романсы на слова Есенина.

Подробнее см.: 27 нояб. 1923.

Ноябрь, 18 – Декабрь, 15. В нью-йоркской New Gallery проходит выставка работ Б.Д.Григорьева. Среди экспонируемых полотен — портрет Есенина.

Галеева Т.А. Борис Дмитриевич Григорьев. СПб.: Золотой век — Художник России, 2008, с. 207.

Информацию об открытии выставки см. в газ. «Русский голос» (Нью-Йорк, 1923, 18 нояб., № 2857, воскр. прил.).

См. также: после 30 (?) апр. – июль 1923, третья и четвертая записи; журн. «Наше наследие», М., 2008, № 87/88, с. 106–107.

Отклик см.: 4 дек. 1923, четвертая запись.

Ноябрь, 20. В помещениях клуба Всероссийского союза поэтов проходят однодневная литературная выставка (Тверская, 18) и академическое собрание, посвященное пятилетию организации (Тверской бульвар, 25). Есенин объявлен в числе выступающих.

Доклад о деятельности Союза за пять лет делает его председатель И.А.Аксенов.

Имя Есенина как давнейшего члена Союза (с 24 сент. 1919 поэт — член его Президиума), скорее всего, упоминается в этом докладе.

Книги и афиши с выступлениями Есенина, скорее всего, экспонируются на проходящей в связи с юбилеем выставке.

Объявления о мероприятии см.: журн. «Художественный труд», 1923, 11 нояб., № 3; газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», 1923, 16 нояб., № 262; газ. «Вечерние известия», 1923, 19 нояб., № 49.

См. также: газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1923, 20 нояб., № 265); газ. «Беднота» (1923, 20 нояб., № 1671).

Есенин не участвует в этом юбилейном собрании в связи с задержанием в пивной И.А.Малинникова (см.: 20 нояб. 1923, четвертая запись).

См. также: 11 нояб. 1923, первая запись; 21 нояб. 1923, четвертая запись.

Петроградский журнал «Жизнь искусства» (№ 46) печатает информацию «К чествованию В.Я.Брюсова», подписанную секретарем Комитета по организации юбилея А.Малышевым с упоминанием имени Есенина:

«В Москве организовался следующий состав юбилейного комитета по чествованию В.Я.Брюсова.

Почетный председатель: А.В.Луначарский.

Президиум: П.С.Коган (председатель), М.С.Григорьев (зам. председателя) и А.Е.Малышев (секретарь).

Члены комитета: Л.Б.Каменев, И.А.Аксенов, Н.Н.Асеев, М.О.Гершензон, Сергей Есенин, Андрей Белый, П.С.Коган, Н.К.Пиксанов, П.Н.Сакулин, В.М.Фриче, Г.А.Рачинский, Андрей Малышев, Ф.Н.Шипулинский, В.Н.Яковлева, Н.А.Семашко, С.А.Поляков, А.М.Эфрос. Василий Казин, Борис Пильняк, О.Д.Каменева, О.Ю.Шмидт, В.Ф.Переверзев, Б.Н.Волгин, В.Э.Мейерхольд, В.И.Немирович-Данченко, А.И.Южин, Гайк Адонц, Я.А.Истомин, А.Я.Таиров, Н.О.Волконский, Нарбут (ЦК РКП), А.Б.Гольденвейзер, Б.Л.Яворский, М.С.Григорьев, Г.Б.Якулов, П.П.Кончаловский, Д.П.Штеренберг, В.З.Масс, Р.М.Хатаевич, И.И.Лазаревский, Ю.М.Славинский, С.Ф.Ольденбург.

Всякого рода заявления направлять по следующему адресу Юбилейного К-та: Поварская 52, на имя секретаря А.Е.Малышева.

Подробные справки в Петрограде можно получать у тов. Адонца в Госиздате или в редакции журн. "Жизнь Искусства"».

См. также: 7 дек. 1923; 13 дек. 1923, третья запись; до 17 дек. 1923.

Аналогичная информация появится в периодических изданиях разных городов (см., напр.: газ. «Пролетарская правда», Киев, 1923, 4 дек., № 277).

Стихи Есенина звучат в Калуге (в Губсовпартшколе) на вечере, организованном Государственным театральным техникумом в честь 5-летнего юбилея Всероссийского союза поэтов.

Из отчета о мероприятии:

«Юбилейной комиссией было устроено торжественное заседание, которое открылось приветственными речами.

<...> после перерыва состоялось чтение преподавателями, абитуриентами и учениками Г.Т.Т. стихотворений представителей 15 российских поэтических течений. <...>

Ал. Барышев и Влад. Королев выступали как чтецы наиболее сложных и внутренне и внешне произведений Брюсова, Гумилева, Мариенгофа, Есенина, Шершеневича, Антокольского и др., успешно преодолевая трудности материала.

В заключение были оглашены выработанные юбилейной комиссией приветствия ВСП и его организатору — поэту Вас. Каменскому».

А. Д. Празднование 5-летнего юбилея Всероссийского союза поэтов. — Газ. «Коммуна», Калуга, 1923, 22 нояб., № 266.

Есенин вместе с С.А.Клычковым, П.В.Орешиным и А.А.Ганиным задерживается органами милиции в пивной И.А.Малинникова.

Задержание Есенина произошло в результате его привода (вместе с С.Клычковым, П.Орешиным и А.Ганиным) в 47-е отделение милиции г. Москвы после инцидента в пивной И.А.Малинникова (угол Мясницкой и Чистопрудного бульвара, 28). Инициатором задержания четырех поэтов выступил

М.В.Родкин, комендант и ответственный контролер Московского совета производственных объединений. В заявлении, написанном 20 нояб. 1923 г. в отделении милиции, он так изложит обстоятельства дела:

«Рядом со мной за столиком сидело четверо неизвестных мне гр-н, которые вели между собой разговор о советской власти, ругая евреев, называя их паршивыми жидами, указывая на принадлежность тов. Троцкого и Каменева, называя их жидами; говорилось также о черной бирже. Таково<е> оскорбление вождей русской революции я не стерпел и обратился за советом к ближайшему постовому милиционеру, который отправился в пивную и хотел задержать указанных четырех гр-н, но гр-не отказались следовать в милицию, и милиционер пригласил другого милиционера...».

В 21 час 30 минут поэты были освидетельствованы и признаны в легкой степени опьянения. М.Родкин также находился в легкой степени опьянения.

Журн. «Север», Петрозаводск, 1993, № 10, с. 122.

См. также: Хлысталов, 47–53.

Ноябрь, 21. Есенин дает показания в 47-м отделении милиции и подписывает протокол допроса.

Есенин, VII (2), 213–215, 336–339.

В 47-м отделении милиции все четыре поэта допрошены участковым надзирателем Ардаровым. Документ, под которым Есенин поставил свою подпись и дату, завершается его показаниями по существу дела в записи допрашивающего лица:

«Сидел в пивной с приятелями, говорили о русской литературе. Я увидел типа, который прислушивался к нашему разговору. <...> ... во время разговоров про литературу упоминали частично т. т. Троцкого и Каменева и говорили относительно их только с хорошей стороны, то, что они-то нас и поддерживают. О евреях в разговоре поминали только, что они в русской литературе не хозяева и понимают в таковой в тысячу раз хуже, чем в черной бирже, где большой процент евреев обитает как специалистов. Когда милиционер по предложению неизвестного гражданина предложил нам идти, и мы, расплатившись, последовали за милиционером в отделение милиции, идя в отделен<ие> милиц<ии>, неизвестный гр-н назвал нас "мужичьё", "русские хамы". И вот, когда была нарушена интернациональная черта национальности словами этого гражданина, мы, некоторые из товарищей, назвали его жидовской мордой. Больше ничего показать не имею. Протокол записан с моих слов правильно и мне прочитан, в чем подписуюсь».

Журн. «Север», Петрозаводск, 1993, № 10, с. 124, с исправлениями по подлиннику — ЦА ФСБ РФ, дело № Р-14827, л. 4–4 об. Сверено Ю.Б.Юшкиным.

Ардаров составил также протоколы о задержании со слов П.В.Орешина, С.А.Клычкова и А.А.Ганина.

Допрошенные показали, что они между собой никаких антисемитских разговоров не вели.

Есенин, VII (2), 213–215, 336–339, 515–526.

См. Приложение.

См. также: Хлысталов, 49–50.

Дело по инциденту в пивной И.А.Малинникова передается в секретный отдел ГПУ.

Есенин заполняет «Анкету для арестованных и задержанных...» и подписывает протокол допроса.

Протокол подшит в «дело» № 2037 по обвинению в антисемитской агитации, направленной к возбуждению антисемитской розни, предусматривающему наказание по ст. 83 Уголовного Кодекса РСФСР.

Есенин, VII (2), 213–215, 336–339, 515–519.

См. Приложение.

Дав подписку о невыезде, освобождается из-под стражи вместе с С.А.Клычковым, П.В.Орешиным и А.А.Ганиным.

Есенин, VII (2), 515–526.

24 нояб. 1923 зам. прокурора Московской губернии Р.Герчиков составляет запрос в ГПУ по «делу четырех поэтов»:

«Препровождая при сем заметку "Что у трезвого попутчика на уме" из "Р<абочей> М<осквы>" № 262 от 22/XI, Московская Губпрокуратура просит сообщить, в каком положении находится дело гр. *Есенина, Орешина, Клычкова и Ганина*».

6 дек. 1923 начальник 2-го отделения секретной части МГО/ГПУ Юрьев составляет постановление по «делу четырех поэтов»:

«Дело № 2037 на граждан: *Есенина* Сергея Александровича, *Клычкова* С.А., *Орешина* П.В. и *Ганина* А.А., обвиняемых в ведении антисемитской агитации, направленной к возбуждению национальной розни, т. е. в преступном действии, предусмотренном ст. 83 Уголовного Кодекса, *передать* в СО ГПУ тов. *Славатинскому*.

Справка: обвиняемые находятся на свободе под подписку о невыезде.

Нач. 2-го отд. СЧ МГО Юрьев.

Нач. Секр. части МГО Савватиев» (выделено в подлиннике).

Есенин, VII (2), 526.

См.: 10 дек. 1923; 13 дек. 1923.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 266; рубрика «По организациям и кружкам») печатает анонимную информацию «Всероссийский союз поэтов» с упоминанием Есенина:

«Очередное 65-е академическое собрание союза поэтов было обращено в общее собрание членов союза и посвящено решению различных административных вопросов в связи с празднованием пятилетия союза. Несмотря на то, что на собрание явились далеко не все, число присутствующих превысило 250 чел<овек>. <...>

Предстоящее <так!> литературное собрание будет <так!> посвящено празднованию пятилетия союза, исполняющегося 20 ноября. Выступят <так!> со своими произведениями тт.: Н.Н.Асеев, И.А.Аксенов, В.Я.Брюсов, М.П.Герасимов, С.А.Есенин, Р.А.Ивнев, В.В.Каменский, О.Э.Мандельштам, В.В.Маяковский, И.А.Новиков, Б.Л.Пастернак и В.Г.Шершеневич».

См. также: 11 нояб. 1923, первая запись; 20 нояб. 1923, первая запись.

Ноябрь, 22. В «Рабочей газете» (№ 264) — статья Л.Сосновского «Испорченный праздник» с обвинениями Есенина, С.А.Клычкова, П.В.Орешина и А.А.Ганина в антисемитизме:

«20 ноября Всероссийский союз поэтов праздновал свое пятилетие. Получил приглашение на праздник и я. Мне отпраздновать по разным причинам не удалось. Так как я не поэт, а просто газетчик, то перенес это лишение сравнительно легко. А вот каково было четырем настоящим поэтам вместо юбилейного праздника попасть в милицейскую каталажку!

Дело было так. Вечером, 20 ноября, около 10 часов, звонят по телефону к Демьяну Бедному. Говорит известный поэт Есенин. Думали, зовет на праздник. Оказывается, совсем напротив. Есенин звонит из 47 отделения советской милиции. Говорит подчеркнуто развязно и фамильярно.

— Послушай... скажи тут, чтобы нас освободили...

— Кого вас?

— Меня, Орешина, Клычкова и Ганина.

— Почему вы в милицию попали?

— Да, понимаешь, сидели в пивной... Ну, заговорили о жидах, понимаешь... Везде жиды... И в литературе жиды... Ну, тут привязался к нам какой-то жидок... Арестовали...

— М-да... Очень не-хо-рошо...

— Понятно, нехорошо: один жид четырех русских в милицию привел.

Демьян Бедный попросил к телефону дежурного по милиции т. Ардарова, а затем того гражданина, что пригласил поэтов в милицию, и сказал им:

— Я этим прохвостам не заступник. Поступайте по закону!

Оказалось, что в какой-то пивной, подготовляясь к юбилейному заседанию советских поэтов, Есенин, Орешин, Клычков и Ганин вели мирный разговор о жидовской власти, о засилии жидов, называя достаточно известные всем имена. Сидевший за соседним столом гражданин возмутился и потребовал составления протокола. Одному милиционеру не удалось свести поэтический квартет в милицию. Потребовался второй милиционер.

В милиции поэты вели себя так, как в незабвенные времена держались деятели из союза истинно-русских людей или палаты Михаила архангела. По освидетельствованию, поэты оказались в состоянии лишь легкого опьянения. Оно и понятно, ведь впереди предстояло юбилейное заседание Всероссийского союза поэтов, где Есенин, Орешин и компания должны были играть первую скрипку.

Этим самым разрешаются и вопросы о вменяемости и о сознательном произнесении черносотенных речей. Разумеется, знаменитых поэтов попросили провести юбилейную ночь в милицейском участке, а наутро дело пошло своим чередом. Протрезвившийся Есенин продолжал разглагольствовать по Пуришкевичу.

О дальнейших последствиях этой истории читающая публика узнает в свое время.

Лично меня саморазоблачение наших поэтических "попутчиков" очень мало поразило. Я думаю, что, если поскрести еще кое-кого из "попутчиков", то под советской шкурой обнаружится далеко не советское естество.

Очень интересно узнать, какие же литературные двери откроются перед этими советскими альфонсиками после их выхода из милиции и как велико долготерпение тех, кто с "попутчиками" этого сорта безусловно возится в стремлении их переделать.

Могу сказать наверняка, что через несколько дней мы прочтем в белогвардейских заграничных газетах сочувственные слова по адресу "уличенных жидами мальчиков".

Недаром Есенин в последней книжке "Красной нови" писал в своем стихотворении (привожу на память):

Почему зовусь я шарлатаном,
Почему зовусь я скандалистом...

Теперь всем ясно, почему. И почему не только шарлатанами и скандалистами, но еще и крепче зовут Есениных и К°».

Фельетон Л.Сосновского будет перепечатан в журн. «Жизнь искусства» (1923, № 48, 4 дек.), в газ. «Саратовские известия» (1923, 28 нояб., № 271), а также им самим (почти дословно под названием «Братья-писатели») в газ. «Последние новости» (Пг., 1923, 3 дек., № 52).

Придав произошедшему политический аспект, Л.Сосновский будет использовать инцидент для групповой борьбы; дальнейшие газетные материалы, посвященные «делу четырех поэтов», будут выдержаны в тоне, заданном критиком. После публикации «Рабочей газеты» инцидент становится общественно-литературным, более того — политическим фактом. Так называемое «дело четырех поэтов» широко и тенденциозно освещается в печати.

См. также: газ. «Рабочая Москва» (1923, 9 дек., № 277); газ. «Известия Административного отдела Московского совета» (1923, 5 дек., № 135); журн. «Красный перец» (1923, № 15 и 16); газ. «Руль» (Берлин, 1923, 20 дек., № 927); газ. «Новое время» (Белград, 1924, 4 янв., № 810).

Ряд эмигрантских газет сопоставит дело со скандалом на квартире еврейского поэта Мани-Лейба (М.Брагинского): «Русский голос» (Нью-Йорк, 1923, 24 нояб., № 2863); «Заря» (Харбин, 1923, 16 дек., № 299).

Позже на страницах печати соединят два «дела Есенина»: «дело четырех поэтов» и дело об инциденте в кафе «Стойло Пегаса» в ночь с 15 на 16 сент. 1923 (газ. «Рабочая Москва» (1923, 9, 12, 18, 19, 20, 22 дек., № 277, 279, 284, 285. 286, 288); газ. «Вечерняя Москва» (1924, 18 янв., № 15); газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1923, 12, 15 дек., № 284, 287); газ. «Правда» (1923, 12 и 16 дек., № 283, 287) и др.).

Газета «Рабочая Москва» (№ 262) публикует неподписанную заметку «Что у трезвого "попутчика" на уме...» о деле четырех поэтов.

События в заметке обрисованы в том же духе и стиле, что и в статье Л.Сосновского (см. предыд. запись), а затем делаются соответствующие выводы:

«Как нам стало известно, вышеозначенные юбиляры, переночевав ночь в милиции, были препровождены затем в ГПУ для допроса. Делу будет дан судебный ход.

Так кончился пир их бедою. А мы получили удовольствие узнать подлинные мысли четырех "попутчиков", ибо что у трезвого "попутчика" на уме, то у пьяных Есениных и Орешиных на языке».

См. Приложение.

Редактор Госиздата РСФСР И.В.Евдокимов записывает в дневнике:

«Ходит окающий мужичок Сергей Клычков, шустрый и быстрый, помощник Воронского по "Красной нови". Но его, кажется, не будет скоро. Третьего дня он, Есенин, Орешин, Ганин (кажется, из Вологды) напились в портерной и выкинули штуку: поссорились с каким-то евреем, назвали его жидом, потом перешли к другим эпитетам – жидовская власть, жиды захватили всё и т. д. В конце концов разыгрался скандал, отправили их в ГПУ. Из милиции Есенин, как знаменитость, позвонил в Кремль Демьяну Бедному и сказал, что один жид трех русских свел в участок. Скандал еще больше обострился. Хулиганская выходка вызвала возмущение среди коммунистов, дело хотели, однако, кончить, но Сосновский сегодня в "Рабочей Москве" <точнее, в "Рабочей газете">успел распубликовать весь этот инцидент. "Правда" и "Известия" объявили литературный бойкот. Конечно, этот бойкот распространится на них отовсюду. Вместо стихов будут торговать папиросами. Воронского было жалко сегодня: он прямо и открыто говорил Клычкову: "Хороши". И негодующе заявлял ему: "Вы и меня не постеснялись затянуть <?>. В два часа ночи звонили ко мне и просили освобождать из участка". В общем, ему было сказано, что оставаться в "Красной нови" ему будет нельзя. Клычков сегодня страшно страдал, лицо его менялось через каждые десять минут».

РГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 130, л. 106–106 об.

Запись ярко характеризует циркулирующие в Москве слухи и общественное мнение, созданное вокруг четырех поэтов.

См. также дневниковую запись секретаря журнала «Печать и революция» Я.З.Черняка (5 янв. 1924): Черняк Я. Московские впечатления. 1921–1924 / Вступление, публ., подгот. текста и коммент. М.Фейнберг. — Журн. «Арион», М., 1994, № 1, с. 65–66.

Ноябрь, 22 или **23.** Есенин пишет письмо Л.Д.Троцкому (не отправлено):

«Мне очень больно за всю историю, которую подняли из мелкого литературного <зачеркнуто; *нрзб.*> карьеризма т. Сосновский и Демьян Бедный.

Никаких оправданий у меня нет самого. Лично я знаю, что этим только хотят подвести [попутчи<ков>] других "попутчиков". <...>

Существо мое возмущено до глубины той клеветой, которую воздвигли на моих товарищей и на меня [С Демьяном мы так не разговаривали]. <...> Никаких антисемитских речей я и мои товарищи не вели.

Всё было иначе. <...> Не знаю, кому нужно было и зачем было делать из этого скандал общественного характера».

Шубникова-Гусева-2008, 235–236.

Дата события определяется по содержанию письма, из которого следует, что оно написано непосредственно после публикации статьи в «Рабочей газете» 22 нояб. 1923.

«Письмо Есенина Л.Д.Троцкому показывает, как был возмущен поэт той обстановкой, которую создали журналисты вокруг него и его товарищей. Главным было не личное оскорбление, а то, что бытовой инцидент получил политический характер и в лице четырех русских поэтов оскорбляли всех литераторов-попутчиков» (Шубникова-Гусева Н.И. «Душа моя возмущена до глубины...». — «Лит. газета», 2008, 30 янв. – 5 февр., № 3–4, с. 15).

22 или 23 (?) нояб. 1923 П.Орешин и С.Клычков пишут заявления, адресованные в «Правду» (не будут там опубликованы), отвергая обвинения Л.Сосновского в свой адрес.

П.Орешин: «Ввиду появления в "Рабочей Москве" и "Рабочей газете" статей, обвиняющих меня в антисемитизме, считаю нравственной своей обязанностью заявить всему белому свету, что никогда я антисемитом не был и быть не могу».

Куняев Ст., Куняев С. Сергей Есенин. М.: Мол. гвардия, 1995, с. 358.

С.Клычков: «Прошу присоединить мое заявление к письму П.Орешина. Считаю оправдываться унизительным, ибо труднее всего доказывать свою невиновность тогда, когда тебя овиняют в очень многом, а когда ты если и виновен, так в сущих пустяках».

РЛ, 1976, № 1, с. 248–249, в статье В.В.Базанова «Свидетельство очевидца и память истории: (Есенин в мемуарах последних лет)», с неточностями, выправленными по автографу: РГАЛИ, ф. 2222, оп. 1, ед. хр. 63, л. 4.

Индивидуальное заявление Есенина подобного рода неизвестно. Как отклик на происшедшие события можно рассматривать его незаконченную статью «Россияне» (см.: после 24 нояб. ... дек. 1923).

См. Приложение.

Ноябрь, 23 ... 29. Есенин, П.Орешин, С.Клычков, А.Ганин обращаются в редакцию газеты «Правда» с открытым письмом.

Текст см.: 30 нояб. 1923.

Границы события устанавливаются с учетом дат публикации письма и упомянутых в нем статей.

Ноябрь, 24. Выходит журнал «На посту» (№ 4; за ноябрь):

— со статьей Г.Лелевича «Партийная политика в искусстве», в разделе которой «О сделанных ошибках» упоминается Есенин:

«...вопрос о пропорциях внутри внимания партии к литературным вопросам вполне современен. Пильняки, Ахматовы, Есенины, Всеволоды Ивановы и т. д. неоднократно популяризировались со страниц "Правды" (не говоря уж об акафистах в "Красной нови" и т. д.), а что, кроме щелчков и "ударов оглоблей", встречала на страницах "Правды" пролетарская литература?»;

— со статьей Б.Волина «Большевики — заезжатели», содержание которой отразится в статье Есенина «Россияне».

Поэт процитирует слова Б.Волина о том, что пролетарских поэтов «заехали».

Из статьи:

«...Термин „заезжатели" не нов в нашей публицистической литературе, <...> он уже имеет по крайней мере двадцатилетнюю давность <...>, меньшевики нас — большеви-

ков — честили заезжателями за резкость нашей полемики, за ортодоксальность нашего мировоззрения...».

Что касается пролетарских поэтов, то, как справедливо заметили комментаторы статьи Есенина «Россияне» С.П.Кошечкин и Н.Г.Юсов, их «заехали» уже в 1-м, июньском, номере «На посту»: «Кириллов поплакивает, Герасимов и Санников оплакивают революцию. Кириллову кажется: революция на ущербе. А Санников и Герасимов вопят: "Каюк. Предали. И мертвецов революции и алые знамена за нэповскую чечевичную похлебку продали. Конец". А мы не помиримся, утверждают поэты — "революционнейшие из революционных". Мы будем призывать к новой революции, к новому "Октябрю". А все-то дело только в том, что не революция, а творчество этих поэтов, получивших звание "пролетарских", — на ущербе в действительности» (Ингулов С. На ущербе. — Журн. «На посту», 1923, № 1, июнь, стб. 67–68).

В № 4 журнала «На посту» критика «антиреволюционного брюзжания Кириллова, Обрадовича, Санникова» как «густого налета обывательщины» дана также в статье Л.Авербаха «По эту сторону литературных траншей»). За отрыв от революционной действительности, за «устремления в заоблачные миры» М.Герасимов, В.Кириллов и другие пролетарские поэты подверглись также резкой критике в статьях С. Ингулова «О живом человеке» и Н. Изгоева «Не тем засеяли» (журн. «На посту», М., 1923, № 4, нояб.).

Есенин, V, 544–546.

Дата выхода журнала сообщена в газ. «Правда» (1923, 25 нояб., № 268).

См. также след. запись.

Ноябрь, после 24 ... Декабрь. Есенин начинает статью «Россияне» (не завершена).

Рамки события устанавливаются по времени выхода статей, с которыми полемизирует Есенин; последняя из них опубликована в журн. «На посту», № 4 (см. предыд. запись). Главным толчком к работе над «Россиянами» стала статья Л.Сосновского «Испорченный праздник» (см.: 22 нояб. 1923, первая запись).

Есенин пишет:

«Не было омерзительнее и паскуднее времени в литературной жизни, чем время, в которое мы живем.

Тяжелое за эти годы состояние государства в международной схватке за свою независимость случайными обстоятельствами выдвинуло на арену литературы революционных фельдфебелей, которые имеют заслуги перед пролетариатом, но ничуть не перед искусством.

Выработав себе точку зрения общего фронта, где всякий туман может казаться для близоруких глаз за опасное войско, эти типы развили и укрепили в литературе пришибеевские нравы.

— Рр-а-сходись, — мол, — так твою так-то! Где это написано, чтоб собирались по вечерам и песни пели?!

Некоторые типы, находясь в такой блаженной одури и упоенные тем, что на скотном дворе и хавронья сходит за царицу, дошли до того, что и впрямь стали отстаивать точку зрения скотного двора.

Сие относится к тому типу, который часто подписывается фамилией Сосновский.

Маленький картофельный журналистик, пользуясь поблажками милостивых вождей пролетариата и имеющий столь же близкое отношение к литературе, как звезда небесная к подошве его сапога, трубит почти около семи лет всё об одном и том же, что русская современная литература контрреволюционна и что личности попутчиков подлежат весьма большому сомнению. Частенько ему, как Видоку Фиглярину, удается на-

толкнуться на тот или иной факт, компрометирующий некоторые личности, но где же он нашел хоть один факт, компрометирующий так называемых попутчиков? Всё, что он вскрывает, он вскрывает о тех писателях, которые не имеют ничего общего с попутчиками.

В чем же, собственно, дело? А дело, видимо, в том, что, признанный на скотном дворе талантливым журналистом, он этого признания никак не может добиться в писательской и поэтической среде, где на него смотрят хуже, чем на Пришибеева. Уже давно стало явным фактом, как бы ни хвалил и ни рекомендовал Троцкий разных Безымянских, что пролетарскому искусству грош цена, за исключением Герасимова, Александровского, Кириллова и некоторых других, но и этих, кажется, "заехали", — как выражается Борис Волин, еще более кретинистый, чем Сосновский. Бездарнейшая группа мелких интриганов и репортерских карьеристов выдвинула журнал, который называется "На посту"...».

Есенин, V, 240–241, 317, 539–547.

Сохранился черновой автограф (РГАЛИ). На отдельном листе, обозначенном цифрой «2», записаны другие начальные строки статьи о так называемой «общественной определяемости» поэтов и писателей и все они тщательно зачеркнуты.

Статья направлена против тех пролетарских писателей, которые допускали в печати резкие нападки на участников других литературных группировок Советской России. Особенно грубой, бездоказательной критикой были отмечены выступления членов редакции и авторов журнала «На посту» — Б.Волина, Г.Лелевича, С.Родова, Ил. Вардина, Л.Сосновского и других. Журнал, начиная с первого номера (июнь 1923 г.), обрушился на попутчиков как писателей, чуждых «идеологии и психике рабочего класса».

Статья Есенина обрывается на полуфразе. Можно предположить, справедливо считают С.П.Кошечкин и Н.Г.Юсов, что дальнейшей работе над ней помешали события, связанные с инцидентом 20 нояб. 1923 и последовавшим за ним «делом четырех поэтов». Внимание Есенина не могла не привлечь и заметка М.Кольцова «Не надо богемы», опубликованная на первой странице «Правды» от 30 дек. 1923 (№ 296), где национальное литературное объединение «Россияне», по сути, называлось фашистским.

Есенин именует Л.Сосновского «маленький картофельный журналистик», имея в виду его газетные заметки по вопросам сельского хозяйства, в частности, о получении «с избытком картошки» и о строительстве «картофелетерочного завода» (газ. «Правда», 1923, 7 нояб., № 253).

Упрек Есенина о критике Л.Сосновским писателей, «которые не имеют ничего общего с попутчиками», относится, скорее всего, к его статьям: «Желтая кофта из советского ситца» (газ. «Правда», 1923, 24 мая, № 113 — направлена против «лефовцев» — В.Каменского, А.Крученых, Г.Винокура); «Кто и чему обучает нашу молодежь?» (газ. «Правда», 1923, 1 июня, № 119 — критика книги В.Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература» (М., 1923) и содержащихся в ней характеристик творчества М.Волошина, К.Бальмонта, Андрея Белого...).

Подробнее см.: Есенин, V, 540–547.

См. также: 30 нояб. 1923.

Ноябрь, до 25. Издательство «Красная новь» выпускает книгу Л.Д.Троцкого «Литература и революция» со статьей «Литературные попутчики революции», где речь идет о Есенине.

Граница события — по информации газ. «Правда» (1923, 25 нояб., № 268).

О первой публикации статьи (под названием «Внеоктябрьская литература») см.: 5 окт. 1922, вторая запись. См. также: 10 окт. 1922, вторая запись.

В очерке «Железный Миргород» Есенин полемизирует с газетным вариантом этой статьи Л.Д.Троцкого (см.: 14 авг. 1923, первая запись).

См. также: 6 дек. 1923, вторая запись; 19 марта 1924; 1 апр. 1924; апр. 1924, вторая запись.

Ноябрь, 25. Откликаясь на сообщение В.Каверина о новой поэме Н.Тихонова, М.Горький отвечает ему из Берлина:

«Тихонов для меня уже и теперь выше Есениных всех сортов».

ЛН, М., 1962, т. 70: М.Горький и советские писатели: Неизданная переписка, с. 177.

Ноябрь, 26. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 2865; рубрика «День за днем») публикует материал А.Ветлугина «Пушкин о дневнике Байрона; ослы подняли копыто; Есенин-человек и Есенин-поэт; священная болезнь; опасные друзья Есенина»:

«Весь этот год, когда ослы всего мира подымали копыто, чтобы ударить по больному человеку Есенину, я молчал. Молчал по многим причинам. Мне трудно быть беспристрастным, говоря о Есенине. Но главным образом я молчал потому, что поэт Есенин в оправданиях и в защите не нуждается.

Это дело его будущих биографов.

От современников автор "Пугачева" вправе требовать оставить в покое его личную жизнь. Любите или не любите его стихи, но не будьте же стопроцентными хамами. Щадите больного человека.

* * *

В конце прошлой недели газеты сообщали о новой неприятности, постигшей человека Есенина.

И с утра ко мне зазвонили по телефону, зазвонили дураки, клеветники и просто сплетники.

"Ну что же вы теперь скажете... По-прежнему будете отстаивать вашего друга Есенина? По-прежнему будете восхищаться им?"...

Я ничего не отвечал и вешал трубку...

Я слишком хорошо помню слова Тютчева —

Пойми, коль может
Орга́на глас глухонемой,
Увы! Его не потревожит
И голос матери самой.

Голос Есенинского орга́на чужд клеветникам. Ибо они — глухонемые в отношении к высокому.

Отзвук Есенинских скандалов близок этим "мерзавцам" (по слову Пушкина).

Ибо они дальнозоркие и остроухие по отношению к грязи. <...>

* * *

Говорить об антисемитизме Есенина может только тот, кто не имеет о нем никакого понятия, кто днем подлизывается к евреям, а ночью мечтает о Кирилле Владимировиче.

Всё это, впрочем, грязь не пристающая.

Людям, ничего в жизни не создающим, никогда не понять, что к русской гордости поэту Есенину не пристанет грязь гаденьких статеек и интервью».

Ноябрь, 27. Журнал «Жизнь искусства» (№ 47) публикует материалы с упоминанием Есенина:

— в рубрике «Хроника» (раздел «В студиях») неподписанную информацию:

«В Центр<альной> студии Губполитпросвета в настоящее время готовится: "Пугачев" Есенина (постановка В.В.Шимановского)».

См. также: 12 сент. 1923; 14–17 окт. 1923, пятая запись; 16 окт. 1923, первая запись; 18 дек. 1923, вторая запись; 29 янв. 1924; 15 (?) или 16 (?) июня 1924;

— в рубрике «За границей» (раздел «Франция») — анонимный материал «Вечер композиций Мельмейстера»:

«На выставке Барбазанж в Париже 18-го ноября был устроен музыкально-вокальный вечер, посвященный произведениям Мельмейстера. Тенор А.Кубицкий исполнил под аккомпанемент автора ряд романсов на слова Маяковского, Есенина, Блока и Кузмина».

См. также: 18 нояб. 1923, третья запись.

Ноябрь, 28. Варшавская газета «За свободу!» (№ 274) помещает неподписанный материал «Арцыбашев и Горький», в котором говорится о Есенине:

«А через несколько лет, когда в Америку прибыл второй гениальный русский писатель, Есенин, со своей супругой Айседорой Дункан, Америка встретила их так же недружелюбно, как и гениального Горького, который, плюнув в лицо прекрасной Франции и обругав Америку "желтым дьяволом", с чисто патологической манией кричал: "всех зову на смертный бой!"»

Ноябрь, 29. Газета «Курская правда» (№ 271) в объявлении о подписке на журнал «Красная новь» на 1924 год называет Есенина в числе авторов журнала.

Газета «Советский юг» (Ростов-на-Дону; № 268) в информации о подписке на журнал «Огонек» на 1924 год отмечает, что в 1923 году в этом издании напечатаны стихотворения Есенина.

В газете «Рабочий край» (Иваново-Вознесенск, № 267) печатается объявление о подписке на журнал «Красная нива» на 1924 год, в котором Есенин упомянут в качестве автора издания в 1923 году.

Идентичное объявление появится в этой газете и 12 дек. 1923 (№ 278).

Выходит журнал «Красный перец» (№ 15), где в рубрике «Почтовая перечница» значится:

«*Поэтам С.Есенину, П.Орешину и др.* Не по адресу вы, братцы, звонили. Вам бы к покойному Пуришкевичу позвонить».

Речь идет о звонке Есенина Демьяну Бедному (см.: 22 нояб. 1923, первая запись).

Дата выхода номера журнала — по газ. «Рабочая Москва» (1923, 29 нояб., № 268).

А.Соболь пишет из Москвы Н.Н.Никитину о «деле четырех поэтов»:

«Шум насчет истории с Есениным и пр. волнение умов. Кажется, ущемляют их здорово. А по-моему, напрасно. Они вроде стрелочников. Инженеры воровали, а стрелочник виноват. Они под хмельком сказали то, о чем трезво думают 75% нашей братии. К чему же весь гомон!»

Цит. по: Фрезинский Б. Судьбы серапионов: (Портреты и сюжеты). СПб.: Академич. проект, 2003, с. 228.

На товарищеском суде по «делу четырех поэтов» А.Соболь выступит в защиту обвиняемых (см.: 10 дек. 1923, вторая запись).

Ноябрь, 30. Газета «Правда» (№ 272) публикует:

— «Открытое письмо» Есенина, П.Орешина, С.Клычкова и А.Ганина:

«Ввиду появившихся статей в "Рабочей газете" и в "Рабочей Москве" мы просим напечатать следующее наше заявление:

Всякие возражения и оправдания, впредь до разбора дела третейским судом, считаем бесполезными и преждевременными.

Дело передано в Центральное бюро секции работников печати».

См.: 23 ... 29 нояб. 1923; 10 дек. 1923, вторая запись.

См. также: Есенин, VII (2), 244;

— письмо секретаря Центрального бюро секции работников печати С.Ингулова «К инциденту с поэтами С.Есениным и др.»:

«В ЦБ секции работников печати поступило заявление поэтов П.Орешина, С.Клычкова, С.Есенина и А.Ганина о рассмотрении инцидента, о коем сообщалось в статье т. Сосновского в "Рабочей газете" и затем в "Рабочей Москве". ЦБ постановило поручить рассмотрение дела товарищескому суду в составе т.т. К.Новицкого, П.Керженцева, В.Плетнева, А.Аросева и Ив. Касаткина. Председателем назначен тов. К.Новицкий».

См. также: Есенин, VII (2), 244, 423–436.

Ноябрь, конец. Есенин поручает заведующему книжным и издательским отделом ГУМа В.И.Вольпину и Г.Светлому (Г.И. Павлюченко) вести переговоры об издании в издательстве ГУМа (Государственного универсального магазина) сборника стихов «Москва кабацкая».

Событие и его время определяются с учетом содержания письма Г.Светлого Есенину (см.: 2 дек. 1923, первая запись).

См. также: нояб.–дек. 1923, первая запись; 19 дек. 1923, первая запись; 28 дек. 1923; конец дек. 1923 – янв.–февр. 1924; 1 янв. 1924, вторая запись; 12 янв. 1924; 19 янв. 1924, четвертая запись; февр.–март 1924; после 14 апр. – до 6 мая 1924, третья запись; до 19 июля 1924.

Ноябрь, конец ... Декабрь, начало. В кафе «Стойло Пегаса» Есенин ведет разговор с друзьями о десятилетии своей творческой деятельности и делает набросок обращения:

«Юбилей Есенина / 10-го декабря исполняется / 10 лет поэтической / деятельности Сергея / Есенина [Союз] Всероссийский /союз поэтов, группа / имажинистов и [группа Росс] / группа писателей / и поэтов из крестьян / ходатайствуют / перед Совнаркомом / о почтении деятельнос...».

Есенин, VII (2), 215, 340–341.

См. Приложение.

См. также: журн. «Журналист», М., 1999, № 5/6, с. 49, факсимиле автографа как иллюстрация к статье Н.В.Есениной «Об одной записке С.Есенина»; В семье родной, 84–87.

Время события определяется по воспоминаниям Г.А.Бениславской, которая приводит текст записки и дает пояснение:

«Это было в декабре (может, в конце ноября) 1923 г. С. А. в "Стойле" рассказывал друзьям: 10 декабря десять лет его поэтической деятельности. Десять лет тому назад он первый раз увидел напечатанными свои вещи. Сам даже проект записки в Совнарком составил.

Придя домой, рассказал, что Союз поэтов и пр<очие> собираются организовать празднование юбилея. Мы (я, А.Назарова и Яна <Козловская>) отнеслись очень сдержанно к этой идее — мне было ясно, что у нас, как, впрочем, и на всей планете, венча-

ют лаврами только "маститых", когда из человека уже сыплется песок. С. А. стал с раздражением доказывать свое право на чествование: "А, да. Когда умрешь, тогда — памятники, тогда — чествование. Тогда — слава. А сейчас я имею право или нет... Не хочу после смерти, на что тогда мне это. Дайте мне сейчас, при жизни. Не памятник, нет. Пусть Совнарком десять тысяч мне даст. Должен же я получить за стихи".

Наше молчаливое отношение его очень сердило. Пару дней поговорил. Потом никогда не вспоминал о своем юбилее».

Материалы, 30–31.

Если Есенин здесь точен, то получается, что его первая публикация состоялась 28 нояб. 1913 г. по старому стилю. Сведения о появлении в этот день (впрочем, как и в другие дни нояб. — дек. 1913) стихотворения поэта в каком-либо печатном издании не обнаружены.

Ноябрь. Журнал «Музыкальная жизнь» (№ 2; за ноябрь) в неподписанной информации сообщает:

«Торговый сектор Госиздата. Во всех складах и магазинах <...> Есенин С. Избранные стихи, ц. 40 к.».

Имеется в виду книга Есенина «Избранное» (1922).

Аналогичная информация печатается в журн. «Музыкальная жизнь» за декабрь (№ 3).

Ноябрь – Декабрь. Есенин готовит для издательства ГУМа сборник своих стихов «Москва кабацкая».

См. о нем упоминание Есенина в письме В.И.Вольпину (19 дек. 1923) и письмо В.И.Вольпина Есенину (28 дек. 1923). Это вторая попытка издать «Москву кабацкую». О других попытках см. ниже.

«Цикл "Москва кабацкая" начал складываться Есениным еще в период его зарубежной поездки. Впервые этот заголовок появился в Ст. ск. <...> В этом издании в цикл были включены: "Да! Теперь решено. Без возврата...", "Снова пьют здесь, дерутся и плачут...", "Сыпь, гармоника! Скука... Скука...", "Пой же, пой. На проклятой гитаре...". Весь цикл был посвящен А.Б.Кусикову» (А.А.Козловский – Есенин, I, 588–589; о выходе книги см.: до 10 июня 1923).

Затем, в апреле-июне 1923 г., в период пребывания во Франции, Есенин задумывает издание цикла отдельной книгой. Первая попытка издать «Москву кабацкую» в Париже (см.: после 30 (?) апр. – июль 1923, вторая запись) не удалась.

По возвращении на родину Есенин предпринял три попытки издания книги (см.: конец дек. 1923 – янв.–февр. 1924; февр. – март 1924; до 19 июля 1924).

«В РГАЛИ (ф. 190, оп. 1, ед. хр. 27) в составе архивного комплекса, собранного из трех предполагавшихся изданий "Москвы кабацкой", сохранились: титульный лист (беловой автограф. л. 2); посвящение (л. 4): "Посвящаю с глубоким уважением Георгию Феофановичу Устинову"; оглавление (л. 6); тексты стихотворений (лл. 7–12); информация о готовящихся к печати изданиях <л. 13; ее текст см.: окт. (?) – дек. (?) 1923, вторая запись>.

Содержание (предположительно): "Я обманывать себя не стану..."; "Да! Теперь решено. Без возврата..."; "Сыпь, гармоника! Скука... Скука..."; "Пой же, пой. На проклятой гитаре..."; "Эта улица мне знакома..."; "Мне осталась одна забава..." (автографы, лл. 7–12). В оглавлении указано также стихотворение "Снова пьют здесь, дерутся и плачут...", но его текст в материалах отсутствует».

Есенин, VII (3), 94–95 (Н.Г.Юсов при участии С.И.Субботина).

См. также: конец нояб. 1923; 2 дек. 1923, первая запись; 19 дек. 1923, первая запись; 28 дек. 1923; 1 янв. 1924, вторая запись; 12 янв. 1924; 19 янв. 1924, четвертая запись; после 14 апр. – до 6 мая 1924, третья запись.

См. еще: Хроника, 2, 265–267, 280–283; Есенин, VI, 579–581.

Есенин делает запись в альбоме Б.М.Зубакина:

«Тебе на память за всё / Неприятное, что говорят / О тебе и обо мне. / С любовью С. Есенин».

Есенин, VII (2), 118.

В ответ на эту запись Б.М.Зубакин пишет Есенину стихотворение.

Время предыд. и этого событий определяется в соответствии с упоминанием в письме Б.Зубакина к М.Горькому (вторая половина 1926 г.) о «травле Есенина» по «делу 4-х поэтов»:

«Подружились мы <с Есениным> крепко только в 1923 году. В "Кафе Пегаса" с большими витринами окон — просиживал он целые ночи, а я заходил туда, чтобы с ним быть. <...> В это время его очень травили. <...> В период травли и обид, чинимых ему, между прочими — и Демьяном Бедным, — я написал Есенину стихи — в ответ на его трогательную надпись. Есенин, снисходительный к стихам своих друзей, носил их при себе и дорожил ими. Без этого, конечно, не было бы смысла мне их Вам выписывать:

Сквозь ресторанное стекло
Прошел Ты, мальчик наш кудрявый, —
И всё, что днесь зовется славой, —
Кровавой лавой обожгло!
За то — записан был в тетрадь
Обычной "прописи" столичной —
Такой напев многоязычный, —
Какой и птицам не поднять!
Но — в "списках — набело" — потом
Москва Тебя перечеркнула —
Зане — вослед Тебе — плеснуло
Берез качнувшихся — крылом —
И звон моцартнейший свирели
Покрыл демьянистых — "Сальери".

<...> Стихов ему своих я почти не читал (как и всем поэтам). Нравилась ему очень моя "Камаринская"...».

Письма, 422–423, 424.

О предыстории, связанной с есенинской записью, Б.М.Зубакин сообщит М.Горькому:

«В конце 1922 года моего ректора <т. е. ректора Археологического института> проф. Успенского — арестовали в связи с его старой дружбой с патриархом Тихоном. Через месяц, как ближайшего друга ректора, — арестовали и меня. Вдобавок, — в архиве моего ректора нашли <...> мои старые бумаги <...>. В бумагах были сведения о том, что я несколько лет назад кончил закрытую мистическую — фил<ософскую> школу <...>. Месяца два выяснений, и меня, конечно, освободили. Московские же <...> теософствующие и антропософствующие бездельники <...> подняли бучу! "Как, Зубакин — ученик таинственного «женьшеньца» Кордига — по аресте — освобожден! О, значит, он кому-то продался (кому надо). <...>". И пошло! <...> объявили меня под шумок, за спиною — предателем, провокатором (?), "жидомасоном" (!) — и воплощением Сатаны. И это в XX веке!!! <...>

Есенин, увидав меня, — подбежал (тогда мне еще незнакомый) и с криком: "С таким лицом подлецов — не бывает" — обнял меня и стал целовать. В моем альбоме хранится до сих пор меланхолически-горькая, — мне надпись (копирую) <следует текст>.

...Милый, дорогой Есенин...».

НМ, 1992, № 7, июль, с. 111.

Декабрь, 1. Давний знакомый Есенина В.Е.Воскресенский пишет ему:

«Дорогой Сергей Александрович!

Посылаю тебе эту записочку с Василием Николаевичем Савицким (Волоколамским), нашим старым товарищем, с тем, чтобы, во-первых, сообщить тебе мой адрес (я у него) <...>, а во-вторых, сказать тебе, что оба мы очень желали бы тебя видеть. Если не уезжаешь, то мы оба будем в "Стойле" во вторник, часов в 5 вечера. Будь там».

ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 112.

О встрече см.: 4 дек. 1923, первая запись.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 2870) публикует информацию «Исидора Дункан расходится с Есениным»:

«Москва. Исидора Дункан заявила представителям печати, что она решила навсегда разойтись с поэтом Есениным. Она заявляет, что продолжает его любить, но не в состоянии выносить его скандалов. Она готова простить ему неверность, но она не может руководить своей школой танцев в Москве, так как Есенин часто является туда в нетрезвом виде и устраивает дебоши.

Школа Айседоры Дункан пользуется в Москве всеобщим вниманием. Ее ученицы выступают на сцене с большим успехом. Дункан заявила, что эта школа — цель всей ее жизни».

Декабрь, 2. Есенин получает письмо от Г.Светлого:

«Сережа! Я несколько раз заходил в "Стойло <Пегаса>", но не застал. Со сборником <"Москва кабацкая"> выгорело с некоторыми изменениями. Если особых событий сеодня не произошло, то дело верное. Хорошо <бы> завтра <тебе> зайти между 7–8 ко мне».

Письма, 231.

См. также: конец нояб. 1923; нояб.–дек. 1923, первая запись; 19 дек. 1923, первая запись; 28 дек. 1923; конец дек. 1923 – янв.–февр. 1924; 1 янв. 1924, вторая запись; 12 янв. 1924; 19 янв. 1924, четвертая запись; февр.–март 1924; после 14 апр. – до 6 мая 1924, третья запись; до 19 июля 1924.

Проходит закрытое собрание представителей правлений литературных организаций Москвы, которое принимает резолюцию по «делу четырех поэтов»:

«Принимая во внимание всю предшествующую литературно-общественную деятельность С.А.Есенина, С.А.Клычкова, П.В.Орешина и А.Ганина, высказанное ими в данном собрании полное осуждение всякому оскорблению национальностей, полное отрицание этими поэтами своей причастности к образу действий, допускающему оскорбления такого рода, и не располагая материалами для сомнения в правдивости данных заявлений, собрание в составе правлений: Всероссийского союза поэтов, В<сероссийского> с<оюза> писателей, Московского цеха поэтов, "Литературного Особняка", "Звена", "Твори", "Рабочей весны", поэтов-конструктивистов, неоклассиков, имажинистов, Общества любителей российской словесности, — считает необходимым воздержаться от окончательного суждения по этому вопросу до решения суда, профессионального или уголовного. Вместе с тем собрание признаёт, что опубликование в печати опорочивающих сведений, основанных на непроверенных данных, является весьма прискорбным фактом, применение же мер бойкота до выяснения степени и характера виновности представляет собой явление противуобщественное».

Письма, 129–130.

См.: 20 нояб. 1923, четвертая запись; 30 нояб. 1923.

Калужская газета «Коммуна» (№ 275; рубрика «Книжная полка») печатает рецензию Влад. Королева на сборник «Лава: Чтец-декламатор» (Сост. С.Обрадович; М., 1923), где в числе «народников» отмечен Есенин.

См.: до 15 марта ... до 1 апр. 1923, первая запись; 16 июня 1923, четвертая запись; окт. (?) 1923.

Газета «Саратовские известия» (№ 275) публикует статью З.Чагана «Литература наших дней» с упоминанием имени Есенина:

«Мы недавно читали в местных "Известиях" <«Саратовские известия», 28 нояб. 1923, № 271; перепечатка статьи Сосновского из «Рабочей газеты»>, как четыре вид-

ных поэта-"попутчики" (Есенин, Орешин и другие) из пивной попали в милицию. Дико, странно, позорно: попали в милицию за черносотенство.

И как не напрашивается здесь вопрос, чего же ждать от их "поэзии"? Верим, что уже идет рабочий писатель, художественный и правдивый, и дерзкий, как Горький, глубокий и яркий, как сама революция».

Декабрь, 2 и 11. Газета «Советский юг» (Ростов-на-Дону; № 271 и 278) в информации о подписке на журнал «Огонек» на 1924 год отмечает, что в 1923 году в этом издании напечатаны стихотворения Есенина.

Декабрь, 4. В.Е.Воскресенский и В.Н.Савицкий встречаются с Есениным в «Стойле Пегаса».

Событие и его дата (первый вторник декабря; см.: 1 дек. 1923, первая запись) устанавливаются по воспоминаниям В.Е.Воскресенского (1926):

«Тягостна и неудачна была моя последняя встреча с Сережей. Это было уже поздней осенью <точнее, в начале декабря> 1923 года. Мне несколько трудно объективно отнестись к этой последней встрече. Трудно уже потому, что и сам я в то время был больной, достаточно помятый жизнью человек, да и обстоятельства, при которых мы увиделись с Сережей, были несколько исключительные обстоятельства. Удалось мне увидеть его, после розысков через Мариенгофа, в позлащенном кабаке, — я бы сказал, — по-официальному — в кафе известной части литературной богемы Москвы — в "Стойле Пегаса", на Тверской. Увы! Я нашел далеко не прежнего Сережу Есенина. Всё: и годы мировой войны, и годы разрухи, а главное, начало НЭПа, — наложило на него печать свою. Я намеренно не буду касаться здесь тех влияний, которые сказались на нем в связи с октябрьской революцией. По-моему, совершенно незачем приобщать к лику общественно-пролетарских поэтов совсем не общественника и крайне мало, по существу, интересовавшегося общественной жизнью, политикой и общественными течениями, такого глубокого индивидуалиста, каким был Есенин. <...> Он был в этих чувствах так же свободен и самобытен, как был свободен и самобытен его талант. Всё это вполне ясно и определенно стало для меня из первой же нашей за эту встречу дружеской и продолжительной беседы. Но, к несчастию, выяснилось и другое: когда передо мной, как в калейдоскопе, прошла вся жизнь Сережи, я ясно почувствовал, что она с ним сделала.

<...> В жизни Есенина я увидел всё: и поиски любви, настоящей, хорошей любви, кончавшиеся кратковременными связями, только надрывавшими его; и горячие увлечения, кончавшиеся разочарованиями; и поиски друзей, обнаруживавшие в конце концов "товарищеские" интриги, зависть, сплетни, клевету; и бесплодные метания в тоске по определенном береге, на котором можно было бы укрепиться, и... попытки забыться в угаре тяжелых кутежей...

К этому приблизительно времени относятся, по-видимому, его стихотворения "хулиганского цикла" — результат той глубокой анархии, которая царила в его душе. Стихотворения эти, в общем, по-моему, не из лучших, но они очень характерны как показатель его душевного состояния. Всё же в них порою блещет огромный талант, возвышающийся до пушкинского вдохновения (хотя бы в характеристике старой Москвы: "Опочила дремотная Азия на золотых твоих куполах...").

Это же время отмечено и крайне неприятной историей, случившейся с ним и с группой его товарищей, историей, вынесенной потом на публичное обсуждение и, несомненно, оставившей в его душе тяжелый осадок. Мне, к несчастью, пришлось встре-

титься с Сережей именно в разгар этой глупой и ничтожной, по существу дела, историей. Он, видимо, был и взволнован, и огорчен этой неприятностью, хотя бравировал и старался не показать, что она его трогает.

Разумеется, этой истории не следовало раздувать. Только болезненная чувствительность и ригористичность некоторых лиц дала ей тот ход, который она приняла. И, конечно, лучше было бы, если бы один из теперешних крупных поэтов <Демьян Бедный>, к которому Есенин, по его словам, обращался, своевременно прекратил ее, если он действительно имел возможность это сделать.

Эта последняя встреча с Сережей оставила во мне очень тяжелые чувства. Я видел человека надорванного, больного и, самое важное, уже без следа того могучего запаса сил, которыми он был снабжен от природы. Я видел человека, уже тогда, по-моему, лишенного воли к жизни. <...>».

Воскресенский Вл. Из воспоминаний о поэте С.А.Есенине (РГБ, ф. 144, карт. 9, ед. хр. 23).

См.: 20 нояб. 1923, четвертая запись; 30 нояб. 1923.

Журнал «Жизнь искусства» (№ 48) публикует материалы с упоминанием Есенина:

— рекламное объявление:

«Кино-Газета. Еженедельное иллюстрированное издание.

Статьи по всем вопросам кинематографии. Фотографии и либретто всех новинок кино. Программы кинотеатров. Русская кинохроника. Кино за границей. Фельетон.

Участвуют: <...> Гусман Б., Доброхотов В., Есенин С., Ерофеев В. <...>.

В СССР и за границей свои корреспонденты».

Сведений об участии Есенина в этом издании не обнаружено.

См. Приложение;

— статью Л.Сосновского «Испорченный праздник».

О ее первой публикации см.: 22 нояб. 1923, первая запись;

— в рубрике «Стрелки и шпильки» — эпиграмму В.Лебедева «С.Есенину»:

Во хмелю-то — откровенен:
Юдофобство — слаще сот!
Эх, достиг, достиг Есенин
Пуришкевича высот!..

Киевская газета «Пролетарская правда» (№ 277) в информации о подписке на журнал «Красная нива» на 1924 год называет Есенина в числе авторов журнала в 1923 году.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3964) печатает статью Р.Розена «Еще раз о выставке художника Б.Григорьева» со словами:

«Странное впечатление производит портрет Есенина своей надуманностью и неискренностью. То же — в портрете Шаляпина».

См.: после 30 (?) апр. – июль 1923, третья и четвертая записи; 18 нояб. – 15 дек. 1923.

См. также: журн. «Наше наследие», М., 2008, № 87/88, с. 106–107.

Декабрь, 5 и 8. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 278, 281) в рекламном объявлении о подписке на журнал «Красная нива» на 1924 год называет Есенина в числе авторов журнала.

См. также: 4, 7, 10, 11, 15, 17, 18, 23 и 25 нояб. 1923.

Декабрь, до 6. В Иваново-Вознесенске выходит книга П.С.Когана «Литература этих лет, 1917–1923 гг.» (1923), где большое внимание уделяется творчеству Есенина.

Граница события определяется по информации о выходе книги (газ. «Рабочий край», Иваново-Вознесенск, 1923, 6 дек., № 273).

Бóльшая часть 8-ой главы «Об Есенине, о деревне и городе» повторяет текст, опубликованный П.С.Коганом ранее (см.: до 17 июня 1922).

Фрагмент начала главы:

«Сергей Есенин обычно причисляет себя к имажинистам. Может быть, так оно и есть. Может быть, действительно, и он, и они больше всего интересуются образами и очень мало интересуются смыслом.

Разница между ними в том, что другим имажинистам это удается, Есенину — не удается. Шершеневич и Мариенгоф легко достигают цели: в их произведениях нет особенного смысла. В поэзии Есенина много глубокого смысла».

Во 2-ой главе, посвященной творчеству Демьяна Бедного, — «Об истинном консерватизме, об одном воззвании и о Демьяне Бедном» — заходит речь о Есенине:

«По умению пользоваться народным языком с ним <Демьяном Бедным> могут потягаться из современных поэтов разве Есенин и Радимов».

В начале 4-ой главы, посвященной И.Эренбургу, имя Есенина упоминается в следующем контексте:

«Чистой литературы у нас нет, <…> потому что чистая революционная литература — это широкая плавная река, при всех бурях неизменная в течении своем, ибо все, что может замутнить ее, от грозовых вихрей до брошенного камушка, — все это мелочи, которые не в состоянии остановить её беспрерывного течения к цели — к “ее мокрому лону”.

<…> Велика сложность и трудность пути. Интеллигентская мысль не сможет сразу вырваться из оков мечты о какой-то неопределенной свободе, слетающей на землю без крови и горя, без активного участия человека. Она не может легко освободиться ни от одной из старых привычек. Всё, — от утех формализма до власти земли и деревни, все предреволюционные соблазны тяготеют над литературой, уже обвеянной освежающим дыханием революции. Не страшно, что бомбист Маяковский ищет забвения в филологии, а “хулиган” Есенин в размышлениях о Миколе и других святых. Сотрясаются все силы старого мира. И перед последней битвой они организуют фашистские легионы не только в капиталистических казармах, но и в душе человеческой…».

См.: 5 янв. 1924, первая запись; до 20 апр. 1924, вторая запись.

Декабрь, 6. Петроградское издательство «Прибой» выпускает книгу В.Князева «Ржаные апостолы (Клюев и клюевщина)» (на тит. л. — 1924), где идет речь о Есенине.

Инвентаризационный каталог, 622, с опечаткой в годе выпуска («1924»), которая исправляется с учетом даты публикации рецензии на книгу (журн. «Книгоноша», 1923, № 30, с. 11).

Автор пишет:

«… в этой же книге намеревались мы коснуться также <наряду с Н.Клюевым> и Есенина с Орешиным; как это говорится, — “одним махом сто побивахом”…

Но пристальное, кропотливое, тщательное изучение сборников этих двух изумительно-своеобразных поэтов заставило нас взглянуть на них иными глазами, нежели теми, каковыми глядели мы на них прежде.

Если говорить — по-настоящему говорить: добросовестно, в должную меру, — только об одном хотя бы Есенине — нужно поработать над ним с полгода и написать не менее, как две, три книги, размера настоящей.

По счастью, этого делать не придется (по крайней мере, сейчас).

В то время как Клюев был пахарем — до своего поэтического рождения и интересен, главным образом, как сектант-идеолог (и уж потом как поэт), Есенин — не успел сделаться пахарем, Есенин — не идеолог, не сектант (хотя родился в старообрядческой семье, подле монастыря); Есенин — громадный, до сих пор неустанно-растущий поэт. Поэт. Только поэт.

"Маковые побаски", это — его колыбель; "Русь", это — его первые шаги; "Голубень" (отдел в "Голубени", книге) — первый лепет (среди мамок — Клюев); "Под отчим кровом" — игры вне дома, на улице; "Златой посев" — первые школьные в Питере годы (учителя — Разумник и прочие)...

Мы бегло, конспектно, отметили здесь только первые две его книги — "Радуницу" и "Голубень".

В дальнейшем *несомненный орленок поэзии* с легкостью, воистину титанической, дробит-разламывает скорлупу мистического яйца, выходит на солнце, попирает осколки тюрьмы и одним махом взлетает на имажинистские туманно-заоблачные скалы.

— Чтобы навсегда остаться там?

Ничего подобного. Чтобы — развить, укрепить, увеличить в пробных полетах свои молодые, могутные крылья.

"Имажинизм" (по крайней мере для Есенина) не "мертвый якорь и вечная пристань", а — лаборатория, док, ангар, гараж, университет, академия... тайная мастерская Дедала (в данном случае — молодого Икара).

Таков Есенин в беглой его обрисовке. Несомненно, и о нем можно написать книгу, и книгу о нем напишет грядущее, когда он окончательно выявится: достигнет зенита. Все это так: несомненно. Но нам-то Есенин — по плану нашей работы: "тенета пахотной идеологии" — почти совсем не нужен. Нужен, как ученик Клюева, но... долго ли он был учеником Клюева? — две секунды.

Остается Орешин. <...>

Два года книга моя лежала под спудом. За это время Клюевым выпущено два сборничка: — "*Четвертый Рим*" и "*Мать Суббота*".

Что такое "Четвертый Рим"?

Это — литературный памфлет, полемический выпад против Есенина, променявшего фелонь, сандалии и митру лесного клюевского епископата на фрак, цилиндр и лаковые башмаки.

Как мы это уже знаем, в первом периоде поэтического своего бытия Есенин находился под сильнейшим влиянием Клюева; "сосновому перезвону" смиренного Миколая он ответствовал "белым перезвоном березок"; они обменивались "посланиями", Клюев кровно возлюбил "отрока вербного с голоском слаще девичьих бус", ибо видел в нем своего ученика и продолжателя.

Вот как приветствовал он в свое время появление есенинской, воистину прекрасной "Радуницы":

В твоих глазах дымок от хат,
Глубинный сон речного ила.
Рязанский, маковый закат —
Твои певучие чернила.
Изба — питательница слов,
Тебя взрастила не напрасно:
Для русских сел и городов
Ты будешь — Радуницей красной.

Есенин не остался в долгу: в своей "Голубени" он утверждает кровное свое родство с лесным епископом <цитируется "О Русь, взмахни крылами...">.

Но уже и тут, в утверждающих стихах пахотного евангелия, Есенин (прежде всего — *поэт*) спешит — отмежеваться от лесного епископа, показать, что первородная скорлупа мистического пленения, его, молодого орленка, начинает уже теснить:

А там, за взгорьем смолым, иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый, такой разбойный — я.
Долга, крута дорога, несчетны склоны гор,
Но даже с тайной бога веду я тайный спор.
Сшибаю камнем месяц, и на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь, из голенища нож.

После "Инонии" — сокрушения скорлупы — он все-таки, вспоминая о былых своих "наставниках", ласково роняет о Клюеве следующие строки:

Тогда в веселом шуме
Игривых дум и сил
Апостол нежный Клюев
Нас на руках носил.

В "Трерядице" Есенин рвет последние вяжущие их нити; а смиренный апостол Миколай сначала — рыдает скорбно:

Ёлушка-сестрица,
Верба-голубица,
Я пришел до вас:
Белый свет-Сережа,
С Китоврасом схожий,
Разлюбил мой сказ...

А потом — выступает на путь памфлетических полуанафемствований и полемических выпадов "Четвертого Рима"...»

См.: до 26 апр. 1924.
См. Приложение.

Харьковская газета «Коммунист» (№ 278; страница «Литература. Критика. Искусство»; рубрика «К нашим литературным спорам») печатает статью К.Грасиса «Троцкий и его оппоненты» с упоминанием Есенина в числе «попутчиков».

Это отклик на статьи Л.Д.Троцкого и его книгу «Литература и революция» (см.: до 25 нояб. 1923).
См. также: 19 марта 1924; 1 апр. 1924; апр. 1924, вторая запись.

Декабрь, 7. Берлинская газета «Накануне» (№ 499) печатает неподписанную информацию «К пятидесятилетию В.Я.Брюсова. Сообщения Юбилейного Комитета», где упомянут Есенин.

См.: 20 нояб. 1923, вторая запись; 13 дек. 1923, третья запись.

Декабрь, до 8. С.Т.Конёнков несколько раз посещает Есенина, с тем чтобы увидеться до своего отъезда за границу, но не застает его дома.

События и их время устанавливаются по письму С.Т.Конёнкова от 8 дек. 1923 (см. след. запись).

Декабрь, 8. С.Т.Конёнков пишет Есенину:

«Дорогой Сережа!

Сегодня в 7 ч. 20 м. уезжаем в Америку. Очень грустно мне уезжать, не простившись с тобой. Несколько раз я заходил и писал тебе, но ты почему-то совсем забыл меня.

Я по-прежнему люблю тебя и ценю как большого поэта.

Передай мой привет Сереже Клычкову и скажи, чтобы он на меня не сердился.

Твой С. Конёнков».

Письма, 231–232.

По свидетельству С.А. Толстой-Есениной, об отъезде Конёнкова Есенин узнал после 8 дек. 1923, разыскал его адрес и собирался писать ему. Записка с адресом сохранилась: «Нью-Йорк, 37 West 10 Street. С. Конёнков» (Письма, 232; Есенин, VII (2), 187).

Есенину пишет Е.И.Лившиц:

«Сергей Александрович!

Я шлю Вам низкий поклон. Хочется знать, как Вы живете. Если можете, позвоните завтра. Женя».

Письма, 232.

Декабрь, до 9. В берлинском издательстве «Мысль» выходит книга «Из новых поэтов: Сб. стихов» (составитель Борис Бродский) со стихотворениями Есенина «Всё живое особой метой...»; «Не жалею, не зову, не плачу...»; «Сторона ль ты моя, сторона...»; «Не каждый умеет петь...» (строки 1—21 из «Исповеди хулигана»).

Граница события определяется по рецензии на книгу (см.: 9 дек. 1923, третья запись).

Декабрь, 9. Газета «Трудовая Пенза» (№ 279) дает анонс «Вечер поэзии Сергея Есенина»:

«В воскресенье, 9 декабря, Пензенское отделение союза поэтов устраивает во Дворце Труда литературный вечер, посвященный творчеству имажиниста С.Есенина.

Программа вечера состоит из доклада о творчестве Есенина, демонстрации лучших образцов его творчества и обмена мнений».

Отклики на это событие не выявлены.

Смоленская газета «Рабочий путь» (№ 280; рубрика «Культура и искусство»; подпись: «П. Я.») помещает информацию «Литературно-творческий кружок унив<ерси>тета», в которой упоминается Есенин:

«...пара слов о кружке.

Объединяет он студентов всех факультетов. Ставит целью: 1) сплочение пишущей группы на основе самодеятельной творческой работы (студийная, внутренняя обработка произведений своих членов); 2) проработка новейшей литературы и вынесение достижений широким студенческим массам.

После одного-двух вечеров, посвященных символистам, кружок перейдет к крестьянской поэзии и т. д.

Идет подготовка к вечеру разбора “Пугачева” – Сергея Есенина».

Другая информация об этом мероприятии не выявлена.

Берлинская газета «Накануне» (№ 501) печатает две рецензии Р.Гуля, в которых упоминается Есенин:

— под псевдонимом «Эрг» — на № 6 журнала «Красная новь» (1923):

«Стихи 6-й книги неровны. Есть два — С.Есенина <«Я обманывать себя не стану...», «Эта улица мне знакома...»>. Одно интересное. Другое не особенно. От него ждем лучшего»;

— под псевдонимом «Г.» — на книгу «Из новых поэтов. Сборник стихов» (составитель Б.Бродский):

«Стихи новых русских поэтов подобраны им <составителем> тщательно <...> имажинисты (С.Есенин, А.Кусиков)».

См. также: до 9 дек. 1923.

Декабрь, 10. Газета «Вечерние известия» (№ 52) помещает неподписанную информацию «Дело 4-х поэтов»:

«Сегодня, в 8 час<ов> веч<ера> в "Доме печати" состоится заседание товарищеского суда по делу четырех поэтов Есенина, Орешина, Клычкова и Ганина. В качестве свидетелей вызываются: Демьян Бедный, Н.И.Смирнов, гр. Родкин, надзиратель 47-го отделения милиции Ардаров, практикант того же отделения Лапин и др.

На суде будут присутствовать представители литературных и просвет<ительских> профессиональных организаций, редакций газет и журналов, по особому приглашению».

См. также: газ. «Рабочая Москва», 1923, 9 дек., № 277.

Товарищеский суд рассматривает «дело четырех поэтов».

Есенин, VII (2), 429–430.

Комиссия по разбору дела заседает в составе: К.П.Новицкий (председатель), П.М.Керженцев, А.Я.Аросев, Н.К.Иванов-Грамен, В.И.Нарбут, В.Ф.Плетнев, И.М.Касаткин. Общественным обвинителем выступает автор фельетона «Испорченный праздник» Л.Сосновский. Защитник В.П.Полонский утверждает, что «подсудимых можно судить только за пьянство и дебош, а обвинение в антисемитизме должно быть снято».

Свидетели В.Львов-Рогачевский, А.Эфрос, А.Соболь отмечают отсутствие антисемитских выпадов со стороны обвиняемых, с которыми они часто встречались.

Попытки Л.С.Сосновского придать инциденту политический характер отвергнуты. «Дело четырех поэтов» становится достоянием писательской общественности, и разбор его писателями, а не представителями карательных органов дает возможность объективно оценить все обстоятельства произошедшего. Суд констатирует провокацию со стороны Родкина и Л.Сосновского и не подтверждает обвинения в антисемитизме, что вызывает недовольство авторов «Рабочей газеты» и «Рабочей Москвы», ответственным редактором которых являлся единомышленник Л.С.Сосновского Б.М.Волин.

Из отчета:

«Перед допросом ряда свидетелей слово было предоставлено обвинению и подсудимым для изложения фактического хода событий. Все четверо обвиняемых категорически отрицали наличие элемента антисемитизма в их поведении и приписываемые им разговоры о "жидовском засилии". Сергей Есенин, подтверждая, что он крикнул свидетелю Ро<д>кину: "жид", указывал, что этот выкрик был только ругательством, лишенным абсолютно политического содержания.

<...> Львов-Рогачевский отмечал, что в произведениях обвиняемых можно отметить не только отсутствие антисемитизма, но даже любовь к еврейскому народу. Писатель А.Эфрос указывал, что с поэтами Орешиным и Клычковым он встречается ежедневно в течение нескольких лет и не заметил с их стороны никаких антисемитских выпадов, хотя, как еврей, он был бы к ним особенно чуток. Такое же показание сделал писатель Андрей Соболь. Тов. Сахаров, в течение пяти лет живший вместе с Есениным, отмечает случаи пьянства и дебоширства с его стороны, но отвергает возможность проявления им антисемитизма. Поэт Герасимов в своей характеристике поэтов Орешина и Клычкова отметил, что с первых дней революции они работали в Пролеткульте, работали честно, причем ему в течение нескольких лет приходилось общаться с ними, и опять-таки он не наблюдал у них никаких антисемитских уклонов.

<...> С защитительной речью выступил т. В.П.Полонский, призывавший судить поэтов за хулиганство, за пьянство, за дебоширство, но отнюдь не за антисемитизм, которого он в их деяниях не усматривает.

В своем заключительном слове Есенин подтверждает, что он хулиганил, дебоширил и в Москве, и в Нью-Йорке, и в Париже, и в Берлине, но, по его мнению, он "скандалил хорошо". Он говорит, что через эти скандалы и пьянство он идет к "обретению в себе человека", но в то же время он категорически отвергает какое-либо обвинение в антисемитизме».

Газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», 1923, 12 дек., № 284.

См. также отчеты и информацию о суде в газ.: «Вечерняя Москва», 1923, 11 дек., № 5; «Рабочая Москва», 1923, 12 дек., № 279; «Рабочая газета», 1923, 12 дек., № 281; «Коммунист», Харьков, 1923, 13 дек., № 284; «Народная воля», Рига, 1923, 18 дек., № 63; «Дни», Берлин, 1923, 19 дек., № 340; «Новое время», Белград, 1923, 25 дек., № 801; 1924, 4 янв., № 810; «Русский голос», Нью-Йорк, 1924, 13 янв., № 1018. См. также: журн. «Журналист», 1923, № 9.

В дополнение к информации, опубликованной в «Известиях», в газ. «Вечерняя Москва» сообщается:

«На суде выступают приехавшие из Америки товарищи, рассказывающие, что во время своего пребывания там Есенин учинял дебоши, подобные разбираемому. <...> Поэт А.Мариенгоф, близко знающий Есенина, подчеркивает, что последний в этом году совершенно спился, близок к белой горячке и не может быть рассматриваем и судим как нормальный человек. Его просто нужно лечить... <...> Процесс затянулся до 3-х ч. ночи. В виду сложности всплывшего на суде материала товарищеский суд откладывает свое суждение до четверга».

См.: 23 ... 29 нояб. 1923; 30 нояб. 1923; 2 дек. 1923, вторая запись; 13 дек. 1923, вторая запись.

Декабрь, 11. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 2880) публикует материалы, косвенно связанные с именем Есенина:

— объявление «Лекция А.Ветлугина»:

«Нью-Йорк. В среду, 12 декабря, в 8 час. вечера, в помещении 207 Ист 10 ул. Н.И. локал 103 "Секция И" А.К. В ов А <так!> устраивает лекцию на тему "Новейшая послереволюционная литература". Лектор А.Ветлугин. Вход бесплатн<ый>»;

— объявление:

«В скором времени состоится лекция поэта З.Гисенькина (члена редакционной коллегии "РГ").

Тема: Поэзия новой России ("Старики", футуризм, имажинизм и пролетарская поэзия).

Лекция устраивается кружком пролетарских писателей в С. Ам. Адрес и время — позже.

Сообщите своим друзьям».

Объявления о лекции будут опубликованы также в номерах «Русского голоса» за 18, 20 и 22 дек. 1923 (№ 2887, 2889, 2891).

См. также: 23 дек. 1923.

Парижская газета «Последние новости» (№ 1115) помещает неподписанную информацию «Хорошо пишут в "Правде"», в которой заходит речь о Есенине:

«Образцы изящной литературы:

Из Котельникова и из Жукова
Стали белым печенки прощупывать.
В этот год были хороши лова
У товарища Ворошилова.

Это стихи гениального, по слову Луначарского, сов<етского> поэта Есенина <так!>.

А вот и критика Сосновского из "Правды": "Мы не кисейные барышни, и потому нас не очень коробит «прощупывание печенок» в поэме. Можно и селезенку, и гроб, и веру, и тещу помянуть, как делают это матросики. Но нельзя же столь «явственно классово», ради поминовения товарища Ворошилова, загибать чудовищную строку, которую не знаешь, как и прочесть правильно, по ударениям".

Здорово пишут пролетарии!!!»

Цитируются строки поэмы Н.Асеева «Буденный» (отд. изд. 1923) и статья Л.Сосновского «Литхалтура» (газ. «Правда», 1923, 1 дек., № 273).

Декабрь, 12. Есенину пишет А.Корнеев:

«Поэту Есенину.

До текущего года я Вас не знал. Ваших произведений, пожалуй, не читал, так как тогда не интересовался поэзией. Первый раз я Вас видел и слышал на Вашем вечере в аудитории Политехнического музея <см.: 21 авг. 1923, третья запись>, а затем — прочел четыре Ваших стихотворения, напечатанных в "Красной ниве", — и, начиная с этих двух моментов, Вы, Ваше творчество и Ваша личная судьба стали для меня не безразличны... Несмотря на то, что, вероятно, многое в Вас мне будет не по душе, в частности. мне тяжело было узнать о Вашей склонности к тому, что другие, да и Вы сами квалифицировали как хулиганство. Но Ваше "хулиганство" — особенное. Оно есть продукт особой чуткости Вашей души, особенно остро переживающей события и вышедшей на арену жизни в ненормальные годы войны и революции, с их кошмарами...

Потому-то мне и было тяжело читать (Известия от 12/XII—23 г.), что Ваши же собратья по перу позволили себе публично копаться в этой душе грязными руками... Это можно объяснить только падением нравов в современной литературной среде, господством волчьей морали и низкопоклонством...

Меня утешает лишь одно: весь трагизм жизни, все удары судьбы в конце концов только обогащают душу истинного поэта, который превращает все душевные переживания в перлы своего творчества. Так, я думаю, и будет с Вашими переживаниями в связи с позорным (для его организаторов) событием в Доме печати.

Вас удивит, что я, не знакомый Вам человек, позволяю себе обращаться к Вам с подобным письмом, но, подобно Вам, я иногда не могу сдержать своих чувств. А кроме того, с некоторых пор я сам стал причастен к поэзии, потому-то судьбы поэзии и ее жрецов для меня не безразличны. Конечно, для Вас мое сочувствие не имеет реального значения, потому что в настоящее время <я> человек не только без "веса", но почти бесправный... Но мне кажется, что для поэта иногда бывают важны и невесомые вещи».

Письма, 232–233.

Газета «Нижегородская коммуна» (№ 285) в объявлении о подписке на журнал «Огонек» на 1924 год называет Есенина в числе поэтов, чьи стихи печатались в журнале в 1923 году.

Харбинская газета «Заря» (№ 295) публикует статью Р.Гуля «Есенин».

Это перепечатка (под другим названием) статьи Р.Б.Гуля «Живопись словом», впервые появившейся в берлинской газете «Накануне» (см.: 21 окт. 1923).

Ее текст дан здесь не полностью: отсутствуют его начало (первые 6 абзацев) и конец (начиная с цитаты из стихотворения «Сыпь, гармоника! Скука, скука...»). Сокращения, скорее всего, выполнены в редакции «Зари».

Декабрь, 12 и 13. Газета «Вечерняя Москва» (№ 6 и 7) в анонсе о выходе № 16 журнала «Красный перец» указывает:

«Содержание: <...> фельетоны <...> Милицейский протокол № 2020/1382 о поэте Есенине».

См.: 14 дек. 1923, четвертая запись.

Декабрь, 12, 14, 17 и 18. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3972, 3974, 3977, 3978) печатает рекламное объявление о поступлении в продажу книи «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Текст объявления см.: 12, 13, 15, 22–24 окт. 1923.

См. также: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая 1922; 5 ... 24 июня 1922; 1, 5, 6 и 30 нояб. 1923.

Декабрь, 13. Есенин начинает лечение в санатории (адрес – Б. Полянка, 52).

Дата события определяется по письму Е.А.Есениной к А.Г.Назаровой (см.: 14 дек. 1923, первая запись).

Другая дата – 17 дек. 1923, источником которой является машинописная копия воспоминаний Г.А.Бениславской (она воспроизводилась во всех хрониках жизни и творчества поэта и в работах о нем вплоть до Полного собрания сочинений), является неверной (Шубникова-Гусева-2008, 243).

В воспоминаниях современников Есенина санаторий, в котором находился поэт, называется поразному, в т. ч. профилакторий имени Шумской (присвоено учреждению после гибели в 1924 г. его ведущего специалиста Е.Л.Шумской).

Рюрик Ивнев вспомнит:

«Это было своеобразное лечебное заведение, скорее похожее на пансионат. У Есенина была своя комната — большая, светлая, с четырьмя окнами <угловая комната во двор, 2-й этаж>».

Восп., 1, 345–346.

Товарищеский суд по «делу четырех поэтов» выносит поэтам порицание за хулиганство и отвергает обвинение в антисемитизме.

Есенин, VII (2), 434–435.

Из информации газ. «Вечерняя Москва» (1923, 13 дек., № 7):

«Вынесение постановления товарищеского суда по делу четырех поэтов состоится сегодня в 6 ½ час. веч<ера> в Доме Печати, на публичном заседании товарищеского суда».

Из газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1923, 15 дек., № 287):

«13 декабря в Доме Печати был оглашен приговор товарищеского суда по делу поэтов Есенина, Клычкова, Орешина и Ганина. Товарищеский суд признал, что поведение поэтов в пивной носило характер антиобщественного дебоша, давшего повод сидевшему рядом с ними гр. Ро<д>кину истолковать этот скандал как антисемитский поступок, и что на улице и в милиции эти поэты, будучи в состоянии опьянения, позволили себе выходки антисемитского характера. Ввиду этого товарищеский суд постановил объявить поэтам Есенину, Клычкову, Орешину и Ганину общественное порицание.

Обсудив вопрос о статье тов. Сосновского в № 264 "Рабочей газеты", суд признал, что тов. Сосновский изложил инцидент с четырьмя поэтами на основании недостаточных данных и не имел права использовать этот случай для нападок на некоторые из существующих литературных группировок. Суд считает, что инцидент с четырьмя поэтами ликвидируется настоящим постановлением товарищеского суда и не должен

служить в дальнейшем поводом и аргументом для сведения литературных счетов, и что поэты Есенин, Клычков, Орешин и Ганин, ставшие в советские ряды в тяжелый период революции, должны иметь полную возможность по-прежнему продолжать свою литературную работу. Приговор принят товарищеским судом единогласно».

См. также газ.: «Правда», 1923, 16 дек., № 286; «Коммунист», Харьков, 1923, 15 дек., № 286; «Саратовские известия», 1923, 18 дек., № 288; «Рижский курьер», 1923, 18 дек. № 879; «Народная воля», Рига, 1923, 18 дек., № 63; «Вечерняя Москва», 1923, 18 дек., № 11; «Народная мысль», Рига, 1923, 19 дек. № 64; «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1923, 15 дек., № 3975; «Русский голос», Нью-Йорк, 1923, 15 дек., № 2884.

9 мая 1927 г. уполномоченный 5-го отделения следственного отдела ОГПУ С.Г.Гендин (без отсылок к существовавшему законодательству) вынес заключение о прекращении дела, переквалифицировав его на ст. 59–6 УК РСФСР. 10 мая 1927 г. оно будет утверждено Г.Ягодой (факсимиле см.: Хлысталов, 145).

11 мая 1927 г. состоится заседание коллегии ОГПУ, на котоом будет постановлено: «Дело следствием — прекратить, подписки — аннулировать. Дело сдать в архив».

В 1993 г. к «делу четырех» вернется Генеральная Прокуратура РФ. По его рассмотрении будет вынесено заключение, которое, в частности, гласит:

«Ст. 83 УК РСФСР предусматривает уголовную ответственность за "агитацию и пропаганду всякого рода, заключающуюся в призывах к совершению преступлений, предусмотренных ст. 75–81 УК (вооруженное восстание, разрушение жел.-дорожных путей и др.), а равно возбуждение вражды и розни".

В материалах дела отсутствуют доказательства совершения Есениным, Ганиным, Орешиным и Клычковым какого-либо преступления, и оно подлежало прекращению за отсутствием состава преступления.

11 мая 1927 года дело рассматривала Коллегия ОГПУ и согласилась с его прекращением, однако действия Есенина, Орешина, Ганина и Клычкова переквалифицировала на ст. 59–6 УК РСФСР, тогда как в уголовном кодексе издания 1922 года такая статья не содержится.

Ст. 59 УК РСФСР (без индекса) в этом кодексе предусматривает уголовную ответственность за "сношение с иностранными государствами или их отдельными представителями с целью склонения их к вооруженному вмешательству в дела республики, объявления ей войны, или организации военной экспедиции, а равно способствование ей".

Если принять во внимание, что в 1927 году Коллегия ОГПУ руководствовалась ст. 59–6 УК РСФСР (1926 г. издания), то данная статья закона предусматривает уголовную ответственность за "отказ от уклонения в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения повинностей (в частности, военно-автотранспортной, военно-конской, военно-повозочной и военно-судовой)".

Таким образом, Коллегия ОГПУ руководствовалась несуществующей нормой закона.

Следствие по делу проводилось с грубейшим нарушением уголовно-процессуальных норм. Постановление о возбуждении уголовного дела не выносилось, подозреваемые допрошены поверхностно, подвергались личному обыску и в течение суток содержались под стражей незаконно, обвинение им не предъявлялось, с материалами дела <они> не знакомились, более трех лет по делу не принималось никакого решения.

Учитывая, что Есенин, Клычков, Орешин и Ганин обвинялись в "антисоветской агитации, разжигании национальной вражды", на Есенина Сергея Александровича, Орешина Петра Васильевича, Клычкова Сергея Антоновича и Ганина Алексея Алексеевича распространяется действие п. "а" ст. 5 Закона РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 года» (ЦА ФСБ РФ, архивное дело № Р-14827, л. 51–52).

На основании этого заключения, составленного прокурором отдела по реабилитации жертв политических репрессий старшим советником юстиции А.И.Шутовой, помощник Генерального прокурора РФ Г.Ф.Весновская подпишет 31 марта 1993 г. справку за № 13/3-34-93 о реабилитации, которая заканчивается словами:

«На основании ст. 3, п. "а", и ст. 5 Закона РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 г. гр-н Есенин Сергей Александрович реабилитирован» (там же, л. 53).

В деле имеются аналогичные справки о реабилитации П.В.Орешина, С.А.Клычкова и А.А.Ганина (там же, л. 54, 55, 56).

Есенин, VII (2), 524–526.

См.: 20 нояб. 1923, четвертая запись; 23 ... 29 нояб. 1923; 30 нояб. 1923; 2 дек. 1923, вторая запись; 10 дек. 1923; 18 дек. 1923, первая запись; 19 дек. 1923, вторая запись; 20 дек. 1923, первая запись.

Декабрь, 13 – 31. Есенин находится в санатории.

Поэта ежедневно навещают Е.А.Есенина, Г.А.Бениславская, А.Г.Назарова по составленному ими расписанию.

Обоснование границ событий – по письму Е.А.Есениной к А.Г.Назаровой от 14 дек. 1923 г. и письмам Г.А.Бениславской (см. ниже).

Из письма Е.А.Есениной к А.Г.Назаровой от 14 дек. 1923:

«Сегодня едем к нему опять».

Шубникова-Гусева-2008, 243.

Г.А.Бениславская в письме к А.Г.Назаровой от 22 дек. 1923 г. отметит:

«...расписание вполне приемлемо».

Шубникова-Гусева-2008, 197.

Есенин пишет стихотворение «Вечер черные брови насопил...», ставшее заключительным в цикле «Любовь хулигана».

Дата события определяется по Собр. ст., в первом томе которого под текстом стихотворения имеется помета: «Больница на Полянке. 1923». О поступлении поэта в это лечебное учреждение см.: 13 дек. 1923, первая запись.

См.: Шубникова-Гусева-2008, 243–244.

Из воспоминаний Д.К.Богомильского (1964):

«В декабре 1923 года Есенин заболел и слег в больницу на Полянке. Я навестил его там вместе с Клавдией Сергеевной Колчиной, работавшей тогда в 1-й Образцовой типографии Госиздата, где работал в то время и я. <...> Есенин прочитал нам написанное им в больнице стихотворение “Вечер черные брови насопил...”».

Восп.-65, 340.

См. также: вторая половина авг. 1923, вторая запись; до 22 сент. 1923; 22 сент. 1923, первая запись; сент. ... нояб. 1923, первая запись; 9 окт. 1923, первая запись; 14 окт. 1923, вторая запись; 2 янв. ... до 2 февр. 1924; 16 марта 1924, вторая запись; до 19 июля 1924.

Рюрик Ивнев навещает Есенина.

Рюрик Ивнев напишет:

«Опять встреча, поцелуи, расспросы. На вид Есенин был совершенно здоров.

Во время разговора мы сидели у окна. Вдруг Есенин перебил меня на полуслове и, перейдя на шепот, как-то странно оглядываясь по сторонам, сказал:

— Перейдем отсюда скорей. Здесь опасно, понимаешь? Мы здесь слишком на виду, у окна...

Я удивленно посмотрел на Есенина, ничего не понимая.

Он, не замечая моего изумленного взгляда, отвел меня в другой угол комнаты, подальше от окна.

— Ну вот, — сказал он, сразу повеселев, — здесь мы в полной безопасности.

— Но какая же может быть опасность? — спросил я.

— О, ты еще всего не знаешь. У меня столько врагов. Увидели бы в окно и запустили бы камнем. Ну, и в тебя могли бы попасть. А я не хочу, чтобы ты из-за меня пострадал.

Теперь я уже понял, что у него что-то вроде мании преследования, и перевел разговор на другую тему».

Восп., 1, 345–346.

Есенин делится с Рюриком Ивневым планами создания журнала «Вольнодумец».

Рюрик Ивнев вспомнит:

«Есенин охотно перешел к разговору о толстом журнале, который он собирается издавать. О “Гостинице для путешествующих в прекрасном” он не хотел больше слышать.

— Пусть Мариенгоф там распоряжается, как хочет. Я ни одной строчки стихов туда не дам. А ты... ты как хочешь, я тебя не неволю. Всё равно в моем журнале ты будешь и в том и в другом случае. Привлеку в сотрудники Ванечку Грузинова. Он хороший мужик. Это не то что многие... да ну их... и вспоминать не хочу. Грузинов хорошо разбирается в стихах, из него бы критик вышел дельный и, главное, честный. Не юлил бы хвостом. И стихи у него неплохие, есть из чего выбрать для журнала. Правда, любит мудрить иногда, но это пройдет, да и кто в этом не грешен.

— Знаешь, что, — сказал он мне вдруг, — давай образуем новую группу: я, ты, Ванечка Грузинов...

Есенин назвал еще несколько фамилий (насколько помнится, крестьянских поэтов). Я ответил ему, что группы и школы можно образовывать только до двадцати пяти лет, а после этого возраста можно оказаться в смешном положении. Ему это понравилось. Он засмеялся, но через минуту продолжал в том же духе:

— Я имажинизма не бросал, но я не хочу видеть этой "Гостиницы", пусть издает ее кто хочет, а я буду издавать "Вольнодумец"».

Восп., 1, 346.

См. также: 7 ... 12 авг. 1923; 15 или после 15 авг. 1923, вторая запись; 21 авг. 1923, вторая и четвертая записи; начало окт. 1923; до 23 окт. 1923; 14 февр. – 9 марта 1924, вторая запись; 7 апр. 1924, третья и четвертая записи; 11 апр. 1924, первая запись; 6 июня 1924, третья запись; до 24 авг. 1924.

Есенин знакомится с Ф.А.Гущиным, проводит с ним вечера.

Ф.А.Гущин, сотрудник административного отдела Моссовета (1924), вспомнит:

«Впервые Есенина в санатории на Б. Полянке я увидел в прекрасно отутюженном сером костюме. Это был статный блондин со светло-голубыми глазами. Больше всего в нем подкупали его необычайные скромность и простота и умение сказать ласковое и доброе слово любому больному. В обстановке тихого санатория трудно было поверить, чтобы Есенин мог когда-либо терять спокойствие, нарушать общественный порядок.

Вскоре у нас завязалась дружба: мы часто виделись для того, чтобы поиграть в шашки и шахматы. Игра начиналась обычно после ужина, а кончалась лишь после того, как дежурная медсестра гасила свет в палатах».

Хроника, 2, 99.

Декабрь, 13 и 24. Газета «Брянский рабочий» (№ 280 и 290) в объявлении о подписке на журнал «Красная нива» на 1924 год называет Есенина в числе авторов журнала в 1923 году.

Декабрь, 14. Е.А.Есенина пишет А.Г.Назаровой:

«Гали нет, я за Галю даю ответ. <...> Сергея вчера или в четверг 13 / XII отправили в санаторию. <...> Когда выздоровеет, поедем вместе. Он поехал не сопротивляясь, и там его приняли очень хорошо».

Шубникова-Гусева-2008, 243–244.

См. также: 13 дек. 1923, первая запись.

А.Дункан пишет К.Дрексель:

«Вернувшись в Москву <см.: 18 (?) окт. 1923>, я порвала все взаимоотношения с Сергеем Есениным, чьи действия и заявления становились всё более и более невероятными и сумасшедшими. Их нельзя объяснить ничем иным, кроме, кроме <так!> временного помешательства...»

Маквей-2004, 375, 465.

Выходит журнал «Печать и революция» (№ 6) с упоминанием Есенина в информации о выходе из печати журнала «Красная новь» № 6.

Дата события — по сведениям в газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1923, 14 дек., № 286).

Журнал «Красный перец» (№ 16; за декабрь) печатает материал о Есенине под заголовком «Милицейская поэма о поэте».

Дата события указана в газ. «Рабочая Москва», 1923, 14 дек., № 287 (номер журнала «вышел сегодня»).

От редакции:

«За последнее время российские поэты, секция "попутчиков", занялись поставкой материалов по истории художеств вообще и словесности в частности. "Красный перец", желая облегчить задачу обремененного попутчиками Кругиздата, берет на себя в данный, весьма подходящий момент, опубликовать нижеследующее стихотворение в прозе. Пусть не говорят отныне, что попутчиков печатают только Кругиздаты».

«Милицейская поэма о поэте» представляет собой или пересказ (с цитатами) протокола и показаний милиционеров и официантки кафе «Стойло Пегаса» Е.Гартман с карикатурами на Есенина и шаржем на М.И.Калинина, которому знакомая Есенина, Е.Кононенко, звонила по телефону из милиции.

О событии см.: с 15 на 16 сент. 1923, первая и вторая записи.

См. также: 12 и 13 дек. 1923; 30 дек. 1923, первая запись; 18 янв. 1924.

См. Приложение.

Декабрь, после 14 (?). Е.Полонская пишет эпиграмму на Есенина:

В Союзе Русского Народа
Обычай был (хоть кинь, хоть лайся!):
Сначала деньги,
потом громи,
а после кайся.
Есенин бедный оплошал
И начал, обознавшись спьяна,
Он с «Исповеди хулигана»,
А после учинил скандал.

ВЛ, 1993, [вып.] VI, с. 362 (публ. Б.Я.Фрезинского).

Декабрь, 15. В письме Г.А.Бениславской С.П.Покровскому заходит речь о Есенине:

«Всё равно, как бы я ни беспокоилась о тебе, всё равно это меня не "отрезвит". Всё равно этим от С. Е. меня не уведешь. Только прибавляешь тревоги и тяжести».

Шубникова-Гусева-2008, 159.

Декабрь, 16. Петроградский журнал «Зори» (№ 6) публикует материалы, в которых говорится о Есенине:

— статью Ф.Левина (подпись: «Зиновьевец») «Курс на Октябрь»:

«Характерно, что для изображения нашей революции имажинист Есенин пишет "Пугачева", футурист Каменский — "Стеньку Разина". Не свидетельствует ли это о том, что для них революция — пугачевщина, разинщина...»;

— под общим заголовком «Комхор братьев Пегасовых (песновязь)» (подпись: «Б. В. В.») – краткую информацию о «деле четырех поэтов» и пародии на Есенина, Орешина, Клычкова и Ганина.

Эпиграмма на Есенина с эпиграфами из его стихотворений:

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях досчатый мост...

Всё живое особой метлой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.

(Стихи С. Есенина)

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях досчатый мост.
За бутылкой сидел в харчевне,
Разнося евреев в лоск.
Всё живое метой особой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я юдофобом,
То, наверно, был мошенник и вор.
Уныло — сидеть в милиции,
С похмелья стихи строча...
Кругом — суровые лица
Пророчат мой двенадцатый час.

Имя Есенина упоминается также в пародиях на П.Орешина, С.Клычкова и А.Ганина.
См. Приложение;

— заметку «Юбилей Валерия Брюсова» с упоминанием имени Есенина: «14 декабря с. г. исполняется 50 лет со дня рождения поэта, беллетриста, критика и теоретика литературы Валерия Брюсова. В Москве организовался юбилейный комитет для торжественного публичного чествования писателя, каковое состоится 17 декабря в Большом театре.

В состав юбилейного комитета, между прочим, вошли: Н.Н.Асеев, Андрей Белый, А.Б.Гольденвейзер, М.О.Гершензон, Сергей Есенин, А.С.Енукидзе, О.Д.Каменева, Л.Б.Каменев, Василий Казин, П.С.Коган, И.И.Лазаревский, В.Э.Мейерхольд, Н.Л.Мещеряков, Вл. Немирович-Данченко, Нарбут (от ЦК РКП), С.Ф.Ольденбург, Н.К.Пиксанов, М.Н.Покровский, В.М.Фриче и др.»

См. также: 20 нояб. 1923, вторая запись; 7 дек. 1923; до 17 дек. 1923.

Газета «Саратовские известия» (№ 287) публикует заметку «Маленький прыщик и большая дурная болезнь: Дело четырех поэтов», которая заканчивается словами: «...кабацкие традиции надо гнать со всей беспощадностью».

Декабрь, до 17. Журнал «Художественный труд» (№ 4) публикует материал «К юбилейному чествованию В.Я.Брюсова», в котором Есенин упомянут в числе членов юбилейного комитета.

См. также: 20 нояб. 1923, вторая запись; 7 дек. 1923; 13 дек. 1923, третья запись.

Декабрь, 18. Газета «Рабочая Москва» (№ 284) публикует статью Б.Волина «Прав ли суд? К делу 4-х поэтов».

Единомышленник Л.Сосновского Б.Волин выражает несогласие с решением товарищеского суда, призывает выделить Есенина как «застрельщика всей этой истории» и

пишет, что «т. Сосновский был вполне прав, подняв вопрос о литературных нравах поэтической богемы на страницах печати».

Призыв Б.Волина «МЫ ОБРАЩАЕМСЯ ПОЭТОМУ: К РАБКОРАМ И ПРОЛЕТАРСКИМ ПОЭТАМ С ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ ВЫСКАЗАТЬСЯ ПО ДАННОМУ ВОПРОСУ» открывает новую волну публикаций по «делу четырех поэтов». Находятся рабкоры и пролетарские поэты (или подставные лица?), которые высказываются в предложенном Б.Волиным духе.

См.: 19 дек. 1923, вторая запись; 20 дек. 1923, первая запись.

Петроградский журнал «Театр» (№ 12; рубрика «Жизнь театра») помещает информацию:

«...в студии В.Шимановского готовится к постановке пьеса Есенина "Пугачев"».

См. также: 12 сент. 1923; 14–17 окт. 1923, пятая запись; 16 окт. 1923, первая запись; 27 нояб. 1923; 29 янв. 1924; 15 (?) или 16 (?) июня 1924.

С.П.Покровский пишет Г.А.Бениславской:

«А на Петровке продаются портреты Есенина, Клюева, Мариенгофа — цена 1 руб<ль> золотом. Говорят, охотников мало и скоро цену сбавят до 25 коп<еек> золотом. Авось купят».

Шубникова-Гусева-2008, 159.

Другие сведения об этом эпизоде не выявлены.

Декабрь, 19. Ведя переговоры об издании книги «Москва кабацкая», Есенин пишет письмо В.И. Вольпину:

«Дорогой Вал<ентин> Иванович! Будьте добры выписать деньги на имя Галины Бениславской.

Договор подпишу, как выйду из санатории. Жму Вашу руку.

С приветом С. Есенин».

Есенин, VI, 161.

См. также: нояб.–дек. 1923, первая запись; 2 дек. 1923, первая запись; 28 дек. 1923; конец дек. 1923 – янв.–февр. 1924; 1 янв. 1924, вторая запись; 12 янв. 1924; 19 янв. 1924, четвертая запись; февр.–март 1924; после 14 апр. – до 6 мая 1924, третья запись; до 19 июля 1924.

Газета «Рабочая Москва» (№ 285) под шапкой «Прав ли суд? К делу 4-х поэтов» помещает заметки: «Один выход — тачка» (под псевдонимом: «Арбейтер»), «Им нет места в нашей семье» С.Ганьшина, «Сосновский прав — суд неправ» К.Минаева.

Организованная общественная травля Есенина, П.Орешина, С.Клычкова и А.Ганина продолжается. В материалах подборки выражается несогласие с решением суда по «делу четырех поэтов».

См. также: 20 нояб. 1923, четвертая запись; 23 ... 29 нояб. 1923; 30 нояб. 1923; 10 дек. 1923; 13 дек. 1923, вторая запись; 18 дек. 1923, первая запись; 20 дек. 1923, первая запись.

Декабрь, до 20. В Петрограде выходит журнал «Звезда» (1924, № 1), где Есенин назван в числе сотрудников.

Граница события определяется по информации о выходе номера (см.: журн. «Записки Передвижного театра», 1923, 20 дек., № 67).

Анонс см.: 4 нояб. 1923.

Декабрь, 20. Газета «Рабочая Москва» (№ 286) продолжает публикацию материалов под шапкой «Суд не прав! К делу 4-х поэтов»: «Поэтов

на суд рабкоров» Н.Сазонова, «В семье не без урода» Б.Петрова, «Как поняли приговор суда» М.Панова, «Под народный суд!» И.Александрова, «Есенина выделить» (подпись: «А. А-н»):

«Редакция обращает внимание на то, что получила много писем. Не будучи в состоянии поместить весь материал, редакция приводит и впредь будет приводить из присланного материала только отдельные выдержки, заслуживающие особого внимания».

Среди публикуемых «Рабочей газетой» писем были такие, в которых, в соответствии с призывом Б.Волина (см.: 18 дек. 1923, первая запись), Есенин выделяется как главный зачинщик, и «дело четырех поэтов» превращается в «Дело Есенина».

В материале «Есенина выделить» говорится:

«18 декабря литературный кружок при Сокольнической районной литколлегии обсуждал вопрос "о пьяном деле четырех поэтов".

В очень подробном обсуждении вопроса принимали участие представители рабочих литколлегий Сокольнического вагоноремонтного завода, "Красного Богатыря", механического завода, управления и службы Казанской ж. д., Преображенской больницы и др.

Представители с мест считают приговор суда неправильным.

В своем постановлении они, между прочим, пишут:

"Может быть, поэты Орешин, Ганин и Клычков заслуживают прощения уже только потому, что рабочие ничего о них до сих пор плохого не слышали. Но Есенин, устраивая такие же дебоши за границей, тем самым позорил советских литераторов и снисхождения не заслуживает.

Вынесенный судом приговор роняет авторитет всей организации литераторов СССР. Просим пересмотра этого дела".

К этому постановлению присоединились рабкоры.

Чтобы на суде были заслушаны мнения не одних спецов-литераторов, вынесено также пожелание — в новый состав суда включить представителей всех рабочих районных литколлегий.

О тов. Сосновском в резолюции говорится так:

"Товарищу Сосновскому — пролетарское спасибо за его всегда смелое, правдивое, революционное слово без всяких обиняков. Таким и должен быть советский журналист!"».

См. также: 20 нояб. 1923, четвертая запись; 23 ... 29 нояб. 1923; 30 нояб. 1923; 10 дек. 1923; 13 дек. 1923, вторая запись; 18 дек. 1923, первая запись; 19 дек. 1923, вторая запись.

См. Приложение.

Берлинская газета «Руль» (№ 927; подпись: «А. Поэт-хулиган») публикует заметку, в которой заходит речь о Есенине.

После изложения обстоятельств «пикантной истории» – «дела о четырех поэтах» – следует вывод:

«Краса и гордость советской поэзии в полной мере оправдал свои поэтические самопризнания о том, что он "хулиган", и на примере наглядно пояснил, "почему зовусь я шарлатаном, почему зовусь я скандалистом"».

См. также отсылки, приведенные в предыд. записи.

Декабрь, 21. В Госиздате РСФСР выходит книга «Зеленый шум: Хрестоматия для труд. школы. Первый год» (составители Е.Е.Соловьева, В.И.Волынская и др.) со стихотворением Есенина «Воробушки» <«Поет зима, аукает...»>.

Инвентаризационный каталог, 13.

Декабрь, 23. В районе Бронкс (Нью-Йорк) З.Гисенькин читает лекцию «Поэзия новой России» («Старики», футуристы, имажинисты, пролетарская поэзия и пролетарские писатели в Америке»).

В лекции упоминается имя Есенина и читаются его стихи.

Проходят прения. Оппонентом выступает Д.Бурлюк.

Дата события устанавливается по информационным объявлениям в газ. «Русский голос» (Нью-Йорк, 1923, 11, 18, 20 и 22 дек.; № 2880, 2887, 2889, 2891).

Первый отчет о лекции «Поэзия новой России» — в газ. «Русский голос», Нью-Йорк, 1923, 27 дек., № 2896, подпись: «Фиалка» без упоминания Есенина:

«Многочисленная аудитория. <...> Блестящая лекция. 4 часа длилась. Пожелания: "Хорошо бы их устраивать почаще"».

Из заметки А.Соколовского «На лекции З.Гисенькина» (газ. «Русский голос», Нью-Йорк, 1923, 29 дек., № 2898):

«Состоявшаяся 23 декабря в Бронксе лекция поэта З.И.Гисенькина, устроенная кружком пролетарских писателей, прошла очень успешно. З.Гисенькин красочно и ярко в течение трех часов говорил о старой и революционной русской поэзии и приковал к себе внимание слушателей. Очень выразительно были им прочитаны стихи буржуазных и пролетарских поэтов и проведена меж ними логически обоснованная параллель... Лектор говорил о том, что старая поэзия нытья и беспочвенности уступила место новой, рабочей и здоровой. В красной России создаются новые гениальные произведения, пишутся мозолистыми руками в то время, как "по заграницам" старые выдохшиеся поэты бессильно шепчут тусклые, озлобленные и ненужные слова.

З.Гисенькин также долго говорил о футуризме. Им были прочитаны выдержки из произведений Маяковского, Есенина и поэтов-"модернистов". Лекция несколько раз прерывалась аплодисментами.

В последовавших за лекцией прениях принимали долгое участие много слушателей. Оппонентом лектора выступил поэт-футурист Давид Бурлюк.

Лекция, начавшаяся в 2.30, закончилась около 7 час. вечера.

Ввиду большого успеха лекция в скором времени будет повторена в Нью-Йорке».

См. также: 11 дек. 1923.

Декабрь, 23, 28 и 30. Костромская газета «Красный мир» (№ 290, 292, 294) в объявлении о подписке на журнал «Красная нива» на 1924 год называет Есенина в числе авторов этого издания в 1923 году.

Декабрь, 28. Есенину пишет В.И.Вольпин:

«Дорогой Сергей Александрович!

Вследствие некоторых обстоятельств, о которых я сообщу Вам лично, ГУМ отказался печатать "Москву кабацкую".

Однако *такую* книгу необходимо издать во что бы то ни стало, и потому я, посоветовавшись с Галиной Артуровной, решил устроить ее иначе. И устроил. Есть лицо (Ваш поклонник) Александр Маркович Калмановский, который берет ее за 35 червонцев, обещая издать скоро и хорошо, согласно Ваших указаний <так!>.

Для того, чтобы дело сладилось, необходимо:

1) заключить договор вроде гумовского, который — помните? — я Вам читал и

2) провести ее предварительно через Главлит, если возможно, полностью, а если нет, то с купюрами; поставив вместо текста точки.

Я охотно бы взял на себя хлопоты по проведению этого дела, за исключением Главлита, которые поручите кому-нибудь, имеющему там связи, хотя бы Анатолию Борисовичу <Мариенгофу>, сообщив ему мой адрес и связав его со мной.

Если мое предложение Вас устраивает, то вышлите краткую доверенность, заверив в конторе дома или милиции свою подпись.

Деньги сейчас же, после прохождения рукописи через Главлит, будут получены и пересланы Вам или переданы сестре.

Очень хотел бы Вас повидать. Как Вы себя чувствуете? Как работается? Черкните и присылайте доверенность.

Ваш Вал. Вольпин».

Письма, 233–234.

См. также: конец нояб. 1923; нояб.–дек. 1923, первая запись; 2 дек. 1923, первая запись; 19 дек. 1923, первая запись; конец дек. 1923 – янв.-февр. 1924; 1 янв. 1924, вторая запись; 12 янв. 1924; 19 янв. 1924, четвертая запись; февр.–март 1924; после 14 апр. – до 6 мая 1924, третья запись.

Книга выйдет летом 1924 г. в Ленинграде (см.: до 19 июля 1924).

Декабрь, 29. А.Б.Кусиков пишет В.Я.Брюсову из Берлина:

«С имажинизмом давно всё кончил – вырос, взрослею. Да и фкус <так!>... Мне с ними не по дороге. Парни они хорошие. Люблю Мариенгофа, он, если захочет, может быть неплохим другом. Ну вот... да, знаешь ли что-нибудь о них, что они работают или всё то же самое? Жаль мне Есенина. Все надежды, возложенные на него, он не оправдал *пока*. Дальше уж трудновато. Тем более, что душу иссушил, а мастерства ни на грош, к тому же безграмотный. Последние вещи очень плохи. Кстати, он, кажется, занялся чем-то новым. Говорят, организует "еврейские погромы". Это еще что за союз русского народа в наши дни. Не люблю я этих свинофильствующих и кабылофильствующих <так!> крестьянских поэтов. Уж больно они распутинским зипуном воняют: "кȯтȯмȯчка, пȯлȯсȯчка, индȯк придȯрȯжный, ангелȯчек, гȯспȯдь ты бȯгмȯй" и т. д., а "жидов бей!", да и вообще "нож в спину". Ужасная сволочь, предательская, подлая. *Ненавижу*! Читал Сосновского <см.: 22 нояб. 1923, первая запись>, расцеловал бы его, несмотря на то, что Сосновский. Напиши, пожалуйста, чем это кончилось?»

Маквей-2006, 122. Печатается по автографу (РГБ, ф. 386, карт. 91, ед. хр. 30, л. 3–3 об.; курсив автора).

Ответ В.Я.Брюсова на это письмо неизвестен.

Декабрь, до 30 или 30(?). Журнал «Красный перец» (№ 17; за декабрь) помещает на последней странице обложки шарж с заголовком «Елка с перцем (Рождественские подарки)» с упоминанием Есенина.

Один из «подарков» (№ 28) — «Есенину и К* — штоф»; ему соответствует рисунок —бутылка с надписью: «40°».

Декабрь, 30. В связи с развязанной после решения товарищеского суда кампанией против Есенина на страницах «Рабочей Москвы» (№ 292) публикуется материал «По пьяному делу»:

«Дело поэта Сергея Есенина по обвинению его в хулиганстве, оскорблении и сопротивлении властям, учиненном в кафе "Стойло Пегаса" 15 сентября, назначено к разбору в Краснопресненском суде на 23 января в 12 час. дня.

Протокол милиции по этому делу был напечатан в "Красном Перце" № 15».

См.: 14 дек. 1923, четвертая запись; 18 янв. 1924.

16 февр. 1924 начальник 7-го следственного отдела ГПУ А.Славатинский обратится в Краснопресненский райнарсуд с просьбой выслать решение в отношении Есенина по его обвинению по ст. 88, 157 и 176 Уголовного Кодекса (см.: с 15 на 16 сент. 1923; с 19 на 20 янв. 1924).

В начале марта 1924 г. он получил ответ от нарсудьи Комиссарова, гласящий, что «дело о гр. Есенине было назначено к слушанию на 28 февраля с. г., но вследствие его болезни и нахождения в Шереметевской больнице дело снято с очереди и будет назначено к слушанию в срочном порядке по выходе его из больницы» (Есенин, VII (2), 523).

После этого никакого продолжения «дело» не получит ни в ГПУ, ни в судебных органах, и слушание по нему назначено не будет.

Газета «Правда» (№ 296) печатает статью М.Кольцова «Не надо богемы», в которой заходит речь о литературном объединении «Россияне»:

«Надо наглухо забить гвоздями дверь из пивной в литературу. Что может дать пивная в наши и в прежние времена — уже всем ясно. В мюнхенской пивной провозглашено фашистское правительство Кара и Людендорфа; в московской пивной основано национальное литературное объединение "Россияне". Давайте будем грубы и нечутки, заявим, что всё это одно и то же».

Есенин, вернувшись из-за границы, занимался подготовкой издания журнала (или сборника) «Россияне» (см., напр.: 7 … 12 авг. 1923), а также работал над одноименной статьей (см.: после 24 нояб. … дек. 1923).

Декабрь, 31. Выходит в свет № 22 журнала «Прожектор» со статьей А.К.Воронского «Дела литературные», где говорится о Есенине.

Называя его стихи из цикла «Москва кабацкая» «страшными, мастерскими и искренними», А.К.Воронский пишет:

«В них нежная лиричность, тоска по клену, по полям, по ивам переплетается с прямым отчаянием, с уверенностью, что поэту суждено погибнуть "на московских изогнутых улицах", с оправданием хулиганства, пусть уходящего, с угаром московских кабаков, ресторанов и отдельных кабинетов. Конечно, очень легко отделаться, отмахнуться от этой "Москвы кабацкой" рассуждениями на тему об окончательном разложении таких "мужиковствующих" и "крестьянствующих" писателей, как Есенин, в противовес здоровой пролетарской литературной среде. К сожалению, всё это в очень малой степени будет соответствовать истинному положению дел».

См. Приложение.

Декабрь, конец … 1924. Январь, до 15. Выходит книга М.Дудорова «Из полей: Стихи» (Тверь, 1923) со стихотворением «Сергею Есенину»:

Я последний поэт деревни.
Сергей Есенин

Ты не первый пришел из деревни,
Не последний уходишь, как гость.
Накануне пасхальной обедни
Схоронил тебя город-погост.

Не зажглися телесные свечи
Ярким пламем <так!> рязанских полей.
Ты прошел незаметным Предтечей
Мимо сёл, белокурый Сергей.

Не пробили часы деревянно
Твой последний двенадцатый час.
И ты песнею молишься странной,
На отцовский плюешь «коностас»...

Ты не первый поэт из деревни.
Не хрипит твой двенадцатый час...
За тебя мы отслужим обедню
И исправим пасхальный твой пляс.

О времени события см: кн. летопись, 1924, № 1, янв., поз. 55.

Декабрь, конец – 1924. Январь – февраль. Есенин с помощью В.И.Вольпина готовит авторское издание сборника «Москва кабацкая» (не состоялось).

Есенин, VII (3), 95.

Содержание (предположительно) такое же, как и в сборнике «Москва кабацкая», М.: ГУМ, 1924 (см.: нояб.–дек. 1923, первая запись).

Книга «Москва кабацкая» выйдет в Ленинграде без указания издательства и уже в ином составе (см.: до 19 июля 1924).

См. также: конец нояб. 1923; 2 дек. 1923, первая запись; 19 дек. 1923, первая запись; 28 дек. 1923; 1 янв. 1924, вторая запись; 12 янв. 1924; 19 янв. 1924, четвертая запись; февр.–март 1924; после 14 апр. – до 6 мая 1924, третья запись.

Декабрь. Пражский журнал «Воля России» (№ 20; рубрика «Из литературной хроники в России»; подпись: «Т.») помещает заметку «Литературная критика», где сообщается о журнале «Гостиница для путешествующих в прекрасном», № 2:

«Кружок поэтов: Есенин, Эрдман, Ивнев и другие — решили “путем” журнала бороться с футуристической сектой».

См. также: до 12 июля 1923; 18 авг. 1923, вторая запись; авг. 1923, третья запись; 16 сент. 1923, пятая запись; 6 нояб. 1923.

Во франко-бельгийском журнале «Le Disque Vert» (Брюссель–Париж, № 3) публикуется стихотворение Фернана Дивуара «Есенин».

Сообщено Мишелем Никё.

О повторной публикации стихотворения и о его русском переводе см.: 1924, восьмая запись.

Декабрь (?). Саратовский журнал «Студенческая мысль» (№ 10–12; за сентябрь–декабрь; подпись: «А. Л.») публикует статью «“Студенческая мысль” и студенческие мысли» с упоминанием Есенина.

«...большинство поступивших в редакцию журнала рассказов и стихотворений носит на себе печать “надсоновщины”, небрежности в отделке стиха и немощности фантазии. Но, не вдаваясь подробно в оценку поэзии Надсона и влиянии его на молодежь, мне хочется оттенить другую сторону этого явления, т. к. оно, очевидно, имеет более глубокие корни, чем простая неграмотность, от которой можно спастись при помощи таких опытных поэтов, какими являются Маяковский, Есенин и др.».

Критикуя затем стихи поэтов-«надсоновцев», в частности, стихотворение «Железная дорога» и поэму «Ком нервов» (не упоминая имена авторов) за пессимистические мотивы, отмечая в них влияние В.Г.Шершеневича, А.Б.Мариенгофа и пр., автор продолжает:

«Тут уже одним Маяковским делу не поможешь. Автор, очевидно, уже спасался у поэта “громогласной жизни”, “кричащих площадей”. И что может дать Есенин этой разбитой душе? Обаяние мистицизма или циничное отрицание всякого преклонения перед каким-либо авторитетом, какое временами прорывается у Есенина? Нет, тут дело значительно сложнее, дело, диагноз и лечение требуют больше внимания, тем более,

что у другой такой же молодой души разочарование преломляется по другому, более опасному изгибу».

Характеризуя цитируемые далее стихи молодого человека как «смесь имажинизма с фашизмом», автор статьи видит «способ лечения всяких душевных "вывихов"» в общественно-полезном деле и чтении «проникнутых глубокой жизнерадостностью сочинений Маркса, Плеханова, Лафарга или, хотя бы, Золя...».

И продолжает:

«А молодым поэтам знакомство с сочинениями авторов, дающих глубокий анализ всех социальных явлений, дает больше, чем могут дать все Есенины, Клычковы и Блоки, вместе взятые. <...> Еще Пушкин писал <...> следующие строки:

Писатель, если он — волна,
А океан — Россия,
Не может быть не возбужден <так!>
Когда возбуждена стихия».

Процитировано с серьезными искажениями стихотворение Я.П.Полонского «В альбом К. Ш.» (1865).

Декабрь (?) ... 1924. Январь, 4. Есенин пишет стихотворение «Я усталым таким еще не был...».

Есенин, I, 181–182, 342–344, 609–610, где датируется концом 1923 г.

Верхняя граница события устанавливается с учетом сведений из письма В.Шершеневича А.Кусикову от 4 янв. 1924 (см.), что № 3 Гост. (где впервые будет опубликовано это стихотворение) выпускается «на днях».

Первоначальная редакция (черновой автограф — РГАЛИ) отличается от окончательного текста — стихотворение носило более личный характер, было обращено к конкретной женщине: «Что твой взор, голубее, чем небо, // Для меня навсегда погас»; «Не больна мне <тво/я/> ничья измена» и др. Наиболее серьезные отличия: в черновом автографе нет строк «И теперь даже стало не тяжко // Ковылять из притона в притон...» и заключительной строфы:

Я кричу им в весенние дали:
«Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я отскандалил, –
Пусть хоть ветер теперь начинает
Под микитки дубасить рожь».

См. также: до 8 февр. 1924.

Декабрь (?) ... 1924. Январь, до 28. В Риме выходит книга Э.Ло Гатто «Русская поэзия о революции» («Poesia russa della rivoluzione», Roma: Alberto Stock, 1923), где рассматривается творчество Есенина.

Верхняя граница события определяется по информации об издании (см.: 28 янв. 1924).

Из раздела V книги:

«Клюева, Есенина и других поэтов их школы называли поэтами крестьянско-хлыстовской революции. Стоит остановиться поподробнее на этом довольно необычном определении. Словом "flagellante" <"бичующийся"> я перевожу русское "хлыстовский", происшедшее от слова "хлысты" — именования знаменитых сектантов, "Божьих людей", которые сразу ассоциируются для нас с исконной Русью. Некоторые рассматривают термин "хлысты" как искажение слова "Христы", ибо секта хлыстов пророчит новые воплощения Спасителя, возможно, уже случавшиеся в ее лоне. Ныне усматривается связь Клюева и Есенина с этой сектой, поскольку они видят в революции религию Третьего пришествия. В их крестьянском происхождении невозможно усомниться, но этого недостаточно, чтобы они могли придать спонтанность и чистоту своему вдохновению там, где уже наличествуют муки эстетических поисков и попытки концептуаль-

ной и формальной проработки. Ну, конечно, манера выражаться — сектантская, что передается такими образами: «Вспух незримой коровой Бог», «Новый на кобыле едет к миру Спас» и т. д.; но спонтанность ее сомнительна из-за настойчивости этого мотива, облеченного в рафинированную и декадентскую форму. <...> Если <...> полагать, что хлыстов (бичующихся) можно рассматривать как народное искажение христианства и что главная тема гимнов этих древних сектантов — всё же Христос в христианской традиции, находящий новые воплощения среди вовлеченных в секту, то в основе новой поэзии — новый Христос, взращенный в декадентских муках.

Возможно, лучше даже сказать, что главной темой хлыстовских поэтов революции непосредственно является отрицание старого Христа, пренебрежение Богом "привычным" ради прославления нового Бога, нового Христа <следует перевод трех фрагментов "Инонии" (ст. 5–11, 35–40, 45–46)>.

Несомненно, в иконоборческом неистовстве этих стихов Есенина есть некий символ; но мне не кажется, что в нем нет ничего исконно-русского».

Далее, сославшись на статью А.С.Ященко «Русская поэзия за последние три года» (журн. «Русская книга», Берлин, 1921, № 3; см.: Летопись, 3 (1), 77–79), Э. Ло Гатто дает изложение ее фрагмента, достаточно близкое к приводимому ниже оригинальному тексту:

«Это хлыстовско-распутинское "накатывание" и этот земледельчески-мистический революционизм такого древнего, такого примитивного, дошедшего до нас из таких далеких веков, из таких дремучих лесов духа, что поистине диву приходится даваться, когда некоторые "теоретики" <...> с глубокомысленной миной рассуждают о "новом вселенском слове", якобы звучащем в этом мычании еще не цивилизованных дикарей, хотя бы даже и изложенном по самым последним требованиям нашей модернистской версификации».

При этом, однако, употребленный А.С.Ященко оборот «хлыстовско-распутинское "накатывание"» передан по-итальянски как «"caricar le tinte" di flagellanti-rasputnij», т. е. «"нагнетать мрак" (или: "наводить тень") хлыстовско-распутных». Понимая «распутинское» как «распутное», Э. Ло Гатто приходит к заключению:

«Таким образом, в известном смысле критик считает подлинной связь с древними сектантами, которым поэты обязаны своим прозванием; однако мне кажется важным отметить, что он допускает также определение "rasputnij" <...>. "Rasputnij" по-русски означает: распущенный, развращенный, порочный. Но всё же, не берясь утверждать, что данное определение в точности приложимо к этой группе поэтов в его самом тривиальном смысле, нельзя отрицать того, что в недрах их поэзии таится некий духовный распад, распад, который иногда принимает поистине гротескные формы, как в следующих строках Есенина <дается перевод ст. 91–100 "Инонии">».

Процитировав затем начало «Красной песни» Н.А.Клюева как пример революционной риторики, Э. Ло Гатто продолжает полемизировать с А.С.Ященко:

«Где же, однако, тот самый знаменитый мистицизм русского крестьянина? Дело в том, что эти поэты уже не крестьяне: в их речи есть еще мужицкая простота выражений, но они уже подвержены тлетворному влиянию города. И как горожане, они в художественном смысле имеют необычайную претензию на оригинальность, которая в сочетании с первобытной жестокостью порождает эти вопиющие противоречия. Но сектантские перерождения первобытного религиозного чувства в целом революционны. Типично русская черта этих поэтов — нечто загадочное, нечто заставляющее предвосхищать самые неожиданные духовные перемены. Разумеется, именование этого крестьянско-хлыстовского направления справедливо только в первой части прилагательного, пусть и соединенной с другой. <...>

Поэты крестьянско-хлыстовской школы еще находят ясные и проникновенные ноты, пока есть Россия, русская земля, которая порождает их страстную мольбу. И неважно, что эта мольба может превращаться в "любовное" богохульство! Как у Есенина в "Триптихе" <следует перевод фрагментов второй главки "Пришествия" (ст. 17–20 и 25–28)>.

Тему любви к родине в большевистской поэзии исследовали некоторые русские критики-эмигранты, и недавно журнал <П.>Струве "Русская мысль" посвятил этому сюжету большую статью: "Для непосвященного читателя первое впечатление будет неожиданным и необъяснимым: советская власть утвердилась потому, что сумела использовать свойственное русским народным массам отсутствие патриотизма; само слово «патриотизм» она сделала ругательством; а советская поэзия <...> вся <...> проникнута напряженной и острой идеей Отечества!.." <Петроник [Савицкий П.] Идея родины в советской поэзии. — Журн. "Русская мысль", София, 1921, кн. I/II, с. 215; отмеченные здесь небольшие сокращения, сделанные Э. Ло Гатто при переводе, в его книге не обозначены>.

Эта любовь к родине в ее наивысшей форме – в форме любви к родной земле – много раз достигает вершин истинной поэзии, как в этих четверостишиях того же Есенина (которые, к сожалению, в сухом дословном переводе во многом лишаются своего очарования) <приводится полный перевод стихотворения "Запели тесаные дроги...">».

Перевод С.С.Субботиной.

См. также: 25 февр. 1924, третья запись.

См. Приложение.

Декабрь (?) ... 1924. Февраль. Есенин пишет стихотворение «Папиросники».

Есенин, IV, 188–189.

Под стихотворением, впервые опубликованным в московском журнале «Красная нива» (1927, № 9, 27 февр.), стоит дата «1923».

В 1926 году ростовская газета «Молот» (31 янв., № 1347) напишет:

«В Ростове у частных лиц имеется несколько рукописей Есенина. Среди них <...> редкое стихотворение "Папиросники" (рукопись)».

Ни один из автографов стихотворения в настоящее время не известен.

Границы события определяются ориентировочно с учетом содержания произведения, соотносящегося с местом действия — Советская Россия, и его временем — зима.

В редакционном примечании к публикации говорится:

«Стихотворение доставил Ал. Кулёмкин, б<ывший> студент Литературно-Художественного Института имени Валерия Брюсова».

Есенин, IV, 414.

Г.А.Бениславская вспомнит (1926):

«Исключительные нежность, любовь и восхищение были у Сергея Александровича к беспризорникам. <...>

Характерный штрих. Идем по Тверской. Около Гнездниковского восемь-десять беспризорников воюют с Москвой. Остановили мотоциклетку. В какую-то "барыню", катившую на лихаче, запустили комом грязи. Остановили за колеса извозчика, задержав таким образом автомобиль. Прохожие от них шарахаются, торговки в панике, милиционер беспомощно гоняется за ними, но он один, а их много. "Смотрите, смотрите, — с радостными глазами кричит Сергей Александрович, — да они всё движение на Тверской остановили и никого не боятся. Вот это сила. Вырастут — попробуйте справиться с ними. Посмотрите на них: в лохмотьях, грязные, а всё останавливают и опрокидывают на дороге. Да это ж государство в государстве, а ваш Маркс о них не писал". И целый день всем рассказывал об этом государстве в государстве».

Восп., 2, 66.

См. также: 12 ... 13 (?) нояб. 1924; до 16 нояб. 1924; 16 нояб. 1924, первая запись.

1923, конец ... 1924. Есенин пишет З.Н. Райх:

«Зинаида Николаевна,

мне очень неудобно писать Вам, но я должен.

Дело в том, что мне были переданы Ваши слова о том, что я компрометирую своей фамилией Ваших детей и что вы намерены переменить ее.

Фамилия моя принадлежит не мне одному. Есть люди, которых Ваши заявления немного беспокоят и шокируют, поэтому я прошу Вас снять фамилию с Тани, если это ей так удобней, и никогда вообще не касаться моего имени в Ваших соображениях и суждениях.

Пишу я Вам это, потому что увидел: правда, у нас есть какое-то застрявшее звено, которое заставляет нас иногда сталкиваться. Это и есть фамилия.

Совершенно не думая изменять линии своего поведения, которая компрометирует Ваших детей, я прошу Вас переменить мое имя на более удобное для Вас, ибо повторяю, что у меня есть сёстры и братья, которые носят фамилию, одинаковую со мной, и всякие Ваши заявления, подобные тому, которое Вы сделали Сахарову, в семье вызывают недовольство на меня и обиду в том, что я доставляю им огорчение тем, что даю их имя оскорблять такими заявлениями, как Ваше. Прошу Вас, чтоб между нами не было никакого звена, которое бы давало Вам повод судить меня, а мне обижаться на Вас: перемените фамилию Тани без всяких реплик в мой адрес, тем более потому, что я не намерен на Вас возмущаться и говорить о Вас что-нибудь неприятное Вам».

Есенин, VI, 162, 580.

См. Приложение.

1923. Есенин пишет стихотворение «Грубым дается радость...»

Есенин, IV, 186, 307, 413.

Датируется по фрагменту чернового автографа (частное собрание).

Ю.Н. Либединский вспомнит о разговоре с Есениным об этом стихотворении:

«— Сережа, у тебя вот сказано:

Мальчик такой счастливый
И ковыряет в носу.
Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с эфтой силой
В душу свою не лезь.

Ведь слово "эфтой" — это все-таки оборот не литературный, вульгаризм.

Он оставляет мою аргументацию без всякого внимания.

— А как иначе ты скажешь? С "этою" силой? — спрашивает он, смеется, и разговор прекращается, чтобы возобновиться спустя несколько дней.

— Помнишь, ты говорил о нарушении литературных правил? — напоминает он. — Ну, а тебе известны эти строки:

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв...

— Гумилев? — Мастер, верно? А ведь тут прямое нарушение грамматики. По грамматическим правилам надо бы сказать: "И руки, которыми ты обняла свои колени, кажутся мне особенно тонкими". Ну, что-то в этом роде: "обняв" или "обнявшие"? Но "обнявшие колени" — ничего не видно, а "колени обняв" — сразу видишь позу...

Есенин жил в стихии языка, как ласточки живут в стихии воздуха, и то, что ученым воронам могло казаться нарушением правил языка, было виртуозным владением им. Чтобы так "нарушать" правила языка, надо в совершенстве им владеть».

Восп., 2. 144–145.

Отрывок из поэмы Есенина «Отчарь» («Ах, сегодня весна...», строки 65–84) публикуется в «Сборнике революционных и трудовых стихотворений» (М.: Жизнь и Знание, 1923; составитель Ф.К<оган>).

В Петрограде выходит коллективный стихотворный сборник И.Васильева, Е.Панфилова, В.Ричиотти «Певучая банда». В стихотворении последнего упоминается Есенин:

Пусть Есенина в строках ловят,
Ричиотти — не меньший черт
(Черногрудое жирное поле
Градо<п>рутница больно сечет).

Как и он, я такой же кочевник,
Те ж грибы под луною берем.
Нашим сердцем в любой харчевне
Вы упьетесь, как крепким вином.

Вишь, в кружок оболванены волосы,
А под воротом тела хлеб.
Те же песни, иным лишь голосом,
Повторяю на сходке в селе.

Эка невидаль — пальцем тычет,
Что запел наравне с другим.
У меня в глазенапах бычьих
Тоже плещутся песен струги.

Значит, дай расплескаться словом
И по строкам босым походить,
И в твою бестолковую голову
Мои умные песни налить.

См. Приложение.

В Государственном издательстве Украины (Харьков, 1923) выходит книга А.Машкина «Литература и язык в современной школе: Эскизы», в которой уделяется значительное внимание рассмотрению творчества Есенина.

Для выяснения «орудия творчества» автор прибегает к социологическому методу.

Из главы «Социальная динамика "языка" и "литературы"»:

«Перейдем к "литературе" как предмету школьного обихода. <...> Тема: личность как отражение определенных производственных отношений. Перед нами поэзия Есенина, с его деревней, озерами, лугами, коровами, собаками, с ее легендами. Деревня в привольном краю, где классовые противоречия еще не выявились, довольства-достатка много. Есенин — детище таких отношений. Анализ его стихов указывает на это. В результате — решение философской проблемы».

Из главы «Художественное слово»:

Сравнивая произведения поэта-пролетария В.Кириллова и крестьянина-художника Есенина, автор пишет, что первый равнодушен к природе, а второй живет этой природой, и продолжает:

«...природа награждает поэта своеобразным языком, колоритными образами, что дает в руки школьнику верное средство для распознания социального "я" художника слова. <...>

Перед нами — Сергей Есенин, один из популярных ныне поэтов. Постараемся по его произведениям подойти к определению его классовой сущности, точнее, отыскать в Сергее Есенине "реального" автора. Памятуя социально-психическую подоплеку городского подростка и, кроме того, библиотечную скудость, берем только "Радуницу" и "Голубень", где автор не совсем еще "оманжетился" по-столичному. Посмотрим на сюжеты его произведений. В их центре — крестьянская изба, двор с его живым и мертвым инвентарем. Вот одно из многочисленных стихотворений, рисующих только что названное явление:

Пахнет рыхлыми драчёнами <цитируется полностью>

Если здесь идет речь об отдельном крестьянском хозяйстве, то ряд других произведений того же автора рису<е>т деревню в целом: ее быт, природу, ее окружающую. Вот одно из таких стихотворений:

Гой ты, Русь моя родная <цитируется полностью>

Такую деревенскую идиллию дополняет ряд других произведений поэта. Чтобы не утомлять читателя, приведем лишь небольшую цитату из стихотворения "Табун". <...>

Таковы типичные произведения Есенина, рисующего деревенский быт, скорее — деревенскую идиллию. <...> Впрочем, мирный покой и довольство сельской жизни всё же нарушаются <приводится фрагмент "Руси">.

Но деревенский быт не исчерпывается хатой и табунами коней, кротким Спасом и душистыми лугами, девичьим смехом и тальянкою. С этим бытом органически срослась легенда про угодников божьих и других членов божественной иерархии до кроткого Спаса включительно. Здесь и путешествие господа-бога в одеянии нищего, его испытания людской веры и доброты, здесь и матерь с пречистым сыном на руках, посылающая его в мир; здесь в лапотках и "милостник" Микола, с котомкой за плечами и с посохом в руке, бродит по земле для защиты скорбью "вытерзанного" люда; здесь Сергей Есенин видит и своего рыжего деда, который с небеси сеет благочестивые сентенции. <...>.

Что же дает наблюдение над темами и содержанием произведений Есенина? <...> Первое из приведенных рисует бесспорно зажиточное крестьянское хозяйство, второе — деревенскую идиллию с "веселым плясом" на лугах, третье — идиллию пастушескую до свирели пастуха включительно, четвертое — молочные реки, кисельные берега: "и в полях и в небе — рай", в рощах — "неизбывные стада", вся округа "тонет в копнах хлеба". Даже четвертое стихотворение, где идет речь об отправлении ополченцев на войну, свидетельствует о богатстве крестьянской "мирной" семьи, что позволяет этим мирным пахарям производить при прощаньи следующие манипуляции:

Клали в сумочки пышки на сахаре
И пихали на кряжистый воз.

<...> Взлелеявший Есенина край — один из тех "медвежьих уголков", покоящихся в приуральской <так!> степной полосе, среди богатой природы, благодаря чему "здесь всё обильем дышит". Край этот далек еще от классовых противоречий. По своему социальному укладу он напоминает патриархальный быт, с его "уравнительной" зажиточностью и праздничной идиллией, с простодушной верой в бога, с его угодниками-святителями, странствующими и путешествующими по земле для испытания и блага человечества, с его верой в черта, стремящегося похитить душу христианскую. Поэт пригвожден к этому быту. Ему понятен "земли глагол", но этот глагол — власть земли

не производственно-трудовая, где хлеб насущный дается упорным трудом земледельца, но празднично-радостная. <...>

Всё это с определенной ясностью вскрывает социальное "я" Сергея Есенина. Он вырос на фоне зажиточной крестьянской семьи, твердо уверенной в своей экономической базе, а потому и не боящейся ее разложения. Мало того, эта семья, при патриархальном укладе жизни в своем привольном и богатом краю, не понимала да и не знала классовой борьбы. Полная независимость жизни — таков ее идеал. <...>

Но революция докатилась и до есенинского медвежьего угла, всколыхнула его, заставила осознать свое политическое положение, в результате чего появилось на родине поэта тяготение к вольно-привольной жизни, к вольным Советам и другим атрибутам анархического житья-бытья. <...> В результате — непроизвольный протест против такого правопорядка, бунтарство за вольное государство, за вольное общество, что выражено Есениным уже в его "Марфе Посаднице", возбуждающей новгородцев против Москвы, причем необходимо отметить, что на стороне вольницы новгородской сам господь-бог со ангелами и своими слугами-голубями, посредством которых он ведет свою переписку с Марфою; на стороне же московского государя, восставшего против "вольницы", сатана-антихрист, купивший душу московского владыки. Лозунг Марфы очень напоминает те принципы, во имя которых подымалось и стихийное и осознанное бунтарство зажиточного крестьянства, — за вольные Советы и за право самостоятельно созидать свою жизнь, отмежевавшись от общегосударственного строительства. В этом центр тяжести видит Есенин и в новгородских войнах с Москвою <цитируется "Марфа Посадница">.

И лозунг "Что нам Московия" проходит красной нитью через позднейшие произведения Сергея Есенина, жалеющего о "стертом революцией быте" своей патриархальной деревни. "Московия" ставит памятник Марксу; наш поэт хотел бы поставить его... корове, этому символу крестьянского собственнического благополучия. Недаром берлинское издательство "Скифы" печатает поэмы Есенина, чего, конечно, не случится с произведениями Петра Орешина или Кириллова.

Теперь перейдем к методам выявления поэтической мысли Есенина, к внешней форме его произведений.

<...> И лексика, и метафоры, и синтаксис Есенина по существу своему социальны: они говорят о том же, о чем и внутренняя форма его произведений. Да и сам поэт сознает это. Не раз говорит он: "овсяным ликом питаю дух" или: "в незримых пашнях растут слова, смешалась с думой ковыль-трава". Эти авторские самосвидетельства лишь подчеркивают и углубляют те выводы о поэтическом стиле, которые добыты путем наблюдений над лексикой и синтаксисом языка рассматриваемого нами поэта.

<...> Для того, чтобы более ярко оттенить творчество того или другого поэта, необходимо приводить целый ряд иллюстраций художников другой социальной среды. Так, в параллель есенинскому представлению о грозе, когда "чашка неба расколота, тучи рваные кутают лес" и "ржут, как сто кобыл", — следует привести представление этого же грозового момента у рабочего-поэта Василия Казина, который в стихотворении своем "Небесный завод" данную картину рисует так <...>

Противоположность Есенину полная: и по сюжету и по языку при одной и той же теме. Такой контраст, несомненно, углубит социальное понимание художественных произведений учащимися и расширит их знакомство с литературными явлениями».

Далее автор сопоставляет произведения Есенина с текстами другого крестьянского поэта – П.Орешина, а также пролетарского поэта В.Кириллова.

Характеристика поэмы «Пугачев»:

«Сергей Есенин создает поэму "Пугачев". Заказ Революции выполнен, но как? Так же, как и "Марфа Посадница", поэма социально совершенно бесформенная. В "Пугачеве" нет никакой общественно-экономической подоплеки, вызвавшей к жизни пугачев-

щину. Это и естественно, так как эта подоплека совершенно чужда, а потому и непонятна нашему поэту. На сцене нет массы, создавшей названное явление. Здесь отчасти атаманские молодцы, но и они остаются в тени при пугачевском Величестве. Последний — бунтарь ради бунта. И только. Действительный Пугачев остался непонятым. В результате — заказ плохо выполнен, ибо он навеян чуждой поэту средой».

См. Приложение.

Чешский журнал «Cesta» (№ 3) печатает статью Франтишека Кубки «Поэты современной России. (Характеристики). I. Сергей Есенин» («Básníci dnešního Ruska. Charakteristiky I. Sergej Jesenin»):

«Сын беднейших деревень Руси. Из Рязанской губернии. В детстве его окружала нищая изба, деревянный стол с самоваром, лавка у печи и замазанные глиной стены.

В Рязанской губернии ходят только в соломенных лаптях, подобных сербским опанкам, длинном коричневом тулупе. Весна бывает пламенно красивой от красных нарядов женщин и полевых маков на необозримом горизонте сплошного цветущего пространства. Нищета деревень, долгие перелеты уток над болотами. Песня девушек под распускающейся сиренью. Ветряная мельница. Белая с зеленым церковь, где под звон колоколов празднуется Пасха.

В черных избах в ночь языческого сборища. Пылкая мистика первобытных чувств. Экстаз бичующих богослужений. Таинственные последующие скопления мужиков, пьяных от водки и безумных от раздразненного азиатского идолопоклонства, напоминающего культ Иштар. Неизвестная, "хмельная, мистическая, во Христе юродивая (это особое название для парсифальской «чистой глупости») Русь" — это атмосфера, в которой жил деревенский парень Есенин.

Он не забыл ни эту Русь, ни то, когда во время войны вошел в литературные кружки московского крыла футуристов — к имажинистам. Имажинизм (теоретиком которого является Вадим Шершеневич) разлагает мир на образы. Вдохновляется исключительно визуально и видит революцию поэзии в революции формы. Вносит в анархический (звукоподражательный) стиль футуризма культуру образа. Уплотняет разложенный мир заново. Строит вокруг себя ощущения впечатлений, собранные в мировоззренческие образы. Сравнивает, субъективирует, рисует. Становится поэзией живописи. Имаж — образ — выражает всё: тихую вибрацию души, момент природы, политический призыв, эротический возглас сердца.

Есенин привел имажинизм от теоретического блуждания к художественному акту. В нем жила поэтическая душа деревни. Чтением классических поэтов он развивал форму. Его стих напевен и пластично живописен одновременно. Его образы залиты золотой дымкой икон. Читал Библию. Вжился в мистику монастырских рукописей. Иногда кажется, что он воспроизводит художественные видения Васнецова. (Прерафаэлизм, залитый восточными красками византийской мистики). Бичующие возгласы одухотворенной плоти, животного богоматериализма, струящиеся из его мужицкой души с правдивостью, проникнутой верой.

А поскольку именно в России происходит рабочая и крестьянская революция, он становится поэтом революционной деревни. Надевает маску хулигана, босяка, озорника. Он "последний поэт русской деревни". С детской простотой он боготворит "Русь, малиновое поле и синь, упавшую в реку... холодной скорби не измерить, ты на туманном берегу". Идет босым по этой таинственной земле, которую любит за всё то печально-свирепое и варварски-святое, что живет в ней и в русском мужике. Любит каждый стебель на убогих полях, ржание коня, бревенчатые мосты, соломенные крыши

склеенных грязью изб. И радуется, что эта русская деревня дожила до "двенадцатого часа". Поет панихиду русской, мужицкой деревне, так как уже приближалось благословенное царство заводов и городов. Сам он, хулиган, "когда босые ноги он в лужах осенних макал"? А теперь он "ходит в цилиндре и лакированных башмаках", отдалился от деревни и, стоя на Красной площади Москвы, поет библейским напевом весть о граде Инонии, где живет божество живых. "Инония" — великое видение коммунистического рая. Есенин растет — по-уолтуитменовски — над Русью. Весь воздух выпьет, кометой вытянет язык. "До Египта раскорячит ноги, в оба полюса снежнорогие вопьется клещами рук. Коленом придавит экватор и под бури и вихря плач пополам нашу землю-матерь разломит, как златой калач. И видит тебя, Инония, град, где живет божество живых, с золотыми шапками гор. Радуйся, Сионе, Проливай свой свет! Новый в небосклоне вызрел Назарет".

Провозглашает новый Назарет материализма с глубоким духовным прочувствованием. Хулит крестьянского Бога, будучи полным мистической силы и величия. Отталкивается от души и создает чистую мистику. Хочет всей силой своих языческих инстинктов отвернуться от Китежа и Радонежа, хоть и падает перед ними на колени. Хулит Бога библейскими словами.

Русско-византийский Христос возвышается над ним. Над молодым бунтом его твердого мужицкого лба зажигается свет святых образов из сельских домов и золотых монастырей.

"Господи, я верую!.. Но введи в свой рай дождевыми стрелами мой пронзенный край".

"По тебе молюся я из мужичьих мест; из прозревшей Руссии он несет свой крест... нет за ним апостолов, нет учеников".

Христос, мистический сеятель любви, властвует над коммунистическими мечтами Есенина. Он молится на Него хулой, Его тело — изрыгает изо рта (однако все-таки тело, чудо Преображения), весь мир манит легендами, чтобы осмеивал, чтобы обла ивал и чтобы молился. Вероотступник, который каждым проклятием взывает: "Победил ты, Галилеянин".

И вот мы подошли к основной проблеме раннего творчества Есенина: он принял, признал революцию материалистических ценностей. Он прочувствовал ее по-мужицки, дал ей сельское выражение. Но в то же время пошел дальше. Искать духовные ценности революции. И здесь вернулся обратно: к правилам русской культурной жизни, к православию. К христианству, которое выросло из крови крестьянского племени и дало цветы пламенных, мистических видений. Культура монастырей, Радонеж, легенды русского средневековья, философия Владимира Соловьева, Андрей Белый, Александр Блок... Что-то чисто русское, стародавнее и при этом самое современное, сегодняшнее есть в поэзии Есенина. Такова была поэзия, которой еще не коснулась кровожадная тенденция московского политизированного творчества, воплощенного в поверхностном "Пугачеве" (1922), еще до того, как рязанский сын стал мужем Изадоры Дункан, которая приехала в Москву танцевать "Интернационал" и потом взяла его на аэроплане с собой в Берлин и в великий мир Запада. Вот книжки и отдельные длинные стихотворения, которые молодой Есенин (род. в 1896 <так!>) издал в "Трудовой артели художников слова" в Москве и которые позднее переиздали в Берлине в издательстве "Скифы" и других: "Голубень", "Преображение", "Триптих", "Октоих", "Трерядница", "Исповедь хулигана", "Товарищ", опубликованные в 1918–1922 гг.

Если русская социальная революция действительно вынесла из русской деревни какое-то оригинальное и новое явление, то именно в поэзии этого молодого человека, который имеет все возможности стать великим поэтом».

Перевод А.В.Амелиной.

См. Приложение.

Чешский журнал «Host» (год 2, № 3–5) печатает статью Н.Мельниковой-Папоушковой «Sergej Jesenin»:

«...Есенин, вышедший из северных крестьян, т. е. из самой исконной и коренной среды, связан с Россией и всеми ее земными проявлениями не только разумом, но и всеми чувствами, всеми порывами души. <...>

С этой точки зрения он продолжает лучшую традицию русских поэтов, начиная с Пушкина и заканчивая Белым и Блоком, которые говорили о сладости дыма отечества, о безграничной любви к нищей России, чьи убогие песни сладки, как слезы первой любви. Но Есенин не мечтатель, он хочет всё взять в руки, потрогать, придать этому обычную жизненную форму и наполнить ее высшим религиозным содержанием; поэтому он любит не только Россию, которая дремлет "в своей веселой грусти", но это также и крепкая новая "О Русь, малиновое поле..." <цитируется третья и четвертая строфы стихотворения "Запели тесаные дроги..."> <...>

Особенно ярко и завораживающе Есенин говорит о родине в стихотворении "Русь", где пленяют сердце слова о хижинах, лесах, о тощих волках, сенокосах, писке комаров и о том, что поэт любит свою кроткую родину, но почему — не может никак разгадать. Однако это не все понятия, которые Есенин связывает с именем своей страны; кроме того, что-то очень духовное, божественное и даже церковное он считает фундаментом, на котором стоит Россия. Есенин смотрит на Русь немного по-сектантски, немного по-славянофильски, он вечно ждет, что снизойдет на нее дух Божий, и верит в ее высокое предназначение. Он чувствует женственность своей родины и поэтому предсказывает, что в ней воплотится не Христос, а Богородица. Есенин по своему научному и философскому образованию далек от В. Соловьева и неославянофилов, которые хотя и говорят то же самое, но видят воплощение в четвертой божественной сущности — Софии. Однако различия в вере практически нет. <...>

Можно не соглашаться с тем, что Есенин является единственным певцом России, однако нельзя не признать, что он действительно глашатай деревянной избяной сельской Руси, которую никто так хорошо и близко не знает, как он. Он не восхваляет, не превозносит Россию, но погружается в ее недра, выбирая себе настроение и материал для своих стихов. Каждая травинка, корова, пес, весь ход сельской жизни присутствуют в его поэзии. И верно он говорит о себе и других сельских поэтах:

Из трав мы вяжем книги.

Из этого стиха суть творчества Есенина видна яснее, чем из всех сборников. Он поэт России, даже, скорее, только мужицкой России. Его занимает деревенский уклад жизни, весь его круговорот с весны до осени и снова до весны, который он воспринимает не только как тяжелую работу, но и как служение Богу, созидание жизни. Перед его взором проходят неодушевленные предметы, как, например, хлеб; и животные — корова, собаки, кошки, вороны — полноценно участвуют в жизни. Также в этом случае он самостоятельно идет по пути, о котором говорил В.Соловьев, — человек возносится к Богу и вместе с тем возносит животных и всю природу. У этого русского парня мы неожиданно находим выражение наивысшего христианства, сформулированного в другую эпоху и в другой стране св. Франциском Ассизским. Как прекрасно могли бы друг друга понять католический святой и озорной, то веселый, то грустный русский поэт. Ведь первый говорил: "Братья мои — волки" и читал проповеди птичкам и цветам, а второй, возможно, даже не осознавая этого, написал от сердца: "Сёстры-суки и братья-кобели".

<...> Особенно интересно и характерно то, что Есенин вносит в добывание неодушевленных предметов сильный элемент страдания <...>. Так, в "Песни о хлебе", пора-

жающей трагизмом, написанной уже в голодающей России, Есенин дает нам образ жатвы как массового убийства. По его мнению, каждый сноп лежит, как желтый труп, колосья срезаются, как шеи лебедей, в зернах он видит мелкие кости, а в соломе плоть. Печально становится от его обвинения, что люди немилосердны и жестоки. Он считает, что по всей стране бродят лишь убийцы и злодеи. Люди страдают от недостатка любви и переизбытка неосознанной злобы. <...>

Однако эти слова производят более печальное впечатление, когда из других произведений Есенина мы узнаём, что дьяволы усыпили землю, что единственное спасение — в новом пришествии Христа, что бесконечно тяжело восходить к Богу по лестнице без приступок. <...>

Одна сторона творчества Есенина направлена вниз к линии жизни; другая устремляется вверх к Владыке мира. Нечто наверху находится не где-то на границе небесного купола, но близко от нас: нужно лишь вглядеться, и потом мы увидим, что каждое проявление жизни божественно. Родная земля – не что иное, как ясли, в которых отдыхает сын Божий, а мужицкое племя должно его неустанно благословлять. <...>

Есенин верит, что он не единственный, кто чувствует вездесущесть Бога, что и многие другие видят в елях крылья херувимов и голодающего Спасителя, который в тряпье шагает по дорогам широкой России.

Помимо этого изображения человеческой жестокости он говорит о ветхом старце, который дал свой черствый калач изнуренному и печальному Христу. <...> Божественное не значит у него всегда мистическое, очень часто это только высший дух интимности, при котором всё пылает внутренним светом. Но так же, как слово "отелись", обращенное к Богу, не является богохульством, так им не является и высказывание о том, что "Исайя пас с ним его златых коров" (у Есенина даже есть одно стихотворение <"Инония">, посвященное пророку Иеремии).

И дальше в той же "Инонии", которая призвана быть городом будущего вместо города Победителя, на которого он надеялся раньше, Есенин дотла сжигает всё, чему раньше поклонялся; он хочет убрать с икон лица мучеников и святых, выклевать все молитвы из книг, проклинает Радонеж и все святые места во имя града Инонии и его золотых пиков гор. И все эти обещания, что придет нечто новое, заканчиваются песней, которая и формой, и внутренним содержанием неотличима от раннего мировоззрения Есенина <цитируются заключительные строки "Инонии">.

Несмотря на то, что всё время повторяется слово "новый", в Инонии нет ничего, что могло бы считаться началом нового творчества Есенина. Форма здесь также не является для поэта простой обложкой, слова для него не пустые звуки — они крепко срослись с содержанием, это символы высоких понятий, и поэтому говори Есенин о новом Спасителе и о Христе как угодно, у читателя создается впечатление и религиозности, и даже церковной традиции. Резкие выпады против прошлого объясняются у Есенина тем самым чрезмерным воодушевлением, преданностью революции, которая осмыслялась им не только политически и нравственно, но и чисто поэтически. Из этой же революции Есенин ринулся в имажинизм, который, однако, он с легкостью преодолел благодаря истинному таланту и глубокой христианской вере и доброте. Ведь уже после "Инонии" он писал в "Кобыльих кораблях" и "Исповеди хулигана" о братьях-кобелях и сёстрах-суках и о том, что очень любит свою родину. Сердце Есенина переполнено любовью в миру, его гнев вспыхивает только при взгляде на несправедливость и жестокость. Кроме того, в нем крепко сидит старая сельская закваска, о которую разбиваются волны революции. Он, как лукавый рассудительный мужик, пробует, то так, то эдак, что лучше, что справедливее для всего сельского народа. Он пробует революцию, имажинизм и возвращается к вере отцов, к староверскому кресту, к простому рассказу матери.

Есенин не может оторваться от почвы, слишком глубоко он пустил корни в землю, в которой его отцы и деды веками пахали, он живет ее традицией как нравственной, так и литературной. Индивидуализм — в его случае это лишь большой, светлый талант, который на путях, пройденных его величайшими предшественниками, создает свои особые, пламенные, воинственные и все-таки только песни, русские и родные, как пушкинский стих или песня ямщика».

Перевод А.В.Амелиной.

См. Приложение.

В Лондоне (издательство «John Lane The Bodley Head Ltd.») выходит антология «Modern Russian Poetry» (составление и перевод Б.Дейч и А.Ярмолинского) с отрывками из стихотворений Есенина «Табун» (ст. 1–8) и «Голубень» (ст. 9–16, затем 1–8) и с 3-й частью поэмы «Преображение».

Это повторение американского издания книги (1921; см.: Летопись, 3 (1), 241).

Отклик см.: после 20 авг. 1924, вторая запись.

Издательство «Кайдзося» выпускает в Токио «Собрание стихотворений рабоче-крестьянской России» («Роно Росия сисю», перевод и предисловие Кэйси Осэ) со стихотворениями Есенина «Там, где вечно дремлет тайна...» и «Нивы сжаты, рощи голы...» и его поэмами «Инония» (переведены строки 5–11 и 35–48) и «Преображение» (полностью).

В предисловии К.Осэ отмечается, что при составлении антологии был взят за основу сборник «Поэзия большевистских дней» (Берлин, 1921). Это, очевидно, нашло отражение и в оформлении токийского издания — на его обложке по-русски значится то же название (см. Приложение).

Однако по сравнению с берлинской книгой К.Осэ значительно расширил авторский состав своей антологии, практически вдвое увеличив его. В ней представлены (в порядке следования) переводы произведений А.Блока, А.Белого, В.Брюсова, В.Каменского, О.Мандельштама, Н.Полетаева, Н.Агнивцева, В.Ходасевича, Есенина, И.Эренбурга, С.Обрадовича, А.Дорогойченко, Н.Колоколова, П.Орешина, Н.Клюева, И.Соколова, В.Князева, В.Маяковского, А.Оленина, Б.Пастернака, А.Случановского, И.Грузинова, Г.Владычиной, Д.Бедного, Р.Ивнева, В.Александровского, М.Герасимова, работницы Рудневой, А.Мариенгофа, В.Хлебникова. В берлинскую же «Поэзию большевистских дней» вошли стихи лишь четырнадцати из этих тридцати авторов (А.Блок, А.Белый, И.Эренбург, Есенин, В.Каменский, А.Мариенгоф, Р.Ивнев, Г.Владычина, А.Оленин, А.Случановский, П.Орешин, Б.Пастернак, И.Грузинов, Н.Агнивцев; полный список семнадцати ее участников см., напр.: Юсов-94, 94). Кроме того, К.Осэ в ряде случаев изменил состав той или иной подборки стихов по сравнению с берлинской книгой. В частности, из десяти текстов Есенина, содержащихся в ней (их перечень см.: до 19 янв. 1921), он перевел лишь «Там, где вечно дремлет тайна...» и «Преображение», но добавил при этом переводы отсутствующих там стихотворения «Нивы сжаты, рощи голы...» и фрагментов «Инонии».

Из предисловия К.Осэ:

«В пару Маяковскому появился новый поэт — Сергей Есенин. Если первый — поэт города, то второй — поэт деревни. Есенин — сын мужика-крестьянина, поэтому он привык не к городской, а к крестьянской жизни. Он поет холмы, реки, облака. Верхарн творил в парижском кабинете, Есенин — гоняя коров по рязанским полям. Он принадлежит к крестьянским поэтам, но лишен обычных для них консерватизма и религиозности. В его творчестве видны совершенно иные тенденции – ведь нельзя не почувствовать изумление от преобразований, которые пережила деревня, когда для уборки урожая на полях стало применяться электричество. Конечно, это не консервативно и не религиозно. Среди его произведений особое внимание обращает на себя высоко оцененная критиками "Инония", с ее богохульством и провозглашением самого себя пророком. "Инония", как пишет Иванов-Разумник, это земля, где "люди не обречены на покаяние". Это понятие не географическое, но относящееся к человеческому духу.

С Есениным схож Анатолий Мариенгоф. Читавшие его <стихотворение> "России" и "Преображение" Есенина <оба эти текста есть как в берлинской "Поэзии большевистских дней", так и в антологии К.Осэ> отмечают близость этих двух произведений».

Перевод В.Э.Молодякова по экземпляру книги из собрания г-жи Татиэ Миямото (Токио).

См. Приложение.

Болгарский журнал «Модерно изкуство» (Варна, 1923, № 4) публикует стихотворение Есенина «Я снова здесь, в семье родной...» в переводе Евгения К. Теодорова.

Сообщено Каменом Михайловым.

Международное издательство «Renaissance» (Wien; Berlin; Leipzig; New York) выпускает в Вене книгу «Русское лицо революции: Антология современных русских поэтических произведений...» («Das russische Revolutionsgesicht: Eine Anthologie zeitgenössischer russischer Dichtungen...»; составление, перевод и предисловие Савелия Тартаковера) с поэмой Есенина «Преображение» (полностью) и фрагментом стихотворения «Голубень» (ст. 9–16, с заголовком «Под голубым небом»).

Книга описана по тит. л. На ее обложке — имя и фамилия составителя и другое название: «Россия смеется и плачет...» («Russland lacht und klagt...»).

Кроме предисловия С.Тартаковера «Волшебный сад русской поэзии», где заходит речь и о Есенине, антология содержит четыре части и приложение. Первая часть целиком отдана поэме А.Блока «Двенадцать». На шмуцтитуле второй части указано: «Два русских крестьянских поэта / "Преображение". Поэма Сергея Есенина / "Песнь Солнценосца" Николая Клюева / (переведено размером оригиналов)».

Третья часть озаглавлена — «Из современной русской лирики (миниатюрная антология)». Здесь, кроме Есенина, представлены (по одному произведению или отрывку произведения) С.Надсон, А.Блок, Н.Агнивцев, В.Маяковский, М.Герасимов, А.Ахматова, Г.Сидоров, В.Шершеневич, И.Эренбург, А.Мариенгоф, Рюрик Ивнев, Савелий Тарт [С.Тартаковер], Андрей Белый.

Четвертая часть содержит переводы рассказов Ю.Слёзкина и С.Юшкевича, а приложение — статью А.Блока «Интеллигенция и революция».

Материалы антологии С.Тартаковера предоставлены для наст. издания Мишелем Никё.

1923 ... 1924. Есенин делает дарственную надпись З.П.Фельдману на книге «Избранное» (М., 1922):

«Зиновий Петрович Фельдман, примите сии вирши и не осудите. С. Есенин».

Есенин, VII (1), 226.

1924

Январь, 1. Есенин пишет предисловие к предполагаемому «Собранию стихов и поэм» в двух томах:

«В этом томе собрано почти все, за малым исключением, что написано мной с 1912 года. Большие вещи: “Страна негодяев”, “Пугачев” и др. отходят во 2-й том.

Всё творчество мое есть плод моих индивидуальных чувств и умонастроений. Мне не нужно было бы и писать предисловия, так как всякий читатель поймет это по прочтении всех моих стихов, но некоторые этапы требуют пояснения.

Самый щекотливый этап — это моя религиозность, которая очень отчетливо отразилась на моих ранних произведениях.

Этот этап я не считаю творчески мне принадлежащим. Он есть условие моего воспитания и той среды, где я вращался в первую пору моей литературной деятельности.

На ранних стихах моих сказалось весьма сильное влияние моего деда. Он с трех лет вдалбливал мне в голову старую патриархальную церковную культуру. Отроком меня таскала по всем российским монастырям бабка.

Литературная среда 13–14–15 годов, в которой я вращался, была настроена приблизительно так же, как мой дед и бабка, поэтому стихи мои были принимаемы и толкуемы с тем смаком, от которого я отпихиваюсь сейчас руками и ногами.

Я вовсе не религиозный человек и не мистик. Я реалист, и если есть что-нибудь туманное во мне для реалиста, то это романтика, но романтика не старого нежного и дамообожаемого уклада, а самая настоящая земная, которая скорей преследует авантюристические цели в сюжете, чем протухшие настроения о Розах, Крестах и всякой прочей дребедени.

Поклонникам Блока не следует принимать это за то, что я кощунственно бросаю камень на его могилу.

Я очень люблю и ценю Блока, но на наших полях он часто глядит как голландец. Все же другие мистики мне напоминают иезуитов.

Я просил бы читателей относиться ко всем моим Исусам, Божьим Матерям и Миколам как к сказочному в поэзии.

Отрицать я в себе этого этапа вычеркиванием не могу так же, как и всё человечество не может смыть периода двух тысяч лет христианской культуры, но все эти собственные церковные имена нужно так же принимать, как имена, которые для нас стали мифами: Озирис, Оаннес, Зевс, Афродита, Афина и т. д.

В стихах моих читатель должен главным образом обращать внимание на лирическое чувствование и ту образность, которая указала пути многим и многим молодым поэтам и беллетристам. Не я выдумал этот образ, он был и есть основа русского духа и глаза, но я первый развил его и положил основным камнем в своих стихах.

Он живет во мне органически так же, как мои страсти и чувства. Это моя особенность, и этому у меня можно учиться так же, как я могу учиться чему-нибудь другому у других».

Есенин, V, 222–224.

Издание, намечавшееся к выпуску в издательстве «Круг» (1924), не состоялось.

Отрывок этого текста войдет в статью А.К.Воронского «Литературные силуэты: Сергей Есенин» (см.: до 16 — до 29 февр. 1924, первая запись) и вызовет отклик А.А.Туринцева (журн. «Своими путями», Прага, 1925, № 6–7, май–июнь).

Есенин пишет В.И.Вольпину письмо и доверенность на ведение дел по изданию книги «Москва кабацкая»:

«Дорогой Валентин Иванович!

Очень благодарен Вам за устройство с книгой. Посылаю Вам доверенность и прошу отпустить из Вашего склада за деньги 2 книги моей сестре — Когана и Устинова о новой литературе. Буду весьма признателен. <...> Очень хорошо было бы, если б издатель сделал один оттиск книги наскоро. Это нужно Воронскому. Он в “Красной нови” пускает обо мне большую статью с большим вниманием к “Москве кабацкой”».

Есенин, VI, 163.

Вероятно, речь идет о книгах П.С.Когана «Литература этих лет, 1917–1923 гг.» (Иваново-Вознесенск, 1923; см.: до 6 дек. 1923) и Г.Ф.Устинова «Литература наших дней» (М., 1923; см.: конец окт. ... до 15 нояб. 1923). Фрагменты статьи А.Воронского см.: до 16 – до 29 февр. 1924, первая запись.

См. также: конец нояб. 1923; нояб. – дек. 1923, первая запись; 2 дек. 1923, первая запись; 19 дек. 1923, первая запись; 28 дек. 1923; конец дек. 1923 – янв.– февр. 1924; 12 янв. 1924; 19 янв. 1924, четвертая запись; февр. – март 1924; после 14 апр. – до 6 мая 1924, третья запись; до 19 июля 1924.

Газета «Правда» (№ 1) сообщает:

«В первых числах января выходит № 7 журнала “Красная новь” <за 1923 год>. Содержание <...> стихи <...> Есенина».

Петроградский журнал «Жизнь искусства» (№ 1) указывает в анонсе, что в следующем номере будут напечатаны стихотворения Есенина.

Ни в указанном, ни в последующих номерах журнала за 1924 год стихов Есенина нет.

Берлинская газета «Накануне: Литературная неделя» (№ 1) дает рецензию Р.Гуля (псевдоним: «Эрг») на книгу Е.Аничкова «Новая русская поэзия» (Берлин: издательство И.Ладыжникова, 1923):

«...слаб человек — не удержался и написал очень плохие страницы о Маяковском, Есенине и др. А следовало бы последовать высказанной истине, оставаясь в "пределах своего поколения"».

См.: до 3 июня 1923, первая запись.

Газета «Русь» (София; № 231) публикует фельетон М.Первухина «Гнусный режим», в котором упоминается Есенин:

«...старый режим наградил нас сонмом безграмотных и бездарнейших писателей — каковы Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Островский, Достоевский, Тургенев, Толстой и т. д.

Новый режим куда благороднее. Он подарил русскому народу Демьяна Бедного, Стеклова-Нахамкиса, Пильняка, Есенина. Орлы! Гении!»

Январь, 1 или **после 1.** Есенин получает книги П.С.Когана «Литература этих лет, 1917–1923 гг.» (Иваново-Вознесенск, 1923) и Г.Ф.Устинова «Литература наших дней» (М., 1923).

Обоснование события см.: 1 янв. 1924, вторая запись.

Январь, 1 – 26. Есенин продолжает лечение в санатории (Б. Полянка, 52).

Границы события определяются по распискам об оплате за лечение (см.: 3 янв. 1924; 19 янв. 1924, третья запись).

Пишет экспромты и дает автографы пионерам, выступающим с чтением стихов.

Ф.Гущин вспомнит:

«По утрам его навещал пионерский отряд. С веселым шумом, с разноцветными транспарантами, с есенинскими стихами на устах врывается в фойе санатория стайка пионеров, а поэт — радостный и улыбчатый — мчался со второго этажа к ним навстречу. Он брал у них тетради, подписывал автограф: "Сергей Есенин". Наиболее способным поэт вписывал в тетрадку тут же экспромтом сочиненное стихотворение».

Хроника, 2, 104.

См.: 19 янв. 1924, первая запись.

Январь, 2 ... Февраль, до 2. Выходит журнал «Красная новь» за 1923 г. (№ 7) со стихотворениями Есенина «Пускай ты выпита другим...» и «Дорогая, сядем рядом...» с посвящением «Августе Миклашевской» и под общим заголовком «Любовь хулигана».

Нижняя граница события устанавливается по сообщению о предстоящем выходе издания (см.: 1 янв. 1924, третья запись) верхняя — по информации о выходе и поступлении номера в продажу (газ. «Правда», 1924, 2 февр., № 26).

См. также: вторая половина авг. 1923, вторая запись; до 22 сент. 1923; 22 сент. 1923, первая запись; сент. – нояб. 1923, первая запись; 9 окт. 1923, первая запись; 14 окт. 1923, вторая запись; 13–31 дек. 1923, вторая запись; 16 марта 1924, вторая запись; до 19 июля 1924.

См. Приложение.

Январь, 3. Вносится плата за пребывание Есенина в санатории и дается расписка:

«За лечение и содержание С.А.Ясенина <так!> с 27 / XII по 11 / I 1924 в Центральном санатории 82, 5 черв. рублей / 156 в ден. зн. 1923 г.) получено <подпись нрзб.> 1924. I. 3».

Шубникова-Гусева-2008, 246.

Деньги за пребывание Есенина в санатории, скорее всего, внесены Г.А.Бениславской.
См. также: 1–26 янв. 1924, первая запись; 19 янв. 1924, третья запись.
См. Приложение.

Январь, 4. В.Шершеневич пишет А.Кусикову в Париж:

«Сергей? Ну, о нем говорить не приходится. Он совершенно спился, пишет плохие стихи, скандалит (об этом ты знаешь из газет), сейчас он в санатории, но с ним отношения у меня всегда дружески-чужие. <...>

Мы с Толей на днях выпускаем № 3 "Гостиницы <для путешествующих в прекрасном"; см.: до 8 февр. 1924>". <...> Приходится настолько дипломатично держать линию <в литературной борьбе>, что даже Сергею и Рюрику <Ивневу> не дали писать статей. <...>

О твоей работе здесь мы знаем очень мало. Ты знаешь Сережкино плохое к тебе отношение. Он, приехав, конечно, уверял, что Кусиков всех предал, ругает, забыл и так далее. Таким образом, то, что ты пишешь <о своей деятельности>, явилось для меня большой неожиданностью...».

Журн. «Cahiers du Monde russe et soviétique», Paris, 1974, t. XXV, fasc. 1/2, p. 211–212 (публ. Ж.Нива).

Газета «Новое время» (Белград; № 810) дает неподписанную информацию «Не вынесла душа поэта» о «деле четырех поэтов».

Информация излагается по материалам берлинской газеты «Руль» (см.: 20 дек. 1923, вторая запись).

Январь, 5. Журнал «Книгоноша» (№ 1; рубрика «Теория и история литературы»; подпись: «И. Б.») публикует рецензию А.Исбаха (И.А.Бахраха) на книгу П.С.Когана «Литература этих лет. 1917–1923» (Иваново-Вознесенск, 1924), в которой упоминается Есенин:

«Говоря о Есенине, он <П.С.Коган> не дает четких, определенных характеристик, которые о том же писателе дал Троцкий».

См.: до 6 дек. 1923; до 20 апр. 1924, вторая запись.

Газета «Брянский рабочий» (№ 4) в объявлении о подписке на журнал «Красная нива» называет Есенина в числе авторов журнала в 1923 году.

Январь, 6. Петроградский журнал «Зори» (№ 1; рубрика «Хроника искусств»; подпись: «Б.») печатает материал «В институте истории искусств» с упоминанием Есенина:

«С начала учебного года интенсивно работает студенческая организация — кружок по изучению современной литературы при разряде словесных искусств. Состоялось четыре доклада: о Есенине, Пильняке, Вал. Брюсове, Гумилеве.

<...> Под наблюдением руководителя кружка, литературного критика П.Д.Жукова, ведется коллективная работа по составлению библиографического обзора современной художественной критики».

Январь, 10. Харьковская газета «Коммунист» (№ 8; страница «Литература. Критика. Искусство») помещает статью А.Рашковской «Современные поэты», в которой заходит речь о Есенине:

«В Москве — веселые погромы имажинистов, дикие декламации и захлебывающаяся самореклама "левого фронта", стремительно взлетевший Пастернак, стремительно сам себя обкрадывающий Маяковский, "стальной соловей" Н.Асеев — и присяжный "заумник", не стареющий Вас. Каменский.

Когда-то тихими песнями всполошил Сергей Есенин — тихими и печальными, — теперь взорвался электричеством современности — "исповедью хулигана", залихватской "Трерядницей". Бродяжит по Европам, кощунствует талантливо:

Тысячи лет те же звезды славятся,
Тем же медом струится плоть.
Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, Господь...».

Январь, 12. Г.А.Бениславская пишет В.Вольпину:

«Валентин Иванович!

Дело вот в чем: Главлит принципиальное согласие дал на "Москву кабацкую", но, чтобы они выдали бумагу, надо будет точно указать: 1) кто издает (изд-во); 2) в какой типографии будет печататься и 3) какой тираж. Сообщите мне эти сведения в "Бедноту" (2–59–44) сегодня или в понедельник утром, тогда я в понедельник уже получу разрешение. В "Бедноте" вызовите к телефону Назарову или Козловскую и передайте. Кстати сообщите — будете ли Вы в понедельник в ГУМе. Всего хорошего. Привет от Сергея Александровича. Г.Бениславская».

ГБЛ, ф. 416, карт. 6, ед. хр. 26.

Выполнить требования Главлита не удалось и печатание книги зимой 1924 сорвалось.

См также: конец нояб. 1923; нояб. – дек. 1923, первая запись; 2 дек. 1923, первая запись; 19 дек. 1923, первая запись; 28 дек. 1923; конец дек. 1923 – янв.-февр. 1924; 1 янв. 1924, вторая запись; 19 янв. 1924, четвертая запись; февр. – март 1924; после 14 апр. – до 6 мая 1924, третья запись; до 19 июля 1924.

Январь, 13. Журнал «Крокодил» (№ 1) помещает рисунок Бор. Ефимова «Кошмарный сон коммуниста после дискуссионного собрания».

Среди изображенных художником персонажей — Есенин в паре с Л.Сосновским.

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

См. Приложение.

Январь, до 14. В Милане выходит «Антология русских поэтов XX века» («Antologia dei poeti russi del XX secolo», Milano: Fratelli Treves, 1924), составленная и переведенная Р.Г. Олькиеницкой-Нальди, с фрагментами поэмы Есенина «Инония».

Дается перевод первой части поэмы (полностью) и начальных 20 строк ее последней части (сделанная переводчицей купюра в печатном тексте не отмечена). После заголовка («Dal poema "Inonia" (1920) <так!>») следует эпиграф — две строки из второй части произведения («Обещаю вам Град Инонию, / Где живет Божество Живых!»).

Граница события определяется по рецензии на книгу (см.: 14 янв. 1924, четвертая запись).

В антологии представлены переводы на итальянский язык стихотворений 32-х авторов (Вл. Соловьев, И.Анненский, В.Брюсов, Вяч. Иванов, Ф.Сологуб, З.Гиппиус, Д.Мережковский, Н.Минский, М.Волошин, И.Бунин, Н.Гумилев, С.Городецкий, М.Кузмин, К.Бальмонт, И.Северянин, А.Блок, А.Белый, В.Гофман, К.Фофанов, Ю.Балтрушайтис, О.Мандельштам, А.Ахматова, М.Лохвицкая, Л.Столица, М.Цветаева, С.Дубнова, М.Шкапская, М.Шагинян, Н.Клюев, С.Есенин, В.Маяковский, Н.Рерих).

Фрагменты «Инонии» предваряются заметкой переводчицы «Сергей Есенин» (с ее курсивом):

«В поэме Есенина "Инония" ("Инакая", сказала бы я, переводя это слово) некоторые мистические идеи нового времени находят глубокий отклик. Новое христианство, рожденное революцией, отвергающее прежние пути страдальческого терпения и уже отразившееся в поэмах Блока и Белого, наносит серьезный удар по христианству официальной Церкви. Инония — это новый Назарет.

Поэты революции верят в то, что Россия — страна, где среди крови и невыразимых страданий свершается Пришествие. В мире рождается не идея, голая и абстрактная, но *сама плоть нового мира*. Конечно, не всем дано понять предзнаменование, пробивающееся сквозь очистительную бурю. На возглас: "Новый Назарет перед вами" — вновь дается ответ: "Из Назарета может ли быть что доброе?" <Иоанн. I, 46>.

В своей поэме Есенин с несомненной поэтической силой и поразительной революционной верой изображает картину нового мира, Инонии, где живет Божество Живых, картину пришествия Христа бунтарей».

Перевод С.С.Субботиной.

См. Приложение.

Журналист Д.И.Степанченко вспоминает:

«Автору этих строк довелось в 1973 году побеседовать с Р.Олькиеницкой-Нальди <...> Она сообщила, что подбор стихов русских поэтов и перевод их на итальянский язык она завершила осенью 1923 г. Рукописи переводов просмотрел и одобрил известный славист Этторе Ло Гатто».

Степанченко Д. Поэзия Есенина на родине Овидия и Данте. — Газ. «Modus Vivendi International», М., 1995, № 5, март.

Январь, 14. А.М.Алексеев обращается к Есенину с предложением выступить на вечере:

«Уважаемый Сергей Александрович!

Будьте настолько добры сообщить запиской, найдете ли Вы возможным выступить на вечере вместе с Д.Бедным и Маяковским или только вдвоем с Маяковским.

Если указанный состав Вас не удовлетворит, то согласны ли Вы на Ваш самостоятельный вечер? О форме необходимо поговорить.

Вечер предполагается в 20-х числах (22-го) января.

Когда и где я могу Вас видеть?

Организатор Вашего первого вечера А.Алексеев».

Письма, 234.

А.М.Алексеев организовал вечер Есенина в Политехническом музее (см.: 21 авг. 1923, первая и третья записи).

Ответ Есенина:

«Самостоятельный вечер я готов устроить. Но вдвоем с кем-либо считаю неудобным по направлению. Приветствую и жму руку. С. Есенин. 14 янв<аря> 1924

А если групповой, то было бы лучше. С. Е.».

Есенин, VI, 163, 583–584.

Намерение А.М.Алексеева провести этот вечер не осуществилось.

Есенин пишет Н.П.Савкину:

«Дорогой Коля.

Благодарю тебя за всё теплое отношение ко мне. Приветствую жену твою. Был бы рад, если заглянул когда. С любовью жму руку».

Есенин, VI, 163–164, 583–584.

Пражская газета «Огни» (№ 2; подпись: М. С.) помещает рецензию М.Слонима на книгу «Antologia dei poeti russi del XX secolo» (Milano, 1924):

«В Милане вышла “Антология русских поэтов XX в.”, составленная госпожой Р.Нальди. <...>

“Антология” открывается первыми “символистами” — В.Соловьевым и Ин. Анненским и доходит до Есенина и Маяковского. Выбор авторов и стихотворений сделан очень хорошо. Каждому поэту предпослано краткое критико-биографическое замечание. Перевод точен, но составительница предпочла его сделать белым стихом. Поэтому итальянскому читателю “Антология”, к сожалению, не может дать никакого понятия о музыкальном богатстве русской поэзии последнего двадцатилетия».

Э. Ло Гатто, однако, оценивал «Антологию...» более высоко. Д.И.Степанченко отмечает:

«В римской газете “Идеа национале” 8 февраля 1924 года он <Э.Ло Гатто> поместил рецензию, в которой писал, что “по-настоящему прекрасны строфы, переведенные Нальди”, и горячо рекомендовал книгу итальянским читателям».

Газ. «Modus Vivendi International», М., 1995, № 5, март.

См.: до 14 янв. 1924.

Январь, до 15. В журнале «Красный перец» (№ 1; за январь) — «Краткий обзор литературы: От Октября до наших дней» со словами:

...Авгуры кашляли в отставке,
Тряслись на старенькой строфе
И жеребятами на травке
Паслись Есенины в кафе...

Январь, до 16 ... до 31. В издательстве «Петроград» выходит книга Л.М.Клейнборта «Очерки рабочей журналистики: 1873–1923 гг.», в пятой главе которой («В наши дни /1918–1922 гг./») заходит речь о Есенине.

Кн. летопись, 1924, № 2, янв., поз. 359.

Автор пишет:

«Наши пролетарии не “народ”, не “трудовое мещанство”; это рабочие в индустриальном смысле слова, отграничивающие себя и от интеллигенции ремесленного-трудового типа, и от крестьянских поэтов и беллетристов вроде Клюева и Есенина. Суриковцев, выразителей полурабочего, полукрестьянского мещанства, “Гудки” охарактеризовали так:

Известно, суриковцы вечно
Служили проходным двором.
И, как народники, сердечно
Писали тощеньким пером.
И что теперь? Теперь, как прежде,
Они молчат, молчат, молчат...
Наверно, в пламенной надежде
Хотят писать для правнучат.

“Старые затасканные истины, проникнутые непролетарским чувством жизни, образы, чуждые коллективизму, мутный старческий взгляд на новый день”, — вот физиономия суриковцев в изображении “Кузницы”. — “Многие, писавшие гимн папиросам и лайковым перчаткам”, возомнили себя пролетарскими поэтами. Не раз устно и печатно и суриковцы-народники накладывали на работу свою печать “пролетарское”. <...>

Не менее резко отходят наши пролетарии от певцов земли.

"Говорят, что я скоро стану знаменитый русский поэт", — пишет сам о себе Есенин. Знаменитым поэтом он не стал, а стал имажинистом и в "новой одежде преподал нам ощенившуюся суку". И это в то время, когда у израненного пролетариата кружится голова от напряжения. Все они, эти Есенины, претендуют быть "революционерами", "вождями в литературе", но "зачем же выпустили вперед эту обнаглевшую челядь буржуазии сеять чертополох!" ("Гудки", № 2, стр. 13. "Крестьянские поэты"). Вот отличительные черты писателя из крестьян, по словам Бессалько. Он недоверчиво смотрит на попытку "железных людей" победить природу: природа для него почти что бог. Город для него — это Содом и Гоморра и заслуживает уничтожения. Жизнь должно строить на сельском укладе. Без телеграфов, без машин, без проституток. Русское крестьянство глубоко религиозно, и писатели-крестьяне не могут освободиться от народно-религиозных образов, поддерживая, сами того не желая, падающую религию. Но это "понижает волю к нашей победе. Зачем бороться за социализм, когда там, на небе, лучше, чем на земле у нас?"

"Поэты, не создавайте душевных потемок, — восклицает Бессалько. — Кто из вас любит бога, тот равнодушен к людям. Мы сами из собственного мозга сделаем себе подругу жизни — машину. Но мы не боимся проклятий бога, ибо для нас не существует бога".

Разумеется, Клюев и Есенин не то, что интеллигенция, пришедшая от буржуазии. Ибо в "разрушительной части рабочей программы очень заинтересовано крестьянство". Но вот, "как только силы реакции будут уничтожены, и пролетариат начнет осуществлять коммунистический социализм, вот тут-то он встретит некоторое несочувствие и непонимание со стороны мужицкого рая".

За кем будущее?

Писатели, искренние коммунисты, должны подумать, какой строй нужен для России, для ее развития — рабочий ли социализм или тот строй, который писатели деревни называют мужицким раем. Разумеется, они признают "Железного Мессию, а не Спаса, рожденного в яслях" (П.Бессалько. "О поэзии крестьянской и пролетарской")».

См. также: Летопись, 2, 173–174, 257–258.

См. Приложение.

Январь, 18. Газета «Вечерняя Москва» (№ 15) дает разъяснение по постановлению Народного суда Краснопресненского района от 11 октября 1923 г. <об инциденте 15 сентября 1923 г.>, соединив его с «делом четырех поэтов»:

«Ввиду ходящих по городу слухов, что в ближайшие дни народным судом Краснопресненского района будет слушаться дело о хулиганстве поэта Есенина, выразившемся в произнесении юдофобских речей и оскорблении милиции, сотрудник "Веч. Москвы" обратился к председателю Краснопресненского суда тов. Андрееву, который и сообщил ему, что следственный материал вытребован прокуратурой Наркомюста и в ближайшие дни дело Есенина разбираться не будет.

Предварительным следствием установлено, что, кроме выкриков на юдофобские темы и ведения чисто погромных разговоров, Есенин оскорбил участкового надзирателя 46 отделения милиции, назвав его "жуликом", "взяточником", "хамом", "хулиганом" и "жандармом".

Есенину предъявлено обвинение по ст. 176 уголовного кодекса, говорящей о хулиганстве и предусматривающей заключение сроком до одного года».

«Дело № 1598» от 11/X–1923 г. больше к судебным заседателям не поступало и до судебного разбирательства доведено не было.

См.: Материалы, 311–316.

См. также: с 15 на 16 сент. 1923; 14 дек. 1923, четвертая запись; 30 дек. 1923, первая запись.

Январь, 19. Есенин пишет для шестилетней девочки Марины Ивановской шуточное стихотворение «Как должна именоваться Марина»:

Скажу вам речь не плоскую,
В ней все слова важны:
Мариной Ивановскою
Вы звать меня должны.
.....
Перо мое не славится,
Подчас пишу не в лад,
Но больше всего нравится
Мне кушать «шыколат».

Есенин, IV, 254, 463.

М.Ивановская приходила в санаторий с пионерским отрядом читать стихи.

Ф.Гущин напишет:

«Ивановская была одной из любимиц Есенина».

Хроника, 2, 104–105.

См.: 1–26 янв. 1924, вторая запись.

Есенин на время уходит из санатория.

Материалы, 132, 317.

В объединение московских санаториев им. С.С.Корсакова поступает оплата за пребывание Есенина в санатории на Б. Полянке, 52:

«Объединение московских санаториев им. Корсакова
19 января 192<4> г.
Квитанция № 9714
Руб. 82.50
à 5700 р = 470.250
Получено от гр. Есенина С.А. четыреста семьдесят тысяч двести пятьдесят руб. д. зн. 23 в уплату за продолжение пребывания в санатории с 11 по 26 января 24 г.».

ИРЛИ, ф. 817, оп. 1, ед. хр. 213 (подлинник расписки, заверенной печатью учреждения).

См. также: Шубникова-Гусева-2008, 246; 3 янв. 1924.

См. Приложение.

Оформляется соглашение:

«И.С.Морщинер, с одной стороны, и В.И.Вольпин — с другой, действующий по доверенности С.А.Есенина, заключили настоящее соглашение на “Москву кабацкую” размером 524 строки, тираж 3000 экземпляров».

Письма, 234.

См. также: конец нояб. 1923; нояб. – дек. 1923, первая запись; 2 дек. 1923, первая запись; 19 дек. 1923, первая запись; 28 дек. 1923; конец дек. 1923 – янв.–февр. 1924; 1 янв. 1924, вторая запись; 12 янв. 1924; февр. – март 1924; после 14 апр. – до 6 мая 1924, третья запись; до 19 июля 1924.

Январь, с 19 на 20. Есенин задержан в результате инцидента в кафе «Домино» и доставлен в 46-е отделение милиции, где подписывает протокол допроса и дает подписку о невыезде:

«В случае перемены адреса я, Есенин С.А., обязуюсь поставить в известность нач<альника> 46 отд<еления> милиции и за пределы Москвы не выезжать. С. Есенин».

Есенин, VII (2), 215, 341–343.

Участковый надзиратель Мальцев сначала составляет «Протокол», который подписывает доставивший Есенина милиционер Громов (см.: Материалы, 316–317), а затем «Протокол допроса задержанного», подписанный Есениным (Есенин VII (2), 526–527).

О дальнейшем ходе дела см. подробнее: Материалы, 316–321.

См. также: 22 янв. 1924, первая запись.

Январь, 20. Есенин покидает 46-е отделение милиции и возвращается в санаторий.

См. предыд. запись, а также: Материалы, 132.

Берлинская газета «Руль» (№ 950; подпись: «Ск.») помещает статью «Художественная литература в России», где заходит речь о Есенине.

В материале излагается статья А.К.Воронского (см.: 31 дек. 1923):

«У нас есть Кузница, Леф, Круг, Октябрь, Серапионы, Молодая гвардия и много других групп и подгруппок. Все эти группы и группки жестоко друг на друга нападают, полемика переходит в травлю и "литературное цуканье". Вся литературная жизнь засорена "нудными мелочами, дрязгами, суетой и возней". Хулиганские нравы делают всё бóльшие и бóльшие успехи. "Конечно, — говорит Воронский, — очень легко отделаться, отмахнуться от этой «Москвы кабацкой»" (автобиографическое произведение пресловутого Сергея Есенина), рассуждениями на тему об окончательном разложении таких мужиковствующих и крестьянствующих писателей, как Есенин, в противовес здоровой пролетарской литературной среде. К сожалению, всё это в очень малой степени будет соответствовать истинному положению дела. Г. Воронский утверждает, что те же нравы господствуют в пролетарской среде... <...> Это вовсе не подражание Есенину, а яркое отражение общего тяготения к кабацкой Москве».

Январь, после 21. В Петрограде выходит журнал «Новая книга» (№ 1), где в рекламном объявлении о журнале «Красная новь» (1923, книга 7) отмечено: «стихи Есенина».

Граница события определяется, исходя из материалов номера, среди которых есть посвященные памяти В.И.Ленина.

Выпускается журнал «Город и деревня» (№ 8/9) со статьей В.Л.Львова-Рогачевского «Поэт Низовки. — Певец бродячей Руси. — Поэт мятежного духа», в которой идет речь о Есенине.

Граница события определяется с учетом помещенной в номере информации о том, что он был уже сверстан, когда пришла весть о смерти В.И.Ленина; в журнале помещен его портрет в траурной рамке.

Статья В.Л.Львова-Рогачевского посвящена юбилеям С.Д.Дрожжина, В.А.Гиляровского, В.Я.Брюсова. Автор пишет:

«Поэты Тисленко, Пимен Карпов, Ганин, Сергей Клычков, Сергей Есенин — все они нам показали новую деревню, разбуженную первой революцией и сдвинутую с исконных начал революцией 1917–22 года. Все эти поэты за немногими исключениями оторвались от деревни.

Воспитанные на поэзии символистов, влюбленные в юности в "нечаянную радость" Александра Блока, все эти поэты повенчали народную безыскусственную песню с песней утонченной, искусственной <...>. Они дают нам деревню сквозь дымку своих городских переживаний, они литераторы, они знакомы со словарем Даля, они искусники <так!>. Они все с восторгом приняли революцию, пришли с первых же дней в советскую прессу, но, кроме одного П.В.Орешина с его ярко революционным темпераментом, они все в революции — "гости случайные". И если Дрожжин неизменно верен своей Низовке и там сложит свои утомленные руки "только поближе к деревне родной", его внуки Пимен Карпов, Н.Клюев, Сергей Есенин, П.Орешин, С.Клычков, как листья, оторвавшиеся от ветки родимой, будут вместе с метельными хлопьями носиться по улицам городов с их обманчивым электрическим светом <...>, и новая деревня не узнает в песнях Сергея Есенина, Ганина, Карпова, Клычкова с его "*домашними*" песнями себя и своих переживаний. Даже старозаветный дедушка С.Д.Дрожжин ей родней и ближе, ибо он *свой*, а те "сами не свои"».

Январь, 22. Газета «Рабочая Москва» (№ 18) откликается на инцидент в кафе «Домино» анонимной статьей «Новые подвиги поэта Есенина: Санатория не вылечила. — "Скандал в Домино"»:

«Речь идет о "прославившемся своими пьяными выходками поэте Есенине", который "попутно обругал Демьяна Бедного и Сосновского"».

Стиль и манера подачи фактов полностью соответствуют стилю и манере корреспонденций по «делу четырех поэтов».

См.: с 19 на 20 янв. 1924.

Журнал «Рампа» (№ 4) публикует материалы с упоминанием Есенина:

— в рубрике «Быт за неделю» (подпись: «Цвибельфиш»):

«Воронский в новогодней статье <см.: 31 дек. 1923> писал, что не случайно появилась яркая и талантливая "Москва кабацкая" Есенина, что появление этих стихов — очень характерное явление быта наших художников и писателей вообще. Это очень тонкое замечание! Нищенство и бесквартирье определяют богему. Богема — это социальное зло.

Труд писателя (что там ни говори) — труд одинокого, писатель лишен благодатного влияния коллектива (непосредственного влияния), и, если он в наше время переоценки моральных устоев — слегка "распоясался" и что-то уж чересчур много "запел" о "хулиганстве", то вызвать это может не негодование, а сожаление. Моральное "санкюлотство" — болезнь опасная, и дымный угарный запах кафе и пивных — плохое лекарство от этой болезни»;

— в анонсе:

«В феврале выйдет № 3 литературного журнала "Гостиница для путешествующих в прекрасном". В журнале: статьи И.Грузинова, Б.Глубоковского, А.Мариенгофа, М.Ройзмана, А.Топоркова, Р.Ивнева, В.Шершеневича и др. Стихи: Ан. Мариенгофа, В.Шершеневича, М.Ройзмана, И.Грузинова, С.Есенина и др. Рисунки: В.Чекрыгина и Г.Якулова. Проза: Р.Ивнева».

См.: до 8 февр. 1924; 2 марта 1924; 4 марта 1924, вторая запись; до 11 или 11 марта 1924; 7 апр. 1924, четвертая запись.

Январь, 23. В.Шершеневич пишет А.Кусикову в Париж, сообщая о Есенине:

«...прихожу домой и застаю твое большое письмо <оно неизвестно>. Отвечу на него по всем пунктам. <...>

О Сергее. Он вышел из санатория и опять наскандалил <см.: с 19 на 20 янв. 1924>. Хорошо раз, но два — это уже скучно и ненужно. Снова еврейские речи, жандармы и прочие прелести человека, который думает, что ему всё сходит с рук. Мне очень жаль Сережу, но принципиальной глупости я не люблю. Бог с ним! Как человек он кончен, водка добила, дай бог, чтоб он не кончился как поэт».

Журн. «Cahiers du Monde russe et soviétique», Paris, 1974, t. XXV, fasc. 1/2, p. 213 (публ. Ж.Нива́).

Январь, 23 ... 27. Есенин приходит проститься с В.И.Лениным в Колонный зал Дома Союзов, где установлен гроб с телом вождя.

Событие устанавливается по воспоминаниям современников.

Ю.Н.Либединский вспомнит:

«Умер Ленин, и тяжело упала эта потеря на сыновнюю душу Сергея Есенина. Получив пропуск из "Правды", он несколько часов простоял в Колонном зале, не сводя глаз с дорогого лица. Вместе с народом, бесконечной вереницей идущим мимо гроба, и зародились скорбные и полные животворной силы ямбы его "Ленина":

И вот он умер...
Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет».

Восп., 2, 148.

Ф. Гущин отметит:

«Ночью, когда из Дома Союзов вернулся Есенин, я показал ему некролог. Есенин дважды с большим вниманием прочел его и одобрил.

Мне хотелось, чтобы Есенин написал о Ленине. Поэт ответил тогда, что в недалеком будущем будет напечатана его поэма "Гуляй-поле". А сейчас он попытается написать о том, что увидел. Спустя полгода строки Есенина были опубликованы в журнале "Красная новь"».

Хроника, 2, 105–106.

С.С.Виноградская вспомнит (1926):

«Есенин был у гроба Ленина по пропуску газеты "Правда". Пропуск был на 27 января 1924 года».

Хроника, 2, 286.

Январь, 27. Есенин выписывается из санатория на Б. Полянке.

День выписки Есенина из лечебного учреждения до последнего времени в хрониках жизни и творчества поэта определялся предположительно: конец янв. – начало февр. 1924 года (см., например: Есенин, VII (3), 336).

Обоснование даты — на основе вновь обнаруженных источников (см.: 19 янв. 1924, третья запись).

См. также: 1–26 янв. 1923; 3 янв. 1924.

В журнале «Красная нива» (№ 4), вышедшем в день похорон В.И.Ленина, — материалы, нашедшие отражение в работе Есенина над вариантом поэмы «Гуляй-поле» под названием «Повстанцы»:

— статья А.Меньшого «Просто Ленин: уголок В.И.Ленина в Смольном»;

— снимок привала махновцев (1919), сопровожденный отдельной фотографией самого Н.И.Махно.

Подробнее см.: Новое о Есенине, 2, 49–50; Есенин, II, 449.

См. Приложение.

См. также: до 13 нояб. 1923; после 27 янв. – февр. (?) 1924; март (?) ... до 11 или 12 апр. 1924; конец апр. – до 15 мая 1924, первая запись; после 15 мая 1924, вторая запись; после 3 или 4 июня — 14 или 15 июня 1924, вторая запись.

Январь, 27 – Февраль, 13. Есенин живет у Г.А.Бениславской.

Границы события устанавливаются с учетом выписки Есенина из санатория (см.: 27 янв. 1924, первая запись) и даты его госпитализации в Шереметевскую больницу (см.: 13 февр. 1924, вторая запись; 14 февр. — 9 марта 1924).

Январь, после 27 – Февраль (?). При работе над поэмой «Гуляй-поле» (не завершена) Есенин концентрирует внимание на теме, связанной с именем В.И.Ленина.

Нижняя граница события принята с учетом того, что именно в день похорон вождя (27 янв. 1924) в прессе появилось множество откликов на его уход из жизни, в том числе побудивших поэта обратиться (или, точнее, возвратиться) к ленинской теме (см., в частности: 27 янв. 1924, вторая запись).

Сохранились следующие источники текста, относящиеся к поэме «Гуляй-поле»:

— черновые автографы первой незавершенной редакции («Повстанцы»; РГБ) и примыкающего к ней фрагмента с исходной строкой «Но что там за туманной дрожью?..» (его начало находится в РГБ, а продолжение (со строки «[Что раньше грабил царский смрад]...») — в частном собрании);

— черновой набросок начала второй редакции («Надгробный плач нам стал досаден...») и ее беловой автограф с заглавием «Отрывок из "Гуляй-поля"» (ниже — *Ред. II*); находятся в РГБ;

— черновой автограф ст. 34–45 («Ученый бунтовщик, он в кепи...») третьей редакции (ниже — *Ред. III*), известной лишь в печатном виде (Круг-III, с. 227–230), находится в РГБ;

— четвертая редакция (ниже — *Ред. IV*) — печатный текст в составе Круга-III с правкой и вставками автора; хранится в ИМЛИ.

Тексты первой редакции («Повстанцы»), примыкающий к ней фрагмент «Но что там за туманной дрожью?..» (начало), *Ред. II* и *Ред. IV*, а также их варианты см.: Есенин, II, 183–192, 248–254.

Продолжение фрагмента «Но что там за туманной дрожью?..» (ставшее известным уже по окончании издания Полного собрания сочинений поэта и потому не вошедшее в Есенин, II) имеет такой вид (места текста, взятые в квадратные скобки, в автографе зачеркнуты):

[Что раньше грабил царский смрад]
[Его] [Теперь гребет пролетарьят]
И вот, как будто дикий бык,
Вскочил и заревел мужик.

Песнь вторая

[Народ свой]
[Ах, поле, поле, что]
Россия мать! Ах, что за тайна
Меня влечет в твои поля,
И встала первою Украйна,
[Мятеж вел] Мятеж крестьянский запаля,
И чтоб спаять их всех в звено,
Явился атаман Махно.

Махно! Махно! Как много песен
О нем поют [по деревням] теперь у нас,
Где каждый шаг его известен,
Где каждой бабе интересен
О нем какой-нибудь рассказ.

Курчавый, с черной шевелюрой,
Его ли нам сравнять с Петлюрой,
С Антоновым иль с кем другим?

[Нет][Мы][*нрзб*] Плечистый, низкорослый, бравый,
Мы все словетническою <так!> славой
[*нрзб*] Гордимся только им одним.
[Он первый бросил дерзкий вызов]
[На тучу городских девизов]

Цит. по: Юсов Н. Неизвестные отрывки из произведений С.А.Есенина. — Журн. «Современное есениноведение», Рязань, 2006, № 4, с. 77–78.

Полный текст поэмы «Гуляй-поле», обозначенной в подзаголовке отрывка «Ленин», неизвестен, хотя Есенин и читал ее (летом 1924) в кругу друзей как почти законченную (свидетельство И.В.Грузинова: Восп., 1, 356, 497). Впрочем, материал, ставший основой «Гуляй-поля» (если судить по опубликованному отрывку), первоначально предназначался, согласно И.И.Старцеву, для воплощения другого — более широкого — замысла:

«Есенин долго готовился к поэме “Страна негодяев”, всесторонне обдумывая сюжет и порядок событий в ней. Мысль о написании этой поэмы появилась у него тотчас же по выходе “Пугачева” <в дек. 1921>. По первоначальному замыслу поэма должна была широко охватить революционные события в России с героическими эпизодами гражданской войны. Главными действующими лицами в поэме должны были быть Ленин, Махно и бунтующие мужики на фоне хозяйственной разрухи, голода, холода и прочих “кризисов” первых годов революции. Он мне читал тогда же <зимой 1921–1922> набросанное вчерне вступление к этой поэме... <...> Поэму эту он так и не написал в ту зиму и только уже по возвращении из-за границы читал из нее один отрывок. Первоначальный замысел этой поэмы у него разбрелся по отдельным вещам: “Гуляй-поле” и “Страна негодяев” в существующем тексте».

Восп., 1, 414.

«Из автографа “Повстанцев” явствует, что он был начат непосредственно с заголовка; кроме того, имеющееся в нем деление на главки (I, II, III) проводилось не после, а по ходу записи стихотворных строк. Это, без сомнения, означает, что и заглавие произведения, и принцип подачи его текста в виде пронумерованных частей были обдуманы автором заранее.

Эти части имели отчетливые тематические различия. В первой из них говорилось о России, которую “междуусобный рвет раздор”; во второй — о “встревожившем” родину “мятежнике” (Ленине, не названном по имени, но легко угадываемом по портретной характеристике). Судя по началу третьей, Есенин хотел показать в ней настроение русского человека в пору, предшествовавшую революционному взрыву.

Однако на строке “Цвели имперские сатрапы...” (см.: Есенин, II, 248–250) запись текста “Повстанцев” была прекращена, и Есенин, вернувшись ко второй главке произведения, начал его кардинальную смысловую правку. Заменив строку “Россия! Страшный чудный сон” строкой “Украйна! Страшный чудный звон”, он также обозначил к изъятию строки, посвященные Ленину. Самое же их начало (“Суровый гений <и т. д.>”) было подвергнуто переработке немедленно. При этом, без сомнения, имелся в виду уже другой герой — “задорный гений”, готовый, “ловко вспрыгнув на коня”, лететь “навстречу буре”. Если сопоставить эту характеристику человека с местом, где тот должен был действовать в произведении Есенина (“Украйна”), то даже по этим немногим словам можно понять, что имя нового героя — Нестор Махно.

Эту правку Есенин не завершил и, прервав ее буквально на полуслове (“лет<ит?>”; см.: Есенин, II, 185), отложил работу над поэмой.

Спустя некоторое время — уже на бумаге другого формата и другим карандашом — эта работа была продолжена. Скорее всего, вновь вернувшись к тексту “Повстанцев”, автор решил углубить народную мужицкую тему, намеченную в первой главке произведения.

Так появился черновик, начинающийся со строки “Но что там за туманной дрожью?..” (начало этого текста см.: Есенин, II, 185–186). Судя по наличию в нем подзаголовка “Песнь вторая”, он предназначался для развития сюжета “Повстанцев” (к тому же имя Махно здесь уже называется прямо). Однако эта редакция так и осталась незавершенной.

Из изложенного видно (в полном соответствии со свидетельством И.И.Старцева) как то, что героями поэмы Есенин действительно хотел сделать “Ленина, Махно и бунтующих мужиков”, так и то, что замысел поэта “разбрелся по отдельным вещам” (Восп., 1, 414).

Вторая редакция произведения — *Ред. II* — была доведена до стадии белового автографа за подписью: "Сергей Есенин". По справедливому наблюдению первого исследователя творческой истории "Ленина" Ю.Л.Прокушева, здесь "авторская подпись как бы подчеркивает, что это — законченное произведение" (журн. "Москва", 1975, № 10, с. 186). Но и эта редакция не была отдана в печать.

Лишь третий вариант (*Ред. III*) — под заглавием "Отрывок из поэмы" — вышел в свет в "Круге-III". Есть основания полагать, что фрагмент "Ученый бунтовщик, он в кепи..." (см. его как составную часть *Ред. IV* в Есенин, II, 189) присутствовал в не известной ныне наборной рукописи, сданной Есениным в Круг–III, но не был пропущен редактором альманаха А.К.Воронским (см. об этом: Субботин С.И. К истории текстов "Иорданской голубицы", "Ленина" и "Песни о Евпатии Коловрате". — Новое о Есенине, 2, 59–60).

Ред. IV была исполнена автором непосредственно на печатном тексте "Отрывка из поэмы" в Круге-III — Есенин выправил его и включил в него два значительных фрагмента: первый — "Ученый бунтовщик, он в кепи...", второй — строки, завершающие "Отрывок", начиная от слов "Его уж нет!..". Правка была выполнена здесь с исключительной тщательностью — были не только устранены опечатки и искажения, но расставлены недостающие знаки препинания и даже многоточия в конце строк и целые строки точек, разделяющие части текста. Кроме того, кое-где было изменено взаимное расположение этих частей — автор ликвидировал два пробела между строками, а в трех случаях из одной строки сделал две. Следует подчеркнуть, что указанные исправления и дополнения поэт произвел единовременно, одними и теми же красными чернилами, завершив текст подписью: "Сергей Есенин".

Однако последняя прижизненная публикация отрывка "Ленин" в Стр. сов. не содержит фрагмента "Ученый бунтовщик, он в кепи...", в остальном (кроме разбивки на строки) практически совпадая с *Ред. IV* <о возможных причинах этого см.: до 20 янв. 1925>. <...>

Для выяснения источников портретной характеристики Ленина, находившихся в поле зрения Есенина в момент создания своего произведения, было предпринято систематическое обследование литературы о вожде (с 1918 по 1924). В результате выяснилось, что:

— основными источниками (как текстуальными, так и изобразительными) послужили для Есенина прежде всего сб. "Ленин", Харьков, 1923 (сост. В.Крайний и М.Беспалов; далее сокращенно — Л-23; о его выходе см.: до 13 нояб. 1923) и номер журнала "Красная нива" (1924, № 4, 27 янв.; вышел в день похорон Ленина; см.: 27 янв. 1924, вторая запись);

— среди конкретных мест статей из этих источников, где поэт почерпнул необходимый ему фактический и лексический материал, — "Рисунок пером" Н.Осинского (Л-23, с. 42, 45), "Владимир Ильич Ленин" А.Луначарского (Л-23, с. 59), "По соседству с Владимиром Ильичом" П.Лепешинского (Л-23, с. 68, 71, 76), "Просто Ленин. Уголок В.И.Ленина в Смольном" А.Меньшого (журн. "Красная нива", 1924, № 4, 27 января, с. 94–95). Кроме того, необходимо указать также на стихотворения Н.Полетаева "Портретов Ленина не видно..." (Л-23, с. 5, 55 и 229) и А.Безыменского "Товарищ Ленин" (Л-23, с. 66), с которыми полемизирует в своем произведении Есенин;

— одновременно поэт обращал внимание и на иллюстративный материал, сопровождавший читаемые им тексты. Из этого материала значимыми для него здесь оказались, в частности: а) эскиз Н.Альтмана (Л-23, с. 42) — "лысина, как поднос"; б) фотография (Л-23, с. 153), с которой вождь "смотрел, как русский хулиган"; в) фотография с подписью — "Привал махновцев; крупно — Махно (снимок сделан в 1919 году)" (журн. "Красная нива", 1924, № 4, 27 января, с. 90), — явившаяся, по-видимому, одним из импульсов к началу работы над "Повстанцами" в 1924 г., и др. Детальное рассмотрение выявленных на сегодняшний день источников есенинского словесного портрета Ленина (в том числе и не упомянутых здесь) см. в статье: Субботин С.И. К истории текстов "Иорданской голубицы", "Ленина" и "Песни о Евпатии Коловрате", с. 48–50, 55–59».

С.И.Субботин – Есенин, II, 440–444, 448–449 (с уточнениями и дополнениями).

См.: до 13 нояб. 1923; 27 янв. 1924, вторая запись; март (?) ... до 11 или 12 апр. 1924; конец апр. – до 15 мая 1924, первая запись; после 15 мая 1924, вторая запись; после 3 или 4 июня – 14 или 15 июня 1924, вторая запись.

См. Приложение.

Январь, после 27 (?). Есенин читает поэму «Страна Негодяев» на квартире Д.К.Богомильского.

Время, когда произошло событие, определено с учетом воспоминаний Д.К.Богомильского и даты выписки Есенина из санатория.

Д.К.Богомильский вспомнит:

«Намерение поэта прочитать поэму было встречено с восторгом, и в один из субботних вечеров собрались у меня на квартире слушать поэта Александр Константино-

вич Воронский, Борис Андреевич Пильняк, украинский писатель Калистрат Анищенко, издательские работники Михаил Ильич Кричевский, Сергей Павлович Цитович, Аксельрод, Сахаров, я и моя семья.

Более сорока лет прошло с тех пор, как Есенин читал у меня свою драматическую поэму "Страна негодяев". И теперь, когда пишу эти строки, мне кажется, что вижу поэта за столом, улыбающегося, наклонившего голову к рукописи и читающего:

Чем больше гляжу я на снежную ширь,
Тем думаю всё упорнее.
Черт возьми!
Да ведь наша Сибирь
Богаче, чем желтая Калифорния...»

Восп.-75, 337.

Есенин встречается с Л.Н.Клейнбортом.

Граница события определяется ориентировочно с учетом времени выхода Есенина из санатория. Мемуарист вспомнит:

«...зимой, в одну из своих поездок в Москву, встретился с ним <Есениным> лицом к лицу на Воздвиженке, у кассы Гос<ударственного> издательства.

Так ли он в самом деле изменился, потому ли, что так уже меняли его меховая шуба, бобровая шапка, — они не гармонировали с тем обликом, к которому я привык, — но узнал я его не сразу. И он поздоровался со мной официально. Что-то чужое было в лице, припудренном, как у актера, в волосах, завитых у парикмахера. И лишь когда я подошел к нему, печальная тревога сдавила мне сердце. Он был испит. Волосы редели. Во всей осанке было что-то больное... Видя, что он совсем не идет мне навстречу, я стал подниматься наверх, как вдруг его рука легла мне на плечо.

— Эк вы гоните! — сказал он. Затем, спросив мой адрес, сказал, что на другой день вечером придет ко мне. Но на другой день утром я его вновь встретил на Воздвиженке.

Я входил, он же выходил из Госиздата. Но это был уже другой человек. Улыбаясь прежней улыбкой, он взял меня под руку и повлек вниз.

В забвенье канули года,
Вослед и вы ушли куда-то..., —

цитировал он собственные стихи. Он был весь нараспашку, какой-то легкий. Я предложил ему позавтракать где-нибудь неподалеку. Он тотчас же согласился, повел меня в ресторан, очень чистенький, прямо нарядный для тех лет. Ввиду раннего часа посетителей было еще мало. Но уже играл струнный оркестр. Мы присели у огромных окон, ливших зимний свет на столики, на цветы, на лакеев во фраках. Он закурил, чего, кажется, за ним не водилось прежде.

— Давно, давно я хотел с вами повидаться, — сказал он, не упоминая ни словом о моих письмах. — Здорово изменился я?.. Здорово изменился, Лев Максимович?

Мне не хотелось его огорчать, но он прочел в моем взгляде ответ.

— Ох, ох, — сказал он, — чувствую, весь мой домишко разнесется, всё у меня прахом пойдет. А верно: прошли мои красные дни. И вдруг без перехода:

Теперь любовь моя не та...

<...> Выпил рюмку, другую; опять выпил. И заговорил о Берлине, о Лондоне, о Нью-Йорке. Никакого впечатления, казалось, не произвели на него мировые центры. Что-то зловещее, враждебное для него было в исчадиях техники, индустрии. Тоска пряталась под асфальтом, тоска по первозданному, по тому, что душу облекает в плоть,

но что забываешь под этот лязг, под этот грохот, под этот выдуманный свет. Чем эффектнее были эти центры, тем милее становился ему родительский дом, поля снежные, тишина древняя, что царит и ввысь, и вдаль...».

Клейнборт-98, 270–271.

Январь, после 27 (?) ... Март, до 4. Есенин сдает в издательство «Круг» рукопись книги «Стихи (1920–24)».

Рамки события определяются с учетом слов из письма Г.А.Бениславской Есенину от 4 марта 1924: «Звонила вчера Воронскому — книжка проведена...».

Письма, 234.

А.К.Воронский в то время был литературным и политическим редактором издательства «Круг».

Январь, 28. Пражская газета «Огни» (№ 4) дает информацию о выходе книги профессора Э. Ло Гатто «Русская поэзия о революции» (Рим, 1923) с упоминанием Есенина.

О содержании книги см.: дек. (?) 1923 ... до 28 янв. 1924.

См. также: 25 февр. 1924, третья запись.

Январь, 29. Петроградский журнал «Жизнь искусства» (№ 5) помещает анонимную информацию «В Центральной студии Губполитпросвета»:

«В настоящее время идут работы по постановке <...> трагедии С.Есенина "Пугачев" (режиссер В.В.Шимановский, художник Е.Б.Словцова)...».

См. также: 12 сент. 1923; 14–17 окт. 1923, пятая запись; 16 окт. 1923, первая запись; 27 нояб. 1923; 18 дек. 1923, вторая запись; 15 (?) или 16 (?) июня 1924.

Январь, до 30. Журнал «Красный перец» (№ 2; за январь) под заголовком «Кому что понравилось? (Наша театральная анкета) <...> Отзывы разных лиц» публикует материал Е.Каменщикова с упоминанием имени Есенина:

«Есенин и К* — опера "Жидовка" очень не понравилась».

Январь, конец(?)... Февраль, начало(?). В Варшаве выходит журнал «Nova Kultura» (№ 5) со статьей В.Вандурского «Литература и театр в Советской России» («Literatura i teatr w Rosji Sowieckiej»; подпись W.W.), где заходит речь о Есенине:

«Вести о том, что на самом деле происходит в России, такие скупые, что их нужно выхватывать даже из журналистских корреспонденций. В газете "Курьер Польски" от 19 августа <1923> дается фрагмент письма из Москвы, выдержку из которого мы приводим ниже:

"Большинство этих книг, за редкими исключениями, — а также великолепно редактированный (и лишь формально революционный) «Леф» — издаются Государственным издательством. Это можно объяснить не только тяжелыми издательскими условиями, которые не позволяют принять соответствующие меры, но и тем, что правительство полностью отдает себе отчет, какой превосходной пропагандой могут быть оды Маяковского или поэмы Ясенина <так!>.

Среди фамилий писателей младшего поколения называются прежде всего (кроме Маяковского, Ясенина, Ахматовой, Клюева) имена способного новеллиста Пастернака и поэта Асеева"».

Перевод Ежи Шокальского.

Январь (?). Журнал «Журналист» (№ 9 за 1923 год) публикует подборку материалов «О нездоровых явлениях в литературе», в которой упоминается Есенин:

«Суд над четырьмя поэтами — Есениным, Клычковым, Орешиным и Ганиным — побудил редакцию "Журналиста" поставить вопрос о "нравах" в нашей литературе на широкое обсуждение работников печати.

Редакция избрала форму анкеты. К сожалению, до сего времени откликнулось очень ограниченное число лиц. Уже один этот факт говорит о слабом развитии общественной жизни в нашей журналистско-литераторской среде».

См.: 20 нояб. 1923, четвертая запись; 13 дек. 1923, вторая запись и др.

Февраль, 1 (?) ... 12. Первая встреча Есенина с И.В.Евдокимовым в редакции журнала «Красная новь».

Верхняя граница события определяется с учетом даты 13 февр. 1924 (см.).

Вскоре после смерти Есенина И.В.Евдокимов напишет:

«В Большом Успенском переулке.

Помню, в доморажива́ющие последними морозами дни зимы 1924 года, с небольшим скупым солнцем на полу, вдруг в комнату вошел человек в зимнем пальто, вошел и бросился глазами в глаза. Никогда раньше не видав его, я узнал по прежде попадавшимся портретам Есенина. И мне сразу запомнились — мягкая, легкая и стремительная походка, не похожая ни на какую другую, своеобразный наклон головы вперед, будто она устала держаться прямо на белой и тонкой шее и чуть-чуть свисала к груди, белое негладкое лицо, синеющие небольшие глаза, слегка прищуренные, и улыбка, необычайно тонкая, почти неуловимая. Этот образ запечатлелся. Через два года я глядел в Доме печати на обезображенное лицо удавленника и не мог принять, не узнал его.

За Есениным вошел поэт А.Ганин. Последнего я знал давно: мы земляки. Ганин меня и познакомил с Есениным. Бывший тут поэт Казин стал показывать Есенину какую-то рукопись. Ганин сел к моему столу и спросил о судьбе его стихотворений, находившихся в отделе на просмотре. Я не успел ответить, как Есенин повернулся от Казина:

— Надо, надо взять. У него хорошие стихи, очень хорошие стихи.

На лице у него была застенчивая усмешка. Стихи казались отделу плохими — и не были приняты. Такие разговоры повторялись в дальнейшем: Есенин часто хлопотал то об одном, то о другом поэте. Скоро, в эту мою первую встречу с Есениным, пришел А.Воронский, и поэт перешел с ним в редакторский кабинет.

Наслышанный о скандалах и пьяных кутежах Есенина, я предполагал увидеть его пьяным, но Есенин был трезв. Только веки, когда я жадно и осторожно сбочку рассмотрел его, были с малиновыми бисеринками».

Восп.-95, 459–460.

Февраль, 2. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4024; рубрика «Поступили в продажу») публикует неподписанную информацию:

«“Поэзия большевистских дней” (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

См. также: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая 1922; 5 … 24 июня 1922.

Февраль, 4. Есенин надписывает свою книгу «Голубень» (1918) Е.Г.Соколу:

«Милому Соколу, / Ростом не высокому, / Но с большой душой / Русской / И всё прочее / 1924–4/II».

Есенин, VII (1), 228.

Февраль, до 7. Есенин знакомится с П.И.Чагиным.

Событие отмечается и датируется по воспоминаниям П.И.Чагина:

«В феврале 1924 года я был в командировке в Москве по партийным делам. Вечером накануне дня отъезда в Баку, где я в то время работал вторым секретарем ЦК Азербайджана и редактором газеты “Бакинский рабочий”, <…> познакомился <…> с Сергеем Есениным».

Восп., 2, 160;

«Встреча с Есениным состоялась в Москве до 7 февраля 1924 года, так как после окончания работы II съезда Советов СССР, делегатом которого я был, мне пришлось уехать в Баку 8–9 февраля».

Хроника, 2, 287.

См. также: 8 (?) февр. 1924.

Февраль, 7. Есенин пишет доверенность Н.П.Хорикову на организацию вечера стихов в Рязани (выступление не состоялось):

«Я, рязанец Сергей Есенин, обещаюсь приехать в Рязань и дать вечер моих стихов при условии, что моему отцу и матери в село Константиново пошлют двадцать червонцев по телеграфу при моей подписи».

Есенин, VII (2), 216.

Берлинская газета «Руль» (№ 965) печатает неподписанную заметку «Новый скандал Есенина».

Подробнее см.: 8 февр. 1924, первая запись.

Февраль, 7 или **после 7.** Н.П.Хориков, отправляя в Рязань доверенность, выданную ему Есениным, сопровождает ее письмом:

«При сем посылаю письмо Сергея Есенина. Предполагаемый вечер будет состоять из двух отделений: выступления Есенина с докладом профес<сора> Зубакина (он же поэт). Другое отделение — стихи Ивана Приблудного, Зубакина и мои (Николая Хорикова)».

Есенин, VII (2), 344.

Февраль, до 8. Выходит № 1 (3) журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном» с материалами Есенина и о Есенине.

Граница события устанавливается по сведениям из писем В.Шершеневича А.Кусикову. В одном из них (от 2 апр. 1924) упоминается о посылке № 3 Гост. для А.Кусикова в Берлин через выехавшую туда

Ю.Дижур (журн. «Cahiers du Monde russe et soviétique», Paris, 1974, t. XXV, fasc. 1/2, p. 216), а в другом (от 23 янв. 1924) указывается день отъезда Ю.Дижур за границу — «8 февраля» (ibid., p. 214).

В номере публикуются:

— стихотворения Есенина «Да! Теперь решено. Без возврата...», «Мне осталась одна забава...», «Я усталым таким еще не был...» под общим заголовком «Москва кабацкая».

Этот номер А.Мариенгоф открыл подборкой собственных стихотворений, а есенинский цикл поместил после, что не могло не задеть Есенина: во всех предыдущих номерах журнала произведения располагались строго в алфавитном порядке фамилий авторов. 7 апр. 1924 г. в письме «В правление Ассоциации Вольнодумцев» Есенин напишет: «...в журнале же "Гостиница" из эстетических чувств и чувств личной обиды отказываюсь участвовать окончательно, тем более что он мариенгофский.

Я капризно заявляю, почему Мариенгоф напечатал себя на первой странице, а не меня» (Есенин, VII (2), 217).

Ср. с воспоминаниями Р.Ивнева:

«В № 3 после больших колебаний он <Есенин> всё же дал свою "Москву кабацкую", а в № 4 наотрез отказался сотрудничать».

Восп., 1, 344;

— декларация имажинистов «Восемь пунктов» за подписями А.Мариенгофа, В.Шершеневича, Н.Эрдмана, Рюрика Ивнева и С.Есенина.

Есенин, VII (1), 311–314, 524–528.

«Декларация "Восемь пунктов" была в основном написана Шершеневичем. На это указывает то обстоятельство, что ее центральное ядро (пункт 3) составила опубликованная ранее статья Шершеневича "О терминологии и об идеологии (Дискуссионно)", полемически направленная против статьи А.В.Луначарского "Еще о Театре Красного быта" <см.: 1 сент. 1923; сент. 1923, третья запись> <...> О том, что автором декларации явился Шершеневич, свидетельствует и тот факт, что основные ее пункты в идентичных выражениях излагаются в его же «Открытом письме Александру Кусикову» <см.: 10 февр. 1924> <...>.

С Гост., на страницах которой напечатана декларация "Восемь пунктов", формально связан окончательный разрыв Есенина с имажинизмом.

Печатный орган имажинистов (издавался на протяжении 1922–1924 гг., вышло четыре номера) затевался основательно и на долгое время. <...>

В первых двух номерах Есенин печатался охотно. Он писал Мариенгофу из Парижа (весна 1923 г.): "Стихи берегу только для твоей «Гостиницы». Есть чудесные". <...>

Хотя создатели и подписали декларацию "Восемь пунктов" в числе других именем Есенина, поэт, конечно, не разделял отдельных ее положений (например, такого: "Имажинизм борется за отмену крепостного права сознания и чувства"). Кроме того, и здесь не могло не задеть Есенина то обстоятельство, что Мариенгоф расположил подписи под декларацией в алфавитном порядке... имен имажинистов. Таким образом, подпись Анатолия Мариенгофа оказалась на первом месте, открывая список, а Сергея Есенина — на последнем, завершая его.

В последнем, четвертом номере Гост. Есенин среди ее "постояльцев" уже не значился. Отсутствовал литературный портрет Есенина и в опубликованных в 4-м номере "Масках имажинизма" Бориса Глубоковского (Гост., 1924, № 4). <...>

Участие Есенина в группе имажинистов закономерно завершилось его заявлением о роспуске группы <см.: 31 авг. 1924>».

А.Н.Захаров и Т.К.Савченко — Есенин, VII (1), 311–314, 524–526;

— статья И.Грузинова «Пушкин и мы»:

«Фраза Есенина —

Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедуется хулиган, —

пародирует известную молитву пред причастьем, но с успехом можно ее отнести и к стилю канцелярских бумаг».

Приводя строки из есенинской «Инонии», И.Грузинов отмечает, что это иллюстрирует «пристрастие к гиперболе», «в особенности в раннем имажинизме»;

— объявление:

«В № 4 "Гостиницы" прочтете <...> Есенин "Страна негодяев", поэма».

Публикация не состоялась.

См. Приложение.

См. также: 22 янв. 1924, вторая запись; 2 марта 1924; 4 марта 1924, вторая запись; до 11 или 11 марта 1924; 7 апр. 1924, четвертая запись.

Февраль, 8. Берлинская газета «Руль» (№ 966) помещает письмо И.Дункан и И.И.Шнейдера, связанное с именем Есенина:

«В № 965 "Руля" помещена заметка о поэте Есенине, устроившем недавно <см.: с 19 на 20 янв. 1924> в Москве новый очередной скандал и антисемитское выступление. В заметке этой Есенин упоминается как "муж известной танцовщицы Айседоры Дункан".

В целях исправления неточности в информации и желая оградить имя большой художницы Айседоры Дункан от фигурирования в скандальной хронике, просим поместить нижеследующее:

Айседора Дункан ничего общего с поэтом Сергеем Есениным не имеет и развелась с ним еще в сентябре 1923 года.

Ирма Дункан.

Директор Московской школы Айседоры Дункан И.Шнейдер.

Берлин, 6-го февраля 1924 г.».

Письмо датировано 6-м февраля, т. е. днем раньше появления заметки о Есенине в печати (см.: 7 февр. 1924, вторая запись). Возможно, это просто описка в дате. И всё же стоит отметить, что приехавшие в Берлин И.Дункан и И.Шнейдер беседовали как раз с репортером «Руля»: (1924, 6 февр., № 964, рубрика «Театр и музыка»). Не исключено поэтому, что они могли ознакомиться с указанной заметкой еще в верстке, побывав в редакции газеты накануне выхода № 965.

См.: 22 февр. 1924; Маквей-2004, 375.

Г.А.Бениславская пишет Есенину:

«Милый, хороший Сергей Александрович!

Хоть немного пощадите Вы себя. Бросьте эту пьяную канитель. <...> Несчастие в том, что Вы себя не видите, какой Вы в такие моменты, знаете об этом только по рассказам, а ведь нельзя передать это словами, надо почувствовать. Иначе — если бы по-настоящему поняли, до чего Вы себя доводите — Вы бы сразу же спрятались от всех до тех пор, пока не вылечитесь. У Вас ведь расстройство души, а это страшнее и неприятнее, чем расстройство желудка».

РГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 150 (копия).

Февраль, 8 (?). Есенин приходит в гостиницу к П.И.Чагину. Провожает его на вокзал.

Дата события определяется на основе воспоминаний П.И.Чагина, в которых он отмечает, что выехал в Баку 8 или 9 февр. 1924 (см.: до 7 февр. 1924).

Устанавливается по воспоминаниям П.И.Чагина:

«Рано утром меня в гостинице разбудил энергичный стук в дверь. В неожиданном раннем посетителе я узнал Сергея Есенина. Застенчиво улыбаясь, он сказал:

— Простите, но, кажется, мы вчера с вами перепутали калоши.

Оказалось, действительно так и было. И Есенин не торопился после этого уходить, и я старался удержать его. Он остался и проводил меня на вокзал. Завязалась большая дружба. Он, со своей стороны, скрепил ее обещанием приехать в Баку. А я на его вопрос: "А Персию покажете?" — обещал и Персию показать, а если захочет, то и Индию».

Восп., 2, 160.

Февраль, 9. Есенин задержан в кафе «Стойло Пегаса» и доставлен в 46-е отделение милиции Москвы.

9 февр. 1924 г. ночью С.А.Майзель, находившийся в кафе «Стойло Пегаса», вызывает милиционера, который отводит Есенина в 46-е отделение милиции, где поэта допрашивают.

В 2 ч. 25 м. Есенин освидетельствован в приемном покое, где дано заключение:

«Гр. Есенин С.А. находится в состоянии легкого опьянения».

Материалы, 322–325.

Есенин подписывает протокол допроса и дает подписку:

«9/II-24 г. гр. Есенин С.А. был допрошен и показал следующее. В кафе "Стойло Пегаса" никакого скандала я не делал, хотя был немного выпивши. Сего числа, около 2-х часов ночи, я встал от столика и хотел пойти в другую комнату; в это время ко мне подошел какой-то не известный мне гражданин и сказал мне, что я известный скандалист Есенин, и спросил меня — против ли жидов я или нет? — на что я выругался, послав его по матушке, и назвал его провокатором. В это время пришли милиционеры и забрали меня в 46 отд<еление> мил<иции>. Ругал ли я милиционера взяточником и проч., я не помню. Больше показать ничего не могу».

«9/II-24 г. Есенин дал подписку нач<альнику> 46 отд<еления> мил<иции> о том, что он проживает по Брюсовскому пер., дом № 2, кв. 27, будет проживать там, и о перемене адреса сообщит» (Материалы, 323).

По делу Есенина 14 февр. допрашиваются служащие «Стойла Пегаса»: Е.О.Гартман, официант Г.А.Саорханов.

Материалы, 323–324; Хлысталов, 57–59.

16 февр. дознание будет отправлено в Краснопресненский нарсуд, где определением от 20 февр. будет присоединено к двум ранее заведенным делам (см.: 16 сент. 1923; с 19 на 20 янв. 1924) и назначено к слушанию на 28 февр.

25 февр. 26-е отд. милиции даст телефонограмму 46-му отд. милиции об аресте Есенина, находящегося в это время на излечении в Шереметевской больнице. 24 марта дело будет приостановлено, так как Есенин продолжит лечение в Кремлевской больнице.

Материалы, 324–325.

См.: с 15 на 16 сент. 1923; 23 марта 1924.

Газета «Русь» (София; № 261) дает запоздалую информацию о Есенине (без подписи) под названием «Бей жидов, спасай Россию!»:

«Муж знаменитой танцовщицы Айседоры Дункан, поэт Есенин, который вместе с тремя другими поэтами судился за антисемитизм, вновь 19 января арестован. Войдя в ресторан "Домино" на Тверской, он, как сообщает "Рабочая Москва", в пьяном виде стал громко кричать: "Бей жидов, спасай Россию!" Милиционеры отправили Есенина в участок милиции, откуда он на другой день был отпущен».

См.: с 19 на 20 янв. 1924; 22 янв. 1924, первая запись; 7 февр. 1924.

Февраль, 10. Самарская газета «Коммуна» (№ 1546; рубрика «Литература. Искусство. Наука») помещает неподписанную заметку «Новые подвиги поэта Есенина. Скандал в "Домино"».

Берлинская газета «Накануне: Литературная неделя» (№ 34) публикует «Открытое письмо Александру Кусикову» В.Г.Шершеневича, в котором говорится о Есенине:

«Я много раз говорил "мы". Кто это "мы"? Я говорю о себе, о тебе, Сандро, о Мариенгофе, об Ивневе, Грузинове, Ник. Эрдмане, о молодежи из Петрограда; о Ричиотти, Полоцком, Шмерельсоне... <...>

Я намеренно умалчиваю об Есенине. Не потому, что он не с нами, нет. Он выбит из жизни жизнью. Он заблудился в трехпольной системе: крестьянские плагиаторы, пролетарские бытовики и имажинисты. Он с нами уже по одному тому, что он не может быть с Орешиными... Он слишком талантлив для того, чтоб не быть с нами. Но у Сергея "на пороге двойного небытия" пауза. Может, это даже полезно».

Февраль, до 11. В Париже выходит книга «Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (составитель Д.Святополк-Мирский, издательство «Франко-русская печать», 1924), где:

— под заглавием «"Видели ль вы", из цикла "Сорокоуст"» помещена третья часть поэмы Есенина «Сорокоуст»;

— имеется «Предисловие» составителя с такими словами:

«Я <...> представлял себе мою Антологию цельным, внутренне логическим единством, в котором и ломоносовский Иов, и гитара Аполлона Григорьева, и есенинский жеребенок являются необходимыми и взаимно обусловленными подробностями»;

— в разделе «Примечания» приводятся краткие биографические сведения о Есенине:

«*Сергей Александрович Есенин*, р. 1895, в Рязанской губ.; из крестьян. Несмотря на внешнее сходство (общее всем москвичам), Есенин — полная противоположность Маяковскому. Поэзия его непосредственна, наивна, романтична, он вовсе не работник. В его стихах звучит стихия русской народной поэзии, старой лирической песни и новой частушки; как в них, у него неразрывно связана томящая элегическая грусть с бесшабашным озорством хулигана. Он самый *певучий* из младших поэтов. С особенной силой проявился его песенный дар в "трагедии" "*Пугачев*"(1922)».

Граница события определяется по информации о выходе книги (газ. «Звено», Париж, 1924, 11 февр., № 54).

См. также: 4 мая 1924, первая запись; 18 мая 1924, четвертая запись; май (?) 1924, первая запись; 22 июня 1924, вторая запись; Юсов-94, 103.

Февраль, до 12. Союз крестьянских писателей устраивает вечер памяти В.И.Ленина. Во вступительном слове П.Н.Сакулина упоминается Есенин.

Отклики см.: 12 февр. 1924, вторая запись; 26 февр. 1924.

Февраль, 12. Есенин надписывает З.В.Гейман свою фотографию (снимок 1922):

«Милой Зинаиде Вениаминовне. С любовью. Сергей Есенин. 12/II 24».

Есенин, VII (1), 229.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 35; рубрика «По организациям и кружкам») дает неподписанную информацию «Союз крестьянских писателей»:

«Последнее собрание союза крестьянских писателей было посвящено литературно-художественному вечеру памяти тов. Ленина. Профессор П.Н.Сакулин сказал вступительное слово о значении и развитии крестьянской поэзии, коснувшись творчества поэтов И.З.Сурикова, С.Д.Дрожжина, беллетриста Семенова и некоторых современных писателей (Орешина, Есенина и других), а также работы представителей Всероссийского союза крестьянских писателей».

См.: до 12 февр. 1924; 26 февр. 1924.

Февраль, после 12. Н.Д.Вольпин встречается в Ленинграде с А.М.Сахаровым. Заходит речь о Есенине.

Позже Н.Д.Вольпин вспомнит:

«Двенадцатое февраля двадцать четвертого года.

Приехав, наконец-то, в Ленинград, я поначалу остановилась у родных.

Один из первых моих визитов — к Сахаровым.

Александр Михайлович встречает меня очень дружественно. У него мечта — перетянуть Есенина в Ленинград "насовсем" — и, видимо, он обольщается мыслью, что в этом я окажусь его помощницей».

Как жил Есенин, 342.

Февраль, 13. Есенин во время падения получает рваную рану левого предплечья.

Событие датируется по журналу регистрации больных Шереметевской больницы (ныне Институт скорой помощи им. Н.В.Склифосовского).

Хлысталов, 60–61.

Е.А.Есенина вспомнит:

«Один раз, возвращаясь из школы, я была удивлена, увидев много крови по всей нашей лестнице. <...> С одним из прихлебателей он <Есенин> возвращался домой на извозчике. Извозчика мы знали, потому что он часто нанимался нами на круглые сутки. Ветер сорвал шляпу с головы Сергея и понес ее к тротуару. Сергей побежал за шляпой. На обледеневшем тротуаре он поскользнулся и со всей силой упавшего ударил рукой в стекло подвального помещения. Стекло порезало вены».

В семье родной, 243–244.

С.С.Виноградская вспомнит:

«Вместе с М. он <Есенин> ехал пьяный на извозчике по Брюсовскому пер. к себе домой. Дорогой у него слетела с головы шляпа. Он соскочил за ней с извозчика, спьяну ударился в окно какой-то сапожной мастерской, сильно порезав руку. М. довез его до квартиры, где ему промыли руку и отвезли его в Шереметевскую больницу. Рука оказалась сильно искалеченной, в умывальнике после промывания ее плавали куски кожи и мяса, и в больнице руку оперировали».

Как жил Есенин, 23–24.

Ср. с воспоминаниями М.Д. Ройзмана (Восп., 1, 391–392).

23 часа 30 минут. Есенин поступает в хирургическое отделение Шереметевской больницы.

Время устанавливается по журналу регистрации больных, где также имеется запись: «Упал нечаянно на стекло».

Есенина помещают в палату № 1 с диагнозом «рваная рана левого предплечья». Диагноз написан по-латыни.

Хлысталов, 60–61.

А.А.Есенина вспомнит:

«Шрам от этого пореза остался у Сергея до конца его жизни, и он забинтовывал руку черной шелковой лентой».

Восп., 1, 106.

Февраль, 14 – Март 9. Есенин находится на лечении в Шереметевской больнице.

Рамки события определяются по журналу регистрации больных (см. предыд. запись).

Поэта навещают Г.А.Бениславская, С.С.Виноградская, Е.А.Есенина, М.Д.Ройзман, А.А.Берзинь и другие.

Есенин читает стихи, делится своими творческими планами.

М.Д.Ройзман вспомнит:

«...я и А.А.Берзина <Берзинь> отправились его навестить.

В больнице мы узнали, что рана Сергея неглубокая, и опасение, что он не будет владеть рукой, отпало. Мы легко разыскали палату, где находился Есенин. Он лежал на кровати, покрытой серым одеялом. Правая забинтованная рука лежала под одеялом, здоровой левой он пожимал нам руки. Берзина положила на стоявший возле кровати стул привезенную завернутую в бумагу снедь, я — испеченный моей матерью торт.

Есенин осунулся, лицо приняло зеленоватый оттенок. Его все-таки мучила боль, он подергивался. Но глаза засияли радостным голубым светом.

Сергей стал подробно расспрашивать нас об интересующих его делах. В то время он мучился, не имея отдельной комнаты, и вопрос о жилище был для него самым насущным. Берзина сказала, что у него будет комната. Это успокоило его, и он стал говорить о работе над "Страной негодяев", где он собирался вывести атамана Махно. <...>

Есенин попросил позвать к себе беспризорного мальчика, который повредил себе ногу и передвигался на костылях. <...>

Берзина спросила Сергея, работал ли он над стихами. Он ответил утвердительно, подвинулся повыше на подушки и стал читать небольшое стихотворение "Папиросники". <...>

Очевидно, мальчик, бывая в палате у Сергея, рассказывал ему о своих мытарствах по белу свету, потому что в стихотворении были такие подробности, которые человек со стороны не узнает.

Беспризорный мальчик был потрясен. Ведь это песня о его несчастной доле. Чем больше он слушал, тем сильнее всхлипывал.

— Ну, чего ты, Мишка? — сказал Есенин ласково, закончив чтение. — Три к носу, все пройдет.

— Сергей Александрович, — попросила Берзина, — прочтите еще что-нибудь!

Есенин подумал и объявил, что прочтет "Черного человека". <...> Я был рад, что теперь услышу всю поэму целиком. <...>

Сергей сел на кровати, положил правую забинтованную по локоть руку поверх одеяла, во время чтения "Черного человека" поднял ее левой, обхватил. Вероятно, потому, что не мог в такт, как обычно, поднимать и опускать забинтованную, раскачивался из стороны в сторону. Это напоминало то незабываемое место в пьесе М. Горького "На дне" (МХАТ), когда татарин, встав на колени и обняв левой рукой забинтованную правую, молится, раскачиваясь из стороны в сторону.

Поэма Есенина была длинней, чем ее окончательный вариант. В конце ее лирический герой как бы освобождался от галлюцинаций, приходил в себя. Последние строки Сергей прочитал почти шепотом.

Всё — поза Есенина, его покачивание, баюкание забинтованной руки, проступающее на повязке в одном месте пятнышко крови, какое-то нечеловеческое чтение поэмы произвело душераздирающее впечатление. Беспризорный мальчик по-детски плакал, плакала, прижимая платок к глазам, Берзина. Я не мог унять слез, они текли по щекам.

Сергей, просветленный, казалось, выросший на наших глазах, господствующий над нами, смотрел поголубевшими глазами.

Когда мы прощались, он пожал мне левой рукой правую и сказал:

— Я здесь думал. Много я напутал. В "Вольнодумце" всё исправлю...».

Восп., 1, 392–393.

См. также: 7 ... 12 авг. 1923; 15 или после 15 авг. 1923, вторая запись; 21 авг. 1923, вторая и четвертая записи; начало окт. 1923; до 23 окт. 1923; 7 апр. 1924, третья и четвертая записи; 11 апр. 1924, первая запись; 6 июня 1924, третья запись; до 24 авг. 1924.

Е.А.Есенина вспомнит:

«Галя, Анна Абрамовна и я ежедневно ходили в больницу. Сергей очень ослабел от большой потери крови, но выглядел опять совсем юным. В больнице его осаждали люди со всех палат. Особенно к нему привязались беспризорные мальчики-калеки. Они много рассказывали ему о себе, пели ему свои песни, и Сергей нежно гладил здоровой рукой их стриженые головы. Меня удивило появившееся у Сергея что-то неземное. Он как святой понимал и прощал все недостатки людям. Он избегал говорить о ком-нибудь плохо, и, когда мы с Галей говорили о ком-нибудь резко, Сергей укоризненно качал головой и говорил: "У каждого человека есть хорошее. Надо только найти его"».

В семье родной, 244.

О стихотворении «Папиросники» см. также: дек. (?) 1923 ... февр. 1924.

Г.А.Бениславская вспомнит:

«...проф<ессору> Герштейну <лечившему поэта> звонили из милиции, что Е<сенин> подлежит заключению под стражу и чтобы туда, в милицию, сообщили о дне выхода Е<сенина> из больницы. Герштейн как врач хорошо понял состояние С. А. и выдал эту государственную тайну, предупредив меня. Вообще отношение Герштейна к С. А. было изумительным. Через неделю после пореза руки, когда было ясно, что опасности никакой нет, я обратилась к Герштейну с просьбой, запугав С. А. возможностью заражения крови, продержать его возможно дольше. И Герштейну удалось выдержать С. А. в больнице еще две недели. <...> В Шереметевской больнице было исключительно хорошо, несмотря на сравнительную убогость обстановки. Там была самая разнообразная публика, начиная с беспризорника, потерявшего ногу под трамваем, кончая гермафродитом, ожидавшим операции. С. А., как всегда в трезвом состоянии, всеми интересовался, был спокойным, прояснившимся, как небо после слякотной серой погоды. Иногда появлялись на горизонте тучи, после посещения С. А. его собутыльниками, кажется, умудрявшимися приносить ему вино даже в больницу. Тогда он становился опять взбудораженным, говорил злым низким голосом, требовал, чтобы его скорей выписывали».

Материалы, 70.

С.С.Виноградская вспомнит:

«Есенин рассказывал про Шереметевскую больницу, где ему полюбился какой-то беспризорный, хорошо распевающий песни...».

Как жил Есенин, 24.

Во время лечения Есенина в Шереметевской больнице М.С.Грандов требует выселения Есенина из квартиры.

Г.А.Бениславская напишет, что через несколько месяцев после появления Есенина в ее квартире М.С.Грандов потребовал от нее, чтобы поэта в квартире не было, так как его присутствие нарушает покой:

«"...я вас предупреждаю, что если Есенин будет у вас и дальше, то я подаю заявление в ЦК, чтобы его выслали за пределы РСФСР как вредный элемент. Я его таковым считаю, и если подам такое заявление, то его вышлют". < ...> Предложила Грандову действовать как знает, но не забывать, что я, со своей стороны, <...> не остановлюсь ни перед чем, <...> дискредитирую его и его заявление в должной мере. Грандов был в бешенстве от моей, как он сам выразился, дерзости. Пришел и потребовал от Яны и Сони Виноградской, чтобы они подписали вместе заявление в комендатуру о выселении Е. Они обе отказались, предложив переговорить со мной. На следующий день я доложила Грандову, что С. А. выписан из нашей квартиры (на самом деле С. А. лежал в это время в Шереметевской больнице). На время эта история затихла».

Материалы, 35–36.

См. также: окт. – дек. 1923, первая запись.

Февраль, 15. Журнал «Ленинград» (№ 3) под заглавием «Из цикла “Кабацкая Москва” публикует стихотворение Есенина «Да! Теперь решено. Без возврата...».

См. Приложение.

Февраль, до 16. Выходит стихотворный сборник Н.Церукавского «Соль земли» со стихотворением «Кладбище пней», которому предпослан эпиграф из Есенина:

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл — страдания людей.

Граница события — по информации в газ. «Правда» (1924, 16 февр., № 38).

Февраль, до 16 ... до 29. В издательстве «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» выходит «Антология революционной поэзии» под редакцией В.Казина и С.Обрадовича (М., 1924) с поэмой Есенина «Товарищ».

Кн. летопись, 1924, № 4, февр., поз. 1223.

Февраль, до 16 — до 29. Выходит журнал «Красная новь» (№ 1; за январь – февраль) со стихотворением Есенина «Вечер черные брови насупил...» <«Вечер черные брови насопил...»>.

Кн. летопись, 1924, № 4, февр. (рубрика «Летопись периодич. печати», поз. 249).

В номере публикуются также:

— статья А.К.Воронского «Литературные силуэты: Сергей Есенин»:

«Есенин вошел в нашу отечественную поэзию со стихами о деревенской Руси. За исключением последнего периода творчества, у Есенина почти нет лирики любви. Место любимой у поэта занимает Русь, родина, родной край, нивы, рощи, деревенские хаты:

Если крикнет рать святая:
— Кинь ты Русь, живи в раю!
Я скажу: не надо рая,
Дайте родину мою.

Русь Есенина встает в тихих заревых вечерах, в багрянце и золоте осени, в рябине, в аржаном цвете полей, в необъятной сини небес. У поэта преобладает золотое, малиновое, розовое, медное и синее. У него даже лес вызванивает хвойной позолотой. “О Русь, малиновое поле, и синь, упавшая в реку”. Поэт хорошо воспринимает также осеннюю грусть, журавлиную тоску сентября, древность наших вечеров, заунывность наших песен, печаль наших туманов, одиночество и забытость наших хат, солончаковую тоску, немоту синей шири.

Русь Есенина в первых книгах его стихов — смиренная, дремотная, дремучая, застойная, кроткая, — Русь богомолок, колокольного звона, монастырей, иконная, каноннная, Китежная. Правда, поэт знает и чувствует темноту этой Руси, он слышит звон кандалов Сибири, называет свою страну горевой, но вдохновляет его в “Радунице”, в “Голубени” не это. Деревенский уклад, деревенский быт взяты поэтом исключительно с идиллической стороны. Каторга сельского подъяремного труда, непосильность, измызганность житья-бытья крестьянского, весь предреволюционный, накопленный веками социальный гнев, ненависть, злоба, мятежность деревни остались за пределами

художественного восприятия поэта. <...> Почему же, однако, поэт, чуткий к журавлиной тоске сентября, к мокрой буланой губе, к меди нашей осени, прошел мимо той деревни, которая не только беззлобно и беспечально растягивала тальянки и покорно набивала собой вагоны — сорок человек и восемь лошадей, но и боролась против "прижима", а позднее воткнула штыки в землю, свергла "прижимы" и осоветилась? Ответ на этот вопрос следует искать в религиозности Есенина. И "Радуница", и "Голубень", и "Трерядница", и иные многие стихи поэта окрашены и пропитаны церковным, религиозным духом. Со златой тучки глядит Саваоф, среди людей ходит с дорожной клюкой кроткий и голодный Спас, путешествует мужичий святой Микола, на легкокрылых облаках спускается "возлюбленная мати". <...>

Оставляя пока в стороне вопрос о том, является ли религиозный этап творчески принадлежащим поэту , нужно отметить, что не творчески принадлежащем поэту несомненно пагубно отразилась дедовская религиозность. *На примере ранних поэтических произведений Есенина очень отчетливо и показательно видно, как религиозность и прочие подобные "протухшие настроения" застят глаза, как в тумане этих настроений скрадываются, мутнеют, становятся незаметными реальные очертания вещей и людей, как вместо твердых, упрямых, четких контуров и линий действительности выступают нежные, обманные пятна, мзга, хмарь, — недаром у Есенина линия в поэзии отсутствует и он — поэт мягкого багрянца и золота, — как живая жизнь в туманах мистики преображается в фантазмы, в баюкающие миражи, в тихие беспечальные острова блаженных.* Отсюда один только, и притом непременный, шаг к кротости, к идилличности, к послушанию, к смирению и прочим добродетелям, очень выгодным для властелинов и опричников. Благодаря этому разлагающему и размягчающему влиянию дедовской прививки и получилось то, что, реалист по духу и по направлению своего творчества, — Есенин не отразил ту деревню, которую мы имели в действительности. По силе сказанного его поэтические произведения рассматриваемого периода являются художественно-реакционными вопреки крепкой, народной, здоровой, полнокровной "неизреченной животности", так животрепещущей в этих же стихах. <...>

II

В революции Есенин надеялся увидеть торжество "овсяных полей", "мокрой буланой губы", нового мужицкого сеятеля, его идеалов и чаяний. И он достаточно ярко отразил в своих стихах собственнические взгляды и надежды нашего крестьянства, с которыми оно вошло в революцию, но отразил в мистической форме. <...>

Революция во многом все-таки преобразила поэта. Она выветрила из него затхлую, плесенную церковность.

<...> Поэту мерещится, что революция несет с собой новый Назарет. Назарет этот сойдет на землю новым Спасом: "Новый на кобыле едет к миру Спас". Он сойдет на землю напоить наши будни молоком, преобразит чудесно мир. О чудесном госте и сеятеле у Есенина — в "Пришествии", в "Преображении", в "Октоихе". Поток звонких рифм, каскад причудливых образов (орнамент), но цельной картины нового рая не получается, да и самого рая нет. Остается отпечаток душевной сдвинутости, перетряски, приподнятости, какого-то сверхумного пафоса, ожидания необыкновенных преображений, в которых земная твердь смешается с небесной, реальное со сказкой, с фантазмами, но "глагол судьбы" остается темным, нераскрытым, неразгаданным, вещие слова не затрагивают сердца, в чудо не веришь. Так не убеждают. В конце концов, здесь только метафора, игра образами, а не подлинное пророческое прозрение. Рай никогда не призрачен, он всегда во

плоти и в крови, а не "в духе". Между тем, для Есенина его рай, его "Инония" — не метафора, не сказка, не поэтическая вольность, а ожидаемое будущее. <...>

Протест и борьба нашего крестьянства были направлены, однако, не только против царского и помещичьего гнета. Старый патриархальный уклад с неслыханной жестокостью и быстротой ломался капиталом. Деревню подминала под себя фабрика, завод; а деревенские устои подтачивались рублем и свистом машины; протянулась чугунка, пришел чумазый. Не отдавая себе ясного отчета в складывающейся социально-политической и бытовой обстановке, люди есенинского склада, видя, как рушатся "устои", сплошь и рядом склонны часть своих бед взвалить на машины, заводы, железные дороги как таковые, взятые сами по себе, безотносительно. Мертвящему лязгу Америки, "электрическому восходу", "глухой хватке ремней" Есенин посвятил немало вдохновенных строк. В "Сорокоусте" его антимашинный лиризм поднялся до неподдельного пафоса <...>.

Надежды, однако, не оправдались, не сбылись, не могли сбыться. Революция наша, безусловно, несет крестьянству избавление не только от гнета помещика и царской опричнины, но и от капитализма, но несет ее совсем по-иному, чем полагал Есенин.

<...> индустриальный социализм актуален, динамичен, а "преогромнейшее древо" Сергея Есенина, по правде сказать, весьма смахивает на нашу российскую развесистую клюкву. Поэт собирается созывать народы пить сычёную брагу, но надо полагать, что, пользуясь красногривым жеребенком, ни морей не переплывешь, ни по суше далеко не уедешь. Застоем, Китаем, дряхлым Востоком, сонной, "дремотной" Азией отдает от "Инонии" Есенина; недаром поэт только вспоминает про родимые поля, предпочитая асфальт городских улиц и электрическое освещение родной лучинушке.

III

Как совмещает в себе поэт такие настроения с признанием русского Октября, с борьбой пролетариата, с настоящей, а не выдуманной революцией?

Есенин прежде всего аполитичен. Свою ненависть к железному гостю поэт приурочивает не столько к действительному ходу революции, сколько вообще к веку пара и электричества. Кроме того, как сын деревни, черноземья, он не может не чувствовать, что именно большевистская революция скачала с шеи крестьянина помещика и царскую нежить и сделала его хозяином той самой Земли, к которой он рвался издавна и упорно. Что былая нежить Есенину крепко не по душе, ясно не только из его юношеских поэм, но и из "Пугачева".

Главное, однако, не в этом. Есенин — поэт не цельного художественного миросозерцания. Он — двойственен, расколот, дисгармоничен, подвержен глубоко различным настроениям, часто совсем противоположным. Прочного, твердого ядра у него нет. Хулиганство у поэта сопрягается со смиренностью, с беззлобностью, тоска по родному краю — с тягой к городу, религиозность — с тем, что называют святотатством, тонкий, чарующий, интимный лиризм — с подчеркнутой грубостью образов, животность — с мистикой. "Человеческая душа, — пишет Есенин, — слишком сложна для того, чтобы заковать ее в определенный круг звуков какой-нибудь одной жизненной мелодии или сонаты". Прославляя свою "Инонию" и предавая поэтической анафеме железного гостя, Есенин сознает, что без гостя не обойдешься, а в любимом краю и в стозвонных зеленях — Азия, нищета, грязь, покой косности и что это... страна негодяев. Так им и названа одна из последних поэм. <...>

Есенин — чрезвычайно одаренный поэт, такой, каких у нас в России можно счесть по пальцам одной руки. Но этот поэт творит сплошь и рядом вещи прямо вредные. Это

оттого, что он ни в какой мере не желает поработать в поте лица своего над сведением концов своего разорванного мироощущения. Об этом он нисколько не заботится. Наоборот, поэт сознательно как будто подчеркивает свою дисгармоничность, противоречивость возводит в принцип, культивирует, нарочно оттеняет, старательно показывает. Получается поза, что-то наигранное, кокетство, какое-то переодевание на глазах у читателя. Недаром Есенин говорит о преследовании им "авантюристических целей в сюжете". Но читатель должен поверить писателю. А когда художник *легко*, без особых усилий, без внутренней жестокой борьбы, без мучений, без работы над собой, без попытки преодолеть — переходит от одного настроения и системы чувств к другим, противоположным, и всё это укладывается в одном поэтическом ящике свободно, бок о бок, — здесь кроется большая опасность для художника. <...>

IV

Особо следует остановиться на опоэтизировании хулиганства. Вопрос этот приобретает сейчас особо острый характер. О своем хулиганстве поэт говорит давно, не переставая, с юношеских лет. <...>

При оценке и распознании хулиганства Есенина следует вспомнить прежде всего его драму "Пугачев". Пугачев мечтает о торжестве мирного крестьянского труда. Так как путь к этому благополучию прегражден дворянами и чиновниками и мужик стонет от их "цепких лапищ", Пугачев поднимает знамя бунта. Он пользуется именем Петра, чтобы созвать "злую и дикую ораву" бродяг и отщепенцев для погрома, для кровавой мести, чтобы "вытащить из сапогов ножи и всадить их в барские лопатки". Пугачев приближен к нашей эпохе; он говорит и думает, как имажинист, он очень похож на поэта. Марксизм давно уже дал надлежащую оценку нашей исторической пугачевщине, и напоминать ее здесь не имеет смысла. Но, конечно, теперешнее хулиганство Есенина имеет с подлинной пугачевщиной весьма отдаленное сходство. Волею исторических судеб потомок Пугачева уже не гуляет с кистенем, не собирает под осенний свист молодцов-удальцов. Он — в цилиндре, в смокинге, в перчатках и не скрывается в дремучих заповедных лесах, а ходит по асфальту городских улиц. Он знает, что от этого асфальта ему никуда не уйти. В городе — величайшая социальная борьба, но городская культура обратилась для дальнего потомка Пугачева не этой своей стороной, а своей ресторанной хмарью, рисовой пудрой. От заповедных лесов правнук ушел, но к тому городу, за которым будущее, не пристал. Как-то казалось ему, что развернувшаяся борьба со злым ворогом открывает вновь истлевшие страницы мужицкой повольщины, пугачевщины, обещает мужицкую "Инонию" без железного гостя. Когда поэт увидел, что ошибся, он отдался ресторанному хулиганству и в чаду его открыл, что Москва — кабацкая. "Москва кабацкая", это — жуткие, кошмарные, пьяные, кабацкие стихи <...>.

В истории русской поэзии впервые появляются стихи, в которых с отменной изобразительностью, реализмом, художественной правдивостью и искренностью кабацкий угар возводится "в перл создания", в апофеоз. <...> Это хуже всего потому, что в "Москве кабацкой" отразился "дух времени", и уж, разумеется, нет никакой случайности в том, что один из лучших по одаренности современных поэтов опустился до страшных, пропащих стихов. <...>

Вопрос о "Москве кабацкой" — серьезный вопрос. Элементы общественного и литературного декаданса на фронте будней революции налицо. И в этом — опасность стихов Есенина. Настроения эти просачиваются в среду пролетарских писателей, в среду коммунистов, молодежи нашей; самогонка льется сейчас широкой рекой по всей

России. В противовес этому нужно поднять знамя за бодрость, за окрыленность, за твердую поступь, за поддержку и воспитание революционного пафоса, за то, что революция жива, за революционную общественность, объявив беспощадную борьбу литературному и не литературному, кабацкому и иному хулиганству, этим несомненным факторам маразма и гниения».

В заключение А.К.Воронский отмечает:

«Повторяем, дар Есенина — мир конкретных, деревенских образов. Его сила — в способности овеществления их до осязаемости. У него есть формальные возможности внести в нашу поэзию простоту, крепость, сочность от народного искусства, от эпоса, песен и т. д. Он — один из самых тонких, нежных лириков современности, но "нарочитое соитие" тянет писателя в сторону от этих прямых задач, а внутренний распад поэтической личности, элементы идейного разложения грозят ему гибелью. У Есенина есть немало поэтических последователей, подражателей. Достаточно сказать, что проза Всев. Иванова очень сродни "неизреченной животности" и образности Есенина. Есенина хорошо читают. Неужели он, действительно, войдет в нашу великую эпоху главным образом как автор "Москвы кабацкой"? Пока он "распространяет вокруг себя пространство" главным образом именно в этом направлении».

См. также: 24 марта 1924, первая запись; 4 апр. 1924, вторая запись; 15 апр. 1924, пятая запись; 18 мая 1924, вторая запись; май (?) 1924, вторая запись; 1 июня 1924, четвертая запись; июль 1924;

— статья Е.Преображенского «Ленин — гений рабочего класса (Социологический очерк)», а также «Заметки об интеллигенции» Вяч. Полонского, которые отозвались в поэме «Анна Снегина».

Эпиграф к статье Е.Преображенского «Ленин — это мы сами» (Из речи одного уральского рабочего в 1917 году)» отозвался в ответе героя поэмы «Анна Снегина» крестьянам: «Он — вы» (наблюдение Г.Маквея; см.: McVay G.Esenin: a life. N.Y., 1988, p. 310).

В статье Вяч. Полонского «утверждается, что "духовные вожди" общества повернулись спиной к революции и вписали в ее историю "страницы великой измены". Здесь же подробно анализируются работы А.Луначарского "Об интеллигенции" (Сб. статей. М., 1923), М.Рейснера "Интеллигенция как предмет в плане научной работы" ("Печать и революция", 1922, кн. 1), Л.Троцкого "Литература и революция" (М., 1923) и "Интеллигенция и социализм" (Сб. "Интеллигенция и революция" (М.; 1923) и др. по актуальному в те годы вопросу об интеллигенции, которому посвящена "Анна Снегина"».

Шубникова-Гусева, 429.

См. Приложение.

Выходит журнал «Печать и революция» (кн. 1; за январь–февраль) с материалами, где упоминается Есенин:

— в разделе «Литературное обозрение» — рецензия В.Я.Брюсова «О рифме» на книгу В.Жирмунского «Рифма, ее история и теория» (1923):

«Автор, к сожалению, не поставил себе предела, до которого он намерен был довести историю русской рифмы. Молчаливо В.Жирмунский позволяет думать читателю, что история доведена до последнего времени, до наших дней: он разбирает рифмы В.Маяковского, упоминает С.Есенина и тому под<обное>».

См.: 2 окт. ... 30 нояб. 1923;

— в разделе «Художественная литература» — рецензия С.Боброва на сборники М.Цветаевой «Царь-девица: Поэма-сказка» (М., 1922) и «Ремесло: Книга стихов» (М.-Берлин, 1923).

Говоря о первой из рассматриваемых книг, рецензент отмечает:

«...книга прямо искрится своими отдельными строками, где так отлично, непосредственно понята песня, понят былинный лад. Понят так, как давно не приходилось ви-

деть, как не удавалось никому из писавших в русском стиле, ни Бальмонту (в его "Жар-птице"), ни Клюеву, ни Клычкову, ни Столице, не говоря уж, разумеется, об Есенине и его подражателях»;

— рекламным объявлением:

«Вышла из печати первая книга лит<ературно>-худ<ожественного> и н<аучно>-публицист<ического> журнала "Красная новь". Содержание: <...> Стихи <...> С.Есенина. <...> Литературные края. А.Воронский. Литературные силуэты. Сергей Есенин».

Время события определяется по: Кн. летопись, 1924, № 4, февр. (рубрика «Летопись периодич. печати», поз. 275).

Февраль, до 17. Издательство «Мосполиграф» выпускает сборник стихотворений «Времена года в русской поэзии» под редакцией Н.С.Ангарского со стихотворениями Есенина «Осенью» («Нивы сжаты, рощи голы...»); «Осень» <«Закружилась листва золотая...», строки 1–4, 9–12>; «Пурга» <«Заметает пурга...»>.

Граница события определяется по информации в газ. «Правда» (1924, 17 февр., № 39).

Февраль, 17. Петроградский журнал «Зори» (№ 7; подпись: «Лука Лукич») печатает статью «О двух поэмах» с упоминанием Есенина:

Разбирая «Поэму о Пахоме» В.Александровского, автор пишет:

«Она выдержана в бытовых тонах и написана сочным и крепким языком, в ней много присущего данному поэту, задушевности, но вовсе нет характерной для него же тоски и отчаянья и менее, чем в других вещах В.Александровского, ощущается влияние С.Есенина и Блока».

Берлинская газета «Накануне: Литературная неделя» (№ 46) помещает материал Ю.Слёзкина «Литературная Москва: Дружеские беседы», в котором говорится о Есенине:

«Опять настала пора, когда "писатель пописывает, издатель, скрепя сердце, издает, а читатель почитывает". Еще два года тому назад картина была иная. Тогда гремел гром, развертывались сотни фронтов. Вспомните хотя бы всех этих "истов". Один Есенин со своей компанией чего стоил!»

Февраль, 19. Газеты «Правда» (№ 40) и «Вечерняя Москва» (№ 40) публикуют письмо группы редакторов и авторов журнала «На посту» (Л.Авербах, А.Безыменский, Ил. Вардин, Бор. Волин, С.Ингулов, Г.Лелевич, Ю.Либединский, С.Родов) под названием «Нейтралитет или руководство? (К дискуссии о политике РКП в художественной литературе)»:

В письме «напостовцев» литература того времени разделяется «на три основные группировки: 1) буржуазную, глядящую на мир глазами господствовавших до революции классов; 2) мелкобуржуазную литературу промежуточных социальных слоев; 3) пролетарскую литературу, организующую психику читателя в сторону коммунизма».

К литературе «промежуточных социальных слоев» отнесены «так называемые "попутчики"», которые «имеют очень много оттенков. Одни из них, не определившись политически, большей частью дают произведения, приемлемые для революции (Л.Сейфуллина, Еф. Зозуля, отчасти Вс. Иванов); другие подменяют изображение революции пустячками и анекдотами, постоянно политически колеблясь и отражая идеологию и

настроения городского обывателя (М.Зощенко и др.); третьи намеренно или ненамеренно искажают революционную действительность, преломляя ее сквозь призму славянофильства, мистицизма, больной эротики (Б.Пильняк, Н.Никитин и др.); четвертые явно клевещут на революцию, выступая в качестве выразителей идеологии нэпманской буржуазии, и т. д.

К этим же промежуточным группировкам относятся и крестьянские писатели, недостаточно организованные. К сожалению, больше всего п о к а среди них выявились как раз элементы "мужицкого" консерватизма и даже реакции (С.Есенин, Н.Клюев, П.Орешин и др.) <...>.

Нужно взять и брать от "попутчиков" всё, что есть среди них честного, здорового и приемлемого для революции, решительно отметая вредное и гнилое».

С этим материалом Есенин будет полемизировать в статье о писателях-«попутчиках» (см.: после 17 мая 1924, четвертая запись).

Февраль, 20. Комендант домов «Правды», в одном из которых проживает Есенин, выдает справку:

«Дана сия 46-му отд<елению> милиции в том, что проживающий в доме 2/14 по Брюсовскому пер<еулку> в доме "Правды" С.А.Есенин находится в Шереметевской больнице на излечении порезанной руки».

Материалы, 320–321.

Февраль, 22. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 2952) помещает совместную фотографию Есенина и А.Дункан, сопроводив ее подписью:

«Поэт-имажинист Есенин и танцовщица Донкан <так!> 10 февраля получили от сов<етских> властей в Москве развод».

Документальных сведений о событии и его дате не выявлено. См., однако, 8 февр. 1924, первая запись.

Февраль, 25. На заседании общества «Литературный особняк» В.Л.Львов-Рогачевский выступает с докладом, где упоминается Есенин.

Событие и его дата определяются по статье «Литературный Особняк» (газ. «Вечерние известия», 1924, № 9, 3 марта; подпись: «А-за»):

«На очередном собрании "Литературного Особняка" 25 февраля Львов-Рогачевский выступил с докладом "Пути творчества".

В своем докладе он пытался осветить состояние современной пролетарской литературы. "Пролетарская поэзия, — заявил он, — в тупике, вся современная поэзия в тупике..."

Призвал назад к Пушкину, ссылаясь на статью Сосновского и Луначарского "Назад к Островскому".

Слегка остановился, критикуя Б.Пильняка, Есенина, Клычкова, нападал на Маяковского и друг<их>. "Наше индустриальное вино нужно вливать в пушкинский стакан и пить", — закончил Львов-Рогачевский.

Критика отметила реакционность доклада Львова-Рогачевского».

Газета «Вечерние известия» (№ 8; рубрика «Литературная Москва») печатает материалы с упоминанием имени Есенина:

— статью «"Радуга": Литературные силуэты» (подпись: «Л. А-за»):

«Поэт Приблудный Иван находится под непосредственным влиянием своего "литературного мецената" Есенина. Приблудный копирует Есенина в точности: так же ку-

рит, так же плюется, так же иногда... да, впрочем, всегда хулиганит, но это можно отнести за счет его молодости — поэту всего семнадцать лет»;

— анонимную заметку «Суд над Есениным»:

«В четверг 28 февраля в Доме Печати должен был состояться народный суд над известным поэтом С.Есениным. Ввиду болезни Есенина народный суд откладывается на некоторое время».

См. также: 30 дек. 1923, первая запись; 9 февр. 1924, вторая запись.

В парижской газете «Звено» (№ 56; подпись: «К. В.») — рецензия К.В.Мочульского на книгу Э. Ло Гатто «Русская поэзия о революции» («Poesia russa della rivoluzione», Roma, 1923), в которой говорится о Есенине:

«Книга начинается с Ал. Блока, "бессознательного поэта революции, не понявшего ее трагического эпоса", далее идут: А.Белый, деревенские поэты-хлысты — Клюев и Есенин; пролетарские поэты (Родов, Герасимов, Кириллов, Самобытник, Александровский и прочие неизвестные знаменитости), "гигант" Маяковский: (любопытное замечание автора: "В последнее время немного затихли скандалы имажинистов: теперь ими никто не интересуется, даже девицы, ищущие приключений по ночным кафе")».

См. также: дек. (?) 1923 ... до 28 янв. 1924; 28 янв. 1924.

Н.Н.Асеев заканчивает работу над статьей «Советская поэзия за шесть лет», в которой появляется имя Есенина.

ВЛ, 1967, № 10, с. 178–184 (публ. Л.Таганова).

Автор, в частности, пишет:

«Орешин, Клычков, Радимов, Ширяевец. Группа крестьянских поэтов. Объединить их очень трудно. Качественно они, конечно, ниже С.Есенина. И в то время, как певучесть последнего можно сравнить с заливистым и ухарским перебором гармоники, мелодия остальных весьма часто, увы, напоминает немазаные колеса возка, на котором продолжают путешествовать по целине эти русские во что бы то ни стало песенники. Сравнение не в обиду. Но разве бесконечные псалмы слепцов не похожи на скрип? Он не лишен своеобразной прелести, как инструмент примитивного музыканта, но дудеть всё в ту же пастушескую дудку нам кажется всё же занятием непроизводительным, особенно стоя на перекрестке "Красной нови" и "Красной нивы".

В общем же говоря, все крестьянские или, вернее, крестьянствующие поэты показательны, конечно, в смысле существования еще у нас курных изб и деревянного сошника и того "русского духа", который долго-долго еще, очевидно, будет выкуривать дымок заводских труб».

В Спас-Клепиках Е.М.Хитров завершает очерк «Мои воспоминания о Сергее Есенине».

См. след. запись.

О Е.М.Хитрове см.: Летопись, 1, 505–509.

Февраль, после 25. В Спас-Клепиках выходит рукописный журнал «Спас-Клепиковский работник просвещения» (№ 1), размноженный на гектографе.

В нем помещены:

— очерк Е.М.Хитрова «Мои воспоминания о Сергее Есенине» с датой «25 февраля 1924 г.»:

«Всем интересующимся современной литературой должно быть известно имя поэта Сергея Есенина. По силе и яркости таланта Есенин занял почетное место среди первоклассных современных поэтов и первенствующее положение в изображении деревни. сельского быта и природы. Он еще молод (ему не должно быть более тридцати лет), и нам неизвестны границы развития его таланта. Но уже сделанные им заслуги перед русской литературой заставляют остановиться над его биографией, позволяющей проследить за ходом и условиями его художественного роста.

Мне лично известен тот период его жизни, когда он учился в Спас-Клепиковской второклассной школе, где я как учитель русского языка следил за его работой и руководил его литературными занятиями <...>»;

Восп., 1, 139;

— три стихотворения Есенина: «Воспоминания» («За окном у ворот...»), «Звёзды», «И.Д.Рудинскому» под общим заголовком «Ученические стихотворения Сергея Есенина, написанные в 1911–1912 учебном году».

Восп., 1, 139–141, 456–457.

См. также: окт. — дек. 1909; сент. 1910 — до 26 мая 1911; после 9 янв. — февр. 1911; не позднее 16 нояб. 1911; 17 нояб. 1911.

Февраль, 26. Журнал «Жизнь искусства» (№ 9; рубрика «Москва») помещает неподписанную заметку «Крестьянская поэзия», в которой заходит речь о Есенине:

«В союзе крестьянских писателей проф. Сакулин сделал доклад о развитии крестьянской поэзии <см.: до 12 февр. 1924; 12 февр. 1924, вторая запись>, коснувшись творчества поэтов из крестьян: Сурикова, Дрожжина, затем Орешина, Есенина и современных представителей Всероссийского союза крестьянских писателей. В заключение выступили со своими стихами крестьяне-поэты: А.Никонов, Н.Горинов, Деев-Хомяковский, Хориков, Нефедов и др.».

Февраль, 29. Берлинская газета «Накануне» (№ 50) печатает обзор Н.Петровской «Литературный Берлин (Итоги)», в котором говорится о Есенине:

«В "Доме искусства" многие, покинувшие Россию только от предчувствия будущего, услыхали впервые образцы новой поэзии и прозы. Выступали — то сердя, то радуя своей неожиданностью — С.Есенин и А.Кусиков, брал в полон слушателей парадоксальный И.Эренбург...».

Февраль, конец ... Март, до 15. В Ленинграде выходит сборник «На могилу Ильича: Статьи, характеристики, воспоминания» со статьей А.Меньшого «Ленин как человек».

Кн. летопись, 1924, № 5, март, поз. 1962.

Эта статья найдет отклик в отрывке «Ленин» из поэмы Есенина «Гуляй-поле» (Новое о Есенине, 2, 57).

См.: после 27 янв. — февр. (?) 1924.

Февраль (?). В Харькове выходит журнал «Красная звездочка» (№ 1 [4/5]; ежемесячное приложение к газете «Юный ленинец») со стихотворением Есенина «Воробышки» <«Поет зима — аукает...»>.

Номер вышел после смерти В.И.Ленина.

См. Приложение.

Февраль – Март. Есенин возвращается к идее издания книги «Москва кабацкая».

Из письма издательского работника И.С.Морщинера к В.Г.Белоусову от 18 нояб. 1966:

«...Неожиданно возникла новая идея. У Иоффе — он в первые годы революции заведовал в Могилеве зрелищным подотделом Губоно (отдела народного образования) — был знакомый парень-эстонец, антрепренер чемпионата французской борьбы. Он сколачивал труппы профессиональных борцов и разъезжал с ними по провинциальным городам, давая в местных цирках или залах спектакли французской борьбы. В то время это было модно, и наш антрепренер на этом неплохо зарабатывал. И вот этот антрепренер, — к сожалению, я забыл его фамилию, — предложил нам устроить в Петрограде вечер стихов Есенина. По его предположениям, это было дело верное. Он утверждал, что на этом вечере мы сможем заработать немалую сумму, которой вполне хватит на оплату издания. Как опытный в таких делах человек, он брался снять помещение для вечера, заказать и расклеить афиши, организовать продажу билетов и т. п.

Это предложение нас заинтересовало. Составили предварительную смету, сочли расходы на билеты в Петроград и обратно, на оплату зала, афиши, билетов, на гостиницу для нас и для Есенина. Получалось, что денег моих и Иоффе на это вполне хватит, а в остальном мы рассчитывали на прибыль от вечера, за счет которой мы предполагали оплатить счета Госиздата. Через Вольпина сообщили о нашем замысле Есенину. Поэт согласился выступить, обусловив свое вознаграждение. Мы охотно приняли названную им сумму. Антрепренер вернулся к себе в Петроград. Мы условились с ним, что, как только сможем, пришлем ему денег на устройство вечера <см.: до 14 апр. 1924; 14 апр. 1924>».

Письма, 523–524.

См. также: конец нояб. 1923; нояб. – дек. 1923, первая запись; 2 дек. 1923, первая запись; 19 дек. 1923, первая запись; 28 дек. 1923; конец дек. 1923 – янв.-февр. 1924; 1 янв. 1924, вторая запись; 12 янв. 1924; 19 янв. 1924, четвертая запись; после 14 апр. – до 6 мая 1924, третья запись; до 19 июля 1924.

Март, 1. Журнал «На отдыхе» — приложение к газете «Рабочая Москва» (№ 3; рубрика «Можно ли употреблять ругань в литературе?»; ведущий рубрики С. Юст.) печатает материал, в котором заходит речь о Есенине:

«Т<ов>. М. А-в, в прошлом номере “На отдыхе” поставив вопрос, сам по существу ничего не сказал. Он не сказал, какую ругань он подразумевает, не предложил ничего конкретного.

Литература наших дней допускала несколько раз в печатном виде непечатные выражения (С.Есенина).

Эту ли ругань подразумевает товарищ?

Или ругань вроде — сволочь, мерзавец, подлец. Ругань второго порядка более безобидная и допустимая. О ней вряд ли приходится ставить вопрос.

Очевидно, товарищ говорит о ругани первого сорта».

Пражский журнал «Воля России» (№ 4) помещает статью М.Слонима «Литературные отклики: Живая литература и мертвые критики».

Автор статьи полемизирует с несправедливым, по его мнению, отрицанием значимости современной литературы в Советской России З.Н.Гиппиус (статья «Литературная запись: Полет в Европу». — Журн. «Современные записки», Париж, 1924, № 18), выступившей под псевдонимом А.Крайний.

М.Слоним пишет:

«Неужели А.Крайний может серьезно говорить о том, что немота сковала уста русской музы, когда голос ее порой бывает слышен даже сквозь нарочитое косноязычие Есениных и озорное гиканье Маяковских? <...>

Эмигрантский итог — безрадостен. И самое страшное, что не только не родились в эмиграции новые писатели, но и старые захирели <...>.

Любопытно, что даже литературные споры, полемика, борьба, нередко сопряженная с негодующей страстностью, вызывались преувеличениями политической моды или озорства, шедшими из России. Даже для литературного скандала понадобилось выписать из России Есениных и Кусиковых, даже для щекотания нервов парадоксами потребовались "гости", недолго продержавшиеся в эмиграции, — Эренбург и Шкловский. <...>

Ведь всё равно жива и будет жить русская литература — и безнадежно мертвы лишь ее могильщики и отрицатели».

Март, 2. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 52; рубрика «Литературная хроника») дает неподписанную информацию с упоминанием Есенина:

— «Вышел номер четвертый <на самом деле — третий> журнала "Гостиница для путешествующих в прекрасном" со статьями и стихами Грузинова, Есенина, Рюрика Ивнева, Мариенгофа, Ройзмана и др.».

См.: 22 янв. 1924, вторая запись; до 8 февр. 1924; 4 марта 1924, вторая запись; до 11 или 11 марта 1924; 7 апр. 1924, четвертая запись;

— «Под редакцией Аксенова, Грузинова и Ивнева выходит антология "Поэты наших дней". Участвуют: Александровский, Брюсов, Есенин, В.Иванов, Каменский, Клюев, Кузмин, Мариенгоф, Марьянова, Пастернак, Рукавишников, Этли, Гильбо и др. Всего 53 поэта».

Состав участников книги, вышедшей под таким названием, будет иным.

См. также: после 17 марта ... до 6 апр. 1924; 6 апр. 1924, пятая запись; 7 апр. 1924, восьмая запись; конец мая 1924; сент. ... до 16 или до 30 нояб. 1924.

Март, 3. В телефонном разговоре с А.К.Воронским Г.А.Бениславская узнаёт, что издательством «Круг» принят к печати сборник Есенина «Стихи 1920–24».

О событии см. след. запись.

Март, 4. Е.А.Есенина, навещая брата в больнице, передает ему письмо от Г.А.Бениславской:

«Чаренок милый, здравствуйте!

Я сегодня не успею к Вам. Звонила вчера Воронскому — книжка <см. предыд. запись> проведена. Теперь надо будет тормошить Касаткина, чтобы ускорил получение. Воронский просил передать привет, приедет к Вам в четверг.

Относительно "Москвы кабацкой" — Калман <А.М.Калмановский> (издатель) говорит, что в ближайшее время начнет печатать, но ему надо повидать Вас. Если Вы ничего против не имеете, то я приведу его завтра к Вам. Остальное расскажет Катя.

Целую крепко. Вам приветы, приветы, приветы (от кого только не было приветов!)».

Письма, 234–235.

См.: 28 дек. 1923.

Состоялись ли встречи Есенина с А.М.Калмановским и А.К.Воронским, о которых здесь говорится, не установлено.

Журнал «Рампа» (№ 9; рубрика «Вместо быта за неделю») печатает «Святочный рассказ» (подпись: «Цвибельфиш»), в котором говорится о Есенине:

«Не без удовольствия раскрыл свежий <номер> журнала "Гостиница для путешествующих в прекрасном".

За тяжелой входной дверью скромно ютились "сегодняшние постояльцы". "Домком" предложил мне свою декларацию. Не без удовольствия я слушал пункты, которые медоточивым голоском прочитал мне Р.Ивнев.

На 5 пункте я остановил Ивнева. Стой! Что это такое: "Быт можно фотографировать, это точка зрения натуралистов; быт можно систематизировать — это точка зрения футуристов. Быт надо идеализировать и романтизировать — наша точка зрения"...

— Врете, — сказал я, — ничего не надо идеализировать. Но нужно уметь находить героический элемент в современном быте. Это будет новый романтизм. Он откажется от прекрасной дамы, от культа самоценной личности — и, конечно, от дурацкого индивидуалистического утилитаризма (помогите республику вытащить из грязи). Новый романтизм — "культ" коллектива, новый романтизм будет иметь материальный базис.

Домком заголосил, потом преддомком А.Мариенгоф, чтобы успокоить меня, прочитал стихи с ловкостью "вавилонского адвоката":

О, сверстники мои! Бунтовщики! Друзья!
Мне ль видеть вас в покорном равнодушье?

Я не помню, что еще читал Мариенгоф, но ясно стало после стихов его, что разногласия мои с 5 пунктом — это "плод недоразумения несчастного". Потом тот же Мариенгоф, Рюрик Ивнев, С.Есенин — рассказали мне о "ночных чайных", о ночном кафе, о "кабаках" — и я увидел, что домком, сидящий передо мной, это моя подлинная богема.

Пробурчал "академик" Ив. Грузинов — и начал читать трактат о слове; — я умело перевел разговор на другую тему и начал развивать ее <...>

В.Шершеневич вызвался прочитать стихи. Я сказал, что если это не для "Паласа", то выслушаю с удовольствием. Он прочитал "Июль и я". Очень понравилось».

См.: 22 янв. 1924, вторая запись; до 8 февр. 1924; 2 марта 1924; до 11 или 11 марта 1924; 7 апр. 1924, четвертая запись.

Март, 8. В воронежском журнале «Железный путь» (№ 4; раздел «Критика и библиография») — материал «Суд над "Железным путем"», в котором заходит речь о Есенине:

«По примеру прошлого редакция "Железного пути" отдала названный журнал на суд читателей. Суд состоялся в зале совещаний Дорпрофсожа. <...>

Большую страстность в прениях внесло выступление т. Плетнёва. Углубляясь в область интимного, известное раскрепощение литературы, по мнению т. Плетнёва, вообще характерно для литературы наших дней (Пильняк, Есенин, "Молодая гвардия"), и в этом ничего плохого, пожалуй, нет. Артемов <оппонент> и его единомышленники напоминают оратору старых институток. Несколько десятков лет тому назад у нас в России литераторам запрещалось даже писать "сукин сын", вместо этого ставили "с... с...",

в английской литературе и посейчас изгоняется слово “черт”, — неужели мы, лицемеря, будем стремиться к этому и сейчас?»

Март, 9. Есенин выписывается из Шереметевской больницы.

Событие датируется с учетом даты перевода в Кремлевскую больницу, где поэт зарегистрирован в этот день.

Переведен для продолжения лечения в Кремлевскую больницу.

Дата устанавливается по журналу регистрации больных, поступивших в больницу на лечение (Хлысталов, 61).

С.С.Виноградская вспомнит:

«Из Шереметевской больницы он <Есенин> был переведен в Кремлевскую. Там навестили его я и Козловская».

Как жил Есенин, 24.

Г.А.Бениславская вспомнит:

«Заботы Анны Абрамовны <Берзинь> не прекратились и в Кремлевской больнице. Она часто навещала, прекрасно умела занять С.А., развеселить его».

Материалы, 70.

Е.А.Есенина вспомнит:

«...благодаря вниманию Вардина и Анны Абрамовны <Берзинь> Сергей был переведен в Кремлевскую больницу. Там ему было покойней и лучше. В больнице Сергей не переставал работать. Он очень много читал и писал стихи».

В семье родной, 244.

Март, 10 ... 19. Есенин пишет стихотворение «Годы молодые с забубенной славой...».

Рамки события — с учетом свидетельства Е.А.Есениной:

«В Кремлевской больнице написано стихотворение:

Годы молодые с забубенной славой,
Отравил я сам вас горькою травой.
Я не знаю: мой конец близок ли, далек ли,
Были синие глаза, да теперь поблекли...»

В семье родной, 244.

С.С.Виноградская вспомнит о чтении этого стихотворения в Кремлевской больнице:

«Стихи свои до того, как они бывали напечатаны, подчас неотделанные, а иногда и в процессе творчества он обычно читал своим близким друзьям. Читал и советовался с ними. Часто, следуя их указаниям, исправлял написанное. <...>

Читать свои стихи до их напечатания было его потребностью. Он сам часто вызывался их читать. <...>

Так было со стихотворением “Годы молодые с забубенной славой”. <...>

Он не читал его, он хрипел, рвался изо всех сил с больничной койки, к которой он был словно пригвожден, и бил жесткую кровать забинтованной рукой. Перед нами был не поэт, читающий стихи, а человек, который рассказывал жуткую правду своей жизни, который кричал о своих муках.

Ошеломленные, подавленные, мы слушали его хрип, скрежет зубов, неистовые удары рукой по кровати и боялись взглянуть в эти некогда синие, теперь поблёкшие и промокшие глаза. Он кончил, в изнеможении опустился на подушки, провел рукой по лицу, по волосам и сказал: “Это стихотворение маленькое, нестоящее оно”.

Мы высказали свое мнение.

— Значит, оно неплохое? — спросил он.

Такие вопросы он задавал по поводу самых прекрасных его стихотворений. И спрашивал он искренне».

Как жил Есенин, 23–25.

Впрочем, С.А.Толстая-Есенина относит время создания стихотворения к февр. 1924 (Есенин С. Избранное. М., 1946, с. 143).

Март, до 11 или 11. Выходит журнал «Зрелища» (№ 77) с материалом М.Загорского «О пророках, жаждущих богадельни, а также о тезисах Вадима Шершеневича», где говорится о Есенине.

Граница события определяется с учетом помещенной в журнале информации о зрелищах с 11 по 16 марта 1924.

Автор пишет:

«Мои публикуемые ниже антитезисы должны были появиться рядом с тезисами Вадима Шершеневича, напечатанными в предыдущем номере "Зрелищ". Вот откуда их схематичность и сухость.

Появление тезисов Вадима Шершеневича не случайно. Одновременно им же, в компании с "путешествующими в прекрасном" гр. Мариенгофом, Эрдманом, Ивневым и Есениным опубликованы "восемь пунктов" программы имажинистов, в общем и целом совпадающих с тезисами В.Шершеневича в "Зрелищах". Перед нами, таким образом, не "оппозиция" извнутри, а натиск и извне. Представляя раскрытие "мелкобуржуазного" и "анархо-мещанского" характера этого натиска специалистам этого дела в "Зрелищах", ограничусь сейчас лишь указанием на то, что путешествующие имажинисты, очевидно, по веселости нрава, на каждой странице своего журнала громко хохочут... друг другу в лицо. Так, например, тезис Шершеневича о том, что "правда искусства — это правда 2924 года", очень остроумно парируется Ив. Грузиновым следующим указанием: "Не веет ли от Мариенгофа Киево-Печерским Патериком, от Есенина Словом о Полку, от Грузинова XVIII веком?", а утверждение того же Шершеневича в "Гостинице для путешествующих в прекрасном" о том, что "поэт не пророк" (пусть это пророчество идет от сердца или ума!) — "не поэт", вызывает следующую стихотворную реплику Мариенгофа:

Скажите, милые друзья:
Есть богадельня для пророков?

Товарищ — пророк Вадим Шершеневич! Вам еще рано в богадельню! Не забудьте, вас ждет "правда 2924 года"!..»

См.: 22 янв. 1924, вторая запись; до 8 февр. 1924; 2 марта 1924; 4 марта 1924, вторая запись; 7 апр. 1924, четвертая запись.

Март, до 16–31. В издательстве «Новая Москве» выходит сборник литературных манифестов «От символизма до "Октября"» (составители Н.Л.Бродский, Н.П.Сидоров), где упоминается Есенин.

Кн. летопись, 1924, № 6, март, поз. 2277.

В разделе «Имажинизм» — «Декларация» и другие тексты имажинистов.

Издательство «Круг» выпускает сборник статей А.Воронского «Искусство и жизнь» (1924), в котором заходит речь о Есенине.

Кн. летопись, 1924, № 6, март, поз. 2317.

Из статьи «На перевале (Дела литературные)»:

«Так называемые крестьянские писатели (Есенин и др.) не успели собраться, как бросились врассыпную. Во всероссийском союзе писателей скука».

Из статьи «О пролетарском искусстве и художественной политике нашей партии»:

«Очень шумно ведет себя та часть пролетарских писателей, которая, усвоив ряд марксистских положений и решив их проводить в своих произведениях, полагает, что тем самым постулируется пролетарское искусство. Они ищут "идеологии" миропонимания. <...> В вопросе о попутчиках — это сказывается с совершенной наглядностью. Что греха таить, многие попутчики насчет коммунизма очень неблагополучны, на то они и попутчики. Но это наиболее сильное в художественном смысле крыло современной литературы. Достаточно их перечислить: Маяковский, Есенин, Асеев, Пастернак, Н.Тихонов, Орешин, Вера Инбер — из поэтов; <далее перечисляются прозаики и дореволюционные писатели>. Эти беспартийные группы усиленно работают над художественным изображением старого и нового быта. В сущности, наши пролетарские писатели, несмотря на известную самостоятельность в выборке и обработке некоторых тем, в целом не вышли еще из стадии подражательности тем или иным из этих писателей.

<...> Вместо "производства вещей" идут чистки, голосуются резолюции, используются пьяные скандалы (дело Есенина)».

Из статьи «О группе писателей "Кузница"»:

«<...> главные лейтмотивы поэзии "Кузницы" <...> пролетарского происхождения; в целом в них отмечены существенные и самые характерные черты нашей революции. Убедиться в этом нетрудно, если сопоставить поэзию "Кузницы" с творчеством поэтов, относившихся к октябрю положительно, но вышедших из другой общественной среды: таково творчество А. Блока (в первый рев<олюционный> период), Клюева, Есенина и т. д. Для них революция ценна была в своей стихийности, бунтарстве. Диктатуры пролетариата, его разума и дисциплины они не понимали и не принимали. Но самое главное — у них нет ни скрупула, ни грана социализма. Социалистический характер русской революции они либо не признавали, либо смотрели на призрак коммунизма со страхом. И вообще социализм им был чужд, так как все они — индивидуалисты».

Отклик см.: нояб. 1924.

См. Приложение.

Март, 16. Харьковская газета «Коммунист» (№ 63; страница «Литература. Критика. Искусство»; подпись: «А. Л-ес») печатает статью А.Лейтеса «Пролетарский ренессанс в украинской литературе: В.Полищук, М.Хвильовой», в которой заходит речь о Есенине.

Рассматривая творчество В.Полищука и М.Хвильового, рецензент отмечает:

«"Синими этюдами" Хвильовой подарил украинской литературе великолепную книгу лирических образов и настроений. Это — книга настроений пролетария-коммуниста в обстановке украинского нэпа, в обстановке войны с поднимающим голову мещанством физическим и духовным. <...> И если слово Хвильового — слово умеренного импрессиониста-лирика, то глаз его — меткий глаз сурового реалиста. Хвильовой очень часто доходит до крайнего натурализма ("свинья") и еще чаще находит для окружающей его мещанской действительности едкие, острые и циничные <слова>. "Синие этюды" — циничны. Это кажется странным. Но это так.

Синий свет, свет такой синий,
В эту синь даже умереть не жаль...
Ну что ж, что кажусь я циником,
Прицепившим к з... фонарь.

Это спрашивает Сергей Есенин, крестьянский поэт, нежнейший озорник, сентиментальнейший хулиган.

— Ну так что ж, что кажусь я циником? — может спросить М.Хвильовой, когда он в уста своего горбуна из "ли-люли" вкладывает циничное слово.

Хвильовой нежный циник, такой, каким не может быть лирик-бытовик, каким должен быть поэт эпохи борьбы, когда "впервые выучились мы словам прекрасным и жестоким". <...> Но нежный цинизм Хвильового отличается от лирического цинизма крестьянского поэта Есенина или от интеллигентского беллетриста Пильняка, с которым особенно часто его сравнивают...».

Берлинская газета «Накануне: Литературная неделя» (№ 63; подпись: «Е. В.») публикует обзор седьмой (декабрьской) книги журнала «Красная новь» за 1923 год:

«Теперь о поэтах: Василий Казин, Есенин, Обрадович <...>

Не лучшее, но хорошее стихотворение "Любовь хулигана" недостаточно выдержано, и есть в нем и совсем плохая строфа:

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством».

См. также: вторая половина авг. 1923, вторая запись; до 22 сент. 1923; 22 сент. 1923, первая запись; сент. – нояб. 1923, первая запись; 9 окт. 1923, первая запись; 14 окт. 1923, вторая запись; 13–31 дек. 1923, вторая запись; 2 янв. ... до 2 февр. 1924; конец июня 1924; до 19 июля 1924.

Март, после 17 ... Апрель, до 6. Выходит журнал «Журналист» (№ 10) с неподписанным материалом «Среди писателей. Союз поэтов», в котором говорится о Есенине.

«В ближайшее время выходит "Антология современной поэзии" <точнее, "Поэты наших дней">, куда войдут: Брюсов, Есенин, Дрожжин, Каменский, Кузмин, Маяковский, Пастернак и др., всего 54 поэта».

Нижняя граница события определяется датой упомянутого в номере мероприятия («17 марта открыта литературная студия...»), ее верхняя граница — по информации в газ. «Правда» (1924, 6 апр., № 79) о том, что номер «вышел и поступил в продажу».

См.: 2 марта 1924; 6 апр. 1924, пятая запись; 7 апр. 1924, восьмая запись; конец мая 1924; сент. ... до 16 или до 30 нояб. 1924.

Март, 18. Журнал «Прожектор» (№ 5) публикует статью А.К.Воронского «Искусство как познание жизни» и его докладную записку в агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП (б) «О "текущем моменте" и задачах партии в художественной литературе».

Дата события — по информации в газ. «Правда» (1924, 16 марта, № 62) — «выходит 18 марта».

Есенин при работе над статьей о писателях-«попутчиках» учтет материалы этого номера журнала и отклик на них И.Вардина (см.: до 17 мая 1924; после 17 мая 1924, четвертая запись).

А.К.Воронский, отметив тенденции развития русской литературы в годы революции, гражданской войны и современной, характеризует пролетарскую литературу и литературу попутчиков и пишет, что установление единой партийной линии в искусстве напостовцами «начато с травли попутчиков, "Кузницы", "Лефа", ряда литераторов-коммунистов, за исключением группы "Октябрь". Основное требование товарищей "напостовцев" сводилось к тому, чтобы партия в центре современной литературы поставила пролетарскую литературу, отодвинув попутчиков на вторые и третьи роли как неспособных быть

полезными пролетариату в организации его классового сознания». Замечает: в центре литературной жизни стоят попутчики, потому что «попутническая» литература была и есть наиболее сильная.

Из статьи:

«Несомненно, литература последних трех лет и в поэзии, и в прозе настолько окрепла и выросла, что стала заметным явлением советской общественности <...> решающую роль сыграли четко определившийся сдвиг нашей интеллигенции в сторону сотрудничества с пролетариатом и советской властью <...> штиль или кризис современной литературы объясняется обмелением и оскудением революционно-романтических настроений, что, в свою очередь, нужно поставить в связь с задержкой социальной революции на Западе и с наличием неприглядных сторон НЭПа. <...> Серые будни опутывают даже таких бунтарей, как Маяковский, ибо справедливо замечание одного соратника Маяковского по журналу "Леф", что Маяковский в поэме "Про это" здорово бьет быт, но и быт здорово бьет Маяковского. <...>

Иногда элементы литературного декаданса и снижения настроения проявляются в явно уродливой и явно опасной форме. В этом смысле очень показательно творчество и поведение Есенина последнего периода. На наших глазах гибнет один из лучших и даровитых поэтов. В этом нет ничего случайного. Кабацко-богемские настроения дают о себе сильно знать в писательской среде вообще и в частности — в нашей молодой комсомольской среде. <...> Нужно помочь нашей литературе найти, вместо утраченной, чаще всего отвлеченной революционной романтики, живой стержень нового этапа революции. <...>

В отношении групп и кружков пролетарских и коммунистических писателей следует признать, что такие группы и ассоциации крайне целесообразны и полезны».

А.Воронский считает, что «необходимо обратить серьезное внимание на явные несуразности и излишества со стороны наших цензурных политотделов». Ставит вопрос об улучшении материального положения современного писателя и о борьбе против богемного быта и его отражений в литературе. В завершение говорит, что, предоставляя полную свободу в художественной работе, партия ждет произведений, соответствующих духу эпохи».

Март, 19. Калужская газета «Коммуна» (№ 63; рубрика «Книжная полка») печатает обзор Влад. Королева «Литература и революция» — рецензию на книгу Л.Д.Троцкого «Литература и революция» (М., 1923), где упоминается Есенин:

«Литературные попутчики революции ("советская", "мужиковствующая" литература) подробно отмечены Троцким в обстоятельном разборе творчества Н.Клюева, С.Есенина, Б.Пильняка, Серапионовых братьев — Вс. Иванова, Н.Никитина и др.».

См. также: до 25 нояб. 1923; 6 дек. 1923, вторая запись; 1 апр. 1924; апр. 1924, вторая запись.

Март, 20. Есенин выписывается из Кремлевской больницы.

Поступает в клинику 1-го Московского университета к профессору П.Б.Ганнушкину и в тот же день оставляет ее.

Событие и дата устанавливаются по записи в регистрационном журнале клиники (Хлысталов, 64).

«<Есенин> был записан за № 48/2787 на странице 306 регистрационного журнала мужского отделения клиники, который велся с 1921 по 1929 год. И так как в первый же день был выписан, то можно полагать, что принят был для проведения обследования состояния его здоровья и решения некоего конкретного вопроса».

Панфилов А. Есенин без тайны. М., 1994, с. 82.

Март, 20 – Апрель, 11 или **12**. Есенин живет на квартире И.В.Вардина.

Нижняя граница события определяется с учетом даты выписки Есенина из больницы (см.: 20 марта 1924) и того, что М.С.Грандов требовал выселения Есенина во время его лечения в Шереметевской больнице (см.: после 13 февр. 1924), а его верхняя граница — по времени отъезда Есенина в Ленинград (см.: 11 или 12 апр. 1924).

Отмечается по воспоминаниям Г.А.Бениславской:

«Через некоторое время Грандов опять начал поход — хотел уволить меня из "Бедноты", получив таким образом возможность выселить меня, а следовательно, и С. А. из квартиры; от этого шага его удержала Яна.

Вскоре С. А. уехал к Вардину; потом на время в Петроград...».

Материалы, 36.

Г.А.Бениславская пишет также:

«По выходе из Кремлевской больницы она <А.А.Берзинь> настояла, чтобы С. А. переехал на квартиру к Вардину, где он, разумеется, стеснялся пить по-прежнему и откуда Вардин со своей кавказской прямотой, как хозяин квартиры, легко выставлял всех литературных собутыльников Е<сенина> и прощелыг. <...> Вардин попросил дать ему список всех собутыльников, собирался принять меры каким бы то ни было образом выслать их из Москвы, и, во всяком случае, в его квартиру им было невозможно попасть. <...> Вардин же, несмотря на узость его взглядов, благотворно подействовал на С. А. в смысле определения его "политической ориентации"».

Материалы, 70–71.

Еще одно ее замечание о положительном влиянии И.Вардина на Есенина:

«Взять хотя бы те краткие периоды, когда он попадал в руки Вардина, Ионова, Чагина. Не важны их какие-либо сверхчеловеческие достоинства, важно твердое осознание, при котором можно было говорить с С.А. <...> Вардин <...> дал Сергею Александровичу очень много. Благодаря ему С.А. попробовал посмотреть на мир другими глазами, отбросив свою личную обиду».

Материалы, 43.

Есенин пишет стихотворение «Письмо матери».

Есенин, 1, 179, 607–609.

Время события определяется по воспоминаниям Г.А.Бениславской с учетом даты выписки Есенина из Кремлевской больницы (см.: 20 марта 1924).

Г.А.Бениславская вспомнит:

«Во время пребывания у Вардина было написано стихотворение "Письмо матери", явившееся началом цикла трезвых, здоровых стихов. Здесь вообще была здоровая атмосфера. Тяготило Сергея Александровича только одно: ему всё казалось, что с ним возятся, надеясь сделать из него "казенного" советского поэта. Но хорошее отношение к Вардину у него осталось навсегда».

Восп., 2, 64.

Поэт много работает над текстом стихотворения. Черновой автограф (РГАЛИ) содержит немало правки, отдельные строки имеют до восьми вариантов. Вместе с тем ключевые строки найдены сразу:

Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.
.....
И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
[Мне] Ты одна мне негасимый свет.

Наиболее значительную правку имеют строки пятнадцатая и шестнадцатая:

I Я уже
II Перестал
III Люди
IV Люди лгут, что будто я пропойца
V Не транжир, не мот я, не пропойца
VI Я всего лишь
VII Я не грубиян и не пропойца,
Я хмелею только от весны
VIII Не такой уж горький я пропойца,
Чтобы в глупой ссоре умереть.
XI Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Есенин, I, 340–342.

В редакции журнала «Красная новь» Есенин читает В.В.Казину, И.В.Евдокимову, Н.Н.Когоуту, В.И.Казанскому стихотворение «Письмо матери».

Событие и его ориентировочные рамки устанавливаются по воспоминаниям И.В.Евдокимова с учетом времени написания стихотворения и отъезда Есенина в Ленинград.

И.В.Евдокимов вспомнит (1926):

«Самыми яркими впечатлениями от встреч с Есениным было чтение им стихов.

Он тогда ни на кого не глядел, глаза устремлялись куда-то в сторону, свисала к груди голова, тряслись волосы непокорными вьюнами, а губы уставлялись детским капризным топничком. И как только раздавались первые строчки, будто запевал чуть неслаженный музыкальный инструмент, понемногу звуки вырастали, исчезала начальная хрипотца — и строфа за строфой лились жарко, хмельно, страстно... Я слушал лучших наших артистов, исполнявших стихи Есенина, но, конечно, никто из них не передавал даже примерно той внутренней и музыкальной силы, какая была в чтении самого поэта. Никто не умел извлекать из его стихов нужные интонации, никому так не пела та подспудная непередаваемая музыка, какую создавал Есенин, читая свои произведения. Чтец это был изумительный. И когда он читал, сразу понималось, что чтение для него самого есть внутреннее, глубоко важное дело.

Забывая о присутствующих, будто в комнате оставался только он один и его звеневшие стихи, Есенин громко и жарко и горько кому-то говорил о своих тягостных переживаниях, грозил, убеждал, спорил... Расходясь и расходясь, он жестикулировал, сдвигал на лоб шапку, на лице выступал тончайший пот, губы быстро-быстро шевелились...

Первый раз я слушал его весной 1924 года. Он пришел под хмельком. Мы собирались уже уходить с работы. Он принес стихотворение «Письмо к матери», напечатанное в третьей книжке «Красная новь» за 1924 год. Кто-то попросил его прочитать. Держа в руке листок и не глядя в него, он начал читать. Лица его не было видно. Он стоял спиной к окну. Слушали Казин, Когоут, Казанский и я.

Помню, как по спине пошла мелкая, холодная оторопь, когда я услышал:

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

Я искоса взглянул на него: у окна темнела чрезвычайно грустная и печальная фигура поэта. Есенин жалобно мотал головой:

Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Тут голос Есенина пресекся, он, было видно, трудно пошел дальше, захрипел... и еще раз запнулся на строчках:

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.

Дальше мои впечатления пропадают, потому что зажало мне крепко и жестоко горло, таясь и прячась, я плакал в глуби огромного нелепого кресла, на котором сидел в темнеющем простенке между окнами.

Он закончил. Помолчали. В дверях мигал светлыми, слегка желтевшими глазами Казанский, Когоут с неподвижным своим лицом тушевал карандашом на какой-то нужной казенной бумаге, Казин серьезно и мечтательно вслушивался в слова, подняв кверху свой нос щипком.

— Ну, каково? — быстро спросил Есенин.

У меня, может быть, некстати, подвернулось одно слово:

— Вкусно!

Есенину оно понравилось; он несколько раз повторил его. Через год, когда мы познакомились поближе, он, рассказывая мне о новых своих вещах, всегда смеясь, шутил:

— Кажется, опять получилось вкусно».

Восп.- 95, 461–462.

На квартире И.В.Вардина Есенин встречается с А.Безыменским.

Событие и его время устанавливаются по воспоминаниям Ю.Н.Либединского:

«...мы вдвоем с Есениным сидели однажды за столом в этой <И.Вардина> квартире. Вопреки общепринятым представлениям о Есенине, мы... пили чай! Вдруг в комнату вошел Безыменский и, увидев нас, сидевших вдвоем в пустой комнате, словно остолбенел. В то время мы с Безыменским, оставаясь друзьями, несколько разошлись во взглядах на литературу. С Есениным же Безыменского разделяла принадлежность к различным направлениям поэзии. И я сказал, чтобы прекратить неприятную паузу:

— А вот и Саша Безыменский...

Есенин со свойственной ему легкой грацией быстро вскочил и с доброжелательной улыбкой протянул руку Безыменскому. Но в том крепком рукопожатии, которым ответил ему Безыменский, возможно, что и в улыбке, несколько принужденной, Есенин почувствовал что-то непростое и демонстративное. И Сергей сказал многозначительно, хитро прищурившись:

— Тяжело пожатье каменной десницы.

Впоследствии Безыменский запечатлел эту встречу в одном из своих стихотворений».

Восп., 2, 150.

Имеется в виду стихотворение А.Безыменского «Встреча с Есениным» (1927):

Сережа! Дорогой ты мой!
Со мной выходишь ты на сечу?..
.....
Мне помнится наш первый бой
И наша первая с тобой
Незабываемая встреча.
.....
— Вот Безыменский... — так сказал
Друг Юрий, бывший напостовец.
А ты всучил в меня глаза,
Как будто бы сверлить готовясь.

Но встал и руку подал мне.
Ладони звякнули клинками!
Я видел пару щек в огне
И взгляды, где любовь и камень.
Мгновенье долгое прошло,
В упор склонились наши лица,
И ты промолвил: «Тяжело
Пожатье каменной десницы...»

Но ты — поэт. И враг. И пусть!
Но всё же странно, право слово,
Что выучил я наизусть
Твои стихи — врага лихого...

Восп., 2, 386.

Март, 20 – Апрель, 11 или **12;** и (или) **Май, 9–30.** Есенин бывает на квартире В.Э.Мейерхольда и З.Н.Райх. Навещает детей — Татьяну и Константина.

События фиксируются по воспоминаниям детей поэта, датируются по их содержанию с учетом времени пребывания Есенина в Москве.

К.С.Есенин позже вспомнит:

«В памяти сохранилось несколько сцен, когда отец приходил посмотреть на нас с Таней. Как все молодые отцы, он особенно нежно относился к дочери. Таня была его любимицей. Он уединялся с ней на лестничной площадке и, сидя на подоконнике, разговаривал с ней, слушал, как она читает стихи.

Домочадцы, в основном родственники со стороны матери, воспринимали появление Есенина как бедствие. Все эти старики и старушки страшно боялись его — молодого, энергичного, тем более что, как утверждала сестра, по дому был пущен слух, будто Есенин собирается нас украсть.

Таню отпускали на "свидание" с трепетом. Я пользовался значительно меньшим вниманием отца. В детстве я был очень похож на мать — чертами лица, цветом волос. Татьяна — блондинка, и Есенин видел в ней больше своего, чем во мне».

Восп., 2, 276.

Т.С.Есенина вспомнит:

«У нас появилась первая "бонна" — Ольга Георгиевна. <...>

Детской нам служила просторная комната, где мебель почти не занимала места, посередине лежал красный ковер, на нем валялись игрушки и возвышались сооружения из стульев и табуреток.

Помню — мы с братом играем, а возле сооружений сидят Есенин и Ольга Георгиевна. Так было раза два. Ему не по себе рядом с ней, он нехотя отвечает на ее вопросы и не пытается себя насиловать и развлекать нас. Он оживился, лишь когда она стала расспрашивать о его планах. Он рассказал, что собирается ехать в Персию, и закончил громко и вполне серьезно:

— И там меня убьют.

Только в ресницах у него что-то дрожало. Я тогда не знала, что в Персии убили Грибоедова и что отец втихомолку издевается над княжеской бонной, которая тоже этого не знала и, вместо того чтобы шуткой ответить на шутку, поглядела на него с опаской и замолчала.

Один только раз отец всерьез занялся мной. Он пришел тогда не один, а с Галиной Артуровной Бениславской. Послушал, как я читаю. Потом вдруг принялся учить меня... фонетике. Проверял, слышу ли я все звуки в слове, особенно напирал на то, что между

двумя согласными часто слышен короткий гласный звук. Я спорила и говорила, что, раз нет буквы, значит, не может быть никакого звука.

Как-то до Зинаиды Николаевны дошли слухи, что Есенин хочет нас "украсть". Либо сразу обоих, либо кого-нибудь одного. Я видела, как отец подшучивал над Ольгой Георгиевной, и вполне могу себе представить, что он кого-то разыгрывал, рассказывая, как украдет нас. Может быть, он и не думал, что этот разговор дойдет до Зинаиды Николаевны. А может быть, и думал...

И однажды, забежав к матери в спальню, я увидела удивительную картину. Зинаида Николаевна и тетка Александра Николаевна сидели на полу и считали деньги. Деньги лежали перед ними целой горкой — запечатанные в бумагу, как это делают в банке, столбики монет. Оказывается, всю зарплату в театре выдали в тот раз трамвайной мелочью.

— На эти деньги, — возбужденно прошептала мать, — вы с Костей поедете в Крым.

Я, конечно, гораздо позже узнала, что шептала она во имя конспирации. И нас, действительно, срочно отправили в Крым с Ольгой Георгиевной и теткой — прятать от Есенина».

Восп., 2, 271–272.

Ср. также с воспоминаниями Е.А.Есениной:

«— Сегодня я иду к своим детям, хочешь пойти со мной? — сказал Сергей, одеваясь более тщательно, чем всегда.

Я согласилась, и через час мы уже звонили в квартиру Мейерхольда.

— Котик, тебя не просят подходить к двери, — услышали мы женский голос.

Нам открыла дверь домработница, которая, по-видимому, знала Сергея. Она почтительно поклонилась ему и, обратившись к малышу, проговорила:

— Котик, скажите Танечке, что папа пришел.

Чудесный мальчик лет трех с любопытством осмотрел нас и, важно положив ручонки в карманы штанишек, закричал во все горло: "Таничка, к тебе Есенин пришел!"

Мы разделись и прошли в детскую комнату. Из противоположной двери нам навстречу шла девочка. Девочка была белокурая, с голубыми глазками. Потупив взор, она молча подошла к Сергею, и он робко, как к иконе, приложился к ее чудесной головке. Мы все трое стояли и не знали, что делать. Сергей совсем смутился и имел вид мальчика. <...> Наконец, отношения наладились, я села за игрушки, а они уселись за маленький детский столик, и Сергей осторожно искал дорогу к детскому миру своей крохотной дочурки. Вдруг открылась дверь, и женщина, стройная, молодая, черноокая, остановилась на пороге. <...> Она, как девушка, была смущена, кивнув головой Сергею, торопливо побежала по комнате к другой двери. <...>

Мальчик даже не заглянул в детскую. <...>».

В семье родной, 241–242.

Март, 21. Есенин дарит свою фотографию 1922 года М.Д.Ройзману с надписью:

«Милому Моте с любовью и дружбой С. Есенин».

Есенин, VII (1), 230, 478–479.

М.Д.Ройзман вспомнит, что Есенин позвонил ему по телефону после выхода из Кремлевской больницы и попросил зайти в дом № 29 на Тверской улице.

Мемуарист пишет:

«Я думал, что Сергей получил новую комнату и хочет показать ее мне. Я вошел в ворота дома № 29 (теперь на месте этого снесенного здания построено новое), вошел во второй подъезд справа, поднялся на третий этаж, позвонил в указанный мне номер квартиры.

(Я пишу об этом дне по записи). Большая комната с высоким потолком, обжитая: хороший письменный стол, кресла, картины, ковер. В то время шли аресты спекулянтов, валютчиков, взяточников, распустивших крылья с начала нэпа. Если у этих людей не было семьи, после обыска комнату запечатывали и передавали в фонд жилищного отдела. К моему сожалению, я в тот день не успел спросить, получил ли Есенин эту комнату по ордеру или она принадлежит какому-нибудь знакомому, который временно отдал ее Сергею.

<...> Сергей поднялся из кресла, подошел к книжному шкафу, взял свой берлинский портрет и дал мне. На нем была дарственная надпись <приводится текст>».

Ройзман, 207, 208.

Март, 23. В результате инцидента на Малой Бронной улице Есенина доставляют в 15-е отделение милиции.

Составлен протокол допроса М.В.Неймана, который просит привлечь Есенина к уголовной ответственности за оскорбление и драку по статьям 176 и 172 Уголовного кодекса. В качестве свидетеля допрошена Е.А.Есенина.

Материалы, 325.

Есенин подписывает протокол допроса и дает подписку о невыезде из Москвы:

«...виновным я себя по ст. 176 Уг. Код. не признаю, как в хулиганстве, так и в оскорблении. Сего числа, находясь у знакомых в гостях совместно со своей сестрой, где немного выпили вина. Потом я с сестрой поссорился, взял извозчика и поехал по направлению к Тверскому бульвару. Сестра моя ехала на извозчике сзади меня. Не доезжая Тверского бульвара, извозчик вывалил меня из саней на повороте, тогда моя сестра стала меня просить, чтобы я поехал с ней вместе на одном извозчике, на что я отказался и хотел идти пешком. Она меня не пускала. Я с ней стал ругаться, в это время вмешалась посторонняя публика и задержала меня с помощью милиции за оскорбление женщины (а женщина эта была моя сестра), больше показать ничего не могу».

Материалы, 327–328.

Это дело не имело продолжения.

Март, 24. Газета «Правда» (№ 65; рубрика «Библиография») печатает рецензию А.Лежнева на журнал «Красная новь» (№ 1), в которой упоминается Есенин:

«...отметим "Заметки об интеллигенции" Вяч. Полонского и правильную характеристику творчества Есенина, сделанную Воронским...».

См.: до 16 — до 29 февр. 1924, первая запись; 4 апр. 1924, первая запись; 15 апр. 1924, пятая запись; 18 мая 1924, вторая запись; май (?) 1924, вторая запись; 1 июня 1924, четвертая запись; июль 1924.

И.Ионов в письме из Ленинграда сообщает Есенину о стоимости издания книги «Москва кабацкая».

Письма, 235.

Об организации печатания «Москвы кабацкой» в Ленинградском отделении Госиздата РСФСР, руководимом И.Ионовым, см.: Хроника, 2, 110–111.

См. также: после 14 апр. — до 6 мая 1924, четвертая запись.

Март, 26. Газета «Правда» (№ 69) в информации о подписке на журнал «Красная новь» называет Есенина как автора стихотворений, опубликованных в № 1 этого издания.

Берлинская газета «Накануне» (№ 71) печатает материал Р.Гуля «Не виновата», где мельком упоминается Есенин.

Март, 27. Парижская газета «Последние новости» (№ 1205) помещает материалы Есенина и о Есенине:

— стихотворение поэта «Мне осталась одна забава...».

Перепечатка из Гост. № 1 (3) (см.: до 8 февр. 1924) в тексте М.А.Осоргина (см. ниже);

— статью М.А.Осоргина «Путешествующие в прекрасном»:

«Была в Москве кучка мальчиков, способных, бойких, беззастенчивых любителей скандалов и рекламы: Мариенгоф, Есенин, Шершеневич, Ивнев, Грузинов и др. Ломали язык, эпатировали буржуев, искали рукоплесканий, иногда давали и что-то дельное. Подвизались, главным образом, на подмостках "Стойла Пегаса", в Москве на Тверской <...> И "Стойло Пегаса" пришло в упадок: нэп его съел.

Тогда имажинисты разделились; часть осталась в Москве — громить "левый фронт", часть поехала просвещаться за границу... <...> Так как политикой они не занимались, то им это сходило с рук довольно благополучно; хотя ссорились и с Луначарским, и с тогдашней чекой. Особого подвига в этом не было, но всё же нельзя не поставить этим мальчикам на плюс, что они, хоть и меньшим рискуя, делали то, на что другие не решались: не желали сдаваться и отстаивали по-своему право писателя говорить, что ему хочется.

С полнейшим и открытым отрицанием отнеслись имажинисты и к "пролетаризации" литературы, к приданию ей классового характера <...>

По молодости лет и привычному черезкрайству перекинулись было через Пушкина к Ломоносову и Тредьяковскому, — но всё же притягивает их именно Пушкин. Ал. Блок для них неприемлем, — но у последнего Есенина больше блоковского, чем у самых слепых подражателей. <...>

Имажинистов упрекают в том, что они не служат классу, что они не посвящают себя бытописательству, не воспевают серпа, молота, баррикад, не нужны пролетариату, не обслуживают своими песнями его производственные работы, считают поэта избранником и аристократом».

Подробно излагая декларацию имажинистов, М.Осоргин отмечает, что в имажинизме происходят существенные изменения, что в нем заметен поворот «в сторону романтического идеализма», «призыв к духовному самоочищению». И продолжает:

«... Наличность этого нового и святого для нашей литературы порыва имажинисты успели доказать уже в том немногом материале, который имеется в тех же двух номерах "Гостиницы", и прежде всего — в поразительных по внутренней красоте стихах Сергея Есенина. <"Я усталым таким еще не был...", "Мне осталась одна забава...", "Да! Теперь решено. Без возврата..."> <...> нет из этих поэтов ни одного, не исключая даже неприятного порнографа (в прошлом) Грузинова, до сознания которого уже не дошла бы мысль о том, что "гильотина времени вдали — нас ожидает, час казня за часом". Уже и для Мариенгофа, блестящего Анатолия, желанными стали "простая вера и простые чувства: страх перед смертью, к петуху зарезанному жалость". — Уже и Рюрик Ивнев восклицает: "Мне страшно за тебя, безоблачное небо, мне страшно за тебя, тяжелая земля". — И Вадим Шершеневич пишет: "О пульс, мой кровяной набат, не бей тревогу, стихни. Знаю, как беден счастьем мой приход и как богат расход тоскою". И не могу не процитировать отрывка из изумительной вещи Сергея Есенина — с большим сожалением, что нельзя перепечатать ее целиком ("Москва кабацкая") <следует стихотворение "Мне осталась одна забава..."»>.

Март, до 30. Есенин пишет тезисы своего предстоящего выступления на авторском вечере в Ленинграде «О мерзости и прочем в литературе. Вызов не попутчикам».

Событие и его граница устанавливаются на основе письма Есенина к Е.Д.Иоффе (см.: 30 марта 1924). Текст тезисов неизвестен.

Есенин произнесет слово на вечере в Зале Лассаля (Ленинград) перед чтением своих стихов (см.: 14 апр. 1924, вторая запись).

Март, до 30 или 30. В саратовском театре имени Ленина (театральный техникум) В.Шершеневич читает лекцию «О современной литературе», в которой заходит речь о Есенине, и его стихи.

Событие устанавливается по отклику в местной газете (см. ниже), а его время — с учетом содержания письма В.Шершеневича А.Кусикову (см.: 2 апр. 1924).

Из отклика:

«Шершеневич — искусный оратор, пересыпающий речь меткими шутками, злыми и остроумными сарказмами, которыми, как шрапнелью, бьет по своим литературным противникам. Это делает его лекцию памфлетом; но от этого, становясь во многих отношениях спорной, она в то же время выигрывает в полемической яркости.

И так ее и следует принимать: как острый талантливый памфлет, направленный к оправданию имажинизма.

"В современной литературе, — говорит докладчик, — борются два основных течения: так наз<ываемый> «Леф» (Левый фронт), возглавляемый Маяковским, и имажинизм (Есенин, Шершеневич, Мариенгоф), «Леф» не может быть оправдан: это попытка прикрыть материализм идеализмом, сочетать коллективизм с индивидуализмом. При этом — протоколизм, изображение «сегодняшнего дня», что обращает стихи, напр<имер>, Маяковского, в рифмованные газетные передовицы. Это — не поэзия, не художественное творчество.

Имажинизм, в противоположность «Лефу», в основу кладет образ (по-французски: image — «имаж») как средство выразительности и убедительной простоты; пророчество: поэт должен быть провидцем, он должен писать так, чтобы написанное сбылось в будущем, лет через 25, а так как будущее мы мыслим как строй, при котором не будет классов, то, — говорит докладчик, — мы, имажинисты, стоим на точке зрения деклассированности, которая ничего общего не имеет с контрреволюционностью; наконец, мы — революционные идеалисты и романтики. «Революционный идеализм» (?), по утверждению докладчика, находит все больше сторонников и, — если поверить ему, — это сейчас господствующее направление. <...>"

К сожалению, после лекции не было диспута, — так что слушатели остались под впечатлением полемического фейерверка докладчика, в котором дыму и чаду не меньше, чем блестящих словесных узоров.

В заключение Шершеневич читал стихи свои собственные, Есенина и некоторых других современных поэтов».

М. Бр. Лекция Вадима Шершеневича. — Газ. «Известия», Саратов, 1924, 2 апр., № 73.

Март, 30. Есенин пишет Е.Д.Иоффе:

«Уважаемый Евсей Давыдович!

Посылаю Вам незначительую часть вырезок и краткие тезисы слова.

Думаю, что много и пространно писать не стоит. Этого будет достаточно, тем более что я задеваю чисто формальную сторону в искусстве.

Жму Вашу руку. <...>

Тезисы пусть будут зарегистрированы. Но на афишу их не надо».

Есенин, VI, 164, 585–586.

О Е.Д.Иоффе, его участии в организации вечера Есенина в Ленинграде и в издании книги «Москва кабацкая» см.: Есенин, VI, 581–582.

На афише будет обозначено только название выступления Есенина (см.: до 14 апр. 1924).

Март, конец (?) ... Апрель, начало (?). Есенин записывает домашний и служебный телефоны И.В.Аксельрода.

Есенин, VII (2), 180.

Время события устанавливается ориентировочно с учетом того, что запись телефонов сделана Есениным на обороте чернового автографа его стихотворения «Письмо матери» (см.: 20 марта — 11 или 12 апр. 1924, вторая запись).

См. также: после 18 окт. 1923 ... начало (?) 1924.

Март. А.Б.Кусиков пишет М.Д.Ройзману из Парижа, упоминая Есенина.

Один из поводов написания письма — разногласия среди имажинистов, в частности, «Открытое письмо Александру Кусикову» В. Шершеневича (см.: 10 февр. 1924, вторая запись).

Из письма А.Б.Кусикова:

«...О Есенине я не говорю только потому, что он слишком много говорит обо мне невероятного, небывалого и до ногтей предательски-лживого. Проще говоря, этот озлобленный человек делает специфически есенинские штучки. Мне обо многом писали друзья — я же просил всех и прошу опять: ни одному слову [этого бывшего поэта] этого человека не верить. [Большинство (мне известно из писем) рассказываемого им обо мне сделано и сказано им самим]. И, наконец, не считая Есенина, — твое письмо, тоже проникнутое хорошим отношением ко мне. Ничего не понимаю!

Все "друзья" меня любят, все "уважают" и все "ценят", а на деле получается наоборот: два года за границей, и два года мои "российские друзья" применяют все способы к тому, чтобы только как-нибудь затереть меня и заклевать.

Четвертый № журнала <Гост.> выходит. Казалось бы: как это так — имажинизм без меня? Кто же больше меня во всех отношениях сделал для имажинизма. А в этих журналах только дух мой витает, а меня нет. Стыдно, господа хорошие. Печатно давите меня, а моей идеологией пользуетесь. Даже отделы, как, например, "И в хвост и в гриву", я окрестил перед отъездом. Помню, Мариенгофу это очень понравилось.

Ну, да это неважно. Всё это суета. <...>

Живу я сейчас в Париже. Официально "по государственным делам". Надо же послужить на пользу социалистического отечества. В нашу эпоху нельзя быть "беспартейщиком".

<...> ты пишешь, будто ты слыхал о моем плохом отношении к тебе! Что это значит? Если это Есенин, то, как и всё остальное, *ложь!* Если это тебе надо было для зацепки написать мне письмо — простительно. А в общем, я об этом никогда никому не говорил. Да и не в моей это манере. За этим надо обращаться к Есенину, это по его специальности».

Письма, 334–336.

Март (?) ... Апрель, до 11 или 12. Есенин читает знакомым, в числе которых А.К.Воронский и Д.К.Богомильский, отрывок из поэмы «Гуляй-поле».

Событие, произошедшее в Москве, и его верхняя граница устанавливаются по воспоминаниям Д.Богомильского:

«Отрывок из поэмы "Гуляй-поле" — "Ленин" — Есенин читал у меня по рукописи до его напечатания. Воронский, среди других слушавший чтение, похвально отозвался об этом отрывке, особенно ему понравилась заключительная часть, и он всё повторял:

Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.

Так именно заканчивался отрывок из поэмы и в таком виде был впервые напечатан в альманахе "Круг" № 3».

Восп.-65, 342.

См. также: до 13 нояб. 1923; 27 янв. 1924, вторая запись; после 27 янв. – февр. (?) 1924; конец апр. – до 15 мая 1924, первая запись; после 15 мая 1924, вторая запись; после 3 или 4 июня – 14 или 15 июня 1924, вторая запись.

Апрель, 1. Краснодарский журнал «Буревестник» (№ 3) помещает статью «Литература и революция» (о книгах Л.Д.Троцкого «Вопросы быта» и «Литература и революция») с упоминанием Есенина:

«С особенным вниманием останавливается автор на тех писателях, которые не отгородились от революции и прикоснулись с ней <так!>.

Это — литература "р е в о л ю ц и о н н ы х п о п у т ч и к о в" (Клюев, Есенин, Пильняк, Серапионовы братья, Блок...)».

См. также: до 25 нояб. 1923; 6 дек. 1923, вторая запись; 19 марта 1924; апр. 1924, вторая запись.

Апрель, 1 (?). Есенин встречается с А.Ширяевцем.

Событие и его предположительная дата устанавливаются по письму А.Ширяевца к П.С.Поршакову (4 апр. 1924):

«Дня три тому назад на Арбате столкнулся с Есениным. Пошли, конечно, в пивную, слушали гармонистов и отдавались лирическим излияниям. Жизнерадостен, как всегда, хочет на лето ехать в деревню, написал много новых вещей».

Письма, 336.

Апрель, 2. В.Шершеневич пишет А.Кусикову в Париж:

«...вчера приехал из Саратова, где читал 10 дней лекции и работал в театре. И был очень обрадован, получив твое письмо <оно неизвестно>.

Ты совершенно напрасно смешиваешь три вещи: 1) мое отношение к тебе, 2) Толино <Мариенгофа> и 3) Есенина. Ты знаешь мою неизменную дружбу к тебе <...> Толя к тебе относится без вражды и без недружелюбия, но <...> он не связан с тобой личными отношениями и боится, что ты отошел от имажинизма. <...> Сергей же спился окончательно, мы с ним не видимся и, право, о нем как о человеке давно пора перестать говорить и думать. А сможет ли он как поэт удержаться на прежней высоте, право, не знаю — и трудно сказать. <...>

Следующий № <Гост.> уже будет без Есенина».

Журн. «Cahiers du Monde russe et soviétique», Paris, 1974, t. XXV, fasc. 1/2, p. 215–216 (публ. Ж. Нива).

От даты этого письма в оригинале осталось только число. Месяц и год устанавливаются по содержанию документа с учетом информации о публичном выступлении В.Шершеневича в Саратове (см.: до 30 или 30 марта 1924).

Апрель, 4. Есенин пишет А.А.Берзинь:

«Мы остались одни. Жена Вардина уехала.

Сегодняшний вечер у нас свободен, был бы страшно рад видеть Вас».
Есенин, VI, 165.

По словам А.А.Берзинь, за время знакомства с Есениным она получила от поэта 52 письма и телеграммы, из них 15 писем передала в 1948 году на хранение С.А.Толстой-Есениной (запись В.Г.Белоусова от 24 мая 1959). В Есенин, VI опубликовано 10 писем и телеграмм. Местонахождение остальных неизвестно.

См.: Есенин, VI, 164–165, 586.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 78; рубрика «Критика и библиография») печатает обзор Б.Гиммельфарба «Среди журналов ("Звезда" № 1, "Ленинград" 1924, "Красная новь" январь–февраль 1924)», в котором заходит речь о посвященной Есенину статье А.Воронского в журнале «Красная новь».

См.: до 16 — до 29 февр. 1924, первая запись; 24 марта 1924, первая запись; 15 апр. 1924, пятая запись; 18 мая 1924, вторая запись; май (?) 1924, вторая запись; 2 июня 1924, четвертая запись; июль 1924.

Апрель, 5. В Варшаве выходит журнал «Nova Kultura» (№ 14) с поэмой Есенина «Товарищ» в переводе К.Винавера.

См. Приложение.

Апрель, 6. Г.А.Бениславская пишет Есенину:

«Сергей Александрович, милый, хороший, родной.

Прочтите всё это внимательно и вдумчиво, постарайтесь, чтобы всё, что я пишу, не осталось для Вас словами, фразами, а дошло до Вас по-настоящему.

Вы ведь теперь глухим стали, никого по-настоящему не видите, не чувствуете. Не доходит до Вас. Поэтому говорить с Вами очень трудно (говорить, а не разговаривать). Вы всё слушаете неслышащими ушами; слушаете, а я вижу, чувствую, что Вам хочется скорее закончить разговор. Знаете, похоже, что Вы отделены от мира стеклом, Вы за стеклом. Поэтому Вам кажется, что Вы всё видите, во всем разбираетесь, а на самом деле Вы не с нами. Вы совершенно один, сам с собою, по ту сторону стекла. Ведь мало видеть, надо как-то воспринимать организмом мир, а у Вас на самом деле невидящие глаза. Вы по-настоящему не ориентируетесь ни среди людей, ни в событиях. Для Вас ничего не существует, кроме Вашего самосознания, Вашего мироощущения. Вы до жуткого одиноки, несмотря даже на то, что Вы говорите: "Да, Галя друг", "Да, такой-то изумительно ко мне относится". Ведь этого мало, чтобы мы чувствовали Вас, надо, чтобы Вы нас почувствовали как-то, хоть немного, но почувствовали. Вы сейчас какой-то "не настоящий". Вы всё время отсутствуете. И не думайте, что это так должно быть. Вы весь ушли в себя, всё время переворачиваете свою душу, свои переживания, ощущения. Других людей вы видите постольку, поскольку находите в них отзвук вот этому копанию в себе. Посмотрите, каким Вы стали нетерпимым ко всему несовпадающему с Вашими взглядами, понятиями. У Вас это не простая раздражительность, это именно нетерпимость. Вы разучились вникать в мысли, Вашим мыслям не созвучные. Поэтому Вы каждого непонимающего или несогласного с Вами считаете глупым. Ведь раньше Вы тоже не раз спорили, и очень горячо, но умели стать на точку зрения противника, понять, почему другой человек думает так, а не по-Вашему. У Вас это болезненное, — это безусловно связано с Вашим общим состоянием. Что-то сейчас в Вас атрофировалось, и Вы оторвались от живого мира. Для Вас он существует, как улицы, по которым Вам надо идти, есть грязные, есть чистые, есть красивые, но это всё так, по дороге, а не само по себе. Вы

машинально проходите, разозлитесь, если попадете в грязь, а если нет — то даже не заметите, как шли. Вы по жизни идете рассеянно, никого и ничего не видя. С этим Вы не выберетесь из того состояния, в котором Вы сейчас. И если хотите выбраться, поработайте немного над собой, не говорите: "Это не мое дело!" Это Ваше, потому что за Вас никто не может сделать, именно не может.

У Вас всякое ощущение людей притупилось, сосредоточьтесь на этом. Выгоните из себя этого беса. А Вы можете это. <...>

Пример — я сама. Вы ко мне хорошо относитесь, мне верите. Но хоть одним глазом Вы попробовали взглянуть на меня?

А я сейчас на краю. Еще немного, и я не выдержу этой борьбы с Вами и за Вас...

Вы сами знаете, что́ Вам нельзя. Я это знаю не меньше Вас. Я на стену лезу, чтобы помочь Вам выбраться, а Вы? Захотелось пойти, встряхнуться, ну и наплевать на всё, на всех. "Мне этого хочется..." (это не в упрек, просто я хочу, чтобы Вы поняли положение). <...>

Покуда Вы не будете разрушать то, что с таким трудом удается налаживать, я выдержу.

Я нарочно это пишу и пишу, отбрасывая всякую скромность, о своем отношении к Вам. Поймите, постарайтесь понять и помогите мне, а не толкайте меня на худшее. Только это вовсе не значит просто уйти от меня, от этого мне лучше не будет, только хуже. Это значит, что Вы должны попробовать считаться с нами, и не только формально ("это неудобно"), а по-настоящему, т. е. считаться не с правилами приличия, вежливости, а с душой других людей, тех, кем Вы, по крайней мере, дорожите.

Вы вовсе не такой слабый, каким Вы себя делаете. Не прячьтесь за безнадежность положения. Это ерунда! Не ленитесь и поработайте немного над собой; иначе потом это будет труднее.

Используйте же то, что есть у Вас, а не губите. Вот эти дни я летала то к врачам, то к "Птице", сегодня к Мише ходила, потому и не успела к Вам зайти, а Вы в это время ушли. Что же мне делать — ведь одновременно быть там и тут я не могу».

Шубникова-Гусева-2008, 202–204.

По-видимому, заключительная часть письма неизвестна.

«Птица» — скорее всего, прозвище А.Д.Силина; Миша — возможно, Э.Кроткий, которого так называли близкие, и в том числе Есенин (см. его дарственную надпись: Летопись, 3 (1), 237).

Есенин по приглашению актрисы О.С.Щербиновской приходит в Малый театр, где идет спектакль «Недоросль».

О.С.Щербиновская отметит:

«В этот день я дала гр-ну Есенину пропуск за кулисы, чтобы передать ему контрамарку на спектакль».

Материалы, 330.

Есенин и Вс. Иванов беседуют с заведующим литературной частью Малого театра относительно постановки пьес современных авторов.

Событие устанавливается по воспоминаниям М.Д.Ройзмана:

«Сергей Есенин и Всеволод Иванов <...> проходили мимо Малого театра и увидели вывешенную при входе афишу с объявленным на две недели вперед репертуаром. Все это были старые русские и зарубежные драмы. Сергей и Всеволод возмутились: в театре не идет ни одна советская пьеса! Им часто жаловались драматурги на то, что театры не только не принимают советские вещи к постановке, но даже отказываются их читать. Есенин и Иванов решили поговорить по душам с заведующим литературной частью и прошли через артистический подъезд к нему в кабинет. Заведующий — благо-

образный, худощавый и спокойный человек — был удивлен и обрадован приходом известных писателей. Сперва беседа шла в мирном тоне, но, когда заведующий стал доказывать, что высокочтимые артисты не находят для себя в новых драматических произведениях выигрышных ролей, Всеволод любезно осведомился, читает ли он, заведующий, пьесы советских авторов. Тот закивал головой и даже слегка возмутился: что за вопрос! Тогда Есенин предложил своеобразную игру в фанты: заведующему будут названы пять советских пьес, если хотя бы одну он читал и расскажет содержание, — выигрыш на его стороне, если нет — победили они, писатели. Заведующий пересел с дивана на кресло, потер руки и согласился. Выяснилось, что ни одной из пяти пьес, которые ему назвали, он не читал. Только одна была известна ему — увы! — по названию.

— Признаетесь, что проиграли? — вежливо спросил Всеволод.

— Признаюсь! — вздохнул заведующий.

— А ну, взяли! — скомандовал Есенин.

В одно мгновение легковесный заведующий был аккуратно водворен под диван...».

Восп., 1, 394–395.

В Малом театре происходит инцидент с участием Есенина. Он задерживается органами правопорядка и доставляется в 26-е отделение милиции.

Из протокола:

«...6 апреля 1924 г. в 22 часа унадзиратель 26 отделения милиции г. Москвы Белоусов, бывший дежурным по Малому театру, составил следующий протокол. Я был вызван из зрительного зала инспектором театра Неровым М.И., который заявил следующее. Во время спектакля в артистическую уборную к артистке Щербиновской в совершенно пьяном виде ворвался известный нам товарищ — поэт Эсенин <так!>, который вел себя вызывающе и пытался прорваться на сцену, но был задержан рабочим Кузьмичевым и артистом Истоминым. Во время его задержания т. Эсенин за кулисами близ сцены учинил дебош, который был ликвидирован благодаря вмешательству дежурного по театру. А потому считаю такое явление недопустимым и прошу привлечь Эсенина к ответственности».

Материалы, 328–329.

Из воспоминаний В.В.Федорова:

«Моя встреча и знакомство с Сергеем Есениным произошли при очень курьезных обстоятельствах. Случилось это в Малом театре. Шел спектакль “Ревизор”. В один из актов ко мне в кабинет зашел режиссер Н.О.Волконский, будучи дежурным по этому спектаклю, и мы мирно беседовали.

Вдруг к нам вбежала взволнованная артистка О.С.Щербиновская, игравшая роль Марии Антоновны, и попросила оказать помощь. Дело в том, что к ней в артистическую уборную прошел Сергей Есенин и Всеволод Иванов и, в то время, когда она ушла на сцену, они попросили у уборщицы стаканы и, пользуясь одиночеством, изрядно распили принесенное с собою вино. Выпили они, видимо, изрядно, так как Есенин был уже пьян.

Когда О.С.Щербиновская вошла в свою уборную, чтобы быстренько переменить костюм к следующему акту, и попросила оставить ее в уборной с портнихой, Есенин запротестовал. Зная буйный характер Есенина, когда он выпьет, Ольга Сергеевна и прибегла к нашей помощи. “Ведь он может натворить Бог знает что”,— говорила она.

Взяв с собою администратора театра, я с Н.О.Волконским поспешил на выручку. Лишь только мы приоткрыли дверь уборной, Есенин закричал:

“Администрация!..” Не зная, как уговорить разбуянившегося Есенина, администратор вынужден был позвать милиционера. Увидя милиционера, Есенин бросился бе-

жать по коридору, причем по пути на лестнице он ударил шедшего навстречу Володю Богачева — мальчика, на обязанности которого было вызывать актеров к их выходу. Это возмутило Н.О.Волконского, и он, обладая значительной физической силой, нагнав Есенина, крепко ударил его в спину. Есенин продолжал бежать и, не зная расположения закулисных помещений, чуть было не выскочил на сцену во время хода действия. К счастию, его успел схватить стоявший на выходе артист А.И.Истомин, игравший почтмейстера. Дело кончилось тем, что Есенина повели в кабинет администратора и там начали составлять протокол. Помню, в это время вошел в комнату администратора заведующий постановочной частью и режиссер И.С.Платон. Увидя его, Есенин, внимательно всматриваясь в лицо Ивана Степановича, не без иронии и сарказма спросил его: "А что вы сделали для революции?!", после чего И.С.Платон тотчас же скрылся.

Составив протокол, милиционер вывел Есенина из театра, и этим инцидент был исчерпан».

Есенин, VII (2), 346–348.

На самом деле в этот день в театре, как и отмечено в протоколах свидетельских показаний, шел спектакль «Недоросль», в котором также участвовали О.С.Щербиновская и А.И.Истомин.

Берлинская газета «Накануне: Литературная неделя» (№ 81) перепечатывает информацию о книге «Поэты наших дней. Под редакцией И.Аксенова, И.Грузинова, Рюрика Ивнева. Антология Всероссийского союза поэтов» с участием Есенина.

См.: 2 марта 1924; после 17 марта ... до 6 апр. 1924; 7 апр. 1924, восьмая запись; конец мая 1924; сент. ... до 16 или до 30 нояб. 1924.

Апрель, 6 ... 20. Выходит журнал «Красная новь» (кн. 2) с окончанием «Материалов к роману» Б.Пильняка.

Есенин напишет об этом произведении в статье о писателях-«попутчиках» (см.: после 17 мая 1924, четвертая запись).

Нижняя граница события — по информации в газ. «Правда» (1924, № 79, 6 апр.): «на днях поступит в продажу», верхняя — по сообщению о том, что журнал вышел и поступил в продажу (газ. «Правда», 1924, 20 апр., № 91).

Апрель, 7. Есенин допрашивается в 26-м отделении милиции. Подписывает протокол допроса и дает подписку о невыезде.

Из протокола:

«7 апреля 1924 г. был допрошен и задержанный гр-н *Есенин С.А.*, который показал следующее: я попал в театр с пропуском за кулисы, который мне передала артистка Щербиновская, потом, желая выйти, заблудился и попал не в ту дверь. В театре я не дебоширил, но когда меня хотели взять под руки, я толкнул лиц, желающих взять меня под руки, один из них упал и разбил себе нос. Виновным в появлении в нетрезвом виде в общественном месте себя признаю, в скандале — нет».

Материалы, 329.

«Свидетель — артист Малого театра Истомин А.И. — показал следующее: апреля с.г. во время спектакля "Недоросль" я находился в курительной комнате и в это время обратил внимание на необычный шум в коридоре, уборных, и в тот же момент увидел бегущего мужчину, одетого в пальто и в галошах, по направлению к павильону по сцене, в то время как действие спектакля уже началось и занавес был уже поднят. Я не знал, в чем дело, и тут же схватил не известного мне гражданина за воротник пальто, так как та-

ковой, уже схватившись за дверь, выходящую на сцену, хотел вбежать. Удержав его, я отвел в курительную комнату, а уже потом я узнал, что это был гр. Есенин».

Материалы, 330, 332.

Есенин заключает договор с Госиздатом на издание драматической поэмы «Пугачев» отдельным изданием тиражом 7000 экземпляров.

Есенин, VII (2), 245–246, 436–437.

Указанный в документе адрес местожительства автора: Брюсовский пер., дом № 2, «Дом Правды».

Отдельным изданием в 1924 г. (и позже) поэма не выйдет.

Есенин и Вс. Иванов приходят к М.Д.Ройзману.

Поэта по-прежнему увлекает идея издания журнала «Вольнодумец».

М.Д.Ройзман вспомнит:

«7 апреля 1924 года около десяти часов утра в нашей квартире раздался звонок, я отпер входную дверь — передо мной стояли Сергей Есенин и Всеволод Иванов. Они сняли пальто. Оба были в серых костюмах светлого тона, полны безудержного веселья и солнечного дыханья весны. У Есенина в глазах сверкали голубые огни, с лица не сходила знакомая всем улыбка и делала его, в золотой шапке волос, обворожительным юношей. Иванов, видимо, хотел казаться солидным, хмурил брови, поджимал губы, но Сергей толкнул его локтем в бок, и Всеволод, не выдержав, засмеялся и сразу стал добродушным, привлекательным.

<...> мои гости подошли к книжным шкафам. Всеволод полистал брошюру "Гудини — король цепей", потом вынул из книги Мюллера "Моя система" собранные мной программы чемпионата французской борьбы в цирке Р.Трущи с портретами налитых мускулами участников. Иванов сказал, что был борцом в цирке, и назвал еще две-три свои профессии. Но позднее я узнал, что до тех пор, пока он стал писателем, их было у него, пожалуй, больше, чем у Джека Лондона.

Покопавшись в сборниках стихов, Есенин извлек альманах 1915 года "На помощь жертвам войны. Клич". Он нашел стихотворение Александра Ширяевца "Зимнее" и прочитал его вслух.

Там — далече, в снежном поле
Бубенцы звенят.
А у месяца соколий
Ясный взгляд...
Во серебряном бору
Дрогнет Леший на ветру,
Караулит бубенцы...
— Берегитесь, молодцы!

— Хорошие стихи, а напечатали в подборку, — произнес с досадой Есенин, захлопывая сборник. — Такого безобразия в "Вольнодумце" не будет!

Я спросил, дано ли разрешение на издание "Вольнодумца". Он ответил, что теперь это его меньше всего волнует. Он подбирает основных сотрудников журнала, для чего встречается с многими писателями и поэтами. По его планам, в "Вольнодумце" будут участвовать не связанные ни с какими группами литераторы. Они должны вольно думать!

Он хотел печатать в "Вольнодумце" прозу и поэзию самого высокого мастерства, чтобы журнал поднялся на три головы выше "Красной нови" и стал образцом для толстых журналов. Конечно, в "Вольнодумце" обязательно будут помещаться произведения молодых авторов, только с большим отбором и с условием, если у них есть что-нибудь за душой.

Он говорил о журнале, то вскакивая с кресла, то снова опускаясь на него. Он распределял в "Вольнодумце" материал, сдавал его в типографию, корректировал, беседовал с директором Госиздата, договаривался о распространении издания.

Иванов напомнил ему об отделе "Вольные думы", где должны помещаться статьи и письма критиков, читателей, авторов. Есенин привел воображаемый пример: вот на страницах журнала напечатана вещь, вот вокруг нее в отделе поднялась драка: одни хвалят, другие ругают, третьи — ни то ни се! Но перья скрипят, интерес подогревается. Редакция, автор, критик читают и на ус наматывают.

Я спросил, кто намечен в сотрудники "Вольнодумца". Сергей сказал, что для прозы у него есть три кита: Иванов, Пильняк, Леонов. Для поэзии старая гвардия: Брюсов, Белый, Блок — посмертно. Еще Городецкий, Клюев.

— А новая гвардия?

— Будет! Надо договориться впрок!

— Значит, имажинистов отметаешь, Сережа?

— С чего ты взял?

Он сел в кресло, попросил бумагу. Я вынул мою записную книжку "День за днем", открыл чистую страницу с отрывными листочками и положил перед ним. Взяв карандаш, он стал писать <следует текст заявления в Правление Ассоциации вольнодумцев>».

Восп., 1, 394–397.

См. также: 7 ... 12 авг. 1923; 15 или после 15 авг. 1923, вторая запись; 21 авг. 1923, вторая и четвертая записи; начало окт. 1923; до 23 окт. 1923; 13–31 дек. 1923, четвертая запись; 14 февр. – 9 марта 1924, вторая запись; 11 апр. 1924, первая запись; 6 июня 1924, третья запись; до 24 авг. 1924.

Есенин обращается в правление Ассоциации вольнодумцев с заявлением:

«Совершенно не расходясь с группой и работая над журналом "Вольнодумец", в который и приглашаю всю группу.

В журнале же "Гостиница" из эстетических чувств и чувств личной обиды отказываюсь участвовать окончательно, тем более что он мариенгофский.

Я капризно заявляю, почему Мариенгоф напечатал себя на первой странице, а не меня».

Есенин, VII (2), 217, 348.

См. Приложение.

Ср. с оценкой Есениным журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном», зафиксированной в воспоминаниях И.В.Грузинова:

«В журнале группы имажинистов "Гостиница для путешествующих в прекрасном" пропагандировался и выдвигался на первый план Таиров и Московский Камерный театр.

Есенин был недоволен таким положением вещей.

На собраниях группы имажинистов и в частных беседах он говорил:

— Во-первых, вы меня ссорите с Мейерхольдом, с которым я ссориться не намерен; во-вторых, я нахожу, что театр Мейерхольда интереснее театра Таирова.

В дальнейшем, когда рознь в группе имажинистов обозначилась отчетливее, он заявлял:

— В журнале, где выдвигают Таирова и нападают на Мейерхольда, я участвовать не желаю. В журнале, который я организую в дальнейшем, будет пропагандироваться театр Мейерхольда».

Восп., 1, 374–375.

Р.Ивнев вспомнит:

«Разрыв между Есениным и Мариенгофом прошел мимо меня. Или Есенин не хотел меня впутывать в свои "распри", или не хотел оказывать на меня давление, чтобы я последовал его примеру и отстранился от Мариенгофа. Есенин не был никогда ни мелочным, ни мстительным. Благородство души не позволяло ему искать союзников для борьбы с бывшими друзьями».

Восп., 1, 345.

См.: 22 янв. 1924, вторая запись; до 8 февр. 1924; 2 марта 1924; 4 марта 1924, вторая запись; до 11 или 11 марта 1924.

На обрывке бумаги Есенин записывает адрес А.М.Сахарова:

«[Гагаринский пер.] / [д. 1, кв. 12] / Гагаринская ул. / Угол Французской / набережной / д. № 1, кв. 12 / А.М.Сахаров / С. Есенину».

Есенин, VII (2), 182–183.

Дата события определяется согласно указанию М.Д.Ройзмана, что заявление поэта в правление «Ассоциации вольнодумцев» от 7 апр. 1924 г. и адрес А.М.Сахарова были написаны в один день (Восп., 1, 396–397).

Есенин получает от М.Д.Ройзмана деньги, причитающиеся ему за выступления.

Событие и его дата устанавливаются по воспоминаниям М.Д.Ройзмана:

«Я вспомнил, что "Ассоциация вольнодумцев" что-то должна Сергею за выступления. Полистав записную книжку, я нашел цифру: четыре червонца. Я выдал эти деньги Есенину, и он расписался на квитанции».

Восп., 1, 397.

Упомянутая расписка поэта неизвестна.

Вместе с Вс. Ивановым посещает ресторан-кабаре «Не рыдай!»

Событие и его дата устанавливаются по воспоминаниям М.Д.Ройзмана:

«...на следующий день увидел в книжной лавке деятелей искусств Всеволода. Он объяснил, что, выйдя от меня, они <Есенин и Вс. Иванов> отправились в ресторан-кабаре "Не рыдай!".

— Отличное заведение, — сказал Иванов, — но дорогое. А впрочем, мы не рыдали».

Восп., 1, 397.

Газета «Вечерние известия» (№ 14) публикует неподписанную информацию «В Союзе поэтов» с упоминанием Есенина:

«На днях в издательстве Союза Поэтов выходит из печати сборник современной поэзии "Поэты наших дней". В сборник вошли избранные стихотворения В.Маяковского, В.Каменского, Вад. Шершеневича, С.Есенина, Д.Туманного и др.».

См.: 2 марта 1924; после 17 марта ... до 6 апр. 1924; 6 апр. 1924, пятая запись; конец мая 1924; сент. ... до 16 или до 30 нояб. 1924.

Апрель, 8. И.Приблудный пишет шуточное стихотворение под названием «Песня», обращенное к Есенину:

Тяжело дороженькой
Без вёсел, без руля.
Ах, удружи, Сереженька,
Червонных три рубля.
Через четыре месяца
Доходов поищу
И — чтобы мне повеситься —

Тебе их возвращу.
У меня, мой Боженька,
Ни шапки, ни белья.
Ах, удружи, Сереженька,
Червонных три рубля.

Ксерокопия автографа (собрание Н.Г.Юсова).

Под текстом — авторская дата: «8/III» (т. е. 8 апр.)

Сопровождено пометой М.И.Лившиц: «Это стихотворение написано И.Приблудным на квартире Ил. Вардина после возвращения Есенина из Кремлевской больницы. На этой квартире поэт жил некоторое время».

См. Приложение.

Рижская газета «Сегодня» (№ 82) публикует статью Г.Попова «У Айседоры Дункан», в которой заходит речь о Есенине:

«Фривольные вещи передавали об Айседоре и ее ближайших сотрудницах и друзьях. Я не хочу увеличивать скандальной хроники "шармантной" женщины. Я не знаю, — правда ли, что народный комиссар Луначарский (так шепчутся в Москве) нередкий гость у нее и очень охотно участвует в ее оргиях, — кто может знать? Почему эта стареющая танцовщица вышла замуж за молодого поэта Есенина, одновременно коммуниста и антисемита, избивающего не только евреев, но и милую, добрую Айседору, — кто может всё это разгадать?»

Ср.: 1 мая 1924, вторая запись.

Апрель, 10. Газета «Вечерняя Москва» (№ 84) печатает материал «Что такое "Сопо" (Анкета "Вечерней Москвы")», в котором публикуется письмо секретаря организации Н.Захарова-Мэнского. Есенин упоминается как член «Сопо» (Союза поэтов).

Апрель, до 11 или **до 12.** При встрече с земляками П.П.Крутовым, М.Н.Пестряковым и Н.Н.Ельцовым Есенин дает обязательство выступить в Рязани:

«Обязуюсь приехать к Вам в Рязань на устройство своего вечера <...> 30 апреля на договорных условиях».

Есенин, VII (2), 217, с пометой: «Москва».

О приблизительной дате события см.: Есенин, VII (2), 217. Здесь она уточняется с учетом времени отъезда Есенина из Москвы (см.: 11 (?) или 12 (?) апр. 1924).

Обещанное Есениным выступление в Рязани не состоится: 30 апр. 1924 он будет в Ленинграде.

Есенин делает памятную запись в одной из тетрадей с газетными и журнальными вырезками:

«[Карла] / [В] *ГСНХ Пестрякову*»

Есенин, VII (2), 181.

Граница события определяется по сопоставлению этой записи с «обязательной подпиской», сделанной Есениным «Крутову и Пестрякову и Ельцову» (см. предыд. запись).

ГСНХ — место службы М.Н.Пестрякова (Губернский Совет Народного Хозяйства).

Апрель, 11. Есенин пишет В.Г.Шершеневичу:

«Милый Вадим! Дай, пожалуйста, статью о совр<еменном> стих<отворном> искус<стве> и стихи для журнала "Вольнодумец".

Любящий тебя Сергей».

Есенин, VI, 165.

М.Д.Ройзман вспомнит:

«Одиннадцатого апреля я пошел к трем часам в клуб поэтов (Тверская, 18) <...> Войдя в клуб, я увидел за столиком Есенина <...> Есенин спрашивает, что мне ответили <...> имажинисты. Когда я дохожу до Шершеневича, он говорит:

— Я лучше ему напишу!

Я протягиваю Сергею пол-листа чистой бумаги. Он пишет чернильным карандашом <следует текст записки>.

Вечером я прочитал по телефону эту записку Шершеневичу.

— Передай Сереже, — сказал Вадим, — напишу статью — все вольнодумцы облизнутся. А за стихами можно в любой день прислать!»

Восп., 1, 397–398.

См. также: 7 ... 12 авг. 1923; 15 или после 15 авг. 1923, вторая запись; 21 авг. 1923, вторая и четвертая записи; начало окт. 1923; до 23 окт. 1923; 13–31 дек. 1923, четвертая запись; 14 февр. – 9 марта 1924, вторая запись; 7 апр. 1924, третья и четвертая записи; 6 июня 1924, третья запись; до 24 авг. 1924.

Ленинградская «Красная газета» (вечерний выпуск, № 83) печатает объявление о предстоящем выступлении Есенина в зале имени Лассаля.

Текст идентичен афише (см.: до 14 апр. 1924).

Гельсингфорсская газета «Новые русские вести» (№ 96) публикует статью М.Первухина «Пугачики» с оценкой поэзии Есенина.

«Кошмарное революционное творчество» Есенина, по мнению критика, ничего общего с поэзией не имеет. Всё, что творит Есенин, критик называет «дикой чушью, стряпней невежды, хулигана», а «беснующуюся советскую Россию» — «гигантским домом умалишенных и каторжной шпаны».

И.Приблудный обращается к И.Вардину с письмом, где упоминается Есенин:

«Что делать мне, узнавшему, и даже при свидетелях, что "Для чего ты существуешь в этой квартире и т. д".

И как бы ни был я угнетаем мыслью, что я от кого-то зависим, я никогда не предполагал, что состою в должности конвоира и сторожа при Е<го> В<ысоко> Б<лагородии> С. Есенине.

11 / IV 1924. Иван Приблудный».

На обороте:

«Тов. Вардину от Иоанна <...>

11-го сего Апреля 1924 года».

Шубникова-Гусева-2008, 308–310; факсимиле автографа.

Содержание письма, скорее всего, связано с тем, что Ивану Приблудному, проживавшему в это время в квартире Вардина вместе с Есениным, были сделаны упреки в том, что он недостаточно хорошо оберегает Есенина от назойливых приятелей.

Апрель, 11 (?) или 12 (?). Есенин выезжает из Москвы в Ленинград.

Точная дата отъезда Есенина в Ленинград не определена. См., однако, в сопоставлении: 11 апр. 1924 (вторая запись) и след. запись.

Апрель, 12 (?) или 13 (?). Приезжает в Ленинград и останавливается в гостинице «Европейская».

Из письма И.С.Морщинера к В.Г.Белоусову (18 нояб. 1966):

«По возвращении Иоффе в Москву мы, спустя несколько дней, выехали в Ленинград. Поехали Иоффе, я, наш антрепренер, снова бывший в эти дни в Москве, и, конечно,

сам Есенин. Прибыв в Ленинград, мы остановились в гостинице "Европейской", сняли два номера — один для Есенина, другой для нас с Иоффе. Антрепренеру номера не нужно было, ведь он постоянно жил в Ленинграде».

Письма, 524.

См.: 30 марта 1924.

Апрель, 13. Томская газета «Красное знамя» (№ 86; рубрика «Томский день») помещает неподписанную информацию «В литературном объединении»:

«В доме работников просвещения литературное объединение на своем собрании 13 апр<еля> ставит доклад Русакова "Диалектика деклассированного сознания в произведениях Евсенина <так!>". Вход свободный».

Отчет об этом собрании не выявлен.

Апрель, до 14. В Ленинграде вывешиваются афиши:

«14 апреля /понедельник. Зал Лассаля (б. Зал Городской Думы). Сергей Есенин прочтет стихи Москва кабацкая, Любовь хулигана и скажет слово о мерзости и прочем в литературе. Вызов не попутчикам. Нач. в 8 час. веч. Предварительная продажа билетов в Центр. Театр. кассе (Проспект 25 октября, 23, тел. 133-50) и на дн. выступления в кассе Зала Лассаля с 12 час. дня до конца лекции».

Есенин, VII (2), 560.

См. Приложение.

Апрель, 14. Есенин, оказавшись в одном из ресторанов, пишет и посылает с нарочным записку устроителям вечера поэзии в зале Лассаля:

«Я ждал. Ходил 2 раза.

Вас и не бывало. Право, если я не очень нужен на вечере, то я на Николаевской, кабачок слева внизу».

Есенин, VI, 166, 588–589.

Из письма И.С.Морщинера к В.Г.Белоусову (18 нояб. 1966):

«Стемнело, близился вечер, на подступах к залу <Лассаля> появились традиционные фигуры, атакующие прохожих вопросами: "Нет ли лишнего билетика?" А Есенина в гостинице нет. <...> Вдруг — стук в дверь. Коридорный от швейцара вручает мне маленький клочок бумаги, говорит, что прибежал какой-то мальчишка, просил передать мне. Читаю. Характерным есенинским почерком написано: "Я во второй, вверх к вокзалу" <приводится по памяти>. Стараюсь понять. Наконец, меня осенило: речь идет о пивной или столовой. Бросаюсь по Невскому, захожу во все пивные и рестораны. Увы! Нигде поэта нет. Наконец, в каком-то ресторане вижу за столом большую компанию и среди них Есенина. Бросаюсь к столу и взволнованно, даже не поздоровавшись, выкрикиваю:

— Сергей Александрович! Пора! Зал полон... мы уже опаздываем!

Это было преувеличением, до начала оставалось еще минут сорок, если не больше. Есенин хладнокровно отвечает:

— Приду. Не беспокойтесь. Всё будет в порядке».

Письма, 524–525.

Есенин выступает на авторском вечере в концертном зале Лассаля (бывшем зале Городской Думы).

Из письма И.С.Морщинера к В.Г.Белоусову (18 нояб. 1966):

«Время, назначенное для открытия вечера уже наступило. Поэта нет. Зал пока терпеливо ждет. Минуты бегут. Пока в зале слышен лишь обычный негромкий шум, шорох, откашливания. <...>

И в этот момент за кулисами появляется Есенин. Но в каком виде...

Минут через семь-восемь, умытый, причесанный, с уже повязанным галстуком и как будто отрезвевший, выходит на сцену. Его встречают довольно жидкими аплодисментами. Видно, многие еще сердятся за безобразную задержку. Наконец, в зале воцаряется тишина.

Есенин начинает свое вступительное слово. Говорит о том, что очень любит Ленинград, что он не раз уже бывал в этом городе, что здесь у него много друзей и знакомых. <...>

Из зала несутся ответные выкрики:

— Стихи! Давайте стихи.

Есенин поднимает руку, приглашая зал умолкнуть и начинает читать <...> Читал Есенин, как всегда, превосходно, очень выразительно и напевно, подчеркивая музыку стиха.

Читал он долго, и не было ни одного стихотворения, которое разочаровало бы публику».

Хроника, 2, 121–123.

Ср. с воспоминаниями В.Пяста:

«Начав пение своих стихотворений, срывался, не доводил иных до конца, переходил к новым. Но мало-помалу столь естественные при данных обстоятельствах крики возмущения и иронические замечания публики становились всё реже. По мере того как поэт овладевал собою (влияние волшебства творчества!) всё более, он перестал забывать свои стихи, доводил до конца каждое начатое. И каждое обжигало всех слушателей и зачаровывало! Все сразу, как-то побледневшие, зрители встали со своих мест и бросились к эстраде и так обступили, все оскорбленные и завороженные им, кругом это широкое возвышение в глубине длинно-неуклюжего зала, на котором покачивался в такт своим песням молодой чародей. Широко раскрытыми неподвижными глазами глядели слушатели на певца и ловили каждый его звук. Они не отпускали его с эстрады, пока поэт не изнемог. Когда же он не мог уже выжать больше ни звука из своих уст, — толпа схватила его на руки и понесла, с шумными восклицаниями хвалы, — вон из зала, по лестнице вниз, до улицы».

Восп., 2, 95–96.

В.Пяст ошибочно относит это выступление Есенина к лету 1924 г., однако известно только об одном выступлении поэта в зале Лассаля в 1924 году — 14 апр.

Из воспоминаний В.С.Чернявского:

«Шесть лет я совершенно не видел Сергея и не переписывался с ним. <...>

Наконец, весной появились на улицах афиши, возвещающие о его приезде; на них огромными буквами — "Есенин" и рекламный зазыв в духе московских имажинистов <см.: до 14 апр. 1924>. С волнением пошел я в зал бывшей Городской думы увидеть Сергея, живого и нового. Работа, как назло, задержала меня, я пришел в разгар вечера и остановился у дверей около усиленного наряда милиционеров. Не забуду моего первого впечатления.

На скамье, над сгрудившейся у эстрады толпой, освещенный люстрой ярче, чем другие, кудрявый, с папироской в руке, с закинутой набок головой, раскачиваясь, стоял и что-то говорил совершенно прежний, желтоволосый рязанский Сергунька. Не сразу разобрал я, что он пьян, между тем, это должно было бросаться в глаза. Голос его звучал сипло, и в интонациях была незнакомая мне надрывная броскость. В зале было не-

спокойно, публика шумела, слышались выкрики: "Довольно вашей ерунды! Перестаньте разговаривать! Читайте стихи, стихи!"

На большой скамье, по обеим сторонам кидавшего в толпу плохо слышные, отрывистые, по-пьяному заумные фразы Сергея, сидели, по-видимому, ленинградские имажинисты; они шептались, ерзали, неловко улыбались и имели вид ожидающих скандала администраторов этого зрелища. А кто-то из них, то сходя под ропот публики со скамьи, то снова на нее поднимаясь, непременно хотел говорить.

Помню фразу: "Блок и я — первые пошли с большевиками!"

Наконец, когда дело подошло, казалось, вплотную к скандалу, он сам крикнул: "Я буду читать стихи!"

И начал "Москву кабацкую".

Читал он прекрасно, с заражающим самозабвением. И чем дальше, тем ярче, осязательнее ощущалась происшедшая в его поэзии и в нем самом болезненная перемена. То "лирическое волнение", которое в ранние годы только светилось и бродило в нем мальчишеской мечтательностью и удалью, те вызовы миру, которые в дни революции так зрели и крепли в кипении здоровых сил, — теперь замутились и мучительно слились с горестной затравленностью. Теперь стихи его ударяли по сердцам лихостью отчаяния, бились безысходной нежностью и безудержной решимостью защищать кулаками и кровью свое право на печаль, песню и гибель.

Даже усталая сиплость его голоса, этот пропитой, ломкий, внезапно уходящий в жалостное замирание звук помогли ему переплеснуть лиризм этой песни в зал. Его упрямые жесты рукой, держащей погасшую папироску, знакомые, резкие, завершающие движения его золотой головы ни на минуту не казались актерскими, но придавали ему вид воистину поющего, осененного поэта.

Необыкновенно хорошо прочел он свои "Годы молодые...": от прежнего молодецкого размаха первых выкриков особенной нежной скорбью притушились последние строки:

...эх ты, златоглавый!..
Отравил ты сам себя горькою отравой!
Мы не знаем, твой конец близок ли, далек ли.
Синие твои глаза... в ка-ба-ках... промокли!..

На этом, махнув угловато рукой, он сошел со скамьи и, не глядя на публику, быстро прикурил от чьей-то папиросы. По-видимому, вино взяло свое, он устал и читать до нового возбуждения больше не мог. Ему рукоплескали шумно, восторженно. Поэт в глазах требовательного обывателя заслонил пьяного скандалиста. Было что-то невыразимо грустное в этой не праздничной победе нового Есенина и в обстановке, среди которой она произошла.

Его увели, объявили перерыв. В артистическую комнату ломились многие, меня долго не пускали, грубо отказываясь сказать обо мне Есенину. Его охраняли, как знаменитого артиста. Недавнее настроение скандала еще висело в воздухе. Наконец, когда я, отчаявшись и решив ждать у дверей его выхода, в третий раз прокричал, что я его старый друг, меня впустили. Я увидел Сергея посреди большой комнаты, у стола с бутылкой и стаканами.

С моргающей улыбкой, точно неуверенный, я ли это, он взглянул на меня и пошел мне навстречу с протянутыми руками. Мы долго не умели ничего сказать, кроме: ну, какой ты? Покажись! Вот ты какой! — но, казалось, что шести лет разлуки не было. Новее всего во внешнем облике Сергея было для меня его очень бледное (я не понял, что запудренное) лицо. Но улыбка была та же, никакого Парижа! Да и пьян он в эти минуты словно уже не был, вероятно, новая бутылка привела его в равновесие.

Он стал быстро водить меня под руку по комнате, любовно перебирая кое-какие дорогие ему имена из нашего прошлого: от кого-то ему были известны мелкие подробности моей жизни. В нем был некоторый лоск, своего рода изящество, модный пиджак сидел на нем прекрасно, но чем-то неуловимым: то ли неизменным рязанским акцентом и междометиями, то ли вот этой манерой заботливо закручивать вокруг горла теплый шарф — он больше походил на раннего весеннего Сергуньку, больше даже, чем на женатого Сергея дней революции и на того московского денди, каким успел стать. Он звал меня ехать куда-то компанией по окончании вечера и при этом всё оглядывался на бывших в комнате лиц, которые, очевидно, должны были его сопровождать. (Познакомил он меня только с державшимся отдельно "старшим своим другом" Устиновым). Не знаю почему, я предпочел перенести наше свидание на другой день. Он дал мне адрес дома № 1 на Гагаринской, но, видимо, не мог ручаться, что будет именно там. "Тебе там скажут... ты уж найдешь..."

В этой неопределенности и неуверенности я реально ощутил, что "нового" Сергея кружат новые, посторонние мне вихри, в ритм которых я не могу попасть. Во мне зародилось чувство, что в будущем нам уже не придется попросту быть вместе, как раньше, и остается, несмотря на старинную близость, — только случайная перекличка друг с другом и украденные у наших разных жизней встречи. Это впечатление не оказалось пустой мнительностью.

...Его долго не отпускали. Молодежь толпой взобралась на эстраду и окружила его. Помню его стоящим на стуле, уже в шубе, с меховой шапкой в руках, сникшего, совсем охрипшего среди возбужденных юных лиц.

Прощальные стихи он прочел, точно в полусне, опять опьянев, почти перейдя на шепот. Те строфы, которые в печати пестрели многоточием за "непринятые в обществе" слова, прозвучали грустно-грустно, чистейшим и трогательным есенинским лиризмом. Наконец, кто-то надел ему на голову шапку и его увели, почти неся на руках».

Восп., 1, 222–226.

Из воспоминаний А.П.Чапыгина (1926):

«В день "вечера стихов" публики собралось много. Я прошел в артистическую; тут было несколько друзей Сергея Александровича и сам он, сильно хмельной. Его поили сельтерской, выход затянулся. Публика требовала поэта. Я вышел, сел на свое место. Вышел, наконец, и С. А. с приятелями-поэтами; помню только двоих, Ричиотти и Эрлиха. С. А. начал длинно, очень спутанно, с повторениями рассказывать, как он приехал в Петербург и с кем был первое время знаком, рассказывал, что на нем были мужицкие сапоги и штаны, "а теперь? теперь я хожу часто во фраке!". Упоминал Клюева, меня, Всеволода Иванова. Я давно заметил, еще при входе в зал, что в публике были люди, желающие скандала, желающие сорвать вечер, и подумал, что здесь С. А. атмосфера враждебна. Эти люди, пользуясь случаем, что лектор пьян, начали кричать:

— Граждане, чего мы сидим и слушаем болтовню пьяного? Уйдем все!

Публика, желающая слышать поэта, ответила:

— Чего кричите? Надо вам, так уходите, не мешайте!

Человек пять-шесть демонстративно удалились.

Сергей Александрович вскочил на стул, стал декламировать стихи, и я удивился.

Он был совершенно трезв, четко и ясно произносил каждое стихотворение, и память ему ни на минуту не изменяла. Помню, что среди других стихов декламировал он "Любовь хулигана" и вообще всю "Москву кабацкую". Кончился вечер очень хорошо — С. А. окружила молодежь и всякие люди из публики, он в полумраке встал на ящик, без конца читал на "бис!". Его окружили так тесно и густо, что я ушел, не мог проститься с ним,

высказать ему мое восхищение. Он прошел на улицу и уехал в кафе. Я в кафе не пошел. На другой день в вечерней газете появилась заметка:

"Лекция хулигана Есенина: будучи в пьяном виде, лектор обругал публику непечатными словами, и почти все, кто был, оставили зал!" <см.: 16 апр. 1924, первая запись>

Умышленно грубое и явное издевательство. Знаю, что Садофьев пошел по этому поводу объясняться; ему сказали:

— Рецензент был неопытный, мы написали бы порезче и более ругательно!».

Восп.-95, 160–161.

Апрель, после 14 – 30. Есенин читает стихи на квартире Сахаровых.

Н.Д.Вольпин вспомнит:

«Год двадцать четвертый, апрель. Квартира Сахаровых. Сижу, работаю, отделываю свой "Разговор с ангелами":

Дорогие покойники!
От походки моей...

Стук в дверь. Входит Владимир Ричиотти (в прошлом матрос, революционер, сегодня "воинствующий имажинист"). Начал застенчиво:

— Пройдемте в столовую. Мы будем сейчас все читать стихи... Обсуждать... Есенин велел мне привести и вас.

Все на месте: Григорий Шмерельсон. Семен Полоцкий. Вольф Эрлих. Афанасьев-Соловьев. Ну, и я с Ричиотти. Идет чтение, потом разбор. Критикуют робко, поверхностно. Боятся, что ли, задеть друг друга? Истинно живым и веским словом легло замечание Есенина:

— Поэзия не терпит лжи, за ложь всегда отомстит.

Что еще запало мне в память из той беседы? Эрлих завел речь о "Письме к матери", мною еще не слышанном. Есенин успел прочесть его своим ленинградским приверженцам раньше, без меня. Тем внимательнее вслушивалась я в дальнейшее. Есенин заговорил о бабушке, которая его растила с двух лет, заступив малышу родную мать Татьяну Федоровну Есенину, разлученную с мужем и сыном нелегкой судьбой. О ней, о бабушке, поэт рассказывал с глубоким чувством. Объяснил, что в "Письме..." и внутренно и внешне обрисована не мать, а бабушка. Это она выходила на дорогу в старомодном ветхом шушуне для внука, прибежавшего за десять верст из школы. (И будет выходить десятки лет вперед — для почитателей поэта.) Запомним же это имя: Наталья Евтеевна <Евтихиевна> Титова, женщина, согревшая материнской лаской сиротливое детство маленького Сережи».

Как жил Есенин, 344.

Есенин встречается и беседует с А.Грином у входа в Дом книги (на углу Невского проспекта и канала Грибоедова).

«Поэт Всеволод Рождественский, рассказывая о литераторах, посещавших Дом книги, где в 20-е годы помещалось и Ленинградское отделение Госиздата, вспоминает:

"Мы шли с Грином и встретили Есенина у дверей. Остановились, поздоровались. И тут появился молодой поэт Николай Браун, отозвал меня в сторону — посекретничать, так что всего разговора Есенина с Грином я не слышал. Но возглас Есенина: «Эх ты... лебедь!» — прозвучал отчетливо. Потом Есенин пошел в Госиздат к Ионову, а мы — ко мне домой. Тем дело и кончилось. Что это был за лебедь, так и осталось для меня загадкой"».

Кошечкин С. Та далекая встреча... (С.Есенин и А.Грин). — Радуница, 4, 4.

Апрель, после 14 — Май, до 6. Есенин ведет переговоры с И.И.Ионовым об издании сборника «Ржаной путь» в Ленинградском отделении Госиздата.

Есенин, VII (3), 96.

Содержание сборника неизвестно.

По-видимому, именно он имеется в виду в стихотворении «Издатель славный! В этой книге...» (см.: до 12 июля 1924).

Фотограф М.С.Наппельбаум делает два портрета поэта.

На обороте одного указано: «Студия М.С.Наппельбаум. Москва. Петровка 5».

Есенин, VII (3), № 79, 246 и 247.

См. Приложение.

О дате см.: Юшкин Ю. «Есенин. Ленинград. Год 1924-й». — ЛР, 1982, 27 авг., № 35, с. 24.

Из вступительной статьи А.Вартанова к книге «М.Наппельбаум: Избранные фотографии» (М.: Планета, 1985): «И в книге самого Наппельбаума, и в воспоминаниях его дочери указано, что портрет поэта сделан незадолго до его кончины, то есть в декабре 1925 года. Вместе с тем специалистами по истории литературы установлено, что снимок сделан в апреле 1924 года во время одного из "понедельников", проходивших в доме Наппельбаума. Туда нередко приходили московские гости, находящиеся в Ленинграде».

М.С.Наппельбаум напишет:

«Я не стал искать "красивости", я постарался сохранить правду в портрете: несколько отекшее лицо, понурый взгляд, поникшая голова, увядающий сноп волос. Поэт держит в бессильно опущенной руке погасшую папиросу. Он даже забыл о ней. Лицо повернуто в три четверти к зрителю, вырисовывается только профиль, густая тень скрывает вторую щеку.

Есенин задумался, оторвался от окружающих. На плечи небрежно накинута шуба с меховым воротником. Тяжесть шубы придает монументальность фигуре Есенина. Я стремился уловить многогранность есенинской психологии: присущий ему вызов, немного детскую обидчивость, внутреннее упорство, тонкую лиричность...

Фигура стоящего Есенина вырисовывается четко, благодаря акварельным мазкам, которые я набросал на фоне.

Будто бы на стене поблескивают рамки от картины; далекий свет при приглушенном фоне не мешает лицу...».

Наппельбаум М.С. От ремесла к искусству: Искусство портрета. М.: Искусство, 1958, с. 74.

И.М.Наппельбаум, дочь фотографа, отметит:

«Затем он <отец> предложил Есенину сделать его отдельный портрет. Тот успел уже надеть шубу, не захотел ее снимать, а отец и не настаивал: так и снял поэта в этой шубе у портьеры, с папиросой в руке. На второй фотографии Есенин рассеянно-задумчив, кажется, что он весь погружен в себя».

Журн. «Огонек». М., 1985, № 40, с. 23.

Есенин, Н.А. Клюев и Вс. Иванов фотографируются у М.Наппельбаума.

Есенин, VII (3), № 81, 248, с широкой датировкой («1924»).

Рамки события определяются согласно сведениям о тогдашнем одновременном пребывании Есенина и Вс. Иванова в северной столице, в т. ч. на основе данных, содержащихся в письме В.Каверина Л.Лунцу из Ленинграда (7 мая 1924): «Вчера <т. е. 6 мая> все серапионы были в сборе. Приехал Всеволод <Иванов>...» (Лунц Л.Н. Литературное наследие. М.: Научный мир, 2007, с. 530; сообщено Е.А.Папковой).

См. Приложение.

Получив в Ленинградском отделении Госиздата корректуру книги «Москва кабацкая», Есенин выправляет ее.

Из воспоминаний В.Эрлиха:

«Вечер. Есенин, лежа, правит корректуру “Москвы кабацкой”.

— Интересно!

— Свои же стихи понравились?

— Да нет, не то! Корректор, дьявол, второй раз в “рязанях” заглавную букву ставит! Что ж он думает, я не знаю, как Рязань пишется?

— Это еще пустяки, милый! Вот когда он пойдет за тебя гонорар получать...

— Ну, уж это нет! Три к носу, не угодно ли?

Пальцы левой руки складываются в комбинацию. Кончив корректуру, он швыряет ее на стол и встает с дивана.

— Знаешь, почему я — поэт, а Маяковский так себе — непонятная профессия? У меня родина есть! У меня — Рязань! Я вышел оттуда и, какой ни на есть, а приду туда же! А у него — шиш! Вот он и бродит без дорог, и ткнуться ему некуда. Ты меня извини, но я постарше тебя. Хочешь добрый совет получить? Ищи родину! Найдешь — пан! Не найдешь — все псу под хвост пойдет! Нет поэта без родины.

<...> Все они думают так: вот — рифма, вот — размер, вот — образ и дело в шляпе. Мастер. Черта лысого — мастер! Этому и кобылу научить можно! Помнишь Пугачева? Рифмы какие, а? Все в нитку! Как лакированные туфли блестят! Этим меня не удивишь. А ты сумей улыбнуться в стихе, шляпу снять, сесть, — вот тогда ты — мастер.

Они говорят — я иду от Блока, от Клюева. Дурачьё! У меня ирония есть. Знаешь, кто мой учитель? Если по совести... Гейне — мой учитель! Вот кто!»

Эрлих, 12–14.

См. также: конец нояб. 1923; нояб. – дек. 1923, первая запись; 2 дек. 1923, первая запись; 19 дек. 1923, первая запись; 28 дек. 1923; конец дек. 1923 – янв.-февр. 1924; 1 янв. 1924, вторая запись; 12 янв. 1924; 19 янв. 1924, четвертая запись; февр. – март 1924; до 19 июля 1924.

Ленинградское отделение Госиздата РСФСР получает от доверенных лиц Есенина деньги за выпуск книги «Москва кабацкая».

Из письма И.С.Морщинера к В.Г.Белоусову (18 нояб. 1966):

«Вырученной от вечера суммы с лихвой хватило, чтобы рассчитаться за издание “Москвы кабацкой”».

Письма, 526.

См.: 24 марта 1924, вторая запись.

Апрель, после 14 — Май, до 6; или **Июнь, 15** или **16 — Июль.** Есенин фотографируется вместе с И.Приблудным, Г.Б.Шмерельсоном, В.И.Эрлихом, В.Ричиотти, С.А.Полоцким.

Есенин, VII (3), № 78, 245–246.

См. Приложение.

См. также: СЕФ, илл. № [33].

Было сделано два фотоснимка: один дочерью М.С.Наппельбаума, другой, получивший широкую известность, — М.С.Наппельбаумом.

Время события устанавливается по надписи на обороте подлинника варианта фотографии, хранящегося в ИМЛИ: «1924. Ленинград. М.С.Наппельбаум» — рукой самого фотографа, и учетом сроков пребывания Есенина в Ленинграде.

Дочь фотохудожника И.Наппельбаум вспомнит:

«В послереволюционные годы в Петрограде, в студии художника М.С.Наппельбаума, расположенной на шестом этаже большого серого дома на Невском проспекте возле Литейного, собирались “Литературные понедельники”.

Однажды появился проездом из Москвы Сергей Есенин. С ним приехал молодой московский поэт Иван Приблудный. Есенина привели его друзья, молодые ленинград-

ские поэты-"имажинисты", как они себя называли. Это были: Семен Полоцкий, Владимир Ричиотти, Григорий Шмерельсон и Вольф Эрлих, которому позже Есенин оставил свое прощальное стихотворение.

В тот день Есенин был спокоен, сдержан, никак не хотел выделяться из общего хода вечера. Мне захотелось запечатлеть всю эту группу поэтов, и я повела их в стеклянный павильон, где в одной стороне, отделенной серыми сукнами, проводилась съемка.

Когда я сняла уже одну композицию и рассадила группу вторично, неожиданно появился мой отец. В тот период он только наезжал в Петроград, а жил в Москве...

Застав меня за работой, он сразу подошел и буквально несколькими штрихами изменив наклон головы, положение трости в руках Есенина — придал композиции равновесие и живописность...».

Журн. «Огонек», М., 1985, № 40, с. 23.

И.Наппельбаум опишет эту съемку и в стихотворении «Подпись к групповому портрету Есенина 1925 г.»:

В тот день я долго колдовала —
Из одиночек группу создавала
По всем законам вечного искусства
Из своего пропорций чувства.
Здесь все в расцвете сил и лета,
И каждый мнит в себе поэта,
И все надменны, все речисты —
Друзья-имажинисты.
Вот сельский паренек вчерашний,
Постигший славу сгоряча,
Сидит, как денди в экипаже,
И снисходителен, и важен,
И туфлей лаковой качает,
А белой кости набалдашник
Повис у правого плеча.
Портрет прекрасно скомпонован,
Не придерешься ни к чему...
Но почему так тих светлоголовый,
Так отрешен и грустен почему?

Наппельбаум И. Накануне. СПб., 1993, с. 21, с датой: «1985 г.».

М.С.Наппельбаум напишет в воспоминаниях:

«...я сфотографировал Есенина в группе с сопровождавшими его молодыми поэтами. Здесь он уже совсем другой — с открытыми глазами, с крутым завитком светлых волос у лба, в крахмальной белой манишке с узким черным галстуком-бабочкой, с изящной слоновой ручкой тросточки, которая косо легла на темном рукаве его костюма».

Наппельбаум М.С. От ремесла к искусству: Искусство портрета. М.: Искусство, 1958, с. 74.

Есенин присутствует в Свободном театре на выступлении Л.Утесова и Р.Зелёной.

Заходит в гости к актрисе.

События устанавливаются по воспоминаниям Р.Зелёной, а их время определяется сроками пребывания Есенина в Ленинграде.

Р.Зелёная вспомнит:

«Во время одного из концертов в Свободном театре я пела песенку с Л.Утесовым. Шел какой-то смешанный концерт, народу было страшно много, но сидели зрители только в передней половине зала, а дальше стояли и даже ходили. Сзади шумели, зрители оборачивались, шикали. Потом до нас донеслись какие-то громкие голоса.

В антракте мы узнали, что произошла целая история. Какие-то кретины из числа присутствующих начали задевать дурацкими, оскорбительными репликами Сергея Есенина. Он легко поддавался на такие провокации — начал ругаться. Одни его останавливали, стыдили, другие, наоборот, подзуживали. Короче, началась драка. Это была нэпмановская молодежь. Так они развлекались. На другой день одни могли рассказывать, что заступались за Есенина, другие — что хотели проучить его. Участие в таком скандале — уже реклама для них: глядишь, и их ничтожные имена упомянут в хронике рядом с Есениным.

После концерта все что-то оживленно рассказывали, обсуждали, а я почему-то отнеслась к инциденту спокойно. Только жалко было, что опять имя поэта связывают с каким-то скандалом. Сергея Есенина я видела несколько раз. Разговаривать не приходилось, но один раз слушала, когда он читал. И всегда с отчаянием воспринимала рассказы о его неудачах, восторгалась его стихами и боялась за его судьбу. Жалела его издали.

И вот на другой день после того концерта в Свободном театре я сидела в своем "Англетере". В дверь постучали. Вошел Есенин. Я этого не ожидала. А он пришел просить у меня прощения, будто там, в зале, всё произошло из-за него. Просит простить. Я его утешала. Он меня поцеловал и был, по-моему, рад, что я не сердилась. Он побыл недолго, и я его не удерживала, но потом болела душа: один раз видела его так близко, могла говорить, слушать. А разговор был ни о чем и ни за чем.

Все всегда постоянно обсуждали: как так? почему? отчего? — всё о нем, о его женитьбе, делах, поведении».

Зелёная Р. Разрозненные страницы. М.: Союз театр. деятелей РСФСР, 1987, с. 39–40.

Апрель, 15. Есенин пишет Г.А.Бениславской, сообщая о выступлении в зале Лассаля:

«Вечер прошел изумительно. Меня чуть не разорвали».

После ряда поручений продолжает:

«Галя милая! Простите, что пишу на такой бумаге. Нет лучше.

Я очень и очень извиняюсь, что уехал, не простясь с Вами. Уехал же я потому, что боялся — как бы Петербург не остался для меня дальше Крыма.

Галя милая! Я очень люблю Вас и очень дорожу Вами. Дорожу Вами очень, поэтому не поймите отъезд мой как что-нибудь направленное в сторону друзей от безразличия. Галя милая! Повторяю Вам, что Вы очень и очень мне дороги. Да и сами Вы знаете, что без Вашего участия в моей судьбе было бы очень много плачевного. Сейчас я решил остаться жить в Питере.

Никакой Крым и знать не желаю.

Дорогая, уговорите Вардина и Берзину так, чтоб они не думали, что я отнесся к их вниманию по-растоплюевски.

Всё мне было очень и очень приятно в их заботах обо мне, но я совершенно не нуждаюсь ни в каком лечении.

Если у Вас будет время, то приезжайте и привезите мне большой чемодан или пошлите с ним Приблудного или Риту.

Привет Вам и любовь моя!

Правда, это гораздо лучше и больше, чем чувствую к женщинам.

Вы мне в жизни без этого настолько близки, что и выразить нельзя.

Жду от Вас письма, приезда и всего прочего.
Деньги из Госиздата спрячьте под спуд.
Любящий Вас
Сергей Есенин».

Есенин, VI, 166–167.
См. Приложение.

Есенин переезжает из гостиницы «Европейская» на жительство в квартиру А.М.Сахарова (Гагаринская, 1, кв.12).

Время события устанавливается с учетом воспоминаний В.Пяста (см.: 15 или 16 апр. 1924).

Есенин делает дарственную надпись на книге «Пугачев» (М.: Имажинисты, 1922) Владимиру Ричиотти:

«Дорогому Ричиотти / с любовью и дружбой / В знак веры / В то, что мы / Одолеем всех / Кто против нас. / С. Есенин / 1924 15/IV».

Есенин, VII (1), 231.
См. Приложение.

Парижская «Русская газета» (№ 96; рубрика «Литература и искусство»; подпись «Не-коммунист») публикует информацию с упоминанием Есенина:

«Нашумевшая своими эксцентричными выступлениями Айседора Дункан, разведясь с Есениным, теперь открыла новую студию на субсидию советского правительства.

Эта студия успехом не пользуется. В Москве вообще на Дункан смотрят несерьезно и называют ее Донькой».

В пражском журнале «Воля России» (№ 6–7; рубрика «Среди книг и журналов. Из литературной России») упоминается статья А.К.Воронского о Есенине:

«— “Красная новь”, № 1-ый. Обширный беллетристический отдел с произведениями: Пильняка, Артема Веселого, Всев. Иванова; помещены также “Заметки из дневника” Горького. Ряд статей посвящен памяти Я.Полонского и характеристика Есенина, сделанная Воронским».

См.: до 16 – до 29 февр. 1924, первая запись; 24 марта 1924, первая запись; 4 апр. 1924, вторая запись; 18 мая 1924, вторая запись; май (?) 1924, вторая запись; 1 июня 1924, пятая запись; июль 1924.

Апрель, 15 или **16.** Есенин встречается на квартире А.М.Сахарова с В.Пястом.

Событие устанавливается по воспоминаниям В.Пяста, его время определяется с учетом указания на то, что событие состоялось «на следующий день или, может быть, через день» после выступления Есенина в зале Лассаля (см.: 14 апр. 1924, вторая запись).

Мемуарист напишет:

«...я утром пошел к Сергею Есенину в гости — выразить свое восхищение и посоветоваться об издателях. Он жил у названного Сахарова, бывшего издателя, которого в это время в городе не было. Жили они в прекрасной, “довоенной” квартире со всей сохранившейся обстановкой особняков на Набережной. В первых комнатах меня встретили “имажинята” последнего призыва. Черноволосые мечтательные мальчики, живущие, как птицы небесные, не заботящиеся о завтрашнем дне. <...> Помню радушную встречу и вкусный завтрак с чаем, приготовленный на всю братию и сервированный с некоторым кокетством, то есть с салфетками, вилками, ножами, скатертью».

Восп., 2, 96.

Апрель, 15 ... 20. Есенин выступает в Центральной агитстудии Политпросвета под руководством В.В.Шимановского (ул. Стремянная, 10).

Событие и его верхняя граница устанавливаются по дневниковой записи И.Оксёнова (см. ниже), а его нижняя граница — с учетом времени первого выступления Есенина в Ленинграде.

20 апр. 1924 И.Оксёнов записывает:

«У Шимановского всегда было очень людно, светло, шумно — по-студенчески, Есенина я не видел уже шесть лет, и внешних перемен в нем немного, если не считать морщин на лбу, <...> а читать он стал превосходно, вдохновенно, с широкими волнующими жестами, владея голосом вполне. Когда читает — рязанский паренек, замолчит — московский бродяга, непременно отмеченный роком (так мне кажется). Перед стихами он сказал несколько слов в защиту петербургского поэтического языка <"В Петербурге есть писатели Чапыгин, Зощенко, Никитин, есть поэты — Садофьев, Полонская, Тихонов". Позже мне Есенин говорил, что он действительно ценит Садофьева, что Садофьев за последнее время "поправел" и много [борется]>, <...> затем о времени — "время сейчас текучее, я ничего в нем не понимаю", говорил о роли художника, как мог бы сказать Блок. Когда его Лебедев (это уже за кулисами) спросил, бывает ли он у себя в деревне, Есенин ответил: "Мне тяжело с ними. Отец сядет под деревом, а я чувствую всю трагедию, которая произошла с Россией"».

Журн. «Москва», 1995, № 9, с. 175 (публ. В.Кузнецова).

Из воспоминаний В.С.Чернявского:

«В эти же дни состоялось еще одно выступление Сергея, более интимное, в Доме самодеятельного (будущего агит) театра <бывш. студии В.В.Шимановского>. Вся атмосфера вечера была не похожа на думскую. В памяти присутствующих он остался светлым, и Сергей сам был им очень доволен. Публика была не уличная, не обывательская, "приятная", преобладала театральная молодежь нового призыва. Прихода Есенина ждали долго. В 10 ч. вечера друзья под руки провели его по залу между рядами; он был в шубе, с волосами, подобными нимбу, в руках цилиндр. Его встретили овацией, он радостно улыбался во все стороны. ("Боже мой, боже мой, да ведь это ангел с разбитыми крыльями", — неожиданно сказал один молодой красный драматург). Кажется, он был совсем трезв (вино, однако, было приготовлено за кулисами). Его дружеское, "родственное" отношение к собравшимся соответствовало приему, он только раз, да и то мягко, возразил против раздававшихся из зала нападок на окружавшую его группу имажинистов, пояснив, что они — его товарищи и он очень просит их не обижать. Его спутники, не смущаясь ничем, заполнили своими крайне крикливыми декларациями и стихами солидную часть вечера. Тут и произошла заминка. Публика стала настойчиво и сердито вызывать "одного Есенина". Тогда Сергей тоже сказал свое слово. Начав с защиты друзей, он — вольно или невольно — опроверг многое из сказанного ими. Его выводы были таковы: напрасно меня считают крестьянским поэтом ("вот Клюев на меня обижается!"), напрасно "вот они все, хоть они и друзья мне" считают меня своим. "Я не крестьянский поэт и не имажинист, я просто поэт". Читал он очень много, всё, что мог, с повторениями. Вечер превратился в настоящую бурю восторга по его адресу».

Восп., 1, 226.

Апрель, 16. «Красная газета» (№ 87; вечерний выпуск) публикует неподписанную информацию «Вечер стихов»:

«В зале б. Городской Думы состоялся вечер стихов московского поэта С.Есенина с участием ленинградских имажинистов.

С.Есенин вышел на эстраду совершенно... больным и, не будучи в силах читать стихи, всё первое отделение находился в полубессознательном состоянии.

Не лучше было затем и "слово" Есенина, где он нечленораздельно говорил о Блоке и о каких-то штиблетах (!).

Часть публики, возмущенная происходящим, демонстративно покинула зал. Оставшиеся, собравшись у эстрады и потребовав прекращения есенинских "воспоминаний", прослушали его немногочисленные стихи, испещренные массою смачно подчеркнутых совершенно непечатных слов».

Ср., однако: 14 апр. 1924, вторая запись.

См. также: первая половина мая 1924; 20 мая 1924.

Газета «Рижский курьер» (№ 976) печатает неподписанную информацию о том, что в книжном и нотном магазине «National-Reklama» продается, в числе других книг, «Пугачев» Есенина.

Апрель, 16 или **17**. Есенин на квартире А.М.Сахарова принимает гостей, среди которых А.П.Чапыгин, В.С.Чернявский и молодые поэты.

Дата события определяется по воспоминаниям В.С.Чернявского:

«На другой или на третий день <имеется в виду выступление Есенина в зале Лассаля; см.: 14 апр. 1924, вторая запись> мне удалось застать его на Гагаринской. Меня провели по коридору огромной квартиры в комнату, где он временно поместился с одним из приятелей-собутыльников, по-видимому, далеким от литературных интересов. Там было шумно. У накрытого стола с горячей закуской и вином сидело несколько человек. Тут, кроме основного жильца комнаты, были два-три молодых поэта и старый знакомец — эпический А.П.Чапыгин, пришедший читать Сереже какой-то свой драматический опыт из древне-народного быта. На диване — еще не пьяный, очень белый и весь сияющий, в русской рубашке — Сергей, еще больше похожий на прежнего (не в первый и не в последний раз я ловил себя на этом неуверенном сравнении).

По его радости и ласке, по тому, как он засуетился, окружавшее его не знакомое мне общество решило, что я желанный гость. Хотя Сергей и рекомендовал меня как "бывшего поэта", я, видимо, помешал их беседе. Меня стали со всех сторон предупредительно угощать. Но Сергей первый стал на сторону моего трезвенничества, узнав, что у меня через час спектакль. Разговор за вином велся на темы общего характера. Потихоньку Сергей сказал мне, что на этот раз нам, видно, не придется как следует поговорить, и торопливо стал хвалить своих новых "товарищей". Видимо, он рад был чувствовать себя их главой и покровителем. Он говорил, что все они "хорошие" и нуждающиеся, что им обязательно следует помочь изданием их книг, что они на него надеются и что он постарается достать для всего этого денег.

Он решил окончательно переехать в Питер, который ему всегда был роднее, чем истрепавшая его Москва. Тут, думалось ему, можно начать новое издательское дело, а главное, можно спокойно работать. Нешумливые, пустоватые еще в то время улицы, просторные ленинградские квартиры поражали его. С наивным размахом он спрашивал, можно ли прожить здесь хорошо при ежедневном бюджете в 50 р., на который он, продавая себя Госиздату, в увлечении рассчитывал.

Когда я уходил, все молодые поэты были достаточно пьяны. Сережа, сам трезвый, пошел проводить меня до ворот, прося прийти на другой день попозже и обещал никого не принимать».

Восп., 1, 226–227.

Апрель, 17 или **18**. Есенин встречается с В.С.Чернявским на квартире А.М.Сахарова и беседует с ним всю ночь.

События и их дата определяются по воспоминаниям В.С.Чернявского:

«Не умею обобщить всего, что он рассказал мне о себе следующим вечером и ночью: передам отрывочно то, что запомнилось. И на этот раз мы были с ним наедине лишь урывками, потому что хозяин комнаты выходил только по поводу ужина и за вином, которого было порядочно, но, по мнению Сергея, всё не хватало.

В продолжение часов десяти — до рассвета — я видел его поочередно и трезвым, и очень пьяным, и вновь прояснившимся, особенно милым и нежным. Его рассказ лился непрерывно, он не успел даже прочесть ничего из стихов, и я сам о них не думал. Наш город продолжал радовать его и обещать новую жизнь. Он решил обосноваться здесь, у хорошего приятеля (по московским годам и перепалкам) в трех комнатах, которые скоро освободятся. Он звал меня на время моего летнего одиночества переехать к нему и, сам решив за меня этот вопрос, заботливо спрашивал, не стеснит ли меня, если через некоторое время он будет не один, потому что "какая-нибудь женщина" наверное появится. Но в дальнейшем ему хотелось зажить иначе и поставить некоторый предел своей богемной обстановке. Он мечтал перевести сюда учиться своих сестер. Ему особенно хотелось показать мне младшую сестренку, наружность и душу которой он очень хвалил. "Тебе, именно тебе, она непременно понравится, я уж знаю", — повторял он с гордостью. <...>

Про Запад он рассказывал беспорядочно и сбивчиво, перебрасываясь от смешной наивности к острым наблюдениям, точно радуясь тому, что он не принял Европы и она не приняла его. <...>

Мое недоверчивое удивление по поводу его близости с Айседорой Дункан вызвало с его стороны целый ряд теплых и почти умиленных слов об этой женщине. Ему хотелось защитить ее от всякой иронии. В его голосе звучало и восхищение, и нечто похожее на жалость. Его еще очень трогала эта любовь и особенно ее чувствительный корень — поразившее Дункан сходство его с ее маленьким погибшим сыном. <...>

...На Москву он был, видимо, сердит. Тамошняя скандальная слава не удовлетворяла его; за спиной осталось много теснящего и раздражающего. Московских собратьев, не внушавших на расстоянии никакой симпатии, он защищал, но не без улыбки. У него, за исключением редких, жестоких и часто несправедливых минут, все в его личном кругу были "хорошие люди". И теперь, не меньше, чем в юности, он казался завороженным этой щемящей нежностью к людям, этой рассеянной слепотой, уживающейся с зоркостью резкого ума. В жизни его дружба и товарищество продолжали занимать почетное место, они поддерживали и облегчали его.

...С женщинами, говорил он, ему по-прежнему трудно было оставаться подолгу. Он разочаровывался постоянно и любил периоды, когда удавалось жить "без них"; но зато, если чувственная волна со всеми ее обманами захлестывала его на время, то опять-таки по-старому — "без удержу". Обо всем этом говорил он попросту, по-мужски и смеясь, но без грусти и беспокойства.

...В одну из тихих минут задумался он о неоставленной еще надежде жениться на хорошей, верной девушке, которую всё не удается встретить. Но это так — только мелькнуло. Больше всего было воспоминаний. Со мной надежнее, чем с другими, он, ничего не объясняя, <может> говорить о прошлом, о той полосе его личной жизни, которая началась у меня на глазах в октябрьские дни и, видимо, не переставала все эти шесть лет его мучить. <...>

Когда я попытался попросить его во имя разных "хороших вещей" не так пьянствовать и поберечь себя, он вдруг пришел в страшное, особенное волнение. "Не могу я, ну как ты не понимаешь, не могу я не пить... Если бы не пил, разве мог бы я пережить всё, что было?.." И заходил, смятенный, размашисто жестикулируя, по комнате, иногда останавливаясь и хватая меня за руку. <...>

И опять, как в юности, но уже болезненно сжимались его кулаки, угрожавшие невидимым врагам и миру, который он облетел в один год и узнал "лучше, чем все". И тут, в необузданном вихре, в путанице понятий закружилось только одно ясное повторяющееся слово:

— Россия! Ты понимаешь — Россия!

В этом потоке жалоб и требований был и невероятный национализм, и полная растерянность под гнетом всего пережитого и виденного, и поддержанная вином донкихотская гордость, и мальчишеское желание драться, но уже не стихами, а вот этой рукой... <...>

Такой длительной и "раскрывающей" встречи у нас больше не было, хотя я и старался часто заглядывать к Сергею».

Восп., 1, 227–230.

Апрель, до 20. В Праге выходит книга Франтишека Кубки «Поэты революционной России: (Уроки современной русской лирики)» («Básníci revolučního Ruska: (Studie j moderni ruské lyrike)») (Praha: Otokar Storch-Marien, 1924) с подробной характеристикой поэзии Есенина.

Граница события устанавливается по рецензии Е.Недзельского (см.: 20 апр. 1924, первая запись).

Анализируя русскую революционную поэзию за пять лет с 1917 г., Ф. Кубка рассматривает творчество видных поэтов России, в том числе Есенина.

Во «Введении» автор называет Есенина «поэтическим возгласом освобожденных инстинктов, которые жили в сектах русской деревни», и утверждает, что «Третий Рим религиозных искателей наступил в "Инонии" Есенина».

Из главы «Хаос и мистерия материи»:

«К Есенину нужно подойти философски. Он полон идей и относится к авторам с революционной материалистической идеологией. Молодой поэт крестьянского происхождения столкнулся с революцией и дал поэтическое выражение ее сути.

"Пророк" Сергей Есенин — сын беднейших деревень на Руси. Он родом из Рязанской губернии. В детстве его окружали бедная изба, деревянный стол с самоваром, лавка у печи и замазанные глиной стены. <...>

"Хмельная, мистическая, во Христе юродивая (это особое название для «чистой глупости») Русь" была родиной мужицкого парня Есенина.

В революционной Москве, куда он пришел за поэтической славой в круг имажинистов, он сохранил свою сельскую русскую душу; родовое подсознание — самое мощное его подспорье, он объявляет себя "последним поэтом русской деревни". Фоном его стихов является деревня, мужичьё, поля и речушки, серп месяца и отголоски волнующего звона церковных колоколов на воскрешение Христа.

Этот исключительный мужицкий статус в среде революционной интеллигенции и городских рабочих дает ему право надеть на себя безумное облачение сумасшедшего пророка. Он входит в литературу в маске сельского хулигана, проповедника и предводителя. "Двенадцатый час" пришел для русской деревни. Сергей Есенин, который "босые ноги в лужах осенних макал, теперь ходит в цилиндре и лакированных башмаках". Он революционный поэт. Он пророк нового мироустройства.

Он полон Библии, полон бичующих возгласов и богохульств. Он перекрикивает свою нежную душу, потому что жарко и пламенно встает перед ним новый град Китеж, новый евангелический город блаженности.

Из огромных образов он создает новую мистерию. В пыль разрушается святой Радонеж, Христос ушел из Руси, дух убит. Таинство материи, Инония, новый рай встает перед взором пророка.

Молодой Сергей Есенин увенчивает материализм в русской революционной поэзии. Он творец евангелия материи.

> Не устрашуся гибели,
> Ни копий, ни стрел дождей,—
> Так говорит по Библии
> Пророк Есенин Сергей <далее цит. еще 12 строк из «Инонии»>.

Спасение человечества не придет через духовные страдания. Богохульный возглас вырывается из уст пророка. Он извергает из уст причастие. Он выплевывает его, но — он знает, что это Христово тело! Революция Есенина осознанна. Отрицание всего святого следует за таинством веры. Смерть Христова принесла, согласно учению христианскому, — которым поэт проникнут до крайних глубин души, — спасение человечества на *том* свете, в царстве *мертвых*. Пророк Есенин провозглашает царство *живых*. <...>

Инония — это царство живых. Против града Китежа, рая мистиков, против Радонежа, улья святости — земное царство: где есть вера, сила, плуги, труд и зёрна злаков. <...>

После звуков луговой тиши, после огней далеких озер, после нежной мужицкой матушки — новый церковный напев. Богохульство молитвой, отзвуки браминских сказаний <цит. заключительные строки из "Инонии", начиная со слов "Слава в вышних Богу...">

Нет иного бога, кроме материи, и Есенин ее пророк. <...>

Противопоставление одушевленной действительности в "Христос воскресе" Андрея Белого доведено Есениным в "Инонии" до конца. Поэтизированный Маркс, транспонированный в библейский говор деревни, — таким предстает перед нами молодой Есенин.

И в мягком, посвященном Андрею Белому "Пришествии", и в богохульном "Преображении" в каждой строфе говорит Библия и христианская традиция. <...>

Алексей Толстой сказал о нем*, что у него "певучий дар славянской души", "таинственно-взволнованной голосами природы" <см.: 1 ... 19 февр. 1922>. И действительно кажется, что развитие поэта идет по этому направлению. Следующие его книги** — это тихие и нежно оттененные образы природы. "Я сегодня влюблен в этот вечер, близок сердцу желтеющий дол". Природа снова появляется в русском революционном стихе — природа Кавказа у Кусикова, деревня у Есенина и Клюева.

У Клюева бóльшая культура духа и простор сердца, Есенин дикий, как неиспорченный деревенский парень. И против мужественного Клюева у него много мальчишеского.

Он играет определенную роль. Он чувствует, что в природе он не один. Будь он пророком или босяком, хулиганом, он всё время кому-то что-то демонстрирует. К лицу эта маска ему больше всего в стихах, возникших наряду с пророческой "Иноníей". Она позволяет ему распевать о самых таинственных беседах вод, о светлячках, о старой коряге дерева, о кошке и о золотом петушке, о степи и конокрадах, о туманах над болотами, о деревянных домах и синем образе небес в растаявших лужах весны.

---

* Новая русская книга, 1922, I.

** «Голубень», «Трерядница», «Исповедь хулигана» (в. 1.1920/1921) — лирика, и очень слабая попытка эпики «Пугачев», 1922.

И поэтому Есенин — самый крупный имажинист. Для него образ стал истинным проявлением красоты. Образ стал для него целью. Есенин — художник. Его образы имеют золотую огненность иконы. Его березки и луга — прерафаэлевская нежность. Призрачная бесформенность имажинизма (Шершеневич, молодой Маяковский) получает мягкие закругления и естественную мягкость. Есенин — самый крупный художник русской революционной поэзии.

Его эстетическая цель — красота.

И если от Есенина и остается впечатление материалистического таинства футуризма, именно в его покорной молитве красотам природы, в его кипящей любви к родным полям, в его почтении к старым матушкам мы чувствуем новый подъем поэзии, который взорвется над дьявольским хаосом материи, как синий луч возрожденных звезд».

Из главы «Просветление»:

«По-своему для этого формального классицизма созрел, с противоположной стороны, поэт мужицкой избы Николай Клюев, который вырос между двумя революциями.

В ряду русских поэтов, которые стихом нарисовали образ и душу русской деревни, от А.В. Кольцова, Некрасова вплоть до Есенина, Николай Клюев занимает свое особое место. <...>

Если Есенин — мистик материи и если он создает из вещества деревенской жизни революционную мистерию новой земной религии, если Есенин надевает маску безумца и пророка, последнего певца русской деревни, если Есенин — романтик и мечтатель, то Клюев — реалист русской деревни, который терпит неудачу, когда слагает революционные песни, но вписывает себя в бессмертие, когда рисует таинственными сказаниями загадочную внутреннюю жизнь русской деревни. <...>

Клюев не является — хотя был бы рад казаться таковым — лириком простых чувственных состояний. Его стих не обладает музыкальной красотой, ритмическим пафосом или пылкостью образов Есенина».

Перевод А.В.Амелиной.

См. Приложение.

Выходит журнал «Вестник книги» (№ 1–3; за январь — март) с рецензией А.Цинговатова на книгу П.С.Когана «Литература этих лет», где заходит речь о Есенине:

«Очерки написаны в спешной журналистской манере, чутко откликаются на события текущего литературного дня и не претендуют ни на полноту, ни на исчерпывающую характеристику. <...> С большим сочувствием отнесся П.Коган к Демьяну Бедному и А.Блоку, внимательно осветил Есенина и Маяковского».

Граница события — по информации в газ. «Правда» (1924, 20 апр., № 91).

См.: до 6 дек. 1923; 5 янв. 1924, первая запись.

Апрель, 20. Берлинская газета «Дни» (№ 442) помещает рецензию Евг. Недзельского на книгу Ф.Кубки «Básníci revolučniho Ruska» («Поэты революционной России»), где говорится о Есенине:

«Наиболее детально рассмотрены Блок и Есенин как "мистики революции", Маяковский и Есенин как дети "хаоса" и певцы "мистерии материи". С последним обобщением можно не согласиться и доказывать, что оба поэта, несмотря на их материалистическое хулиганство, в результате оказываются самыми утопическими идеалистами, заменившими фантастический (для них) посмертный рай не менее фантастической идеей рая земного. Кубка это предусматривает и подробно останавливается на литературной

двойственности Есенина и справедливо и удачно называет его "Парсифалем, взбесившимся от марксизма"».

См.: до 20 апр. 1924, первая запись.

Берлинская газета «Накануне: Литературная неделя» (№ 90) печатает материалы, в которых заходит речь о Есенине:

— статью Н.Орлова «Всероссийская литературная реакция» (рубрика «В порядке дискуссии»):

«Приговор всероссийского читателя ясен: читатель отворачивается от родной литературы, он не находит в ней того, что ему надо — бодрых эмоций, широкого солнечного полотна. <...>

Первое время после Октября многие вообразили: что ж, и мы с большевиками, и мы с народом — долой богов и царей! Когда понадобилось строить новую Россию — напрячь душевные силы, проявить оптимизм на обломках старого — русская "революционная" литература выдала свой реакционный характер: поэты и прозаики уселись в кружок, завыли. Волчьи песни прорывались иной раз: Маяковский щелкал зубами, Есенин вспоминал свое отелившееся облако, хватал старую дудочку. Потом опять, опять — до тошноты. Прислушайтесь — все направления, все "исты" поддерживают тоскливый вой»;

Отклик см.: 25 апр. 1924.

— рецензию на книгу «Революционная поэзия. Чтец-декламатор» (1923, том I, составитель Л.Н.Войтоловский; подпись: «Г. Ш-в»):

«Среди плохих стихов, которых в книге, к сожалению, большинство, совершенно теряются прекрасные по своей художественной цельности и здоровой новизне стихи Герасимова, Нарбута и Клюева. Даже до таких поэтов, как Блок, Маяковский и Есенин, и до старых — до Пушкина, Дельвига и Некрасова трудно докопаться в этой массе слабых и бесцветных стишков».

См.: до 3 июня 1923, вторая запись.

Апрель, 21. Газета «Последние новости» (Ленинград, № 16) публикует статью Г.Устинова «Литературный разброд», где упоминается Есенин:

«В так называемой "чистой поэзии" разброд еще более значителен.

Субъективизм восприятия, формы отображения и ощущения жизни здесь архаичны до последней степени. Психобандитизм, основание которому положил интереснейший, но пропащий поэт Сергей Есенин, идет развернутой цепью по всей линии.

Сергей Клычков, Николай Клюев, Петр Орешин, А.Ширяевец и другие "крестьянские" поэты принесли из своих деревень психику деревенского "хозяина", анархиста и "самоеда", которому свой забор дороже всех наук, философий и революций.

И это они знают, как знает прокаженный, что он болен и что его не может излечить ничто. А Есенин это знает лучше других:

...Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях досчатый мост...

И — еще откровеннее:

...Сердце бьется всё чаще и чаще
И уж я говорю невпопад:
...Мне теперь не уйти назад.

Оторвался от деревни, пропел ей Сорокоуст, не пристал к городу — и скитается, как Пугачев, бандитом — психобандитом — по взбудораженной земле. Америка для него лишь "железный Миргород", Париж — дрянь, Германия — отвратительно дымящая сигара, Россия — "Москва кабацкая"».

См.: конец окт. ... до 15 нояб. 1923.

Апрель, 22. Есенин посылает Г.А.Бениславской телеграмму: «Срочно Бениславской Мсква Ваганьковский "Беднота" Галя пришлите денег книгу продал получу после Пасхи Есенин».

Шубникова-Гусева-2008, 289, 290 (факсимиле).

День и месяц отправки телеграммы устанавливается по помете телеграфиста: «22 / IV», год и место отправления — по содержанию. Речь идет о книге «Москва кабацкая». Пасха в 1924 году приходилась на 27 апреля.

См.: 26 апр. 1924, вторая запись.

См. Приложение.

Апрель, 22 и **Июнь, 27.** Выходит книга В.Флёрова «Ясное утро: Вторая книга для чтения» (переработанное и дополненное издание; М.: Государственное издательство, 1924) со стихотворением Есенина «Черемуха».

Инвентаризационный каталог, 14. Первая часть тиража выпущена в обложке, вторая — в переплете.

Апрель, с 22 на 23. Есенин посещает художественно-артистический кружок «Живое творчество: Ложа вольных строителей», организованный артистом Александринского театра Н.Н.Ходотовым на его квартире (Невский проспект, д. 60).

Дата события определяется по дневниковой записи И.Оксёнова (28 апр. 1924):

«У Слонимского говорили о происшествии у Ходотова, всё это было в прошлый вторник <который приходился на 22 апр.>».

Журн. «Москва», 1995, № 9, с. 175 (публ. В.Кузнецова).

Среди посетителей вечеров у Н.Н.Ходотова — В.Давыдов, Л.Утесов, М.Зощенко, Р.Зелёная, В.Пяст, Н.Евреинов и многие другие.

Б.М.Филиппов, долгое время бывший директором Центрального Дома работников искусств в Москве, отметит:

«В 1923 году он <Н.Н.Ходотов> организовал у себя на квартире <...> так называемую "ложу вольных каменщиков" — домашний ночной клуб для "избранных". Два "лозунга", украшавшие его стены, определяли "идейную направленность" этого клуба: "In vino veritas" (истина в вине) и "Memento vivere" (помни о жизни). В этом клубе после 11 вечера собирались актеры и поэты и проводили там время до утра.

Попасть в "ложу" можно было только по рекомендации кого-либо из "каменщиков". Эта ложа прикрылась в связи с тяжелым и неприятным скандалом, учиненным Есениным, которому, по-видимому, пришлась не по душе ее "изысканная" атмосфера».

Филиппов Б. Записки домового. М.: Сов. Россия, 1978, с. 115.

Из воспоминаний Н.Н.Ходотова:

«Весь артистический мир побывал тогда в моей квартире, куда строгий контроль не пускал ни одного из "непосвященных", что, однако, не спасло ее от закрытия. Одним из последних доводов к нему был скандальный инцидент с <...> Есениным».

Ходотов Н.Н. Близкое-далекое. 2-е изд. Л.-М.: Искусство, 1962, с. 273–274.

Обстоятельства скандала, зачинщиком которого был вовсе не Есенин, выясняются из воспоминаний В.Эрлиха:

«С самого утра приходят люди. Много людей. Двадцатый спрашивает то же самое, что и первый.

— Что там еще Есенин натворил? В чем дело?

— Не знаю.

— Как не знаете? Полгорода знает, а вы не знаете.

— А я не знаю. Может, вы сообщите?

— Да я и сам толком не знаю. Опять антисемитская выходка. Говорят, какому-то еврею-актеру в морду въехал. Вообще — скандал.

Это одна версия.

Другая. Есенин был на вечере Рины Зелёной в студии Ходотова. Актер В. подошел к нему сзади и сзади же ударил его со словами:

— Ты жидов ругаешь? Получай!

Всё, что произошло до и после этого, равно нехорошо, но инициатива драки явно была не за Есениным.

Иду к нему.

Лежит у себя на диване, злой и подавленный.

— Слыхал?

— Слыхал.

Молчим в течение получаса.

Наконец, он поднимается на локте и начинает, волнуясь:

— Нет, ты понимаешь, в чем гнусность? Ведь он уверен, что под меня работает. А того понять не может, что я отроду никого сзади не бил! Ты меня извини, но он сволочь!»

Эрлих, 23–24.

В связи с инцидентом И.Оксёнов отметит в своем дневнике:

«Выяснилась незавидная роль Никитина».

Журн. «Москва», 1995, № 9, с. 175 (публ. В.Кузнецова).

В чем выразилось здесь участие Н.Н.Никитина, не установлено.

Апрель, до 24. В Париже выходит журнал «Современные записки» (кн. XIX) с материалами, в которых упоминается Есенин:

— статьей З.Н.Гиппиус (псевдоним: Антон Крайний) «Литературная запись: О молодых и средних»:

«Талантлив ли Есенин? Конечно. Я его знал до всякой революции, видел его обожающим последнего романтика — Блока. И тогда Есенин был сосуд, готовый к приятию росы большевизма. Каково же прекрасное, созданное этим талантом?

Я не имею сейчас в виду давать обстоятельный отзыв об Есенине. А все мы знаем, что если взять у него несколько *характерных* строчек, особенно из последнего периода, то... лучше их не цитировать. Окажется, что еще самое пристойное из его дерзаний, это — как он

Стоит на подоконнике
И... на луну».

Отклик см.: нояб. 1924;

— рецензией М.Осоргина (подпись: «Мих. Ос.») «Russia, rivista di letteratura, arte, storia. Ed. Riss. Ricciardi — Napoli. Anno III, Num. 1»:

«Журнал знакомит итальянского читателя с новейшими критическими работами о русских классиках (особенно о Пушкине и Достоевском), в то же время уделяет много места изучению новейших течений русской мысли, и литературы, и искусства, и лишь

благодаря ему доносятся до Италии имена И.Лапшина, Ю.Айхенвальда, Н.Котляревского, поэтов Гумилева, Клюева, Есенина...».

Граница события устанавливается с учетом рецензии на этот номер «Современных записок» (см. след. запись). Ср. также: http://litcatalog.al.ru/cd/demo/sovremennie_zapisky/sz.html.

Апрель, 24. Парижская газета «Последние новости» (№ 1228) публикует рецензию М.Бенедиктова на «Современные записки» (кн. XIX).

В рецензии заходит речь о публикации Антона Крайнего (псевд. З.Гиппиус) «Литературная запись. О молодых и средних»:

«Автор "записи" так же беспощаден к современной русской литературе, как Муратов — ко всему новому европейскому искусству. Не отрицая наличности талантов среди писателей советского поколения, Антон Крайний всё же отказывается отвести им место в литературном Пантеоне. Причина? Не в одном таланте дело. Важно — "прекрасное". А Есенины, Пильняки и прочие писатели, которые выросли на дрожжах революции и гражданской войны, стали употреблять свои таланты "на извлечение из видимого черт наиболее кошмарных и на обработку их в сверхкошмар, в сверхбезобразие"».

Апрель, 25. Парижская газета «Вечернее время» (№ 4) помещает заметку П.Никашина «Всероссийская литературная реакция» с упоминанием Есенина:

«Под этим заголовком в "Накануне" помещена (конечно, в порядке дискуссии) статья некоего Н.Орлова <см.: 20 апр. 1924, вторая запись>. Статья эта очень знаменательна, и мы на ней остановимся. Автор констатирует, что никакой "революционной литературы" в России нет, что, в сущности, вся литература России, все эти Пильняки, Никитины, Есенины, Клюевы, все бесчисленные Маяковские, имажинисты, футуристы и т. д. — вся эта пыль былой русской литературы отравлена раствором "реакции"».

Апрель, 25 ... 30. Есенин, узнав о материальных затруднениях В.С.Чернявского, помогает ему.

Событие и его время определяются по воспоминаниям В.С.Чернявского:

«В один из ближайших за этим дней <см.: 17 или 18 апр. 1924>, узнав о моих материальных затруднениях, он моментально пришел ко мне на помощь и, не имея денег под рукой, поспешил занять, настаивая, чтобы я взял больше, чем требовалось: "Ты лучше на днях еще возьми, у меня будут. Только не отдавай, пожалуйста. Понимаешь, эта мелочь меня не устроит, мне ведь надо больше, мне надо много денег..."».

Восп., 1, 227.

Апрель, до 26. В Москве выходит журнал «Октябрь» (№ 1) с рецензией на книгу В.Князева «Ржаные апостолы. Клюев и клюевщина» (подпись: «Г. К.»), в которой говорится о Есенине:

«Автор устанавливает общее положение, что набожность, вера в помощь божию сопутствует низкому уровню культуры. По мере роста культуры ослабевает, а потом должна исчезнуть вера, заменившись положительными знаниями. Далее, на примере наших крестьянских поэтов: Кольцова, Никитина, Дрожжина, Клюева, Есенина, он констатирует, что все эти поэты отличались религиозностью».

Граница события определяется по информации о выходе журнала (газ. «Правда», 1924, 26 апр., № 96). См.: 6 дек. 1923, первая запись.

Апрель, 26. Есенин пишет Г.А.Бениславской:

«Милая Галя! Пришлите с Шмерельсоном пальто, немного белья и один костюм двубортный».

Есенин, VI, 167.

Эта записка отсылается адресату с Г.Шмерельсоном, в тот день выезжающим в Москву (см. также: 27 апр. 1924, вторая запись).

И.Оксёнов встречается с Есениным на квартире А.Сахарова.

Событие и его дата устанавливаются по дневниковой записи И.Оксёнова (26 апр. 1924):

«Есенин живет так, как он должен жить. Старая роскошь прежде богатой квартиры (я заметил превосходный книжный шкаф с бронзовыми барельефами — в стилях я плохо разбираюсь), вереница пивных бутылок в углу, томная хозяйка Анна Ивановна, — вероятно, не последний пример национальной породы, хозяин — Сахаров... <...>

После 3–4 бокалов пива (выпитых при мне) Есенин захотел читать Языкова. Жаль, что книжку не принесли.

— В России чувствую себя, как в чужой стране. За границей было еще хуже.

Говорил о "расчленении" России, о своих чувствах "великоросса-завоевателя", делавшего революцию.

О Клюеве: Клюев два года был коммунистом, получил мандат на реквизицию икон по церквам, набрал себе этих икон полную избу, вследствие чего и был исключен из партии.

О Чернявском (с большой любовью), говорил о гамлетизме внутри аристократизма Чернявского.

Трехлетний мальчишка пел нам "Колю и Олю", "Марусю". Есенин по-детски хохотал и спрашивал: "А тебе жалко Марусю? Жалко?" — а сам ронял штопор, не мог открыть ни одной бутылки.

Шарф на шее, повязанный галстуком, на ногах гетры, лицо изрытое, плохо выбритый и синие-синие васильковые глаза. "Жизнь моя с авантюристической подкладкой, но всё это идет мимо меня"».

Журн. «Москва», 1995, № 9, с. 175 (публ. В. Кузнецова).

Г.А.Бениславская пишет Есенину:

«...через полчаса придет Рита, мы едем на вокзал отправлять Ваш сундук. Вы его (сундук) получите, высылаем с поездом, выходящим из Москвы в 00 ч. 30 м. 27 апреля (т. е. 12 час. 30 мин. ночи в субботу).

Посылаю вещей немного. Что не хватает — купите. В сундуке образец (вернее, Ваш старый), ботинок — закажите себе в Петербурге.

Да, в крахмальном воротничке две запонки для манжет — не забудьте. Ну, как будто деловое всё.

Теперь вот что: беспокоюсь я очень, кроме того письма, никаких вестей от Вас. Как Вы, что делаете? Напишите все-таки. <...>

С деньгами положение такое: "Стойло" прогорело, продается с торгов, денег нам так и не дали, пришлось тратить госиздатовские — нужно было Кате, мне, домой в Рязанскую послать и долги. Ну, одним словом...

Вот.

Так что не сердитесь, что не выслала <см.: 22 апр. 1924>, право же, это не тактические соображения, а просто ничего нет.

<...> Жду писем. Люблю Вас очень. Беспокоит Ваше молчание тоже очень. Я все-таки расхвораться собираюсь, врач сказал, что острое переутомление и нервное рас-

стройство. Буду чинить себя, как только от Вас будут вести, а так трудно, нервничаю до глупого».

Письма, 238.

Г.А.Бениславская с вокзала пишет Есенину открытку:

«Черт бы побрал этот сундук, вся Москва любовалась на нас (меня и Риту), важно восседавших на сундуке. Ну, целую Вас.

Эта открытка вместо сдачи».

Письма, 239.

В Париже выходит «Русская газета» (№ 4) с посвященной В.В.Маяковскому статьей М.Первухина «Пьяные гамадрилы»:

«Нет ни малейших сомнений, рано или поздно он <Маяковский> сопьется, как уже спился и погиб его друг и приятель Есенин, и умрет в белой горячке...».

Апрель, 27. Г.А.Бениславская сдает сундук с вещами Есенина по билету М.С.Бернштейна и передает ему свое письмо Есенину от 26 апреля.

События и их дата устанавливаются по сопоставлению сведений из письма Г.А.Бениславской Есенину и письма М.А.Гецова сестрам Лившиц (см.: 2 мая 1924, третья запись).

Из письма Г.А.Бениславской:

«Едет знакомый Жени <М.С.Бернштейн>, мы сдадим по его билету в багаж».

Письма, 238.

См.: до 1 мая 1924; 1 мая 1924, первая запись.

Г.Шмерельсон звонит Г.А.Бениславской и сообщает, что Есенин здоров и что через три дня выходит «Москва кабацкая».

Событие и его дата устанавливаются по письму Г.А.Бениславской Есенину (см.: 28 апр. 1924, первая запись).

Книга Есенина выйдет позже (см.: до 19 июля 1924).

Г.А.Бениславская звонит М.И.Лившиц и передает новости о Есенине.

Событие и его дата устанавливаются по письму М.И.Лившиц Есенину (см.: 28 апр. 1924, вторая запись).

Апрель, 28. Г.А.Бениславская пишет Есенину:

«До чего я обрадовалась, когда вчера мне позвонил Шнеерзон <Шмерельсон> (кажется, так его фамилия), сказал, что Вы здоровы, почти не пьете; что через три дня выходит "Москва кабацкая". Если бы Вы знали, до чего трудно без вестей от Вас и о Вас — Вы каждый день писали бы.

Что интересного там у Вас? Кого видите? Что делаете?

Какой сейчас Петербург внешне и по содержанию? (Посмотрев Вашими глазами).

К Вам поехал Камерный театр. Поглядите Вавилонского адвоката. Интересно, как Вам, понравится ли, нет?..

В Москву вернулся Троцкий, было несколько выступлений. Встречали его очень восторженно и бурно. На съезде железнодорожников овация длилась (по часам) 10 минут. Возгласы: "Да здравствует любимый вождь" и т. п. Он понравился, говорит лучше прежнего; рассказывал о Ленине и не смог говорить — прервал на минуту речь. Вот как.

А больше новостей никаких. Стойло, к моей неописуемой радости, закрыто. За это время я никого, кроме Риты, Кати и Приблудного, не видела (кстати, он, кажется, успел стянуть Вашу гребенку, по крайней мере, она исчезла, остальное я спасла — забрала к себе на Никитскую).

В первомайском номере "Красной нивы" его стихи.

Да, Вы просите прислать двубортный костюм, но он в чистке, а денег у меня не осталось совсем. Если у Вас будут — пришлите, надо за чистку костюмов 7 червонцев, за носки 1½ черв. И за разбитое стекло 2½. Вот: всего 11 червонцев. Вообще помните — лето близко, по возможности, наладьте эти дела. В Москве ничего не устроить — даже Стойла нет. Долги все я заплатила, только осталось Вардину и Рите.

Ну, не люблю я об этих вещах писать, но за меня никто не напишет. А Вы, Сергей Александрович, напишите подробно обо всем: о делах, о себе, о планах на будущее. Ладно?

Ну, целую крепко, крепко, как люблю. <...>

В Москве снег, холод, неуютно, тоска от всего этого.

Весны не будет,
И не надо...

А сундук Ваш мы отправляли замечательно весело, он такой большой, что нас незаметно было из-за него.

На костюмы можете выслать деньги по частям, т. к. они сданы по разным квитанциям (2, 29 и 1½ червонца)».

Шубникова-Гусева-2008, 204–205.

В письме речь идет о поэте Г.Шмерельсоне, спектакле по пьесе А.Б.Мариенгофа «Вавилонский адвокат» и стихотворении И.Приблудного «Дедко», помещенном в журнале «Красная нива» (1924, № 17).

О вручении Есенину писем см.: 2 мая 1924, первая и третья записи.

М.И.Лившиц пишет Есенину.

Сообщает о звонке Г.А.Бениславской, которая передала от него хорошие вести и продолжает:

«А до того, каюсь, я очень беспокоилась. Всякие дурные мысли в голову приходили, и я даже чуть не сорвалась в Питер. В Питер мне и сейчас еще хочется поехать, только я уже успокоилась немного. Очень хочется знать о Вас побольше. Если б Вы написали, то доставили бы нам всем большую радость.

Кажется, скоро выходит книжка <“Москва кабацкая”>. Пришлите ее, Сергей Александрович, обязательно».

Просит подтвердить получение багажной квитанции и письма от Г.А.Бениславской от 26 апр. 1924, спрашивает, долго ли пробудет Есенин в Ленинграде. Передает привет от Е.Апириной.

Письма, 240.

Апрель, 29. Е.И.Лившиц пишет Есенину:

«Сергей Александрович милый!

Мне не хочется, чтоб между нами осталось небольшое чувство досады. Я шлю Вам большой и теплый привет.

Дорогой, берегите себя!

Я целую Вас.

Женя.

P.S. Когда выйдет книжка, постарайтесь поскорее прислать нам.

Я ведь почти не знаю “Москвы кабацкой” и жду ее с нетерпением».

Письма, 241.

М.А.Гецов, выезжая из Москвы в Ленинград, получает от сестер Лившиц их письма от 28 и 29 апреля и письмо Г.А.Бениславской от 28 апреля, адресованные Есенину, а также поручение навестить поэта.

Письма, 337.

В письме сестрам Лившиц от 2 мая 1924 М.А.Гецов напишет: «Одним словом, буду, как и до сих пор, держаться в рамках тех инструкций, которые я от вас, Рита, получил» (Шубникова-Гусева-2008, 416).

См: 28 апр. 1924, первая и вторая записи; предыд. запись; 2 мая 1924, первая запись.

Апрель, конец — Май, до 15. В одноименном издательстве выходит альманах артели писателей «Круг» (книга 3) с «Отрывком из поэмы» <“Гуляй-поле”>» Есенина.

Кн. летопись, 1924, № 9, май, поз. 4020.

См. также: до 13 нояб. 1923; 27 янв. 1924, вторая запись; после 27 янв. – февр. (?) 1924; март (?) … до 11 или 12 апр. 1924; после 15 мая 1924, вторая запись; после 3 или 4 – 14 или 15 июня 1924, вторая запись.

Отклики см.: 31 мая 1924, первая запись; 10 июня 1924, вторая запись; до 16 – до 31 авг. 1924, вторая запись; до 20 авг. 1924; 28 авг. 1924; 1 сент. 1924, вторая запись; 12 сент. 1924.

Госиздат РСФСР выпускает вторым изданием книгу В.Я.Брюсова «Основы стиховедения. Курс В.У.З. Части первая и вторая. Общее введение. Метрика и ритмика», в которой говорится о Есенине.

Кн. летопись, 1924, № 9, май, поз. 4056.

Из главы 7 «Смешанные метры»:

«II. Дольники

А — Б. Общий характер метров и их ипостасы.

Примечание: По разнообразию ритмов дольники гораздо беднее чисто тонических метров. Тем не менее в поэзии последнего десятилетия дольники получили самое широкое распространение в стихах В.Маяковского, Б.Пастернака, Н.Асеева, С.Есенина и мн. др. <…>

Б. Частные метры дольников

Рыцарский стих <…>

Рыцарский стих, вышедший из немецкой народной поэзии, широко применен в “Фаусте” Гете и в песнях Г.Гейне. У нас эти метром, после опытов Ломоносова, писал Тютчев, позднее — А.Блок, А.Ахматова, С.Есенин и многие футуристы. <…>

Примеры:

1. Анапесто-ямбический метр <…>

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях досчатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвою берез. (С.Е<сенин>)

<…> 3. Триметры, тетраметры и полиметры дольников, а также диметры 4-сложных стоп следуют общим условиям метра. Примеры —

Триметры 3-сложников:

Если волк | на звезду | завыл,
Значит, небо | тучами | изглодано.
Рваные | животы | кобыл,
Черные | паруса | воронов (С.Е<сенин>)».

Апрель. Есенин делает дарственные надписи:

— Ивану Приблудному — на фотографии:

«Милому Приблудному с нежностью великой и непобедимой. С.Есенин апрель 1924».

Есенин, VII (1), 232, 479.

Текст сообщен А.А.Козловским. На какой фотографии сделана надпись, неизвестно;

— Е.Г.Соколу:

«Милому Соколу с любовью русской, Великоросской обязательно. С. Есенин. апрель 1924».

Есенин VII (1), 233, 479–480;

— В.И.Эрлиху на книге «Радуница» (1916):

«Милому Вове и поэту Эрлиху с любовью очень большой С.Есенин».

Есенин, VII (1), 234, 480.

Нижегородский журнал «Школа и жизнь» (кн. 5; за апрель; раздел «Отзывы о новых книгах») печатает рецензию В.Рукавишникова на книгу Л.Д.Троцкого «Литература и революция» (М., 1923), где упоминается Есенин.

Автор считает наиболее интересной первую часть книги, «где рассматриваются 4 главные группировки послеоктябрьской литературы: 1) внеоктябрьская; 2) мужик<ов>ствующая; 3) футуризм; 4) пролетарская. Здесь даны меткие характеристки Белого, Блока, Клюева, Есенина, Всеволода Иванова, Пильняка, Маяковского и др.».

См. также: до 25 нояб. 1923; 6 дек. 1923, вторая запись; 19 марта 1924; 1 апр. 1924.

Май, до 1. М.С.Бернштейн доставляет на квартиру А.М.Сахарова письмо Г.А.Бениславской Есенину от 26 апреля.

Событие и его время устанавливаются по сведениям из письма М.А.Гецова к М.И. и Е.И.Лившиц (см. след. запись).

См.: 27 апр. 1924, первая запись.

Май, 1. М.А.Гецов посещает М.С.Бернштейна и беседует с ним о Есенине.

Событие и его дата устанавливаются по письму М.А.Гецова к Е.И. и М.И.Лившиц:

«...1-го мая прямо с демонстрации, которая была такой же нудной, будничной и прозаичной, как и петербургская погода, я отправился к Максиму. Дома его не застал. Вечером снова поехал к нему. Просидел у него часа полтора. Узнал, что письмо ваше он передал не Сахарову, а его жене, которая сообщила ему, что Есенин уже третий день не ночует дома. Ничего более определенного о Сергее Александровиче он сообщить не мог. Я было собрался немедленно ехать на Гагаринскую, но Максим отсоветовал. Дело в том, что и Есенина, и Сахарова застать дома можно только утром».

Шубникова-Гусева-2008, 416.

Парижская газета «Вечернее время» (№ 9) публикует статью В.Светлова «Хореография и коммунизм», в которой говорится о Есенине:

«...Айседора не только уехала в Совдепию, но и вышла замуж за певца большевизма, молодого “поэта” Есенина <...>

Почему эта стареющая танцовщица вышла замуж за молодого поэта Есенина, одновременно и коммуниста, и антисемита, избивающего не только евреев, но и милую, добрую Айседору, — кто всё это может разгадать?»

Ср.: 8 апр. 1924, вторая запись.

Май, 2. М.А.Гецов встречается с Есениным на квартире А.М.Сахарова (Гагаринская, 1), передает ему письма из Москвы и беседует с поэтом.

Событие и его дата определяются по письму М.А.Гецова (см.: 2 мая 1924, третья запись).

См. также: 28 апр. 1924, первая и вторая записи; 29 апр. 1924, первая и вторая записи.

А.М.Сахаров отдает М.А.Гецову письмо для Г.А.Бениславской:

«Товарищ Галя! Сережа чувствует себя превосходно. Совершенно спокоен — ни дебошей, ни галлюцинаций. Спокойный сон, хороший аппетит. Его ничто не волнует, и в Москву он едва ли собрался бы, если бы не ликвидация "Стойла", которая происходит так скоропалительно. Сергей подозревает в этом злой умысел Мариенгофа, потому что Анатолий едет за границу. Поэтому в конце будущей недели мы с Сережей будем в Москве».

Шубникова-Гусева-2008, 300.

См. Приложение.

Ср. с письмом Есенина к Г.А.Бениславской (см.: 2 или 3 (?) мая 1924).

М.А.Гецов пишет Е.И. и М.И.Лившиц:

«Хотел раньше с Сахаровым поговорить, но в первой же комнате наткнулся на Есенина. Я сразу узнал его, отдал письмо. Он очень любезно усадил меня в кресло, а сам наскоро пробежал глазами все ваши письма <см.: 28 апр. 1924, первая и вторая записи; 29 апр. 1924, первая запись>. Пока Сергей Александрович читал, я всё время следил за ним, и чем больше я на него глядел, тем светлее становилось у меня на душе. Есть такие люди, которые держат себя как будто бы очень сдержанно, даже официально с людьми незнакомыми, но вдруг в обиходной фразе вежливого разговора у них проскользнет такая сердечная нотка, что ледок растает, и сразу начинаешь чувствовать себя легко и просто. Так было со мной. Есенин встретил меня очень вежливо, но с тем холодком, который сквозит в речах человека, который совсем не расположен переходить за границу делового разговора. Но через минуту уж он так открыто и сердечно улыбнулся мне, что я почувствовал себя так, как если б я был с ним знаком целую вечность <...> Куда там богемная манерность, кабачковый стиль, — чудесный, простой, сердечный человек. <...> Из разговора с Есениным я ничего не выяснил. Он сообщил мне только, что багаж получен, просил кланяться вам и обещал написать».

Шубникова-Гусева-2008, 416–417.

Май, 2 или 3 (?). Есенин пишет Г.А.Бениславской:

«Милая Галя! Тысячу приветов! Простите, что не писал. Погода была скверная, настроение от безденежья — тоже.

На днях получу.

Главным образом грустен потому, что дьявольски растолстел. Костюм не сходится. Белье приходится перепарывать.

Черт знает что такое!

Утром не могу без пота натянуть ботинки. Одним словом, стал вроде Сахарова. <...>

Да! Со "Стойлом" дело не чисто. Мариенгоф едет в Париж. Я или Вы делайте отсюда выводы. Сей вор хуже Приблудного. Мерзавец на пуговицах — опасней, так что напрасно — радуетесь — закрытию. А где мои деньги?

Я открывал Ассоциацию не для этих жуликов. Позвоните Воронскому и сговоритесь, чтоб он сделал распоряжение выдать мне аванс.

Звоните к нему на дом. 10 он уезжает на Кавказ.

Любящий Вас С. Есенин.

Привет Жене, Рите, Берзиной и Вардину».

Есенин, VI, 167–168.

Ср. с воспоминаниями А.Б.Никритиной:

«...мы поехали в Париж. Ну, в ту пору это было совсем просто. На углу Кузнецкого и Петровки был банк. Вы покупали там доллары и подавали заявление или, наоборот, подавали заявление, а потом покупали доллары <...>. Мы целую зиму собирали по долларчику, чтобы собрать минимальную сумму на поездку. Чуть рубль-два и сразу в банк».

Цит. по: Дроздков-2007, 423.

Май, 4. Парижская газета «Вечернее время» (№ 11) помещает неподписанную рецензию на книгу «Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (Париж, 1924) с упоминанием Есенина:

«Эту "маленькую антологию" <...>, пожалуй, можно приветствовать как попытку освежить в памяти старое и напомнить о том новом, которое так скоротечно в наши суровые дни.

Составитель "антологии" берет русскую лирику в хронологическом порядке. Этот порядок, однако, режет взгляд. Напр<имер>, за Никитиным следует Случевский, а за ним Вл. Соловьев, Бальмонт, Зинаида Гиппиус. А.Блоку уделено места больше, чем Лермонтову или Фету, есенинскому стихотворению о "жеребенке" отведена тоже страничка; какой-то неведомый никому Пастернак с очень сомнительным по лиризму стихотворением о "лодке, которая колотится в сонной груди", заканчивает эту антологию».

См. также: до 11 февр. 1924; 18 мая 1924, четвертая запись; май (?) 1924, первая запись; 22 июня 1924, вторая запись.

Софийская газета «Русь» (№ 332) печатает статью М.Первухина «Коммунистка Дункан», в которой говорится о Есенине:

«...когда в несчастной России утвердились коммунисты, Айзедора Дункан прозрела <...> И махнула в советский парадиз <...> обучать подрастающее коммунистическое поколение босоногим и "священным" танцам.

Но раньше, чем Дункан получила возможность заняться своим делом, — вмешался сам сатана: подсунул насчитывающей уже шестой десяток двадцатилетнего паренька, — пресловутого Есенина, "пролетарского поэта", "имажиниста". И через некоторое, весьма краткое время изумленный мир узнал, что белозубый юнец Есенин и уже разваливающаяся от преждевременной старости Дункан изволили сочетаться законным браком. В качестве молодоженов они отправились в свадебное путешествие в Соединенные Штаты. Путешествие это было рядом скандалов: допивающийся почти ежедневно до зеленого змия "пролетарский поэт" бил свою престарелую подругу жизни по чем попади. Дункан приходилось или не выползать из своей спальни из-за украшавших ее физиономию синяков, или же, щеголяя этими синяками, плести разные небылицы в объяснение их происхождения. Несколько месяцев назад и долготерпеливая Дункан не выдержала пытки жизни с пьяным хулиганом и от большевистских властей получила развод "по несходству характеров"».

См.: 8 февр. 1924, вторая запись; 22 февр. 1924.

Май, до 6 (?). У Есенина возникает замысел создания поэмы об эпохе Петра I.

Точное время возникновения замысла поэмы, которая получит название «Песнь о великом походе», неизвестно. И.М.Майский, бывший в ту пору редактором журнала «Звезда», в беллетризованных воспоминаниях, относящихся к пребыванию Есенина в Ленинграде весной 1924, подчеркнет свою, (впрочем, документально не подтвержденную) личную причастность к истокам замысла произведения:

«Сели на скамейку против Медного всадника. Я убеждал Есенина написать что-нибудь достойное нашей великой эпохи. Я спрашивал: неужели его как поэта не вдохновляет мысль о том, что русский народ, словно Илья Муромец, встал и пошел вперед, да так пошел, что сразу обогнал все другие страны и народы? Ведь это грандиозный, героический взлет, каких еще не было в истории! Есенин молча слушал меня, потом взглянул на могучую статую Петра и как-то отрывисто бросил: — Подумаю».

Майский И. Б.Шоу и другие: Воспоминания. М.: Искусство, 1967, с. 192.

Интерес Есенина ко времени петровских реформ и к фигуре Петра I, популярной в литературе 1920-х, проявился еще в работе над «Инонией», в первой редакции которой (1918) он сравнивает героя поэмы с Петром I:

Ныне
как Петр Великий,
Вздыбливаю тебя —
Земля.

Ныне же,
как Петр Великий
я
Рушу под тобою твердь (Есенин, II, 223).

В поэме «Страна Негодяев» (1922–1923) также не случайно появляется большой, во весь рост, портрет-дверь Петра Великого и сцена «Глаза Петра Великого» (Есенин, III, 113).

См. также: Шубникова-Гусева, 293–294.

Май, 6. В Смоленске на литературном вечере «Арена» с чтением стихов Есенина и других имажинистов выступает ленинградский поэт И.И.Соловьев (Афанасьев-Соловьев).

Событие устанавливается по информации в газ. «Рабочий путь» (Смоленск, 1924, 8 мая, № 104; подпись: В. М.).

Ее автор пишет:

«...выступал приехавший на короткое время в Смоленск ленинградский имажинист Соловьев, прочитавший несколько собственных стихотворений, а также некоторые произведения Есенина, Полоцкого и Шмерельсона. <...>

В разговоре тов. Соловьев сообщил, что в Смоленск в ближайшее время приедут Сергей Есенин и Полоцкий».

Сведения о поездке Есенина в Смоленск не выявлены.

Май, 7 или 8. Есенин возвращается в Москву.

Событие и его время определяются с учетом даты коллективного обращения писателей в Отдел печати ЦК РКП(б), где стоит подпись Есенина (см.: 9 мая 1924).

Май, после 7 или 8 ... до 30 или 31; или Июнь, после 3 или 4. Есенин беседует с И.В.Евдокимовым о задуманной им повести.

Из воспоминаний И.В.Евдокимова:

«— До осени, — говорил он, — буду писать прозу. Напишу повесть, листов на десять. Хочется. Я ведь писал прозой.

— Это "Яр"-то?

— Да. И еще. Воронскому привезу ее осенью. Для "Красной нови". И сюжет... и всё у меня есть».

Восп., 2, 286.

Намерение не было реализовано.

См. однако: до 4 окт. 1923; июнь 1924, вторая запись.

Май, 8 — до 30 или **31; Июнь, после 3** или **4 — Июнь, 15** или **16.** Есенин живет в квартире Г.А.Бениславской.

Границы события определяются сроками, когда Есенин находился в Москве.

Ю.Н.Либединский вспомнит о тех днях:

«Жил Есенин в одном из переулков Тверской улицы, квартира его была высоко, — впрочем, в те годы проблема лифта для нас не существовала, и взбежать на девятый этаж ничего не стоило. Не очень часто, но я бывал у него дома. Жил он тесно, — кажется, к нему именно тогда приехали из деревни сестры, — в комнате были какие-то друзья его, шел громкий разговор.

У Есениных тогда было молодо и весело. Та же озорная сила, которая звучала в стихах Сергея, сказывалась в том, как плясала его беленькая сестра Катя. Кто не помнит, как в "Войне и мире" вышла плясать "По улице мостовой" Наташа Ростова! Но в том, как плясала Катя Есенина, в ее взметывающихся белых руках, в бледном мерцании ее лица, в глазах, мечущих искры, прорывалось что-то иное: и воля, и сила, и ярость... <...>

Самого же Сергея запомнил я с гитарой в руках. Под быстрыми пальцами его возникает то один мотив, то другой, то старинная деревенская песня, то бойкая частушка, то разухабистая шансонетка. А то вдруг:

...О друг мой милый,
Мы различны оба,
Твой удел — смеяться,
Мой — страдать до гроба...

Всей песни в памяти моей не сохранилось, но были там еще слова:

...Он лежит убитый
На кровавом поле...

— Это у нас в деревне пели, а, слышишь, лексика совсем не деревенская, занесено из усадьбы, наверное. Это, думается мне, перевод из Байрона, но очень вольный и мало кому известный... — И, прищурив глаза, несколько нарочито, манерно, прекрасно передавая старинный колорит песни, он повторил:

...Твой удел — смеяться,
Мой — страдать до гроба...

И тут же, словно не желая вдаваться в разговор слишком серьезный, вдруг ударил по струнам и лихо запел какие-то веселые куплеты. Он напевал их и сам при этом весело хохотал, показывая красивые зубы.

Серьезные разговоры всегда возникали внезапно, как бы непроизвольно поднимались из глубины души.

— ...Вот есть еще глупость: говорят о народном творчестве как о чем-то безликом. Народ создал, народ сотворил... Но безликого творчества не может быть. Те чудесные песни, которые мы поем, сочиняли талантливые, но безграмотные люди. А народ только сохранил их песни в своей памяти, иногда даже искажая и видоизменяя отдельные строфы. Был бы я неграмотный — и от меня сохранилось бы только несколько песен, — с какой-то грустью говорил он.

Сергей с охотой и в прекрасной манере читал стихи, написанные другими поэтами:

...Соловьи на кипарисах, и над озером луна;
Камень черный, камень белый, много выпил я вина... —

отчетливо выделяя каждое слово этого стихотворения Гумилева, словно любуясь им, выговаривал он. Блока почитал он как учителя своего — и об этом говорил не раз.

Множество стихов Блока он знал наизусть и произносил их в своей особой манере, отчетливо и поэтически».

Восп., 2, 141–143.

Ср. с воспоминаниями Вс. Иванова:

«Есенин жил в Брюсовском переулке, во дворе, против дома, в котором живут сейчас работники Большого театра, в небольшой квартирке из двух комнат, принадлежавшей Гале Бениславской <неточно>, которая потом, позже, застрелилась на могиле Есенина. Он вставал рано, ровно в девять. На стол ему подавали самовар и белые калачи, которые он очень любил.

— Потчую по-приятельски, а гоню по-неприятельски.

— Теперь, после нашего рязанского чая, попробуй-ка кавказского, — и он доставал из-под стола бутылку с красным вином.

Лицо у него было задумчивое, глаза чуть припухшие, и было такое впечатление, словно он работал всю ночь. Наверное, так оно и было. Гонимый какой-то страстью, он ходил по знакомым из квартиры в квартиру всю ночь, читал стихи, пил, напивался, возвращался на рассвете, и в то же время сознание, как ни странно, не переставало работать. Много раз я был свидетелем, как он на краешке стола своим ровным почерком, точно вспоминая, без особой устали, точно давно известное, записывал свои стихи. Записав стихотворение, он читал его иногда два-три раза подряд, как бы сам удивляясь самому себе. Тут он любил рассуждать, особенно об издательской деятельности».

Восп., 2, 76.

Май, 9. Есенин в числе писателей, поэтов и литературных критиков подписывает обращение в Отдел печати ЦК РКП(б):

«Мы, писатели, узнав, что Отдел печати ЦК РКП организует Совещание по вопросам литературной политики, считаем нужным довести до сведения Совещания нижеследующее.

Мы считаем, что пути современной русской литературы, — а стало быть, и наши, — связаны с путями Советской пооктябрьской России. Мы считаем, что литература должна быть отразителем той новой жизни, которая окружает нас, — в которой мы живем и работаем, — а с другой стороны, созданием индивидуального писательского лица, по-своему воспринимающего мир и по-своему его отражающего. Мы полагаем, что талант писателя и его соответствие эпохе — две основных ценности писателя: в таком понимании писательства с нами идет рука об руку целый ряд коммунистов-писателей и критиков. Мы приветствуем новых писателей, рабочих и крестьян, входящих сейчас в литературу. Мы ни в коей мере не противопоставляем себя им и не считаем их враждебными или чуждыми нам. Их труд и наш труд — единый труд современной русской литературы, идущей одним путем и к одной цели.

Новые пути новой советской литературы — трудные пути, на которых неизбежны ошибки. И наши ошибки тяжелее всего нам самим. Но мы протестуем против огульных нападок на нас. Тон таких журналов, как “На посту”, и их критика, выдаваемые притом ими за мнение РКП в целом, подходят к нашей литературной работе заведомо предвзято и неверно. Мы считаем нужным заявить, что такое отношение к литературе не достойно ни литературы, ни революции и деморализует писательские и читательские массы. Писатели Советской России, мы убеждены, что наш писательский труд и нужен, и полезен для нее.

П.Сакулин, Н.Никандров, Валентин Катаев, Александр Яковлев, Михаил Козырев, Бор. Пильняк, Сергей Клычков, Андрей Соболь, Сергей Есенин, Мих. Герасимов, В.Кириллов, Абрам Эфрос, Юрий Соболев, Вл. Лидин, О.Мандельштам, В.Львов-Рогачевский,

С.Поляков, И.Бабель, Ал. Толстой, Ефим Зозуля, Михаил Пришвин, Максимилиан Волошин, С.Федорченко, Петр Орешин, Вера Инбер, Н.Тихонов, М.Зощенко, Е.Полонская, М.Слонимский, В.Каверин, Вс. Иванов, Н.Никитин, Вяч. Шишков, А.Чапыгин, М.Шагинян, О.Форш.

Москва, 9 мая 1924 года».

Есенин, VII (2), 246–247, 437– 439.

Автором текста обращения является Б.Пильняк (см.: Пильняк Б. Мне выпала горькая слава...: Письма 1915–1937. М.: Аграф, 2002, с. 277–278). Указано К.Б.Андроникашвили-Пильняк.

Май, 9 ... 21 или **24 ... 28.** После одной из встреч с Б.Пильняком Есенин остается у него (по адресу: Долгий пер., 18) на ночлег.

Событие устанавливается по записке Б.Пильняка Д.К.Богомильскому:

«Есенин останется ночевать у меня. Пусти в комнату Аксельрода Приблудного, это просьба Аксельрода и Есенина».

Пильняк Б. Мне выпала горькая слава...: Письма 1915–1937. М.: Аграф, 2002, с. 286 (указано К.Б.Андроникашвили-Пильняк).

Датировка события проведена с учетом времени совместного пребывания Есенина и Б.Пильняка в Москве в мае 1924. По сведениям К.Б.Андроникашвили-Пильняк, Б.Пильняк в этом месяце на два дня (22 и 23 мая) выезжал из Москвы в Коломну, а 29 мая выехал в Саратов.

Д.К.Богомильский и И.В.Аксельрод жили тогда в одной коммунальной квартире по адресу: Рождественский бульвар, 17, кв. 10 (см.: Восп.-65, 340).

Май, 10. Совещание в Отделе Печати ЦК РКП(б) принимает резолюцию, в которой отмечается, что «приемы борьбы с “попутчиками”, практикуемые журналом “На посту”, отталкивают от партии и советской власти талантливых писателей»:

«1. Совещание считает, что основная работа партии в области художественной литературы должна ориентироваться на творчество рабочих и крестьян, становящихся рабочими и крестьянскими писателями в процессе культурного подъема широких народных масс Советского Союза. Рабкоры и селькоры являются новой общественной силой, которая активно участвует в политическом и экономическом строительстве Советского государства и органически связана с рабоче-крестьянскими массами. Рабкоры и селькоры должны рассматриваться не только как кадры будущих журналистов, но и как резервы, откуда будут выдвигаться новые рабочие и крестьянские писатели.

2. Выдвижение и материальная помощь пролетарским и крестьянским писателям, пришедшим в нашу литературу частью от станка и сохи, частью из той интеллигентской прослойки, которая в октябрьские дни и в эпоху военного коммунизма вступила в ряды Р. К. П., — должны быть всемерно усилены. Особое внимание необходимо уделить писателям и поэтам из среды Комсомола, активно действующим в гуще рабочей молодежи и в известной степени являющимся выразителями ее настроений.

3. *Совещание считает необходимым продолжение прежней линии партии в отношении к так наз. попутчикам.* Необходима систематическая поддержка наиболее даровитых из них, воспитывающихся школой товарищеской работы совместно с коммунистами. *Приемы борьбы с попутчиками, практикуемые журналом “На посту”, отталкивают от партии и Советской власти талантливых писателей, одновременно затрудняя действительный рост пролетарских писателей и подменяя серьезную художественную и политическую работу их над собой хлесткой критикой попутчиков.* В то же время необходима более выдержанная постановка партийной критики, которая,

выделяя и поддерживая талантливых советских писателей, вместе с тем указывала бы на их ошибки, вытекающие из недостаточного понимания этими писателями характера советского строя, и толкала бы их к преодолению буржуазных предрассудков.

4. Взаимоотношения различных писательских кружков, групп, союзов и объединений, функционирующих в настоящее время, должны быть признаны крайне ненормальными. Атмосфера богемы и кружковщины, царящая не только в среде попутчиков, но и в пролетарских группах ("Октябрь", "Кузница"), должна быть осуждена и изжита как несомненно упадочническая, заимствованная из прежней буржуазной оторванности писателя от трудящихся масс.

5. Постановка отделов критики и библиографии в нашей периодической и непериодической печати (газеты, журналы, сборники статей) неудовлетворительна. Не только специальная и провинциальная, но и общемассовая и руководящая (центральная) пресса уделяет вопросам критики недостаточное и часто лишь поверхностное внимание. Совещание считает необходимым скорейшее урегулирование данного вопроса и возможно более полное партийное освещение образцов художественной литературы на страницах советско-партийной печати.

6. Считая, что ни одно литературное направление, школа или группа не могут и не должны выступать от имени партии, — Совещание признает желательным устройство регулярных совещаний писателей и критиков-коммунистов при Отделе печати Ц. К. Р. К. П. и более систематическое руководство работой членов партии и партийных органов печати в области художественной литературы».

Сб. «К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе». М., 1924, с. 108.

См. также: до 25 мая 1924.

Май, 11. Вологодская газета «Красный Север» (№ 108; рубрика «Библиография») публикует рецензию М.Серебрянского на поэтические сборники Сергея Панкратова «Огни» и «Звездные берега» с упоминанием Есенина:

«Как и на всяком молодом поэте, и на Панкратове "почиет дух" одного из сильных в мире поэзии — это дух Есенина».

Май, 12. Рождается сын Есенина и Н.Д.Вольпин Александр.

В 1926 г. судебным определением по гражданскому делу № 221054 он будет признан одним из наследников поэта.

Есенин посещает квартиру московского врача и писателя С.М.Беляева (Знаменка, д. 18, кв. 2) и записывает в его «Альбом для автографов знаменитых современников» последнюю строфу стихотворения «Гой ты, Русь моя родная...»:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

События и их дата устанавливаются на основании записи владельца альбома С.М.Беляева: «12 мая 1924. Были: Есенин С., Орешин П.В., Полежаев Н. Читались стихи».

Есенин, VII (2), 51.

Подробнее см.: Бойко С. Обнаружены автографы Есенина. — Газ. «Автограф», М., 1998, 25 мая — 6 июня, № 7.

Газета «Вечерние известия» (№ 20; подпись: «Д.Ляховец») помещает «Мое интервью: Вместо фельетона», в котором заходит речь о Есенине:

«... я решил проинтервьюировать всех виднеющихся на горизонте современности поэтов и литераторов — каково их мнение о Демьяне Бедном. <...>

От Шершеневича я направился к Сергею Есенину, нашел его в непроходимой трезвости, среди вороха пивных бутылок и откупоренных женщин. Вместо ответа на мой вопрос он стал декламировать:

— Милый, милый, смешной журналист.
Ну за кем и за чем ты гонишься?
Неужель ты не знаешь, что я скандалист?
Неужель ты не знаешь, что я самогонюся?

Я согласился, что в таком виде действительно неудобно давать интервью, но что я готов подождать, пока он выйдет из непроходимого состояния. Но Есенин опять задекламировал:

Не смогу я и после ответ тебе дать.
Возьми лучше пса и побрей его.
Не советую, брат, никого поджидать,
Если надо, то лучше подъевреивай.

Ничего не добившись, я ушел к Безыменскому».

Ср.: нояб. (?) 1924, третья запись.

Май, 13. Ленинградский журнал «Жизнь искусства» (№ 20) публикует стихотворение Е.Полонской «Сергею Есенину»:

И цвет волос моих иной,
И кровь моя горчей и гуще;
Голубоглазый и льняной —
Поющий, плачущий, клянущий,

Ты должен быть мне чужд, как честь
Неистовств этих покаянных,
Ты должен быть мне чужд, но есть
В твоих светловолосых странах

Волненье дивное; меня
Волной лирической ответной
Вдруг сотрясает всю, и я
Как камертон, едва заметный,
В четвертой комнате тебе откликнусь дрожью
Затем, что не звучать с тобою невозможно.

Май, 14. Ленинградская «Красная газета» (вечерний выпуск; № 105) публикует информацию:

«Вышел в свет и поступил в продажу № 20 ж. "Жизнь искусства". Содержание: <...> Полонская Е. Сергею Есенину».

См. предыд. запись.

Май, 15. Смерть Александра Ширяевца.

А.В.Ширяевец скоропостижно умер в московской Старо-Екатерининской больнице в Москве от менингита. Внезапная его кончина потрясла Есенина. Он тяжело переживал утрату, не верил в болезнь, считал даже, что А.В.Ширяевец отравился (см.: А.А.Козловский — Есенин, I, 619).

В.Т.Кириллов позже вспомнит:

«Эта смерть вызвала глубокую и искреннюю печаль у всех знавших поэта. Особенно горячо отозвался на смерть Ширяевца Есенин. Он принял самое энергичное участие в организации похорон».

Восп., 1, 273.

Ср. с воспоминаниями В.И.Вольпина:

«...личное знакомство и долгие беседы <...> открыли ему значение Ширяевца как поэта и близкого ему по духу человека...».

Восп., 1, 425–426.

Май, с 15 на 16. Есенин ночует на квартире И.Старцева.

Событие и его дата устанавливаются по воспоминаниям последнего:

«...умер Ширяевец. Придя ко мне с этой печальной вестью, Есенин повалился на диван, разрыдался, заметив сквозь слезы:

— Боже мой, какой ужас! Пора и мне собираться в дорогу!

Укладываясь спать, он настойчиво просил жену разбудить его как можно раньше. Утром он попросил нашить ему на рукав траур».

Восп., 1, 417.

Май, после 15. Есенин делает дарственную надпись А.А. Берзинь на альманахе «Круг» (вып. 3):

«Анне Абрамовне / Берзинь / с уважением / Сергей Есенин».

Есенин, VII (1), 250, 484–485.

Граница этого и следующего событий устанавливается ориентировочно в соответствии со временем выхода книги в свет (см.: конец апр. – до 15 мая 1924, первая запись).

Инскрипт выполнен на чистой странице, предшествующей шмуцтитулу, общему для стихотворной подборки альманаха.

См. Приложение.

В одном из экземпляров альманаха «Круг» (вып. 3) Есенин правит и существенно дополняет текст «Отрывка из поэмы <“Гуляй-поле”>».

ИМЛИ, ф. 32, оп. 1, ед. хр. 75. Эту редакцию произведения и ее описание см.: Есенин, II, 188–192, 444.

См. также: до 13 нояб. 1923; 27 янв. 1924, вторая запись; после 27 янв. – февр. (?) 1924; март (?) – до 11 или 12 апр. 1924; конец апр. – до 15 мая 1924, первая запись; после 3 или 4 июня – 14 или 15 июня 1924, вторая запись.

См. Приложение.

Май, первая половина. В Ленинграде выходит журнал «Смехач» (№ 8) с анонимной заметкой «Триумфальное шествие»:

«Московский поэт С.Есенин посетил Ленинград. Вот следы его посещения:

Скандал на лекции хулигана Есенина

Выступление С.Есенина в зале Лассаля сопровождалось большим скандалом. Бывший в нетрезвом виде лектор обругал публику площадными выражениями. Часть публики покинула лекцию до ее окончания.

(“Кр. газета”)

Таким образом, всё в порядке. Мы хотим только — заступиться за *площадь*.

В Ленинграде есть площади — Восстания, Диктатуры, Жертв революции, 13-го июля и т. п. Зачем же на них сваливать всякую непечатную дрянь?

Не проще ли употреблять такой оборот: *Выражение имени Есенина*!».

Время события указывается с учетом периодичности выпуска журнала.

Текст, приведенный здесь со ссылкой на «Красную газету», является вольным пересказом заметки, опубликованной в этом издании под заголовком «Вечер стихов» (см.: 16 апр. 1924, первая запись).

См. также: 20 мая 1924.

Май, 16. Есенин читает новые стихи на вечере в пользу литературной студии при Всероссийском союзе поэтов.

Событие и его дата устанавливаются по информации в журн. «Книга о книгах» (1924, № 5–6; см.: 6 ... 9 авг. 1924). Какие именно стихотворения были прочитаны Есениным, не установлено.

Скорее всего, именно об этом выступлении поэта вспомнит В.Кириллов:

«...в Доме Герцена шел литературный вечер, устроенный какой-то группой. Неожиданно в зале появляется Есенин. Его просят прочесть стихи. Он соглашается, но предварительно произносит слово о Ширяевце, в котором рисует его как прекрасного поэта и человека. Затем читает несколько своих последних стихотворений, в том числе "Письмо к матери". Стихи были прочитаны с исключительной силой и подъемом».

Восп., 1, 273.

Выходит журнал «Русский современник» (М. — Л.; книга 1) с материалами, в которых упоминается Есенин:

— статьей Б.Эйхенбаума «В ожидании литературы».

Автор, характеризуя работы В.Л.Львова-Рогачевского, упрекает его в том, что он «совершенно забывает о марксизме и становится эстетом-импрессионистом самого дурного тона», что, в частности, проявляется в оценке Есенина: «у Есенина "голубая душа, да и сам он весь голубой, пришедший приголубить всё живое"»;

— анонсом:

«В середине июня выйдет вторая книга журнала "Русский современник". Содержание: Стихи <...> С.Есенина».

Обоснование даты события см.: Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977, с. 463.

Май, до 17. Выходит журнал «На посту» (№ 1) со статьей И.Вардина «Воронщину необходимо ликвидировать: О политике и литературе».

Публикация будет в поле зрения Есенина при написании статьи о писателях-«попутчиках».

Дата события устанавливается по информации в газ. «Правда» (1924, 17 мая, № 110). В статье И.Вардина резко критикуются работы А.К.Воронского «Искусство как познание жизни» и докладная записка агитационно-пропагандистскому отделу ЦК РКП(б) «О "текущем моменте" и задачах партии в художественной литературе» (см.: 18 марта 1924).

И.Вардин считает, что «для художественной правды необходима правда идеологическая», поэтому писатели-попутчики, к которым относят Б.Пильняка, Вс. Иванова и Есенина, «должны усвоить основы пролетарской идеологии, хотя бы в размере уездной совпартшколы». Линию А.Воронского И.Вардин характеризует как «линию подчинения литературы буржуазии» и делает вывод:

«Воронщина должна быть ликвидирована решительно и навсегда. Этого повелительно требуют интересы партии и революции».

Май, 17. Есенин организует отпевание, участвует в гражданской панихиде и похоронах Александра Ширяевца на Ваганьковском кладбище.

И.Старцев вспомнит:

«Собрал на похороны Ширяевца всех близких знакомых, пригласил священника».

Восп., 1, 417.

В дневниковой записи от 17 мая 1924 г. М.М.Пришвин отметит:

«Похороны Ширяевца. <...>.

Орешин. Чекист Абрамов<ич>. Соболь. Соболев. Есенин. П.Карпов. Клычков. Гробовщик: "Отпеть красный гроб? Можно..." — "А как же венчик?" — "Обыкновенно: венчик под затылок, путевку под зад". Фальшь красного цвета: венки красные, красный сарафан и т. д. ...».

Пришвин М.М. Дневники. 1923–1925. М., 1999, с. 117–118.

Н.Н.Захаров-Мэнский вспомнит (1927):

«...умерший поэт А.Ширяевец, который был погребен по гражданскому обряду, перед этим, и при ближайшем участии С.Есенина, был отпет священником с соблюдением всех церковных обрядов. "Венчик мы ему под подушечку положили, — радостно рассказывал Сергей. — Поп спрашивает, почему красный гроб, а мы говорим — поэт покойный был крестьянским, а у крестьян: весна красная, солнце красное, вот и гроб красный..."».

Восп.-95, 183.

См. также: 18 мая 1924, первая запись.

В.Т.Кириллов позже напишет:

«...мы встретились с ним на похоронах Ширяевца. Есенин шел грустный и опечаленный. Немного пасмурный майский день, изредка выглянет солнышко и озарит печальную картину — скромный катафалк и небольшую толпу людей. Есенин идет в светло-сером костюме, теплый ветерок шевелит его светлые волнистые волосы, голова опущена. А впереди уже виднеются ворота Ваганьковского кладбища, те самые, через которые он сам потом проплыл на руках друзей... Я иду рядом с Есениным.

— А кто из нас раньше умрет, ты или я? — неожиданно спрашивает меня Есенин.

— Не знаю, Сережа...

— Наверно, я, — я скоро умру. Ты обязательно приходи меня хоронить, слышишь? Ну, а если ты умрешь раньше, то я обязательно приду.

Что-то детское и наивное было в этих словах, приобретших сейчас особый смысл и значение... Но вот гроб опущен в могилу. Начались прощальные речи. Неожиданно эти речи приняли полемический характер, ораторы стали пререкаться и спорить. Это было нелепо. Вдруг над самой могилой Ширяевца, в свежей весенней зелени берез громко запел соловей. Ораторы умолкли, взоры всех обратились вверх к невидимому певцу, так чудесно и своевременно прекратившему ненужные споры. Есенин стоял светлый и радостный и по-детски улыбался».

Восп., 1, 273–274.

Из воспоминаний В.Л.Львова-Рогачевского:

«Есенин, Клычков, Орешин, которых смерть Ширяевца буквально потрясла, приняли на себя все заботы о своем друге и брате... В одиннадцать часов утра привезли они из больницы гроб, такой тесный для этого "детины" с могучими плечами... Гроб поставили в саду, против дома Герцена, под березками с молодыми, клейкими, пахучими светло-зелеными листочками. <...>

Не хотелось говорить речей... перед гробом этого человека, чуждого фразы, всегда относившегося целомудренно-стыдливо к слову... И мы молчали... От березок струился тонкий запах ладана...

В это время подошел ко мне поэт Горшков с четырнадцатым номером "Красной Нивы" в руках (от 6 апреля). В этом номере был напечатан портрет Ширяевца с печальными глазами, которые заставляли вспоминать его слова: "Но отчего у всех грустны глаза"...

— Посмотрите, — сказал мне Горшков, — ведь он знал о смерти... Он прощался с нами...

Я прочел стихи Ширяевца, и мне захотелось, чтобы этот голос с "того берега" услышали все.

— Товарищи... Александр Васильевич Ширяевец говорит нам из гроба свое прощальное слово!

Все подошли ближе к гробу.

— Уйди, тоска, не мучай,
Гляди: стою в гробу...

Я прочел это стихотворение, полное пророческой тоски и сознания мучительного одиночества, и захотелось напомнить глаза и лицо вещего поэта, которое смотрит на нас из каждой песни его. <...>

И вспомнил я поэта, влюбленного в жизнь-сказку, в жизнь-легенду, в солнечную мечту, в мечту яркую, весеннюю, в соловьиные песни <...>, поэта, который готов был вцепиться "звериными зубами в жизнь и в солнце и в траву..."

На Ваганьковском кладбище поставили его гроб на краю могилы... Заговорил горячо, волнуясь и плача, Орешин, потом с прощальным словом обратились к ушедшему Клычков, Есенин, Городецкий. Надрывной тоской звучало горячее слово С.Есенина... Это было подлинное "надгробное рыдание". <...>

И вдруг неожиданно для всех на березке, над самой могилой, запел соловей. Да как запел!.. Все стихли...

— Товарищи! — невольно вырвалось у меня. — После выступления этого последнего оратора, пропевшего над волжским соловьем, нам говорить нечего... Разойдемся... А соловья мы никогда не забудем...

И мы разошлись».

Львов-Рогачевский В.Л. Александр Ширяевец (А.В.Абрамов): 1887–1924 гг. Крит.-биогр. очерк. — В кн.: Ширяевец А. Волжские песни: Стихотворения. М.: Круг, 1928, с. 11–13.

В.И.Эрлих воспроизведет произошедший позже разговор с Есениным:

«— Да! Забыл сказать! Ширяевец-то ведь помер... Вот беда... Вместе сидели, разговаривали... Пришел домой и помер...

Он стучит кулаком по столу.

— Понимаешь? Хоронить надо, а оркестра нет! Я пришел в Наркомпрос: "Даешь оркестр", — говорю! А они мне: "Нет у нас оркестра!" — "Даешь оркестр, не то с попами хоронить буду!"

— Ну и что? Дали?

Он успокоенно кивает головой:

— Дали.

Через полчаса он читает стихи:

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать...»

Восп., 2, 324.

Есенин участвует в поминальном вечере памяти А.Ширяевца.

Из воспоминаний С.М.Городецкого:

«Похоронив друга <А.Ширяевца>, собрались в грязной комнате Дома Герцена, за грязным, без скатерти, столом над какими-то несчастными бутылками. Но не пилось. Пришибленные, с клубком в горле, читали стихи про Ширяевца. Когда я прочел свое, Сергей судорожно схватил меня за руку. Что-то начал говорить: "Это ты... замечательно...". И слезы застлали ему глаза. Есенин не верил, что Ширяевец умер от нарыва в мозгу. Он уверял, что Ширяевец отравился каким-то волжским корнем, от которого бывает такая смерть. И восхищало его, что бурный спор в речах над могилой Ширяевца закончился звонкой и долгой песнью вдруг прилетевшего соловья».

Восп., 1, 185–186.

В.Л.Львов-Рогачевский вспомнит:

«...вечером в доме Герцена состоялись поминки...

Пили... пели любимые песни Ширяевца: "Во субботу день ненастный" (поэт умер в субботу). Много говорили, <...> много читал стихов Сергей Есенин, читал с необыкновенным подъемом, но в голосе его слышались хриплые ноты, и в лице была смертельная усталость...».

Львов-Рогачевский В.Л. Александр Ширяевец (А.В.Абрамов): 1887–1924 гг. Крит.-биогр. очерк. — В кн.: Ширяевец А. Волжские песни: Стихотворения. М.: Круг, 1928, с. 13.

Ср. с воспоминаниями Н.Степного:

«После похорон, возвращаясь с кладбища, пред нами встал вопрос о том, устроить ли тризну сейчас или отложить. В конце концов решили устроить сейчас же. Место в доме Герцена. Отправились закупать необходимое. Комната, в которой мы расставили вино, закуски, была маленькая, да к тому же переполненная народом.

Пред тризной сделал доклад В. Львов-Рогачевский. Кто-то прочитал стихотворение "Запевку", затем кто-то отрывок из поэмы "Палач", и вдруг выступил юноша в сером костюме, с синими глазами-васильками. Он тряхнул кудрями цвета ржи и продекламировал свое стихотворение, посвященное Ширяевцу. Это и был поэт Сергей Есенин. За ним Орешин обрушился на условия, окружающие писателя... Возражали... Отрыв от производства. Неправда. Вдруг затрещали, зазвенели стаканы на столе... То стучал Есенин кулаками. Он стучал и кричал... <...> Пропала деревня, вытравливается из нее всё русское — вот что было основным в его крике.

Вскочили и остальные, принялись что-то кричать свое.

Им отвечали — цела деревня! Цел русский народ. Только пахать будем по-другому! Долой соху!

Орешин кричал: "Вот погиб так в два дня по-глупому беспризора Ширяевец, так погибнет и деревня". Кто-то плакал, кто-то ругался. Шум прервал своим сочным стихотворением М. Герасимов.

Он читал посвящение Ширяевцу.

Наступил вечер — ушел Львов-Рогачевский, за ним потянулись и присутствующие здесь несколько женщин...

Есенин бросил Клычкову, склонившему голову на стол...

— Ты что же не пьешь? Вон сколько еще вина, надо допить, чтобы память была крепче.

Клычков что-то сказал ему, а Орешин опять вскочил, надрывно закричав:

— Так больше не должно продолжаться!..

Опять вскочили все и принялись кричать, никого не слушая.

Есенин с налившимися расширенными глазами схватил стул и ударил им о стол.

Подскочили, свалились стаканы. Я, памятуя о том, что дал слово о сохранности инвентаря, принялся призывать к спокойствию и добавил, что сейчас время наше, мы живем по-настоящему, и творчество наше сейчас высоко сверкает с вершин. Помех ему никаких нет.

— Есть, есть!.. — закричал Есенин.

— Кто это есть? — спросил я.

— Город, город проклятый...

Но дальше не дали ему говорить... Кто-то затянул вечную память, кто-то "Интернационал"... Я сгреб все уцелевшие стаканы вместе с скатертью в корзину. — По домам...

Общая тризна кончилась».

Степной Н. Собр. соч., М., 1929, т. 10, с. 262–264.

Парижская газета «Вечернее время» (№ 22) публикует статью П.Никашина «Мужики», в которой упомянут Есенин:

«Советская пресса от “Правды” и “Известий” до “Рабочей газеты”, от Стеклова-Нахамкиса до провинциального корреспондента какой-нибудь захолустной газеты <...> <пишет> все о том же таинственном мужике, о котором писали в старое время наши Григоровичи, Тургеневы, Глебы Успенские, Чеховы. <...>

Советские беллетристы Пильняки, Клюевы, Есенины, Никитины, Князевы в советских журналах пытаются обосновать какое-то новое народническое направление».

Май, после 17. Есенин пишет стихотворение «Мы теперь уходим понемногу...» («Памяти Ширяевца»).

Есенин, I, 201–202, 350–353, 618–620.

Граница события определяется с учетом воспоминаний В.Т.Кириллова (см. след. запись).

В.Т.Кириллов вспоминал, что Есенин читал два варианта стихотворения на смерть Ширяевца» (см. след. запись), но известен только один вариант этого стихотворения с первой строкой «Мы теперь уходим понемногу...».

В черновом автографе стихотворения, имеющего название «Ровесникам» (РГАЛИ), есть две строфы, не вошедшие в основной текст:

Ел ли пищу я иль пил из кружки
Чай китайский, я вдыхал ту мощь,
Что давала думать на подушке,
Когда в стекла барабанил дождь.

Оттого к земле моей с тоскою
Тысчу раз готов я припадать,
Что из лона вечного покоя
Никогда ее не увидать.

Можно предположить, что один из вариантов прочитанного Есениным В.Т.Кириллову стихотворения включал строки, не вошедшие в окончательный текст.

А.М.Марченко выскажет предположение, что стихотворение Есенина — «это еще и вариация на заданную Ширяевцем тему:

Пусть свалюсь в кладбищенскую яму,
К берегам безвестным уплыву...»

Марченко А. Поэтический мир Есенина, М., 1972, с. 224–226.

Есенин читает В.Т.Кириллову и В.В.Казину стихотворение «Мы теперь уходим понемногу...» («Памяти Ширяевца»).

Позже В.Т.Кириллов вспомнит:

«Вскоре после смерти Ширяевца я сидел с Есениным в одном из московских ресторанов. С нами был еще поэт В. Казин. Есенин был печален. Говорил о своей болезни, о том, что он устал жить и что, вероятно, он уже ничего не создаст значительного.

— Чувство смерти преследует меня. Часто ночью во время бессонницы я ощущаю ее близость... Это очень страшно. Тогда я встаю с кровати, открываю свет и начинаю быстро ходить по комнате, читая книгу. Таким образом рассеиваешься.

Потом неожиданно он стал читать на память мое стихотворение “Мои похороны”, которое начинается так:

Под звон трамваев я умру
В сурово-каменном жилище,
Друзья потащат поутру
Меня на дальнее кладбище...

Несколько удивленный, я спросил Есенина:
— Откуда у тебя такая память на стихи?

— Не знаю, запомнилось почему-то мне это стихотворение.

Затем Есенин прочитал два варианта стихотворения на смерть Ширяевца. В этот вечер мы долго не расставались».

Восп., 1, 274.

Есенин вместе с С.А.Клычковым и П.В.Орешиным пишет заявление в Правление Союза писателей:

«Согласно переговорам т. Клычкова с завом совр<еменного> худ<ожественного> слова при Гизе душеприказчики по литнаследству покойного поэта А.Ширяевца, в перечисленном выше составе и назначенном Правлением Союза, просят произвести точную перепись всего литературного наследства А.Ширяевца, без чего ни один из назначенных душеприказчиков не приступит ни к какой над ним редакционной работе, дабы не было после каких бы то ни было нареканий и клеветы, как мы это видим в истории с В.Хлебниковым. После этой ревизии по списку и под расписку комиссия душеприказчиков примет рукописи от тт. Полякова и Львова-Рогачевского для приведения рукописей Ширяевца в порядок и подготовки к печати.

П.Орешин. С.Есенин. С.Клычков».

Есенин, VII (2), 248, 440.

Подготовленная с использованием рукописного наследия поэта, книга А.Ширяевца «Волжские песни» выйдет в свет лишь в 1928 г.

Есенин работает над статьей о современной литературе и о писателях-«попутчиках» (не окончена).

Есенин, V, 242–244, 317–318, 547–552.

Время написания статьи устанавливается ориентировочно с учетом того, что из всех упомянутых Есениным произведений наиболее поздние по времени появления в печати («Материалы к роману» Б.Пильняка) опубликованы в янв. – апреле 1924 (журн. «Красная новь», 1924: кн. 1, янв.-февр.; кн. 2: 6 ... 20 апр. 1924). Журнал «На посту» со статьей И.Вардина, на которую также опирается Есенин, появится в мае (см.: до 17 мая 1924).

Есенин пишет:

«За годы революции, когда был разрушен старый быт, а новый быт в вихре событий не мог еще народиться, художественное творчество в нашей стране было также вихревым и взрывчатым, как время революции. Пришло царство хаоса. Невероятный раскол и сногсшибательные объединения. Образовалось бесчисленное количество групп и течений. Те писатели и поэты, которые черпали свою силу в содержании старых укладов, оказались за рубежом или умолкли, а те, которые приняли революцию, пошли рядом с нею. Была и есть группа еще так называемых пролетарских писателей, которые хотели быть зеркалом нового, едва только показывающего ростки быта, но — увы! — на пути своем они настолько оказались бессильны, фальшивы и подражательны, поэтому говорить о них можно только вскользь, отдавая, главным образом, внимание попутчикам, которые, несмотря ни на какой свист, ни на какие улюлюкания со стороны других групп, действительно оказались единственными талантливыми и способными воспринимать биение пульса нашей эпохи.

Сейчас можно смело сказать, что в беллетристике мы имеем такие имена: Всеволода Иванова, Бориса Пильняка, Вячеслава Шишкова, Михаила Зощенко, Бабеля и Николая Никитина, — которые действительно внесли клад <так!> в русскую художественную литературу. <...>

У нас очень много писалось о Пильняке. Одно время страшно хвалили, чуть ли не до небес превозносили, но потом вдруг ни с того ни с сего стало очень модным ругать его. "Помилуйте, — слышится из уст доморощенных критиков, — да какой же это писатель, если он в революции ничего не увидел, кроме половых органов?"

Этот страшно глупый и безграмотный подход говорит только о невежестве нашей критики или о том, что они Пильняка не читали. Пильняк изумительно талантливый писатель, быть может, немного лишенный дара фабульной фантазии, но зато владеющий самым тонким мастерством слова и походкой настроений. У него есть превосходные места в его "Материалах к роману" и в "Голом годе", которые по описаниям и лирическим отступлениям ничуть не уступают местам Гоголя. Глупый критик или глупый читатель всегда видит в писателе не лицо его, а обязательно бородавки или родинки.

То, что Пильняк сочно описывает на пути своих повестей, как самцы мнут баб по всем рассейским дорогам и пространствам, совсем не показывает его сущность. Это только его отличительная родинка, и совсем не плохая, а, наоборот, — красивая. Эта сочность правдива, как сама жизнь.

Про Всеволода Иванова писали тоже достаточно как в русской, так и заграничной прессе. Его рассказ "Дитё" переведен чуть ли не на все европейские языки и вызвал восторг даже у американских журналистов, которые литературу вообще считают, если она не ремесло, пустой забавой. Об Иванове установилось мнение как о новом бытописателе сибирских и монгольских окраин. Его "Партизаны", "Бронепоезд", "Голубые пески" и "Берег" происходят по ту сторону Урала и отражают не европейскую Россию, а азиатскую. В рассказах его и повестях, помимо глубокой талантливости автора, на нас веет еще и географическая свежесть. Иванов дал Сибирь по другому рисунку, чем его предшественники Мамин-Сибиряк, Шишков и Гребенщиков, и совершенно как первый писатель показал нам необычайную дикую красоту Монголии. Язык его сжат и насыщен образами, материал его произведений свеж и разносторонен. Наряду с своими рассказами и повестями он дал ряд прекрасных алтайских сказок.

Михаил Зощенко в рассказах Синебрюхова и других своих маленьких вещах волнует нас своим необычайным и метким юмором. В нем есть что-то от Чехова и от Гоголя их ранней поры. <...>».

Есенин, V, 242–244.

Одним из поводов к работе над статьей, возможно, послужило появление в печати письма группы редакторов и авторов журнала «На посту» (Л.Авербах, А.Безыменский, Ил.Вардин, Бор. Волин, С.Ингулов, Г.Лелевич, Ю.Либединский, С.Родов). «Нейтралитет или руководство? К дискуссии о политике РКП в художественной литературе» (см.: 19 февр. 1924).

С.П.Кошечкин и Н.Г.Юсов полагают:

«Не исключено, что своей статьей, полемизирующей с рядом положений письма и других выступлений "напостовцев", Есенин хотел обозначить свою позицию в проходившей тогда дискуссии о политике

РКП в художественной литературе. Возможно также, что этот текст является фрагментом материала, предназначавшегося, как и "Россияне", для сборника литературно-критических статей Есенина».

Есенин, V, 548.

См. также: 6 окт. 1923, вторая запись.

Май, после 17 (?) ... 31, или **Июнь, после 3 или 4 ... 14 или 15,** или **Август, 1 ... 6,** или **Август, после 20.** Есенин узнаёт от А.Ганина о нелегальной организации, направленной против существующего строя, но от участия в ней отказывается.

Событие устанавливается по воспоминаниям Д.И.Шепеленко (см. ниже), а его время — по сведениям из протокола допроса А.Ганина в ОГПУ от 17 нояб. 1924, где указывается, что сам он был вовлечен в организацию в мае 1924 (Растерзанные тени: Избр. страницы из дел 20–30-х годов ВЧК–ОГПУ–НКВД... / Сост. Ст. Куняев, Серг. Куняев. М.: Голос, 1995, с. 40). Учитываются, кроме того, сроки пребывания Есенина в Москве весной–летом 1924 г., а также то, что с 3 сент. 1924 до 1 марта 1925 он находился вне Москвы.

Д.И.Шепеленко свидетельствует:

«Когда однажды я и П<имен Карпов> (а с нами вместе Г<анин>) ночевали в комендантском домике, что во дворе Дома Герцена, Г<анин> завел с нами беседу об общем положении дела. Разговор велся очень тихо, почти шепотом.

Г<анин> сделал предложение, которое было отклонено, несмотря на его настойчивые убеждения.

О том, что то, о чем говорил Г<анин>, действительно существует, знал, оказывается, и Е<сенин> <...>».

РГБ, ф. 144, карт. 12, ед. хр. 59, л. 5 (в записи П.А.Кузько).

Сохранился также более информативный рассказ мемуариста (видимо, другого времени) в конспективном изложении того же П.А.Кузько:

«Г<анин> всю ночь уговаривал в Доме Герцена Шеп<еленко>, Пимена Карпова и Орешина вступить в заговор. "Сережа уже с нами, — говорил он. — У нас большие деньги из-за границы". Обещал напечатать стихи Шеп<еленко> и уже передал их издателю, который тоже был в этом заговоре и который был расстрелян вместе с Г<аниным>.

Есенин, видимо, проболтался Гале <Бениславской>. Она работала в ГПУ».

РГБ, ф. 144, карт. 12, ед. хр. 59, л. 7–8.

Подробнее о краткосрочной официальной (но не агентурной) службе Г.А.Бениславской в ведомстве на Лубянке см.: после 30 окт. 1923, вторая запись. См. также: Материалы, 48–49.

Сама Г.А.Бениславская, действительно знавшая о заговоре, обрисует А.Ганина (в 1926) исключительно в негативных тонах. Упомянув про его «мечты о перевороте и списки будущих министров», она отметит:

«В один из этих списков он включил и Е. — министром народного просвещения. Но Е., который как бы ни ругался на Советскую власть, всё же не мог ее переменить ни на какую, рассердился, послал Ганина к черту и потребовал, чтобы тот сейчас же вычеркнул его фамилию. <...> При нем Е. делался очень раздраженным и болезненно подозрительным, каждую минуту назревал скандал. <...> Позднее Ганина расстреляли, заподозрив в организации какого-то тайного общества. <...> Когда я и Катя <Е.А.Есенина> узнали о его расстреле, у нас одно слово вырвалось: "Слава богу!" — до того мы боялись, что этот погибший человек утянет за собой С.А. <...>».

Материалы, 47.

Май, 18. М.М.Пришвин упоминает Есенина в дневниковой записи:

«...тяжело думать о поминках Ширяевца.

Есенин, Клычков и Орешин, правда, только богема, но жизнь богемы показательна: если там свободно и весело, — для чего она и существует, — жизнь общества одна, ес-

ли там скрывают подобные тризны <поминки А.Ширяевца — см.: 17 мая 1924, вторая запись>, — другая. Национализм Орешина, поддерживаемый его собственными кулаками, и интернационализм Соболя — соглядатаем из ГПУ Абрамовичем (совершенно обратно прежнему строю). И вот заметно, как за несколько месяцев менялась, например, психология таких лояльных людей, как Соболь; раньше он с презрением, по-кадетски относился к Орешину, теперь много мягче».

Пришвин М.М. Дневники. 1923–1925. М.: Рус. книга, 1999, с. 119–120.

О позиции А.Соболя относительно «дела четырех поэтов» см.: 29 нояб. 1923, пятая запись; 10 дек. 1923, вторая запись.

Калужская газета «Коммуна» (№ 111; рубрика «Книжная полка») помещает рецензию Влад. Кор<олева> на книгу первую журнала «Красная новь», в которой заходит речь о Есенине:

«Художественно-литературный отдел 1-ой книги "Красной нови" за текущий год значительно интереснее, чем в некоторых последних книгах журнала за прошлый год.

И что особенно в этой книге любопытно: произведения молодых писателей, несомненно, значительнее и ценнее помещенных рядом с ними вещей признанных литературных величин. Последние представлены крупным художником слова — М.Горьким и, во всяком случае, широко известными — Вс. Ивановым и Б.Пильняком.

<...> Среди стихов выделяются: значительной лирической силы стихотворение Есенина, сердечные строки В.Александровского и небольшая поэма Н.Тихонова "Америка".

<...> По обыкновению, выразительна написанная А.Воронским характеристика творчества С.Есенина».

См.: до 16 — до 29 февр. 1924, первая запись; 24 марта 1924, первая запись; 4 апр. 1924, вторая запись; 15 апр. 1924, пятая запись; май (?) 1924, вторая запись; 1 июня 1924, четвертая запись; июль 1924.

Берлинская газета «Накануне: Литературная неделя» (№ 112) печатает материалы, в которых говорится о Есенине:

— неподписанную информацию:

«Издательством "Имажинисты" в Ленинграде выпускается первый № большого иллюстрированного художником Митуричем и Эрдманом журнала "Необычайное свидание друзей". В этом номере участвуют: поэты Сергей Есенин, Вадим Шершеневич, Семен Полоцкий, Владимир Ричиотти, Григорий Шмерельсон, Вольф Эрлих, Иван Грузинов, Рюрик Ивнев...».

Издание не состоялось.

См.: 31 мая 1924, вторая запись;

— рецензию Р.Гуля (подпись: «Эрг») на книгу «Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (Париж, 1924):

«...с выбором из позднейших поэтов обстоит явно неблагополучно. Во-первых, почти все они, кроме Блока (Бальмонт, Брюсов, Гиппиус, Сологуб, Волошин, Мандельштам, Кузмин, Гумилев, Есенин, Белый, Маяковский, Пастернак), представлен<ы> лишь по одному стихотворению. <...> У Есенина можно было взять прекрасную лирику ("Не бродить, не мять", "Не жалею, не зову")».

См.: до 11 февр. 1924; 4 мая 1924, первая запись; май (?) 1924, первая запись; 22 июня 1924, вторая запись.

Май, 20. Рижская газета «Сегодня» (№ 113) публикует главу «Веселые дни Расплюева» из работы А.Аверченко «Перья из хвоста». В материале говорится о Есенине:

«...“Красная газета” сообщает: выступление Есенина в зале Лассаля сопровождалось большим скандалом. Бывший в нетрезвом виде лектор обругал публику площадными выражениями. Часть публики покинула лекцию до ее окончания.

А вы, госпожа есенинская публика, чего же ожидали? Что он вам будет бряцать на лире о фиалках да о мотыльках? <...> Так вам и надо. Не шатайтесь зря по неприличным местам. Дождетесь, что лектор будет лупить вас стулом по голове...».

Здесь цитируется не заметка из «Красной газеты» (см.: 16 апр. 1924, первая запись), а ее изложение журналом «Смехач» (см.: первая половина мая 1924).

Май, 21. П.И.Карпов пишет записку С.Д.Фомину из подмосковного Узкого:

«Приезжайте к нам в Узкое в это воскресенье <25 мая>. Будет Есенин, будем все тут читать стихи».

Письма, 338.

См.: 25 мая 1924.

Май, 23. Есенин вместе с С.А.Клычковым, И.Приблудным, Н.В.Богословским фотографируется у Чистых прудов.

Есенин, VII (3), № 82, 248–249.

Дата события определяется по заметке сына Н.В.Богословского — А.Н.Богословского «Пояснения к фотографии»:

«Снимок сделан в Москве 23 мая 1924 года около Чистых прудов».

Журн. «Le Messager: Вестник русского христианского движения», Париж —Нью-Йорк —Москва, 1995-III, № 172, с. 131–133.

См. Приложение.

См. след. запись.

Май, после 23. Есенин подписывает фотографию, на которой он снят вместе с С.А.Клычковым, И.Приблудным, Н.В.Богословским:

«Было пять Друзей, / Один ушел. / Помни его / И меня. С. Есенин. / Н.Богословскому».

Есенин, VII (1), 235.

Под «ушедшим» Есенин, скорее всего, имеет в виду А.Ширяевца.

Май, после 23 ... 1925, август, первая половина. Есенин пишет Г.А.Бениславской:

«Галя милая! Заходил. Оставил “Перевал”. Больше пока книг нет. Будут завтра».

Есенин, VI, 175, с другой датой.

Границы события определяются по времени выхода сборников «Перевал» (всего было издано три номера). Первый номер «Перевала», по уточненным данным, вышел 23 мая 1924 (Инвентаризационный каталог, 567), третий — не позже середины авг. 1925 (Кн. летопись, 1925, № 15, авг., поз. 12287).

См. также: Есенин, VI, 606.

Май, до 25. Выходит журнал «Красная новь» (№ 3; за апрель–май) с материалами Есенина и о Есенине.

Граница события определяется по информации о поступлении журнала в продажу (газ. «Правда», 1924, 25 мая, № 117).

В журнале печатаются:

— стихотворения Есенина «Письмо матери» и «Годы молодые с забубенной славой...».

См. также: Есенин, I, 177–180, 606–609.

См.: 8 июня 1924, вторая запись; авг. (?) 1924, первая запись; окт. (?) 1924;

— примечание к этой публикации:

«Отношение редакции к творчеству С.Есенина выражено в № 1 (18) журнала "Красная новь"».

Имеется в виду статья А.К.Воронского «Литературные силуэты: Сергей Есенин» (см.: до 16 — до 29 февр. 1924, первая запись);

— заметка А.К.Воронского «Ответ Вардину»:

«В № 5 журнала "На посту" помещена статья Вардина "Надо, наконец, ликвидировать воронщину", совершенно исключительная по тону и содержанию даже для журнала "На посту".

Основные положения этой "статьи" Вардин повторил от редакции журнала "На посту" и Маппа в своем докладе на литературном совещании, созванном Отделом печати Ц.К.Р.К.П. (б.) 10 мая. И доклад, и статья, и вся позиция напостовцев получили надлежащую, сокрушающую и в целом единодушную оценку в выступлениях т. т. Троцкого, Бухарина, Радека, Луначарского, Н. Мещерякова, Осинского, Полонского, Яковлева. В надежде, что Отдел печати Ц. К. своевременно опубликует стенографический отчет о совещании, мы отсылаем читателя к этому ожидаемому отчету, считая пока вполне возможным ограничиться приведением резолюции, принятой подавляющим большинством на совещании. В резолюции позиция напостовцев, а следовательно и Вардина, нашла вполне определенную оценку, — ту самую, которую "Красная Новь" неоднократно давала»;

— резолюция, принятая совещанием при Отделе печати Ц.К.Р.К.П.

Текст см.: 10 мая 1924.

Май, 25. Есенин выступает (?) с чтением своих стихов в санатории «Узкое».

Событие и его дата устанавливаются ориентировочно по сведениям из письма П.И.Карпова к С.Д.Фомину (см.: 21 мая 1924).

Другие сведения о поездке Есенина в Узкое не выявлены.

Май, 26. Есенин пишет стихотворение «Пушкину».

Есенин, I, 203, 620–621.

26 мая — день рождения Пушкина по старому стилю.

В $Ст_{24}$ под названием «К Пушкину» (см.: после 10 окт. ... нояб. (?) 1924). Кроме того, в беловом автографе (с тем же названием) (ИМЛИ) имеется подзаголовок: «(экспромт)».

См.: 6 июня 1924, вторая запись; 7 июня 1924, первая запись; 25 сент. 1924, вторая запись.

См. Приложение.

Май, 28. Саратовская газета «Известия» (№ 117) печатает объявление о продолжении подписки на литературно-художественный журнал «Жизнь искусства», упоминая Есенина в числе авторов, при ближайшем участии которых он выходит.

Берлинская газета «Дни» (№ 472) публикует неподписанную заметку «Дункан», в которой упоминается Есенин:

«Айседора Дункан поместила в одном из советских театральных изданий небольшую статью "Об искусстве", в которой, между прочим, рассказывает, что после исполнения ею в Нью-Йорке "Интернационала" правительство Соединенных Штатов лишило ее права гражданства. Это заявление неверно; после выхода замуж за поэта Есенина она в обычном порядке стала из американской гражданки гражданкой СССР».

См. также: 10 марта 1923, первая и вторая записи; 12 марта 1923, вторая запись; 29 марта 1923, четвертая запись; 2 апр. 1923.

Май, 30 или **31.** Есенин вместе с Е.А.Есениной и А.Сахаровым выезжает из Москвы в Константиново.

Датировка события дается ориентировочно по воспоминаниям Е.А.Есениной (см.: 31 (?) мая 1924).

Май, 31. Выходит газета-бюллетень «Книгоноша» (№ 21) с рецензией И.Бахраха (рубрика «Библиография — отзывы о книгах»; раздел «Литература и искусство»; подраздел «Художественная литература»; подпись: Исбах) на № 3 альманаха «Круг»:

«В первых двух книжках "Круг" печатались вещи монументальные. <...>

Третий номер "Круга" представляет собою, в полном смысле слова, литературу бывших людей. Номер весь подобран как-то серо, скучно. <...>

Теперь стихи. <...>

Стихотворения Есенина, Клычкова и Наседкина — образец того, как не нужно писать. Есенин посвящает стихотворение Ленину. Конечно, Ленин получается у него свой, "есенинский". Вроде того, как о Ленине писал Клюев. Типичным для этого стихотворения являются следующие четыре строки о Ленине.

И не носил он тех волос,
Что льют успех на женщин томных, —
Он с лысиною, как поднос,
Глядел скромней из самых скромных.

Не Есениным писать о Ленине. Это получается не Ленин, а анти-Ленин, как сказал когда-то тов. Троцкий о книге Клюева».

См.: конец апр. — до 15 мая 1924, первая запись; 10 июня 1924, вторая запись; до 16 — до 31 авг. 1924, вторая запись; до 20 авг. 1924; 28 авг. 1924; 1 сент. 1924, вторая запись; 12 сент. 1924.

Рижская газета «Сегодня» (№ 122) помещает неподписанную информацию, в которой упомянут Есенин:

«Издательство "Имажинисты" в Петрограде выпускает первый номер большого иллюстрированного журнала "Необычайное свидание друзей", в котором ближайшее участие принимают поэты: С.Есенин, В.Шершеневич, Рюрик Ивнев и др.».

См.: 18 мая 1924, вторая запись.

Май, 31 (?). Есенин приезжает в Константиново.

А.А.Есенина вспомнит:

«В конце мая 1924 года Сергей снова приехал в деревню. Теплый воскресный день уже подходил к концу. Группой в несколько человек мы спускались с горы к перевозу. <...>

На полдороге к реке нас догоняет новая группа соседок, и одна из них, обращаясь ко мне, говорит:

— Шура, сейчас приехал ваш Сергей. На паре!

<...> Сергей не был дома уже около трех лет, а его приезд для нас большой праздник.

<...> вбежав в дом, я застаю радостную суматоху, и мать уже со щепками и спичками в руках хлопочет у самовара. Так всегда, едва поздоровавшись с приехавшими, она торопится ставить самовар.

Сергей и Катя приехали не одни. Вместе с ними был мужчина лет тридцати — тридцати пяти, полный, круглолицый, с маленькими смеющимися глазами — Сахаров. <...>

Пока закипает самовар, мужчины сидят, курят, делятся новостями. Новостей много, есть что рассказать и о чем расспросить друг друга. Отца интересует жизнь в Москве, за границей. Сергея — жизнь односельчан.

Со времени его последнего приезда сильно изменился облик села, и особенно изменилась жизнь в нашей семье. Никогда еще не жили мы так бедно, как теперь, после голода и пожара, и отец с матерью как-то неловко чувствуют себя перед приехавшим гостем. Но Сергей, любивший свою родину "до радости и боли", счастлив, что снова дома, среди родных, и его не смущают ни эта бедность, ни эта теснота. Лишь позже с большой болью он напишет в стихотворении "Возвращение на родину":

Как много изменилось там,
В их бедном, неприглядном быте.
Какое множество открытий
За мною следовало по пятам.
Отцовский дом
Не мог я распознать...

Да, в таком доме мы еще никогда не жили, но, на наше счастье, уцелел амбар, и теперь Сергей там может спать. Но мать мучает вопрос: где же уложить спать гостя?

За разговорами, за чаем не заметили, как прошел вечер. И задача матери решилась легко: мужчины решили спать в риге на сене.

<...> И, читая строки из поэмы "Анна Снегина":

Беседа окончена...
Чинно
Мы выпили весь самовар.
По-старому с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Состарившийся плетень... —

я вспоминаю наши вишневые заросли, маленькую избушку и тот теплый тихий майский вечер, в который мы были так счастливы.

Об этой вечерней беседе идет речь в этих строках. Мимо нашего плетня, сплетенного неумелыми руками отца, проходил Сергей с овчинной шубой в руках на сеновал, и вместо сирени лицо его задевали наши цветущие вишни».

Восп., 1, 94–97.

Май, конец. Выходит журнал «Книга о книгах» (№ 1–2; за апрель; раздел «Хроника») с неподписанной информацией «В объединениях и кружках», в которой упоминается Есенин:

«Редакционная коллегия Всероссийского союза поэтов закончила составление 3-го сборника Союза поэтов "Антология современной поэзии" <выйдет под названием "Поэты наших дней">. В сборнике ряд неизданных стихотворений В.Брюсова, И.Аксенова,

Б.Пастернака, К.Большакова, Р.Ивнева, М.Кузмина, С.Есенина, В.Иванова, В.Шершеневича, В.Гиляровского, С.Дрожжина, П.Петровского, С.Боброва, А.Мариенгофа, В.Каменского и др. В настоящее время выходит из печати».

Граница события — по информации о выходе номера в газ. «Правда» (1924, 1 июня, № 123).

См. также: 2 марта 1924; после 17 марта ... до 6 апр. 1924; 6 апр. 1924, пятая запись; 7 апр. 1924, восьмая запись; сент. ... до 16 или до 30 нояб. 1924.

Май, конец ... Июнь, до 15. В издательстве Главполитпросвета «Красная новь» выходит книга В.П.Полонского «Уходящая Русь: Статьи об интеллигенции 1920–1924».

Кн. летопись, 1924, № 11, июнь, поз. 5621.

Название этой книги — один из вероятных источников заглавия произведения Есенина «Русь уходящая». Прослеживаются также смысловые параллели фрагментов статьи «Интеллигенция и революция», открывающей сборник, и «Руси уходящей» (С.И.Субботин — Есенин, II, 418–419).

Выходит второе издание книги П.С.Когана «Литература этих лет. 1917–1923» (Иваново-Вознесенск), где упоминается Есенин.

Кн. летопись, 1924, № 11, июнь, поз. 5435.

Издание полностью повторяет первое (см. о нем: до 6 дек. 1923).

Отклик см.: 24 июля 1924.

См. также: 5 янв. 1924, первая запись; до 20 апр. 1924, вторая запись.

Май (?). Пражский журнал «Воля России» (№ 8–9; за май) публикует:

— обзор Вл. Тукалевского «Эмигрантские журналы» с упоминанием имени Есенина.

Речь заходит и о статье А.Крайнего (З.Н.Гиппиус) «Литературная запись: о молодых и средних» (журн. «Современные записки», кн. XIX; см.: до 24 апр. 1924):

«А.Крайний считает, что в литературе обычное явление: смена романтизма реализмом. Перед большевиками уже начался "утопический реализм", и когда пришли большевики, то наделся он на "писателей", как перчатка. Таков Есенин, наиболее талантливый, таков Маяковский, Пильняк, Зощенки <так!> и пр.»;

— рецензию на антологию Д.Святополка-Мирского «Русская лирика» (подпись: «Столпник») с цитатой из предисловия составителя о Есенине.

См. также: до 11 февр. 1924; 4 мая 1924, первая запись; 18 мая 1924, четвертая запись; 22 июня 1924, вторая запись.

Журнал «Молодая гвардия» (№ 5) публикует рецензию Л.Сонина на журнал «Красная новь» (№ 7 за 1923 год и № 1 за 1924 год). В материале говорится о Есенине:

«...наиболее безупречна статья тов. А.К.Воронского о Сергее Есенине. Видимо, когда тов. Воронский не ослепляет себя идеалистическим "объективизмом", не задается ликвидаторскими целями, он может правильно, по-марксистски подходить к явлениям литературы <...>

В стихотворном отделе выделяется своей реакционной упадочностью стихотворение Сергея Есенина "Вечер черные брови насупил <так!>", кончающееся отчаянным воплем:

Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела...».

См.: до 16 – до 29 февр. 1924, первая запись; 24 марта 1924, первая запись; 4 апр. 1924, вторая запись; 15 апр. 1924, пятая запись; 18 мая 1924, вторая запись; 1 июня 1924, четвертая запись; июль 1924.

Екатеринославский журнал «Молодая кузница» (№ 4–5; за апрель-май; приложение к газете «Грядущая смена») публикует стихотворения Г.Бинкина из цикла «Русь». В одном из них — отклик на стихи Есенина:

Ах, в шапке соломенной Русь — ты,
Будто втиснутый камень в кольце,
Но нет места есенинской грусти
В дикой твоей красоте.

В этом просторе ей быть ли,
В этой ли шири звенеть,
Здесь вчера богатырь стальнелицый
Спалил твою грусть в огне.
<...>
Русь моя, сестра моя Русь — ты,
Разве усталь в твоем лице?
Разве может быть место для грусти
В дикой твоей красоте?

Май ... Июнь. В.В.Маяковский пишет стихотворение «Юбилейное», на которое Есенин откликнется в стихотворении «На Кавказе».

Катанян, 278.

См.: 28 авг. 1924; 7 сент. 1924, третья запись; 13 ... 18 сент. 1924; 21 сент. 1924, около 12 час. дня.

Июнь, 1. Есенин пишет маленькую поэму «Возвращение на родину» и посвящает ее А.М.Сахарову.

Есенин, II, 88–93, 227–230, 400–405.

А.М.Сахаров находится с Есениным в Константинове, когда поэт пишет это произведение. Оно отражает свежие впечатления от первой поездки на родину после зарубежного путешествия.

В сохранившемся фрагменте чернового автографа (ст. 26–91) многие строки имеют значительную правку, некоторые до нескольких слоев. Есть строки, не вошедшие в основной текст.

После строки 79 зачеркнуты строки, имеющие пять слоев правки:

А где же та, кого я так любил?
Я спрашиваю будто бы небрежно.
И мать мне отвечает нежно:
Она лежит среди родных могил.
У ней был муж, осталась дочь лет в 10.

После 85-й строки:

Россия! Кто ты? Марево иль путь?
Куда же мне, куда теперь идти?

Первоначальное заглавие — «На родине».

Один из литературных источников «Возвращения на родину», обозначенный самим поэтом, — «По-байроновски наша собачонка...» (из «Песни первой» поэмы Д.Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда») вызвал особый интерес исследователей.

См.: Мекш Э.Б. Об одной фольклорной аллюзии в поэзии Есенина 1924 года (в его кн. «Сергей Есенин в контексте русской литературы», Рига: Латв. гос. ун-т им. П.Стучки, 1989, с. 60–67); Есенин, II, 404; Михайлов А.Д. Из наблюдений над «маленькой поэмой» Сергея Есенина «Возвращение на родину». — В сб. «De la littérature russe: Mélanges offerts á Michel Aucouturier» (ed. Catherine Depretto), Paris: Institut d' Études slaves, 2005, p. 117–121; и др.

См. также: после 3 или 4 – 14 или 15 июня 1924, первая запись; 7 июня 1924, третья запись; до 25 июля 1924, вторая запись; 6 ... 9 авг. 1924; 22 авг. 1924; 1 сент. 1924, третья запись; 7 сент. 1924, вторая запись; 25 окт. 1924; после 9 нояб. 1924.

Московская газета «Правда» (№ 123) публикует текст резолюции XIII съезда РКП «О печати».

Проект резолюции, состоящий из 21 пункта, был опубликован в газ. «Правда» (1924, 22 мая, № 114). Его обсуждение состоялось на вечернем секционном заседании 31 мая 1924 г. Окончательный текст включает 23 пункта.

Данная резолюция и ее широкое обсуждение не прошли мимо внимания Есенина (см.: 13 сент. 1924, первая запись).

Ленинградское отделение Госиздата заказывает плакат «Ленинизм», на котором воспроизводятся видоизмененные строки из неоконченной поэмы Есенина «Гуляй-поле».

Вдовин В.А. Стихотворение Есенина на политическом плакате. — ЕиС, 217.

См. также: сент. 1924, вторая запись.

Берлинская газета «Дни» (№ 475; подпись: «В. П.») публикует рецензию на первую книгу журнала «Красная новь» (1924), упоминая Есенина:

«Стихи в "Красной нови" гораздо слабее прозы. Есенин пишет под Блока, Орешин под Есенина, Тихонов под Тихонова... <...>

Статьи Гливенко "Искусство и общество" и Воронского об Есенине завершают журнал».

См.: до 16 – до 29 февр. 1924, первая запись; 24 марта 1924, первая запись; 4 апр. 1924, вторая запись; 15 апр. 1924, пятая запись; 18 мая 1924, вторая запись; май (?) 1924, вторая запись; июль 1924.

Берлинская газета «Накануне: Литературная неделя» (№ 123) печатает рецензию на книги В.Ричиотти «Осьмина» и «Коромысло глаз» (обе — издательство «Имажинисты», 1924), в которых упоминается Есенин:

«...внутренне сродни ему — Есенин, и в "Осьмине" он ступает по следам есенинских золотых лаптей».

Июнь, после 1 (?) ... Сентябрь, до 26 (?). Есенин пишет стихотворение «Низкий дом с голубыми ставнями...».

Верхняя граница события отмечается по первой публикации стихотворения в газ. «Бакинский рабочий» (см.: 26 сент. 1924). В окт. 1924 оно появится в ленинградском журнале «Русский современник (см.: после 4 окт. 1924, вторая запись), в редакцию которого могло быть передано (самим поэтом или через кого-то из его знакомых) летом 1924 г. Тематически оно связано с посещением Есениным родного села (о его приезде в Константиново см.: 31 (?) мая 1924); с учетом этого отмечается нижняя граница события.

Черновой автограф имеет значительную, в том числе композиционную, правку, в частности, после 20-й строки следует строфа, не вошедшая в окончательный текст:

Как же тут не жалеть, не грустить,
Если знать, что ввек не случится,
Чтоб я мог разлюбить эту выть
Под изношенным сереньким ситцем.

Есенин, I, 205, 354–356, 621.

См. Приложение.

Июнь, 3 или **4.** Есенин возвращается из Константинова в Москву.

Дата события определяется по записи Е.А.Есениной для краткой хроники жизни и творчества поэта (Юсов-2005, 39) и воспоминаниям И.Грузинова (САЕ, 134).

А.А.Есенина напишет:

«В этот свой приезд Сергей прожил дома всего лишь несколько дней. Вместе с Сахаровым он уехал в Москву».

Восп., 1, 97.

Июнь, после 3 или **4 – 14** или **15.** Есенин читает друзьям «Возвращение на родину».

Это и следующее события и их ориентировочные границы устанавливаются по воспоминаниям И.В.Грузинова с учетом времени тогдашнего пребывания Есенина в Москве.

И.В.Грузинов напишет (1926):

«Лето. Полдень. Нас четверо. Шестой этаж дома № 3 по Газетному переулку. Есенин вернулся из деревни. Спокойный, неторопливый, уравновешенный. Чуть-чуть дебелый. Читает "Возвращение на родину". Я был в плохом настроении: жара, не имею возможности выбраться из города. И тем не менее меня взволновали его стихи.

— Часто тебя волнуют мои стихи? — спросил Есенин.

— Нет. Давно не испытывал волнения. Меня волнуют в этом стихотворении воскресающие пушкинские ритмы. Явное подражание, а хорошо. Странная судьба у поэтов: Пушкин написал "Вновь я посетил..." после Баратынского... Пушкина помнят все, Баратынского помнят немногие...

После чтения стихов идем втроем по Газетному переулку на Тверскую.

— Снятие креста с колокольни... Были такие случаи в истории. Это пройдет, — замечает наш спутник.

— А может быть, и не пройдет. Бывают исключительные переломы в истории. Наша эпоха, может быть, исключительная. Был Перун. И нет Перуна, — отвечаю я.

Есенин идет понурив голову. Молчит. В эту минуту он напоминает себя из "Москвы кабацкой":

Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак».

Восп., 1, 357.

См. также: 1 июня 1924, первая запись; 7 июня 1924, третья запись; до 25 июля 1924, вторая запись; 6 ... 9 авг. 1924; 22 авг. 1924; 1 сент. 1924, третья запись; 7 сент. 1924, вторая запись; 25 окт. 1924; после 9 нояб. 1924.

Есенин читает в кругу друзей поэму «Гуляй-поле».

И.В.Грузинов свидетельствует:

«Лето. Угол Тверской и Триумфальной-Садовой. Пивная. Тусклый день. Два-три посетителя. На полу окурки, сырые опилки. Искусственные пальмы. На столиках бумажные цветы. Половые в серых рубахах. Подпоясаны кожаными ремнями. У каждого на левой руке грязноватая салфетка. Половые заспанные — в этой пивной торговля до 2 часов ночи. <...>

Никому нет никакого дела до поэзии. И как-то странно, что только мы, чудаки или одержимые, спорим об искусстве, о стихах. Сидим втроем за парой пива, в углу, у окна: Есенин, А. М. Сахаров, я. Есенин читает новую поэму "Гуляй-поле". Тема поэмы: Россия в гражданскую войну. Есенин читает долго, поэма была почти вся сделана, оставалось обработать некоторые детали. Есенин утверждал, что через несколько дней поэма будет готова полностью.

По прочтении поэмы, обращаясь ко мне, с детским задором:

— Что мне литература?.. Я учусь слову в кабаках и ночных чайных. Везде. На улицах. В толпе.

Показывая на Сахарова:

— Вот этот человек сделал для меня много. Очень много. Он прекрасно знает русский язык.

Снова обращаясь ко мне:

— Я ломаю себя. Давай мне любую теорию. Я напишу стихи по любой теории. Я ломаю себя.

Он стоял в позе оратора и, по своему обыкновению, энергично размахивал руками».

Восп., 1, 356–357.

См. также: до 13 нояб. 1923; 27 янв. 1924, вторая запись; после 27 янв. – февр. (?) 1924; март (?) … до 11 или 12 апр. 1924; конец апр. – до 15 мая 1924, первая запись; после 15 мая 1924, вторая запись.

Июнь, после 3 или **4 … 14** или **15,** или **Август, 1 … 6,** или **Август, после 20.** Есенин присутствует на выступлениях цыганского хора Егора Полякова. Интересуется творчеством цыганской артистки М.Артамоновой. Бывает у нее в гостях.

События устанавливаются по воспоминаниям И.Ром-Лебедева, их дата определяется ориентировочно по воспоминаниям И.В.Грузинова:

«1924 г. Лето. <…> Пивная. <…> Ночью на эстраде артисты, хор цыган. Здесь выступает лучшая цыганская танцовщица — Маруся Артамонова».

Восп., 1, 356.

И. Ром-Лебедев вспомнит:

«Хор Полякова состоял из семей Поляковых, Лебедевых, Барадашкиных, Степановых, Золотаревых, Шишкиных. <…>

<…> в составе хора в то время работали лучшие в Москве исполнительницы цыганских песен и романсов: Зинаида Александровна Давыдова, Ольга Степанова, Дарья Мерхоленко, Софья Лебедева, Марина Черкасова, Нина Красавина, известные москвичам танцовщицы Мария Артамонова, Ляля Черная и "король" цыганской пляски Николай Чубаров. За спинами певиц стояли опытные, одаренные гитаристы.

<…> Среди многочисленных поклонников таланта Артамоновой был и Сергей Есенин. В то время Маша жила в Петровском парке, в бывшей даче коннозаводчика Телегина. Есенин приезжал к ней. Под гитару Вавы Полякова Маша танцевала "Венгерку". Взволнованный танцем Есенин читал стихи и называл Машу Мариулой».

Ром-Лебедев И. Записки московского цыгана. — Журн. «Театр», 1985, № 7, июль, с. 104, 107.

Есенин часто встречается с друзьями, беседует на литературные темы.

О таких беседах вспомнит И.В.Грузинов:

«Летний день. Нас четверо. Идем к одному видному советскому работнику. Хлопотать о деле.

Жарко. Есенин не пропускает ни одного киоска с водами. У каждого киоска он предлагает нам выпить кваса.

Я нападаю на него:

— У тебя, Сергей, столько раз повторяется слово "знаменитый", что в собрании сочинений оно будет на каждой странице. У Игоря Северянина лучше: тот раза два или три написал, что он гений, и перестал. А знаешь, у кого ты заимствовал слово "знаменитый"? Ты заимствовал его, конечно, бессознательно, из учебника церковной истории протоиерея Смирнова. Протоиерей Смирнов любит это словечко!

Дальше я привожу из Есенина целый ворох церковнославянских слов.

Он долго молчит. Наконец, не выдерживает, начинает защищаться.

В ожидании приема у советского работника продолжаем прерванный разговор.

— Раньше я всё о мирах пел, — заметил Есенин, — всё у меня было в мировом масштабе. Теперь я пою и буду петь о мелочах.

Лето. Пивная близ памятника Гоголю.

Есенин, обращаясь к начинающему поэту, рассказывает, как Александр Блок учил его писать лирические стихи:

— Иногда важно, чтобы молодому поэту более опытный поэт показал, как нужно писать стихи. Вот меня, например, учил писать лирические стихи Блок, когда я с ним познакомился в Петербурге и читал ему свои ранние стихи.

Лирическое стихотворение не должно быть чересчур длинным, говорил мне Блок.

Идеальная мера лирического стихотворения — двадцать строк.

Если стихотворение начинающего поэта будет очень длинным, длиннее двадцати строк, оно, безусловно, потеряет лирическую напряженность, оно станет бледным и водянистым.

Учись быть кратким!

В стихотворении, имеющем от трех до пяти четверостиший, можно всё сказать, что чувствуешь, можно выразить определенную настроенность, можно развить ту или иную мысль.

Это на первых порах. Потом, через год, через два, когда окрепнешь, когда научишься писать стихотворения в двадцать строк, — тогда уже можешь испытать свои силы, можешь начинать писать более длинные лирические вещи.

Помни: идеальная мера лирического стихотворения — двадцать строк».

Восп., 1, 373–374.

Июнь, 6. Есенин принимает участие в торжествах по случаю 125-летия со дня рождения А.С.Пушкина, организованных в Москве Всероссийским союзом писателей:

— в шествии писателей к памятнику Пушкину на Тверском бульваре в Москве.

И.Н.Розанов вспомнит:

«Сто двадцать пять лет со дня рождения Пушкина. Все писатели приглашались к 6 ч. вечера к "Дому Герцена" на Тверском бульваре. Оттуда, выстроившись рядами, со знаменем во главе, торжественно двинулись к памятнику Пушкина, где должно было происходить возложение венка. Кажется, в истории русской литературы, а может быть и не только русской, это была первая процессия писателей, и довольно многолюдная. "Читатели" стояли по обеим сторонам и созерцали невиданное зрелище».

Памяти Есенина, 50;

— от имени Всероссийского союза писателей возлагает венок к памятнику Пушкину. Режиссер и оператор документального кино Р.Л.Кармен делает фотоснимок, запечатлевающий это событие.

Есенин, VII (3), № 83, с. 249–250.

См. фото: журн. «Всемирная иллюстрация», М., 1924, № 3/4, с. 33 (илл. к статье Ив. Розанова «Народная тропа». К 125-летнему юбилею А.С.Пушкина).

См. Приложение.

Снимок сопровождается следующим текстом:

«6 июня в день 125-летия со дня рождения Пушкина Всероссийский Союз Писателей организовал в Москве чествование памяти поэта. На снимке изображен момент, когда Сергей Есенин возлагает венок к подножию памятника Пушкину на Тверском бульваре».

Из воспоминаний И.Н.Розанова:

«У памятника великого поэта речей не произносилось. Сказал только короткое приветствие П.Н.Сакулин».

Памяти Есенина, 50.

В написанных гораздо позже воспоминаниях П.Чихачёва о событии говорится:

«Литературный митинг открыл профессор Сакулин, представительный старик с окладистой седой бородой. После выступления известного пушкиниста профессора Цявловского слово предоставили Сергею Есенину. Почтительно сняв шляпу, он начал читать стихи, посвященные Пушкину. Потом он возложил к подножию памятника большой букет живых цветов».

Чихачёв П. Живой Есенин. — Газ. «Новороссийский рабочий», 1965, 3 окт., № 195.

Есенин читает стихотворение «Пушкину» у памятника поэту.

Из информации о праздновании юбилея А.С.Пушкина:

«После приветственной речи П.Н.Сакулина и возложения венка к подножию памятника перед Пушкиным выступили новокрестьянские поэты С.Есенин, П.Орешин, пролетарский поэт В.Казин, поэты Сергей Городецкий и Зенкевич».

Журн. «Современник», М., 1925, № 1, янв., с. 69.

Из воспоминаний И.Н.Розанова:

«Первым на ступеньках пьедестала возле только что возложенного венка (вправо от него, если смотреть от Страстного монастыря) появилась фигура Есенина. Он был без шляпы. Льняные кудри резко выделяли его из окружающих. Сильно раскачиваясь руками и выкрикивая строчки, он прочел свое обращение “К Пушкину”. Впервые прозвучало стихотворение, известное теперь всем и каждому.

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Насколько я помню, особенное внимание у всех приковала к себе вторая строфа...

Блондинистый, почти белесый...

Уже это определение цвета волос Пушкина многим показалось странным. Ведь до сих пор большинство представляет себе, что, раз он был по происхождению арап, следовательно, брюнет. А тут еще “белесый”, — явно Есенин хочет загримировать Пушкина под себя.

Яснее говорили об этом следующие строки, еще более поразившие слушателей:

О, Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

— Ог-о!... — сказал стоявший рядом со мной один пожилой писатель.

Но толпа замерла в напряженном внимании, когда Есенин, слегка изменив тон, но с тем же выкрикиванием и размахиванием руками — эх, была не была! — стал читать последние строфы:

А я стою как пред причастьем
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь,
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

Есенин кончил и сошел со ступеней. Среди слушателей оживление, беглый обмен мнениями. <...> Опять толпа замирает.

На ступенях памятника уже новый поэт. Всего читали стихи свои пять человек: кроме Есенина, Городецкий, Орешин, Казин и Зенкевич. Потом процессия двинулась обратно к "Дому Герцена".

<...> Всего лучше запомнились стихи Есенина. Прежде всего, они были первыми по времени и воспринимались со всею свежестью внимания. Если Есенин сам позаботился о том, чтобы читать первым, то расчет его оказался верен. Да и по характеру стихов ему надо было читать первым, не говоря уже о том, что он сам отводил себе среди современных поэтов первое место. Во-вторых, стихи его запоминались потому, что так обычно бывает с хорошими стихами. <...> Значение имело и то, что в стихах Есенина были такие острые и рискованные места, которые первоначально могли некоторыми восприниматься, как трюки, напр.: "О, Александр, ты был повеса, / Как я сегодня хулиган".

Памяти Есенина, 50–53.

См.: 26 мая 1924; 7 июня 1924, первая запись; 14 июня 1924; 15 июня 1924; 25 сент. 1924, вторая запись.

После юбилейного митинга Есенин звонит по телефону в клуб Союза писателей М.Д.Ройзману.

Это и следующие за ним события того же дня устанавливаются по воспоминаниям М.Ройзмана и дарственной надписи Есенина, сделанной ему 6 июня 1924.

Мемуарист вспомнит:

«6 июня 1924 года Сергей позвонил мне по телефону в клуб Союза и сказал, что сейчас придет».

Ройзман, 230.

Приехав в клуб Союза писателей, Есенин беседует с М.Ройзманом о сборнике «Имажинисты», о «Вольнодумце» и на другие темы.

Из воспоминаний М.Д.Ройзмана:

«Есенин спросил, чем кончилось дело с "Ассоциацией". Я рассказал. Мы поговорили о сборнике "Имажинисты", о "Вольнодумце"».

Ройзман, 230.

См. также: 7 ... 12 авг. 1923; 15 или после 15 авг. 1923, вторая запись; 21 авг. 1923, вторая и четвертая записи; начало окт. 1923; до 23 окт. 1923; 13–31 дек. 1923, четвертая запись; 14 февр. – 9 марта 1924; 7 апр. 1924, третья и четвертая записи; 11 апр. 1924, первая запись; до 24 авг. 1924.

Делает дарственную надпись М.Д.Ройзману на своей книге «Голубень» (1918):

«Милому Моте / с любовью / С. Есенин. 6 / VI 24».

Есенин, VII (1), 236, 480.

Из воспоминаний М.Д.Ройзмана:

«Есенин вынул из кармана свой "Голубень" (издание "Скифы") и сказал, что хочет вернуть мне свой долг. Он сделал на книге дарственную надпись <...>».

Ройзман, 230.

В Большом театре проходит торжественное заседание в честь 125-летия со дня рождения А.С.Пушкина, на котором присутствует Есенин.

И.Н.Розанов вспомнит:

«В тот же вечер, позднее, было торжественное Пушкинское заседание в Большом театре. Я узнал потом, что в одной из лож находился одно время Есенин и... буянил».

Памяти Есенина, 53.

Июнь, 7. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 128) публикует неподписанную информацию «Возложение писателями венка на памятник Пушкину» с упоминанием Есенина:

«6-го июня Всероссийский союз писателей и поэтов, почти в полном своем составе собравшись во дворе дома Герцена, направились к памятнику Пушкину, на который были возложены венки: от имени Всероссийского союза писателей — поэтом Сергеем Есениным и от имени Союза драматических писателей — Разумовским.

Председатель Российского общества любителей словесности П.Н.Сакулин отметил, что мятежный дух Пушкина близок к нашей революционной эпохе и что великий поэт является надеждой нашего будущего.

Затем были прочтены стихи, посвященные Пушкину, Сергеем Есениным, Сергеем Городецким, Петром Орешиным, Зенкевичем и Казиным».

См. также: 26 мая 1924; 6 июня 1924, первая и вторая записи; 14 июня 1924; 15 июня 1924.

Ленинградская «Красная газета» (вечерний выпуск; № 127) публикует неподписанную информацию «Пушкинские дни» с упоминанием Есенина.

Заметка является сокращенным вариантом информации, опубликованной в газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (см. предыд. запись).

Есенин выступает с чтением стихов в концертном отделении торжественного заседания, посвященного пятилетию Госиздата (Большой зал Московской консерватории).

Из воспоминаний Д.Богомильского:

«7 июня я был приглашен на торжественное заседание, посвященное пятилетию Госиздата, состоявшееся в Большом зале Московской консерватории.

Хорошо помню выступление Есенина в концертном отделении этого вечера и прочитанное поэтом стихотворение “Возвращение на родину”».

Восп.-65, 342.

См. также: 1 июня 1924, первая запись; после 3 или 4–14 или 15 июня 1924, первая запись; до 25 июля 1924, вторая запись; 6 … 9 авг. 1924; 22 авг. 1924; 1 сент. 1924, третья запись; 7 сент. 1924, вторая запись; 25 окт. 1924; после 9 нояб. 1924.

Июнь, после 7 … 14 или 15; или Август, 1 … 6; или Август, после 20. Есенин неоднократно встречается с заведующим издательством Артели писателей «Круг» Д.К.Богомильским и обсуждает с ним возможность издания тома своего Собрания сочинений.

События и их время отмечаются по воспоминаниям Д.К.Богомильского:

«Из моих дальнейших встреч <после 7 июня 1924, см. предыд. запись> с Есениным в течение летних месяцев 1924 года у меня особенно хорошо сохранились в памяти встречи и беседы в издательстве Артели писателей “Круг”. Я всячески стремился доказать Есенину неразумность и нецелесообразность изданий его стихов “тощенькими” книжками в разных издательствах, рекомендуя ему отобрать все, что он считает достойным из своих стихов, примерно семь-восемь тысяч стихотворных строк, и передать их в издательство “Круг”, которое позаботится о лучшем оформлении объемистого тома собрания его сочинений. Я говорил еще, что с этим планом согласен Воронский как литературный и политический редактор издательства “Круг”.

Правда, ввиду финансовых затруднений, испытываемых тогда издательством, необходимы были кредиты на печать и на бумагу. Я сказал Есенину, что если он согласится

на рассрочку платежа гонорара до начала реализации тиража книги, то издательство в состоянии будет осуществить намеченный план издания "Собрания сочинений Сергея Есенина".

Прямого ответа на предложение издательства "Круг" Есенин тогда не дал».

Восп.-65, 342–343.

Впрочем, в записке Д.К.Богомильскому того времени Есенин отмечает, что «книгу свою <...> приготовил» (см.: 21 авг. ... 2 сент. 1924).

Июнь, 8. Газета «Трудовой Батум» (№ 128) публикует статью Л.И.Повицкого «Крестьянские поэты: Петр Орешин и Сергей Есенин»:

«Двух крестьянских поэтов дала Октябрьская революция: Сергея Есенина и Петра Орешина. Их первые произведения появились до 1917 года, но оба они — дети Октябрьских дней. Октябрьская революция отшлифовала каждого из них, каждому указала его место в новой группировке рабочих и крестьянских сил, — и оба поэта находятся теперь в определенных лагерях. Они не враждебны друг другу, мы их находим рядом на страницах одного и того же советского журнала, но, дети разных слоев крестьянства, они говорят и разным языком.

Есенин — представитель более или менее зажиточных слоев крестьянства, Орешин — деревенской бедноты. И это кладет на стихи каждого определенный отпечаток.

Есенин — крестьянин-утопист. Для него Октябрьская революция — не столько ключ к освобождению крестьян от помещичьего ига, сколько ключ к переустройству крестьянского мира на новых, невиданных доселе, основаниях. Каковы эти новые материальные и духовные формы жизни будущей русской деревни, он сам неясно себе представляет, но говорит об этом неустанно, с уверенностью и жаром нового пророка. Вот излюбленный его язык, полубиблейский, изобилующий религиозными сравнениями.

Радуйтесь!
Земля предстала
Новой купели.
("Певущий зов"). <...>

Обещаю вам град Инонию,
Где живет божество живых.
("Инония")

Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор,
Вижу нивы твои и хаты...
(там же)

Надо добавить, что Есенин, как утописты, мыслит завоевание этого нового мира исключительно мирными средствами: душевным обновлением, откровением духа, явлением какого-то внутреннего света:

Кто-то с новой верой,
Без креста и мук,
Натянул на небе
Радугу, как лук.
Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!

Не таков Петр Орешин <...>

Характерное отличие обоих поэтов от пролетарских — это исключительная привязанность к родине. В то время, как в стихах пролетарских поэтов центром внимания служит международный пролетариат и его высокие цели, крестьянские поэты не могут оторваться от своей родной почвы. Русь, Россия, родина так и пестрят на каждой странице их книг. Есенин восклицает:

Если крикнет рать святая:
"Кинь ты Русь, живи в раю!"
Я скажу: "Не надо рая,
Дайте родину мою".

<...> Но Россия исчезла, на месте ее растет и крепнет Союз ССР, — и оба поэта с затаенной обидой — один за неосуществившуюся Инонию, другой — за исчезнувшую Русь — продолжают думать свою крепкую крестьянскую думу на страницах дружески их принимающей советской и партийной прессы».

Берлинская газета «Накануне. Литературная неделя» (№ 129; подпись: «Р. Г.») печатает рецензию Р.Гуля на третью книгу журнала «Красная новь», в которой говорится о Есенине:

«Стихами представлены многие поэты. Отметить прежде всего хочется "Письмо матери" Сергея Есенина. Стихотворение просто, как 2 х 2 = 4. Рифмуются избушка со старушкой, тревога с дорогой. Но наполнено оно такой задушевностью, что по эффекту — разительно.

Ты жива еще, моя старушка... <приводится всё стихотворение>

Но только в конце расхолаживает одна строка, словно взятая из передовой статьи: "К старому возврата больше нет". В целом же — изумительное стихотворение, достойное пера этого крупного поэта».

См.: до 25 мая 1924; авг. (?) 1924, первая запись; окт. (?) 1924.

Июнь, 9. Есенин вместе с С.А.Клычковым, П.В.Орешиным и Н.С.Власовым-Окским выезжает из Москвы в Тверь для участия в вечере, посвященном памяти А.В.Ширяевца.

3 часа дня. Есенин приезжает в Тверь.

Время прибытия устанавливается по воспоминаниям журналиста Е.Е.Шарова, уточняется по расписанию поездов.

Из воспоминаний Е.Е.Шарова:

«Есенин сдержал обещание и в назначенный день — 9 июня 1924 года — приехал, захватив с собою на концерт Петра Орешина, Сергея Клычкова и Николая Власова-Окского. Они приехали около трех часов дня».

Восп., 2, 156.

После 3 часов дня. Есенин вместе с С.А.Клычковым, П.В.Орешиным и Н.С.Власовым-Окским обедает на квартире Е.Е.Шарова (ул. Урицкого, д. 17).

Из воспоминаний Е.Е.Шарова:

«Не торопясь, пообедали у меня. Я жил тогда на улице Урицкого, на втором этаже дома № 17. Узнав, что у меня есть маленький сын, Сергей попросил жену показать его. Она провела Есенина в спальню, где в кроватке спал двухлетний Игорь. Поэт долго смотрел на спящего ребенка, а потом осторожно поцеловал его в голову.

По свидетельству жены, в эту минуту на глазах Сергея появились слезы, и, обращаясь к ней, целуя у нее руку, поэт с тихой грустью сказал:

— А я своих детей растерял по свету.

Есенин, видимо, очень любил детей, но сложная судьба лишила его настоящего семейного счастья».

Восп., 2, 156–157.

После 6 часов вечера. Есенин читает стихи на эстраде в городском парке Твери.

Событие устанавливается по воспоминаниям С.Каца:

«И вот мы на летней эстраде, отгороженной от гуляющих в парке высоким деревянным забором. Народу полным-полно, мы сидим на простых скамейках без спинок. Многие стоят в проходах или садятся прямо на землю. На сцене длинный стол, покрытый красной материей. За столом сидят какие-то не известные мне люди: кое-кто из них в пиджаке и рубашке без галстука, кто просто в косоворотке, перехваченной поясом с яркими кистями. Многие в сапогах "бутылками". Среди них Спиридон Дрожжин.

— Начинаем вечер, организованный группой крестьянских поэтов, памяти недавно умершего поэта А. Ширяевца,— объясняет председатель, тверской поэт Н. Власов-Окский.

И начинается чтение стихов. Один за другим подходят к авансцене поэты и, рубя рукой воздух и слегка подвывая при этом, читают свои стихи. Выступают московские поэты Сергей Клычков, Петр Орешин, а затем предоставляется слово местным стихотворцам.

Но где же Есенин? Мы его уже знали по фотографиям. Внимательно всматриваемся в лица сидящих на сцене, но его среди них нет. И вдруг председатель объявляет: "Выступает Сергей Есенин!" Раздаются продолжительные аплодисменты, и из-за кулис на сцену выходит поэт.

В легком макинтоше, с тростью в руке, он показался нам каким-то заморским гостем, случайно забредшим на это собрание, организованное крестьянскими поэтами. Есенин сбросил макинтош, снял элегантную широкополую серую шляпу и, положив ее на край стола, подошел к самой рампе, слегка опираясь на трость с костяной ручкой. На нем был модный серый костюм. Он небрежно пригладил рукой свои пепельно-русые волосы и заговорил немного хрипловатым голосом.

Я сейчас, конечно, плохо помню, о чем говорил Есенин. Да мне в те годы трудно было разобраться, о чем шла речь. Он, кажется, рассказывал что-то об имажинистах, о крестьянских поэтах, о вреде всяческих поэтических группировок. Речь его лилась свободно, жесты были скупы: трость в его руке от прикосновения к полу мягко изгибалась — она была гуттаперчевой.

Потом, нацепив свою палку на спинку стула, он повел рассказ о том, что ему очень пришлось по душе творчество А. Ширяевца; по дороге в Тверь, в поезде, им были написаны стихи, посвященные памяти покойного друга, которые он сейчас прочитает.

Зал замер. И Есенин в полной тишине начал:

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Он продолжал чтение, за забором тихо покачивались деревья и, шелестя зелеными кронами, словно одобряли слова поэта:

... Милые березовые чащи!
Ты, земля, и вы, равнин пески!

Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски...

Что творилось, когда закончилось стихотворение и Есенин умолк! Аплодисменты, возгласы "браво!", "бис!", "еще раз, просим!" Многие украдкой вытирали слезы и с нежностью смотрели на поэта, который поделился с поклонниками его творчества своими сокровенными мыслями и новыми стихами. Как приятно было познакомиться с новым произведением Есенина не по книге, а непосредственно в чтении автора! <...>

Мне больше всего запомнились в исполнении автора стихи из "Москвы кабацкой":

Всё живое особой метой
Отмечается с давних пор.
Если б не был я поэтом,
То был бы, наверно, мошенник и вор... <так!>

Есенин произносил это глухо, проникновенно, сжав кулак, а в отдельных местах чуть покачивая головой, как бы осуждая все происходящее.

Выступление поэта закончилось "Письмом к матери", вызвавшим бурную овацию многочисленной аудитории. Долго не отпускали Есенина со сцены. Он не кланялся в пояс, как другие поэты, стоял молча, немного ссутулясь, и вдруг, подняв руки, произнес:

— После "Письма к матери" я больше никогда ничего не читаю. До свидания! — и скрылся за кулисами. Председательствующий Н.Власов-Окский объявил окончание литературного вечера, и публика начала медленно расходиться.

— Он такой, каким я себе представлял! — восторженно заговорил Коля Голубев. — Такой скромный, а как читает, как читает!...

— Читает он замечательно! — прервал его Макс. — Только, по-моему, одет чересчур модно.

Видно, мой брат, бедный студент, в душе завидовал хорошо одетому и, в самом деле, немного франтоватому Есенину.

— Его стихи очень музыкальны, так и просятся, чтоб их пели! — сказал я.

Действительно, стихи поэта и его внешний облик произвели на нас исключительно глубокое впечатление».

Кац С. Дорогами памяти: Воспоминания. Встречи. Впечатления: (Записки композитора). М., 1978, с. 28–31.

После 8 часов вечера. Есенин вместе с П.Орешиным, С.Клычковым и другими участвует в «Вечере крестьянской поэзии памяти Александра Ширяевца».

Вечер устроен Литературно-художественным обществом имени И.С.Никитина в здании Центрального рабочего клуба — кинотеатр «Гигант».

В первом отделении с докладом «Поэт Александр Ширяевец» выступает Петр Орешин. Стихи, посвященные Александру Ширяевцу, читают Сергей Есенин, Н.Власов-Окский, Сергей Клычков, Петр Орешин и др.

Во втором отделении свои новые стихи читают Н.Власов-Окский, С.Дрожжин, Матвей Дудоров, Сергей Есенин, Сергей Клычков, Леонид Мошин, Петр Орешин, Н.Рогожин, Осип Смольский, Анатолий Степанов, Петр Трошин, Ефим Шаров, Владимир Юренев и др. Ответственный распорядитель вечера — М.С.Дудоров.

См.: Есенин, VII (2), 561–562.

См. Приложение.

Из воспоминаний Е.Е.Шарова:

«Открылся вечер небольшим докладом о самобытном творчестве рано умершего Ширяевца.

Первым на сцену вышел Есенин. Он был встречен громом аплодисментов и приветственными возгласами. Это ободрило всех нас, устроителей концерта, и, видимо, понравилось самому поэту. Восторженная встреча показала, что и наши горожане, особенно молодежь, знают и любят поэзию Есенина.

На этом вечере поэт был, как говорят, в ударе. Он читал изумительно, неподражаемо. В первом отделении концерта Есенин читал стихи: "Мы теперь уходим понемногу...", "Русь советская", "Возвращение на родину", "Письмо матери", "Не жалею, не зову, не плачу...", "Всё живое особой метой...", "Дорогая, сядем рядом...".

Но публика не отпускала его со сцены: аплодисменты, шум, крики, "бис".

Всё первое отделение было отдано москвичам. Во втором выступили поэты-тверяки, а в конце вечера, как говорят, "под занавес", опять вышел Есенин. Он читал стихи "Мне грустно на тебя смотреть...", "Пускай ты выпита другим..." и многие другие. <...> Молодежь в зрительном зале сошла со своих мест, приблизилась к рампе, чтобы лучше рассмотреть Есенина»

Восп., 2, 158.

Отклики в местной печати на выступление Есенина не выявлены.

Есенин делает дарственные надписи поэту М.С.Дудорову, ответственному распорядителю вечера, на своих книгах:

— «Радуница» (1916):

«Дорогому Дудорову / с любовью и Дружбой. / С. Есенин. / 1924. 9 / VI Тверь»;

— «Пугачев» (Пг., 1922):

«Милому Дудорову / С. Есенин / 1924. 9 / VI».

Есенин, VII (1), 237, 238, 481.

Поздний вечер. Есенин с участниками вечера крестьянской поэзии фотографируется в художественной студии Е.Я.Элленгорна.

Фотография неизвестна.

Событие и его время устанавливаются по воспоминаниям Е.Е.Шарова:

«Вечер кончился очень поздно. По окончании, как это было раньше принято, поэты пошли, несмотря на очень поздний час, группой сфотографироваться к Е.Я.Элленгорну, в его художественную студию, в любое время открытую для служителей искусства».

Восп., 2, 159.

Июнь, с 9 на 10. Есенин с участниками вечера ужинает в ресторане «Кукушка».

Из воспоминаний Е.Е.Шарова:

«...все участники концерта были приглашены ужинать в ресторан "Кукушка", который тогда находился в городском саду, на берегу Волги».

Восп., 2, 159.

Июнь, 10. Есенин возвращается из Твери в Москву.

Датировка события определяется с учетом дат дарственных надписей Есенина, сделанных в Твери (см. выше), и воспоминаний Е.Е.Шарова.

Газета «Нижегородская коммуна» (№ 130; раздел «Библиография»; подпись: «Б-а») печатает рецензию на альманах «Круг» № 3 с упоминанием Есенина:

«Поэтическая часть сборника, очень небольшая сама по себе и значительно уменьшившаяся по сравнению с предшествующими сборниками, пестра: здесь и С.Есенин, и В.Александровский».

См.: конец апр. – до 15 мая 1924, первая запись; 31 мая 1924, первая запись; до 16 – до 31 авг. 1924, вторая запись; до 20 авг. 1924; 28 авг. 1924; 1 сент. 1924, вторая запись.

Июнь, до 12. Есенин извещает Н.А.Клюева о предстоящем приезде в Ленинград.

Событие и его граница устанавливаются по воспоминаниям И.И.Маркова, который дружил с Н.А.Клюевым и в первый день приезда Есенина в Ленинград познакомился с поэтом:

«Начиналось наводнение, когда Клюев получил письмо <оно неизвестно> о том, что Есенин собирается в Ленинград».

Марков, 320.

Июнь, 12. Есенин выдает Г.А.Бениславской доверенность для заключения договора с Госиздатом на издание книги стихов «Березовый ситец» и получение причитающегося гонорара.

Есенин, VII (2), 218, 351–352.

На документе — заверительная подпись («Подпись Есенина удостоверяю. Секретарь редакции журнала "Красная новь" Е.Муратова») и редакционная печать.

Договор об издании книги Г.А.Бениславская подпишет 1 июля 1924 (см.).

Июнь, 13. Газета «Бакинский рабочий» (№ 155; подпись: Пессимист) публикует заметку В.З.Швейцера «Черная работа (из летней тетради)» с упоминанием Есенина.

«В вагоне, в духоте, в стуке, за ягодами, за молоком, за волчьей дорожной едой, по нашему старому обыкновению спорили. О боге, о футуризме, о теории Шпенглера, об индийском философе Махатме Ганди, о конструктивизме, о Японии, о Сергее Есенине и еще о множестве разных предметов».

См. также: Шипулина-2006, 113.

Июнь, 14. Берлинская газета «Дни» (№ 485) помещает неподписанную информацию «Пушкинские дни в сов. России» с упоминанием Есенина:

«...Союз писателей почему-то не нашел никого, кроме Есенина, для возложения венка на памятник великого поэта».

См.: 6 июня 1924, первая и вторая записи; 7 июня 1924, первая и вторая записи; 15 июня 1924.

Июнь, до 14 или **до 15.** Есенин отвечает на анкету журнала «Книга о книгах», которая проводится к 125-летию со дня рождения А.С.Пушкина.

Граница события устанавливается по времени отъезда Есенина из Москвы (см. след. запись).

Ответы Есенина на вопросы анкеты:

«1. Как Вы теперь воспринимаете Пушкина?

Пушкин — самый любимый мной поэт. С каждым годом я воспринимаю его всё больше и больше как гения страны, в которой я живу. Даже его ошибки, как, например, характеристика Мазепы, мне приятны, потому что это есть общее осознание русской истории.

2. Какую роль Вы отводите Пушкину в судьбах современной и будущей литературы?

Влияния Пушкина на поэзию русскую вообще не было. Нельзя указать ни на одного поэта, кроме Лермонтова, который был бы заражён Пушкиным. Постичь Пушкина — это уже нужно иметь талант. Думаю, что только сейчас мы начинаем осознавать стиль его словесной походки.

3. Как дать Пушкина современному русскому читателю?

Я не поклонник отроческих стихов Пушкина. По-моему, их нужно просмотреть и некоторые выкинуть. Из зрелых стихов я считаю ненужным все случайные стихотворные письма и эпиграммы, кроме писем к Языкову и Дельвигу».

Есенин, V, 225–226.

О выходе номера журнала с этим материалом Есенина см.: 6 ... 9 авг. 1924.

Июнь, 14 или **15.** Есенин выезжает из Москвы в Ленинград.

Событие и его дата определяются с учетом воспоминаний И.И.Маркова (Марков, 320–321).

Июнь, 15. Парижская газета «Вечернее время» (№ 45) печатает анонимную заметку «Памяти Пушкина» с упоминанием Есенина:

«В день памяти поэта у его памятника кривлялись все: Есенин, Городецкий, Орешин и др<угие> советские клоуны».

Ср.: 6 июня 1924, первая и вторая записи; 7 июня 1924, первая и вторая записи; 14 июня 1924.

Июнь, 15 или **16.** Есенин приезжает в Ленинград и останавливается у А.М.Сахарова (Гагаринская, 12, кв. 1).

Марков, 320–321.

Утро. Встреча поэта с Н.А.Клюевым (ул. Герцена, ныне Б. Морская, 45, кв. 8) и знакомство с И.И.Марковым.

Событие и его время устанавливаются по воспоминаниям И.И.Маркова:

«Мы познакомились у Николая Клюева. <...> В клюевской комнате на Большой Морской, где иконы старинного письма соседствовали с редкими рукописными книгами, можно было встретить Николая Заболоцкого, Алексея Чапыгина, Александра Прокофьева, Даниила Хармса, Павла Медведева. <...>

Поэт <Есенин> появился как-то неожиданно, оживленный, с улыбающимися серо-голубыми глазами и чуть рассыпавшимися волосами. После приветствий и первых радостей встречи между давними друзьями возник спор, такой же внезапный, каким было появление Есенина в тесной комнате на Морской. "Ты знаешь мое из «Четвертого Рима»: Не хочу быть лакированным поэтом / С обезьяньей славой на лбу?.." — вопрошал Клюев. Есенин ответил: "И Клюев, ладожский дьячок, / Его стихи, как телогрейка...".

Клюев хотел было продолжить свою поэму, но Есенин остановил его: "Полно, Николай, оставь свое поповство. Не нужно это и несовременно"».

Марков, 320–321.

Строки Есенина, процитированные мемуаристом, войдут в стихотворение «На Кавказе» (см.: 13 ... 18 сент. 1924).

День. Есенин с Н.А.Клюевым и И.И.Марковым обедают у А.М.Сахарова и читают стихи.

События и их время устанавливаются по воспоминаниям И.И.Маркова:

«Обедать отправились к А.М.Сахарову, на Гагаринскую, где остановился Есенин. Читали стихи, предназначавшиеся для "Антологии крестьянской поэзии". Клюев читал из "Песнослова": "Умерла мама — два шелестных слова...", "Меня Распутиным назвали...", Есенин — "Вечер черные брови насопил...", пишущий эти строки — сказку-наигрыш "Колобок-скакунок". Есенину сказка понравилась, но концовку решили переделать и долго спорили, как именно. Клюев предлагал вместо последней строки написать: "А ты, мышка-коротышка, / По воду ходи, Только Ваню не буди!"»

Марков, 321.

На квартиру А.М.Сахарова к Есенину приходят В.Эрлих и Г.Шмерельсон.

Из воспоминаний И.И.Маркова:

«Потом пришли поэты из группы ленинградских имажинистов Вольф Эрлих и Георгий Шмерельсон и, узнав о чем шла речь, осудили и мой колобок, и всю нашу затею.

Пона добились спички. Кто-то из имажинистов (не помню, кто именно) ловко спустился из окна второго этажа по водосточной трубе и поспешил в магазин. После ухода поэтов-имажинистов Клюев спросил осуждающе: "Ты почему, Сергей, не можешь расстаться с ними?" "А кто же будет ходить за спичками?" — улыбаясь, ответил тот».

Марков, 322.

Июнь, 15 (?) или 16 (?). Есенин читает драматическую поэму «Пугачев» на сцене театра В.В.Шимановского (Стремянная ул., д. 10).

Из воспоминаний А.Вышеславцевой:

«Сергей Есенин предложил нам свою драму "Пугачев", замечательную драматическую вещь, которую он сам прочитал необыкновенно. Мы, конечно, пришли в дикий восторг...».

Рукописи воспоминаний сотрудниц этого театра сестер Вышеславцевых хранятся в собрании Л.Ф.Карохина (Санкт-Петербург).

См. также: 12 сент. 1923; 14–17 окт. 1923, пятая запись; 16 окт. 1923, первая запись; 27 нояб. 1923; 18 дек. 1923, вторая запись; 29 янв. 1924.

Июнь, после 15 или после 16 ... 19. Есенин встречается с Л.М.Клейнбортом.

Событие и его дата определяются по времени нахождения Есенина в Ленинграде с учетом датировки поэтом автобиографии, написанной по просьбе Л.М.Клейнборта (см.: 20 июня 1924).

Мемуарист вспомнит:

«В ту пору возникало издательство, руководить которым я был приглашен. В числе работ, которые должны были увидеть свет в этом издательстве, намечены были книги Есенина, Клюева, Новикова-Прибоя, Чапыгина... С последними я было договорился. Осталось договориться с Есениным.

Я предупредил его, что в такой-то день, в такой-то час буду у него. И когда я пришел, он уже ждал меня на Гагаринской, где жил временно. С той встречи, как я его видел в последний раз, прошло не так много времени. Но до чего он сдал за это время уже чисто внешне! Голова была перевязана, под глазами синяки. Очевидно, он беспросветно пил. Во всех чертах лица, во всем облике таилась обреченность... Увидев меня, он пошел навстречу.

— Вот хорошо, что пришли ко мне!

Я спросил его, почему он перевязан.

— Зубы! — ответил он. Уловив, однако, выражение моего лица, он заулыбался.

— Да, да, не все до большого доходят...

Стали говорить о деле, и он совсем развеселился. <...>

И стал расспрашивать меня про дом. Он помнил даже то, что в моей памяти давно выветрилось.

<...> Я заговорил о нем самом. Он сказал, что был на родине.

— Ну, что ж... деревня?

Он прошелся, как будто не расслышав вопроса. Затем, помолчав:

— Пустая жизнь. Скучная, как дорога... Прямо на смерть направлена.

— С Клюевым виделись?

— Да, да... — Опять помолчал. — Бывают счастливцы!

Я стал прощаться с ним.

— Желаю вам избавиться... — пошутил я, указав на "зубную" боль его.

— Пожелайте мне лучше смерти. Я вам, как отцу духовному, — ответил он в тон. И такой тоской — тоской опустелого дома — повеяло от его слов».

Клейнборт-98, 273–274.

Июнь, после 15 или **после 16 ... 30.** При встрече с В.Ричиотти на квартире А.М.Сахарова (Гагаринская, 1, кв. 12) у Есенина рождается стихотворная импровизация на мотив популярной песни.

Событие и его время устанавливаются (с учетом сроков тогдашнего приезда поэта в Ленинград) по воспоминаниям В.Ричиотти (1926):

«Это было <...> в июне 1924 г. <...> Был серый, праздничный летний вечер. Денег ни у меня, ни у Сергея Александровича не было. Никто к нам не приходил. Квартирохозяева ушли к родственникам, и мы осталась в огромной квартире вдвоем. <...>

Есенин привык к шумным пиршествам, но в этот вечер пить вина он не хотел и словно бы изнутри светился покоем и вдохновением.

— Редко со мною, Володенька, бывают такие минуты. У меня слава и деньги, все хотят общения со мною, им лестно, что я в чужом обществе теряюсь, и только для храбрости я пью. Я рад, что сегодня спокоен и дома. Быть может, в стихах я такой скандалист потому, что в жизни я труслив и нежен... Я верю всем людям, даже и себе верю. Я люблю жизнь, я очень люблю жизнь, быть может, потому я и захлебываюсь песней, что жизнь с ее окружающими людьми так хорошо меня приняла и так лелеет. Я часто, думаю: как было бы прекрасно, если бы всех поэтов любили так же, как и меня. Я сейчас спокоен, спокоен, как философ. Теперь я понял, чем я силен, я умею покорять — у меня дьявольски выдержанный характер.

— Нет, Сережа, характер у тебя вовсе не сильный и покоряешь ты людей своею душой, своим большим талантом, а вовсе не характером.

— Обязательно характером, — загорячился Есенин, — и, пожалуйста, не спорь, характером! Помнишь, я нехорошо обложил публику, а она хоть бы что. Не встала и не ушла. Не-е-е-ет, у меня дьявольски выдержанный характер!

— Если и есть у кого дьявольски выдержанный характер, так это у публики. Она, действительно, выдержала твою ругань.

— А ты знаешь, почему я ее обложил, и помнишь ли, как я ее выругал? Мне это нужно было... проверить...

Я покачал головою. Есенин, хитро улыбаясь, встал с подоконника и направился к ближайшему книжному шкафу, достал какую-то книгу и сказал:

— Это Швыровские очерки. Посмотри на странице 26, подчеркнутое красным карандашом, я именно это и сказал... немного изменив...

Там значилось: "Кин вспылил и, повернувшись к публике, крикнул: «Грубые собаки, молчать, когда я приказываю»"... Есенин вдруг перегнулся через подоконник и крикнул:

— Ма-а-альчик!! Мальчик. Пойди к дяде Уварову — попроси гитару, скажи, что дядя Сережа просит. Ишь, карапуз, как побежал.

Дяди Уварова не оказалось дома, но гитару мальчуган принес и получил в награду серебряную монету...

— Пожалуйста, Володенька, спой "Шарабан"...

Я настроил гитару, ударил то струнам и запел. Есенин не сводил глаз с моих губ, встряхивал своими солнечными кудрями, которые кольцами спадали на голубые глаза. Он несколько раз менял свою позу, ища удобного расположения, и, наконец, задорно сверкая глазами, стал мне подпевать. С последней строфой "Шарабана" стиховой материал песни был мною исчерпан, и я замолк, но голос Есенина всё усиливался и звенел. Поэт импровизировал темы. Я, почти не дыша, тайно слушал и с увлечением дергал гитарные струны, а Есенин пел всё новые и новые строфы о луне, о девушке и о душе. Я не помню всей песни, которую он мгновенно сложил, но мне почему-то запомнились последние три строфы:

Шафранный день звенит в колосьях,
Проходит жизнь, проходит осень...
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка да шарлатанка.

Я с жаром подхватывал припев, а гитара с надрывом вздрагивала под руками. Есенин вдруг охладился, закрыл глаза и стал медленнее и труднее произносить свои строфы:

Рыдайте, други, рыдай, родная,
Стони, стони, душа больная...
Ах, шарабан мой, дутые шины,
А я поеду, да на машине.

И совсем каким-то глухим речитативом полупропел, полупрохрипел:

Всё обойдется, как смех, растает —
Не пой, мой друг, — душа пустая,
Ах, шарабан мой...

Есенин заплакал и опрокинулся на диванные подушки. Слезы теплыми струями плыли по щекам и уголкам его рта. Я перепугался, бросил гитару, наклонился, поглаживая его белокурую голову:

— Что с тобою, Сережа?.. Не надо, милый, родной, не надо...

Мое участие, видимо, его вконец растрогало, он прислонился к моей груди и рыдал, рыдал.

— Друг мой... Володя... я никогда на людях не плакал, не всем можно показать свои слезы... тяжело мне очень... Хочешь, я спою тебе песню?

И он запел свою любимую песню. Его немного хриплый, надсадистый голос врывался глубоко-глубоко в душу и будил в ней воспоминания о детстве и о весне. Бодрые слова подымали настроение, будили энергию и силы. Есенин вполголоса пел:

Это бы-ы-ы-ло де-е-е-ло
Раннею-ю-у весно-о-ою,
В саду ка-а-нар-е-е-йка
Громко ра-а-спева-а-а-ала.

Какие-то стальные нотки прибавились в этой немудреной словами песни. Мотив ее был совершенно исключительным — он то выпрямлялся, то спиралью закручивался. Передавая эту песню, которую я слышал от Есенина много десятков раз, он каждый раз открывал в ней новые исполнительные возможности.

Он был необыкновенно хорош, его пение волновало всех, кому хоть раз посчастливилось его слышать. В этот вечер мое сердце замирало от какого-то особого чувства восторга, и я не двигался до тех пор, пока Сергей Александрович весело не рассмеялся и не воскликнул:

— О, да мы с тобой сегодня, как тургеневские "Певцы"!

— Да, "певцы" — и лишь с той разницей, что я — рядчик, а ты — Яков. И поясной поклон тебе за это».

Ричиотти В. Есенин перед самим собой. — «Красная газ.», 1926, 28 дек., № 311, веч. вып.

«Швыровские очерки» — кн. «Знаменитые актеры и актрисы в характеристиках, воспоминаниях и анекдотах: Очерки А.В.Швырова под ред. С.С.Трубачева» (СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1902).

См. также: Есенин, IV, 492, 540.

Июнь, после 15 или **после 16 — Июль.** В редакции журнала «Звезда» Есенин встречается с И.М.Майским. Знакомится с Е.Я.Белицким, О.М.Бескиным, Сварогом.

События фиксируются по письму Есенина Е.Я.Белицкому от 14 авг. 1924 («...попросил бы Вас передать Майскому...»; «Привет Сварогу, Бескину и проч.»).

Е.Я.Белицкий устно обещает Есенину аванс за публикацию «Песни о великом походе».

Событие фиксируется по информации, содержащейся в письме Есенина Е.Я.Белицкому от 14 авг. 1924 («Вы в Ленинграде благосклонно обещали мне: распорядиться выслать причитающийся гонорар или аванс за мою поэму»). Идет ли речь об издании поэмы отдельной книгой или о ее публикации в журнале «Звезда», не установлено.

Период события устанавливается по времени нахождения поэта в Ленинграде летом 1924 г.

См. также: конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись.

Июнь, вторая половина — Июль, 11. Есенин выступает в одном из клубов Ленинграда.

Событие устанавливается на основании воспоминаний Вс. Рождественского (см. след. запись). Его рамки определяются по содержанию (упоминание «сумрака белой ночи») и с учетом того, что это выступление состоялось до выступления Есенина на вечере в здании Сестрорецкого курзала (см.: 12 июля 1924, первая запись: этот эпизод описан в воспоминаниях Вс. Рождественского позже).

Есенин, возвращаясь с вечера, беседует с И.И.Садофьевым и Вс. Рождественским.

Последний вспомнит позднее:

«По возвращении из своего заграничного путешествия Есенин на некоторое время остановился в нашем городе и охотно принимал участие в групповых выступлениях поэтов перед молодежной аудиторией. Но не очень любил он, когда обращались к нему с вопросами о московском периоде его жизни, о содружестве с имажинистами.

Вспомнилась одна беседа с Сергеем, в которой, впрочем, я был только слушателем. Главным собеседником и зачинателем был в ней Илья Садофьев, непременный организатор и руководитель всех литературных вечеров в рабочих клубах Петрограда.

Мы возвращались с одного из таких собраний, где-то на окраине, возбужденные удачно проведенным вечером, светлым сумраком белой ночи и, разумеется, собственной молодостью. Шли вдоль Невы, по почти пустынной набережной — час был поздний — и обменивались впечатлениями, вспоминали прочитанные стихи, повторяли запомнившиеся из них строчки. Словом, продолжалась уже ранее начатая жаркая беседа. Есенин шел как-то сбоку, был непривычно задумчив, неразговорчив, хотя до этого видели мы его и веселым, и общительным, тем более что каждое прочитанное им стихотворение вызывало бурный и восторженный отклик всего зала.

Илья Садофьев, человек настойчивого, прямолинейно устремленного характера, продолжал донимать Есенина:

— Нет, ты все-таки скажи, Сергей, что это за штука твой московский имажинизм? С чем его едят? Писал ты о нем разные там статьи, подписывал декларации, а я никак не возьму в толк, для чего все это тебе нужно было. Просвети меня, невежду, пожалуйста...

Есенин досадливо обернулся, хотел, видимо, отделаться какой-то шуткой, но по упрямому тону своего вопрошателя, видимо, понял, что уйти от назойливой любознательности будет ему нелегко.

— Имажинизм? А разве был такой? Я, право, и думать о нем забыл...

— Но все-таки?.. — продолжал настаивать Садофьев.

— Все-таки, все-таки, — начинал уже сердиться Сергей. — Ну, сам знаешь, была Москва, шумные, пестрые, сумасбродные годы литературного нэпа. Молоды мы были, озорничали в свое удовольствие. "Стойло Пегаса"... дым коромыслом... Многое у нас шло от злости на поднимающее голову мещанство. Надо было бить его в морду хлестким стихом, непривычным ошарашивающим образом, скандалом, если хочешь, — пусть чувствует, что поэты — люди беспокойные, неуживчивые, враги всякого болотного благополучия.

— А что же, ты и сам думал так в то время?

— Так или не так, какое сейчас это имеет значение? И кому он нужен сейчас, этот имажинизм? Стал бы я и думать о нем, если бы ты не напомнил. И совсем некстати. Я на нем давно уже крест поставил. Потому что все это чушь собачья. Скатертью ему и дорога!

Может быть, Есенин говорил и не теми словами, но его раздражение мне очень памятно, потому что в своей запальчивости бывал он столь же широк и раскидист, как и в присущей ему доброте и щедрости душевной.

А Есенин продолжал, уже заметно оживляясь. И слова его были примерно такими:

— Навязали мне этот имажинизм на шею — словно сам я его и выдумал. Это Кусиков с Шершеневичем придумали, озорства ради <ср.: вторая половина (?) 1918>. А Мариенгоф им поддакивал — тоже, конечно, из озорства <ср., однако, с другими высказываниями Есенина; см., напр.: до 31 авг. 1924>. Образ в поэзии, видишь ли, во главе всего. Даже важнее основного смысла. И должен выпирать, лезть в глаза буквально в каждой строчке. А как всё это складывается в целом, вокруг чего всё и навертелось — дело десятое. Я поначалу тоже поверил, потому что, конечно, без образа поэзии нет. Думал, что и сам-то я с мальчишеских лет имажинист. Да еще какой — в самом библейском размахе, там ведь всё подано по-великански: ноги на земле, а голова в облаках. Но ведь вот в чем дело: образы образами, самые смелые, неожиданные, дерзкие, но к чему они, если рассыпаны без толку, не служат поддержкой заветной твоей мысли, строю твоей души.

А у моих друзей-имажинистов было совсем по-другому. Выдергивали они из стихотворения нить, рассыпали свои образы и сравнения, как раскатившиеся бусины, и поди догадайся, к чему было огород городить.

Вот как изощрялся Вадим Шершеневич в тысяча девятьсот девятнадцатом году. До сих пор помню. Слушай, Садофьев!

По пням вчерашних недомолвок
И мыслей муравьи ползут.
И полдень запрокинулся, неловок.
Вдали авто сверлит у полдня зуб.
Шмель — пестрый почтальон цветочный,

Он сеет зерна тени в мху,
Где пруд в кувшинках облаков и непроточно,
Спит солнечный карась вверху.
И робость летних непривычек,
У воздуха веснушки мошкары,
И тишина вся в дырьях криков птичьих,
Стволы стреляют в небо от жары.

<Речь идет о стихотворении В.Г.Шершеневича «Динамас статики» (1919)>

Что, здорово? Что ни строчка, то бах из пушки. Только всё же я всех вас надул — прочел эти стихи сзаду наперед, снизу доверху. А что от этого изменилось? Да ровно ничего.

Читай и так и этак — всё одно. А почему? Чего ради было такое рожать? К тому же и название придумано заковыристое: "Динамостатика". Понимай как знаешь! Хоть и сам я чудачил в то время, а понял в конце концов, что всё это мне ни к чему. Разругался я тогда со своими спутниками. Правда, остались приятелями, только они при своей вере, я — при своей. Да и разные мы, если глубже взглянуть. У них вся их образность от городской сутолоки, а у меня — от родной Рязанщины, от природы русской. Они скоро выдохлись в своем железобетоне, а мне на мой век всего хватит. Зерно я люблю в колосе, в хлебе, а не вразброс, где попало. И ты мне, Илья Иваныч, об имажинизме лучше не поминай. Пишу не для того, чтобы что-нибудь выдумать, а потому, что душа того просит. Никого ничему не учу, а просто исповедуюсь перед всем миром, в чем прав и в чем виноват. Принимай меня таким как есть, каким меня мать и родина на свет произвели...

Есенин замолчал так же неожиданно, как и вспыхнул в споре. Ниже надвинул шляпу и шел теперь уже молча, погруженный в прежнюю, несколько меланхолическую задумчивость. И его никто уже не тревожил расспросами».

Восп., 2, 108–111.

Июнь, 16 или после 16 (?). Есенин встречается с В.Эрлихом. Читает ему «Возвращение на родину» и рассказывает о замысле новой поэмы «Песнь о великом походе».

Из воспоминаний В.Эрлиха:

«Вернулся Есенин. Он помутнел и как-то повзрослел.

— Милый! Да ты никак вырос за три недели!

— Похоже на то. В деревне был... С Сашкой <Сахаровым>...

— Пил?

— Нет. Немного. Стихи хочешь слушать? "Возвращение на родину". Посвящается Сашке.

После чтения:

— Слушай! А ведь я все-таки от "Москвы кабацкой" ушел! А? Как ты думаешь? Ушел? По-моему, тоже! Здорово трудно было!

И помолчав немного:

— Это что! Вот я поэму буду писать. Замеча-а-тельную поэму! Лучше "Пугачева"!

— Ого! А о чем?

— Как тебе сказать? "Песнь о великом походе" будет называться. Немного былины, немного песни, но главное не то! Гвоздь в том, что я из Петра большевика сделаю! Не веришь? Ей-богу, сделаю!».

Эрлих, 33.

См. также: после 15 или после 16 июня – июль 1924, вторая запись; первая половина июля 1924; после 17 июля 1924; конец второй декады (?) июля 1924; до 26 июля 1924; 1–6 авг. 1924, первая–третья записи; 7–20 авг. 1924, третья запись; 14 авг. 1924, первая запись; 18 авг. 1924, вторая запись; после 20 (?) авг. 1924, вторая запись; конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 2 сент. 1924,

первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; до 14 сент. 1924, первая запись; 14 сент. 1924, первая запись; сент. 1924 – янв. 1925; до 15 нояб. 1924; до 16 дек. 1924, вторая запись.

Июнь, 16 или **17.** В Летнем саду Есенин становится объектом киносъемки. Здесь с ним встречается И.И.Марков.

Последний вспомнит (1965):

«На следующий день после приезда я встретил Есенина в Летнем саду, где его снимали на кинопленку в то время, как он шел по аллее и, наклонясь, срывал с обочины редкие цветы. После съемки к нему подошла начинающая поэтесса и представилась. "Поэтесса? — с усмешкой переспросил Есенин. — Ну, будем знакомы. Приходите от скуки погреться...". И первым отошел, вдруг устыдившись этой резкости».

Марков, 321.

Других сведений об этой киносъемке не выявлено.

Июнь, после 16 — Июль. Есенин неоднократно выезжает вместе с ленинградскими поэтами-имажинистами, В.А.Рождественским, Иваном Приблудным в Детское Село. Встречается с Ивановым-Разумником.

Точные даты этих событий не установлены.

Об одной из таких поездок В.И.Эрлих вспомнит:

«Поезд еще не остановился, но мы соскакиваем на ходу и, с невероятным шумом, перебегаем платформу. Все мы вооружены китайскими трещотками и стараемся шуметь как можно больше. Но, выйдя на улицу, Есенин принимает степенный вид и командует:

— Вот что! Сначала к Разумнику Васильевичу! Повзводно! Раз! Два! Да! Чуть не забыл! К нему — со всем уважением, на которое мы способны! Марш!

Через четверть часа мы у Иванова-Разумника. Ласковый хозяин, умно посматривая на нас сквозь очки пенсне, слушает стихи и сосет носогрейку.

– Так-с... Так-с... (вдох). Пушкинизм у вас (выдох), друзья мои, самый явный! Ну что ж! (вдох) Это неплохо! (выдох) Совсем неплохо!

Перед уходом Есенин просит его сказать вступительное слово на вечере в Доме ученых.

— Скажу, скажу! Но только для вас, Сергей Александрович! Только для вас! Жаль, Федора Кузьмича <Сологуба> нет, а то бы зашли! Очень жаль! Итак, до вечера!

<...> Полумертвые от скуки приходим в Дом ученых. Литературный вечер. После него еще скучнее, чем прежде. Наконец, расходимся в разные стороны. Кто куда, а я — в общежитие института — спать. Рано утром отправляюсь в парк разыскивать своих. Один под кустом, другой — в беседке. Есенина нет. Дважды обойдя город, вижу его, наконец, на паперти собора. Он спит, накрывшись пиджаком, и чувствует себя, по-видимому, превосходно».

Восп., 2, 327–328.

Из воспоминаний Иванова-Разумника:

«Гибель Есенина в 1925 году тесно связана не только с его болезнью (смотри его предсмертную поэму "Черный человек"); ведь и сама болезнь была следствием невозможности писать и дышать в гнетущей атмосфере советского рая. Знаю об этом из разговора с Есениным за год до его смерти, когда он приехал ко мне летом 1924 года в Царское Село».

Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М.: Новое лит. обозрение, 2000, с. 47.

Есенин выступает с чтением стихов в санатории Дома ученых в Детском Селе.

Известно два названия этого санатория: санаторий Дома ученых (САНДОМУЧ) и санаторий ЦКУБУ (так как он находился в ведении Центральной комиссии по улучшению быта ученых). Иногда сокращенно санаторий называли «Дом ученых».

Здание, в котором выступал Есенин, не сохранилось. По описанию Вс. Рождественского, это двухэтажный деревянный особняк неподалеку от железнодорожного вокзала на Широкой улице, дом № 9, с улицы почти весь закрытый густо разросшейся сиренью. Это учреждение было открыто для отдыха с начала 1920-х гг., его официальное название — здравница № 2 ПетроКУБУ (см.: Карохин Л. Сергей Есенин и Царское Село. СПб.: Облик, 2003, с. 165).

Одно из выступлений Л.Ф.Карохин датирует предположительно — 3 или 10 июля 1924 г., сопоставляя воспоминания сотрудницы Пушкинского Дома Е.Б.Покровской, в замужестве Черновой (см.: «Никуда от этой боли не уйти» / Публ. Ю.Шнитникова. — Газ. «Вести». СПб., 1995, 23 дек., с. 8), которая пишет, что выступление состоялось в четверг, с датой поздравительной телеграммы, отправленной Есенину из санатория (см.: 18 июля 1924).

Воспоминания об одном из выступлений Есенина в этом санатории оставили Вс. Рождественский и Е.Б.Чернова. В некоторых деталях они совпадают, а в других расходятся (см. книгу Л.Ф.Карохина). Воспоминания В.А.Рождественского общедоступны (Восп., 2, 116–122).

Из воспоминаний Е.Б.Черновой:

«В четверг пришли с поэтом Всеволодом Рождественским. Увидев их, один из мужчин-"активистов" очень развязно стал приглашать Есенина в их мужскую комнату, где были приготовлены закуски и большой выбор бутылок. Увидев этот стол, Есенин двинулся к выходу, резко отказавшись. Я испугалась, что он оскорблен и сейчас уйдет совсем.

Я бросилась к нему. Есенин, видимо, всё это прочитал на моем лице, остановился, улыбнулся: "Вот если бы меня угостили клубникой..." На столе стояла тарелка клубники — единственная роскошь, которую я себе позволяла. Есенин присел за наш стол. Сестра-хозяйка принесла сахару и сливок. Инцидент был исчерпан.

После ужина все собрались на веранде. Немножко почитал Всеволод Рождественский. Все ждали Есенина. Он читал твердо, читал разное. Когда он произнес: "Розу белую с черной жабой я хотел на земле повенчать...", я не выдержала и принесла приготовленные заранее розы. А он читал еще и еще. Всех заворожило его чтение, даже инициаторы "бутылочного угощения" стояли покоренные и растроганные. Что-то родное, исконно русское звучало в его стихах — то, что уходило, умирало, — и ничем нельзя помочь и никуда от этой боли не уйти!

Вечер кончился, я пошла проводить поэтов. Был чудесный теплый вечер... Все вокруг заливал серебристый лунный свет. "Никто не ложится спать в такую ночь!" — сказал Рождественский, и мы повернули к парку... И поэты читали стихи — и свои, и великих — Пушкина, Лермонтова, Блока...

Утром, когда я вышла к завтраку, столовая была почти полна и, пока я шла к столу, меня сопровождало тихое "ды-ды-ды..." Значит, все знали о моей ночной эскападе. Главное — не смущаться, мне нечего стыдиться, мне можно только завидовать, ведь никто не знал о подарке, сделанном мне Есениным. Не найдя клочка бумаги, чтобы записать стихотворение на память, он сжал кисть моей руки так, что вокруг запястья проступило белое кольцо: "Вот лунный браслет, который вы никогда не сможете снять со своей руки"».

Из воспоминаний И.Андреева:

«Последний раз я встретился с Сергеем Есениным за год до его смерти, в 1924 году. Из молодого студента-медика я уже превратился в молодого ученого и находился в санатории Дома ученых в Царском Селе (тогда называвшемся "Детским Селом").

Я был "королем", как в шутку называли старосту из среды ученых, одной из 2-х санаторий. В другой санатории была "королева" — проф. Ольга Аркадьевна Шевелева, почтенная семидесятилетняя женщина, врач-гинеколог, бывшая рязанская помещица, потерявшая все свое состояние во время революции, но оставшаяся чудесным образом в живых. Эта замечательная женщина была не только выдающимся врачом и ученым, но обладала еще особым «шармом», привлекавшим к ней всех окружающих. Пышные седые волосы, пышный бюст, вечно розовые щеки, добрая улыбка, умные, живые и детски-чистые глаза — заставляли забывать о ее семидесятилетнем возрасте и любоваться ею. Она очень любила музыку и поэзию и по ее инициативе в санатории часто устраивались литературные вечера молодых поэтов, напр., Всеволода Рождественского, Николая Тихонова и др.

Обыкновенно Ольга Аркадьевна всегда советовалась со мной о том, когда и кого пригласить и какой вечер устроить.

И вот однажды "королева" пришла ко мне со своей "инфантой" (т. е. заместительницей старосты) и заявила, что необходим серьезный "королевский совет".

"В Царское Село, — конфиденциально заявила О. А., — приехал знаменитый поэт-скандалист Сергей Есенин. Говорят, что все его выступления за последнее время кончаются скандалами, что он всегда напивается пьяным, бьет стекла, дерется... Но мне все-таки хотелось бы его пригласить к нам в санаторию, чтобы он почитал нам свои стихи... Я так люблю Есенина. Он такой русский, такой горячий, такой талантливый!.. Но я боюсь, обойдется ли его вечер без скандала?"

Я сказал О. А., что немного знаю Есенина, дважды встречался с ним раньше, тоже очень люблю и очень ценю его, и ради огромного эстетического наслаждения при слушании его стихов готов рискнуть и на скандал, хотя почему-то убежден, что в санатории Есенин скандалить не будет.

И мы решили его пригласить.

Часов в 6 вечера Есенин пришел в санаторию в сопровождении молчаливого и растрепанного молодого "поэта" — Ивана Приблудного (так представился сам "поэт" и так его назвал Есенин).

Узнав меня и приветливо со мной поздоровавшись, Есенин отвел меня в сторону и смущенно сказал: "Уж не знаю, как мне быть? Что читать? Как держаться? Я читал свои стихи и поэтам, и студентам, и рабочим, и проституткам, а вот в санатории «Дома ученых» еще никогда не читал... Что интересует этих почтенных «старцев»?"

— Во-первых, здесь очень мало "старцев", — перебил я, — во-вторых, все здесь русские, горячо любящие свою родину Россию... Читайте свои стихи о России.

— Да ну?! — воскликнул радостно Есенин, — так ведь это же мои самые любимые стихи! — и глаза его вспыхнули почти белым "голубым огнем".

Читал Есенин прекрасно. Его страстные и в то же время нежные стихи о России звучали, как русская народная песня, которая, по словам Гоголя, "рыдает и хватает за сердце"!

Он захватил сердца всех слушателей. Молча, затаив дыхание, полные внимания и очей, и душ — слушали последнего русского крестьянского поэта Сергея Есенина молодые и старые русские ученые, научные сотрудники, доценты, профессора и академики.

Успех был огромный.

На глазах у многих были слезы...

Как странно, что в страшные революционные годы (1917–1924) появился настоящий русский поэт... Но как тревожно за него...

"Я последний поэт деревни!" — читал Есенин. Да, это верно!

Скоро-скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час...

Да, и это верно... Это пророчество...

Стыдно мне, что я в Бога верил...
Горько мне, что не верю теперь!

О, да! Очень горько! Это было слишком ясно: слово "горько" было сказано с таким душевным надрывом, с такой безысходной тоской, с такой невыразимой скорбью, с таким глубоким отчаянием и с таким ужасом позднего и бесплодного раскаяния, — что стало жутко!..

Стало так тихо, точно все перестали дышать...

И вдруг заключительные слова:

"Я... хочу... (Есенин остановился и внимательно оглядел всех) ...при последней минуте... (снова пауза, усилившая значительность его просьбы) ...попросить тех, кто будет со мной, —

Чтоб за все грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать,
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать!.."

Все плакали. Плакал и Есенин. Плакал, и не только душой. Улыбаясь смущенно, он украдкой, едва заметным торопливым движением слегка вытер кончиком пальца впадину под одним глазом, так, как будто смахнул какую-то соринку.

Вечер кончился совсем неожиданно.

Седая "королева" — проф. О.А.Шевелева вдруг обратилась к Есенину:

"Сереженька, родной мой! Я ведь тоже рязанская!.. А ты знаешь наши рязанские песни?.. Давай споем вместе!.."

И, обнявшись, рязанский крестьянин и рязанская помещица, совершенно позабыв о всякой классовой борьбе и ненависти, стали петь рязанские русские народные песни.

Было очень трогательно. И один профессор-экономист сказал: "Это выше марксизма!"

После скромного чая с бутербродами, без вина, Есенин, тепло и просто попрощавшись со всеми, тихо ушел в сопровождении молчавшего всё время Ивана Приблудного...

А на другой день мы узнали, что Есенин снова пьянствовал целую ночь, дебоширил и снялся в голом виде, обнимая памятник Пушкину!..»

СЕГС, 369–372.

Ср. с воспоминаниями Н.И.Шарапова (см. ниже).

Есенин и В.И.Эрлих фотографируются со студентами Сельскохозяйственного института у памятника А.С.Пушкину в Детском Селе.

Есенин, VII (3), 250–251.

На снимке: Петр Суднов, Михаил Яковлев, Вольф Эрлих, Сергей Есенин, Игорь Демянцевич (стоят). Сидит внизу Александр Куимов.

Дата события определяется по воспоминаниям свидетелей съемки Н.И.Шарапова и С.Д.Умникова (в архиве последнего хранился негатив этого снимка).

ЕиС, 391.

См. Приложение.

В.И.Эрлих вспомнит:

«Весь день околачиваемся в парке. С нами студенты местного сельскохозяйственного института. Приволокли откуда-то фотографа и снимают нас "в разных позах" на

скамье памятника Пушкину-лицеисту. Раз сняли, другой. А потом — снова трещотки и ходьба по парку. И так до вечера».

Восп., 2, 328.

Н.И.Шарапов вспомнит:

«...утром, в воскресный солнечный день, в общежитие, где я в это время прилег на кровать и уснул одетый (я был один во всем помещении), пришел Сергей Александрович. Он разбудил меня и попросил собрать товарищей из кружка. Разыскал я Суднова, Куимова, Демянцевича, Л.Богората и кого-то еще (не помню, кого именно). Пошли гулять в парки. В лицейском садике сфотографировались у памятника Пушкину, при этом Есенин сел на скамью памятника рядом с Пушкиным, а остальные стояли внизу, у самого постамента».

ЕиС, 391.

«Как студенты ни просили Есенина сесть рядом со скульптурой Пушкина, — вспоминал бывший студент Сельскохозяйственного института С.Д.Умников, — он этого не позволил и разрешил себя сфотографировать только почтительно стоя рядом с Пушкиным».

Цит. по: Карохин Л. Снимок на память. — Газ. «Ленинградская правда», 1984, 16 дек., № 288.

Ср., однако, с воспоминаниями Вс. Рождественского:

«Утром меня разбудил стук в дверь. Есенина в доме не было. Не нашли его и в саду. По своему обыкновению, он пропал бесследно, так и не прикоснувшись к завтраку. Пришлось извиниться и отправиться на поиски.

Как и следовало ожидать, я нашел Сергея за столиком вокзального буфета, и нашел вовремя. Он уже затевал очередной скандал с директором ресторана. Большого труда стоило мне увлечь его на перрон и уговорить сесть в поезд. Движение вагона несколько успокоило его, и он рассказал мне события этого утра:

— Проснулся я ни свет ни заря и открыл окошко. Проклятая сирень так и лезет в лицо. Сколько ее тут — уму непостижимо! Посмотрел я, посмотрел — и потянуло меня на волю. Вылез из окошка прямо на улицу. Иду — ни души. Только грачи возятся в гнездах. И захотелось мне повидать Пушкина, сказать ему: "Доброе утро!" Первому в этот день прийти к его скамейке в лицейском саду.

Прохожу Московской улицей и вижу вывеску: "Фотограф". Ага, думаю, это-то мне и нужно! А час еще ранний, окна и двери закрыты. Стучу, барабаню — никакого толку. Наконец, открывается форточка, а в ней заспанная узкая рожа с козлиной бородкой... "Вам кого? Зачем так стучите?"

Оказывается, сам фотограф. Еле умолил его пойти со мной, даже треногу на своем горбу волочил. А он идет и ругается: "Сумасшедший человек!" — "Ну да, — отвечаю, — сумасшедший! Я Есенин". — "А, Есенин! Ну, тогда понятно!" Впрочем, что ему оставалось делать? Я ему вперед все деньги свои отдал.

Ну, ладно. Пришли. Залез я на памятник, сел рядом с Пушкиным на скамейке, обнял его за плечо и говорю: "Сними меня с Сашей. Мы друзья".

Фотограф даже плюнул. Ехидный был старикашка.

"Да меня за такую фотографию в милицию поволокут!"

"Ничего, говорю, не поволокут. Отругаемся!"

А старикашка опять за свое:

"Так-то так. Снимок действительно любопытный. Сюжет, достойный объектива! Да вот неудобно, свету мало. В такую рань меня подняли. Придется большую экспозицию дать. С минуту посидеть спокойно можете?"

"Ладно, — отвечаю ему, — постараюсь. Ты вот лучше Сашу попроси. Он непоседа".

Щелкнул старичок грушей. Готово! Соскочил я на траву и хотел его обнять, а он, дурак, подхватил свою треногу и бегом.

"В пятницу, — кричит, — зайдете!"

Посидел я еще немножко, поклонился Саше и пошел шататься по паркам. Однако скоро надоело, тоска стала забирать. Вот люблю деревья, а долго с ними не могу — всю душу переворачивает. Стоит каждое, думает и на тебя смотрит: "Ну и дурной же парень, чего даром по свету мечется". И пошел я на вокзал, туда, где людей побольше. Выпил там, конечно. За Сашу. Кто его знает, когда опять увидимся!»

Восп., 2, 121–122.

Есенин выступает в Ратной палате Федоровского городка Детского Села, превращенной в студенческий Дом культуры.

«На сцене, — вспоминала одна из жительниц г. Пушкина, К.А.Калязина, — появился молодой светловолосый человек в сером костюме с белой астрой в петлице... Студенческая аудитория бурно приветствует его. Он объявляет выступление поэта Ивана Приблудного, потом Николая Клюева... Я не запомнила ни одного из их стихотворений. Вдруг раздались дружные возгласы: "Читайте, пожалуйста, сами!" Просьба подхвачена всем залом. <...> Поэт читал увлеченно, щедро даря залу новые и новые стихи: "Разбуди меня завтра рано...", "Пахнет рыхлыми драченами...", "Всё живое особой метой...". Я ошеломлена, взволнована, чувствую обаяние Есенина и этих новых для меня строк....

После концерта молодежь провожала Есенина на вокзал».

Цит. по: Ломан А., Хомчук Н. Сергей Есенин в нашем городе. — Газ. «Вперед», Пушкин, 1965, 10 апр., № 43.

Н.И.Шарапов вспомнит:

«В 1924 году Есенин неоднократно выступал в Ратной палате, и один, и вместе с другими исполнителями. К Детскому Селу поэт был душевно привязан, знал его со времени своей службы в Федоровском городке, на наши приглашения и просьбы почитать студентам стихи всегда охотно откликался.

Был он моложав, невысок, строен, походка легкая, быстрая. Глаза лучистые, голубые, сам весь какой-то удивительно подвижный. <...> Член студенческого кружка поэтов Петр Суднов (ныне доктор сельскохозяйственных наук) вспоминает: "После вечера провожали мы его на вокзал, опоздали на поезд, в ожидании следующего присели в вокзальном буфете за столиком. Я сидел напротив Сергея и все любовался его золотокудрой головой, голубыми его глазами" (письмо от 19 сентября 1971 года).

Он охотно бывал у студентов. Аудитория были отзывчива, жизнерадостна, шутлива. Для нас выступления С.А.Есенина всегда были праздником. Свои стихи он читал как-то по-особому доходчиво, мастерски, в своей манере — слегка распевно, жестикулируя руками, особенно правой. Их образность и музыкальность нас захватывали, будоражили ум и сердце, создавали приподнятое настроение, оставляли в душе легкую, светлую грусть... <...>

Перед своим выступлением в Ратной палате Есенин за кулисами говорил мне: "Пойдите на публику, успокойте ее" (а публика шумит давно, ждет его), — и улыбаясь добавлял: "Сотворите хорошее настроение!" Я выходил. Меня моя студенческая братия встречала шутками и смехом, я просил ее минуточку подождать, не волноваться... Аудитория приходила в доброе настроение. Войдя за кулисы, я смотрел на Есенина, он глазами разрешал мне идти объявлять его выход. Прекрасные вечера, незабываемые! Как много они давали нам! <...>

После литературного вечера или концерта мы (я имею в виду небольшую группу наших студентов-поэтов и любителей поэзии, в которую входили Петр Суднов, Александр

Куимов, Михаил Яковлев, Игорь Демянцевич и некоторые другие, а также часть публики) шли провожать Сергея Александровича на вокзал, оживленно беседуя на разные темы.

Есенин приезжал к нам обычно не один, а в сопровождении то Ивана Приблудного, то Николая Клюева, то Владимира Ричиотти. Однажды Есенин и Приблудный остались на ночлег в Доме учителя, на ул. Ленина, недалеко от вокзала (дом этот не сохранился).

Помню, лежа на траве в садике при доме, мы слушали рассказ Приблудного о его скитальческой жизни беспризорного, о раннем его влечении к поэзии, о знакомстве с Есениным, слушали и его стихи. Есенин сказал нам о Приблудном, что, если тот сохранит себя как поэт, то будет сильнее его, это, мол, уже сейчас чувствуется. Приблудный возражал ему. Затем Сергей Александрович объяснил, что они с Иваном одно стихотворение "положили на песню" и поют ее вдвоем. И оба негромко запели новую для нас песню:

Всё кругом обошел,
Никого не встретил.
Только в крыше сверчком
Копошился ветер.

А давно ль со двора
Гам знакомый несся,
По углам детвора,
На току колосья.

Грядок пестрый наряд,
Сада гомон звонкий,
Частый кашель ягнят,
Жалобы теленка...

А теперь... никого,
Двор, как осень, хмурый,
Только берест кривой.
Да чужие куры...

Без руля, без весла
По гребням прибоя,
Знать, и их унесла
Буря за собою!..

Нам песня понравилась, мы вместе с Есениным и Приблудным спели ее несколько раз и запомнили мотив. Позднее студенты нашего института часто ее пели с большой охотой, вспоминая чудесные встречи с Есениным».

ЕиС, 388–391.

Есенин часто проводит время с В.С.Чернявским.

События фиксируются по воспоминаниям последнего:

«На некоторое время он уезжал в Москву и опять вернулся — всё еще без вещей, "постояльцем" с чемоданом... Ему казалось, что он живет тихо, реже пьет и может хорошо работать. Но мне он представлялся окруженным плотным кольцом не то профессиональных, не то собутыльнических связей, вереницей случайных друзей, которые и здесь наперебой помогают ему "расшатываться и пропадать". Не напоить Есенина, не напиться с ним казалось почти неприличным.

Часто говорили мне, приоткрыв дверь: "Вы к Есенину? Еще с третьего дня не возвращался". А однажды один из поэтов, вообще очень развязный, а на этот раз очень пьяный, загородил мне дорогу и уверял, что Есенина видеть "никак, никак нельзя".

На какое препятствие намекал он, я так и не разузнал. В другой раз сам Сергей, услышав мой голос, успел опровергнуть заявление, что его нет дома, и, хотя это случилось в час, когда он действительно работал, не позволил мне уйти. Почти каждый раз он провожал меня домой по улицам, не надевая шапки, крепко ухватив меня под руку, милый и ласковый, но сам так и не собрался посмотреть мою новорожденную "ляльку" (так он издавна называл маленьких детей), а мне не верилось, что его прельщает семейственность, и я не решался звать его к себе. <...>

...И опять проблеском — трезвая, ясная собранность, в свете которой являлся из этого тумана живой и настоящий Сережа... Таков был один вечер, тоже "без денег и вина", но приятный. Сергей в библиотеке Сахарова, очень тихий, деловитый, разбирающий книги, влезая на лесенку. Перелистывал, когда я вошел, Глеба Успенского, но, отложив его в сторону, заговорил о тяге своей к настоящим классикам, к магистрали русской литературы. Его лицо было серьезно, он совсем не шутил, на лбу — морщинки, в глазах — еще новая для меня зрелость. Он весь был погружен в созерцание своего большого писательского дела. Показывая мне корректуры собрания своих стихов (тогда предполагалось два тома), он оценивал их как завершенный этап. Имена Пушкина и Гоголя мелькали в его четких замечаниях. К стыду моему, я не сумел разглядеть тогда его культурного роста, давно перешедшего за грани знакомого мне ребячества.

При встречах с ним, благодаря их прерывистости и обстановке, в которых они происходили, я "обалдевал". Меня все больше наполняло неосознанное, но тяжелое ощущение всей стихийной зыбкости его *человеческой* судьбы, которая казалась мне важнее его поэзии и которую еще нечем было мерить».

Восп., 1, 231–232.

Июнь, 18 ... 22. В Москве выходит журнал «Книга о книгах» (№ 3; за май) с публикацией «Современная критика о вольных и невольных попутчиках. Опыт хрестоматии», где упоминается Есенин:

«С.Есенин

Л.Троцкий — <"Литература и революция">, стр. 50:

...отразил на себе предреволюционный и революционный дух крестьянской молодежи, которую расшатка деревенского уклада толкала к озорству и бесшабашности.

Заграничным журналистам он объявляет себя левее большевиков. Это в порядке вещей и никого не пугает. Сейчас для Есенина — поэта, от которого... все-таки попахивает средневековьем, начались годы "странствия".

А.Воронский — <"Литературные силуэты. Сергей Есенин" — Красная новь, 1924, № 1>, стр. 275:

Ярко отразил в своих стихах собственнические взгляды и надежды нашего крестьянства, с которыми оно вошло в революцию, но отразил в мистической форме.

Ibid. стр. 281:

Он двойственен, расколот, дисгармоничен.

Ibid. стр. 283:

Опоэтизирование хулиганства...

Ibid. стр. 285:

И что хуже всего: в эти висельные, конченные, безнадежные стихи "Москва кабацкая" вдохнул подлинный лиризм».

К материалам хрестоматии есть сноска, где говорится, что используются материалы 1924 года.

Рамки события — по информации в газ. «Правда» (1924, 17 июня, № 134: «На днях выйдет "Книга о книгах". № 3, май 1924» и 1924, 22 июня, № 139 — в разделе «Новые книги»).

Июнь, 19. Е.А.Есенина пишет Г.А.Бениславской перед отъездом в Константиново из Москвы:

«Милая Галя! Я уезжаю домой, была у тебя, но не застала. Деньги из "Красной нови" получила, 200 руб<лей>, но уже нет денег ничего, поэтому я беру у матери и из ее денег трачу вот на что: сапожнику 6 р<ублей>, Пышкиным 10 р<ублей>, сандалии 9 р<ублей>. И еще на разные мелочи. Это ты должна сказать Сергею, в случае чего. Галя, теперь я тебе объясню, какой может быть случай: я уезжаю, но деньги, кот<орые> Сергей мне велел взять у тебя для меня, ты, пожалуйста, не поленись, пошли мне в деревню, так как я должна их отдать нашим, а то они мне испортят всё лето своим нытьем, и лишь из-за того, что я у них взяла деньги.

Ну вот, а Сергей может сказать: так зачем ей деньги нужны в деревне? А ты теперь можешь ему объяснить. Денег он велел мне взять четыре червонца. Принесла все ваши книги. Ну вот, я прощаюсь с папиросами — последние курю у тебя. А когда у тебя не будет папирос, ищи везде в своей комнате и ворчи. Приезжай на хутор, я буду там и всё устрою как следует. Тащи Сергея на хутор. Купите аршин 20 марли, чтобы затянуть окна от комаров. Больше мне писать нечего.

Пока до свидания. Целую, целую и целую. Катя.

Приезжай».

Шубникова-Гусева-2008, 274–275.

Полная датировка (год написания) письма устанавливается по содержанию. Речь идет о получении денег за публикацию стихов Есенина в № 3 «Красной нови» (см.: до 25 мая 1924). Вскоре после получения письма Г.А.Бениславская побывала в Константинове (конец июня — начало июля 1924).

Июнь, после 19. Выходит журнал «Печать и революция» (книга 3; за май-июнь) с информацией о выходе из печати журнала «Красная новь» (№ 3) со стихами Есенина.

Время выхода — по газ. «Правда» (1924, 19 июня, № 136: «На днях выходит...»).

Июнь, 20. Есенин пишет автобиографию с таким окончанием:

«Мне нравится цивилизация, но я очень не люблю Америки. Америка — это тот смрад, где пропадает не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества.

Если сегодня держат курс на Америку, то я готов тогда предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба немного вросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошаденка. Это не то что небоскребы, которые дали пока что только Рокфеллера и Маккормика, но зато это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др.

Прежде всего я люблю выявление органического. Искусство для меня не затейливость узоров, а самое необходимое слово того языка, которым я хочу себя выразить. Поэтому основанное в 1919 году течение имажинизм, с одной стороны, мной, а с другой — Шершеневичем, хоть и повернуло формально русскую поэзию по другому руслу восприятия, но зато не дало никому еще права претендовать на талант. Сейчас я отрицаю всякие школы. Считаю, что поэт и не может держаться определенной какой-нибудь

школы. Это его связывает по рукам и ногам. Только свободный художник может принести свободное слово.

Вот всё то короткое, схематичное, что касается моей биографии. Здесь не всё сказано, но, я думаю, мне пока еще рано подводить какие-либо итоги себе. Жизнь моя и мое творчество еще впереди».

Есенин, VII (1), 16–17.
См. след. запись.
См. также: 1923, пятая запись.

Июнь, после 20. Есенин передает Л.М.Клейнборту автобиографию для его второго тома «Очерков народной литературы» (книга не выходила).

Есенин, VII (1), 14–17, 404–410.
См. предыд. запись.
См. также: 1923, пятая запись.

Июнь, 21. Ленинградское издательство «Прибой» выпускает сборник «Книга для чтения по истории новейшей русской литературы. Рабоче-крестьянское творчество за 30 лет: Поэзия. Беллетристика. Критика. Документы. Манифесты литературных групп» (составление, примечания и вводные статьи В.Львова-Рогачевского) с произведениями Есенина:

«О Русь, взмахни крылами...»; Автобиография (Берлин, 14 мая 1922 г. Из «<Новой> русской книги», Берлин, 1922, № 5); «Товарищ»; «За темной прядью перелесиц...»; «Голубень»; «Гой ты, Русь, моя родная...»; «Матушка в Купальницу по лесу ходила...»; «Проплясал, проплакал дождь весенний...»; «Исповедь хулигана» <«Хулиган» («Дождик мокрыми метлами чистит...»)>; «Сорокоуст»; «Всё живое особой метой...»; «Заметался пожар голубой...»; «Ты такая ж простая, как все...».

Инвентаризационный каталог, 86.
См. также: Юсов-94, 100–101.
Отклик см.: 30 нояб. 1924.

Б.Пильняк упоминает Есенина в письме к Д.К.Богомильскому и Н.Э.Хелминскому:

«...всем друзьям поклон, — и где Есенин и Иванов, — об обоих о них соскучился...».

Пильняк Б.А. Переписка / Сост., вступ. статья, комментарии К.Б.Андроникашвили-Пильняк. М., 2010, т. 2 (в печати; сообщено К.Б.Андроникашвили-Пильняк).

Июнь, 22. Журнал «Ленинград» (№ 12) помещает объявление о подписке на издание и указывает:

«В журнале участвуют: В.Александровский, Гл. Алексеев, П.Антокольский, А.Аросев, П.Арский, Н.Асеев, Демьян Бедный, К.Боженко, В.Брюсов, А.Воронский, В.Вересаев, М.Герасимов, А.Грин, Макс. Горький, Н.Державин, Сергей Есенин, К.Еремеев, Е.Зозуля, А.Зуев, Всев. Иванов, В.Каверин, В.Казин, В.Кириллов, Н.Клюев, И.Касаткин...».

См. также: 15 и 30 июля 1924; 5 сент. 1924, вторая запись.

Берлинская газета «Дни» (492; подпись: «Р. Ан-ов») публикует рецензию на книгу «Русская лирика» (Париж, 1924):

«Автор указанной выше антологии <Д.П.Святополк-Мирский> проявляет тоже, несомненно, резко субъективное отношение. Он сам говорит в предисловии, что не настаивает ни на объективности, ни на старании сделать свою антологию объективной, но всё же он ставит меру субъективности, представляя себе свой труд "цельным" внутренне логическим единством, в котором и ломоносовский Иов и гитара Аполлона Григорьева, и есенинский жеребенок являются необходимыми и взаимно-обусловленными подробностями».

См. также до 11 февр. 1924; 4 мая 1924, первая запись; 18 мая 1924, четвертая запись; май (?) 1924, первая запись.

Июнь, 24. Вс. Иванов пишет Н.Анову:

«Сижу, пишу романы, пью с Сергеем Есениным и даже имею желание его обогнать».

Сб. «Всеволод Иванов — писатель и человек», М.: Сов. писатель, 1975, с. 55.

Июнь, до 28. Есенин пишет маленькую поэму «Русь советская».

В черновике зачеркнуто посвящение:

«Алекс<андру> Сахарову».

Есенин, II, 94–97, 405–413.

Дата события определяется с учетом того, что 28 июня 1924 г. Есенин пошлет поэму для публикации В.В.Казину (см.: 28 июня 1924, первая запись). На черновом автографе помета рукой Г.А.Бениславской: «Лето 1924».

Черновик имеет значительную правку, многие строки — несколько слоев правки: 40-я – 42-я строки — десять, а предпоследняя строфа — «Цветите, юные, и здоровейте телом...» — двенадцать слоев. Например, строки 7–8 имели варианты:

I Ветрянка-мельница — бревенчатая птица
Курлычет жалобно в просторы сирых нив.

II Ветрянка-мельница — бревенчатая птица
Курлычет жалобно в просторы серых нив.

Не вошли в основной текст зачеркнутые в черновике строки после 12-й:

Там свиньи бродят и толпа собак
Страстям своим [находит] пристанище находит.

И после 83-й строки:

И может быть, приду я как шарманщик
Опять сюда в последний, может, раз
И запою опять, как пел когда-то раньше,
О том, что навсегда неведомо для вас.

В.С.Чернявский свидетельствует:

«Незадолго до отъезда <см.: вечер 31 июля 1924> он утром, едва проснувшись, читал мне в постели только что <так!> написанную им "Русь советскую", рукопись которой с немногими помарками <она неизвестна> лежала рядом на ночном столике. Я невольно перебил его на второй строчке: "Ага, Пушкин?" — "Ну да!" — и с радостным лицом твердо сказал, что идет теперь за Пушкиным».

Восп., 1, 232.

Автор комментария к этому произведению С.И.Субботин видит связь заглавия «Руси советской» с содержанием одной из статей А.К.Воронского: «Произведение создавалось в то время, когда Есенин продолжал работу над отрывком из поэмы "Гуляй-поле", позже озаглавленным "Ленин" <...>. Читая

в связи с этим материалы о вожде, поэт не мог пройти мимо статьи А.К.Воронского "Россия, человечество, человек и Ленин" <...> (подробнее о ней см.: Куприяновский П.В. "...Но есть Ленин". — журн. "Подъем", Воронеж, 1985, № 8, авг., с. 136, 139). Критик, в частности, писал: "...теперь, на глазах наших, растет и лезет изо всех щелей Русь новая, советская, Русь кожаных людей, звездоносцев, красных шлемов <...>, у кого на степной полевой загар легли упрямые тени <...>, а в лесных, голубых, васильковых глазах сверкает холод и твердость стали..." (<журн.> "Прож<ектор>", 1923, № 14, 31 авг., с. 18). Вероятно, смысл и пафос этих слов оказались созвучными раздумьям самого Есенина о новой России и сыграли роль при выборе им названия для поэмы» (Есенин, II, 412).

О первой публикации произведения см.: до 23 сент. 1924 (там же — отсылки к откликам на нее). См. Приложение.

При падении с лошади Есенин получает телесные повреждения.

Событие и его граница — по письму поэта В.В.Казину (см.: 28 июня 1924, первая запись), где упоминается об этом случае. Позднее (15 июля 1924) Есенин напишет Г.А.Бениславской:

«...катался на лошади и разбил нос.

У меня съехал горб (полученный тоже при падении с лошади). Хотели и правили, но, вероятно, оч<ень> трудно. Вломилась внутрь боковая кость. Оч<ень> незаметно с виду, но дышать плохо».

Есенин, VI, 170.

Есенин посещает Сестрорецк.

Событие и его граница определяются на основании письма Есенина к В.В.Казину (см. след. запись).

Июнь, 28. Посылая В.В.Казину поэму «Русь советская» с просьбой устроить ее публикацию, Есенин пишет:

«О тебе я думаю всё это время очень много. Был в Сестрорецке и уверен, что тебе понравится. <...> Если ты еще не раздумал, то приезжай прямо ко мне. Я сейчас один во всей квартире.

Слышал я, что обо мне в Москве ходят слухи, будто бы я очень сильно разбился с лошади. Да! Я правда ушибся, но не очень, просто немного проехал носом. Сейчас уже всё прошло. Живу тихо и скучно. Ах, если бы сюда твой Девкин переулок! <...>

Крепко жму твою руку.

Любящий тебя Сергей Есенин.

Привет Клычкову и Орешину».

Есенин, VI, 169, 596–597.

«Вскоре он <Есенин>, — вспомнит В.В.Казин, — прислал мне письмо, где предлагал жить в Сестрорецке. Вместе с письмом прислал "Русь советскую". Просил денег. Деньги мы ему тут же выслали, а маленькую поэму напечатали в "Красной нови" <см.: до 23 сент. 1924>».

Цит по: Бишарев О. Василий Казин (машинопись; архив Н.Г.Юсова).

Отвечая на вопрос о Девкином переулке, В.В.Казин пояснил в телефонном разговоре с О.Бишаревым:

«Тогда не каждый писатель имел свой угол в Москве. А тут у меня целая комната <точный адрес: Девкин пер., 20, кв. 11>. Был один случай. Пришли ко мне как-то Есенин и Бениславская. У нее хоть была своя комната, но туда уже "внедрились" есенинские многочисленные друзья, так что самой хозяйке и "новому хозяину" (Есенин ушел от Дункан) и спать-то иногда негде было. Поужинали. Отдал я им свою кровать, сам на полу пристроился...».

Цит по: Бишарев О. Василий Казин (машинопись; архив Н.Г.Юсова).

Июнь, до 30. Журнал «Красный перец» (№ 12) публикует сатирический материал «Прогулка по мукам: (Литературно-божественная комедия)», в котором идет речь об отечественных и эмигрантских литераторах, в том числе о Есенине.

В строфе 15 имя Есенина подразумевается и названо в примечании:

Но с фактом всё же надобно считаться:
В аду попутчиков увидел я.
Тут и Серапионовские братцы,
Очаровательнейшая семья,
И Пильняки — лихие госиздатцы[44],
И множество иного воронья.

Примечание: [44] «Кругисты»: Б.Пильняк, Серапионы, Н.Тихонов, С.Есенин и др.»

Последняя (16-я) строфа о Есенине:

А дальше — сочинители стихов.
Не разберешь во мраке адской сени,
Где начинается Сергей Клычков
И где кончается Сергей Есенин[46].
Меня смутила мутность их зрачков,
Но понял я причину их мучений:
Поэтам сим, — смеяться тут грешно, —
Страдать от адской жажды суждено[47].

Примечания: [46] Есенин и Клычков — оба т. наз. "крестьянские поэты". Хотели издавать журнал "Россиянин" <"Россияне">, что не состоялось по причинам, приведенным в следующем примечании.

[47] Жажда у них, действительно, адская. О чем гласят неоднократные милицейские протоколы и побитые стекла пивных».

Июнь, конец. В Москве выходит «Рабочий журнал» (№ 2) со статьей Г.Якубовского «Марксизм на литературном фронте», содержащей аллюзию на стихи Есенина.

Время события определяется по информации о выходе номера (газ. «Правда», 1924, 1 июля, № 146).

Из главы 5 «Что надо?»:

«... в политике партии по отношению к искусству определенно выявляется курс на специалиста, ставка на талантливого художника. Партия, подобно опытному врачу, терпеливо наблюдает течение данного длительного процесса в организме, даже если при этом склоки группировок, кружков и продукты попутничества не особенно приятно пахнут. Только таким путем можно выявить здоровые течения, давая им возможность нормально и успешно развиваться, в то же время предоставляя гнили разлагаться и догнивать до конца вместе с прочими отбросами "Москвы кабацкой"».

Июнь, конец — Июль, до 15. В Госиздате РСФСР выходит в свет второе издание хрестоматии для трудовой школы «Зеленый шум» (часть I; серия «Учебники и учебные пособия для школ I и II ступени»; составители Е.Е.Соловьева, В.И.Волынская и др.) со стихотворением Есенина «Воробушки» <«Поет зима — аукает...»>.

Кн. летопись, 1924, № 13, июль, поз. 6802.

См. Приложение.

Во Всероссийскую книжную палату поступает альманах «Возрождение» (т. 2), выпущенный в 1923 г. под маркой издательств «Время» и «Мосполиграф», с рецензией Ис. Соболева на «Собрание стихов и поэм» Есенина (Берлин, 1922).

Кн. летопись, 1924, № 13, июль, поз. 6729.

Автор пишет:

«С Есениным случилось "необыкновенное происшествие". Тому причиной — город Берлин, город вообще неплохой, но сильно испорченный русской эмиграцией, сделавшей его скверным провинциальным городишком, где каждого вновь приезжающего принимают за "ревизора". Российским имажинистам особенно повезло в этом смысле. Непризнанные в России, они перекочевали за границу, где им на слово поверили, что они великие русские поэты. Доказательств не требовали. В России примирились с мыслью, что в период, когда революционные страсти еще кипят, ждать подлинного поэта революции еще не приходится.

Русские же "заграничники" захотели показаться роялистами больше, нежели сам король. На Есенина они набросились особенно, сразу сочли его единственным кандидатом на освободившийся, после Александра Блока, трон... В эти годы немало сменялось кумиров, немало идеологий, немало лозунгов. За каждое появлявшееся вновь ухватывались с жадностью: не в нем ли откровение эпохи, смысл ее, стиль ее?!

Что такое история новейшего искусства, как не история калейдоскопической смены калифов на час? Есенина никогда не существовало. Есенин не существует. Легковерное заблуждение. Его выдумали безрассудные критики и истерические гимназисты, которым во что бы то ни стало нужен был большой поэт. В конце концов, что такое Есенин? Если уже говорить о нем, то имея в виду его давние лирические стихи, его последний период. Хотя бы "Пугачев" — ведь это же просто безвкусное рукоделие. Многословие поверившего в свою гениальность графомана. Его давняя лирика просто хороша. Ее мотивы не оригинальны, но приятен поэтический метод.

Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезд учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.

Или:

Черная, пóтом пропахшая выть,
Как мне тебя не ласкать, не любить?
Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет благодать.

Он, конечно, подлинный поэт, не гениальный, не великий, он просто — хороший поэт. В его мотивах несомненная любовь к природе, к природе в ее спокойствии, в ее недвижности. Смешно величать его поэтом революции, поэтом, созданным революцией, его, которому так чужда "динамика современности". Думается, что ореол "великого поэта", которым окружили Есенина чрезмерно усердные почитатели, немало испортил его как поэта. Недавно, кажется, в московском "Понедельнике" появилась интересная статья Сергея Клычкова, в которой приводится следующий чрезвычайно любопытный факт. Клычков застал однажды Есенина за такой работой. Есенин стоял, наклонившись над множеством маленьких кусочков бумаги, на которых были написаны десятки случайных слов — существительных. Соединяя две бумажки наугад, Есенин записывал взятые по паре существительные, отыскивая таким образом получаю-

щиеся иногда тропы. Приведенный факт как нельзя лучше иллюстрирует характер "творческой работы" Есенина в последний период, когда ему, в силу случайно занятого им положения, необходимо было дать что-либо исключительно оригинальное. Революционный пафос в поэзии Есенина отсутствует, хотя и встречаются у него "революционные" слова, хоть не под плохими соусами. Первое собрание стихов и поэм Есенина, изданное Гржебиным, дает лишь убедиться, насколько преувеличили, переоценили как талант, так и значение его как поэта».

Автор имеет в виду статью С.А.Клычкова «Утверждение простоты», опубликованную (30 окт. 1922) в газете «Новости», прежде называвшейся «Московский понедельник». Ср. также: до 20 окт. 1923.

О книге Есенина и об откликах на нее см.: 25 сент. ... 18 нояб. 1922; 19 нояб. 1922, первая запись; 24 дек. 1922; до 9 февр. 1923.

См. Приложение.

Июнь. Есенин пишет стихотворение «Этой грусти теперь не рассыпать...».

Есенин, I, 183–184, 344, 610–611.

Черновой автограф имеет помету неустановленного лица: «июнь 1924».

Первые строки черновика, развивающие сквозной мотив поэзии Есенина последних лет, в том числе поэмы «Анна Снегина», не вошли в окончательный текст:

[Я так много]
Где ты, нежная девушка в белом
[Что калит<ку>]
Ранних лет моих [радость и] радостный свет.

Образность окончательного текста и слова из автобиографии Есенина (20 июня 1924): «...я готов предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба немного вросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошаденка» — возможно, навеяны финалом статьи А.А.Блока «Судьба Аполлона Григорьева» (см.: Есенин, I, 610–611).

О публикациях см.: 25 сент. 1924, вторая запись; после 4 окт. 1924.

Есенин работает над повестью «Когда я был мальчишкой...».

Событие и его время устанавливаются по информации, опубликованной в журнале «Книга о книгах» (№ 5–6, за июнь; номер выйдет позже — см.: 6 ... 9 авг. 1924).

Произведение неизвестно. Однако в архиве Н.В.Есениной сохранился фрагмент прозаического текста, который, скорее всего, относится к этой повести:

«"Где ты был? Где ты был, сукин сын? Опять у тебя морда в пуху! Опять съел голубку, мать твою перемать!"

Он [кот] стоял, понуря голову, и слова, которыми костил его дед, вероятно, казались ему вроде скипидара. Я помню такой случай. Когда он был еще котенком, на квартире у нас жил живописец Люхин. Однажды он чистил брюки [от,] запачканных каплями красок, неожиданно увидев его, сказал мне: "Я его подержу, а ты валяй, ему капни". Он был доверчив. Когда я взял его за задние лапы, он, по-видимому, и не подозревал того, что с ним сделают. Три капли, которые я опустил в его беспушистое место, сделали [такой] невероятный фонтан с его стороны, [что] и я, ощутив в своих глазах горючее, бросил его к черту.

После мне говорили, что он своим седалищным местом подмел весь проулок. Сядет, загнет хвост трубой и давай ехать, а живописец приговаривал: "Слушайте, сударь! Этак вы в Варшаву без пересадки попадете! Нельзя ли помедленней?" Тогда выходила бабка и говорила: "Хоть вы и

живописец, Михаил Иванович, а разуму в Вас нет, потому как это можно скотину бессловесную мучить…" Живописец надувался и отвечал: "Идите Вы, Наталья Евтеевна, туда, где [не] раньше были! Что Вы за кошачья мать такая?.."

Погода вешняя была тогда не такая, что теперь. Было сухо, тепло, пахло сиренью, и вообще, ежели бы на селе не жила дьячиха, от которой капустой пахло, — жизнь была бы невероятной по своему одухотворению [тем более, потому что самого меня гофрили, чтоб расчесать кудрявую голову, деревянным маслом]. Кот наш ощущал ароматы природы, вероятно, сильней нас. Страсти в нем просыпались в такое время до чертиков. И когда говорили, что дьячиха забеременела от прохожего кота, — я думал, что этот кот и есть наш — самый».

Юсов Н.Г. Неизвестный отрывок. — Журн. «Слово», 2005, № 5, с. 45.

Публикатор пишет: «…события, описанные в очерке, происходили в детские годы Сергея Есенина, когда ему было примерно 7–8 лет и он жил в доме у деда и бабушки по матери Федора Андреевича и Натальи Евтихиевны Титовых. Как вспоминал сам поэт в одной из своих биографий, "рос озорным и непослушным", всегда готов был на разные проказы. <…> Кстати, не о том ли коте из детских лет вспомнит позднее Есенин в стихотворении 1925 года "Ах, как много на свете кошек…", посвященном "Сестре Шуре", с таким печальным концом:

Всё прошло. Потерял я бабку,
А еще через несколько лет
Из кота того сделали шапку,
А ее износил наш дед.

В отрывке есть также <…> зачеркнутая строка, которая перекликается со строкой в автобиографии поэта, написанной в 1922 году: "По субботам меня мыли <…> и гарным маслом гофрили голову, потому что ни один гребень не брал кудрявых волос"» (журн. «Слово», 2005, № 5, с. 45).

Учитывая содержание прозаического отрывка, Н.Г.Юсов относит его к началу повести «Когда я был мальчишкой», которую Есенин не завершил.

См. также: после 7 или 8 … до 30 или 31 мая, или после 3 или 4 июня 1924.

Московский журнал «Всемирная иллюстрация» (№ 3/4) публикует:

— статью И.Н.Розанова «Народная тропа: К 125-летнему юбилею А.С.Пушкина» и фотографию, на которой Есенин возлагает венок к памятнику Пушкину.

См.: 6 июня 1924, первая запись; 7 июня 1924, первая и вторая записи.

См. Приложение;

— статью В.Львова-Рогачевского «Поэт Поволжья: Памяти Александра Ширяевца (1887–1924 г. 15 мая)», где говорится о Есенине:

«…за последние десятилетия русская литература вступила в полосу волжских писателей, отразивших "раздолье" Поволжья. После Максима Горького и Петрова-Скитальца пришел сын волжского ключника Артем Веселый…».

Автор называет в этом ряду А.Толстого, С.Клычкова, П.Орешина, М.Герасимова и др. и продолжает:

«Два друга и собрата, Неверов — автор "Андрона Непутевого" — и Ширяевец, певец "раздолья"»;

«Все эти поэты *Поволжья* не похожи на поэта *Поморья* с его перезвоном сосен, на рязанца Есенина, голубоглазого и кудрявого, с его "Голубенью", на хмурого, точно обугленного на огне страсти курянина Пимена Карпова с его хлыстовским раденьем.

Есенин, Орешин, Клюев, Клычков, Пимен Карпов, Александр Ширяевец выступили почти одновременно через 5–7 лет после первой русской революции 1905 года, когда и всколыхнулся ржаной "океан", когда проснулась мужицкая дума и вспыхнули горячим огнем песни "ржаного солнца", "ржаные песни".

Но расцвет крестьянской поэзии связан с новой революционной бурей 1917–21 гг., когда Н.Клюев, северный баян, творец полесских хвойных слов, дал два тома своего "Песнослова", С.Клычков выпустил свои книги: "Дубравна", "Домашние песни", С.Есенин — поэмы "Товарищ", "Марфа Посадница", "Ус", "Пугачев", П.Орешин — свою лучшую книгу "Ржаное солнце", Александр Ширяевец — свои "Заря-Заряница" <так!>, "Мужикослов", "Раздолье", "Узоры".

Теперь народилось уже новое поколение новокрестьянских поэтов: Ганин, Наседкин, Приблудный, и радужная песня молодых поэтов из "Радуги" радостно сплетается с волжской "Запевкой" Ширяевца.

В мире красок и звуков родилась новая песня новой России».

Московский журнал «Журналист» (№ 12) помещает информацию, в которой говорится о Есенине:

«Еженедельный художественно-литературный журнал "Жизнь искусства" под редакцией Гайка Адонца (петербургского). Подписка продолжается.

При ближайшем участии: <...> Есенина <...>».

Польский журнал авангардного искусства «Blok» (Варшава, № 3/4) публикует поэму Есенина «Пантократор» в переводе Владислава Броневского.

См. Приложение.

В варшавском журнале «Nowa Kultura» (№ 37) публикуется статья Витольда Вандурского «Zdobycze artystyczne poezji proletarjackiej (Na marginesie wiersza W. Kazina)» «Художественные достижения пролетарской поэзии (На полях стихотворения В.Казина)», где заходит речь о Есенине.

В статье рассматривается стихотворение В.В.Казина «Ох, праздник, и какой пустой!..» (1920). Зарубежному читателю оно было тогда доступно по сб. «Поэзия революционной Москвы» (Берлин: Мысль, 1922, с. 66–67).

Упоминая В.Маяковского и В.Каменского, В.Вандурский выделяет также А.Гастева и Есенина:

«Среди значительного уже числа посредственных или еще неопытных в отношении <поэтической> техники пролетарских авторов — мы имеем уже целый ряд поэтов с яркой индивидуальностью. На польской земле наиболее известен Ал. Гастев — из рабочей среды, а также – самый выдающийся в России (а может быть, и в Европе) — Сергей Есенин из среды крестьянской».

Но основное внимание, в соответствии с заглавием статьи, уделяется в ней творчеству В.Казина. Лишь в заключение автор отмечает:

«...творчество пролетарских поэтов, не только Казина, но и А. Гастева и, тем более, Сергея Есенина, которых мы за неимением места не можем анализировать, — безусловно, имеет все свойства настоящей поэзии и, более того — несет с собой целый ряд новых художественных достижений, как по содержанию, так и по форме».

Перевод Ежи Шокальского.

Июль, 1. Г.А.Бениславская по доверенности Есенина заключает в Москве договор № 4581 с Госиздатом РСФСР на издание книги «Березовый ситец» объемом 1000 стихотворных строк.

Есенин, VII (2), 352–353.

О доверенности, выданной Есениным Г.А.Бениславской, см.: 12 июня 1924.

Тираж первого издания определяется в количестве не более 7000 экземпляров. За исключительное право издания и переиздания книги в течение пяти лет автору был определен гонорар в размере 40 копеек за стих. строку. За каждую 1000 экземпляров повторных изданий Госиздат обязался выплачивать С.Есенину вознаграждение в размере 50% того гонорара, который приходится на каждую 1000 максимального количества экземпляров первого издания.

После текста договора следует расписка рукой Г.А.Бениславской:

«Копию договора получила. Г. Бен».

Журнал «Жизнь искусства» (№ 27) помещает пародию И.Сафаревича «С.Есенин» («Я лицом румяный и пригожий...»).

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

Июль, до 4. Есенин дает согласие участвовать в вечере, организуемом Ленинградским отделом Всероссийского союза поэтов в Сестрорецке.

Событие и его граница устанавливаются на основании списка участников этого вечера («Вагинов К., Есенин С., Крайский А., Лившиц В., Маширов-Самобытник А., Павлович Н. [Зачеркнуто; вписано: Полоцкий Семен], Радлова А., Рождественский В., Тихонов Н., Шмерельсон Г.»), приложенного к официальному документу с датой: «4/VII-24 г.»:

«Мы, нижеподписавшиеся: М.М.Давыдов, уполномоченный по летним предприятиям ПХАО <Петроградского хозяйственно-административного отдела>, с одной стороны, и М.Фроман, представитель Всероссийского союза поэтов, с другой стороны, заключили настоящее условие в нижеследующем:

ПХАО предоставляет Всероссийскому Союзу поэтов арендуемый им Зал Сестрорецкого курзала для организации в субботу, 12-го сего июля "Вечера поэтов" (список участников при сем прилагается), на <финансовых> условиях, изложенных в п. 4 <и т. д.>».

ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, ед. хр. 29, л. 3–4 (сообщено Т.А.Кукушкиной и Т.В.Мисникевич).

См.: 12 июля 1924, первая запись.

Июль, 4. Заведующий Ленинградским отделением Госиздата РСФСР И.И.Ионов дает Есенину шуточную расписку:

«Даю разрешение С.Есенину продать любому издателю всё, что им продано Ленгизу. Ионов. 4 VII – 24 г.»

Базанов-94, 33.

Июль, 5. Рижская газета «Русская жизнь» (№ 36) публикует иронические заметки А.Аверченко «Волчьи ягоды: (Новый сбор урожая)», где упоминается Есенин:

«Сейчас не только с королей слетают короны, но и с поэтов — более скромные головные уборы...

По сообщению газет: в Царском с известного памятника Пушкину "бронзовая лицейская фуражка со скамьи исчезла". Не иначе, как поэт Есенин украл. И скоро коронуется этой фуражкой при помощи имажинистов и ничевоков — в каком-нибудь лицее без древних языков».

Июль, до 12. Есенин пишет стихотворение «Издатель славный! В этой книге...» с посвящением: «Милому Ионову».

Событие и его граница определяются с учетом дневниковой записи В.П.Полонского (12 июля 1924), в которой он упоминает стихотворение как написанное:

«Посвятил Ионову стихотворение, кое начинается словами: "Издатель славный..." Ионова слегка затошнило: "Удобно ли мне печатать?" — спрашивает».

Шумихин С. «Очень меня притесняют»: Сергей Есенин и его издатели. К 110-летию поэта. — «Политический журнал», М., 2005, № 32, 3 окт., с. 79.

См. Приложение.

См. характеристику И.И.Ионова, данную в дневнике В.П.Полонского в это же время:

«...хороший работник: влюблен в свое дело, энтузиаст. Таких мало было и раньше. Он и в самом деле верит, что книга победит смерть, как изображено на его exlibris».

Там же.

Есенин встречается и беседует в Ленгизе с И.И.Ионовым и В.П.Полонским.

Событие устанавливается и датируется по дневниковой записи В.П.Полонского:

«12<VII>. Был в Ленинграде. <...> Ионов встрепанный, электрический, кипит, торгуется, восхищается своими книжками. Хлопает книгой по столу, вертит перед глазами, щупает, ворошит страницами, сравнивает с прежними, хвастает дешевизной: "Вы посмотрите, как издавали раньше и как издаю я", — и тычет пальцем в цену, скрывая от неопытного, что рублевая книжка дореволюционная издавалась в 3.000, а рублевая нынешняя в 30. 000 <экземпляров>. <...>

Около него муравейник литераторов. Все жмутся, кланяются, просят: левиафан. <...> Есенин терся, униженно льстя Ионову, не зная, куда девать руки, улыбаясь полусмущенно, точно сознаваясь перед всеми, что он льстит, лебезит, продается. Жалкое впечатление. <...> Он купил у Есенина собр<ание> стихов — тот поэтому ходит перед ним на задних лапах. Пресмыкается — очень больно, такой большой талант, <но> алкоголик, без чувства достоинства. Мне он очень долго и витиевато говорил, что от москвичей он ушел, они "без идеологии", а он теперь переродился, он принял Сов<етскую> власть и без идеологии не может. Я почувствовал без труда, что он "подлизывается"».

Шумихин С. «Очень меня притесняют»: Сергей Есенин и его издатели. К 110-летию поэта. — «Политический журнал», М., 2005, № 32, 3 окт., с. 79.

«Бросается в глаза, что оценки, которые дает Есенину чрезмерно самоуверенный Полонский, — отмечает автор публикации, — весьма поверхностны и замутнены ходячими представлениями: алкоголизм, как следствие — жалость к себе...» (там же).

См. также: после 14 апр. — до 6 мая 1924, первая запись.

Есенин присутствует на ужине, устроенном И.И.Ионовым. Среди гостей: В.П.Полонский, Ш.З.Элиава и другие.

12 июля 1924 г. В.П.Полонский, вспоминая о своем пребывании в Ленинграде, запишет:

«Вечером Ионов устроил в грузинском кабачке маленький ужин по случаю хорошей прибыли изд<ательст>ва. Пригласил меня: любопытно, пошел. Были Ионов с Гл... <*нрзб.*>, Элиава (<*1 сл. нрзб.*> грузин, он же наркомвоен), Есенин, два-три служащих и какой-то грузин, затянутый в сюртук, с зычным голосом, кот<оры>й после второго стакана стал петь, удивляя присутствующих руладами. Он, вероятно, завсегдатай этого кабачка — на предмет увеселения персонала. Был еще хозяин — грузин, окончил университет, теперь кабачок содержит, Элиава с ним на "ты" — словом, друзья. Есенин после двух-трех стаканов завел разговор о том, что Ионов обобрал, купил за 600 рб. Полное собр<ание>. Ионов, охмелевши, вспылил. "Дубина ты!" — кричал Есенину и приказывал своему помощнику: "Знаешь, где расторгнуть договор?" — и для страху,

записывал это в книжку. Есенин струхнул и стал униженно замаливать грех. Ионов всё время покрикивал на него: "Дубина", а он, улыбаясь, оправдывался, сводя все-таки разговор на то, что ему мало Ионов платит. "Ваше бы дело только торговать, вы как на рынке", — сказала ему жена Ионова.

Подвыпив, Есенин мне жаловался: "Не могу я, уеду из России, сил нет, очень меня притесняют. Денег не дают" и т. д.»

Шумихин С. «Очень меня притесняют»: Сергей Есенин и его издатели. К 110-летию поэта. – «Политический журнал», М., 2005, № 32, 3 окт., с. 79.

Документов, свидетельствующих о том, что Есенин в июле 1924 г. заключил с Ленгизом договор об издании своего собрания стихотворений, в архиве издательства не обнаружено.

Есть данные, что предложенный поэтом И.И.Ионову сборник назывался «Ржаной путь» (Есенин. VII (3), 96).

Есенин и Вс. Рождественский гостят у знакомых на Васильевском острове. Утром возвращаются оттуда.

Событие и его граница отмечаются по воспоминаниям Вс. Рождественского, где эпизод отнесен к июлю 1924 г., с учетом расположения рассматриваемого фрагмента перед воспоминаниями о вечере с участием Есенина, прошедшем 12 июля 1924 г.

Вс. Рождественский вспомнит:

«Однажды возвращались мы вместе из гостей по одной из линий Васильевского острова. Над Невой поднималось чистое, омытое морской свежестью утро. Весь противоположный берег колыхался в светлой дымке. Дышалось легко и весело. С Есенина постепенно сходил хмель. Глаза его отражали синеющее июльское небо.

Где-то у Академии художеств к нам пристал бездомный пес. Он шел робко, виновато, волоча понурый хвост. Есенин обернулся к нему и тихо свистнул.

— Что, собачка, колбаски хочешь?

Пес понимающе шевельнул хвостом. Сергей толкнул меня под локоть: "Смотри, улыбается!" И я действительно увидел подобие улыбки на унылой собачьей морде.

Мы проходили в это время мимо мелочной лавчонки. Продавец только что снял болты со ставней. Есенин легко взбежал по ступенькам и потребовал целый круг дешевой колбасы и порядочную горбушку белого хлеба. Колбаса была разрезана на аккуратные мелкие кусочки.

Пес ожидал нас у крыльца, заранее облизываясь. Сергей присел перед ним на корточки, и началась непередаваемая беседа. Трудно сказать, кто из них был более доволен. Пес, несмотря на весь свой голод, брал кусочки деликатно и не отказывался от промежуточных ломтиков хлеба. С той же, видимо, охотой выслушивал он и шутливые есенинские поучения.

Затем мы двинулись дальше. Собака не отставала ни на шаг. Скоро к ней присоединилась другая. Не успели мы дойти до моста, прибавилась третья. Все они получили свою долю и бежали за нами, весело облизываясь. Милиционер покосился на нас подозрительно, потому что теперь мы шли в сопровождении шести-восьми собак разных пород и темпераментов.

— Ну, однако, довольно, — сказал Есенин, разделив остатки хлеба и колбасы. — Позавтракали — и ладно. А теперь по домам!

И он, остановившись, свистнул каким-то особенным образом. Не отставшие до тех пор псы сразу же рассыпались в разные стороны.

Сергей, довольный, сдвинул картуз на затылок и улюлюкнул им вслед.

— Понимают! — добавил он с усмешкой. — Всякая тварь меня понимает. Я им свой человек!»

Восп., 2, 111–112.

Июль, 12. Есенин выступает с чтением стихов в Курзале г. Сестрорецка на вечере, организованном Ленинградским отделом Всероссийского союза поэтов.

Событие устанавливается по воспоминаниям В.А.Рождественского (см. ниже), а его дата – по официальным документам (см.: до 4 июля 1924).

Участник вечера Вс. Рождественский позднее напишет:

«Собрались все ленинградские поэты, в том числе и Есенин. Всю дорогу в вагоне он был весел и по-мальчишески сидел на подножке, подставляя свежему ветру растрепанные пушистые волосы. Добродушно огрызался на замечания кондуктора, соскакивал на остановках, рвал в ближайшей канавке жалкие болотные цветы. <…> Начались выступления поэтов. Их было много, но публика оказалась терпеливой. Она ждала Есенина. <...>

И действительно, когда уставшая ждать публика начала высказывать нетерпение, Есенин, нетвердо держась на ногах, слегка покачиваясь, появился за кулисами. <…>

Первые строки дошли до всех путано, неясно, но по мере того как следовала строфа за строфой, голос Есенина обретал уверенность и гибкость. Он читал, как всегда, самоупоенно и трезвел с каждой минутой. Движения становились уверенными, точными, есенинский жест вновь был свободным и широким. Закончил он в необычайном подъеме и захватил весь зал. Долго не умолкали аплодисменты, крики, а Есенин стоял улыбаясь, и лицо его вновь было юным и свежим.

В этот вечер он прочел весь свой цикл <так!> “Возвращение на родину” — и это было поистине незабываемое чтение. Когда он возвращался, разгоряченный, счастливый, со спутанными на лбу потными волосами, мы дружной толпой обступили его, жали ему руки».

Восп., 2, 112–113.

См. также: вторая половина июня – 11 июля 1924.

После вечера — товарищеский ужин.

Событие устанавливается по воспоминаниям Вс. Рождественского:

«День этот завершился беспечным товарищеским ужином. Есенин пил мало, но шумно участвовал в общем веселье. Мы так засиделись, что едва не опоздали на последний поезд».

Восп., 2, 113.

Есенин, возвращаясь в поезде из Сестрорецка в Ленинград, читает стихи.

Вс. Рождественский вспомнит:

«Он снова наклонился ко мне и прочел около десятка стихов, которых я никогда не слышал от него с эстрады. Читал он тихо, необычайно проникновенно, подолгу задумываясь и снова продолжая. Всё это вместе было горькой повестью его скитаний, бесприютного одиночества и болезненно острой любви к родной стороне. И за каждым словом стояло трагическое сознание невозможности вернуться к утраченному, быть снова молодым, веселым, беспечным. Постепенно Есенин от размеренной речи перешел к легкому напеву, и последнее, что я услышал от него, прозвучало как старая русская песня:

Годы молодые с забубённой славой,
Отравил я сам вас горькою отравой.
Я не знаю: мой конец близок ли, далёк ли,
Были синие глаза, да теперь поблёкли...

Поезд замедлил ход и застучал по стрелкам. Подходили к Финляндскому вокзалу. Нас встретила пустая привокзальная площадь. Была бледная северная ночь. В ее холодной ясности отчетливо виднелись каждый булыжник на мостовой, каждая трещина дома. Спящие окна чуть отсвечивали белесой пустотой. Дворники дремали у ворот. Уже давно отошли последние трамваи.

Попрощались. "А где же Есенин?" — спросил кто-то.

И тут все увидели, как несколько в стороне он стоял перед клячей уныло спящего на козлах извозчика и, стащив тугую перчатку, задумчиво трепал ее челку. Он говорил что-то шепотом, чуть наклоняясь к настороженно поднятому лошадиному уху».

Восп., 2, 116.

Е.А.Есенина пишет Г.А.Бениславской из Константинова:

«Галя, будь добра и не поленись, напиши письмецо, и если что-нибудь знаешь о Сергее, то тоже напиши».

Шубникова-Гусева-2008, 276.

Г.А.Бениславская пишет Е.А.Есениной из Москвы:

«Милый Катенок. Как ты там живешь? Всё еще сеном медовым дышишь? Устала, небось? Как Шура, мать, отец? Не ругали меня за мой неожиданный приезд?

А хорошо было у Вас. Такой хороший день был. Доехала я в Дивово в ½ часа. Дорога чудесная, а перепела да коростели чуть с ума не свели. Я ж люблю их очень. Утром я была в Москве. <...> От Сергея ни слова, ни единой строки. Не пойму — не то сердится, не то опять за старое взялся. Сегодня написала ему письмо <оно неизвестно>, а во вторник Рита едет в Петроград, зайдет и напишет мне. Боюсь я этого молчания пуще всего. <...>

Напиши, как ты живешь, как все дома. Передай им самый сердечный привет и благодарность за внимание. Целую всех крепко».

Шубникова-Гусева-2008, 275.

См. Приложение.

Нью-йоркская газета «Новый мир» (№ 440; рубрика «По журналам»; подпись: «Д. И.») публикует обзор журнала «Красная новь» (за октябрь, ноябрь, декабрь 1923 г.), в котором речь идет о Есенине:

«Стихи Есенина, помещенные в журналах, — более простые, чем раньше, — говорят об осени, об "уходящем хулиганстве". Это лейтмотив есенинских стихов последних лет, и повторения нередки. Нам знакомо уже "золото осенье" волос и воспоминания об оставленном доме.

Там теперь... такая ж осень.
Клен и липы, в окна комнат
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят,
Их давно уж нет на свете.

Слишком рано уходит от революции, от нас и от жизни "в России самый лучший поэт"».

См.: 2 янв. ... до 2 февр. 1924.

Июль, 13. Есенин вместе с группой литераторов, художников и актеров совершает поездку из Ленинграда в Петергоф на зафрахтованном Всероссийским союзом писателей пароходе.

Восп., 2, 381.

Вс. Рождественский вспомнит:

«В один из ясных июньских дней <точнее 13 июля 1924>ленинградский Литфонд организовал прогулку в Петергоф морем. С этой целью был откуплен рейс одного из пароходов. Предполагалось устроить в пользу Литфонда выступление писателей с участием недавно вернувшихся из-за границы А.Н.Толстого и С. Есенина. Это начинание, заранее возвещенное афишами, имело большой успех. Задолго до отхода палуба была переполнена любителями литературы. По трапу один за другим поднимались приглашенные писатели и их семьи. Вскоре все участники были в сборе. Не хватало одного Есенина. Наш администратор обнаруживал признаки крайнего беспокойства. До отплытия оставались считанные минуты, и он, толстый, комически важный человек, с резвостью ребенка бегал вдоль борта, вглядываясь в каждого проходящего по набережной. Наконец, у него вырвался вздох облегчения. В глубине улицы показался Есенин, сопровождаемый своими приятелями, ленинградскими имажинистами. Двое из них тащили довольно объемистый ящик. Когда они поднимались по трапу со своей ношей, в ящике отчетливо звякнуло бутылочное стекло.

— Сергей Александрович! К чему это? На пароходе есть буфет.

— Буфет буфетом, а я хочу в свое удовольствие. Чудесное пиво. Приглашаю.

Администратор только рукой махнул.

Пароход отчалил. Медленно пробирался он среди каких-то барж на середину Невы и только там дал полный ход. Стал отходить вправо берег Васильевского острова с большим собором, Морским корпусом. Прошли строгие дорические колонны Горного института. Затянутая дымом, мутно обрисовывалась тяжелая громада старинного завода. Пароход неторопливо, но старательно шлепал колесами. За поворотом потянул свежий ветерок со взморья, раздувая легкие летние платья, играя кормовым флагом. Солнце сверкало на медных поручнях, прыгало слепящими шариками на спинах глянцевитых, тяжело переваливающихся волн. Всё шире и шире расходились берега, и уже где-то сзади смутно маячили подъемные краны Лесного порта. Есенин сидел, опираясь локтями на поручни, и, положив на скрещенные пальцы подбородок, пристально и бездумно смотрел на дымную панораму удаляющегося города.

Кто-то из приятелей подошел к нему с только что откупоренной бутылкой пива.

— Отстань! — недовольно повел плечом Сергей. — Я пить не буду!

— Как не будешь?

— А вот так! — почти зло улыбнулся Есенин. — Не буду — и всё. И вообще не приставай. Уходи, пока я тобою палубу не вытер.

Приятель что-то хмыкнул в ответ и отошел в сторону. А Есенин взъерошил и без того спутанные волосы и, ни к кому не обращаясь, процедил сквозь зубы:

— Дурак! Стоит ли пить в такое утро!

И радостно одними ноздрями втянул в себя воздух.

Уже с полчаса, как пароход шел по ровной, спокойной глади Финского залива.

Стая белых чаек вилась за кормой. Волнистым треугольником расходился теряющийся из глаз след. Монотонно похлопывали колеса».

Восп., 2, 106–107.

Есенин читает на пароходе стихи.

Из отчета о поездке:

«...трудно в коротком подзаголовке точно определить всё то, что было устроено вчера Союзом писателей во время рейса в Петергоф и обратно на специально снятом литераторами пароходе.

Было, конечно, и литературное утро, но не только литературное, но и музыкально-артистическое.

И опять же, не только "утро", но и вечер, был и закат солнца на море и даже лунная ночь... И танцы были на палубе, когда "великие писатели земли русской", вроде Ал. Толстого, Вл. Пяста, Мазуркевича, Сергея Есенина и Приблудного пошли кружиться в вихре вальса с "уважаемыми читателями".

Знаменитый Сергей Есенин "соблюл себя" на сей раз, и потому его стихи имели огромный успех у публики.

Успех с Есениным разделил другой пролетарский поэт — Приблудный, — 18-летний мальчик, поразивший всех необычайной свежестью и мощью стихотворений, полных глубины, юмора и грусти... С обычной сочностью тоже превосходно прочел Ал. Толстой по корректуре свой, еще не напечатанный, рассказ, заставив публику хохотать до слез.

Первая — небывалая еще в Ленинграде — поездка по морю, устроенная Союзом писателей, удалась блестяще».

Томский С. Литературное утро на пароходе — «Красная газ.», Л., 1924, 15 июля, № 158, веч. вып.

Вс. Рождественский вспомнит:

«Администратор решил, что пора начинать обещанный литературный концерт. Он хлопотливо собирал участников, что было далеко не легким делом, потому что все разбрелись кто куда по палубе и каютам.

Подбежал он и к Есенину.

Сергей долго отказывался и не дал себя уговорить.

Программа шла, постепенно оживляясь, — особенно после мастерского чтения А. Н. Толстым сатирических рассказов, живописующих быт российской эмиграции в Париже. Завязалась очень оживленная общая беседа. Вспомнили и о Есенине. Бросились искать его по пароходу. Но он словно в воду канул. Наконец вспотевший, запыхавшийся администратор, проходя мимо приподнятой створки матросского кубрика, услышал звуки баяна и знакомый голос. Заглянув сверху в полутемное помещение, он увидел, что на одной из коек, окруженный свободными от вахты матросами и кочегарами, сидел Есенин. Он сбросил свой модный пиджак, расстегнул ворот рубашки и старательно выводил на баяне всем знакомый деревенский мотив. Он пел свои стихи с необычайным увлечением и жаром. Голос звучал приятной хрипотцой, как всегда выговаривая русское "г" с мягким придыханием. Пропев строфу, Есенин бойко разливался в переборах, очевидно, тут же сочиняя все свои вариации. Чувствовалось, что баян был для него любимым и привычным делом.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Понемногу на палубе столпилась публика, покинувшая салон. Все стояли молча, боясь проронить хотя бы слово. А Есенин, не чувствуя над собой уже прискучившего любопытства, изливал душу в горячем затейливом напеве.

После этого он охотно выступил и на палубе, и хорошее настроение не покидало его до самого Петергофа».

Восп., 2, 107–108.

Ср. также с воспоминаниями В.Пяста:

«...плавали мы с Есениным и другими писателями на специально зафрахтованном Союзом писателей пароходе в Петергоф. Надо ли рассказывать, как оба рейса — туда и обратно — поэты и беллетристы сменяли друг друга на рубке, читая свои произведения. Как, с каким восторгом встречались и провожались публикой, заплатившей по два рубля за прогулку в среде "писателей у себя"? Надо ли говорить, что ничей успех при

этом нельзя было и сравнить с покорявшим всех есенинским? Только еще ученик и продолжатель Сережи юный Ив. Приблудный привел публику тоже в большой восторг, но не столько своими стихами, как артистическим темпераментом, умением быть "душою общества"».

Восп., 2, 96.

Июль, 14. До 3-х часов дня. Придя на квартиру к Г.Б.Шмерельсону и не застав его дома, Есенин и В.Эрлих оставляют ему совместную записку:

«Гришуньчик милый! Прости, что не дождались <...> сегодня в 3 ч<аса> уезжает Анна Ивановна <жена А.М.Сахарова>. Ждем тебя на дому».

Есенин, VI, 169, 597–598.

Есенин и В.Эрлих жили тогда на квартире А.М.Сахарова.

Июль, 15. Есенин пишет письмо Г.А.Бениславской.

Сообщает, что собирается лечь в больницу на операцию по поводу повреждений после падения с лошади (см.: до 28 июня 1924, вторая запись), а также отмечает:

«Так живу скучно, только работаю. Иногда выпиваем, но не всегда. Я очень сейчас занят. Работаю вовсю, как будто тороплюсь, чтоб поспеть. Рад оч<ень>, что Вам понравилось в селе. Ведь оно теперь не такое. Ужас как непохоже.

Целую Вас и люблю.

С. Есенин».

Есенин, VI, 170.

Это ответ на неизвестное письмо Г.А.Бениславской поэту (см.: 12 июля 1924, пятая запись).

См. Приложение.

Журнал «Жизнь искусства» (№ 29; рубрика «Ленинград») помещает неподписанную информацию, в которой заходит речь о Есенине:

«В Сестрорецком курорте предполагается устройство вечера поэзии Ордена имажинистов. В вечере примут участие Сергей Есенин, С.Полоцкий, В.Реггнотти <так!>, Гр. Шмерельсон, П.<так!> Эрлих и др.».

Состоялось ли это мероприятие, не установлено.

Июль, 15 и 30. Журнал «Ленинград» (№ 13 и 14), сообщая о подписке на издание, называет Есенина в числе авторов.

Цитату из объявления см.: 22 июня 1924, первая запись.

См. также: 5 сент. 1924, вторая запись.

Июль, первая половина. Есенин начинает работать над поэмой «Песнь о великом походе».

Время события устанавливается с учетом авторской датировки черновика поэмы («Июль 924»).

Из воспоминаний В.И.Эрлиха:

«До двенадцати — работает, не вылезая из кабинета ("Песнь о великом походе"). В двенадцать одевается, берет трость (обязательно трость) и выходит.

Непременный маршрут: набережная, Летний сад, Марсово поле и по Екатерининскому каналу в Госиздат.

В Госиздате сидит у Ионова до трех, до пяти.

Вечера разные: дома, в гостях».

Восп., 2, 324–325.

На первоначальном этапе Есенин писал первую часть, посвященную петровской эпохе. Сохранился черновой автограф без заглавия. Композиционно текст поэмы разделен на две части (два сказа), выполненные разновременно. Концовка каждого сказа (10 строк) также выделена звездочками. Первая часть, повествующая о Петре (строки 1–211 и 212–231), выполнена простым карандашом. Вторая, о современности, начата с новой страницы: строки 232–544 — чернилами, а строки 545–572 — заключение — химическим карандашом. Черновой автограф содержит значительный объем правки. Среди строк, не вошедших в основной текст, — строки из вступления к поэме, содержащие ключ к пониманию ее смысла:

Первый сказ к тому,
Чтоб был урок уму.
А второй наш сказ...

В заключительной части чернового автографа (после строки 540) Есенин отказывается от одной частушки, пропетой из белого стана:

Чам-чара! Чара-чара, чара-ра-ра куку
Гляди-смотри – у ротного буланый нож в боку.
Бежим вперед под дождиком, нам не видать ни зги.
И скрылись за курганами разбитые враги.

Есенин, III, 387.

Затем он оставил ротного живым, оживив свои трагические сказы бытовой деталью и теплым человеческим чувством:

Удивленный тем,
Что остался цел,
Молча ротный наш
Сапоги надел...

Есенин, III, 137.

Тогда в первой половине дня поэт, скорее всего, работал над текстом произведения, а во второй мог пользоваться библиотекой И.Ионова (см. в письме Г.А.Бениславской к Есенину о посещении И.Ионова в Ленинграде от 20 янв. 1925 г.: «...сколько там (во второй комнате) хороших книг-то!» — Письма, 268). Сведениями о составе ионовской библиотеки мы не располагаем, но вполне вероятно, что здесь Есенин мог читать используемые им песни и былины, напр., в кн.: «Песни, собранные П.В.Киреевским» (ч. 3, вып. 8, М., 1870) и др., а также освежить в памяти сведения из книг, по которым занимался в 1913–1915 гг. в Московском городском народном университете им. А.Л.Шанявского:

«В период обучения Есенина на семинарах по "Истории русской литературы первой половины XVIII века" А. Е. Грузинского две темы касались деятельности Петра I — это "Преобразовательная работа Петра в деле просвещения и литературы" и "Театр при Петре". Среди предлагаемых студентам пособий числился 3-й том капитальной "Истории русской литературы" в 4-х томах А. Н. Пыпина (1911 — 3-е изд.), в котором 4 главы из 12-ти посвящены Петру I: гл. IV — "Время Петра Великого", гл. V — "Путешествия за границу", гл. VI — "Книжная деятельность при Петре Великом", гл. VII — "Петр Великий в народном предании" (см.: Московский городской народный университет имени А.Л.Шанявского. М., 1914, с. 122–123, 180–181). Вероятно, приведенный А.Н.Пыпиным эпизод из петровской эпохи лег в основу сюжетной линии расправы императора с дьяком» <"Ой, во городе ~ Лапти кверху дьяк">. Есенин, использу<я> лишь общую канву происшествия, наруш<ает> историческую хронологию и сме<щает> политические акценты».

Е.А.Самоделова — Есенин, III, 609–610.

Подробнее см.: Самоделова Е. А. «Песнь о великом походе» Есенина: от исторических реалий — к поэтической строке. — «Российский литературоведческий журнал», М., 1997, № 11, с. 61–77.

В отличие от первой части произведения, построенной в основном на былинах и исторических песнях, во второй Есенин обращается к «Слову о полку Игореве», стихам Д.Бедного и воспроизводит известные ему варианты частушек периода гражданской войны (наиболее часто варьирует «Яблочко»), в основном, по газетам, а также по книге В.Князева «Современные частушки 1917–1922 гг.» (М. – Пг., 1924).

См. Приложение.

См. также: Шубникова-Гусева, 295–297.

См., кроме того: после 15 или после 16 июня ... июль 1924, вторая запись; 16 или после 16 (?) июня 1924; после 17 июля 1924; конец второй декады (?) июля 1924; до 26 июля 1924; 1–6 авг. 1924, первая–

третья записи; 7–20 авг. 1924, третья запись; 14 авг. 1924, первая запись; 18 авг. 1924, вторая запись; после 20 (?) авг. 1924, вторая запись; конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 2 сент. 1924, первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; до 14 сент. 1924, первая запись; 14 сент. 1924, первая запись; сент. 1924 – янв. 1925; до 15 нояб. 1924; до 16 дек. 1924, вторая запись.

Июль, до 16 ... 31. В издательстве «ЗиФ» (Москва – Ленинград) выходит альманах литературного общества «Никитинские субботники» «Свиток» (№ 3) со статьей Е.Никитиной «Поэты и направления (Пути новейшей поэзии)», в которой говорится о Есенине.

Кн. летопись, 1924, № 14, июль, поз. 7621. Статья датирована маем 1923 года.

Автор отмечает:

«Любопытнейшим, быть может, явлением в предреволюционной лирике были уже громко прозвучавшие голоса так называемых *крестьянских* поэтов и, в первую очередь, голос С.Есенина.

С.Есенин, выпустивший "Преображение" и "Голубень", находился под сильным влиянием символизма. Его стихи были чистой лирикой с крестьянским содержанием порою даже буколического оттенка. Он "из трав сплетает книги, слова трясет с двух пол". Буен, задорен Есенин, силен своей нежностью, музыкальностью и образностью.

К крестьянским поэтам принадлежали также П.Орешин, мудрый и ласковый Клюев с его красочной книгой "Сосен перезвон" и Клычков с религиозными устремлениями, близкими к Есенину ("Инония") — своеобразным подходом к революции, мистическим углублением роли крестьянства».

Из раздела «Имажинисты»:

«С.Есенин начал писать как крестьянский поэт, до сих пор связь его с деревней глубока. Первые думы и песни его были под знаком символизма. Себя Есенин называет "лучшим поэтом в России". Можно обвинять его в отсутствии скромности, но нельзя не признать, что в значительной мере он прав; в лице Есенина мы видим несомненный талант.

Есенин сейчас считает себя имажинистом.

Книги его: "Радуница" 21 г., "Голубень", "Сельский часослов", "Преображение" (21 г.), "Трерядница" (20 г.), "Исповедь хулигана" (21 г.), "Триптих" (Берлин, 21 г.), "Пугачев" (22 г.).

Задушевность, богатство образов, но часто большая их вычурность, надуманность, стихийность. Изысканные ассонансы, ритмические переходы.

Самое крупное произведение его — "Пугачев" 22 г. По этому произведению можно судить о Есенине с новой стороны.

Пьеса распадается на 8 картин. Каждая картина имеет свое название. "Расея" стала Россией. Бунтарство — крестьянской революцией.

Мировоззрение вылилось в размеренные яркие и сочные строки подлинного мастерства.

В русской поэзии давно не было больших, с печатью подлинного поэтического дарования, лирических вещей. "Пугачев" — заметное литературно-историческое явление.

В нем 2 замечательные сцены: 1) разговор предателей Пугачева, 2) гибель Пугачева. Должно отметить внутреннюю правдивость пьесы-поэмы (пьесы — ибо в ней только диалог; поэмы – ибо мало действия, диалог эпичен и чаще лиричен). "Пугачев" — поэма наших дней, нашего "героизма" и "предательства"...»

Василий Казин характеризуется как «пролетарский Есенин».

Из раздела «Крестьянские поэты»:

«Крестьянская поэзия удивляет своей религиозной насыщенностью: Есенин поет "о нищем Христе", о "полях — как святцах"».

Июль, 17. М.И.Лившиц встречается с Есениным, а затем описывает эту встречу в письме к Г.А.Бениславской:

«Милая Галя! Похвалите хоть меня как следует за такую аккуратность. Только сегодня утром приехала, сейчас часа 2. Только что видела Сергея Алекс<андровича> и вдруг очень посочувствовала Вашему беспокойству. Ну, я хочу Вам совсем подробно, я уж так привыкла. Шла к нему и встретила его по дороге. Шел он в Госиздат. Я проводила его кусочек и вернулась восвояси. Вид, я бы сказала, обычный: не слишком хорош, но и отнюдь не плох. Немного похудел он, нет у него уже брюшка. Вам он не пишет потому, что, как он говорит, нет подходящего настроения, и потом, видите ли, он написал письмо <см.: 15 июля 1924, первая запись>, "только далеко за марками ходить". Я уж обещала купить ему марок. У него наверху спит Приблудный. Ругает его за всякие безобразия, но тот, кажется, ничего, терпит. Как будто бы почти не пьет, "только немного пива перед обедом", и не только ни одного протокола, но и ни одного скандала не было. Чувствует себя превосходно (всё, что я пишу, это по его словам, я сама еще ничего не успела видеть). Много работает <см. след. запись>.

P. S. Спрашивал Серг<ей> Алекс<андрович> о госиздатских деньгах <см.: 12 июня 1924; 1 июля 1924>, я сказала, что не знаю. У него тут, кажется, есть деньги.

Посылаю Вам его письмо и вырезку. Только что он мне передал. На днях напишу Вам еще. Тороплюсь отправить».

Шубникова-Гусева-2008, 250–252. О какой вырезке идет речь, не установлено.

См. Приложение.

Июль, после 17. Есенин продолжает работу над поэмой «Песнь о великом походе».

Граница события устанавливается по письму М.Лившиц к Г.А.Бениславской (17 июля 1924):

«...написал поэму <"Русь советская">, несколько стихотворений <"Этой грусти теперь не рассыпать...", "Издатель славный! В этой книге...">, и сейчас еще не окончена поэма под названием "Баллада о кожаных куртках" (кажется)».

Шубникова-Гусева-2008, 251 (факсимиле), 252.

Название «Баллада о кожаных куртках» не зафиксировано ни в одном из известных рукописных источников поэмы, однако в критических откликах «Песнь о великом походе» не раз называлась «поэмой о кожаных куртках Питерграда». Образ большевика как «кожаной куртки» в художественной литературе впервые был выведен Б.А.Пильняком в романе «Голый год» (1920), получившем высокую оценку в есенинской статье «О писателях-„попутчиках"» (см.: после 17 мая 1924, четвертая запись). Отношение Есенина к комиссарской униформе было неоднозначным в разные годы. А.М.Сахаров свидетельствует, что в декабре 1918 — начале 1919 гг. Есенин «видит ненавистную для него „кожаную куртку". В два прыжка он отскакивает от стола» (Сахаров А. М. Обрывки памяти. — Журн. «Знамя», М., 1996, № 8, с. 171).

Есенин, III, 116–123; 374–377; 608–614.

Заключительная часть поэмы, над которой Есенин работает во второй половине июля, содержит строки, не вошедшие в окончательный текст:

Эх ты, яблочко,
Да цвету разного,
Бей, того... которого...
Буржуазного.

Эту песнь ты спел
Первым голосом,
Пусть теперь нам рожь
Вторит колосом.

Завершающие строки поэмы («Бродит тень Петра / Да любуется, / На кумачный цвет / В наших улицах») Есенин вскоре значительно переделает (см., кроме того: 7–20 авг. 1924, третья запись; после 20 (?) авг. 1924, вторая запись; конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; до 14 сент. 1924, первая запись; 14 сент. 1924, первая запись; сент. 1924 – янв. 1925; до 15 нояб. 1924; до 16 дек. 1924, вторая запись).

Июль, 18. Врач санатория Дома ученых в Детском Селе О.А.Шевелева посылает Есенину поздравительную телеграмму.

«Ленинград. Гагаринская, 1, кв. 12. Сахарова. Поэту Есенину.

Вторая санатория Дома ученых сердечно поздравляет дорогого именинника шлет наилучшие пожелания Королева».

Базанов-94, 33.

За подписью «Королева» скрывалась О.А.Шевелева, так как по принятому в санатории обычаю смена отдыхающих, перед которыми выступали Есенин и В.Рождественский, выбрала ее своей «королевой», «владыкой и покровителем» (подробнее см.: после 16 июня — июль 1924, вторая запись). Е.Б.Чернова пишет о ней так: «Женщина-врач, чуть ли не первого в России выпуска, с серебряными сединами, прекрасным русским лицом, Шевелева была настоящей королевой. Она восторгалась стихами Есенина» (см.: Карохин Л. Сергей Есенин и Царское Село. СПб.: Облик, 2003, с. 161–162).

Реакция поэта на эту телеграмму описана В.Эрлихом:

«Он держит телеграмму в руке и растерянно глядит на меня.

— Вот ведь история, а ведь я в ноябре именинник! Ей-богу, в ноябре! А нынче — летний Сергей, не мой! Как же быть-то?»

Эрлих, 46; именины Есенина приходятся на день памяти преподобного Сергия Радонежского 25 сентября (8 октября). 5 (18) июля — обретение его мощей.

Июль, до 19. Выходит книга Есенина «Москва кабацкая» тиражом 3000 экземпляров.

Граница события устанавливается по дарственным надписям Есенина П.Е.Щёголеву и И.А.Оксёнову (см.: 19 июля 1924).

Содержание:

Стихи — как вступление к Москве кабацкой: 1. «Все живое особой метой...»; 2. «Сторона ль ты моя, сторона...»; 3. Волчья гибель («Мир таинственный, мир мой древний...»); 4. «Не ругайтесь! Такое дело!..».

Москва кабацкая: 1. «Я обманывать себя не стану...»; 2. «Да! Теперь решено. Без возврата...»; 3. «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»; 5. «Эта улица мне знакома...».

Любовь хулигана, с посв.: «Августе Миклашевской»: 1. «Заметался пожар голубой...»; 2. «Ты такая ж простая, как все...»; 3. «Пускай ты выпита другим...»; 4. «Дорогая, сядем рядом...»; 5. «Мне грустно на тебя смотреть...»; 6. «Ты прохладой меня не мучай...»; 7. «Вечер черные брови насопил...».

Стихотворение как заключение: 1. «Не жалею, не зову, не плачу...».

Есенин, VII (3), 377–378.

См. Приложение.

В стихотворении «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» отсутствуют строки 13–16 и 21–24.

См.: конец нояб. 1923; нояб. — дек. 1923, первая запись; 2 дек. 1923, первая запись; 19 дек. 1923, первая запись; 28 дек. 1923; конец дек. 1923 — янв.–февр. 1924; 1 янв. 1924, вторая запись; 12 янв. 1924; 19 янв. 1924, четвертая запись; февр. — март 1924; после 14 апр. — до 6 мая 1924, третья запись; 19 или после 19 июля 1924; 19 июля 1924; после 19 июля 1924; 1 сент. 1924, вторая запись; после 4 окт. 1924; 15 нояб. 1924, третья запись; до 28 нояб. 1924.

См. также: вторая половина авг. 1923, вторая запись; до 22 сент. 1923; 22 сент. 1923, первая запись; сент.— нояб. 1923, первая запись; 9 окт. 1923, первая запись; 14 окт. 1923, вторая запись; 13–31 дек. 1923, вторая запись; 2 янв. ... до 2 февр. 1924; 16 марта 1924, вторая запись; конец июня 1924.

Июль, 19. Есенин и Н.Клюев посещают Госиздат, где Есенин получает авторские экземпляры книги «Москва кабацкая».

Событие и его дата устанавливаются по дневниковой записи И.Оксёнова (20 июля 1924):

«Вчера <...>. В Госиздате встретил Клюева и Есенина...».

Журн. «Москва», 1995, № 9, с. 175 (публ. В.Кузнецова).

Есенин делает дарственную надпись на книге «Москва кабацкая» (Ленинград, 1924): П.Е.Щёголеву:

«Павлу Елисеевичу / с уважением / и воспоминаниями / о Москве / кабацкой / С. Есенин. / 1924 19 / VII».

Есенин, VII (1), 240, 481.

См. Приложение.

Есенин и Н.Клюев проводят вечер у И.Оксёнова. Среди гостей – критик П.Жуков.

Есенин читает стихи.

На следующий день И.Оксёнов запишет:

«...Вечером они были у меня.

Клюев жалуется, что его заставляют писать "веселые песни" <...>.

<Есенин> настойчиво сомневался в национальности Жукова. В подкрепление своим взглядам приводил Горького, будто бы переставшего принимать Пильняка, когда узнал, что в последнем есть еврейская кровь. Троцкого, однако, Сергей любит, потому что Троцкий "националист", и когда Троцкий сказал Есенину: "Жалкий вы человек, националист", — Есенин якобы ответил ему: "И вы такой же?" В Ионове тоже ничего еврейского нет, хотя его предки из польских евреев, но — "таких, как Ионов, я люблю". Кстати, "Москва кабацкая" издана Госиздатом без марки.

"Не хочу отражать... крестьянские массы. Не хочу надевать хомут Сурикова или Спиридона Дрожжина. Я просто... русский поэт, я не политик... поэт, это — тема, искусство не политика, оно — остается, искусство — это", — и он делает неуловимо-восторженный жест.

Жуков напомнил об "Инонии", и Есенин должен был согласиться, что "Инония" была поэмой с общественным значением, но — "этот период прошел".

Но разве можно говорить о прочном антисемитизме Есенина, когда он вчера — и это было из глубины — возмущался зверствами Балаховича, убившего его друга-еврея, с уважением говорил о Блюмкине, получившем задание убить Конради. Тот "позвоночник", который действительно налицо в его лирике, совершенно отсутствует в мировоззрении Есенина.

Но, черт возьми, как читает он стихи! Как гремел его голос о селе, которое —

Быть может, тем и будет знаменито,
Что некогда в нем баба родила
Российского скандального пиита!

И какие переходы, какие переливы голоса — "по-байроновски только собачонка..." встречает чужого всем поэта.

Клюев степенно, по-крестьянски, пил чай (единственный из моих гостей, все пили пиво), разговаривал с кошкой по-кошачьему, Клюев весь — уютный, удобный, домашний. Принес мне фунтик земляники в подарок и стыдливо положил ее "незаметно" в кульке на стол. Просили и его читать, но при Есенине Клюев не читает (во избежание скандала) и отговорился тем, что зуб царапает язык...».

Журн. «Москва», 1995, № 9, с. 175–176 (публ. В.Кузнецова).

Есенин делает дарственную надпись на книге «Москва кабацкая» (Ленинград, 1924) И.А.Оксёнову:

«Милому поэту / Ин. Оксёнову /Дружеский С. Есенин / 1924 19 / VII Ленинград».

Есенин, VII (1), 239, 481.

См. также: Марков А. «Храните у себя эту книжку...»: Заметки библиофила. М.: Книга, 1989, с. 279; Юсов-96, илл. № 17, факсимиле надписи.

После похорон Есенина И.Оксёнов запишет в дневнике (4 янв. 1926):

«Вспоминаю, как он <Есенин> пришел ко мне с Клюевым и принес мне "Москву кабацкую" — единственный экземпляр, который он только что получил в Ленгизе. Сказал, что дарит мне, потому что я именинник, нельзя не подарить, хотя книжка одна. Пока мы тогда сидели и пили, <мой> отец, по обыкновению, ходил по коридору. Есенин страшно беспокоился, это его пугало. Руки дрожали (ронял папиросу), "клянусь Богом" — через полслова. Было тогда выпито полдюжины пива на пятерых, а сойти с лестницы Есенин один уже не мог. Помню, как он, уходя, присел в передний на чемодан и не мог подняться. Сводили его вниз мы с Клюевым».

Журн. «Москва», 1995, № 9, с. 177 (публ. В.Кузнецова).

Июль, 19 или **после 19.** Есенин надписывает экземпляр книги «Москва кабацкая» Г.А.Бениславской.

Событие устанавливается по письму Есенина к Г.А.Бениславской (см.: 26 июля 1924):

«Книга моя вышла. 1-й экземпляр надписан Вам и лежит у меня на столе. Привезу сам».

Есенин, VI, 170, 599. Этот экземпляр «Москвы кабацкой» неизвестен.

Июль, после 19. Тираж книги «Москва кабацкая» транспортируется из Ленинграда в Москву.

И.Романовский (И.С.Морщинер) вспомнит:

«Весь тираж был почтой доставлен в Москву. Мы передали его для продажи на комиссионных началах со скидкой в 40% — такова была тогда установленная книгопродавческая скидка — в книжный магазин "Маяк", принадлежащий Обществу политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Помещался этот магазин на Петровке, по правой стороне, если идти от Петровских ворот, недалеко от Столешникова переулка. Посоветовал нам обратиться именно в этот магазин Давид Яковлевич Фрейфельд, член Общества, отбывавший каторгу после 1905 года...

Книга была распродана быстро, примерно за месяц с небольшим.

Мы полностью рассчитались с автором, уплатив ему гонорар по той ставке, которую он сам себе назначил. За вычетом расходов по изданию осталась и прибыль, которую мы, помнится, поделили на три части — Иоффе, мне и антрепренеру, который, хотя и не понес расходов, но, бесспорно, заслужил свою долю и идеей о вечере, и своими хлопотами. Александра Марковича Калмановского и Валентина Ивановича Вольпина, которые не участвовали в коммерческой стороне предприятия, мы пригласили на ужин в ресторан, которым мы отметили успешное завершение дела».

Хроника, 2, 134, 135; Письма, 526, с сокр.

См.: 24 марта 1924, вторая запись; после 14 апр. — до 6 мая 1924, четвертая запись.

См. также: до 19 июля 1924; 19 июля 1924; 19 или после 19 июля 1924; след. запись.

Есенин делает дарственную надпись Л.М.Богорату на книге «Москва кабацкая»:

«Богорату дружески на память об ушедшем и уходящем, но без грусти. 1924 год».

Граница события определяется в соответствии со временем выхода книги (см.: до 19 июля 1924).

Текст несохранившегося инскрипта восстановлен адресатом по памяти.

На с. 21 книги после 5-й строфы стихотворения «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» рукой Есенина вписана строфа:

Жалко им, что Октябрь суровый
Обманул их в своей пурге,
И уж удалью точится новой
Крепко спрятанный нож в сапоге.

Есенин, VII (1), 247, 483–484.

Июль, конец второй декады (?). Есенин посещает редакцию журнала «Звезда», встречается с главным редактором журнала И.М.Майским. Обещает принести для публикации поэму «Песнь о великом походе».

Время события устанавливается ориентировочно на основании сопоставления воспоминаний И.М.Майского и авторской датировки поэмы (июль 1924). Учитываются также события конца июля 1924 (см.: до 26 июля 1924; 26 ... 29 или 30 (?) июля 1924).

И.М.Майский вспомнит о событиях лета 1924 г.:

«<Есенин> появился в редакции "Звезды". Я посмотрел на него и ахнул: передо мной стоял красивый юноша, "как денди лондонский одет"... Изящный летний костюм, прекрасные желтые ботинки, модная панама на голове, волосы напомажены и издают какое-то изысканное благоухание...

— Вот привез вам кое-что, — начал Есенин, — еще не совсем отделано... Поработаю несколько дней здесь, в Ленинграде... Потом принесу».

Майский И.М. Семь номеров. – Журн. «Знамя», 1965, № 7, с. 209.

См. также: после 15 или после 16 июня – июль 1924, первая и вторая записи; 16 или после 16 (?) июня 1924; первая половина июля 1924; после 17 июля 1924; до 26 июля 1924; 1–6 авг. 1924, первая-третья записи; 7–20 авг. 1924, третья запись; 14 авг. 1924, первая запись; 18 авг. 1924, вторая запись; после 20 (?) авг. 1924, вторая запись; конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 2 сент. 1924, первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; до 14 сент. 1924, первая запись; 14 сент. 1924, первая запись; сент. 1924 – янв. 1925; до 15 нояб. 1924; до 16 дек. 1924, вторая запись.

Июль, 20–24. Есенин дважды встречается с А.Ахматовой.

Сведения об этом содержатся в воспоминаниях А.Ахматовой, записанных в разное время и разными лицами (см. далее). Нижняя граница событий определяется с учетом того, что книгу «Любовь хулигана» (т. е. «Москва кабацкая»), упомянутую Ахматовой в беседе с одним из ее слушателей, Есенин получил в издательстве 19 июля 1924 (см.), а верхняя — в соответствии с датой отъезда одного из участников первой из встреч (И.Приблудного) из Ленинграда (см.: 25 июля 1924, третья запись).

Из разговора П.Н.Лукницкого с А.Ахматовой (запись от 28 дек. 1927):

«...заговорили об Есенине и о том, как Есенин с Клюевым, И. Приблудным и еще одним имажинистом пьяные пришли к ней в 1924 году (в июле 1924 г.) на Фонтанку, 2. <...> Приблудный и другой имажинист ушли раньше, Клюев с Есениным остались, но Клюев был так пьян, что заснул, разлегшись поперек кровати. Есенин же, оставшись наедине с АА (ибо Клюев — спал), стал вести себя гораздо тише, перестал хулиганить, а заговорил просто, по-человечески. В разговоре ругал власть, ругал всех и вся... Потом разбудил Клюева и ушел. <...> АА отнеслась к ней <этой встрече> как к обычному хулиганству и московскому хамству... Характерно не это. Характерно, что дня через два АА, идя по Моховой (или в Летнем саду), встретила Есенина, шедшего с несколькими имажинистами. Есенин, увидев АА, нарочито громко сказал своим спутникам что-то нелестное по адресу АА и прошел мимо, поклонившись с вызывающим видом и

приложив к цилиндру два пальца. Из того, что, оставшись прошлый раз наедине с нею, Есенин не хулиганил, а говорил просто и достаточно (для Есенина) вежливо, а здесь (совершенно явно для того, чтобы показать свое хулиганство по отношению к Анне Ахматовой товарищам) схулиганил, АА поняла, что хулиганство Есенина – нарочитое, выдуманное, напускное и делается для публики. И вот это утвердило окончательно ее отрицательное отношение к Есенину.

С Есениным АА больше не встречалась».

Лукницкий П.Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. [В 2 т.]. Париж; М.: YMCA-PRESS; Рус. путь, 1997, т. 2, с. 339–340.

Ср., однако, с более ранними записями П.Н.Лукницкого другого его разговора с А.Ахматовой (весна 1926) о первой из этих встреч:

«1924. Есенин. Клюев, два других — прилично. <...> В тот раз, когда Есенин был у АА, он хотел надписать ей книжку. Послал за книжкой одного из своих спутников. Тот ушел и очень быстро вернулся с книжкой "Любовь хулигана" <т. е. "Москва кабацкая">. Но Есенин был так пьян, что не мог надписать».

Лукницкий П.Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. [В 2 т.]. Париж; М.: YMCA-PRESS; Рус. путь, 1997, т. 2, с. 126. Остался ли этот не надписанный автором экземпляр «Москвы кабацкой» у А.Ахматовой, в точности не установлено. Правда, есть неподтвержденные сведения, что именно на этом экземпляре поэтесса пометила: «Эту книгу мне принес Есенин летом 1924 г. на Фонтанку, 2» (сообщено Н.Г.Юсовым).

Спустя несколько десятилетий (16 авг. 1963) А.Ахматова вспомнит о той же встрече с Есениным уже следующим образом:

«С Клюевым же он был у нас, когда я жила на Фонтанке, 2. Это было в 24-м году. Я гуляла у Лебяжьей канавки с нашим сенбернаром и встретила их. Есенин был пьяный. Они захотели зайти. Принесли с собой вино, и Есенин пил. Тогда Есенин был уже человек конченый».

ВЛ, 1997, [вып.] II, с. 282 (в записи Н.Л.Готхарта).

Впрочем, чуть позже (в 1964) А.П.Ломан зафиксирует рассказ А.Ахматовой на ту же тему, выполненный в ином ключе:

«Осенью <ошибка памяти> 1924 года он <Есенин> неожиданно появился у меня. Я в то время жила в Фонтанном доме <точнее, по адресу: Фонтанка, 2>. Он зашел со своими друзьями — ленинградскими имажинистами. От него пахло вином. Одет он был по тем временам отлично — лакированные ботинки и прекрасный костюм, видимо, заграничный. Внешний блеск, а вот лицо болезненное, с каким-то землистым оттенком. Здороваясь, он поцеловал руку, что раньше никогда не делал. Да, он изменился. Нарочитой развязностью он скрывал смущение от того, что вдруг оказался рядом со мной. Мне всегда казалось, что Есенин относится ко мне и ко всем тем, кто меня окружал, как к своей полярности, и в силу этой полярности возможность взаимопонимания исключал. Мне же он становился понятнее. Его широко печатали, его стихи я встречала почти во всех толстых журналах и больше всего в "Красной нови". О нем часто писали, к сожалению, и много такого, что тяжело было читать, — его пытались учить жить и работать, и это звучало так, как будто было только два пути <...>, а он явно искал свой путь — третий — и пел о жизни на земле с названьем кратким "Русь" <...>

Встреча наша была какой-то нелепостью, пока он не начал читать свои стихи. Теперь он уже не был тем наивным юнцом той далекой встречи <см. об этом: 25 дек. 1915, вторая запись>.

Я верила, что он действительно "возвращается на родину", и при встрече у него

... полилась печальная беседа
Слезами теплыми на пыльные цветы, —

и с Москвой кабацкой, наделавшей шума, покончено. Да, у него "так мало пройдено дорог, так много сделано ошибок", но теперь в его стихи пришло что-то новое, просветленное, и сколько еще не тронутой любви я почувствовала, когда он прочел посвященное Августе Миклашевской —

Ты такая ж простая, как все.
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет.
Знаешь холод осени синий...
Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?

Для меня дороже имя Пушкина. С большим интересом я слушала посвященные ему строки:

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с тобой...
И я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
— Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Прочитав, Есенин неожиданно спросил:

— Правда ли, что в этом Фонтанном доме Оресту Кипренскому позировал Пушкин?

Потом с усмешкой сказал, что пока не находится художник, который бы с него такой же льстивый портрет написал.

Оборвав нить разговора, он стал расспрашивать о судьбе Параши Жемчуговой, крепостной, блестящей актрисе и певице театра Шереметева, бывшего владельца этого дома, хотя, видимо, знал ее судьбу.

<...> я внимательно слушала его. В нем действительно было много нового. Он рассказывал о своей поездке за рубеж. Из рассказов стало особенно ясно, насколько он русский. Его не вырвешь из полей и рощ... Не вырвешь и из новой России, и мне кажется, потому, что он, как и все мы, увидел, что

Новый свет горит
Другого поколения у хижин.

А ведь увидеть — значит понять. А это определяло путь, по которому идти.

И в этом был новый для меня Есенин. Есенин без бравады. Пугало в нем другое — нотки строк "я пришел на эту землю, чтоб скорей ее покинуть" усиливались:

Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

<...> Только теперь я поняла его, поняла и приняла всерьез и надолго Есенина — певца Руси — малинового поля, голубой Руси, которую он, может быть, выдумывал. Кто знает?»

Ахматова А. Сергей Есенин. — Журн. «Наш современник», 1990, № 10, с. 157–158.

Июль, 21. Московская газета «Вечерние известия» (№ 30) печатает неподписанную запоздалую информацию «Русские писатели во Франции: Сергей Есенин»:

«В Париже вышла во французском переводе "Исповедь хулигана" Сергея Есенина, под заглавием "Confession d'un voyou"».

Июль, 23. В письме Б.Д.Григорьева Е.И.Замятину из Понт-Авена (Бретань, Франция) заходит речь о Есенине:

«...как раз интереснейший наступает момент: вновь сосредоточить обезумевшую толпу на истине, которую расторговали тут, т. е. в мире, за гроши разные спекулянты и типы времени прегаденького и безответственного. Кто сейчас еще думает? Только мы, русские, и то нас немного. Замятин — да, А.Толстой — тоже. Может быть, Ессенин, да, да, конечно, и он. Но много ли еще? Скажите и Толстому, и Ессенину мой привет и мою к ним любовь».

Журн. «Знамя», 1998, № 8, авг., с. 168, публ. В.Н.Терёхиной (авторское написание фамилии поэта здесь сохранено).

Еще один фрагмент см. также: Летопись, 3 (2), 363 (там это письмо ошибочно отнесено к 23 авг. 1924).

Июль, 24. Газета «Бакинский рабочий» (№ 165) публикует рецензию А.Файнберга на книгу П.С.Когана «Литература этих лет» (1924) с упоминанием Есенина:

«Коган не ставит "отметок", не ставит клейма: "это хорошо, а это бездарно", он хочет быть летописцем, Нестором, холодным беспристрастным наблюдателем "литературы этих лет", Пильняк, у которого "революция пахнет половыми органами", для него "Гомер сифилитиков" (заметьте, всё же Гомер), метели, национальный бунт ("конокрадство", пугачевщина) Есенина ему очень близки. Маяковского поругивает, но всё же признаёт буйным вождем футуризма. <...>

Книга полезна...».

См.: конец мая — до 15 июня 1924, вторая запись.

Июль, до 25. Есенин участвует в проводах Н.А.Клюева в Вытегру.

Граница события устанавливается с учетом участия в нем И.Приблудного (см. ниже), выехавшего из Ленинграда 25 июля 1924 (см.).

Из воспоминаний И.И.Маркова (1965):

«Осталось в памяти раннее летнее утро, когда мы (Есенин, Чапыгин, Медведев, Иван Приблудный и я) пришли на пристань у Литейного моста, чтобы проводить Николая Клюева, собравшегося в родную Вытегру. Салон второго класса еще пустовал. Есенин был как-то лихорадочно возбужден и явно скучал, но едва показались первые пассажиры, приободрился и стал нарочито громко рассказывать, будто бы в Константинове вешали кулаков на конской узде... Заметив тревогу и недоумение окружающих, Чапыгин предложил друзьям пойти на воздух».

Марков, 322.

А.П.Чапыгин вспомнит (1926):

«...я пришел к нему <Есенину> по его приглашению.

— Уезжает в Вытегру Клюев, пойдем его провожать!

Вечером пришли ребята с выпивкой. Я боялся, что С. А. загуляет и не пойдет, но на этот раз он слегка подпил. По темноте мы вышли с ним на Воскресенскую набережную за Литейным проспектом. Отыскали пароход и каюту, но Клюева еще не было. С. А. сказал:

— Пойдем в буфет и выпьем!

Мы с ним полезли через канаты, неразобранный груз, узлы и бочки, нашли какое-то окно, где нам дали пива. Потом, выйдя, мы долго ходили по темной набережной. С. А. сказал, что уезжает ненадолго в Москву, а оттуда на Кавказ. На пароход пришел

Клюев — мы сидели в его каюте, потом пошли к Литейному мосту и к Летнему саду. С. А. повел нас на летнюю пристань в буфет. Было уж поздно — я простился, не пошел на пристань. Они остались сидеть вдвоем. После, когда вернулся из Вытегры Клюев, я спрашивал его, как они провели время.

— Хорошо! Сережа много читал хороших стихов, пили немного».

Восп.-95, 161.

Ср., однако: 18 авг. 1924, шестая запись.

В Москве выходит журнал «Красная новь» (кн. 4) со стихами Есенина «На родине» <«Возвращение на родину»>; «Памяти Ширяевца» <«Мы теперь уходим понемногу...»>; «Отрывок из поэмы "Гуляй-поле": (О Ленине)» <ст. 82–96>.

Граница события — по информации в газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (см.: 25 июля 1924, четвертая запись).

Отклики см.: 17 авг. 1924; 22 авг. 1924; авг. (?) 1924, первая и вторая записи; 1 сент. 1924, третья запись; 7 сент. 1924, вторая запись; 25 окт. 1924; 29 окт. 1924, вторая запись; после 9 нояб. 1924; нояб. 1924.

Июль, 25. М.И.Лившиц пишет Г.А.Бениславской о Есенине:

«Вам совершенно незачем было меня благодарить. Ведь я же тоже понимаю, что значит такое беспокойство. На сей раз опять та же история. С носом у него <Есенина>, конечно, ничего не случилось страшного, и он сейчас не в больнице, а кажется, в пивной.

Выглядит он хорошо, и не подумайте, пожалуйста, что то, что он сейчас в пивной, — это дурной признак. Пьет он действительно, кажется, немного и, во всяком случае, без последствий.

Я выеду в понедельник. Привезу вам кое-что, т. е. рукописи, карточку и книжку.

Во вторник, значит, мы поговорим с Вами лично обо всем. Будьте здоровы.

Целую крепко.

Рита».

Шубникова-Гусева-2008, 252–253.

И.Приблудный, квартировавший вместе с Есениным у А.М.Сахарова, уезжает в Москву.

Событие и его дата устанавливаются по письму Есенина к Г.А.Бениславской (см.: 26 июля 1924, первая запись).

Московская газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 168; рубрика «Критика и библиография») публикует объявление о выходе журнала «Красная новь» (кн. 4) с упоминанием Есенина:

«Вышла и на днях поступает в продажу очередная (4-я) книга "Красной Нови".

Содержание книги: <...> Стихи: С.Есенина, В.Казина, А.Ясного, С.Клычкова, А.Ширяевца, П.Орешина, Н.Зарудина».

Аналогичное объявление — в газ. «Правда» (1924, 27 июля, № 169).

Июль, до 26. Есенин завершает первую редакцию поэмы «Песнь о великом походе», сдает ее в журнал «Звезда» И.М.Майскому и получает гонорар.

Есенин, III, 389–390, 580–608.

Граница события определяется с учетом воспоминаний И.М.Майского (см.: конец второй декады (?) июля 1924; 26 ... 29 или 30 (?) июля 1924) и сведений из писем М.И.Лившиц к Г.А.Бениславской (см.: 25 июля 1924, первая запись; 26 июля 1924, третья запись).

Сравнение текста чернового автографа «Песни о великом походе» с текстом, опубликованным в «Звезде», свидетельствует о том, что до конца июля Есенин существенно переработал текст. Кроме вариантов строк, появилось также композиционное членение текста отбивкой «звездочками» на 16 частей-главок, которыми отмечается смена тем, эпизодов, персонажей, их диалога или обращения рассказчика к слушателям.

Из воспоминаний И.М.Майского (1965):

«...Есенин, всё такой же великолепный, снова появился в редакции и несколько торжественно протянул мне довольно толстую рукопись. Я развернул и прочитал в заголовке "Песнь о великом походе". Есенин начинал свой сказ с Петра Великого, эпоха которого, видимо, представлялась ему созвучной событиям гражданской войны и интервенции. <...> Поэма мне очень понравилась, и я сразу сказал: "Пойдет в ближайшем номере".

Есенин весь как-то просветлел, а потом... сразу же попросил заплатить ему гонорар. Я согласился. С какой-то почти детской резвостью Есенин побежал в кассу за получением денег, вернулся в редакцию и долго благодарил меня за "отзывчивость"».

Журн. «Знамя», 1965, № 7, с. 209–210.

Работа над произведением будет продолжена в авг. – сент. 1924.

См. также: после 15 или после 16 июня – июль 1924, вторая запись; 16 или после 16 (?) июня 1924; первая половина июля 1924; после 17 июля 1924; конец второй декады (?) июля 1924; 1–6 авг. 1924, первая–третья записи; 7–20 авг. 1924, третья запись; 14 авг. 1924, первая запись; 18 авг. 1924, вторая запись; после 20 (?) авг. 1924, вторая запись; конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 2 сент. 1924, первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; до 14 сент. 1924, первая запись; 14 сент. 1924, первая запись; сент. 1924 — янв. 1925; до 15 нояб. 1924; до 16 дек. 1924, вторая запись.

Июль, 26. Есенин пишет Г.А.Бениславской:

«Милая Галя!

С носом вообще чепуха. Ничего делать не буду. Это больше раздуто от моей мнительности.

Дней через 6–7 я приезжаю в Москву. Еду в Рязань с Никитиным. Уж очень, дьявольски захотелось поудить рыбу.

Книга моя вышла <"Москва кабацкая"; см.: до 19 июля 1924>. 1-й экземпляр надписан Вам и лежит у меня на столе. Привезу сам. У меня к Вам большая просьба. Вчера Приблудный уехал в Москву. Дело в том, что он *довольно-таки* стал мне в копеечку, пока жил здесь. Но хамству его не было предела. Он увез мои башмаки. Не простился, потому что получил деньги. При деньгах я узнал, что это за дрянной человек. <...> Всё это мне ужасно горько. Горько еще потому, что он треплет мое имя. Здесь он всем говорил, что я его выписал. Собирал у всех деньги на мою бедность и сшил себе костюм. Ха-ха-ха — с деньгами он устраиваться умеет. Поэтому я сказал ему, чтоб он заплатил мне за башмаки. Это было ведь почти лучшее, что я имел из обуви. Он удрал. Удрал подло и низко. Повидайте его и получите с него три червонца. Сам я больше с ним не знаком и не здороваюсь. Не верьте ни одному его слову. Это низкий и продажный человек. Получить же я хочу с него ради принципа — чтоб не дать сволочи облапошить себя.

Прощайте, милая, и писать не могу. Горько, обидно, хоть плачь».

Есенин, VI, 170–171.

После описанного в письме инцидента Есенин неоднократно встречался с И.Приблудным, и их отношения не прерывались до ухода Есенина из жизни.

См. Приложение.

Есенин делает дарственную надпись М.И.Лившиц на книге «Москва кабацкая»:

«Милой любимой Рите. С. Есенин».

Есенин, VII (1), 249, 484.

М.И.Лившиц из Ленинграда пишет Г.А.Бениславской:

«Галя, милая, родная!

У меня сейчас ужасно как тяжело на душе, не могу удержаться, чтоб не писать Вам хоть несколько слов.

Так страшно жаль, что сегодня Вас нет тут. Сергей Алекс<андрович> уже два дня пьет по-настоящему и сегодня у него скверное состояние, говорит глупости, скрежещет зубами, ужас. А сейчас ушел опять на всю ночь. Я была там весь день и ничего не могу.

А Вы бы ведь смогли.

Галя, родная, простите за эту записку, но я не могла не написать Вам. Да еще я и сама выпила немного и поэтому до физической боли остро всё ощущаю».

Шубникова-Гусева-2008, 253.

Июль, 26 ... 29 или 30 (?). Есенин, оказавшись в одном из «притонов нэповских времен», пишет записку И.М.Майскому:

«Дорогой Иван Михайлович, выручай! Не выпускают. Пришли 100 рублей. Сергей».

Есенин, VI, 168.

Это и последующие события того же дня устанавливаются по воспоминаниям И.М.Майского, а их время — в соответствии с тем, что адресат получит эту записку спустя несколько дней после сдачи Есениным рукописи поэмы «Песнь о великом походе» в журнал «Звезда» и выдачи ему авторского гонорара («Прошло несколько дней. Есенин не появлялся»).

Из воспоминаний И.М.Майского:

«Однажды я сидел в редакции и правил какую-то рукопись. Вдруг дверь отворилась, и в мой кабинет, нерешительно озираясь, вошел странный человек. По лицу, манерам, костюму видно было, что незнакомец не имеет никакого отношения к литературному миру. Уставившись на меня, он спросил хриплым голосом:

— Как бы мне повидать тут товарища Майского?

— Я именно и есть товарищ Майский, — ответил я. — А в чем дело?

— Я вам записку принес. — И незнакомец передал мне клочок смятой и грязной бумаги.

Я разгладил записку. На ней почерком Есенина было написано <далее следует текст записки>.

Я невольно вскипел.

— Где он сейчас находится? — накинулся я на человека, принесшего записку.

— Там... — ответил он и как-то неопределенно махнул в сторону рукой.

Я подверг посланца тщательному допросу и в конце концов выяснил, что Есенин сидит в одном из притонов, которые в те нэповские времена еще существовали в Ленинграде, что он там пропился и задолжал и что "хозяйка" притона не выпускает его, пока он не расплатится.

Отправлять сто рублей (тогда это была крупная сумма) с этим подозрительным типом я не считал возможным. Однако действовать надо было быстро. Я тут же, в Ленгизе, раздобыл необходимые деньги, забрал с собой одного из служащих, отличающегося высоким ростом и большой физической силой, и скомандовал посланцу Есенина:

— Вези нас туда!

Посланец был явно смущен, но не решался ослушаться. Мы взяли на Невском извозчика и спустя полчаса входили в большой полутемный зал с плюшевой мебелью и какими-то золотыми разводами на стенах».

Майский И.М. Семь номеров. — Журн. «Знамя», 1965, № 7, с. 209–210.

Прибыв в «притон», И.М.Майский оплачивает долг Есенина и доставляет поэта к дому, где жил А.М.Сахаров:

Из воспоминаний И.М.Майского:

«Едва мы переступили порог, как из угла ко мне бросился Есенин. Но в каком виде! На нем была какая-то пестрая рубашка, белые кальсоны и тапочки на босу ногу. Волосы взъерошены, лицо бледное и испитое.

— Ну, слава богу, вы приехали! — воскликнул Есенин. — Я не смел вас просить об этом.

Появилась "хозяйка" с громким голосом и крепкими кулаками. За ней шел высокий мужчина, похожий на трактирного вышибалу.

Я объяснил "хозяйке" цель нашего визита. С льстивой улыбкой она заявила, что не будет иметь никаких претензий к "Сереже", как только он уплатит "долг чести". Так и сказала: "долг чести". Я мысленно выругался, но что было делать? <...>

Несколько минут спустя Есенин ехал со мной на извозчике. На нем был затрепанный костюм с чужого плеча — узкий и короткий, который соблаговолила дать ему "хозяйка". Мне очень хотелось сказать Есенину то, чего он заслуживал, но я взглянул на него и не решился...

Горячая волна захлестнула мою душу: я чувствовал к нему и тревожную любовь, и острую боль. Мне был бесконечно дорог этот бледный, осунувшийся юноша, в котором так ярко горел большой, искрометный талант...

Я высадил Есенина у дома, где жили его друзья, и вернулся в редакцию.

Больше Есенина я не встречал».

Журн. «Знамя», 1965, № 7, с. 209–210.

Июль, 28 и **Август, 15.** Выходит книга В.Ананьина и И.Флерова «Утренние зори: Книга для чтения, 3-й и 4-й годы обучения» со стихотворением Есенина «В дурную погоду» <«Поет зима — аукает...»>.

Инвентаризационный каталог, 5 (две даты выпуска для разных частей тиража).

Июль, 30. Г.А.Бениславская пишет Е.А.Есениной:

«Милый Катенок, прости, что не писала, вернее, я написала тебе, но письмо положила в книгу и там не могла найти. Новостей никаких. Сергей в Питере. Собирается приехать в Москву. Рита тоже в Питере. <...>

Меня Рита растрогала. Написала мне письмо о Сергее в день приезда <см.: 17 июля 1924>, и притом самую подробнейшую информацию. И вчера опять получила от нее письмо <см.: 26 июля 1924, третья запись>.

И оба раза, очевидно, она заставила написать мне и Сергея. Первое письмо было спокойное: Сергей почти не пьет, хорошо выглядит, работает. А вчера отчаянное: второй день по-прежнему (со "скрежетом зубовным") городит глупости.

Очевидно, это из-за истории с Приблудным — этот был в Питере и, видно, хорошо насолил Сергею. В результате приехал 28 июля (позавчера) в Москву в Сергеевых ботинках, вообще "изящно одетый", говорит, что здесь скучно, собирается купить две комнаты для себя в Питере и поселиться там. Сергей пишет, что он Приблудному руки

не подаст, а этот на мой вопрос: "Как, не ссорился с Сергеем?" — "Нет, говорит, так, иногда пьяный Сергей поворчит на меня, и всё; а вообще дружно живем". Вот так штука.

Вот. Соскучилась я без Сергея очень, но видеть его "зимним" тяжело и боюсь. У меня скоро отпуск. Хочу взять аванс за два месяца и поехать в Крым. Надо сделать запас тепла крымским солнце<м>, а то помру зимой от холода. К вам я бы с радостью заехала, но не знаю, смогу ли, ведь это не по дороге, а много времени из отпуска тратить боюсь, надо сил на зиму набраться. Сейчас сижу в "Бедноте", обрабатываю письма (видишь, даже за это взялась), потом буду читать стенограф<ический> отчет того заседания по литературе, где выступали Воронский, Троцкий и Вардин <см.: 10 мая 1924>, — книжка вышла. Речь Троцкого уже прочла — замечательно интересно.

Когда ты думаешь в Москву? Впрочем, не торопись особенно, здесь скучно, душно и денег — 00. <...>

Ну целую тебя крепко и люблю (когда мусора на Никитской не разводишь).

30 / VII. Галя.

Шуру целую тоже».

Шубникова-Гусева-2008, 253–254.

Письмо не было отправлено (и осталось в архиве Г.А.Бениславской), поскольку Е.А.Есенина приехала тогда в Москву.

Июль, до 31. Г.Б.Шмерельсон вместе с С.Полоцким приходят к Есенину (по адресу: Гагаринская, д. 1, кв. 12).

Событие устанавливается по содержанию записки Г.Б.Шмерельсона (см. след. запись).

Не застав Есенина, Г.Б.Шмерельсон пишет ему записку:

«Дорогой мой Сереженька! <...> Был с Полоцким <...>. Если получил деньги — оставь для меня – очень нужны, — если б не очень, верь, не беспокоил, — еду 31 июля <в Москву> с Ричиотти. Постарайся ехать также 31 июля, тогда все *вместе* поедем. Крепко целую».

Письма, 241–242.

Выполнил ли Есенин просьбу автора записки, не установлено.

См. также: 31 июля 1924.

Июль, до 31 или **31.** Есенин пишет стихотворение «Сукин сын».

Есенин, I, 207–208, 356.

Граница события устанавливается в соответствии с датой «31 июля 1924 г.» рукой Есенина под авторизованным списком стихотворения, выполненным В.И.Эрлихом (Есенин, I, 622).

О публикации см.: 23 сент. 1924, вторая запись.

Тема безответной любви и образ девушки в белой накидке сближает это стихотворение с поэмой «Анна Снегина» (см.: янв. 1925).

Июль, 31. Есенин и В.И.Эрлих выезжают из Ленинграда в Москву.

Дата события устанавливается с учетом датировок стихотворения «Сукин сын» (см. предыд. запись) и чернового автографа произведения «26. Баллада» <«Поэма о 36»>, над которой поэт работал в Москве (см.: 1–6 или 2–6 авг. 1924).

В.Чернявский вспомнит:

«Мы не простились с ним как следует <...>. Уехал он с безалаберной экстренностью, на день раньше, чем думал, намереваясь через две недели ликвидировать дела в Москве и перевезти сюда все свои вещи и обосноваться тут надолго. Но обещаемого со дня на день его возвращения я так и не дождался».

Восп., 1, 232. Сведения о том, что Есенин и В.И.Эрлих совершили эту поездку вместе с Г.Б.Шмерельсоном и В.Ричиотти, не выявлены (см.: до 31 июля 1924, вторая запись).

Июль, конец ... Август, до 15. В Государственном издательстве РСФСР выходит (4-м переработанным и значительно дополненным изданием) книга И.В.Владиславлева «Русские писатели. Опыт библиографического пособия по русской литературе XIX–XX ст.», где в разделе I публикуется персональная библиография Есенина.

Кн. летопись, 1924, № 15, авг., поз. 7897.

Это первая научная библиография произведений поэта и работ о нем. В библиографии перечислено:

«I. Радуница. Изд. Аверьянова. П., 916 г. (в 921 г. изд. 3-е, Имажинисты). — Голубень. Изд. Революц. Социализм. П. 918 г. — Сельский часослов. Поэмы. Изд. Моск. Трудов. Артели. М. 919 г. — Преображение. Изд. то же. М. 919 г., 68 стр. — Исус младенец. Поэма. Обложка, рис. и клише работы Е.Туровой. Изд. Сегодня. П. 918 г. 5 стр. (и в изд. Скифы. Чита. 921 г.). — Ключи Марии. 919 г. — Трерядница. (Сб. стихов.) Изд. Злак. М. 920 г. 27 стр. — Исповедь хулигана. М. 921 г. — Триптих. Изд. Скифы. Берлин. 921 г. — Пугачев (Драматич. поэма). С библиограф. указателем по имажинизму. Имажинисты. М. 922 г. 54 стр. (то же, в изд. Эльзевир, 64 стр. и в изд. Русск. Универс. Изд-ва. Берлин. 922 г.). — Избранное. Гос. Изд-во. М. 922 г. 115 стр. — Ржаные кони. 2 тт. Альциона. 922 г. (печ.). — См. еще сборн. Красный Звон (Стихи С. Есенина и др.). П. 918 г.

II. *Писатели о себе.* С. Есенин. Н. К. Р. 5/922 г.

Н.Ангарский. Заметки о поэзии и поэтах. Творчество. 1– 5/919 г.

С.Григорьев. Пророки и предтечи последнего завета. Имажинисты (Есенин, Кусиков, Мариенгоф). Изд. Саав. М. 921 г. 16 стр.

Иванов-Разумник. Поэты и революция (Есенин, Клюев, Орешин). См. сб. Скифы, т. I. П. 917 г.

И.Эренбург. Портреты русских поэтов. Берлин. 922 г., стр. 82–85.

Н.Асеев. Избяной обоз. (О пастушеском течении в поэзии наших дней.) П. и Р. 922 г. № 8, стр. 38–45.

Иванов-Разумник. Три богатыря. Летоп. Дома Литерат. 3/922 г. (В.Гиппиус, Н.Клюев, С.Есенин).

В.Львов-Рогачевский. Имажинизм и его образоносцы (Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич). Изд Орднас. 921 г. 68 стр.

Я.Шапиршгейн-Лерс. Обществ. смысл русск. литерат. футуризма (неонародничество литературы XX века). М. 922 г.

П.Коган. С.Есенин. (Литер. силуэты). К. Н. 3/922 г.

Б.Гусман. Сто поэтов. М. 923 г.

Рец.: а) Библиограф. ежегодники, под ред. И.В.Владиславлева. б) Пр. К. 6/919 г., стр. 42–3 (Преображение); Горн 2–3/919 г., стр. 114–5 (Преображение); Н. Р. К. 1 и 2/922 г. (И. Эренбург). (Исповедь хулигана, Трерядница, Пугачев).

В.Львов-Рогачевский. Новокрестьянский поэт-свмволист Сергей Есенин. См. его Новейшая русская литература. 923 г., стр. 255–264.

В.Сиповский. Поэзия народа. П. 923 г.».

См. Приложение.

Июль. Парижский журнал «Современные записки» (кн. XX) печатает обзор журналов «Звезда» (1924, № 1), «Красный архив» (1923. Т. IV), «Красная новь» (1924. № 1–2), «Печать и революция» (1924. № 1), «Россия» (1924, № 1) С.Познера, в котором говорится о Есенине:

«В “Звезде” и “Красной нови”, и “России" напечатано немало стихотворений, но заслуживающих внимание из них лишь два стихотворения Вл. Ходасевича в “Звезде” и “России” и Сергея Есенина — в “Красной нови”.

<…> Другое светило — А. Воронский, ответственный редактор “Красной нови”, на сей раз дал себе отдых от “бранных боев”. Он отплыл в воды пролетарской поэзии и посвятил очередную статью творчеству Сергея Есенина. Его шокирует мистика поэта, его приверженность к мужицкой России. “Поэту, который хочет идти плечом к плечу с эпохой и быть рупором ее, как воздух и вода, нужна другая «Инония» — ленинская. Только она спасет от духовного вырождения”».

О времени события см.: http://litcatalog.al.ru/cd/demo/sovremennie_zapisky/sz.html

См. также: до 16 — до 29 февр. 1924, первая запись; 24 марта 1924, первая запись; 4 апр. 1924, вторая запись; 15 апр. 1924, пятая запись; 18 мая 1924, вторая запись; май (?) 1924, вторая запись; 1 июня 1924, четвертая запись.

Август, 1. Есенин возвращается в Москву вместе с В.И.Эрлихом.

Обоснование даты события см.: 31 июля 1924.

А.А.Берзинь, не зная, что Есенин вернулся в Москву, пишет ему:

«До Москвы доходят слухи, что пьете <см.: 26 июля 1924, третья запись> и что разбились!!!

Не знаю, насколько верно то и другое.

Черкните пару строк. Очень хочу видеть, хоть не самого, а только почерк.

Если написать трудно или не хочется, то не принуждайте себя к этому. В Москве всё по-старому. Все сплетничают, пьют, влюбляются и т. д.

Я никого не люблю, живу смиренной вдовицей...

Ну, целую Ваш загривок. А.Берзинь.

Адрес: Госиздат. Отдел массовой литературы».

Письма, 242.

Август, 1 – 6. Есенин в присутствии В.И.Эрлиха читает А.А.Берзинь поэму «Песнь о великом походе». Соглашается на ее предложение напечатать поэму в журнале «Октябрь», для чего В.И.Эрлих делает список текста произведения.

Рамки этого и последующих событий определяются в соответствии с датами возвращения Есенина в Москву (см.: 1 авг. 1924, первая запись) и его отъезда из Москвы в Константиново (см.: с 6 на 7 авг. 1924).

Из воспоминаний А.А.Берзинь:

«Когда поэт окончил чтение, я сделала ему предложение — опубликовать “Песнь” в журнале “Октябрь”. Против ожидания, он тут же согласился. Тогда, по моей просьбе, Эрлих сел к столу, чтобы написать поэму для журнала. У него была хорошая память. Не вставая с места, он всю поэму без единой, кажется, помарки тут же и записал».

Хроника, 2, 136.

Обстоятельства и время исполнения списка, изложенные А.А.Берзинь, подтверждаются следующим:

— временем пребывания В.И.Эрлиха с Есениным в Москве в первой пятидневке авг. 1924 (В.И.Эрлих будет сопровождать Есенина, едущего в Константиново, до станции Дивово, а сам поедет дальше до Симбирска (см.: Восп., 2, 338);

— характером правки В.И.Эрлихом собственного списка;

— авторской правкой ошибок и неточностей текста.

«Характер исполнения списка, выполненного рукой В.И.Эрлиха, ошибки, допущенные и исправленные им самим, соответствуют свидетельству А.А.Берзинь о том, что список делался по памяти. Например, строку 69 В.И.Эрлих начал писать: “Повстречал их”, не дописал, зачеркнул и записал верно: “Выходил тут царь”. После строки 299 были пропущены две строки, но затем вставлены: “Не поймет никто //

Отколь гуд идет". Скорее всего, подобная ошибка памяти имела место также при записи текста на страницах 15–16. В результате появилась дополнительная страница 15-а, а страница 16 оказалась неполной. На странице 18 слева на полях после строки 524 написано четверостишие и знак вноски:

На заре заре
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы сушили день.

Все остальные ошибки и неточности текста исправил сам Есенин».
Шубникова-Гусева, 298–299.
См. след. запись.

Есенин проверяет записанный В.И.Эрлихом текст поэмы «Песнь о великом походе», вносит правку и ставит подпись под списком.

Есенин «проверил и поправил текст дважды, чему соответствует два слоя правки. Правка, выполненная карандашом (а также подпись под списком), была сделана, вероятнее всего, сразу после записи текста В.И.Эрлихом. Было внесено пять поправок. На странице 1 (строка 15): "А второй о том" — "о том" зачеркнуто, написано "про то". На странице 5 (строки 132–133): "Кто ж теперь блюсти // Станет Питер град?" — "блюсти теперь" зачеркнуто, написано "теперь блюсти" и вместо "Станет" — "Будет". После строки 165-й (страница 6) справа на полях написано четверостишие и знак вноски:

Мы сгребем дворян
Да по плеши им
На фонарных столбах
Перевешаем.

Затем эти же строки зачеркнуты. На 8-й странице в строке 232-й "Ой гуляй душа" — "Ой гуляй" зачеркнуто и написано "Веселись".

В тексте присутствует единственная поправка синим карандашом в строке 202-й, вероятно, сделанная третьим лицом, может быть, работником редакции. Исправлена описка В.И.Эрлиха (зачеркнуто слово "царям", написанное дважды).

Остальная правка проведена красными чернилами автором при вторичной очень внимательной проверке рукописи. Есенин вписывает еще два пропущенных четверостишия — строки 142–145:

Отчего подчас
Обступая град
Мертвецы встают
В строевой парад.

и строки 240–243:

Ни за Троцкого
Ни за Ленина
За донского казака
За Каледина.

Кроме того, Есенин зачеркивает неверно записанные В.И.Эрлихом слова и вписывает свой текст — строку 17-ю: "Вы послушайте" вместо "Ты послушай Русь"; строку 31-ю "Уж и как у нас ребята" и т.д., всего исправлена 21 строка.

Красными чернилами поэт тщательно отмечает дополнительные отбивки частей звездочками (всего 27 частей) и смысловые знаки препинания, обводит слова и буквы, нечетко написанные В.И.Эрлихом, исправляет грамматическую ошибку: слово "чесной" — на "честной". На неполной странице 16-й делает помету: "См. стр. 17". Эту правку Есенина можно расценивать как подготовку текста для публикации.

Значительное отличие списка "Песни о великом походе", выполненного Эрлихом, от текста, опубликованного в "Звезде", свидетельствует о том, что Есенин еще раз переработает текст поэмы до поездки в Константиново, т. е. до 7 авг. 1924».
Шубникова-Гусева, 299–300.
См. Приложение.

См. также: после 15 или после 16 июня – июль 1924, вторая запись; 16 или после 16 (?) июня 1924; первая половина июля 1924; после 17 июля 1924; конец второй декады (?) июля 1924; до 26 июля 1924; 7–20 авг. 1924, третья запись; 14 авг. 1924, первая запись; 18 авг. 1924, вторая запись; после 20 (?) авг. 1924, вторая запись; конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 2 сент. 1924, первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; до 14 сент. 1924, первая запись; 14 сент. 1924, первая запись; сент. 1924 – янв. 1925; до 15 нояб. 1924; до 16 дек. 1924, вторая запись.

При этой же встрече возникает идея выпуска «Песни о великом походе» через отдел массовой литературы Госиздата РСФСР.

Событие устанавливается согласно совокупности косвенных свидетельств: а) упоминания о художнике в письме А.А.Берзинь Есенину (см.: 18 авг. 1924, четвертая запись) и б) того факта, что договор с Госиздатом РСФСР об издании «Песни...» отдельной книгой был заключен официально менее чем через месяц (см.: 2 сент. 1924, первая запись).

А.А.Берзинь передает в редакцию журнала «Октябрь» сделанную по рукописи машинописную копию «Песни о великом походе».

А.А.Берзинь вспомнит:

«После их ухода я велела перепечатать рукопись на машинке, а затем передала ее в редакцию “Октября”».

Хроника, 2, 136.

Скорее всего, эту машинопись прочтет И.Вардин (см.: 18 авг. 1924).

Обстоятельства, предшествующие публикации поэмы в журнале «Октябрь», 10 янв. 1926 отметит А.И.Тарасов-Родионов:

«Мне вспомнилось о том, как однажды я затащил к себе домой Есенина с большою компанией, и мы, мужчины, спали в ту ночь на сеновале. В то время я имел большое влияние на политику ВАПП и, что называется, охаживал Есенина, стараясь свернуть его творчество на отчетливо советские рельсы. Тогда же я купил у него для “Октября” и “Песнь о великом походе”».

Материалы, 246.

Указанное событие могло состояться только до 7 авг. 1924, так как среди гостей А.И.Тарасова-Родионова был В.И.Эрлих (см.: Восп., 2, 337–338), который уедет из Москвы с Есениным (см.: с 6 на 7 авг. 1924).

Кроме того, Есенину до отъезда на Кавказ выплатят аванс за публикацию поэмы в журнале «Октябрь» (см.: после 20 (?) авг. 1924, вторая запись).

Есенин бывает в мастерской Г.Б.Якулова.

Событие и его ориентировочное время устанавливается по воспоминаниям В.И.Эрлиха (см.: Восп., 2, 330).

Август, 1–6 или **2–6.** Есенин пишет произведение под названием «26. Баллада» <«Поэма о 36»>.

Время события определяется по пометам Есенина в черновом («август 1–6») и беловом («Август 2–6») автографе (см.: Есенин, III, 627).

В черновике имеется немного поправок, в основном во второй части поэмы. Особое внимание Есенин уделяет работе над вступлением. В одних случаях ищет более точный и емкий образ. Например, в строках «Всем нам тот тракт знаком / Лесным непролазным мешком» – «лесным» правит на «слепым» и затем находит строку «Каменным лег мешком». «Длителен каторжный глаз» заменяет на «Зорок солдатский глаз», а затем на «И зорок солдатский глаз». Уточняет отдельные слова: «То распростись с головой» заменяет на: «Не дорожи головой»; «Жарь как седой Баргузин» – на «Шпарь как седой Баргузин». Отказывается от строк, содержание которых вытекает из общего контекста: «На карте родной страны», ведь достаточно слов «шесть тысяч один сугроб», чтобы перед глазами читателей возникла огромная карта родной страны от Шлиссельбурга до Енисейских мест.

Существенно, по сравнению с окончательным текстом, в черновом автографе отличается композиция и ритмика поэмы. В черновике поэма разделена на две части при помощи отбивки звездочкой. Вторая часть начинается второй встречей двадцати шести:

Быстро бегут дни.
День колесу сродни.
Снежной январской порой
В камере сорок второй
Встретились вновь они.

В автографе поэмы имеется также одно исправление простым карандашом, выполненное, скорее всего, рукой Г.А.Бениславской: в строке 137 «двадцать» исправлено на «тридцать». В остальных шести случаях это слово не поправлено, но такая правка подразумевалась по всему тексту, т. е. в семи случаях. Таким образом, в пяти случаях изменяется число героев. «Двадцать шесть» меняется на «тридцать шесть» и «двадцать» на «тридцать». И в двух случаях меняется герой: «двадцать первый» на «тридцать первый». Поправка связана с изменением названия поэмы в конце авг. 1924.

См.: Шубникова-Гусева, 338–339.

См. Приложение.

См. также: 7–20 авг. 1924, вторая запись; 20 авг. – 2 сент. 1924, четвертая запись; 26 авг. 1924, первая запись; 27 … 31 авг. 1924; до 17 сент. 1924; 17, 18 и 21 сент. 1924; 25 сент. 1924, третья запись.

Август, 1 – 6 или **Август, после 20.** Есенин вместе с Н.П.Савкиным и И.В.Грузиновым участвует в заседании литературной группы «Вечевики».

Время этого и следующего событий определяется по протоколам заседаний с учетом сроков тогдашнего пребывания Есенина в Москве.

Протокол заседания литературной группы «Вечевики»:

«Повестка дня:

1. Вопрос о журнале.

1. Размер — 16 стр. форм<ата> “Красной нивы”

Маниф<ест>	2 страни<цы>
Стихи	2 страницы
Статьи	2 стр.
Язык	1 стран<ица>
Очерк	2 стран <ицы>
Библиогр<афия>	3 страницы
Литер. фронт <?>	2
Расск<азы>, беллетр<истика>	2
В.Каз<ин>, П.Орешин.	
Рисунки, портреты	
Редак<ционная> коллегия	3
2000 экземпляров.	
Цена 35 копеек.	

2. О взаимоотношениях издательства “Современная Россия” <с> группой “Ве чевики”.

2. Постановили:

1. Издательская деятельность группы во всем делится пропорционально на троих: Грузинов, Есенин, Савкин.

2. Разделить совершенно в издательской работе группу “Вечевики” и “Современная Россия”.

Подписали: Н. Савкин, С. Есенин, И. Грузинов».

Есенин, VII (2), 253–254, 456–457.

Есенин вместе с Н.П.Савкиным и И.В.Грузиновым участвует в заседании правления общества «Современная Россия».

Протокол заседания правления:

«Присутствовали: Есенин, Грузинов, Савкин.

1. О взаимоотношения<х> "Современной России" и группы "Вечевики".

Во всех действиях считать их самостоятельными и издательство "Современная Россия" в своей работе свободн<ым>.

2. Из всей работы о<бщест>ва о<т>числить в издательство 1% с получаемых сумм.

Из всех работ о<бщест>ва о<т>числить 1% в издательство со всех получаемых сумм.

3. Об административном управлении издательства.

Издательством ведает исключительно Савкин без права вмешательства других.

Н.Савкин, С.Есенин, И.Грузинов».

Есенин, VII (2), 254, 457.

См. также: 4 авг. 1924; 24 авг. 1924, вторая запись; до 27 авг. 1924; 27 авг. 1924, первая запись.

Август, 1 – 6 или Август, 21 – 26. Во время встреч со служащим Госиздата РСФСР поэтом В.П.Яблонским Есенин:

— начинает внесение правки в текст своего стихотворения «Пойду в скуфье смиренным иноком...», опубликованного в книге «Радуница» (1918).

Есенин, I, 462.

См. также: 27 авг. 1924, вторая запись; 3 сент. 1924, третья запись;

— работает с экземпляром своей книги «Голубень» (1920). Вносит правку в текст стихотворения «Нощь и поле, и крик петухов...».

Экземпляр с владельческой надписью В.П.Яблонского – частное собрание (Москва). На экз. пояснение бывшего владельца:

«Одновременно с „Песнью о великом походе" С.А. хотел издать в крестьянском отд. Госиздата сборник своих стихов, для чего отмечал стихотворения в этой книге, тщательно избегал церковнославянских образов и мотивов. В.Яблонский».

Автором отмечены (крестиками и указанием числа строк) следующие стихотворения: «За темной прядью перелесиц...», «В том краю, где желтая крапива...», «Не бродить, не мять в кустах багряных...», «О красном вечере задумалась дорога...», «Нощь и поле, и крик петухов...», «Голубень», «Корова», «Лисица».

Есенин, I, 492–493;

— надписывает автограф своего стихотворения «Не жалею, не зову, не плачу..» — «Виктору Петровичу Яблонскому».

Журн. «В мире книг», 1970, № 9, с. 41; Есенин, I, 582.

Местонахождение этого автографа ныне неизвестно.

Рамки события устанавливаются с учетом сроков тогдашнего пребывания Есенина в Москве (см. также: 27 авг. 1924, вторая запись).

Август, после 1 (?) ... после 6 (?). Художник (возможно, И.А.Француз) начинает работу над оформлением книги Есенина «Песнь о великом походе» для Госиздата РСФСР.

Об этом А.А.Берзинь вскоре сообщит автору: «Художник сделал несколько набросков, но не видя Вас и не слыша о Вас, — уехал в отпуск» (см.: 18 авг. 1924, четвертая запись).

Книга с иллюстрациями художника И.А.Француза выйдет до 25 марта 1925 (см.).

Август, 4. Есенин участвует в организационном собрании общества литераторов и художников «Современная Россия» и избирается членом его правления.

Есенин, VII (2), 248–250, 445–450.

Председателем собрания является Н.Савкин. Секретарь — И.В.Грузинов. Члены инициативной группы, наряду с Есениным, — К.Большаков, И.Грузинов, Б.Глубоковский, П.Орешин, Н.Савкин, Г.Сидоров-Окский, А.Скворцов, А.Топорков, Г.Якулов и Я.Апушкин.

В протоколе № 1 организационного собрания общества «Современная Россия» обозначено пять вопросов: об организации общества «Современная Россия» литераторов и художников; об уставе общества; об издательской деятельности, о текущем моменте в литературе, о выборах правления и ревизионной комиссии общества.

По каждому из вопросов вынесено постановление:

«1. Организовать Общество литераторов и художников "Современная Россия" с целью выявить в искусстве современный быт и революцию, труд и классовую борьбу пролетариата за свое освобождение, а также удовлетворять материальные и духовные потребности своих чл<енов> на началах взаимопомощи.

2. Разработанный устав по примеру нормальных уставов обществ утвердить и передать на утверждение в Нарко<в>нудел.

3. Разработать план первого выпуска сборника "Современная Россия" и в ближайшие дни начать сбор материала для такового.

4. Выпустить в ближайшее время декларацию.

5. Председателем Правления Общества избран Н.Савкин, члены Правления: И.В.Грузинов, С.А.Есенин, П.В.Орешин. Ревизионная комиссия: А.Скворцов, Г.Сидоров-Окский и Г.Б.Якулов».

Протокол подписан председателем правления, членами правления и председателем ревизионной комиссии.

Устав общества и «Список-анкета на членов исполнительного органа», заполненная от руки: Г.А.Сидоровым-Окским и И.В.Грузиновым — собственноручно, остальное — рукой неустановленного лица.

См. Приложение.

О планировавшейся деятельности общества «Современная Россия» см. также: 1–6 авг. или после 20 авг. 1924, вторая запись; 24 авг. 1924, вторая запись; до 27 авг. 1924; 27 авг. 1924, первая запись.

Август, 5. Харбинская газета «Русский голос» (№ 1181, подпись: «Н. Св-в») публикует рецензию Н.Светлова на книгу Есенина «Стихи скандалиста» (Берлин, 1923):

«Нежность и печаль, соединенные с озорством хулигана, трогательная, почти девичья, религиозность с отвратительным богохульством…

Удивительная книга!

Сергей Есенин любит деревню, проселочную давнюю Русь; как художник он весь в деревенском пейзаже. Природу он воспринимает по-мужицки, по-крестьянски — бытом села "отдают" все его образы, все его метафоры. Волосы девушки ему кажутся овсяным снопом, мельница "навастривает мукомольный дух", месяц "под уздцы" выводит облако.

Любовь к деревне, ко всему деревенскому у Есенина столь же напряженная, как и у учителя его — Николая Клюева. Но последний цельнее; пусть "древенчатый живот" деревни и "трясет стальная лихорадка" — Клюев отгораживается от нее поморскими лесами и болотами. Он уходит к былому, к скитам, — в ту сказочную святую Русь, где святой Никола и другие святители так часто "запросто захаживали" в избу правильного помора-сектанта, не брезгуя испить ключевой воды из берестяного мужицкого ковша.

Драма Есенина глубже. Он, любя умирающую деревню, в плену у города. Хоть и сладко ему

Вспоминать
Заросший пруд и звонкий стон ольхи,
Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи,

— город окончательно захватил его в свои обольшевиченные лапы и

Теперь решено! Без возврата!
Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

Отход поэзии от деревни, от сельских красот и сельской тишины, как известно, начался давно: с распадом дворянско-помещичьего быта. Мотив тоски о природе, тоски как следствия разрыва с нею не нов на фоне всеобщей урбанизации искусства. В устах Есенина, "последнего поэта деревни", он интересен как отражение в искусстве распада уже не дворянской России, а крестьянства, подавляемого городом, уничтожаемого как класс.

Распад этот патологичен. Гибель деревни и уход — куда? — в бродяжничество, в босячество, в хулиганство:

Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас, как падаль и мразь,
Стынет поле в тоске волоокой
Телеграфными столбами давясь...

И дальше:

О привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даешься ножу.
Как и ты, — я, отвсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу,
Как и ты, — я, отвсюду <так!> наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний смертельный прыжок!

Порвана кровная связь с тем, чем жил художник, и Есенин, поэт деревни, уступает место Есенину-скандалисту и хулигану, вкрапливающему в свои стихи строки столь грубые, столь отвратительные, что ни одно издание не решится их цитировать.

В этих строках — острая, но еще слепая ненависть, глаза злобы едва различают очертания своего врага. Всё же пелена неведения уже сброшена... Что-то страшное свершается с поэтом. Вместо прелестных в грусти своей и яркой образности деревенских песен встает жуткая "Москва кабацкая", отдаленно напоминающая переходами на песенный простонародный ритм — "Двенадцать" Блока. В ней бушует не революционная стихия великолепной блоковской поэмы, но уже скользят какие-то подреволюционные, глубоко разрушительные силы...

<...> мы думаем, что "Стихи скандалиста" — не результат упадочных нравов московской богемы, всегда и везде одинаковой, и не нэп надо винить в хулиганском (как школа, что ли?) уклоне лирики части московских поэтов. В этом виноват тупик, куда пронизавшая искусство коммунистическая тенденция гонит поэзию. <...>

Жалко им, что октябрь суровый
Обманул их в своей пурге,
Но уж удалью точится новый <так!>
Крепко спрятанный нож в сапоге.

Это поет деревня, обреченная большевиками на гибель, это народ сопротивляется коммунистическим нажимам, отстаивая свою веру и свою волю. Новая удаль накапливается в оторванном от привычного быта бездомном бродяге-хулигане — не крестьянине и не рабочем, — еще тоскующем в кабаках, но уже разглядевшем "в суровой пурге октября" очертания нового своего смертельного врага.

Это показал нам С.Есенин в своих "Стихах скандалиста". И в этом заслуга книги».

Август, до 6. Есенин встречается в редакции журнала «Красная новь» (Успенский переулок) с И.Бабелем и С.Гехтом.

Событие устанавливается на основе воспоминаний С.Гехта. Время встречи определяется ориентировочно с учетом сведений мемуариста — тот пишет, что «Есенин недавно опубликовал стихотворение, в котором было чудно сказано о животных» ("...И зверьё, как братьев наших меньших..." — «Мы теперь уходим понемногу...»; см.: до 25 июля 1924), и сказал, что собирается в гости к матери в Константиново (об отъезде см.: с 6 на 7 авг. 1924).

Из воспоминаний С.Гехта:

«Утром Бабель по телефону предложил мне зайти за ним к концу дня, то есть ровно в пять часов в редакцию журнала "Красная новь", где печатались тогда из номера в номер его рассказы. Поднимаясь по плохо отмытой мраморной лестнице старомосковского трехэтажного особняка в Успенском переулке, я прошмыгнул мимо закончивших занятия работников журнала. <...> В опустевшей редакции оставались чего-то не договорившие Бабель с Есениным. Есенин сидел на письменном столе, он болтал ногами, с них спадали ночные туфли. Бабель стоял посредине комнаты, протирал очки. Он вообще часто протирал очки. Есенин уговорил Бабеля поделить какие-то короны. Вникнув в их разговор, я разобрал:

— Себе, Исаак, возьми корону прозы, — предлагал Есенин, — а корону поэзии — мне.

Ласково поглядывавший на него Бабель шутливо отнекивался от такой чести, выдвигая другие кандидатуры. Представляя меня Есенину, он пошутил:

— Мой сын.

Озабоченный Есенин, всматриваясь в меня, что-то соображал...».

Гехт С. У стены Страстного монастыря в летний день 1924 года. — В сб. «И.Бабель: Воспоминания современников», М.: Сов. писатель, 1972, с. 65–66.

Есенин с И.Бабелем и С.Гехтом заходят в пивную у Мясницких ворот, где их находит И.Приблудный. Все вчетвером отправляются гулять по Сретенскому и Рождественскому бульварам.

Из воспоминаний С.Гехта:

«Выбравшись на улицу, мы завернули в пивную у Мясницких ворот. Сейчас на этом месте павильон станции метро. Пил Есенин мало, и только пиво марки Корнеева и Горшанова, поданное на стол в обрамлении семи розеток с возбуждающими жажду закусками — сушеной воблой, кружочками копченой колбасы, ломтиками сыра, недоваренным горошком, сухариками черными, белыми и мятными. Не дал Есенин много пить и разыскавшему его пареньку богатырского сложения. Паренька звали Иван Приблудный — человек способный, но уж чересчур непутевый. С добрым сердцем, с лицом и силой донецкого шахтера, он ходил за Есениным, не очень им любимый, но и не отвергаемый.

Покинув пивную, пошли бродить. Шли бульварами, сперва по Сретенскому, затем по Рождественскому, где тогда еще был внизу Птичий рынок, и, потеряв по дороге Приблудного, поднялись к Страстному монастырю».

Гехт С. У стены Страстного монастыря в летний день 1924 года. — В сб. «И.Бабель: Воспоминания современников», М.: Сов. писатель, 1972, с. 66.

Есенин и И.Бабель допоздна читают стихи и беседуют на разные темы.

Из воспоминаний С.Гехта:

«Здесь <у Страстного монастыря> и присели под липой, у кирпичной стены, за которой после революции поселился самый разнообразный народ. На Есенина оглядывались, — кто узнавал, кто фыркал: костюм знатный, а на ногах шлепанцы.

Есенин, ездивший год назад в Америку, рассказывал Бабелю о нью-йоркских встречах. Скандаливший на прошлой неделе в ресторане Дома Герцена, он был сейчас задумчив, кроток. Бабеля позабавил "грозный" приговор, вынесенный Правлением старого Союза писателей. Оно запретило Есенину посещать в течение месяца ресторан. Зашла речь и об ипподроме. Бабель в те дни изучал родословную Крепыша и рассказывал Есенину об этой знаменитой лошади, что-то еще говорил о призерах бегового сезона. Пролетел со стороны Ходынского поля самолет, и Бабель рассказал про свой недавний полет над Черным морем со старейшим, вроде Уточкина и Россинского, авиатором Хиони. Слушая, Есенин раза два с недоумением на меня посмотрел. Наконец проговорил:

— Сын что-то у тебя большой.

За стеклами очков смеялись глаза Бабеля. Засмеялся и Есенин. Детей у Бабеля тогда еще не было, а у Есенина — двое. Есенин сказал, что собирается в гости к матери, спросил про близких Бабеля: жива ли мать, жив ли отец. С разговором об отце вспомнился и старый кот, которого гладил его чудак-отец на Почтовой улице. Может, потому еще вспомнился кот, что Есенин недавно опубликовал стихотворение, в котором было чудно сказано о животных:

...И зверьё, как наших братьев меньших,
Никогда не бил по голове.

<...> Бабель читал стихи голосом твердым, чеканным. <...>

Есенинские стихи Бабель читал и про себя и вслух. Читал ему свои стихи и Есенин, привязавшийся к Бабелю, полюбивший его. И любил он еще вот это есенинское: "Цвела — забубённая, росла — ножевая, а теперь вдруг свесилась, словно неживая".

На скамье у Страстного монастыря Есенин тоже свесил голову, но очень живую, прекрасно-задумчивую. До того успокоенным и добрым было в тот день его лицо, что показалось просто ерундой, что голову эту называли — пускай даже сам Есенин — забубённой и неживой. На скамье сидели два тридцатилетних мудреца, во многом схожие в этот час — познавшие, но по-прежнему любознательные, не к месту было бы говорить о пресыщении.

Скажут: разные же люди! Еще бы! Из неукротимых неукротимый, временами вспыльчивый и даже буйный Есенин и рядом с ним тихий, обходительный, сам великолепно довершивший свое воспитание Бабель. <...>

Они счастливы... <...> Бабель — в шерстяной толстовке хорошего покроя, Есенин — в светло-сером костюме и ночных туфлях. Оба молоды и знамениты — круглоголовый, золотистоволосый Есенин и похожий то на Грибоедова, то на Робеспьера <...> Бабель... <...> Молодые головы полны мыслей, великолепных словосочетаний, созвучий <...>».

Гехт С. У стены Страстного монастыря в летний день 1924 года. — В сб. «И.Бабель: Воспоминания современников», М.: Сов. писатель, 1972, с. 66–70, 76.

Возможно, в это же время заходит речь о совместной поездке Есенина и И.Бабеля на Кавказ — в Тифлис и Баку.

См. об этом также в письме А.А.Есениной к Ушеру Спектору (личный архив У.Спектора). Информация из кн.: Крумм Р. Исаак Бабель: Биография. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н.Ельцина, 2008, с. 99.

Намерение не было реализовано.

Август, 6. Есенин пишет адрес Г.А.Бениславской на открытке из бересты с рисованной надписью: «Не забывай меня!»:

«Здесь. Брюсовский пер<еулок>, дом "Правды" корпус Б, кв. 27».

Адресат и текст «Бениславской. Один из трех» написаны другой рукой. Скорее всего, Есенин не успел отправить открытку.

Шубникова-Гусева-2008, 280–281, факсимиле.

См. также: 27 авг. 1924.

См. Приложение.

Август, 6 или **после 6.** Есенин делает запись на последнем листе блокнота с черновым автографом «Поэмы о 36» (под заглавием «26. Баллада») с авторской датой: «август 1–6»:

«41-й Чернышевские казармы 2-я маршевая рота отправлена в Ташкент к Фрунзе».

Есенин, VII (2), 120, с широкой датой (июль–авг. 1924).

Граница события определяется местоположением этой записи (после автографа произведения и даты под ним) и тем обстоятельством, что она выполнена тем же химическим карандашом, что и текст поэмы (Есенин, VII (2), 120).

Поскольку Есенин тогда одновременно работал над двумя произведениями — «Поэмой о 36» и «Песнью о великом походе», — эта запись, скорее всего, связана с появлением имени Фрунзе в вариантах ко второй из поэм. В окончательном тексте «Песни...» этот военачальник, участвовавший в сражениях на территории, не совпадающей с «донской картой» — местом действия второго «сказа» произведения, уже не упоминается.

См. подробнее: Есенин, III, 380, 627.

См. также: 1–6 авг. 1924, первая–третья записи; 1–6 или 2–6 авг. 1924; 7–20 авг. 1924, вторая запись; 20 авг.–2 сент. 1924, вторая и четвертая записи; авг. 1924; 17 окт. 1924.

Август, с 6 на 7. Есенин выезжает из Москвы и прибывает в Константиново.

Дата события определяется с учетом записи Е.А.Есениной для краткой хроники жизни и творчества поэта (Юсов-2005, 39).

А.А.Есенина вспомнит:

«...в начале августа Сергей снова в Константинове».

Восп., 1, 97.

Из воспоминаний В.И.Эрлиха:

«Есенина тянет в деревню. Он накупил кучу удочек (со звонками и без звонков) и мечтает о рыбной ловле. <...>

В одиннадцать тридцать влезаем в вагон.

Есть попутчики: компания молодых пролетарских поэтов.

Есенин, горячась, объясняет:

— Что вы там кричите: "Есенин, Есенин..." В сущности говоря, каждое ваше выступление против меня — бунт! Что будет завтра — мы не знаем, но сегодня я — вожак!

Ночь (весьма неуютная). Рассвет. Станция "Дивово".

Поезд не останавливается.

Есенин, Катя Есенина, Приблудный на ходу соскакивают и исчезают за станционным бараком».

Восп., 2, 338.

А.А.Есенина вспомнит:

«...нашим гостем на этот раз был молодой, лет двадцати, коренастый, широкоплечий, с черными глазами и густыми черными волосами поэт Иван Приблудный.

Он был бесшабашный, озорной, находчивый весельчак, умеющий и посмеяться, и пошутить, и спеть. Но всего лучше он читал стихи. Особенно хорошо у него получались "Гайдамаки" Шевченко и "Петух" собственного сочинения. Читал он как-то удивительно просто, жестикулируя правой рукой или изредка поправляя черную шапку

волос, но в его хрипловатом голосе было столько выразительности, что трудно забыть такое чтение. Был он, как говорится, без роду, без племени, но в его внешности и поведении было много цыганского. Его безобидное озорство иногда удивляло. Идем с ним по улице, спокойно разговариваем. Вдруг он становится на руки и идет на руках или, увидев впереди двух молоденьких девушек, идущих навстречу, поравнявшись с ними, резко бросается в сторону, и те от неожиданности шарахаются в другую. Пройдя несколько шагов, он оглянется, улыбнется им и продолжает путь как ни в чем не бывало.

Живя у нас в деревне, он исходил все окрестности, пропадая целыми днями. Ночами он тоже где-то бродил. В это время стояли чудесные лунные ночи.

Однажды, возвращаясь под утро домой, он увидел начинающийся пожар. Заснувшее село как будто вымерло, а он, не зная о существовании веревки, привязанной к колоколу для набата, и найдя закрытым вход на колокольню, стал собирать около церкви камни и бросать их в колокол. Правда, его удары мало походили на набат, но людей он все-таки разбудил».

Восп., 1, 97–98.

Август, 6 ... 9. Выходит журнал «Книга о книгах» (№ 5–6; за июнь) с материалами Есенина и о нем.

Границы события определяются по сообщениям газ. «Правда» от 5 авг. 1924 (№ 176): «На днях поступит в продажу № 5–6 ж<урнала> "Книга о книгах"» и от 10 авг. 1924 (№ 180) — с рецензией на издание.

Журнал публикует:

— ответы Есенина на вопросы анкеты журнала «К Пушкинскому юбилею».

Кроме того, сообщается, что «на разосланные и розданные анкетные листы ответов поступило всего 27 — из 200 распределенных анкет». В журнале было напечатано 20 ответов на каждый из трех вопросов. Среди опубликованных — ответы А.Я.Аросева, Ф.А.Березовского, Н.К.Гудзия, П.С.Когана, С.А.Клычкова, Г.Лелевича, В.Л.Львова-Рогачевского, Н.К.Пиксанова, В.П.Полонского, А.И.Тарасова-Родионова, Д.А.Фурманова.

Подробнее об анкете и об отзывах других литераторов см.: Есенин, V, 225–226, 509–512.

Об ответах Есенина на анкету журнала см.: до 14 или 15 июня 1924.

Об отношении Есенина к А.С.Пушкину в разные годы см.: Новое о Есенине, 5; работы, перечисленные в Есенин, V, 511–512, а также: Шубникова-Гусева, 4–54, 118–125, 390–403, 480–598 и др.;

— ответы на вопросы той же анкеты студентов Литературно-художественного института им. В.Я.Брюсова, в т. ч. такой:

«Пушкин сыграл большую роль в русской литературе вообще. То, что он продолжает и теперь играть ту же роль, видно хотя бы из того, что многие из хороших современных поэтов стараются отталкиваться именно от Пушкина; укажу на таких, как Пастернак, Мариенгоф и др., даже лучшие поэты современности, как Есенин, Маяковский, и то в последнее время признали Пушкина. А в прошлом символисты все до одного усиленно изучали Пушкина»;

— материал в рубрике «Писатели на работе»:

«Сергей Есенин закончил поэму из рев<олюционной> борьбы на Украине "Гуляй-Поле", работает над поэмой "Опять на родине" <"Возвращение на родину"> и повестью "Когда я был мальчишкой"».

См. также: 1 июня 1924, первая запись; после 3 или 4 – 14 или 15 июня 1924, первая и вторая записи; 7 июня 1924, третья запись; июнь 1924, вторая запись; до 25 июля 1924, вторая запись; 22 авг. 1924; 1 сент. 1924, вторая и третья записи; 7 сент. 1924, вторая запись; 25 окт. 1924; после 9 нояб. 1924;

— информацию «В объединениях и кружках» под заголовком «Всероссийский союз поэтов; Работа за май–июнь: I. Дом Герцена (Тверской б<ульвар>, 25)»:

«16 мая состоялся вечер в пользу Литер<атурной> Студии при ВСП. Прочел свой рассказ беллетрист М.Пришвин и выступали с новыми стихами 25 поэтов, в том числе Есенин, Ивнев, Кириллов, Аксенов и др.».

См.: 16 мая 1924, первая запись.

Август, 7–20. Есенин живет в Константинове.

Границы события определяются по хронике Е.А.Есениной (см.: Юсов-2005, 42).

А.А.Есенина вспомнит:

«...он приезжал домой в деревню, но не отдыхать, а работать. Чемоданы, привезенные им, в основном были заполнены книгами. Сидя за столом, с керосиновой лампой, он читал целыми ночами до самого рассвета».

Восп., 1, 100.

Продолжает работать над «Поэмой о 36».

Из письма Есенина к А.А.Берзинь (14 авг. 1924):

«Погода в деревне неважная. Удить из-за ветра невозможно, поэтому сижу в избе и дописываю поэму».

Есенин, VI, 171–172.

Скорее всего, в Константинове Есенин работает над беловым автографом под заглавием «26. Баллада» (см.: 1–6 или 2–6 авг. 1924), который «был сделан с черновика с последующей авторской правкой. Сначала Есенин переписал текст чернового автографа, учитывая все поправки. Автор разбил строки по образцу первой строфы и разделил текст на восемь частей-главок при помощи графического разделения звездочками. Особенно внимательно поэт поработал над ритмической разбивкой строк. Одни поправки он сделал по ходу работы над текстом: "Добро у кого закал" — "Добро у кого / Закал"; другие — после записи текста: "Не дорожи головой" — "Не дорожи / Головой" (два раза). Кроме того, Есенин сократил строфу, которая завершала первую главку поэмы и являлась рефреном первой: "Много в России троп..." (первоначально эта строфа повторялась трижды, еще в основном повествовании, в окончательном тексте она повторяется дважды), и переработал первую строфу восьмой последней главки. Зачеркнул строки: "Быстро бегут / Дни. // День колесу / Сродни" и вписал "Серая хмурая / Высь. // Тучи с землею / Слились"; вместо "Когда разошлись / Они" — "Когда они / Разошлись". По сравнению с окончательным текстом, в беловом автографе осталось всего одно разночтение: "Даже в лихой / Мороз // Славно на сене / Спать" — в окончательном тексте не "славно", а "сладко"».

Шубникова-Гусева, 339–340.

А.А.Есенина вспомнит:

«В этот свой приезд Сергей спал в амбаре. Ему снова нужно было работать, а в риге нельзя было курить, опасно зажигать лампу. Работал Сергей очень много. Я помню, как часами, почти не разгибаясь, сидел он за столом у раскрытого окна нашей маленькой хибарки. Условия для работы были очень плохие. По существу, их не было совсем. Мы старались не мешать Сергею, но так как дом наш был слишком мал, а амбар служил кладовой, где хранили и платье, и продукты, то поневоле нам приходилось его беспокоить.

И, несмотря на трудности, он упорно работал над "Поэмой о 36"».

Восп., 1, 98.

См.: Есенин, III, 139–157, 403–430, 626–641.

См. также: 1–6 или 2–6 авг. 1924; 20 авг. – 2 сент. 1924, четвертая запись; 26 авг. 1924, первая запись; 27 ... 31 авг. 1924; до 17 сент. 1924; 17, 18 и 21 сент. 1924, третья запись.

Есенин дорабатывает поэму «Песнь о великом походе».

Он вносит очередные поправки в текст поэмы: строку 336-ю «Говорит Каледин» исправляет на «Говорит Краснов»; строку 566 «Да любуется» — на «И дивуется»; заключительную часть поэмы

после строки 568 дополняет четырьмя строками, которых не было ни в журнале «Звезда», ни в черновом автографе:

На кумачный цвет
Нами вспененный
Супротив всех бар
Знаком Ленина.

Есенин, III, 116–138, 374–391, 580–625.

Последние поправки будут внесены перед сдачей поэмы в печать уже в Тифлисе (см.: до 14 сент. 1924, первая запись).

См. также: после 15 или после 16 июня – июль 1924, вторая запись; 16 или после 16 (?) июня 1924; первая половина июля 1924; после 17 июля 1924; конец второй декады (?) июля 1924; до 26 июля 1924; 1–6 авг. 1924, первая–третья записи; 14 авг. 1924, первая запись; 18 авг. 1924, вторая запись; после 20 (?) авг. 1924, вторая запись; конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 2 сент. 1924, первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; 14 сент. 1924, первая запись; сент. 1924 – янв. 1925; до 15 нояб. 1924; до 16 дек. 1924, вторая запись.

Свободное время Есенин проводит с родными, с сестрами ловит рыбу на Оке.

А.А.Есенина вспомнит:

«Работа, работа, работа... Лишь изредка Сергей устраивает себе отдых, ходит ловить рыбу на Оку. Для этой цели он привез с собой много удочек <...>

<...> я стала просить его взять и меня с собой на рыбалку.

— А ты что, тоже хочешь ловить рыбу? — удивленно спросил он и засмеялся: — Ну что ж, пойдем.

И вот мы втроем: Сергей, Катя и я, переехав реку, направляемся к Макарову углу.

Макаров угол — это место, где Ока давно, еще в XVIII веке, изменив течение, оборвала один из своих поворотов и образовала угол. <...>

В Макаров угол, подальше от села, обычно ходили настоящие рыболовы. Вот и мы с Сергеем, как заправские рыбаки, переезжали на лодке Оку и приходили сюда же. Но от правил заправских рыбаков мы отступали. Мы не вставали на заре и не ждали вечернего клева. Вечерами Сергей чаще всего работал, очень поздно ложился спать и поэтому поздно вставал. Уходили из дому мы часов в девять-десять, добирались до места и рыбачить начинали уже почти в полдень. Не могли мы похвастаться и хорошим уловом. <...>

Почти всё свое свободное время теперь Сергей проводил с Катей и со мной. Часто вечерами выбирались мы со своего огорода, шли на село, за церковь на гору. Хорошо на горе тихим лунным вечером. На западе частыми зарницами освещается темное ночное небо, внизу серебрится река, а за покрытыми туманом лугами чернеет вдали лес.

Особенно мы любили смотреть вечером на проходящие пассажирские пароходы. На темной свинцовой поверхности воды пароходные огни отражаются, как в зеркале. <...>

Недолго ходим мы по селу молча или разговаривая. Привыкшим жить и работать с песней трудно не петь в такой вечер, и обычно Сергей или Катя начинают тихонько, "себе под нос", напевать какую-либо мелодию. А уж если запоет один, то как же умолчать другим? Каждый из нас знает, что поет другой, и невольно начинает подпевать.

Поем мы, как говорят у нас в деревне, "складно". У нас небольшие голоса, да мы и не стараемся петь громко, так как наши песни требуют от исполнителей больше чувства, а не силы. Мы поем лирические песни и романсы, грустные, как, например, "Ночь" Кольцова, у которой грустный мотив и такое же грустное содержание. <...>

Поем мы и переложенные на музыку в то время стихи Сергея: "Есть одна хорошая песня у соловушки", "Письмо к матери", поем "Вечер черные брови насопил", мотив к которому мы подобрали сами.

Иногда, напевшись вволю, мы с Катей начинаем озорничать. Зачинщицей всегда бывает она: начнет петь какое-нибудь грустное стихотворение Сергея на веселый мотив, вроде плясового. Я, конечно, не отстаю от нее и подпеваю. Сергей сначала смеется, а потом начинает сердиться.

Ближе к полуночи расходимся спать, но Сергей еще долго читает. А утром снова каждый за своим делом».

Восп., 1, 98–102.

Ср. с пересказом слов Есенина по его возвращении из деревни в воспоминаниях И.В.Грузинова:

«Жил в деревне, ловил рыбу. С места в карьер <Есенин> начал рассказывать о своей деревенской жизни. Размахивает руками, говорит громко, на всю улицу. Сразу видно, что все приключения деревенской жизни украшает и преувеличивает.

Ходил ловить рыбу, с сестрой. Сестра у него такая, какой в мире нет. Леща поймал на удочку. Такого леща, что с берега никак нельзя вытащить. Лезет в воду сестра. Полез в воду сам. "Тяну леща к себе, а он тянет к себе..." Брат у него. Сила! Такого силача нигде нет. Не говори ему поперек. Убьет. Рассказ повторяется снова и снова. Брат, сестра, лещ. Сестра, лещ, брат. Лещ, сестра, брат».

Восп., 1, 358.

Встречается с односельчанами.

С.Н.Соколов вспомнит:

«Много в нем было энергии. Любил он веселую шутку, любил нашу русскую песню. Помнится, в 1924 году как-то вечером я сидел и играл на рояле (был у нас в школе инструмент, конфискованный в революцию у каких-то помещиков). Смотрю, кто-то лезет в окно. Ба, Есенин! Спрашиваю: "Ты чего это, брат, в окно? Или дверь забыл, где находится?" А он смеется: "Так от моего дома окно ближе, чем дверь". Потом подсел ко мне. Попросил играть, а сам запел... Пел он негромко, как бы для себя, но вкладывал в песню всю душу. В этот вечер он долго пробыл у нас. Настроение у него было хорошее. Играл с моим сыном Александром».

Восп., 1, 136.

Август, 10. Польская «Gazeta Lwowska» (№ 184) печатает «Сорокоуст» Есенина в переводе Бруно Ясенского.

Дата выхода номера газеты сообщена Каменом Михайловым.

Август, 11. Парижская газета «Звено» (№ 80) публикует «Литературные заметки» Г.Адамовича с оценкой есенинского «Пугачева»:

«Есенин, по-видимому, как огня боялся впасть в стилизацию <...>. Но он впал в другую и едва ли не в худшую крайность. Его герои изъясняются не современным русским языком, сухим, простым и точным, а цветистым и разукрашенным, типичным условно-поэтическим волапюком. <...> Настоящая простота решительно и безусловно исключает метафоричность. <...> Есенин в своей грубо, кое-как сделанной поэме остался верным последователем имажинизма. Почти каждая строка его заключает образ, большей частью образы эти метафоричны и всегда неточны. <...> "Пугачев" по тону напоминает некоторые вещи Маяковского. Но именно в этой области, на которую я сейчас обращаю внимание, Маяковский интереснее».

Особенно подробно Г.Адамович останавливается на критике метафор, основанных на двух вещественных или отвлеченных понятиях:

«..."цедит молоко соломенное <так!> ржи", "тополь общипан" "зубами дождей", по небу катится "колокол луны", а Екатерина взошла на престол, разбив "белый кувшин головы" своего мужа».

Август, до 14 или **14.** Есенин пишет доверенность на имя Е.А.Есениной.

Событие устанавливается по письму Есенина к А.А.Берзинь от 14 авг. 1924:

«Помогите ей <Екатерине> получить деньги, которые выписаны мне на субботу. Доверенность ей я прилагаю к сему письму».

Есенин, VI, 171.

Документ не разыскан.

Август, 14. Есенин пишет Е.Я.Белицкому:

«Дорогой Ефим Яковлевич! Я помню, Вы в Ленинграде благосклонно обещали мне: распорядиться выслать причитающийся гонорар или аванс за мою поэму.

Час моего финансового падения настал, и я обращаюсь к вам с велией просьбой выслать мне из тех 184 рублей, что найдете возможным.

При сем я попросил бы Вас передать Майскому, чтоб он обождал печатать поэму до моего приезда, так как я ее еще значительней переделал. Адрес мой: *Кузьминское почт. отд. Рязанской губ. Рязанск. уез. село Константиново. Александру Никитичу Есенину.* Сей муж есть мой отец. Присылайте на него, потому что меня здесь плохо знают. <...>

Жду нетерпеливо телеграфа.

Уважающий Вас Сергей Есенин».

Есенин, VI, 172—173.

В письме, скорее всего, идет речь о публикации поэмы «Песнь о великом походе» (см.: до 26 июля 1924).

См. также: после 15 или после 16 июня – июль 1924, вторая запись; 16 или после 16 (?) июня 1924; первая половина июля 1924; после 17 июля 1924; конец второй декады (?) июля 1924; 1–6 авг. 1924, первая–третья записи; 7–20 авг. 1924, третья запись; 18 авг. 1924, вторая запись; после 20 (?) авг. 1924, вторая запись; конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 2 сент. 1924, первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; до 14 сент. 1924, первая запись; 14 сент. 1924, первая запись; сент. 1924 – янв. 1925; до 15 нояб. 1924; до 16 дек. 1924, вторая запись.

Есенин пишет А.А.Берзинь.

Сообщает, что еще задержится в деревне, чтобы уладить постройку родительского дома. Просит помочь Екатерине получить выписанные ему на субботу деньги и добавляет:

«Ночи у нас бывают чудные, лунные и, как ни странно при близкой осени, безросые. Но все они проходят без любви, и мне остается вспоминать только прошлое.

А как вы? Черкните мне пару слов до моего приезда, с Екатериной. Буду рад и счастлив.

Еще раз целую Вашу руку».

Есенин, VI, 171.

См. также: 7–20 авг. 1924, первая запись; до 14 или 14 авг. 1924.

Август, до 16 – до 31. Издательство «Работник просвещения» выпускает сборник А.Ефремина, Б.Игнатьева и С.Кочетова «Серп и Молот: Книга для чтения в трудовой школе: 1-й год II ступени» со стихотворением Есенина «Корова».

Кн. летопись, 1924, № 16, авг., поз. 8575.

В издательстве «Транспечать» выходит художественно-литературный сборник «Великий вождь» (под редакцией и с предисловием Н.А.Семашко) с критическим обзором А. Лежнева «Ленин в художественной литературе», где оценивается есенинский «Отрывок из поэмы <“Гуляй-поле”>».

Кн. летопись, 1924, № 16, авг., поз. 8502.

А.Лежнев, в частности, пишет:

«...Ленин здесь взят с той стороны, с которой реже всего подходят к нему поэты. Подчеркнуто именно всё то, что отличает его от обычного типа “героя”: его доброта, личная скромность, любовь к детям, просто так — именно не общее, а личное, своеобразное и вместе чисто-русское, то, что любил, ценил и охотно изображал <Л.Н.>Толстой <следует двадцать одна строка произведения, начиная от слов “Суровый гений!..”>.

Застенчивый, простой и милый, катающийся на салазках с сопливой детворой, любитель перепелиной охоты, — нарисованный так идиллически, — Ленин теряет всякую характерность и превращается просто в добродушнейшего дедушку, каких на свете очень много, хоть отбавляй. Неудивительно, что поэт не может понять, как такой Ленин потряс мир. Есенин слишком подчеркнул, быть может, и характерные, но, в конце концов, всё же второстепенные черты В.И., не показав главного: Ленина-вождя, революционера. Он сделал ошибку, прямо противоположную той, которую совершили пролетпоэты и Маяковский, показавшие *только* Ленина-*революционера*. У них Ленин вышел неживым, абстрактным. У Есенина получился живой, но... не Ленин.

Есенин сам, очевидно, чувствует недостаточность характеристики и дополняет ее рифмованной газетной прозой <приведены одиннадцать строк, начиная от слов “Он мощным словом”>.

Это, конечно, голо и неубедительно. Но надо все-таки быть справедливым к Есенину; его образ Ленина, при всей своей недостаточности, неполноте, все-таки лучше всех других, потому что это образ живого человека, а не метафизическая отвлеченность».

См.: конец апр. — до 15 мая 1924, первая запись; 31 мая 1924, первая запись; 10 июня 1924, вторая запись; до 20 авг. 1924; 28 авг. 1924; 1 сент. 1924, вторая запись.

Выходит вторым исправленным и дополненным изданием книга В.Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература» (М.: Изд. Л.Д.Френкель, 1924), в которой заходит речь о Есенине.

Кн. летопись, 1924, № 16, авг., поз. 8697.

Из главы X «Футуристы, имажинисты, адамисты»:

«За манифестом <имажинистов> последовали коллективные сборники. В некоторых из них выступали рядом эго-футуристы, символисты, новокрестьянские и даже некоторые пролетарские поэты и только что объявленные имажинисты (Явь, Мы, Конница бурь и т. д.). Затем в 1920 году появляются под этикеткой “Имажинисты” коллективные сборники: “Конница бурь” — второй сборник (А.Ганин, С.Есенин, А.Мариенгоф), “Коробейники счастья” (Александр Кусиков и Вадим Шершеневич), “Харчевня зорь” (Есенин, Мариенгоф, Велимир Хлебников), “Имажинисты” (Есенин, Ивнев, Мариенгоф), “Золотой кипяток” (Есенин, Мариенгоф, Шершеневич), “Звездный бык” (Кусиков, Есенин). Кроме коллективных сборников, постепенно увеличивающейся группой за два года было издано свыше 30 названий книг молодых поэтов, выступивших отдельно под той же вывеской “Имажинисты”. К группе Вадима Шершеневича, Александра Кусикова, Сергея Есенина, Анатолия Мариенгофа вновь примкнул с 1920 года Рюрик Ивнев, известивший письмом о своем присоединении к “Сереже и Толе”. <...>

<Шершеневич:> "Необходимо, чтобы каждая часть поэмы (при условии, что единицей мерила является образ) была закончена и представляла *самодовлеющую ценность*, потому что соединение отдельных образов в стихотворении есть *механическая* работа, а не органическая, как полагают Есенин и Кусиков. Стихотворение — не организм, а *толпа образов*, из него без ущерба может быть вынут один образ или вставлено еще десять. Только в том случае, *если единицы завершены, сумма прекрасна*. Попытка Мариенгофа доказать связанность образов между собою есть результат недоговоренности. Написанные в поэме образы соединены архитектонически, но перестраивая архитектонику, легко выбросить пару образов. Я глубоко убежден, что все стихи Мариенгофа, Эрдмана, Шершеневича могут с одинаковым успехом читаться с конца к началу, точно так же, как картина Якулова или Б.Эрдмана может висеть вверх ногами" ("2 х 2 = 5", стр. 15). Хорошо, что у автора этих строк глубокие убеждения, еще лучше, что этих глубоких убеждений не разделяют уже члены одной группы. Я только спрошу поэта, механически мастерящего свои стихи, пробовал ли он читать стихи Сергея Есенина с конца к началу? Я даже не говорю о его чудесных поэмах "Товарищ", "Марфа Посадница" или "Микола", я говорю о его хотя бы последней поэме "Сорокоуст". Что в последних стихах этого поэта, щеголяющего ядреными русскими словечками, точно "новым цилиндром и лакированными ботинками", можно выбросить не одну пару образов — это верно, русской поэзии не нужны те "нечистые" образы, которые попали к нему по недоразумению из "каталога" Шершеневича... ибо у Вадима Шершеневича каталог специфический, с ароматами...

<...> важно ли вернуть словам их образность, важно ли вернуть словам их окраску, важно ли художественные произведения связать с яркой картинностью образов? Конечно, важно.

Путь к этому лежит через соприкосновение с творческой народной стихией, этим путем шли Пушкин, Гоголь, Толстой, теперь идут Ремизов, Никитин, Леонов, Клычков, Есенин, Клюев. Но, возрождая первозданное слово, надо суметь слить его с новым содержанием новой жизни, иначе образное слово станет "гробом поваленным", позолотой, прикрывающей гниль дупла.

<...> теоретические построения Вадима Шершеневича не выдерживают никакой критики. Его каталог образов и его слово без содержания ведут к убийству духа, убийству творчества как самопознания.

Его теория неприемлема даже для членов группы, горячо протестующих против книжки "2 х 2 = 5" (Есенин и Кусиков).

<...> Поскоблите немного имажиниста Шершеневича, и вы увидите в нем футуриста-эклектика. Этот футуризм урбаниста Шершеневича ничего общего не имеет с космизмом сына полей Сергея Есенина.

Теория и практика одного противоречат теории и практике другого. Теорию и практику одного создают "шумы, шумики и шумища" современного города. Теория и практика другого овеяны живым дыханием природы. По содержанию и по форме они разнолики. Один именует себя индивидуалистом, другой исходит в поэзии из принципов разных школ. Это доказывает, что имажинизма, как школы, нет. Это подтверждает и поэзия Шершеневича и Мариенгофа, Сергея Есенина и Александра Кусикова.

В 1922 году представители этой группы разбрелись в разные стороны. С.Есенин улетел на аэроплане в Берлин и Америку. Кусиков перебрался в Берлин».

Из главы XI «Писатели крестьяне и рабочие»:

«В 1916 году выступает новый 22-летний поэт, вышедший из раскольнической семьи, крестьянин Рязанской губернии С.А.Есенин (родился в 1895 г.). Первый его сборник "Радуница" появляется в 1916 г. в изд. Аверьянова в Петербурге, а второй — "Го-

лубень" — выходит уже в разгар революции в 1918 г. в изд. "Революционный Социализм". <...>

С.Д.Фомин, С.Клычков, Н.Клюев, А.Ширяевец, С.Есенин, Пимен Карпов, П.Орешин, Тисленко возродили кольцовскую песню, их стихи зазвучали, заиграли огнем, заискрились талантом, засверкали силой и заразили удалью. 60 лет тому назад Н.Добролюбов в очень сдержанной, даже суровой статье о стихах Никитина говорил, что нам нужен поэт, который бы с *красотой* Пушкина и силой Лермонтова умел продолжить и расширить реальную, *здоровую сторону* стихотворений Кольцова. Такого поэта так и не дождалась Россия. Но через 60 лет пришли поэты-крестьяне, которые связали безыскусственную песню народа со стихийной, яркой поэзией Кольцова, а песню Кольцова связали не с Пушкиным и Лермонтовым, а с Бальмонтом и Александром Блоком.

Эти поэты-крестьяне открыли новый период в литературе, как в 1892 г. открыл новый период поэт-рабочий М.Горький.

Юный поэт Сергей Есенин в стихотворении "О Русь, взмахни крылами" со светлой, задорной улыбкой намечает родословную целой группы певцов из народа. <...>

С.Есенин понимает тоньше других русскую природу, ее печаль сквозь радость и ее радость сквозь печаль, но и он весь светится иным настроением:

Выткался на озере алый свет зари,
На бору со звонами плачут глухари,
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло...
Только мне не плачется — *на душе светло.*

<...> У всех певцов-поэтов излюбленные образы — это "Пречистая", кроткий "Спас". У Клюева они идут на крестный путь, и в них много от церковности... У Есенина "на сердце лампадка, а в сердце Исус", и его "Спас", его "Матерь Божия", его "Микола Милостивый" живут среди людей с детства, как жил с детства Исус вместе с сыном рабочего в прекрасном стихотворении "Товарищ". "Исус" — товарищ игр, радостей, грез и последней борьбы за правду... Вместе с рабочим он был убит в февральские дни... Есенина, Клюева, Карпова влекут другие небеса и другая земля. <...>

У поэтов, вышедших из крестьянской среды, можно заметить влияние разных слоев крестьянства. П.Орешин связан с крестьянской беднотой, С.Есенин со средним слоем. Новокрестьянские поэты вечно колеблются и переходят к самым противоположным настроениям. Идеология их весьма неустойчива. Это особенно ярко сказалось на поэзии Сергея Есенина, ныне примкнувшего к имажинистам и перешедшего от революционных стихов к стихам в духе Шершеневича. Он "похабную надпись заборную обращает в священный псалом". Но Сергей Есенин один из крупнейших молодых поэтов, и ему мы посвящаем отдельную главу».

Содержание главы XII «Новокрестьянский поэт-символист Сергей Есенин» см.: до 15 апр. ... до 2 мая 1923. В ее завершение автор отмечает:

«Поездка за границу в 1923 г. дала ему <Есенину> много материала. В № 10 <так!> журнала "Гостиница для путешествующих в прекрасном" (1924) С.Есенин поместил поэму "Москва кабацкая", в которой он как бы продолжает свою "Исповедь хулигана" и договаривает до конца с исключительной силой и прямотой свое богемное. Он говорит, что "*без возврата* покинул родные поля" и, обращаясь к проституткам и бандитам, с которыми „жарит" спирт в кабаке, он с погибельной тоской и озорством восклицает:

Я такой же, как вы, *пропащий,*
Мне теперь не уйти назад...

Мучительно читать эту замечательную по силе и яркости выражения и глубине тоски исповедь... Спасти этого лучшего из наших поэтов может только чуткость и товарищеская любовь... Богема безжалостна, она тянет на дно...».

В библиографическом списке названы книги Есенина.

См. Приложение.

Август, 16 и 18. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3098 и 3100) среди книг каталога книжного склада «Русского голоса» отмечает:

«Поэзия большевистских дней — (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

См. также: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая 1922; 5 ... 24 июня 1922; 2 февр. 1924.

Август, 16 ... 20. Есенин пишет стихотворение «Отговорила роща золотая...»

Есенин, I, 209–210, 356–357, 622–623.

Время события — по воспоминаниям А.А.Есениной: вторая половина авг. во время пребывания в Константинове.

И.В.Грузинов также подтверждает это (см.: Восп., 1, 358).

Из воспоминаний А.А.Есениной:

«Здесь же <в Константинове> им было написано стихотворение “Отговорила роща золотая...”.

В работе над этим стихотворением у него была замечательная помощница — наша рязанская природа, с пролетающими в поля косяками журавлей, с костром рябины красной, стоящей перед нашим боковым окном».

Восп., 1, 98.

См. Приложение.

См. также: 20 авг. — 2 сент. 1924, третья запись; после 20 авг. 1924, первая запись; 23 сент. 1924, вторая запись; до 13 нояб. 1924; 7 дек. 1924, четвертая запись.

Август, 17. Московская газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 186) печатает обзор Н.Смирнова «Литература и жизнь» с оценкой стихотворения Есенина «Мы теперь уходим понемногу...»:

«Процесс постепенного отмирания — перехода в творческую окаменелость старой литературы и роста литературы молодой — особенно ярко отражается в поэзии.

Посмотрите стихи “Русского современника” и “России”. Молитвословный Сологуб, застывший над разбитым кувшином с крещенской водой “чародейства”. Обессиленная чайка творчества в мучительно сжатых руках побледневшей Ахматовой. Угасающий Клюев в проржавевшем венце тихого религиозного восторга.

Перелистайте наши журналы. Здесь вместо листопадной кротости увяданий — буйная, хмельная сила весны, благоуханный яблоневый цвет распускающейся жизни. Молодежь живет на земле и творит во славу прекрасной земнородной радости. Это блестяще выражено в последних стихах своевольного, шаткого, но лучшего поэта современности — Есенина, посвященных памяти Ширяевца (“Красная Новь”, № 4):

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь,
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь...».

См.: до 25 июля 1924, вторая запись; авг. (?) 1924, вторая запись; 29 окт. 1924, вторая запись.

Август, середина (?). С.Борисов пишет письмо Есенину и передает его с И.Приблудным, отправляющимся в Константиново:

Из письма:

«Я недавно приехал из Питера и так хотел повидать тебя! Случайно наткнулся на Блудного <И.Приблудного> и спешу передать тебе мой привет. Вылезай скорее из своей берлоги. Как-то всё кругом бесцветно — люди полиняли, или что, — в общем, неважно. <...>

Черкни с Ваней словечко».

Письма, 246.

Не исключено, что И.Приблудный, уехавший в Константиново с Есениным (см.: с 6 на 7 авг. 1924), был послан им зачем-то в Москву, где и встретился с С.Борисовым.

Август, 18. Е.А.Есенина, приехав в Москву по поручению брата, посещает Госиздат.

Событие устанавливается по письмам, которые передают Е.А.Есениной для Есенина И.Вардин, А.А.Берзинь («О материальных делах сообщит Катя»), В.И.Вольпин («Случайно встретил Вашу милую "есенинскую" сестру в Госиздате и, пользуясь ее любезностью, посылаю Вам несколько строк...»).

См. след. записи.

И.Вардин с Е.А.Есениной отправляет Есенину в Константиново письмо с предложением внести поправки в «Песнь о великом походе»:

«Она <эта поэма> бесспорно составит эпоху в Вашем творчестве. Здесь Вы выступаете в качестве подлинного *крестьянского революционера*, понимающего всё значение руководящей роли городского рабочего для общей освободительной рабоче-крестьянской борьбы. Первый период Вашего творчества — отражение крестьянского стихийного протеста. Второй период — Вы "оторвались от массы" и очутились в городском мещанско-интеллигентском болоте — гниющем, вонючем, угарном. Третий период — Вам начинает удаваться выявление крестьянской революционной сознательности.

Но от ошибок, от предрассудков Вы, разумеется, не свободны. В конце Вашей вещи этот предрассудок дает себя знать <...>. Петр должен был быть дураком, чтобы тень его могла "любоваться" "кумачевым цветом" улиц Ленинграда. <...>

Когда народ "взял свой труд", когда он "сгреб дворян" и перевешал, тогда он построенный на его костях город назвал "Ленинградом". "Тень Петра" любоваться на всё это не может, не может.

Я очень просил бы Вас принять во внимание приведенные мною бесспорные соображения и конец переделать. Блок испортил "Двенадцать" Христом, неужели Вы испортите Вашу прекрасную вещь Петром? Блок поставил дело так, что он почти не мог убрать из поэмы Христа. Ваша вещь, наоборот, построена так, что любование Петра, удовлетворение его гибелью всего его дела объявляется неестественным, противоречит ходу мысли всей поэмы. Изменить конец в указанном мною направлении — значит выправить, выпрямить поэму, дать ей естественный, "нормальный конец"».

И.Вардин обращает также внимание на некоторые строки поэмы, которые предлагает исправить.

Письма, 242–244.

См. также: после 15 или после 16 июня – июль 1924, вторая запись; 16 или после 16 (?) июня 1924; первая половина июля 1924; после 17 июля 1924; конец второй декады (?) июля 1924; до 26 июля 1924; 1–6 авг. 1924, первая-третья записи; 7–20 авг. 1924, третья запись; 14 авг. 1924, первая запись; после 20 (?) авг. 1924, вторая запись; конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 2 сент. 1924, первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; 9 сент. 1924, третья запись; до 14 сент. 1924, первая запись; 14 сент. 1924, первая запись; сент. 1924 – янв. 1925; до 15 нояб. 1924; до 16 дек. 1924, вторая запись.

А.А.Берзинь отправляет Есенину текст «Песни о великом походе» вместе с письмом И.Вардина и своей сопроводительной запиской:

«Если Вам не трудно и если Вы согласны с нами, то и я прошу исправить. Ваша до конца дней своих, любящая А.Берзинь.

18/VIII-24. Текст прилагаю».

Письма, 244.

В тексте поэмы, сданном затем в «Октябрь», Есенин заменил фамилию «Каледин» на «Краснов» и переделал конец поэмы (см.: Есенин, III, 391). Позже, публикуя поэму в газ. «Заря Востока» (см: 14 сент. 1924, первая запись), поэт исправил все строки, на которые обратил внимание И.Вардин, но по-своему (Есенин, III, 116–138, 595–596).

А.А.Берзинь пишет Есенину отдельное письмо:

«Сережа!

Привет и всё, как полагается. <...>

Приедете в Москву, поговорим о деле подробно, в письме не напишешь.

Удите рыбу, вспоминайте о прошлых "любвях", страдайте или нет, как Вам угодно.

Я же остаюсь всё с той же любовью к Вам, как прежде. <...>

О материальных делах сообщит Катя.

Пишите, пишите, пишите...

Да это Вы и без меня знаете».

Письма, 245.

См. также: после 1 (?) ... после 6 (?) авг. 1924.

В Госиздате Есенину пишет письмо В.И.Вольпин и отправляет его поэту с Е.А.Есениной.

Он просит Есенина выслать ему автобиографию, фотографии, которые он «неоднократно» обещал, и экземпляр «Москвы кабацкой», которая «как будто бы уже вышла».

Высоко оценивает новую поэму Есенина:

«Случайно прочитал Вашу "Песнь о великом походе". Она меня очень порадовала несколькими своими местами, почти предельной музыкальной напевностью и общей своей постройкой. Хотя в целом, надо сказать, она не "есенинская". Вы понимаете, что я хочу этим сказать?

Как протекает Ваше житье-бытье в деревне? Что пишете? Когда думаете приезжать?

Шлю Вам искренний привет».

Письма, 245.

В письме Н.А.Клюева Н.И.Архипову и П.В.Соколовой из Вытегорского уезда заходит речь о его последней встрече с Есениным:

«Глубоко-молчаливо и веще кругом. Так бывает после великой родительской панихиды. <...> Господи, как священно-прекрасна Россия и как жалки и ничтожны все слова и представления о ней, каких наслушался я в эту зиму в Питере! Особенно меня поразило и наполнило острой жалостью последнее свидание с Есениным <см.: до 25 июля 1924, первая запись>, его скрежет зубный на Премудрость и Свет. Об этом свидании расспросите Игоря <И.И.Маркова> — он был свидетелем пожара есенинских кораблей. Но и Есенин с его искусством, и я со своими стихами так малы и низко-презренны перед правдой прозрачной, непроглядно-всебытной, живой и прекрасной».

Клюев Н.А. Словесное древо. СПб.: Росток, 2003, с. 256.

Этот разговор с Клюевым мог вспомниться Есенину, когда он работал над стихотворением «На Кавказе» (см.: 13 ... 18 сент. 1924), где содержится известное определение «Клюев, ладожский дьячок».

Август, до 20. В Ленинграде выходит журнал «Русский современник» (книга 2) с материалами Есенина и о Есенине:

— стихотворениями поэта под общим заголовком «Любовь хулигана»: «Мне грустно на тебя смотреть...»; «Ты прохладой меня не мучай...»;

— статьей Евг. Замятина «О сегодняшнем и о современном»:

«...от третьего — "Круга" <№ 3> внезапно и густо запахло нафталином 60-х годов. <...>

Новое <в этом издании> только у Есенина: он, кажется, впервые пробует себя в патетической форме оды — и увы: до чего это оказывается близко к сусальности прочих бесчисленных од. Быть может, отчасти тут и вина редакции, украсившей стихи Есенина длинным ожерельем многоточий».

О границе события см.: 20 авг. 1924, третья запись.

«Впрочем, рукопись Есенина и его правка печатного текста "Отрывка из поэмы" в Круге-III показывают, что "ожерелье многоточий" в "Ленине" принадлежит самому автору» (С.И.Субботин — Есенин, II, 446).

См.: конец апр. — до 15 мая 1924, первая запись; 31 мая 1924, первая запись; 10 июня 1924, вторая запись; до 16 — до 31 авг. 1924, вторая запись; 28 авг. 1924; 1 сент. 1924, вторая запись.

Август, 20. Есенин возвращается из Константинова в Москву.

Дата события устанавливается по хронике Е.А.Есениной (Юсов-2005, 39).

Огорчается, не застав в Москве Г.А.Бениславскую, уехавшую в Крым.

Шубникова-Гусева-2008, 285.

См. также: 5 и 8 сент. 1924.

Ленинградская «Красная газета» (утренний выпуск; № 188) публикует информацию:

«Вышла и поступила в продажу вторая книга ж<урнала> "Русский современник". Содержание: <...> стихи С.Есенина».

Август, 20 – Сентябрь, 2. Есенин пишет А.А.Берзинь:

«...Люблю я Вас до Дьявола, не верю Вам навеки еще больше. <...> Прошу Вас, ради Бога, сообщите отцу (Вардину), что я *оп"е"ть* застрял на любовной ночи».

Есенин, VI, 173, 601–602.

Нижняя граница события — в соответствии с первой записью от 20 авг. 1924.

Являясь ответом на записку А.А.Берзинь (см.: 18 авг. 1924, третья запись), это письмо содержит скрытые отсылки как на нее, так и на письмо И.Вардина Есенину (см.: 18 авг. 1924, вторая запись).

Иронический тон письма вызван содержанием этих писем — прежде всего, содержащейся в них критикой «Песни о великом походе». В частности, Есенин «изображает» слово «опять», пытаясь воспроизвести произношение И.Вардина (с акцентом).

Подробнее см.: Есенин, VI, 602.

Есенин вносит в текст поэмы «Песнь о великом походе», сданный в журнал «Октябрь», поправки, сделанные в Константинове.

Есенин, III, 586.

См.: 7–20 авг. 1924, третья запись.

Есенин встречается с И.В.Грузиновым и В.Н.Чекрыгиным.

Посещает с ними кафе «Мышиная нора» на Кузнецком мосту.

Читает стихотворение «Отговорила роща золотая...».

События устанавливаются по воспоминаниям И.В.Грузинова, а их рамки — временем, когда Есенин находился в Москве по возвращении из Константинова.

И.В.Грузинов вспомнит:

«Вечер. Со мною поэт Х. Идем по Тверской. Вдруг я замечаю, что с нами идет кто-то третий. Оглядываюсь: поэт Чекрыгин. Из сумрака переулка вынырнул он неслышными шагами. Идем по направлению к Советской площади. Видим — едет мимо нас на извозчике молодой человек. На вид интеллигентный рабочий, в кепке и черном пиджаке. Молодой человек соскакивает с извозчика и подбегает к нам.

— Ба! Да это Есенин! Да как же это так? Почему же мы его не узнали?

Очень просто: волосы, сверх обыкновения, коротко подстрижены, костюм необычный, наверное, чужой. Он только что с вокзала, приехал из деревни, прямо мальчик: тоненький, обветренный. Совершенно мальчишеский вид и разговаривает как-то по-другому. Чуть-чуть навеселе. Расцеловались. <...>

Зашли в погребок "Мышиная нора" на Кузнецком. Низкая комната. Есенин читает новые стихи, написанные в деревне, "Отговорила роща золотая..."».

Восп., 1, 357–358.

Есенин читает знакомым «Поэму о 36».

Событие устанавливается по воспоминаниям С.С.Виноградской, а его время – по содержанию с учетом времени нахождения Есенина в Москве.

Мемуаристка напишет:

«У Есенина есть поэма "36". <...> И вот, при чтении этой, тогда еще недоделанной, поэмы, его слушатель открыл "источник" ее; больше того, когда Сергей Александрович прочел следующее место:

Видно, надев
Браслет,
Гонят на много
Лет
Золото рыть
В горах.
Может случиться
С тобой
То, что достанешь
Киркой,
Дочь твоя там,
Вдалеке,
Будет на левой
Руке
Перстень носить
Золотой,

слушатель обнаружил знакомство с песней, старой, забытой песней сибирских каторжников, откуда Есениным были взяты приведенные выше слова. Это привело его в неописуемый восторг, он был буквально обуян радостью и всё твердил: "Да ведь дед, старый мой дед один только и понял это, он знает, помнит еще эту песню. А так никто ее не знает. А вы ее знаете? Вот хорошо-то, ведь песню-то знает!"

И рассказал, что, когда он это место прочитал своему деду (Есенин за неделю до этого был в деревне), тот сказал:

— А что, и тебя, небось, трогают эти песни, помнишь их! Ну, ну!

Чтение этой поэмы кончилось пением ставшей в этот вечер "знаменитой песни":

Там, где солышко не всходит,
Где сияет лишь заря,

Там суждено мне жизнь окончить
По приказанию царя.

И пуще всех заливался Есенин...».

Как жил Есенин, 27.

См. также: 1–6 или 2–6 авг. 1924; 7–20 авг. 1924, вторая запись; 26 авг. 1924, первая запись; 27 ... 31 авг. 1924; 17, 18 и 21 сент. 1924; 25 сент. 1924, третья запись.

Август, после 20. Есенин делает помету «Хайам» на тексте своего стихотворения «Отговорила роща золотая...».

Граница события определяется с учетом времени создания произведения (см.: 16 ... 20 авг. 1924). По свидетельству Е.Н.Чеботаревской, помета сделана «на полях напротив 1-ой строфы» (Есенин, VII (2), 97).

Выходит журнал «Печать и революция» (№ 4; за июль–август) с материалами о Есенине:

— неподписанной информацией «Хроника. Англия»:

«Известная американская поэтесса Babette Deutsch в сотрудничестве с Ав. Ярмолинским составили антологию современной русской поэзии. Книга эта, прекрасно изданная, вышла под заглавием "Modern Russian Poetry" (в изд. John Lane в Нью-Йорке <точнее, в Лондоне: см.: 1923, седьмая запись>) и привлекает внимание широких кругов читателей. Перевод выполнен составителями. Книга снабжена предисловием — обзором путей русской поэзии со времен Пушкина. Кроме того, каждому поэту посвящается небольшая вступительная заметка, дающая краткие биографические и историко-литературные сведения о нем. В этот том входят, главным образом, произведения русской поэзии XIX века и эпохи символизма. Из собственно новейшей поэзии включены стихи "крестьянской группы", С.Есенина, Н.Клюева, П.Орешина. Хорошо представлены в книге А.Блок, Вяч. Иванов, В.Брюсов».

О первом издании этой книги (Нью-Йорк, 1921) см.: Летопись, 3 (1), 241;

— рекламным объявлением:

«... в конце августа выходит из печати ж<урнал> "Красная новь" № 5 (23). Содержание: <...> стихи <...> С.Есенина»;

— информацией:

«... вышел и поступил в продажу ж<урнал> "Русский Современник". Кн. 2. Содержание Стихи <...> С.Есенина».

Время события определяется с учетом последней информации (журн. «Русский современник» вышел до 20 авг. 1924 — см.).

Август, после 20 (?). Есенин начинает обсуждать с А.А.Берзинь проект издания своего однотомного Собрания сочинений в Госиздате.

Есенин, VII (3), 97–98.

Событие и его ориентировочная дата определяются с учетом времени возвращения Есенина из Константинова. О подготовке к изданию однотомника см. в письмах Есенина к Г.А.Бениславской (см.: 17 окт. 1924; 29 окт. 1924, первая запись; 12 дек. 1924, первая запись).

В начале 1925 г. будет решено передать выпуск однотомника в издательство «Круг» (см.: 20 янв. 1925).

Есенин получает аванс за издание поэмы «Песнь о великом походе» в журнале «Октябрь».

Г.А.Бениславская со слов Е.А.Есениной напишет (1926):

«Одновременно "Октябрь" стал просить поэму для помещения в октябрьском номере. С. А. колебался. Было очень много разговоров, но согласие не было дано. Однажды

он послал Катю в Госиздат за деньгами к Анне Абрамовне. Она получила больше, чем предполагал С. А. <...>

А причиной было то, что деньги из "Октября" через Анну Абрамовну были выданы в виде аванса за поэму».

Материалы, 67–68.

См. также: после 15 или после 16 июня – июль 1924, вторая запись; 16 или после 16 (?) июня 1924; первая половина июля 1924; после 17 июля 1924; конец второй декады (?) июля 1924; до 26 июля 1924; 1–6 авг. 1924, первая-третья записи; 7–20 авг. 1924, третья запись; 14 авг. 1924, первая запись; 18 авг. 1924, вторая запись; конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 2 сент. 1924, первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; до 14 сент. 1924, первая запись; 14 сент. 1924, первая запись; сент. 1924 – янв. 1925; до 15 нояб. 1924; до 16 дек. 1924, вторая запись.

Август, 21 ... Сентябрь, до 3. Есенин пишет Д.К.Богомильскому:

«Милый Федя! <...> Книгу свою уж я приготовил.

Теперь дело в том, чтоб ты устроил печатание нашего журнала в кредит.

Участвуют со стороны прозы Пильняк, Иванов, Никитин и все др. Со стороны поэзии Казин, Грузинов, Савкин, Есенин, Тихонов, Орешин и тоже др. Прошу тебя, устрой, после пого<во>р<им>».

Есенин, VI, 174, 604–606.

Адресат получит письмо лишь после смерти Есенина:

«...уже после смерти поэта Николай Петрович Савкин (бывший редактор журнала "Гостиница для путешествующих в прекрасном") показал адресованное мне письмо Есенина, в котором поэт с большой теплотой и благодарностью принимал сделанное ему издательством "Круг" предложение. Несмотря на то, что письмо было обращено ко мне лично, Савкин почему-то не передал его по назначению».

Восп.-65, 343.

См.: 1 ... 6 или после 20 авг. 1924; 4 авг. 1924; 24 авг. 1924, вторая запись

Август, 22. Одна из корреспонденток Есенина Л.Бутович, прочитав его стихотворение «На родине» <«Возвращение на родину»>, пишет поэту:

«Да, у меня было такое чувство, будто я читаю неизданную главу "Евгения Онегина", — пушкинская насыщенность образов и его легкость простых рифм у Вас, и что-то еще, такое милое, что находит отклик в душе. <...> Мне кажется, что, как он, Вы владеете тайной простых, нужных слов и создаете из них подлинно прекрасное. <...> ... Шлю Вам мой искренний восторг перед этим стройным, чистым "На родине", — оно как будто вырезано из мрамора. <...> Вы могли бы дать то же, что дал автор "Евгения Онегина", — неповторимую поэму современности, не сравнимую ни с чем».

Письма, 246–247.

См. также: 1 июня 1924, первая запись; после 3 или 4 – 14 или 15 июня 1924, первая запись; 7 июня 1924, третья запись; до 25 июля 1924, вторая запись; 6 ... 9 авг. 1924; 1 сент. 1924, третья запись; 7 сент. 1924, вторая запись; 25 окт. 1924; после 9 нояб. 1924.

Август, 23. Есенин получает от издательства «Современная Россия» удостоверение (№ 77) в том, что он является действительным членом его правления.

Ксерокопия подлинника (собрание Н.Г.Юсова).

Документ подписан председателем правления Н.Савкиным и секретарем И.Грузиновым.

См. Приложение.

Н.Савкин дарит Есенину свою книгу «Багровые васильки» (М.: Современная Россия, 1924) с надписью:

«Искреннему другу / Сергею Есенину / с искренной любовью. / Н.Савкин.
23 / VIII 24 г.»

Шубникова-Гусева-2008, 302 (факсимиле).

См. Приложение.

Август, до 24. Выходит журнал «Гостиница для путешествующих в прекрасном» (№ 2 (4)) с объявлением:

«1 сентября с. г.

Вольнодумец.

10 печатных листов. № 1. Роман, Драма, Поэмы, Философия, Теория: поэтика, живопись, музыка, театр: Россия, Западная Европа, Америка; 30 репродукций.

Редактор: коллегия имажинистов».

Граница события устанавливается по дате след. записи.

Объявление было опубликовано без ведома Есенина, уже не участвовавшего в деятельности группы имажинистов и в ее журнале. Инициатива выпуска журнала «Вольнодумец» принадлежала Есенину (см.: 7 ... 12 авг. 1923; 15 или после 15 авг. 1923, вторая запись; 21 авг. 1923, вторая и четвертая записи; начало окт. 1923; до 23 окт. 1923; 13–31 дек. 1923, четвертая запись; 14 февр. – 9 марта 1924, вторая запись; 7 апр. 1924, третья и четвертая записи; 11 апр. 1924, первая запись; 6 июня 1924, третья запись). В свет «Вольнодумец» не вышел.

Август, 24. Есенин пишет секретарю Ассоциации Вольнодумцев М.Д.Ройзману.

Возражает против использования имажинистами названия «Ассоциация вольнодумцев»:

«Всякое заимствование чужого названия или чужого образа наз<ывается> заимствованием открыто. То, что выдается за свое, наз<ывается> в литературе плагиатом.

Я очень рад, что мы разошлись. <...>

Уберите с Ваших дел общее название “Ассоциация Вольнодумцев”, живите и богатейте, чтоб нам не встречаться и не ссориться».

Есенин, VI, 174.

См. предыд. запись.

Есенин участвует в заседании правления общества «Современная Россия». Вместе с Н.Савкиным, П.Орешиным и И.Грузиновым подписывает протокол заседания.

В протоколе значатся финансовые, хозяйственные и организационные вопросы: покрытие расходов; сбор и выдача денег; оплата гонорара по 2 рубля строка для членов Общества. Постановили также образовать запасной фонд отчислений 1%, деньги внести в банк и др. Под протоколом стоят подписи председателя правления общества и всех трех его членов, избранных на организационном собрании (см.: 4 авг. 1924).

Есенин, VII (2), 250–251, 450–451.

См. также: 1 – 6 авг. или после 20 авг. 1924, вторая запись; до 27 авг. 1924; 27 авг. 1924, первая запись.

Есенину пишет из Ялты Г.А.Бениславская:

«Сергей Александрович, хороший мой, как жаль, что Вы не здесь. До чего хорошо! Обо всем забыть можно. Сейчас вечер. Я только что вернулась с моря. А это море —

живое, дышит, говорит. И возле скал волнуется, так настойчиво волнуется, что невольно вслушиваешься — в чем там дело?

Кругом тихо, тихо. Только вдали, как чье-то сердце неугомонное, стучит моторная лодка. И как звёзды в небе, на море мерцают огни лодок и пароходов. — Всё это лирика, но никуда от нее не денешься — всё ею пропитано. Когда же Вы приедете? И приедете ли? Боюсь, что дела денежные задержат Ваш отъезд и не видать мне Вас здесь. А хочется очень именно здесь Вас увидеть. Сергей Александрович, милый, просьба к Вам большая. Дайте мне телеграмму (Гурзуф, Генуэзская башня — мне), приедете ли и когда. А то письма пока <еще> я дождусь от Вас. Ладно?

Боже мой, гармоника-то повсюду — и тут за окном заливается. Хорошо! Ну, целую крепко. Жду телеграммы, а потом приезда. Простите за беспорядок в письме».

Шубникова-Гусева-2008, 282.

Август, 25. Бакинская газета «Труд» (№ 190) в разделе «Хроника» дает информацию «Поэт Есенин в Баку».

«В середине сентября в Баку приезжает известный поэт-имажинист Есенин. Поэт намерен выступить на диспуте об искусстве и поэзии».

См. также: Шипулина-2005, 114.

Август, до 26 (?). Г.А.Бениславская, вспоминая о Есенине в Крыму, записывает в дневнике:

«Я опять больна. И, кажется, опять всерьез и надолго. Неужели возвращаются такие вещи? Казалось, крепко держу себя в руках, забаррикадировалась, и ничто не помогло. И теперь хуже. Тогда я была моложе и верила в счастье любви, а сейчас я знаю, что невеселого счастья залог "сумасшедшее сердце поэта", и всё же никуда мне не деться от этого. Опять тоска по нем, опять к каждой мысли прибавляется это неотвязное ощущение его. Опять все скучны. Перед отъездом в Крым были еще дни; если б тогда уехать, то на месяц я была бы свободна, "а теперь, как глаза закрою" … вижу клетчатую кепи и… ну, всё равно, и сейчас уже не сумею заслонить чем-нибудь подставным. <…> Я сейчас сильнее. Умею отдыхать, несмотря на тоску, но больна, кончена. Но нет, надо взять себя в руки. Нельзя так».

Материалы, 112–113.

Запись не датирована. Граница события определяется по порядку записей в дневнике.

Август, 26. Есенин получает в Госиздате РСФСР аванс (50 рублей) за поэму «26» (окончательное заглавие «Поэма о 36») и ставит свою подпись на расписке в получении денег.

Есенин, VII (2), 530.

Расписка написана рукой помощника заведующего отделом массовой литературы Госиздата РСФСР Ф.А.Березовского на бланке главного управления Госиздатом РСФСР «Служебная записка». Судя по месту получения аванса, первоначально Есенин планировал передать права на издание «Поэмы о 36» Госиздату через его отдел массовой литературы. Это намерение не осуществилось.

См. также: 1–6 или 2–6 авг. 1924; 7–20 авг. 1924, вторая запись; 20 авг. – 2 сент. 1924, четвертая запись; 27 … 31 авг. 1924; до 17 сент. 1924; 17, 18 и 21 сент. 1924; 25 сент. 1924, третья запись.

Г.А.Бениславская записывает в дневнике:

«Вот, как верная собака, когда хозяин ушел — положила бы голову и лежала бы, ждала возвращения <Есенина>. Крым. Гурзуф. 1924».

Материалы, 113.

Август, до 27. Есенин подписывает список членов общества «Современная Россия», в котором он значится как поэт и теоретик:

«Список членов общества “Современная Россия”.

1. Большаков Константин Аристархович — поэт и беллетрист.
2. Грузинов Иван Васильевич — поэт и критик.
3. Глубоковский Борис Александрович — критик.
4. Есенин Сергей Александрович — поэт и теоретик.
5. Орешин Петр Васильевич — поэт и беллетрист.
6. Савкин Николай Петрович — поэт и драматург.
7. Сидоров-Окский Гурий Александрович — поэт и драматург
8. Скворцов Александр Сергеевич — прозаик.
9. Топорков Алексей Константинович — историк литературы.
10. Якулов Георгий Богданович — художник».

Кроме Есенина, список подписан председателем правления Н.Савкиным, членом правления И.Грузиновым, секретарями А.Скворцовым и Г.Сидоровым-Окским.

Есенин, VII (2), 251, 451.

См. также: 1 – 6 авг. или после 20 авг. 1924, вторая запись; 4 авг. 1924; 24 авг. 1924, вторая запись; след. запись.

Август, 27. Есенин вместе с другими членами общества «Современная Россия» подписывает заявление в Народный комиссариат внутренних дел РСФСР.

В заявлении сказано, что группа литераторов и художников организовала общество, объединяющее группу литераторов и художников вокруг издательства «Современная Россия», под тем же наименованием, и «просит об утверждении такового».

В этот день в отдел административного управления НКВД РСФСР вместе с этим заявлением будут направлены соответствующие документы — устав общества, список членов и протокол собрания.

Есенин, VII (2), 252, 451–453.

См. также: 1–6 авг. или после 20 авг. 1924, вторая запись; 4 авг. 1924, вторая запись; 24 авг. 1924, вторая запись; предыд. запись.

В.П.Яблонский отправляет Есенину открытое письмо:

«Жизнь моя, иль ты приснилась мне? Пишу вместо Вас — Вам. Рассчитывали быть с Вами и не нашли Вас. 27 / VIII В. Яблонский».

Вместо обычной почтовой карточки В.П.Яблонский использовал очень тонкую дощечку того же формата. На ее лицевой стороне — рисунок красками (над именем «Серж», выполненным особым шрифтом, нарисовано три цветка). Дощечка с наклеенной маркой отправлена почтой. На оборотной стороне записки — адрес:

«Брюсовский, д. № 2, кв. 27, Сергею Александровичу Есенину».

Есенин, VI, 176, 608–610.

Ответ Есенина см.: 3 сент. 1924, первая запись.

См. также: 1–6 или 21–26 авг. 1924.

Август, 27 ... 31. Есенин переименовывает написанное им произведение «26. Баллада» на «36. Баллада».

Нижняя граница события устанавливается с учетом того, что 26 авг. 1924 (см. первую запись) эта вещь еще называлась «26», а его верхняя граница — по письму Есенина О.М.Бескину (см.: 1 сент. 1924, первая запись).

См. также: 1–6 или 2–6 авг. 1924; 7–20 авг. 1924, вторая запись; 20 авг. – 2 сент. 1924, четвертая запись; до 17 сент. 1924: 17, 18 и 21 сент. 1924; 25 сент. 1924, третья запись.

Август, 28. Харьковская газета «Коммунист» (№ 196; полоса «Литература. Критика. Искусство»; рубрика «Московские письма») печатает статью Н.Асеева «О новых стихах», в которой заходит речь о Есенине:

«Нужно признать: поэтических имен у нас больше, чем хороших стихов. Раз расхвалив, даже захвалив молодого поэта, закрепив его имя если не в памяти читателя, то в почтительном отношении к нему редакций, мы как-то не вспоминаем о нем, точно он музейная находка: нашли и ладно, пусть, мол, стоит на своей полочке.

<...> восторгающий всех советских меценатов Есенин, сильно спавший с голоса в последних стихах своих и, как кажется (и что всего плоше), намеренно сделавший это, намеренно снижающий пафос своей, пусть кабацкой, лирики до какого-то елейно-благонравного причитания, со всхлипом, сморканьем и озлобленными возгласами между ними. Его стихи в "Красной нови", а также те, которые появятся в ближайшее время в "Звезде", сглушены, примяты и как-то сокрушенно принижены и по теме, и по форме. Его любимая тема теперь — осень, с увяданьем, разложеньем, потуханьем. И в образах и в деталях, на которые он так силен, — Есенин снизился до фальши, до трафаретного пафоса. В виде примера стоит привести его определение В.И.Ленина в поэме его имени <см.: конец апр. — до 15 мая 1924, первая запись>, которого Есенин называет "сфинксом". Может ли быть что-либо более неподходящее, прямо противоположное, трафаретно-фальшивое, чем этот образ в отношении Ленина? Сфинкс и Ленин! Тяжелая каменная громада, сооруженная фараонами в память о своей полубожественной власти, и скромная, волей и разумом светящая тень Ленина?

<...> Еще преждевременно говорить о поэме В.Маяковского, трактующей ту же тему, что и вышеупомянутая Есенина. Поэма еще не закончена. Но и в набросках — она уже производит неизгладимое впечатление. Не "сфинкс", не ремесленно сделанный памятник, не эксплуатация величественной темы встает из строгих, суровых строк Маяковского. <...>

В "Лефе" № 4 выходит новое стихотворение того же Маяковского под заглавием "Юбилейное". В нем даны убийственные характеристики всех этих "первых" поэтов, как, например:

Вот Есенин,
Мужиковствующих свора.
Каравай <так!> в перчатках лаечных...
Раз послушаешь:
да это, ведь, из хора —
"Балалаечник!"»

По-видимому, это первая публикация (с искажениями) строк В.В.Маяковского о Есенине из стихотворения «Юбилейное» (см.: май ... июнь 1924; 7 сент. 1924, третья запись).

См. также: 31 мая 1924, первая запись; 10 июня 1924, вторая запись; до 16 – до 31 авг. 1924, вторая запись; до 20 авг. 1924; 1 сент. 1924, вторая запись.

Август, до 31. Есенин вместе с И.В.Грузиновым пишет в газету «Правда» письмо о роспуске группы имажинистов.

«Мы, создатели имажинизма, доводим до всеобщего сведения, что группа "имажинисты" в доселе известном составе объявляется нами распущенной. Сергей Есенин, Иван Грузинов».

Есенин, VII (2), 252, 453–456.

Ср. с оценкой этого поэтического течения в «Автобиографии» 1924 г.:

«...основанное в 1919 году течение имажинизм, с одной стороны, мной, а с другой — Шершеневичем, хоть и повернуло формально русскую поэзию по другому руслу восприятия, но зато не дало никому еще права претендовать на талант».

Есенин, VII (1), 17.

Е.А.Есенина позднее напишет:

«Из всей братии имажинистов около Сергея остались только Иван Грузинов и Савкин.

— Скучно, Ваня, — сказал однажды Сергей Грузинову, когда тот говорил о разных кознях бывших его друзей. — Ну их к черту.

— Знаешь, что, — вдруг встрепенулся Сергей, — давай их прихлопнем, пиши!

И Сергей с Грузиновым через два дня опубликовали извещение о том, что имажинизм больше не существует и все члены этой группы могут чувствовать себя свободными. "Пусть попрыгают", — смеялся Сергей».

В семье родной, 233.

М.Д.Ройзман вспомнит в 1926 г.:

«Заговорил с ним об имажинизме и спросил его, что хотел он сделать своим "роспуском имажинистов". Он засмеялся и сказал, что всё равно имажинизм без его имени немыслим...».

Памяти Есенина, 124.

С.М.Городецкий отметит:

«Имажинизм был для Есенина своеобразным университетом, который он сам себе строил. <...> Имажинизм дал ему сознание мастерства, он окреп и почувствовал в себе силы идти дальше по какому-то огромному и новому пути. Период имажинизма в форме острой влюбленности в него продолжался у него довольно долго. Я думаю, когда наши историки литературы подробно разберутся в есенинском наследстве, они сумеют проследить до самого конца тему и приемы, которые он закрепил в этот период. Они чрезвычайно цельны и тянутся крепкой нитью во всех его произведениях. Вначале он впадал в некоторые крайности, но эти болезненные моменты потом отстоялись, и Есенин вылился в настоящего мастера».

ЕЖЛТ, 45–46.

Август, 31. Газета «Правда» (№ 197) публикует «Письмо в редакцию» Есенина и И.Грузинова о роспуске группы имажинистов.

См. предыд. запись.

Август, конец или **Сентябрь, 1.** Есенин посылает письмо или телеграмму В.Эрлиху (неизвестны), в которой интересуется положением с изданием поэмы «Песнь о великом походе» в Ленинградском отделении Госиздата.

Событие и его приблизительная дата устанавливаются с учетом телеграммы В.Эрлиха Есенину (см.: 3 сент. 1924, четвертая запись).

См. также: после 15 или после 16 июня – июль 1924, вторая запись; 16 или после 16 (?) июня 1924; первая половина июля 1924; после 17 июля 1924; конец второй декады (?) июля 1924; до 26 июля 1924; 1–6 авг. 1924, первая–третья записи; 7–20 авг. 1924, третья запись; 14 авг. 1924, первая запись; 18 авг. 1924, вторая запись; после 20 (?) авг. 1924, вторая запись; 1 сент. 1924, первая запись; 2 сент. 1924, первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; до 14 сент. 1924, первая запись; 14 сент. 1924, первая запись; сент. 1924 — янв. 1925; до 15 нояб. 1924; до 16 дек. 1924, вторая запись.

Август, конец ... Сентябрь, до 15. В издательстве «Новая Москва» выходит книга Я.Шведова «Шестеренные перезвоны» (М., 1924), в которую вошло стихотворение, адресованное Есенину:

Я последний поэт деревни.
С.Есенин
Скоро, скоро железный гость...
С.Есенин

Ох, любимый, любимый Сережа,
Вместо глаз у тебя купыри,
За деревней стальною рогожею
Принакрылись везде пустыри.
Не тужу я, что по равнине
Ходит, бродит железный гость,
Потому что сердцем в машину
С малолетства ребенком врос.
Ты последний поэт деревни,
Но не новой, ушедшей, той,
А ты видел, как с поля последним
Прется трактор с полосок домой,
Ты последний поэт равнинный, —
Много будет поэтов иных,
В ритм под трактор, жнейке, машине
Зазвенит голосистый стих —
Стих неровный про черные рожи
Будет струнко дрожать, говорить...
Не с того ль у тебя ли, Сережа,
Отцветают глаза-купыри.

Кн. летопись, 1924, № 17, сент., поз. 9564.
См.также рецензию: 19 окт. 1924, первая запись.

Август (?). Журнал «Молодая гвардия» (№ 7/8; за июль — август; рубрика «Критика и библиография») публикует статью Г.Лелевича «По журнальным окопам». В разделе, посвященном журналу «Красная новь», заходит речь о Есенине:

«...приятный сюрприз преподносит нам Сергей *Есенин*. Начав, как сочный, озорной и веселый крестьянский поэт, Есенин затем деклассировался, оторвался от почвы, превратился в поэта хулиганящей городской богемы. Но в наши дни этот путь ведет в пропасть, и последние стихи богемного периода творчества Есенина исполнены ужаса, отчаяния, безнадежности. Такова его жуткая "Москва кабацкая". Таковы его стихи, напечатанные в третьей книге "Красной Нови".

Годы молодые с забубённой славой,
Отравил я сам вас горькою отравой.

Я не знаю: мой конец близок ли, далёк ли.
Были синие глаза, да теперь поблёкли.

Это припадок мрачного отчаяния, но ни на иоту не радостнее и настроение в минуту покоя.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.

Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

.....

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось, —
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И вот в четвертой книге "Красной Нови" появляется стихотворение "На родине", стихотворение совершенно неожиданное. Поэт, после долгой разлуки, вернулся в родное село. Всё изменилось. Дедушка сообщает ему, что сёстры стали комсомолки, выбросили иконы, на церкви комиссар снял крест <цитируется финал "Возвращения на родину">.

Это совершенно ново! Правда, Есенин здесь не сливается органически с нашей революцией, он еще смотрит на нее со стороны, но он видит уже конкретные ростки новой жизни. Это уже не мнимо-революционная мистика "Товарища", не предсмертный стон "Сорокоуста", не пьяное отчаяние "Москвы кабацкой", это — земной, реальный подход к революционной действительности. Научиться видеть революционное новое, а не только метель и Христа "в белом венчике из роз", это — задача, которой не осилило большинство попутчиков. Есенин в этом (и некоторых других) стихотворениях приближается к этому умению. Рано еще делать выводы, имеем ли мы дело с глубоким благотворным переломом или с временной игрой настроения. Как бы там ни было, приходится отметить революционные, светлые, радостные ноты в творчестве Есенина».

См. Приложение.

См.: до 25 мая 1924; 8 июня 1924, вторая запись; до 25 июля 1924; 17 авг. 1924; 22 авг. 1924; 1 сент. 1924, третья запись; 25 окт. 1924; после 9 нояб. 1924.

Журнал «Бюллетени литературы и жизни» (№ 4, без указания времени выпуска) публикует ряд материалов Есенина и о нем под общим заголовком «Поэты наших дней: С.Есенин и Ал. Жаров»:

— фрагменты автобиографии Есенина.

См.: 14 мая 1922, первая запись;

— анонимную заметку без заглавия:

«С. Есенина у нас считают крестьянским или "мужиковствующим" поэтом. Да и сам он говорит о себе: "Я — последний поэт деревни, скромен в песнях досчатый мост. За прощальной стою обедней кадящих листвой берез". Тут есть, на наш взгляд, немалое недоразумение. Подлинным поэтом, умеющим волновать и заражать, Есенин обрел себя не как сын деревни, а как крестьянин, съеденный городом. Не "Преображение", не "Часослов" и даже не "И<н>ония", как бы их ни комментировали и ни восхваляли те или иные критики, а "Исповедь Хулигана", "Ка<б>ацкая Россия" <т. е. "Москва кабацкая">, последние "городские" стихи С. Есенина останутся в русской поэзии, займут в ней свое место, прозвучат в ней своеобразной, н е п о в т о р и м о й мелодией. Не напыщенные, нарядные, зазвонистые, но мало вразумительные, сделанные, нуждающиеся в специальном построчном словаре "деревенские" стихи С.Есенина, а его простые, незатейливые по ритму и форме, но такие задушевные, полные щемящей грусти, наполняющие самые банальные слова новой свежестью и заразительностью "городские" стихи укрепляют за С.Есениным право на звание одного из лучших лириков нашей эпохи. Очень грустно,

быть может, что один из лучших поэтов наших обрел себя в гнилой атмосфере богемы, что с неподдельной силой лира его зазвучала на упадочных тонах, но тем не менее это так. Мы не станем вдаваться здесь в углубление и иллюстрирование высказанного выше утверждения. <...> нам казалось только необходимым вкратце мотивировать выбор стихов С.Есенина для нашей антологии. Полной противоположностью С.Есенину является молодой поэт Жаров, недавно дебютировавший своим небольшим сборником "Ледоход". Если С.Есенин весь раздумье и резиньяция, то Жаров — весь молодой порыв, устремление к борьбе...»;

— произведения Есенина: фрагменты «Инонии» («По туче иду, как по ниве, я...») и «Небесного барабанщика» («Если это солнце...»), «Письмо матери», «Памяти Ширяевца» <«Мы теперь уходим понемногу...»>, «Ты прохладой меня не мучай...».

Время выхода номера определяется предположительно с учетом того, что стихотворение «Памяти Ширяевца» является перепечаткой из «Красной нови» (1924, № 4; см.: до 25 июля 1924, первая запись).

Выходит журнал «Книга о книгах» (№ 7–8; за июль; рубрика «Хроника») с неподписанной информацией «Книгоиздательство "Круг"», где упоминается имя Есенина:

«В настоящее время артель состоит из членов: А.Воронский (председатель), А.Я.Аросев, И.М.Касаткин, В.В.Казин, Н.Н.Асеев, К.А.Федин, Н.Н.Никитин, С.А.Семенов, В. <так!> А.Пильняк, В.В.Иванов, А.Г.Малышкин, Н.Н.Ляшко, Ф.М.Конар, К. <так!> Веселый, С.А.Есенин и В.Д.Собко».

Время события устанавливается с учетом публикации в номере журнала материалов, посвященных годовщине начала Первой мировой войны и смерти А.А.Блока.

Сентябрь, 1. Есенин пишет заместителю директора Ленинградского отделения Госиздата РСФСР О.М.Бескину.

Предлагает издать поэму «Песнь о великом походе» вместе с «балладой» «36» («Поэмой о 36») и последними стихами и продолжает:

«Я посылал письмо Белицкому <см.: 14 авг. 1924, первая запись> и просил прислать мне денег из причитающейся суммы <...>

Книгу, по-моему, так выпускать не годится. Уж оч<ень> получается какая-то фронтовая брошюра. Посылаю для присоединения к ней балладу "36". О ней мы с Ионовым говорили уже.

Потом лучше бы всего было соединить и последние стихи вместе с этой книгой. Это будет значительно и весче, чем в таком виде».

Есенин, VI, 175, 606–607.

См. также: после 15 или после 16 июня – июль 1924, вторая запись; 16 или после 16 (?) июня 1924; первая половина июля 1924; после 17 июля 1924; конец второй декады (?) июля 1924; до 26 июля 1924; 1–6 авг. 1924, первая–третья записи; 7–20 авг. 1924, третья запись; 14 авг. 1924, первая запись; 18 авг. 1924, вторая запись; после 20 (?) авг. 1924, вторая запись; 2 сент. 1924, первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; 9 сент. 1924, пятая запись; до 14 сент. 1924, первая запись; 14 сент. 1924, первая запись; сент. 1924 — янв. 1925; до 15 нояб. 1924; до 16 дек. 1924, вторая запись.

Выходит ленинградский журнал «Звезда» (№ 4) с рецензиями И.Оксёнова:

— на сборник Есенина «Москва кабацкая»:

«Стихи Есенина неотделимы от его биографии. Поэтическая биография "российского скандального пиита" совпадает с житейской. После странствий по чужим краям все, кажется, связи поэта с его родной крестьянской почвой порваны; в его стихах не найти фольклора, в них больше нет областных речений, да и тематика изменилась: Есенин сегодяшний — типичный лирик-индивидулист, часто непроизвольно сближающийся с Блоком. Старый забытый мир выступает лишь в виде смутной тени:

Низкий дом без меня сутулился <так!>,
Старый пес мой давно издох.

Есенин знает, что деревню "сдавили за шею каменные руки шоссе". Трагедия старой деревни воплощена поэтом в образе "Волчьей гибели" — одного из сильнейших стихотворений в книжке. Не поэтому ли поэту, "без возврата" покинувшему "родные поля", "осталась одна забава":

...Когда ночью светит месяц,
Когда светит... Черт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.
Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь, напролет, до зари
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

При всем различии социальных причин условий, Есенин, если искать в истории литературы аналогий, — современный Языков, и это сравнение было бы оправдано вполне, если б блоковская меланхолия не окрашивала так часто есеинских стихов:

Снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармоники желтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают московскую Русь.

На редкость талантливый Есенин крайне характерен в общественном отношении. Он не хочет быть "последним" (и вообще никаким) поэтом деревни. Но в таком случае должно же у поэта быть какое-то более или менее цельное мировоззрение, — а оно настолько же не сформировано, насколько крепко сложен организм его поэтического дела».

О выходе книги и об откликах на нее см.: до 19 июля 1924; после 4 окт. 1924; 15 нояб. 1924, третья запись; до 28 нояб. 1924;

— на альманах артели писателей «Круг», книга III:

«Третий "Круг" значительно бледнее первых двух.

<...> Самое отрадное явление в альманахе — как ни странно, среди стихов <"Сказ скомороший..." И.Рукавишникова>. И второе — еще более "любопытное" — отрывок из поэмы Сергея Есенина, заставляющий думать о новом переломе пути поэта. Ямбическая поэма, по-видимому, с большим историческим (современность) охватом, реалистическая, ни следа имажинизма. Что даст Есенин дальше? Поживем — увидим».

См.: конец апр. – до 15 мая 1924, первая запись; 31 мая 1924, первая запись; 10 июня 1924, вторая запись; до 16 – до 31 авг. 1924, вторая запись; до 20 авг. 1924; 28 авг. 1924.

Дата события определяется по информации в «Красной газете» (1924, 1 сент., № 197, веч. вып.).

Журнал «Книгоноша» (№ 34; рубрика «По журналам»; подпись: «Д. Б-ой») помещает рецензию Д.Д.Благого на книгу 4 журнала «Красная новь»:

«Из стихов следует отметить напевную "Марфушкину песню" С.Клычкова, две песни А.Ширяевца, которым недавняя смерть придает особую значимость, прекрасные вещи Есенина. Видимо, окончательно сбросив с себя павлиньи перья имажинизма,

Есенин находится в периоде какой-то новой настройки своего поэтического инструмента: пробует то Пушкина ("На родине"), то Блока ("Гуляй-поле"), то — перед нами формально прежний Есенин ранних своих книг, но с умудренным, по-новому, содержанием ("Памяти Ширяевца")».

См.: до 25 июля 1924, вторая запись; 17 авг. 1924; 22 авг. 1924; авг. (?) 1924, первая и вторая записи; 7 сент. 1924, вторая запись; 25 окт. 1924; после 9 нояб. 1924; нояб. 1924.

Сентябрь, 2. Есенин подписывает договор № 4882 с Государственным издательством РСФСР на издание книги «Песнь о великом походе» объемом 612 строк.

Кроме Есенина, договор подписывают и. о. главного редактора Госиздата Н.И.Иорданский и секретарь Г.М. Карачунская.

Есенин, VII (2), 255–256.

Из воспоминаний А.А.Берзинь:

«Вскоре Есенин снова зашел в Госиздат. Я сказала ему, что редакция "Октября" решила "Песнь" напечатать в октябрьском номере. Есенин стал вдруг возражать, но не очень энергично.

— Я хотел бы, — говорил он, — чтобы Госиздат выпустил "Песнь о великом походе" отдельной книгой.

— Ну, что же, попробуем, — ответила я.

Я работала тогда редактором отдела массовой литературы Госиздата.

Через день-два издательство оформило с Есениным договор на выпуск поэмы по самому высокому тарифу оплаты — 1 рубль за строку».

Берзинь А. О Есенине. — Хроника, 2, 140.

Из воспоминаний Г.А.Бениславской:

«... "Песнь" восторженно встретил отдел массовой <...> литературы Госиздата. И вещь была продана туда».

Материалы, 66.

В договоре указан адрес Бениславской: Брюсовский пер., дом № 2, кв. 27 (с опечаткой: кв. 97).

Книга будет выпущена уже в 1925 г. (см.: 10... 25 марта 1925).

См.: Есенин, VII (3), 381.

См. также: после 15 или после 16 июня – июль 1924, вторая запись; 16 или после 16 (?) июня 1924; первая половина июля 1924; после 17 июля 1924; конец второй декады (?) июля 1924; до 26 июля 1924; 1–6 авг. 1924, первая–третья записи; 7–20 авг. 1924, третья запись; 14 авг. 1924, первая запись; 18 авг. 1924, вторая запись; после 20 (?) авг. 1924, вторая запись; конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 2 сент. 1924, первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; до 14 сент. 1924, первая запись; 14 сент. 1924, первая запись; сент. 1924 – янв. 1925; до 15 нояб. 1924; до 16 дек. 1924, вторая запись.

И.И.Шнейдер посылает в кафе «Стойло Пегаса» узнать, когда он сможет увидеться с Есениным для оформления советского паспорта А.Дункан.

Выясняет, что поэт на следующий день уезжает на Кавказ.

Письма, 247.

И.И.Шнейдер пишет Есенину:

«Заведующий Иностранным Отделением Административного отдела Моссовета сообщил мне, что Айседора въехала последний раз в пределы СССР, будучи вписанной в Ваш паспорт, и что паспорт этот необходимо немедленно предъявить, дабы выдать Айседоре отдельный».

Просит дать подателю письма ответ, когда Есенин сможет завтра, 3 сент., встретиться до отхода поезда или «дать на пару часов» свой паспорт, который «органы милиции думали у Вас затребовать» для оформления советского паспорта А.Дункан, так как через неделю она собирается уезжать за границу.

Письма, 247.

Судя по письму А.Дункан к И.Дункан (см.: 16 дек. 1924, вторая запись), просьбу И.И.Шнейдера Есенин не выполнил. Впрочем, после смерти А.Дункан «в числе оставшихся после нее документов найден ее советский паспорт» (журн. «Огонек», 1927, № 51), полученный, по-видимому, помимо Есенина.

Сентябрь, 2 (?). Есенин намеревается уполномочить В.В.Казина в случае необходимости подписать документ о своем выходе из числа сотрудников журнала «Красная новь»:

«В случае изменения в журнале “Красная новь” линии Воронского уполномочиваю В.Казина присоединить мою подпись к подписям о выходе из состава сотрудников».

Есенин, VII (2), 218, 354.

Документ остался недописанным. Последнее слово не закончено. По свидетельству В.В.Казина, этого документа он не получил.

Содержание документа вызвано литературной борьбой, которую вели «напостовцы» против «попутчиков» (подробнее об этом см.: Есенин, V, 547–548; VI, 613–614), и разговорами летом 1924 г. о предстоящих кадровых изменениях в редакции журнала «Красная новь», где редактором был А.К.Воронский, вплоть до его отстранения от должности.

Сентябрь, до 3. Есенин пишет экспромт, адресованный И.Приблудному:

Если будешь
Писать так же,
Помирай лучше
Сейчас же!
1924.

Есенин, IV, 255, 463–464.

Граница этого и последующих событий определяется по дате отъезда Есенина на Кавказ (3 сент. 1924, пятая запись).

Экспромт написан карандашом на небольшом листке тонкой бумаги, наклеенном на авантитул книги Г.Адамовича «Чистилище: Стихи» (Пб., 1922). Ниже наклеен такой же листок с автографом Ивана Приблудного:

Едва ли, Сережа,
На эту похожа
Моя озорная стряпня.

Иван Приблудный

«Не исключено, что оба текста не имеют отношения к книге Г.Адамовича и написаны по другому поводу» (С.П.Кошечкин и Н.Г.Юсов — Есенин, IV, 463).

Есенин пишет экспромт Е.Г.Соколу:

За всё, что минуло, —
Целую в губы
Сокола милого.
1924.

Есенин, IV, 256, 464.

Есенин работает над рукописной книгой «Страна Негодяев».

Есенин, III, 541–545.

См. также: Шубникова-Гусева, 205, 212–215.

Рукописная книга с титульным листом и выходными данными (частное собрание, Москва) помечена 1924 г., датирована 1922–1923 гг. Сам факт появления белового автографа поэмы самого большого по количеству строк произведения поэта весьма знаменателен, так как Есенин, по его собственному признанию, не любил переписывать свои сочинения. Хотя эта рукопись содержит авторскую правку и сокращения в тексте, которые поэт обычно делал и в уже опубликованных произведениях, его можно рассматривать как рукописную книгу. Несвойственна для Есенина, который обычно писал на отдельных подвернувшихся под руку листках или бланках, и форма ее исполнения.

Автограф занимает почти половину тетради с переплетом малахитового цвета, золотым обрезом, на последней странице, наверху, номер 159 (количество страниц), внизу – печатный знак «A. Gerspacher. Berlin. W 8».

Первый лист рукописи исполнен как титульный лист книги:

Сергей Есенин
Страна Негодяев
Москва
1924

Все остальные 50 страниц автографа выполнены аккуратно, на одной стороне листа и не пронумерованы (обороты чистые, кроме 25-го листа, где вписана вставка после строки 636, затем зачеркнутая. Каждая из четырех частей начинается с новой страницы. Все остальные листы в тетради – чистые. Имеется правка, в том числе сокращения в тексте.

Автограф написан в три приема: строки 1–561 (первая и бóльшая часть второй части) — фиолетовыми чернилами с тремя слоями правки фиолетовыми и синими чернилами и химическим карандашом; строки 562–777 (фрагмент второй и третьей части) — синими чернилами с правкой этими же чернилами и карандашом; строки с 778 до конца — химическим карандашом с правкой. Судя по цвету чернил и карандашным пометам, различные слои правки делались по ходу написания текста или позже, когда поэт возвращался к написанному ранее.

По сравнению с черновым автографом, Есенин изменяет номер экспресса: вместо Экспресса 54 — Экспресс № 5, а также фамилию китайского персонажа: вместо Литза-Хунг — Литза-Хун, и делает акцент его речи менее назойливым. Но в основном правка касалась сокращения текста, уточнения графики и знаков препинания. Беловой автограф «Страны Негодяев» — единственный такого рода автограф в рукописном наследии поэта.

См. Приложение.

С белового автографа «Страны Негодяев» делается машинопись.

Сохранилось три отпуска машинописного списка, сделанные в 1924 году, с пометами Есенина и Г.А.Бениславской. Один из отпусков машинописи (скорее всего, второй) находится в папке «Подготовка к печати произведений Есенина С.А. 1924 г.» с пояснением С.А.Толстой-Есениной: «Произведения С.А.Есенина, подготовленные к печати его сестрой Екатериной и другими домашними (Галей? <Г.А.Бениславской>) по просьбе Д.К.Богомильского, который намеревался печатать сборник произведений Есенина в 1924 году. Сборник не был осуществлен и материал остался у Богомильского. Передан им мне в мае 1936 г.» (Есенин, III, 543).

Отпуск машинописи, хранящийся в ИМЛИ, поступил из Музея Есенина. Имеет пометы на первом листе: «С.Есенин. Страна негодяев» и печать «Музей Есенина. 251». На с. 13 — единственная помета, которой нет в других известных отпусках этой же машинописи, против строк 502–506:

Потому им и любы бандиты,
Что всосали в себя их гнев.
Нужно прямо сказать открыто,
Что республика наша blef.
Мы не лучшее, друг мой, дерьмо —

написано рукой Г.А.Бениславской: «выпущено» (с купюрой этих строк по машинописи текст поэмы в отрывках будет опубликован в журнале «Красная новь» уже после смерти поэта).

См. также: 29 сент. 1924.

Есенин выполняет беловые автографы двух отрывков из поэмы под общим заглавием «Страна Негодяев (Отрывок)».

Есенин, III, 542.

Строки 1–102 и 103–144 (первый автограф выполнен чернилами, второй карандашом и начат с новой страницы), без даты. Форма исполнения — с подзаголовком и подписью автора под каждым отрывком (карандашом) — свидетельствует о том, что рукописи предназначались для печати. При жизни поэта не опубликованы.

С.Клычков пишет Есенину:

«Дорогой Сережа!

Я у Пимена <Карпова> взял единственный червонец, чтобы уехать. Сам понимаешь, что надо ему сегодня же часов в пять его возвратить.

С.Клычков».

Текст записки сообщен Н.Г.Юсову Н.В.Есениной. Граница события устанавливается с учетом дня отъезда Есенина на Кавказ, где поэт находился до марта 1925 г.

Детали эпизода, о котором идет речь, не прояснены.

См. Приложение.

Есенин пишет записку З.В.Гейман («дорогой Зин Вен»).

Сообщает: «Карточки получил» (скорее всего, речь идет о фотокарточках). «Жду Вас».

Есенин, VI, 176, 607–608.

Есенин делает помету на фотографии Е.А.Есениной, сделанной Н.И.Свищевым-Паолой:

«Свищов-Паола. Москва. 1924».

Шубникова-Гусева-2008, вкл. л. слева от с. 97.

Фотограф Н.И.Свищев-Паола в 1924 году делает два фотоснимка Е.А.Есениной. Один из них см.: В семье родной (вклейка). Другой, с надписью рукой Есенина, хранился в архиве Г.А.Бениславской, а затем — А.Г.Назаровой.

См. Приложение.

Сентябрь, до 3 или **3.** Есенин пишет А.А.Берзинь:

«Милая, любимая Абрамовна!

Прости, прости.

Уезжаю — года на два.

Не ищи. Только помоги. Так нужно. Скажи Евдокимычу (я его люблю) о сбор<н>ик<е> <“Избранное” в Госиздате — не выходил>.

Люблю тебя, люблю.

Прощай.

Сергей».

Есенин, VI, 175, 607.

Сентябрь, 3. Есенин пишет В.П.Яблонскому.

Благодарит его за открытку (см.: 27 авг. 1924, вторая запись), желает ему скорейшего выздоровления и сообщает, что на Кавказ едет «с радостью в надеждах хорошо отдохнуть».

Есенин, VI, 176, 607–608.

См. Приложение.

См. также: 1 – 6 или 21 – 26 авг. 1924.

Есенин встречается со студентами Всероссийского литературно-художественного института.

Событие и его дата устанавливаются по воспоминаниям А.Ф.Кулёмкина:

«Начинался 1924/25 учебный год. На вечер по случаю начала учебного года ждали Сергея Есенина. Поэт не пришел. Читалась проза: Всеволод Иванов и Борис Пильняк. И вот, как будто спохватившись, перед отъездом на Кавказ, через два дня, 3 сентября, пришел Есенин. Он не мог не прийти. Поделился со студентами таким необычным по тому периоду стихотворением, как "Русь советская". Потом прочитал "Письмо матери" и "Пушкину".

В окружении студентов Есенин вышел на Поварскую, и вся группа повернула в сторону Арбата».

Восп.-75, 416.

Есенин заходит в гости к А.Ф.Кулёмкину, читает свои стихотворения. Передает А.Ф.Кулёмкину рукопись стихотворения «Папиросники».

События и их дата устанавливаются по воспоминаниям А.Ф.Кулёмкина:

«Мы заранее условились с В. Наседкиным завернуть с Есениным ко мне.

Есенин согласился.

Моя небольшая комната вся была заставлена книжными шкафами, поместиться в ней могло только несколько человек, поэтому мы взяли с собой только двоих наших студентов — белорусского поэта, переводчика Янки Купалы и Якуба Коласа Климента Яковчика и Кауричева.

В эти дни у меня гостила жена, студентка института экранного искусства, первого высшего кинематографического учебного заведения, приехавшая из Ленинграда. Валентина заинтересовала Есенина рассказами об актерской игре, о киноискусстве и Ленинграде.

— Я частенько бываю там. В Ленинграде недавно вышла книжка моих стихов, кстати, я подарю вам ее, а сейчас из цикла "Любовь хулигана" почитаю. Вы не боитесь такого названия? — И Есенин непринужденно стал читать стихи.

Потом, по просьбе поэта, читали и мы, стыдясь своих стихов,— Яковчик и я. Я прочитал стихотворение "Гамены" — о беспризорниках, ночевавших в норах и нишах Китайгородской стены. Есенин прочитал свое стихотворение "Папиросники". Текст этого стихотворения он оставил у меня. Потом оно было напечатано в № 9 журнала "Красная нива" за 1927 г.

Внимание Есенина привлекли шкафы. Он извлекал из них уникальные книжки и разговаривал с нами.

— Так вы громили Колчака и Врангеля да еще в такой дивизии, Перекопской... Жаль, что вы не колошматили Юденича. Меня давно эта тема — обороны Петрограда — интересует. А в Крыму не встречались с Махно?

— Мы охотились за Махно, но он был неуловим. Выходил из атаки и окружения, рассыпался неизвестно куда. Был случай: из одной деревушки провалился, как в преисподнюю. Сам-то что: маленький, юркий человечек, с писклявым женским голоском, но вот отряд в шесть тысяч его вояк исчез бесследно...

Сергей Александрович расспрашивал о подробностях махновских действий на Украине и в Крыму. Уже одеваясь, Есенин сказал мне:

— Значит, вы — генштабист и в литературе — брюсовец! Я всем вам, друзья, по-товарищески советую — посещайте брюсовский лицей, оканчивайте его, но в творчестве, в своих личных опытах оставайтесь поэтами самобытными. Учеба уводит часто от оригинальности и своего существа. Будьте сами собой, не теряйте органичности и не вдавайтесь в стилизации. Только при этих условиях выучка у Брюсова имеет смысл».

Восп.-75, 416–417.

В ответ на несохранившееся письмо или телеграмму В.И.Эрлих из Ленинграда телеграфирует Есенину:

«Отдельно не выйдет тчк Две поэмы или сборник не знаю Ионов послезавтра — Вова».

Письма, 248.

Речь идет о проекте издания «Песни о великом походе» вместе с «Поэмой о 36» и предстоящих переговорах по этому вопросу с И.Ионовым (Есенин, III, 591).

См. также: конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 9 сент. 1924, пятая запись; сент. 1924 – янв. 1925.

Есенин и И.Вардин выезжают в Баку поездом № 12.

Юшкин-2006, 446.

О совместном отъезде Есенина и И. Вардина на Кавказ говорится и в письме Е.А.Есениной к Г.А.Бениславской (см.: 5 и 8 сент. 1924).

Е.А.Есенина напишет:

«Вскоре он уехал на Кавказ — другие люди, не колеблющиеся, а твердо и смело шагающие вперед, окружили его — он стал спокойнее, и чудесные, нежные персидские мотивы лились из его уст».

В семье родной, 239.

Ср. с воспоминаниями С.Б.Борисова:

«Многие его поездки были продиктованы чувством самосохранения — уйти от Москвы кабацкой, от той гнилой богемной среды, где оставалось только пить и стихи писать».

Материалы, 391.

Из воспоминаний Э.Я.Германа:

«На Кавказ его влекли личные связи и... литературная традиция.

<...> Крестьянскому сыну Есенину импонировало дворянское озорство Лермонтова».

Материалы, 179.

Сентябрь, 5. Московская «Правда» (№ 201) помещает ответ Есенину его бывших соратников по имажинизму:

«Нас просят сообщить в связи с письмом в редакцию "Правды" С.Есенина, что основная московская группа имажинистов остается без перемен в следующем составе: Рюрик Ивнев, А.Мариенгоф, А.Кусиков, М.Ройзман, В.Шершеневич, Н. и Б.Эрдман и Афанасьев-Соловьев».

Разрядка в источнике.

См. также: 5 и 8 сент. 1924; после 9 сент. 1924; Есенин, VI, 626–627.

Журнал «Ленинград» (№ 16), сообщая о подписке на издание, называет Есенина в числе его авторов.

Цитату из объявления см.: 22 июня 1924, первая запись.

См. также: 15 и 30 июля 1924.

Киевская газета «Пролетарская правда» (№ 202; рубрика «Культура и искусство», раздел «Хроника искусств») печатает неподписанный анонс «Вечер современной поэзии и прозы» с упоминанием Есенина:

«В понедельник, 8-го сентября в Доме Коммунистического просвещения состоится вечер артиста Московского "Театра-студии им. Евг. Вахтангова" — Василия Куза и режиссера-лаборанта того же театра Самуила Марголина "Пробег в 7200 секунд по поэзии и прозе". Маршрут: Безыменский, Есенин, Пастернак, Тихонов, Третьяков, — Бабель, Леонов, Горький, Замятин, Пильняк, Алексей Толстой. Рассказывает о поэтах и прозаиках С. Марголин, иллюстрирует — В. Куза».

Отклики на это событие не выявлены.

Н.П.Зубова пишет из Ленинграда своей племяннице Г.А.Бениславской письмо, где говорится о Есенине без упоминания его фамилии:

«Ездила в Москву моя знакомая и повезла тебе подушечку <…>. Там была какая-то Катя Ес<енина>, по-видимому, родственница известного пьяницы, и этот последний тоже был в комнате твоей. Фу, какое омерзенье, что у тебя бывают люди из купеческой среды, пьяницы. Теперь я понимаю, почему ты сказала мне, что теперь пьяных ты не боишься. Можно дойти до большего падения, не бояться еще большей мерзости — пьянство отвратительно, и в тебе был сильный инстинкт природной чистоты — тебе был омерзителен пьяный человек. Кстати, за 25 копеек кто-то мне предложил пойти послушать пьяного стихотворца. Я пошла и услыхала, как пьяный человек плевался во всех, ругал Ахматову, Тургенева, хвастал своими победами над женщинами (мол, легкость побед мне не доставляет удовольствия) и, комично, осуждал курящих женщин! Пьяница кого-нибудь еще осуждает! Кто же это Катя Ес<енина>, с которой ты так дружна (по крайней мере, хвастала она моей знакомой Войновой), — сестра "великого пьяницы"? Наверное, это та Катя, которую я видела и которая возилась с кем-то в твое отсутствие. Всему этому название — мерзость. Гони их от себя, а то ты постепенно черт знает к чему привыкнешь. Помни, что ты неизмеримо выше их. Неужели нельзя жить просто и нормально. В Советской стране так много применения для твоих сил и молодости!»

Шубникова-Гусева-2008, 179.

Н.П.Зубова описывает, в частности, свои впечатления от выступления Есенина на авторском вечере в Ленинграде (см.: 14 апр. 1924, вторая запись).

Г.А.Бениславская получила это письмо, но не изменила своего образа жизни и своих взглядов. Впоследствии Н.П.Зубова не раз навестит ее в Москве. Об одном из ее приездов (зима 1924–1925) вспоминает А.А.Есенина (см.: Восп., 1, 106).

Сентябрь, 5 и **8.** Е.А.Есенина пишет из Москвы Г.А.Бениславской:

«Сергей уехал на Кавказ с Вардиным. Очень жалел, что не попал к тебе. Ну, что ж делать? Как он говорил, а все-таки к тебе хотелось. Он каждый день вспоминал про тебя, показывал, как ты ходишь и проч<ие> твои достоинства. Хотел ремонтировать комнату, но уехал, ничего не сделав. Ах, черная, если бы ты видела Сергея на другой день после твоего письма (второго) <оно неизвестно>, ты бы хохотала до упаду, ведь он решил ехать к тебе, а в этот день он сделал сразу несколько путешествий, каких, расскажу потом. Ну, как приедешь в Москву, теперь ты больше не услышишь слово "Стойло", а услышишь "Таверна муз" и не увидишь Мариенгофа, а увидишь Савкина, Грузинова и Сергея. Конечно, еще торчит рожа Птички <А.Д.Силина>, но и она скоро исчезнет. Потом, если бы ты почитала письмо Сергея в "Правде", вот оно, читай, списываю с газ<еты> <следует цитата; см.: до 31 авг. 1924; 31 авг. 1924>.

Как тебе это нравится? Конечно, Мариенгоф сбесился и на другой же день принес письмо в "Правду" <…> письмо поместили в газете, да только Соня <Виноградская> сделала так, что если захочешь прочитать, то надо будет искать днем да со свечкою, и то едва ли найдешь. Помещено оно вот где:

<…> Заразные болезни в Москве <следует текст; см.: 5 сент. 1924, первая запись>.

Всё, больше писать ничего не дали. Письмо писалось с перерывом».

Шубникова-Гусева-2008, 285, 288.

Сентябрь, 7. Есенин и И.Вардин прибывают в Баку.

Юшкин-2006, 447.

Согласно расписанию движения поезда № 12, спутники находились в дороге не менее 91 ч. 25 мин. (там же).

Киевская газета «Пролетарская правда» (№ 204) помещает материалы, связанные с именем Есенина:

— статью П. Алгасова «Быт и литература» с оценкой стихотворения поэта «На родине» <«Возвращение на родину»>:

«...лицо послеоктябрьской русской деревни <...> заинтересовало не только бытописателя, но и поэта. Сергей Есенин в прекрасном стихотворении "На родине" ("Красная новь", 1924 г., книга 4) пишет:

Как много изменилось там
В их мирном, неприглядном быте.
Какое множество открытий
За мною следовало по пятам.

В числе этих открытий самое главное — "шустрая сестренка-комсомолка, разводящая о Марксе, Энгельсе". Это говорит тот самый Есенин, который недавно сравнивал деревню с глупым жеребенком, догоняющим мчащийся меж полей поезд».

См. также: 1 июня 1924, первая запись; после 3 или 4 июня — 14 или 15 июня 1924, первая запись; 7 июня 1924, третья запись; до 25 июля 1924, вторая запись; 6 ... 9 авг. 1924; 22 авг. 1924; 1 сент. 1924, третья запись; 25 окт. 1924; после 9 нояб. 1924;

— статью Н.Ушакова «Москва ждет»:

«Российскому писателю в общей массе чужды легкость и остроумие фланеров и гаменов западной литературы. Он не усвоил себе также манеры авторов-экономистов Европы и Америки. Те и иные рождены промышленным городом.

Русский же беллетрист или поэт за редкими случаями базируется на мужике.

Но крестьянство рано или поздно должно вступить на путь социализма. Раскрестьянивание крестьян — вот основная тема, интересующая сейчас Москву.

Может быть, поэтому "Красная Новь" несколько прямолинейно и в то же время наивно преподносит совершенно нетронутую социализмом деревню Есенина, Клычкова и Орешина.

Разумеется, что в узком кругу деревенских тем вовсе не замкнулись все требования Москвы — тема об опролетаризировании деревни типична лишь, как в данный момент разрабатываемая».

Сообщено О.В.Пашко.

Тифлисская газета «Заря Востока» (№ 671) публикует стихотворение В.В.Маяковского «Юбилейное» с характеристикой Есенина («из хора, балалаечник»).

Соответствующий фрагмент (с искажениями) см.: 28 авг. 1924.

Ответ Есенина — в стихотворении «На Кавказе»:

Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.

Есенин, II, 107–109.

См.: май ... июнь 1924; 13 ... 18 сент. 1924; 21 сент. 1924, около 12-ти часов дня.

Сентябрь, до 8. В Москве составляется ответ на письмо Есенина и И.Грузинова о роспуске группы имажинистов. Его подписывают Р.Ивнев, А.Мариенгоф, М.Ройзман, В.Шершеневич и Н.Эрдман.

«В "Правде" письмом в редакцию Сергей Есенин заявил, что он распускает группу имажинистов.

Развязность и безответственность этого заявления вынуждает нас опровергнуть это заявление. Хотя С.Есенин и был одним из подписавших первую декларацию имажинистов, но он никогда не являлся идеологом имажинизма, свидетельством чему является отсутствие у Есенина хотя бы одной теоретической статьи <см., однако, "Ключи Марии", "Быт и искусство">.

Есенин примыкал к нашей идеологии, поскольку она была ему удобна, и мы никогда в нем, вечно отказывавшемся от своего слова, не были уверены как в соратнике.

После известного всем инцидента, завершившегося судом Ц.Б. журналистов над Есениным и К* <речь идет о "деле четырех поэтов">, у группы наметилось внутреннее расхождение с Есениным, и она принуждена была отмежеваться от него, что она и сделала, передав письмо заведующему лит. отделом "Известий" Б.М.Гиммельфарбу 15 мая с. г. <опубликовано не было. Текст неизвестен>.

Есенин в нашем представлении безнадежно болен физически и психически, и это единственное оправдание его поступков. <...>

Таким образом, "роспуск" имажинизма является лишь лишним доказательством собственной распущенности Есенина».

Письма, 339–340; Есенин, VII (2), 453–454.

Сентябрь, 8. И.Вардин извещает Н.П.Стора о своем предстоящем приезде в Тифлис вместе «с гостем» (Есениным).

Событие устанавливается по свидетельству Н.П.Стора (см. ниже); его дата определяется с учетом первой из записей 9 сент. 1924.

Н. Стор напишет (1975):

«Телеграмма была из Баку от Иллариона Вардина:

"Встречай еду с гостем"».

Стор Н. Тифлисская осень — 1924 год. — Журн. «Огонек», 1975, № 40, 4 окт., с. 22.

Есенин и И.Вардин выезжают из Баку в Тифлис.

Дата события определяется с учетом предыд. записи и первой записи 9 сент. 1924 (см. также: Юшкин-2006, 446, 447).

Симбирская газета «Пролетарский путь» (№ 203; рубрика «Книжная полка») печатает неподписанную рецензию на № 6 журнала «Рабочее творчество» (Нижний Новгород), в которой заходит речь о Есенине:

«Литературный отдел слаб. <...>

Стихи Нивина — Александровский и Есенин, перекроенные по нижегородскому масштабу, — вот всё, что запомнилось».

Сентябрь, 9. Есенин прибывает в Тифлис вместе с И.Вардиным.

Чиковани С. Сергей Есенин в Тбилиси (Несколько встреч). — В кн.: Чиковани С. Мысли. Впечатления. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1968, с. 89.

Вместе с встречающими они посещают редакцию газеты «Заря Востока», где Есенин читает «Песнь о великом походе».

Поэма принимается к печати.

Эти события описаны Н.П.Стором:

«В полдень на тифлисском вокзале бакинский поезд встречали вместе со мной и два других секретаря Ассоциации пролетарских писателей Грузии — Бенито Буачидзе и Платон Кикодзе.

Первым из вагона вышел Вардин, за ним легко спрыгнул на платформу молодой человек, блондин, с легким саквояжем в руке.

— Знакомьтесь, — сказал Вардин. — Я привез доброго поэта. Сергей Есенин. Принимайте его в свою компанию…

На извозчиках мы направились в редакцию "Зари Востока".

Работники редакции тепло встретили Есенина.

— Вардин уговорил меня, — сказал Есенин, — напечатать у вас "Песнь о великом походе". Но я не знаю, будет ли она понятна здесь.

И Есенин тут же, в редакторском кабинете, прочел наизусть свою "Песнь…" Последние строки:

Корабли плывут
Будто в Индию… —

были встречены шумными аплодисментами.

В течение двух дней подряд на первой полосе "Зари Востока" печатался необычный анонс, извещавший, что 14 сентября будет опубликована поэма Сергея Есенина "Песнь о великом походе". Нужно ли говорить о том, что тираж этого номера газеты был значительно увеличен».

Стор Н. Сергей Есенин в сентябре 1924 года в Тбилиси. — «Товарищи по чувствам, по перу…», с. 69.
См.: 12 сент. 1924; 13 сент. 1924, третья запись; 14 сент. 1924, первая запись.

Есенин встречается с грузинскими поэтами Т.Табидзе и Ш.Апхаидзе и читает им «Возвращение на родину».

Из воспоминаний Т.Табидзе:

«В первый же день приезда в Тифлис <т. е. 9 сент. 1924> он прочел мне и Шалве Апхаидзе свое "Возвращение на родину". И стихи и интонация голоса сразу показали нам, что поэт — в творческом угаре, что в нем течет чистая кровь поэта.

В этот приезд С.Есенин сознательно стремился порвать со старым образом жизни. Видно было, что кабацкая богема ему до боли надоела, но он еще не находил сил вырваться из ее оков:

И я от тех же зол и бед
Бежал, навек простясь с богемой…

Поэт благодарит Кавказ: он научил его русский стих "кизиловым струиться соком", — и дает как бы клятву <следует четырнадцатая строфа "На Кавказе">».

Восп., 2, 192–193.

Г.Н.Леонидзе вспомнит:

«…бакинский поезд привез Сергея Есенина в Тбилиси. Каждого вновь прибывшего к нам поэтического гостя первыми встречали, как правило, Паоло Яшвили и Тициан Табидзе. Паоло был гостеприимным хозяином, Тициан — подлинным Авраамом любого пиршества поэтов. И вряд ли кто из гостей мог миновать Тициана Табидзе. Он в этом отношении продолжал традицию прославленного поэта, друга и тестя Грибоедова — Александра Чавчавадзе, и знаменательно, что он по воле случая жил именно там, где когда-то стоял дом Александра Чавчавадзе. И не случайно, что Сергея Есенина первым встретил как раз Тициан, мгновенно с ним крепчайше сдружившийся».

Восп., 2, 200–201.

Московский журнал «Новый зритель» (№ 35) печатает ответ имажинистов Есенину.

Текст см.: до 8 сент. 1924.

О реакции Есенина на эту публикацию см.: 20 окт. 1924, вторая запись.

Подробнее об отношении Есенина к имажинизму и к имажинистам см.: Есенин, VII (1), 497–528, а также: Захаров А.Н., Савченко Т.К. Есенин и имажинизм. — «Российский литературоведческий журнал», М., 1997, № 11, с. 3–40; Шубникова-Гусева Н.И. Русский имажинизм, или «Буйные зачинатели эпохи Российской поэтической независимости». — Журн. «Лит. учеба», 2000, кн. 2, март–апр., с. 107–123; Захаров А.Н., Савченко Т.К. Имажинизм. — В кн. «Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты поэтов». В 2 т. / Ред.-сост. А.Г.Гачева, С.Г.Семёнова. М.: ИМЛИ РАН, 2008, т. 1, с. 214–243.

В.Эрлих из Ленинграда пишет Есенину.

Сообщает о реакции ленинградского «Воинствующего ордена имажинистов» на письмо Есенина и И.Грузинова и уточняет вопрос об издании сборника «Две поэмы» в Ленинграде (см. также: конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; сент. 1924 – янв. 1925).

Из письма:

«...Идет склока по поводу твоей заметки в газете <"Правда"; см.: до 31 авг. 1924; 31 авг. 1924>. Умучился до последней степени. <...> Дело в следующем: с Б<ескиным> я кончил в первый же день, но приехал И<онов> и заупрямился. Полагаю — ненадолго. Окончательный разговор в среду. В худшем случае он будет ждать твоего приезда».

Письма, 248.

Итогом обсуждения ленинградскими имажинистами московского заявления о «роспуске» стала их листовка (см.: 4 окт. 1924).

Сентябрь, 9 ... 13 (?). Есенин поднимается на гору Мтацминда, чтобы поклониться могиле А.С.Грибоедова.

Событие и его время устанавливаются по воспоминаниям Н.П.Стора:

«Ближе всего по духу и настроениям Есенину стали тогда участники литературной группы "Голубые роги". Среди них особенно полюбились ему Паоло Яшвили, Георгий Леонидзе, Тициан Табидзе, Валентин Гаприндашвили.

Эта группа "голуборожцев" ежедневно встречалась с Есениным. Сопровождала его во всех походах в серные бани, в Мцхети, была организатором двух есенинских вечеров в Тифлисе.

Одним из первых таких походов было "восхождение" на Мтацминду... Мы дошли почти до церкви св. Давида. В подножии ее – грот и за железной решеткой могильные камни. Здесь похоронены Нино Чавчавадзе, дочь славного грузинского поэта начала прошлого века Александра Чавчавадзе, и ее муж, великий русский поэт А.С.Грибоедов. Есенин впился руками в решетку и медленно опустился на колени.

Когда мы собрались уходить, Есенин положил хризантемы к могильной решетке.

Через несколько дней после восхождения на Давидовскую гору, во время ужина в ресторане "Химерион", Есенин прочел только что написанное им стихотворение "На Кавказе"».

Стор Н. Тифлисская осень. — Журн. «Огонек», 1975, № 40, 4 окт., с. 22–23.

В упомянутом стихотворении есть строки:

И Грибоедов здесь зарыт,
Как наша дань персидской хмари,
В подножии большой горы
Он спит под плач зурны и тари.

Есенин, II, 108.

Сентябрь, 9 ... 18. Н.Стор надписывает Есенину свою книгу «Вишневый сок (Повесть о Кожаной Куртке)» (Тифлис, 1924):

«Сергею Есенину от всей души дарит автор Ник Стор сентябрь 24 г.».

ГЛМ. Книжные фонды, инв. № 154 334. Надпись сделана на 1-й странице контртитула наискосок черными чернилами.

Рамки события определяются временем пребывания Есенина в Тифлисе в сент. 1924.

Сентябрь, после 9. В Москве Е.А.Есенина пишет брату:

«Мой дорогой Сергей!

Твои поручения я понемногу исполняю: отдала стихи, Грузинову, но только два — "Рябина" и "Русь Советская", а третьего у меня нет; ведь ты обещал ему еще "Сукин сын", но ничего не присылаешь. Потом ты велел дать Казину два стихотворения, но я его не видела, а он сам про них не спрашивал. Я же со стихами к нему набиваться или напоминать не подумаю: сам должен напоминать, а не я.

Теперь о деньгах.

От Эрлиха получила 100 р. И из них тут же 50 р. послала Гале. Из Госиздата не получала еще ничего, обещали на днях.

А теперь о Мариенгофе и прочих. Письмо их в "Правде" поместили <см.: 5 сент. 1924, первая запись>, но так, что ты можешь искать его два дня и, прочитав всю газету, может быть, заметишь в отделе заразных болезней фамилии оставшихся в группе имажинистов.

Какие фамилии, ты уже знаешь, к ним только прибавились Шершеневич и Соловьев.

Они, наверное, этим не удовлетворились и написали еще письмо в журнале "Новый зритель" <см.: 9 сент. 1924, четвертая запись>, вырезки этих писем мы посылаем тут же...».

Юсов Н.Г. Из архива Маргариты Лившиц. — Новое о Есенине, 3, 444; Есенин, VI, 626.

Граница события устанавливается по содержанию письма.

Это недописанное письмо не было отправлено и осталось в архиве М.И.Лившиц. Однако Есенин всё же получил упоминаемые в нем вырезки, позднее привезенные ему в Тифлис И.Вардиным (см.: 18 или 19 окт. 1924).

Сентябрь, 10 ... 17. Есенин встречается с Н.Тихоновым и читает ему свои новые произведения, в том числе «Поэму о 36».

Событие устанавливается по письму Н.Тихонова Е.Полонской (см.: 30 сент. 1924, первая запись), а его рамки – в соответствии со сроками тогдашнего пребывания Есенина в Тифлисе.

Вскоре после гибели Есенина Н.Тихонов опишет эту встречу:

«...Нас разделял только маленький столик тифлисского духана. Белое напареули кипело в стаканах. Мы сидели один на один и разговаривали стихами. Рядом торговцы баранов пропивали стадо, и юная грузинка целовалась с духанщиком. Воздух был пропитан теплотой вина и лета.

Я был очень рад, что линии наших странствий пересеклись в этом благословенном городе юга. Я любил этого вечного странника, пьяного от песен и жизни, этого кудрявого путаника и мятежника.

Он говорил стихи так, точно, кроме этих связанных голосом слов, ничего нет в мире. Мой язык не повернулся бы сказать о графическом рисунке стиха. И он не повернулся, я не обидел простой и искренней дружбы теоретической льдинкой.

Гуртовщики за соседним столом чокнулись и разбили стаканы. Осколки стекла, зазвенев, упали к ногам Сергея. И вдруг лицо его переменилось. На юношеский лоб легла тень усталости, огонек тревоги пробежал в его глазах. Он прервал стихи и замолчал. Потом сказал как бы нехотя и подавив волнение напускной веселостью:

— Ты не знаешь, я не могу спать по ночам. Паршивая гостиница, клопы, духота. Раскроешь окно на ночь — влетают какие-то птицы. Я сначала испугался. Просыпаюсь — сидит на спинке кровати и качается. Большая, серая. Я ударил рукой, закричал. Взлетела и села на шкап. Зажег свет — нетопырь. Взял палку — выгнал одного, другой

висит у окна. Спать не дают. Черт знает — окон раскрыть нельзя. Противно — серые они какие-то...

— Ну, бросим — давай пить.

Мы выпили и тоже бросили и разбили стаканы. Я засмеялся, но он отвел глаза. Я увидел его тревогу. Мы обнялись и расстались...

Бедный странник знал не только скитанья и песни, серые птицы не давали ему спать и не только спать, они волочили свои крылья по его стихам, путали его мысли и мешали жить».

Памяти Есенина, 108–109.

В 1960-е (или в 1970-е) Н.С.Тихонов уточнит, что́ именно читал ему Есенин при той встрече:

«Помню, в 1924 году я был первый раз в Тбилиси. И совершенно неожиданно встретил на улице Есенина. Он был в хорошем настроении, даже весел. Он шутил и сказал: "Давай удерем от моих опекающих". И мы удрали. Мы нашли маленький духан и надолго засели в нем. Он читал только что написанную "Поэму о тридцати шести".

Помните там:

Добро́, у кого
Закал,
Кто знает сибирский
Шквал.
Но если ты слаб
И лег,
То, тайно пробравшись
В лог,
Тебя отпоет
Шакал.

Я сказал ему, что, по-моему, в Сибири шакалы не водятся. Он засмеялся: "Ну, черт с ними, для рифмы пригодится. А может, они все-таки есть. Ты сам не уверен". Читал он с удовольствием. "У меня хорошо сейчас идут стихи, — добавил он, — я много пишу"».

Тихонов Н. Встреча с Есениным в Тбилиси. — «Товарищи по чувствам, по перу...», с. 27.

Сентябрь, 12. Газета «Заря Востока» (№ 675) выходит с материалами о Есенине:

— анонсом о публикации «Песни о великом походе»:

«Сергей Есенин. "Песнь о великом походе", новая большая поэма, будет впервые опубликована в "Заре Востока" в воскресенье 14 сентября».

Информация помещена на первой странице издания.

См. также: 9 сент. 1924, вторая запись;

— статьей Н.Асеева «Новости литературы», где характеризуется ленинская тема в творчестве В.В.Маяковского и Есенина:

«Из стихов очень интересна поэма В.Маяковского "Ленин". <...> Тот же сюжет, взятый С.Есениным, наряду с сильнейшей и вместе с тем ясной трактовкой его Маяковским, выглядит пестро раскрашенной кустарщиной рядом со стальной выверенной моделью».

Ср.: 28 авг. 1924. О перепечатке см.: 9 окт. 1924, вторая запись.

Сентябрь, 13. Есенин пишет статью о современной литературе <«О смычке поэтов всех народностей»>.

Сохранилась лишь последняя страница автографа этой статьи (в верхней части листа помета: «стр. 9») с датой. На обороте — черновой автограф строк 1–36 стихотворения «На Кавказе».

Текст фрагмента:

«...делают смычку рабочих и крестьян, то дайте нам смычку поэтов всех народностей. Мы будем об этом писать и говорить еще не раз. Вот поэтому-то и предстоящий сезон в литературе обещает быть шумным».

Есенин, V, 245.

Существует мнение (Хроника, 2, 306), что статья Есенина могла быть откликом на публикацию Н.Н.Асеева, где идет речь о «предстоящем сезоне» в литературе (см.: 12 сент. 1924, вторая запись). Однако С.П.Кошечкин и Н.Г.Юсов, комментируя строки поэта (Есенин, V, 552–553), обозначают их возможный контекст более широко. Они указывают на резолюции по вопросам художественной литературы, принятые на совещании в Отделе печати ЦК РКП(б) (см.: 10 мая 1924) и на XIII партийном съезде («О печати»; см.: 1 июня 1924, вторая запись), а также на множество статей об усилении смычки города и деревни, появившихся в «Правде» в авг.–сент. 1924.

Тема «смычки поэтов всех народностей» найдет отражение и в стихотворении «Поэтам Грузии»: «Поэты все единой крови»; «Поэт поэту есть кунак» (см.: до 23 сент. 1924).

Газета «Заря Востока» (№ 676) вторично помещает объявление о публикации поэмы Есенина «Песнь о великом походе».

См.: 12 сент. 1924. Анонс вновь помещен на первой странице.

Сентябрь, 13 ... 18. Есенин пишет стихотворение «На Кавказе».

Есенин, II, 107, 419–423.

Нижняя граница события устанавливается с учетом места исполнения чернового автографа стихотворения (см.: 13 сент. 1924, первая запись), а его верхняя граница — по дате публикации произведения (см.: 19 сент. 1924, вторая запись).

Произведение Есенина содержит отклик на стихотворение В.Маяковского «Юбилейное», опубликованное в газ. «Заря Востока» (см.: 7 сент. 1924, третья запись) незадолго до приезда Есенина в Тифлис. О реакции Есенина на стихотворение В.Маяковского см.: 21 сент. 1924, около 12-ти часов дня.

См. также: 28 авг. 1924.

В одиннадцатой строфе «На Кавказе» «содержится известное определение "ладожский дьячок", отображающее негативное отношение его автора к клюевской религиозности. Это обращение здесь к имени Клюева также не случайно. Поэты встречались летом 1924 года в Ленинграде, и разногласия по религиозным вопросам в их беседах действительно возникали» (С.И.Субботин — Есенин, II, 421).

См. также: 18 авг. 1924, шестая запись.

Т.Ю.Табидзе вспомнит (1926):

«Кавказ, как когда-то для Пушкина, и для Есенина оказался новым источником вдохновения. <...> Есенин был в Грузии в зените своей творческой деятельности, и нас печалит то, что он безусловно унес с собой еще неразгаданные напевы, в том числе и напевы, навеянные Грузией. Ведь он обещал Грузии — о ней "в своей стране твердить в свой час прощальный"».

Восп., 2, 193, 194.

Сентябрь, до 14. Готовя к печати в газете «Заря Востока» поэму «Песнь о великом походе», Есенин вновь редактирует ее текст.

Есенин, III, 116–138, 587.

При этом Есенин в третий раз исправляет ст. 336. Имена Каледина и Краснова заменяет именем Корнилова; дает ст. 566 о Петре I — «Грозно хмурится» вместо «И дивуется» (в черновом автографе и в «Звезде» было «И любуется»); соответственно исключает четверостишие, добавленное им в текст публикации в «Октябре» (см.: 7–20 авг. 1924, третья запись), а также изменяет ст. 353: «Ветер синь-студеный» вместо «Ветер полуденный».

Значение автографического источника окончательной редакции текста имеют также поправки к поэме в письме Г.А.Бениславской В.И.Эрлиху (13 нояб. 1924; см.: Письма, 342).

В. Кириллов вспомнит:

«Однажды я спросил:

— Ты ценишь свои революционные произведения? Например, “Песнь о великом походе” и другие?

— Да, конечно, это очень хорошие вещи, и они мне нравятся».

Восп., 1, 275.

См. также: после 15 или после 16 июня – июль 1924, вторая запись; 16 или после 16 (?) июня 1924; первая половина июля 1924; после 17 июля 1924; конец второй декады (?) июля 1924; до 26 июля 1924; 1–6 авг. 1924, первая–третья записи; 7–20 авг. 1924, третья запись; 14 авг. 1924, первая запись; 18 авг. 1924, вторая запись; после 20 (?) авг. 1924, вторая запись; конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 2 сент. 1924, первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; 14 сент. 1924, первая запись; сент. 1924 — янв. 1925; до 15 нояб. 1924; до 16 дек. 1924, вторая запись.

В Москве выходит журнал «Октябрь» (№ 2; за июль–август) с материалами, в которых заходит речь о Есенине:

— стихотворением «Письмо Екатеринославской организации КСМУ» М.Голодного:

Вы ждете песен и стихов,
И письма ваши — чаще, чаще.
А в них — рассказы о пропащих
В железных лапах городов.

Да, мы смеемся здесь не так,
Как мы смеялись раньше с вами.
Бывает, заходя в кабак,
Выходим с темными глазами.

Не по плечам нам дали кладь,
Не по глазам дано нам видеть,
И рано велено внимать
Чужим и нечужим обидам.

Всё реже тот огонь в руках,
Что жег весну и плавил лето;
В стране Советов в кабаках
Живут рабочие поэты!
<...>
Тогда, читая письма, ценим
И боль за нас, и темный страх,
И стыд, что не один Есенин
Поет в московских кабаках.

Из примечания к стихотворению:

«Редакция помещает “письмо” Голодного как характернейший документ, ярко показывающий настроение части литературного молодняка, искреннего, но недостаточно выдержанного идеологически и поэтому оторвавшегося от рядов пролетарской литературы и попавшего в обстановку богемы и кабаков. Вместе с тем, протест <против> теперешнего своего положения и “стыд, что не один Есенин поет в московских кабаках”, показывают, что в названных товарищах заложено здоровое начало, которое, если восторжествует, поможет им вернуться в ряды пролетарской литературы»;

— сообщением о выходе второй книги журнала «Русский современник».

Из содержания:

«Стихотворения Н.Асеева, С.Есенина, С.Парнок, Б.Пастернак<а>, О.Мандельштама и др.».

Граница события определяется по информации в газ. «Правда» (1924, 14 сент., № 209).

Сентябрь, 14. Газета «Заря Востока» (№ 677) публикует поэму Есенина «Песнь о великом походе» в окончательной (третьей) редакции.

Эта редакция произведения становится его первой публикацией. Позже поэма будет опубликована в журнале «Октябрь» (1924, № 3) во второй редакции (см.: до 16 дек. 1924, вторая запись) и в журн. «Звезда» (1924, № 5) в первой редакции (см.: до 15 нояб. 1924). Подробнее см.: Есенин, III, 580—599; Вдовин В. Письма к Сергею Есенину. — ВЛ, 1977, № 6, июнь, с. 236–246.

Отсылки см.: до 14 сент. 1924, первая запись. О перепечатках см.: 28 сент. 1924, первая запись; 7 нояб. 1924, третья запись.

Есенин принимает участие в торжествах по случаю празднования Международного юношеского дня.

Из воспоминаний Н.К.Вержбицкого:

«Четырнадцатого сентября в Тифлисе состоялась многочисленная демонстрация в честь празднования Международного юношеского дня.

Мы с Есениным стояли на ступеньках бывшего дворца наместника, а перед нами по проспекту шли, шеренга за шеренгой, загорелые, мускулистые ребята в трусиках и майках.

Зрелище было внушительное. Физкультурники с красными знаменами печатали шаг по брусчатке мостовой. Сердце прыгало в груди при взгляде на них. Я не удержался и воскликнул, схватив Есенина за рукав:

— Эх, Сережа, если бы и нам с тобой задрать штаны и прошагать вместе с этими ребятами!

Есенин вздрогнул и внимательно посмотрел мне в глаза.

По-видимому, эта моя взволнованная фраза задержалась в его сознании. И спустя полтора месяца я прочел в стихотворении "Русь уходящая":

Я знаю, грусть не утопить в вине,
Не вылечить души
Пустыней и отколом.
Знать, оттого так хочется и мне,
Задрав штаны,
Бежать за комсомолом.

— Вспоминаешь? — спросил у меня поэт, когда эти строки появились в "Заре Востока"...»

Восп., 2, 208.

Журнал «Огонек» (№ 39) в информации о выходе книги 4 журнала «Красная новь» упоминает Есенина.

Киевская газета «Пролетарская правда» (№ 210; рубрика «Культура и искусство») помещает неподписанную информацию «Вечер новейшей поэзии и прозы» с упоминанием Есенина:

«Вечер новейшей поэзии и прозы повторяется для членов профсоюзов в понедельник 15 сентября в Доме коммунистического просвещения и посвящается авторам: поэтам Безыменскому, Есенину, Пастернаку, Тихонову, Третьякову, прозаикам — Бабелю, Горькову <так!>, Алексею Толстому, Пильняку, Леонову».

Сентябрь, 15. Есенин отправляет Н.П.Савкину телеграмму: «Что такое и кто — Есенин».

Есенин, VI, 177; ЛР, 1979, 7 сент., № 36, с. 11, в статье В.А.Вдовина «Этюды о Сергее Есенине».

В.А.Вдовин трактует текст телеграммы как реакцию Есенина на задержку с утверждением общества литераторов и художников «Современная Россия» отделом административного управления НКВД РСФСР

(см.: 27 авг. 1924, первая запись). Другого мнения придерживается С.И.Субботин, считая, что в данной телеграмме речь идет о мнении прежних друзей-имажинистов относительно напечатанного в «Правде» заявления Есенина и И.Грузинова о роспуске имажинистской группы (см.: 31 авг. 1924).

Подробнее см.: Есенин, VI, 610–611.

Сентябрь, середина. А.А.Берзинь пишет Есенину.

Справляется, как здоровье, как работа. Желает поправиться и загореть, интересуется, не ссорились ли с И.Вардиным, и продолжает:

«Думаю, что разумом он, а сердцем Вы его побили. <...> Люблю Вас так же, а может быть, и больше.

Риту вижу, Катю тоже. Катя учится и иногда хорошо копирует Вас, — совсем Сергей Есенин в юбке».

Письма, 248–249.

Сентябрь, до 16 ... до 30. В ленинградском издательстве «Брокгауз-Ефрон» выходит книга И.П.Плотникова «Революционная литература: (Из опыта применения Дальтон-плана)», в которой приводится стихотворение Есенина «О красном вечере задумалась дорога...» и дается краткая характеристика его творчества.

Кн. летопись, 1924, № 18, сент., поз. 10149.

Из I раздела книги — «Общая характеристика современной литературы (Социологические факторы и стиль)»:

«В крестьянской поэзии <...> основой <...> творчества является народная жизнь в ее целом, а не только в революционном преломлении, <...> в этой поэзии бьет довольно сильная романтическая струя, в частности, струя народного мифотворчества. В самом стиле это выдвигает на первый план необычайное богатство изобразительных средств. Излюбленной темой крестьянских писателей является *природа* (как у поэтов-рабочих— индустрия). Недаром один из критиков сказал о поэзии Есенина — талантливого современного крестьянского поэта, — что от нее "пахнет травами, цветами и медом"».

Из раздела II «Связь современной литературы с литературой предшествующих периодов»:

«... символисты <...> имеют огромное влияние на целое созвездие новых, подлинных поэтов: Клюева, Есенина, Орешина, Клычкова и др. Названные "новокрестьянские" писатели, кроме того, возродили кольцовскую песню. Есенин в стих<отворении> "О Русь, взмахни крылами" намечает целую генеалогию группы поэтов».

Из раздела V «Есенин — Казин (Сравнительный анализ)», где анализируются стихотворения Есенина «О красном вечере задумалась дорога...» и В.В.Казина «И высок и широк / Синекаменный завод...» и приводится мнение слушательницы В.Котляровой:

«В композиции <В.В.Казина> нет спокойной стройности, как в стихотворении Есенина, в ней чувствуются какие-то скачки, какие-то скрытые непонятные порывы. <...>

Казин также пользуется эпитетами, как и Есенин, но характер их совершенно другой: *раскатистый* гром, *порывистый* гудок. <...>

Краткий разбор стихотворений поэта-крестьянина Есенина и поэта-рабочего Казина дает возможность установить разницу между ними. Прежде всего, как мы видели, различные мотивы этих стихотворений. Есенин дает описание тихого летнего вечера, Казин рисует картину грозы (пользуясь сравнением с заводом), полную движения и мощи.

У первого всюду нежные, мягкие краски, у второго бурное проявление силы, энергии.

Если у поэта-крестьянина мы находим преобладание чувства, то у поэта-рабочего на первом плане воля и разум».

Сентябрь, 16. На литературном вечере в клубе совработников Тифлиса (Кирочная, 3) И.Вардин делает доклад «Современная литература и идеологический фронт», в котором говорит о творческой эволюции Есенина. Поэт читает стихи, в том числе отрывок «Ленин» из поэмы «Гуляй-поле».

О дате события см.: 18 сент. 1924, третья запись.

Н.К.Вержбицкий так описывает это выступление в своих беллетризованных воспоминаниях: «Сперва он прочел что-то печальное...

Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет...

Переполненный зал слушал внимательно. Стояла полная тишина, навеянная музыкой печальных слов.

Поэт стоял на эстраде, красивый, задумчивый, в хорошем сером костюме, приятно сочетавшемся с его белокурыми волосами.

Голос у Есенина был негромкий, чуть хрипловатый, жесты — сдержанные. Руки двигались так, словно поддерживали у груди и поглаживали что-то круглое и мягкое. Кончив читать, поэт разводил руки, и тогда казалось, что это круглое медленно поднимается в воздух, а поэт взглядом провожает его.

Когда было прочитано три-четыре таких стихотворения, на сцену, словно сговорившись, поднялись молодые люди и стали критиковать эти стихи: одни — за "несозвучность эпохе", другие — за "богему", третьи — за "растлевающее влияние"...

Аудитория зашумела.

Тогда я, стоя возле кулис, шепнул:

— Прочти из "Гуляй-поля".

Есенин властно ступил к самому краю авансцены. Лоб его прорезала глубокая морщина, глаза потемнели.

Тихо бросив в зал: "Я вам еще прочту", — он начал:

Россия —
Страшный, чудный звон.
В деревьях березь, в цветь — подснежник.
Откуда закатился он,
Тебя встревоживший мятежник?
Суровый гений! Он меня
Влечет не по своей фигуре.
Он не садился на коня
И не летел навстречу буре.
Сплеча голов он не рубил,
Не обращал в побег пехоту.
Одно в убийстве он любил —
Перепелиную охоту.

Слушавшие стали переглядываться и пожимать плечами: "О ком это он?.. При чем здесь перепелиная охота?"

А Есенин продолжал, постепенно повышая голос:

Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...

Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.
Он нам сказал: "Чтоб кончить муки,
Берите всё в рабочьи руки,
Для вас спасенья больше нет —
Как ваша власть и ваш Совет".
. . . . . .
И мы пошли под визг метели,
Куда глаза его глядели:
Пошли туда, где видел он
Освобожденье всех племен...

Теперь уже всем стало ясно, что речь идет о великом Ленине. Снова наступила полная тишина. В голосе поэта зазвучала скорбь.

И вот он умер...
Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.
Для них не скажешь:
"Л е н и н у м е р !"
Их смерть к тоске не привела.
. . . . . .
Еще суровей и угрюмей
Они творят его дела...

Есенин кончил и умолк, потупясь.

Словно холодным ветром пахнуло в намертво притихшем зале.

Несколько секунд стояла эта напряженная тишина.

А потом вдруг всё сразу утонуло в грохоте рукоплесканий. Неистово били в ладоши и "возражатели". Да и нельзя было не рукоплескать, не кричать, приминая в горле ком подступающих рыданий, потому что и стихи, и сам поэт, и его проникновенный голос — всё хватало за самое сердце и не позволяло оставаться равнодушным.

У каждого жили в памяти скорбные дни января 1924 года, когда вся страна навсегда прощалась с великим вождем...

Потом просили читать еще и еще...

Многие встали с мест и обступили сцену, не сводя глаз с Есенина. Задние ряды тоже поднялись и хлынули... Несколько сот человек, потеряв волю над собой, полностью отдались то раздольным, то горестным, то жестоким, то ласковым словам, родившимся в душе поэта».

Восп., 2, 209–211.

На вечере Есенин знакомится с женой Тициана Табидзе Ниной Александровной.

Н.А.Табидзе вспомнит:

«Был осенний, сверкающий, солнечный день в Тбилиси. Я вышла в город. В глаза мне бросилась афиша: "Вечер Сергея Есенина" <ср.: 18 сент. 1924, третья запись>.

Я много слышала о нем от Тициана, знала его стихи, где есть чарующие строки и где переплетаются немыслимая нежность и буйная взволнованность, бунтарство.

С афиши улыбался Есенин своей очаровательной улыбкой.

В тот вечер он читал удивительно, вдохновенно <...>

В тот вечер мы с ним познакомились».

Восп., 2, 195.

Сентябрь, с 16 на 17. По окончании вечера Есенин с Н.К.Вержбицким возвращаются из клуба совработников.

Последний вспомнит:

«Есенин всю дорогу молчал.

Но когда мы поднимались по лестнице, он положил мне руку на плечо и охрипшим голосом произнес:

— Ты знаешь, ведь я теперь начал писать совсем по-другому...»

Восп., 2, 211.

Сентябрь, до 17. Есенин дает третье и окончательное заглавие «Поэме о 36» при подготовке ее к печати.

Граница события устанавливается по объявлению в газете «Заря Востока» (см.: 17, 18 и 21 сент. 1924), где содержится окончательное название поэмы.

Первоначальное заглавие — «26. Баллада», затем — «36. Баллада» и, наконец, в первой публикации — «Поэма о 36». Скорее всего, изменения заглавия связаны с тем, что Есенин задумал произведение, посвященное гибели 26 бакинских комиссаров (о его создании см.: с 20 на 21 сент. 1924), и еще в феврале 1924 г. признавался, что эта тема волнует его (П.И.Чагин — Восп., 2, 161).

См. также: 1–6 или 2–6 авг. 1924; 7–20 авг. 1924, вторая запись; 20 авг. – 2 сент. 1924, четвертая запись; 26 авг. 1924, первая запись; 27 ... 31 авг. 1924; 25 сент. 1924, третья запись.

Сентябрь, 17. Есенин пишет Е.А.Есениной.

Сообщает, что уезжать с Кавказа ему пока очень не хочется:

«Я страшно хочу переждать дожди и слякоть. Здесь погода изумительная».

Просит спешно описать всё, что «творится в Москве», и делает ряд наказов:

«Получила ли ты деньги и устроил ли Эрлих то, о чем мы с ним говорили <см.: сент. 1924–янв. 1925>. <...>

Как дома и сколько нужно денег еще для постройки? Посылаю тебе для них еще 10 черв<онцев>. Больше 30 не давай, считая в сумме и то, что я дал.

Для тебя я скоро пришлю стихи... <...> Скажи Сашке, чтоб он запер мой чемодан <с рукописями>. <...>

Как чувствуют себя и как ведут Мариенгоф с Ивневым? Передай Савкину, что этих бездарностей я не боюсь, что бы они ни делали. Мышиными зубами горы не подточишь.

Узнай, как вышло дело с Воронским. Мне страшно будет неприятно, если напостовцы его съедят. Это значит тогда бей в барабан и открывай лавочку.

По линии писать абсолютно невозможно. Будет такая тоска, что мухи сдохнут.

Сейчас немного работаю. Завтра поеду в Баку, а потом в Кисловодск. Вардин ко мне хорош и о<чень> внимателен. Он чудный, простой и сердечный человек. Всё, что он делает в литературной политике, он делает как честный коммунист. Одно беда, что коммунизм он любит больше литературы».

Есенин, VI, 177, 611–615.

Сентябрь, 17, 18 и 21. Газета «Заря Востока» (№ 679, 680 и 683) выходит с анонсом предстоящей публикации есенинской «Поэмы о 36».

См. также: 1–6 или 2–6 авг. 1924; 7–20 авг. 1924, вторая запись; 20 авг. – 2 сент. 1924, четвертая запись; 26 авг. 1924, первая запись; 27 ... 31 авг. 1924; до 17 сент. 1924; 25 сент. 1924, третья запись.

Сентябрь, до 18. Есенин посылает родителям в Константиново сто рублей.

Событие и его граница устанавливаются по телеграмме поэта (см.: 18 сент. 1924, первая запись).

Вернувшись с Кавказа в Москву, Я.М.Козловская рассказывает М.И.Лившиц о Есенине:

«Есенин хороший, работает».

Письма, 249 (эти слова известны лишь в пересказе М.И.Лившиц).

В Москве к А.А.Берзинь обращается представитель от издательства «Уралкнига» с предложением издать сборник стихов Есенина объемом 600 строк по 1 рублю за строку.

Из письма М.И.Лившиц Есенину (18 сент. 1924):

«В этот сборник он просит: “Русь советскую”, “Рябину” и “На родине”, все остальные старые стихи. Без Вашего разрешения никто не решается ему дать. Поэтому немедленно отвечайте об этом. Этот человек ждет. Доверенность на подписание договора пришлите Екатерине, т. к. Анне Абрамовне это неудобно».

Письма, 249–250.

Ответ Есенина на это предложение неизвестен. При жизни поэта его книги на Урале не выходили.

Сентябрь, 18. Есенин телеграфирует С.Виноградской:

«Москва Правда Виноградской
Тифлиса 2971 / 5. 15. 18. 12. 45
Домой послал сто еду Баку дам телеграмму послал письмо Соню приветствую Есенин».

Шубникова-Гусева-2008, 290.

Точная дата посылки телеграммы устанавливается по содержанию, сопоставлению с содержанием и местом отправки следующих телеграмм (см.: 25 сент. 1924, первая запись; после 25 сент. 1924, вторая запись), а также с учетом сроков пребывания Есенина в Тифлисе и Баку.

Есенин выезжает из Тифлиса в Баку.

Событие и его дата определяются по письму Есенина сестре Екатерине (см.: 17 сент. 1924) и в соответствии с предыд. записью.

В литературе о Есенине до недавних пор не подвергались сомнению сведения Н.К.Вержбицкого о том, что в промежутке времени от 10 до 18 сент. 1924 поэт совершил еще одну поездку по маршруту Тифлис — Баку — Тифлис (Вержбицкий, 22–23). Однако из совокупности всех выявленных к настоящему времени данных об этом периоде жизни Есенина, имеющих документальное подтверждение, явствует, что указанный «марш-бросок» поэта из Тифлиса в Баку и обратно входит с этими данными в

заметное противоречие (см. в связи с этим: Юшкин-2006, 450). Не исключено, впрочем, что подобная кратковременная поездка Есенина всё же могла иметь место, но позже (напр., в нояб. 1924). Эта проблема еще ждет своего выяснения.

Газета «Заря Востока» (№ 680) помещает материалы, в которых говорится о Есенине:

— информацию «Современная литература и идеологический фронт» (подпись: «Н. К.») о литературном вечере с участием Есенина:

«После заключительного слова тов. Вардина, по просьбе присутствующих, поэт Сергей Есенин прочитал несколько своих стихотворений. Аудитория наградила т. Есенина шумными продолжительными аплодисментами. Вечер закончился в 12 час. ночи».

См.: 16 сент. 1924, первая запись;

— изложение доклада И.Вардина:

«16 / IX в клубе совработников тов. Вардин сделал доклад на тему: "Современная литература и идеологический фронт"».

В докладе отмечается, что Есенин сближается с советской действительностью.

М.И.Лившиц пишет Есенину.

Спрашивает о планах поэта, интересуется, когда он вернется в Москву, информирует об издательских делах, а также сообщает:

«С Катей я вижусь часто-часто, и вместе с ней Вас вспоминаем ежесекундно».

Письма, 250.

См. также: до 18 сент. 1924, вторая и третья записи.

Е.А.Есенина пишет брату:

«Видела Воронского. Если бы ты знал, как ему больно <см.: 19 сент. 1924, четвертая запись>. Никаких распоряжений за глаза не давай. Помни, ты козырная карта, которая решает участь игроков. Остерегайся».

Письма, 250 (приписка к письму М.И.Лившиц; см. предыд. запись).

См. также: 10 окт. 1924, вторая запись.

Е.Я.Белицкий (?) пишет Есенину в Москву:

«В чем дело с твоей поэмой <"Песнь о великом походе">? Почему ты не хочешь печатать ее в "Звезде"? Если дело в измененной редакции — так не будешь ли добр прислать ее в октябрьской книге. Если в течение ближайших дней я не получу от тебя никаких навых известий, я сдам поэму в набор. Майский настаивает на этом».

Цит. по письму Г.А.Бениславской В.И.Эрлиху от 13 нояб. 1924 (Письма, 341).

Это письмо Есенин своевременно не получил, так как в Москве его тогда не было.

Сентябрь, 19. Есенин приезжает в Баку и останавливается в гостинице «Новая Европа».

Дата события определяется в соответствии с датой отъезда поэта из Баку, а избранное им место жительства — по записке П.И. Чагину (см.: 20 сент. 1924, вторая запись).

Тифлисская газета «Заря Востока» (№ 681) публикует стихотворение Есенина «На Кавказе».

См.: 13 ... 18 сент. 1924; 23 нояб. 1924, вторая запись.

Газета «Бакинский рабочий» (№ 213) на трех первых полосах печатает материалы, посвященные жизни, борьбе и гибели 26 бакинских комиссаров.

В их числе:
— информация: «Завтра шестая годовщина убийства 26»;
— рисунок «Памятник 26 в Баку: Модель художника Г.Якулова»;
— стихотворение в прозе «Борцам за свободу» за подписью: Александров-Вольский:
«Их было 26...
Жарко светило солнце, обливая красными лучами тружеников серпа и молота. <...>
В далеких песках Закаспия горячим песком задернуло трупы 26-ти.
Острые пули пронзили сердце.
Их было 26. Сейчас их нет.
Но память о них и каленым железом не выжжешь из пролетарских сердец».
Есенин будет знакомиться с этими материалами, работая над «Балладой о двадцати шести» (см.: Есенин, II, 424–425).
См. также: с 20 на 21 сент. 1924; 22 сент. 1924.

Проходит заседание правления Московской ассоциации пролетарских писателей, на котором выступает заместитель заведующего отделом печати ЦК РКП(б) В. Сорин:

«...теперь видно, что напостовцы на 9/10 правы. Это дано понять и Воронскому. Его равнение было почти исключительно на попутчиков — вот ему и дали двоих попутчиков в редакцию — меня и Раскольникова. Правда, я в редакции не бываю, и некогда мне там бывать, но Раскольников приедет — он в эту работу войдет целиком, сядет в редакции и вместе с Воронским будет делать дело...».
Письма, 250.
Принципиальный политический противник А.К.Воронского Ф.Ф.Раскольников был введен в редакцию журнала «Красная новь» во исполнение партийной директивы по исправлению идеологической линии журнала.
О позиции Есенина по этому вопросу см.: 2 (?) сент. 1924.

Киевская газета «Пролетарская правда» (№ 214; рубрика «Культура и искусство») помещает неподписанную информацию «Выставка “Живая книга”» с упоминанием Есенина:

«Организационные работы по выставке “Живая книга” идут полным ходом. <...> В общей сложности собрано 4½ тыс. экспонатов. <...>
В вечере памяти Ленина, назначенном на выставке 21 сентября, в воскресенье, после докладов тов. Петропавловского и Розанова о ленинской литературе, выступят артисты Московского камерного театра: А.Никритина, В.Соколов, А.Оленин и артистка Л.Руцкая со стихами Безыменского, Асеева, Маяковского, Третьякова, Тихонова и Есенина — памяти Ленина».
См. также: 30 сент. 1924, вторая запись.

Сентябрь, 20. Есенин заходит к П.И.Чагину в редакцию газеты «Бакинский рабочий», но не застает его.

Событие устанавливается на основе записки Есенина (см. след. запись) и воспоминания П.И.Чагина:

«20 сентября, приехав вечером в редакцию, вижу на столе у себя записку <следует текст записки>».
Восп., 2, 160.

Пишет П.И.Чагину записку:
«Т. Чагин! Я приехал. Заходил к Вам, но Вас не застал.
Остановился в отеле “Новая Европа” № 59.

Позвоните директору отеля и передайте, когда Вас можно видеть».
Есенин, VI, 178.
См. Приложение.

Есенин встречается с П.И.Чагиным в редакции газеты «Бакинский рабочий».

Событие и его дата устанавливаются по воспоминаниям П.И.Чагина:

«Отдав короткую дань излиянию дружеских чувств, я пожурил Есенина за то, что он так поздно приехал: ведь 20 сентября — священный для бакинцев день памяти 26 комиссаров. И если бы приехал дня на два раньше, он мог бы дать в юбилейный номер стихи. Есенин еще в Москве признавался мне, что тема гибели 26 комиссаров волнует его.

Быстро договорились поправить дело и поместить есенинские стихи по горячему следу в ближайшем номере газеты. Но их еще нет в природе. Как же быть?»
Восп., 2, 161.
См. также: след. запись; 22 сент. 1924.

Сентябрь, с 20 на 21. Есенин в редакционном кабинете П.И.Чагина пишет «Балладу о двадцати шести».

Есенин, II, 114–121, 424–426.
П.И.Чагин вспомнит:

«Я вооружил Есенина материалами о 26 бакинских комиссарах — недостатка в них в Баку не было. <...> Есенин жадно набрасывается на эти материалы и запирается в моем редакторском кабинете.

Под утро <21 сентября> приезжаю в редакцию и вижу: стихи "Баллада о двадцати шести" на столе. И творец этой жемчужины советской поэзии лежит полусонный на диване, шепча еще неостывшие строки:

Пой, поэт, песню,
Пой.
Ситец неба такой
Голубой...
Море тоже рокочет
Песнь.
26 их было,
26».

Восп., 2, 161.
См. также: 19 сент. 1924, третья запись; предыд. запись; 22 сент. 1924.
Из воспоминаний Е.А.Есениной:

«На Кавказе Сергей встретил Чагина Петра Ивановича, и этот человек, как прожектор, осветил сумерки Сергея. Старый партиец, без колебаний веривший в свое дело, смело шагающий в будущее, он умело дал почувствовать Сергею настоящую дорогу».
В семье родной, 245.
Знакомство Есенина с П.И.Чагиным состоялось в Москве (см.: до 7 февр. 1924).

Сентябрь, 20–30. Есенин знакомится и заводит дружбу с В.И.Болдовкиным, братом П.И.Чагина, приехавшим из Тегерана.

Это и следующее события и их временной промежуток устанавливаются по воспоминаниям В.И.Болдовкина и с учетом времени пребывания Есенина в Баку.

В один из дней друзья катаются на парусной лодке по Бакинской бухте.

Из воспоминаний В.И.Болдовкина:

«Как-то, <когда мы шли> по приморскому бульвару, нас обступила толпа лодочников, предлагая свои услуги прокатить нас на парусниках по Бакинской бухте. Пробираясь к лодкам, на одной из них Сергей увидел её название "Пушкин".

— Сядем на эту.

Подросток лет двенадцати — четырнадцати с улыбкой подал Сергею руку и с ребяческой удалью втянул его в лодку. Отшвартовав от других лодок, мальчик натянул парус и лодку понесло по бухте. Мальчик не сводил с Сергея глаз <...>.

— Ну, а тебя как зовут? — спросил Сергей.

— Мамед.

— Ловко ты управляешь парусом, не боишься, что утонешь, ведь это же море?

— Нет, это не море, это бухта. Море там, за островом Нарген.

— А как ты назвал свою лодку?

— Это не я назвал, это папа <...>.

— А ты знаешь, кто был Пушкин?

— Знаю. Пушкин был мусульманин.

— А что он делал?

— Он ничего не делал, он писал стихи, много-много хороших стихов писал. <...>

— Я тоже пишу стихи, много-много пишу стихов, таких же, как Пушкин.

— Нет. Ты хоть и пишешь стихи, но ты всё же еще не Пушкин. <...>

— Хочешь, Мамед, я прочту тебе свои стихи?

— Почему не хочешь? Хочу. Я люблю русские стихи.

И в течение почти часа, катаясь по бухте, Сергей читал, упоительно читал.

Были два слушателя у него — я и Мамед. Мы подъезжали к бульвару. <...> Лодка пристала к берегу. Расплатившись с Мамедом, пошли по бульвару. <...> завернули, ни слова не говоря друг другу, на "Поплавок", и, возвращаясь домой довольно выпившими, Сергей сказал мне:

— А Мамед прав, я еще не Пушкин, Вася».

Болдовкин, 86.

В другой раз аналогичную прогулку Есенин совершает с В.З.Швейцером.

В.З.Швейцер вспомнит:

«Вечером мы отправились из редакции на берег Каспия и сели в парусную лодку со странным названием "Ай да Пушкин, ай да молодец!".

Лодку кренило от свежего ветра, шипела вода за бортом, скользила мимо апшеронская графика наливных шхун, Есенин читал стихи.

Он сидел за парусом, я не видел его лица, слышал только глухой, хрипловатый голос да трудное порой дыхание после нелегкого обеда...

Читал он очень много, без единой запинки. Над Каспием уже взошла луна, Есенин читал всё взволнованней и глуше. Казалось, он уплывал от нас в свою песню, как в море, и мы гнались за ним в лодке с именем Пушкина на борту...

Тогда уже рождались стихи персидского цикла, удивительного собрания лирических песен о Персии, написанных на Кавказе».

Швейцер В. Диалог с прошлым. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Искусство, 1976, с. 48.

Сентябрь, после 20 — Октябрь. Есенин предпринимает попытки выехать в Тегеран.

Из письма поэта Г.А.Бениславской (17 окт. 1924):

«Сижу в Тифлисе. Дожидаюсь денег из Баку и поеду в Тегеран. Первая попытка проехать через Тавриз не удалась».

Есенин, VI, 179.

См. также: 25 сент. 1924, первая запись; 8 окт. 1924, вторая запись; 8 ... 10 окт. 1924.

Намерение не осуществилось.

Сентябрь, 21. 10 часов утра. Есенин беседует с В.А.Мануйловым, который навещает его в гостинице «Новая Европа».

Событие и его дата устанавливаются по воспоминаниям В.А.Мануйлова:

«21 сентября, часов в 10 утра, я пришел в гостиницу и попросил коридорного проводить меня к Есенину. Его номер был на пятом этаже. Я постучался. Есенин открыл сам. В небольшой комнате с окнами на север были еще двое, но они тотчас ушли. Сергей Александрович, без пиджака, в расстегнутой у ворота голубой рубашке, до моего прихода делал гимнастику. Он был весел и приветлив, тотчас узнал меня и, усадив на стул, стал расспрашивать о моих делах <...>.

В номере отвратительно пахло мастикой, которой натирали в гостинице паркетные полы. Есенин открыл окно и сказал, что хочет куда-нибудь переселиться. <...> Внешне Есенин переменился еще больше, чем внутренне; скука во взгляде и легкие подергивания горькой улыбки напомнили мне, что Москва кабацкая позади, что сейчас он убежал от нее.

Не упоминая об Айседоре Дункан и недавнем разрыве с ней, Есенин стал рассказывать о европейских и американских впечатлениях, показывал привезенные оттуда вещи...».

Восп., 2, 172.

Около 12-ти часов дня. Есенин с В.А.Мануйловым завтракают в ресторане гостиницы «Новая Европа».

Событие и его дата устанавливаются по воспоминаниям В.А.Мануйлова:

«Около двенадцати часов дня по широкой лестнице мы поднялись на крышу отеля в ресторан. Отсюда открывался вид на залитую полуденным солнцем Бакинскую бухту. В этот час в ресторане было совсем пусто.

Пока мы ожидали завтрака, Есенин говорил о новых стихах, о том, что почти все они уже пристроены в разных редакциях. <...>

Заговорив о Маяковском, Есенин заметно помрачнел. Он очень был обижен стихотворением "Юбилейное", написанным в тот год к 125-летию со дня рождения Пушкина. Маяковский <...> уничижительно отозвался и о Есенине:

Ну, Есенин,
мужиковствующих свора.
Смех!
Коровою
в перчатках лаечных.
Раз послушаешь...
но это ведь из хора!
Балалаечник!

Быть может, тогда эти стихи Маяковского казались Есенину самой большой обидой во всей его жизни, и он не скрывал, что они его больно ранили. Есенин всегда благоговейно относился к Пушкину, и его особенно огорчало, что именно в воображаемом разговоре с Пушкиным Маяковский так резко и несправедливо отозвался о нем, о Есенине. Как будто эти слова Пушкин мог услышать, как если бы он был живым, реальным собеседником. Свою обиду он невольно переносил и на творчество Маяковского.

— Я все-таки Кольцова, Некрасова и Блока люблю. Я у них и у Пушкина только и учусь. Про Маяковского что скажешь? Писать он умеет — это верно, но разве это поэзия? У него никакого порядку нет, вещи на вещи лезут. От стихов порядок в жизни быть должен, а у Маяковского всё как после землетрясения <...>.

Есенин как-то весь потускнел, от утренней свежести не осталось и следа. Грустные глаза, усталая опустошенность во взгляде, горькая улыбка.

Потом стал читать свое недавно написанное в Тифлисе стихотворение про Кавказ.

Подали завтрак. Есенин попросил бутылку цинандали. Заказал кофе по-турецки. Когда выпил, слегка повеселел... Вполголоса начал читать:

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком...»

Восп., 2, 173, 174.

См. также: 28 авг. 1924; 7 сент. 1924, третья запись; 13 ... 18 сент. 1924.

В другой редакции воспоминаний В.А.Мануйлов добавит:

«Потом читал отрывки из "Песни о великом походе", которую тогда только написал. Читал нараспев, как частушки:

Эх, яблочко, куды котишься...

Я высказал опасение, что вещь может получиться монотонной и утомительной, если вся поэма будет выдержана в таком стихе. "Я сам этого боялся, а теперь вижу, что хорошо будет"».

Мануйлов-98, 237.

День. Есенин приносит в редакцию газеты «Бакинский рабочий» стихотворения.

В.А.Мануйлов позже вспомнит:

«...мы отправились в редакцию "Бакинского рабочего", где Есенин передал П.И.Чагину несколько новых стихотворений и среди них "Отговорила роща золотая...", которое было через два дня впервые опубликовано в этой газете. П.И.Чагин, умный, добрый человек, очень любил Есенина и многое сделал для утверждения его имени в нашей поэзии».

Восп., 2, 175.

Сентябрь, 21. В.А.Мануйлов пишет стихотворение «Сергею Есенину».

Из воспоминаний В.А.Мануйлова (1972):

«Уже тогда, при жизни Есенина, многие посвящали ему стихи. Вечером после нашей первой встречи в Баку я тоже написал посвященное Есенину стихотворение. Вероятно, не стоило бы его приводить, если бы оно не было написано 21 сентября 1924 года и не свидетельствовало бы о восторженном отношении к Есенину молодежи тех лет.

Вот это стихотворение:

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Есенин, здравствуй! Снова, снова
Идущий впереди меня,
Ты даришь солнечное слово,
Российской удалью звеня!
Ты помнишь? Русой головою
Ты первый мне кивнул слегка,
Когда за строчкою кривою

Хромала каждая строка.
И вот, твоей зарей разбужен,
Твоими строфами бурля,
Я сразу понял: ты мне нужен,
Как воздух, солнце и земля.
Ты знаешь сам — когда устанем
От суеты в пустой борьбе,
С какими жадными устами
Идем за песнями к тебе.
Будь навсегда благословенен
За каждую твою строку,
Тебя приветствует, Есенин,
Наш вечно пламенный Баку.

Есенин был избалован всевозможными посвящениями, но что-то понравилось ему в моем стихотворении, он похвалил последнюю строфу...».

Восп., 2, 177–178.

Сентябрь, 22. Газета «Бакинский рабочий» (№ 214) публикует «Балладу о двадцати шести» Есенина с посвящением:

«С любовью — прекрасному художнику Г.Якулову».

Под текстом помета:

«Баку, сентябрь».

См. Приложение.

Здесь же — поэма Ник. Асеева «26:. Памяти павших» с пометой: «Москва, сентябрь».

См. также: 19 сент. 1924, третья запись; 20 сент. 1924, третья запись; с 20 на 21 сент. 1924.

Сентябрь, после 22 (?) ... 30. Есенин фотографируется с П.И.Чагиным (фотограф — Л.Г.Брегадзе).

Есенин, VII (3), № 86, 251–252.

О нижней границе события см. след. запись. Его верхняя граница определяется с учетом датированной надписи П.И.Чагина на отпечатке этой фотографии (см.: 3 окт. 1924, первая запись).

Этот снимок Есенин послал в Москву Г.А.Бениславской. В ее письме поэту (см.: 11–12 дек. 1924) содержится отклик:

«Вашу фотографию (с Чагиным), стихи, письма и прочее — всё получила. А карточка изумительная. У Вас прекрасное лицо, несмотря на слегка кривую улыбку. Я с ней расстаться не могу».

См. Приложение.

См. также: Письма, 255.

Сентябрь, после 22 (?) — Октябрь, 7. Есенин живет на квартире П.И.Чагина.

Это и последующие события ориентировочно датируются с учетом дня отъезда Есенина из Баку (см.: 7 окт. 1924, первая запись) и воспоминаний П.И.Чагина, который после слов, относящихся к 22 сент. 1924, отметит:

«Вскоре я перевез Сергея Есенина из гостиницы к себе на квартиру».

Восп., 2, 161.

О дружбе Есенина с П.И.Чагиным вспомнит Л.И.Повицкий:

«В Баку у него завязалась большая дружба с Чагиным, редактировавшим тогда "Бакинский рабочий". О товарище Чагине он мне говорил часто в теплых выражениях, обычных для него, когда речь шла о близких ему людях: "Он мне друг", "Чагин меня помнит", "Я напишу Чагину"...».

Восп., 2, 244.

Есенин ставит свою подпись под машинописным текстом стихотворения П.И.Чагина «Очарованье вечера, что с нами...».

Есенин, VII (2), 121.

Листок входил в сборник стихов П.И.Чагина (машинопись).

Событие устанавливается по свидетельству М.А.Чагиной:

«Однажды Петр Иванович среди других своих стихотворений прочитал Есенину и это. Сергею Александровичу, очевидно, этот сонет понравился больше иных, и поэт, к удивлению автора, тут же поставил под текстом свою подпись. И все-таки, мне кажется, в том, что Есенин как бы авторизовал чужое стихотворение, немалую роль сыграла и расположенность, симпатия поэта к его автору».

* * *

Очарованье вечера, что с нами
Сберег до солнца. Золото лучей
В лазури зимней. Слившись небесами
С зарей, с огнем — восторг всё горячей.
И вдруг напев в кадильном фимиаме,
И пламя бьет из восковых свечей,
А воск, в гробу застыв, живых очей
Залил навек угаснувшее пламя.
Так — солнце, юг, благоуханье роз
И кипарисы, и узор магнолий.
Очарованье вечера. — И боли
В груди нет прежней... А наутро пес
У ног завоет. Вынесут с постели...
Ах, где ты, где? Жива ли в самом деле?

Кошечкин С. «С любовью и дружбой...» — Сб. «День поэзии 1980», М., 1980, с. 98.

Есенин выступает с чтением своих стихов в редакции «Бакинского рабочего».

В.З.Швейцер вспомнит:

«Уже на пороге редакции я услышал знакомый, чуть хриплый голос:

Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет...

Я открыл дверь в комнату рабкоров и увидел Сергея Есенина.

Он сидел на большом деревянном столе, на котором рабкоры газеты "Бакинский рабочий" обычно писали свои заметки из нефтяных районов.

Теперь они стояли вокруг стола и у стен и жадно слушали:

Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет...

Слова эти удивительно сливались с впечатлением, которое производил Есенин. Как изменился он с тех пор, что я видел его в Москве <...>.

Теперь ржаные, посеревшие, поредевшие волосы падали на худые щеки, покрытые синеватым румянцем раннего увядания. Но светлые, уже выцветшие глаза по-прежнему закрывались, как бы утомленные прозрачным ритмом стиха.

Что-то одновременно детское и старческое было теперь в улыбке Есенина».

Швейцер В. Диалог с прошлым. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Искусство, 1976, с. 47.

Получая гонорары за публикации в «Бакинском рабочем», Есенин бóльшую часть денег отправляет родным.

Из воспоминаний В.А.Мануйлова:

«...произошел при мне занятный разговор Есенина о гонораре в "Бакинском рабочем". Есенин долго доказывал, что стихи его очень хорошие, что теперь так никто не пишет, а Пушкин умер давно. "Если Маяковскому за Моссельпром монету гонят, неужели мне по рублю за строчку не дадите?"

Редакция сдалась. Выходило в общей сложности немало, так как в каждом номере печаталось по два-три больших стихотворения — они потом вошли в сборник, изданный в Баку, — "Русь советская" <см.: до 25 дек. 1924>.

Получив деньги, Есенин обычно шел на почту и отправлял бóльшую часть матери в Константиново. Много раздавал беспризорным, среди которых у него было немало друзей».

Восп., 2, 176.

Есенин фотографируется у Л.Г.Брегадзе.

Есенин, VII (3), № 85, 251.

См. Приложение.

Осматривает достопримечательности Баку.

В.А.Мануйлов вспомнит:

«...однажды с утра мы отправились на прогулку по старым кварталам Баку, еще сохранившим восточный облик. Узкие улочки бакинской крепости, Ханский дворец, высокие минареты восхищали Есенина. Он был увлечен Востоком и сожалел, что мало читал о его истории, плохо представляет себе сущность мусульманства. Расспрашивал меня про суннитов и шиитов, про жестокую резню и самоистязания в священный день Шахсей-вахсей, которые я видел в 1922 году. Потом мы вышли к Девичьей башне и поднялись на ее верхние ярусы.

Наша прогулка завершилась посещением Кубинки, шумного азиатского базара. Мы заглядывали в так называемые "растворы" — лавки, в которых крашенные хной рыжебородые персы торговали коврами и шелками. Наконец, мы зашли к одному старику, известному любителю и знатоку старинных персидских миниатюр и рукописных книг. Он любезно принял русского поэта, угощал нас крепким чаем, заваренным каким-то особым способом, и по просьбе Есенина читал нам на языке фарси стихи Фирдоуси и Саади. Уже под вечер мимо лавки прошел, звеня бубенцами, караван из Шемахи или Кубы, заметно похолодало и наступило время закрывать лавку, а мы всё сидели и рассматривали удивительные миниатюры, украшавшие старинную рукопись "Шахнаме"».

Восп., 2, 178–179.

Из воспоминаний В.И.Болдовкина:

«Есенин предложил пройтись по городу, посмотреть на море. Мы вышли из дома и направились на приморский бульвар. С какой проницательной способностью осматривал он крепостную стену, здание "Исмаилийе", ныне Академия наук Азерб<айджанской> ССР, интересуясь датой постройки, зодчими. Его интересовало всё, и я не успевал отвечать на его вопросы, а порой вопросы были такие, на которые я просто не мог ответить. Так, например:

— А кто был последний хан в Ханском дворце? <...>

Побродив до вечера по городу и приморскому бульвару, по старой крепости, Сергей с жадностью интересовался памятниками старины. Знаменитая Девичья башня <"Кыз-Галасы">, старый дворец очень заинтересовали Сергея. <Надо полагать, что Есенин внимательно осмотрел все сооружения Ханского дворца: здание собственно дворца, Диван-хане — "Судилище", Тюрбе — усыпальницу Ширван-шахов, Шахскую мечеть, Мавзолей Дервиша и Ворота Мурада>.

Осматривая памятники старины, Сергей задавал мне множество вопросов о Персии. Я почувствовал, что Персия не дает ему покоя, тянет к себе».

Болдовкин, 85.

Есенин знакомится со скульптором С.Д.Эрьзей и бывает у него в мастерской (находилась во дворе Бакинского политехнического института на Станиславской улице).

Событие устанавливается по сведениям из книги В.Трофимова «Эрьзя: Бакинский период творчества» (Баку: Гянджлик, 1977, с. 17), датируется временем пребывания Есенина в Баку.

Сентябрь, после 22 (?) ... Октябрь, 7, или **1925. Март, после 30 ... Май, до 25,** или **Июль, 29 ... Сентябрь, до 3.** Есенин пишет записку П.И.Чагину:

«Дорогой Петр Иванович. Дайте Ваське 20 руб. в счет моих. С.Есенин».

Есенин, VI, 178; ЛР, 1975, 3 окт., № 40, с. 7, в статье В.А.Вдовина «Признание: новые штрихи к биографии С.Есенина». Рамки события определяются по времени пребывания Есенина в Баку в 1924–1925) с учетом воспоминаний Л.Ф.Файнштейна (см. ниже).

В записке речь, скорее всего, идет о Василии Рутинове, которого знакомые Есенина по Баку называли Васькой.

Л.Ф.Файнштейн вспомнит:

«Чуть ли не с первого дня появления Есенина в Баку его стал почти неотступно сопровождать своеобразный “секретарь”, как его называли, — Васька. Жизнь Есенина в Баку была тесно с ним связана <...>.

Васька был шустрый, прожженный парень, типичный продукт бакинской улицы. С виду ему было лет шестнадцать-двадцать, или около того. Образования — никакого (читать и писать, впрочем, Васька, кажется, умел). Несмотря на всё это и на то, что о поэзии вообще и роли в ней Сергея Есенина, в частности, Васька и понятия не имел, — предан был Есенину до чрезвычайности <...>. Васька присутствовал при всех почти попойках, но пил исключительно нарзан. Пьяного Есенина отвозил домой, раздевал и укладывал в постель, заботился о ванне, белье. Васька знал, где, когда и зачем Есенину нужно быть, и зачастую на этом основании удерживал его от пьянства.

Есенин тоже привязался к Ваське, хотя и не всегда доверял ему <...>. Незадолго до смерти Есенин интересовался Васькиной судьбой и просил своих бакинских друзей о нем позаботиться».

САЕ, 117, 118.

См. также: после 25 или после 26 окт. 1924.

По письмам этого человека 1925–1926 г. на имя С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ) Н.И.Шубниковой-Гусевой установлена его фамилия, а также второй инициал — Василий В. Рутинов. В одном из этих писем он напишет:

«Софья Андреевна, работал я у Сергея Александровича, был его верным другом и слугой... Вы же сами знаете — день и ночь я находился около него; <...> я ведь должен получить вознаграждение за свою верную службу и даже должен получить за проработанные 6 месяцев <в др. письме указано 5 мес., там же он пишет, что три раза спас Есенина от смерти во время купания в Баку и Тифлисе>. Софья Андреевна. Вы простите меня за мое нескромное письмо, но меня заставило это, я же не могу ждать к будущей зиме и до этого времени жить без квартиры и валяться на вокзалах».

Есенин, VI, 618.

Сентябрь, до 23. В Москве выходит журнал «Красная новь» (№ 5; за август-сентябрь) с маленькой поэмой Есенина «Русь советская».

Граница события определяется по информации в газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1924, 23 сент., № 217) о том, что номер журнала поступил в редакцию для отзыва.

См. также: до 28 июня 1924, первая запись; 24 сент. 1924, первая запись; 28 сент. 1924, вторая запись; 19 окт. 1924, вторая запись; 24 окт. 1924; 1 … 15 нояб. 1924; после 9 нояб. 1924; после 10 нояб. … дек. 1924.

Сентябрь, 23. В.А.Мануйлов читает Есенину посвященное ему стихотворение. В ответ Есенин надписывает ему свою книгу «Трерядница»: «Дорогому Вите Мануйлову С.А.Есенин 23 / IX 24 Баку».

Есенин, VII (1), 241.

В.А.Мануйлов позже вспомнит:

«Подпись “С.А.Есенин” имела в данном случае особый смысл. Мне претило панибратское “Сережа. Сережка, Сереженька”, как называли его многие уже после нескольких часов знакомства. Я всегда называл его Сергеем Александровичем. Обратив на это внимание, Есенин полушутя обозначил в подписи инициалы имени и отчества».

Восп., 2, 178.

См. также: 21 сент. 1924.

Газета «Бакинский рабочий» (№ 215) публикует материалы Есенина и о Есенине:

— его стихотворения «Сукин сын» и «Отговорила роща золотая...».

См.: до 31 или 31 июля 1924; 16 … 20 авг. 1924; 20 авг. – 2 сент. 1924, третья запись; после 20 авг. 1924, первая запись; до 13 нояб. 1924; 7 дек. 1924, четвертая запись;

— извещение о собрании рабочих писателей и поэтов в клубе Черного города с участием поэта:

«В среду <см.: 24 сент. 1924, вторая запись> в 6 часов вечера в Черном городе в клубе имени Пятакова состоится собрание рабочих писателей и поэтов с участием Сергея Есенина, находящегося в это время в Баку. Повестка дня: читка стихов Есенина автором».

Сентябрь, 24. Газета «Бакинский рабочий» (№ 216; рубрика «Стихи Сергея Есенина») печатает «Русь советскую» (без строк 32–35, 45–48).

См.: Есенин, II, 94–97, 235.

См. также отсылки в записи: до 23 сент. 1924.

В клубе Черного города Есенин выступает (?) с чтением своих стихов.

О планируемом событии и его дате см.: 23 сент. 1924, вторая запись.

Отчеты о мероприятии не выявлены.

Сентябрь, 25. Есенин телеграфирует С.С.Виноградской:

«Мск. редакция Правды Виноградской
МСК Баку 459 / Б 12, 25 / 9, 12, 27
Еду Тегеран жду телеграммы Есенин».

Шубникова-Гусева-2008, 291.

Копию ответной телеграммы С.С.Виноградской, выполненную рукой Г.А.Бениславской, см.: после 25 сент. 1925, вторая запись.

См. также: после 20 сент. – окт. 1924; 8 окт. 1924, вторая запись; 8 … 10 окт. 1924.

Газета «Бакинский рабочий» (№ 217) печатает материалы Есенина и о Есенине:

— под рубрикой «Стихи С.Есенина» — стихотворения «Этой грусти теперь не рассыпать...» и «Пушкину».

См.: 26 мая 1924; 6 июня 1924, вторая запись; июнь 1924, первая запись; после 4 окт. 1924;

— статью А.Селихановича «Сергей Есенин».

В ее первой главке говорится:

«У Есенина — истинный и глубокий талант.

Самое удивительное в Есенине — это синтез Блока, Клюева и Маяковского.

Многое взял он у своих предшественников и учителей. Взял и выплавил свой новый металл, горящий, искрящийся.

Пусть не всё еще переплавилось. Пусть чужие капли еще видны, но есть свой сплав у Есенина — свои темы, свой стиль, свои образы, свои ритмы.

И своя трагедия — трагедия нашей революции в большой душе художника».

Критик обращает внимание на перелом в творчестве Есенина, который наметился в таких произведениях, как «На родине», «Русь советская», «Песнь о великом походе», и отмечает:

«... <если Есенин> вернется на путь певца старой деревни или кабацкого разгула, он будет конченый поэт. Если же он пойдет далее по своему новому пути, революция получит нового, чрезвычайно талантливого поэта. Пожелаем ему успехов на этой новой дороге».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

Тифлисская газета «Заря Востока» (№ 686) публикует «Поэму о 36» Есенина.

Об анонсах см.: 17, 18 и 21 сент. 1924.

См. также: 1–6 или 2–6 авг. 1924; 7–20 авг. 1924, вторая запись; 20 авг. – 2 сент. 1924, четвертая запись; 26 авг. 1924, первая запись; 27 ... 31 авг. 1924; до 17 сент. 1924.

Сентябрь, после 25. Есенин вносит правку в вырезку из газеты «Бакинский рабочий» со стихотворением «Этой грусти теперь не рассыпать...».

Вырезка с авторской правкой (РГАЛИ), без даты.

С.С.Виноградская посылает в Баку телеграмму с просьбой сообщить ей адрес Есенина:

«Баку начальнику телеграфа

Телеграфируйте Москву редакция "Правды" Виноградской адрес Есенина подателя телеграммы номер 4596 25 сентября».

Шубникова-Гусева-2008, 291.

В телеграмме от 18 сент. 1924 Есенин обещает С.Виноградской послать телеграмму из Баку, но телеграфирует ей только 25 сент. 1924 (см.) и не сообщает адрес, по которому ждал ее телеграммы. Этим объясняется запрос С.С.Виноградской.

Сентябрь, 26. Газета «Бакинский рабочий» (№ 218; рубрика «Стихи Сергея Есенина») публикует стихотворение «Низкий дом с голубыми ставнями...».

См. также: после 4 окт. 1924.

Сентябрь, 28. Новониколаевская газета «Советская Сибирь» (№ 222; рубрика «Литература, искусство, наука») перепечатывает из тифлисской «Зари Востока» отрывок из «Песни о великом походе» Есенина (от слов: «Веселись, душа / Молодецкая...» до: «Корабли плывут / Будто в Индию...»).

См. также: 14 сент. 1924, первая запись; 7 нояб. 1924, третья запись.

Московская газета «Правда» (№ 221) дает объявление:

«Поступила в продажу "Красная новь", № 5 (22) август–сентябрь. Стихи: С.Есенина и др.».

См.: до 23 сент. 1924.

Сентябрь, 29. Газета «Бакинский рабочий» (№ 220) публикует стихи Есенина и материалы с упоминанием его имени:

— монолог Рассветова (строки 317–473 произведения Есенина) под заголовком «"Страна Негодяев". Отрывок из драматической поэмы».

Под текстом – помета: «Нью-Йорк. 14 февраля 23 года».

О неточности авторской датировки см.: Есенин, III, 549 (Есенин покинул Нью-Йорк 3 февр. 1923, см.).

См. Приложение.

См. также: до 3 сент. 1924, третья, четвертая и пятая записи; 21 окт. 1924, вторая запись;

— в разделе «Маленький фельетон» — стихотворная «Дружеская информация. Правда, как она есть» (подпись: Мистер Дудль), в которой рассказано, как представляют себе нашу страну делегаты английских тредъюнионов, приезжающие в СССР:

Там, пресыщен рабочей кровью,
Живой источник всяких скверн,
На бой с культурою Зиновьев
Готовит страшный Коминтерн.
Там молит Грузия спасенья,
Там города давно горят,
Там свинопасом стал Есенин,
А пишут только слесаря.

См. также: Шипулина-2005, 114.

Сентябрь, 30. В письме Н.Тихонова Е.Полонской из Новороссийска — приписка:

«В Тифлисе встретил Есенина. Он написал 2 балалаечно-геройские поэмы — из пушек по воробьям».

Цит. по: Фрезинский Б. Судьбы серапионов: (Портреты и сюжеты). СПб.: Академич. проект, 2003, с. 354. По мнению публикатора, имеются в виду «Русь уходящая» и «Русь советская» (там же, с. 390, примеч. 35). Однако сам Н.Тихонов, вспоминая о встрече с Есениным, называет «Поэму о 36» (см.: 10 ... 17 сент. 1924). Вторая же «балалаечно-геройская» поэма — это, без сомнения, «Песнь о великом походе» (о ее тогдашней публикации в Тифлисе см.: 14 сент. 1924, первая запись).

Киевская газета «Пролетарская правда» (№ 223) помещает неподписанную информацию «Вечер новейшей русской поэзии, прозы и музыки» с упоминанием Есенина:

«Сегодня на выставке "Живая книга" вечер русской поэзии, прозы и музыки. Артистами Руцкой и Уриновым будут прочтены последние произведения авторов: Безымен-

ского, Тихонова, Маяковского, Третьякова, Есенина, Демьяна Бедного и прозаиков: Бабеля, Алексея Толстого, Пильняка, Иванова, Зощенко и Горького.

Вступительное слово о новейшей поэзии — Самуила Марголина <...>.

Начало в 9 ч<асов> вечера».

См. также: 19 сент. 1924, пятая запись.

Сентябрь. Ленинградская государственная типография им. Ивана Федорова печатает плакат «Ленинизм», на котором воспроизведены измененные строки из неоконченной поэмы Есенина «Гуляй-поле»:

Его уж нет, а те, что вживе,
Но те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Для них не скажешь: «Ленин умер»
Их смерть к тоске не привела...
Еще суровей, напряженней
Они творят его дела.

Вдовин В.А. Стихотворение Есенина на политическом плакате. — ЕиС, 217.

См. Приложение.

См. также: 1 июня 1924, третья запись.

Сентябрь (?). Пражский журнал «Воля России» (№ 14–15; за сентябрь) публикует материал Ф.Репейникова «Ликвидировать ли литературу?» с упоминанием имени Есенина:

«9 мая 1924 г. Отдел печати Центрального комитета РКП созвал в Москве совещание о политике партии в художественной литературе. С речами выступали редактор "Красной Нови" А.Воронский и редактор журнала "На посту" И.Вардин. Воронский отнес к молодым писателям-попутчикам Бабеля, Всеволода Иванова, Пильняка, Сейфуллину, Есенина и других».

Имя Есенина указано также в ряду писателей, подписавших обращение в Отдел печати ЦК РКП(б) (см.: 9 мая 1924).

Сентябрь ... Ноябрь, до 16 или до 30. В Москве выходит антология «Поэты наших дней» (М.: Всероссийский союз поэтов) со стихотворением Есенина «Небо ли такое белое...».

Нижняя граница события определяется по помете в книге: «Отпечатано в сентябре 1924 г.», а верхняя — по: Кн. летопись, 1924, № 22, нояб., поз. 12504.

Анонсы см.: 2 марта 1924; после 17 марта ... до 6 апр. 1924; 6 апр. 1924, пятая запись; 7 апр. 1924, восьмая запись; конец мая 1924.

См. Приложение.

Сентябрь – Январь 1925. В Ленинградском отделении Госиздата планируется к изданию книга Есенина «Две поэмы» (Песнь о великом походе; Поэма о 36).

Из письма Г.А.Бенславской Есенину (11–12 дек. 1924):

«Он <В.И.Эрлих> пишет мне, что "36" и "Песнь" выходят под названием "Две поэмы". Корректуру будет править он сам и внесет Ваши поправки».

Издание не осуществилось.

См. также: конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; 9 сент. 1924, пятая запись.

Октябрь, 1. Первый сезон московского Театра сатиры (Б. Гнездниковский пер., 10) открывается спектаклем-обозрением «Москва с точки зрения...», в котором Есенин выведен как один из персонажей.

Журн. «Новый зритель», М., 1924, № 38, 30 сент., с. 27–28. Авторами обозрения в журнальном анонсе указаны Д.Гутман (главный режиссер театра), В.Масс, В.Типот (заведующий художественной частью театра) и Н.Эрдман.

Есенин выступает в качестве одного из героев первой картины третьего действия спектакля («Чемпионат литературной борьбы») наряду с В.Брюсовым, А.Толстым, В.Маяковским, А.Ахматовой, О.Мандельштамом, Б.Пильняком и Андреем Белым. Картину открывает Арбитр «чемпионата», дающий характеристики его участникам.

Из текста обозрения:

«А р б и т р. <...> Сергей Есенин. Русский борец-самородок. Найден учеными в Рязанской губернии и перевезен в город. Есенин, не пишите на заборах. Чахнет, несмотря на обильную поливку.

<...> Первая пара – Маяковский и Есенин.

(Есенин плюет в руку Маяковского.)

М а я к о в с к и й
(показывает кулак)
Видал таран?
Мало народу, жаль еще.
Даешь, говорю,
Аванс,
А то учиню скандалище.
Е с е н и н
Ой, досада, досада, досада,
Песня стала, как сука, слаба,
Спелый сноп головы моей падает –
Как же мне не пойти в кабак.
М а я к о в с к и й
Я не поэт,
Я людогусь,
И без аванса выступать не возьмусь.
Не получу –
Так всех из театра вычищу.
(Выталкивает Есенина.)
С детства у меня
Такое привычище.
(Есенин, сбитый с ног пинком Маяковского, исчезает.)
А р б и т р
Маяковский, неправильный прием.
М а я к о в с к и й
Как же неправильный: турнул анарьер.

А р б и т р. Где же Есенин? Ввиду того, что он повредил себе позвоночник и близок к состоянию полнейшего имажинизма, борьба продолжаться не будет».

Сб. «Москва с точки зрения: Эстрад. драматургия 20–60-х гг.», М.: Искусство, 1991, с. 345, 348.

Анарьер (фр. en arrière) – цирковая команда («Задний ход!»); букв. «по заду».

В окт.–дек. 1924 спектакль проходит 48 раз. Всё это время роль Есенина исполняет И.И.Зенин, роль Маяковского — Ф.Я.Гирявый.

Октябрь, 1 ... 5. Сестра поэта А.А.Есенина переезжает из Константинова в Москву.

Событие и его время устанавливаются по ее воспоминаниям с учетом сведений из письма Г.А.Бениславской Н.П.Савкину (см.: 6 окт. 1924, вторая запись).

А.А.Есенина пишет:

«Раннее осеннее московское утро. <...> В тишине гулко раздаются редкие твердые шаги отца и частые торопливые мои. У нашего отца удивительная походка, он идет как будто не торопясь, но догнать его трудно.

В это октябрьское утро 1924 года отец привез меня в Москву учиться. <...> в Архангельском переулке (ныне Телеграфный), в доме № 7 помещался детский дом, заведующей которого была П.Г.Беликова, крестница нашего отца и какая-то дальняя наша родственница. У нее-то я и должна была жить до тех пор, пока освободится комната, которую снимала Катя.

Напившись у крестницы чаю и немного отдохнув, отец провожает меня к Гале и Кате. Первый раз в жизни я еду в трамвае.

Через несколько дней после приезда в Москву меня устроили в школу.

У крестницы отца я прожила недолго. Кате не понравились условия, в которых я жила, и меня тоже взяли в Брюсовский переулок».

Восп., 1, 103, 104.

Точное время переезда А.А.Есениной на жительство в «дом "Правды"» не установлено. 15 дек. 1924 Г.А.Бениславская напишет о ней Есенину:

«С тех пор, как она с нами на Никитской, у нас стало очень хорошо; т. е. не внешне, а так — дома хорошо. Она, как это и бывает с детьми, внесла уют в нашу жизнь. У нас сейчас по-семейному как-то стало. Бродяжить перестали. <...> А Шурка какая славная. Я и сама не знаю, как это случилось, — но я ее очень люблю. Она ходит в школу, я с ней арифметикой даже занималась, но теперь она уже нагнала класс. И вовсе она не неспособная, ерунду кто-то из вас говорил. Очень смышленая, но рассеянная».

Письма, 259. См. также: 15 дек. 1924, четвертая запись.

Октябрь, не позднее 2. Есенин пишет стихотворение «Стансы» с посвящением П.И.Чагину.

Есенин, II, 134–137, 240, 431–438.

Граница события определяется с учетом того, что днем позже поэт прочитает это стихотворение на вечере в университетском студенческом клубе (см.: 3 окт. 1924, четвертая запись).

Из воспоминаний П.И.Чагина:

«Просыпаюсь как-то утром, выхожу в соседнюю комнату, смотрю: Есенин сидит, углубившись в том избранных произведений Маркса, который он извлек из множества книг моей библиотеки. Удержавшись от напоминания о том, что "ни при какой погоде" он "этих книг, конечно, не читал", я поинтересовался тем, что же он читает.

— Да я уже вычитал из вступительной статьи замечательные вещи, — сказал он. — Как здорово относился Маркс к Генриху Гейне! Вот как надо обращаться с поэтами! А потом, — как Маркс любил детей, даже, играючи с ними, их на себе катал.

Я посоветовал ему вчитываться дальше в самого Маркса. А он процитировал себя:

В стихию промыслов
Нас посвящает Чагин, —

и добавил:

Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем».

Восп., 2, 161–162.

«О "Стансах" Петр Иванович говорил так, — записал В.Субботин, — что, когда Есенин принес ему там, в Баку, их, "я сказал, что не помещу, скажут, что Чагин печатает стихи о самом себе". Предлагал еще убрать "Демьяна". Потому что Бедный Демьян мне друг… Есенин сказал, что напечатает и так» (Хроника, 2, 307).

См. также: 5 окт. 1924, вторая запись; 6 окт. 1924, первая запись; 8 окт. 1924, третья запись; 26 окт. 1924, первая запись. Немало откликов на «Стансы» появится и в 1925 г.

Ответ Есенина своим критикам-оппонентам — в стихотворении «1 мая» (1925).

Октябрь, 2. Есенин дарит Л.Ф.Файнштейну свою фотографию с надписью:

«Милому Леве в знак приятной / встречи в Баку. / С. Есенин. / 2/X–24».

Есенин, VII (1), 242, 482.

Местонахождение фотографии с надписью неизвестно, текст сообщен А.А.Козловским. Им же установлен адресат надписи.

Октябрь, 3. На обороте фотографии, где Есенин снят вместе с П.И.Чагиным, поэт добавляет к дарственной надписи П.И.Чагина, адресованной М.А.Адамовой, стихотворные строки:

«P.S.
Дорогая Марья Антоновна,
Сказать истинно и не условно:
Можно поклясться вашей прелесть<ю глаз>
Не забывайте грешных н<ас>.
Скандальный <Верный Сергей>. 3 окт. 1924».

Надпись П.И.Чагина:

«М. А. / Примите дружеский дар двух ры / царей пера — верного / Скандального Сергея и бурного / Петра. / Баку / 1 октября 1924».

Есенин, VII (1), 243, 482; Юсов-96, 333 (факсимиле).

М.А.Адамова впоследствии станет женой П.И.Чагина и примет его фамилию.

Часть текста в настоящее время утрачена. Воспроизводится по копии, снятой С.П.Кошечкиным до утраты отдельных слов в автографе (ГМЗЕ).

Газета «Бакинский рабочий» (№ 224; подпись: «М. Д.») публикует анонс М.Данилова «Вечер Сергея Есенина»:

«Сегодня культпросветом АГУ в студенческом клубе имени Сабира устраивается вечер стихов поэта Сергея Есенина, случайно гостящего в Баку.

Широко известное всей читающей публике имя Сергея Есенина достаточно говорит за себя и дает уверенность в том, что весь литературный и любящий литературу Баку будет представлен на этом вечере полностью.

Сергей Есенин прочтет свои новые стихи и поэмы, являющие значительный перелом в его творческих настроениях и ряд крупнейших достижений в области поэтической формы».

Есенин пишет записку администратору клуба им. Сабира:

«Прошу пропустить т. Мануилова <так!> на сегодняшний вечер моих стихов. Сергей Есенин. 3/ X 24».

Есенин, VII (2), 218.

Из воспоминаний В.А.Мануйлова:

«Я долго хранил записочку к администратору <следует текст записки>».

Восп., 2, 180.

В студенческом клубе имени Сабира Азербайджанского государственного университета — авторский вечер Есенина. Поэт читает «Возвращение на родину», «Русь советскую», «Стансы», «Песнь о великом походе» и другие произведения.

Позже В.А.Мануйлов вспомнит:

«3 октября, в день своего рождения, Есенин <...> выступил в клубе имени Сабира. <...> Вечер был шумный и многолюдный и прошел с большим успехом. Особенно запомнилось со всеми характерными есенинскими интонациями чтение стихотворений "Возвращение на родину" и "Русь советская". Но как графически передать его лукавую иронию, а может быть, и чуть-чуть пренебрежительную насмешку, иногда даже озорство, звучавшие в едва уловимых модуляциях его голоса? Всё это будто сейчас звучит в слуховой памяти:

Ах, милый край!
Не тот ты стал,
Не тот.
Да уж и я, ка-нешно, стал не прежний.
Чем мать и дед грустней и безнадежней,
Тем веселей сестры смеется рот.
Ка-нешно, мне и Ленин не икона,
Я знаю мир...
Люблю мою семью...
Но отчего-то все-таки с поклоном
Сажусь на деревянную скамью.
"Ну, говори, сестра!"
И вот сестра разво-о-одит,
Раскрыв, как Библию, пузатый "Капитал".
О Марксе.
Енгельсе...
Ни при какой погоде
Я этих книг, ка-нешно, не читал.

В зависимости от настроения и обстоятельств одни и те же стихи Есенин читал поразному. В клубе Сабира в концовке "Возвращения на родину" не столько чувствовалось сожаление, сколько поддразнивание, подзадоривание некоторых требовательных критиков, сидевших в первых рядах. И вряд ли, конечно, следовало принимать всерьез чуть вызывающие интонации Есенина. <...>

Когда же речь шла о Демьяне Бедном, Есенин иной раз с подчеркнутым лукавством особо выделял псевдоним "Бедный", превращая его в эпитет:

С горы идет крестьянский комсомол,
И под гармонику наяривая рьяно,
Поют агитки Бе-едного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол».

Восп., 2, 180–181.

Отклики см: 5 окт. 1924, вторая запись; 6 окт. 1924, первая запись.

Композитор А.Н.Александров пишет песню «Осень» на слова стихотворения Есенина «Нивы сжаты, рощи голы...».

Александров А. Четыре песни: Для голоса и ф.-п.: Соч. 24. Вена; Нью-Йорк: Universal-ed., 1926, с. 3–5.

См. Приложение.

Октябрь, 4. В Ленинграде выходит листовка Воинствующего ордена имажинистов «Имажинизм продолжается» — итог обсуждения ленинградскими имажинистами заявления Есенина и И.Грузинова:

«В связи со слухами о "роспуске имажинизма" письмом в редакцию московской "Правды" от 31 августа 1924 г. опровергаем ложь. В копилку курьезов: — "Распускаю я Эпоху Возрождения, не ндравится мне Лаврентий Медичи"!

Имажинизм продолжается!»

Есенин, VII (2), 456.

См. также: 9 сент. 1924, пятая запись.

Ленинградская «Красная газета» (вечерний выпуск; № 226):

— публикует информацию:

«На ближайшей неделе выходит № 3 ж. "Русский современник", где буд<у>т опубликован<ы> <...> стихи М.Цветаевой, С.Есенина, Вл. Пяста, Ник. Чуковского и др.»;

— в рубрике «Литературная хроника» сообщает:

«... на днях выпускается новая (пятая) книжка журнала "Красная новь". Особенно хорошо в этом номере будет представлен отдел беллетристики, в котором мы находим <...> стихи <...> С.Есенина».

К этому времени журнал уже вышел (см.: до 23 сент. 1924).

Октябрь, после 4. В Ленинграде выходит журнал «Русский современник» (№ 3) со стихотворениями Есенина «Этой грусти теперь не рассыпать...» и «Низкий дом с голубыми ставнями...» и с материалами, связанными с его именем.

О границе события см.: 4 окт. 1924, вторая запись.

См. Приложение.

См.: 25 сент. 1924, вторая запись; 26 сент. 1924.

См. также: Есенин, I, 183–184, 344–346, 610–611; 205–206, 354–355, 621.

Отклик см. 7 дек. 1924, вторая запись.

В номер вошли:

— статья В.Шкловского «Современники и синхронисты»:

«Писатели появляются в литературе по-разному: с предисловием и без предисловий.

Писатели с предисловиями, как общее правило, недолговечны.

Помню, как начали говорить об Есенине: впечатление театральное, сперва гул, потом в гуле появляются звуки и вдруг фамилия как будто сама рождается.

Как довольно старый журналист, тут же изложу совершенно необходимые сведения и правила для выведения писателя из литературы.

Сейчас это делается так: начинают ругать человека на чем свет стоит, причем обычно кричат: "талантлив, но вреден"; начало фразы обычно запоминается. <...>

Но вернемся к Есенину, который, вероятно, уже волнуется.

Есенина я увидел в первый раз в салоне Зинаиды Гиппиус.

Но Есенина я знал и раньше, он был красивый, в золотых кудрях, синеглазый, молодой, с чудным говором. Беда Есенина в том, что он слишком долго носил в городе валенки. Искусство явилось для него не отраслью культуры, не суммой — знания — умения (по Троцкому) с расширенной автобиографией. Пропавший, погибший, Есенин, эта есенинская поэтическая тема, она может быть и тяжела для него, как валенки не зимой, но он не пишет стихи, а стихотворно развертывает свою тему.

Ошибка Есенина в том, что он не умеет отличать число месяца от престольных праздников. Это, может быть, крестьянская ошибка. Число — это умение, праздник — это тема, связанная с числом. А крестьянство живет по праздникам»;

— рецензия И.Груздева на книгу Есенина «Москва кабацкая»:

«Ругань, кощунство и непристойность как литературный прием законны. Пушкин написал "Телегу жизни" с "русским титулом" и, когда П.Вяземский переделал стихи для печати, Пушкин в следующем издании восстановил свой текст, многоточием ориентируя читателя на пропущенное ругательство. Имажинисты и Есенин в свое время не скупились на подобные вставки, правда, делая это недостаточно убедительно. Но независимо от этого Есенин был поэт со своим пафосом и со своим жестом. Новая книга — не Есенин, но тень от него.

Провоняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять.

Школьнику это может показаться ужасным нарушением всех условностей, но — для хулигана и скандалиста, каким настойчиво рекомендует себя в стихах Есенин, это, в сущности, — программа-минимум, и, может быть, поэтому стихи не производят должного впечатления. Но есть и другие причины, более жесткие. Вялый стих, словесное безвкусие и беспомощность тематическая вызывают опасения самые серьезные. Разве мог когда-либо Есенин писать так:

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Если с "хулиганством" роковым образом связана поэтическая энергия Есенина, то прощание с ним действительно трагично. Последнее же стихотворение книги "Не жалею, не зову, не плачу, — Всё пройдет, как с белых яблонь дым", должно лишний раз напомнить, какого чудесного лирика мы теряем».

О выходе «Москвы кабацкой» и об откликах на нее см.: до 19 июля 1924; 1 сент. 1924, вторая запись; 15 нояб. 1924, третья запись; до 28 нояб. 1924.

Октябрь, 5. Есенин пишет экспромт «Эх, жизнь моя...».

Есенин, IV, 257, 464.

Газета «Труд» (№ 224; рубрика «Бакинский день»; подпись: «Циклоп») помещает отчет «Поэт Есенин среди студенчества» о вечере поэта в клубе имени Сабира:

«Вдохновенно, горячо, с изысканным мастерством бросал он в черепа слушателей стих за стихом.

Я дам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры никому не дам <так!>

Это красиво, а как поскоблишь, вскроется ложь: ведь душа поэта и есть его лира. Раз эту лиру, то, чем живешь, прячешь глубоко и только для себя, что же отдаешь ты Октябрю? Пустоту и больше ничего.

Поэт Есенин отделяет поэзию от жизни, отрывается от борьбы, приходит в страх от мысли, что надо служить массам. Он становится "ненужным" и сам сознается в этом, иначе не кричал бы он во все свое босяцкое горло:

В своей стране я словно иностранец!

Поэт, насильно обращающий себя в пилигрима, более чем смешон. <...> Однако нельзя же всей спиной отворачиваться от жизни. Самые смелые странники не решились бы на это. Поэтому надо бросить в напряженные головы слушателей подкупающее признание:

Приемлю всё.
Как есть всё принимаю.
Готов идти по выбитым следам.

Красиво сложен этот стих, вдобавок можно всерьез подумать, что тут целое отречение от старого. Но это не так. <...> Однако "ни в чьих глазах не находит приют", потому, что он опирается на самый безнадежный социальный слой, на среду проституток и дряблой части интеллигенции <...>

В прощальном стихе Есенин поклялся, находясь под влиянием запаха бакинской нефти, взяться за изучение Маркса, которого он "ни при какой погоде в руки не брал" <так!>. Можно этому поверить, можно и нет. Вернее всего — нет, потому что это сказано слишком крикливым голосом. Сказано с жеманством самовлюбленного поэта, которому "Демьяны Бедные — не чета" <так!>. А этих Демьянов читают десятки миллионов людей, притом не больных, не просушивших свои дни в кабаках, а здоровых, творящих новую жизнь».

См. также: не позднее 2 окт. 1924; 3 окт. 1924, вторая и четвертая записи; 6 окт. 1924, первая запись; 8 окт. 1924, третья запись; 26 окт. 1924, первая запись.

Московская газета «Правда» (№ 227) публикует информацию о подготовке к печати издательством «Современная Россия» первого номера журнала «Литературный вестник» с участием Есенина:

«Участвуют: В.Александровский, Б.Глубоковский, И.Грузинов, С.Есенин, Вс. Иванов, Кром<мелинк> (Париж), Н.Никитин, Н.Савкин, Блэз Сандрар (Париж), С.Ромов (Париж), Б.Эрдман, Н.Эрдман, Г.Якулов.

Программа журнала: проза, стихи, живопись, критика, хроника, искусство (Россия, Европа, Америка), библиография».

Другие сведения об этом издательском проекте и об участии в нем Есенина не выявлены. Издание не осуществилось.

Октябрь, 5 или **6.** Есенин читает стихи сотрудникам газеты «Бакинский рабочий».

Событие и его дата устанавливаются по воспоминаниям В.А.Мануйлова с учетом времени отъезда Есенина из Баку (см.: 7 окт. 1924).

Мемуарист вспомнит:

«Едва ли не накануне отъезда, около 6 октября, Есенин читал стихи в небольшой узкой комнате литературных сотрудников "Бакинского рабочего". Народу было много. Сидели на стульях, столах, подоконниках, стояли в дверях. А Есенин, ни на кого не глядя, облокотившись на редакционный стол, совсем тихо, вполголоса читал свои недавно написанные стихи. Раньше я никогда не слышал, чтобы он читал так, замкнувшись в себе, как бы только для себя. Тут были и уже знакомые нам, недавно напечатанные стихи, но они звучали как-то иначе, по-новому. Ни озорства, ни улыбки уже не было.

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать,
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.
Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Или:

Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет...

В комнате стояла настороженная тишина. Никто бы не решился прервать Есенина каким-нибудь вопросом. Конечно, никто по окончании чтения не аплодировал. Мы не понимали причины глубокой депрессии Есенина, но все чувствовали, как ему трудно, в каком он состоянии.

Когда молча расходились, один из молодых журналистов обратился к Сергею Александровичу и стал в неумеренно восторженных выражениях сравнивать его с Пушкиным. Есенин не на шутку рассердился:

— Да ты о Пушкине понятия не имеешь! Пушкин был один из самых образованных писателей в Европе. Языки знал. Работать над стихами умел. А что я? Конечно, талантливый человек. Но невежественный. Работать над стихами так и не научился. До Пушкина мне, брат, далеко.

Есенин любил Пушкина больше всех поэтов в мире. И не только его поэзию, прозу, драматургию, он любил Пушкина-человека».

Восп., 2, 181–182.

Октябрь, 6. Газета «Бакинский рабочий» (№ 226; подпись: М. Д-ов) публикует отчет М.Х.Данилова о выступлении Есенина в клубе имени Сабира:

«Есенин одинаково искренен и тогда, когда он просит положить его

...в русской рубашке
Под иконами помирать,

и тогда, когда он братается с бандитами и проститутками, и тогда, когда он зовет себя "засесть за Маркса".

Нужно много хорошей честности, дабы публично сознаться в том, что "ни при какой погоде" не читал Маркса и Энгельса или сказать с детской простотой:

Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и я сам, пожалуй, здесь не нужен.

Есенин — дикий ветер русского духа, одинаково способный ломать, ласкать и дробить, но даже и в бессмысленном разгуле своем таящий некий первобытный разум, которого нельзя не почувствовать, в котором есть много цельного и здорового. Того, что нужно нам сейчас.

Вот почему нам всем так странно близок этот "скандальный пиит" в серой блузе с вечно расстегнутым воротом, с поблёкшими синими глазами на удалом лице и встрепанной соломой волос.

Публика, преимущественно молодежь, как литературная всех толков и направлений, так и нейтральная, тесно набилась в "Клуб Сабира" и встретила Есенина тепло.

Читал Есенин неплохо, хотя голосовые средства его не сильны и не богаты оттенками. Наибольший успех имели, конечно, "Москва кабацкая" и "Русь советская".

"Песнь о великом походе", прочитанная по вырезке <очевидно, из газ. "Заря Востока"; см.: 14 сент. 1924, первая запись>, пропала совсем. <...> Очень жаль, что не была прочитана четкая и красивая "Поэма о 36".

Предполагавшийся обмен мнениями не состоялся, так как решено было устроить особый диспут».

Вырезка — Тетрадь ГЛМ.

См. также: не позднее 2 окт. 1924; 3 окт. 1924, вторая и четвертая записи; 5 окт. 1924, вторая запись.

Г.А.Бениславская обращается к Н.П.Савкину с просьбой, связанной с Есениным:

«Непременно принесите удостоверение о том, что С.Есенин — сотрудник издательства "Современная Россия", и укажите, сколько получает (15–20 червонцев), — это надо, чтобы отдать Шуру в школу, без этого ее не принимают».

Письма, 340.

См.: 1 ... 5 окт. 1924.

Октябрь, до 7. Есенин пишет экспромт:

Берегись, Керзон —
АСПС вооружен.

Есенин, IV, 492, 511.

Событие и его граница определяются по свидетельству Е.А.Гурвича с учетом дня отъезда Есенина из Баку (см. след. запись). Здесь имеется в виду Дж. Н.Керзон, министр иностранных дел Великобритании (1919–1924), один из организаторов интервенции против Советской России, в окт. 1924 участвующий в антисоветских акциях.

Из письма Е.А.Гурвича Ю.Л.Прокушеву:

«В 1924 году в бытность в Баку Есенина < ...> он зашел как-то в редакцию газеты «Труд» АСПС <Азербайджанского Совета профсоюзов> и увидел шарж на председателя Баксовета Конушкина или председателя Союза горняков Никишина (не выяснил еще) с огромной шашкой на боку, которую ему преподнесла подшефная войсковая часть. Есенин вынул карандаш и подписал <следует текст двустишия>».

Есенин, IV, 511.

См. также: 9–31 окт. 1924.

Октябрь, 7. Есенин выезжает из Баку в Тифлис.

Событие и его дата устанавливаются с учетом времени приезда Есенина в Тифлис (см.: 8 окт. 1924).

Октябрь, 8. Есенин приезжает в Тифлис и останавливается в гостинице «Ориант».

Событие и его дата определяются на основе телеграммы Есенина Г.А.Бениславской от 8 окт. 1924 (см. след. запись).

Посылает Г.А. Бениславской телеграмму:

«М<о>сква Ваган<ь>ковский Беднота Бен<и>славской
М<о>сква Тифлиса 1205 / 5. 37. 8. 13. 56.

Только приехал еду Тегеран где Вардин не знаю 3 недели адрес всегда Бакинский рабочий Скажите Казину Орешину чтоб присылали стихи рубль строчка послал денег Соне не знаю дошло или нет т<о>чка Тифлис Сергей».

Шубникова-Гусева-2008, 291–292.

Месяц и год события определяются по содержанию и сопоставлению с текстом предыдущих телеграмм Есенина, а также ответного письма Г.А.Бениславской (см.: 10 окт. 1924, вторая запись).

См. Приложение.

См. также: после 20 сент. – окт. 1924; 25 сент. 1924, первая запись; 8 ... 10 окт. 1924.

Бакинская газета «Труд» (№ 227; подпись: «М.Камский») публикует заметку М.В.Долганова о Есенине.

Полемизируя с М.Х.Даниловым относительно общей характеристики поэзии Есенина (см.: 6 окт. 1924, первая запись), М.В.Долганов сближается с ним и с Циклопом (см.: 5 окт. 1924, вторая запись) в оценке «Стансов»:

«...мы <...> слышали также, что он хочет “засесть” за Маркса. Но мы опять-таки знаем: сегодня он обещает “засесть” за Маркса, а завтра он же, Есенин, пропьет его в кабаке. <...> Есенин говорит: “Я поэт, и не чета Демьянам,— меня читают двадцать пять миллионов”. Мы не беремся опровергать это утверждение (не стоит!), но и в то же время напоминаем, что Демьянов этих читает весь стомиллионный Союз. Есенина же знают только те, которые не купались в родниках Маркса и Ленина, и те, которые так еще безумно, как и сам Есенин, тоскуют о “тех берегах”».

См. также: не позднее 2 окт. 1924; 26 окт. 1924, первая запись.

Октябрь, 8 ... 10. Г.А.Бениславская посылает Есенину в Тифлис телеграмму:

«Когда выезжаете Тегеран сколько там будете Соня деньги получила Звезда печатает поэму октябрьской книге точка. Посылаю письмо Если есть пришлите нам денег непременно <последнее слово вставлено>. Жду письма».

Шубникова-Гусева-2008, 292.

Текст публикуется по копии, сделанной рукой Г.А.Бениславской (на обратной стороне порядковый номер отправленной телеграммы — № 30). В ней идет речь о письме Г.А.Бениславской Есенину (см.: 10 окт. 1924, вторая запись).

См. также: после 20 сент. – окт. 1924; 25 сент. 1924, первая запись; 8 окт. 1924, вторая запись.

Октябрь, 8 — Декабрь 6 или **7.** Есенин живет в Тифлисе. Бывает в пригородах Тифлиса: Коджоры, Мцхета и др.

Из письма поэта к Г.А.Бениславской (20 окт. 1924)

«Живу дьявольски скучно. <...> Одно утешенье нашел себе, играть в биллиард. Проигрываю все время. Недавно выиграл в карты 1000 руб., а после проиграл 1200 руб. Какая-то полоса невезения. Дороговизна здесь ужасная. Хуже, чем в Москве. Живу в отелях. Каждый день обходится в 20–25 руб. Гости, гости, гости, хоть бы кто меня спас от них. Главное, мешают работать».

Есенин, VI, 180.

Из письма Есенина к М.И.Лившиц (20 окт. 1924):

«Живу скучно. Сейчас не пью из-за грудной жабы. Пока не пройдет, и не буду. В общем, у меня к этому делу охладел интерес. По-видимому, в самом деле я перебесился.

Теперь жену, балалайку, сесть на дрова и петь вроде Конёнкова: “Прошли золотые денечки”. Ну, да это успеем сделать по приезде в Русь».

Есенин, VI, 181–182.

Есенин посещает редакцию газеты «Заря Востока», где печатаются его стихи.

Н.К.Вержбицкий вспомнит:

«Есенин довольно часто уходил вместе со мной в редакцию, где скоро стал своим человеком. Все полюбили его за простоту, спокойную веселость и незлобивое остроумие.

Конечно, кое-кому хотелось глубже покопаться в душе поэта, но он каждый раз вежливо отводил такого рода попытки.

Редакционные работники подобрались у нас хорошие <...>

Однажды, часа в два ночи, когда я дежурил в типографии, мне сообщили, что в "проходной" сидит какой-то молодой человек в шляпе, хочет меня видеть.

Я велел пропустить.

В дверях показался Есенин.

Войдя в наборный цех, он начал как-то странно поводить носом, и на лице у него появилась довольная улыбка. А взгляд любовно скользил по наборным кассам, по печатным станкам, по талеру, на котором уже заканчивалась верстка очередной полосы газеты.

Вскоре я убедился, что Есенин довольно хорошо разбирается в типографском деле. Однако на мой вопрос — откуда у него такие знания — он ответил как-то невнятно.

Только впоследствии я узнал, что в молодые годы Сергей работал в одной из больших московских типографий.

Потом он еще много раз навещал меня в типографии и всегда говорил, что запах типографской краски напоминает ему юность и какие-то очень приятные и интересные события.

Есенин быстро сошелся со всеми рабочими, в особенности со старым метранпажем товарищем Хатисовым, которого ласково называл "папашей"».

Восп., 2, 213.

Ср. с воспоминаниями Г.Н.Леонидзе:

«...Как-то с особенной четкостью вспоминается Есенин на проспекте Руставели со своей легкой походкой, всегда гладко выбритый, в опрятном сером костюме, с тростью в руке и в кепи. Через шею перекинут полосатый шарф. Так он шествовал по нашему любимому проспекту, особенно часто встречаясь с нами именно там. Одной из причин такого "завсегдатайства" было и то, что именно на этом проспекте находились книжное издательство и редакция газеты "Заря Востока". Есенин носил туда свои стихи <...> И наконец, "Заря Востока" была средоточием почти всех русских друзей Есенина в Тбилиси. Недаром он писал в одном из своих шуточных экспромтов:

Ирония! Вези меня! Вези!
Рязанским мужиком прищуривая око,
Куда ни заверни — все сходятся стези
В редакции "Зари Востока" <см.: 9–31 окт. 1924, первая запись>.

И газета, и тем более издательство выручали Есенина в минуты финансовых "кризисов", которые в те времена были явлением нередким. Авансы и кредиты всегда были там к его услугам. В "Заре" Есенина по-настоящему любили и ценили. Недаром собирался он стать редактором литературного приложения к "Заре Востока"».

Восп., 2, 204–205.

Октябрь, 9. Смерть в Москве Валерия Яковлевича Брюсова.

См. также: 10 окт. 1924, первая запись; 11 окт. 1924.

Новониколаевская газета «Советская Сибирь» (№ 231) печатает материал Н.Асеева «Новое в литературе», в котором заходит речь о Есенине.

Это повторная публикация статьи (см.: 12 сент. 1924).

Октябрь, 9 – 31. Есенин пишет стихотворение «"Заря Востока"».

Есенин, IV, 196–198, 423–425.

Рамки события определяются временем октябрьского пребывания Есенина в Тифлисе и авторской датой стихотворения («октябрь»).

В стихотворении упоминаются тогдашние сотрудники газеты: редактор газеты М.О.Лифшиц; поэт, журналист, технический секретарь редакции В.Н.Кара-Мурза, заведующий редакцией В.М.Ахобадзе, заведующий типографией и финансовой частью Э.Б.Лопатухин, заведующий издательской частью М.Карп, председатель правления Акционерного издательского общества «Советский Кавказ» Н.А.Вирап, журналист, выпускающий Н.К.Вержбицкий, фельетонист Бен-Гали.

Н.К.Вержбицкий вспомнит:

«<Есенин в редакции "Зари Востока"> был всеобщим любимцем. Мы гордились тем, что он вошел в нашу семью, а поэт, видимо, отдыхал душой в этой мирной обстановке.

Редактор Михаил Осипович Лифшиц с подлинной нежностью относился к поэту, он каждый день расспрашивал меня о нем, бережно хранил все автографы Есенина, по возможности, не отказывал в авансах...».

Вержбицкий, 27.

Сохранилась копия последней строфы стихотворения «"Заря Востока"» (первые страницы утрачены), сделанная А.Г.Назаровой (?) с автографа, местонахождение которого остается неизвестным, с подписью и датой:

«С. Есенин. Тифлис. 24 г. октябрь».

Дождусь ли дня и радостного срока,
Поправятся ль мои печальные дела,
Ты восхитительна, Заря Востока,
Но Западной ты лучше бы была.

Шубникова-Гусева-2008, 229.

По свидетельству Н. П. Стора, Есенин написал помимо стихотворения «"Заря Востока"» еще несколько шуточных произведений о сотрудниках редакции газеты (письмо Н.П.Стора к литератору О.Л.Бишареву от 15 янв. 1984; хранилось у адресата). Эти четверостишия вместе со строками других авторов без подписей напечатаны в сборнике «Тысяча зевков», посвященном 1000-му номеру газеты (вышел 11 окт. 1925 на правах рукописи). Среди имен, упомянутых в четверостишиях, есть и лица, названные в стихотворении «"Заря Востока"»:

Карп
Враг расточительства бесспорный,
Чтобы расход не возрастал,
Он даже лампочку в уборной
Для экономии убрал.

Ник. Вержбицкий
Его писания — краса,
Он пишет четко, без туману:
Душа стремится в небеса,
А тело грешное — к духану.

Бен-Гали
Он весел, спорить тут грешно —
Скажу при всех собственноручно.
Но... было б всё весьма смешно,
Когда бы не было так скучно.

Каких-либо документальных данных, подтверждающих свидетельство Н.П.Стора, не обнаружено.

Есенин, IV, 426.

Есенин посещает Тифлисскую пехотную школу и читает курсантам свои стихи, в частности, отрывок из поэмы «Гуляй-поле», а затем отвечает на вопросы.

Событие устанавливается по публикации В. Башина «Есенин у курсантов ТПШ» (журн. «Литературная Грузия», Тбилиси, 1965, № 10, с. 94–96).

Октябрь, 10. В редакции газеты «Заря Востока» Есенин узнаёт о смерти В.Я.Брюсова.

Пишет статью «В.Я.Брюсов» и стихотворение «Памяти Брюсова».

Н.П.Стор вспомнит:

«В.Я.Брюсов умер неожиданно от крупозного воспаления легких 9 октября 1924 года.

Весть о его смерти пришла в редакцию на следующий день. Есенин не находил себе места, ходил мрачный, какой-то потерянный.

Среди дня он зашел ко мне в кабинет и протянул листки бумаги, написанные карандашом. То была его заметка "В.Я.Брюсов"...

Статья мне понравилась. Я тут же пошел к редактору Михаилу Осиповичу Лифшицу. Тот прочитал статью и, отложив листки в сторону, сказал:

— Всё хорошо, но он ведь поэт. Пусть напишет стихи. Они пойдут в завтрашний номер. Место я придержу.

Я вернулся в кабинет и сообщил Есенину, что от него требуют стихов. Поэт был явно рассержен этим сообщением.

— Что я им — машина какая-то! Они думают, что стихи пишут просто так!

Но всё же, взяв у меня бумагу, пошел в свободную комнату. Часа через два он пришел и показал мне стихотворение "Памяти Брюсова", которое тут же отнес редактору, и оно вышло, как уже говорилось, на следующий день, 11 октября».

Цит. по: Есенин, V, 422.

Ср. с воспоминаниями Н.К.Вержбицкого:

«Он ходил мрачный, неопределенно и растерянно разводил руками, что-то говорил про себя...

Вечером показал мне наскоро набросанную статью под названием "В.Я.Брюсов". <...>

Мы сговорились с Сергеем так, что он эту явно недоговоренную статью положит в основу другой статьи, более обстоятельной».

Вержбицкий, 75, 76.

См. также: 9 окт. 1924, первая запись; 11 окт. 1924.

Г.А.Бениславская пишет Есенину.

Особенно подробно описывает сложную ситуацию, сложившуюся вокруг публикации поэмы «Песнь о великом походе» в журнале «Октябрь». Сообщает:

«...Вас здесь встретят не слишком тепло; боюсь, многие руки не подадут. Вышло вообще очень нехорошо. В чем дело, как это вышло, я не знаю и узнать не у кого. Какие были у Вас соображения — об этом можно гадать, и только. Факт тот, что если это случилось необдуманно, не нарочно, то тогда надо исправлять, благо еще не совсем поздно.

Как исправлять, намечайте Вы. Можно им вернуть деньги и взять поэму совсем; можете Вы затребовать ее для изменений, можно задержать до "предполагаемого" написания второй части и т. п. Можно многое, но это решайте Вы, так как мои изыскания в этой области могут оказаться неудачными — человек я неискушенный в сих делах. Но то, что случилось, никому нельзя было делать, а Вам уж и подавно. Одним словом, если у Вас есть силы бороться — бейте отступление (если надо отступать). Это вопрос чести.

Не решалась об этом писать по двум причинам.

Первое и главное: была не уверена (да и сейчас не уверена тоже), что это письмо никто не сумеет прочесть прежде Вас, а следовательно, сумеет принять всякие контрмеры. Во-вторых, и "главнее", — не хотелось нарушать Ваш отдых, тем более что не знаю, как Вы.

Только, Сергей Александрович, родной, ничего не предпринимайте сгоряча, не откладывая вместе с тем решения в долгий ящик. Если можно, дайте обстоятельную телеграмму, что предпринять, только пишите так, чтобы нам гадать не пришлось. <...>

Да, забыла написать Вам про Воронского — на днях "Круг" выпускает Ваш сборник <"Стихи 1920–24">. Уже набран и сверстан.

Казина нет в Москве. До 1 ноября он будет в Крыму <...> Орешин в "Красной нови" бывает редко. Сообщим на дом.

Катя Вам писала насчет козырной карты <см.: 18 сент. 1924, пятая запись>; это верно, и об этом не забудьте. А у Воронского отношение, кажется, такое: Вы не мальчик и сами понимаете, куда какие дороги».

Письма, 251–252, с ошибочной датой.

Датировка этого письма уточнена по источнику (Шубникова-Гусева-2008, 217–218), так как выявлена не известная ранее телеграмма Есенина Г.А.Бениславской от 8 окт. 1924, на которую она отвечает. В письме содержится также ответ на письмо Есенина Е.А.Есениной (см.: 17 сент. 1924).

Октябрь, после 10 ... Ноябрь (?). Издательство «Круг» выпускает в Москве книгу Есенина «Стихи» (на обложке: «Стихи (1920–24)»).

Нижняя граница события определяется по сведениям из письма Г.А.Бениславской Есенину (см. предыд. запись). Его верхняя граница дается ориентировочно с учетом данных о поступлении книги в Российскую Центральную Книжную палату с 1 по 15 дек. 1924 г. (Кн. летопись, 1924, № 23, дек., поз. 12893).

Об особенностях печатания этой книги см.: Юсов-94, 47.

Содержание:

«Не жалею, не зову, не плачу...».

Исповедь хулигана: Сорокоуст; Песнь о хлебе; «Дождик мокрыми метлами чистит...» <Хулиган>; «Всё живое особой метой...»; Волчья гибель <«Мир таинственный, мир мой древний...»>; «Сторона ль ты моя, сторона!..»; «Не ругайтесь! Такое дело...»; Исповедь хулигана.

Москва кабацкая: «Я обманывать себя не стану...»; «Да! Теперь решено. Без возврата...»; «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»; «Грубым дается радость...»; «Эта улица мне знакома...».

Любовь хулигана: «Заметался пожар голубой...»; «Ты такая ж простая, как все...»; «Пускай ты выпита другим...»; «Дорогая, сядем рядом...»; «Мне грустно на тебя смотреть...»; «Ты прохладой меня не мучай...»; «Вечер черные брови насопил...».

После скандалов: К Пушкину <Пушкину>; «Годы молодые с забубённой славой...»; «Я усталым таким еще не был...»; Письмо матери; Памяти Ширяевца <«Мы теперь уходим понемногу...»>; На родине <Возвращение на родину>.

Русь советская: «Тот ураган прошел. Нас мало уцелело...» <Русь советская>.

Поэма «Сорокоуст» напечатана без посвящения «А. Мариенгофу» и с пропуском строк 4–5, «Исповедь хулигана» — с пропуском строк 70—71 и 74—75, «Русь советская» — с пропуском строки 16.

В стихотворении «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» отсутствуют строки 21–24.

Допущены ошибки и опечатки в следующих стихотворениях: «Всё живое особой метой...», «Мир таинственный, мир мой древний...», «Сторона ль ты моя, сторона!..», «Эта улица мне знакома...», «Вечер черные брови насопил...», «Годы молодые с забубённой славой...», «Я усталым таким еще не был...», «Русь советская».

См. Приложение.

И.Н.Розанов позже отметит:

«...настоящая, прочная, непреходящая слава связана с выходом в свет его стихов в издании "Круга" в 1924 году; особенное значение имел в книге отдел, озаглавленный "После скандалов". Поэт перерастает себя и как крестьянского поэта и как поэта-хулигана. Он забирается на такие вершины поэзии ("Памяти Ширяевца" и т. д.), что оттуда уже недалеко и до обеспечения себе места в тесном и немногочисленном кругу классиков русской литературы».

Восп., 1, 437.

Впечатление Есенина о книге см.: 17 дек. 1924, первая запись.

Октябрь, 11. Газета «Заря Востока» (№ 700) печатает стихотворение Есенина «Памяти Брюсова».

Из воспоминаний Н.К.Вержбицкого:

«На второй день после смерти В.Я.Брюсова в "Заре Востока" были напечатаны стихи Есенина с явными признаками спешки».

Вержбицкий, 77.

См. также: 9 окт. 1924, первая запись; 10 окт. 1924, первая запись.

Октябрь, 12. Есенин телеграфирует А.А.Берзинь в Москву: «Привет любовь и прочее — Есенин».

Есенин, VI, 179.

Московская газета «Правда» (№ 233) публикует «Литературные заметки» А.Воронского, где говорится о Есенине:

«Иногда не следует забывать, что сплошь и рядом промежуточные, беспартийные писатели, среди которых немало очень чутких и одаренных художников, говорят первые новые слова, не только влияют, но и определяют художественное творчество пролетарских писателей. Примеры: Маяковский, Есенин, Н.Тихонов, Бабель, Сейфуллина и т.д. <...>

Очень характерно, что комсомольские поэты всё чаще и чаще обращаются к классикам, а из современных — к Есенину и Казину, и тот и другой привлекают искренностью, интимностью и лиричностью».

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3153) печатает неподписанную информацию «Советская Россия скорбит у гроба В.Я.Брюсова», в которой упоминается Есенин:

«Известие о смерти величайшего поэта современной России Валерия Яковлевича Брюсова явилось полной неожиданностью для широких кругов общества. <...>

С утра вчерашнего дня квартира Брюсова на Первой Мещанской стала местом паломничества поэтов, писателей, профессоров и широких масс рабочего населения, среди которых покойный поэт был хорошо известен по лекциям, прочитанным им в последние годы.

Андрей Белый, Сергей Есенин, Вадим Шершеневич, А.Луначарский (народ<ный> комиссар просвещения), К.С.Станиславский, литературные критики П.С.Коган и Львов-Рогачевский, профессор Сакулин и многие другие пришли на квартиру сказать последнее прости».

Есенин не мог посетить квартиру В.Я.Брюсова, так как находился в эти дни в Тифлисе.

См. также: 10 окт. 1924, первая запись.

Октябрь, 13. А.Н.Александров пишет песню «Березка» на слова стихотворения Есенина «Зеленая прическа...».

Александров А. Четыре песни: Для голоса и ф.-п.: Соч. 24. Вена; Нью-Йорк: Universal-ed., 1926, с. 6–9. См. Приложение.

Октябрь, 15. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3156; рубрика «Каталог книжного склада «Р. Г.») публикует информацию о выходе книг, в которых опубликованы произведения Есенина.

«— Чтец-декламатор. Сб. русской поэзии (изд. Ладыжникова). Сборник выдающихся образцов русской классической и современной поэзии, вмещающий произведения 89 русских поэтов. Ц. 1–20.

— Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.) ц. 20 центов».

См. также: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая 1922; 5 ... 24 июня 1922; 2 февр. 1924.

Октябрь, до 16 – до 31. В Великом Устюге выходит книга «Московские поэты: Сборник стихов. 1924 г.», в котором печатаются:

— стихотворения Есенина под общим заглавием «Из цикла "Москва кабацкая"»: I. «Сыпь, гармоника — скука, скука...»; II. «Годы молодые! С забубённой славой...».

Первое их них ранее было опубл. в Ст. ск.

«На истории <его> текста не могли не сказаться цензурные трудности. Оно не вошло ни в один из авторских сборников 1924–1925 гг., не было его публикаций и в периодике. Вышедший в Великом Устюге тиражом 1250 экз., сб. "Московские поэты" остался, естественно, вне внимания читателей и критиков. В отличие от Грж., продававшегося в московских и петроградских книжных магазинах, в страну пришли лишь единичные экземпляры Ст. ск. Это дало основание И.В.Евдокимову утверждать, что в Собр. ст., в 1926 г., стихотворение "в России опубликовывается впервые" (Собр. ст., 4, 353)».

А.А.Козловский – Есенин, I, 603.

См. также: февр. 1923; до 10 июня 1923;

— стихотворение Ивана Приблудного «Тополь на камне — С.Есенину»:

Город кирпичный, грозный и темный,
Кто не причалит к твоим берегам?
Толпами скал, от Твери до Коломны,
Камень на камне, рокот и гам.

В этом саду соловья не услышишь,
И каменный сад соловья не поймет.
С балкона любуюсь на тучи, на крыши,
На вечно-немолчный людской хоровод.

И вот у ворот стооконного дома —
Высокие крылья, зеленый лик,
Буйная песня с детства знакома,
До боли знаком шелестящий язык.

Снились мне пастбища, снились луга мне,
Этот же сон — не похожий на сон...
Тополь на севере, тополь на камне,
Как ты попал сюда? Кем занесен?

В этих трущобах я рад тебя встретить,
Рад отдохнуть под высоким крылом.
Мы ли теперь одиноки на свете?
Нам ли теперь вздыхать о былом?

Скучно тебе под железною крышей,
Жутко и мне у железных перил,
Так запевай же, ты ростом повыше,
Раньше расцвел здесь и больше жил.

Я еще слаб, мне едва восемнадцать,
Окрепну и песней поспорим с тобой,
Будем, как дома, шуметь, смеяться,
Мой стройный, кудрявый, хороший мой...

Эта ли встреча так дорога мне,
Шелест ли тронул так душу мою...
Тополь на севере, тополь на камне,
Ты ли шумишь? Тебе ль пою?

Рамки события – по: Кн. летопись, 1924, № 20, окт., поз. 11437.

Стихотворение И.Приблудного будет публиковаться с посвящением «Любимому учителю моему Сергею Есенину».

Перепечатанное в 1926 г. в его книге «Тополь на камне», оно будет воспринято как написанное на смерть Есенина и получит высокую оценку критики. «Среди многих стихов-посвящений Есенину» В. Красильников выделит только пять стихотворений, «имеющих право на существование», в том числе стихотворение И.Приблудного» (журн. «На литературном посту», 1927, № 1, с. 75).

См. Приложение.

Стихотворение Есенина «Воробушки» <«Поет зима, аукает...»> публикуется в третьем издании книги «Зеленый шум: Хрестоматия для труд. школы. Первый год» (составители Е.Е.Соловьева, В.И.Волынская и др.). М.: Гос. изд-во, <1924>.

Кн. летопись, 1924, № 20, поз. 11185.

В Москве (приложением к журналу «Красная нива» за 1924 год) выходит сборник «Советская культура: Итоги и перспективы» (составители С.Борисов и Я.Тугенхольд) с фотографией Есенина в перечне известных людей страны и со статьей П.С.Когана «Литература после революции», в которой заходит речь о Есенине.

Кн. летопись, 1924, № 20, окт., поз. 11461.

Фото поэта см. на с. 291 книги.

П.С.Коган пишет:

«К "попутчикам" относят и крестьянских поэтов (Клюев, Клычков, Орешин), из которых наиболее даровитым является Есенин, принесший в кишащие бурями промышленные города свежесть полей, лесов, мужицкую удаль, религиозные мифы деревни, сочетавший своеобразие этого косного мира с стремительным полетом города, кричащий своим хулиганством и безверием, по-своему приветствующий большевизм, воспевший пугачевщину ("Пугачев"), но не сумевший проникнуться ни организационным планом революции, ни духом ее суровой дисциплины <...>

Наиболее крайним врагом их <попутчиков> выступил журнал "На посту" с Волиным, Лелевичем и Родовым во главе. Менее непримиримую позицию занимает журнал "Молодая гвардия" и примыкающая к нему литературная молодежь, среди которых выдвинулся ряд даровитых писателей и поэтов (Авербах, Безыменский, Либединский, Со-

колов, Тарасов-Родионов, А.Веселый, Жаров, Исбах, Доронин, Кастерин <Костерин>, Герасимов. К этой группе примыкают многие крупные коммунисты-публицисты (Вардин, Ингулов, Сосновский и поэт Демьян Бедный). Последний в течение всего революционного периода является, несомненно, самым популярным поэтом среди рабочих, красноармейцев и крестьянских масс...».

О перепечатке статьи см.: 7 нояб. 1924, четвертая запись.

Октябрь, до 17. Л.И.Повицкий пишет Есенину в Баку, приглашая его приехать в Батум.

Событие и его время устанавливаются по воспоминаниям Л.И.Повицкого и письму Есенина к Г.А.Бениславской (см.: 17 окт. 1924).

Из воспоминаний Л.И.Повицкого:

«Еще в начале октября 1924 года я написал Есенину — приглашал приехать в Батум».

Восп., 2, 244. Письмо неизвестно.

Октябрь, до 17 или **17.** Есенин оформляет доверенность Г.А.Бениславской на ведение его издательских дел.

Есенин, VII (3), 49.

Событие и его время определяются по содержанию письма Есенина (см. след. запись).

Скорее всего, содержание именно этого документа воспроизведено журналистом А.П.Хоревым в его записи беседы с литературоведом К.Л.Зелинским: доверенность, «написанная Е<сениным> и выданная Г.А.Бениславской на право <ведения> всех его литературно-издательских переговоров, заключения договоров и получения гонорара. Подпись: Есенин» (Хорева О., Хорева А. Из истории отечественного есениноведения (по материалам архива журналиста А.П.Хорева: Переписка с литературоведами К.Зелинским, В.Перцовым, С.Владимировым. 1953–1965). — Журн. «Современное есениноведение», Рязань, 2007, № 7, с. 77). Речь идет о материалах из той части архива Г.А.Бениславской, которая попала к К.Л.Зелинскому от А.Г.Назаровой.

А.А.Есенина вспомнит:

«И хотя не было с нами Сергея, жизнь наша тесно была связана с его интересами, с его успехами. Благодаря его письмам, новым стихам, которые он присылал нам, он как бы незримо присутствовал с нами. Галя и Катя вели его литературно-издательские дела в Москве, и он часто давал им письменные указания, где, как и что нужно напечатать, как составить вновь издающийся сборник».

Восп., 1, 104.

Октябрь, 17. Есенин пишет Г.А.Бениславской и посылает ей доверенность.

Из письма:

«Милая Галя! Привет Вам и Екатерине. <...>

С книгами делайте, что хотите. Доверенность прилагаю. Высылаю стихи. “Песнь о великом походе” исправлена. Дайте Ан<не> Абр<амовне> и перешлите Эрлиху для Госиздата. Там пусть издадут “36” и ее вместе.

Опишите мне на Баку, что делается в Москве. Спросите Казина, какие литературные новости. Приеду сам не знаю когда, вероятно, к морозам и снегу. С Вардиным я разъехался около месяца тому назад.

Напечатайте “36” в “Молодой гвардии” и получите деньги.

Мне важно, чтоб Вы собрали и подготовили к изданию мой том так, как я говорил с Анн<ой> Абрам<овной>, лирику отдельно и поэмы от-

дельно. Первым в поэмах "Пугачев", потом "36", потом "Страна нег<одяев>" и под конец "Песнь". Мелкие же поэмы идут впереди всего.

Как живете? Здесь хоть не холодно, зато довольно тоскливо. Пишу мало. Думаю засесть писать в Тегеране. Зачем черт несет, не знаю.

Из Батума получил приглашение от Повицкого. После Персии заеду.

Как Орешин? Что Воронский и распущенный имажинизм? Есть ли что в таверне и кто там?

Эрлиху напишите, чтоб поэму пускал как "36", а не "26". Напишите ему, что я не пишу ему из-за того, что потерял адрес. Буду писать на Сашку.

Пришлите 2 книги "Москвы кабацк<ой>". Из Персии напишу подробней.

Целую и жму руки.

<...> Пишите, пишите».

Есенин, VI, 179–180, 618–623.

См. Приложение.

Октябрь, до 18. Есенин фотографируется с художником К.А.Соколовым.

Есенин, VII (3), № 87, 252–253.

См. Приложение.

Событие и его граница определяются по дарственной надписи Есенина на обороте этой фотографии, подаренной П.М.Денисовой-Соколовой (см. след. запись).

О предыстории события расскажет со слов отца А.К.Соколов (1995):

«Получили они от Панички (от мамы – А. С.) очень грустное письмо и решили как-то подбодрить ее, решили сняться на фото и послать ей письмо и фото с трогательной надписью. Разоделись и решили купить одинаковые английские шляпы. (Это Сергей Александрович, это его идея, понравилась обоим.) Пошли в магазин. Купили. Идут оба в серых костюмах (с иголочки) и в новых серых английских шляпах. В Грузии, а тем более в то время, народ был экспансивный, непосредственный, и всякие ки<н>то подсмеивались над ними. Им тоже весело было, и вдруг (это всё отец говорил) Сергей както помрачнел, а было дело где-то в районе Авл<а>бара (там, где базар). Куру надо было переходить, вдруг Сергей срывает с отца шляпу и эдаким блином бросает ее с размаху в Куру: "Ну, Костя, теперь хорошо, а то действительно, мы с тобой точно два клоуна цирковых", — и расхохотался, а Косте-то жалко шляпу, английская — пошли, купили кепку и сфотографировались».

Соколов А. О Сергее Александровиче Есенине со слов моих родителей / [Публ. Г. Ивановой]. – «Есенинский вестник: Издание Гос. музея-заповедника С.А.Есенина», [Рязань], 1995, вып. 4, с. 24.

Октябрь, 18. Есенин делает дарственных надписи:

— П.М.Денисовой-Соколовой на обороте фотографии, где снят вместе с К.А.Соколовым:

«Параскеве Михайловне В знак дружеских пожеланий С. Есенин. 18 / X 24 Тифлис».

См. также предыд. запись;

— Н.П.Стору на книге «Голубень» (М.: <1920>):

«т. Стору В знак приязни и уважения С. Есенин 18 / X 24 Тифлис»;

– Н.П.Стору на книге «Преображение» (М.: МТАХС, <1918>):

«т. Стору на память о Тифлисе Всадниках и прочем Сергей Есенин 18 / X 24».

Есенин, VII (1), 244–246, 483.

Нью-йоркская газета «Новый мир» (№ 524) печатает статью Д.Иванова «Валерий Брюсов», в которой заходит речь о Есенине:

«Самые признанные поэты современности: Блок, Маяковский, Есенин – тоже пишут не о "мудром", "возвышенно-историческом". И только стихи учеников Брюсова: Мандельштама, Кузмина, Гумилева – кажутся порой пересказом иллюстраций истории».

Октябрь, 18 или **19.** При встрече с И.Вардиным, приехавшим из Москвы, Есенин получает от него появившиеся в столичной печати отклики на его письмо о роспуске имажинизма.

О событии упоминается в начале письма Есенина к М.И.Лившиц (см.: 20 окт. 1924, вторая запись), а его время устанавливается с учетом слов поэта из письма к Г.А.Бениславской от 17 окт. 1924: «С Вардиным я разъехался около месяца тому назад» (т. е. не виделся с ним с сентября).

О реакции Есенина на поведение своих бывших соратников по имажинизму см.: 17 сент. 1924; 20 окт. 1924, вторая запись.

См. также: до 31 авг. 1924; 31 авг. 1924; 5 сент. 1924, первая запись; 5 и 8 сент. 1924; до 8 сент. 1924; 9 сент. 1924, третья запись; после 9 сент. 1924.

Октябрь, 19. Московская газета «Правда» (№ 239; рубрика «Библиография»; подпись: «А. З.») помещает рецензию на книгу Я.Шведова «Шестеренные перезвоны»:

«"Шестеренные перезвоны" — это, конечно, неправильно: в стихах Я.Шведова много уделяется места деревенским темам. И нужно сказать, что душа деревни в его стихах выражена лучше, ярче, органичнее, чем душа завода.

Я. Шведов — один из тех, кто пришел молодым в завод из деревни, увлечен его романтическим порывом и не хочет возвращаться назад. Эти мотивы и легли в основу его творчества. Лейтмотив, как ни больно рвать органические связи, — "не приду я больше на поля".

Но и завод в стихах Я. Шведова — мрачный, пугающий гигант. Недаром у него на каждом шагу такие образы: "кран-паук", "злобно у вагранки бесится филином мотор", "как зимою волки, гудят гудки" и т. д. Поэт еще не переварился в котле новых впечатлений, в нем сильна тоска по тихим полям, о которых он умеет писать с большой задушевностью.

Как поэт, Я.Шведов еще находится под сильнейшим и родственным влиянием С.Есенина ("Ох, любимый, любимый Сережа"). Голос его звучит неровно, местами "дает петуха". Это естественно в его переходном возрасте...».

См.: конец авг. ... до 15 сент. 1924.

Газета «Заря Востока» (№ 707; подпись: «Н. И.») публикует обозрение «О журналах и книгах накануне выхода» с оценкой «Руси советской» Есенина:

«Среди многочисленных стихотворений выделяется "Русь советская" Сергея Есенина. Так часто повторяющийся в творчестве поэта мотив отрезвления после прошедшего "урагана жизни" и мотив самопереоценки выявлен здесь особенно отчетливо. Во внешней форме тот же уход от бурного имажинизма к спокойному пушкинскому стиху».

См. также: до 28 июня 1924; до 23 сент. 1924; 24 сент. 1924, первая запись; 24 окт. 1924; 1 ... 15 нояб. 1924; после 9 нояб. 1924; после 10 нояб. ... дек. 1924.

Новониколаевская газета «Советская Сибирь» (№ 240; «Литературная страница»; рубрика «Запад и мы») дает неподписанную информацию с упоминанием Есенина.

Сообщается о том, что библиотекарь германского книгохранилища в Лейпциге Артур Лютер напечатал статью о русской литературе в Германии, при этом «отмечает Маяковского, Б.Пильняка, Есенина и Эренбурга».

Исходные данные статьи А.Лютера не выявлены.

Октябрь, до 20. Есенин пишет первые стихотворения цикла «Персидские мотивы» — «Улеглась моя былая рана...» и «Я спросил сегодня у менялы...».

Событие и его граница определяются на основании сведений, сообщенных Есениным Г.А.Бениславской (см.: 20 окт. 1924, первая запись).

Парные автографы единой рукописи, под которыми стоит единая дата, общая для обоих стихотворений, — 1924. На автографах помета Г.А.Бениславской – «осень 1924 г.». В.И.Болдовкин подтверждает, что Есенин читал стихотворение «Улеглась моя былая рана...» в сент. – окт. 1924 (газ. «Молодежный курьер», Рязань, 1991, 26 дек., № 76; спец. вып. «Тропа к Есенину»).

См. Приложение.

Составляет план книги «Рябиновый костер».

Событие и его граница определяются по письму поэта Г.А.Бениславской (20 окт. 1924):

«Составил Вам список для составления книги. Продайте ее в таком порядке под названием "Рябиновый костер"».

Есенин, VI, 180.

Сохранилась машинописная копия этого списка, исполненная Г.А.Бениславской (с пометами, сделанными ее рукой; ГМЗЕ):

«1. Больничное
2. Письмо матери
3. Я усталым таким еще не был
4. Возвращение на родину
5. Памяти Ширяевца
6. Этой грусти теперь не рассыпать
7. Низкий дом с голубыми ставнями
8. Сукин сын
9. Русь Советская
10. Пушкину
11. Отговорила роща золотая
12. На Кавказе
13. Стансы».

Есенин, VII (2), 151–152.

См.: 20 окт. 1924, первая запись; после 2 нояб. 1924, вторая и третья записи; 21 нояб. 1924, вторая запись; 14 дек. 1924, первая запись; 20 июня 1925.

См. также: Есенин, I, 397–398.

Октябрь, до 20 или **20.** Есенин пишет письмо А.К.Воронскому (неизвестно).

Есенин, VII (3), 50.

См. также след. запись.

Октябрь, 20. Есенин пишет Г.А.Бениславской:

«Приеду в Москву не очень скоро. Нескоро потому, что делать мне в Москве нечего. По кабакам ходить надоело.

Несколько времени поживу в Тегеране, а потом поеду в Батум или в Баку.

Сперва поговорите <о книге “Рябиновый костер”> с Ангарским (Мосполиграф).

Воронскому я написал, чтоб он выдал на сестер 200 руб. На днях я пошлю им персидские стихи. Стихи, говорят, оч<ень> хорошие, да и я доволен ими.

Живу дьявольски скучно. <...>

Когда получите деньги за книгу, хорошо было бы, если б вы съездили в Питер и взяли мои вещи. У Ив<ана> Ивановича мой шарф красно-черн<ый>, я его оч<ень> люблю. <...> У Сашки <Сахарова> я жить не буду. Мне удобней жить у Соколова, когда я буду в Питере».

Есенин, VI, 180–181.

См. Приложение.

Черный с красными яблоками персидский шарф Есенина упоминается в воспоминаниях Вл. Ричиотти «Есенин перед самим собой» («Красная газ.», 1926, 28 дек., № 311, веч. вып.). Это был любимый шарф Есенина, подаренный А.Дункан. Поэт даже зимой ходил в распахнутой шубе, «развевая за собой красный шелковый шарф». Может быть, поэтому «Ричиотти звал Есенина райской птицей» (В.И.Эрлих — Восп., 2, 328). Высказанное в данном письме пожелание поэта, чтобы его вещи вернулись из Ленинграда в Москву, было выполнено, и, вернувшись в Москву с Кавказа, он продолжал носить «красно-черный» шарф.

Вспоминая разговор с Есениным в дек. 1925 г. перед отъездом в Ленинград, И.В.Евдокимов писал:

«Есенин <...>, улыбаясь, сказал:

— Тебе нравится мой шарф?

Он подкинул его на ладони, оттянул вперед и еще раз подкинул.

— Да, — говорю, — очень красивый у тебя шарф!

Действительно, шарф очень шел к нему, гармонично как-то доканчивая белое и бледное лицо поэта. Шарф кидался в глаза тончайшим соединением черного тона шелка с красными маками, спрятавшимися в складках, будто выставлявшими отдельные лепестки на волнистой линии концов. Я потрогал его рукой.

Продолжая радостно улыбаться, Есенин заметил:

— Это подарок Изадоры... Дункан. Она мне подарила».

Восп., 2, 300–301.

Есенин пишет М.И.Лившиц.

Поблагодарив за письмо и вырезки, переданные ему через И.Вардина (см.: 18 или 19 окт. 1924), продолжает:

«Не боюсь я этой мариенгофской твари и их подлости нисколечко. Ни лебедя, ни гуся вода не мочит».

Сообщает, что не пьет и остепенился. Спрашивает, как Женя (Е.И.Лившиц) и передает привет трем Женям: Е.И.Лившиц, Е.С.Розовской, Е.Г.Апириной.

Есенин, VI, 181–182.

Октябрь, до 21. Есенин пишет письмо и посылает телеграмму А.А.Берзинь, в которых «настоятельно просит ее приехать в Тифлис» (неизвестны).

Есенин, VII (3), 50.

См. также след. запись.

Октябрь, 21. В письме в Москву к А.А.Берзинь Есенин сетует, что она не приехала в Тифлис. Посылает ей два первых стихотворения из «Персидских мотивов».

Из письма:

«Было бы очень хорошо, и на неделю могли бы поехать в Константинополь или Тегеран.

Погода там изумительная, и такие замечательные шали, каких Вы никогда в Москве не увидите.

Нравятся ли "Персид<ские> мотивы"?

<...> как с книгой? Издайте ее так, как послал я ее Гале. Теперь она исправлена <издание не осуществилось>. Оч<ень> я Вас ругаю за то, что Вы обидели отца <Вардина>. Право, он этого не заслужил. Хоть я и сам от его опеки убегал в города и веси сей страны, "где злая пуля осетина его во мраке догнала", и бежали робкие грузины. Но сердце у него доброе и отзывчивое. Думаю, не мешало бы Вам обязательно помириться. <...>

Буду очень рад, если Вы мне напишете на Баку в "Бакинский рабочий". О делах, в которых мне необходима Ваша помощь, с Вами поговорит Галя».

Есенин, VI, 182–183.

Нью-йоркская газета «Новый мир» (№ 526) перепечатывает «Стихи Есенина об Америке "Страна негодяев" (Отрывки из драматической поэмы)».

О первой публикации см.: 29 сент. 1924.

См. также: до 3 сент. 1924, третья, четвертая и пятая записи.

Октябрь, 24. Московская «Правда» (№ 243) публикует рецензию П.Н.Ионова на журнал «Красная новь» (книги 4 и 5) с оценкой последних стихотворений Есенина.

Характеризуя литературное лицо «Красной нови» — «лицо вдумчивого, талантливого "попутчика"», П.Ионов особо отмечает одесские рассказы «восходящей звезды нашей литературы» И.Бабеля, яркий рассказ Вс. Иванова «Как создаются курганы» (кн. 4), прекрасную повесть Л.Сейфуллиной «Виринея», яркий и крепкий язык рассказа Вл. Лидина «Земля». И продолжает:

«Среди всех стихотворений невольное внимание читателя приковывают прекрасные стихи С.Есенина. После долгих и бурных исканий автор пришел к Пушкину. Его "На родине", "Русь Советская" определенно навеяны великим поэтом: "Здравствуй, племя молодое, незнакомое...".

Особенно замечательна по силе и вместе с тем удивительной простоте стиха "Русь Советская". Рисуя картины советской деревни, автор проникается покаянным настроением, остро чувствуя свою ненужность и чуждость новой родине.

Приемлю всё,
Как есть всё принимаю...
Цветите, юные, и здоровейте телом.
У вас иная жизнь. У вас иной напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирев...».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

См.: до 28 июня 1924, первая запись; до 23 сент. 1924; 24 сент. 1924, первая запись; 19 окт. 1924, вторая запись; 1 ... 15 нояб. 1924; после 9 нояб. 1924; после 10 нояб. ... дек. 1924.

Октябрь, 25. Нью-йоркская газета «Новый мир» (№ 530) публикует материалы Есенина и о Есенине:

— поэму «На родине» <<Возвращение на родину»> с посвящением А.Сахарову;

— статью Д.Иванова «Есенин и родина»:

«Памяти Ленина Есенин писал:

Его уж нет, а те, кто вживе,
.....
Еще суровей и угрюмей
Они творят его дела.

Сам Есенин стоит в стороне от творящих дело Ленина. "Ты не коммунист?" — спрашивает его дед в стихотворении "На родине". "Нет!"

Но Есенин теперь не похож на того, кто сказал несколько лет тому назад:

О, кого же, кого мне петь
В этом бешеном зареве трупов?

Изменились как и форма его стихов, так и миросозерцание поэта.

Вот несколько строк о родине из "Исповеди хулигана":

Так хорошо тогда мне вспоминать
Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи.

Но стихотворение "На родине", одно из самых последних у Есенина, в котором он необыкновенно точно и художественно определил свое положение в новой России, начинается:

Я посетил родимые места,
Ту сельщину, где жил мальчишкой,
Где каланчой с березовою вышкой
Взметнулась колокольня без креста.

Другой пример, из более ранних "Кобыльих кораблей":

Плывите, плывите ввысь!
Лейте с радуги крик вороний.
Скоро белое дерево сронит
С головы моей желтый лист.

И из поздней "Любви хулигана":

И мне в окошко постучал сентябрь
Багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Как видно, все позднейшие стихи Есенина поражают своим спокойствием по сравнению с буйностью и истеричностью прежних стихов поэта. Замечательно, что в этих стихах больше нет того обилия образов, которое сделало Есенина главой имажинистов.

Эти стихи принадлежат к третьему периоду творчества поэта, — периоду, который он проходит теперь.

Первый период начался подражаниями Блоку:

Отвори мне, страж заоблачный,
Голубые двери дня.

Я — пастух; мои палаты —
Межи зыбистых полей.

После революции 1917 года почти немедленно творчество поэта родило славословия революции, построенные на присущих Есенину того времени божественных образах.

Эти стихи были, естественно, сильнее прежних благодаря самой величине темы, но в них не было еще той дикой разнузданной силы чувства, которая родилась в Есенине, когда он испугался революции, когда он потерял почву под ногами.

Приняв на время октябрьскую революцию, на границе двух периодов своего творчества, он писал уже резче, чем прежде:

Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, Господь.

Но в "Сорокоусте" уже весь Есенин второго периода:

Трубит, трубит погибельный рог,
Как же быть, как же быть теперь нам.

В этом повторении: трубит, трубит, как же быть, как же быть — чувствуется есенинская истеричность:

Вы с ума сошли! Вы с ума сошли! Вы с ума сошли!
("Пугачев")

В то же время он уже ушел от городской революции, грозившей изменить старую деревню, которой он, "последний поэт" Есенин, искал:

Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и гниль.

Злой октябрь осыпает перстни
С коричневых рук берез.

Третий, нынешний период творчества Есенина — период поражения. Есенинское "хулиганство" уходит:

Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

Родина принадлежит не ему, а его сестрам-комсомолкам ("На родине").

На стенке календарный Ленин.
Здесь жизнь сестер, сестер, а не моя.
Но всё ж готов упасть я на колени,
Увидев вас, любимые края.

И в последних словах целиком выражено отношение теперешнего Есенина к Родине. Он "пузатый «Капитал»" не читал, конечно, "ни при какой погоде". Но все-таки он садится выслушать сестру-комсомолку, которая уже подавно во всем берет Есенина за шиворот.

Старая, "половецкая" деревня, о которой мечтал он, встречает Есенина в лице его деда, которому

Теперь и богу негде помолиться.
Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам — может, пригодится.

И среди обеих этих крайностей он идейно чужой. Близит Есенина с ними только общая родина.

Это сменовеховство, но лучшее сменовеховство большого и необычайно искреннего поэта».

См. также: 1 июня 1924, первая запись; после 3 или 4 – 14 или 15 июня 1924, первая запись; 7 июня 1924, третья запись; июнь 1924, третья запись; до 25 июля 1924, вторая запись; 22 авг. 1924; авг. (?) 1924, первая запись; 1 сент. 1924, третья запись; после 9 нояб. 1924.

Октябрь, 25 или **26.** В гостиничном номере, где остановился И.Вардин, происходит знакомство Есенина с журналистом и поэтом М.П.Юриным.

Юшкин-2006, 452.

Из воспоминаний М.П.Юрина:

«Вхожу. В номере полутемно, налево от двери большой стол, на котором навалены книги, газеты и разная мелочь. В комнате я застал несколько человек.

<...> Вардин представил меня сидевшему в кресле человеку как молодого талантливого поэта, работника литературно-художественного комсомольского журнала и руководителя местной литературной молодежи.

Всё это я принял как должное и поднял выше голову, но когда Вардин пояснил, что передо мной — поэт Сергей Есенин, я вдруг так смутился, что не мог выговорить ни слова.

Есенин был в сером костюме, в сером демисезонном пальто и в серой шляпе. Лицо как следует рассмотреть мне не удалось, потому что на него падала густая тень. <...>

Есенин <...> попросил меня зайти к нему в номер завтра».

Юрин М. Записки подававшего надежды. [М.], 1931, с. 33–34.

Октябрь, после 25 или **после 26.** Есенин неоднократно встречается с М.П.Юриным.

Последний вспомнит:

«На следующий день я снова зашел в "Ориенталь" <так!>. Не успел я вступить на лестницу, как из парикмахерской вышел Есенин. Лицо у него было опухшее, бледное. На щеках и на носу клочьями лежала пудра.

Есенин шел в редакцию "Зари Востока" и предложил мне пойти вместе с ним. Дорога прошла у нас в оживленном разговоре.

Я скоро почувствовал себя с Есениным совсем легко и запросто стал называть его Сережей.

По дороге Есенин просил меня прочитать ему одно из моих стихотворений, и я прочел "А.С.Пушкину", которое начинается так:

Мой век — не тот, к чему таить,
Покрой есенинский мне узок...

Ему, очевидно, очень понравилась такая дерзость, потому что всё стихотворение он прослушал с большим вниманием. Мы даже прошли редакцию, и когда я кончил читать, Есенин как-то особенно живо отозвался:

— Хорошие стихи, только длинноваты... Поработайте над ними...

Я смотрел ему прямо в рот, молча соглашался с ним, а у самого в голове вертелось: "Как бы это побольше выудить от него"...

Есенин, почти скороговоркой продолжал:

— А строчки: "Мой век — не тот, к чему таить, покрой есенинский мне узок" определенно хороши...

Я был удивлен тому, что эти строчки он прочитал почти без запинки и не переспросив у меня ни одного слова, а ведь стихи были прочитаны мною на ходу, да еще в уличном гаме.

Мы утонули в редакционной сутолоке, и Есенин занялся вопросами гонорара. Но вдруг он, как бы вспомнив что-то, оторвался от разговора с редакционными работниками и попросил меня, чтобы я завтра непременно зашел к нему в номер.

На следующий день я задержался с выпуском журнала и лишь к двум часам заглянул в редакцию "Зари Востока".

Есенин был уже там. Он небрежно подал мне руку, отвернулся и быстро пошел к кабинету редактора.

Я заметил, что он пьян. Не дойдя до дверей кабинета, он вернулся и вплотную подошел ко мне. Глаза его блуждали, на щеках играл неестественный румянец. Он молча взял у меня из рук "Комсомолию" Безыменского, сказал, что завтра вернет, повернулся и снова пошел к кабинету. <...>

На следующий день, часов в десять утра, я снова зашел в "Ориенталь".

Стучу в дверь номера, из номера доносится охрипший голос Есенина:

— Можно, черт побери...

Я сразу понял, что Есенин снова пьян. Вхожу — и что же я вижу? У самой кровати на полу развернута "Комсомолия", а на ней винные бутылки, стаканы и разлитое красное вино. Есенин, еле держась за умывальник, обливает голову холодной водой. Я развел руками и с места в карьер начал читать ему нотацию:

— Сережа, ну что ты делаешь! Неужели тебе не жалко самого себя? Почему ты не можешь взять себя в руки?

— Скучно... вот и пью, — оборвал меня Есенин, обтирая рукой голову.

Он сел на кровать и после минутного молчания толкнул бутылку ногой. Раздался звон падающих бутылок, и красное вино полилось с "Комсомолии" на пол.

Я до сих пор удивляюсь, почему он в ответ на мои нотации не пустил в меня бутылкой или стулом. Но ему мои слова, по-видимому, нравились, и он, помотав головой, прокричал:

— Читай мое любимое!

Я понял, что он просит меня читать "А.С.Пушкину". Я встал и с каким-то особенным подъемом начал читать, а когда дошел до строфы:

И вот теперь за махом мах
Беру и громче и смелее,
Но я пою о наших днях,
Как умирали на полях,
Цветущий возраст не жалея...

Есенин поднялся и, вскинув вверх правую руку, как будто передразнивая меня, проговорил:

— Хорошо... Ты можешь учиться у меня, но и можешь послать меня ко всем чертям...

Я, не дочитав до конца, замялся и замолчал. Мне было неловко напоминать ему о "Комсомолии", но когда я всё же намекнул ему об этом, он подошел ко мне вплотную и неожиданно выпалил:

— Ты — русский?

— Да, русский.

— Любишь русских?

Я пожил плечами и нерешительно ответил:

— Смотря кто эти русские.

Но Есенин настойчиво требовал прямого ответа:

— Нет, скажи, любишь русских?

— Русского рабочего люблю, — ответил я опять уклончиво.

Есенина, очевидно, вполне удовлетворил мой ответ, и он, обернувшись к кровати и показывая пальцем на «Комсомолию», хриплым, пропитым голосом проговорил:

— А чего же вы в "Комсомолию" насажали одних жидов?

Уничтоженный и пораженный таким оборотом речи, я стоял как вкопанный и молчал. Мне хотелось поскорее отделаться от него и не заглядывать сюда никогда. А Есенин, как ни в чем не бывало, развивал передо мной свою крестьянскую философию.

— А вот я не люблю рабочего. Я — мужик. Если я из окна увижу, что по улице идет буржуй, я скажу рабочему: пойдем набьем ему морду, а когда мы побьем буржуя, я скажу рабочему: иди, я тебя не люблю... Я — мужик...

<...> Есенин лег на кровать и оттуда, показывая через голову на маленький столик, пробормотал:

— Возьми для своего журнала.

Я подошел к столу. На столе лежало в рукописях несколько стихов, очевидно, свежих еще.

Не трогая рукописи, я прочитал первое стихотворение:

Улеглась моя былая рана,
Пьяный бред не гложет сердце мне.
Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.

Это были "Персидские мотивы". В 1924 году, в наших условиях, в органе Заккрайкома РКСМ, в комсомольском журнале — и вдруг стихи поэта-скандалиста, вдруг:

Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.

Нет, нет, избавьте от такой напасти, а то ребята загрызут меня! И я начал кое-как отнекиваться. Я заявил Есенину, что наш журнал платит очень мало, но Есенин переспросил:

— А сколько вы можете?

Я ответил, что по пятерке за стихотворение. Есенин спокойно приказывает взять стихи и передать десять рублей Ваське. Потом я сообщил, что они могут быть напечатаны не скоро. Есенин хладнокровно согласился и на это. Наконец, я замолчал, а Есенин настойчиво:

— Бери, это — последние. Скоро я брошу всё, сожгу свои стихи и буду пахать землю... К черту всё!

В голосе Есенина звучала насмешка, я чувствовал, что он просто хитрит, притворяется. Мне начинал надоедать этот пустой разговор, и я собирался .уходить. <...>

Стихи же его я намеренно не взял, потому что знал, что ребята будут против их напечатания. Васька раза два потом приходил за деньгами, — очевидно, Есенин хорошо запомнил наш разговор, — но денег я Ваське не дал.

Васька был неприятный избалованный мальчик лет пятнадцати. Есенин подобрал его на улице в Баку и потом везде и всюду таскал за собой.

С тех пор я перестал бывать у Есенина. Мы встречались очень редко, и я замечал при встречах, что он мной недоволен».

Юрин М. Записки подававшего надежды. [М.], 1931, с. 35–40.

Октябрь, до 26. В Госиздате РСФСР выходит сборник В.П.Правдухина «Литературная современность. 1920–1924 г.», где упоминается Есенин.

Граница события устанавливается по информации в газ. «Правда» (1924, 26 окт., № 245).

Статьи ранее были опубликованы в новониколаевском журнале «Сибирские огни» (см.: 7 апр. 1922; июнь (?) 1922; нояб. (?) 1922).

Октябрь, 26. Газета «Заря Востока» (№ 713) публикует «Стансы» Есенина с посвящением П.И.Чагину.

См. также: не позднее 2 окт. 1924; 5 окт. 1924, вторая запись; 6 окт. 1924, первая запись; 8 окт. 1924, третья запись.

Белградская газета «Новое время» (№ 1050) помещает материал А.Ренникова «Писатели земли эсэсэсэрской» с упоминанием имени Есенина:

«Разделяется пролетарский литературный молодняк на несколько групп <...> Специальность группы "На посту" — строгая литературно-чекистская критика. На что уж безобидна группа так называемых "попутчиков" во главе с Пильняком, Бабелем, Всев. Ивановым, Леоновым, Есениным, Верой Инбер, Ефимом Зозулей, Катаевым, Маяковским, Пастернаком... И те "напостовцев" всё же тревожат. И те вредят советской власти, часто говоря вместо прямой ненависти к капитализму о косвенной любви между мужчиной и женщиной».

Октябрь, 29. Есенин в письме Г.А.Бениславской сообщает, что останется на Кавказе, вероятно, до мая.

Высылает два стихотворения из цикла «Персидские мотивы». Дает указания о расположении стихотворений в сборнике «Рябиновый костер» и поправках в «Руси советской», а также о составе «Собрания сочинений»:

«Если Анна Абрамовна не бросила мысли о собрании, то издайте по берлинскому тому с включением "Моск<вы> каб<ацкой>" по порядку и "Ряб<инового> кост<ра>". "Возвращение на родину" и "Русь советскую" поставьте после "Исповеди хулигана". "Моск<ва> каб<ацкая>" полностью, как есть у Вас, с стихотворением "Грубым дается радость". "Перс<идские> мотивы" не включайте.

Разделите всё на три отдела; лирика, маленькие поэмы и большие: "Пугачев", "36", "Страна", "Песнь о походе". После "Инонии" вставьте "Иорданскую голубицу".

Вот и всё.

Этого собрания я желаю до нервных вздрагиваний. Вдруг помрешь — сделают всё не так, как надо.

Если Мосполиграф найдет, что ему невыгодно купить, то попросите Вардина, чтоб устроил в изд-во "Красная новь".

Живу очень скучно. Потихонечку принимаюсь за большие работы. Вплоть до пьесы.

Дорогая Галя! В отделе массовой литературы вместе с "Избранным" есть деньги %. Анна Абрамовна может устроить их. Там есть руб<лей> 720. Возьмите эти деньги и распоряжайтесь по усмотрению.

После я пришлю материала на сестр<инские> нужды. Не балуйте их.

Я здесь более-менее обеспечен. Мне Ваша присылка не потребуется. Червонцев 50 я в месяц на себя имею. Если Вам будет туго, шлите телеграмму, и я могу тогда выслать.

Ну, привет сестрам...».

Есенин, VI, 183–184.

См. также: после 20 (?) авг. 1924, первая запись; 17 окт. 1924; 12 дек. 1924, первая запись; 20 янв. 1925.

Начинающий поэт А.Раввинов пишет Есенину из Киева. Посылает свое стихотворение «С. Есенину».

Из письма:

«В журнале "Красная новь" за июнь — июль месяц 24 г. я прочел Ваше стихотворение "Памяти Ширяевца". Оно меня настолько захватило и вызвало к жизни, казалось (к счастью), давно забытое ощущение "уходящей жизни" и "страха смерти", что мне захотелось как-то реагировать на Ваши стихи. Кроме того, мне захотелось так же, как Вы, посмотреть на факт уходящей жизни, так же сказать "счастлив тем, что целовал я женщин, мял цветы, лежал в траве" <так!>. Мне всего лишь 21-й год. Но разве играют какую-нибудь роль еще 5, 10, 20 лет? Ведь принцип один».

Письма, 252.

См.: до 25 июля 1924, вторая запись; 17 авг. 1924; авг. (?) 1924, вторая запись.

Октябрь, после 29. В Москве выходит журнал «Молодая гвардия» (№ 10) с рецензией Н.Н.Фатова на книгу П.С.Когана «Литература этих лет. 1917–1923» (1924), в которой заходит речь о Есенине.

Граница события устанавливается по упоминанию в одном из материалов номера 2-й сессии ЦИК СССР от 29 окт. 1924.

Автор пишет:

«Нет в книге и определенного плана. Состав ее явно случаен. Демьян Бедный, символисты, Эренбург, Аросев, опять Эренбург, "Шоколад", Серапионовы братья, Сейфуллина, Есенин, "Леф", проф. Жирмунский, Маяковский...

<...> Весьма и весьма можно спорить с П.С.Коганом, что "Пугачев" — "одно из лучших произведений Есенина"».

См.: конец мая – до 15 июня 1924, вторая запись.

Октябрь, конец. Есенин переезжает на квартиру к Н.К.Вержбицкому (Коджорская, 15).

Событие устанавливается по письмам Есенина и воспоминаниям Н.К.Вержбицкого, а его время определяется с учетом сведений М.П.Юрина (см.: 25 или 26 окт. 1924; после 25 или после 26 окт. 1924).

Н.К.Вержбицкий вспомнит:

«Есенин перебрался на окраину города, где я снимал квартиру в доме № 15 по Коджорской улице. Здесь поэт и поселился — подальше от соблазнов, от шумных гостей, от городской сутолоки.

Коджорская улица круто изгибалась по склону горы. Сверху к ней сбегали узкие тропки, а еще выше вилось и петляло среди скал шоссе, по которому ездили в дачную местность Коджори. <...>

В моей квартире были две комнаты и просторный балкон.

Первую, небольшую комнатку с письменным столом и огромным уральским сундуком-укладкой, покрытым ковром, я отдал Есенину. Вторая комната служила спальней мне и моей жене. На балконе, по тифлисскому обычаю, готовили пищу, пользуясь жаровней — мангалом, ели, пили и беседовали.

Перед балконом росло несколько деревьев алычи и был разбит цветник. Садик казался больше, чем он был на самом деле, потому что по стенам дома и по забору сплошным ковром вились глицинии. Их фиолетовые кисти источали сладковатый аромат, напоминающий запах белой акации».

Восп., 2, 211–212.

Есенин читает в семье Н.Вержбицкого стихотворение «Я спросил сегодня у менялы...».

Н.К.Вержбицкий, рассказывая о пребывании Есенина в Тифлисе осенью 1924 г., свидетельствует:

«Как-то вечером, за ужином, Есенин прочел нам свое первое стихотворение из будущего цикла «Персидские мотивы»: “Я спросил сегодня у менялы...”».

Восп., 2, 222.

Октябрь, конец – Декабрь, 7. Есенин неоднократно встречается с художником И.Г.Рыженко.

Это и следующие события устанавливаются по воспоминаниям Н.К.Вержбицкого, а их верхняя граница — с учётом даты отъезда Есенина из Тифлиса.

«На Коджорской улице нас часто навещал художник Илья Герасимович Рыженко. <...>

Бывая в гостях у Рыженко, Есенин подолгу рылся в его объемистых папках, расставлял этюды на стульях, на подоконнике, на столе... <...>

Илья был прекрасный рассказчик. К тому же он всегда рассказывал только о том, что сам видел и испытал в жизни.

Есенина в этих рассказах увлекало, как мне кажется, не одно только чередование любопытных фактов. Одновременно он прислушивался к языку Рыженко — сочному, выпуклому, многоцветному и живому. Художник хорошо знал яркую и образную народную речь и умело ею пользовался, часто давая такие меткие определения и характеристики, которые надолго оставались в памяти. <...>

Есенин мог часами читать свои стихи в присутствии Рыженко».

Восп., 2, 218, 219, 220.

Встречается с народным певцом и поэтом Иетимом Гурджи.

Н.К.Вержбицкий позже вспомнит:

«Мы вышли из подвальчика и пошли берегом Куры. Вскоре мы остановились перед невзрачным домом. Изнутри доносилось пение.

<...> мы вошли в полутемное помещение.

К правой стене был приперт двуногий стол. На тахте лежал старенький ковер с длинными подушками. В углу стояла табуретка, на ней — ведро с водой.

Среди этой бедной обстановки казались неожиданными большой портрет Шота Руставели, размашистой кистью написанный прямо на стене, и два больших букета каких-то крупных белых цветов в глиняных кувшинах.

Посреди комнаты стоял среднего роста пожилой мужчина с седоватой бородкой. Его карие глаза смотрели спокойно, умно и благожелательно.

Это был Иетим Гурджи, народный певец и народный поэт Грузии — так нам представил его Шакро.

Иетим поклонился нам и снова запел. Он пел и указательным пальцем наигрывал на трехструнном инструменте с длинным и тонким грифом — чонгури».

Восп., 2, 223.

Есенин сочиняет экспромт «Тетя Мотя...».

Есенин, IV, 493, 511–512.

Н.К.Вержбицкий вспомнит:

«...потянулись к нам и другие ребятишки с Коджорской улицы.

Это были шумные, предприимчивые и веселые дети веселого Тифлиса. Они толпой вваливались к нам в квартиру, требовали немедленного ответа на миллион вопросов, а главное — им были нужны развлечения.

Есенин пел для них тут же сочиненные частушки. Рыженко рисовал для них смешные картинки. <...>

Сергей мог часами возиться с детворой. Он обладал редким умением интересно разговаривать с ребятишками, быстро находил подходящие для них темы и, возясь с малышами, сам словно становился ребенком, способным хохотать над каждым пустяком. <...>

Однажды, когда собрались ребятишки, Есенин экспромтом сочинил для них такие стихи <приводится текст экспромта>

Рыженко взял листы бумаги и под восторженные "ахи" ребят, так же быстро, как были написаны стихи, нарисовал к ним десять иллюстраций. Здесь были и резиновая Зина, и Тит с Васей, и рассудительный папа в полосатой пижаме, и очаровательный Мишка в новых штанах, и даже художник, "наспринцовывающий" морской пейзаж.

Картинки были уморительные. Жаль, они пропали у меня. А стихи сохранились».

Вержбицкий, 60–62.

Октябрь (?). Нью-йоркский «Зеленый журнал» (№ 1; за октябрь) перепечатывает из журнала «Красная новь» стихотворение Есенина «Письмо к матери» <«Письмо матери»>.

См.: до 25 мая 1924; 8 июня 1924, вторая запись; авг. (?) 1924, первая запись.

Ноябрь, 1–2. Есенин заканчивает работу над маленькой поэмой «Русь уходящая».

Есенин, II, 102–106, 236–237, 414–419.

Черновик имеет значительную правку. После 16 строки зачеркнуто:

Что в глубь не вложено, то не взойдет
Зерно должно прозябнуть и согреться...

Вместо строк 40–41:

Вихрь нарядил мою судьбу
В золототканое цветенье, —.

Первоначально было:

Среди всего грустящего живья
Я не боюсь ни мрака и ни тленья...

См. также: после 2 нояб. 1924, первая запись; 6 нояб. 1924.

См. Приложение.

Ноябрь, 1 ... 15. Выходит журнал «Крокодил» (№ 101 <21>; рубрика «Вилы в бок») с неподписанной статьей «"Пиит"», посвященной Есенину:

«Сергей Есенин в стихотворении "Русь Советская" («Кр<асная> Новь», № 5) заявляет:

Я гражданин села,
Которое лишь тем и будет знаменито,

Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пиита.

Можно сказать, скандальная слава!

В том же стихотворении "пиит" (старенькое слово, специально для рифмы пущенное!) сетует:

И некому мне шляпой поклониться.

А вы бы, товарищ Есенин, попробовали головой кланяться!»

Дата выхода на журнале не указана. Рамки события устанавливаются с учетом того, что предыдущий номер (20-й) вышел 30 окт. 1924, а следующий (22-й) — 15 нояб. 1924.

См.: до 28 июня 1924; до 23 сент. 1924; 24 сент. 1924, первая запись; 19 окт. 1924, вторая запись; 24 окт. 1924; после 9 нояб. 1924; после 10 нояб. ... дек. 1924.

Ноябрь, после 2. Есенин пишет Г.А.Бениславской, приложив к письму «Русь уходящую» с просьбой показать ее А.К.Воронскому:

«"Рябиновый костер" я, как название, продаю здесь в Тифлисе <книга под таким названием не выходила>. "36" давайте куда хотите. Привет сестрам. <...>

Напишите мне подробно, что делается в Москве. Как Воронский, Казин, Анна Абрамовна и др. Я не приеду до тех пор, пока не кончу большую вещь. Как нравится "Русь уходящая"? Вещь <"Анна Снегина">, я над которой работаю, мне нравится самому. Отрывки пришлю из Баку. Пишите в Баку <вместо Баку Есенин уедет в Батум>. Я там буду дней пять после этого письма и пробуду недели две».

Есенин, VI, 184–185, 630–631.

См. Приложение.

См. также: 1–2 нояб. 1924; 6 нояб. 1924.

Г.А.Бениславская по поручению Есенина уточняет состав его сборника «Рябиновый костер».

Из письма Есенина к Г.А.Бениславской (после 2 нояб. 1924):

«Посылаю "Русь уходящую". <...> Вставьте в книгу под конец, как я Вам разметил, и продайте под названием "После скандалов"».

Есенин, VI, 184–185.

Г.А.Бениславская обращается в Госиздат с предложением об издании книги Есенина «Рябиновый костер».

Впоследствии Г.А.Бениславская пополнит авторский список не только «Русью уходящей», но и стихотворениями «Письмо от матери», «Ответ» и «Русь бесприютная»: эти заголовки вписаны ею в есенинский перечень (см.: до 20 сент. 1924, вторая запись) собственноручно.

См. также: 20 окт. 1924, первая запись; 21 нояб. 1924, вторая запись; 14 дек. 1924, первая запись; 20 июня 1925.

Подробнее см.: Есенин, VII (2), 151–152.

Ноябрь, 5. Московская газета «Правда» (№ 253) даёт объявление «Москва. Литературный вечер в пользу Ленинграда» с упоминанием имени Есенина:

«Сегодня, в 8 час<ов> вечера, в Декоративном зале Вхутемаса (Рождественка, д. 11) состоится "Вечер современной поэзии", устраиваемый высшим литер.-худож. имени В.Я.Брюсова институтом.

Вступительное слово скажет проф. Гроссман-Рощин. С новыми произведениями выступят представители всех групп и течений современной поэзии: Асеев, Пастернак, Каменский (от группы Леф), Безыменский, Доронин, Жаров (от "Октября"), Малахов, Заводчиков, Молчанов (от "Молодой гвардии"), Ивнев, Мариенгоф, Шершеневич (от имажинистов), Голодный, Акульшин, Наседкин (от "Перевала"), Есенин, Герасимов, Кириллов, Рукавишников, Шенгели (вне групп) и др.

Весь сбор от вечера поступит в фонд помощи Ленинграду. Плата за вход 50 коп., учащихся 30 коп.».

Есенин участвовать в объявленном вечере не мог, так как был в Тифлисе.

Киевская газета «Пролетарская правда» (№ 254; рубрика «Библиография») помещает рецензию Н.Рогожина на сборник «Октябрь в клубах» (составитель Мария Розен), выпущенный московским издательством «Труд и книга», с упоминанием Есенина:

«Нельзя сказать, что художественный материал подобран удачно. <...> Что же касается стихов и рассказов, то их выбор представляется мне случайным и обусловленным исключительно личными вкусами и симпатиями составителя. Среди стихов нет Герасимова и Александровского («Восстание»), нет Блока («Двенадцать») и Маяковского, Тихонова и Есенина, нет молодых комсомольских поэтов <...>».

Сообщено О.В.Пашко.

Ноябрь, до 6. Есенин пишет стихотворение «Воспоминание» («Теперь октябрь не тот...»).

Есенин, IV, 199–200, 308, 426–427.

Граница события уточняется с учетом информации в газ. «Заря Востока» № 722 (см.: 6 нояб. 1924).

См. также: 7 нояб. 1924, вторая запись.

Есенин делает наброски начала (?) стихотворения «Октябрь»:

I [Син<яя>] Мокрая снежная
Рябь
II Мокрая снежная
Высь
III Чья-то железная
Высь.

Есенин, VII (2), 96–97.

Ноябрь, 6. Газета «Заря Востока» (№ 722) печатает:

— стихотворение Есенина «Русь уходящая».

См. также: 1–2 нояб. 1924; после 2 нояб. 1924, первая запись;

— анонс:

«В завтрашнем номере "Зари Востока" будут помещены следующие воспоминания, рассказы и стихотворения: Вл. Маяковский — Октябрь; Асеев — Новый Кремль; Сергей Есенин — Воспоминание; <...> Никулин — Спутник и др.».

См.: 7 нояб. 1924, вторая запись.

Ноябрь, 7. Есенин отмечает очередную годовщину Октябрьской революции с работниками типографии «Зари Востока». Читает стихи.

Событие устанавливается и датируется по воспоминаниям Н.К.Вержбицкого:

«Однажды наборщики и печатники типографии "Зари Востока" на квартире у своего товарища устраивали вечеринку (это было в годовщину Октябрьской революции) и попросили, чтобы я привел с собой "Сирожу".

Почти все рабочие были грузины и армяне.

Поэт отлично чувствовал себя в этой компании, читал стихи, плясал лезгинку, подпевал "мравалжамиер"... Одного только не мог принять — некоторых чрезмерно острых для него кавказских кушаний домашнего приготовления».

Восп., 2, 214.

В газете «Заря Востока» (№ 723) публикуется большинство материалов, объявленных в предыдущем номере, кроме стихотворения Есенина «Воспоминание».

Почему это стихотворение не пошло в печать, неизвестно.

Оно появится в «Заре Востока» уже посмертно — 7 марта 1926 (№ 1120).

Благовещенская газета «Амурская правда» (№ 1379) перепечатывает из газеты «Заря Востока» «Песнь о великом походе» (отрывки из новой поэмы Сергея Есенина).

См.: 14 сент. 1924, первая запись; 28 сент. 1924, первая запись.

Одесская газета «Известия» (№ 1481) перепечатывает статью П.С.Когана «Литература после революции», в которой заходит речь о Есенине.

Текст был ранее опубликован в сб. «Советская культура: Итоги и перспективы» (см.: до 16 – до 31 окт. 1924, третья запись).

Иркутская газета «Власть труда» (№ 258) помещает статью А.Вечернего «Октябрьская революция и искусство»:

«Естественно, что годы НЭПа должны были вызвать и "накипь", литературный шлак. И как грибы после дождя, надутые, червивые, стали расти "ничевоки", поэты из "Стойла Пегаса", Мариенгофы, Шершеневичи, заумники — расти и лопаться. Растленные продукты разложившейся литературной богемы, они уйдут из литературы вместе с мутью НЭПа».

Фамилия Есенина упоминается автором лишь в цитате из книги Л.Д.Троцкого «Литература и революция» (см.: до 25 нояб. 1923).

Ноябрь, 9. На обложке московского журнала «Огонек» (№ 46) — стихотворение В.Маяковского и Н.Асеева «В других столовых люди — тени...», рекламирующее столовую Моссельпрома, с упоминанием Есенина:

Там чудеса,
там Родов бродит,
Есенин на заре сидит.
И сообща они находят
Приют, и ужин, и кредит!

Поэт М.Х.Данилов посылает Есенину из Баку рукопись сборника своих стихотворений «Стезя» с просьбой помочь в его издании и письмо:

«Посмотри всё и проредактируй (без правки, конечно, стихов). Можешь снять всё, что, по-твоему, ослабляет сборник (я знаю, что найдутся такие!).

Условия ad libitum, но не ниже московских тарифных, конечно. Постарайся выговорить больше. <...>

Здесь продолжают тебя грызть и попутно зацепили меня (в "Труде" <см.: 5 окт. 1924, вторая запись; 8 окт. 1924, третья запись>), подозревая в неискренности. Посему думаю огрызнуться по-хорошему; какой-то Гольдберг прислал целую статью строк на 350–400, в которой неопровержимо доказывает, что ты упадочник...

Словом, "остался след". Было бы очень интересно в твой следующий приезд устроить диспут».

Письма, 253.

См. также: после 9 нояб. ... до 13 дек. 1924; 25 нояб. 1924; 4 или 5 ... 7 марта 1925.

Парижская газета «Последние новости» (№ 1394; подпись: «В.») публикует статью «О революционном искусстве», где упоминается Есенин:

«Года два-три тому назад, когда понемногу начались "легальные" переезды из Советской России в Европу, в Берлин потянулись и представители свободных профессий — писатели, художники, артисты. Поражало тогда какое-то почти презрительное отношение наиболее передовых представителей искусства "советского" ко всему тому, что делалось в Западной Европе. Считалось аксиомой, что Запад "гниет", что русские художники, музыканты, писатели, оказавшиеся волей судеб вне России, — мертвы и, оторвавшись от реальной почвы, творить в области искусства не могут. Новый "свет", небывалое возрождение всех искусств идет из России. Заражены этим были не только люди типа Есенина или Кусикова — это было бы не страшно, — а люди действительно высокой духовной культуры вроде А.Белого...».

Ноябрь, после 9. Выходит екатеринославский журнал «Молодая кузница» (№ 7–8; за июль-сентябрь; приложение к газете «Грядущая смена»; рубрика «Библиография»; подпись: М. К.) с рецензией на журнал «Красная новь», в которой заходит речь о Есенине:

«Журнал "Красная новь" — лучший журнал в СССР. В столице и по всей СССРовской провинции журнал, как всегда, ждут, требуют и читают. <...>

Радость и некоторое удивление вызывают вещи Есенина в 4 и 5 номерах журнала "Красная новь"; его две значительные вещи "На родине" и "Советская Русь" <так!>. Из всех прежних вещей Есенина эти стихи отличаются от его страшной и трагической "Москвы кабацкой" некоторым отрезвлением и покаянностью».

Граница события определяется с учетом помещенной в номере информации о литературном вечере, состоявшемся 9 нояб. 1924.

См. также: до 25 июля 1924, вторая запись; 22 авг. 1924; 1 сент. 1924, третья запись; 7 сент. 1924, вторая запись; до 23 сент. 1924; 24 сент. 1924, первая запись; 19 окт. 1924, вторая запись; 24 окт. 1924; 25 окт. 1924; 1 ... 15 нояб. 1924; после 10 нояб. ... дек. 1924; нояб. 1924.

Ноябрь, после 9 ... Декабрь, до 13. Есенин передает И.Вардину рукопись сборника М.Х.Данилова «Стезя».

Нижняя граница события определяется по письму М.Х.Данилова Есенину, с которым была прислана рукопись (см.: 9 нояб. 1924, вторая запись), верхняя — по письму Есенина П.И.Чагину (см.: 14 дек. 1924, первая запись).

Ноябрь, 10. Варшавская газета «За свободу!» (№ 302) печатает материалы с упоминанием Есенина:

— эпиграмму А.Черного «Автобиография т. Есенина»:

«И возвратятся псы
на блевотину свою».

Я советский наглый «рыжий»
С красной пробкой в голове.
Пил в Берлине, пил в Париже,
А теперь блюю в Москве;

— статью Е.Шевченко «О мелочах в серьезном».

Обсуждается вопрос о том, стоит ли переводить произведения современных советских писателей на польский язык. Тема рассматривается в связи с переводом книги И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников», вышедшим в издательстве «Ignis». Автор выступает против перевода произведений «апостолов облаков в красных штанах» на польский язык, отмечая при этом:

«...Есенины, Маяковские, Эренбурги и другие им подобные современные русские поэты неоднократно возводились в сан гениальности».

Ноябрь, 10. 8 часов вечера. Есенин вместе с друзьями — грузинскими поэтами – становится участником инцидента в городской столовой № 1.

О событии и его дате см.: 14 нояб. 1924, первая запись.

См. также: 15 нояб. 1924, четвертая запись.

Ноябрь, после 10 ... Декабрь. В Москве выходит журнал «Печать и революция» (№ 6; за ноябрь — декабрь) с материалами о Есенине:

— в разделе «Обозрение искусств и литературы» — «Заметки о журналах. 1. На правом фланге (о журналах “Россия” и “Русский современник”)» А.Лежнева, где говорится о Есенине:

«Поэтов в “Русском современнике” много, и толпа их чрезвычайно разношерстна. Но характерны для журнала не Пастернак, Тихонов, Асеев и Есенин <...> Пастернака, Тихонова или Есенина мы встречаем в любом журнале, а Ахматова, Парнок, Вейдле и Пяст составляют почти исключительно особенность “Современника”. Поэтому на стихах первых мы остановимся менее подробно, хотя по своему художественному достоинству они часто стоят значительно выше. <...> У Есенина — элегические настроения и прозрачный, приближающийся к пушкинскому стих, отличающий последнюю фазу его творчества. Но поэт начинает уже повторять себя, что естественно при небольшом диапазоне переживаний, образующих содержание его лирики последнего времени. Впрочем, стихи, помещенные в “Красной нови” (“Русь советская” и др.), показывают, что поэт как будто выходит на новую дорогу: из узкого круга лирики интимной — ближе к общественности».

См.: до 28 июня 1924, первая запись; до 23 сент. 1924; 24 сент. 1924, первая запись; 19 окт. 1924, вторая запись; 24 окт. 1924, первая запись; 1 ... 15 нояб. 1924; после 9 нояб. 1924;

— в разделе «Художественная литература» — рецензия А.Лежнева на «Перевал. Сборник при редакции журнала “Красная новь” № 1» (М., 1924).

Автор отмечает:

«Многочисленные стихи “Перевала” носят на себе в большинстве явственный отпечаток влияния Есенина (формального)».

Рамки события определяются с учетом информации в журнале: «Редакция номера закончена 10 ноября».

Ноябрь, 11. К.А.Соколов посылает в Ленинград П.М.Денисовой-Соколовой стихотворение Есенина (какое именно, неизвестно) с сопроводительным письмом:

«Милая моя голубка, написал тебе письмо, отправил, а стихотворение Сережи забыл вложить, посылаю его тебе, прочти и посмотри, какая глубочайшая русская глубина, какая гигантская душа, но больно, больно до слёз, что он сознательно губит свою душу, именно не знавшую ни ласки, ни покою. Вот так сгорают и отравляют себя. Конечно, мы все чем-нибудь себя отравляем, ибо у каждого из нас на душе висит камень. Но мне всё же жаль до слёз Сережу, а помочь и спасти его я не в силах, а когда ты пишешь, что это линия его поведения, – родная Панюша, ты не права. Не права потому, что Сережа сам это знает, но противопоставить <так; скорее всего, это описка автора, так как по смыслу здесь более подходит: "противостоять"> своей всей <?> боли он не в силах – его может спасти только женщина, но где она? Это очень трудно – ибо для него нужно собой буквально пожертвовать.

Я мог бы очень много выложить о Сереже, но я не могу, так мне всё это больно».

«Есенинский вестник: Издание Гос. музея-заповедника С.А.Есенина», [Рязань], 1995, вып. 4, с. 24 (дается непосредственно по факсимиле письма, воспроизведенному на той же странице, где напечатан его сокращенный и неточный текст).

Знакомый Есенина Иван Пущин пишет поэту из Баку:

«Куда ты скрылся, белокудрый? Сидим вот с Мураном и скучаем. Да что? Скучать не привыкать нам. Иной раз с горя накачаешься, а потом ходишь, как сатана, по чуждым и уму и сердцу половицам.

Твое посещение дает плоды. Правда, они еще слабенькие, тощие, но кто знает, может, и порадую тебя лучшим. Скучно без тебя. Заезжай, дай наслушаться твоих песен, песен новых! Мне они дают жизнь, ту, которой живу и наслаждаюсь».

Письма, 253.

Ноябрь, 12 ... 13 (?). Есенин вместе с Н.К.Вержбицким посещает коллектор для беспризорников в Авлабаре (район Тифлиса).

Дата события определяется приблизительно на основании свидетельства Н.К.Вержбицкого о времени написания стихотворения «Русь бесприютная», которое будет опубликовано в газ. «Заря Востока» (см.: 16 нояб. 1924, первая запись) «спустя три дня» после посещения коллектора для беспризорных (Вержбицкий, 74).

Из воспоминаний Н.К.Вержбицкого:

«В большом, невзрачном, казарменного типа помещении находилось человек пятьдесят "пацанов", задержанных на железнодорожных путях, в пустых товарных вагонах, в пещерах, вырытых на берегу реки, на улицах.

Есенин оделся как обычно: ярко начищенные желтые туфли, новая серая шляпа, хороший, только что отглаженный серый костюм. Он даже сунул в верхний левый карман какую-то цветную батистовую тряпочку.

Я не видел смысла в этом принаряживании и говорил:

— Украшайся, украшайся! Смотри, как бы "пацаны" не встретили тебя свистом и камнями. Ведь они могут принять тебя за барина, за буржуя!

— Не беспокойся! — отвечал мне Сергей, делая аккуратный пробор на голове, как раз посредине. — Поверь мне, что не всегда так бывает, что "по платью встречают".

Когда мы пришли в коллектор, Есенин смело распахнул двери и быстрым шагом вошел в довольно грязное и неуютное помещение. Можно было подумать, что он уже не раз здесь бывал и всё ему хорошо знакомо. Он сразу направился к широким и тоже

не очень чистым нарам, на которых сидели и лежали полуголые, выпачканные угольной пылью, завшивевшие мальчишки в возрасте от шести до пятнадцати лет.

Я внимательно следил за каждым движением, за каждым жестом Есенина.

Он с серьезным деловым выражением лица сделал повелительное движение рукой, чтобы ему освободили место на нарах, прочно уселся, снял шляпу, велел положить ее на подоконник, подобрал одну ногу под себя и принял позу, которая удивительно напоминала обычную позу беспризорника: одновременно развязную и напряженную.

Сразу началась оживленная беседа. Она велась почти в товарищеском тоне.

Есенин начал с того, что очень правдиво рассказал, как он сам был беспризорником, голодал, холодал, но потом нашел в себе силы расстаться с бродяжничеством, подыскал работу, выучился грамоте и вот теперь — пишет стихи, их печатают, и он неплохо зарабатывает.

Кончив свой от начала до конца выдуманный рассказ, Есенин вытащил из кармана пачку дорогах папирос и стал угощать, однако не всех, а по какому-то своему выбору и без всякой навязчивости.

— А ты какие пишешь стихи? — спросил один мальчик. — Про любовь?

— Да, и про любовь, — ответил Есенин, — и про геройские дела... разные.

В разговоре он употреблял жаргонные слова, пользовался босяческими интонациями и жестами, но всё это делал естественно и просто, без тени притворства.

В ответ на его "искреннее" признание ребята начали без всякого стеснения рассказывать о своих путешествиях, о не всегда благопристойных способах приобретения средств для пропитания. Внимательно слушали, когда Сергей начал объяснять им, что Советская власть никогда не даст им погибнуть, она оденет их, приютит, научит работать, сделает счастливыми людьми...

Мы пробыли в коллекторе около часа. За это время никто не позволил себе ни одной грубой шутки. А когда один совершенно голый и совершенно черный от грязи мальчишка слишком близко подсел к Есенину, на него хором закричали остальные:

— Эй, дурошлеп! Разве не видишь — у человека хорошая роба?! А ты прислоняешься!

Другой мальчуган, по просьбе Есенина, с большой охотой спел чистым, как слеза, за душу берущим детским голоском песню беспризорников "Позабыт, позаброшен...".

Провожали нас до дверей всей оравой и кричали вдогонку:

— Приходите еще!

Мы вышли на улицу порядочно взволнованные».

Вержбицкий, 71–73.

См. также: дек. (?) 1923 ... февр. 1924; до 16 нояб. 1924; 16 нояб. 1924, первая запись.

Ноябрь, после 12 или 13 (?). Есенин посещает председателя Закавказского ЦИКа Миху Цхакая для решения вопроса об устройстве беспризорных.

Событие устанавливается по воспоминаниям Н.К.Вержбицкого, а его граница определяется с учетом времени посещения поэтом коллектора для беспризорников (см. предыд. запись).

Из воспоминаний Н.К.Вержбицкого:

«В ответ на эмоциональное заявление поэта старый большевик-ленинец сказал, что правительство уже нашло для беспризорных хорошие помещения, где в самом ближайшем будущем должны быть организованы трудовые колонии...».

Вержбицкий, 74.

Ноябрь, до 13. В Москве выходит журнал «Красная новь» (№ 6; за октябрь–ноябрь) со стихотворением Есенина «Отговорила роща золотая...».

Граница события устанавливается на основании информации в газ. «Правда» (см.: 13 нояб. 1924, третья запись).

См.: 16 ... 20 авг. 1924; 20 авг. – 2 сент. 1924, третья запись; после 20 авг. 1924, первая запись; 23 сент. 1924, вторая запись; 7 дек. 1924, четвертая запись.

Ноябрь, 13. Г.А.Бениславская пишет В.И.Эрлиху:

«Милый Эрлих.

Два года собирались я и Катя Вам написать, Катя даже написала, но сразу не удосужилась отослать письмо, а потом оно уже устарело. От С<ергея> А<лександровича> Вам привет, просит Вас писать ему, сам же не пишет, потому что потерял Ваш адрес. Я ему сообщила, вероятно, скоро напишет. Сейчас он в Тифлисе, собирается в Персию (еще не ездил). Говорит сам и другие о нем — чувствует себя недурно. Пишет. Прислал кое-что из новых стихов. Прислал исправленную "Песнь о великом походе". Просит поправки переслать Вам для Госиздата. "Пусть там издадут «36» и ее вместе". Нарочно привожу его фразу дословно, так как не знаю, где эти вещи, вернее, куда сданы.

С "Песнью" вышло недоразумение, и не из приятных: С. А. дал ее в журнал "Октябрь", они поместили в № 3, а потом выяснилось, что она напечатана в петербургской "Звезде". "Октябрь" рвет и мечет. А сегодня я нашла в письмах, полученных на имя С. А. после его отъезда, письмо из "Звезды" <текст см.: 18 сент. 1924, седьмая запись>.

Теперь мне ясно, что С. А. именно потому и не хотел ее печатать, что сдал в "Октябрь". Не знаете ли, каким образом она была сдана в "Звезду", и через кого он сообщал туда, чтобы "Звезда" не печатала ее? Если нетрудно выяснить всё это, напишите подробно об этом мне. Надо растолковать "Октябрю". Кроме того, если эта "Песнь о великом походе" сдана в Госиздат, то не пускайте ее в печать самостоятельно, так как отдельно она издается здесь Госиздатом. Пустите ее, как С. А. пишет, вместе с "36" (он название "26" изменил на "36" и в заглавии, и в тексте), если это удобно; чтобы не вышло такой же истории, как с "Октябрем" и "Звездой", — одновременно и там и тут напечатают. Вообще у меня и Кати к Вам огромная просьба: сообщите нам подробно всё, что знаете: какие стихи куда сданы, где печатались в Петербурге (стихи, написанные после книги "Москва кабацкая"). С. А. прислал мне доверенность на продажу его книги, но ни я, ни Катя не знаем точно, что именно можно продать. А нам это нужно спешно, так как не хотим трогать С. А., чтобы он высылал деньги с Кавказа. Думаем устроиться здесь. Если у него есть где-либо деньги в Питере, получите и пришлите нам. Очень много всяких дел написала Вам, но, увы, сами мы поехать сейчас в Питер не можем, и всё это нам важно знать.

Фу, деловая часть кончена, даже уморилась так подробно расписывать.

Расскажите, что у Вас слышно? Что делает литература петербургская? Напишите С. А. по адресу: Баку, "Бакинский рабочий", Есенину. Он просил всех писать всегда только по этому адресу.

Ну, пока всего хорошего.

Привет "петроградским имажинистам". Вам от Кати тоже привет».

Письма, 340–342.

К письму приложен листок: «Поправки к "Песни о великом походе"» (см.: до 14 сент. 1924, первая запись).

Газета «Вечерняя Москва» (№ 260; рубрика «Литературная хроника») помещает неподписанную информацию «В Всероссийском союзе поэтов»:

«Сергей Есенин написал революционную балладу "Двадцать шесть" и революционную поэму "Песня <так!> о великом походе"».

См. также: 23 дек. 1924, вторая запись.

Московская газета «Правда» (№ 258) дает объявление Госиздата:

«Вышли из печати и поступили в продажу <...> журнал "Красная новь" № 6. Стихи Есенина».

Ноябрь, 14. Газета «Рабочая правда» (№ 260; подпись: «Заноза») публикует статью «Поэтическое состязание» с упоминанием Есенина.

Статье предпослан эпиграф:

Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить не в сноровке,
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали в тигулевке.

Сергей Есенин — «Стансы».

Из статьи:

«10 ноября в 8 час. вечера в одной из тифлисских красных столовых произошло "поэтическое состязание", потребовавшее вмешательства милиции. До слуха дремавшего служащего столовой донеслись громкие крики и шум. Не успел он опомниться, как в настежь распахнувшуюся дверь ворвалась вдребезги пьяная компания, состоявшая, как впоследствии выяснилось, из поэтов С.Есенина, Табидзе, Нинидзе <так!>, Яшвили и др.

Служащий попробовал было запротестовать и заявил, что подобные "вторжения" неуместны, но не тут-то было: поэтическая компания водрузилась за столом и завопила:

— Дайте вина!..

Получив отказ, поэты возмутились и начали швырять стульями. Затем полетели и столы.

В конце концов, один из поэтов так сильно ударил другого, что тот был ранен и поднял отчаянный крик, прерываемый залпами трехэтажной брани.

Только благодаря усилиям вызванной милиции удалось выпроводить поэтов на улицу».

См. также: 10 нояб. 1924, 8 час. вечера; 15 нояб. 1924, четвертая запись

Харьковская газета «Коммунист» (№ 261) печатает статью Ал. Соловьева «Литературные края», в которой заходит речь о Есенине:

«Четыре журнала: "Россия", "Русский современник", "Звезда" и "Красная новь" отражают на своих страницах современную русскую художественную литературу. Казалось бы, как они должны быть непохожи друг на друга, со своим, у каждого особым, подходом к литературной современности. <...> [Но] современный писатель не прикреплен, как это было когда-то, к определенному журналу, журнала своего не имеет, так же, как и журнал не имеет только своего писателя. Бабель, Пильняк, Сейфуллина, А Толстой, Вс. Иванов, Горький, Лидин, Есенин, Тихонов, Мандельштам, Петровский, Александровский, Казин — стали общим достоянием всех журналов. Поэтому читатель даже не удивляется, если литературно-критический отдел журнала предает анафеме, отлучению и литературной казни как раз того художника, стихи, рассказ или повесть которого напечатаны в литературном отделе того же журнала».

Н.П.Савкин пишет Г.А.Бениславской о своем отношении к Есенину и к его близким, пытаясь объяснить обстоятельства с положением дел в «Стойле Пегаса».

Письмо заканчивается словами:

«...верьте, о всех Вас и Сер<гее> и Кате помню и люблю по-прежнему. А Ваше дело судить так или иначе.

14 / XI. 24 г. Уваж<ающий> Вас покор<ный> Слуга Н. Савкин».

К письму приложена запись Г.А.Бениславской, сделанная после смерти Есенина:

«Савкин Ник. Петрович.

Он систематически не давал денег, причитавшихся Сергею со "Стойла", затеял "коммерческую операцию" — закрыл "Стойло" и открыл театр и кончил крахом. Мы думали, что всё идет ему в карман, кажется же, в данном случае всё утонуло в театре (ремонт и пр.)».

Шубникова-Гусева-2008, 301–302.

Ноябрь, до 15. В Ленинграде выходит журнал «Звезда» (№ 5) с «Песнью о великом походе» Есенина (первая редакция).

Граница события устанавливается по информации в газ. «Правда» (см.: 15 нояб. 1924, первая запись). К тому времени в окончательной редакции поэма была опубликована в газ. «Заря Востока» (см.: 14 сент. 1924, первая запись).

См. Приложение.

В журнальной публикации было допущено (скорее всего, по вине корректора) явное нарушение авторской графики после строк 297, 337, 485, а также опечатки в строках 67, 203, 211, 234, 260 и др.

См.: 15 нояб. 1924, вторая запись; 27 нояб. 1924.

См. также: после 15 или после 16 июня – июль 1924, вторая запись; 16 или после 16 (?) июня 1924; первая половина июля 1924; после 17 июля 1924; конец второй декады (?) июля 1924; до 26 июля 1924; 1 – 6 авг. 1924, первая–третья записи; 7–20 авг. 1924, третья запись; 14 авг. 1924, первая запись; 18 авг. 1924, вторая запись; после 20 (?) авг. 1924, вторая запись; конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 2 сент. 1924, первая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; до 14 сент. 1924, первая запись; 14 сент. 1924, первая запись; сент. 1924 – янв. 1925; до 16 дек. 1924, вторая запись.

Информацию о выходе номера см. также: 5 дек. 1924; 6 дек. 1924, вторая запись.

Ноябрь, 15. Московская газета «Правда» (№ 260) помещает объявление о выходе в свет и поступлении в продажу № 5 журнала «Звезда» с упоминанием имени Есенина:

«...Содержание.— С. Есенин — Песнь о великом походе (поэма)...».

См. также: 5 дек. 1924; 6 дек. 1924, вторая запись.

В утреннем выпуске ленинградской «Красной газеты» (№ 262) публикуется заключительная часть поэмы Есенина «Песнь о великом походе: Из поэмы того же названия, посвященной разгрому Юденича».

См.: до 15 нояб. 1924.

См. также: 27 нояб. 1924; 23 дек. 1924, вторая запись.

Приложение «Обо всём понемногу. Наука. Техника. Литература» к ярославской газете «Северный рабочий» (№ 9; рубрика «Книжная полка») печатает анонимную рецензию на книгу «Москва кабацкая»:

«Творчество Есенина, большого и ярко выраженного поэта, в последнем периоде отмечено неизгладимой печатью медленного, но верного угасания, перелома в психике поэтичекого настроения в сторону безнадежного пессимизма, отречения от жизни и ра-

дости. Если Есенин первых лет революции писал, говоря ветру: "Я такой же, как ты, хулиган", то в 1924 году он пишет:

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охвачен <так!>,
Я не буду больше молодым...

И тщетно пытается поэт уйти от муки сознания гибели своего творчества.

... И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть лицо роковое <так!>,
Чтоб подумать хоть миг об ином...

Личная жизнь Есенина за последние годы привела его к такому перелому в творчестве. Постоянное пьянство сделало то, что поэт говорит о себе:

... одержимый тяжелой падучей,
Я душой стал, как желтый скелет...

Есенинское упадничество чуждо нам органически. Можно только пожалеть о гибели большого таланта».

О выходе книги и об откликах на нее см.: до 19 июля 1924; 1 сент. 1924, вторая запись; после 4 окт. 1924; до 28 нояб. 1924.

Газета «Рабочая правда» (№ 261) публикует два письма по поводу статьи «Поэтическое состязание» в предшествующем номере издания:

— «Письмо в редакцию. К поэтическому скандалу»:

«Во вчерашнем номере "Р. П." была помещена заметка "Поэтическое состязание", в которой упоминается мое имя как участника скандала.

Ни в какую красную столовую я не заходил пьяным и участия в скандале не принимал.

Паоло Яшвили»;

— еще одно письмо:

«Подтверждаем, что скандал в столовой № 1 трудового коллектива был устроен Есениным. Паоло Яшвили во время скандала в столовой не был, участия в безобразиях не принимал и пришел после того, как Есенин был взят в милицию.

Члены коллектива: Г.Джикия и Н.Киквадзе».

См. также: 10 нояб. 1924; 14 нояб 1924, первая запись.

Ноябрь, до 16. Есенин пишет стихотворение «Русь бесприютная».

Граница события определяется по дате первой публикации произведения (см.: 16 нояб. 1924, первая запись).

Есенин, II, 98–101, 235, 413–414.

См. также: дек. (?) 1923 ... февр. 1924; 12 ... 13 (?) нояб. 1924.

Ноябрь, до 16 ... до 30. В Иваново-Вознесенске выходит книга М.П.Сокольникова «Вечера художественной литературы: Пособие для школ и внешкольных учреждений», в которой говорится о Есенине.

Кн. летопись, 1924, № 22, нояб., поз. 12566.

Из раздела «Футуристы и имажинисты»:

«Программа вечера "футуристы и имажинисты" <...> разделяется на два отделения, по одному на каждую школу <...>.

Темы для докладов <...>

7. Имажинизм и его представители (Есенин, Мариенгоф, Шершеневич <...>).

8. "Озорные тенденции" имажинизма (вскрыть социальную подоплеку поэзии имажинистов).

9. Революционные мотивы в поэзии футуристов и имажинистов.

Материалы для программы <...>

II отделение

Декларации имажинистов ("Вы — поэты, живописцы, музыканты..." Из ж<урна>ла "Сирена" или "От символизма до Октября").

Марш революций, Ан. Мариенгоф.

Отрывки из "Пугачева" С.Есенина.

Исповедь хулигана и др. ст<ихотворения> Есенина. <...>

Библиографические указания. <...>

Теоретическое обоснование и декларации имажинистов имеются в сборниках:

В.Шершеневич 2x2=5. Листы имажинистов. Изд. "Имажинисты". М., 1920.

С.Есенин. Ключи Марии. М., 1920. <...>

Главнейшие сборники имажинистов:

С.Есенин. Трерядница — Голубень — Исповедь хулигана — Пугачев — Звездный бык. <...>

Сборники: Плавильня слов. 1920 — Харчевня зорь — Коробейники счастья. 1920 — Конница бурь (№ 1–2) — Имажинисты — Золотой кипяток — Явь. 1919 — Мы, изд. Чихи-пихи. М., 1920.

Литература об имажинизме незначительна. Отметим книгу В.Львова-Рогачевского "Имажинизм и его образоносцы". М., 1921 и С.Григорьева "Пророки и предтечи последнего завета. Имажинизм <так!>". 1921.

Вопросы.

1. Устройте литературный суд над футуристами и имажинистами. <...>

3. Разберите творчество Северянина, Маяковского, Каменского, Есенина и напишите о них отдельные рефераты. <...>

Изречения и отрывки. <...>

Облаки лают.
Ревет златозубая высь...
Пою и взываю:
Господи, отелись.

С.Есенин

Сойди, явись нам, красный конь,
Впрягись в земли оглобли...
О, вывези наш шар земной
На колею иную.

С.Есенин

<...> Темы и художественный материал для разработки вечеров.

<...> Есенин. Стихотворения».

См. Приложение.

Ноябрь, 16. Газета «Заря Востока» (№ 729) публикует материалы Есенина и о нем:

— стихотворение «Русь бесприютная».

Г.В.Бебутов вспомнит, что «Заря Востока» «приурочила» опубликование этого произведения Есенина к творческому вечеру поэта в Малом зале Совета профессиональных союзов в Тбилиси («Товарищи по чувствам, по перу...», 102).

См. также: дек. (?) 1923 ... февр. 1924; 12 ... 13 (?) нояб. 1924; до 16 нояб. 1924;

— информацию «Вечер стихов С.Есенина (рубрика «Театр и искусство»):

«Сегодня в зале Совпрофа состоится вечер стихов поэта Сергея Есенина. После чтения стихов — диспут».

По словам Г.В.Бебутова, который присутствовал на этом вечере, диспута не было («Товарищи по чувствам, по перу...», 102).

Ср. однако, с воспоминаниями Г.Н.Леонидзе:

«...зал Совпрофа, где он должен был читать стихи, оказался буквально переполненным. Публика восторженно приняла любимого поэта. Есенин читал великолепно.

После чтения стихов разгорелся диспут, как это часто бывало в те годы. На этом диспуте, между прочим, выступил какой-то заезжий критик — фразер и пошляк, обвинивший поэта в пристрастии к гитаре, тальянке, гармонике, а также в "эксплуатации скандалов". Эти надоедливые укусы длились довольно долго, но Есенин выслушал всё с завидным терпением. Наконец, он начал отвечать ему. Поднял голову, всмотрелся в потолок и затем обратился к оппоненту (слова Есенина со стенографической точностью записал журналист Г. Бебутов), указав на лепные украшения потолка: "Вот посмотрите на эти инкрустации. Их много, но они, по сути дела, украшения — не главное. Я не согласен с теми, которые в моих стихах видят только то, что я сам считаю случайным и наносным". Лично я помню и не столь сдержанную реплику Есенина по тому же адресу — "фразер и пошляк!"»

Восп., 2, 203, 204.

В Тифлисе проходят похороны Вано Сараджишвили, свидетелем которых является Есенин.

Г.Н.Леонидзе вспомнит:

«Влюбленный в русскую песню, сам отличный певец, он <Есенин> очень полюбил и наши напевы. Особенно нравилась ему "Урмули" (аробная). Не помню, слышал ли он божественное исполнение Вано Сараджишвили, но похороны этого "грузинского соловья" совпали с пребыванием Есенина в Тбилиси и потрясли его своей грандиозностью. Это был подлинно национальный траур. <...> Траурный полдень и поэтический вечер этого дня <см. след. запись> надолго объединили в сознании тбилисцев два редких самородных таланта — Сергея Есенина и Вано Сараджишвили».

Восп., 2, 203–204.

Есенин читает стихи, в том числе «Русь бесприютную», на своем творческом вечере в Малом зале Совета профессиональных союзов в Тифлисе.

Событие и его дата устанавливаются по информации в газ. «Заря Востока» (см.: 16 нояб. 1924, первая запись) и воспоминаниям Г.В.Бебутова («Товарищи по чувствам, по перу...», 102–103).

Из письма К.А. Соколова к П.М.Денисовой-Соколовой (17 нояб. 1924):

«Сережа <Есенин> передает тебе привет, вчера был его концерт — блестящий концерт».

«Есенинский вестник: Издание Гос. музея-заповедника С.А.Есенина», [Рязань], 1995, вып. 4, с. 24.

Т.Ю.Табидзе напишет:

«...нет возможности описать все встречи с поэтом: много в них интимного, многое лишено широкого общественного интереса, многого просто не уместить, но есть и мно-

гое важное для советской общественности — я имею в виду взаимоотношение русских и грузинских поэтов. У меня со стенографической точностью воспроизведены <...> беседы на эту тему на банкете, устроенном в честь С.Есенина <эти записи Т.Табидзе неизвестны>. Есенин вскоре ответил на эти беседы стихотворением "Поэтам Грузии"».

Восп., 2, 194.

См. также: до 23 нояб. 1924.

Ноябрь, 17. Есенин пишет в Ленинград П.М.Денисовой-Соколовой. Сообщает о самочувствии ее мужа К.Соколова, о своих отношениях с ним и продолжает:

«Через несколько дней он поедет со мной в Баку. Оттуда я в Тегеран, он в Ленинград. Там ему важно получить большую работу <...>.

Когда свидимся, мы о нашей жизни в Тифлисе поговорим с Вами подробней. Будете над многим смеяться».

Есенин, VI, 185–186.

Есенин пишет шуточное стихотворение, обращенное к П.М.Денисовой-Соколовой:

Милая Пераскева,
Ведь Вы не Ева!
Всякие штуки бросьте,
Любите Костю.
Дружбой к Вам нежной осенен,
Остаюсь — Сергей Есенин.
P.S.
Пьем всякую штуку.
Жму Вашу руку.

Есенин, IV, 258, 465.

Дата события определяется по письму Есенина к П.М.Денисовой-Соколовой (см. предыд. запись) и воспоминаниям К.А.Соколова:

«Я поведал Есенину о ссоре с женой. В тифлисской гостинице он написал Прасковье Михайловне письмо и стихи. Всё это было одновременно отослано мной тетке, а та уже передала адресату».

Хроника, 2, 306.

Об участии Есенина в литературной жизни Тифлиса упоминает (в докладе на своем авторском вечере в Баку) М.П.Юрин.

Событие и его дата устанавливаются по газетному отчету:

«По случаю приезда из Тифлиса поэта-комсомольца тов. Юрина 17 ноября в малом зале АСПС <Азербайджанского совета профсоюзов> состоялся вечер пролетарского творчества.

Публики было много, в большинстве — рабочие писатели и поэты города Баку. Тов. Юрин сделал краткий доклад о литературной жизни Тифлиса. <...>

<По его словам>, преобладающее влияние на литературную жизнь Тифлиса оказывают поэты-комсомольцы. Упадочничество не пользуется вниманием, и даже Есенину удалось очаровать аудиторию только формой».

А.Г. Вечер пролетарского творчества. — Газ. «Бакинский рабочий», 1924, 19 нояб., № 263; раздел «Жизнь искусств».

Коллегия Наркомпроса оставляет в силе решение о закрытии журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном»:

«Протокол № 34/246 заседания Президиума Коллегии НКП 17 ноября 1924 г.

Присутствовали: А.В.Луначарский, М.Н.Покровский, В.Н.Яковлева, И.И.Ходоровский, М.С.Эпштейн, В.Н.Мещеряков, тов. Моночиненков, тов. Зылев, председатель Цекпроса тов. Коцин.

Председатель — А.В.Луначарский.

Секретарь — Н.Л.Рутковская. <...>

Слушали:

1. Протест ассоциации вольнодумцев против закрытия Главлитом журнала ассоциации (докладчик т. Луначарский).

Постановили:

1. Вопрос считать исчерпанным распоряжением наркома тов. Луначарского».

Дроздков-2007, 433 (с исправлением второго инициала М.Покровского).

Ноябрь, 18. В Москве Г.А.Бениславская заполняет за Есенина бланк анкеты для членов Всероссийского союза поэтов.

Памяти Есенина, 7–8.

См. Приложение.

Ленинградский журнал «Жизнь искусства» (№ 47; рубрика «Москва») помещает неподписанную информацию, в которой заходит речь о Есенине:

«Четвертая студия МХАТ. В число студийных работ включена пьеса С.Есенина "Пугачев". Ставят Чуйко и Михайлов».

Постановка не была осуществлена.

Ноябрь, до 19 или **19.** Есенин пишет стихотворение «Клавдии Александровне Любимовой».

Есенин, IV, 259, 465–466.

Время события определяется с учетом содержания («Да здравствует именинница // На много лет!») и того, что день именин Клавдии приходится на 19 нояб. 1924.

Адресат стихотворения-экспромта — дочь сотрудника газеты «Заря Востока» художника А.М.Любимова.

Ноябрь, 20. В парижском издательстве «Au Sans Pareil» выходит по-французски отдельной книгой с рисунками В.С.Барта поэма А.Б.Кусикова «Песочные часы» («Le Sablier»; перевод Е.Сидерского), где упоминается имя Есенина.

Русский текст соответствующего фрагмента поэмы см.: Летопись, 3 (2), 226, 511.

На одном из рисунков художника, помещенных в книге, изображены Есенин и А.Дункан (см. Приложение).

Ноябрь, до 21. Есенин пишет стихотворение «Письмо к женщине».

Есенин, II, 122–125, 238, 426–429.

Граница события устанавливается с учетом публикации произведения (см.: 21 нояб. 1924).

Выступая на вечере, посвященном Есенину, В.Э.Мейерхольду, А.В.Луначарскому (Москва, Центральный дом актера, декабрь 1967 г.), Е.А.Есенина засвидетельствует, что адресат «Письма к женщине» — З.Н.Райх (запись выступления хранилась в архиве Ю.Л.Прокушева).

Ноябрь, 21. Газета «Заря Востока» (№ 733) печатает «Письмо к женщине» Есенина.

«Есенин иногда советовался с товарищами по поводу отдельных фраз.

— А это — не звучит ли как прописная истина: "большое видится на расстояньи"? — спросил он однажды у меня.

В другой раз задал такой вопрос:

— Могу ли я про себя сказать: "зрело знающий работу"?

Я ответил отрицательно. Стали разбираться, Есенин согласился и переделал на "незрело знающий работу". Так и было напечатано первый раз в газете "Заря Востока" ("Письмо к женщине" 1924). Но при последующих перепечатках опять почему-то появилось "но зрело знающий работу".

Тогда и я,
Под дикий шум,
Но зрело (?) знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.
Тот трюм был —
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Зачем было бы, спрашивается, человеку, зрело знающему работу, уходить в кабак и губить себя в угаре пьяном?..».

Вержбицкий, 100–101.

См. также комментарий С.И.Субботина — Есенин, II, 427.

Есенин спросит у Г.А.Бениславской (20 дек. 1924):

«Как Вам нравится "Письмо к женщине?"».

Есенин, VI, 192.

Из ответа Г.А.Бениславской Есенину (25 дек. 1924):

«"Письмо к женщине" — я с ума сошла от него. И до сих пор брежу им — до чего хорошее оно!».

Письма, 262.

Из письма Г.А.Бениславской Есенину от 27 дек. 1924:

«А "Письмо к женщине" — до сих пор под этим впечатлением хожу. Перечитываю и не могу насытиться».

Письма, 264.

В Госиздате готовится проект договора об издании книги Есенина «Рябиновый костер».

Есенин, VII (2), 152. Машинопись договора не заполнена.

Окончательное составление и подписание этого документа состоится лишь 20 июня 1925 (см.).

См. также: до 20 окт. 1924, вторая запись; 20 окт. 1924, первая запись; после 2 нояб. 1924, вторая и третья записи; 14 дек. 1924, первая запись.

Ноябрь, до 23. Есенин пишет стихотворение «Поэтам Грузии».

Есенин, II, 110, 423–424.

Граница события устанавливается с учетом публикации произведения (см.: 23 нояб. 1924, первая запись).

Есенин читает стихотворение «Поэтам Грузии» на квартире Т.Табидзе.

Позже Н.А.Табидзе вспомнит:

«...у нас Есенин чувствовал себя по-домашнему. Один раз <...> он пришел к нам в двенадцать часов ночи. В это время и Паоло Яшвили был у нас. Необычайно творчески

взволнованный, Есенин достал свое новое стихотворение и прочитал друзьям. То было известное стихотворение "Поэтам Грузии", в котором, как и в стихотворении "На Кавказе", он пел о душевном братстве русских и грузинских поэтов.

Это был необычайный поэтический вечер.

Тициан достал книгу стихов Важа Пшавела и читал Есенину по-грузински, тут же слово в слово переводя. Восторгу Есенина не было границ. <...> До этого дня Есенин не слышал о Важа Пшавела. Теперь же он слушал его строки, волновался, кипел, не мог усидеть на месте. Его очаровывала доброта, струящаяся из строчек Важа: и то, как он ласкает траву, деревья, посевы, лань — и растения и животных. Вдруг Есенин вскочил и, как будто бы отвечая Важа, прочитал стихи, в которых он, словно предчувствуя близкую смерть, сожалел о прекрасном мире:

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать».

Восп., 2, 197–198.

В письме к Т.Ю.Табидзе (20 марта 1925) Есенин напишет:

«Грузия меня очаровала. Как только выпью накопившийся для меня воздух в Москве и Питере — тут же качу обратно к Вам, увидеть и обнять Вас».

Есенин, VI, 206.

Ноябрь, 23. Газета «Заря Востока» (№ 735) публикует стихотворение Есенина «Поэтам Грузии».

См. также: до 23 нояб. 1924, первая и вторая записи.

Газета «Трудовой Батум» (№ 266) помещает стихотворение К.Богдановского «Дружеское послание Есенину (По поводу его стихотворения "На Кавказе"»):

Примчавшись в поезде сюда,
«Чтоб посмотреть свой час кончины»,
Кавказ воспел ты хоть куда,
Его ущелья и долины.

И чей-то труп тут «обрыдал»,
Но не найдя его, конечно,
Шестиэтажно обругал
Поэта Клюева беспечно.

И Маяковского хватил
По голове советской «пробкой»,
В Баку с плацкартой укатил,
Русь быстрой удивив сноровкой.

Теперь, замкнувшись, как в тюрьме,
В Баку, ты ждешь свой «час прощальный»,
— «Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

См.: 13 ... 18 сент. 1924; 19 сент. 1924, вторая запись.

Литературное приложение «Dělnická besídka» к пражской газете «Rude pravo» (rog. 5, № 275) печатает стихотворение Есенина «Осень» в переводе Богумила Матезиуса на чешский язык.

Ноябрь, 23–24. В.И.Эрлих пишет Г.А.Бениславской:

«Ах, Галя, Галя! Вы ли, вы ли?

По моему разумению, письма Сергею должны или вовсе не читаться, или читаться вовремя. В данном случае — последнее. Однако после драки кулаками не машут. К делу:

1) На печатание поэмы в "Звезде" дал согласие Сергей перед отъездом из Питера.

2) Запрещение печатать ее в "Звезде" (по просьбе Сергея) передал я в день приезда из Москвы (3-го сентября).

3) О письме Майского Сергею в Москву я не знал ничего <письмо неизвестно>.

4) О том, что Сергей уехал на Кавказ, в Ленгизе знали в день моего приезда (3.IX).

Выводы: я рассматриваю эту историю как простой трюк со стороны Майского, ибо, зная об отсутствии Сергея в Москве, он определенно мог рассчитывать на неполучение ответа.

Относительно Госиздата. Поэма пойдет вместе с балладой под заголовком "Две поэмы".

Изменения в редакции принял к сведению и дал знать в Госиздат, что корректуру буду делать я лично. Книжка пройдет через меня <издание не состоялось>.

Какие стихи были даны Сергеем в сборник, выяснить не удалось за отсутствием Ионова (в Москве).

Руководствуйтесь следующим. Последнее стихотворение, которое он мог сдать в Ленинграде, — "Возвращение на родину". Первое стихотворение, написанное в Москве, — "Отговорила роща золотая...". Начиная с этого, ни одна вещь в Питере продана быть не могла. "Сукин сын" — кажется, также не в работе.

Подробнее, к сожалению, изъяснить не могу.

Думаю, что если московских стихов десятка полтора наберется, то ошибка на 1–3 стихотворения трагедии не сделает. Во всяком случае, как только что-нибудь выясню, напишу тотчас.

По отношению ко мне сделайте следующее:

1) Пришлите запоздалое извещение о том, что деньги (100 рублей), высланные мною по приезде сюда на имя Кати, получены <см.: после 9 сент. 1924>.

2) Доверенность на получение денег из Ленгиза для пересылки в Москву, без которой (ясно!) мне не дадут ни копейки.

3) Известите Сергея о том, что Майский самовольно напечатал в "Красной газете" отрывок из "Песни" <см.: 15 нояб. 1924, третья запись>.

Приму все меры к тому, чтобы Майский был обруган вместе с родителями, но это так, для морального удовлетворения.

Думаю, что скверно с самого начала было уже то, что поэма имелась в нескольких списках. Иначе я бы изъял у Майского экземпляр, и дело бы этим кончилось.

"Октябрю" (сиречь Анн<е> Абр<амовне>) расскажите всё это, кроме "Двух поэм", если там еще этого не знают!

О письме "Звезды" в Москву и о прочем напишите Сергею.

Теперь об имажинистах, наших и "ваших". О разрыве Сергея с "Гостин<ицей для путешествующих в прекрасном>" Вы, должно быть, знаете.

У меня здесь была форменная склока с нашими ребятами. Дело дошло до того, что Шмерельсон писал Грузинову, требуя передачи всех наших материалов, в том числе и моих. Мне случайно попалась открытка Грузинова Шмерельсону, из которой я это понял. Грузинову я открытку с разъяснениями послал.

Во всяком случае, будет Сергей что-нибудь предпринимать или нет, — ни я, ни Полоцкий никаких дел с "Гостин<ицей>" иметь не будем и не можем.

Ну, кажется, всё. Жду письма. Будьте здоровы и счастливы. То же самое посоветуйте от меня Кате.

Сергею напишу. Полагаю, и вы!

ЛГРД 23. XI. 24. Вольф Эрлих.

<...> Кажется, дня через два я сумею известить Вас о недостающих подробностях. Так или иначе — напишу».

Шубникова-Гусева-2008, 267–268.

Ноябрь, 25. М.Х.Данилов вновь запрашивает Есенина о судьбе рукописи своего сборника «Стезя».

Письма, 254.

См. также: 9 нояб. 1924, вторая запись.

Ноябрь, 27. Томская газета «Красное знамя» (№ 272) перепечатывает из «Красной газеты» заключительную часть поэмы «Песнь о великом походе: Из поэмы того же названия, посвященной разгрому Юденича».

О первой публикации отрывка см.: 15 нояб. 1924, вторая запись.

См. также: до 15 нояб. 1924; 25 дек. 1924, вторая запись.

Ноябрь, до 28. В Новониколаевске выходит журнал «Сибирские огни» (№ 4; за сентябрь — октябрь); с рецензией на книгу Есенина «Москва кабацкая» (подпись: «Н.»):

«Песни, песни — о чем вы кричите.
Иль вам нечего больше сказать <так!>.
Есенин.

Вышла новая книга Есенина “Москва Кабацкая”.

Читатель не найдет в этой книжке прежней цветистой свежести и весенней легкости. Притоны Москвы не могли не оставить на творчестве Есенина растлевающего влияния. Слово этого художника, прежде такое крепкое и убедительное, побледнело.

Можно ли было ожидать от ясного Есенина, лучшего лирика избяной Руси, таких жутких своей усталостью строк, как в “Москве Кабацкой”!

Безысходная тоска о родном крае, куда он теперь не может вернуться, кажется нам не перепевом самого себя, а трагическим разрывом с тем, что, безусловно, питало талант Есенина.

Изменилась и певучесть Есенина. Встречаются тяжелые и неприятные строки. “Как о ком-то погибшем живом”. Книга “Москва Кабацкая” – нерадостная книга, с надрывом, с выкриками.

Не верится всему этому. И жадно хочется сказать есенинскими же словами:

Ничего. Я споткнулся о камень.
Это к завтраму все заживет».

Граница события устанавливается по информации о выходе журнала, опубликованной в газ. «Советская Сибирь» (1924, 28 нояб., № 272).

См. Приложение.

О выходе книги и об откликах на нее см.: до 19 июля 1924; 1 сент. 1924, вторая запись; после 4 окт. 1924; 15 нояб. 1924, третья запись.

Ноябрь, 30. Бакинская газета «Труд» (№ 271; рубрика «Новости литературы») печатает отзыв Е.Ф.Рабиновича на «Книгу для чтения по новейшей литературе» (составитель В.Л.Львов-Рогачевский) с упоминанием Есенина.

О выходе книги см.: 21 июля 1924, первая запись.

Ноябрь, конец ... Декабрь, до 15. В Госиздате РСФСР выходит четвертым изданием книга «Зеленый шум: Хрестоматия для трудовой школы. Первый год» (составители Е.Е.Соловьева, В.М.Волынская и др.) со стихотворением Есенина «Воробушки» <«Поет зима — аукает...»>.

Кн. летопись, 1924, № 23, дек., поз. 12913.

Московское издательство «Коминтерн» выпускает книгу Л.Д.Троцкого «Литература и революция» (2-е изд., доп.), где немало места уделено Есенину.

Кн. летопись, 1924, № 23, дек., поз. 13322.

См. также: до 25 нояб. 1923.

В издательстве Книжного сектора ГУБОНО (Ленинград) выходит книга «Октябрь: Сборник стихотворений» с отрывком из поэмы Есенина «Товарищ» («Вот под тесовым окном...»).

Кн. летопись, 1924, № 23, дек., поз. 13161.

В Госиздате РСФСР выпускается третьим изданием книга «Художественная литература в оценке русской марксистской критики» (сост. Р.С.Мандельштам, ред. Н.К.Пиксанов). В разделе «Русская литература» дается описание откликов на творчество Есенина:

«10. Ангарский. Заметки о поэзии и поэтах [И.Ясинский, Н.Клюев, В.Кириллов, С.Есенин, П.Орешин]. Творч<ество>, 1919, I–III, 22–27, IV–V, 34–38. <...>

420. Клейнборт Л. Поэты-пролетарии о войне [<...> Есенин <...>]. С.М. 1916. III, 101–118. <...>

447. Коган П.С. Литературные силуэты. С.Есенин. Кр. Новь. 1922. III. 254–259. <...>

460. Коган П.С. Литература этих лет. 1917–1923. Иваново-Вознесенск. 1924 г. стр. 146. Гл. VIII. Об Есенине, о деревне и городе. <...>

742. Львов-Рогачевский В.Л. Имажинизм и его образоносцы. Есенин, Кусиков, Мариенгоф. М., 1921, 68 стр. <...>

747. Львов-Рогачевский В.Л. Новейшая русская литература. Изд. Центросоюза. М., 1922. 323 + III стр.

Гл. 12. Новокрестьянский поэт-символист Сергей Есенин.

Гл. 11. Писатели-крестьяне и рабочие. <...> Есенин. <...>

843. Осинский Н. <Ч.> III. Новая литература: поэзия [<...> С.Есенин. <...> Пр. 1922, № 145, 4 июля]».

О событии и о его рамках см.: Кн. летопись, 1924, № 23, дек., поз. 13086.

Ноябрь. Пражский журнал «Своими путями» (№ 1–2; за ноябрь) публикует материалы, в которых упоминается Есенин:

— статью Е.Недзельского «О маятнике мод, “Млечном пути” и беспощадном крыле»:

«Помните, Тишайший, как пришел к нам никому не известный С.Есенин. Это был здоровый рязанский мужичонка, от которого перло творчеством. Он теперь не вспомнит, верно, что первые его стихи вы напечатали».

Тишайший — А.М.Чернышов, редактор журнала «Млечный путь» (см.: Летопись, 1, 733 (ук.));

— обзор А.А.Туринцева «По советским журналам» (подпись: «А. Т.»):

«А.Воронский, например, самое существенное в творчестве Есенина усматривает в том, что последний “ярко отразил в своих стихах собственнические взгляды и надежды нашего крестьянства, с которыми оно вошло в революцию; но отразил в мистической форме” (Воронский А. Искусство и жизнь: Сб. — М.: Круг, 1924 <см.: до 16 … 31 марта 1924, вторая запись>.).

Антон Крайний (Совр. зап. Т. XIX) <см.: до 24 апр. 1924>), очевидно, в последнем припадке старческой злобы на всё “советское”, ограничился тем, что выдернул из всего Есенина две строчки, из которых одну составляют точки (вместо слов неприличных), не найдя возможным и говорить дальше о таком похабнике и хулигане. А что Есенин действительно поэт – лишний раз подтверждают его бесподобные стихи, появившиеся в “Красной нови” (кн. 4, 1924) <см.: до 25 июля 1924, вторая запись>»;

— информацию «Выступление “Скита поэтов”».

Ноябрь (?). Есенин пишет письмо В.С.Чернявскому (неизвестно).

По словам адресата, оно начиналось словами:

«Черт знает, когда свидимся. Я уезжаю в Персию».

В письме были также строки:

«Отними <...> Клюева, Блока <...>, — что же у меня останется? Хрен да трубка, как у турецкого святого».

Восп.-95, 120.

Событие и часть текста устанавливаются по воспоминаниям В.С.Чернявского:

«По словам К.А.Соколова, <...>, он <...> писал это письмо в совершенно трезвое, “размышляющее” утро. Наряду с приведенными именами еще три частных дружеских имени».

Восп.-95, 120.

Нижегородский журнал «Школа и жизнь» (кн. 11; за ноябрь; раздел «Статьи и очерки») печатает статью В.Рукавишникова «Марксистское толкование литературных произведений», где заходит речь о Есенине.

Автор, говоря о «критических пособиях, которые помогут марксисту-словеснику при анализе новейшей литертуры, при составлении вопросников, при выборе тем для рефератов и т. п., останавливается на книге В.Л.Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература» (М., 1923):

«В ней много фактического материала, дается общий очерк эволюции русской литературы за последнее столетие, ряд портретов отдельных писателей, начиная с Л.Толстого, Достоевского, Чехова и кончая Есениным и Блоком. В конце книги приложена ценная библиография».

См.: Летопись, 3 (2), 345–351.

Нью-йоркский «Зеленый журнал» (№ 2; за ноябрь; рубрика «Юмор») помещает следующий материал:

«Поэт Сергей Есенин, бывший муж Айседоры Дункан, неоднократно подвергался преследованиям как со стороны официальных, так равно и литературных кругов Ленинграда <так!> за юдофобство и употребление слова “жид”.

Однажды один из приятелей столкнулся с ним на остановке трамвая.

— Что поделываете, Есенин?

— Трамвай под'евреиваю.

— Т. е. как это под'евреиваю? Поджидаю...

— Под-жид-аю?! Нет, брат, на этот раз не поймаешь».

Ср.: 12 мая 1924, третья запись.

Декабрь, 1. Парижская газета «Звено» (№ 96; рубрика «Литература, критика и искусство») публикует информацию о переводах произведений Есенина на сербский язык:

— «Недавно в Белграде вышли переводы лирики Есенина. Переводчик Кирилл Тарановский»;

— «М.М.Пешич полгода назад выпустил книгу о Есенине, где талантливым переводам предпослана не вполне зрелая вступительная статья».

Декабрь, 2. Московская газета «Беднота» (№ 1977) печатает неподписанную информацию Госиздата:

«Находится в печати <...> Есенин. Песнь о великом походе».

Бакинская газета «Труд» (№ 273; рубрика «Новости литературы») печатает рецензию Е.Рабиновича на № 4 журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном», в которой упоминается Есенин:

«... имажинистам <...> необходимо последовать примеру своего бывшего соратника С.Есенина, повернуть колесо своей поэзии назад к Пушкину. В противном случае их стихам грозит опасность превратиться в простую версификационную мастерскую образов».

Декабрь, начало. Есенин посылает Г.А.Бениславской письмо или телеграмму (содержание неизвестно).

Событие и ориентировочная датировка — по письму Г.А.Бениславской Есенину от 11–12 дек. 1924 («не сердитесь, не браните»).

Декабрь, 3. Есенин заключает договор с акционерным издательским обществом «Советский Кавказ» на выпуск книги «Страна Советская» из 12 стихотворений.

Есенин, VII (2), 257–258, 460–461.

Г.Н.Леонидзе позже вспомнит:

«В один из пасмурных ноябрьских дней, кажется, это было воскресенье, Паоло, Тициан, Есенин и я долго бродили по старому Тбилиси, в районе Метехской крепости и знаменитых серных бань. Потом там же пообедали и все вернулись во Дворец писателей. <...>

Опустились сумерки. Но нам было так хорошо вместе, что не хотелось расставаться. Решили не разлучаться и ночью. Далеко за полночь легли — Тициан в кресло, Паоло, Есенин и я — на полу, где был разостлан ковер. Под утро Есенин начал во сне плакать. Мы стали его будить, но безуспешно.

Утром, когда все мы проснулись, я спросил:

— Не сон ли дурной видел? Почему плакал?

Есенин грустно ответил:

— Да, действительно, страшный сон видел. У меня две сестры — Катя и Шура. Один я о них забочусь. Помогаю как могу, всегда о них думаю. Привез я их в Москву. Сейчас они там, а кто знает, как живут... И вот вчера видел сон: им трудно, они ждут моей помощи, протягивают ко мне руки... Представляете?..

И на глазах у него выступили слезы.

— Сегодня же достану тебе денег! — воскликнул взволнованный Паоло. Он действительно мог помочь в беде товарищу. Все мы пошли в издательство "Зари Востока". Там Паоло всё уладил: с Есениным заключили договор на издание книги его новых стихов и сразу же дали аванс. Помню, как Есенин послал по телеграфу деньги сестрам».

Восп., 2, 205.

Декабрь, 3 и 5. Смоленская газета «Рабочий путь» (№ 276, 278) в объявлении о подписке на журнал «Огонек» на 1925 год называет Есенина в числе авторов издания.

Декабрь, 3–6. Есенин пишет заявление Вирапу (Н.А.Вирапяну) с просьбой выслать на имя Бениславской 200 рублей в счет гонорара за книгу «Страна советская».

Есенин, VII, (2), 219, 356–358.

Поручение было исполнено.

Намеревается послать телеграмму Г.А.Бениславской: «Успокойте Шуру купите ей сапоги и шубу. Есенин».

Есенин, VI, 186, 633—634.

Сохранился черновик, текст зачеркнут. В архиве Г.А.Бениславской телеграмма не обнаружена.

А.А.Есенина после ознакомления с фотокопией документа напишет Г.В.Бебутову (около 20 февр. 1967):

«Лично я никогда у Сергея денег не просила и вообще ни о чем не писала ему. <...> Что же касается того, что телеграмма зачеркнута, то я думаю, что зачеркнул он ее сам. Вместо телеграммы он, видимо, решил просто выслать деньги. О существовании такой телеграммы ни мне, ни Екатерине Александровне ничего не известно».

Письма, 152.

В воспоминаниях, сопровождавших первую публикацию черновика телеграммы, А.А.Есенина отметит:

«В нашей семье письма писались всегда взрослыми и всегда деловые. Всяческими житейскими мелочами Сергея старались не беспокоить, так как он обычно сам замечал их. И в данном случае он предполагал, что, переехав из деревни в Москву, я не имею надлежащей одежды. Он был очень заботливым человеком».

Журн. «Лит. Грузия», Тбилиси, 1969, № 5/6, с. 188.

Из воспоминаний Н.А.Табидзе:

«Живя в Тбилиси, Есенин часто бывал у нас уже как свой и близкий человек. <...>

Тициан <...> объявил, что приведет к обеду поэтов.

На другое утро Сережа что-то долго не выходил в столовую, я заглянула к нему в комнату и вижу: он лежит и кулаками вытирает глаза. Я забеспокоилась:

— Что с вами, Сережа? Вы чем расстроены?

Он ответил, что видел сон, очень плохой. Он видел во сне сестру Шуру, она плакала и жаловалась, что у нее нет денег.

— Я знаю, что у нее денег нет, и у меня тоже нет денег, чтобы ей послать, и где достать, не знаю...

Меня поразила его беспомощность, и я сказала:

— У вас же в "Заре Востока" стихи из рук рвут! Идите к Вирапу, он выдаст вам деньги.

Сережа страшно обрадовался, что я навела его на эту мысль, вскочил, оделся и побежал к редактору газеты "Заря Востока" за деньгами.

Стали собираться к обеду товарищи Тициана: Георгий Леонидзе, Сандро Шаншиашвили, Валериан Гаприндашвили, Шалва Апхаидзе, Николоз Мицишвили, Серго Клдиашвили, Лели Джапаридзе, остальных не помню. <...> Приоткрылась дверь, вбежал Сережа с блестящими глазами, золотоволосый и с большим букетом белых и желтых хризантем и осыпал ими меня и, радостный, сообщил:

— Вирап дал деньги!

Он перевел деньги сестре и был счастлив».

Восп., 2, 195–197.

Декабрь, после 3 – 6... до 11. Г.А.Бениславская получает от Есенина денежный перевод (200 рублей).

Нижняя граница события определяется временем написания Есениным заявления Н.А.Вирапяну (см.: 3– 6 дек. 1924), а его верхняя граница — письмом Г.А.Бениславской Есенину, в котором сообщается о получении денег (см.: 11–12 дек. 1924).

Декабрь, до 4. Есенин и К.А.Соколов посещают тифлисский духан.

Событие и его время устанавливаются по письму К.А.Соколова Есенину от 4 дек. 1924 г., которое он написал, узнав от Вирапа, что поэт уехал в Москву (Письма, 254). См., однако: 7 дек. 1924.

Из письма К.А.Соколова:

«Дорогой Серьга — как-то нелепо и досадно, но невыносимо больно для меня то, что произошло на рассвете в духане. Больно то, что, когда на меня выливал помои случайный, для меня эпизодический человек, — ты молчал.

Ты можешь, Сережа, думать что угодно, но, внутри себя и поскольку ты меня знаешь, я не тот».

Письма, 254.

Декабрь, 4. К.А.Соколов пишет Есенину.

Сожалея об эпизоде в духане, который случился накануне (см. предыд. запись), он объясняет:

«...я с большим надрывом, и тебе больше, чем кому-либо, это понятно... И я не хочу, чтобы ты меня осудил и не поминал лихом. Последнее время мы оба искали друг друга — но я так и не увидел тебя. <...> Милый мой, я сейчас получил деньги и собираюсь к Сарьяну в Эривань, это близко. Хочу последний раз пописать с натуры, а затем поеду домой. <...> В Москву я приеду непременно — сообщи, можно ли мне несколько дней побыть у тебя. Оставаться в Тифлисе я больше не могу, очень тоскливо — тебя нет, а кроме того, я перед твоим отъездом получил письмо из дому, где Паня <П.М.Денисова-Соколова> прямо Христом Богом просит моего возвращения домой. Шлет тебе сердечный привет и ждет нас обоих вместе... Ведь так мы с тобой и уговаривались, а вот вышло всё по-иному... Неприятно всё это мне. Но я в душе надеюсь, что мы по-прежнему близки».

Письма, 254–255.

Газета «Воронежская коммуна» (№ 277) в объявлении о подписке на журнал «Огонек» на 1925 год называет Есенина в числе писателей, поэтов и художников, печатавшихся в журнале в 1924 году.

Декабрь, 4 или **после 4.** Есенин встречается с К.А.Соколовым и решает вместе с ним ехать в Батум.

Событие устанавливается на основании того, что Есенин вместе с Н.К.Вержбицким и К.А.Соколовым уехали в Батум (см.: 7 дек. 1924, пятая запись).

Декабрь, 4, 6, 9 и 10. Самарская газета «Коммуна» (№ 1790, 1792, 1794, 1795), публикуя материалы о подписке на журнал «Огонек» на 1925 год, называет Есенина в числе авторов журнала.

Декабрь, 4, 7, 11. Касимовская газета «Красный восход» (№ 87–89) в объявлении о подписке на журнал «Огонек» на 1925 год называет Есенина в числе авторов издания.

Декабрь, после 4 ... 7. Есенин вместе с Н.К.Вержбицким и К.А.Соколовым едут в Ходжоры, где посещают духан и совершают поездку на автомобиле.

Событие и его время (перед отъездом в Батум) устанавливается с учетом того, что в Батуме Есенин и его друзья почувствовали себя сильно простуженными. Из письма Есенина Г.А.Бениславской (20 дек. 1924):

«В Тифлисе мы ездили в Ходжоры. Пальто Вы мое знаете, а в горах зверский холод. В духане мы выпили, развеселились, и я сел на автомобиль верхом около передних колес. 18 верст ехал так, играл на гитаре и пел песни. Потом оказалось, я себе напел. Только благодаря дьявольскому организму избежал воспаления легких».

Есенин, VI, 193.

Декабрь, 5. Тульская газета «Коммуна» (№ 276; рубрика «Книжная полка») в информации «Издания Ленгиза» сообщает:

«Вышел из печати 5-й номер издаваемого Ленгизом литературно-общественного и научно-популярного журнала "Звезда". В журнале напечатаны: поэма Сергея Есенина "Песнь о великом походе", произведения Н.Никитина, И.Садофьева, А.Луначарского и др. и неизданная статья Н.Г.Чернышевского "Критический взгляд на современные эстетические понятия"».

См. также: до 15 нояб. 1924; 15 нояб. 1924, первая запись; 6 дек. 1924, вторая запись.

Декабрь, 6. Есенин ставит (под неизвестным несохранившимся текстом) подпись:

«С.Есенин. 6 / XII. 24. Тифлис».

Есенин, VII (2), 183.

Этот фрагмент с подписью поэта впоследствии окажется в собрании художника и издательского работника Б.И.Корнеева.

Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 279) публикует информацию:

«Вышел и поступил в продажу № 5 "Звезды". Содержание: С.Есенин — "Песнь о великом походе"».

Егорьевская газета «Красный путь» (№ 29) в объявлении о подписке на журнал «Огонек» на 1925 год называет Есенина в числе авторов издания.

Декабрь, 6 и 28. Симбирская газета «Пролетарский путь» (№ 279 и 296) помещает объявление о подписке на 1925 год на журнал «Огонек», в котором Есенин упомянут как автор журнала в 1924 году.

Декабрь, до 7. Есенин пишет «Письмо от матери» и «Ответ».

Есенин, II, 126–129, 238–239, 429–431.

Граница события — по первой публикации (см.: 7 дек. 1924, первая запись).

Т.Ю.Табидзе вспомнит:

«Здесь, в Тифлисе, на наших глазах писались эти мучительные стихотворные послания "К матери" <...> и их воображаемые ответы. Все эти стихи построены на контрастах: на юге в бесснежную тифлисскую зиму поэт почти с неприязнью вспоминает рязанскую зиму.

Как будто тысяча
Гнусавейших дьячков,
Поет она плакидой —
Сволочь-вьюга!

И снег ложится
Вроде пятачков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга!».

Восп., 2, 193–194.

Декабрь, 7. Газета «Заря Востока» (№ 747) публикует произведения Есенина «Письмо от матери» и «Ответ».

Г.А.Бениславская откликнется на эти стихи (15 дек. 1924) так:

«На днях был у меня Вардин. <...> Показывал Ваше "Письмо от матери" и "Ответ". Правда, я как следует не прочла, но, кажется, очень хорошо».

Шубникова-Гусева-2008, 211.

Берлинская газета «Дни» (№ 635; подпись: «В. Л.») публикует рецензию В.Лурье на третью книгу журнала «Русский современник»:

«Менее удачен стихотворный отдел журнала. Имена в нем собраны хорошие, но стихи плохие. <...> Цыганские романсы Сергея Есенина — на любителя».

См.: после 4 окт. 1924.

Литературное приложение «Dělnická besídka» к пражской газете «Rude pravo» (rog. 5, № 287) печатает в переводе Богумила Матезиуса поэму Есенина «Товарищ».

Парижская газета «Последние новости» (№ 1418; подпись: «Адресат») помещает статью М.А.Осоргина «В литературной Москве (по частным письмам)», в которой полностью приводится стихотворение Есенина «Отговорила роща золотая...»:

«По статистике книжных магазинов из поэтов больше всего покупается прежде всего А. Блок, затем идет Есенин, затем Маяковский и... Безыменский.

* * *

Несомненен, кажется, только один — поэт Божией милостью, страшно посерьезневший и углубившийся Есенин. Но как он неровен! Стихи, которыми и он порою старается "отдать дань времени", — бесцветны и ординарны; зато как хороши те, которыми он не балуется, а страдает, вернее сказать, — молится втихомолку и наедине. Вот его новые, может быть, менее обычного искусные, но полные чувства и внутренней значительности. Их положительно стоит и прочитать, и перечесть:

Отговорила роща золотая...
<следует полный текст>

И это недавний имажинист из школы специалистов по словесным вывертам. "Золотая — пролетая", "трава — слова", "веселый — голый". Заговорил Есенин словами простыми и рифмами самыми дешевыми, право на которые имеют только новички и признанные. Словно бы нарочитая бедность формы, — а как много чистого настроения (не настроенчества!). Есенин уже не эпатирует буржуа; Есенину уже просто верят; поэтому Есенин многим перестал быть интересным... "роща золотая отговорила милым языком".

Кажется излишним настаивать, что российская изящная литература возвращается на оставленную дорогу — на единственную и испытанную дорогу, пролегающую через Пушкина и Гоголя. С новыми приобретениями, конечно, — на пути прежние. Это отлично всеми чувствуется... И, кажется, уже не вызывает прежних яростных возражений».

См.: 16 ... 20 авг. 1924; 20 авг. ... 2 сент. 1924, третья запись; после 20 авг. 1924, первая запись; 23 сент. 1924, вторая запись; до 13 нояб. 1924.

Есенин выезжает из Тифлиса в Батум вместе с Н.К.Вержбицким и К.А.Соколовым.

См. две след. записи.

Декабрь, 8. Есенин вместе с Н.К.Вержбицким и К.С.Соколовым прибывают в Батум и останавливаются в гостинице «Ной».

Событие устанавливается по свидетельству Н.К.Вержбицкого и К.А.Соколова и письму Есенина к Г.А.Бениславской (20 дек. 1924):

«Обрадовало меня только одно обстоятельство: по пьяному делу из Тифлиса со мной приехал в Батум Вержбицкий и Костя Соколов».

Есенин, VI, 192.

Л.И.Повицкий вспомнит:

«Есенин по приезде в Батум остановился в местной гостинице».

Восп., 2, 245.

13 часов 50 минут. Есенин посылает телеграмму Г.А.Бениславской:

«Мск Беднота Бениславской
Мск Батума 118/3 11. 8. 13. 50.
Пиши Батум Заря Востока пробуду две недели Сергей».

Шубникова-Гусева-2008, 293.

Месяц и год отправки этой телеграммы устанавливаются по письмам Г.А.Бениславской Есенину и В.Эрлиху от 15 дек. 1924 г. В письме к В.Эрлиху изложено ее содержание:

«Сергей сейчас в Батуме (Батум, отделение "Зари Востока", Есенину), пробудет там, вероятно, дней 10, а может и более».

Письма, 343.

Декабрь, 8 или **после 8.** Есенин заболевает ангиной.

Н.К.Вержбицкий вспомнит:

«Есенин простудился, стал сильно кашлять и пресерьезнейшим образом уверял меня, что у него горловая чахотка и он скоро умрет.

Наш номер в гостинице был двухкомнатный: окна одной комнаты выходили на улицу, а во второй окон не было, и она служила нам спальней. В этой темной спальне хрипел и метался на кровати больной Есенин. <...> врач ничего не обнаружил, кроме легкой ангины».

Вержбицкий, 112–113.

Декабрь, 9. Газета «Трудовой Батум» (№ 279) публикует статью Л.И.Повицкого «Сергей Есенин: К приезду в Батум»:

«Кто не знает этого славного имени поэта, давшего непревзойденные образцы русской художественной речи, признанного мастера слова, виртуоза образа. Есенин весь в горении, весь в искании, в неутолимой жажде раскрыть, добыть и дать миру то, что он видит "внутренним оком", что связывает в себе как в поэте и гражданине. В нем гнев и вызов древнеиудейского пророка, но в нем и кротость, и душевная мягкость псалмопевца. Он, сын деревни, пойманный нежданно в пути железными лапами беспощадного капитала, рвется и мечется, собственными силами старается вырваться из мертвой петли. И только редко-редко, в минуты просветления, видит беспомощность своих тяжких усилий.

"Печь, петух и сельский кров" для него дороже американского небоскреба. Он объездил Европу и Америку — и вот вернулся в свою "Рязань", вернулся, ибо здесь он обретает себя, ибо без "Рязани" он мертв.

На грани двух эпох, почти у раскрытых дверей "царства будущего", на глазах двух цепко схватившихся друг с другом смертельно вражеских классов, стоит голубоглазый, красивый юноша, который знает только свой мир, свою землю, и, видя, как в мире "радио и стали" никому нет дела до него, "жеребенка в поле", с тоской вопрошает своего крестьянского Бога: "Эйли, Эйли, лима савахвана!" <так!>

Такова трагическая фигура величайшего крестьянского поэта России — Сергея Есенина.

18 книг стихов! 36 изданий! Кто из современных русских поэтов может похвастать подобным вкладом в художественную литературу?

Три драгоценных дара принес Есенин ей: язык, мироощущение, идеологию. Есенин ввел в русскую поэзию струю народной образности и крестьянского крепкого слова. Нет ни одного стихотворения Есенина, которое бы не обогатило бы русскую речь новыми образами или крестьянским словом. Образы Есенина все почерпнуты из широкого мужского мира и близкой ему природы.

Мироощущения Есенина так же своеобразны, как и его речь. Весь мир для него – крестьянское трудовое хозяйство, всё светлое и радостное в мире ассоциируется у него с родными и близкими предметами мужицкого обихода. Местами эти деревенские предметы вырастают у него в размеры сверхкрестьянские уже аллегорического свойства.

Глубокая образность, сочность и крепость слова, мастерское владение изощренной формой слова, с одной стороны, черты социальной утопии и поток тончайшего лиризма — с другой, выдвинули Есенина на одно из первых мест в рядах современных художников слова».

Л.И.Повицкий вспомнит:

«Весной 1924 года я приехал на Кавказ и поселился в Батуме, где начал работать фельетонистом в местной газете "Трудовой Батум".

Я был в курсе передвижений Сергея Есенина по Кавказу и ждал его прибытия в Батум. <...>

Приезд Сергея Есенина я отметил в "Трудовом Батуме" 9 декабря статьей о его творчестве. Он ответил мне стихотворением "Льву Повицкому", напечатанным в той же газете 13 декабря».

Восп., 2, 243, 244.

См. также: 13 дек. 1924.

Ленинградский журнал «Жизнь искусства» (№ 50; рубрика «Новые книги») помещает неподписанную рецензию на «Литературно-художественный альманах для всех. Книга 1».

Рецензент отмечает, что в одном из опубликованных в альманахе стихотворений В.Александровского «явно начинает звучать есенинская струя, делающая его стихи менее четкими».

Декабрь, 9 ... 12. Есенин пишет поэму «Цветы».

Есенин, IV, 203–208, 428–429.

Нижняя граница события устанавливается по времени приезда Есенина в Батум (см.: 8 дек. 1924), а его верхняя граница определяется с учетом того, что Есенин 14 дек. 1924 пошлет «Цветы» в письме П.И.Чагину для публикации в газете «Бакинский рабочий», и по свидетельству Н.К.Вержбицкого о том, что «Цветы» поэт писал и читал в гостинице, т. е. до 12 дек. 1924. Адрес своего нового местожительства («Батум. Вознесенская ул. д. 9. Льву Повицкому для Е.») содержится в письме Есенина Г.А.Бениславской от 12 дек. 1924.

Из воспоминаний Н.К.Вержбицкого:

«Я сидел в передней комнате у окна и что-то писал.

Вдруг до меня донесся еле слышный голос:

— Колюша, дай листок бумаги и карандаш...

Я отнес бумагу и карандаш, не понимая — для чего они могут понадобиться человеку в таком тяжелом состоянии?

Прошло полчаса в полной тишине... Потом я услышал, что мой друг тихонько похрапывает. Ну, — думаю, — слава богу, поспит, и сойдет с него эта мнимая хворь. <...>

Могло показаться совершенно невероятным: больной, морально подавленный, испытывающий тяжелые физические страдания человек, лежа в постели в темной комнате с одной подслеповатой лампочкой у самого потолка, взял и без единой поправки написал несколько десятков великолепно отделанных строк стихотворения, которое является подлинным шедевром!»

Вержбицкий, 113, 114.

В окт. 1925 Есенин напишет стихотворение «Цветы мне говорят — прощай...», в котором повторятся некоторые строки поэмы «Цветы».

См. также: след. запись; до 14 дек. 1924, первая запись; 14 дек. 1924, первая запись; 17 дек. 1924, первая запись.

По просьбе Есенина Н.К.Вержбицкий читает «Цветы».

Из воспоминаний Н.К.Вержбицкого:

«...вечером Есенин, как ни в чем не бывало, встал с постели и заявил о своем желании есть. Пришел Повицкий, еще кто-то, и мы сели пить чай с бубликами и медом.

Вдруг Сергей что-то вспомнил, пошел в спальню, принес оттуда лист исписанной бумаги и попросил меня прочесть, что там написано.

Это было стихотворение "Цветы мне говорят...".

<приводится текст произведения>

Все присутствующие с большим волнением выслушали это небольшое стихотворение, преисполненное огромной лирической силой и глубокой, светлой печалью...».

Вержбицкий, 113–114.

Декабрь, 9 ... 16. Есенин знакомится с О.В.Кобцовой.

Нижняя граница события определяется с учетом времени приезда поэта в Батум, верхняя — по упоминанию О.В.Кобцовой (Miss Olli) в письме К.А.Соколова к Есенину (см.: 17 дек. 1924, вторая запись).

Из письма Н.П.Стора Г.Маквею (14 нояб. 1967):

«Miss Ol'-Ol' – писать, мне кажется, лучше всего в русской транскрипции. Ее звали Ольгой. Она была сумасбродной дочерью какого-то военного моряка. Приехала в Батум в декабре из Крыма на пароходе "Чичерин" и остановилась в гостинице "Ной", в которой жили Есенин, Соколов и я <...>. В пьесе Леонида Андреева "Дни нашей жизни" главная героиня Оль-Оль, девица, во многом напоминавшая нашу соседку по номеру в гостинице "Ной". Поэтому Есенин, очень любивший Андреева, назвал ее так».

Архив Г.Маквея.

Есенин фотографируется с О.В.Кобцовой.

До недавнего времени была известна одна фотография (Есенин. VII (3), фото № 90). В архиве Г.А.Бениславской сохранился еще один снимок Есенина и О.В.Кобцовой, сделанный в тот же день (Шубникова-Гусева-2008, 226, вклейка).

Историю известной фотографии рассказывает Н.П.Стор:

«Я помню, как мы вышли из ресторана. Море штормило, вот-вот должен был пойти дождь. Вездесущий курортный фотограф так "приклеился" к поэту, что тот вынужден был согласиться на съемку. Есенин кутался в воротник своего пальто, чертыхался и не обращал никакого внимания на свою спутницу <miss Olli, как Есенин ее назвал>. Отрежь ее на снимке от Есенина, получится очень грустное фото усталого одинокого человека».

Бишарев О. Тайна смерти Сергея Есенина. М.: Инкон, 1993, с. 77.

См. Приложение.

См. также: 31 дек. 1924, первая запись.

Декабрь, после 9 или **после 16 ... 29.** Есенин посылает письмо Е.А.Есениной на почтовой открытке, где он сфотографирован с О.В.Кобцовой.

Нижняя граница события определяется временем знакомства Есенина с О.В.Кобцовой (см.: 9 ... 16 дек. 1924, первая запись). Верхняя граница фиксируется с учетом даты ответа Е.А.Есениной на это письмо брата (см.: 30 дек. 1924, первая запись).

Фотография обрезана по краям, поэтому текст сохранился частично:

«<Уд>ивляюсь твоему <молчанию?>. Я не знаю .....ами, как мо... тся ли Шура..... у Вас доста<точно ли де>нег? Посыла<ю> ..... стихи. Передай .... <х>очешь. Книги .....<из>давать как ..... <сове>туйся с Галей. Рите и всем п<риветы>».

Шубникова-Гусева-2008, 226, факсимиле.

Декабрь, 10. Газета «Трудовой Батум» (№ 280) печатает:

— стихотворения Есенина «Я спросил сегодня у менялы...» и «Улеглась моя былая рана...» под общим заголовком «Персидские мотивы»;

— объявление о литературном диспуте «Суд над футуристами», в котором обозначено участие Есенина:

«В среду в академическом театре, 10 декабря, суд над футуристами. На скамье подсудимых московский поэт Давид Виленский и артистка театра имени В.Э.Мейерхольда А.Г.Матвеева.

Состав суда: представитель Агитпропа т. Комахидзе, редактор "Трудового Батума" Н.В.Павчинский, редактор "Пухары" Сикарулидзе, литературный критик Лев Повиц-

кий, представитель рабкоров т. Криницкая, общественный обвинитель т. Меликсетов, общественный защитник т. Гетей.

Свидетели обвинения: представитель НКИД т. Корницкий, зав. отд. "Зари Востока" Кукушкин, редактор "Красного пограничника" тов. Могилевский.

Свидетели защиты: поэт Сергей Есенин, доктор Тарасенко, груз. поэт Цибели Шалва, режиссер Красного театра Лев Берковский, артист драмы Евгений Таиров.

По ходу судебного процесса — стихи всех футуристов. Начало в 8 час.».

См. также след. запись.

Есенин приходит на литературный вечер-диспут «Суд над футуристами» в Батумском театре, но участия в диспуте не принимает.

Из воспоминаний Л.И.Повицкого:

«В Батум приехали футуристы, футуристы 2-го разряда. Поэты они были слабые, но шум они подняли большой. Есенин был раздражен:

— Надо их гнать в шею! Что они путают честной народ!

Мы сообща решили устроить суд над футуристами. Мы составили обвинительный акт и опубликовали его в "Трудовом Батуме".

Газета сообщила, что литературный суд, на основании этого обвинительного акта, состоится в местном театре <см. предыд. запись>.

К чести обвиняемых, они на суд явились. Зал был переполнен представителями советской общественности и учащимися. Избрали тут же состав суда, назвали прокурора, прочли обвинительный акт. Защищаться "подсудимые" пожелали сами.

В самый разгар "прений" в зале появился Есенин. По договоренности со мной, он должен был выступить вторым обвинителем, подвергнув суровой критике произведения приезжих гастролеров, зачитанные ими на их шумном вечере. Но... Есенин был пьян. Он с трудом держался на ногах. Он подошел к сцене, где помещался суд, и обратился громко ко мне:

— Лёв Осипович! Да пошли их всех на... Что ты связался с этой дрянью!

Публика, собравшаяся из интереса к судьбам советской литературы, недовольно реагировала на эту пьяную выходку. Мне пришлось сойти со сцены и уговорить Есенина оставить зал».

Повицкий, 67–68.

Отвечая М.Горькому на пожелание написать статью для журнала «Беседа», Вяч. И.Иванов пишет ему из Рима:

«К сожалению, о современной русской поэзии написать мне не то что трудно, а прямо невозможно. Материала столь изобильного под рукой, конечно, нет; следил я за некоторыми (и по-нынешнему важнейшими) ветвями ее лениво; действительно значительного в том, о чем кричат, не вижу. Дарование Есенина, скажем к примеру, очень любил бы, да весь он изломался и изолгался, и притом небрежно работает. Хулиган-неврастеник, и к тому же варвар — разумею Маяковского, — не может быть поэтом-художником, как ни будь он в основе даровит. Милые "пролетарии", которым когда-то читал лекции, славные ребята, море всё еще не зажгли. И так далее».

Котрелёв Н. Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким: К истории журнала «Беседа». – Журн. «Europa Orientalis», 1995, т. XIV, № 2, с. 195–196.

Декабрь, 10 ... 12. Есенин пишет стихотворение «Льву Повицкому».

Есенин, IV, 201–202, 428–429.

Границы события обозначены с учетом следующих фактов: стихотворение, по словам Л.И.Повицкого, написано после публикации статьи Л.Повицкого о Есенине (см.: 9 дек. 1924, первая запись), а 13 дек. 1924 оно будет опубликовано в газ. «Трудовой Батум».

Декабрь, до 11. Г.А.Бениславская посылает Есенину телеграмму.

Сведения о телеграмме, в которой, по словам Г.А.Бениславской, сообщался состав предполагаемого сборника стихов Есенина о России и революции, содержатся в ее письме от 11–12 дек. 1924 («...мы уже сообщали телеграммой...»).

Декабрь, до 11 или 11. В.Наседкин пишет Есенину записку.

Сведения об этом событии содержатся в письме Г.А.Бениславской Есенину (см.: 11–12 дек. 1924). Содержание записки неизвестно.

Декабрь, 11. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4337) публикует неподписанную заметку «На вечере “Современной литературы”»:

«Вечер открылся кратким, красиво сказанным “словом” А.Л.Фовицкого. <...> Затем участники “Студии” арт. М. Х. Театра И.В.Лазарева, В.Чадова, Б.Набатов и др. читали стихи Блока, Бальмонта, Есенина. <...> Чтение это сразу захватило присутствующих, повеяло “милой Россией”».

Декабрь, 11 или 12. В гостинице происходит случайная встреча Есенина с редактором армянской газеты в Ереване.

Л.И.Повицкий вспомнит:

«...мы собрались уже выйти, как вдруг на нас с громкой руганью накинулся заведующий гостиницей — старик армянин:

— Не пущу чемоданы, заплати деньги!

— Я вам объяснил, — ответил Есенин, — деньги я получу через два-три дня, тогда и заплачу!

— Ничего не знаю! Плати деньги! — кричал на всю гостиницу рассвирепевший старик.

Есенин тоже повысил голос:

— Я — Есенин! Понимаешь или нет? Я сказал — заплачу, значит, заплачу.

На шум вышел из соседнего номера какой-то гражданин. Постоял с минуту, слушая шумную перебранку, и подошел к заведующему:

— Сколько Есенин вам должен?

Тот назвал сумму.

— Получите! — И неизвестный отсчитал старику деньги.

Старик в изумлении только глаза вытаращил.

Есенин поблагодарил неизвестного и попросил у него адрес, по которому можно вернуть деньги. Тот ответил:

— Мне денег не нужно. Я — редактор армянской газеты в Ереване. Пришлите нам в адрес газеты стихотворение — и мы будем в расчете.

Есенин пообещал и сердечно попрощался с неожиданным спасителем».

Восп., 2, 245–246.

В письме Н.П.Стора Г.Маквею (14 нояб. 1967) названа фамилия этого человека:

«...редактор армянской газеты Чубар <...> заплатил за наш номер, после чего Есенин переехал к Повицкому...».

Архив Г.Маквея.

Публикации Есенина в армянских изданиях 1924–1925 гг. не выявлены.

Есенин переезжает из гостиницы «Ной» на квартиру Л.И.Повицкого (Вознесенская ул., д. 9).

Событие и его дата устанавливаются с учетом того, что адрес Л.И.Повицкого указан в письме Есенина к Г.А.Бениславской от 12 дек. 1924 г. (см.), и по воспоминаниям Л.И.Повицкого:

«Через несколько дней <после приезда в Батум> я заехал за ним, чтобы перевезти его к себе. Я жил недалеко от моря, в небольшом домике, окруженном зеленью и фруктовым садом.

Шумная жизнь вечно праздничного Тифлиса, отголоски которой привезли "провожатые" Есенина — Вержбицкий и Соколов, была уже не по душе ему. Он готовился к серьезной работе, и Батум дал ему такую возможность. <...>

Ему понравился покой и неприхотливый уют моего жилища, и он пожертвовал ради него удобствами комфортабельного номера в гостинице».

Восп., 2, 245.

Декабрь, 11–12. Г.А.Бениславская пишет Есенину из Москвы:

«Сергей Александрович, дорогой, не сердитесь, не браните. Не писала — не могла писать.

Всё время думаю о Вас, все время с Вами, а не писалось. Вы сами знаете, как это бывает. Написала Вам одно деловое письмо и... не отправила. Ничего бы Вы не поняли из него.

Ну, теперь здравствуйте. Постараюсь зато сегодня обстоятельно писать, только за беспорядок не сердитесь — что вспомню, сразу буду писать и без всяких планов.

1. Заведите манеру всегда под стихами ставить месяц и год, а то теперь с восстановлением дат много работы будет. (Это выучите наизусть).

2. Все вырезки (стихи ли, заметки ли), посылая, всегда надписывайте: какая газета и за какое число. (Это тоже).

Вашу фотографию (с Чагиным), стихи, письма и прочее — всё получила. А карточка изумительная. У Вас прекрасное лицо, несмотря на слегка кривую улыбку. Я с ней расстаться не могу. Стихи? "Русь уходящая" очень нравится. "Стансы" (П.Чагину) нравятся, но не могу примириться с "я вам не кенар" и т. п. Не надо это в стихи совать. И никому это, кроме Вас и Сосновского, не интересно. Да, это стихотворение будет напечатано в "Красной нови", но будет "болванам", а не... Вардин на этом настаивает, и я с ним согласна. А вообще стихотворение хорошее.

"Персид<ские> мотивы" — красивые, но, конечно, меньше трогают. Ну, а вообще Ваш творческий путь сейчас такой извилистый, что никак не знаешь, чего ожидать от Вас. Песнь о походе — Кавказ — Персидские мотивы. Но зато Вы как-то перестали отделывать свои стихи. Такое чувство у меня появилось, и, кроме того, мне говорили об этом другие.

Катя Вам написала письмо о Воронском <оно неизвестно>. Там, пожалуй, она преувеличила немного, разозлившись на Вас, но, действительно, не говоря уже о том, что к Вам лично у Воронского достаточно плохое отношение, у него изменилось отношение к Вашему творчеству (слово-то поганое — терпеть его не могу: "творчество").

Он говорит, что не отношение изменилось, а Ваши произведения стали плохими "с тех пор, как" и т. д. "36" ему не понравилось (Катя пишет, почему), "Русь уходящая" тоже. Нам бы, говорит, такие, как мы до сих пор Есенина печатали. Ему я больше ничего Вашего и не покажу, пусть сидит с Казиным да Орешиным. И Вы, пожалуйста, ему больше не пишите. Хорошо?

При разговоре с Воронским присутствовал Раскольников (его и Сорина ввели в коллегию "Кр<асной> нови", но Сорина, кажется, не будет там). Ну, так вот: Раск<ольников> попросил у меня просмотреть "36" и в ответ на слова Воронского о плохих стихах после сдвига, сказал: "А по-моему, «36» хорошая вещь, и вообще сдвиг этот можно только приветствовать, а последние стихи как раз очень интересны".

Вардин сообщил, что январскую книжку "Красной нови" составляют уже они с Раскольниковым, а не Воронский. Подробнее пока ничего не знаю. Вардин же и предложил дать в "Красную новь" "Русь уходящую" и "Стансы".

Теперь другое.

Издательство "Современная Россия" через некоего тов<арища> Берлина (помните его?) издает сборник Ваших стихов о революции и России. Не стоит ли туда включить отрывки из "Страны негодяев" — разговор в салон-вагоне? Напишите об этом непременно. Полный список посылаю (хотя мы уже сообщали телеграммой). Укажите, в каком порядке расположить их.

Тов<арищ> Берлин платит по 40 к<опеек> за строку, срок договора 6 месяцев, для повторного издания еще 6 месяцев; в общем 1 год.

В редактировании принимает участие Вал. Ив. Вольпин. Он вообще много помогает своими советами. "После скандалов" он будет продавать. Его бы чем-нибудь надо отблагодарить. Мне пришла мысль: на сборнике этих революцион<ных> стихов написать, что они под редакцией Вольпина. Может, это вообще ерундовая мысль; в делах этих я — дитё, но Вы напишите Ваше мнение. Стоит ли давать вступительную статью к сборнику, они предполагали Когана, или Сакулина, или Луначарского? Что-то никто из этих мне не улыбается. Скорей всего, Когана. Сакулина не стоит.

Якулов согласен иллюстрировать этот сборник. А Вы согласны? Хорошо ли, что мы включили "Русь совет<скую>" и "На родине"? Не повредит ли это книге "После скандалов"?

Кстати. Перемените название — так нельзя; "Круг" уже издал Ваш сборник, и там есть раздел "После скандалов", нельзя же теперь выпускать книгу с этим же названием. Непременно перемените и сообщите мне.

Через 2 дня приступаю к подготовке, вернее, разыскиванию в старых журналах Ваших стихов. Если бы Вы не поленились и сообщили полностью, где и что было напечатано. Как бы Вы этим облегчили работу. А потом Анна Абрамовна возьмется за составление. Ваши указания относительно тома передам ей и проверю, чтобы всё было так, как хотите Вы.

Возможно, что этот том тоже возьмется издавать т<арищ> Берлин; думаю, что он издал бы лучше Госиздата.

Берлинский том выписываю из-за границы, нигде не могу получить здесь.

Эрлиху сообщила. Он пишет мне, что "36" и "Песнь" выходят под названием "Две поэмы". Корректуру править будет он сам и внесет Ваши поправки.

Майский, несмотря на переданное Эрлихом запрещение печатать "Песнь", всё же напечатал отрывок. "Октябрь" здесь напечатал полностью, и когда выяснилось это — "Октябрь" поднял скандал. Теперь всё улажено.

Я, видите ли, получила в октябре письмо на Ваше имя из "Красной Звезды" — спрашивают, почему Вы не хотите печатать "поэмы" (не указывая, какой). Я об этом написала Вам (не знаю, получили ли Вы это?), а сама решила, что речь идет о "36", вернее, не догадалась, что это о "Песни".

А "Кр<асная> звезда", не получив ответа, взяла и напечатала. Теперь это всё выявлено. Письмо "Кр<асной> звезды", как доказательство, у меня есть.

Об “имажинистах” питерских Эрлих пишет <текст см.: 23–24 нояб. 1924>. О здешних нечего писать. “Таверна” закрылась давно.

В Питер или я, или Катя съездим.

А Вы сейчас у Повицкого? Как он поживает?

Над какой бол<ьшой> вещью работаете? Скоро ли получу отрывки? Жду, жду с нетерпением. Писем также жду — пишите часто, часто. У нас ведь Ваши письма — праздник. Неделю тому назад получила от Вас 200 руб. <см.: после 3 … 6 – до 11 дек. 1924> Они попали как раз вовремя, т. к. за сборник мы еще не получили денег. Но вообще: мы скоро устроим все дела денежные, тогда за нас не бойтесь.

Список сборника стихов о революции и России:

1. Тучи с ожереба 30
2. О Русь, взмахни крылами 50
3. Небо – как колокол <строки 17–32 из поэмы “Иорданская голубица”> 20
4. Тучи – как озёра <строки 1–20 из поэмы “Отчарь”> 100
5. Кобыльи корабли 80
6. Сорокоуст 70
7. Песнь о хлебе 30
8. Инония 200
9. Русь советская 100
10. Небесн<ый> барабанщик 10
11. Песнь о походе <Песнь о великом походе> 500
12. Возвращение на родину 100
13. 36 <Поэма о 36> 400

Если Вам почему-либо не нравится эта книга, то сообщите, постараемся обойтись без нее, вернее, телеграфируйте, не откладывая, сразу же. Я лично думаю, что хотя она и для другой категории читателей, нежели все Ваши книги, но вреда от нее не будет. Вдобавок, другим книгам она не мешает. На днях напишу еще. Да. Вам ехать в Москву незачем — что здесь делать? До сих пор слякоть, снега нет, хмуро, пасмурно. Целую Вас крепко и всегда, всегда люблю.

Ваша Галя.

11. XII. 1924.

Посылаю записку Наседкина — ответьте. Знаете, что? Всё, на что надо отвечать, в письме я подчеркну красным карандашом — чтобы Вы чего не забыли. / Г.

Шурка Вам написала письмо, но я не могу сейчас найти, куда она положила свою записку. Поэтому передаю на словах привет от нее.

……

Посылаю две книжки, изданные “Кругом”. По-моему, очень приятно они изданы. Книги посылаю заказным письмом сегодня же прямо на Батум. Напишите, на сколько дней позже получите их. / Г. Б. /12/XII».

Шубникова-Гусева-2008, 206–209.

Ранее (Письма, 255–257) текст был опубликован по копии РГАЛИ неполностью, с неточной датой.

Судя по первым строкам письма («не сердитесь, не браните»), оно представляет собой ответ на неизвестное письмо или телеграмму Есенина (см.: начало дек. 1924). Кроме того, в письме упоминается неизвестная телеграмма Г.А.Бениславской о составе сборника «О России и революции» (см.: до 11 дек. 1924).

Отвечая Г.А.Бениславской на это письмо, Есенин напишет: «У Воронского в отношении ко мне, я думаю, просто маневр: всё это, я думаю, в глубине души его несерьезно. Так это — знай, мол, наших! Если Вы увидите этих наших, все-таки поклонитесь им» (Есенин, VI, 194).

Высказывая свое мнение о «Стансах», Г.А.Бениславская упоминает Л.С.Сосновского, потому что именно этот журналист в статье «Испорченный праздник» начал кампанию по «делу четырех поэтов» с изложения телефонного разговора Есенина с Д.Бедным. Стихотворение «Стансы» будет напечатано в «Красной ниве» (1925, № 5) без строфы с упоминанием Д.Бедного.

Значительная часть письма посвящена сборнику «О России и революции», который выйдет без вступительной статьи. На этом этапе подготовки сборника Есенин, видимо, согласился с предложениями Г.А.Бениславской. Справа химическим карандашом против каждого из перечисленных произведений рукой Есенина проставлено приблизительное количество строк. Впоследствии состав сборника серьезно изменился (ср.: конец апр. … до 4 мая 1925). Упоминаются собрание стихотворений, которое предполагает издать А.А.Берзинь, и сборник «Две поэмы» (в свет не вышел). Берлинским томом Г.А.Бениславская называет «Собрание стихов и поэм», изданное в Берлине в 1922 году.

О записке В.Ф.Наседкина см.: до 11 или 11 дек. 1924.

См. также: до 20 янв. 1925.

Декабрь, 12. Есенин пишет Г.А.Бениславской:

«Галя милая! Очень болен и потому не могу Вам написать и расска<за>ть, как живу в Батуме. Только просьбы и просьбы. Перепечатайте эти стихи <возможно, среди них было "Письмо к женщине", см.: 25 дек. 1924, пятая запись> и сдайте куда хотите. Я очень соскучился по Москве, но как подумаю о холоде, прихожу в ужас. А здесь тепло, светло, но нерадостно, потому что я не знаю, что со всеми вами. Напишите, как, где живет Шура? Как Екатерина и что с домом?

Соберитесь с духом и привезите вещи из Питера. У Сашки они, вероятно, мешают. От Льва Осиповича привет. Привет Жене и Рите.

Что слышно с моим собранием? Анна Абрамовна, вероятно, меня забыла.

Напомните ей.

Продавать мои книги можете не спрашивать меня. Надеюсь на Ваш вкус в составлении. Привет Яне и Соне, и Иосифу.

Что слышно в литературной политике? Что нового написал Приблудный? Он, собака, мне ни одного слова не написал. Кое-что я читал в отзывах о "Москве кабацкой". Соберите то, что вообще появилось.

Пока жму Ваши руки.

Екатерину жмите больше в кулаки <ср.: 21 дек. 1924, четвертая запись>.

С. Есенин.

12/XII. 24, Батум.

Адрес: Батум, Вознесенская ул., д. 9, Льву Повицкому. Для Е.».

Есенин, VI, 186–187, 634–640.

См. также: 15 дек. 1924, первая запись.

Есенин отправляет Г.А.Бениславской телеграмму:

«дставит Ваганьковский пер<еулок> 5

Мсква Беднота Бениславской

Батума 449/4. 16. 12. 11. 34.

Подтвердите телеграммой адрес Батум отделенье Зари Востоку <так!> четырехсот остаюс<ь> Батуме получения денег Сергей».

Шубникова-Гусева-2008, 293 (первая полная и точная публикация).

Г.А.Бениславская напишет Есенину (15 дек. 1924) о получении телеграмм от 8 и 12 дек. 1924:

«Получили Ваши обе телеграммы из Батума. Вторую не поняли совершенно.

"Подтвердите адрес Батум Отделение Зари Востока Четырехсот остаюсь Батуме получения денег".

Что это значит? Что подтвердить: получение адреса? Телеграммы? Что значит слово "четырехсот"?

И до получения каких денег? В Батуме или от нас? Быть может, Вы что-нибудь писали нам, но до нас не дошло?»

Письма, 258.

Есенин разъяснит Г.А.Бениславской содержание телеграммы 17 дек. 1924:

«Мне выслали из Армении 400 руб. Куда они попали, я не знаю. Я собирался в Москву и дал адрес Ваш, но потом я их предупредил, что не еду, и дал адрес другой. Не знаю, куда они попали. Если попадут к Вам, направьте ко мне».

Есенин, VI, 194.

Вскоре деньги придут самому Есенину, и через три дня он сообщит об этом Г.А.Бениславской.

Г.А.Бениславская пишет В.И.Эрлиху:

«Эрлих, милый, плохое же у Вас "разумение"! Деловые письма должны читаться без Сергея и читаются они вовремя, но ведь они, случается, запаздывают. Письмо "Красной звезды" было послано в Константиново и оттуда уже переслали мне. Сколько времени оно путешествовало, судите сами. В общем, теперь всё это будет улажено. Сергею написала об этом, а также сделала точную выписку из Вашего письма об имажинистах. Он сейчас в Батуме; прислал телеграмму с адресом, но моя соседка умудрилась потерять эту телеграмму <см., однако: 8 дек. 1924>. Так что писать приходится на ощупь. Хорошее дело, не правда ли? Он будто здоров, пишет. Последние стихи прислал. Одно мне очень нравится, это "Русь уходящая". Будет, вероятно, в "Красной нови". Вам большое спасибо за Ваше обстоятельное письмо. Пишите еще непременно, что у Вас там делается, как Вы сами живете. Я постараюсь исполнить Ваше желание быть здоровой и счастливой. Кате передала тоже. Но и от Вас это требуется, не забудьте! Ну, всех благ. Пишите.

Доверенность — напишу Сергею, чтобы выслал на Ваше имя. У меня есть, но передоверять — это очень сложная история».

Письма, 342–343.

См. также: 23–24 нояб. 1924; 13 дек. 1924, вторая запись.

Декабрь, 12 – 1925. Февраль, 17. Есенин живет на квартире Л.И.Повицкого.

Позже Л.И.Повицкий вспомнит:

«...приезд Есенина в Батум вызвал всеобщее внимание. Его останавливали на улице, знакомились, приглашали в ресторан. Как всегда и везде, и здесь сказалась теневая сторона его популярности. Он по целым дням был окружен компанией веселых собутыльников. <...>

Я решил ввести в какое-нибудь нормальное русло дневное времяпрепровождение Есенина. Я ему предложил следующее: ежедневно при уходе моем на работу я его запираю на ключ в комнате. Он не может выйти из дома, и к нему никто не может войти. В три часа дня я прихожу домой, отпираю комнату, и мы идем с ним обедать. После обеда он волен делать что угодно. Он одобрил этот распорядок и с удовлетворением сообщил о нем Галине Бениславской в письме от 17 декабря».

Восп., 2, 246, 247.

См. также: 17 дек. 1924, первая запись.

Декабрь, 13. Газета «Трудовой Батум» (№ 283) печатает стихотворение Есенина «Льву Повицкому».

В.И.Эрлих пишет Г.А.Бениславской:

«Галя, милая!

Простите меня, Бога ради, за безалаберное послание <см.: 23–24 нояб. 1924>, которым я обответил Ваше письмо. Дело в том, что оно застало меня "во дни великих неурядиц и болезней". Как у Вас? Что с Сережиными делами? Здесь, кроме "свинства" М<айско>го (думаю), никаких неурядиц не будет, хотя отношения с И<оно>вым, благодаря всей этой путанице, порядочно испортились. Он только что вернулся из Москвы. Поэмы, как я уже говорил, пройдут через меня. Что касается стихов, то они (подозреваю) просто затеряны. Пока никаких намеков. Пишите, что с Вами? С Катей? Где Сергей? Что собирается делать? Приветы — всем! всем! всем!»

Шубникова-Гусева-2008, 268.

См. также: 12 дек. 1924, четвертая запись.

Декабрь, до 14. Есенин завершает работу над поэмой «Цветы».

Есенин, IV, 203–208, 428–429.

Событие и его граница устанавливаются с учетом сведений из письма Есенина к П.И.Чагину (см.: 14 дек. 1924, первая запись), в котором поэт посылает «Цветы» для публикации в газ. «Бакинский рабочий», и по письму Есенина к Г.А.Бениславской от 17 дек. 1924: «На столе у меня лежит черновик новой хорошей поэмы "Цветы". Это, пожалуй, лучше всего, что я написал. Прислать не могу, потому что лень переписывать» (Есенин, VI, 190).

См. также: 9 ... 12 дек. 1924, первая и вторая записи; 14 дек. 1924, первая запись; 17 дек. 1924, первая запись.

Есенин начинает писать поэму «Анна Снегина» (первоначальное заглавие «Радовцы»).

См. след. запись.

Сохранился черновой автограф поэмы, выполненный на отдельных листах и начинающийся словами: «...Всё лето провел я в охоте», который С.А.Толстая-Есенина опишет как самостоятельный автограф и пометит как «первый черновик».

Есенин, III, 158–187, 403–430, 642–679.

См. также: Шубникова-Гусева, 373–378.

Л.И.Повицкий вспомнит:

«Есенин засел за "Анну Снегину"...».

Восп., 2, 247.

Декабрь, 14. Есенин пишет П.И.Чагину.

Передает привет жене адресата и его маленькой дочери («Гели Николаевне»). Деньги за «Цветы» просит прислать по адресу «Трудового Батума» или Л.Повицкого.

Из письма:

«Работаю и скоро пришлю Вам поэму <речь идет об "Анне Снегиной">, по-моему, лучше всего, что я написал. Сейчас же посылаю "Цветы". Теперь же разговор такой: книжку я хочу назвать "Рябиновый костер" и смешать поэмы с лирикой последнего периода.

Если б Муран был добр, пусть он вырежет все стихи, которые печатались в "Бакинском рабочем", и пришлет мне. Я всё это приведу в порядок и вышлю их тебе с полным описанием расположения книги.

<...> С деньгами разочтемся, когда приеду. Но гонорар, который будет следовать за стихи, присылаемые в газету, я прошу высылать мне по телеграммам. Я не знаю сам, где я буду. Я должен быть в Сухуме и Эривани. Черт знает, может быть, я проберусь к Петру <В.И.Болдовкину> в Тегеран. <...>

Мне страшно хотелось бы увидеть тебя в Батуме. Здесь такие чудные дни, как в мой первый приезд в Баку».

Есенин, VI, 187–189.

О поэме «Цветы» см. также: 9 ... 12 дек. 1924, первая и вторая записи; до 14 дек. 1924, первая запись; 17 дек. 1924, первая запись.

См., кроме того: до 20 окт. 1924, вторая запись; 20 окт. 1924, первая запись; после 2 нояб. 1924, вторая и третья записи; 21 нояб. 1924, вторая запись; 20 июня 1925.

Воронежская газета «Комсомолец» (№ 45) в объявлении о подписке на журнал «Огонек» на 1925 год называет имя Есенина.

Парижская «Русская газета» (№ 199) публикует статью А.Куприна «Шуты гороховые» с упоминанием Есенина:

«А Есенин? А Маяковский? А Пастернак? Нет, решительно в них есть что-то новое, молодое и могучее. Для простого, срединного русского народа в них нет ничего нового».

Журнал «Красная нива» (№ 50) помещает стихи И.Приблудного, которые Г.А.Бениславская отправит со своим письмом Есенину.

См.: 15 дек. 1924, четвертая запись.

Эта «страничка Приблудного» включает его стихотворения «Я пришел из розовой деревни...», «За хутором тихая речка...», «Распахни на улицу окно...», «Сенокос» и портрет автора.

Декабрь, 14 и **21.** Московский журнал «Огонек» (№ 51, 52) упоминает Есенина в информации о подписке на издание на 1925 год.

Декабрь, до 15. Есенин пишет А.К.Воронскому письмо (неизвестно).

Событие и его ориентировочная дата устанавливаются по письму Есенина к В.В.Казину от 15 дек. 1924:

«Мне грустно, почему Воронский не ответил на 2 письма моих».

Есенин, VI, 189.

Возможно, об одном из этих писем Есенин уже упоминал в письме к Г.А.Бениславской от 20 окт. 1924 (см.).

Г.А.Бениславская и сёстры Есенина шлют ему телеграмму.

Содержание неизвестно. Сведения о телеграмме содержатся в письме Г.А.Бениславской Есенину (см.: 15 дек. 1924, четвертая запись).

Декабрь, 15. Есенин посылает Г.А.Бениславской в Москву заказное письмо.

Событие устанавливается по сохранившемуся конверту этого письма (адрес — рукой Есенина). Дата — по батумскому почтовому штемпелю; почтовый штемпель Москвы — 22.12.24.

Шубникова-Гусева-2008, 199, факсимиле.

Возможно, текст письма, вложенного в этот конверт, неизвестен. Не исключено, впрочем, что в этот день в Москву было отправлено письмо поэта от 12 дек. 1924 (см.).

См. Приложение.

Есенин пишет В.В.Казину.

В письме характеризуется приложенное к нему стихотворение технического редактора батумской газеты «Красный пограничник» С.И.Могилевского:

«Стихотворение талантливое и гораздо лучше многих, которые в Москве пропускаются.

Ну, как ты живешь?

Издалека я слышу иногда о грустных литературных делах. <...>

Стихи помести или в Нови, или в Перевале».

Есенин, VI, 189, 645–647.

О стихотворении С.И.Могилевского и о его публикации сведений не обнаружено.

Газета «Бакинский рабочий» (№ 285; подпись: «Пессимист») помещает статью В.З.Швейцера «С.Есенин и СССР»:

«Есенин — птица, певчая птица, рязанский соловей. У птицы — какая "идеология". Так, птичий щебет, птичий лепет, трель безответственная.

Поет Есенин-соловей звонко, заслушаешься:

Отговорила роща золотая
Березовым веселым языком...

Сладостно соловьиное это бормотание, радостно, по-милому мило. А о чем, не всё ли равно...

О чем и звенеть соловью, как не о себе, о роще своей, о сумерках и рассветах.

Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет...

Дерет, дерет от хмеля золотое соловьиное горло, и, рыдая, пугаясь кадильного дыма, сам Есенин идет за гробом рязанской, молодцеватой, звонкоголосой своей юности и оплакивает ее в надрывных поэмах, обращенных к родине, матери, женщине...».

О «Руси уходящей»:

«Рифмованная политическая автобиография Есенина трогательна до грации. Это — лирика на тему о собственном советском паспорте, восхитительная по своей наивности.

<...> Есенин готов, пожалуй, признать СССР. Де-юре и де-факто. Но с очень существенными оговорками... И не без некоторых дружеских упреков:

Советскую я власть виню,
И потому я на нее в обиде,
Что юность светлую мою
В борьбе других я не увидел.

Обвинение жестокое, что и говорить. Оказывается, что, помимо прочей частной собственности, СССР национализировал также "светлую юность" Есенина.

Какие же, однако, "компенсации" за это, выражаясь политическим языком?

Несмотря на суровое обращение Есенина с СССР, этот последний всё же "признаёт" первого — не последним из первых наших поэтов.

А компенсация? В школу политграмоты, дорогой товарищ, соловей рязанский, милый, запутавшийся гениальный мальчик».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

См. Приложение.

См. также: после 15 дек. 1924.

Г.А.Бениславская пишет Есенину:

«Милый, хороший Сергей Александрович. Как Вы там? Напишите всё, всё подробно, не поленитесь.

Получили Ваши обе телеграммы из Батума <см.: 8 дек. 1924, 13 час. 50 мин.; 12 дек. 1924, вторая запись>. <...>

Последнее письмо от Вас то, в котором была "Русь уход<ящая>", мы разбирали, разбирали, так и не поняли. Послали Вам телеграмму. Мы от Вас получили недели 2 тому назад 200 руб. (Я, кажется, это писала Вам) <см.: после 3–6 ... 11 дек. 1924>.

Как у Вас там вообще дела денежные?

Мы скоро здесь наладим свои дела. На днях должны получить деньги от этого Берлина за сборник. Пока получили 100 руб. и уже потратили. Но в общем за нас не беспокойтесь совершенно. Мы вот о Вас беспокоимся. Напишите, как.

Ну, теперь о новостях. "Таверна" закрыта — прогорела. Савкин затеял какой-то театр вместо "Таверны" — тоже прогорел в несколько дней, теперь не знает, как выпутаться. Жаль его — мальчишка ведь еще, потому и влип так. А Грузинов теперь руки умывает.

Мариенгоф и К° молчат. Открыли новое кафе в "Метрополе": "КАЛОША". Что там делается, не знаю, говорят, наладили, написал пьесу "Двуногие" — не очень-то ее хвалят.

Анна Абрамовна всё такая же: собрала все Ваши книжки для подготовки тома.

На днях был у меня Вардин. К Вам он о<чень> хорошо относится, а отсюда и к нам. Познакомился с Шуркой. <...>

Новостей, говорит, никаких.

А эта продажная душа, Орешин, уже радуется "низвержению" Воронского. Воронский, видите ли, денег ему не платил, а "Октябрь" будет платить.

Клычков написал роман, но какой, не знаю. Мнения расходятся.

Посылаю Вам страничку Приблудного в "Кр<асной> ниве" — стихи старые, но так — общий вид <см.: 14 дек. 1924, четвертая запись>.

Что Вы писали насчет того, что если будете в Питере, то жить удобнее у Соколова, а не у Сашки? Это тот Соколов, который в "Стойле" бывал? Он или другой?

Впрочем, не это важно. Важно вот что: Вам нужно иметь свою квартиру. Это непременно. Только тогда Вам будет удобно, а Сашка, Соколов и т. д. — это Вас не может устроить. Вы сами это знаете, и я сейчас особенно поняла. Не с чужими и у чужих, а со своими Вам надо устроиться: уют, и свой уют, — великая вещь. <...>

У меня тоже деловое настроение. Занимаюсь, Ваши стихи в порядок привожу, в "Бедноте" работаю.

Вот Катя что-то хуже, хворает, бледная, хандрит и развинтилась как-то. Она, очевидно, плохо летом отдохнула.

В Питер, быть может, она поедет — она ведь там никогда не была, а вещи она сумеет собрать. Не нравится только мне, что Ваши письма у Сахарова не заперты даже. Безобразие. Забрать бы у него — да он не даст ведь.

Да, через Вардина, может быть, дам "36" в "Молодую гвардию". Мне не очень хочется ее печатать, и Вардин не советует, но ведь всё равно Ионов ее издаст, чего ж тогда ее здесь перед тем не пустить? Вардин говорит, что ее Вам отделать бы, а я хуже: согласна с Воронским — "Черного принца" Асеева помните? В ритме ли, в форме ли, но мне что-то не нравится (ох, и распушите же Вы меня за такие речи!).

Ну, вот, на этот раз всё, что собиралась, написала. А вообще не пишется как-то, уж очень скучаю по Вас, хотя прекрасно знаю, что Вам незачем сейчас приезжать сюда. Хорошо, что девочки со мной, а то совсем плохо было бы».

Шубникова-Гусева-2008, 210–212.

Часть письма, где идет речь о Шуре (А.А.Есениной), см.: 1 ... 5 окт. 1924.

В тексте упоминаются: проектируемый сборник Есенина «О России и революции» (выйдет в 1925), произведение А.Б.Мариенгофа «Двуногие: Ироническая трагедия» и роман С.А.Клычкова «Сахарный немец», к тому времени еще не изданные, а также стихи И.Приблудного, напечатанные в «Красной ниве» (1924, № 50; см.: 14. дек. 1924, четвертая запись).

Г.А.Бениславская пишет В.Эрлиху:

«Знаете что, Эрлих? Очень тронули Вы нас своей аккуратностью. (Это мы только что получили Вашу открытку.) Сережины дела? Собираем сборник для издания, кроме того, том его, вероятно, подберем — за это взялась Анна Абр<амовна>, — правда, всё свалила теперь на нас, ну да что же — мы с удовольствием еще раз перечитаем Есенина. А у Вас кто там болеть удосужился? И какие "неурядицы и междугорбицы"? А? Сергей сейчас в Батуме (Батум, отделение "Зари Востока", Есенину), пробудет там, вероятно, дней 10, а может, и более. Написала ему, чтобы выслал доверенность Вам и указал, ему или нам посылать деньги, так как не знаю: не нужны ли они ему. В таком случае мы здесь как-либо устроимся. А если нет, то нам шлите. Я? Катя? Ничего — "живем-поживаем, старое вспоминаем". Живем "тихой семейной жизнью" — с нами ведь Шурка, — потому так хорошо стало. Она у нас строгая и порядок любит. <...>

Ну, Вам от нас самый сердечный привет, право слово. От меня всем, кто не забыл, — приветы».

Письма, 343–344.

Декабрь, 15 (?) или 16 (?). Есенин фотографируется вместе с Л.И.Повицким, Н.К.Вержбицким, М.С.Тарасенко и Н.П.Стором.

Есенин, VII (3), № 88 и 89, 253–254, с датой «1924, декабрь. Батум».

Время события фиксируется по сведениям Н.П.Стора (письмо Г. Маквею, 14 нояб. 1967):

«Снимки у моря на Приморском бульваре в Батуме сделаны были числа 15 или 16 декабря 1924 г.».

Архив Г.Маквея.

См. Приложение.

Декабрь, после 15. Есенин делает библиографическую помету на вырезке из газеты «Бакинский рабочий».

Есенин, VII (2), 183–184.

Вырезка (Тетр. ГЛМ) — статья В.З.Швейцера «С.Есенин и СССР» (ее фрагменты см.: 15 дек. 1924, вторая запись).

Декабрь, до 16. Есенин знакомится с Ш.Н.Тальян.

Ориентировочная дата события определяется на основе времени написания стихотворения «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» (см.: до 19 дек. 1924) и воспоминаний Ш.Н.Тальян о том, что текст этого произведения поэт вручит ей на третий день знакомства.

Ш.Н.Тальян вспомнит:

«В октябре 1924 года я приехала в Батуми из Тифлиса к моей младшей сестре Кате, учительнице армянской школы. Начала работать в той же школе. Мы с сестрой снимали одну комнату. Нашей соседкой была Елизавета Васильевна Иоффе, которая была знакома с местным журналистом Повицким. Мы часто собирались вместе, нередко бывал и Повицкий.

Как-то я вышла из школы и направилась домой. На углу заметила молодого человека, стройного, русоволосого, в мягкой шляпе. Бросилась в глаза его необычная внешность, и я подумала, что он приезжий из столицы. Это был Есенин. Об этом я узнала в

тот же вечер, когда мы пришли к Елизавете Васильевне. Там был и Повицкий со своим приезжим другом.

На следующий день Есенин и Повицкий снова зашли к нам и предложили принять участие в литературном вечере на квартире у Повицкого, в которой жил и Есенин.

В комнате за накрытым столом сидели Могилевский, работавший в редакции батумской газеты, и другие гости. В то время в доме Повицкого, у журналиста Могилевского и у нас собиралась молодежь. Спорили о литературе, пели, играли.

Есенина попросили прочесть стихи. Он встал, подошел к моему стулу и начал читать "Заметался пожар голубой...". Читал Сергей Александрович необыкновенно задушевно. Словно брал вас за руку и вел по просторам родной голубой Руси. Казалось, что каждое слово у него родилось в сердце, и он с радостью хочет отдать его вам...».

СЕГС, 243.

Л.И.Повицкий вспомнит:

«Сергей Александрович познакомился в Батуме с молодой армянкой по имени Шаганэ. Это была на редкость интересная, культурная учительница местной армянской школы, прекрасно владевшая русским языком. Интересна была и младшая ее сестра Катя, тоже учительница. У нее было прекрасное лицо армянской Суламифи. Она знала стихи Есенина и потянулась к поэту всей душой. Есенин, однако, пленился ее сестрой, с лицом совершенно нетипичным для восточной женщины. Есенина пленило в ней и то, что:

Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она очень <так!> похожа...

Внешнее сходство с любимой девушкой и ее певучее уменьшительное имя вызывали у Есенина большое чувство нежности к Шаганэ. Свидетельство этому — стихи, посвященные ей в цикле "Персидские мотивы"».

Восп., 2, 249–250.

В Москве выходит журнал «Октябрь» (№ 3; за сентябрь — октябрь) с материалами Есенина и о Есенине.

Граница события устанавливается по информации в газ. «Правда» (см.: 16 дек. 1924, первая запись).

В журнале публикуются:

— «Песнь о великом походе» Есенина во второй редакции.

Отклики см.: 23 дек. 1924, первая запись; 25 дек. 1924, третья запись; 31 дек. 1924, вторая запись.

Ю.Н.Либединский напишет:

«Он <Есенин> обдумывал каждый свой шаг в литературе, и, несмотря на то, что печатался он в "Красной звезде" <так!> и что А.К.Воронский едва ли не первый из советских критиков дал высокую оценку его дарования, Есенин, когда возник новый журнал "Октябрь", орган пролетарских писателей, напечатал в одном из его номеров "Песнь о великом походе".

Он сделал это для того, чтобы показать, что не принадлежит к какому-либо одному направлению тогдашней литературы, что значение его творчества шире, и Маяковский верно понял значение этого сближения Есенина с пролетарскими поэтами. Маяковский "с удовольствием смотрел на эволюцию Есенина от имажинизма к ВАППу" (см. статью Маяковского "Как делать стихи").

Есенин знал, что принадлежит всей советской литературе. Его влияние на поэзию того времени было уже бесспорно».

Либединский Ю. Избранные произведения. В 2 т. М.: Худож. литература, 1980, т. 2, с. 186.

В журнале «Октябрь» дано двоякое композиционное деление текста — «звездочками» и цифрами: цифровое обозначение двенадцати глав, каждая из которых, кроме второй, четвертой и двенадцатой, имела внутреннюю разбивку «звездочками». В более поздних авторских публикациях такое обозначение

не воспроизводилось. Мы не можем утверждать, что оно авторское, тем более, что в публикации «Октября» имеются опечатки и искажения (в строках 133, 260, 268, 363, 471). Тщательно проставленные Есениным красными чернилами в списке В.И.Эрлиха знаки препинания в «Октябре» не учтены.

Шубникова-Гусева, 300.

См. Приложение.

См. также: после 15 или после 16 июня – июль 1924, вторая запись; 16 или после 16 (?) июня 1924; первая половина июля 1924; после 17 июля 1924; конец второй декады (?) июля 1924; до 26 июля 1924; 1–6 авг. 1924, первая – третья записи; 7–20 авг. 1924, третья запись; 14 авг. 1924, первая запись; 18 авг. 1924, вторая запись; после 20 (?) авг. 1924, вторая запись; конец авг. или 1 сент. 1924; 1 сент. 1924, первая запись; 2 сент. 1924, первая запись; до 3 сент. 1924, шестая запись; 3 сент. 1924, четвертая запись; до 14 сент. 1924, первая запись; 14 сент. 1924, первая запись; сент. 1924 – янв. 1925; до 15 нояб. 1924;

— статья Г.Лелевича «О Сергее Есенине»:

«Сергей Есенин — один из талантливейших современных поэтов. <...> выходец из крестьянской среды — он с первых же шагов проявил себя певцом деревни. Это не значит, что он писал простые крестьянские песни или частушки, вроде тех, которые поет крестьянская молодежь. Нет, он строил свои стихи по последнему слову стихотворного мастерства, он усвоил все тонкости новейшей поэзии, но те мысли, те настроения, которые передавал он при помощи новейших стихотворных приемов, совпадали с мыслями и настроениями значительных слоев крестьянства».

Критик характеризует Есенина по своей «психоидеологии» — «кулацким поэтом», выражающим «настроение старой, неподвижной, косной, кулацкой части деревни», и продолжает:

«<Есенин> так крепко сросся со старым укладом, что <...> появление науки и техники показалось ему окончательной гибелью деревни. В сильном стихотворении "Сорокоуст" Есенин излил этот ужас перед приходом машины. <...> "Сорокоуст" — это крик отчаяния старой деревни, не желающей приобщиться к новой жизни. Недаром в другом стихотворении Есенин говорит: "Я последний поэт деревни". <...> ...Трудно певцу кондовой старой деревни проникнуться новым. А бесконечно оплакивать прошлое — мало подходящее для молодого поэта занятие. <...> Его стихи "На родине" <"Возвращение на родину">, "Русь советская", "Песнь о великом походе" коренным образом отличаются от всех прежних есенинских стихов. Правда, и тут он еще не смотрит на современность по-пролетарски, но он уже ясно видит то новое, революционное, что народилось в деревне».

В статье отмечается, что если Есенин «...вернется на путь певца старой деревни или кабацкого разгула, он будет конченый поэт. Если же он пойдет далее по своему новому пути, революция получит нового, чрезвычайно талантливого поэта. Пожелаем же ему успехов на этой новой дороге».

Вырезка — Тетр. ГЛМ;

— «Два предисловия» А.Луначарского, в том числе к книге И.Доронина «Советская деревня»:

«... Я помню, как покойный товарищ Бессалько ратовал против так называемых крестьянских поэтов — Клюева, Есенина, Орешина <см.: Летопись, 2, 173–174>; он утверждал тогда, что вся эта резьба по дереву, вся эта домотканая пестрота, кружевная и вышивочная узорность, вся эта сусальная раззолоченность совершенно чужда пролетариату. Я думаю, что тов. Бессалько был прав только в той своей части, в которой он неодобрительно отмечал наклонность некоторых из поэтов, наклонность в то время еще довольно яркую, к церковщине, к мужицко-языческому, правда, использованию сельско-церковного стиля. В остальном, наоборот, надо было ждать в результате смычки политической также и смычки поэтической. Ее-то мы и чувствуем, читая легкие, полные запаха луга и леса стихи пролетарского поэта Доронина...»;

— рецензия на № 5 журнала «Молодая гвардия» за 1924 год (подпись: «Верлен»).

Говоря о стихах А.Поспелова, рецензент отмечает:

«В будущем из Поспелова может выработаться крупное революционное дарование, если... если он идеологически изживет чувство неприязни к городу (см. его стих. "Точка" в "Перевале") и формально преодолеет есенинские влияния».

Декабрь, до 16 – до 31. В Москве выходит «Библиографический ежегодник» — «Книга в 1922–23 году» (под ред. И.В.Владиславлева; выпуск VI), в котором отмечено:

«Есенин. Избранное [Стихи]. Гос. изд., М., 922 г. 115 с. 1500. Рец.: Г 923 VIII (Н.Тарабукин)».

Кн. летопись, 1924, № 24, дек., поз. 13575.

Выходит в свет «Марксистская хрестоматия по литературе: Пособие для школы и для самообразования» (сост. В.В.Голубков, Н.П.Горностаев и др.; М., 1925) с материалами о творчестве Есенина.

Кн. летопись, 1924, № 24, дек., поз. 13905.

Есенин упоминается в следующих материалах: «Новокрестьянское творчество» В.Л.Львова-Рогачевского, «Сергей Есенин» А.Воронского (см.: до 16 – до 29 февр. 1924, первая запись), «Николай Клюев» Л.Д.Троцкого.

Декабрь, 16. Московская газета «Правда» (№ 286) извещает, что «вышел из печати, рассылается подписчикам и поступил в продажу» № 3 журнала «Октябрь» с «Песнью о великом походе» Есенина и статьей Г.Лелевича «О С.Есенине».

А.Дункан пишет И.Дункан из Берлина:

«Я не могу добиться паспорта в здешнем посольстве России. Пожалуйста, сделай всё, что необходимо, чтобы добыть этот паспорт для меня, а также развод от Сергея Александровича. Бог да благословит его, но для мужа он не годится».

И.Дункан и Макдугалл, 193.

См.: 2 сент. 1924, вторая и третья записи.

Декабрь, до 17. Есенин получает из Москвы сборник «Стихи (1920–24)».

Граница события определяется по письму Есенина Г.А.Бениславской (см. след. запись).

Декабрь, 17. Есенин пишет Г.А.Бениславской:

«Милая Галя.

Я совершенно не ожидал, чтобы книжку <"Стихи (1920–24)"> выпустили с такими грубыми ошибками и ужасными пропусками.

Неужели Вам не давали держать корректуру? Она меня обрадовала и огорчила.

Теперь дело вот в чем. Мне выслали из Армении 400 руб. Куда они попали, я не знаю. Я собирался в Москву и дал адрес Ваш, но потом я их предупредил, что не еду, и дал адрес другой. Не знаю, куда они попали. Если попадут к Вам, направьте ко мне. Я не знаю, как Вы живете. Думаю, что у Вас не хватило смекалки сходить на Большую Дмитровку, 10, в отделение "Зари Востока", спросить там Фурмана, взять комплект, переписать, что

мной напечатано, и продать хоть черту, хоть дьяволу, чтоб только у Вас были деньги. Газетной вырезкой не сдавайте. Будут меньше платить.

Потом соберите, ради бога, из Питера все мои вещи в одно место. Ведь я неожиданно могу нагрянуть, а у меня шуба в Питере.

Потом вот что еще (это выход для денег): соберите 6 новых поэм, помещенных в "Заре Вост<ока>", и продайте книжкой Ионову. По 1 руб. 2 новых я вышлю Вам на днях.

Работается и пишется мне дьявольски хорошо. До весны я могу и не приехать. Меня тянут в Сухум, Эривань, Трапезунд и Тегеран, потом опять в Баку.

На днях высылаю Вам почтой 2 ящика мандарин. Мы с Лёвой едим их прямо в саду с деревьев. Уже декабрь, а мы рвали вчера малину.

На столе у меня лежит черновик новой хорошей поэмы "Цветы". Это, пожалуй, лучше всего, что я написал. Прислать не могу, потому что лень переписывать. <...>

Надеюсь, что деньги у Вас есть и будут, поэтому присылать не буду.

(Отдайте кому-нибудь "Сукина сына".) Думаю, что глупо тащить всё в одну "Красную новь".

Пока. Спешу уходить за гонораром. Пойду в ресторан, и выпьем с Лёвой за Ваше здоровье. Живите, милая, и не балуйтесь.

Целую Вашу руку.

Сергей Есенин.

Сестрам и всем друзьям привет.

Батум, Вознесенская, 9. С. Е.

Лёва запирает меня на ключ и до 3 ч<асов> никого не пускает. Страшно мешают работать».

Есенин, VI, 189–191.

Газета «Бакинский рабочий» (№ 287) дает объявление о подписке на 1925 год на журнал «Огонек». Есенин назван в числе прозаиков, поэтов и художников, сотрудничающих в журнале.

К.А.Соколов пишет Есенину из Тифлиса:

«Мой милый друг Сереженька!

Здравствуй, мой хороший и нежный.

С некоторыми приключениями добрались с Колей <Н.К.Вержбицким> до Тифлиса.

Пока всё хорошо, но мне лично скучно без тебя. Как ты там прыгаешь и как твои планы на будущее с Mus Olli <О.Кобцовой>. Если всё это из глубины душевной и то, что так нам всем необходимо, то я мог лишь хотеть одного — счастья для твоей усталой и измученной души. Поверь мне, старик, — мы оба истерзаны, а покой-то где же? Где то, что так нужно нам — хоть на миг, — отойти от бурь и на чем-то и к чему-то припасть... Хочу радости для тебя — хочу, чтобы ты успокоился.

Не сердись на меня — но, очевидно, я в Батум не попаду — ибо из дому гонят письма, чтобы ехал домой, а я вот из-за проклятых денег всё задерживаюсь <...>.

Тебе Паня <П.М.Денисова-Соколова> шлет сердечный привет и зовет тебя, чтобы ты ехал со мной. Но тебе виднее. Напиши же мне, как ты живешь, что намерен предпринять. Едешь в Сухум? Привет от меня Лёве, доктору <М.С.Тарасенко>, Кукушкину, славные товарищи, — а Лёва прямо очаровательный. Привет мой и лучшие пожеланиям Mus Olli, целую ей ручку и хочу, чтобы она тебя по-простому, глубоко, по-нашему, по-русски любила, передай ей это. Ну, затем прощай, напиши мне непременно. Буду ждать».

Письма, 260.

Декабрь, 18. Н.К.Вержбицкий пишет из Тифлиса Есенину:

«Милый друг мой, Сережа.

Горечь разлуки мы особенно остро почувствовали, когда сели в вагон. Пытались утешить себя двумя бутылками противного красного вина, но из этого ничего не вышло <...>.

Очутившись на улицах Тифлиса, я почувствовал тихую грусть и сладкое успокоение. Полуразбитый челн, без паруса и с одним веслом бурей пригнало к знакомому берегу, в тихую бухту на Коджорской улице.

В темной квартирке меня встретили печальные, усталые глаза Софьи Николаевны. <...> о гонорарах. Я еще не был в редакции. Пойду, наверное, завтра. Всё разузнаю и отпишу тебе.

С тебя также слово беру — сейчас же садись и пиши мне обстоятельное письмо. О твоем душевном состоянии, о твоей неожиданной любви <см. предыд. запись>, о мацони и оладьях на молоке, о твоем милом хозяине Лёве, о Мишке, Батумке и этом проклятом котенке, которого я до сих пор ненавижу. <...>

Итак, Серга, — не пей молока, избегай также и воды, а паче всего — бойся чаю. Эти напитки приведут тебя к гибели. Расцелуй Куку <И.И.Кукушкина> и Могилевского, обними Лёву...

Пиши».

Письма, 260–261.

Декабрь, после 18. Н.К.Вержбицкий пишет из Тифлиса Есенину:

«СЕРГА!

Вот мы здесь, в маленькой квартирке на Коджорской. Все мы ужасно пьяны. Ванька Ку-ку <И.И.Кукушкин> всё время собирается уехать и никак не может уехать, Костя тихо, безмятежно плачет, и никто его не понимает, кроме меня. А я молчу и делаю веселый вид. <...> Ванька — самый близкий нам, потому что мы через него, как с помощью радио, страшно быстро сообщаемся с тобой и шлем тебе молниеносное "КУ-КУ!"».

Письма, 262.

Декабрь, до 19. Есенин пишет стихотворение «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..».

Есенин, I, 252–253, 648–649.

Ориентировочная дата события определяется на основании того, что это произведение написано примерно в то же время, что и стихотворение «Ты сказала, что Саади...» (см.: 19 дек. 1924, первая запись), и с учетом воспоминаний Ш.Н.Тальян, в которых о чтении Есениным стихотворения «Ты сказала, что Саади...» упоминается позже, чем о чтении «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..». Парный автограф этих произведений Есенин пошлет Г.А.Бениславской (см.: 20 дек. 1924, первая запись).

Ш.Н.Тальян позже вспомнит:

«На следующий день, выйдя из школы, я снова увидела Сергея Александровича. Было пасмурно, на море начинался шторм. Мы поздоровались, и Есенин предложил пройтись по бульвару. Тогда он впервые и прочитал мне стихотворение "Шаганэ ты моя, Шаганэ!..". Кончил читать и тут же подарил мне стихотворение. Под ним стояла подпись "С. Есенин"».

СЕГС, 243–244.

Из письма Ш.Н.Тальян к В.Г.Белоусову (29 янв. 1959):

«В декабре 1924 года, на третий день знакомства, Сергей Александрович преподнес мне "Шаганэ ты моя, Шаганэ...", написанное черным карандашом на двух квадратных листах: один квадратный лист тетрадочной бумаги и еще 1/4 такого листа. На большом листе были написаны первые 4 строфы, на маленьком — одна последняя, за которой следовала дата (не помню) и подпись поэта "С. Есенин"».

Хроника, 2, 321.

«Большинство персидских реалий почерпнуто Есениным из литературы или из рассказов. В значительной мере условными являются женские образы этого цикла. В нем три имени: Шаганэ, Лала, Гелия, кроме того, "задумчивая Пери" и "дальняя северянка". Показательно соотношение этих имен с реальностью.

Шаганэ — в зимние месяцы 1924/25 гг., когда Есенин жил в Батуме, он познакомился там с молодой женщиной, тогда учительницей — Шаганэ Нерсесовной Тальян, они несколько раз встречались, Есенин подарил ей свой сборник с дарственной надписью. Но с его отъездом из Батума знакомство оборвалось, и в последующие месяцы он никаких усилий к его возобновлению не прилагал, хотя имя Шаганэ вновь возникло в стихах, написанных в марте, а потом в августе 1925 г.».

А.А.Козловский — Есенин, I, 642–643.

См. Приложение.

См. также: 20 дек. 1924.

Декабрь, 19. Есенин пишет стихотворение «Ты сказала, что Саади...».

Есенин, I, 254, 368–369, 649.

См. Приложение.

После четвертой строки в автографах была строфа, не вошедшая в основной текст:

В черновом автографе:

Ты сказала, что в Коране
Говорится: месть врагу.
Ну а я ведь из Рязани,
Знать тех строчек не могу.

В беловом зачеркнуто:

Ты сказала, что в Коране
За любовь с неверным жгут.
Ну а я ведь из Рязани,
Знать тех строчек не могу.

Из воспоминаний Ш.Н.Тальян:

«В одну из наших встреч, которые теперь происходили почти ежедневно, он прочитал новое стихотворение "Ты сказала, что Саади..."»

СЕГС, 244.

См. также: 1 и 4 янв. 1925.

Московская «Правда» (№ 289) публикует стихотворение А.И.Безыменского «Ночные встречи».

Возможно, об этом стихотворении идет речь в письме Г.А.Бениславской Есенину от 27 дек. 1924:

«Посылаю так, интереса ради, последние стихи Безыменского».

Письма, 264.

Декабрь, 19 ... 31. Есенин пишет письмо Н.К.Вержбицкому, но не отправляет его адресату.

Событие устанавливается с учетом сведений из письма Есенина к Н.К.Вержбицкому от 31 дек. 1924 (см.)

«Есенин приехал из Тифлиса в Батум 7 или 8 дек. вместе с Вержбицким и художником К. А. Соколовым. Затем (до 17 дек.) друзья Есенина вернулись в Тифлис. Истрепавшееся «в кармане» поэта (и, очевидно, утраченное) письмо было, скорее всего, ответом на письмо Вержбицкого к нему от 18 дек.» (С.И.Субботин — Есенин, VI, 657).

См. также: Есенин, VII (3), 51.

Декабрь, до 20. Есенин пишет «Письмо деду».

Есенин, II, 138–142, 240–241, 438–439.

В первой публикации (см.: 29 дек. 1924) дата – дек. 1924. Граница события определяется по письму Есенина Г.А.Бениславской от 20 дек. 1924:

«На днях пришлю <...> "Письмо к деду" <так!>».

Есенин, VI, 193.

Стихотворение обращено к Ф.А.Титову – деду поэта по матери.

В черновом автографе имеется значительная правка, а также строки, не вошедшие в окончательный текст. После строки 8 зачеркнуто:

А здесь кругом весна
И только море снегом
Закаменелый берег обдает

После строки 111 зачеркнуто:

Поймешь и то,
Что вьюга плачет вьюгой,
Что нет ни ведьм,
Ни Бога, ни чертей <...>
Пока же будто сто чертей
Залезли на чердак,
И ты всю ночь не спишь
И дрыгаешь ногою.
И хочется тебе,
Накинув свой пиджак,
Пойти туда,
Избить всех кочергою.

Есенин получает от армянского издательства договорную сумму за свой стихотворный сборник на армянском языке (книга не выходила).

Событие и его дата устанавливаются по письму Есенина Г.А.Бениславской (20 дек. 1924):

«Деньги мои пришли <...> В Армении выходит на армян<ском> языке целая книга».

Есенин, VI, 194.

В Тифлисе выходит журнал «Мнатоби» («Светоч», № 6) с поэмой Есенина «Товарищ» в переводе К.Чичинадзе.

Хроника, 2, 164.

Граница события устанавливается по письму Есенина Г.А.Бениславской (см. след. запись):

«В № 6 толстого грузинского журнала переведен мой "Товарищ"».

Декабрь, 20. Есенин пишет Г.А.Бениславской:

«Галя, голубушка! Спасибо за письмо <см.: 11–12 дек. 1924>, оно очень меня обрадовало. Немного и огорчило тем, что Вы сообщили о

Воронском. Я верил, а оказалось всё миражем. Может быть, в мире всё мираж, и мы только кажемся друг другу.

Ради бога, не будьте миражем Вы. Это моя последняя ставка, и самая глубокая. Дорогая, делайте всё так, как найдете сами... Я слишком ушел в себя и ничего не знаю, что я написал вчера и что напишу завтра.

Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия.

Не говорите мне необдуманных слов, что я перестал отделывать стихи <см.: 11–12 дек. 1924>. Вовсе нет. Наоборот, я сейчас к форме стал еще более требователен. Только я пришел к простоте и спокойно говорю: "К чему же? Ведь и так мы голы. Отныне в рифмы буду брать глаголы". Путь мой, конечно, сейчас оч<ень> извилист. Но это прорыв. Вспомните, Галя, ведь я почти 2 года ничего не писал, когда был за границей. Как Вам нравится "Письмо к женщине"? У меня есть вещи еще лучше. Мне скучно здесь. Без Вас, без Шуры и Кати, без друзей. Идет дождь тропический, стучит по стеклам. Я один. Вот и пишу, и пишу. Вечерами с Лёвой ходим в театр или ресторан. Он меня приучил пить чай, и мы вдвоем с ним выпиваем только 2 бутылки вина в день. За обедом и за ужином. Жизнь тихая, келейная. За стеной кто-то грустно насилует рояль, да Мишка лезет целоваться. Это собака Лёвина. Он у нас очень не любит прачек.

Вот бы его на Воронского? А?

Днем, когда солнышко, я оживаю. Хожу смотреть, как плавают медузы. Провожаю отъезжающие в Константинополь пароходы и думаю о Босфоре. Увлечений нет. Один. Один. Хотя за мной тут бабы гоняются. Как же? Поэт ведь. Да какой еще, известный. Всё это смешно и глупо.

Обрадовало меня только одно обстоятельство: по пьяному делу из Тифлиса со мной приехал в Батум Вержбицкий и Костя Соколов. Однажды утром мы после кутежа едем к Лёве и видим такую картину: идет на костылях хромой старик, тащит привязанную за пояс тележку, в тележке два щенка, на крыльях тележки две курицы, а на голове у него петух. Когда он идет, петух машет крыльями. Зрелище поразительное.

Я соскочил с извозчика и попросил, чтоб он продал мне одного щенка. Он посмотрел на меня и сказал: "Только для тебя".

Щенка я сейчас отдал на воспитание. Он гадит в комнате, а возиться с ним я не умею.

Что это такое, Галя? Я боюсь, что это что-то вроде шуток Мефистофеля. <...>

Галя милая, "Персидские мотивы" это у меня целая книга в 20 стих<отворений>. Посылаю вам еще 2. Отдайте все 4 в журнал "Звезда Востока". Просите 2 р. за строчку. Не дадут, берите 1 руб. Черт с ними. Разбогатею,

пусть тогда покланяются. Печатайте всё, где угодно. Я не разделяю ничьей литературной политики. Она у меня своя собственная — я сам. "Письмо к женщине" отдайте в "Звезду", тоже 2 руб. строчка. На днях пришлю "Цветы" и "Письмо к деду". Найдите в "Заре Востока", Б. Дмитровка, 10, "Письмо от матери" и "Ответ". Суйте во все журналы. Я скоро завалю Вас материалом. Так много и легко пишется в жизни оч<ень> редко.

Это просто потому, что я один и сосредоточен в себе. Говорят, я очень похорошел. Вероятно, оттого, что я что-то увидел и успокоился. Волосы я зачесываю, как на последней карточке. Каждую неделю делаю маникюр, через день бреюсь и хочу сшить себе обязательно новый модный костюм. Лакированные ботинки, трость, перчатки — это всё у меня есть. Я купил уже. От скуки хоть франтить буду. Пускай говорят — пшют. Это очень интересно. Назло всем не буду пить, как раньше. Буду молчалив и корректен. Вообще хочу привести всех в недоумение. Уж очень мне не нравится, как все обо мне думают. Пусть они выкусят.

Весной, когда приеду, я уже не буду никого подпускать к себе близко. Боже мой, какой я был дурак. Я только теперь очухался. Всё это было прощание с молодостью. Теперь будет не так.

Если они хотят, чтоб я был писатель, так я буду писатель. Но уж тогда вряд ли они придут ко мне за дружбой, чтоб подзанять немного мыслей и чувств. Я буду болтать тросточкой и говорить, закатывая глаза: "Какая прекрасная погода!" Я обязательно научусь этому перед зеркалом. Мне интересно, как это выглядит. Черт возьми! Однако я здорово записался, 4 стр<аницу> пишу. Это всё оттого, что я о Вас соскучился.

У Воронского в отношении ко мне, я думаю, просто маневр: все это, я думаю, в глубине души его несерьезно. Так это — знай, мол, наших! Если Вы увидите этих наших, все-таки поклонитесь им. Анне Абрамовне мой самый сердечный привет. Поцелуйте ее за меня в щеку. Итак, Галя, делайте всё, как знаете, мне важно то, чтоб я был спокоен за Ваши денежные дела.

<...> Обнимите Катю, Шуру и Риту. Привет Яне и Соне.

Год 24, а число которое, не знаю. Вероятно, 20-е декабря.

Галя! Это письмо добавочное. Как только выйдут "Две поэмы", получите с Ионова 780 руб. и пришлите их мне.

Я не брал у него 30 черв<онцев> за "Песнь" и 480 за "36".

Деньги требуйте настоятельно. На эти деньги я для вас всех могу много прекрасных вещей сделать. Здесь очень дешево стоят материалы на костюмы. Чудные персидские и турецкие шали.

С. Е.

Берлину продавайте. Вообще всё делайте, как найдете нужным. Маши каслом не испортишь <так!>».

Есенин, VI, 191–195.

В письме сообщается о посылке стихов, скорее всего, из «Персидских мотивов»: «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» и «Ты сказала, что Саади...».

И здесь, и во всех предшествующих публикациях текст, начинающийся словами «Галя! Это письмо добавочное», печатается как приписка к письму поэта от 20 дек. 1924. Между тем, вполне возможно, что это «добавочное письмо» хотя и ушло адресату одновременно с предшествующим, но в отдельном конверте (оба конверта с почтовыми штемпелями отправления «Батум. 22.12.24» — в архиве А.Г.Назаровой; см. о них: Шубникова-Гусева-2008, 227). Впрочем, существует и другое мнение на этот счет (см.: 22 дек. 1924).

В письме П.И.Чагину Есенин сообщает о вторичной посылке стихов. О «Цветах» пишет:

«Это философская вещь. Ее нужно читать так: выпить немного, подумать о звездах, о том, что ты такое в пространстве, и т. д. — тогда она будет понятна. Стихи о Персии я давно посвятил тебе. Только до книги я буду ставить или "П. Ч.", или вовсе ничего. Всё это полностью будет в книге. Она выйдет отдельно. 20 стих<отворений>. Скоро, быть может, приеду. Не забывай гонораром».

Есенин, VI, 195–196.

К.А.Соколов пишет из Тифлиса П.М.Денисовой-Соколовой:

«...мне из достоверных источников известно, что Есенину запрещен въезд в Москву за скандалы. Что он там натворил, мне неизвестно, но могу себе представить. Вот что значит разбитая жизнь – и я совершенно не понимаю З.Н. <Райх>, которая не хочет его вернуть к себе, а у него не позволяет самолюбие, ведь он ее, оказывается, прогнал в 1920, когда она была в интересном положении. Ах, Сережка! Какой он бурный – а теперь в муках живет <...> А как поэт, ведь пойми, он большими шагами идет к Пушкину. Я его не виню – ибо всё это можно понять. Эх – жизнь наша маята какая-то».

«Есенинский вестник: Издание Гос. музея-заповедника С.А.Есенина», [Рязань], 1995, вып. 4, с. 24.

О запрете на въезд Есенина в Москву каких-либо иных сведений не выявлено.

Декабрь, 21. Есенин пишет стихотворение «Никогда я не был на Босфоре...».

Есенин, I, 255–256, 369, 649–650.

В беловом автографе – заголовок «Персидские мотивы», перед текстом – авторская цифра «1», что свидетельствует о существовании парного автографа другого стихотворения, вероятнее всего, – «Свет вечерний шафранного края...» (будут опубликованы вместе 18 янв. 1925).

27-я строка имела вариант: «Чтобы я о нежной северянке...».

См. Приложение.

Есенин выступает в клубе Батумской почты и телеграфа на банкете по случаю выхода 1000-го номера газеты «Пухара» («Бедняк») с речью, окончив ее стихотворным экспромтом.

Из воспоминаний грузинского литератора Пармена Лория:

«В клубе Батумской почты и телеграфа в воскресенье 21 декабря 1924 года был банкет по случаю выхода 1000-го номера газеты "Пухара" ("Бедняк"), на него пришел Есенин, его приветствовали, ответное слово завершилось стихотворным экспромтом».

Есенин, IV, 512.

Текст экспромта неизвестен.

Литературное приложение «Dělnická besídka» к пражской газете «Rude pravo» (год. 5, № 298) печатает стихотворение Есенина «В том краю, где желтая крапива...» на чешском языке в переводе Богумила Матезиуса.

В Москве Г.А.Бениславская пишет Е.А.Есениной записку:

«21 декабря <1924 г.>

5 часов. <...> Катя. Не уходи без нас — Шура тоже хочет пойти с тобой. Но если уйдешь — чтоб в 12 ч. 30 м. была дома, иначе не прогневайся, напишу Сергею. Помни. Я обещание сдержу. Галя.

А то у тебя уже такое настроение: "завертелась"».

Шубникова-Гусева-2008, 178.

Декабрь, 21 и 24. Газета «Известия Одесского губкома, КПБУ, губисполкома, губполитпросвета» (№ 1517, 1519) печатает информацию о предстоящем выходе одесского журнала «Шквал» с отрывком из поэмы Есенина «Песнь о великом походе».

См. также: 25 дек. 1924, вторая запись.

Декабрь, после 21. Есенин пишет стихотворение «Свет вечерний шафранного края...»

Есенин. I, 257–258, 369–370, 650–653.

Граница события определяется с учетом того, что имелся парный автограф, вероятнее всего, со стихотворением «Никогда я не был на Босфоре...».

Черновой автограф имеет значительную правку.

Первая строка известна в двух вариантах: в черновом автографе — «Свет вечерний шафранного края...», в беловом — «Свет шафранный вечернего края». В результате проведенной текстологической работы А.А.Козловский пришел к выводу, что первая строка этого стихотворения должна читаться по черновому автографу. Этого мнения придерживались С.А.Толстая-Есенина и П.И.Чагин.

Декабрь, 22. В Москву уходят два письма Есенина к Г.А.Бениславской.

Событие устанавливается по конвертам этих писем (адрес — рукой Есенина). Дата — по батумскому почтовому штемпелю; штемпель Москвы — 29.12.24 (Шубникова-Гусева-2008, 227). Есть предположение, что тексты писем, вложенных в эти конверты, опубликованы (см.: 20 дек. 1924, первая запись). Однако большое письмо от 20 дек. 1924 вряд ли могло уместиться в одном из этих конвертов, так как они очень невелики по размеру. Не исключено, что письма поэта, отправленные им тогда, остаются неизвестными.

Декабрь, 23. Московский журнал «Книгоноша» (№ 50) печатает обзор № 3 журнала «Октябрь» Д.Горбова. В материале говорится о Есенине:

«Третий номер журнала "Октябрь" в целом должен быть зачислен в актив пролетарской литературы, одним из органов которой журнал является. <...> Должна быть отмечена и "Песнь о великом походе" Сергея Есенина, как будто знаменующая новый этап в творчестве поэта — поворот его к смычке с Октябрем».

См.: до 16 дек. 1924, вторая запись; 25 дек. 1924, третья запись; 31 дек. 1924, вторая запись.

Ленинградский журнал «Жизнь искусства» (№ 52; рубрика «Москва») перепечатывает неподписанную информацию с упоминанием о Есенине:

«Всероссийский союз поэтов. Сергей Есенин написал революционную балладу “26” и революционную поэму “Песнь о великом походе”».

Исходный источник см.: 13 нояб. 1923, вторая запись.

Декабрь, 24. Московский «Рабочий журнал» (№ 3–4) печатает статью И.Пчелинцева «Михаил Волков. Литературный портрет», в которой упоминается Есенин:

«Волкову стараются прилепить ярлык крестьянского писателя, подменяя тематическое содержание идеологическим.

Что же такое крестьянский писатель?

Это писатель, выражающий идеологию крестьянства.

Но крестьянство сейчас расслоилось на две основные группы, имеющие каждая свою, весьма отличную друг от друга характерную идеологию.

Первая группа – крестьянство с идеологией антиреволюционной, антигородской, мелко-собственнической, с неизбежно сопутствующими атрибутами прошлого: религиозным мессианством, суеверием и т. д.

Ярким выразителем такой обреченной на умирание идеологии является “Пророк” и “Хулиган” – Сергей Есенин. <…>

В противоположность Есенину, проклинающему “стального жеребца” городской культуры, он <М.Волков> благословляет “электрического жеребца” <…>».

Дата выхода журнала устанавливается по информации в газ. «Правда» (1924, 24 дек., № 294).

Декабрь, 24 – 30. Есенин пишет цикл «Над “Капиталом”», состоящий из двух стихотворений: 1. «Метель», 2. «Весна».

Есенин, II, 153–155, 450–451.

Время создания цикла устанавливается с учетом того, что цикл навеян экстремальными для Батума явлениями — снежной бурей, бушевавшей в двадцатых числах дек. 1924: см. погодные сводки в газ. «Заря Востока» за 24 дек. (№ 761), 27 дек. (№ 764), 31 дек. (№ 767).

Нижняя граница события отмечается с учетом того, что Н.К.Вержбицкий получит цикл «в последних числах декабря» (Вержбицкий, 105), а уже в начале янв. 1925 г. он будет опубликован (см.: 4 янв. 1925).

См. также: до 30 дек. 1924; 31 дек. 1924.

Оба стихотворения в беловом автографе датированы поэтом дек. 1924 г., они имеют общую нумерацию, тематически связаны друг с другом общей системой образов, которые по-разному характеризуются автором:

Метель

Я не люблю
Распевы петуха
И говорю,
Что если был бы в силе,
То всем бы петухам
Я вырвал потроха,
Чтобы они ночьми не голосили.

Луну, наверное,
Собаки съели —
Ее давно
На небе не видать

Весна

Я нынче, отойдя ко сну,
Не поругаюсь
С петухами.

А ночью
Выплывет луна
Ее не слопали собаки:
Она была лишь не видна
Из-за людской
Кровавой драки.

Но одолеть не мог никак
Пяти страниц
Из «Капитала»

Достаточно попасть
На строчку
И вдруг —
Понятен «Капитал».

Это дает основание рассматривать два произведения как циклическое единство, работа над которыми велась в одно время.

В «Метели» Есенин пишет:

Визжит метель,
Как будто бы кабан,
Которого зарезать собрались.
Холодный,
Ледяной туман,
Не разберешь,
Где даль,
Где близь...

Ср. с воспоминаниями Н.К.Вержбицкого:

«Циклон вызвал невиданный в тех местах холод, ударил пятнадцатиградусный мороз. В течение нескольких дней на побережье Черного моря погибли все цитрусовые насаждения и громадные эвкалипты. Ветер ураганной силы вздыбил море, и в нем гибли океанские суда. Трехметровые волны с пенистыми гребнями, ревя, докатывались до стен дома, в котором жил Есенин. Улицы города были завалены снегом, и по ним бегали волки. Прекратилось железнодорожное сообщение, обрушились телеграфные провода. В довершение всего началось землетрясение...».

Вержбицкий, 111.

Н.К.Вержбицкий о стихотворении «Весна»:

«...умиротворенное, доброе, уповательное», оно «написано после <метели>, когда природа благодатного юга взяла свое и весна наградила поэта теплом и лаской».

Вержбицкий, 127.

В «Весне» есть такие слова:

Припадок кончен.
Грусть в опале...
Метель теперь
Хоть чертом вой...

Есенин катается на санях вместе с Ш.Н.Тальян и ее сестрой.

Событие устанавливается и датируется по воспоминаниям Ш.Н.Тальян:

«В конце декабря пошел сильный снег — явление очень редкое в Батуми. На второй день Есенин приехал к нам на санях, оживленный, веселый, и мы отправились кататься по Махинджаурской дороге. Мы впервые ехали на санях и, наверное, Есенин хотел показать нам, мне и сестре, всю прелесть этой езды. На полдороге он, извинившись, попросил разрешение сесть на козлы: гнал коня, смеялся, веселясь, как ребенок. Потом говорил, что ему нравятся лошади, запах навоза».

СЕГС, 244–245.

Декабрь, до 25. В кооперативном издательстве «Бакинский рабочий» выходит в свет книга Есенина «Русь советская».

Событие и его дата отмечаются по рецензии М.Х.Данилова (см. след. запись).

Содержание. Предисловие П.Чагина; Русь советская; Поэма о 36; Песнь о великом походе; Баллада о двадцати шести; Возвращение на родину; Русь уходящая; Письмо к женщине; Письмо к матери <Письмо от матери>; Ответ.

В оглавлении не указано стихотворение «Ответ».

В предисловии к книге П.И.Чагин пишет:

«Собранные здесь стихи — первые ласточки, первые предвестники настоящей революционной весны есенинского творчества. В этих строках Сергей Есенин — уже больше чем попутчик, он уже наш спутник, с буйным молодым задором пробивающийся через разношерстную, вслушивающуюся в революцию толпу, куда он попал, вырвавшись из четырех стен, — в широкую революционную массу... В гражданских стихах Есенина нашел свое поэтическое выражение перелом, происходящий теперь в настроениях и сознании нашей интеллигенции. Это лишний раз свидетельствует о непочатой силе есенинского таланта и о том, какого большого поэта приобретает в нем революция».

См. Приложение.

Декабрь, 25. Газета «Бакинский рабочий» (№ 294; рубрика «Среди книг и журналов») печатает рецензию М.Х.Данилова на книгу Есенина «Русь советская»:

«“Русь советская” — сборник последних стихов Сергея Есенина, разновременно помещенных в закавказской печати.

Они — “первые ласточки, первые предвестники настоящей революционной весны есенинского творчества”, как говорит о них в предисловии П.Чагин.

Это — несомненно, верная характеристика сборника.

Конечно, “первые ласточки” еще весны не делают, тем более революционной.

В новых есенинских строках есть еще очень много отзвуков прежнего лубочного “мужиковства”, он всё еще хочет видеть *Русь*, хотя бы и *советскую*, и чувствуя, что она уходит, не только грустно сознается в своей ненужности, но даже готов один идти “к неведомым пределам, душой бунтующей навеки присмирев”. Но это, конечно, только невольная рисовка поэта, отрезвляющегося от угарного похмелья творческого беспутства, книжка говорит о другом».

Процитировав предпоследнюю строфу «Ответа» вместе со строками других произведений сборника для иллюстрации отрезвления Есенина «от угарного похмелья творческого беспутства», критик заключает:

«Это уже много для Есенина. Для Есенина “Москвы кабацкой”, на чьих “изогнутых улицах” он считал себя осужденным волею божьей умереть».

И продолжает:

«Свежий советский ветер опахнул большую творческую душу Есенина, изболевшуюся, искалеченную кабацким надрывом.

И в струях этого ветра омылось чудесное дарование Есенина, зазвенело новыми песнями.

Незачем вдаваться в формальный разбор книжки.

В ней — сочный черноземный есенинский язык, крепкая насыщенная живыми красками образность, серебряная звучность рифмы, изумительная ритмика (особенно в “Поэме о 36”, бесспорно, сильнейшей вещи сборника).

И напрасно Есенин утверждает, что “Октябрю и маю” он “лиры милой” не отдаст. Он уже отдал ее, сам того не замечая.

Книжка издана чисто, но бесцветна. Аляповата обложка».

Одесский двухнедельный журнал «Шквал» (№ 8) перепечатывает отрывок из поэмы Есенина «Песнь о великом походе».

Дата события определяется по информации о выходе («сегодня») этого номера журнала (газ. «Известия Одесского губкома, КПБУ, губисполкома и губпрофсоюза», 1924, 25 дек., № 1520).

Об исходном источнике текста см.: 15 нояб. 1924, вторая запись.

См. Приложение.

См. также: 21 и 24 дек. 1924.

Газета «Известия Одесского губкома...» (№ 1520) публикует статью Н.Н.Асеева «О героях Бабеля, "октябринах" С.Есенина, иностранных новинках и прочих литературных вещах», где обсуждается «Песнь о великом походе».

Анализ «октябрин» Есенина (иронично обыграно содержание есенинской поэмы и место ее публикации — журнал «Октябрь») Н.Асеев связывает с подробным описанием содержания диспута в Доме печати (Москва, 29 нояб. 1924), посвященного героям «Конармии» И.Бабеля и основному вопросу литературной политики того времени:

«...возможно ли идеологическое воздействие на индивидуальность того или иного талантливого писателя, или его талантливость сама по себе является выразительницей уже сложившегося мировоззрения, влиять на которое в большинстве случаев бесполезно, а в некоторых и прямо вредно <?> <...> Если метод тов. Воронского — метод выращивания кривых карликовых деревьев, то в методе т.т. из "Октября" предвидится слишком простая расстановка телеграфных столбов на литературной дороге. <...>

Примером такого телеграфного столба, вытянувшегося в струнку, служит поэма С.Есенина "Песня <так!> о великом походе". Есенин всерьез, очевидно, задумался о выправлении своей идеологической линии. И написал... поэтическую иллюстрацию к сменовеховской теории проф. Устрялова. Формальные достоинства и недостатки этой вещи — обычные для Есенина. Стилизация народного песенного сказа, но это до Есенина сделал уже Лермонтов в "Песне о купце Калашникове". Может быть, права на этот прием больше у Есенина, чем у Лермонтова, но... повторение приема всегда наводит на мысль о подражании. И именно от этой мысли не отделаешься, когда читаешь перебои распева, введенные С.Есениным в песню. Так и вспоминается:

Эй, ребята, пойте,
Только гусли стройте!
Эй, ребята, пейте —
Дело разумейте!

В есенинском перебое это звучит так:

Вы, конечно, народ хороший.

Это неплохо, но это слишком близко звучит к вышеприведенным строкам, особенно, если иметь в виду, что и то и другое — именно передышка, вставка между двумя частями, смена голоса "сказителя".

Конечно, это мелкие недочеты есенинского творчества, относящиеся уже к самому характеру. А достоинств у "Песни" много. Великолепно использованы революционные частушки, очень хорошо ведется основная линия размера, вещь нигде не разрывается, она действительно полна мелодийно-повествовательного пафоса — и тем досаднее эта устряловщина, это запоздалое приравнивание коммунизма к петровской дубинке, "оригинальностью" которого пытается щегольнуть Есенин».

Изложив содержание поэмы, которую завершает фигура Петра, с умилением взирающего на свой город, разукрашенный красными флагами, Н.Н.Асеев делает вывод:

«...беспомощней и натянутей, чем эта "тема", — трудно придумать. И мы не видим никакого "выпрямления" идеологической линии в Есенине, несмотря на его неожиданные "Октябрины"».

См.: до 16 дек. 1924, вторая запись; 23 дек. 1924, первая запись; 31 дек. 1924, вторая запись.

Г.А.Бениславская вместе с сестрами поэта Е.А. и А.А.Есениными уезжает в Константиново.

Событие и его дата устанавливаются по письму Г.А.Бениславской (см. след. запись).

С Рязанского вокзала Москвы Г.А.Бениславская пишет Есенину письмо.

Сообщает, что все трое живут вместе в квартире на Никитской, где «всё Вашим духом пахнет», живут дружно, все здоровы. И продолжает:

«От Вас получили 3 письма сразу <о двух из них см.: 12 дек. 1924; 17 дек. 1924; третье письмо неизвестно>. Стихотворение "Письмо к женщине" — я с ума сошла от него. И до сих пор брежу им — до чего хорошее оно!»

Г.А.Бениславская, Е.А. и А.А.Есенины приезжают в Константиново.

Из письма Г.А.Бениславской к Есенину от 27 дек. 1924 г. из Константинова:

«...зима ужасная — снегу не было до 20 декабря, а теперь тоненький, и это при 25° мороза. — Будь ему (морозу) неладно. Катя даже ноги отморозила, пока до Константинова доехали, — целый час оттирали снегом».

Письма, 263.

Декабрь, 26. Родители Есенина заканчивают переезд в новый отстроенный дом в Константинове.

Событие и его дата устанавливаются по письмам Г.А.Бениславской и Е.А.Есениной, адресованным Есенину.

Из письма Г.А.Бениславской:

«Дом уже отстроен — сегодня перебрались в него совсем. Топим печь и лежанку — сейчас тихо, тепло. <...>

Дом мне нравится, просторно, чисто. Правда, еще не кончены сени и т. д. Вид из окна прямо на луга за Окой — выстроили против церкви.

До чего мне здесь нравится, если б Вы знали. Завтра надо возвращаться в Москву, а не хочется».

Письма, 263.

Из письма Е.А.Есениной (30 дек. 1924):

«А о доме можно сказать много <...> мы с Галей всё время ходим под впечатлением деревни. Дом у нас теперь новый и хороший, в избе будет 4 комнаты, но тебе ни одной из них не достанется. Мы тебе определили старую избу. Отремонтируем ее, и ты будешь в ней жить, сделаем ее не по-городскому, а, как у всех, просто. Икона как там висит, так и оставим, и лампадку тоже. Одним словом, всё будет по-старинному, а в новой избе всё будет на новый лад. Мне думается, что ты на следующую зиму обязательно поедешь домой, т. е. стариной тряхнешь, послушаешь песен, поиграешь в карты и поработаешь. Сказки-то тебе, пожалуй, будут неинтересны, потому что мне кажется, что ты сказок знаешь больше всех на свете».

Письма, 265.

Вечер. Мать, отец, сёстры поэта и Г.А.Бениславская в новом доме родителей в Константинове поют песни, в том числе на слова Есенина («Вечер черные брови насопил...»).

Из письма Г.А.Бениславской к Есенину от 27 дек. 1924 г.:

«Вчера Татьяна Федоровна песни вечером пела, а мы все на печь забрались и слушали. “Эх, прощай, жисть, радость моя”».

Письма, 263.

Из письма Е.А.Есениной брату (30 дек. 1924):

«Знаешь, мы слушали, как поет мать и отец, вот хорошо-то, и я кой-где подпевала, да у меня всё что-то не как у них выходит, а они хорошо поют. Помнишь, ты надо мной смеялся, что я с тоскливой физикой пою, как будто всё в прошедшем.

Оказывается, мать тоже так поет.

Мы все вместе, мать, отец, Галя, Шурка и я, пели “Вечер черные брови насопил”, больно уж нашим это стихотворение нравится, а матери больше всего понравилось “Русь советская”. Она говорит, что ты уж больно складно писать умеешь».

Письма, 265.

Декабрь, 27. Семья Есениных собирается вместе. Они говорят о Сергее. Г.А.Бениславская читает родным Есенина его стихи, а затем пишет поэту.

Описывает новый дом родителей и все последние новости, особенно подробно – свое пребывание в Константинове.

Из письма:

«Читала я Вашим стихи. Матери очень понравилась “Русь Советская”, всё, говорит, так, как есть, и другие наросли, и “жись” вся.

Отцу же все Ваши последние стихи нравятся: “Хорошо стал писать, а раньше имажинистом понять трудно было”.

Я тут окончательно за Катину сноху прослыла. Даже Ваша мать уже не дает бесславить меня: сегодня утром Катя и Шура заметили, что у меня зеленые глаза, и стали дразниться при ком-то из деревенских, ну и досталось им за это от Татьяны Федоровны. <...>

Ошибки ужасные в книжке <“Стихи (1920–24)”>, но я узнала о том, что “Круг” ее выпускает, когда она уже была готова. А сама книжка издана хорошо. И подбор стихов замечательный. <...>

Поэмы из “Зари Востока” в понедельник перепишу и продам.

В Питер съезжу при первой возможности. <...>

Ну, а когда же “Цветы” получим? Вам лень переписывать. Не стыдно! <...>

Воронского в “Красной нови” уже нет. Там теперь “октябристы”».

Письма, 263–264.

Декабрь, 28. Литературное приложение «Hodina» к пражской газете «Národni osvobozeni» (rog. 1, № 325) печатает на чешском языке три стихотворения Есенина: «Не ветры осыпают пущи...», «Нивы сжаты, рощи голы...» и «Устал я жить в родном краю...» в переводе Богумила Матезиуса.

См. Приложение.

Парижская газета «Последние новости» (№ 1435) излагает содержание интервью «У Айседоры Дункан», опубликованное газетой «Chicago Tribune», где упоминается Есенин:

«Айседора Дункан, находящаяся в настоящее время в Берлине, испытывает серьезные материальные затруднения. Как сообщил корреспондент “Чикаго Трибюн”, танцовщице нечем заплатить по счету в гостинице и в ресторане.

У Дункан есть дома в Париже. Она хотела бы продать их, но ей не дают визы во Францию после скандалов, учиненных ее молодым и буйным супругом. Чтобы поправить свои дела, Айседора решила... опубликовать 1000 любовных писем, полученных ею в дни молодости.

* * *

— А где ваш муж Есенин? — спросил интервьюер.

— Ах, Серж, он на Кавказе. Пишет мне, что решился стать бандитом. Он собирается написать поэму из жизни бандитов и решил сам заняться этой профессией, чтобы лучше ее изучить.

— А как насчет развода?

— Нет ничего проще, чем получить развод в Советской России. Надо подать прошение до 12 часов утра — и ровно в полдень развод готов. Но мне никак не удавалось заставить Сержа зайти в комиссариат до полудня. Ночи напролет он кутит, а днем спит. Если бы комиссариат был открыт до 12 часов ночи, мы давно бы развелись. Впрочем, я сейчас не считаю себя женой Есенина, так как ни американские, ни французские законы не признают советских браков. Во время войны я предоставила свои парижские дома в безвозмездное пользование французского правительства. А теперь мне не дают даже визы под предлогом того, что я большевичка. Я работала в России для голодающих детей. Если я — большевичка, то весь персонал АРА состоит из большевиков».

Отклик Есенина см.: 11–12 мая 1925.

Декабрь, 29. Газета «Бакинский рабочий» (№ 297) печатает «Письмо деду» Есенина.

См. также: до 20 дек. 1924.

Декабрь, до 30. Есенин посылает Н.К.Вержбицкому в Тифлис автографы стихотворений «Метель» и «Весна».

Граница события определяется по воспоминаниям Н.К.Вержбицкого:

«Рукопись этих стихотворений Есенин прислал мне через батумское отделение "Зари Востока" в последних числах декабря 1924 года».

Вержбицкий, 105.

О публикации этих произведений см.: 4 янв. 1925.

См. также: 24–30 дек. 1924.

Декабрь, 30. Е.А.Есенина после долгого перерыва пишет брату из Москвы:

«...я никак не могу послать тебе письма. Я уже несколько писем тебе написала, но посылать почему-то боялась, сама не знаю, чего боялась».

Письма, 264.

Описывает свои впечатления от поездки в Константиново (см.: 26 дек. 1924, вторая запись; 26 дек. 1924, вечер).

В конце письма приписка:

«Стихи твои мне очень и очень нравятся».

Письма, 265.

Есенин мог послать Е.А.Есениной стихи «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» и «Ты сказала, что Саади...».

В Москве И.М.Касаткин беседует с Я.М.Козловской о Есенине.

Об этом Я.М.Козловская сообщит на другой день в письме к Есенину:

«Рассказывал вчера Касаткин, что его приятелю снилось, что Вы на Кавказе увлекли жену кавказца и это стоило Вам жизни, т. к. кавказец сей насквозь проткнул Вас ножом. Разве это не Ваши драки навеяли?

Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож».

Письма, 266.

Ленинградский журнал «Жизнь искусства» (№ 53) в объявлении Госиздата о подписке на 1925 год на журнал «Звезда» отмечает, что в 1924 году в этом издании была опубликована есенинская «Песнь о великом походе».

Декабрь, 31. Есенин пишет Н.К.Вержбицкому.

Сообщает о снежном циклоне и спрашивает, как дела с редакцией, «что Зося и где Костя».

Пишет также:

«Miss Olli отдали мы — ее кошке. С ней ей уютней. Нам она не ко двору. Ты пишешь, чтоб я дал тебе записку к Воронскому, — но теперь-то поздно.

Воронский вышиблен, и вместо него Вардин в "Красной нови"<см.: 11–12 дек. 1924>. Устроить вещь теперь еще легче через Галю.

Адрес: Москва, Брюсовский, 2а, кв. 27, Дом "Правды". Г.Б<енислав-ской>.

Более подробное письмо пришлю на днях».

Есенин, VI, 196.

Упоминаемая Есениным «вещь» — один из рассказов Н.К.Вержбицкого, который тому хотелось опубликовать в «Красной нови» (Есенин, VI, 659).

С.И.Субботин полагает, что «более подробное письмо» будет написано Есениным лишь 26 янв. 1925 (Есенин, VI, 660).

Газета «Бакинский рабочий» (№ 299; раздел «Среди книг и журналов»; подпись: «Р. Б.») печатает рецензию на третий номер журнала «Октябрь» за 1924 год, где упоминается Есенин:

«Отдел художественной литературы почти целиком заполнен новыми, еще не известными читательской публике авторами (за исключением Есенина и Доронина)...

Статьи журнала кратки, просты. Говорят о том, что интересует пролетарского писателя сегодня, и охватывают не только писательство, но и музыку.

Следует выделить статью Лелевича о Есенине».

См.: до 16 дек. 1924, вторая запись; 23 дек. 1924, первая запись; 25 дек. 1924, третья запись.

Я.М.Козловская пишет Есенину:

«...нам приятно если не беседовать, то написать несколько слов.

Завтра новый год... <...> хочется нам знать, чем же Вы и с чем, с какими мыслями и настроениями, его встречаете. Чем сейчас живете, что занимает Вас...

Правда, мы знаем, что всё у Вас (но всё ли?) отмечается чудесным бисером строк, маленьких строк, даже сны навевающих».

Пишет, что в первый же вечер после возвращения Есенина с Кавказа позовет его «слушать рассказы» «о восточных краях». Просит, «если будет охота», ответить и сообщает свой адрес.

Письма, 265–266.

Декабрь, 31…1925, Январь, начало. Выходит журнал «Русский современник» (М.; Л.; № 4) с материалами о Есенине:

— началом статьи Ю.Тынянова «Промежуток (О поэзии): Есенин — Ходасевич — Казин — Ахматова — Маяковский — Сельвинский — Хлебников — Пастернак — Мандельштам — Тихонов — Асеев — Безыменский»:

«Он <Есенин>один из характернейших поэтов промежутка. <…> Когда инерция кончается, первая потребность — проверить собственный голос. Есенин проверяет его на резонанс, на эхо. Это путь обычный. <…>

Но есть и другое обращение к читателю, — можно сделать стих штампом, язык привычным. Такое обращение беднит.

Есенин отступает неудержимо.

Прежняя лирика Есенина была, конечно, глубоко традиционна; она шла и от Фета, и от условного поэтического "народничества", и от примитивно понятого через Клюева Блока. В сущности, Есенин вовсе не был силен ни новизной, ни левизной, ни самостоятельностью. Самое неубедительное родство у него — с имажинистами, которые, впрочем, тоже не были ни новы, ни самостоятельны, да и существовали ли — неизвестно. Силен он был эмоциональным тоном своей лирики. Наивная, исконная и потому необычайно живучая стиховая эмоция — вот на что опирается Есенин. Всё поэтическое дело Есенина — это непрерывное искание украшений для этой голой эмоции. Сначала церковнославянизмы, старательно выдержанный деревенский налет и столь же традиционный "мужицкий Христос"; потом — бранные слова из практики имажинистов, которые были таким же, в сущности, украшением для есенинской эмоции, как и церковнославянизмы.

Искусство, опирающееся на эту сильную, исконную эмоцию, — всегда тесно связано с личностью. Читатель за словом видит человека, за стиховой интонацией угадывает "личную". Вот почему необыкновенно сильна была в стихах литературная личность Блока (не живой, не "биографический" Блок, а совсем другого порядка, другого плана, стиховой Блок). Вот почему замечателен "Пугачев" Есенина, где эта эмоция новым светом заиграла на далекой теме, необычайно оживила и приблизила ее:

— Дорогие мои, хорошие!

Литературная, стиховая личность Есенина раздулась до пределов иллюзии. Читатель относится к его стихам как к документам, как к письму, полученному по почте от Есенина. Это, конечно, сильно и нужно. Но это и опасно. Может произойти распад, разделение, — литературная личность выпадет из стихов, будет жить помимо них; а покинутые стихи окажутся бедными. Литературная личность Есенина — от "светлого инока" в клюевской скуфейке до "похабника и скандалиста кабацкой Москвы" — глубоко литературна. Его личность — почти заимствование,— порою кажется, что это необычайно схематизированный, ухудшенный Блок, пародированный Пушкин; даже собачонка у деревенских ворот лает на Есенина по-байроновски. И всё же эта личность, связанная с эмоцией, была достаточно убедительна для того, чтобы заслонить стихи, для того, чтобы вырасти в своеобразный внесловесный литературный факт. В последних стихах Есенина "личность" сыграла последний акт. Ни "инока в скуфейке", ни по-

эта, "жарящего спирт". "Скандалист" покаялся в "скандалах", драматическое напряжение ослабело. Личность больше не заслоняет стихов. А между тем, если отвлечь зрителя от актера, драма, как Lese-Drama, становится сомнительной; снять с картины название, и картина окажется олеографией. Поэт, который так дорог почитателям "нутра", жалующимся, что литература стала "мастерством" (т. е. искусством, — как будто она им не была всегда), — обнаруживает, что "нутро" — много литературнее "мастерства". Примитивной эмоциональной силой, почти назойливой непосредственностью своей литературной личности Есенин затушевывал литературность своих стихов. Теперь он кажется порою хрестоматией "от Пушкина до наших дней":

...Я посетил родимые места...
...Да! теперь решено. Без возврата
Я покинул родные поля.
...Ах, какая смешная потеря...
...Золотые, далекие дали...

Но, может быть, и это не так плохо? Может быть, это нужные банальности? Эмоциональный поэт ведь имеет право на банальность. Слова захватанные, именно потому, что захватаны, потому, что стали ежеминутными, — необычайно сильно действуют. Отсюда — притягательная сила цыганщины. Отсюда банальности Полонского, Анненского, Случевского, апухтинское завыванье у Блока. Но в том-то и дело, что, желая выровнять лирику по линии простой, исконной эмоции, Есенин на деле переводит ее на досадные и совсем не простые традиции. Есть досадные традиции — стертые. (Так стерт для нас сейчас — как традиция — и Блок). Есть общие места, которые никак не могут стать на место стихов, есть стихи, которые стали "стихами вообще" и перестали быть стихами в частности. Досаден (был и есть) Розенгейм (а ведь его когда-то путали с Лермонтовым); досадна и традиция Розенгейма — стиховая плоскость. А Есенин идет именно к стихам вообще:

И полилась печальная беседа
Слезами теплыми на пыльные листы.

Эта банальность слишком эпична, слишком обстоятельна, чтобы встать в ряд с прежними. Здесь интонация лжет, здесь нет "обращения" ни к кому, а есть застывшая стиховая интонация вообще. Это — отход на плоскость "стиха вообще" (на деле — на уплощенный стих конца XIX века). Резонанс обманул Есенина. Его стихи — стихи для легкого чтения, но они в большой мере перестают быть стихами.

<...> Как Есенин совершает отход на пласт читательский, так роль Ходасевича — в отходе на пласт литературной культуры»;

— рецензией А.Рашковской на «Литературно-художественный альманах для всех» (книга первая; Л.: Прибой, 1924):

«Неплохо подражает Есенину — Б.Соловьев».

Время выхода журнала – по: Примочкина Н.Н. М.Горький и журнал «Русский современник». — НЛО, 1997, № 26, с. 367.

Декабрь, конец ... 1925, январь, до 7. Выходит журнал «Октябрь» (№ 4; за ноябрь–декабрь) с материалами, посвященными Есенину:

— статьей А.Соколова «Нужно ли в пролетарских журналах печатать попутчиков»:

«В № 3 журнала “Октябрь” за счет пролетарских поэтов уделено большое место поэме Есенина, того самого, которого в прошлом году судили за возмутительные выпады против евреев и который одновременно печатается в “Октябре” и в “Русском современнике”, т. е. в пролетарском и буржуазном журналах. Кроме этого, “Октябрь” намерен печатать подходящие произведения П.Орешина, Бабеля, Сейфуллиной, Н.Тихонова и т. п. В таком виде журн<ал> “Октябрь” нельзя назвать пролетарским.

Подобное направление можно назвать пролетарско-попутническим»;

— редакционным материалом «О левом уклоне тов. Соколова»:

«...гораздо важнее то идеологическое влияние, которое может оказать и в известной степени уже оказывает пролетарская литература на попутчиков. Если бы попутчики хотя бы и пошли за пролетарской литературой, то остались идеологически такими же, каковы они сейчас, это не внесло бы никаких существенных изменений в теперешнее положение. Будут ли попутчики, во всяком случае, лучшая их часть, приближаться к идеологии пролетариата, научатся ли они лучше понимать задачи революции? Несомненно — при условии руководящей роли пролетарской литературы. И как раз в этом отношении наиболее показателен Есенин.

Конечно, его “Песнь о великом походе” — вещь еще не пролетарская; иначе у нас бы и разговору не было с тов. Соколовым. Но стоит сравнить это произведение, помещенное в “Октябре”, с прежними кабацкими стихами того же Есенина в “Красной Нови”, чтобы понять тот громаднейший идеологический сдвиг, который произошел в творчестве Есенина. Еще ярче его последние стихи, печатавшиеся в тифлисской “Заре Востока”. А об этом тов. Соколов ни слова.

В том-то и разница между “Красной новью” времен Воронского и “Октябрем”, что Воронскому всё равно было, какие стихи Есенина и др. печатать, хотя бы и реакционные, а “Октябрь” печатает только те произведения, которые в той или иной степени приемлемы для революции. Более того, “Октябрь” на примере Есенина показал, как может идеологически к лучшему измениться попутчик, если оказать на него должное товарищеское воздействие.

Упрек в том, что мы печатали Есенина одновременно с тем, как он печатался в “Русском современнике”, не к месту, так как Есенин дал нам свою поэму позже. Конечно, мы поставили ему, как и всякому попутчику, определенное условие: или печататься в советских или в буржуазных (“Русский современник”, “Россия” и т. д.) журналах. Такого двурушничества, которое допускал тов. Воронский, мы допустить не можем, и уже дело попутчиков выбирать, где им лучше.

<...> Если бы завтра явился другой товарищ, который бы стал доказывать, что в “Октябре” обязательно и постоянно должны печататься попутчики, мы отвергнем его позицию так же, как и позицию тов. Соколова.

Но уж совсем неправ, можно сказать заведомо неправ тов. Соколов, когда пишет, что место поэме Есенина уделено за счет пролетарских писателей. Во-первых, если считать даже не одного Есенина, а всех четырех приведенных тов. Соколовым авторов, то их произведения занимают всего 12 страниц из 672, имеющихся в трех №№ “Октября”. Во-вторых, ни одно произведение пролетарского писателя, одобренное Соколовым в качестве члена редакции “Октября”, не было отвергнуто редакцией. О каких же произведениях пишет тов. Соколов?

P.S. Настоящая статья была уже сдана в набор, когда мы увидели анонимную заметку об “Октябре” в газетке “Новости дня”, которая всё время поддерживала линию тов. Воронского. Теперь эта почтенная газетка с не очень почтенными нравами <...>

неожиданно делает "поворот кругом" и заявляет, что не следовало бы помещать Есенина...»;

— рецензией И.М.Машбиц-Верова на книгу В.Александровского «Шаги: Стихи и поэмы» (издательство «Московский рабочий», 1924):

«Книга в общем названа верно: шаги Александровский несомненно делает, только шаги эти очень неуверенные, шаткие, разнохарактерные... Формально они идут от Бальмонта, Блока, Есенина... Идеологически они по дороге к революции и реальному рабочему быту застряли в беспутье, в символических отвлечениях, в кабаке...

<...> Влияние Есенина очевидно в мотивах хулиганских ("сердце просится на скандал", "Ну и пусть я для многих мерзавец, проходимец и шарлатан", 56, 7), в мотивах отцветания, грусти и раскаяния спившегося ("Пил запоем я книги и водку... Но я знаю, что крепко удаль не в трактирах с вином расплескал...")...».

Время выхода журнала устанавливается с учетом того, что материалы этого номера обсуждались на Первой конференции пролетарских писателей 7–9 янв. 1925 г.

Декабрь, конец — 1925, начало. Есенин пишет А.А.Берзинь.

В письме извиняется, что долго не писал и опровергает слухи о своей женитьбе, дошедшие до адресата:

«С чего это распустили слухи, что я женился? Вот курьез! Это было совсем смешно (один раз в ресторане я встретил знакомых тифлисцев). Я сидел просто с приятелями. Когда меня спросили, что это за женщина, — я ответил:

— Моя жена. Нравится?

— Да, у тебя губа не дура.

Вот только и было, а на самом деле сидела просто надоедливая девчонка — мне и Повицкому, с которой мы не встречаемся теперь».

Есенин, VI, 197, 663–665.

Речь идет об О.В.Кобцовой (см.: 9 ... 16 дек. 1924; 17 дек. 1924, вторая запись; 31 дек. 1924, первая запись).

Кавказский знакомый Есенина, помощник заведующего экспедицией тифлисской «Зари Востока» Г.М.Краславский пишет поэту:

«Дорогой Серьга!

Дожидался твоего приезда, припрятал твои письма, не знал, где ты. Теперь шлю их тебе. Приедешь или нет? Пришли обещанное! Что?

Стихотворение, обещанное твоему другу новому и почитателю Грише Краславскому».

Письма, 266. О каком стихотворении идет речь, неизвестно.

Декабрь. Московский журнал «Вестник книги» (№ 11–12; за ноябрь–декабрь) публикует рецензию Д.Введенского на книгу И.П.Плотникова «Революционная литература (Из опыта применения Дальтон-плана)».

«Исключительно формальный метод применен к изучению произведений Есенина, Казина, В. Кириллова, Фета и др.».

См. также: до 16 ... до 30 сент. 1924.

Декабрь (?). Парижский журнал «Современные записки» (т. XXII) печатает материалы, в которых говорится о Есенине:

— обзор М.А.Осоргина «Российские журналы»:

«В нынешнем году в Москве начал выходить журнал "Русский современник", издаваемый при ближайшем участии М.Горького, Евг. Замятина, Н.Тихонова, К.Чуковского и Абр. Эфроса. <...>

В трех первых книжках помещены произведения Ф.Сологуба, Е.Замятина, А.Ахматовой, М.Горького, Н.Клюева, Н.Асеева, Б.Пильняка, И.Бабеля, В.Шкловского, К.Чуковского, А.Эфроса, Б.Эйхенбаума, С.Парнок, А.Толстого, С.Есенина <...>

Если заглянуть в отделы поэзии, о поэтах с историческими заслугами — в статье "О современности" — упоминать не приходится. К последним в России приходится отнести и Белого, Вяч. Иванова, и, пожалуй, Ахматову, застывшую в своем творчестве. Но Есенин, Тихонов и Пастернак — крупные литературные явления»;

— его же рецензию на книгу В.Маяковского «Для голоса» (Берлин: Госиздат РСФСР, 1923):

«Блеска настоящей гениальности, не раз сверкнувшей в культурнейшем Андрее Белом и в некультурнейшем Сергее Есенине, — в Маяковском нет, но исключительная даровитость его вне всякого сомнения».

1924. Есенин делает надпись неустановленному лицу на самодельном паспарту с наклеенной фотографией 1923–1924 годов:

«Милому плуту / с нежностью / С.Есенин. / 1924».

Есенин, VII (1), 248.

В берлинском издательстве «Наши проблемы» выходит книга Г.Попова «Стремящиеся в Россию: (Жизнь в Советской республике)», в которой упоминаются имена Есенина и А.Дункан.

В Праге выходит сборник «Chvilki» со статьей Иржи Вейла «Русская революционная литература», в которой заходит речь о Есенине.

Автор дает общую характеристику имажинизма и продолжает:

«Имажинисты являются неоднородной смесью двух эпигонов футуризма, Вадима Шершеневича и Анатолия Мариенгофа, и двух полноценных независимых поэтов — Сергея Есенина и Александра Кусикова. Об имажинизме как о школе мы не могли бы говорить, даже если бы рассмотрели все теоретические измышления Шершеневича, кроме того, мы не видим, что поэзия Шершеневича и поэзия Есенина или поэзия Мариенгофа и поэзия Кусикова имеют между собой что-то общее. <...> Он <Мариенгоф> пытается соединить красноречие Маяковского с мужицкой лексикой Есенина и таким образом, однако, ему удается иногда написать хорошее стихотворение.

Сергей Есенин и Александр Кусиков создают в противовес Шершеневичу и Мариенгофу группу, не имеющую почти ничего общего с теоретическим имажинизмом, таким, как его формулировал Шершеневич. Впрочем, это признает и сам Есенин в попытке написать теоретическую статью ("Ключи Марии", Москва, 1920). Есенина связывает с Кусиковым (и обоих так яростно идеологически отличает от Шершеневича и Мариенгофа) ненависть к урбанизму, а с точки зрения формы — склонность к подражанию народному творчеству.

Александр Кусиков, однако, не достиг и не достигнет уровня Есенина. <...>

Имажинизм никогда бы не стал литературным направлением, если бы не имел Сергея Есенина, который им руководит (впрочем, не имея с имажинизмом ничего общего, кроме того, что его имя к нему приписано). Есенин имеет гораздо больше общего с сельским поэтом Николаем Клюевым и Петром Орешиным, чем с замаскированным футуризмом Шершеневича. Предшественник Есенина и в то же время его учитель, Николай Клюев, по происхождению крестьянин, хотя и через много лет после Кольцова и Сурикова, внес в русскую литературу народное творчество русской деревни и сектантскую религиозную поэзию. <...>

Есенин является "последним поэтом деревни", приравнивая ее в статье "Ключи Марии" к рыбе, которая, умирая на берегу еще хватает жабрами воздух. Ему словно удалось то, что не могло бы никогда получиться у Кольцова и Клюева, этому пастуху из Рязанской губернии, в эпоху революционной грозы, когда освободились народные творческие силы. Есенин сказал свое слово только с приходом революции и лучше всего о революции. Весь мир русской деревни, всю ее жизнь, мужицкий характер природной примитивности Есенин выразил и заключил в мелодичные стихи только с приходом революции. Поэт рассказывает, как пришел "вихрь, который сейчас бреет бороду старому миру", миру эксплуатации массовых сил, явившийся нам, как ангел спасения к умирающему. Он протянул ему, как прокаженному, руку и сказал: "Возьми одр твой и ходи" ("Ключи Марии"). Революция заставила Есенина выразить и всё горе, страдание и, главное, бунтарский дух русской деревни, который проявился в русской истории "бунтами" Стеньки Разина и Пугачева, но полностью реализовался только в русской революции. О нем не знала русская литература, — ни Достоевский, видевший только доброго "мужика Марея", ни Толстой, видевший только покорного Платона Каратаева.

В первом своем сборнике Есенин идет по пути Кольцова. Мужицкими словами и мужицкими образами изображает природу, связывает правильным стихом грубые, незнакомые слова и грубые образы, создает из них мелодичную песню. Но однажды зазвучит новая нота, не известная Кольцову. Когда Есенин рассказывает о России, где ходят "люди в кандалах":

Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек, —

Есенин знает, что в нем есть бунтарский дух русской деревни, он знает, что когда-нибудь "кого-нибудь зарежет".

Сборник "Преображение" — пограничная линия его творчества. Здесь он достигает совершенства стиха, он знает, что "будет воспевать нашу печь, петуха и кров" и что вольется в его песнь "молоко рыжих коров", здесь возникнет отчаянный возглас "последнего поэта деревни", который не может разбудить "своим напевом дедовских могил", так как

Привязало, осаднило слово
Даль твоих времен.
Не в ветрах, а, знать, в томах тяжелых
Прозвенит твой сон.
Не изменят лик земли напевы,
Не стряхнут листа...
Навсегда твои пригвождены ко древу
Красные уста.

И этот возглас растворяется в вере в наступающую русскую революцию, которую Есенин воспринял по-деревенски, по-мужицки, в которой нашел новое "Утро", рожденное в "сельских яслях", "красного коня", который должен вывести мир "на колею иную":

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.

("Пантократор")

Он прославляет революцию в эпопее "Товарищ" стихом о Христе, который сходит с иконы по просьбе рабочего и приходит на помощь революции. Зовет нас на помощь туда, где сражается русский народ. Велит нам стоять за свободу, равенство и труд и падает, сраженный пулей на Марсовом поле. Тем не менее, "там за окнами" октябрьского утра отзывается железное слово: Республика! Без сомнения, на Есенина повлиял Блок, однако его влияния с точки зрения формы мы не видим, так как на тот момент поэтическое искусство Есенина уже совершенно.

Другим его стихотворением, посвященным революции, является "Инония", пророчество о революции, написанное в стиле старинных народных "духовных песен". Однако здесь мы не видим византийского лика, отделенного золотым фоном от остального мира. В библейские слова и древнерусскую церковную лексику Есенин вплетает уличные веселые призывы: "Господи, отелись!". Между этим пророчеством о новой жизни "града, где живет божество живых", и торжественным проклятием Америки слышен поздний Есенин из "Исповеди хулигана", который "под звуки гармоники" принуждает "плясать смерть".

Здесь начинается новый путь Есенина. Он избавляется от мистической ноши, библейских слов и псаломного стиля, и если раньше он провозглашал себя пророком, то теперь хочет "только петь", хочет только "всё познать, ничего не взять". Так появляется его "Исповедь хулигана" и его три песни — о хлебе, о корове и о собаке и, возможно, его самое большое произведение — драматическая песня "Пугачев", эпопея о сельском бунте под предводительством Пугачева и уральского каторжника Хлопуши, кроваво подавленном царизмом, при этом гибнут и его предводители. В "Пугачеве" Есенин попытался вынести свое суждение о революции и выразить любовь к ней, свою радость, что в народе, наконец, проснулось желание "вытащить из сапогов ножи и всадить их в барские лопатки", воплотить ненависть мужика к угнетателям-помещикам, для которых он был "всё равно что овца, что курица" и которые "всех связали, всех вневолили". Проявить любовь к стране, где раньше "текли зори из горла неба перерезанного", а теперь каждый "цветет в человечьем саду"».

Перевод А.В.Амелиной.

См. Приложение.

Есенин пишет два стихотворения под общим названием «Форма»: «Свое» <«Цветы на подоконнике...»>, «Народная. Подражание песенке матери».

Есенин, IV, 191–192, 307–308, 416–421.

В ряде изданий стихотворение «Цветы на подоконнике...» печаталось под заглавием «Форма». Автографы стихотворений под общим названием «Форма» находились в фонде П.И.Чагина, в настоящее время сохранился лишь автограф второго из названных стихотворений, там же хранится еще один листок без даты, на котором рукой Есенина под заголовком «Пример» записан следующий текст:

Чтой-то солнышко не светит,
Над долиною туман.

Аль уж пуля в сердце метит,
Аль уж близок трибунал.
Ах, доля! Неволя!
Глухая тюрьма.
Долина. Осина.
Могила темна.
На заре каркнёт ворона,
Коммунист, взводи курок!
В час последний похорона
Укокошат под шумок.
Ах, доля *и т.д.*

Материалы, 263 (факсимиле).

Все три текста датируются, по свидетельствам П.И. и М.А.Чагиных, 1924 годом.

«Три листка под общим заголовком "Форма" — это творческая лаборатория поэта, письменное свидетельство его работы над формой, его упражнение в большом деле» (Чагин П. Вдохновение, помноженное на труд. — Газ. «Московский комсомолец», 1974, 18 окт., № 245).

«"Форма", видимо, соотносится с размышлениями Есенина о своеобразии поэтических произведений различных жанров, о взаимосвязи со смыслом, содержанием стихов — их ритма, песенности, звукописи и т. д. Помета "Свое" над первым стихотворением указывает на то, что оно полностью написано поэтом.

В подзаголовке второго произведения обращают на себя внимание слова "Подражание песенке матери". Тут вспоминается история стихотворения "Ты поила коня из горстей в поводу...", готовившегося для трехтомного Собр. ст. (в 1925 году). Тогда стихотворению, опубликованному ранее без названия, Есенин дал заглавие: "Подражанье песне". Этим поэт как бы подчеркнул внутреннюю связь своего оригинального произведения с народной песней.

Иное произошло со вторым стихотворением "Формы". Здесь отдельные строки заимствованы из фольклорного источника, имевшего многочисленные варианты. Так, в Рязанской губернии бытовала песня:

Едет Ваня до Рязани,
Изрисованные сани.
Дуга плисовая,
Вся исписанная.... <...>

(Записана Л.А.Архиповой в селе Константинове (август 1993 г. от Н.И.Харламова, 1932 г. рожд., слышавшего песню от своей матери Татьяны Ивановны Харламовой (1882–1961).

В Рязанской губернии была известна и частушка:

Ехал Ваня из Рязани,
Полтораста рублей сани,
С колокольчиком дуга,
Ему Аннушка люба. <...>».

Панфилов А. Константиновский меридиан. Ч. 2. М., 1992, с. 41.

«Как и под стихотворением "Цветы на подоконнике...", под текстом "Народная. Подражание песенке матери" стоит подпись поэта: *С. Е.* Этим Есенин отметил свою творческую причастность ко второму произведению "Формы". <...>

Песня, несколько строф из которой Есенин привел как пример в листках "Формы" <...> родилась среди тамбовских повстанцев — участников крестьянского мятежа под руководством Александра Степановича Антонова (1888–1922)».

С.П.Кошечкин, Н.Г.Юсов — Есенин, IV, 417–420.

Е.А.Устинова вспомнит о пребывании Есенина в Ленинграде в ноябре 1925 г.:

«Читал свои последние произведения. <...> В день отъезда он пел хрипловатым приглушенным голосом вместе с Савкиным рязанские частушки: "Что-то солнышко не светит..." <далее следуют семь строк песни с некоторыми разночтениями>».

Восп., 2, 354.

В.И.Эрлих приведет один куплет и припев из песни, заметив, что это была у Есенина «любимая в последнее время песня» (Памяти Есенина, 95, 97).

Пражский журнал «Cesta» (год. 6, № 29–30) публикует:

— отрывки (первые шесть четверостиший первой части и четвертая часть) из маленькой поэмы «Инония» в переводе Франтишека Кубки;

— «Видели ль вы...» (3 гл. «Сорокоуста») и «Запели тесаные дроги...» в переводе Марии Марчановой;

— «Исповедь хулигана» в переводе И.Випела;

— статью Франтишека Кубки «Neimladší pisemnictví ruské» («Молодое поколение русской литературы»).

Автор дает обзор и характеристику русской литературы последних лет (от революции до начала двадцатых годов) и подчеркивает, что современная литература характеризуется, прежде всего, отношением к революции, а поэтому называет ее революционной. Редактор Мирослав Рутте, чьи заметки «Несколько замечаний к русскому номеру» приводятся после статьи, отмечает, что акцент делается прежде всего на поэзию, так как она преобладает в этот период, и на творчество авторов, оставшихся в стране, поскольку они менее знакомы чешскому читателю, в отличие от эмигрантской литературы. Кроме того, эмиграция представляет прежде всего старшее поколение, в то время как новое молодое поколение творит на родине.

Ф.Кубка сначала дает краткую характеристику эпохи и оценивает ее влияние на литературный процесс, кратко характеризует прозу (Б.Пильняк, И.Эренбург, Н.Асеев, Д.Бурлюк, А.Ремизов, Е.Замятин, А.Толстой, З.Гиппиус, И.Бунин, Д.Мережковский, Б.Зайцев). Говоря о драме, Ф.Кубка упоминает В.Маяковского и А.Радлову. Поэзия рассматривается более подробно: символизм (А.Блок, А.Белый), футуризм (В.Маяковский — о нем подробнее, остальные авторы перечисляются: Н.Асеев, В.Каменский, А.Мариенгоф, В.Шершеневич, В.Хлебников, Д.Бурлюк), пролетарская поэзия (В.Брюсов — о нем подробнее, далее перечисляются М.Герасимов, А.Гастев, В.Казин, Н.Полетаев), далее о деревенской поэзии — подробно о Н.Клюеве и Есенине). Затем рассматривается творчество имажинистов — В.Шершеневича и А.Кусикова (о нем — подробно), далее кратко говорится о старшем поколении, выразившем свое отношение к революции, — В.Брюсове, Ф.Сологубе, В.Иванове, М.Кузмине, Н.Гумилеве, М.Волошине; отдельно кратко — о Б.Пастернаке и А.Ахматовой.

О Есенине Ф.Кубка пишет:

«Если новая социальная прослойка и вошла в поэтические творческие мастерские в лице пролетарских поэтов, если возродилась русская деревня, в корне измененная аграрной реформой и военным и революционным опытом солдат, — то в поэзии Клюева и Есенина.

Старший из них (еще довоенный поэт) Николай Клюев вновь открыл русскую деревню. В фольклористических миниатюрах он сплел красочные характерные народные зарисовки из простой мужицкой жизни, вдохнул жизнь в сельские жилища, хозяйственную утварь, кухонную печь, смог мягко и человечно рассказать о сельских похоронах, религиозном суеверии, мечтательной весенней природе. С приходом революции он хотел отступить от фольклористических набросков, но в этом он потерпел крах в "Красной песне", пролетарском сельском гимне. Революционная деревня, однако, переманила его обратно в трепещущие объятья, и в последних поэтических сборниках он вернулся к ее божественной простоте, к иконам и национальным костюмам, сказкой окаймленным крышам и весенним лесам.

Сергей Есенин, самый молодой поэт сельской революции, "последний поэт деревни", сельский сын из беднейшей русской губернии — видел перед собой две задачи: охватить поэзией русскую деревню в период социального перерождения, индустриализации и духовной смуты, которая возродила атавистические языческие склонности, освобожденные крестьянским сектантством, к проявлению варварской жестокости и самой чистой гуманности. Наряду с этим Есенин создал насквозь пропитанную православной мистикой идеологию нового материалистического рая, царство живых, Инонию, землю блаженства, где сельские души не будут насыщены религиозными обещаниями с того света, но найдут насыщение и счастье в этом материальном и красивей-

шем из всех возможных миров. Этот крупный поэт обладает могучим образным языком, который пронизан Библией и сельскими просторечиями. По приезде в Москву он присоединился к синтетическому формальному крылу футуристов — "имажинистам", чьим теоретиком тогда был Вадим Шершеневич, а самым вдохновленным практиком — Александр Кусиков».

Перевод А.В.Амелиной.

См. Приложение.

В Праге выходит журнал «Host» (rog. IV, № 2) с произведениями Есенина: фрагментом из поэмы «Пугачев» (монолог Пугачева из главы 8 «Вы с ума сошли! Вы с ума сошли! Вы с ума сошли!..») и началом маленькой поэмы «Пришествие» в переводе на чешский язык Ф.Кубки.

См. Приложение.

В Париже выходит сборник «Anthologie de la Nouvelle Poésie Française» со стихотворением Ф.Дивуара «Essenine» («Есенин»).

Текст перевода этого стихотворения на русский язык см.: Есенин, II, 399–400.

См. также: дек. 1923, вторая запись.

1924 – 1925. Есенин делает набросок стихотворения «Калитка моя…», пародирующего некоторые черты поэзии И.И.Доронина.

Есенин, IV, 260, 322, 466.

Автограф, местонахождение которого в настоящее время неизвестно, написан на бланке «Служебной записки» с типографским штампом Государственного издательства РСФСР. Под текстом стихотворения помета рукой неустановленного лица: «Перепевы о Ив. Доронине».

Датируется временем встреч с В.П.Яблонским, в архиве которого первоначально находился автограф стихотворения.

См. Приложение.

Есенин встречается с журналистом и драматургом О.С.Литовским и посвящает ему экспромт.

О.С.Литовский вспомнит:

«Нас с Есениным познакомил <в 1918 г.> писатель Георгий Устинов <…>. Не было большего удовольствия, — я бы даже сказал: большей творческой радости, — чем вечерние наши беседы на разные темы истории, жизни, литературы.

Пусть я толка да не таковского,
Пью я первый раз у Литовского.
Серый глаз мне дорог из-за синего.
Вспоминаем мы с ним Устинова.

Так впоследствии Есенин вспоминал о наших встречах.

Жаль, конечно, что запомнилось так мало есенинских экспромтов. И это четверостишие он записал не то на столе, не то на скатерти, — и оно мне всегда напоминает Есенина, буйного и тихого, скандалиста и мальчишку, ерника и романтика».

Литовский О. Так и было: Очерки. Воспоминания. Встречи. М., 1958, с. 24.

См. также: Есенин, IV, 494, 512.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Содержание приложения

С.А.Есенин. Фото. 1923. 539
Дети С.А.Есенина Татьяна и Константин с матерью — З.Н.Райх. Фото. 1924. 540
Дочь С.А.Есенина Татьяна. Фото. 10 февраля 1924. 541
Ученицы московской школы А.Дункан. Фото. В центре, слева направо: А.Аксенова, М.Борисова, Е.Белова. Лето 1923. Литвиново. Собрание Г.Маквея. 542
С.А.Есенин. Очерк «Железный Миргород». Первая страница автографа. 14 августа 1923. 543
«Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов». 22 августа 1923. Заголовок газеты и страница с публикацией очерка С.А.Есенина «Железный Миргород». 544
А.Л.Миклашевская. Фото. 1920-е. 545
С.А.Есенин. Стихотворение «Заметался пожар голубой...». Черновой набросок первоначальной редакции. Автограф. 1923. 545
Афиша вечера С.А.Есенина в Политехническом музее. 21 августа 1923. 546
С.А.Есенин. Рисунки В.Ардова с его пометами. 547
А.Дункан. Телеграмма С.А. Есенину. 24 августа 1923. 548
С.А.Есенин. Письмо к А.Дункан. Автограф. 29 августа 1923. 548
Г.А.Бениславская. Записка С.А.Есенину и расписка поэта на ней. Автографы. 28 августа 1923. 549
С.А.Есенин. Записка к Г.А.Бениславской. Автограф. 8 сентября 1923. 549
Г.А. Бениславская. Фото. 1923. 549
«Се — человек» (А.К.Воронский). Дружеский шарж Дени (журнал «Прожектор», 1923, № 20). 550
Вечеринка авторов альманаха и издательства «Круг». Фото. 31 августа 1923. На переднем плане — С.А.Есенин. 550
А.Дункан. Телеграмма С.А.Есенину. 15 сентября 1923. 551
С.А.Есенин. Записка к А.Дункан. Автограф. 16 (?) сентября 1923. Собрание Г.Маквея. 551
А.Дункан. Телеграмма С.А.Есенину. 26 сентября 1923. 551

М.И.Калинин. Фото. 1920-е. 552
А.Р.Вильямс. Фото. 1920-е. 552
Е.В.Кононенко. Фото. 1920-е....552
М.С.Грандов. Фото. 1920-е. Из собрания М.В.Грандовой. 552
Журнал «Красный перец» (1923, № 16). Страница с публикацией «Милицейской поэмы о поэте». 553
М.С.Грандов. Письмо в Президиум ВЦИК. Авторизованная машинопись. 20 сентября 1923. 554
С.А.Есенин и В.В.Казин. Фото. 1923. 555
В.Ф.Наседкин. Фото. 1920-е. 556
Р.М.Акульшин. Фото. 1920-е. 556
К.Л.Зелинский. Фотоколлаж. 1920-е. 556
А.А.Берзинь. Фото. 1920-е....557
И.М.Касаткин. Рисунок Кауфмана. 1920-е....557
Счет «Стойла Пегаса» от 4 октября 1923 г. с подписью С.А.Есенина....558
С.А.Есенин. Телеграмма к А.Дункан. Первоначальный и окончательный тексты. Автограф. До 9 октября 1923. 559
Г.А.Бениславская. Телеграмма к А.Дункан. 9 октября 1923. 559
А.Дункан. Телеграмма С.А.Есенину. 11 октября 1923. 559
Журнал «Красная нива» (1923, № 41). Страница со стихотворениями С.А.Есенина «Всё живое особой метой...», «Сторона ль ты моя, сторона!..», «Заметался пожар голубой...», «Ты такая ж простая, как все...». 560
Н.А.Клюев. Фото М.Наппельбаума. 1924. 561
С.А.Есенин, И.Бродский и другие. Фото. 1923. 561
С.А.Есенин и И.Приблудный. Телеграмма к Г.А.Бениславской. 17 октября 1923....561
В.Ильина. Крылатый приемыш (М., Пг., 1923). Обложка книги с владельческой надписью: «С. Есенин. 23 / X.23». 562
М.Шкапская. Явь (М., Пг., 1923). Обложка книги с владельческой надписью: «С.Есенин. 23 / X.23». 45. 562
М.Шагинян. Литературный дневник (М., Пг., 1923). Обложка книги с владельческими надписями С.А.Есенина и Г.А.Бениславской. 1923....562
А.А.Ганин. Фото. Начало 1920-х. 563
П.В.Орешин и С.А.Клычков. Фото. 1920-е. 563
Протокол допроса С.А.Есенина в Московском губернском отделе ГПУ. 21 ноября 1923. 564
Анкета С.А.Есенина для арестованных и задержанных с зачислением за М.Г.П.О./Г.П.У. 21 ноября 1923. 566

Л.С.Сосновский. Фото. 1920-е. 568
Л.С.Сосновский. Фрагмент дружеского шаржа М.Черемных (журнал «Крокодил», 1923, № 45). 568
С.А.Есенин. Неотправленное письмо Л.Д.Троцкому. Автограф. 22 или 23 ноября 1923. 569
Л.Д.Троцкий. Портрет работы Ю.Анненкова. 1923. 570
Л.Д.Троцкий. Литература и революция (М., 1923). Титульный лист книги. 571
Народная парикмахерская имени Белинского. Рисунок Л. М. (Л.Межеричера) из журнала «Красный перец» (1923, № 12). В кресле — Б.Пильняк, крайний слева — Г.Лелевич, рядом с Л.Д.Троцким – А.К.Воронский. 571
И.Вардин. Фото. 1920-е. 572
Б.Волин. Фото. 1920-е. 572
Газета «Рабочая Москва». 1923. № 262. 22 ноября. Неподписанная заметка «Что у трезвого "попутчика" на уме...». 573
Журнал «Зори» (Пг., 1923, № 6). Страница с пародиями на С.А.Есенина, П.В.Орешина, С.А.Клычкова и А.А.Ганина «Комхор братьев Пегасовых (песновязь)» (подпись: «Б. В. В.»). 573
Публикации о «деле четырех поэтов» в центральных и московских газетах. 1923. 574
С.А.Есенин. Рисунок Ю.Анненкова. 1923. 576
С.А.Есенин. Набросок обращения в связи с 10-летием своей творческой деятельности. Автограф. Конец ноября — начало декабря 1923. 576
С.А.Есенин. Неотправленное письмо к З.Н.Райх. Автограф. Конец 1923 — начало 1924. 577
В.Князев. Книга «Ржаные апостолы: Клюев и клюевщина» (Пг.: Прибой, 1924; фактически: 6 декабря 1923), где заходит речь о С.А.Есенине. Титульный лист. 578
Журнал «Прожектор» (1923, № 22). Фрагмент статьи А.К.Воронского «Дела литературные». 578
Этторе Ло Гатто. Портрет работы И.Э.Грабаря. 1931. 579
Этторе Ло Гатто. Русская поэзия о революции (Poesia russa della rivoluzione, Roma, 1923). Обложка и страницы раздела 5, где речь идет о С.А.Есенине. 580
Коллективный сборник И.Васильева, Е.Панфилова, В.Ричиотти «Певучая банда» (Пб., 1923). Обложка и стихотворение В.Ричиотти «Пусть Есенина в строках ловят...». 581

А.Машкин. Литература и язык в современной школе: Эскизы (Харьков, 1923). Титульный лист и страницы книги с материалами о С.А.Есенине. 582
Журнал «Host» (Praha, rog. II, 1923, № 3–5). Фрагмент статьи Н. Мельниковой-Папоушковой «Sergej Jesenin». 583
«Собрание стихотворений рабоче-крестьянской России» («Роно Росия сисю», Токио, 1923, перевод на японский язык и предисловие Кэйси Осэ). Переплет и титульный лист книги, оформленные художником с неустановленной фамилией по имени Сэйчо (в современной транскрипции — Сэйтё); шмуцтитул есенинской подборки («Сергей Есенин») и первая ее страница с началом стихотворения «Там, где вечно дремлет тайна...». Собрание г-жи Татиэ Миямото (Токио). 584
Журнал «Красная новь» (1923, № 7). Титульный лист и страница с публикацией стихотворений С.А.Есенина из цикла «Любовь хулигана». Фрагмент. 585
С.А.Есенин. Москва кабацкая. Фрагменты авторского макета книги: обложка и титульный лист. Автографы. Начало 1924. 586
Расписки в получении денег за лечение С.А.Есенина в санатории. 3 и 19 января 1924. 587
Квитанция, выписанная при оплате пребывания С.А.Есенина в санатории. 19 января 1924. 587
«Антология русских поэтов XX века» («Antologia dei poeti russi del XX secolo», Milano, 1924, составление и перевод на итальянский язык Р.Нальди-Олькиеницкой). Титульный лист, заметка переводчицы «Сергей Есенин» и страницы перевода фрагментов поэмы «Инония». 588
Бор. Ефимов. Кошмарный сон коммуниста после дискуссионного собрания. Фрагмент рисунка (журнал «Крокодил», 1924, № 1). Справа вверху — Л.Сосновский и С.Есенин. 590
Л.М.Клейнборт. Книга «Очерки рабочей журналистики: 1873–1923 гг.» (1924), в которой есть страницы, посвященные С.А.Есенину. Обложка. 591
Франтишек Кубка. Фото. 592
Журнал «Cesta» (Praha, 1923, № 3). Фрагменты статьи Ф.Кубки «Поэты современной России: Характеристики. I. Сергей Есенин» («Básníci dnešního Ruska. Charakteristiky. I. Sergej Jesenin»). 592
Ф.Кубка. Поэты революционной России (Básníci revolučního Ruska, Praha, 1924). Обложка и титульный лист. 593
Ф.Кубка. Поэты революционной России (Básníci revolučního Ruska, Praha, 1924). Страницы, посвященные С.А.Есенину. 594

Журнал «Красная звездочка» (Харьков, 1924, № 1). Обложка и страница с публикацией стихотворения С.А.Есенина «Воробышки». 595
Журнал «Гостиница для путешествующих в прекрасном» (1924, № 1 (3)). Обложка, декларация имажинистов «Восемь пунктов» и стихи С.А.Есенина. 596
С.А.Есенин. Поэма «Гуляй-поле». Фрагмент. Автограф. 1924. 598
Сборник «Ленин» (Харьков: Молодой рабочий, 1923). Титульный лист. 599
Материалы из сборника «Ленин» (Харьков, 1923), нашедшие отклик в одноименном отрывке из поэмы С.А.Есенина «Гуляй-поле»:
а) В.И.Ленин. Эскиз Н.Альтмана. 1920. 600
б) В.И.Ленин. Фото. 1920. 600
в) В.И.Ленин. Рисунок И.Бродского. 1920; Н.Полетаев. Стихотворение «Портретов Ленина не видно...». 1923. 600
Привал махновцев. Фото. 1919 (журнал «Красная нива», 1924, № 4). 601
Журнал «Ленинград» (1924, № 3). Страница с публикацией стихотворения С.А.Есенина «Да! Теперь решено! Без возврата...» из цикла «Москва кабацкая». 601
Журнал «Красная новь» (1924, № 1). Обложка и страницы со стихотворением С.А.Есенина «Вечер черные брови насупил...» <«Вечер черные брови насопил...»> и с началом статьи А.К.Воронского «Сергей Есенин». 602
Е.А.Есенина. Фото Н.Свищова-Паолы. 1924. 604
Сборник статей А.К.Воронского «Искусство и жизнь» (М.; Пб., 1924), в котором говорится о С.А.Есенине. Обложка. 605
Журнал «Nowa kultura» (Варшава, 1924, № 14). Обложка и страницы с поэмой С.А.Есенина «Товарищ» в переводе К.Винавера (подпись: K. Win.). 606
С.А.Есенин. Заявление в правление Ассоциации вольнодумцев. 7 апреля 1924. Автограф. 607
И.Приблудный. Стихотворение «Песня». Автограф. 8 апреля 1924. 608
Афиша авторского вечера С.А.Есенина. Зал Лассаля (бывш. зал Городской Думы). 14 апреля 1924. 609
С.А.Есенин. Фото М.Наппельбаума. Апрель 1924. 610
С.А.Есенин. Фото М.Наппельбаума. Апрель 1924. 610
С.А.Есенин, Н.А.Клюев, Вс. Иванов. Фото М.Наппельбаума. Апрель – май 1924. 611
С.А.Есенин, И.Приблудный, Г.Б.Шмерельсон, В.Ричиотти, С.А.Полоцкий, В.И.Эрлих. Фото И.Наппельбаум. После 16 апреля – май 1924, или июнь – июль 1924. 611

Члены Ленинградского отдела Всероссийского союза поэтов. Фото М.Наппельбаума. 1925. В первом ряду — А.П.Крайский, М.М.Шкапская, И.И.Садофьев, Г.Б.Шмерельсон. Во втором ряду — А.В.Туфанов, И.А.Оксёнов, В.А.Рождественский, Е.Г.Полонская, К.К.Вагинов. 612
В.И.Эрлих. Фото. 1930-е. 613
В.В.Шимановский. Фото. 1920-е. 613
Р.Зеленая в роли спортсменки в театральном обозрении «Последний извозчик Москвы». Фото. 1920-е. 613
Л.Утесов. Фото. 1920-е. 613
С.А.Есенин. Дарственная надпись В.Ричиотти на книге «Пугачев» (М.: Имажинисты, 1922). 15 апреля 1924. 614
С.А.Есенин. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф (фрагменты). 15 апреля 1924. 615
С.А.Есенин. Телеграмма к Г.А.Бениславской. 22 апреля 1924. 616
А.М.Сахаров. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф. 2 мая 1924. 616
Альманах «Круг» (1924, кн. 3). Обложка и дарственная надпись С.А.Есенина А.А.Берзинь на этой книге. 617
С.А.Есенин. Отрывок из поэмы <«Гуляй-поле»>. Текст из альманаха «Круг» (1924, кн. 3) с правкой и вставками автора. 618
Могила А.В.Ширяевца и крест, установленный на ней в день похорон поэта. Фото. 620
С.А.Есенин, С.А.Клычков, И.Приблудный, Н.В.Богословский. Фото. 23 мая 1924. 620
Афиша вечера памяти А.В.Ширяевца в здании Центрального рабочего клуба (кинотеатр «Гигант»). 9 июня 1924. 620
С.А.Есенин. Стихотворение «К Пушкину» <«Пушкину»>. Автограф. 621
С.А.Есенин возлагает цветы к памятнику А.С.Пушкину на Тверском бульваре. Фото. 6 июня 1924. 621
С.А.Есенин. Стихотворение «Русь советская». Фрагмент автографа. 622
С.А.Есенин. Стихотворение «Низкий дом с расписными ставнями...» <«Низкий дом с голубыми ставнями...»>. Автограф. 623
С.А.Есенин и В.И.Эрлих со студентами Сельскохозяйственного института у памятника А.С.Пушкину. Фото. 1924. 624
Книга «Зеленый шум: Хрестоматия для трудовой школы» (М., 1924). Обложка и страницы со стихотворением С.А.Есенина «Воробушки» <«Поет зима, аукает...»>. 625
Альманах «Возрождение» (М., т. 2). Обложка и страницы с рецензией на «Собрание стихов и поэм» С.А.Есенина (Берлин, 1922). 626
Журнал «Blok» (Варшава, 1924, № 3–4). Обложка и страница с поэмой С.А.Есенина «Пантократор» в переводе Владислава Броневского. 627

И.Ионов. Рисунок Ю.Анненкова. Начало 1920-х. 628
С.А.Есенин. Стихотворение «Издатель славный! В этой книге...». Автограф. 628
Г.А.Бениславская. Письмо к Е.А.Есениной. Фрагмент автографа. 12 июля 1924. 629
С.А.Есенин. Поэма «Песнь о великом походе». Фрагменты автографа. 630
С.А.Есенин. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф. 15 июля 1924. 631
М.И.Лившиц. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф. 17 июля 1924. 632
С.А.Есенин. Москва кабацкая (Л., 1924). Обложка. 633
С.А.Есенин. Дарственная надпись П.Е.Щёголеву на книге «Москва кабацкая». 19 июля 1924. 634
А.А.Ахматова. Фото. 1924. 635
И.М.Майский. Фото. 1930-е (?). 635
С.А.Есенин. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф. 26 июля 1924. 636
И.В.Владиславлев. Русские писатели: Опыт библиографического пособия... (Л., 1924). Обложка и страница с материалами о С.А.Есенине. 639
С.А.Есенин. Поэма «Песнь о великом походе». Список, выполненный В.И.Эрлихом, с авторской правкой. Фрагменты. 640
С.А.Есенин. «Поэма о 36». Фрагменты чернового автографа. 2–6 августа 1924. 642
Протокол организационного собрания общества «Современная Россия». 4 августа 1924. 645
Протокол заседания правления общества «Современная Россия». Август 1924. 646
И.Бабель. Фото. 1920-е. 647
С.Гехт (слева). Фото. 1920-е. 647
Деревянная пластинка-открытка, отправленная по адресу Г.А.Бениславской. Адрес написан рукой С.А.Есенина. 6 августа 1924. 648
Книга В.Л.Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература» (М.; Л., 1924, 2-е издание), в которой идет речь о С.А.Есенине. Обложка. 649
С.А.Есенин. Стихотворение «Отговорила роща золотая...». Автограф. 650
Удостоверение С.А.Есенина — действительного члена правления издательства «Современная Россия». 23 августа 1924. 651
Н.П.Савкин. Багровые васильки (М., 1924). Обложка и титульный лист книги с дарственной надписью С.А.Есенину. 23 августа 1924. 651

С.А.Есенин. Начало рукописной книги «Страна Негодяев». Автограф. 1924. Собрание С.П.Есениной.....652
С.А.Есенин. Драматическая поэма «Страна Негодяев». Фрагменты белового автографа. 1924. 654
Журнал «Молодая гвардия» (1924, № 7–8) Обложка и фрагменты страниц статьи Г.Лелевича «По журнальным окопам», где идет речь о С.А.Есенине. 656
С.А.Клычков. Записка С.А.Есенину. Автограф. 1924. 657
С.А.Есенин. Записка В.П.Яблонскому. Автограф. 3 сентября 1924. 657
Т.Ю.Табидзе. Фото. 1920-е. 658
Г.Леонидзе, Е.Леонидзе, П.Яшвили, Т.Яшвили. Фото. 1925. 658
Тифлис (Тбилиси). Мтацминда (гора Давида). Современное фото. 659
Гробница А.С.Грибоедова на Мтацминде. Современное фото. 659
Уголок старого Баку. Современное фото. 660
Баку. Гостиница «Новая Европа». Современное фото. 660
Г.Б.Якулов. Проект памятника 26-ти бакинским комиссарам (журнал «Огонек», 1924, № 30).....660
С.А.Есенин. Записка П.И.Чагину. Автограф. 20 сентября 1924. 661
С.А.Есенин. Баллада о двадцати шести (газета «Бакинский рабочий», 1924, 22 сентября, № 214). Фрагмент. 661
С.А.Есенин и П.И.Чагин. Фото. 1924. 662
С.А.Есенин и П.И.Чагин. Фото. 1924. 663
С.А.Есенин. Фото Л.Г.Брегадзе. 1924. 664
С.А.Есенин. Отрывки из драматической поэмы «Страна Негодяев» (газета «Бакинский рабочий», 1924, 29 сентября, № 220). 665
Плакат «Ленинизм». Хромолитография. 1924. На плакате – несколько измененные строки из поэмы С.А.Есенина «Гуляй-поле». 666
Антология «Поэты наших дней» (М., 1924). Титульный лист и страница со стихотворением С.А.Есенина «Небо ли такое белое...». 667
Журнал «Русский современник» (Л., 1924, кн. 3). Обложка и страницы со стихотворениями С.А.Есенина «Этой грусти теперь не рассыпать...» и «Низкий дом с расписными ставнями...» <«Низкий дом с голубыми ставнями...»>. 668
Е.А. и А.А.Есенины. Фото. 1924. 670
С.А.Есенин. «Стихи (1920–24)» (М.; Л.: Круг, 1924). Обложка. 671
Книга «Московские поэты. Сборник стихов. 1924 г.» (Великий Устюг, 1924). Обложка и страницы со стихотворениями С.А.Есенина под общим заглавием «Из цикла “Москва кабацкая”»: I. «Сыпь гармоника — скука, скука...», II. «Годы молодые! С забубённой славой!..». 672
С.А.Есенин. Телеграмма к Г.А.Бениславской. 8 октября 1924. 674

Тифлис (Тбилиси). Гостиница «Ориант», в которой остановился С.А.Есенин. Открытка. 1910-е. 674
С.А.Есенин. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф. 17 октября 1924. 675
С.А.Есенин. Стихотворение «Улеглась моя былая рана...». Автограф. 676
С.А.Есенин и К.А.Соколов. Фото. Октябрь 1924. 677
С.А.Есенин. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф. 20 октября 1924. 678
А.М.Любимов. Дружеский шарж на С.А.Есенина, В.В.Маяковского и Л.Н.Сейфуллину. 1924. 679
С.А.Есенин. Стихотворение «Русь уходящая». Автограф. 1–2 ноября 1924. 680
С.А.Есенин. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф. После 2 ноября 1924. 681
С.А.Есенин. Поэма «Песнь о великом походе» (журнал «Звезда», Л., 1924, № 5). Фрагмент. 682
М.П.Сокольников. Вечера художественной литературы (Иваново-Вознесенск, 1924). Обложка книги, в которой говорится о С.А.Есенине. 683
С.А.Есенин. Анкета для членов Всероссийского союза поэтов, заполненная Г.А.Бениславской. 18 ноября 1924. 684
А.Б.Кусиков. Песочные часы («Le Sablier», Paris, 1924). Обложка. 686
А.Дункан и С.А.Есенин. Рисунок В.Барта из книги А.Б.Кусикова «Песочные часы» («Le Sablier», Paris, 1924). Собрание Г.Маквея. 686
С.А.Есенин. Стихотворение «Письмо от матери». Автограф. 1924. 687
Литературное приложение «Dělnická besídka» к газете «Rude pravo» (Praga, 21 декабря 1924, № 299). Страница со стихотворением С.А.Есенина «В том краю, где желтая крапива...» (под заголовком «Путь в Сибирь») в переводе Богумила Матезиуса. 688
Журнал «Сибирские огни» (Новониколаевск; 1924, № 4; за сентябрь – октябрь). Обложка и страница с рецензией (подпись: «Н.») на книгу С.А.Есенина «Москва кабацкая». 689
С.А.Есенин. Телеграмма к Г.А.Бениславской. 8 декабря 1924. 690
Конверт от письма С.А.Есенина, отправленного Г.А.Бениславской. 15 декабря 1924. 690
С.А.Есенин и О.Кобцова. Фото. Декабрь 1924. 691
С.А.Есенин, Н.К.Вержбицкий, Н.П.Стор, Л.И.Повицкий, М.С.Тарасенко. Фото. Декабрь 1924. 692
С.А.Есенин, Н.П.Стор, М.С.Тарасенко, Л.И.Повицкий, Н.К.Вержбицкий на Приморском бульваре. Фото. Декабрь 1924. 693
Журнал «Октябрь» (М., 1924, № 3). Обложка и страница с началом «Песни о великом походе» С.А. Есенина. 694

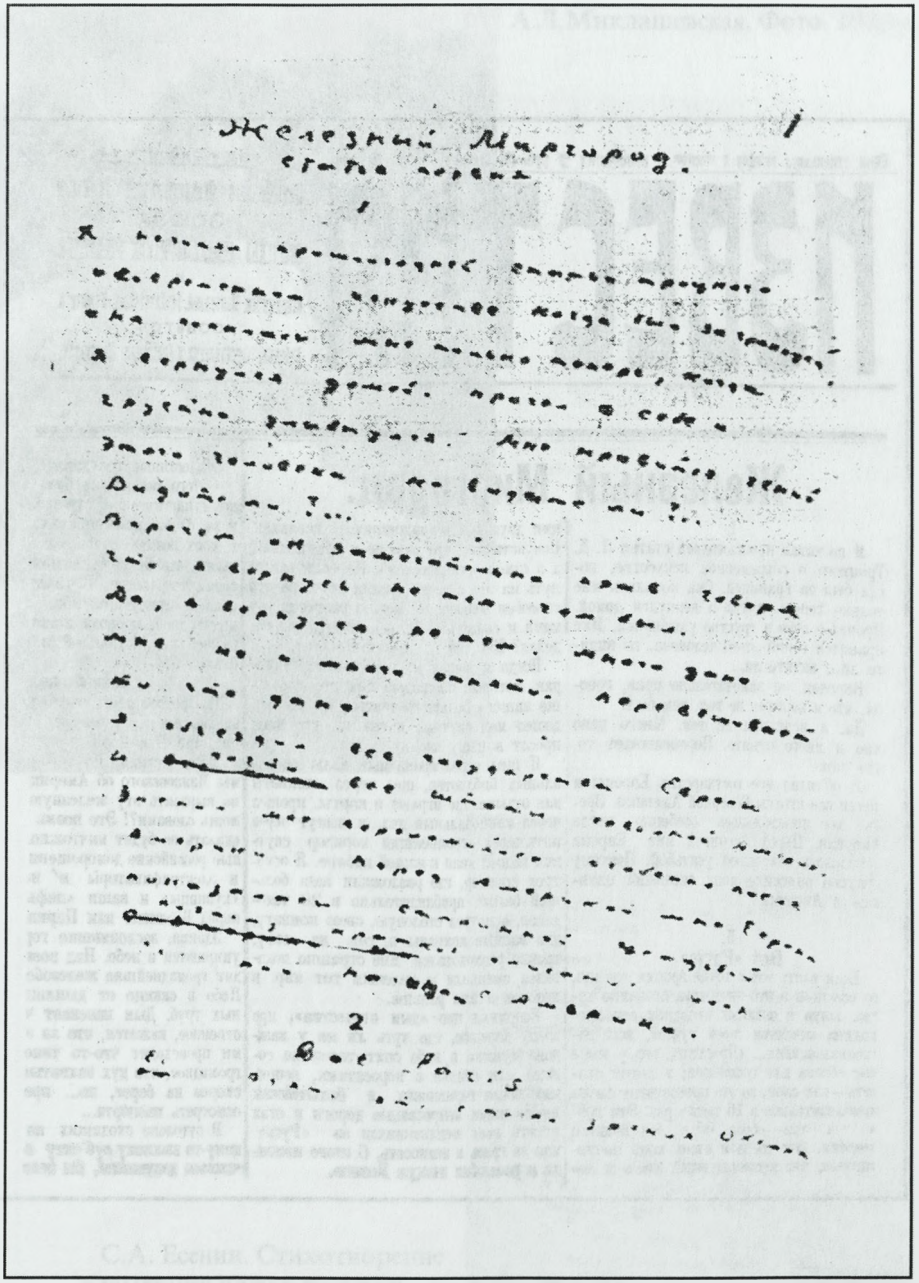
Публикации о С.А.Есенине с его библиографической пометой из принадлежащей поэту тетради. 695
Ш.Н.Тальян. Фото. 1920-е. 696
С.А.Есенин. Стихотворение «Шаганэ ты моя, Шаганэ...». Автограф. До 19 декабря 1924. 696
С.А.Есенин. Стихотворение «Ты сказала, что Саади...». Автограф. 19 декабря 1924. 697
С.А.Есенин. Стихотворение «Никогда я не был на Босфоре...». Автограф. 21 декабря 1924. 698
С.А.Есенин. Книга «Русь Советская» (Баку, 1924). Обложка. 699
Журнал «Шквал» (Одесса, 1924, № 8). Обложка и страница с фрагментом «Песни о великом походе» С.А. Есенина. 700
А.Н.Александров. Фото. 1920-е. 701
Иржи Вейл. Фото. 1920-е. 702
Сборник «Chvilky» (Praha, 1924). Титульный лист и страницы со статьей И.Вейла «Ruská revolučni literatura» («Русская революционная литература»). 703
Журнал «Host» (Praha, rog. IV, № 2). Обложка и страницы с произведениями С.А.Есенина: фрагментом драматической поэмы «Пугачев» и отрывком из поэмы «Пришествие» (переводчик Франтишек Кубка). 704
С.А.Есенин. Стихотворение «Калитка моя...». Автограф. 1924–1925. 705

С.А. Есенин. Фото. 1923.

Дети С.А.Есенина Татьяна и Константин с матерью – З.Н.Райх. Фото. 1924.

Дочь С.А.Есенина Татьяна. Фото. 10 февраля 1924.

Ученицы московской школы А.Дункан. Фото.
В центре, слева направо: А.Аксенова, М.Борисова, Е.Белова.
Лето 1923. Литвиново. Собрание Г. Маквея.



С.А.Есенин. Очерк «Железный Миргород». Первая страница автографа. 14 августа 1923.

Цена отдельного номера в Москве и провинции 7 руб. На станциях ж. д. 8 руб.

ГОД ИЗДАНИЯ 7-Й.

ИЗВЕСТИЯ

Центрального Исполнительного Комитета СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета СОВЕТОВ Рабочих, Крестьянских и Красных Депутатов.

Железный Миргород.

I.

Я не читал прошлогодней статьи Л. Д. Троцкого о современном искусстве, когда был за границей. Она попалась мне только теперь, когда я вернулся домой. Прочел о себе и грустно улыбнулся. Мне нравится умный этого человека, но видите ли... видите ли...

Впрочем, он замечательно прав, говоря, что я вернусь не тем, чем был.

Да, я вернулся не тем. Много дало мне и много отняло. Перевешивает то, что дало.

Я объехал все государства Европы и почти все штаты Северной Америки. Зрение мое переломилось особенно после Америки. Перед Америкой мне Европа показалась старинной усадьбой. Поэтому краткое описание моих скитаний начало с Америки.

II.

Bot «Paris».

Если взять это с точки зрения океана, то все-таки и это ничтожно, особенно тогда, когда в водяных провалах эта громадина кажется своей тушей, как покачивающийся... (Простите, что у меня нет образа для сравнения; я хотел сказать—как слон, но это превосходит слона приблизительно в 10 тысяч раз. Эта громадина слона—образ. Образ без всякого подобия. Вот тогда я очень ясно почувствовал, что пронизующий меня и вме-

сте с нами дрожащий «лайнер» ассоциируем. (Неудачно сказал, что дело не в сравнении с живым организмом). Но если взглянуть на это с точки зрения того, на что способен человек, то можно развести руками и сказать: «Милый, да что ты наделал? Как тебе?.. Да как же это?..»

Когда я пошел в корабельный ресторан, который площадью немного побольше вашего Большого театра, то мне подошел мой спутник и сказал, что меня просят в нашу каюту.

Я шел через громадные залы специальных библиотек, шел через комнаты для отдыха, где играют в карты, прошел через танцовальный зал, и минут через пять через огромнейший коридор спутник подвел меня к нашей кабине. Я осмотрел коридор, где разложили наш большой багаж, приблизительно в 20 чемоданов, осмотрел столовую, свою комнату, две ванные комнаты и, сев на софу, громко расхохотался. Мне страшно показался смешным и нелепым тот мир, в котором я жил раньше.

Вспомнил про «дым отечества», про вашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами, вспомнил небо германских и балтийских вод, наши непролазные дороги и стал ругать всех пеплявшихся за «Русь» как за грязь и нищету. С этого момента я разлюбил лицо Есенина.

Милостивые государи!

С того дня я стал больше коммунистом, чем я не был коммунистам, в моих поэмах, я близок здесь, что буду быть моим своем творчестве. С тех ехал я страну Колумба. шесть дней, проводя жизнь пешной и отвлекающей в банке.

Элис-Айленд.

На шестой день, около 1 залась земля. Через час предстоял Нью-Йорк.

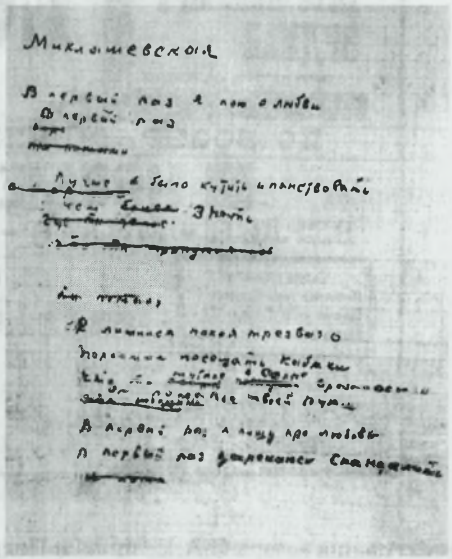
Мать честная! До чего мы Маяковского об Америк но выразить эту железную мощь словами?! Это можно сказать, он будет ничтожно. вые российские домишки и электрификаторы и по «кущицы» и наши «лефы перед Бродвеем или Парка

Здания, заслонившие го упираются в небо. Над всей дят громаднейшие железобе Небо и синее от дымящ ных труб. Дым навевает ч ственное, кажется, что за н ми происходит что-то такое громадное, что дух захваты скорее на берег, но... пре осмотреть паспорта...

В сутолоке стоящих по кому-то важному субъекту в чьими документы, бы мои

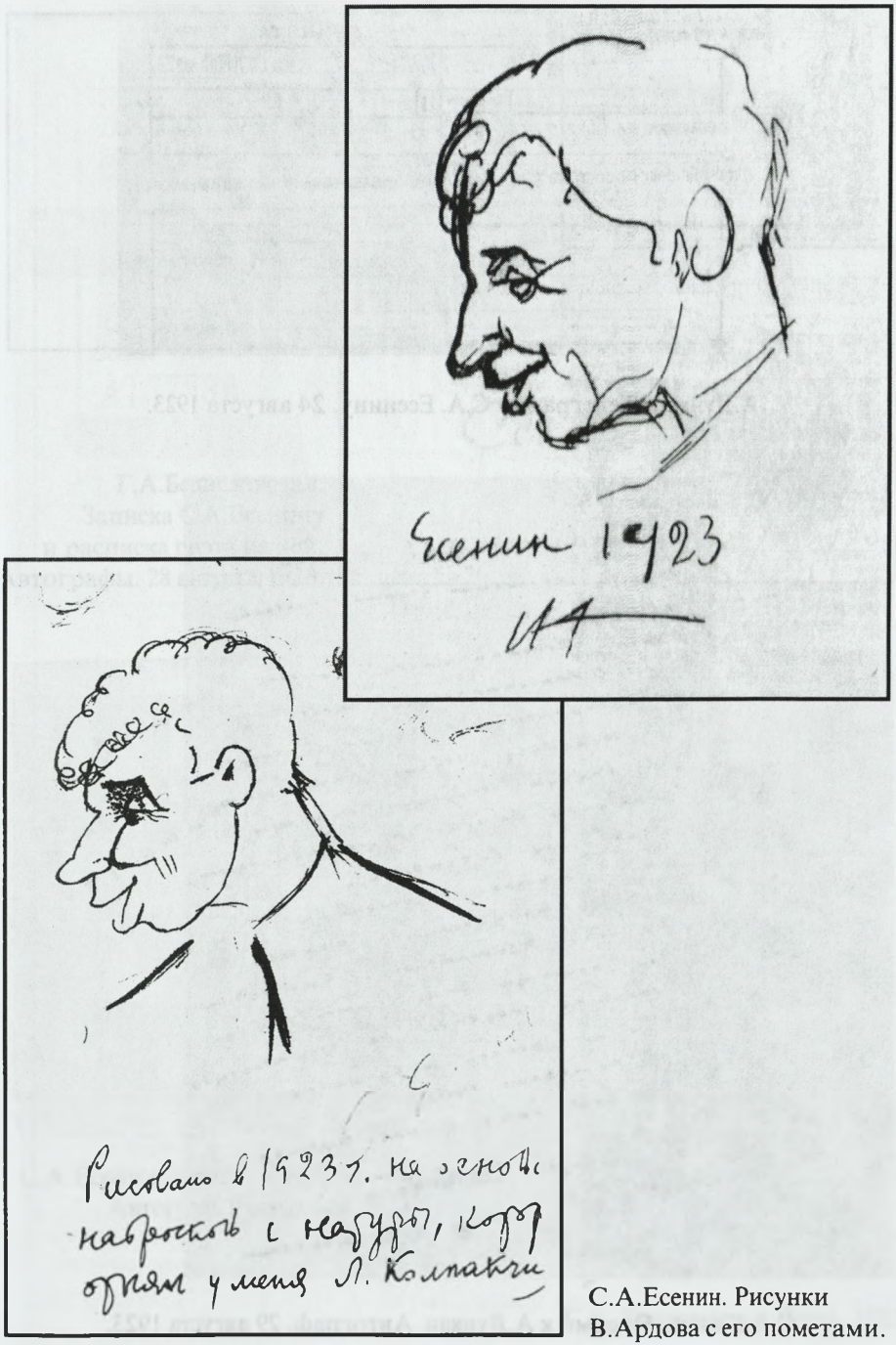
«Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов». 22 августа 1923. Заголовок газеты и страница с публикацией очерка С.А.Есенина «Железный Миргород»

А.Л.Миклашевская. Фото. 1920-е.

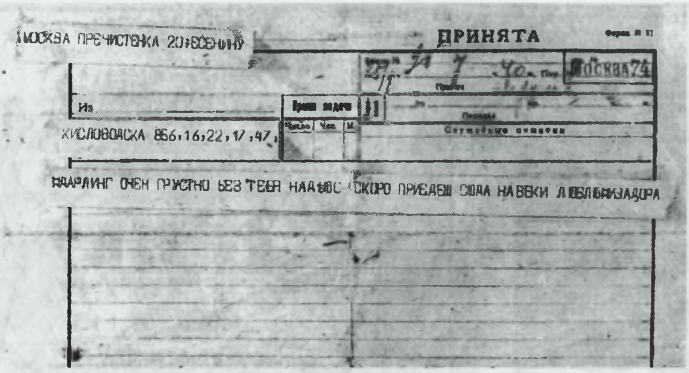


С.А. Есенин. Стихотворение «Заметался пожар голубой…». Черновой набросок первоначальной редакции. Автограф. 1923.

Афиша вечера С.А.Есенина в Политехническом музее. 21 августа 1923.



С.А.Есенин. Рисунки
В.Ардова с его пометами.


МОСКВА ПРЕЧИСТЕНКА 20 ЕСЕНИНУ

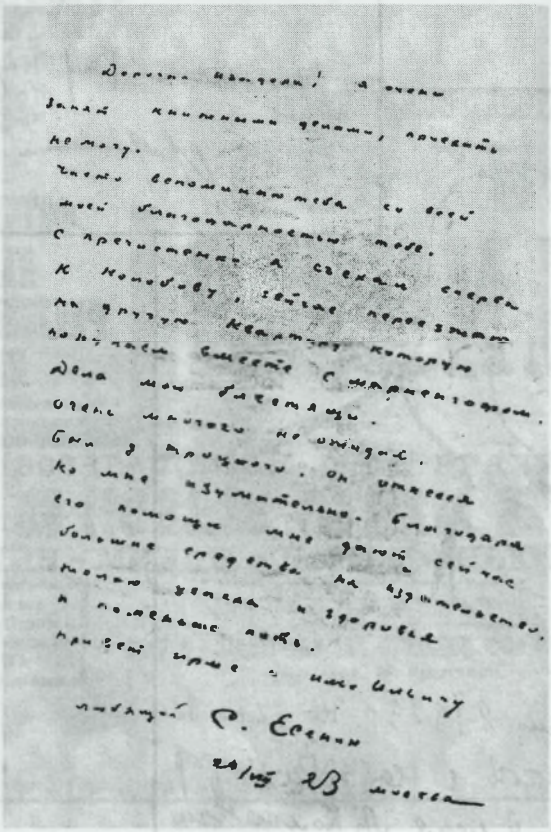
ПРИНЯТА

Из

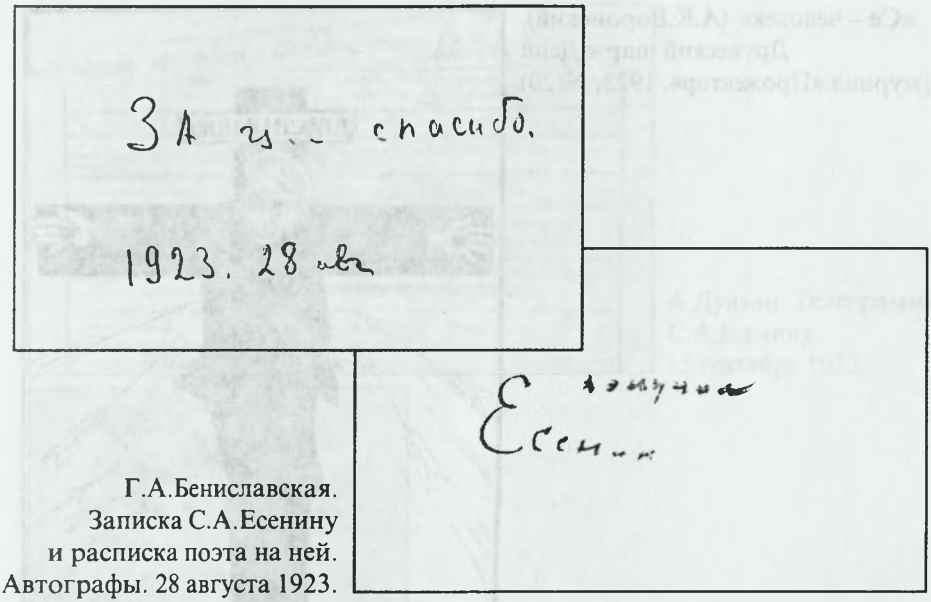
КИСЛОВОДСКА 856 16 22 17 47

ЯЗАРАНИНГ ОЧЕН ГРУСТНО БЕЗ ТЕБЯ НАДЕЮСЬ СКОРО ПРИЕДЕШ СЛАВА НАВЕКИ ЛЕЛЕЛЕКЗАДОРА

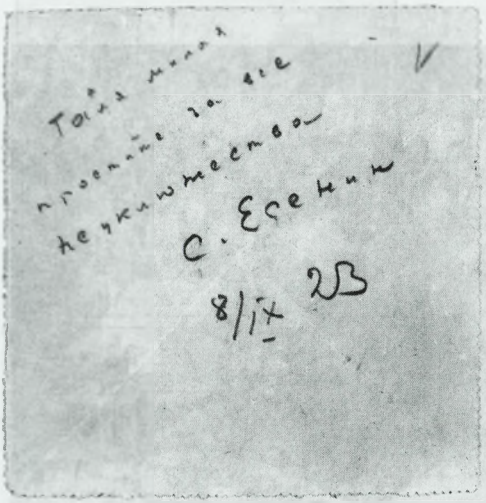
А.Дункан. Телеграмма С.А. Есенину. 24 августа 1923.



С.А.Есенин. Письмо к А.Дункан. Автограф. 29 августа 1923.



Г.А.Бениславская.
Записка С.А.Есенину
и расписка поэта на ней.
Автографы. 28 августа 1923.

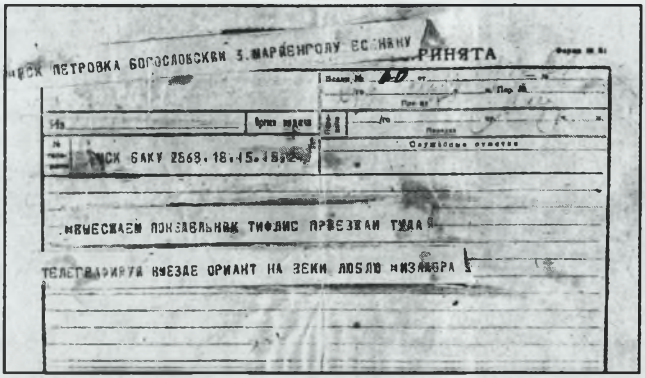


С.А.Есенин. Записка к Г.А.Бениславской.
Автограф. 8 сентября 1923.

Г.А. Бениславская. Фото. 1923.

«Се – человек» (А.К.Воронский). Дружеский шарж Дени (журнал «Прожектор», 1923, № 20).

Вечеринка авторов альманаха и издательства «Круг». Фото. 31 августа 1923. На переднем плане – С.А.Есенин.



МОСК ПЕТРОВКА БОГОСЛОВСКИЙ 3 МАРЬЕНГОФУ ЕСЕНИНУ

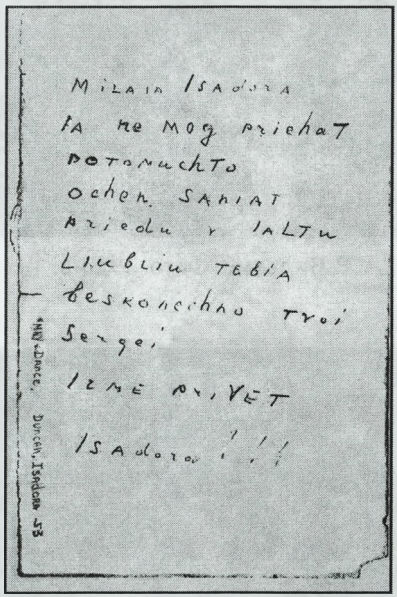
ПРИНЯТА

МОСК БАКУ 2563 18 15 1852

ЖЕЛАЕМ ПОНРАВИЛЬНЯК ТИФЛИС ПРИВЕЗЛИ ТУДА Я

ТЕЛЕГРАФИРУЙ КУЗДЕ ОРИАНТ НА ЗЕКИ ЛЮБЛЮ НИЗАМБРА

А.Дункан. Телеграмма С.А.Есенину. 15 сентября 1923.



Milaia Isadora

ia ne Mog priehat

potomuchto

ochen. SANIAT

Priedu v IALTu

Liubliu TEBIA

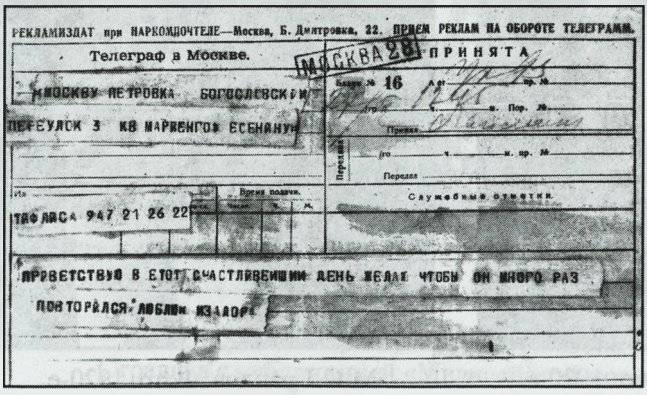
Beskonechno Tvoi

Serge'i

Igne privet

ISAdorochka !!!

С.А.Есенин. Записка к А.Дункан. Автограф. 16 (?) сентября 1923. Собрание Г.Маквея.



РЕКЛАМИЗДАТ при НАРКОМПОЧТЕЛЕ—Москва, Б. Дмитровка, 22. ПРИЕМ РЕКЛАМ НА ОБОРОТЕ ТЕЛЕГРАММ.

Телеграф в Москве.

МОСКВА 28

ПРИНЯТА

МОСКВУ ПЕТРОВКА БОГОСЛОВСКИЙ

ПЕРЕУЛОК 3 КВ МАРЬЕНГОФ ЕСЕНИНУ

Время подачи.

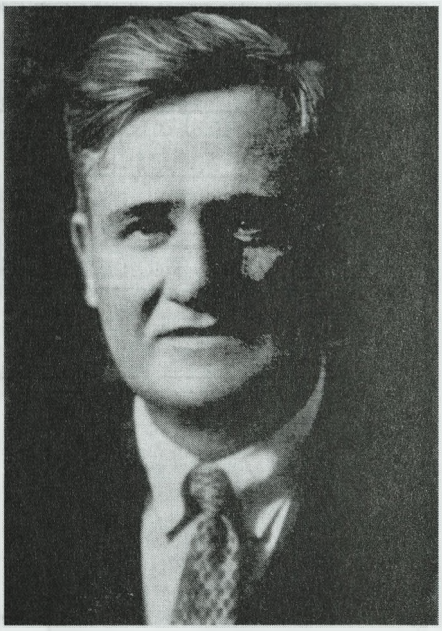
ТИФЛИСА 947 21 26 22

Служебные отметки.

ПРИВЕТСТВУЮ В ЭТОТ СЧАСТЛИВЕЙШИЙ ДЕНЬ ЖЕЛАЮ ЧТОБЫ ОН НАШРО РАЗ ПОВТОРИЛСЯ ЛЮБЛЮ ИЗАДОРА

А.Дункан. Телеграмма С.А.Есенину. 26 сентября 1923.

М.И.Калинин. Фото. 1920-е.



А.Р.Вильямс. Фото. 1920-е.

Е.В.Кононенко. Фото. 1920-е.

М.С.Грандов. Фото. 1920-е.

КРАСНЫЙ ПЕРЕЦ № 16

Милицейская ПОЭМА

о поэте.

От Редакции. *За последнее время российские поэты, сменяя „попутчиков", являлись поставщиками матерьяла по истории российских художеств, свободы и словесности в частности. Красный Перец, взяв обязательство задачу обличительного попутничества Иргиздата, берет на свое в данный, весьма подходящий момент, опубликовать нижеследующее стихотворение в прозе. Пусть не говорят отныне, что попутчиков перестало давать Иргиздат.*

Выписка из протокола

о поэте Сергее Есенине, привлекавшемся по ст. 176, 88 и 88 уголовного кодекса (хулиганство, сопротивление власти и оскорбление представителей власти).

1) В 23 ч. 16 мин. 15 сентября к дежурному по 46 отделению милиции (Леонтьевский, 20) участковому надзирателю Припутневу со Страстной площади милиционером Чудородовым был доставлен неизвестный гражданин в сильно пьяном виде. Постовой милиционер заявил, что он услышал свистки, стоя на посту, бросился на сигнал и узнал, что свистит дежурный дворник у кафе „Стойло Пегаса" (Тверская, 37).

Показание Чудородова. „В окно „Стойла Пегаса" я увидел, что столы и стулья были по-

ломаны. Я зашел в кафе. Неизвестный гражданин бросился на меня и, махая кулаками перед моим лицом, — рыло свое свалочье, взяточником, хулиганом, мерзавцем и угрожая именем Народных Комиссаров, хотел запугать. Я взял его за руку и, несмотря на сопротивление, привел в отделение. Прошу привлечь этого гражданина по ст. 176, 86 и 88 Ут. Кодекса".

Милиционер **Чудородов.**

2) Я, дежурный участковый 46 Отд. милиции **Припутнев,** выяснил, что доставленный неизвестный гражданин есть поэт гр. Есенин. При приводе в отделение он вел себя возмутительно. Кричал: хам, сволочь, взяточник, жандарм, и пытался наброситься на меня с кулаками, но был милиционерами удержан. В этот момент в отделение явились две гражданки и поэт Мариенгоф

и стали требовать настойчиво об освобождении поэта Есенина, на что я ответил в категорической форме, что гражданина Есенина не освобожу. Тогда гражданка К. просила разрешения позвонить по телефону. Я разрешил, и она позвонила тов. Калинину. После переговоров т. Калинин просил передать трубку дежурному по отделению, что вышеназванная гражданка и сделала. Тов. Калинин спросил, в чем дело. Я объяснил ему вкратце обстоятельства дела. Он подтвердил мои законные действия.

Деж. участ. **Припутнев.**

3) Милиционеры **Дорощенко, Каптелин, Ходов, Найбар** дают в подтверждение показания о нравах и поэзии Есениных: сволочью,

Душа немецкого соглашателя.

Этот фото-монтаж изготовлен под принуждением литераторов **Егоров Камышниковых.**

Массельфан. (Ю. Г.).

— Параллелограмм сил... сил... Ира, Яша!.. Дает равнодействующую... Пассьянс!!

взяточниками, жуликами, паразитами, старыми жандармами, мерзавцами и удостоверяют, что тот зломан барьер.

Подлинно.

4) Гр. Гартман, Елена Оттовна, 23 лет, девица, служит в кафе „Стойло Пегаса", по Тверской, 37, показала: поэт Есенин, придя в нетрезвом виде, потребовал вина и пива. Потом поссорился с посетителями, стал опрокидывать столы и стулья и бить мелкую посуду. Подтверждает, что посетитель есть именно известный поэт Сергей Александрович Есенин.

Подпись.

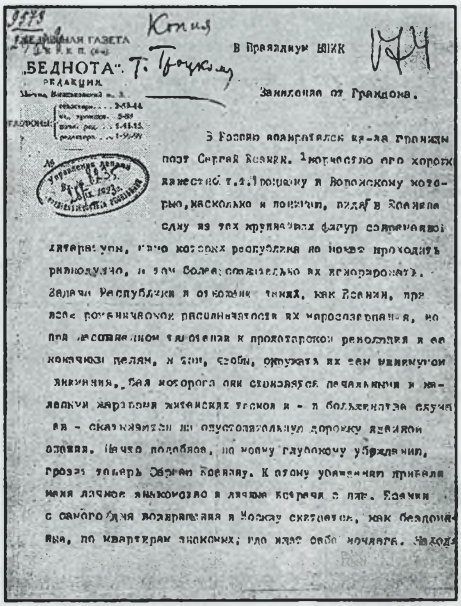
Поэт Есенин был доставлен после отрезвления в камере, в 5 часу утра, в дежурную комнату для опроса, сильно вспачкавшийся и исключенный. Пришедшие его знакомые девицы дали гребешок и пудру для приведения себя в поря-

док. В предъявленном обвинении он сознался, пояснив, что был сильно выпивши.

Протокол № 2020 1382, передан в Нар. суд Кр.-Пресн. района.

11

Журнал «Красный перец» (1923, № 16).
Страница с публикацией «Милицейской поэмы о поэте».



ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
ЦК, МК и МГК РКП (б)
„БЕДНОТА".
РЕДАКЦИЯ

В Президиум ВЦИК

Заявление от Грандова.

Я России возвратился из-за границы поэт Сергей Есенин. Я хорошо его хорошо известно т.т. Троцкому и Воронскому которые, насколько я понимаю, видят в Есенине одну из тех крупнейших фигур современной литературы, вокруг которых республика не может проходить равнодушно, и чем более сознательно их игнорировать.

Задачи Республики в отношении таких, как Есенин, при всех романтических расплываниях их мировоззрения, но при несомненном таланте и пролетарском революционном в его конечных целях, и тем, чтобы окружить их всем возможным вниманием, без которого они скатываются печальными и нелепыми жертвами житейских уклонов и - в большинстве случаев - скатываются на опустошенную дорожку хулиганства. Начало подобное, по моему глубокому убеждению, грозит теперь Сергею Есенину. К этому усугублению прибавилось личное знакомство и личные контакты с ним. Есенин с самого дня возвращения в Москву скитается, как бездомный, по квартирам знакомых; где мне себе ночлег. Находя ночлег, он не находит, однако, необходимых условий для работы. А работать ему сейчас хочется, как никогда. Попытки найти квартиру остаются безрезультатны. Все это осложняет человека и подготовляет обильную почву для тяжелой надвигающейся драмы этого талантливого поэта.

Необходимо притти ему на помощь. Он сам не решается обратиться за ней, боясь оставаться непонятым или, хуже всего, как Клычков и т.п. Как знак, при современном личном взаимоотношении и видимом разрыве он согласен разрешить для себя квартирный вопрос без содействия государственных органов. Об этом подготовил я и прошу Президиум ВЦИК. Почкрочно-надо сделать и тому, чтобы предложить соответствующему учреждению предоставить С.Есенину в это самое /указано по его желанию/ которую из трех комнат с кухней.

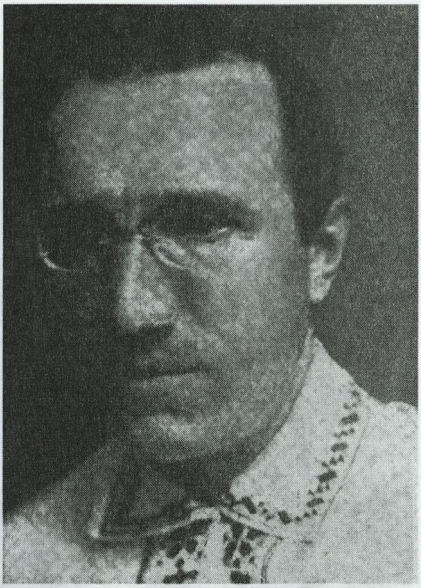
М. Грандов

20/IX-23

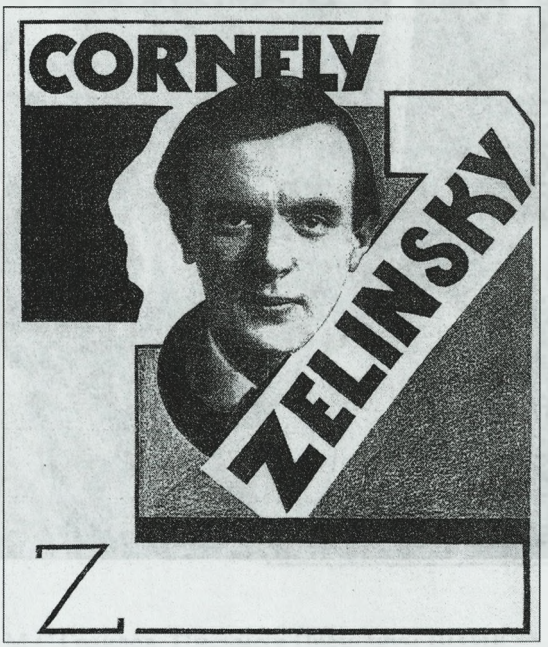
М.С.Грандов. Письмо в Президиум ВЦИК.
Авторизованная машинопись. 20 сентября 1923.

С.А.Есенин и В.В.Казин. Фото. 1923.

В.Ф.Наседкин. Фото. 1920-е.



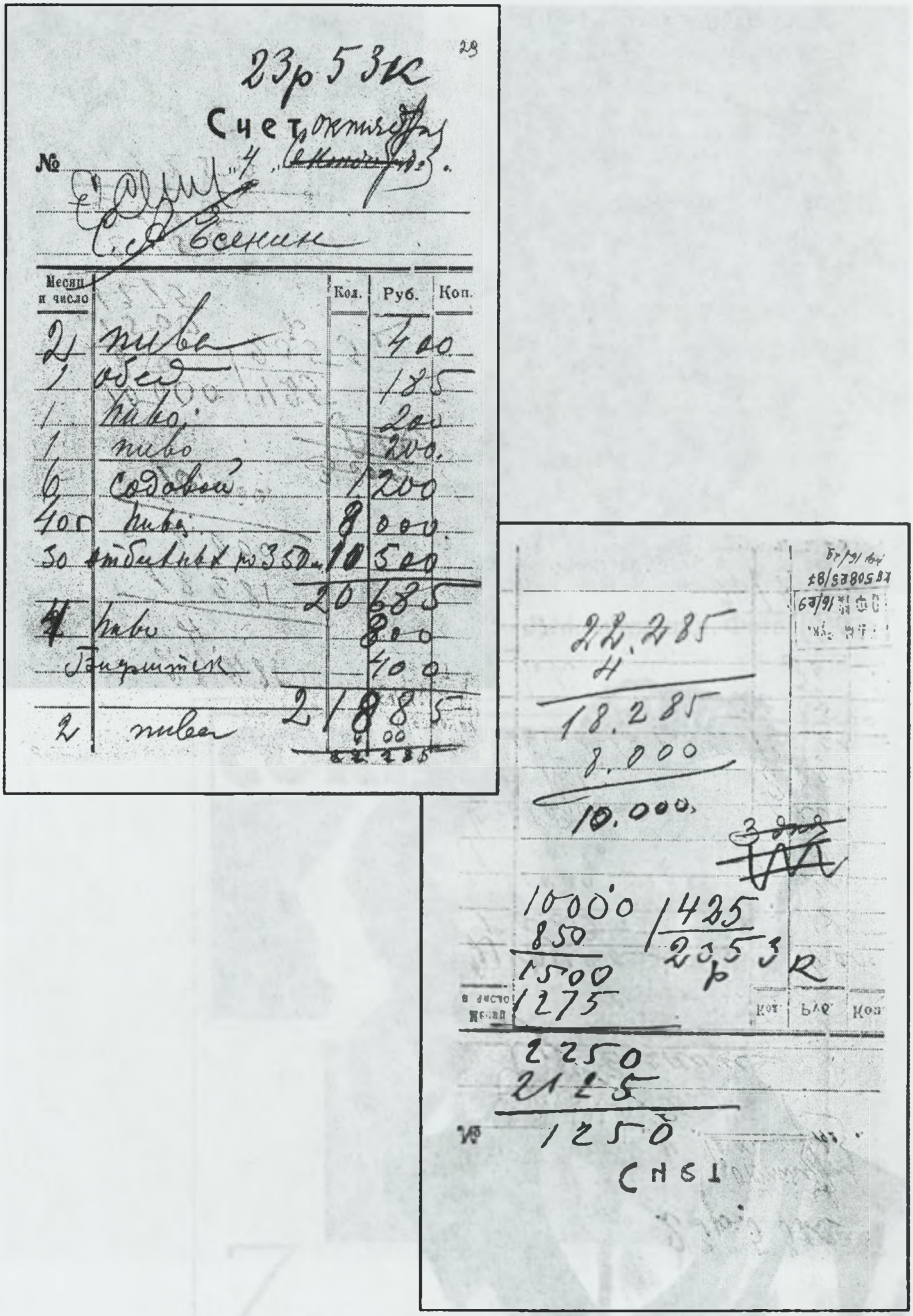
Р.М.Акульшин. Фото. 1920-е.



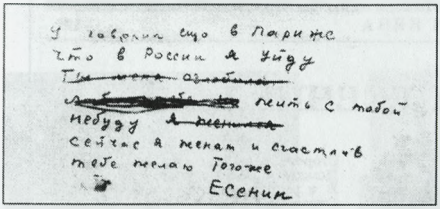
К.Л.Зелинский. Фотоколлаж. 1920-е.

А.А.Берзинь. Фото. 1920-е.

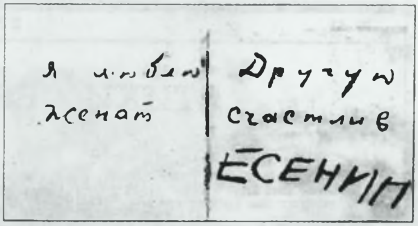
И.М.Касаткин.
Рисунок Кауфмана. 1920-е.



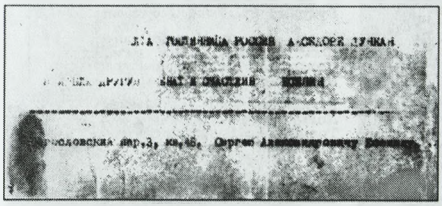
Счет «Стойла Пегаса» от 4 октября 1923 г. с подписью С.А.Есенина.



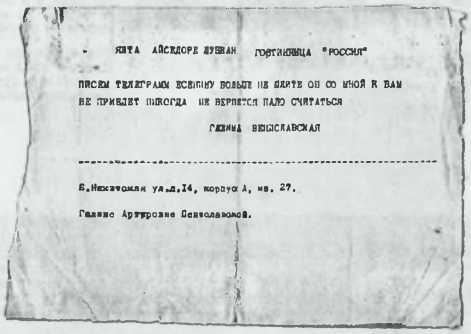
У вас в Париже
что в России я увяду
Ты тоже ослабела
Любовь и женщина
лечить с тобой
не буду я женщина
сейчас я женат и счастлив
тебе желаю тоже
Есенин



я любил
Другую
женат
счастлив в
ЕСЕНИН



С.А.Есенин. Телеграмма к А.Дункан. Первоначальный и окончательный тексты. Автограф. До 9 октября 1923.



ЯЙТА АЙСЕДОРЕ ДУНКАН ГОСТИНИЦА "РОССИЯ"

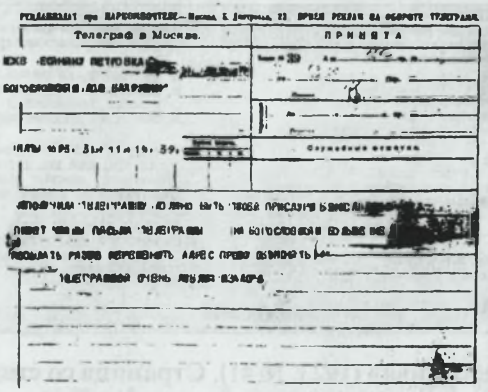
ПИСЬМА ТЕЛЕГРАММ ЕСЕНИНУ БОЛЬШЕ НЕ ПИШИТЕ ОН СО МНОЙ К ВАМ
НЕ ПРИЕДЕТ НИКОГДА НЕ ВЕРНЕТСЯ ПРОШУ СЧИТАТЬСЯ

ГЕНИНА БЕНИСЛАВСКАЯ

Б.Никитская ул.д.24, корпус А, кв. 27.

Галине Артуровне Бениславской.

Г.А.Бениславская. Телеграмма к А.Дункан. 9 октября 1923.



Телеграф в Москве. ПРИНЯТА

А.Дункан. Телеграмма С.А.Есенину. 11 октября 1923.

СТИХИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА.

* * *

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом
То наверно был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

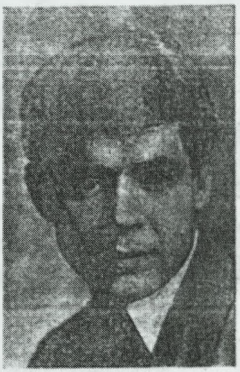
И навстречу испуганной маме
Я подол сквозь кровавый рот:
— Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет.—

И теперь вот, когда прослыл
Этих дней кипятковая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая, словесная груда,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаль
Забияки и сорванца.

Как тогда я отважный и гордый.
Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
— Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет!



Сергей Есенин.

* * *

Сторона ль ты моя, сторона!
Деждевое, осеннее олово.
В чрной луже продрогший фонарь
Отражает безгубую голову.

Нет, уж лучше мне не смотреть,
Чтобы вдруг не увидеть чужого.
Я на всю эту ржавую муть
Буду щурить глаза и суживать.

Так немного теплей и безбольней.
Посмотри: меж скелетов домов,
Словно мельник, несет колокольни
Медные мешки колоколов.

Если голоден ты—будешь сытым,
Коль несчастен—то весел и рад
Только лишь не глядя открыто,
Мой земной неизвестный брат.

Как подумал я—так и сделал,
Но увы! Все одно и то ж!
Видно, слишком привыкло тело
Ощущать эту стужу и дрожь.

Ну, да что же? Ведь много прочих.
Не один я в миру живой!
А фонарь то мигает, то захохочет
Безгубой своей головой.

Только сердце под ветхой одеждой
Шепчет мне, посетившему твердь:
— Друг мой, друг мой, прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть.

* * *

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий,
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз златокарий омут,
И чтоб прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная! Легкий стан!—
Если б знала ты, сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой,
Хоть и свой, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

* * *

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь ты холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рыданиях.

Я на эти иконы плевал.
Чтил я грубость и крик в повесе,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.

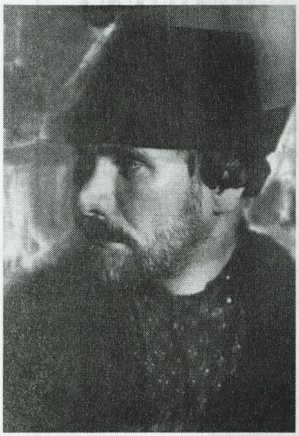
Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что не так имя твое звенит
Словно августовская прохлада?

Я ни нищий, ни жалок, ни мал,
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я пошел
Кобылам да степным кобылам.

Потому и себя не сберег,
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог
Сумасшедшее сердце поэта.

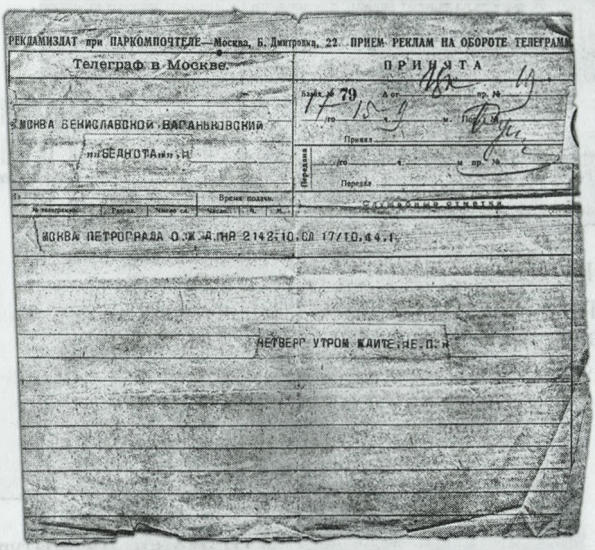
Потому и грущу, осев
Словно в листья в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

Журнал «Красная нива» (1923, № 41). Страница со стихотворениями С.А.Есенина «Всё живое особой метой...», «Сторона ль ты моя, сторона!..», «Заметался пожар голубой...», «Ты такая ж простая, как все...».



Н.А.Клюев. Фото М.Наппельбаума. 1924.

С.А.Есенин, И.Бродский и другие. Фото. 1923.


РЕКЛАМИЗДАТ при ПАРКОМПОЧТЕЛЕ—Москва, Б. Дмитровка, 22. ПРИЕМ РЕКЛАМ НА ОБОРОТЕ ТЕЛЕГРАММ

Телеграф в Москве.

ПРИНЯТА

МОСКВА БЕНИСЛАВСКОЙ ВАСИЛЬЕВСКИЙ

БЕЛОТА

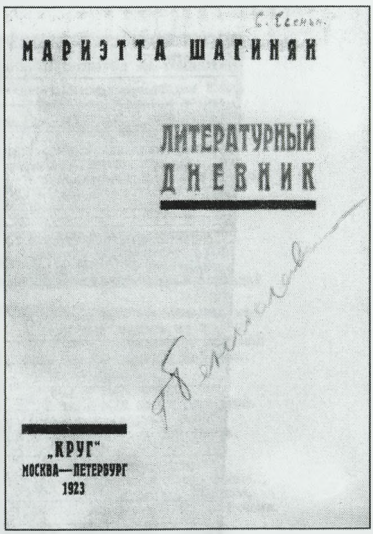
МОСКВА ПЕТРОГРАДА О ЖЖ А ПИ 2142 10 СЛ 17/10 44 Г

ЧЕТВЕРГ УТРОМ КАИТЕ НЕ П

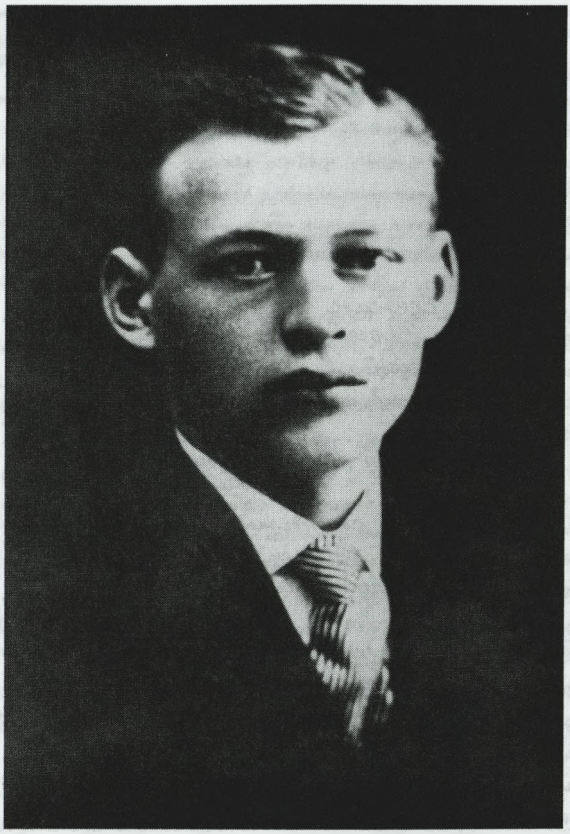
С.А.Есенин и И.Приблудный. Телеграмма к Г.А.Бениславской. 17 октября 1923.

М.Шкапская. Явь (М.; Пг., 1923). Обложка книги с владельческой надписью: «С.Есенин. 23 / X.23».

В.Ильина. Крылатый приемыш (М.; Пг.,1923). Обложка книги с владельческой надписью: «С.Есенин. 23 / X.23».

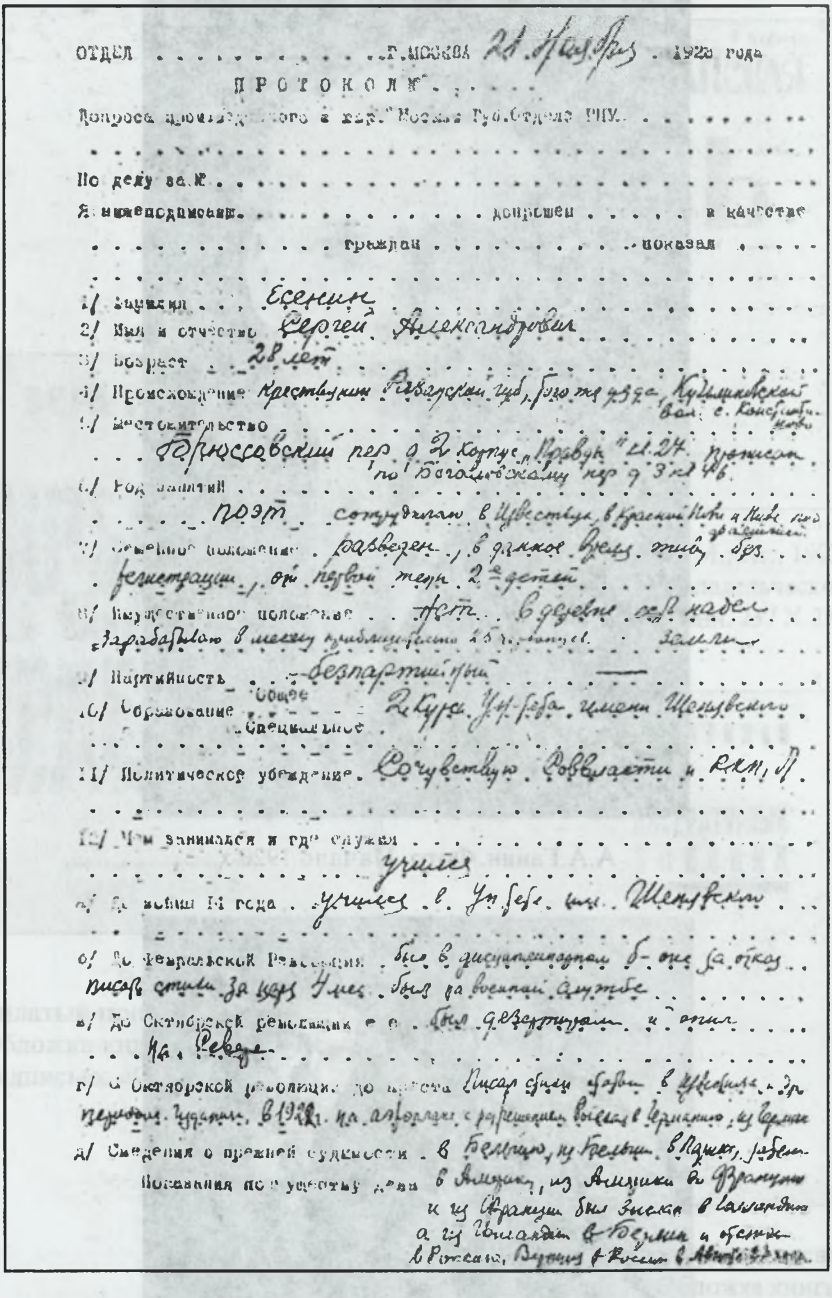


М.Шагинян. Литературный дневник. (М.-Пб., 1923). Обложка книги с владельческими надписями С.А.Есенина и Г.А.Бениславской. 1923.



А.А.Ганин. Фото. Начало 1920-х.

П.В.Орешин и С.А.Клычков. Фото. 1920-е.



ОТДЕЛ . . . . . г. МОСКВА 21 Ноября 1923 года

ПРОТОКОЛ

Допроса проживающего в г. Москве Губ. Отделом ГПУ

По делу за №

Я, нижеподписавш. допрошен в качестве

гражданин показал

1/ Фамилия Есенин

2/ Имя и отчество Сергей Александрович

3/ Возраст 28 лет

4/ Происхождение Крестьянин Рязанской губ., Голо тя ухзд. Кузьминской вол. с. Константиново

5/ Местожительство Брюсовский пер. д. № дворец, Нирвана кв. 24. прописан по Богословскому пер. д. № 3 кв. 46.

6/ Род занятий поэт сотрудничаю в Известиях, в Красной Ниве и Ниве под псевдонимом

7/ Семейное положение разведен, в данное время холост, без регистрации, от первой жены 2 детей

8/ Имущественное положение нет. В деревне оставил надел земли, заработываю в месяц приблизительно 150 червонцев.

9/ Партийность беспартийный

10/ Образование Общее 2 Курса Ун-тета имени Шанявского

Специальное

11/ Политическое убеждение Сочувствую Советской власти и РКП.

12/ Где занимались и где служили учился

а/ До войны 14 года учился в Ун-тете им. Шанявского

б/ До Февральской Революции был в дисциплинарном б-оне за отказ писать стихи за царя. Учился. Был на военной службе

в/ До Октябрьской революции с 17 г. был дезертировал и скрыл на Кавказе

г/ С Октябрьской революции до ареста писал стихи, работал в Известиях. Из периодич. Издания. В 1921 г. на заграницу с разрешения выехал в Германию, из Германии

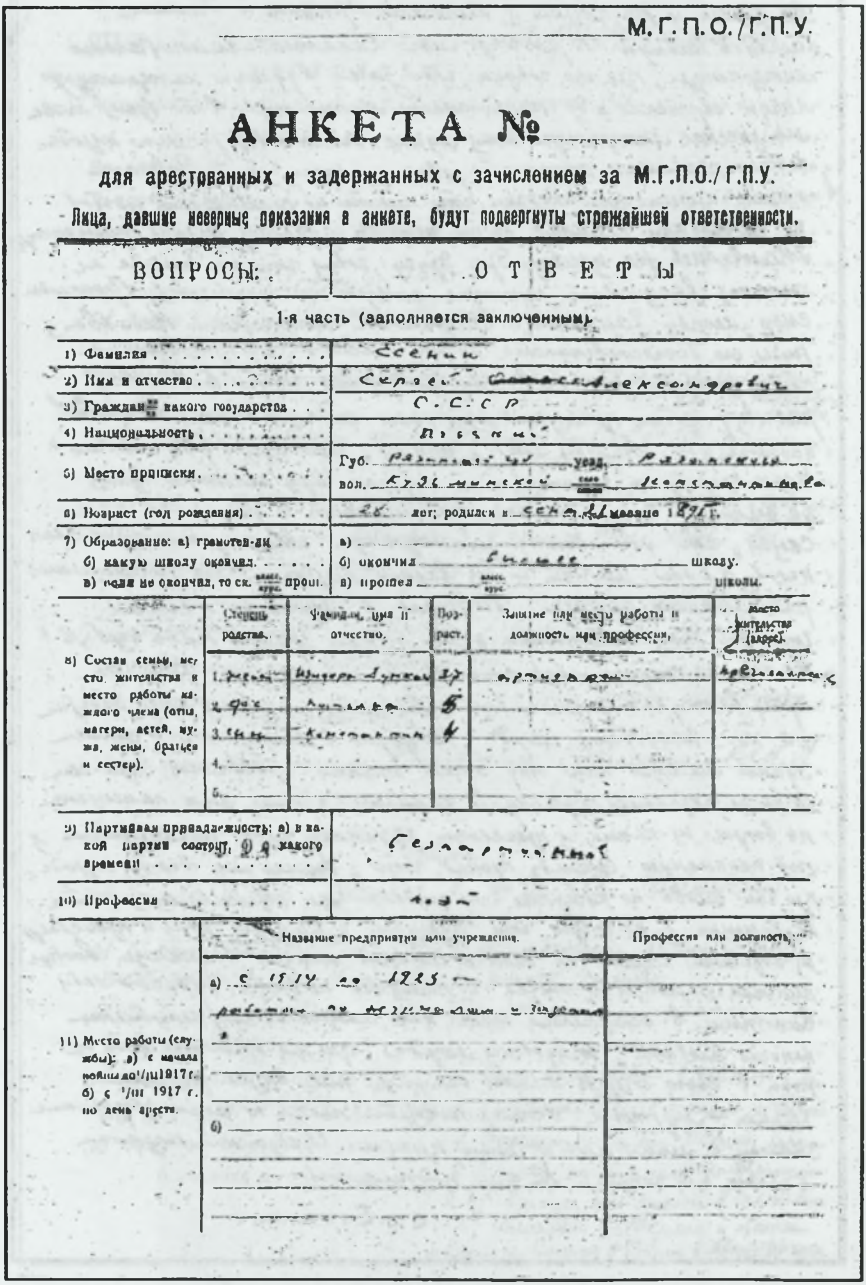
д/ Сведения о прежней судимости В Германии, из Берлина в Париж, из Парижа в Америку, из Америки в Францию и из Франции был выслан в Канаду а из Канады в Германию и отсюда в Россию, Вернулся в Россию в Августе 1923 года.

Показания по существу дела

Протокол допроса С.А.Есенина в Московском губернском отделе ГПУ. 21 ноября 1923.

По дороге у редакции з. Клычков, Орешин и Ганин
зашли в пивную. В разговоре мы касались некоторых
литературных, напр. где говорил, что даже в русскую литературу
лезут еврейские и др. национальные литературы, в то время когда
мы русские литературу знали лучше наших и без русских изобра-
жать правильно отражать революционность. Быт. Говорили
о крае крестьянских поэтов, что никто из крестьянских поэтов
не выдвинулся кем-нибудь, на то или на другие были выдвинуты.
Сказали на Клюева друг другу, говорят что он иногда не
понимая выдумывает некоторые стороны или предметы. Высказали
свою мечту Ганин и Орешин относительно Клюева,
ручку его божественности. Говорили если бы его произведения
стали печатать, то во всяком случае без Бога. К нашему
разговору стал прислушиваться рядом сидящий жид, вставил
какую-то реплику. Заметил это я сказал ему в ухо пару и
после чего он этот встал и ушел. Через некоторое время
он возвратился в сопровождении милиционера и указал на нас
сказал, что это контр-революционеры. Милиционер пригласил
нас в 47 отд. милиции — без всякого применения мы подчинились
распоряжению милиции. По дороге в милицию я сказал:
что у них клеветник и что такую сволочь надо судить.
На это со стороны еврейства последовало: вот он
сразу видно, что русский Кам-мужик, на это я ему ответил
„а ты жидовская морда". По дороге в милицию и в самом
здании милиции ещё над этим типом издевались при чем
и он не оставался в долгу. В комнате, где мы были помещены
на вопрос из какой я прошлому задержан дет. милиционер я
под диктовку секретаря протокола, что „вышел на все это я назвал
при чем слова не коверкал и не имевал им еврейского акцента.
В милиции я не говорил, что Клычкин и Клюев поэты и происходят
из еврейской семьи, но сам не любил жидов. В милиции вообще
писались разговоры о „жидах" и помню не было. Признаю себя
виновным в оскорблении тех нас задержавших, оскорблении
нанося словами „жидовская морда" при чем отмечаю что и
этот в свою очередь такое оскорбление нас внутр русскими
Камами-мужиками. Более показать ничего не имею. Протокол
записан с моих слов и мною прочтен. О еврейских поэтах
я ничего не говорил. К сему подписываюсь!

С. Есенин



М. Г. П. О. / Г. П. У.

АНКЕТА №

для арестованных и задержанных с зачислением за М.Г.П.О./Г.П.У.

Лица, давшие неверные показания в анкете, будут подвергнуты строжайшей ответственности.

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ
1-я часть (заполняется заключенным).	
1) Фамилия	Есенин
2) Имя и отчество	Сергей Александрович
3) Гражданин какого государства	С. С. С. Р.
4) Национальность	Русский
5) Место прописки	Губ. Рязанской уезд. Рязанского вол. Кузьминской село Константинова
6) Возраст (год рождения)	28 лет; родился в селе Константинове в 1895 г.
7) Образование: а) грамотен-ан	а)
б) какую школу окончил	б) окончил сельскую школу.
в) если не окончил, то ск. кл. прош.	в) прошел кл. школы.

8) Состав семьи, место жительства и место работы каждого члена (отца, матери, детей, мужа, жены, братьев и сестер).

Степень родства.	Имя, отчество.	Возраст.	Занятие или место работы и должность или профессия.	Место жительства (адрес).
1. Жена	Есенина Зинаида Николаевна	27	артистка	Богословский 5
2. Дочь	Есенина Татьяна	5		
3. Сын	Есенин Константин	4		
4.				
5.				

9) Партийная принадлежность: а) в какой партии состоит, б) с какого времени

Беспартийный

10) Профессия

Поэт

11) Место работы (службы): а) с начала войны до 1/III 1917 г. б) с 1/III 1917 г. по день ареста.	Название предприятия или учреждения.	Профессия или должность.
	а) с 1914 г. до 1923 г. работал по литературной части	
	б)	

Анкета С.А.Есенина для арестованных и задержанных с зачислением за М.Г.П.О./Г.П.У. 21 ноября 1923.

13) Если состоял на государ. службе, то в каком чине	
14) Если не служил и не работал по найму, то на какие средства жил	
15) Привлекался-ли к ответственности, когда, где и по какому поводу	нет
16) Отношение к воинской повинности а) воинское звание, род оружия или специальность; б) если освобожден, то на каких основаниях	
17) Когда арестован	21 ноября 1923
18) Кем арестован, по чьему ордеру и № ордера	
19) Где арестован: а) губ., уезд., нас. пункт, гор., улица и № дома, б) при каких обстоятельствах арестован (на своей квартире, в засаде, на собрании и проч.)	В Ярославле на Г О
20) Когда и кем допрошен	нет
21) Предъявлено обвинение и в чем именно	нет
22) Место жительства перед арестом	Гончаровский пер. 9 кв 4

Примечания заключенного:

Подпись заключенного

192 3 г.

2-я часть (заполняется администрацией места заключения)

23) Официальное основание места заключения	
24) По чьему ордеру арестован и № ордера	Отд. 2 ор. 4284
25) За кем записан	
26) Примета заключенного	

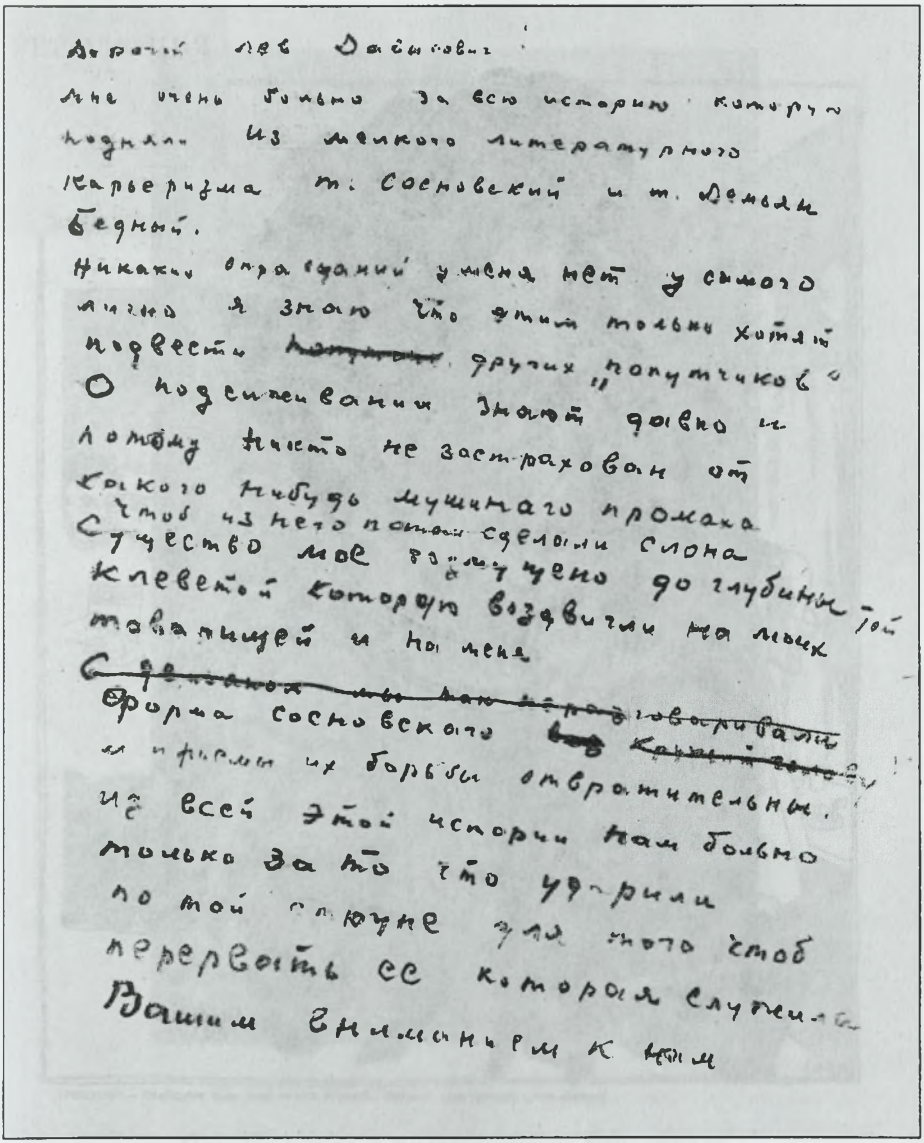
Примечания:

Подпись заведующего местом заключения

Ответы на вопросы анкеты надо писать чернилами (в крайнем случае химическим карандашом), четко, разборчиво, полностью выписывая слова, по возможности, без помарок и поправок.

Л.С.Сосновский. Фото. 1920-е.

Л.С.Сосновский. Фрагмент дружеского шаржа М.Черемных (журнал «Крокодил», 1923, № 45).



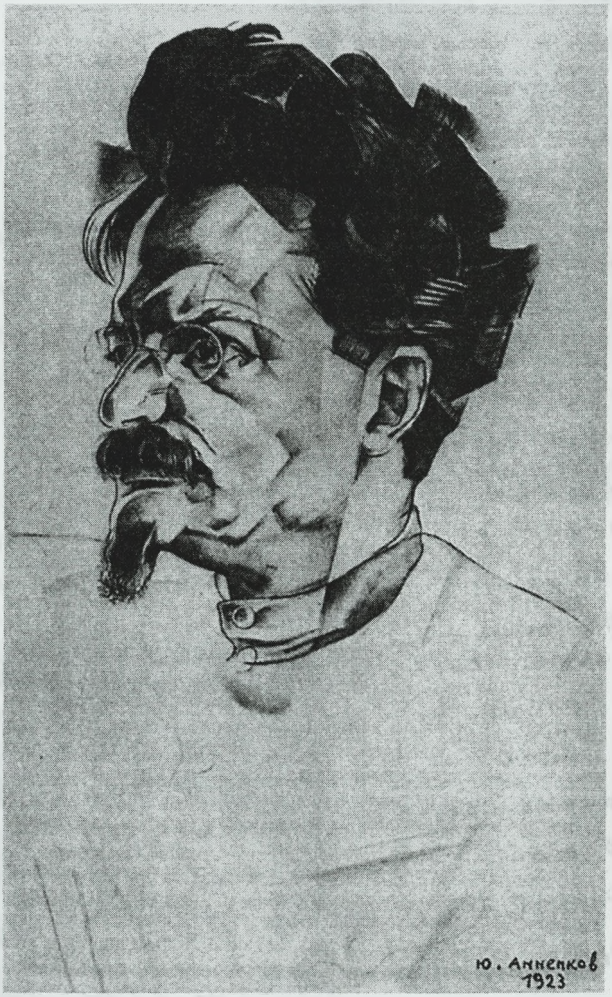
Дорогой Лев Давидович

Мне очень больно за всю историю, которую подняли из мелкого литературного карьеризма т. Сосновский и т. Демьян Бедный.

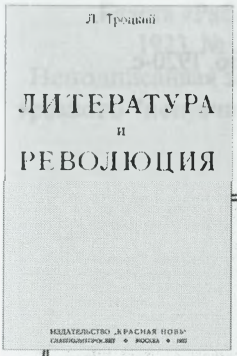
Никаких оправданий умысла нет у самого меня, и я знаю, что этим только хотят подвести ~~[illegible]~~ других "попутчиков". О подстерегании знают давно и потому никто не застрахован от какого-нибудь мушиного промаха. Чтоб из него потом сделали слона. Отечество мое ~~[illegible]~~ опутано до глубины злой клеветой, которую воздвигли на моих товарищей и на меня.

~~С [illegible]~~ Форма Сосновского ~~[illegible]~~ и приемы их борьбы отвратительны. Из всей этой истории нам больно только за то, что [illegible] по той статье, для того чтоб перервать ее, которая служила Вашим [illegible] к нам

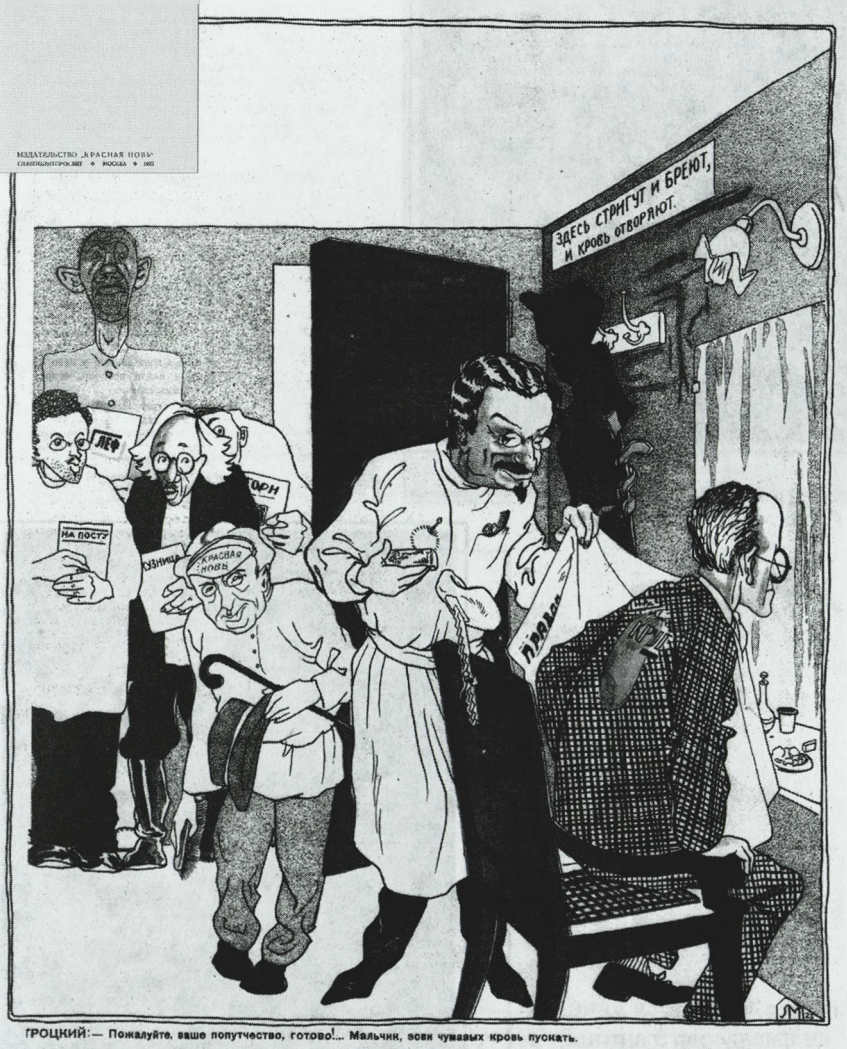
С.А.Есенин. Неотправленное письмо Л.Д.Троцкому.
Автограф. 22 или 23 ноября 1923.



Л.Д.Троцкий. Портрет работы Ю.Анненкова. 1923.



Л.Д.Троцкий. Литература и революция (М., 1923). Титульный лист книги.



Народная парикмахерская имени Белинского.
Рисунок Л. М. (Л.Межеричера) из журнала «Красный перец» (1923, № 12). В кресле – Б.Пильняк, крайний слева – Г.Лелевич, рядом с Л.Д.Троцким – А.К.Воронский.

И.Вардин. Фото. 1920-е.

Б.Волин. Фото. 1920-е.

Газета «Рабочая Москва». 1923. № 262. 22 ноября. Неподписанная заметка «Что у трезвого “попутчика” на уме...».

Что у трезвого „попутчика" на уме...

Во вторник вечером под председательством В. Брюсова, состоялось торжественное заседание посвященное пятилетию Всероссийского союза поэтов. После официальной части в клубе союза состоялась вечеринка.

Почему на этой вечеринке не были поэты П. Орешин, С. Есенин, С. Клычков и Ганин?

Это ясно из нижеследующего:

Около 10 часов вечера Демьяну Бедному на квартиру позвонил по телефону Есенин и стал просить заступничества. Дело оказалось в том, что четыре вышеназванных поэта находились в 47 отделении милиции.

На вопрос Демьяна Бедного, почему же они не на своем юбилее, Есенин стал объяснять:

— Понимаете, дорогой товарищ, по случаю праздника своего мы тут зашли в пивнушку. Ну, конечно, выпили. Стали говорить о жидах. Вы же, понимаете, дорогой товарищ, куда ни кинь — везде жиды. И в литературе все жиды. А тут подошел какой-то тип и привязался. Вызвали милиционеров, — и вот мы попали в милицию.

Демьян Бедный сказал:

— Да, дело нехорошее!

На что Есенин ответил:

— Какое уж тут хорошее, когда один жид четырех русских ведет.

Прервав на этом разговор с Есениным, тов. Демьян Бедный, дежурному комиссару по милиции и лицу, записавшему вышеназванных «русских людей», заявил:

— Я таким прохвостам не заступник.

Как нам стало известно, вышеозначенные юбиляры, переночевав ночь в милиции, были препровождены затем в ГПУ для допроса. Делу будет дан судебный ход.

Так кончился пир их бедою. А мы получили удовольствие узнать подлинные мысли четырех «попутчиков» ибо что у трезвого «попутчика» на уме, то у пьяных Есениных и Орешиных на языке.

Нашим читателям рабочим и особливо пролетарским поэтам надлежит отсюда сделать соответствующие выводы, а редакциям страницы коих украшаются великолепными произведениями вышеназванных юбиляров, мы подсказывать, что им делать — не будем: они, надеемся, сами решат этот вопрос.

Комхор братьев Пегасовых

(песновязь)

В пятую годовщину Всерос. союза поэтов четверо сукиных сынов — Есенин, Орешин, Клычков и Ганин, сели в одной из москов ки пивных, имея усладительный разговор „о нынешнем застое в литературе". Поэтам пришлось провести в 47-ом милицейском районе.

(Из газет)

I

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост..

Все живое особой метой
Отмечается с давних пор.
Если не был бы я поэтом,
То наверно был мошенник и вор.

(Стихи С. Клычкова)

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За бутылкой сидел в харчевне,
Разносил скверны и злость.
Все живое мётой особой
Отмечается с давних пор.
Если не был бы я идеалистом,
То наверно был мошенник и вор.
Умно—сидеть в милиции,
С похмелья стихи строчь...
Кругом — суровые лица
Пророчат мой двенадцатый час.

II.

Я сегодня хулиганил, как мог,
Я сегодня мешался до огня.

(П. Орешин)

Я сегодня апостризся, как мгла,
Меньшинство национальное брала.
Красовырь моих стихов... не помогла!
„Приспособили" в милицию меня...
Ах, друзья,—Есенин, Ганин и Клычков!..
Transit gloria.. Что было,— не вернуть!..
Пали жертвой мы набором язычков..
За границу что-ль, ребята, стрекануть?

III

Юность—пиво солодовое,
Без опохмелья дурь и.
Поле.. идиотка садовая..
Месяц.. на белый тротуе.

(С. Клычков)

Пиво—питье солодовое,
Без опохмелья думаю.
Муть .. голова стопудовая
Да языков—никомой.
Ганин скулит на Орешина..
Поэты Есенин костит...
Каша крутельно замешана —
В брюхо пути не хотят..

IV

. . . . . .

(Ганин)

Нам не счесть прорешки, не собрать клочков...

Где ты, Петр Орешин? Где, — Сергей Клычков?..

Где ж и ты, Есенин?! Опустел Парнас..
Ах! порой осенней коротил нас..
Был я прежде — Ганин, сеял красный гром.
Ныне опогавен песней про погром!..
Мой Пегас крылатый, почерствев, издох...
Запевай, ребята: «Ей жив.. гм! это сахов...
„Живой в гробу!".

Б. В. В.

Журнал «Зори» (Пг., 1923, № 6). Страница с пародиями на С.А.Есенина, П.В.Орешина, С.А.Клычкова и А.А.Ганина «Комхор братьев Пегасовых (песновязь)» (подпись: «Б. В. В.»).

Дело не только четырех поэтов.

В нашумевшем это дело четырех поэтов, «пишем», или выражаясь на суде—с виду маленьком деле. Были пылкие споры, оскорбление личности, доводы в милиции. Даже дежурный 47 района, тов. Лапин удостоверяет: самый обыкновенный случай; милиция видит такие комнаты десятками, и даже психологии одинаковая: сальются на две копейки, а скандалят на миллиард. Правда, была еще одна «мелочь»: антисемитизм, правда, тов. Лапину, как и многим другим, привыкшему услышать черносотенного порядка речь о еврейском засилии.

Четверо пьяных граждан выскались бы в милиции и, придется перед народным судом, понесли бы заслуженную кару за разжигание национальной розни. Четверо пьяных граждан на практике узнали бы, что советская Россия—не царская Русь.

Кто были эти граждане.

Но эти четверо граждан оказались поэтами Есениным, Ореховым, Клычковым и Ганиным; сотрудниками коммунистической и советской печати; авторами книг, изданных Госиздатом и другими нашими издательствами; являются представителями современной литературы СССР. Даже из этих граждан преследует не знание революционных поэтов; третий был до этого дела секретарем нашего крупного писателя. Всем им приходится сталкиваться со многими нашими редакциями и литературными организациями. При таких обстоятельствах дело четырех поэтов становится делом не только их, а всей советской общественности, всей современной литературы. Из тесных стен милиции оно перелетит в Дом Печати, на общественный суд, требующий центральным бюро оценки работников печати.

Суду удалось установить полностью как картину происшествия в пивной, и в милиции, так и общественный облик самих поэтов.

О чем говорили поэты в пивной.

Говорили о романе—о том, что один поэт не пустит к себе на порог другого; о диктатуре пролетариата, диктатор качества этой помощи в литературе или журнале; о плохих и хороших стихах. И о многом другом.

Среди многого другого, можно прочим, и о журнале «Россияне», который для этих поэтов представляет репутацию. Господин, и о том, что этот журнал будет самым настоящим русским, «российским», где сорей своим духом и взмусть не будет

Продолжение в милиции.

О замечательных загадках типов комнаты поэтов из сферы литературы и направлении журнала, имевшего выйти за советские деньги, вероятно, никто бы не узнал, если бы рядом случайно не сидел гражданин Ротшин, которому показались чересчур нагловаты разглагольствования соседей, которых он совершенно не знал.

С помощью двух (одного оказалось недостаточно) милиционеров гр. Ротшин привидит поэтов в милицию. Поэты не только не успокоились, а еще пуще, по выражению дежурного Лапина, «лезут скандалить». Оказывается, что и в милиции, которой они хорошо знают по другим инцидентам, тоже еврейское засилие. Происходит классический, уже известный из газет, разговор между Есениным и Демьяном Бедным.

Не на того напали.

Поэты пробовали обращаться во покровительствам и к другим партийным товарищам, но очевидно дело не вышло. Поэты-защитники ошиблись в Демьяне. Когда он узнал в чем дело, он отметил просто и ясно, волнующему милиционеру района:—Я таким помогачам не защитник. Поступайте с ними по закону.

Как держались поэты на суде.

Но если у них еще и были какой-какие сомнения в возмутительных поступках поэтов, то последние постарались доказать это своим выражением, если не сказать резче поведением на самом суде.

Они отрицали все. Не только показания гр. Ротшина, свидетельские показания, но даже содержание своего разговора с Демьяном Бедным. Из имеющихся, их показывают антисемитизм их тревог.

В то же время «Есенин ра ни дит много особенного в своем «деле»; Орешин считает разговор о нем вполне в литературе самой обычной беседой.

Не лучше впечатление производят и свидетели защиты. Особенно молодой Львов-Рогачевский пытающийся дать литературную характеристику Есенина. Орешина и других, как революционных поэтов. Тов. Сосновский адвокат замечает ему, что с такой же успехом Львов-Рогачевский про. вожденная революционное поэтов и Н. Клюева, яркого контр-революционера.

Кто то пытается спасти как-то дело и беспредметную выпивку Есенина.

Разно обращается на поэтов Демьян Бедный, который вполне заявляет, что если у него еще оставалось хорошее чувство и некоторые из обвиняемых поэтов, то их откровенное поведение на суде окончательно заставляет его смотреть на них с пренебрежением.

— Если из антисемитизма,—обращается он к четырем поэтам,—вы имеете мужество делайте об этом открыто.

Сущность дела

формулирует тов. Сосновский. Этот мелкий как будто случай—заявляет он—на самом деле показывает, что мы имеем дело с весьма опасной для общества болезнью. Как опытный врач по одному злокачественному нарыву определяет опасную болезнь, которая требует удаления больного, во избежание заражения других, так и мы по одному случаю в пивной, должны установить наличность глазных, недостойных советского гражданина явлений в нашей литературе. Эта гниль тем более опасна, что носителем ее являются сотрудники наших журналов и газет, что по ним некоторые будут судить о всей нашей литературе. Есенин, например, который сымет революционных поэтов, устраивал скандалы также и за границей. Помнят его антисемитские выходки Есенина в Америке. Мы не можем терпеть, чтобы он Есенину судили и литературе советской России.

Остальные поэты, вместо того, чтобы отмежеваться от Есенина с искренно раскаяться на суде, наоборот солидаризировались с держали себя вызывающе.

С этими явлениями, особенно с антисемитизмом, от которого некоторые часть литературы должны чем отделяться с здоровых времен; нужно бороться самым беспощадным образом.

Суд вынесет свое решение,

но уже сейчас можно сказать, что нашли бы на был примерно суда, кое что должно вмешаться в отношении наших органов и тех из своих сотрудников, которые недостаточно связаны с революцией и которые умеют защитную окраску свои истинные настроения под удобной маской «принятия» революции. Нужно быть, по крайней мере, осмотрительнее дать бы в выборе своих ближайших сотрудников.

Не менее показательно, что под разрушительное влияние литературной богемы подпадают и некоторые из наших партийных товарищей, которые поступили на суд защитниками Есенина и в лице его идеологических настроений оправдали такой своеобразный детский демарш.

— Помилуйте, какой же Есенин антисемит, когда у него были чуть ли не всегда любовницы евреи.

«Дело четырех поэтов» можно назвать делом, которому нужно раз навсегда выносить пли отсечь.

Слушатель.

Прав ли суд? К делу 4-х поэтов.

Пусть выказывается пролетарское литературное общественное мнение.

В «Правде» и в «Известиях» напечатан приговор по делу 4-х поэтов. По этому приговору поэтам Есенину, Орешину, Клычкову и Ганину за дебош в антисемитом вынесено общественное порицание.

Можно бы по существу и в этой части приговора спорить: безусловно надо было выделить Есенина, как застрельщика всей этой истории, не скрывая уже для него в предыдущими последних лет, и вынесть постановление, соответствующее хотя бы его вожделению на самом суде.

Но в еще большее недоумение приводит нас решение суда по поводу статьи тов. И. Сосновского, будто бы изложенная о мнении с тем поэтами на основании вещественных данных.

Наиборот. Данные, в имеющемся в деле протоколе и разговор Демьяна Бедного с Есениным по телефону давали вполне достаточный материал для статьи. Именно одиозные выходы Есенина в этом разговоре были самыми поворотными моментами во всей этой истории. И т. Сосновский был вполне прав, подняв вопрос о литературных правах поэтической богемы на страницах печати.

Что же касается того, что Сосновский не имел права использовать этот случай для нападок на некоторые из существующих группировок, то, во-первых, в имел на это право, а, во-вторых, дело тут не в Сосновском, а в «случае», который всегда будет быть те литературные группировки, в которых «случаются» — антиобщественный дебош и выход из антисемитского квартета.

Нельзя лишить в больной голове за здоровую и воспитанию помогающего литератора за возбуждение им дела, по которому сам суд вынес общественное порицание.

В этом суд извлек вдвойне.

Мы обращаемся поэтому к рабочим и пролетарским поэтам с предложением высказаться по данному вопросу и сказать:

1) Прав ли суд, вынесший всем одинаково только общественное порицание?

2) Прав ли суд, аналогизировавший поэтов в пивной и всех своих в советскую литературную семью?

3) Прав ли суд, вынесший всевозможные порицания т. Сосновскому за то, что он обрушился на хулиганов-поэтов?

4) Как бы поступила рабочая организация с рабочим или пролетарским поэтом, позволившим себе пьяный антисемитский дебош?

Рабочие, литмолодежь, литкружки, поэты и писатели, свяжите ваше слово.

Бор. Волин.

Публикации о «деле четырех поэтов» в центральных и московских газетах. 1923.

Прав ли суд?

К делу 4-х поэтов.

Один выход—тачка.

Вполне согласился с доводами тов. Волина, выдвинутыми им в статье: «Прав ли суд?» («Раб. Москва» № 234), поскольку я являюсь членом бюро рабкоров Рогожско-симоновского района, могу сказать от своего и избравших меня, что подобного приговора над 4-мя поэтами, ничего из нас не ожидая,

Мы, пятнающие журналисты, если и можем согласиться с судьями, то только по отношению к Орешину, Клычкову и Ганину; с Есениным же следовало поступать не иначе как мы, рабочие, поступали со своими мастерами до революции.

— На позорной тачке вывести его из нашей советской литературы—вот, что мы ждали от суда.

Пусть «тачка» его и прилепит.

Нашим же издательствам, мы должны сказать:

— Там, где будут печататься произведения Есенина, там мы не рабкоры, там мы и не журналисты.

Тов. Сосновского же его статья о хулиганах-поэтах, еще больше подняла в наших глазах.

Арбейтер.

Им нет места в нашей семье!

Тов. Волин пишет: прав ли суд?

Да, товарищи, прав ли суд, вынося такое постановление хулиганам-поэтам?

Мне скажут, что они работали в советской литературе. Да, работали, но что они всегда думали? Они мало того, что сами хулиганят, но и разводят еще таких же. Пролетарские поэты, неужели вы будете смотреть так же, как посмотрел на это дело суд?

Нет, если нам дороги идеалы коммунистической литературы, вы скажете решительно: разнузданным хулиганам вроде Есенина нет места в нашей семье!

Товарищеский привет Сосновскому за его мужество бороться с хулиганами.

А суд не прав!

Старый правдист
Сергей Ганькин.

Сосновский прав—суд неправ.

Так скажут, в ответ на вопрос т. Волина, рабкоры, так скажут литкружки. У нас есть умеющие, что Есенин опившийся, зарезавшийся пьяному ему не свидетель. Это видно было по его поведению на суде. Если господа (какие они нам товарищи) поэты Есенин и Ко называют себя революционерами, то как же они не создают своих поступков?

Суд признал, что в этих или иных и вынес общественное порицание. И чем же выносит Сосновский? В том, что написал резко, грубо? Так и должно быть! Можно защищать поэтов, принимая во внимание только тем обстоятельства, во Сосновский внеся правду, как рабкор, приводя голые факты (протоколы, телефон, разговор в машине).

Нос, рабкоры, так учат писать, в коммуне т-жи учатся именно так должны написать.

Тов. Сосновский прав и прав тов. Волин.

И. Минов.

3

Суд не прав!

К делу 4-х поэтов.

В редакцию поступает ряд отзывов на приговор суда по делу о четырех поэтах. Редакция приводит за недостатком места выдержки из них:

Тов. «Ковчег» из объединенного клуба «Красный быт» приводит мнение рабочих грузчиков и возчиков Дорогомиловского района. Когда на-дния торговка с базара назвала одного прохожего жидом,—ее немедленно забрали в комиссариат. И это—торговка, да еще старуха лет 60—65, а тут писатели — Есенин и др. Простое порицание, да, кроме того, порицание т. Сосновскому безусловно неправильно. Приговор должен быть пересмотрен.

Бюро литколлегии при Московской таможне заявляет, что приговор явился для литколлегии и рабкоров стенной газеты «Пробуждение» ошеломляющей неожиданностью. Все рабкоры были убеждены, что этим поэтам не место в советской литературной семье. Рабкоры всецело присоединяются к статье т. Сосновского.

Тов. Гольдебаев также находит, что суд был не прав. Тов. Сосновский в своей статье был безусловно прав. В приговоре суда сказалась известная «мягкость».

Мы требуем пересмотра.

(Местком рабочих и служащих „Известий ЦИК Союза ССР и ВЦИК").

Приговор товарищеского суда, вынесенный ЦБ секцией работников печати по так называемому делу четырех поэтов, мы считаем, с одной стороны, слишком мягким по отношению к обвиняемым поэтам, и, с другой стороны, неправильным в части оценки статьи тов. Сосновского, в которой поведение поэтов нашло должное осуждение.

Тов. Сосновский, по нашему мнению, имел полное основание поднять вопрос о недопустимом поступке четырех поэтов и требовать их осуждения.

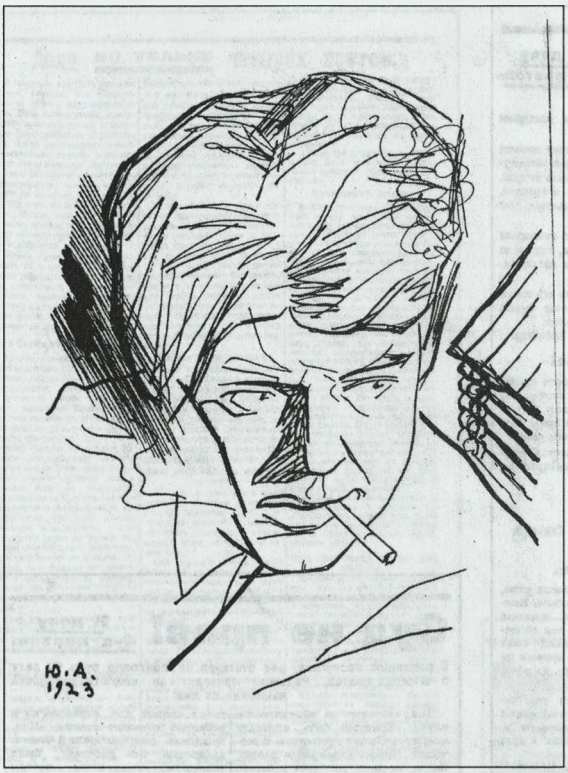
Дело должно быть пересмотрено при участии широкого представительства редакций газет, журналов, издательств и литколлегий под непосредственным контролем партии. Мы надеемся, что такой суд перенесет центр внимания не на вопросы о сведении литературных счетов, а на признаки морального разложения в известной части литераторов и найдет меры к искоренению пьяно-богемного быта.

В МБ работников печати.

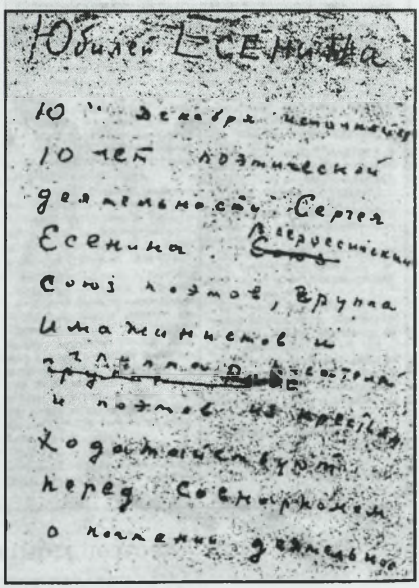
Пролетарский поэт А. Безыменский, член МБ, внес предложение, чтобы МБ в той или иной форме реагировало на приговор суда по делу 4-поэтов. Это предложение было отвергнуто всеми голосами против Безыменского.

Не имея возможности присутствовать на заседании МБ по внесенным предложениям тов. Безыменским, заявляю, что присоединяюсь к этому предложению.

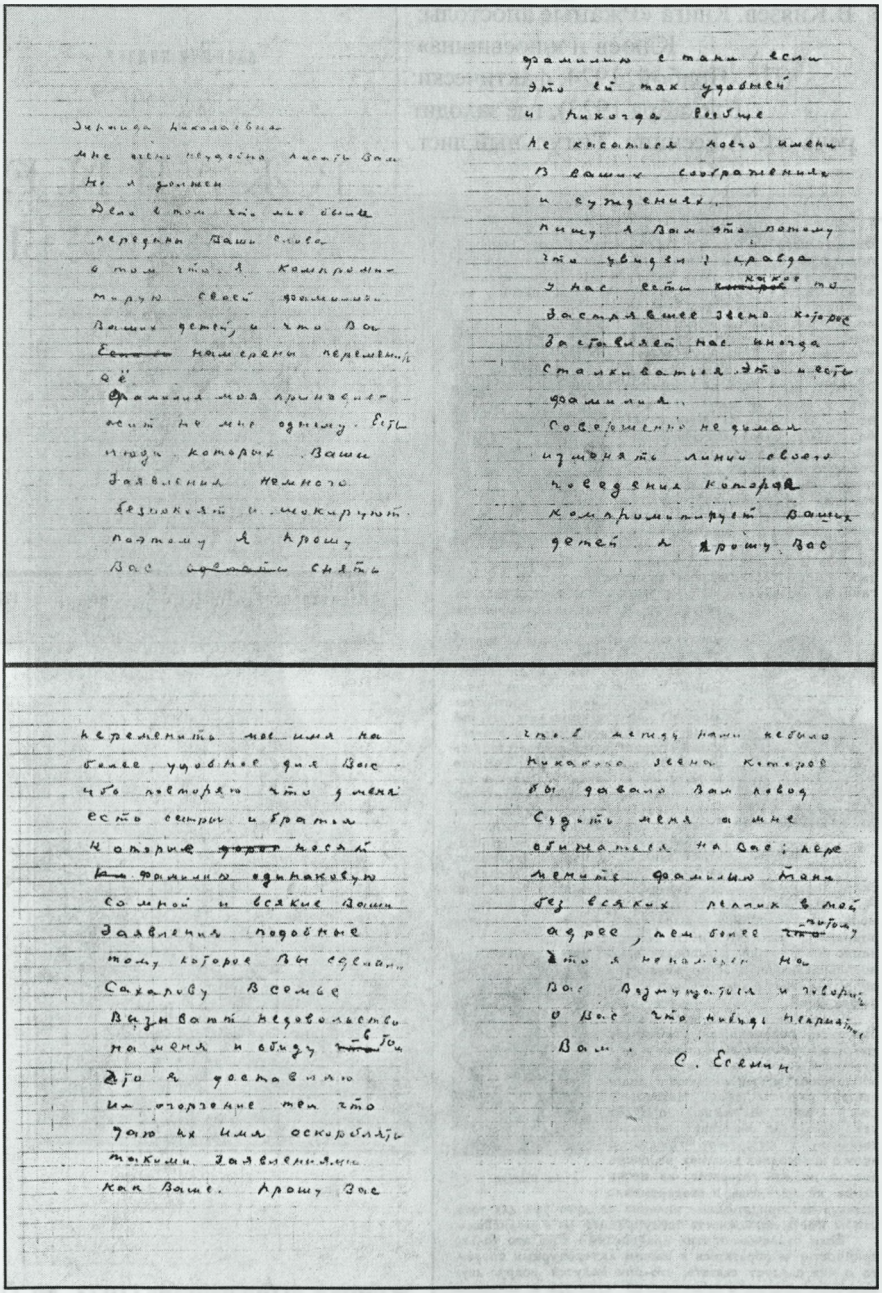
П. Баннов.



С.А.Есенин.
Рисунок Ю.Анненкова. 1923.

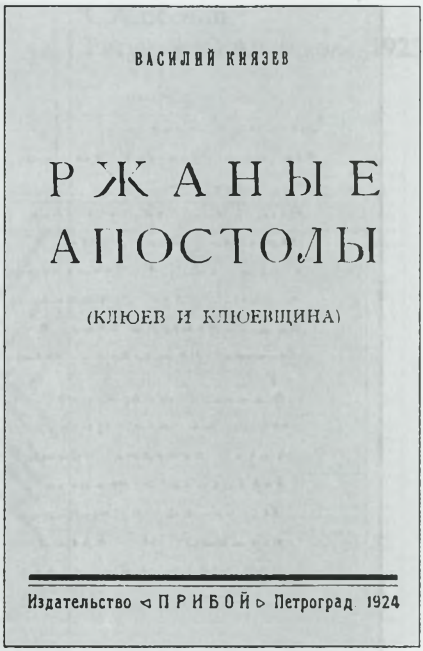

Юбилей Есенина
10 декабря исполнится
10 лет поэтической
деятельности Сергея
Есенина. Всероссийский
Союз поэтов, группа
Имажинистов и
и поэты из крестьян
Ходатайствуют
перед Совнаркомом
о признании

С.А.Есенин. Набросок обращения в связи с 10-летием своей творческой деятельности. Автограф. Конец ноября – начало декабря 1923.



С.А.Есенин. Неотправленное письмо к З.Н.Райх. Автограф. Конец 1923 – начало 1924.

В.Князев. Книга «Ржаные апостолы: Клюев и клюевщина» (Пг.: Прибой, 1924; фактически: 6 декабря 1923), где заходит речь о С.А.Есенине. Титульный лист.


ВАСИЛИЙ КНЯЗЕВ

РЖАНЫЕ АПОСТОЛЫ

(КЛЮЕВ И КЛЮЕВЩИНА)

Издательство ◁ ПРИБОЙ ▷ Петроград 1924

Беда, однако, начинается тогда, когда вместо широкой, подлинной политики начинается мелкое политиканство, когда литературная жизнь начинает засоряться мудными мелочами, дрязгами, суетой и возней, когда, наконец, это происходит и идет параллельно со штилем, а иногда и прямо с явным упадком в художественном творчестве и, главное, в общем жизненном тонусе. Так именно и обстоит дело сейчас. В смысле упадка этого жизненного тонуса весьма показательна „Москва кабацкая" Сергея Есенина. Эти страшные, мастерские и искренние стихи говорят о многом и являются очень своевременным предупреждением. В них нежная лиричность, тоска по клену, по полям, по ивам переплетается с прямым отчаянием, с уверенностью, что повту суждено погибнуть „на московских изогнутых улицах", с оправданием хулиганства, пусть уходящего,—с угаром московских кабаков, ресторанов и отдельных кабинетов. Конечно, очень легко отделаться, отмахнуться от этой „Москвы кабацкой" рассуждениями на тему об окончательном разложении таких „мужиковствующих" и „крестьянствующих" писателей, как Есенин, в противовес здоровой пролетарской литературной среде. К сожалению, все это в очень малой степени будет соответствовать истинному положению дел. Тот, кто внимателен и чуток ко многим настроениям наших пролетарских писателей, знает, что не случайно пишет Есенин о кабацкой Москве. Мы далеки от обобщений, от рискованных подытоживаний, но наличность есенинских настроений даже в среде пролетарских писателей иногда отрицать нельзя, и, если тов. Александровский пишет: „ну и пусть я для многих—мерзавец, проходимец и шарлатан", то тут—не простое подражание Есенину, а нечто несравненно более глубокое, наиболее ярко подчеркивающее и обнаруживающее общую закономерность в литературной жизни наших дней.

Всев. Иванов.

С. Т. Семёнов.

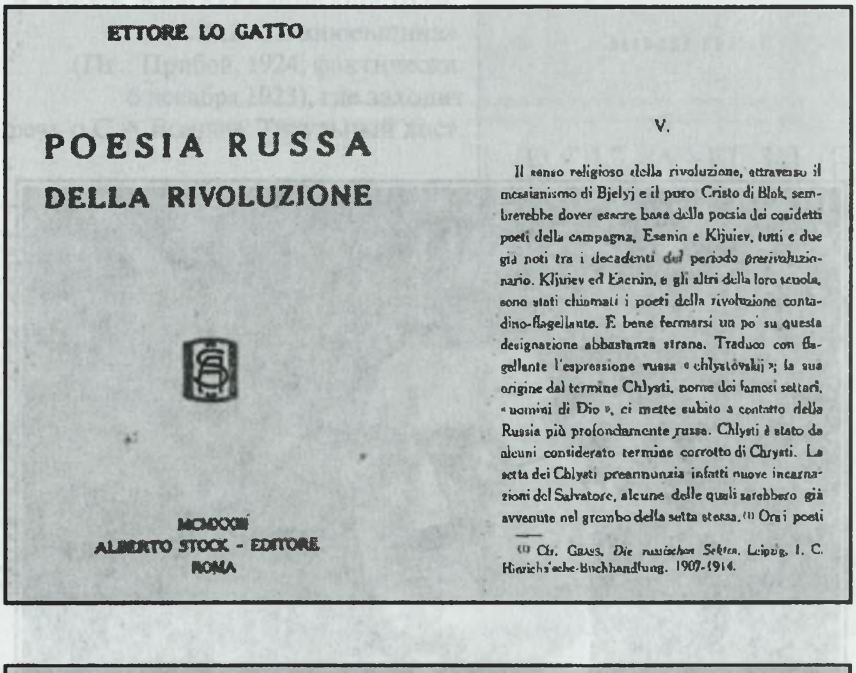
Ал. Неверов.

С другой стороны, нашей литературной полемике явно начинает грозить опасность выродиться в ряд судебных товарищеских судов, „разоблачений" и самых мелких и мельчайших личных склок. Некоторые опасные симптомы уже на лицо. Будет нехорошо, если они станут „бытовым явлением" в литературе. Писать об этом в новогодних заметках не очень весело, но, как говорится, из песни слова не выкинешь, и своевременно указать на отрицательные явления следует уже для того, чтобы иметь возможность предупредить их в дальнейшем.

Если отвлечься от этих крайностей—пока это только крайности—и обратиться к нашим литературным спорам, то о них следует сказать, что они ведутся вокруг двух вопросов: вопроса о пролетарской культуре и искусстве и вопроса о так называемых попутчиках. Одни считают, что задача дня в области литературы сводится к созданию пролетарского искусства в противовес искусству

Журнал «Прожектор» (1923, № 22). Фрагмент статьи А.К.Воронского «Дела литературные».

Этторе Ло Гатто. Портрет работы И.Э.Грабаря. 1931.



ETTORE LO GATTO

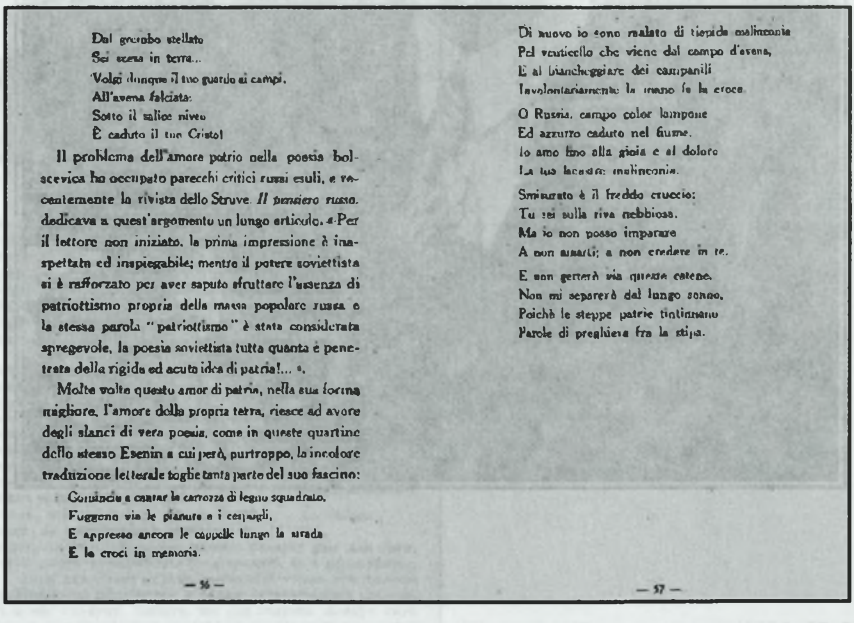
POESIA RUSSA
DELLA RIVOLUZIONE

MCMXXIII
ALBERTO STOCK - EDITORE
ROMA

V.

Il senso religioso della rivoluzione, attraverso il messianismo di Bjelyj e il puro Cristo di Blok, sembrerebbe dover essere base della poesia dei cosidetti poeti della campagna, Esenin e Kljuiev, tutti e due già noti tra i decadenti del periodo prerivoluzionario. Kljuiev ed Esenin, e gli altri della loro scuola, sono stati chiamati i poeti della rivoluzione contadino-flagellante. È bene fermarsi un po' su questa designazione abbastanza strana. Traduco con flagellante l'espressione russa « chlystóvskij »; la sua origine dal termine Chlysti, nome dei famosi settari, « uomini di Dio », ci mette subito a contatto della Russia più profondamente russa. Chlysti è stato da alcuni considerato termine corrotto di Chrysti. La setta dei Chlysti preannunzia infatti nuove incarnazioni del Salvatore, alcune delle quali sarebbero già avvenute nel grembo della setta stessa. (1) Ora i poeti

(1) Cfr. Gmelin, *Die russischen Sekten*. Leipzig, I. C. Hinrichs'sche Buchhandlung. 1907-1914.



Dal grembo stellato
Sei scesa in terra...
Volgi dunque il tuo guardo ai campi,
All'avena falciata:
Sotto il salice niveo
È caduto il tuo Cristo!

Il problema dell'amore patrio nella poesia bolscevica ha occupato parecchi critici russi esuli, e recentemente la rivista dello Struve, *Il pensiero russo*, dedicava a quest'argomento un lungo articolo. « Per il lettore non iniziato, la prima impressione è inaspettata ed inspiegabile; mentre il potere sovietista si è rafforzato per aver saputo sfruttare l'assenza di patriottismo propria della massa popolare russa e la stessa parola "patriottismo" è stata considerata spregevole, la poesia sovietista tutta quanta è penetrata della rigida ed acuta idea di patria!... ».

Molte volte questo amor di patria, nella sua forma migliore, l'amore della propria terra, riesce ad avere degli slanci di vera poesia, come in queste quartine dello stesso Esenin a cui però, purtroppo, la incolore traduzione letterale toglie tanta parte del suo fascino:

Comincia a cantar la carrozza di legno squadrato,
Fuggono via le pianure e i cespugli,
E appresso ancora le cappelle lungo la strada
E le croci in memoria.

— 56 —

Di nuovo io sono malato di tristezza malinconia
Pel venticello che viene dal campo d'avena,
E al biancheggiare dei campanili
Involontariamente la mano fa la croce.

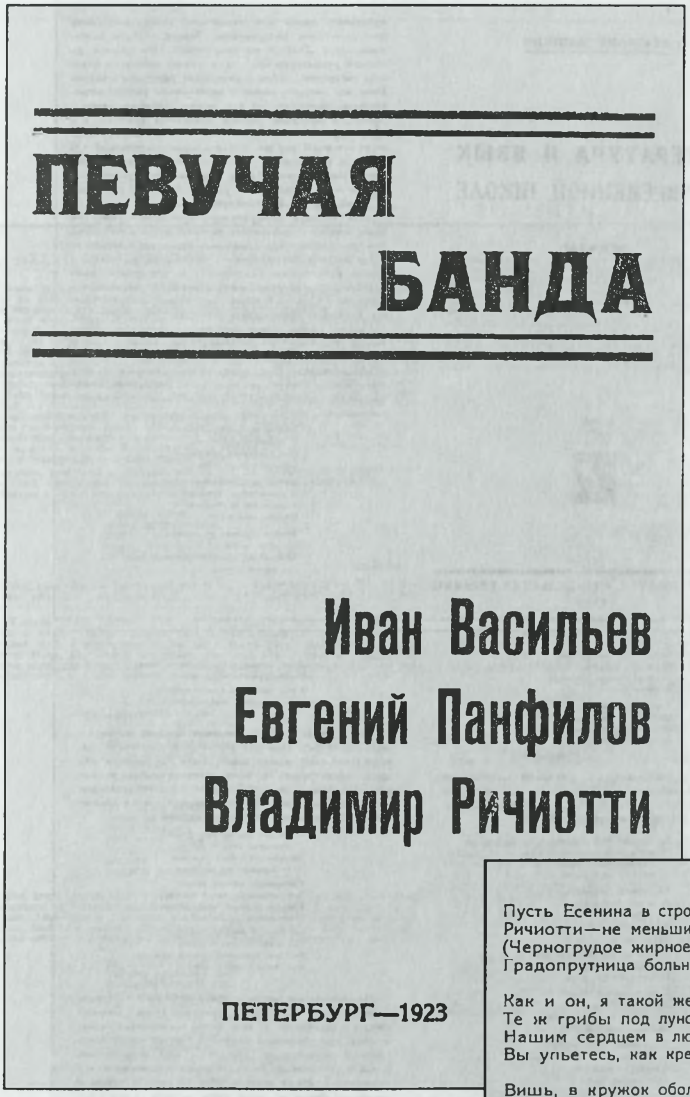
O Russia, campo color lampone
Ed azzurro caduto nel fiume,
Io amo il tuo alla gioia e al dolore
La tua tristezza: malinconia.

Smisurato è il freddo cruccio:
Tu sei sulla riva nebbiosa.
Ma io non posso imparare
A non amarti; a non credere in te.

E non getterò via queste catene.
Non mi separerò dal lungo sonno,
Poichè le steppe patrie tintinnano
Parole di preghiera fra la stipa.

— 57 —

Этторе Ло Гатто. Русская поэзия о революции (Poesia russa della rivoluzione, Roma, 1923). Обложка и страницы раздела 5, где речь идет о С.А.Есенине.



Пусть Есенина в строках ловят,
Ричиотти—не меньший чорт.
(Черногрудое жирное поле
Градопрутница больно сечет).

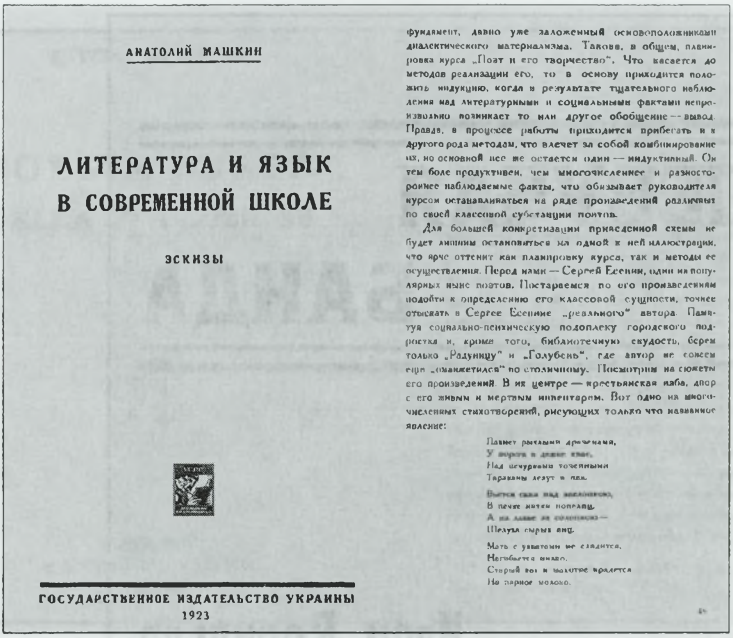
Как и он, я такой же кочевник,
Те ж грибы под луною берем.
Нашим сердцем в любой харчевне
Вы упьетесь, как крепким вином.

Вишь, в кружок оболванены волосы,
А под воротом тела хлеб.
Те же песни иным лишь голосом,
Повторяю на сходке в селе.

Эка, невидаль—пальцами тычет,
Что запел на равне с другим.
У меня в глазенапах бычьих
Тоже плещутся песен струги.

Значит дай расплескаться словом
И по строкам босым походить
И в твою бестолковую голову
Мои умные песни налить.

Коллективный сборник И.Васильева, Е.Панфилова, В.Ричиотти «Певучая банда» (Пб., 1923). Обложка и стихотворение В.Ричиотти «Пусть Есенина в строках ловят...».



АНАТОЛИЙ МАШКИН

ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

ЭСКИЗЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1923

фундамент, давно уже заложенный основоположниками диалектического материализма. Таковы, в общем, плановировка курса „Поэт и его творчество". Что касается до методов реализации его, то в основу приходится положить индукцию, когда в результате тщательного наблюдения над литературными и социальными фактами непременно возникает то или другое обобщение — вывод. Правда, в процессе работы приходится прибегать и к другого рода методам, что влечет за собой комбинирование их, но основной все же остается один — индуктивный. Он тем более продуктивен, чем многочисленнее и разностороннее наблюдаемые факты, что обязывает руководителя курсом останавливаться на ряде произведений различных по своей классовой субстанции поэтов.

Для большей конкретизации приведенной схемы не будет лишним остановиться на одной к ней иллюстрации, что ярче оттенит как плановировку курса, так и методы ее осуществления. Перед нами — Сергей Есенин, один из популярных ныне поэтов. Постараемся по его произведениям подойти к определению его классовой сущности, точнее отыскать в Сергее Есенине „реального" автора. Памятуя социально-психическую подоплеку городского подпасичка и, кроме того, библиотечную скудость, берем только „Радуницу" и „Голубень", где автор не совсем еще „ознакомился" по-столичному. Посмотрим на сюжеты его произведений. В их центре — крестьянская изба, двор с его живым и мертвым инвентарем. Вот одно из многочисленных стихотворений, рисующих только что названное явление:

Плывет рекламы дрянь
У окон в дешевых язык,
Над штурвалом тошнотными
Тараканы лезут в лак.

Бьется сажа над паяльною,
В печке жиром поправив,
А на лавке за сопящими —
Шелуха сырых яиц.

Мать с увальнем не ссудится,
Неспособен внучок.
Старый пес в молотое крадется
На парное молоко.

Таковы типичные произведения Есенина, рисующего деревенский быт, скорее — деревенскую идиллию. В подтверждение этой мысли можно было бы привести ряд других иллюстраций, но здесь делать это излишне, так как речь идет лишь о самой постановке курса, о его тенденции, а не о его наполнении. Впрочем, мирный покой и довольство сельской жизни все же не нарушаются:

Полетная под навесом оглашает
Отточенным нотам на войну
Загнувшая бабы глазодевье
Плач вприпляс вдруг тишину.
Собираясь мирные пожары
Без печали, без жалоб и слез
Клади в суточок пашет на сохе
И писали на кряжистый зов
По сеху до высокой вольницы,
Провожал на отдых наряд
Вот где, Русь, твои добрые молодцы
Все опоры в родимых мозолях.
(„Русь")

Но деревенский быт не исчерпывается датой и табунами коней, кротким Спасом и душистыми лугами, девичьим смехом и тальянкой. С этим бытом органически сроднился легенда про угодников божьих и других членов божественной иерархии до кротового Спаса включительно. Здесь и путешествие господа-бога в одеянии нищего, его испытания людской веры и доброты, здесь и мать с прочитым сыном на руках, посылающая его в мир; здесь и лапотках и „милостник" Микола, с котомкой за плечами и с посохом в руке, бредет по земле для защиты скорбящих „вытерзанного" люда; здесь Сергей Есенин видит и своего рыжего деда, который с небеси сеет благочестивые сентенции. Сказители как бы вводят в житейский обиход деревни поэта, сроднились с ней, что отражается даже в поэтическом стиле, где так часто встречается „сказочный ветер" и рябиновый куст напоминает „язык красное пирожного приста". Без малейшей бытовой

Кличут вьюги беспокойные
Над осыпью сена,
На дворе обедню стройную
Запевают ветры.

А в окне на сени скатные,
От пуховой шумоты,
Из углов сумки чудотные
Выползают в ковуты.

(Радуница, 14).

Если здесь идет речь об отдельном крестьянском хозяйстве, то ряд других произведений того же автора рисуют деревню в целом: ее быт, природу, ее окружающую. Вот одно из таких стихотворений:

Гой ты, Русь моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь поит глаза.

Как пасущий богомольно
И смотрю твои поля.
А у вишневого оврага
Звонко чащут тополя.

Пахнет яблоком и медом,
По церквам твой кроткий Спас
И идут по хороводам
На лугах веселый пляс.

Побегу по мягкой стежке
На приволье зеленых лет,
Мне повстречу, как сережки,
Призывной девичий смех.

Если кровью рать святая
— Кинь ты Русь, живым в рай!
Я скажу: не надо рая,
Дайте родину мою.

(Там же, 16).

Такую деревенскую идиллию дополняет ряд других произведений поэта. Чтобы не утомлять читателя, приведем лишь небольшую цитату из стихотворения „Табун". Вот она:

Пылью полнится. Тихо на душе.
Пастух играет песню на рожке.

Успокоясь обоим, глушит табун.
Что ни поет возвратный гармонь.

А что резвое, скользкую по ее губам
Уносит душу их в неведомые луга.
Любя твой день и ночи тенекоту,
Тебя, о родина, словно я весну, ту.

(Голубень, 41)

N. MELNIKOVÁ-PAPOUŠKOVÁ: SERGĚJ JESENIN

Rusko je zemí zatemnělou, říkali ruští liberálové a tuto přijatou formuli rádo po nich opakovalo množství cizinců, kteří nepřijížděli do Ruska s láskou. Tak mu zůstala tato pověst, hodící se ostatně mnohým, neboť v Evropě zmocnilo se téměř všech manie »Kulturträgerstvse, nerozlišující pojem kultury a civilisace a házející do jednoho pytle železné mosty, karáčky na zuby, límečky a gramofony. Tato výtka nejlatí jen těm, kdož šili mimo hranice Ruska, nýbrž i těm, kteří byli jeho členy, jeho dětmi. Ano, Rusko je zemí temnou, ale tato temnota je podivná a neobyčejná. Po devět měsíců je neproniknutelná noc, a po tři měsíce slunce nezapadá. A tak je ve všem. V životě: pozemský ráj. Bůh, zločin, krev; v umění: dadaism, nejčistší rytmus, prodejné péro, schopnost zemříti pro slovo. Je třeba dovest jen vybrati si a potom rouhání často mění se v žalmy, ve chválu.

Tak i v letech obrvátšté krutého boje, kdy vše, jak se zdálo, soustředilo se na změření nepřítele, vyšel z vesnice plavý chlapec, básník Sergěj Jesenin; dýše z něho nejen ruská vesnice, nýbrž i čistá slovanskost, v níž smíšelo se veselé pohanství s nadšeným křesťanstvím; podívá se a nevěš, kdo to jde, kdo zpívá, zda Bůh-slunce. Jarila, nebo člověk boží, putující ke svatým místům; ve všech jeho koutcích, v jeho revolučním krutosti cítíš ohromnou zpěvnou sílu.

Jesenin, jenž vyšel ze severních zeměků, t. j. nejpůvodnějšího a nejpevnějšího prostředí, není spojen jen mozkem, nýbrž všemi city, všemi zachvěvy duše s Ruskem a všemi jeho pozemskými projevy.

Ja ljubljú rodinu,
Ja očeń ljubljú rodinu,
Choť jesť v nej grusti tvovaju ržav.
Prijatny mně svinéj ispačkannyja ryla,
I v tišině nočnoj zrečaščéj golos žab.
(Ispovedí chuligana.)

Miluji svou vlast. — Velmi miluji svou vlast. — Vzdor její ra jivového smutku. — Mně příjemné jsou nápinné rypáky svíní — a v noční tišině zvonivé hlasy žab.

V tomto ohledu pokračuje v nejlepší tradici ruských básníků, počínajíci Puškinem a končící Blokem, kteří milovali o slučkosti dýmu otčiny, o bezmezné lásce k žebráckému Rusku, jehož ubohé písně jsou sladké, jako zlý první lásky. Ale Jesenin není snílek, chce vzíti vše do rukou, ohmatati, dáti tomu obyčejnou životní formu a naplniti ji vyšším náboženským obsahem; proto miluje nejen to Rusko, které dřímá ve své veselé teskmotě, ale i to pevné, nové

Ó Rusí Malinovaje pole,
I síň upravšaja v řeku.
Ljubiju do ruínosti do bolí
Tvoju otermuju tosku.
Cholodnoj skorbi nelzměřiť,
Ty na tumannom beregu,
No ne ljubiť těbja, ne věriť
Ja naučiťsa nemogu.
(Zvonění tesannanyje drogt.)

|Ó Rusi, mé malinové pole,
modří, jež upadla'e v řeku.
Miluji radostně i trpce
tvou jasnou zasmutilost.
Ty's na mlhavém břehu,
nemilovi Tebe, nevěřit Ti —
naučit se přece nemohu.]

Rusko, které zamává křídly a půjde do nové stepi s jiným jménem. Ale v tomto Jeseninově je beredná směsice veselosti a smutku, jejichž hranice je těžko vymeziti. Jeho duše je jako ruská píseň, dýšící bujnou odvahou a zoufalou teskmotou. Aniž sám pozoruje, zdůrazňuje postupně hrzy ten, či onen element, uplné se mu oddává a povaluje jej za výbradné výtenamný a rozhodující pro Rusko.

Zvení, zvení zolotaja Rus.
Volnujsa neujemnyj větěr!
Blažen kto radostju otmětil
Tvoju pastušeskuju gruť.
Zvení, zvení zolotaja Rus.
(O věrju, věrju sčastje jest' ...).

|Zvoň, zvoň zlaté Rusko,
bouři se nezadržitelný větrc!
Je blaze tomu, kdo s radostí pozná
tvoj pastýřský smutek.
Zvoň, zvoň zlaté Rusko.|

Zvláště výrazně a ochvatně mluví Jesenin o vlasti v básni »Rusko«, kde uchvacuji srdce slova o chaloupkách, lesích, o bubenych vlcích, zenokosech, sykotu komárů a o tom, že básník miluje svou krotkou vlast, proč však nemůže nijak uhádnouti. Ale to nejsou všechny poémy, které Jesenin spojuje s jménem své země; také cosi mimořádně duchovního, božského a dokonce církevního považuje za základ, na němž stojí Rus. Jesenin dívá se na Rus ponékud sektansky, ponékud slovanofilsky, očekává věčné, že sestoupí na ni duch Boží a věří v její vyvolené předurčení. Cítí ženskost své vlasti a proto prorokuje, že nerělesní se v ní Kristus, nýbrž Bohorodička. Jesenin je svým vědectvím a filosofickým vzdělánim dalek V. Solovjevovi a neoslovenofilům, kteří říkají nice jiného, ale vidí uskutečnění v čtvrté božské hypostasi — Sofii. V podstatě, ve věře rozdílu však není.

O Rus prisnoděva,
Poprovsjaja smerti
Iz zvězdnago čreva
Sošla ty na tverď.
Vozri ře na nivy,
Na stalyj ověs, —
Pod snežnoju tvoj
Upal Tvoj Christos!
(Prišestvije.)

|Ó, Rusi, přesvětlá děvo,
jež potřela jsi smrť!
Z hvězdného lůna
sestoupila jsi na souš.
Pohleď však na nivy,
na zkosený oves, —
pod sněžnou jívou
klesl Tvůj Kristus.|

Z uvedených úryvků je možno viděti, že S. Jesenin nemá přesné a konkrétní představy přes svou náklonnost k konstantinému, za to však že pevně věří a díky víře, že bez omylu poznává, co je pravda a co lež a co je nutno říkati i dělati.

Dovede pochopiti hlas země, současně však nemůže setřesti pochyby, a jedině je mu jasné a nesporné, že přes všechny možné nástrahy a útoky

I Rus vse tak že budět žiť
pljasať i plakať u zabora.

|Rus přece jen bude žít,
tančit a plakat u plotu.|

V takovém případě nezbývá mu než věčné sloužiti svému božství a Jesenin nebojácně si vybrání tuto cestu, prohlásiv hlasitě:

Rus moja, děrevjannaja Rus!
Ja odin tvoj pěvec i glašatyj.

(Má Rusi, Rusi dřevěná,
jsem jediným tvým pěvcem a hlasatelem.)

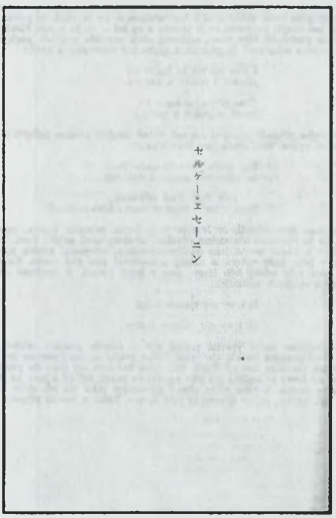
Je možno nesouhlasiti, že Jesenin je jediným pěvcem Ruska, nelze však než uznati, že je skutečně hlasatelem dřevěné, chaloupkové selské Rusi, kterou nikdo tak dobře a blízko nezná jako on. Nevychvaluje, nenávidí Rusko, nýbrž pohrouženě se v jeho živly vybírá si nálady a materiál pro své verše. Každá travička, kráva, pes, celý selský běh života jsou v jeho poesii. A správně mluví o sobě a druhých selských básnících:

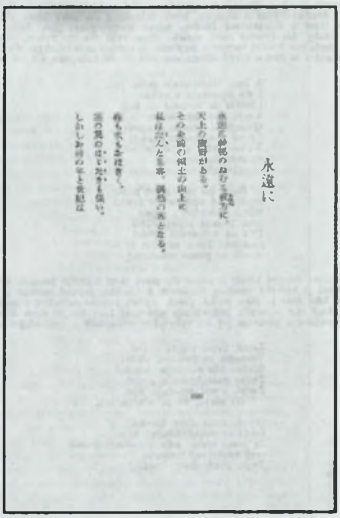
Iz trav my vyšem knigi.

|Z trav my vašeme knihy.|

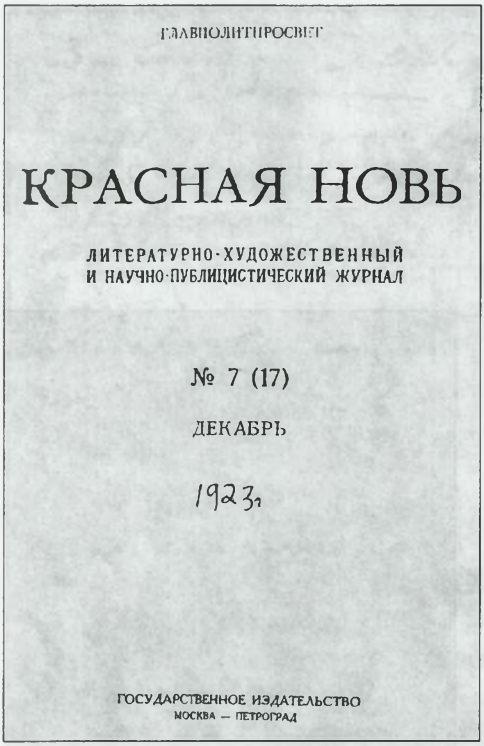
Z posledního verše vyzvítá jasněji než z celých svazků základ Jeseninovy tvorby. Je básníkem Ruska, ale pouze Ruska selského, ba dokonce jen mužského. Zajímá ho vesnické ustrojí života, celý jeho koloběh od jara do podzimu a opět do jara, na který se nedívá jen jako na těžkou práci, nýbrž i jako na službu Bohu, na tvorbu života. V jeho očích ožívají předměty jako na př. chléb a zvířata — kráva, psi, kočky, vrány úžasní se pitě života. Také v tomto případě samostatně

Журнал «Host» (Praha, rog II, 1923, № 3–5).
Фрагмент статьи Н. Мельниковой-Папоушковой «Sergej Jesenin».





«Собрание стихотворений рабоче-крестьянской России» («Роно Росия сисю», Токио, 1923, перевод на японский язык и предисловие Кэйси Осэ). Переплет и титульный лист книги, оформленные художником с неустановленной фамилией по имени Сэйчо (в современной транскрипции – Сэйтё); шмуцтитул есенинской подборки («Сергей Есенин») и первая ее страница с началом стихотворения «Там, где вечно дремлет тайна…». Собрание г-жи Татиэ Миямото (Токио).



ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ

КРАСНАЯ НОВЬ

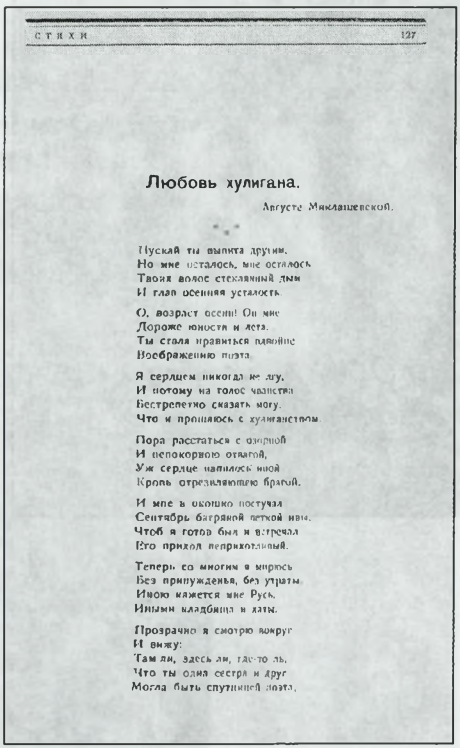
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 7 (17)

ДЕКАБРЬ

1923

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД



СТИХИ 127

Любовь хулигана.

Августе Миклашевской.

* * *

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

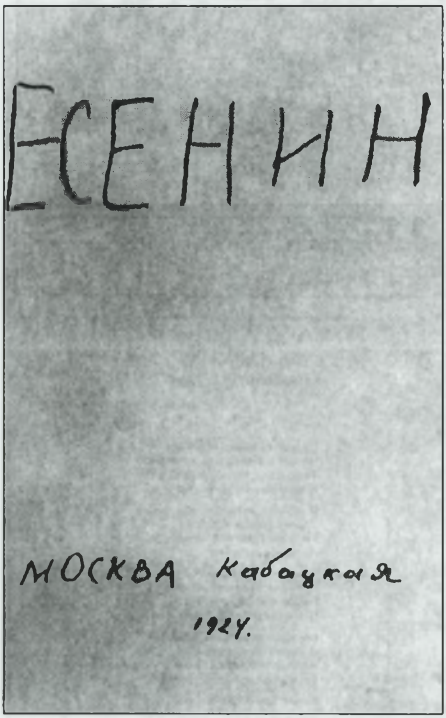
Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой,
Уж сердце напилось иной
Кровь отрезвляющею брагой.

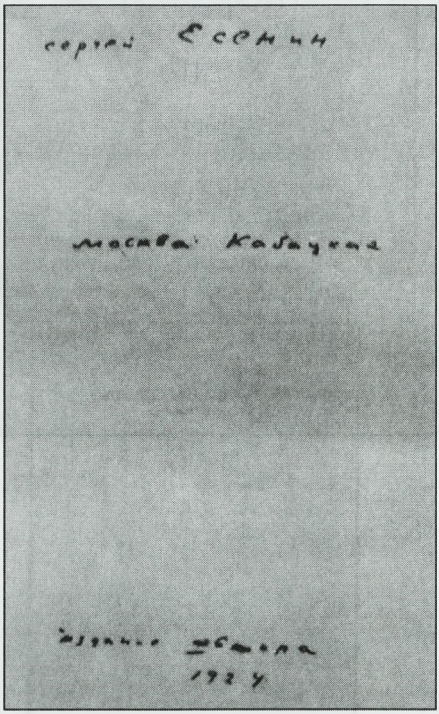
И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы.
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными кладбища и хаты.

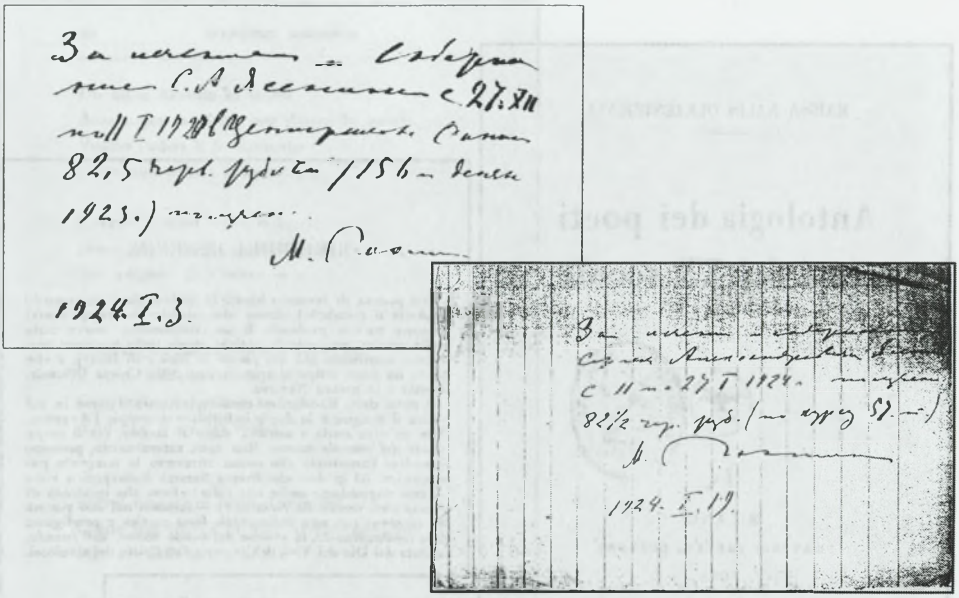
Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу:
Там ли, здесь ли, так-то ль,
Что ты одна сестра и друг
Могла быть спутницей поэта.

Журнал «Красная новь» (1923, № 7).
Титульный лист и страница с публикацией стихотворений
С.А.Есенина из цикла «Любовь хулигана». Фрагмент.

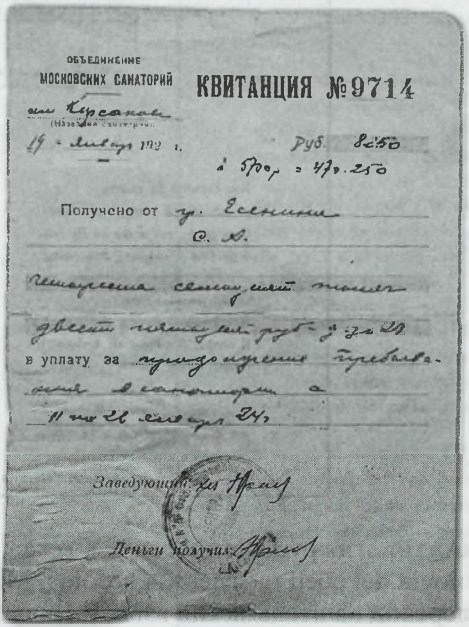




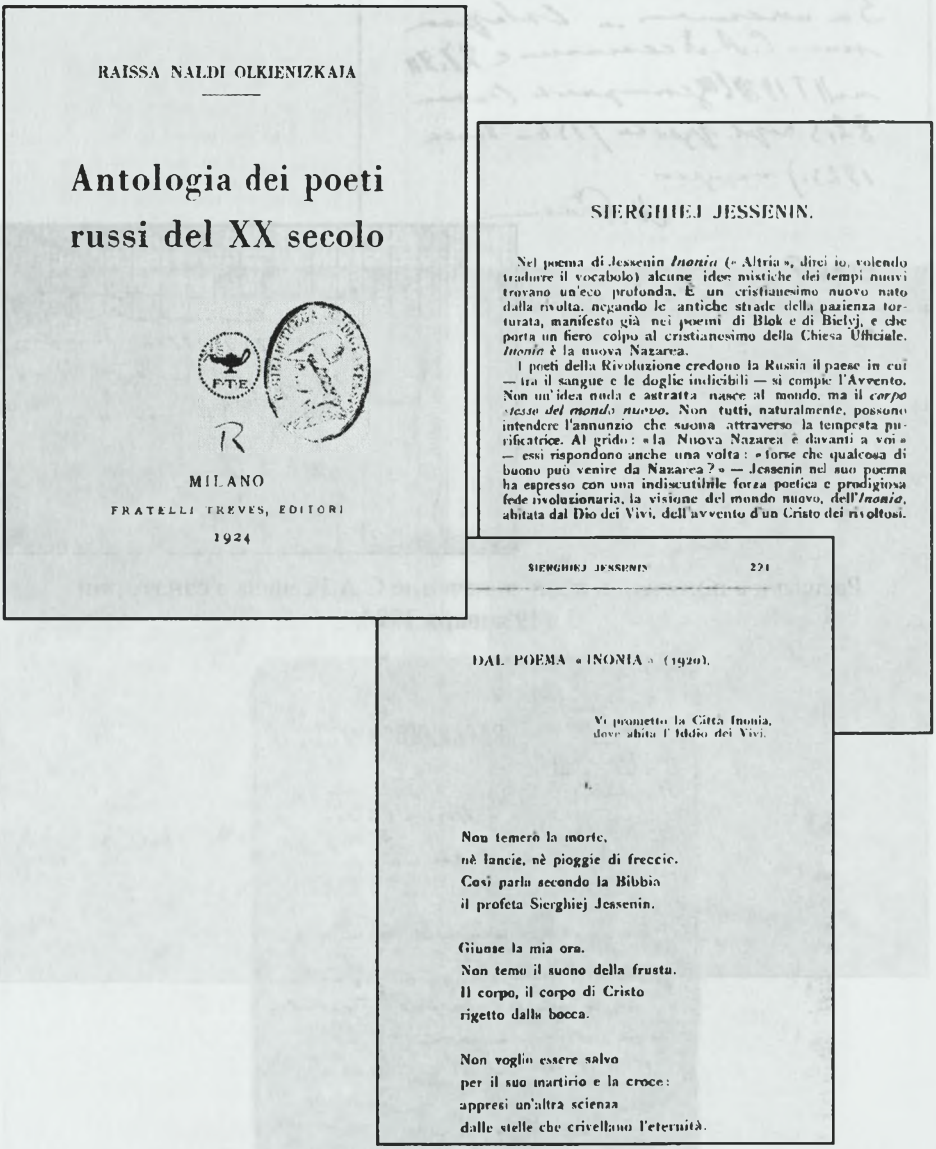
С.А.Есенин. Москва кабацкая. Фрагменты авторского макета книги: обложка и титульный лист. Автографы. Начало 1924.



Расписки в получении денег за лечение С.А.Есенина в санатории.
3 и 19 января 1924.



Квитанция, выписанная при оплате пребывания С.А.Есенина в санатории.
19 января 1924.



RAISSA NALDI OLKIENIZKAJA

Antologia dei poeti russi del XX secolo

MILANO
FRATELLI TREVES, EDITORI
1924

SIERGHIEJ JESSENIN.

Nel poema di Jessenin *Inonia* (« Altria », direi io, volendo tradurre il vocabolo) alcune idee mistiche dei tempi nuovi trovano un'eco profonda. È un cristianesimo nuovo nato dalla rivolta, negando le antiche strade della pazienza torturata, manifesto già nei poemi di Blok e di Bielyj, e che porta un fiero colpo al cristianesimo della Chiesa Ufficiale. *Inonia* è la nuova Nazarea.

I poeti della Rivoluzione credono la Russia il paese in cui — tra il sangue e le doglie indicibili — si compie l'Avvento. Non un'idea nuda e astratta nasce al mondo, ma il *corpo stesso del mondo nuovo*. Non tutti, naturalmente, possono intendere l'annunzio che suona attraverso la tempesta purificatrice. Al grido: « la Nuova Nazarea è davanti a voi » — essi rispondono anche una volta: « forse che qualcosa di buono può venire da Nazarea? » — Jessenin nel suo poema ha espresso con una indiscutibile forza poetica e prodigiosa fede rivoluzionaria, la visione del mondo nuovo, dell'*Inonia*, abitata dal Dio dei Vivi, dell'avvento d'un Cristo dei rivoltosi.

SIERGHIEJ JESSENIN 221

DAL POEMA « INONIA » (1920).

Vi prometto la Città Inonia,
dove abita l'Iddio dei Vivi.

I.

Non temerò la morte,
nè lancie, nè pioggie di freccie.
Così parla secondo la Bibbia
il profeta Sierghiej Jesenin.

Giunse la mia ora.
Non temo il suono della frusta.
Il corpo, il corpo di Cristo
rigetto dalla bocca.

Non voglio essere salvo
per il suo martirio e la croce:
appresi un'altra scienza
dalle stelle che crivellano l'eternità.

«Антология русских поэтов XX века»
(«Antologia dei poeti russi del XX secolo», Milano,
1924, составление и перевод на итальянский язык Р.Нальди-Олькиеницкой).
Титульный лист, заметка переводчицы «Сергей Есенин» и страницы
перевода фрагментов поэмы «Инония».

222 SIERGHIEJ JESSENIN

Un altro Avvento io scorsi
dove sopra la verità non danza la morte.
Voglio radere il firmamento
come una pecora scabbiosa.

Leverò le mani verso la luna,
come una noce la spezzerò coi denti:
non voglio i cieli senza le scale,
non voglio che cada la neve.

Non voglio che conosca il cruccio
il volto dell'alba sui laghi.
Oggi come la gallina mi sgravo
d'un ovo d'oro del verbo.

Oggi con la mano elastica
potrei rovesciare tutto il mondo....
Come una bufera di neve si sparpagliano
otto ali dalle mie spalle.

Camminо sulle nuvole come su un campo di grano,
pendendo con la testa in giù.
Sento lo scroscio della pioggia azzurra
e il fischio degli astri becchi - fini.

SIERGHIEJ JESSENIN 223

Mi specchio negli abissi turchini
dei miei laghi lontani.
Io ti vedo, Inonia,
con i capelli dorati dei monti.

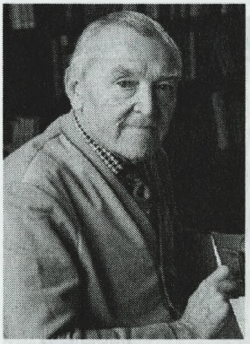
Vedo le tue messi e le isbe,
sulla soglia la madre - vecchietta;
ella cerca d'afferrare con le dita
il raggio del tramonto.

Lo terrà stretto alla finestra,
l'acchiapperà sulla propria gobba,
ma il sole, come una gatta,
tira il gomitolo verso di sè.

E piano, al mormorio del fiume,
nella sottana dell'eco delle sponde,
gocciola dai monti la canzone
come da una candela non vista.

Бор. Ефимов. Кошмарный сон коммуниста после дискуссионного собрания.
Фрагмент рисунка (журнал «Крокодил», 1924, № 1).
Справа вверху – Л.Сосновский и С.Есенин.

Л.М.Клейнборт. Книга «Очерки рабочей журналистики: 1873–1923 гг.» (1924), в которой есть страницы, посвященные С.А.Есенину. Обложка.



Франтишек Кубка. Фото.

František Kubka:

BÁSNÍCI DNEŠNÍHO RUSKA.

(Charakteristiky.)

I.

Sergěj Jesenin.

Synek nejchudších vesnic na Rusi. Z rjazanské gubernie. Jeho dětství obklopovala bídná jizba, dřevěný stůl se samovarem, lavice u pece a hlínou zalepené stěny.

V rjazaňské gubernii chodí se jen v slaměných laptách, podobných srbským opánkům, v dlouhém hnědém kožichu. Jaro bývá ohnivě krásné červenými šátky žen a vlčími máky na rovině promítnuté od obzoru k obzoru jedinou kvetoucí plochou. Chudoba vesnic, nezměrná.

dálka prostorů přelety kachen nad močály. Píseň dávčat pod kvetoucími bezy. Větrný mlýn. Bílá a zelená církev, kdo se za hřmění zvonů slaví Pascha.

V černých jizbách za noci sektantské schůze. Vášnivá mystika primérních pudů. Extase chlystovských bohoslužeb. Tajemná, pronásledovaná shromáždění mužíků, opojených vodkou a štěnych vydražděnou orientální modloslužbou, připomínající kult Astarty. Neznámá, „opojená, mystická, jurodivá (tak zní zvláštní výraz pro parsifalskou „reine Torheit") v Kristu Rus . . . " — To je ovzduší, ve kterém žil vesnický hoch Jesenin.

Nezapomenul na tuto Rus, ani když za války vešel do literárních kroužků moskevského křídla futuristů — k imažinistům. Imažinismem jehož theoretikem je Vadim Šeršeněvič) rozkládá svět na obrazy. Inspiruje se ryze visuálně a vidí revoluci pocsio v revoluci formy. Vnáší do anarchického (zvukomalebného) stilu futurismu kulturu obrazu. Zhutňuje rozložený svět znovu. Řadí vedle sebe výjevové počitky seskupené v názorné obrazy. Srovnává, zosobňuje, maluje. Stává se malířskou poesií. Image — obraz — vyjádří všechno: tichou vibraci duše, přírodní moment, politickou výzvu, erotický výkřik srdce.

Jesenin dovedl imazinism z theoretických bloudnutí k uměleckému činu. Žila v něm zpěvná duše vesnice. Čelbou klasických lyriků kultivoval formu. Jeho verš je zpěvný a plastický malebný zároveň. Jeho obrazy jsou zality zlatým oparem ikon. Četl bibli. Věří se do mystiky klášterních rukopisů. Někdy se zdá, že reprodukuje malířské vidiny Vazněcova. (Praerafaelism, zalitý orientálními světly byzantijské mystiky.) Chlystovské výkřiky zduchovnělé plotí, animálního bohomaterialismu, činou se z jeho mužické duše a věřící pravdivosti.

A ponevadž je právě v Rusku dělnická a selská revoluce stává se básníkem revoluční vesnice. Dává si masku chuligána, tuláka, dareháka. Je „posledním básníkem ruské vsi." S děsikou prostotou zbožňuje „Rus, malinová růžová pole, modro, skanuvší v řeku, nezměrnou chladnou touhu, mihotivé břehy." Jde tulácky po této tajemné zemi, kterou miluje pro všechno to hrůzně svéřepé a barbarsky svaté, co žije v ní a v ruském mužíku. Miluje každé stébio na ubohých polích, ržání koně, prkenné mosty, slaměné střechy blátem slepovaných chalup. A raduje se, že tato ruská vesnice dožila se „dvanácté hodiny". Zpívá panichidu ruské, mužické vsi.

tom nejvyšší moderního, dnešního je v poesii Jeseninově. V oné poesii, jež ještě nebyla dotčena překvapenou tendenčností politisující literatury moskevské, která vznikla před povrchním „Pugačevem" (1922), ještě před tím, nežli se stal rjazaňský synek manželem lsadory Duncanové, jež přišla do Moskvy tancovat „Internacionálu" a pak jej vzala na aeroplánu s sebou do Berlína a do velikého světa Západu. Jsou to knížky a jednotlivé delší básně, které mladý Jesenin (nar. 1896) vydal v „Trudově Artěli"

V rjazaňské gubernii chodí se jen v slaměných laptách, podobných srbským opánkům, v dlouhém hnědém kožichu. Jaro bývá ohnivě krásné červenými šátky žen a vlčími máky na rovině promítnuté od obzoru k obzoru jedinou kvetoucí plochou. Chudoba vesnic, nezměrná.

Neboť již se přiblížilo blahoslavené království továrny a města. On sám, chuligán, „který namačel kdysi bosé nohy v podzimních loužích, chodí nyní v cylindru a v lakovaných střevících." — Vzdálil se od vesnice a stoje na rudém náměstí Moskvy zpívá lilijkým nápovem zvěst o hradě Inonii, kde žije božatví živých. „Inonia" — velikà vidina komunistického ráje. Jesenin roste — whalt whitmanovsky — nad Rusi. Veskerý vzduch vypije, vyplaší jako kouzelnou jazyk. Rozkročí se nohama až do Egypta, kleštěmi rukou vryje se do sněžných polí. Kolenem zatlačí rovník, a za pláče bouří a větrů na dvě půlí rozlomí naši matku zem jako zlatý koláč... A vidí, Inonii, brad živých, zem novou se zlatými čapkami hor. Rozhrň se, Slone, prolévej své světlo. Nový zraje na nebesích Nazaret." — —

Hlásá nový Nazaret materialismu. S hlubokým duchovním prorčitním. Rouhá se křesťanskému Bohu, jak plin jeho mystické moci a velebnosti. Odkazuje se od duše a vytváří nejčistší mystiku. Chce se celou silou svých sektantských pudů odvrátiti od Kříže a hladoněžo a padá přece před ním na kolena. Rouhá se Bohu biblickými slovy.

Kristus, rusko-byzantijský Christos, vězí nad nim. Nad mladou vapourou tvrdého jeho mužického čela rozsvěcují se světla svatých obrazů ze selských chat a zlatých monastýrů.

„Hospodine, já věřím! Ale zavař v svůj raj střelami deště můj protknutý kraj!"

„K tobě se modlím z mužických mist; syn tvůj nese z prohlédnuvší Rusi ven svůj kříž. Nejdou za ním Apoštolové, není s ním učedníků."

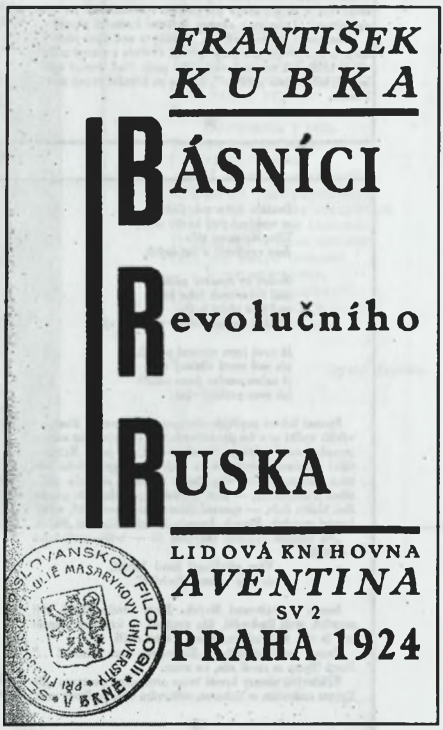
Christos, mystický rozsévač lásky, vládne nad komunistickými sny Jeseninovými. K němu se modlí rouháním, jeho tělo — vyvrhujo ze rtů — (ale přece t ě l o, zázrak P r o m ě ň o v á n í), celý svět legendy přivolává, aby se vzmínval, aby spílal, a aby se modlil. Apostata, jenž každou kletbou volá: „Zvítězil jsi, Galilejský." —

A zde jsme u základního problému mladistvé tvorby Jeseninovy: přijal, přijmal revoluci materialistických hodnot. Procitlí jí mužicky, dal jí selský výraz. Ale v témž okamžiku šel dál. Hledat duchovní cennosti revoluce. A tu se vracel zpět: k prasílám kulturního života ruského, k pravoslaví. Ke křesťanství, jež vyrostlo z krve rolnického plemene a vydalo květy ohnivých, mystických vidin. Kultura klášterů. Radonáš, legendy ruského středověku, filosofie Vl. Solověva, Andrej Bělij, Alexandr Blok... Něco čistě ruského, pradávného a při

Chudožestvennago Slova" v Moskvě a které později přetiskli v Berlíně ve vydavatelství „Skyfi" a j.: „Golubeň", „Preobraženie", „Triptych", „Oktoich", „Tŕŕjadica", „Ispověd chuligana", „Inonia", „Tovariš", které vesměs vyšly v letech 1918—1922.

Vynesla-li ruská sociální revoluce skutečně z ruské vsi nějaký zjev originální a nový, pak je to poesie tohoto mladého muže, jenž má všechny možnosti státi se velikým básníkem

Журнал «Cesta» (Praha, 1923, № 3). Фрагменты статьи Ф.Кубки «Поэты современной России: Характеристики. I. Сергей Есенин» («Básníci dnešniho Ruska. Charakteristiky. I. Sergej Jesenin»).



Ф.Кубка. Поэты революционной России (Básníci revolučního Ruska, Praha, 1924). Обложка и титульный лист.

jest mlčeti
a očima v modlitbě skloněnýma,
až padnou ke dnu.
Tváře mi od vzdechů vpadly,
mám žilnaté čelo — jak kůru akácie.
Hle, proto mi tak drahé vzpomenout na ni,
vzpomenout na mučící, hvězdné noc,
kdy jak dva ocelení zajíci vyskočily mé oči,
(neb nedoženes oči na koni) ...
Což znamená, že proroci se zamilují,
což znamená, že proroci i teskní ..."

V mladistvém díle Alexandra Kusikova zahledel se půlměsíc do zmatků revoluce. Zásnuby Rusi s Východem naplnily se v jeho rytířsky mystické lyrice.

Ke Kusikovu lze přistoupiti jen jako k básníkovi. Je prostý a průhledný, nemá nároků filosofických.

K *Jeseninu* třeba vytvořiti poměr filosofický. Je nabit myšlenkami a patří mezi tvůrce materialistické ideologie revoluční. Mladý básník vzešel z hroudy, setkal se s revolucí a dal básnický výraz jejímu obsahu.

„Prorok" *Sergěj Jesenin* je syn nejchudších vesnic na Rusi. Pochází z rjazaňské gubernie. Jeho dětství obklopovala bídná jizba, dřevěný stůl se samovarem, lavice u pece a hlinou zalepované stěny.

V rjazaňské gubernii chodí se jen v slaměných laptích, primitivních opánkách, v zimě v dlouhém hnědém kožichu, v létě v černé košili. Jaro bývá ohnivě krásné červenými šátky žen a vlčími maky na polích v nekonečné rovině, promítnuté od obzoru k obzoru jedinou kvetoucí plochou.

A na rovině chudoba vesnic, močály a nad nimi přelety kachen. Pod kvetoucími bezy zpívají děvčata a větrný mlýn svěsil křídla jak unavený obrovský pták. Nad vesnicí svítí zelená, bílá a zlatá „očrkov", kde se za hřmění zvonů slaví Pascha.

70

V černých jizbách pořádají se za noci sektanské schůze. Extatická chlystovská bohoslužba vybičuje přírodní pudy. Konají se tajemná, pronásledovaná shromáždění mužíků, vydrážděných orientální pohlavní modloslužbou. „Opojená, mystická a v Kristu jurodivá (tak zní zvláštní výraz pro tuto „reine Torheit") Rus" byla domovem mužického hocha Jesenina.

V revoluční Moskvě, kam přišel si pro slávu básnickou do kruhu imažinistů, zachoval si svou selskou ruskou duši; povědomí rodové je nejmocnější jeho vzpruhou, prohlašuje se za „posledního básníka ruské vsi". Pozadím jeho básní je venkov, mužictví, pole a říčky, stpěk měsíční a ohlasy bouřících zvonů kostelních na Kristovo vzkříšení.

Toto výlučné mužické postavení v revoluční inteligenci a dělnictvu města dává mu právo obléci se v bláznovské roucho šíleného proroka. Jde do literatury a maskou selského dareby, kazatele a vůdce. „Dvanáctá hodina" přišla pro ruskou ves. Sergěj Jesenin, „který namáčel kdysi bosé nohy v podzimních loužích, chodí nyní v cylindru a lakovaných střevících". Je revolučním básníkem. Prorokem nového světového řádu.

Je pln bible, pln chlystovských výkřiků a rouhání. Překřikuje svou měkkou duši. Neboť zhavě a plamenně vstává před ním nový hrad Kitěž, nové evangelické město blaženosti.

Z obrovských obrazů tvoří nově mysterium. V prach se rítí svatý Radoněž, Kristus odešel z Rusi, duch je zavražděn. Mysterium hmoty, Inonia, nový ráj vstává před spitými zraky prorokovými.

Mladý Sergěj Jesenin dovršuje materialism v ruském revolučním básnictví. Je tvůrcem evangelia hmoty. —

„Před zhoubou nechvím se otrocky,
déšť kopí a střel jež dští —
tak podle bible prorocky
Sergěj Jesenin dí.

71

Dozrála doba má. Čelo
se nakloní pod kruty ořih,
Tělo, Kristovo tělo
dnes vyplivuji z úst svých.

Nechci by spasení přišlo
mně skrze muk jeho kříž:
mně jiné učení vyšlo
z hvězd protknutých věčnosti výš.

Já nově jsem zjevení postih,
jde nad smrtí vítězný čas,
já nebes modro jsem ostřih
jak ovce prašivý vlas.

Spasení lidstva nepřijde duchovním utrpením. Rouhavý výkřik vydírá se z úst prorokových. Vyvrhuje z úst svatost proměněnou. Vyplivuje ji, ale — ví, že je to Kristovo tělo! Revoluce Jeseninova je vědomá. Negace všeho svatého stihá mysterium víry. Smrt Kristova přinesla podle učení křesťanského, — jímž je básník proniknut do nejzazších hlubin duše, — spasení lidstva na *onom* světě, v království *mrtvých*. Prorok Jesenin hlásá království *živých*.

„Na ikonách vylízám jazykem já — tváře mučedníků i svatých."

„Vám přislibuji hrad Inonii,
kde žije božství živých!"

Inonia je království živých. Proti hradu Kitěži, ráji mystiků, proti Radoněži, úlu svatosti — království země: kde je víra, moc, plody, práce a zrna obilí.

Prorok prokliná věčné „Elapopeia vom Himmel ..." Nový Olymp se zrodí zde, na zemi.

Kriklavými obrazy kreslí svou prorockou postavu: „Do Egypta rozkročím se nohama, odkovám vám podkovy muk.

72

V oba sněhem pokryté rohy země vpiji se kleštěmi rukou. Kolenem kleknu na rovník — a za bouře a pláče vichru rozpůlím naši zemi — máť, jako zlatý koláč."

Země bude vrácena synům. Není boha kromě hmoty. Inonia je rájem tohoto světa. Království hmoty na oné zemi, jejíž něžnou a plachou krásu Jesenin miluje a dovede vypodobit nesapomenutelnými rysy:

„Jak po louce po mlhách mířím já
a spouštím se hlavou v dol.
Zvuk modrého deště slyším já
a tenký hlas bludiček kol.

Do modrých tůní vrhl jsem já
svůj obraz až za obzor,
Již v dáli je vidět, Inonia,
se zlatými čapkami hor!

Tam chaty vidím a políčka,
a u prahu starušku mář.
Chce prsty chytit matička
paprsků západních zlař.

Zachytí u okna paprsek,
jenž si jí na sádech hrál.
A slunéčko zlatý kotouček
jak kočka si kutálí dál.

A tiše za sepotu říčky
v pobřežních osvěn obor;
kapkami nezřené svíčky
kane zpěv s dalekých hor. —"

Po zvučích lučního ticha, po světlech dalekých jezer, po měkké mužické matičce — nový církevní zpěv. Rouhání modlitbou, ohlasy brahmínských bájí:

73

Ф.Кубка. Поэты революционной России (Básníci revolučního Ruska, Praha, 1924). Страницы, посвященные С.А.Есенину.

Год издания 2-й. Пролетарские дети всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ ЗВЕЗДОЧКА

Ежемесячное приложение к газете „Юный Ленинец"

1870 1924

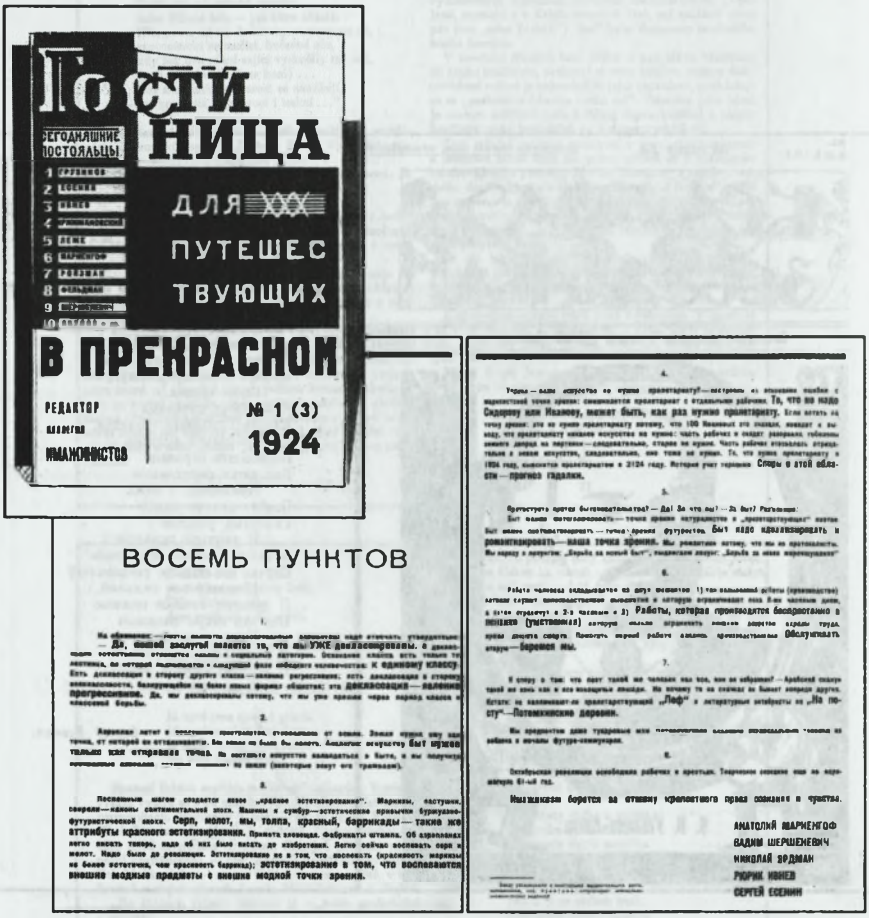
В. И. Ульянов-Ленин

ВОРОБЫШКИ.

Поет зима—аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.
А то по двору мятелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые
Как детки сиротливые
Прижались у окна.
Озябли птички малые
Голодные, усталые
И жмутся под карниз.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешанным
И злится все сильней.
И дремлют птички нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца, ясная —
Красавица весна.

Сергей Есенин.

Журнал «Красная звездочка» (Харьков, 1924, № 1).
Обложка и страница с публикацией стихотворения С.А.Есенина «Воробышки».



Журнал «Гостиница для путешествующих в прекрасном» (1924, № 1 (3)). Обложка, декларация имажинистов «Восемь пунктов» и стихи С.А.Есенина.

МОСКВА КАБАЦКАЯ

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

1.

Да! теперь решено. Без возврата
Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

Никакой дом без меня соскучится.
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть опять судил мне бог.

Я люблю этот город вязевый.
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.

А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как!
Я иду головою свесясь
Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь, напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьется все чаще и чаще.
И уж я говорю невпопад:
— Я такой же, как вы, пропащий.
Мне теперь не уйти назад.

Никакой дом без меня соскучится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть опять судил мне бог.

2.

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что попался я в скандалист.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые, далекие дали!
Все сжигает житейская муть.
И попался я, в скандалии
Для того чтобы ярче гореть.

Дар поэта — ласкать и карябать,
Роковая на вас печать.
Розу белую с черной жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но, пока в моей душе теплились,
Значит ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной —
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной,—

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать,
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

3.

Я устал от такой вот жизни.
В эту серую морось и слизь
Мне приснилось Рязанское небо
И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило.
Да и сам я любил не одну,
Но от того ль темная сила
Приучила меня к вину.

Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не вперять:
Не с того ли глаза мне точат
Словно синие листья черемь?

Не больна мне внучья измена,
И не радует легкость побед,—
Так волос золотое сено
Превращается в серый цвет.

Превращаются в пепел и воды,
Когда дедит осенняя муть,
Мне не жаль вас, прошедшие годы,—
Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить бесцельно
И с улыбкою странной лица
Полюбил я носить в легком теле
Тихий свет и покой мертвеца..

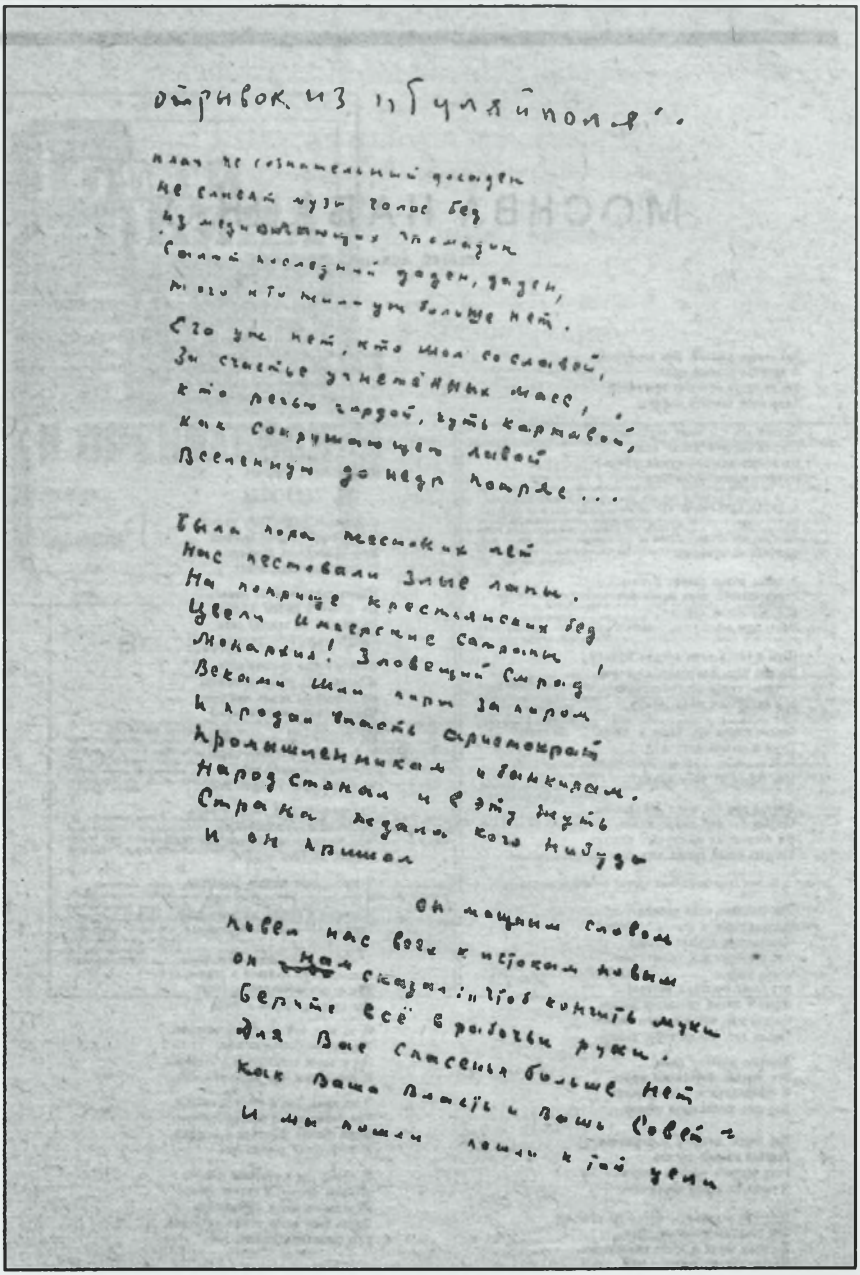
И теперь даже стало не тяжко
Ковылять на притоне в притон,
Как в смирительную рубашку
Мы природу берем в бетон.

И во мне, вот по тем-же законам,
Умирается бешеный пыл
Но и все-ж отношусь я с поклоном
К тем полям, что когда-то любил.

В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве,—
Шлю привет воробьям и воронам,
И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весеннюю даль:
„Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я отскандалил,—
Пусть хоть ветер теперь начинает
Под микитки дубасить рожь."

1924



отрывок из „Гуляй-поля".

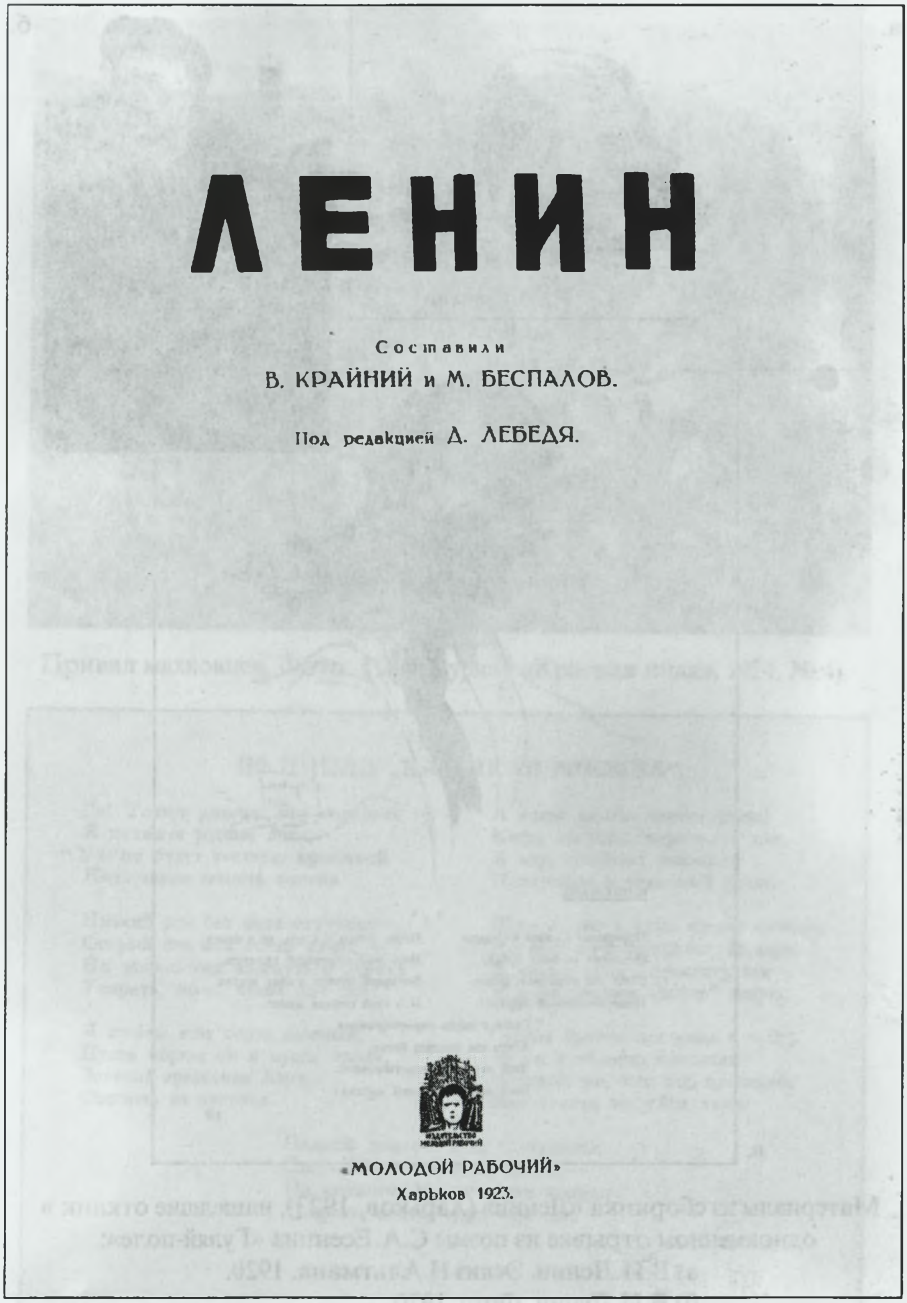
Нам не сознательный досуг
Не синей музы голос без
Из медноротящих глашатек
Самый последний дозор, дозор,
Мозг и ты минуты больше нет.

Сто лет, кто шел с сохой,
За счастье угнетенных масс,
Кто песнь сердец, будь картавой,
Как сокрушающей лавой
Всесокрушит до недр планет...

Была пора тесовых лет
Нас пестовали злые лапти.
На полотне крестьянских бед
Цвели татарские сатрапы.
Мокрядь! Зловещий сброд!
Веками шли лапти за сохой
И продан власть аристократ
Промышленникам и банкирам.
Народ стонал и в эту муть
Страна задала кого нибудь
И он пришел

Он нищим словом
Ловец нас вел к нетленным нивам
Он нам сказал, чтоб кончить муки
Берите все в рабочи руки.
Для Вас спасенья больше нет
Как Ваша власть и Ваш Совет
И мы пошли полки к той цели

С.А.Есенин. Поэма «Гуляй-поле». Фрагмент. Автограф. 1924.



ЛЕНИН

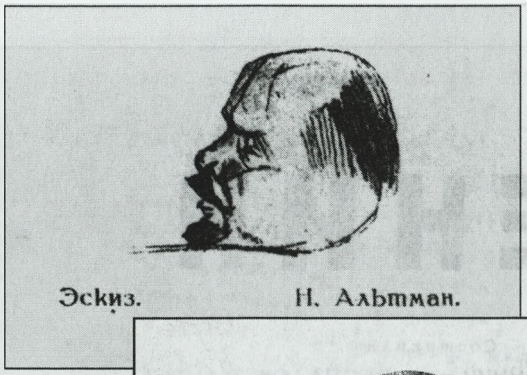
Составили
В. КРАЙНИЙ и М. БЕСПАЛОВ.

Под редакцией Д. ЛЕБЕДЯ.

«МОЛОДОЙ РАБОЧИЙ»
Харьков 1923.

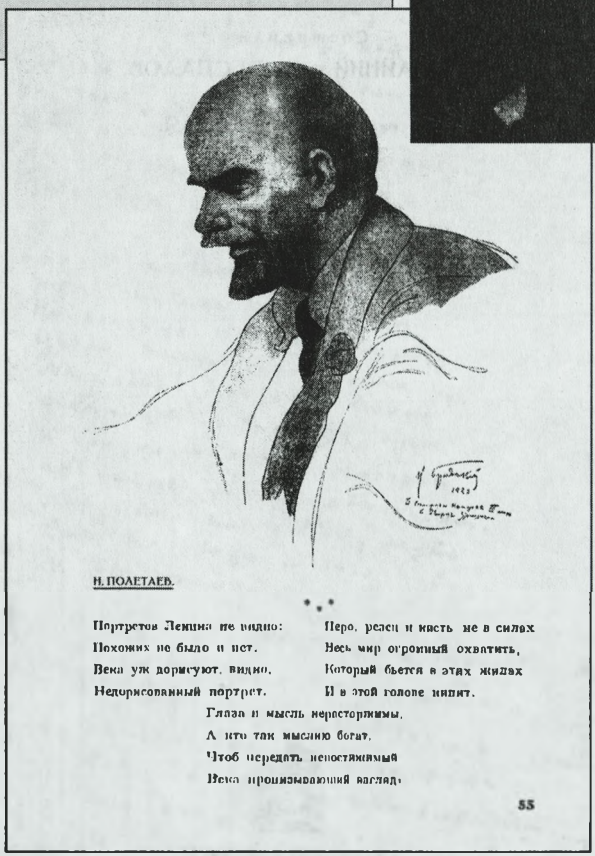
Сборник «Ленин» (Харьков: Молодой рабочий, 1923). Титульный лист.

а.



б.

в.



Н. ПОЛЕТАЕВ.

* * *

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,
Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит.

Глаза и мысль неисторимы,
А кто так мыслию богат,
Чтоб передать неостижимый
Века пронизывающий взгляд.

55

Материалы из сборника «Ленин» (Харьков, 1923), нашедшие отклик в одноименном отрывке из поэмы С.А.Есенина «Гуляй-поле»:
а) В.И.Ленин. Эскиз Н.Альтмана. 1920.
б) В.И.Ленин. Фото. 1920.
в) В.И.Ленин. Рисунок И.Бродского. 1920;
Н.Полетаев. Стихотворение «Портретов Ленина не видно...». 1923.

Привал махновцев. Фото. 1919 (журнал «Красная нива», 1924, № 4).

ИЗ ЦИКЛА „КАБАЦКАЯ МОСКВА".

Да! Теперь решено! Без возврата
Я покинул родные поля,
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох,—
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.

Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях,
Золотая дремотная Азия,
Опочила на куполах.

А когда ночью светит месяц,
Когда светит... чорт знает как,
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

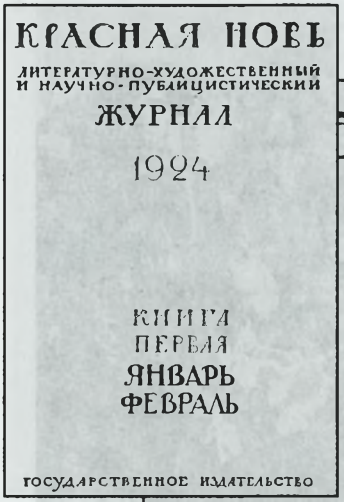
Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами „жарю" спирт.

Сердце бьется все чаще и чаще,
И уж я говорю невпопад:
Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад.

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох,—
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.

С. Есенин.

Журнал «Ленинград» (1924, № 3). Страница с публикацией стихотворения С.А.Есенина «Да! Теперь решено! Без возврата...» из цикла «Москва кабацкая».


КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

1924

КНИГА ПЕРВАЯ

ЯНВАРЬ ФЕВРАЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СТИХИ

Вечер черные брови насупил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!—
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не была.
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

Сергей Есенин.

Журнал «Красная новь» (1924, № 1). Обложка и страницы со стихотворением С.А.Есенина «Вечер черные брови насупил...» <«Вечер черные брови насопил...»> и с началом статьи А.К.Воронского «Сергей Есенин».

Литературные силуэты.

А. Воронский.

Сергей Есенин.

I

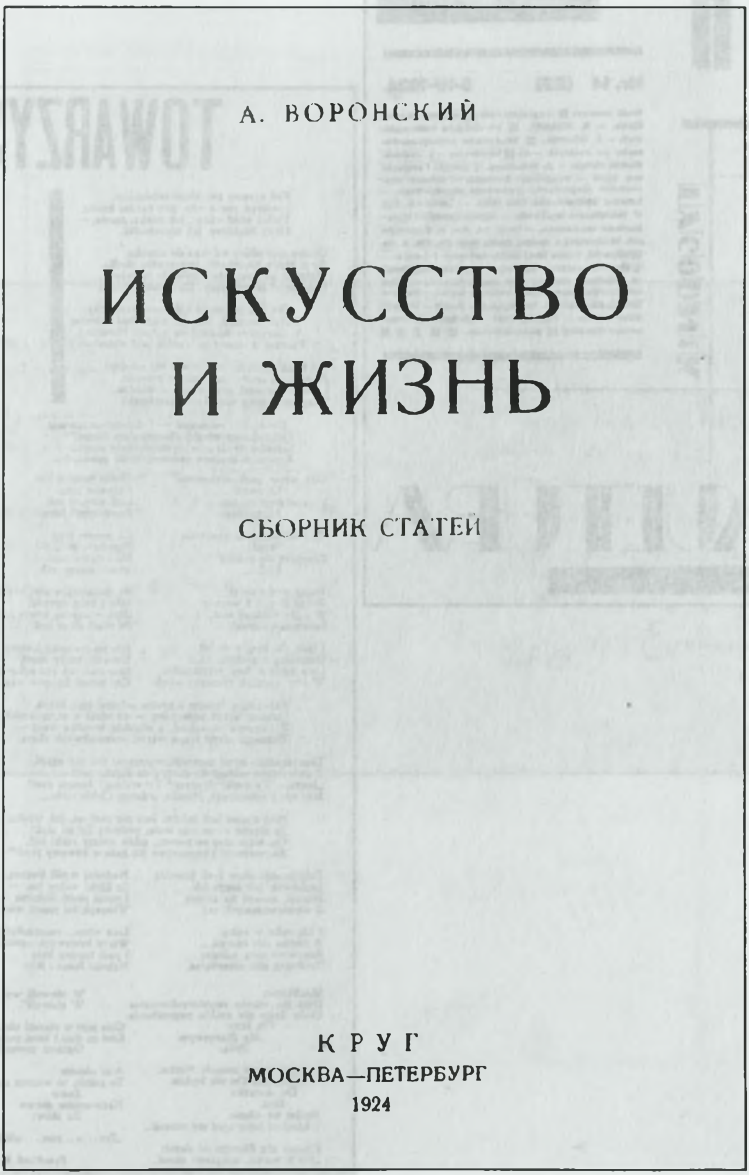
Есенин вошел в нашу отечественную поэзию со стихами о деревенской Руси. За исключением последнего периода творчества, у Есенина почти нет лирики любви. Место любимой у поэта занимает Русь, родина, родной край, нивы, рощи, деревенские хаты:

Если крикнет рать святая:
— Кинь ты Русь, живи в раю!
Я скажу: не надо рая,
Дайте родину мою.

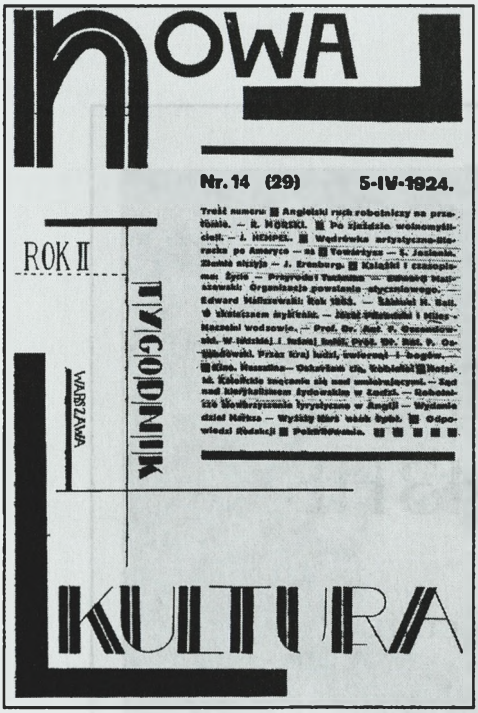
Русь Есенина встает в тихих заревых вечерах, в багрянце и золоте осени, в рябине, в аржаном цвете полей, в необ'ятной сини небес. У поэта преобладает золотое, малиновое, розовое, медное и синее. У него даже лес вызванивает хвойной позолотой. «О Русь, малиновое поле, и синь, упавшая в реку». Поэт хорошо воспринимает также осеннюю грусть, журавлиную тоску сентября, древность наших вечеров, заунывность наших песен, печаль наших туманов, одиночество и забытость наших хат, солончаковую тоску, немоту синей шири.

Русь Есенина в первых книгах его стихов—смиренная, дремотная, дремучая, застойная, кроткая,—Русь богомолок, колокольного звона, монастырей, иконная, кононная, Китежная. Правда, поэт знает и чувствует темноту этой Руси, он слышит звон кандалов Сибири, называет свою страну горевой, но вдохновляет его в «Радунице», в «Голубени» не это. Деревенский уклад, деревенский быт взяты поэтом исключительно с идиллической стороны. Каторга сельского под'яремного труда, непосильность, измызганность житья-бытья крестьянского, весь предреволюционный, накопленный веками социальный гнев, ненависть, злоба, мятежность деревни остались за пределами художественного восприятия поэта. Его деревня живет в нерушимом мире и в покое. Как будто нет ни помещика, ни кулака, ни урядника, ни лютой бедности. В хатах пахнет драченами, квасом, тихо ползают тараканы;

Е.А.Есенина. Фото Н.Свищова-Паолы.1924.



Сборник статей А.К.Воронского «Искусство и жизнь» (М.; Пб., 1924), в котором говорится о С.А.Есенине. Обложка.



NOWA KULTURA

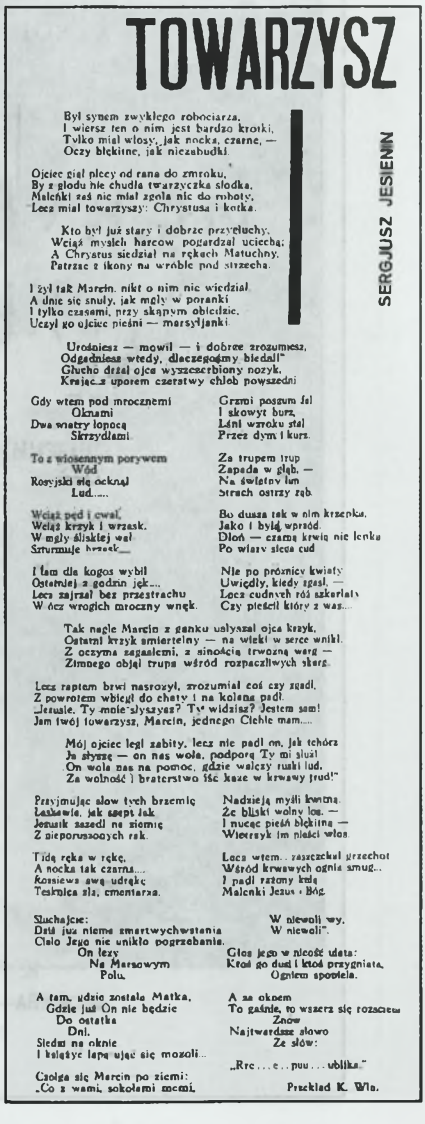
Nr. 14 (29) 5-IV-1924.

Treść numeru ... — R. NORSKI. ... — L. NEMOJEK. ... — L. Kranzberg. ... — Edward Stańczewski: Rok 1863. — Tygodnik Literacko-Naukowo-Społeczny. — Prof. Dr. Józef Rostafiński. — Nasze zadanie. — Ostatnia ch. Królestwa. — Zjednoczenie Nauczycieli Żydowskich w Łodzi. — Wydawnictwa literackie. — Wyjątki listów Adama Bytnara. — Odpowiedzi Redakcji. — Pamiętnik.

ROK II

TYGODNIK

WARSZAWA



TOWARZYSZ

SERGJUSZ JESIENIN

Był synem zwykłego robociarza,
I wiersz ten o nim jest bardzo krótki,
Tylko miał włosy, jak nocka, czarne, —
Oczy błękitne, jak niezabudki.

Ojciec giął plecy od rana do zmroku,
By z głodu nie chudła towarzyszka słodka,
Maleńki zaś nic miał zgoła nic do roboty,
Lecz miał towarzyszy: Chrystusa i kotka.

Kto był już stary i dobrze przeżuchy,
Wciąż myślił harcow pogardzał ucieczką,
A Chrystus siedział na rękach Matuchny,
Patrząc z ikony na wróble pod strzechą.

I żył tak Marcin, nikt o nim nic wiedział,
A dnie się snuły, jak mgły w poranki
I tylko czasami, przy skąpym obiedzie,
Uczył go ojciec pieśni — marsyljanki.

Urodziesz — mówił — i dobrze zrozumiesz,
Odgadniesz wtedy, dlaczegośmy biedni!"
Głucho drżał ojca wyszczerbiony nożyk,
Krając z uporem czerstwy chleb powszedni.

Gdy wtem pod mrocznemi
Oknami
Dwa wiatry łopocą
Skrzydłami.

Grzmi pogrom fal
I skowyt burz,
Lśni wzroku stal
Przez dym i kurz.

To z wiosennym porywem
Wód
Rosyjski się ocknął
Lud.....

Za trupem trup
Zapada w głąb, —
Na świętny lun
Strach ostrzy rąb.

Wciąż pęd i cwał,
Wciąż krzyk i wrzask,
W mgły śliskiej wał
Szturmuje hreek....

Bo dusza tak w nim krzepka,
Jako i był wprzód.
Dłoń — czarna krwią nie lepka
Po wiary sieca cud

I łam dla kogoś wybił
Ostatniej z godzin jęk....
Lecz zajrzał bez przestrachu
W ócz wrogich mroczny wnęk.

Nie po próżnicy kwiaty
Uwiędły, kiedy zgasł, —
Loca cudnych róż szkarłaty
Czy pieścił który z was....

Tak nagle Marcin z ganku usłyszał ojca krzyk,
Ostatni krzyk śmiertelny — na wiek w serce wnikł.
Z oczyma zagasłemi, z sinością trwożną werg —
Zimnego objął trupa wśród rozpaczliwych skarg.

Lecz raptem brwi nastroszył, zrozumiał coś czy zgadł,
Z powrotem wbiegł do chaty i na kolana padł.
„Jezusie. Ty mnie słyszysz? Ty widzisz? Jestem sam!
Jam twój towarzysz, Marcin, jednego Cichte mam....

Mój ojciec legł zabity, lecz nie padł on, jak tchórz
Ja słyszę — on nas woła, podporą Ty mi służ!
On woła nas na pomoc, gdzie walczy ruski lud,
Za wolność i braterstwo iść każe w krwawy trud!"

Przyjmując słów tych brzemię
Łaskawie, jak szept lak
Jesionik zaszedł na ziemię
Z nieporuszonych rąk.

Nadzieją myśli kwitną
Że bliski wolny los, —
I nucąc pieśń błękitną —
Wierzchołk im pieści włos

Tiidą ręka w rękę,
A nocka tak czarna....
Kosiewa swą udrękę
Tesknica zła, cmentarza.

Lecz wtem... rozszczekał przechot
Wśród krwawych ognia smug...
I padł rażony kulą
Maleńki Jezus i Bóg.

Słuchajcie:
Dziś już nieme zmartwychwstania
Ciało Jego nie uniknęło pogrzebania.
On leży
Na Marsowym
Polu.

W niewoli wy,
W niewoli".
Głos jego w nicość udał:
Ktoś go dusił i ktoś przygniatał,
Ogniem spopielał.

A tam, gdzie została Matka,
Gdzie już On nie będzie
Do ostatka
Dni,
Siedzi na oknie
I kulawe łapy ująć się mozoli...

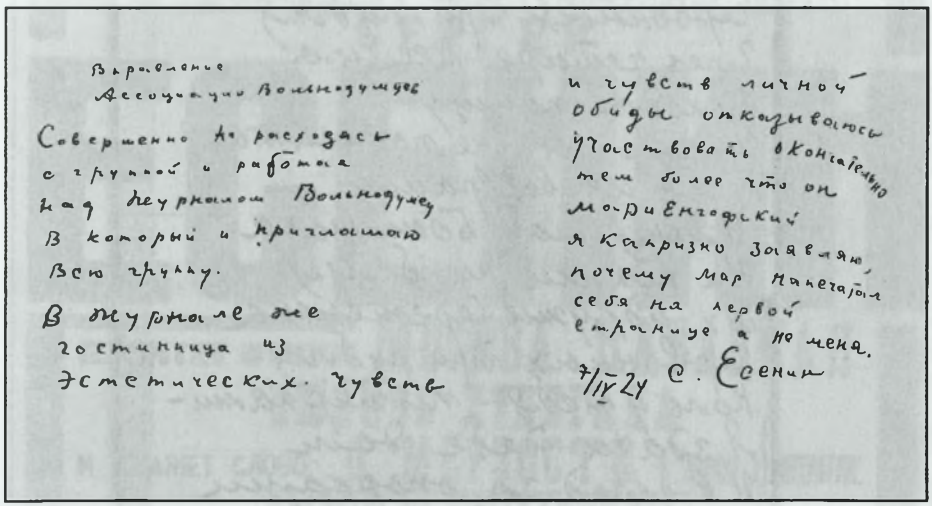
A za oknem
To gaśnie, to wszerz się rozsiecze
Znów
Najtwardsze słowo
Ze słów:

„Rrc...e..puu....ublika."

Czołga się Marcin po ziemi:
„Co z wami, sokołami mcmi.

Przekład K. Wia.

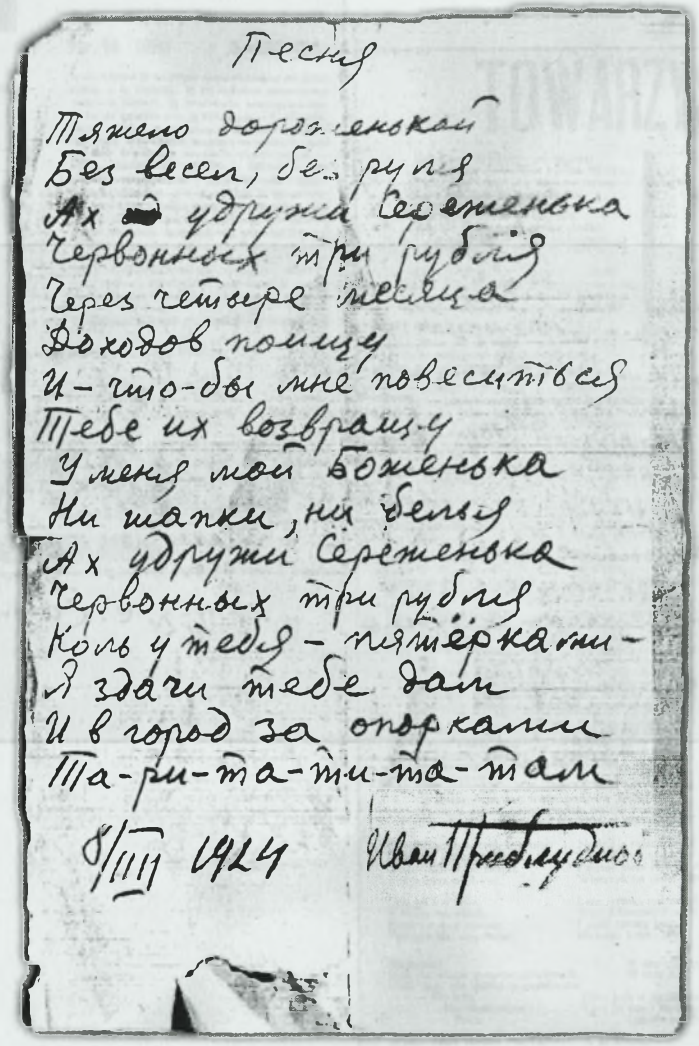
Журнал «Nowa kultura» (Варшава, 1924, № 14). Обложка и страницы с поэмой С.А.Есенина «Товарищ» в переводе К.Винавера (подпись: K. Win.).



Правление
Ассоциации Вольнодумцев

Совершенно не расходясь
с группой и работая
над журналом Вольнодумец
в которой и принимаю
всю группу.
В журнале же
гостиница из
эстетических чувств
и чувств личной
обиды отказываюсь
участвовать в конгрессе
тем более что он
мой Енгофский
я капризно заявляю,
почему мог напечатать
себя на первой
странице а не меня.
7/IV 24 С. Есенин

С.А.Есенин. Заявление в правление Ассоциации вольнодумцев. 7 апреля 1924. Автограф.



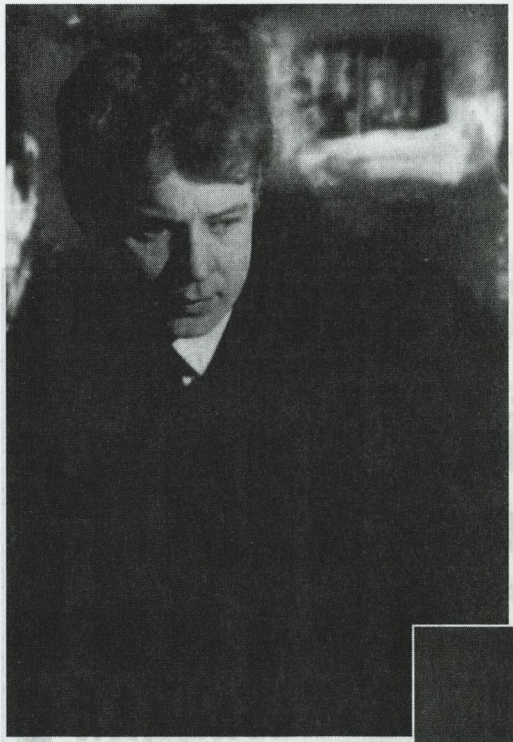
Песня

Тяжело дорожненькой
Без весен, без руня
Ах удружи Серженька
Червонных три рубля
Через четыре месяца
Доходов полицу
И-что-бы мне повеситься
Тебе их возвращу
У меня мои Боженька
Ни шапки, ни белья
Ах удружи Серженька
Червонных три рубля
Коль у тебя - пятёрками -
Я сдачи тебе дам
И в город за опорками
Та-ри-та-ти-та-там

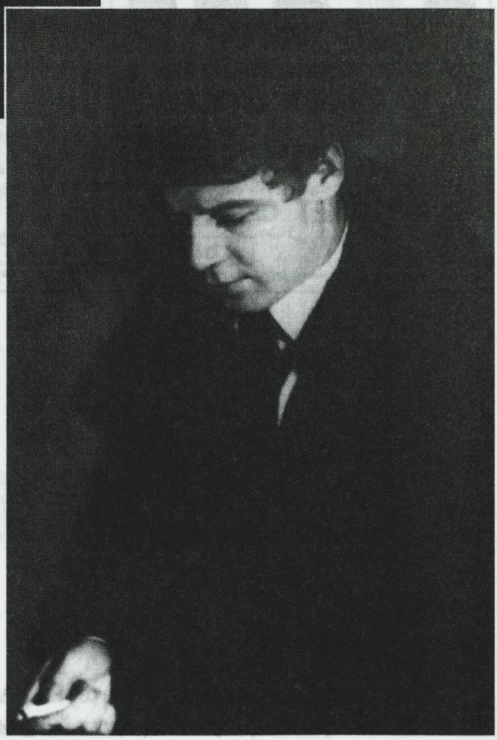
8/IIII 1924 Иван Приблудный

И.Приблудный. Стихотворение «Песня». Автограф. 8 апреля 1924.

Афиша авторского вечера С.А.Есенина. Зал Лассаля (бывш. зал Городской Думы). 14 апреля 1924.



С.А.Есенин. Фото
М.Наппельбаума. Апрель 1924.



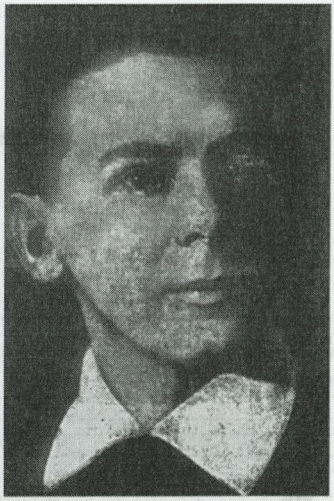
С.А.Есенин. Фото
М.Наппельбаума. Апрель 1924.

С.А.Есенин, Н.А.Клюев, Вс. Иванов. Фото М.Наппельбаума.
Апрель – май 1924.

С.А.Есенин, И.Приблудный, Г.Б.Шмерельсон, В.Ричиотти, С.А.Полоцкий, В.И.Эрлих. Фото И.Наппельбаум. После 16 апреля – май 1924, или июнь – июль 1924.

Члены Ленинградского отдела Всероссийского союза поэтов.
Фото М.Наппельбаума. 1925. В первом ряду – А.П.Крайский,
М.М.Шкапская, И.И.Садофьев, Г.Б.Шмерельсон.
Во втором ряду – А.В.Туфанов, И.А.Оксёнов, В.А.Рождественский,
Е.Г.Полонская, К.К.Вагинов.

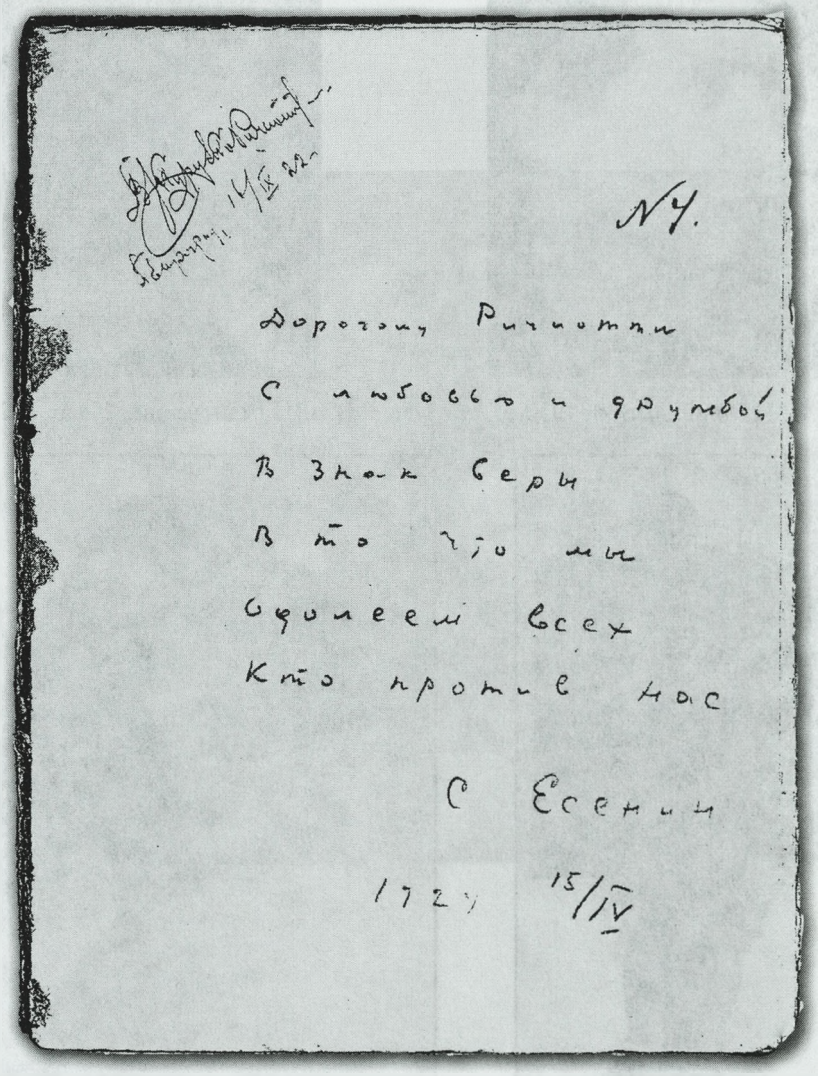
В.И.Эрлих. Фото. 1930-е.



В.В.Шимановский. Фото. 1920-е.

Р.Зеленая в роли спортсменки в театральном обозрении «Последний извозчик Москвы». Фото. 1920-е.

Л.Утесов. Фото. 1920-е.



№4.

Дорогому Ричиотти

С любовью и дружбой

В знак серы

В то что мы

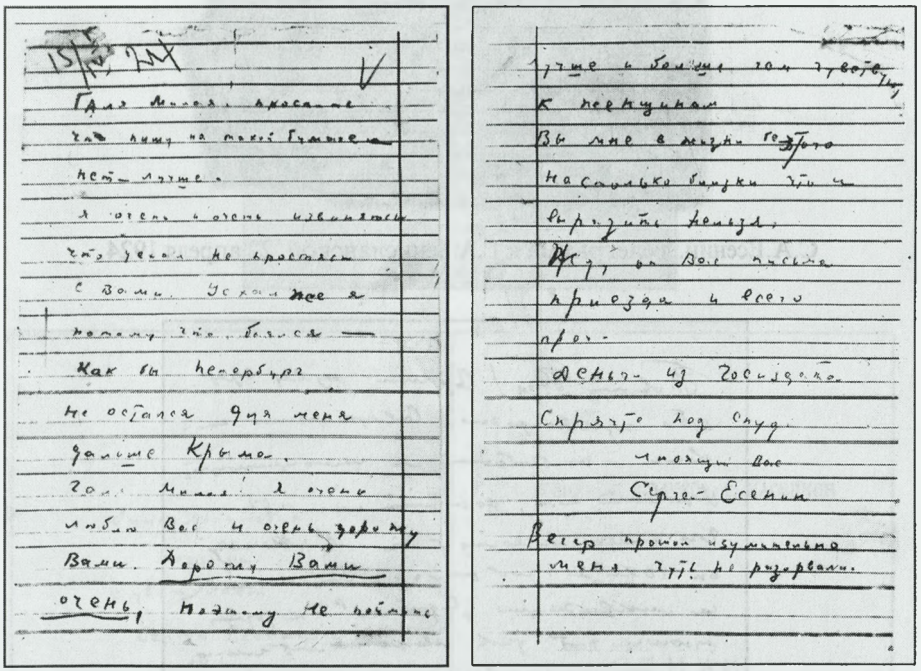
Одолеем всех

Кто против нас

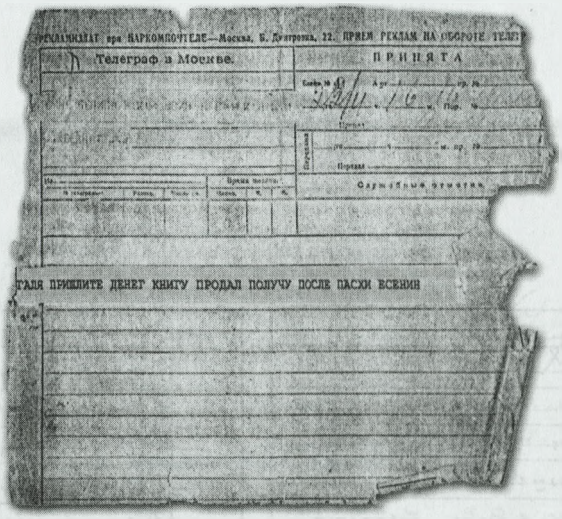
С Есенин

1922 15/IV

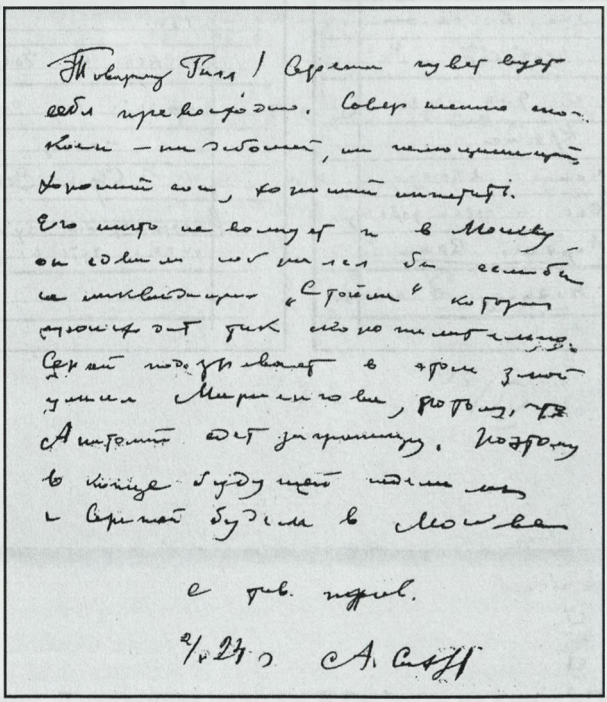
С.А.Есенин. Дарственная надпись В.Ричиотти на книге «Пугачев» (М.: Имажинисты, 1922). 15 апреля 1924.



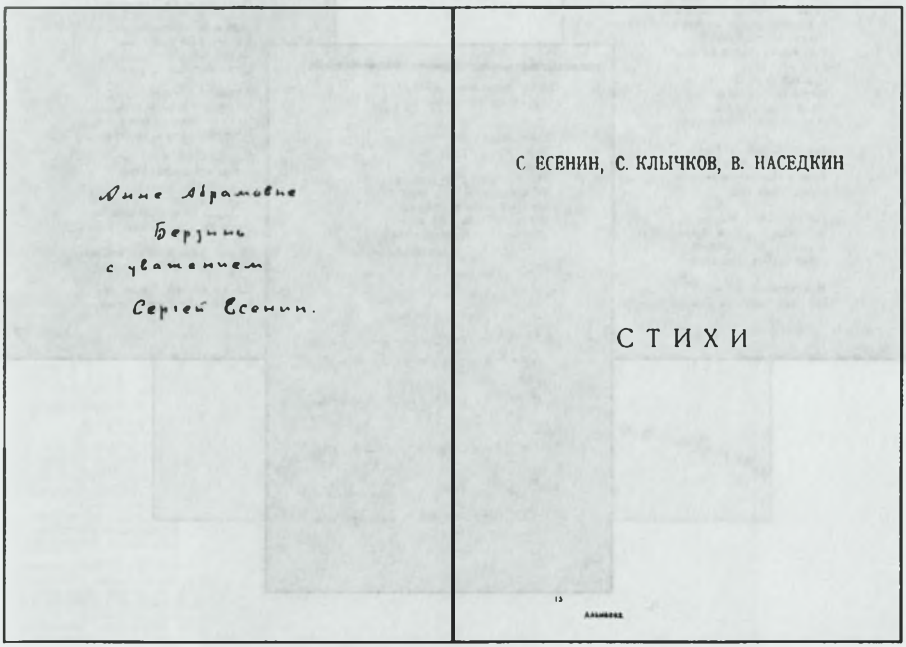
С.А.Есенин. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф (фрагменты). 15 апреля 1924.


Телеграф в Москве.
ПРИНЯТА
ГАЛЯ ПРИШЛИТЕ ДЕНЕГ КНИГУ ПРОДАЛ ПОЛУЧУ ПОСЛЕ ПАСХИ ЕСЕНИН

С.А.Есенин. Телеграмма к Г.А.Бениславской. 22 апреля 1924.



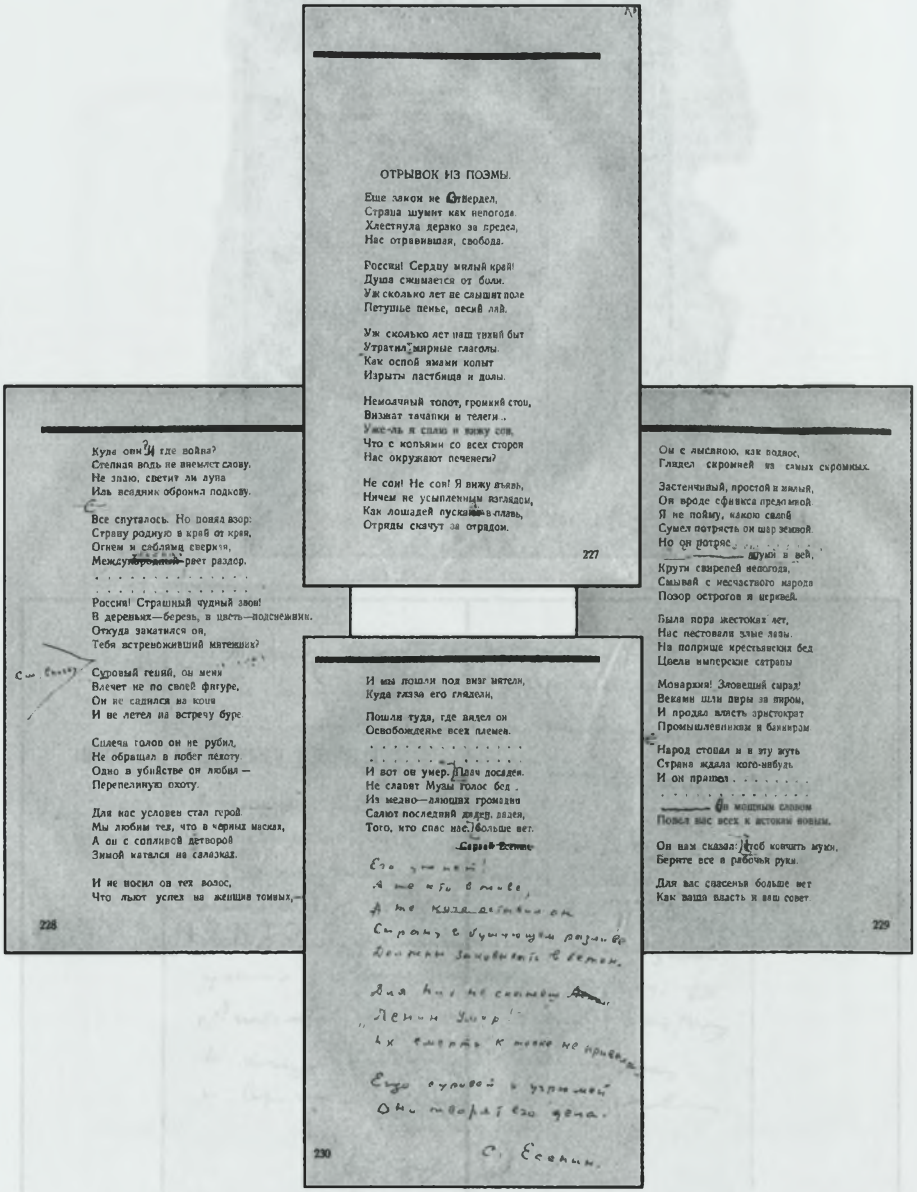
А.М.Сахаров. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф. 2 мая 1924.


Анне Абрамовне
Берзинь
с уважением
Сергей Есенин.

С. ЕСЕНИН, С. КЛЫЧКОВ, В. НАСЕДКИН

СТИХИ

Альманах «Круг» (1924, кн. 3). Обложка и дарственная надпись С.А.Есенина А.А.Берзинь на этой книге.



ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ.

Еще закон не утвердел,
Страна шумит как непогода.
Хлестнула дерзко за предел,
Нас отравившая, свобода.

Россия! Сердцу милый край!
Душа сжимается от боли.
Уж сколько лет не слышит поле
Петушье пенье, песий лай.

Уж сколько лет наш тихий быт
Утратил мирные глаголы.
Как оспой ямами копыт
Изрыты пастбища и долы.

Немолчный топот, громкий стон,
Визжат тачанки и телеги..
Уже-ль я сплю и вижу сон,
Что с копьями со всех сторон
Нас окружают печенеги?

Не сон! Не сон! Я вижу въявь,
Ничем не усыпленным взглядом,
Как лошадей пускают вплавь,
Отряды скачут за отрядом.

227

Куда он, где война?
Степная вольница внемлет слову.
Не знаю, светит ли луна
Или всадник обронил подкову.

Все спуталось. Но понял взор:
Страну родную в край от края,
Огнем и саблями сверкая,
Между [illegible] рвет раздор.

. . . . . .

Россия! Страшный чудный звон!
В деревьях—березь, в цвесть—подснежник.
Откуда закатился он,
Тебя встревоживший мятежник?

Суровый гений, он меня
Влечет не по своей фигуре,
Он не садился на коня
И не летел на встречу буре.

Сплеча голов он не рубил,
Не обращал в побег пехоту.
Одно в убийстве он любил —
Перепелиную охоту.

Для нас условен стал герой.
Мы любим тех, что в черных масках,
А он с соплявой детворой
Зимой катался на салазках.

И не носил он тех волос,
Что льют успех на женщин томных,—

228

Он с мыслью, как подпасс,
Глядел скромней из самых скромных.

Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной
Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной
Но он потряс [illegible] умы и вей,
Круги свирепей непогоды,
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей.

Была пора жестоких лет,
Нас пестовали злые лозы.
На поприще крестьянских бед
Цвели империи сатрапы

Монархия! Зловещий сарай!
Веками шли пиры за пиром,
И продал власть аристократ
Промышленникам и банкирам

Народ стонал и в эту муть
Страна ждала кого-нибудь.
И он пришел . . . . . .

. . . . . .

[illegible] он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.

Он нам сказал: чтоб кончить муки,
Берите все в рабочьи руки.

Для вас спасенья больше нет
Как ваша власть и ваш совет.

229

И мы пошли под визг мятели,
Куда глаза его глядели,

Пошли туда, где видел он
Освобожденье всех племен.

. . . . . .

И вот он умер. Плач досадея.
Не славит Муза голос бед .
Из медно—лающих громадин
Салют последний дядь, дядей,
Того, кто спас нас, больше нет.

[illegible]

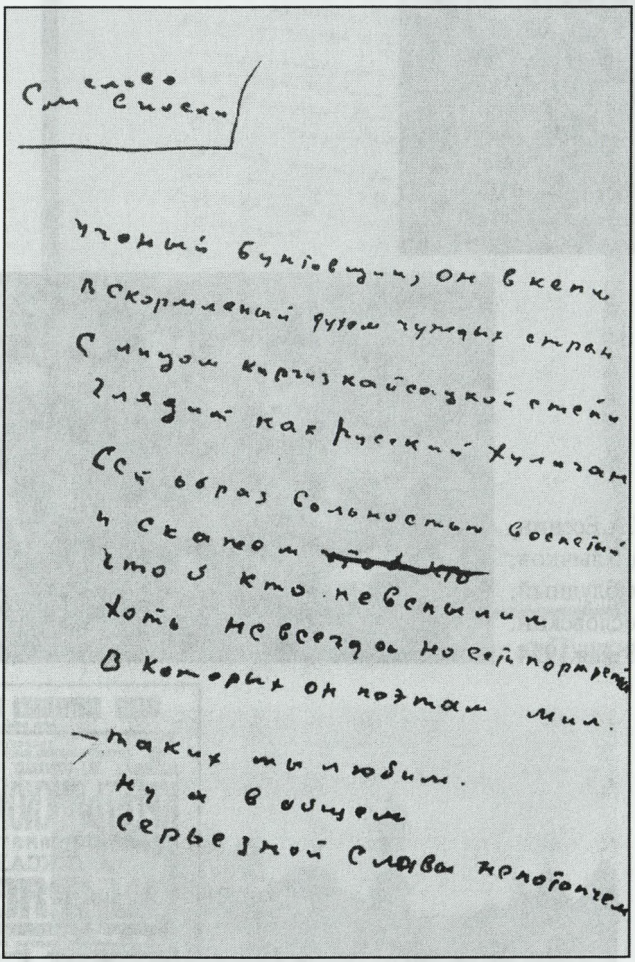
Его уж нет!
А те ли в силе,
А те куда девались он
Страну в бушующем раздолье
Желали заковать в бетон.

Для них не [illegible]
Ленин Умер!
Их смерть к тому не привела
Еще суровей и угрюмей
Они творят его дела.

230

С. Есенин.

С.А.Есенин. Отрывок из поэмы <«Гуляй-поле»>. Текст из альманаха «Круг» (1924, кн. 3) с правкой и вставками автора.


Смелое
Стихи

Чтоб ни был Буковецкий он в кепи
В искромсанной фуфле чужих стран
С лицом кирпичного цвета
Глядит как русский хулиган

Ест образ Солнцестан Восстанья
И станет ~~что-то кто~~
что и кто не вечными
Хоть не всегда он свой портрет
В которых он поэтам мил.

— таких ты любим.
Ну и в общем
Серьезной славы добивается

Могила А.В.Ширяевца и крест, установленный на ней в день похорон поэта. Фото.

С.А.Есенин, С.А.Клычков, И.Приблудный, Н.В.Богословский. Фото. 23 мая 1924.

ЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО РАБОЧЕГО КЛУБА

ТВЕРСКОЕ ... УСТРАИВАЕТ ВЕЧЕР

9 ИЮНЯ 9 ИЮНЯ

КРЕСТЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

ПАМЯТИ

АЛЕКСАНДРА

ШИРЯЕВЦА

С УЧАСТИЕМ ПОЭТОВ

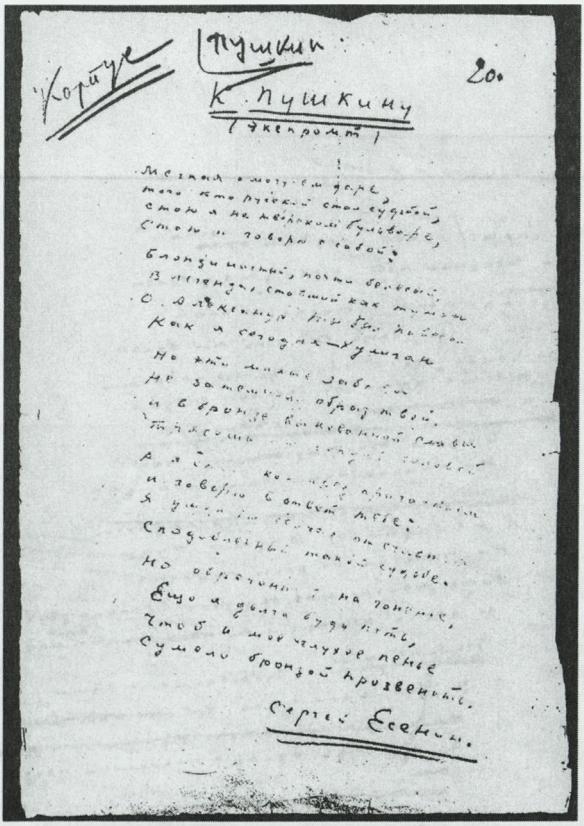
Сергея Есенина, Сергея Клычкова, Анатолия Мариенгофа, Осипа Колобкова, Петра Орешина, Ефима Шаца

1. Поэт Александр ШИРЯЕВЕЦ — Доклад Петра Орешина
2. Прочтут стихи, посвященные Александру ШИРЯЕВЦУ:

ПРОЧТУТ СВОИ НОВЫЕ СТИХИ.

НАЧАЛО РОВНО В 8 ЧАСОВ ВЕЧЕРА.

Афиша вечера памяти А.В.Ширяевца в здании Центрального рабочего клуба (кинотеатр «Гигант»). 9 июня 1924.


Пушкин

К Пушкину

(Экспромт)

20.

Мелкий смотритель дорог,
тот, что путевой стол судьбы,
стоя на тверском бульваре,
стоит и говорит с собой:

Бронзы многопудье, поэт бронзовый,
в цилиндре стоящий как тумба,
с Арбата сошедший, бронзовый идол,
как и сегодня — чужак.

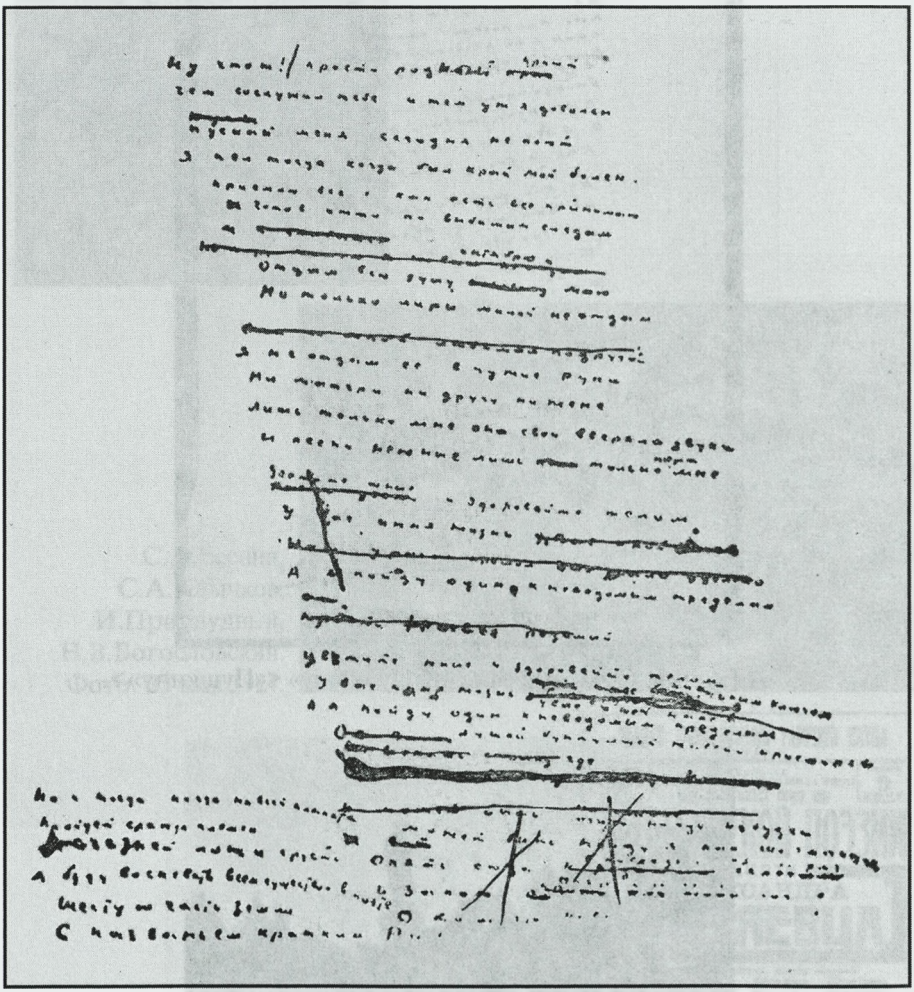
Не тот мне дорог,
не запомнился образ твой,
а в бронзе вылитой славы
тяжесть...

...
...
и поверю в отчий дом.
...
Сладкозвучный такой сущий,
но обреченный на гонение,
еще и долго будешь петь,
чтоб и мои чадные пени
сумели бронзой произвенить.

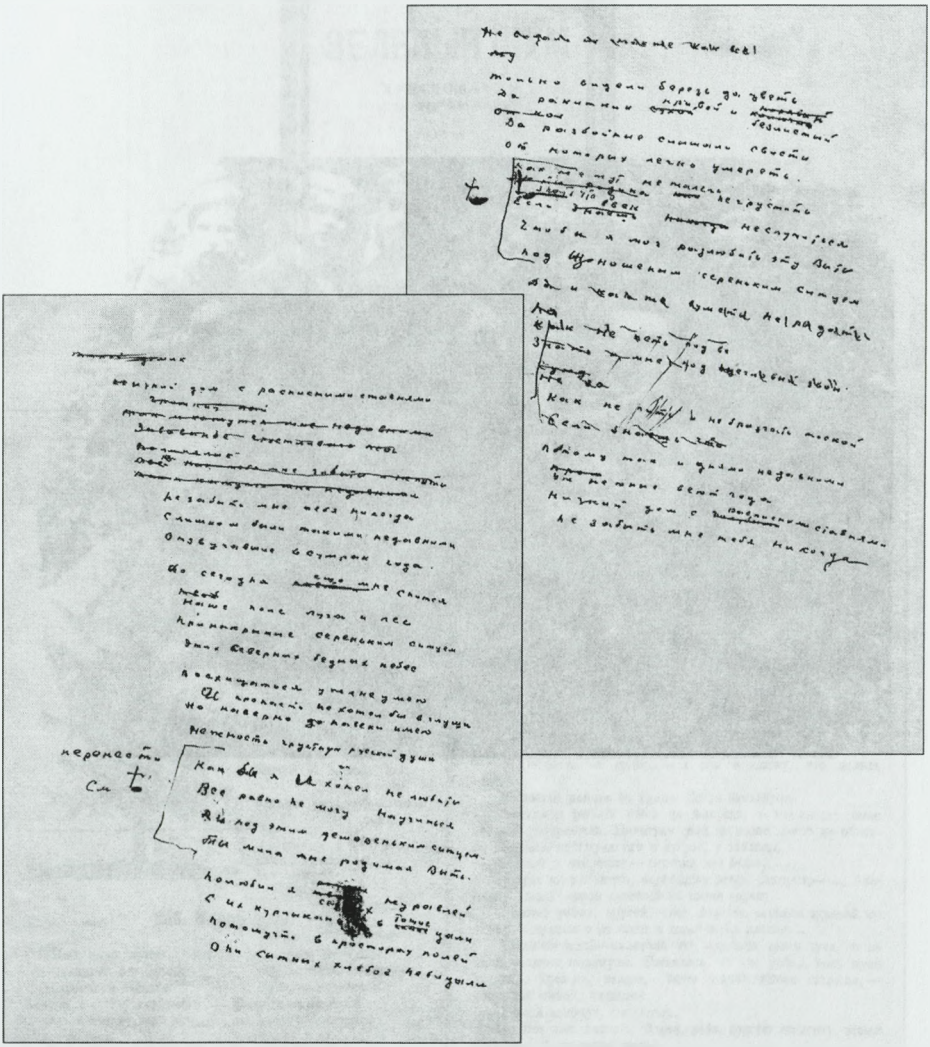
Сергей Есенин.

С.А.Есенин. Стихотворение «К Пушкину» <«Пушкину»>.

С.А.Есенин возлагает цветы к памятнику А.С.Пушкину на Тверском бульваре. Фото. 6 июня 1924.

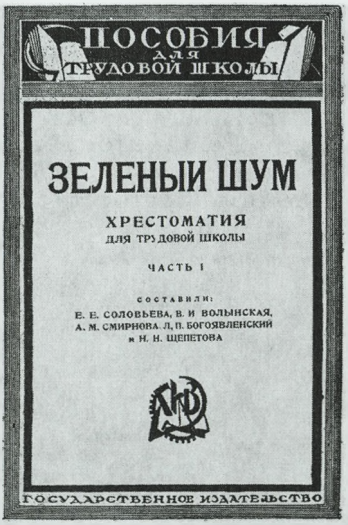


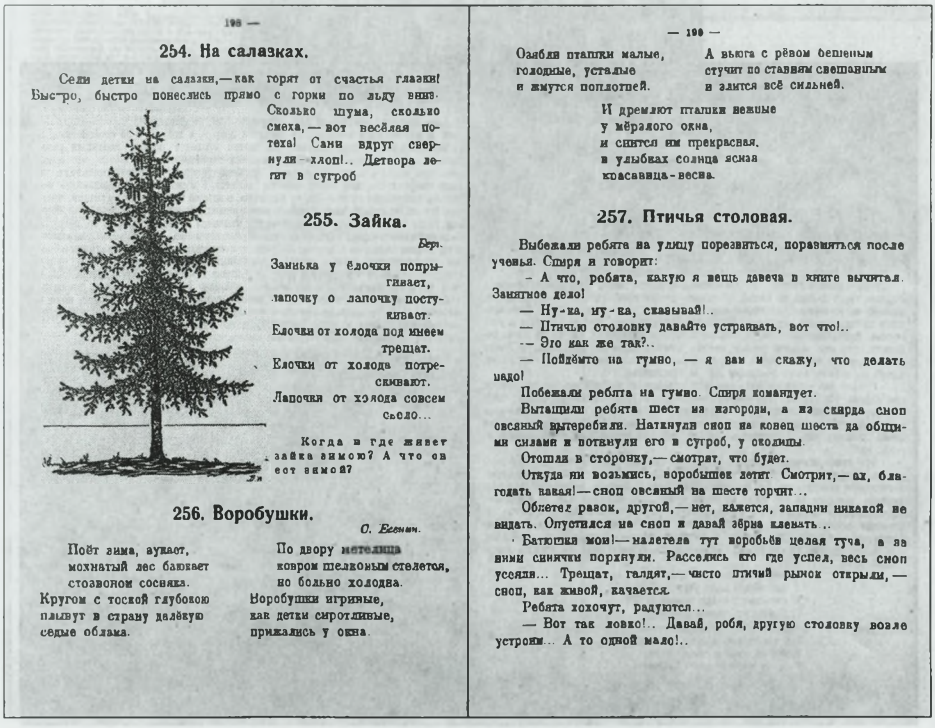
С.А.Есенин. Стихотворение «Русь советская». Фрагмент автографа.



С.А.Есенин. Стихотворение «Низкий дом с расписными ставнями…» <«Низкий дом с голубыми ставнями…»>. Автограф.

С.А.Есенин и В.И.Эрлих со студентами Сельскохозяйственного института у памятника А.С.Пушкину. Фото. 1924.





198 —

254. На салазках.

Сели детки на салазки,— как горят от счастья глазки! Быстро, быстро понеслись прямо с горки по льду вниз. Сколько шуму, сколько смеха,— вот весёлая потеха! Сани вдруг свернули — хлоп!.. Детвора летит в сугроб

255. Зайка.

Бер.

Зинька у ёлочки попрыгивает,
лапочку о лапочку постукивает:
Ёлочки от холода под инеем трещат.
Ёлочки от холода потрескивают.
Лапочки от холода совсем сьело...

Когда и где живет зайка зимою? А что он ест зимой?

256. Воробушки.

С. Есенин.

Поёт зима, аукает,
мохнатый лес баюкает
стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
плывут в страну далёкую
седые облака.

По двору метелица
ковром шелковым стелется,
но больно холодна.
Воробушки игривые,
как детки сиротливые,
прижались у окна.

— 199 —

Озябли пташки малые,
голодные, усталые
и жмутся поплотней.

А вьюга с рёвом бешеным
стучит по ставням свешанным
и злится всё сильней.

И дремлют пташки нежные
у мёрзлого окна,
и снится им прекрасная,
в улыбках солнца ясная
красавица-весна.

257. Птичья столовая.

Выбежали ребята на улицу порезвиться, поразмяться после ученья. Спиря и говорит:

– А что, ребята, какую я вещь давеча в книге вычитал. Занятное дело!

— Ну-ка, ну-ка, сказывай!..

— Птичью столовку давайте устраивать, вот что!..

— Это как же так?..

— Пойдёмте на гумно, — я вам и скажу, что делать надо!

Побежали ребята на гумно. Спиря командует.

Вытащили ребята шест на огороды, а из скирда снопов овсяный вытеребили. Натянули сноп на конец шеста да общими силами и потянули его в сугроб, у околицы.

Отошли в сторонку,— смотрят, что будет.

Откуда ни возьмись, воробышек летит. Смотрит,— ах, благодать какая!— сноп овсяный на шесте торчит...

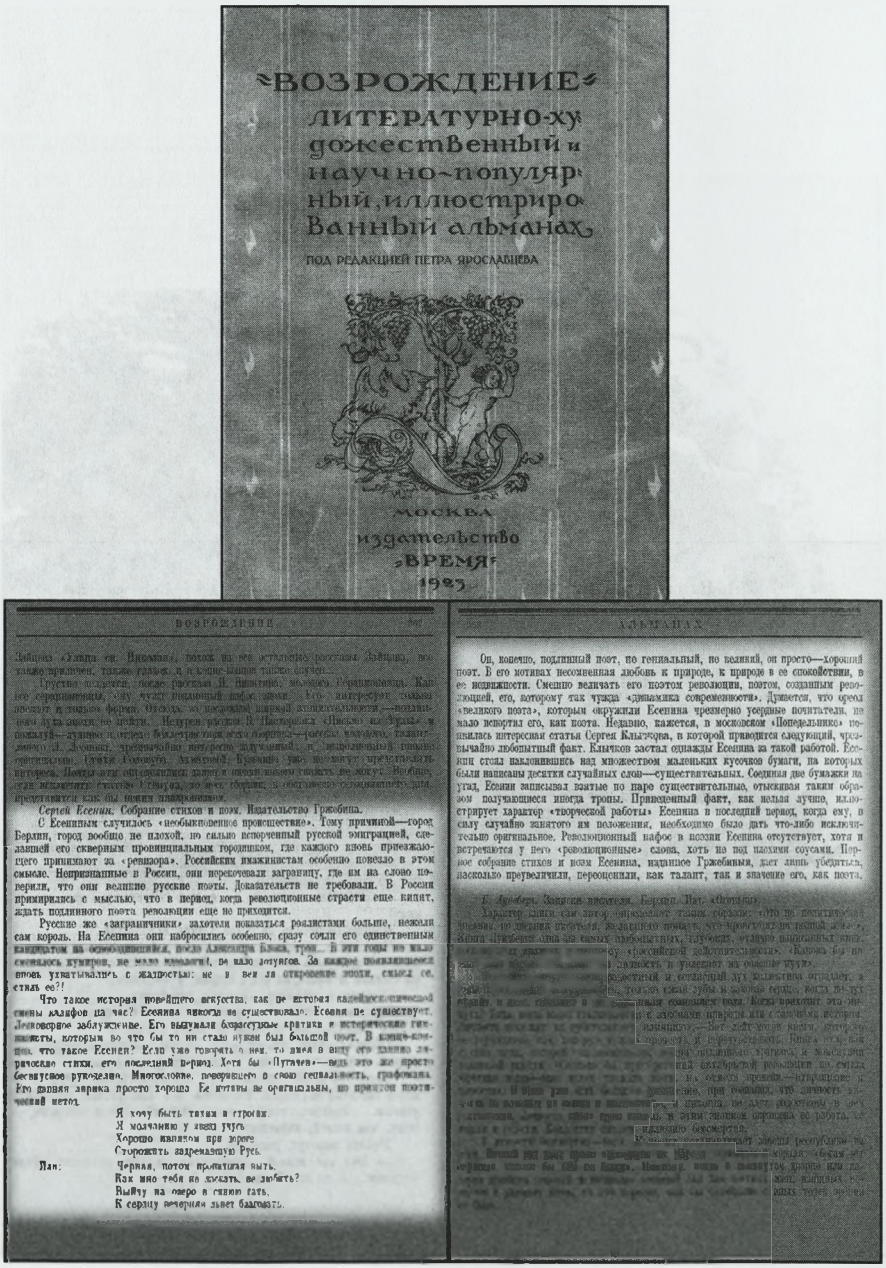
Облетел разок, другой,— нет, кажется, западни никакой не видать. Опустился на сноп и давай зёрна клевать...

Батюшки мои!— налетела тут воробьёв целая туча, а за ними синички порхнули. Расселись кто где успел, весь сноп усеяли... Трещат, галдят,— чисто птичий рынок открыли,— сноп, как живой, качается.

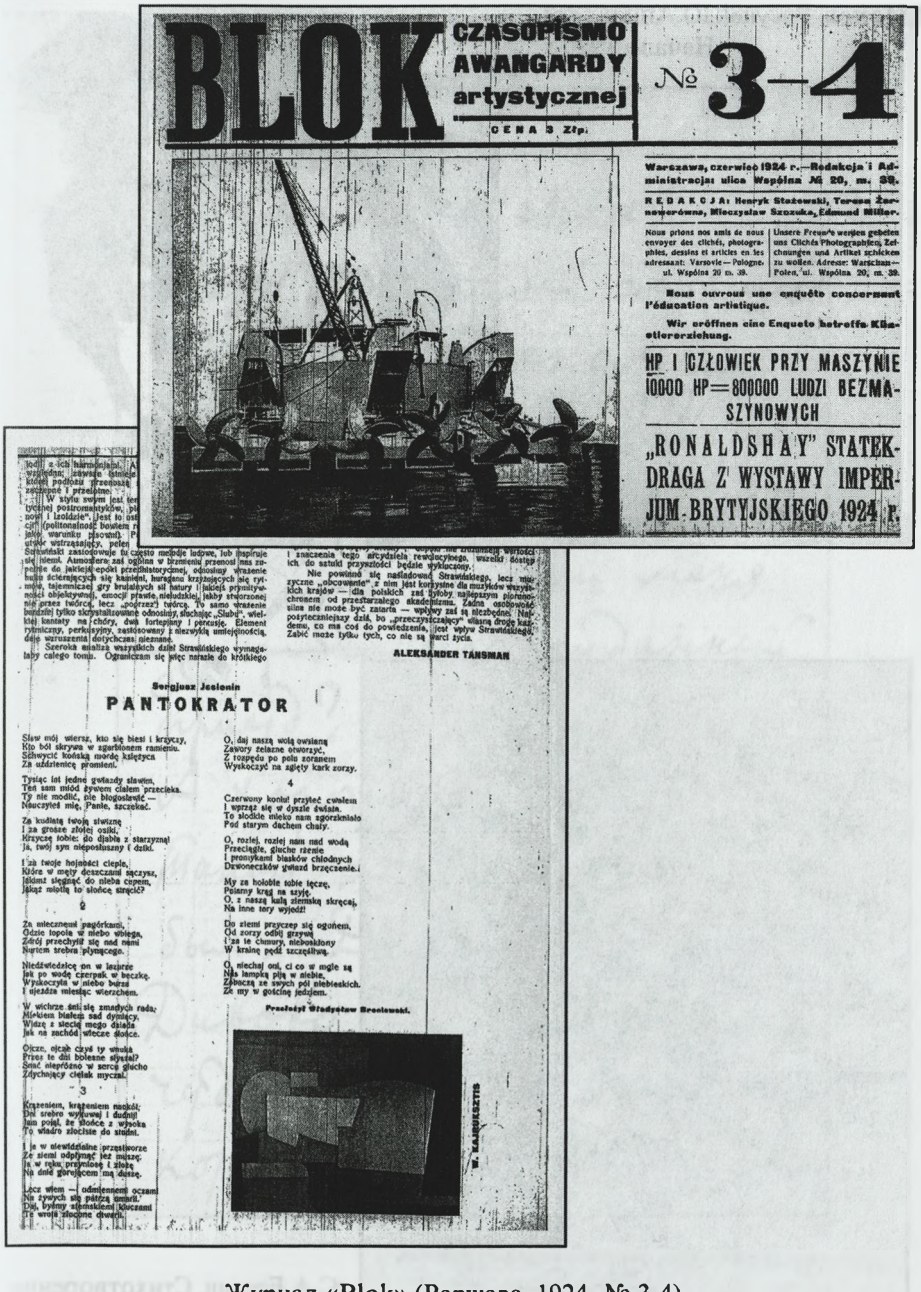
Ребята хохочут, радуются...

— Вот так ловко!.. Давай, робя, другую столовку возле устроим... А то одной мало!..

Книга «Зеленый шум: Хрестоматия для трудовой школы» (М., 1924). Обложка и страницы со стихотворением С.А.Есенина «Воробушки» <«Поет зима, аукает...»>.



Альманах «Возрождение» (М., т. 2).
Обложка и страницы с рецензией на «Собрание стихов и поэм» С.А.Есенина (Берлин, 1922).



BLOK
CZASOPISMO AWANGARDY artystycznej
CENA 3 Złp.
№ 3–4

Warszawa, czerwiec 1924 r.—Redakcja i Administracja: ulica Wspólna № 20, m. 39.

REDAKCJA: Henryk Stażewski, Teresa Żarnowerówna, Mieczysław Szczuka, Edmund Miller.

Nous prions nos amis de nous envoyer des clichés, photographies, dessins et articles en les adressant: Varsovie—Pologne, ul. Wspólna 20 m. 39.

Unsere Freunde werden gebeten uns Clichés Photographien, Zeichnungen und Artikel schicken zu wollen. Adresse: Warschau—Polen, ul. Wspólna 20, m. 39.

Nous ouvrons une enquête concernant l'éducation artistique.

Wir eröffnen eine Enquete betreffs Kunsterziehung.

HP I CZŁOWIEK PRZY MASZYNIE
10000 HP = 800000 LUDZI BEZMASZYNOWYCH

„RONALDSHAY" STATEK-DRAGA Z WYSTAWY IMPERJUM BRYTYJSKIEGO 1924 r.

ALEKSANDER TAŃSMAN

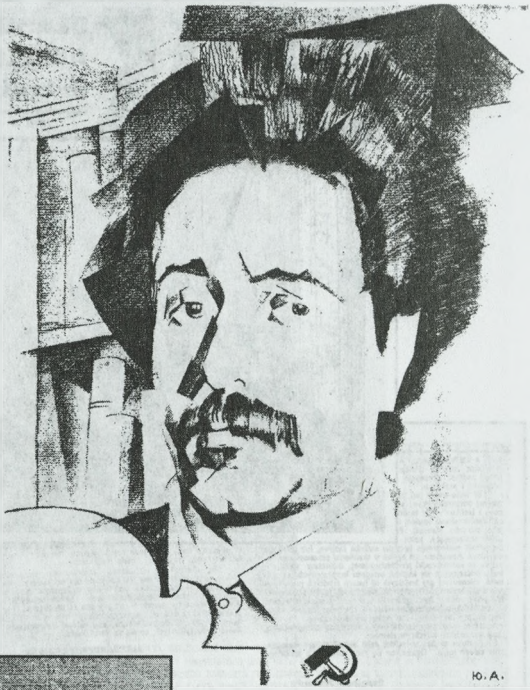
Sergjusz Jesienin

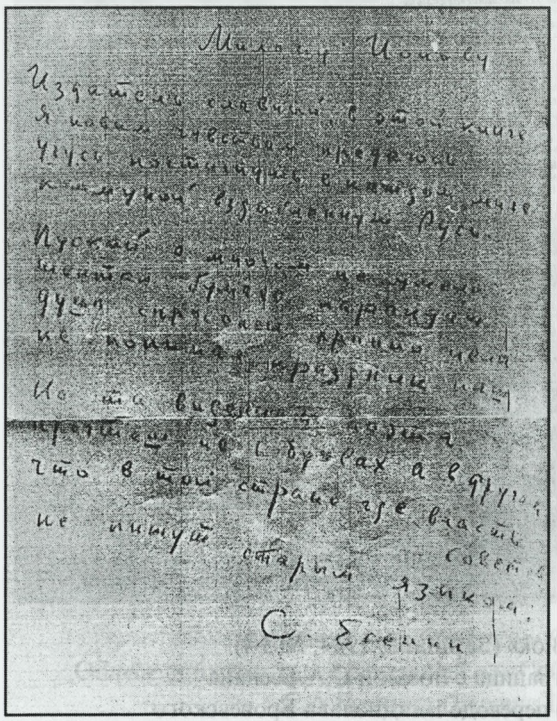
PANTOKRATOR

Przełożył Władysław Broniewski.

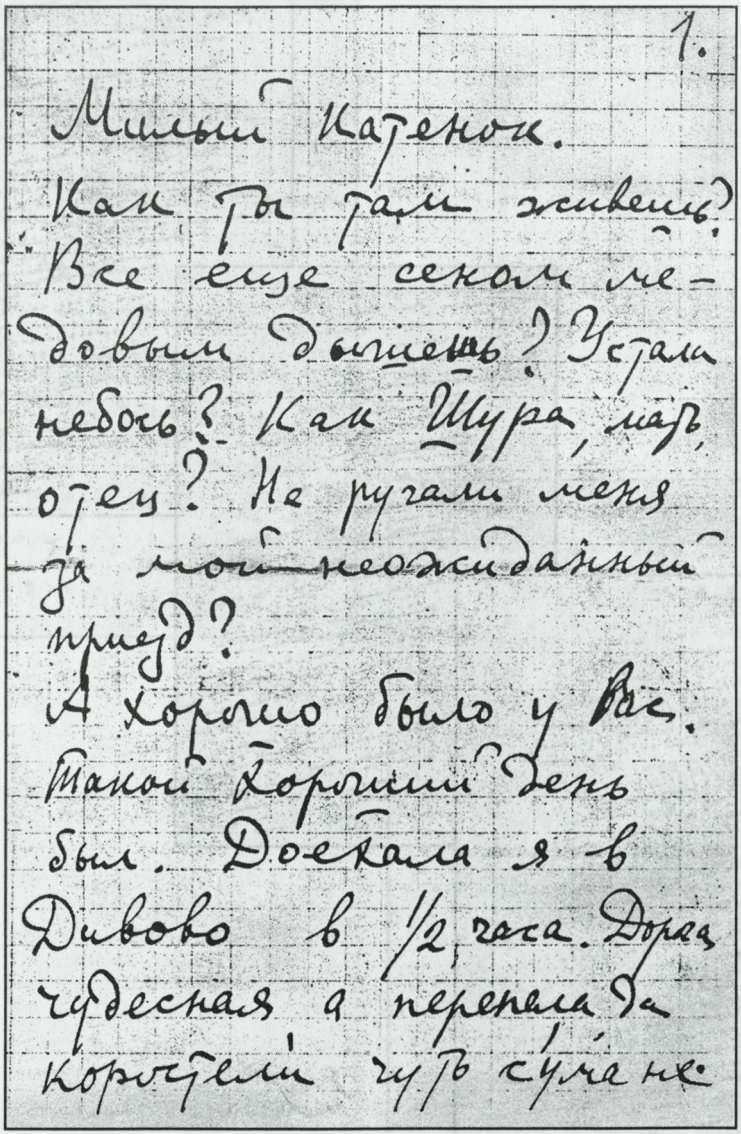
Журнал «Blok» (Варшава, 1924, № 3-4).
Обложка и страница с поэмой С.А.Есенина
«Пантократор» в переводе Владислава Броневского

И.Ионов. Рисунок Ю.Анненкова. Начало 1920-х.





С.А.Есенин. Стихотворение «Издатель славный! В этой книге...». Автограф.



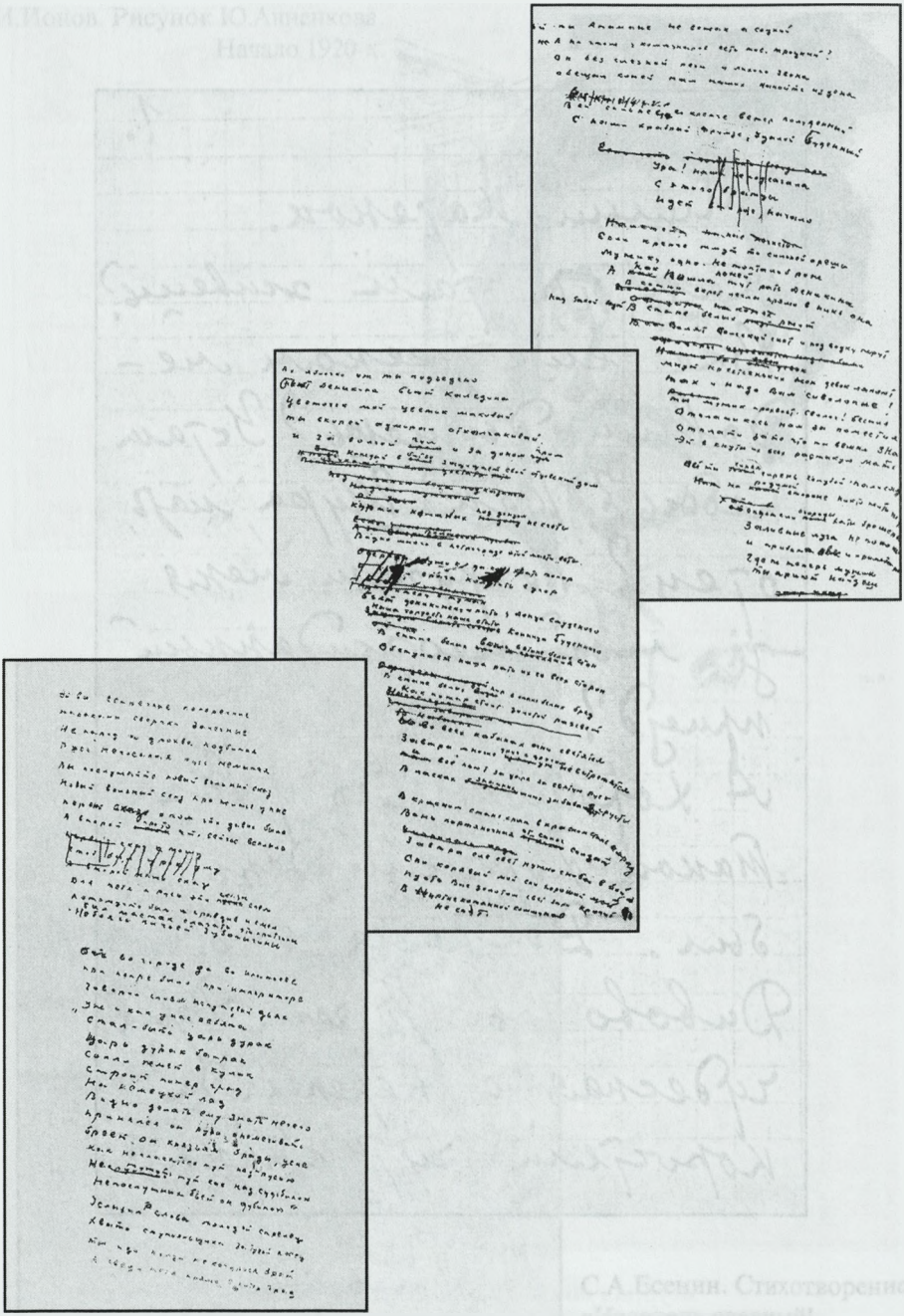
1.

Милый Каренок.

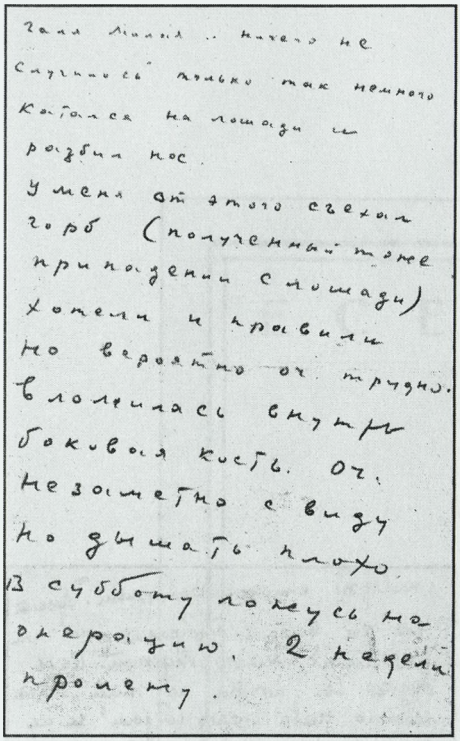
Как ты там живешь? Все еще сенокосными дождями? Устала небось? Как Шура, мать, отец? Не ругали меня за мой неожиданный приезд?

А хорошо было у Вас. Такой хороший день был. Доехала я в Дивово в 1/2 часа. Дорога чудесная а перепела да коростели чуть с ума не

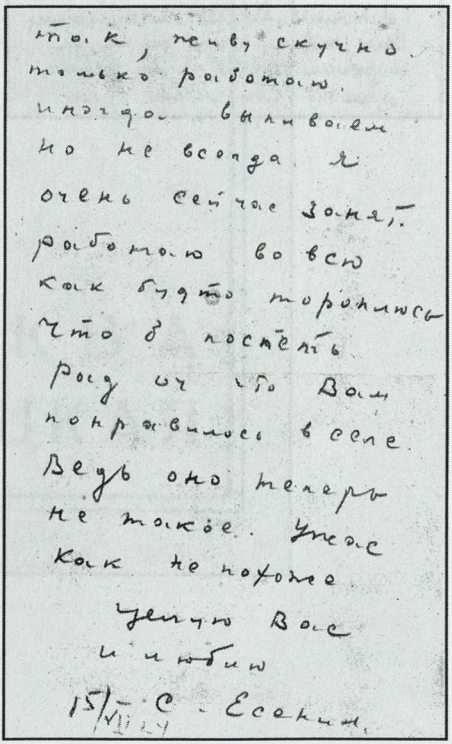
Г.А.Бениславская. Письмо к Е.А.Есениной. Фрагмент автографа. 12 июля 1924.



С.А.Есенин. Поэма «Песнь о великом походе». Фрагменты автографа.

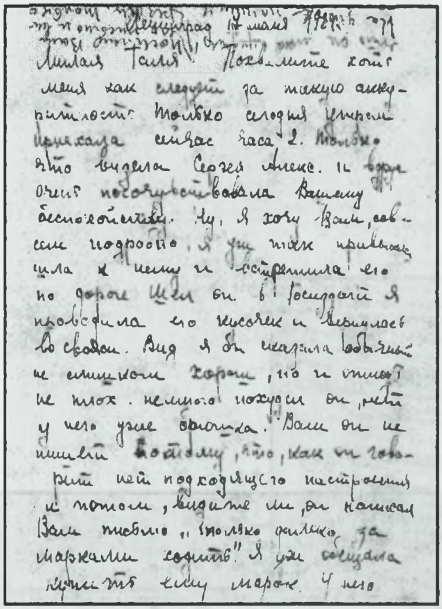


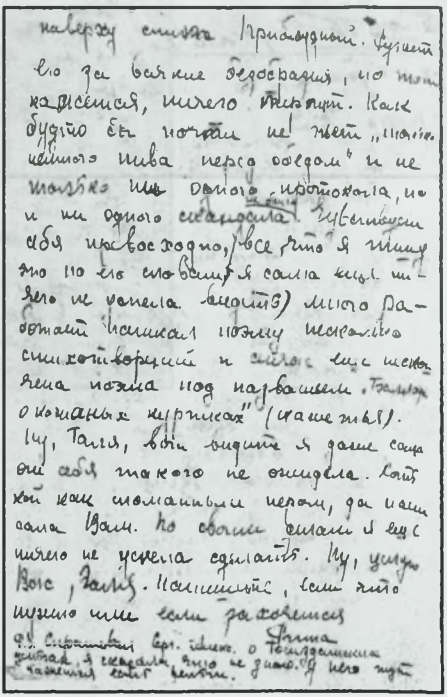
Таня Милая .. ничего не
случилось только так немного
Когда я на лошади и
разбил нос.
У меня от этого сделался
горб (полученный тоже
при падении с лошади)
Хотели и правили
но вероятно он трудно.
Вломилась внутрь
боковая кость. Он
незаметно с виду
но дышать плохо.
В субботу поеду на
операцию. 2 недели
пробуду.



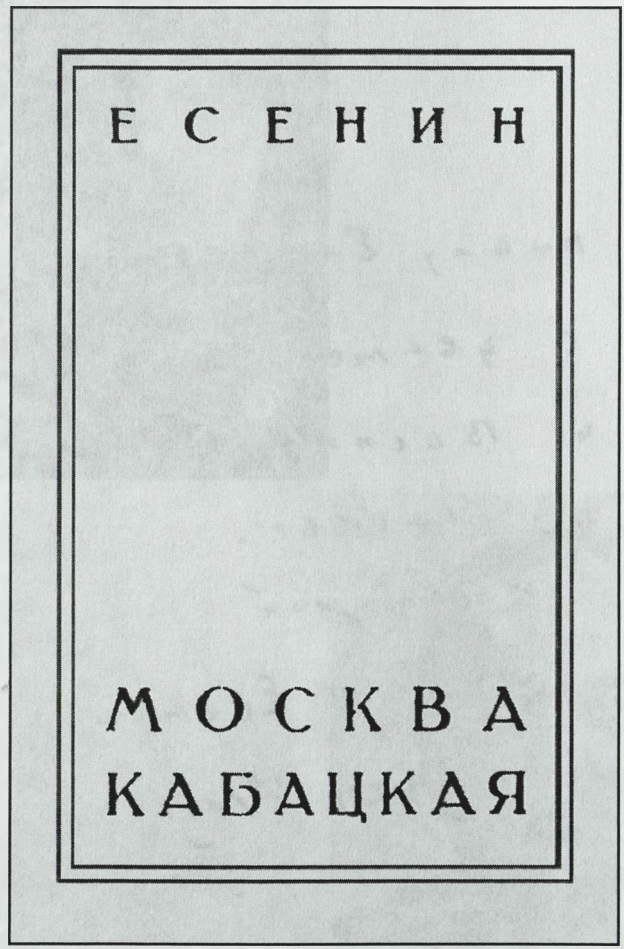
ток, теперь скучно.
только работаю.
иногда выпиваем
но не всегда. А
очень сейчас занят,
работаю во всю
как будто тороплюсь
что-то успеть.
Рад он что Вам
понравились в селе.
Ведь оно теперь
не такое. Улиц
как не похоже.
Целую Вас
и люблю
15/VII-24 С. Есенин.

С.А.Есенин. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф. 15 июля 1924.

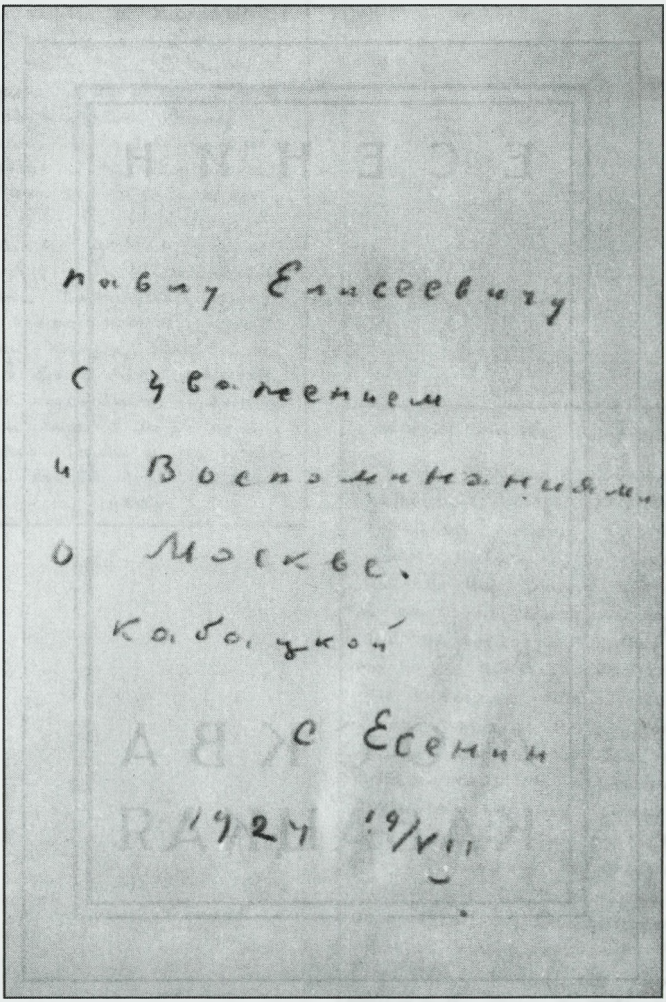




М.И.Лившиц. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф. 17 июля 1924.



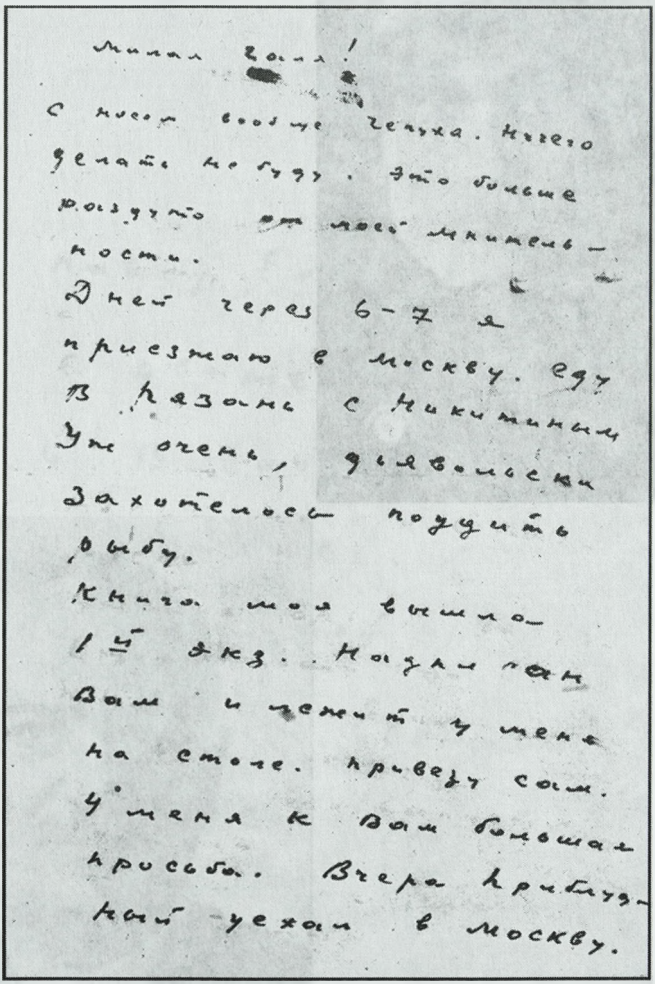
С.А.Есенин. Москва кабацкая (Л., 1924). Обложка.



С.А.Есенин. Дарственная надпись П.Е.Щёголеву на книге «Москва кабацкая». 19 июля 1924.

А.А.Ахматова. Фото. 1924.

И.М.Майский. Фото. 1930-е. (?).



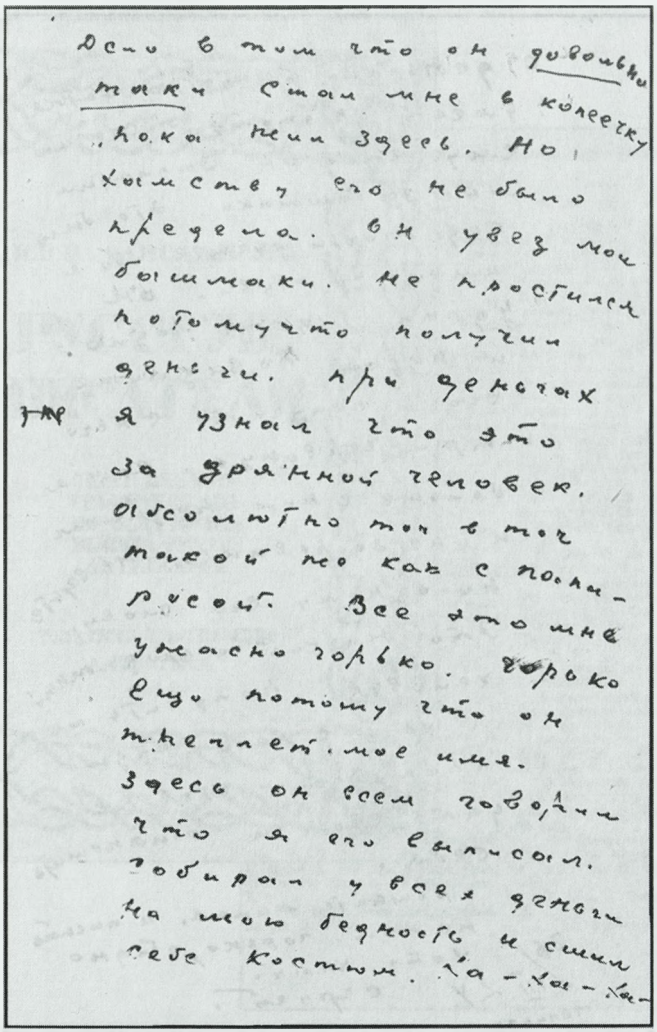
Милая [redacted]!

С письмом вообще чепуха. Ничего делать не буду. Это больше похоже от моей мнительности.

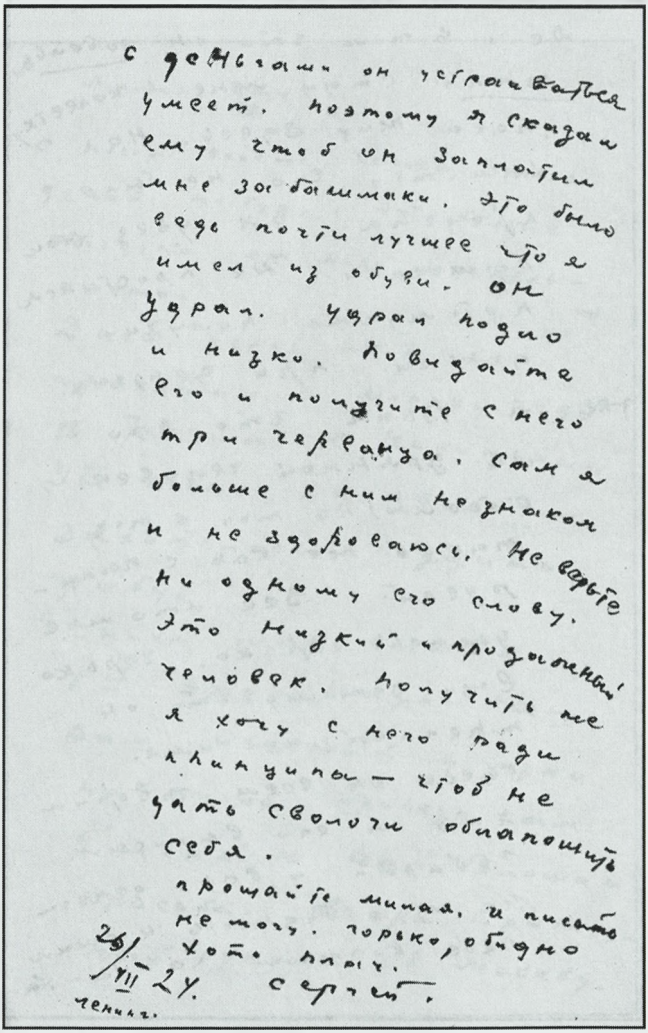
Дней через 6–7 я приезжаю в Москву. Еду в Казань с Никитиным. Уж очень, очень мне захотелось поудить рыбу.

Книга моя вышла 1-м изд. Когда-нибудь пришлю Вам и пожму у меня на столе. Привезу сам. У меня к Вам большая просьба. Вчера Клычков уехал в Москву.

С.А.Есенин. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф. 26 июля 1924.



Дело в том что он довольно
таки стоил мне в копеечку
пока меня здесь. Но
Хомяков его не было
предела. Он увез мои
большаки. Не простился
ни с кем что получил
деньги. При деньгах
я узнал что это
за дрянной человек.
Абсолютно так в точ
такой же как с поля-
ковым. Все это мне
ужасно горько. Горько
еще потому что он
тяготит мое имя.
Здесь он всем говорил
что я его выписал.
Собирал у всех деньги
на мою бедность и сшил
себе костюм. Ха-ха-ха-

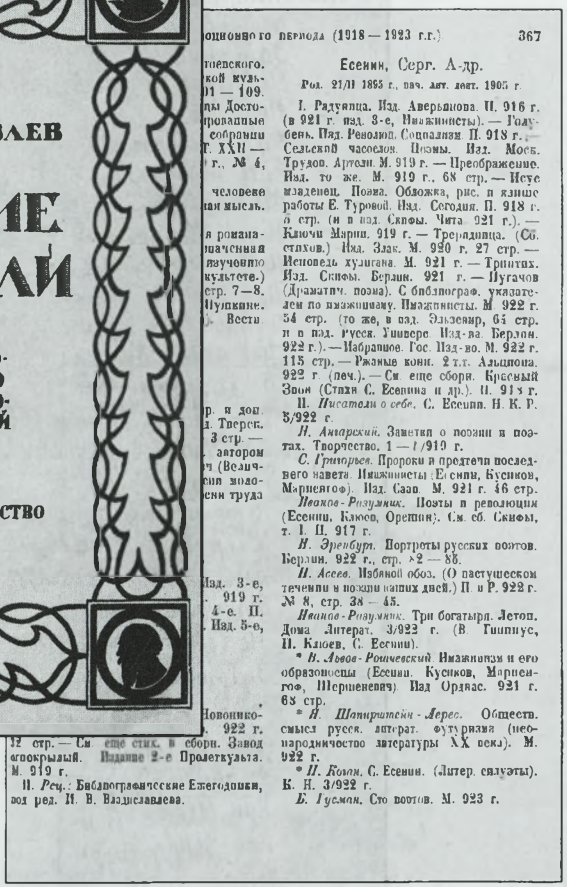


С деньгами он устраиваться
умеет. поэтому я сказал
ему чтоб он заплатил
мне за башмаки. это было
ведь почти лучшее что я
имел из обуви. он
удрал. удрал подло
и низко. Повидайте
его и получите с него
три червонца. Сам я
больше с ним не знаком
и не здороваюсь. Не верьте
ни одному его слову.
Это низкий и продажный
человек. Получить не
я хочу с него ради
принципа — чтоб не
дать своими обманошить
себя.

Прощайте милая. И писать
не могу. горько, обидно
хоть плачь.

26/VII 24. Сергей.

Ленинг.



ощного периода (1918—1923 г.г.) 367

Есенин, Серг. А-др.

Рож. 21/II 1895 г., пач. лит. деят. 1905 г.

I. Радуница. Изд. Аверьянова. П. 916 г. (в 921 г. изд. 3-е, Имажинисты). — Голубень. Изд. Революц. Социализм. П. 918 г. — Сельский часослов. Поэмы. Изд. Моск. Трудов. Артели. М. 919 г. — Преображение. Изд. то же. М. 919 г., 68 стр. — Исус младенец. Поэма. Обложка, рис. и изящ. работы Е. Туровой. Изд. Сегодня. П. 918 г. 6 стр. (и в изд. Скифы. Чита. 921 г.). — Ключи Марии. 919 г. — Трерядница. (Сб. стихов.) Изд. Злак. М. 920 г. 27 стр. — Исповедь хулигана. М. 921 г. — Триптих. Изд. Скифы. Берлин. 921 г. — Пугачов (Драматич. поэма). С библиограф. указателем по имажинизму. Имажинисты. М. 922 г. 54 стр. (то же, в изд. Эльзевир, 64 стр. и в изд. Русск. Универс. Изд-ва. Берлин. 922 г.). — Избранное. Гос. Изд-во. М. 922 г. 115 стр. — Ржаные кони. 2 т.т. Альционы. 922 г. (печ.). — См. еще сборн. Красный Звон (Стихи С. Есенина и др.). П. 918 г.

II. *Писатели о себе.* С. Есенин. Н. К. Р. 3/922 г.

Н. Анцирский. Заметки о поэзии и поэтах. Творчество. 1 — 1/919 г.

С. Григорьев. Пророки и предтечи последнего завета. Имажинисты (Есенин, Кусиков, Мариенгоф). Изд. Сазо. М. 921 г. 46 стр.

Иванов-Разумник. Поэты и революция (Есенин, Клюев, Орешин). См. сб. Скифы, т. I. П. 917 г.

И. Эренбург. Портреты русских поэтов. Берлин. 922 г., стр. 82 — 86.

И. Ассеев. Избяной обоз. (О пастушеском течении в поэзии наших дней.) П. и Р. 922 г. № 8, стр. 38 — 45.

Иванов-Разумник. Три богатыря. Летоп. Дома Литерат. 3/922 г. (В. Гиппиус, П. Клюев, С. Есенин).

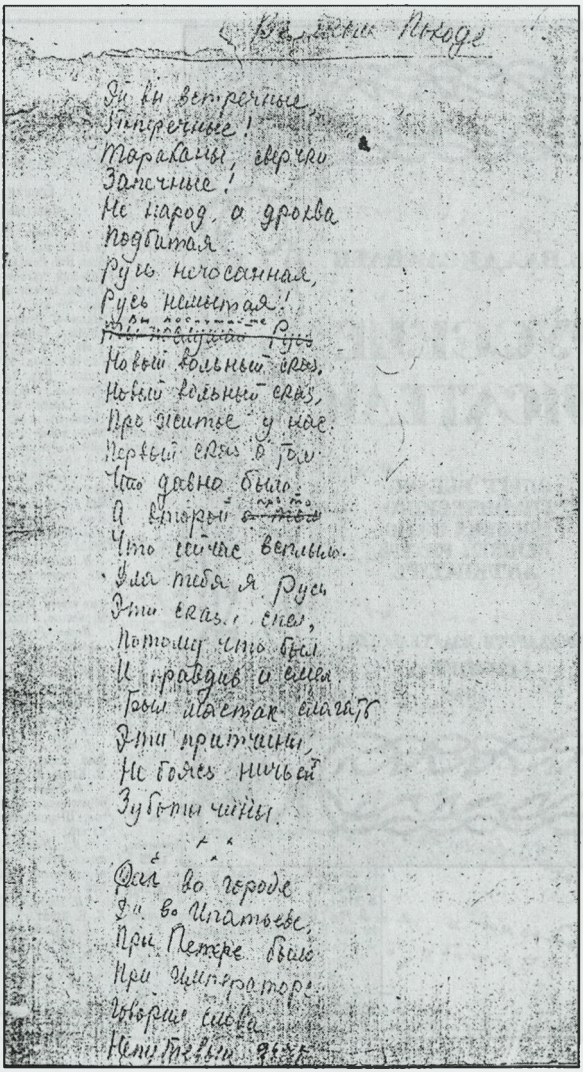
* *В. Львов-Рогачевский.* Имажинизм и его образоносцы (Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич). Изд. Орбис. 921 г. 68 стр.

* *Я. Шапиршейн-Лерет.* Обществ. смысл русск. литерат. футуризма (неонародничество литературы XX века). М. 922 г.

* *П. Коган.* С. Есенин. (Литер. силуэты). К. Н. 3/922 г.

Б. Гусман. Сто поэтов. М. 923 г.

И.В.Владиславлев. Русские писатели: Опыт библиографического пособия... (Л., 1924). Обложка и страница с материалами о С.А.Есенине.

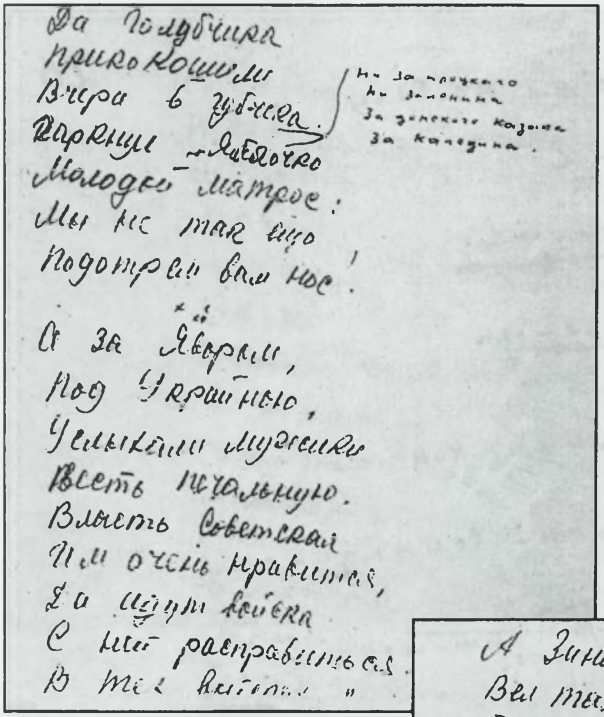


Песнь о великом походе

Эй вы, ветреные
Упрямые!
Тараканы, сверчки
Запечные!
Не народ, а дрова
Подбитая
Русь несосенная,
Русь нищая!
~~Моя новейшая Русь~~
Новый вольный сказ,
Новый вольный сказ,
Про житье у нас
Первый сказ о том
Что давно было.
А теперь ~~о том~~
Что сейчас вершим.
Для тебя я Русь
Это сказ спел,
Потому что был
И правдив и смел
Твой ~~ласковый~~ сказатель
Эти притчины,
Не боясь ничьей
Зуботы чтицы.

Дед во городе
Да во Игатьеве,
При Петре было
При императоре
Говорю сейчас
Немудрёный ~~сказ~~

С.А.Есенин. Поэма «Песнь о великом походе».
Список, выполненный В.И.Эрлихом, с авторской правкой.
Фрагменты.



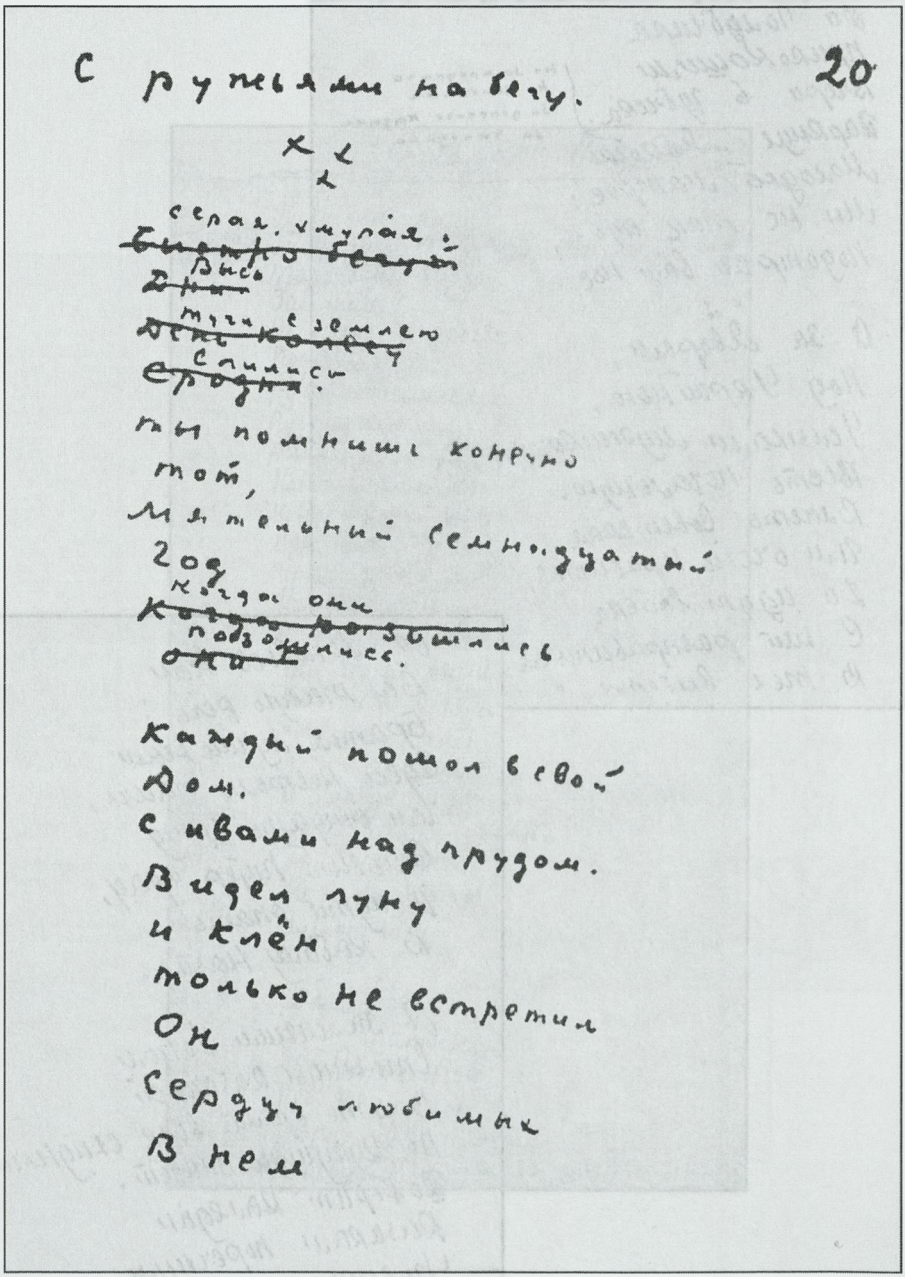
Да голубчика
приколошмы
Вчера в субботу.
Парнищ — девочко
Молодец матрос:
Мы не так ещо
подотрем вам нос!

За Яворы,
под Уярышно,
Уемыкали мужички
Весть печальную.
Власть Советская
Им очень нравится,
За шуры бойка
С ней расправились.
В те [illegible]

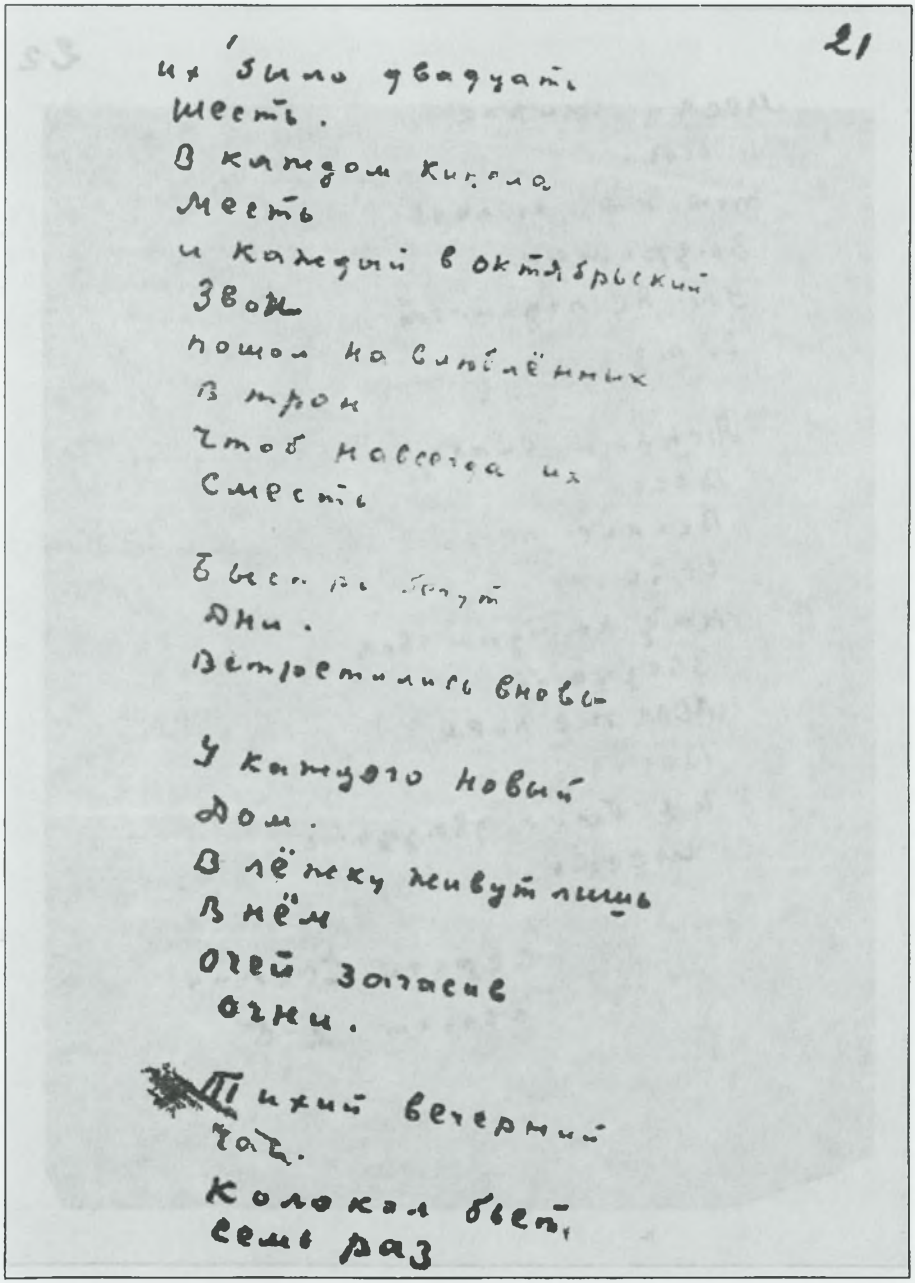
На за плечами
На знамена
За зеленого казака
За молодца.

А Зиновьев вам
Вел такую речь:
— Братья лучше нам
Здесь достойны пасть,
Чем отдать врагу
Вольный Тихий край,
И идти опять
В кабалу назад.

За синий Дон
Степные казаки
В это время вам сходились
По кружили плечи.
Покрыт Каледин
Донской терновым
— Учение партизанов
Вишневым [illegible]



С.А.Есенин. «Поэма о 36». Фрагменты чернового автографа. 2–6 августа 1924.



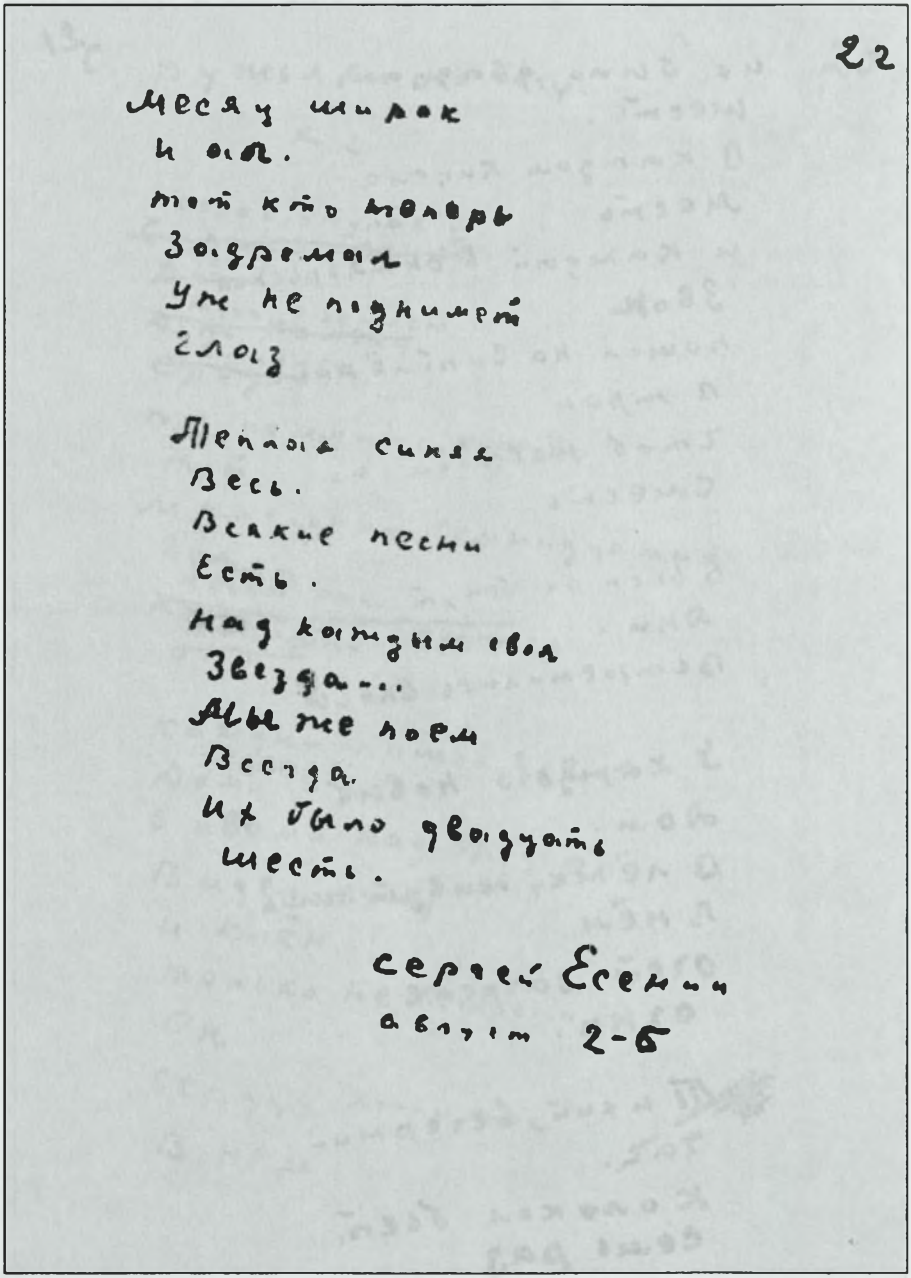
21

их было двадцать
шесть.
В каждом кинжала
месть
и каждый в октябрьский
звон
пошел на синеющих
в трон
чтоб навсегда их
сместь

Быстро бегут
дни.
Встретились вновь-

У каждого новый
дом.
В лёжку живут лишь
в нём
Огней затасне
огни.

Тихий вечерний
час.
Колокол бьет,
семь раз

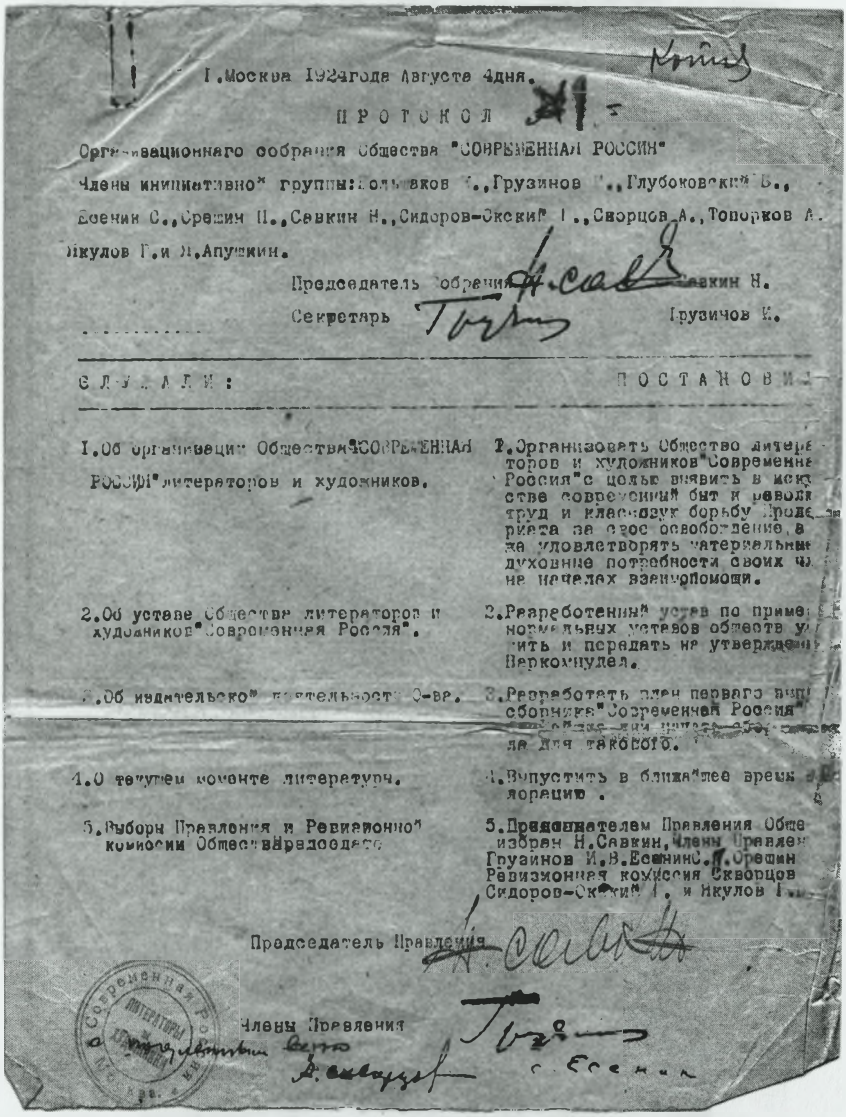


22

Месяц шиповник
и мох.
Тот кто любовь
Задремал
Уже не поднимет
Глаз

Пенилась синяя
Весь.
Всякие песни
Есть.
Над каждым свой
Звездач...
А мы все поем
Всегда.
Их было двенадцать
Шесть.

Сергей Есенин
август 2-6



г.Москва 1924 года Августа 4дня.

ПРОТОКОЛ №1

Организационного собрания Общества "СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ"

Члены инициативной группы: Ольшевиков Г., Грузинов И., Глубоковский Б., Есенин С., Орешин П., Савкин Н., Сидоров-Окский Г., Скворцов А., Топорков А. Якулов Г. и Н. Алушкин.

Председатель собрания Савкин Н.

Секретарь Грузинов И.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Об организации Общества "СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ" литераторов и художников.

1. Организовать Общество литераторов и художников "Современная Россия" с целью выявить в искусстве современный быт и революционный труд и классовую борьбу пролетариата за свое освобождение, а также удовлетворять материальные и духовные потребности своих членов путем взаимопомощи.

2. Об уставе Общества литераторов и художников "Современная Россия".

2. Разработанный устав по примеру нормальных уставов обществ утвердить и передать на утверждение Наркомпрос.

3. Об издательской деятельности О-ва.

3. Разработать план первого выпуска сборника "Современная Россия" [illegible] для такового.

4. О текущем моменте литературы.

4. Выпустить в ближайшее время [illegible] декларацию.

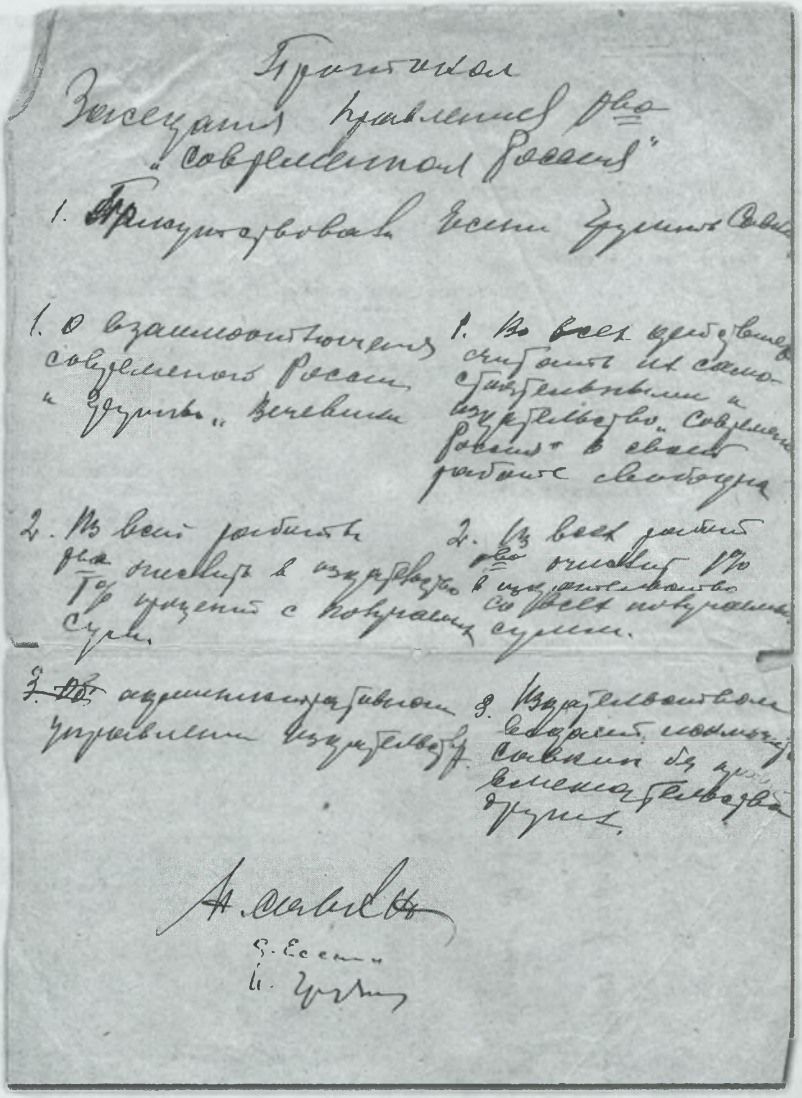
5. Выборы Правления и Ревизионной комиссии Общества.

5. Председателем Правления Общества избран Н. Савкин, Члены Правления Грузинов И. В. Есенин С. А. Орешин Ревизионная комиссия Скворцов Сидоров-Окский Г. и Якулов Г.

Председатель Правления

Члены Правления

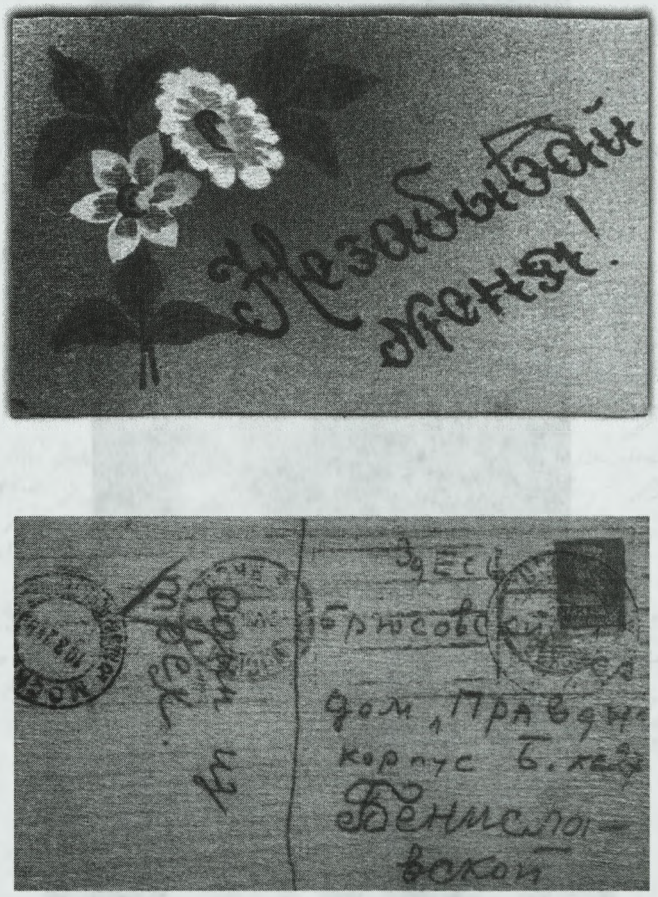
Протокол организационного собрания общества «Современная Россия». 4 августа 1924.



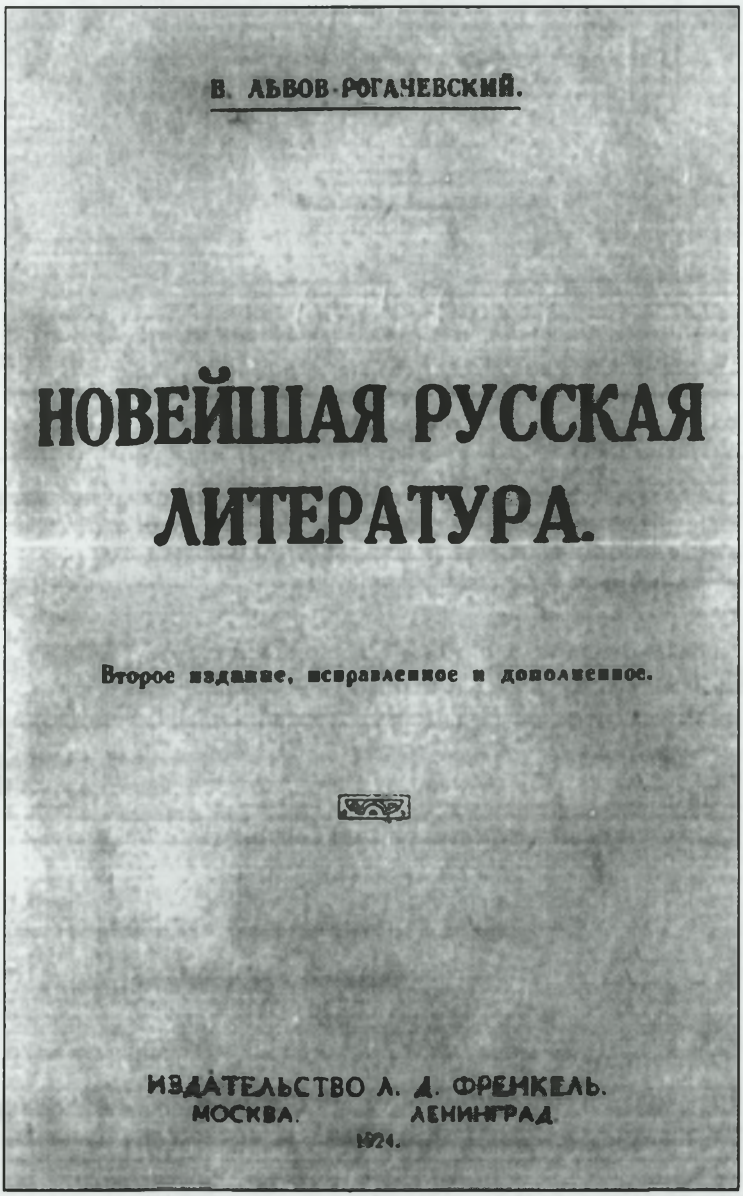
Протокол заседания правления общества «Современная Россия». Август 1924.

И.Бабель. Фото. 1920-е.

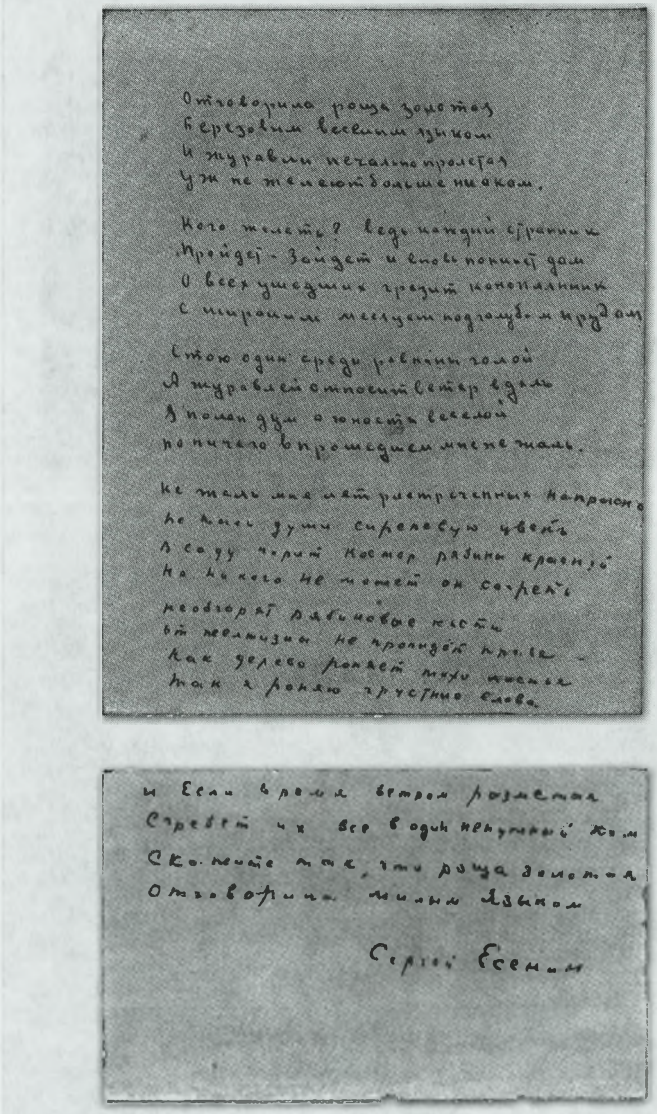
С.Гехт (слева). Фото. 1920-е.



Деревянная пластинка-открытка, отправленная по адресу Г.А.Бениславской. Адрес написан рукой С.А.Есенина. 6 августа 1924.



Книга В.Л.Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература» (М. – Л., 1924, 2-е издание), в которой идет речь о С.А.Есенине. Обложка.



Отговорила роща золотая
Березовым веселым языком
И журавли печально пролетая
Уж не заглянут больше ни в окно.

Кого жалеть? Ведь каждый странник
Пройдет - зайдет и сам покинет дом
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем подпругою и кругом

Стою один среди равнины голой
А журавлей относит ветер вдаль
Я полон дум о юности веселой
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

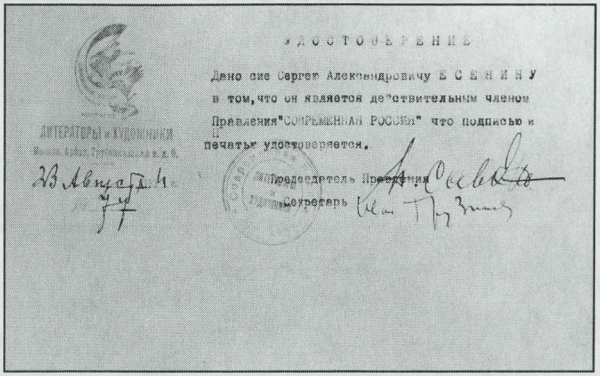
Не жаль мне лет растреченных напрасно
Не жаль души сиреневую цвель
А сердцу горький пепел рябины красной
Но никого не может он согреть

Необозримо рябиновое пламя
От мелколесья не спрячешься нигде
Как дерево роняет тихо листья
Так я роняю грустные слова

И если время вспять отбросить
Стереть и жить все в один невозвратный миг
Скажите так, что роща золотая
Отговорила нежным языком

Сергей Есенин

С.А.Есенин. Стихотворение «Отговорила роща золотая...». Автограф.

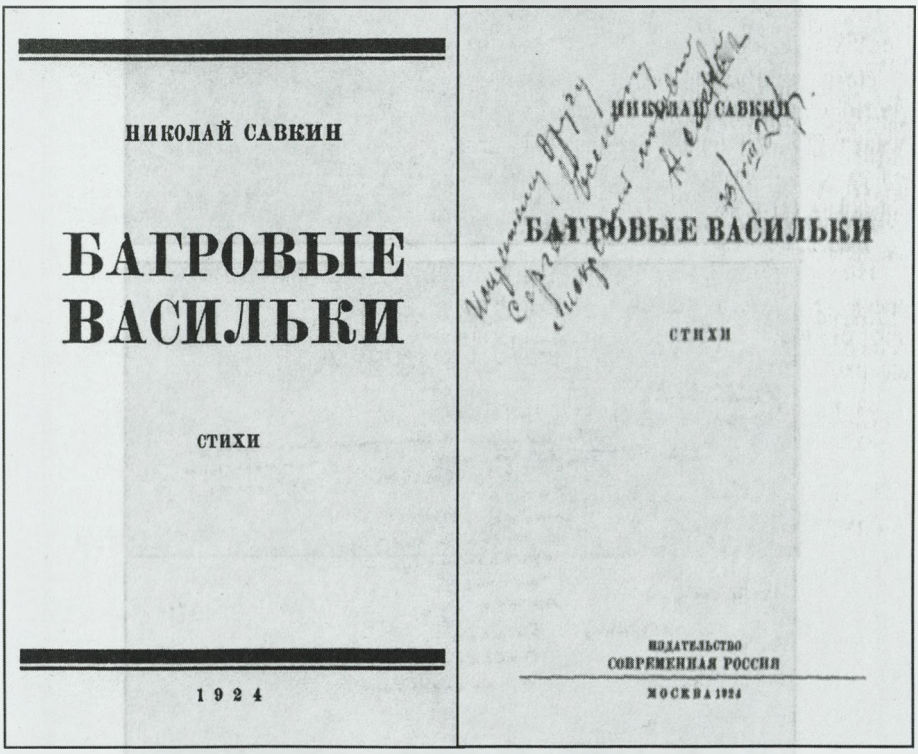


УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие Сергею Александровичу Е С Е Н И Н У
в том, что он является действительным членом
Правления "СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ" что подпись и
печать удостоверяется.

Председатель Правления
Секретарь

Удостоверение С.А.Есенина – действительного члена правления издательства «Современная Россия». 23 августа 1924.



НИКОЛАЙ САВКИН

БАГРОВЫЕ ВАСИЛЬКИ

СТИХИ

1924

НИКОЛАЙ САВКИН

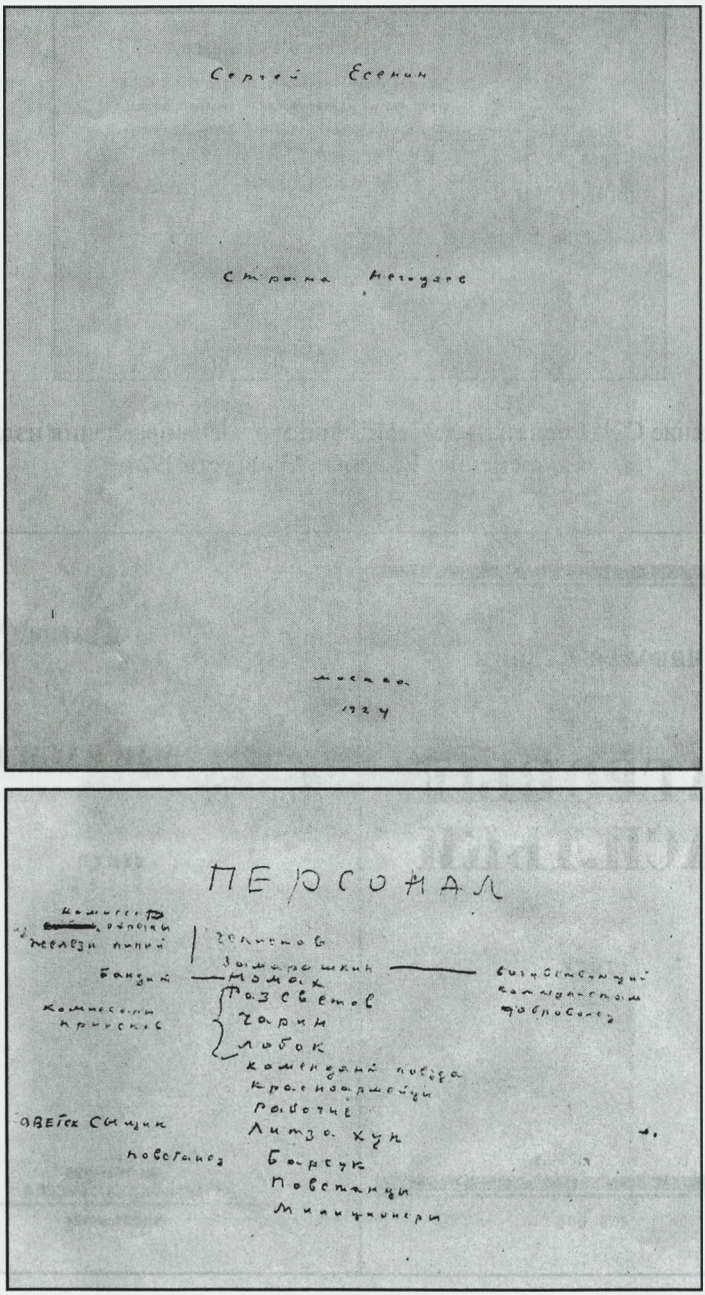
БАГРОВЫЕ ВАСИЛЬКИ

СТИХИ

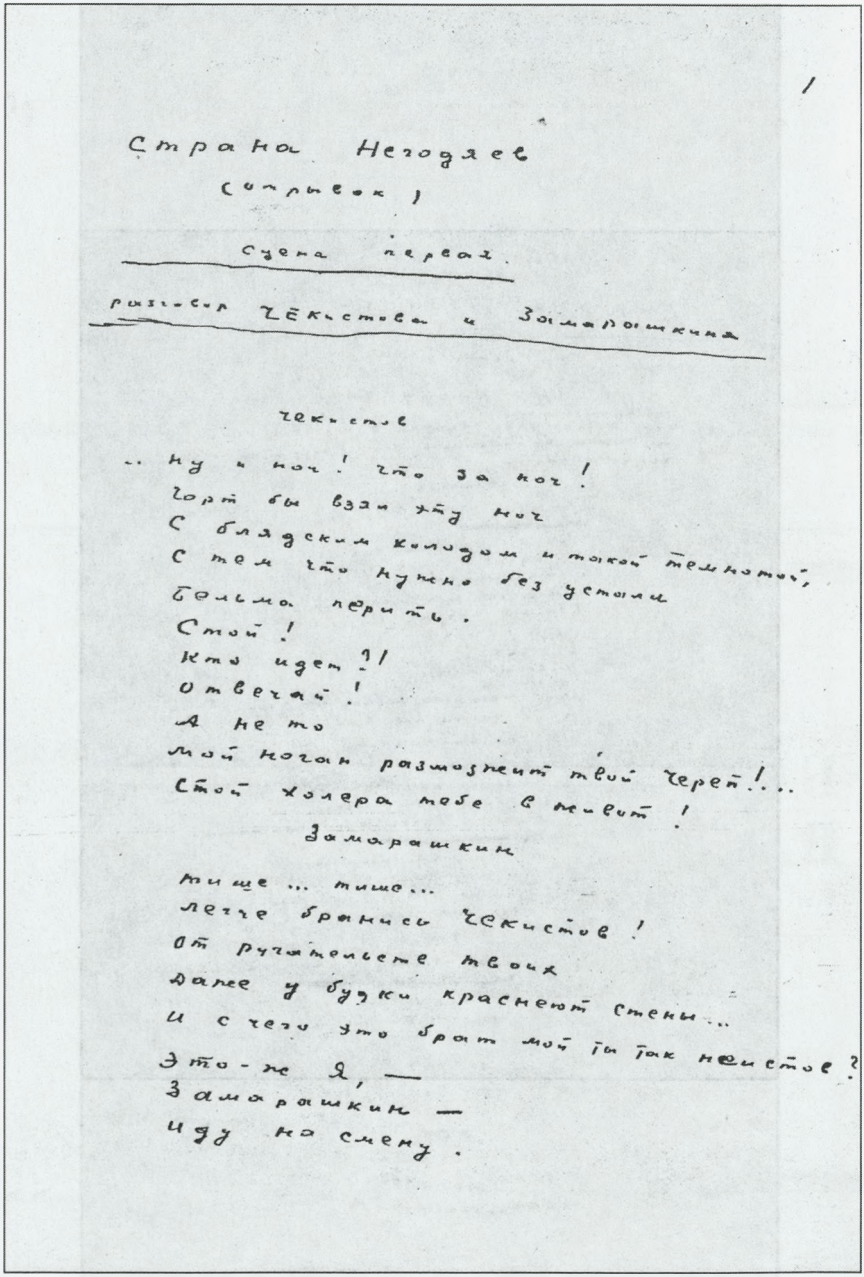
ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

МОСКВА 1924

Н.П.Савкин. Багровые васильки (М., 1924). Обложка и титульный лист книги с дарственной надписью С.А.Есенину. 23 августа 1924.



С.А.Есенин. Начало рукописной книги «Страна Негодяев». Автограф. 1924. Собрание С.П.Есениной.



Страна Негодяев
(сатирическая)

Сцена первая.

разговор Чекистова и Замарашкина

Чекистов

... Ну и ночь! Что за ночь!
Горт бы взял эту ночь
С блядским кошмаром и такой темнотой,
С тем что нужно без устали
Больше верить.
Стой!
Кто идет?!
Отвечай!
А не то
Мой наган разможжит твой череп!...
Стой холера тебе в печенку!

Замарашкин

Тише ... тише...
Легче бранись Чекистов!
От ручательства твоих
Далее у будки краснеют стены...
И с чего это брат мой ты так нечистое?
Это-же Я, —
Замарашкин —
Иду на смену.

С.А.Есенин. Драматическая поэма «Страна Негодяев».
Фрагменты белового автографа. 1924.

Чекистов 2

Чорт с тобой что ты Самарошкин.
Я ведь не собака чтоб слышать носом

Самарошкин

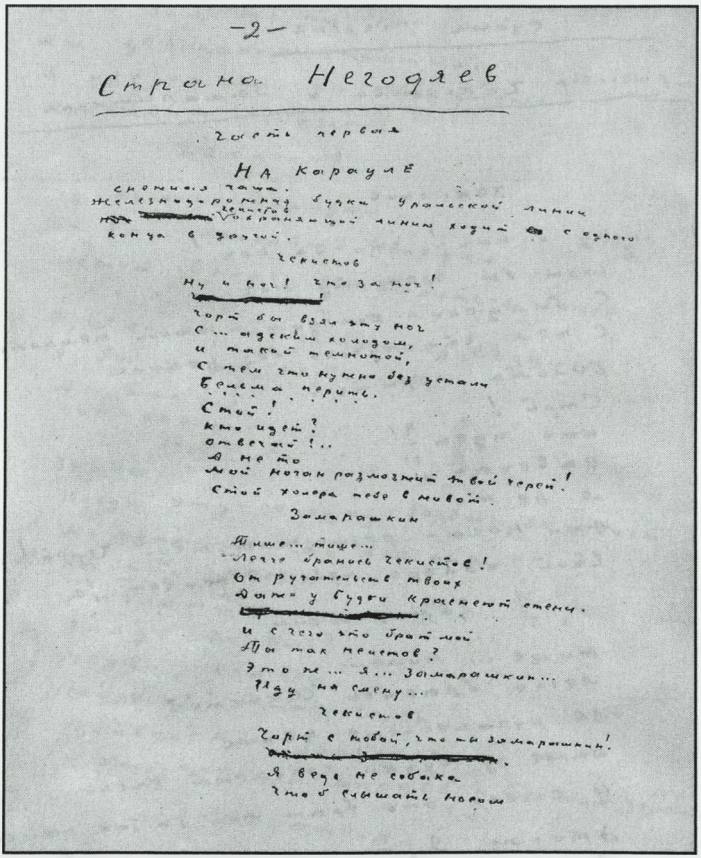
Ну и зол же ты брат мой!
Аж дрянчонок страшно.
Я уверен что ты страдаешь
Кровавым поносом.

Чекистов

Ну конечно страдаю.
От этой проклятой селедки
Может в конец развалиться брюхо...
. . . . . .
О, Если бы теперь рюмку водки....
Я бы даже не выпил...
А — так...
Понюхал...
. . . . . —
Знаешь?
Когда эту селедку берешь за хвост
То думаешь что вся она
Набита рисом...
Разломаешь...
Глядь: черви!
Черви, черви!
Жирные белые черви!
Дьявол нас знать звнес
К этой грязной мордве и вонючим черемисам

Самарошкин

Что и речить когда выпал такой нам год?
Скверный год!
Отвратительный год!
Это сущ ничто!
Там — за самарой



—2—

Страна Негодяев

Часть первая

НА Карауле

Сторожат ночь.
Железнодорожный будки Уральской линии
[redacted] Октябрьской
Освещающий линии хвост [redacted] с одного
конца в другой.

Чекистов

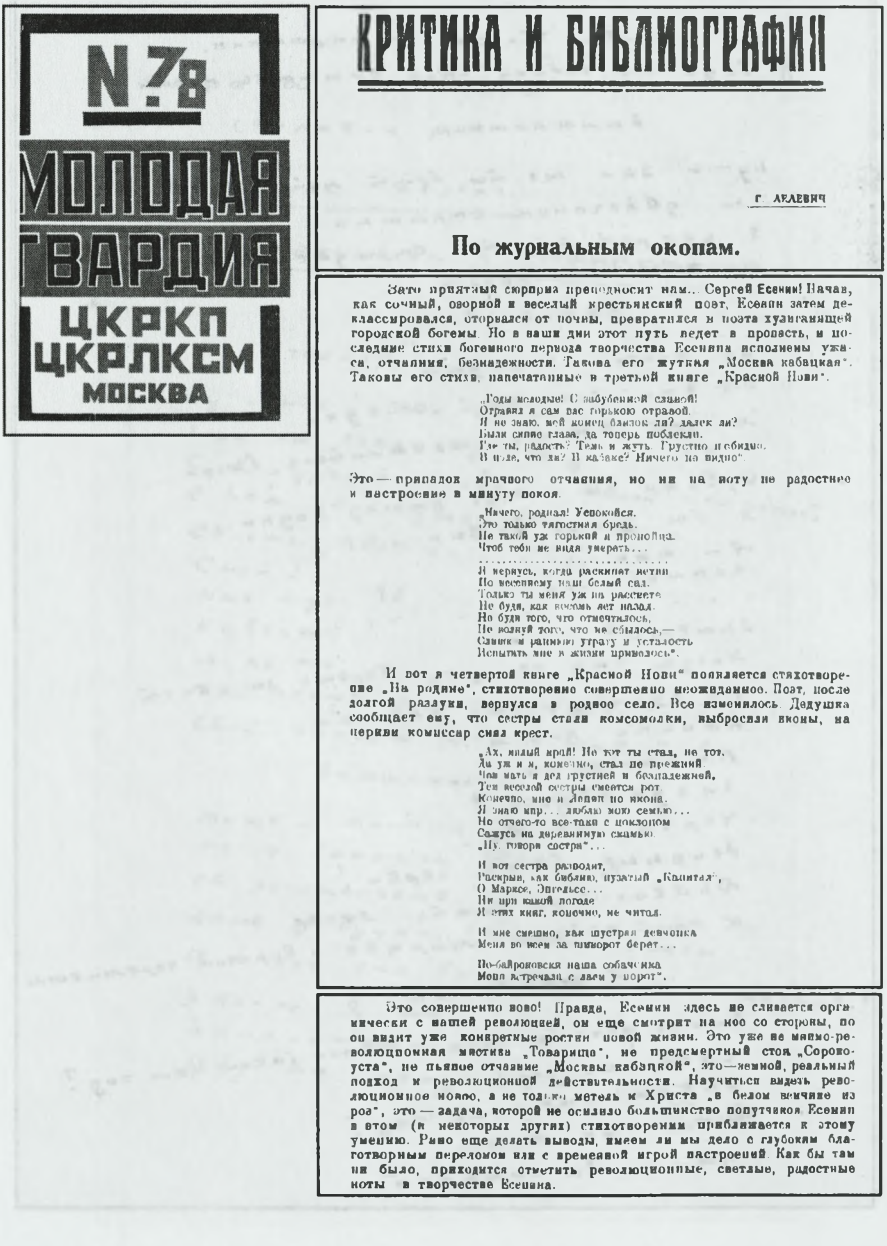
Ну и ночь! Что за ночь!
[redacted]
Горит бы вдали эта ночь
С ... отдельным концом,
И такой темнотой,
С тем что нужно без устали
Вовсе не спать.
Стой!
Кто идет?
Отвечай!..
А не то
Мой наган разможжит твой горб!
Стой хочешь тебе в нивой.

Замарашкин

Тише... тише...
Легче кричись Чекистов!
От рукотворных твоих
Дико у будки крепостей стены.
[redacted]
И с того что брат мой
Ты так тешишь?
Это я... Замарашкин...
Иду на смену...

Чекистов

Горит с новой, что ли Замарашкин!
[redacted]
Я вроде не собака.
Что б кишать моим



№ 7-8
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
ЦКРКП
ЦКРЛКСМ
МОСКВА

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. ЛЕЛЕВИЧ

По журнальным окопам.

Это приятный сюрприз преподносит нам... Сергей Есенин! Начав, как сочный, озорной и веселый крестьянский поэт, Есенин затем деклассировался, оторвался от почвы, превратился в поэта хулиганящей городской богемы. Но в наши дни этот путь ведет в пропасть, и последние стихи богемного периода творчества Есенина исполнены ужаса, отчаяния, безнадежности. Таков его жуткий „Москва кабацкая". Таковы его стихи, напечатанные в третьей книге „Красной Нови".

„Годы молодые! С забубенной славой!
Отравил я сам вас горькою отравой.
И не знаю, мой конец близок ли? далек ли?
Были синие глаза, да теперь поблекли.
Не ты, радость, Тень и жуть. Грустно и обидно.
В пиве, что ли? В кабаке? Ничего не видно".

Это — припадок мрачного отчаяния, но ни на йоту не радостное и настроение в минуту покоя.

„Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горькой и пропойца.
Чтоб тебе не видя умереть...
.....
И верится, когда раскинет ветви
По весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж не рассветом
Не будя, как восемь лет назад.
Не будя того, что отмечталось,
Не воскресишь того, что не сбылось,—
Слишком я равнодушно утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось".

И вот в четвертой книге „Красной Нови" появляется стихотворение „На родине", стихотворение совершенно неожиданное. Поэт, после долгой разлуки, вернулся в родное село. Все изменилось. Дедушка сообщает ему, что сестры стали комсомолки, выбросили иконы, на церкви комиссар снял крест.

„Ах, милый мой! Не тот ты стал, не тот.
Да уж и я, конечно, стал не прежний.
Чай мать и дед грустней и безнадежней,
Тем веселей сестры смеется рот.
Конечно, мне и Лондон по иконе.
И знаю впр... люблю мою семью...
Но отчего-то все-таки с поклоном
Сажусь на деревянную скамью.
„Ну, говори сестра"...

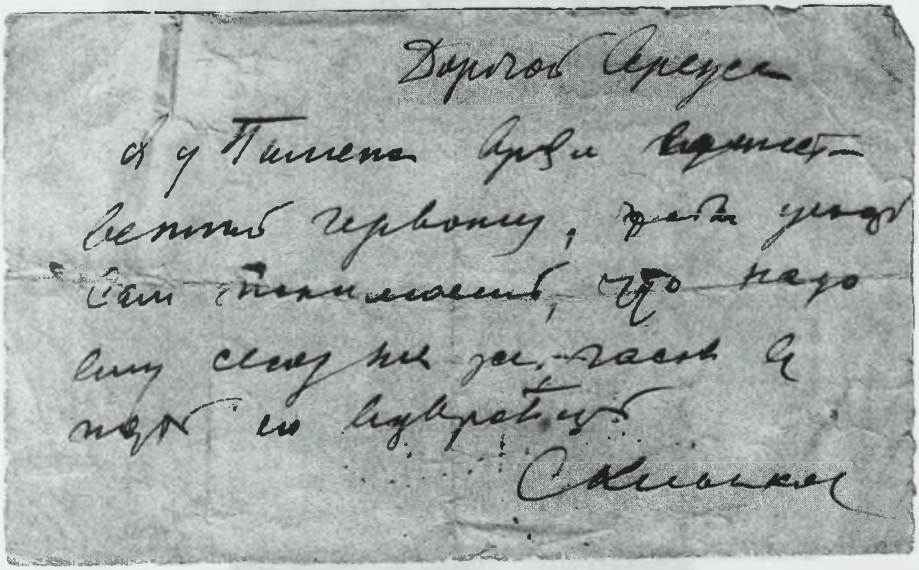
И вот сестра разводит,
Раскрыв, как библию, изгаженный „Капитал",
О Марксе, Энгельсе...
Ни при какой погоде
И этих книг, конечно, не читал.

И мне смешно, как шустрая девчонка
Меня во всем за пиджорот берет...

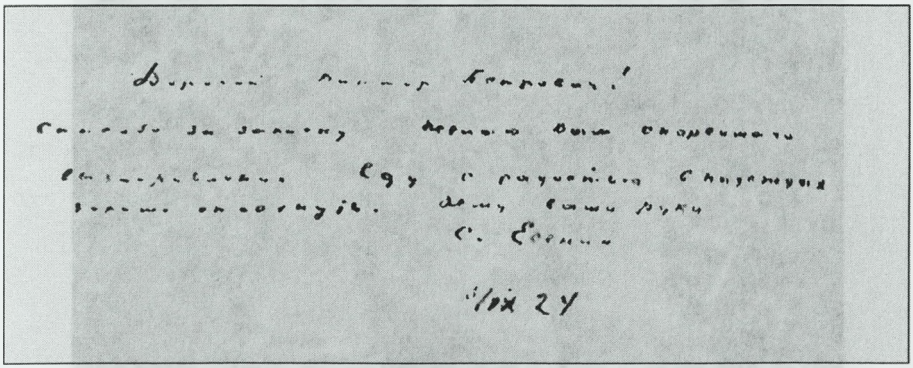
По-байроновски наша собачонка
Мопа встречала с лаем у ворот".

Это совершенно ново! Правда, Есенин здесь не сливается органически с нашей революцией, он еще смотрит на нее со стороны, но он видит уже конкретные ростки новой жизни. Это уже не мимо-революционная мистика „Товарища", не предсмертный стон „Сорокоуста", не пьяное отчаяние „Москвы кабацкой", это — зрелый, реальный подход к революционной действительности. Научиться видеть революционное новое, а не только метель и Христа „в белом венчике из роз", это — задача, которой не осилило большинство попутчиков. Есенин в этом (и некоторых других) стихотворении приближается к этому умению. Рано еще делать выводы, имеем ли мы дело с глубоким благотворным переломом или с временной игрой настроений. Как бы там ни было, приходится отметить революционные, светлые, радостные ноты в творчестве Есенина.

Журнал «Молодая гвардия» (1924, № 7–8). Обложка и фрагменты страниц статьи Г.Лелевича «По журнальным окопам», где идет речь о С.А.Есенине.



С.А.Клычков. Записка С.А.Есенину. Автограф. 1924.

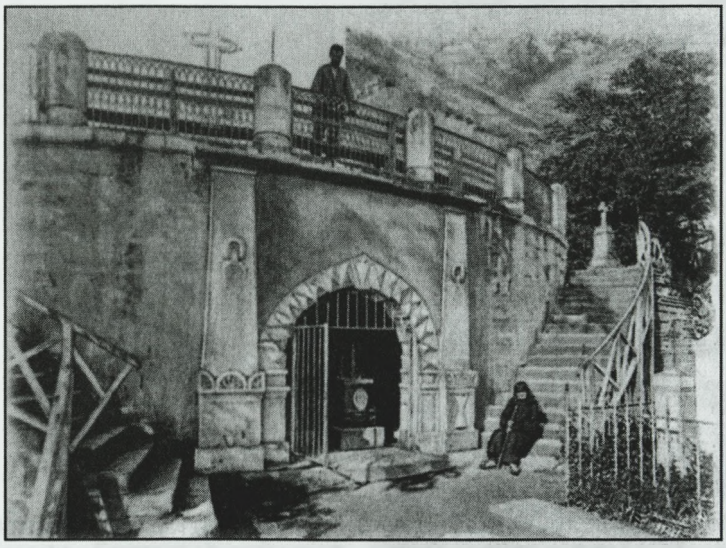


С.А.Есенин. Записка В.П.Яблонскому. Автограф. 3 сентября 1924.

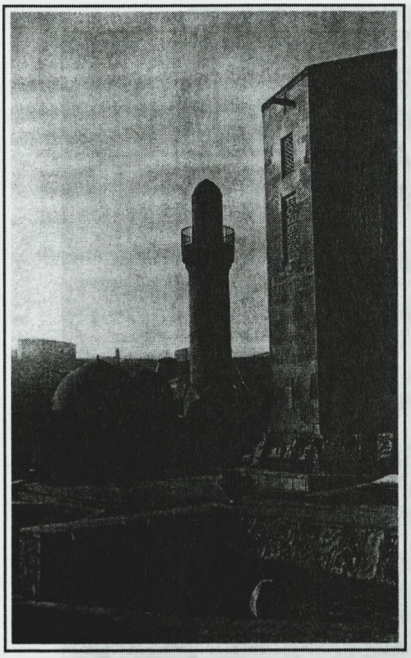
Т.Ю.Табидзе. Фото. 1920-е.

Г.Леонидзе, Е.Леонидзе, П.Яшвили, Т.Яшвили. Фото. 1925.

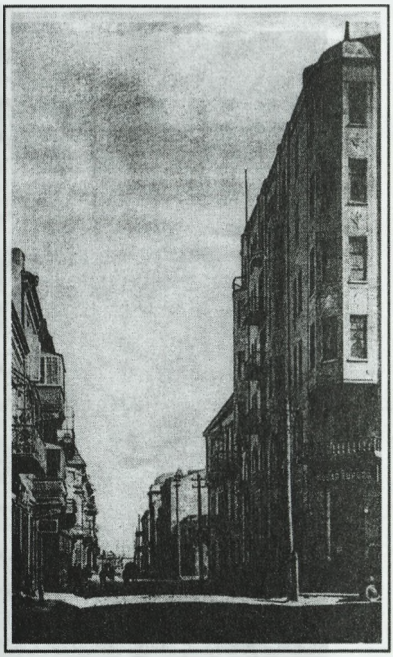
Тифлис (Тбилиси). Мтацминда (гора Давида). Современное фото.



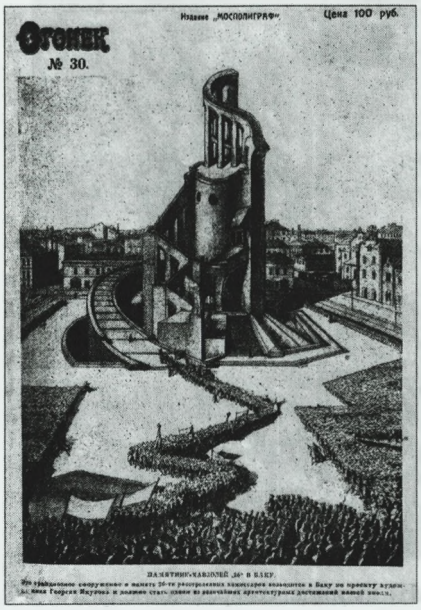
Гробница А.С.Грибоедова на Мтацминде. Современное фото.



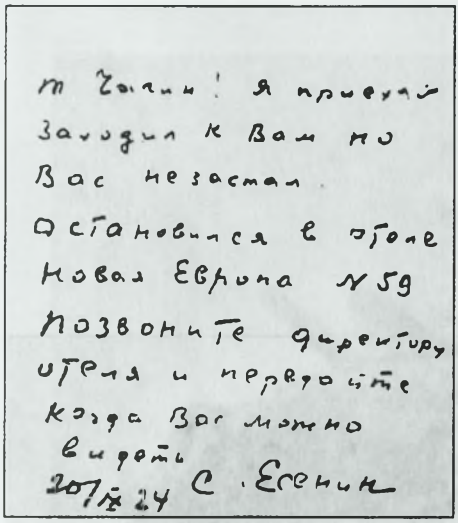
Уголок старого Баку.
Современное фото.



Баку. Гостиница «Новая Европа».
Современное фото.

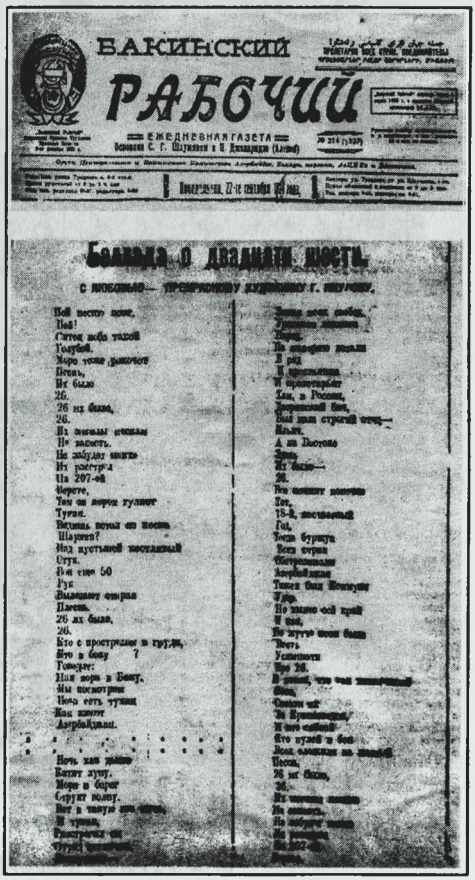


Г.Б.Якулов. Проект памятника 26-ти бакинским комиссарам (журнал «Огонек», 1924, № 30).



т Чагин! Я приехал
заходил к Вам но
Вас не застал
Остановился в отеле
Новая Европа № 59
Позвоните директору
отеля и переведите
когда Вас можно
видеть
20/IX 24 С. Есенин

С.А.Есенин. Записка П.И.Чагину. Автограф. 20 сентября 1924.



БАКИНСКИЙ
РАБОЧИЙ
ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Баллада о двадцати шести

С.А.Есенин.
Баллада о двадцати шести
(газета «Бакинский рабочий»,
1924, 22 сентября, № 214). Фрагмент.

С.А.Есенин и П.И.Чагин. Фото. 1924.

С.А.Есенин и П.И.Чагин. Фото. 1924.

С.А.Есенин. Фото Л.Г.Брегадзе. 1924.

№ 220 (1243) Поне дельник, 29 сентября, 1924 год. БАКИНСКИЙ

Стихи Сергея Есенина.

„Страна негодяев

(Отрывки из драматической поэмы).

РАССВЕТОВ.

Чем больше гляжу я
На свежую пажить
Тем думаю все упорнее
Черт возьми!
Да ведь папа Сибирь
Богаче, чем желтая Калифорния
Можно-ль подумать,
Что в месяц один Ф
Мы открыли 5 золотоносных жил.
В Америке это было бы сенсацией
На бирже стояла бы рев
Миллера бы скупали акции
Выдавал один пуд
За пять пудов.
Я работал в Клондайкских приисках,
Где один нью-йоркский туз,
За три миллиона без всякого риска
Двенадцать с половиной положил в партуз.
А дело было под шопот
Просто биржевой трюк
Но многие денежки вылопав
Остались почти без брюк
О! Эти американцы!
Они не уничтожимая моль
Сегодня он в оборванцах,
А завтра — золотой король.
Так было и здесь...
Я помню все штуки эти.
Мы жили в почлежках с ним
Он звал меня мистер Разветя
А я его мистер Джим.
Послушай, сказал он please
Ведь это не написано в брамах
Что без виски и мисс.
Мы валялись с тобою в лужах,
У меня в животе лягушки
Завались от голодных дум
Я хочу хорошо кушать
И носить хороший костюм.
Есть одна у меня затея,
И если ты не болван,
То без всяких словно не потея
Согласишься на этот план.
Нам нечего очень стараться,
Чтоб расходовать живенный сок
Я знаю двух-трех мерзавцев
У которых золотой песок.
Они нам отыщут банкира
(Т. е. мерзавцы эти)
И мы будем королями мира
Ты понял мистер-Разветя?
—Открой мне секрет, Джим
Сказал я ему в ответ
Он мне сквозь трубочный дым
Пробулькал:
— Секретов нет.
Мы просто возьмем два ружья
Зарядим золотым песком
И будем туда стрелять
Куда нам прикажет Том.
(А Том этот был рудокоп
Мошенник, каких поискать)
И вот мы однажды тайком
В Клондайке... вас целая рать.
И по приказу заданному
Под брауншти — в висок
Мы в четыре горы — громадины
Золотой стреляли песок.
Как будто в слонов лежащих
Чтоб достать дорогую кость.
И громом гремела в чащах
Ружей одичалая злость.
Наш предводитель живо
Шлет телеграмму потом:
Открылась золотая жила
Приезжайте немедленно.
„Том».
А дело было под шопот
Просто биржевой трюк
Но многие денежки вылопав
Остались почти без брюк.

ЦАРИН

— И что же Рассветов!
Тебя не спугнул обман?

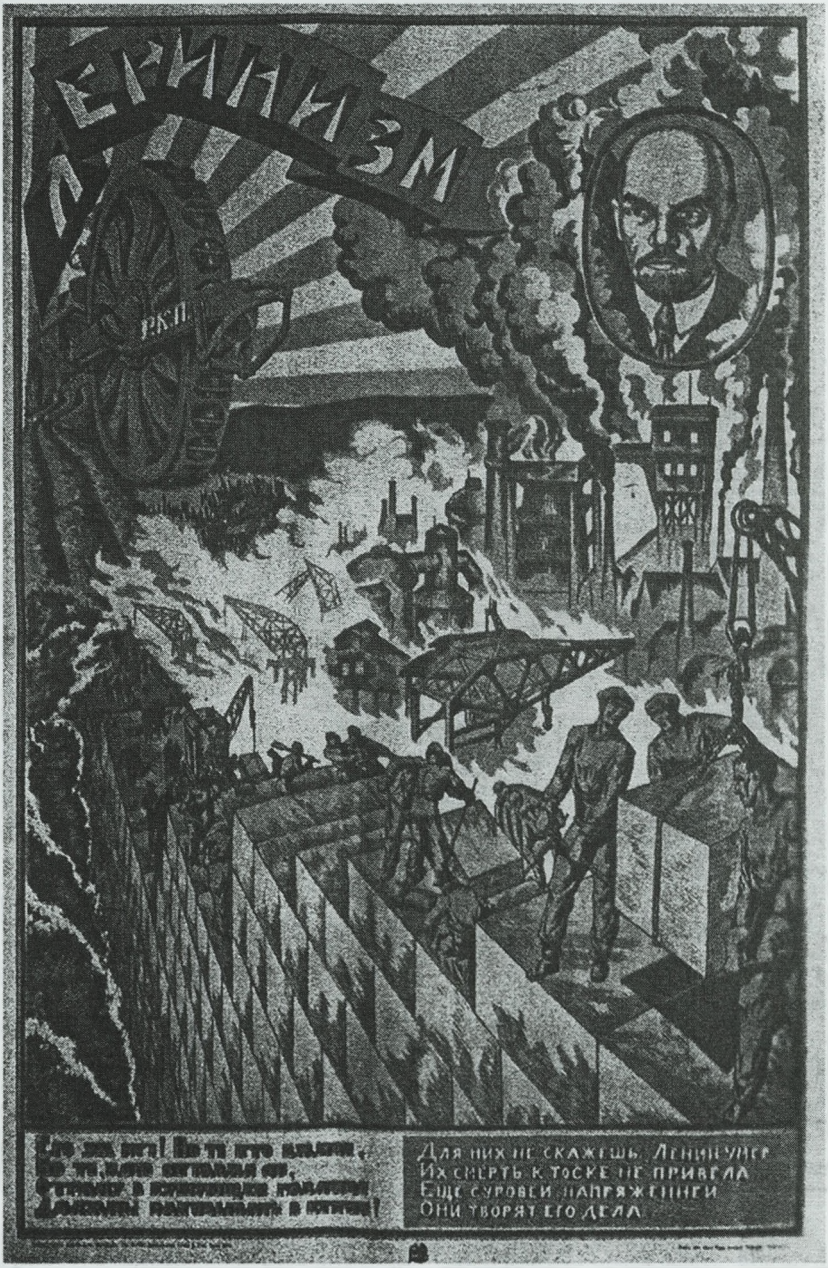
РАССВЕТОВ.

Не все ли равно в какой яме
Капиталы текут в карман?
— Мне до дьявола противны
— И те, и эти.
Все они класс грабительских банд
Но должен же друг мой,
На свете
Жить Рассветов Пинхандр?...
Дело, друзья, не в этом!
Мой рассказ вскрывает секрет
Можно сказать пред всем светом
Что в Америке золота нет.
Там есть нефть, там есть соль и уголь,
И железной много руды.
Кладоискателей вьюга
Замела золотые следы
Калифорния — эта мечта,
Всех пропойц и неумных бронит!
Тот кто жить для мысленно устал
Прозябает в ее брлах.
Эти люди гнилая рыба!
Вся Америка жадная пасть,
Но Россия... Вот это глыба
Лишь бы только... советская власть....
Мы, конечно, во многом отстали
Материк наш лес, степь да вода
Из железобетона и стали
Там построены города.
Вместо наших глухих розлогий
Там на каждой почти полосе
Перерезало рельсами поле
С сетью каменных — рек — шоссе
И по каменным рекам без пыли
И по рельсам, без стона шпал
И экспрессы, и автомобили
От разбега в бензинном мыле
Мчат секундой считая доллар
Места нет здесь мечтам и химерам
Отшумела тех лет пора.
Все курьеры, курьеры, курьеры
Миллера, миллера, миллера,
От чувств и до испанца
Проходимец и джентльмен
Все в единой графе считаются
Скромно бизнесмэн
На цилиндры, шапо и кепи
Дождик акций свистит и льет,
Вот где вам мировые цепи,
Вот где вам мировое жулье.
Если хочешь здесь душу выражать
То сочтут или глуп, или пьян...
Вот она, мировая биржа!
Вот они, подлецы всех стран!

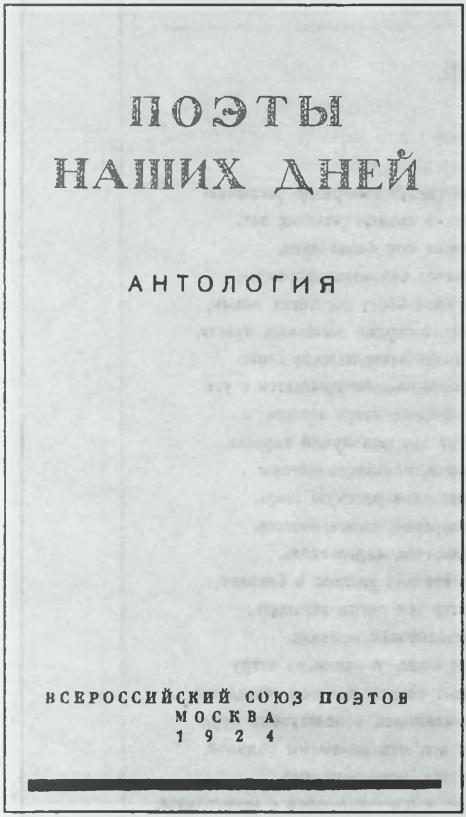
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.

Нью-Йорк. 14 февраля 23 года.

С.А.Есенин. Отрывки из драматической поэмы «Страна Негодяев» (газета «Бакинский рабочий», 1924, 29 сентября, № 220).



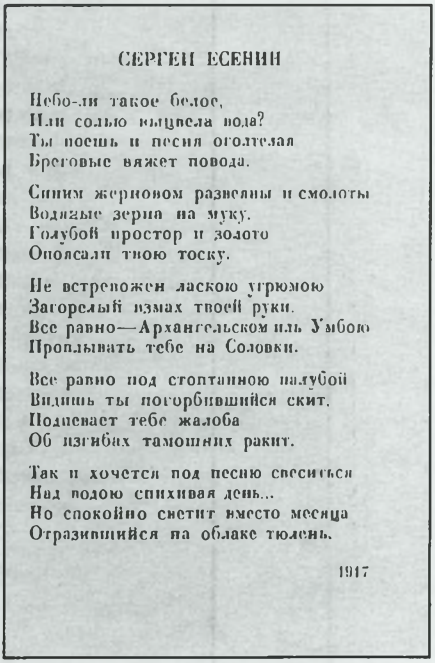
Плакат «Ленинизм». Хромолитография. 1924. На плакате – несколько измененные строки из поэмы С.А.Есенина «Гуляй-поле».



ПОЭТЫ
НАШИХ ДНЕЙ

АНТОЛОГИЯ

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ
МОСКВА
1 9 2 4



СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Небо-ли такое белое,
Или солью вымыла вода?
Ты поешь и песня оголтелая
Бреговые вяжет повода.

Синим жерновом развалины и смолоты
Водяные зерна на муку.
Голубой простор и золото
Опоясали твою тоску.

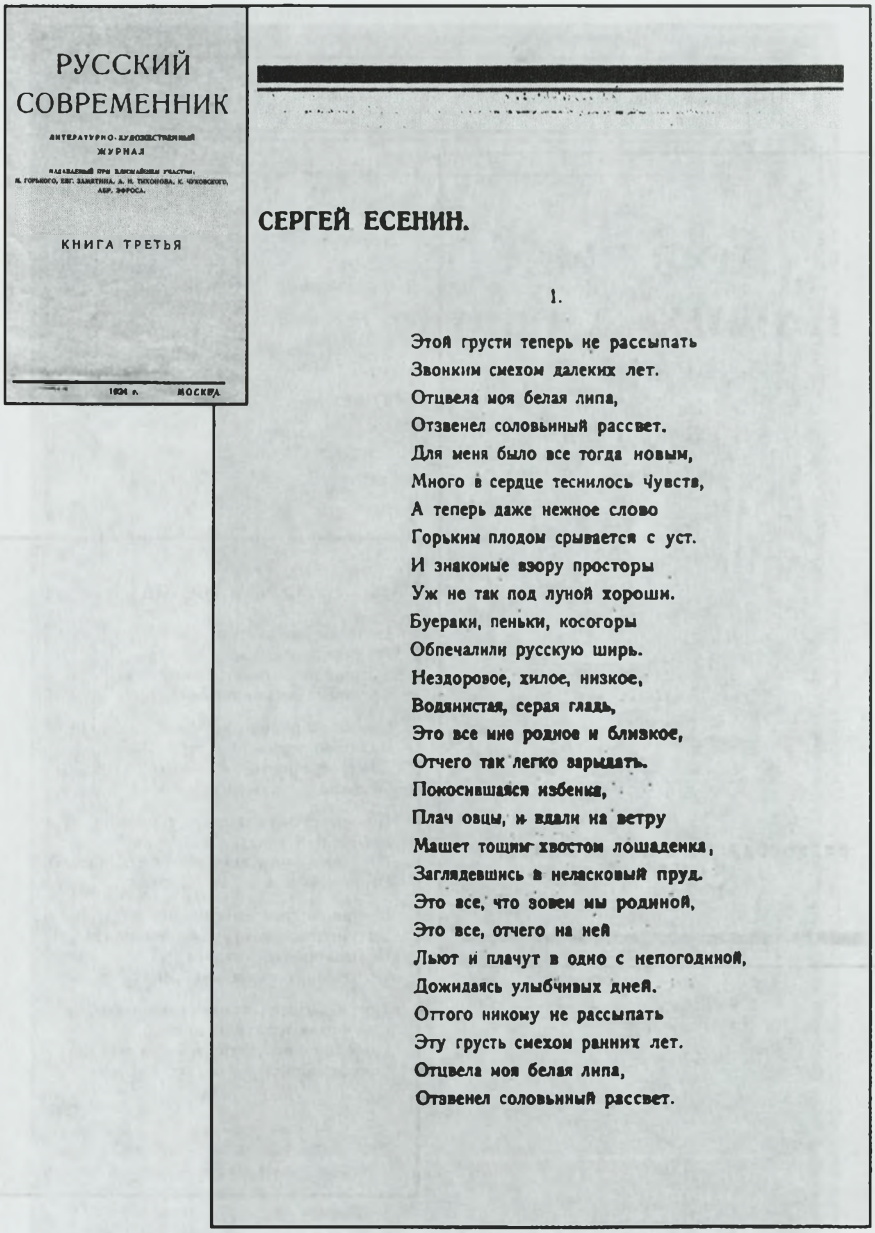
Не встреножен лаской угрюмою
Загорелый взмах твоей руки.
Все равно—Архангельском иль Умбою
Проплывать тебе на Соловки.

Все равно под стоптанною палубой
Видишь ты погорбившийся скит.
Подпевает тебе жалоба
Об изгибах тамошних ракит.

Так и хочется под песню свеситься
Над водою спихивая день...
Но спокойно светит вместо месяца
Отразившийся на облаке тюлень.

1917

Антология «Поэты наших дней» (М., 1924). Титульный лист и страница со стихотворением С.А.Есенина «Небо ли такое белое...».



РУССКИЙ СОВРЕМЕННИК

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КНИГА ТРЕТЬЯ

1924 г. МОСКВА

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.

1.

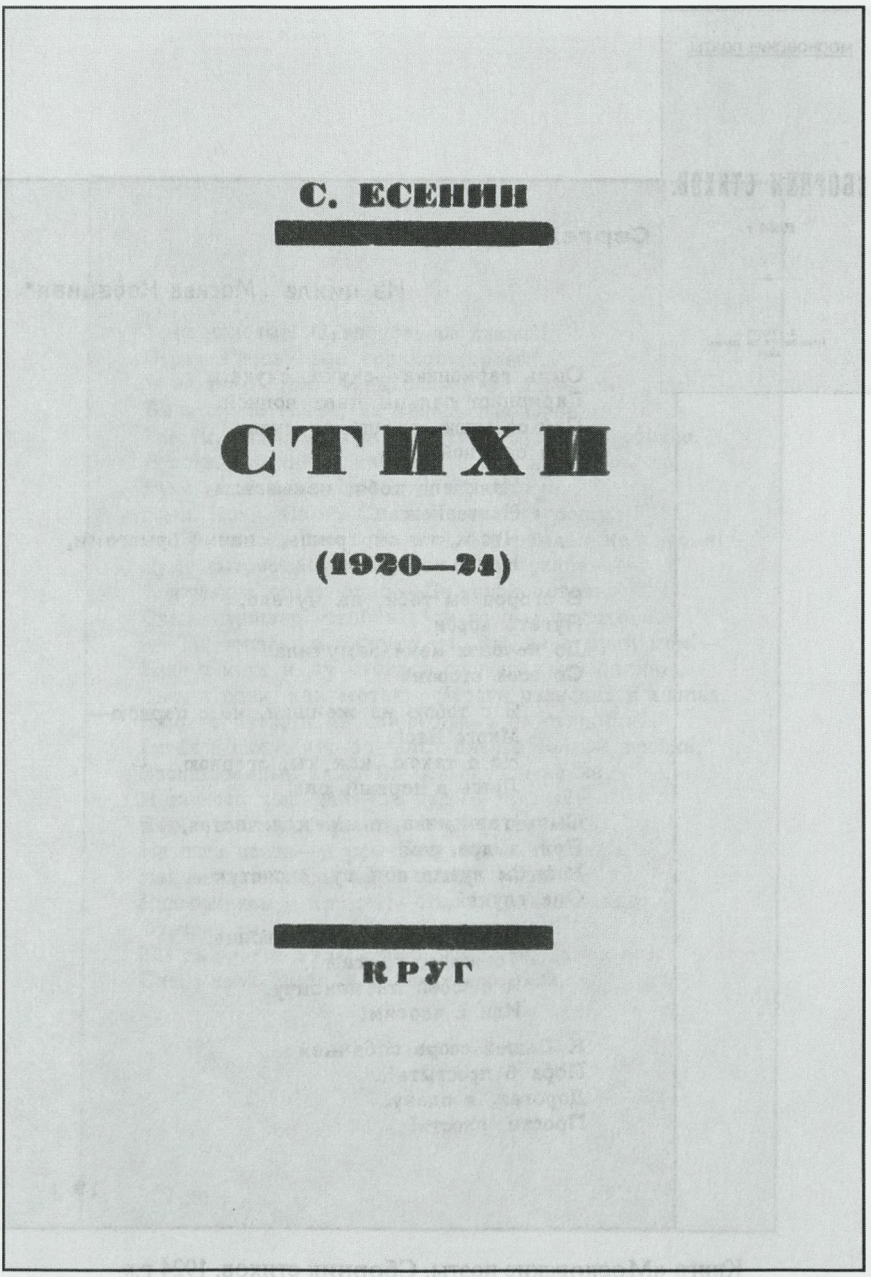
Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.
Для меня было все тогда новым,
Много в сердце теснилось чувств,
А теперь даже нежное слово
Горьким плодом срывается с уст.
И знакомые взору просторы
Уж не так под луной хороши.
Буераки, пеньки, косогоры
Обпечалили русскую ширь.
Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая, серая гладь,
Это все мне родное и близкое,
Отчего так легко зарыдать.
Покосившаяся избенка,
Плач овцы, и вдали на ветру
Машет тощим хвостом лошаденка,
Заглядевшись в неласковый пруд.
Это все, что зовем мы родиной,
Это все, отчего на ней
Льют и плачут в одно с непогодиной,
Дожидаясь улыбчивых дней.
Оттого никому не рассыпать
Эту грусть смехом ранних лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

Журнал «Русский современник» (Л., 1924, кн. 3).
Обложка и страницы со стихотворениями С.А.Есенина «Этой грусти теперь не рассыпать...» и «Низкий дом с расписными ставнями...» <«Низкий дом с голубыми ставнями...»>

2.

Низкий дом с расписными ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.
До сего дня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Приакрытые сереньким ситцем
Этих северных, бедных небес.
Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но наверно навеки имею
Нежность грустную русской души.
Полюбил я седых журавлей,
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытых хлебов не видали.
Только видели березь да цветь,
Да ракитник кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.
Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.
Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года.
Низкий дом с расписными ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.

Е.А. и А.А.Есенины. Фото. 1924.



С.А.Есенин. «Стихи (1920–24)» (М.; Л.: Круг, 1924). Обложка.

МОСКОВСКИЕ ПОЭТЫ.

СБОРНИК СТИХОВ.

1924 г.

В.-УСТЮГ
1924.

Сергей Есенин.

Из цикла „Москва Кабацкая".

I.

Сыпь гармоника—скука, скука...
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной!

Излюбили тебя, измызгали
Невтерпеж.
Что-ж, ты смотришь, синими брызгами,
Или в морду хошь!?

В огород бы тебя, на чучело,
Пугать ворон!
До печенок меня замучила
Со всех сторон!

Я с тобою из женщин, не с первою—
Много Вас!
Но с такою, как ты, стервою,
Лишь в первый раз!

Сыпь гармоника, сыпь моя частая,
Пей, выдра, пей!
Мне бы лучше вон ту, сисястую—
Она глупей.

И чем дальше, тем звонче,
То здесь, то там...
Я с собой не покончу,
Иди к чертям!

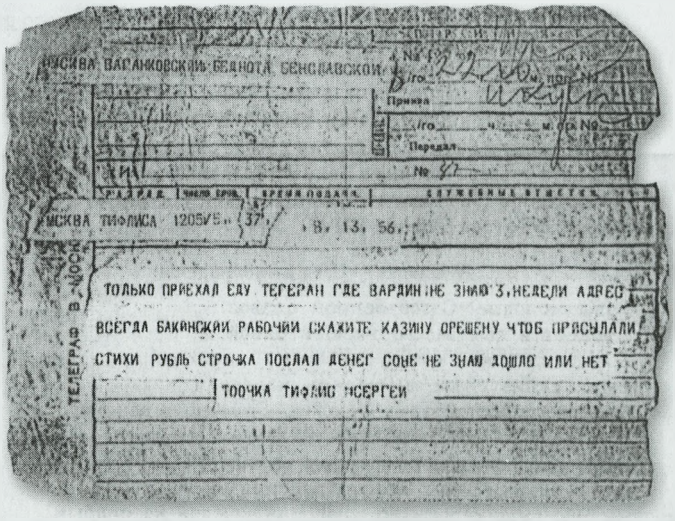
К Вашей своре собачьей
Пора б простыть!..
Дорогая, я плачу...
Прости, прости!

[19]

Книга «Московские поэты. Сборник стихов. 1924 г.» (Великий Устюг, 1924). Обложка и страницы со стихотворениями С.А.Есенина под общим заглавием «Из цикла "Москва кабацкая"»: I. «Сыпь гармоника — скука, скука...», II. «Годы молодые! С забубённой славой!..».

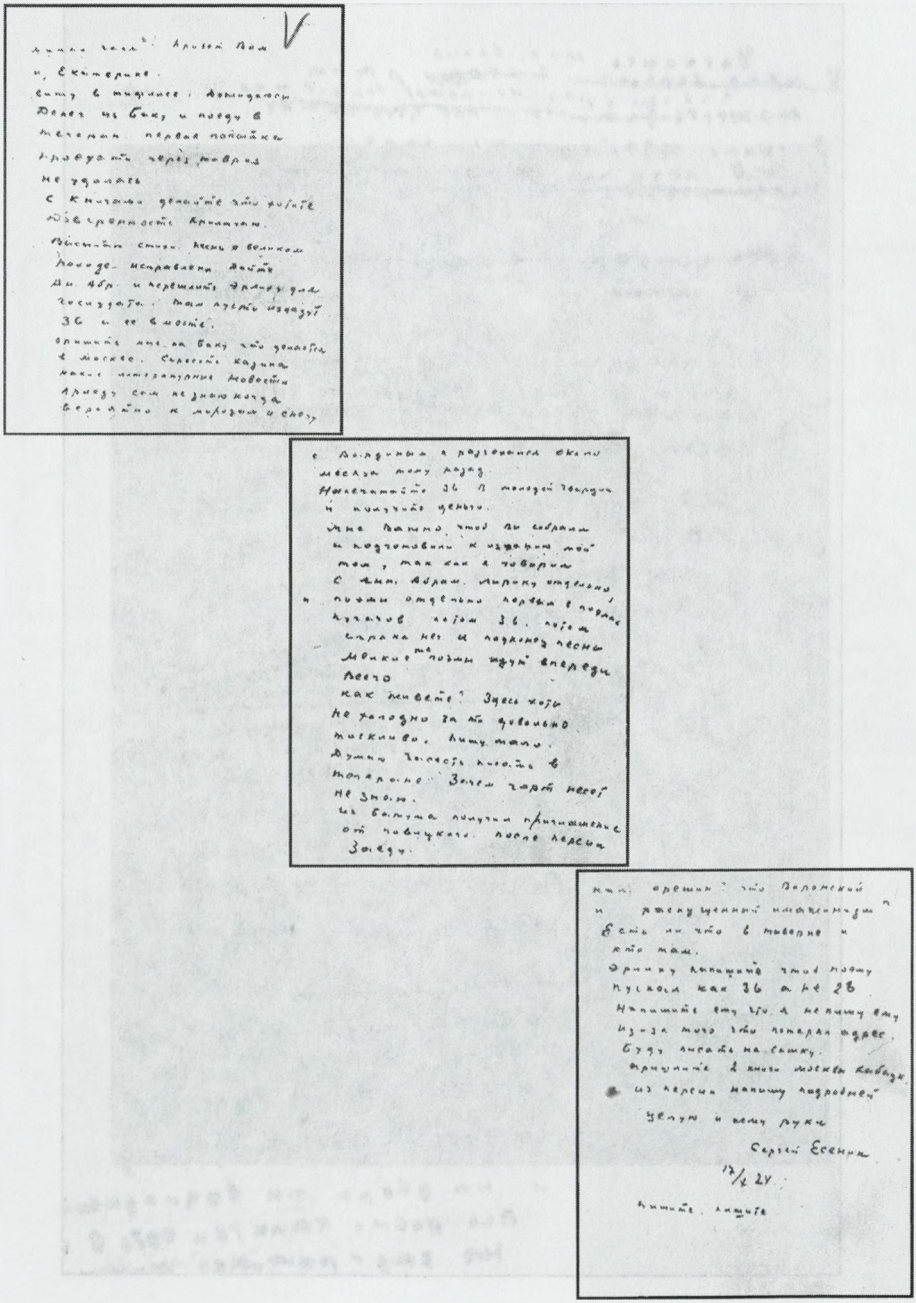
II.

Годы молодые! С забубенной славой!
Отравил я сам вас горькою отравой.
Я не знаю, мой конец близок-ли? далек-ли?
Были синие глаза, да теперь поблекли.
Где ты, радость? Темь и жуть. Грустно и обидно.
В поле, что-ли? В кабаке? Ничего не видно.
Руки вытяну и вот—слушаю наощупь;
Едем. Кони. Сани. Снег. Проезжаем рощу.
— Эй, ямщик, неси во всю! Чай рожден не слабым!
Душу вытрясти не жаль по таким ухабам.—
А ямщик в ответ одно:—По такой метели
Очень страшно, чтоб в пути лошади вспотели.
— Ты, ямщик, я вижу, трус. Это не с руки нам!—
Взял я кнут и ну стегать по лошажьим спинам.
Бью, а кони, как метель, шерсть разносят в хлопья.
Вдруг толчок, и из саней прямо на сугроб я...
Встал и вижу: что за чорт! Вместо бойкой тройки,
Забинтованный лежу на больничной койке.
И заместо лошадей—по дороге тряской—
Бью я жесткую кровать мокрою повязкой.
На лице часов—в усы закрутились стрелки.
Наклонились надо мной сонные сиделки.
Наклонились и хрипят:—Эх, ты, златоглавый!
Отравил ты сам себя горькою отравой.
Мы не знаем: твой конец близок-ли, далек-ли?
Синие твои глаза в кабаках промокли.

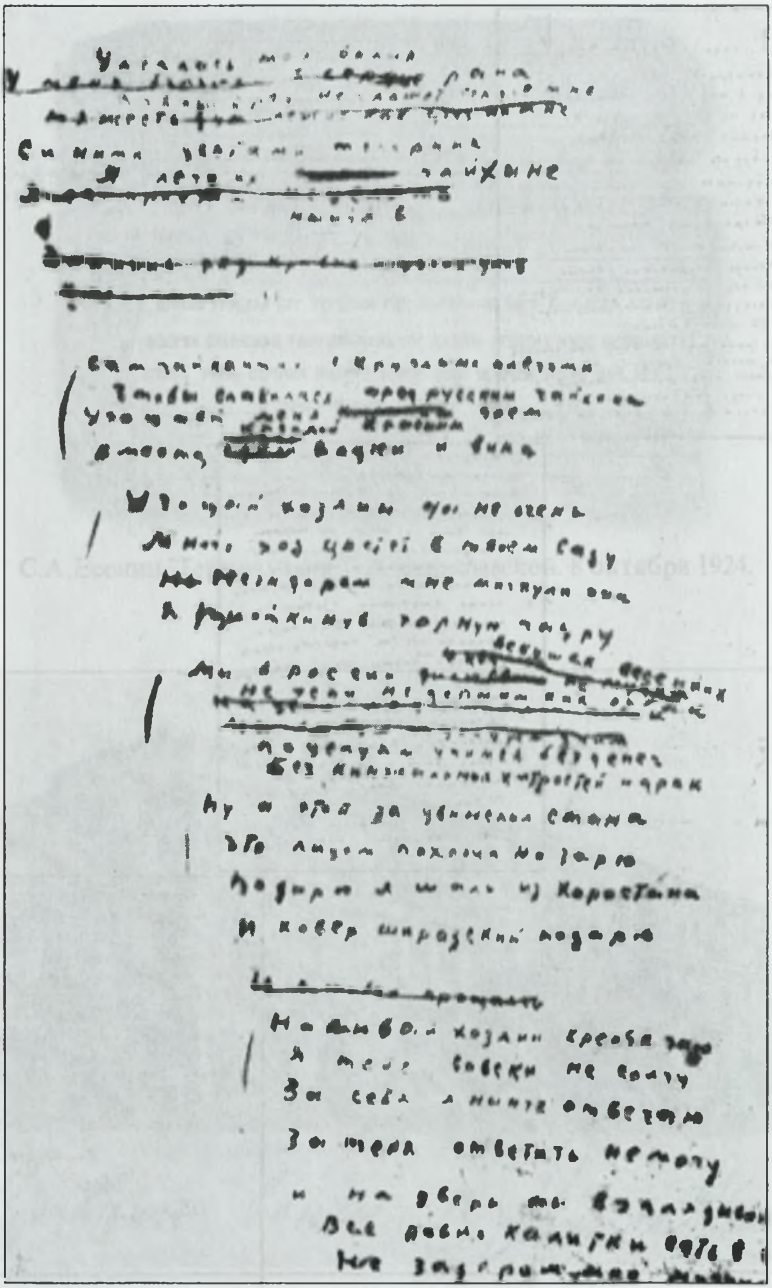


С.А.Есенин. Телеграмма к Г.А.Бениславской. 8 октября 1924.

Тифлис (Тбилиси).
Гостиница «Ориант», в которой остановился С.А.Есенин. Открытка. 1910-е.

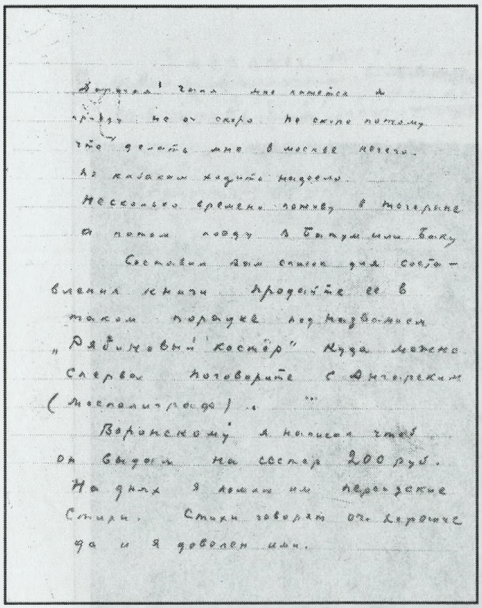


С.А.Есенин. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф. 17 октября 1924.

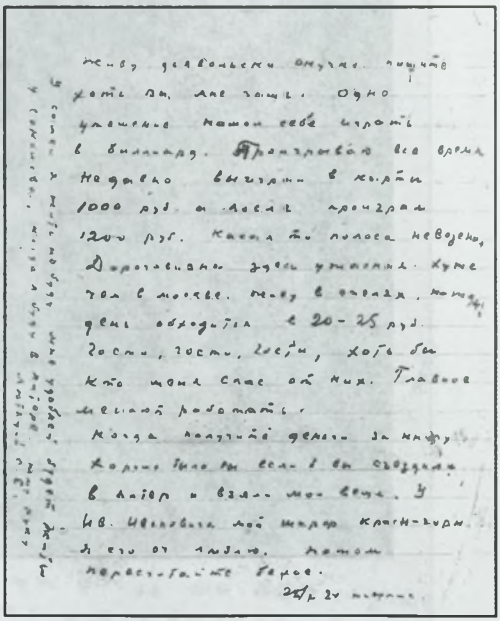


С.А.Есенин. Стихотворение «Улеглась моя былая рана...». Автограф.

С.А.Есенин и К.А.Соколов. Фото. Октябрь 1924.



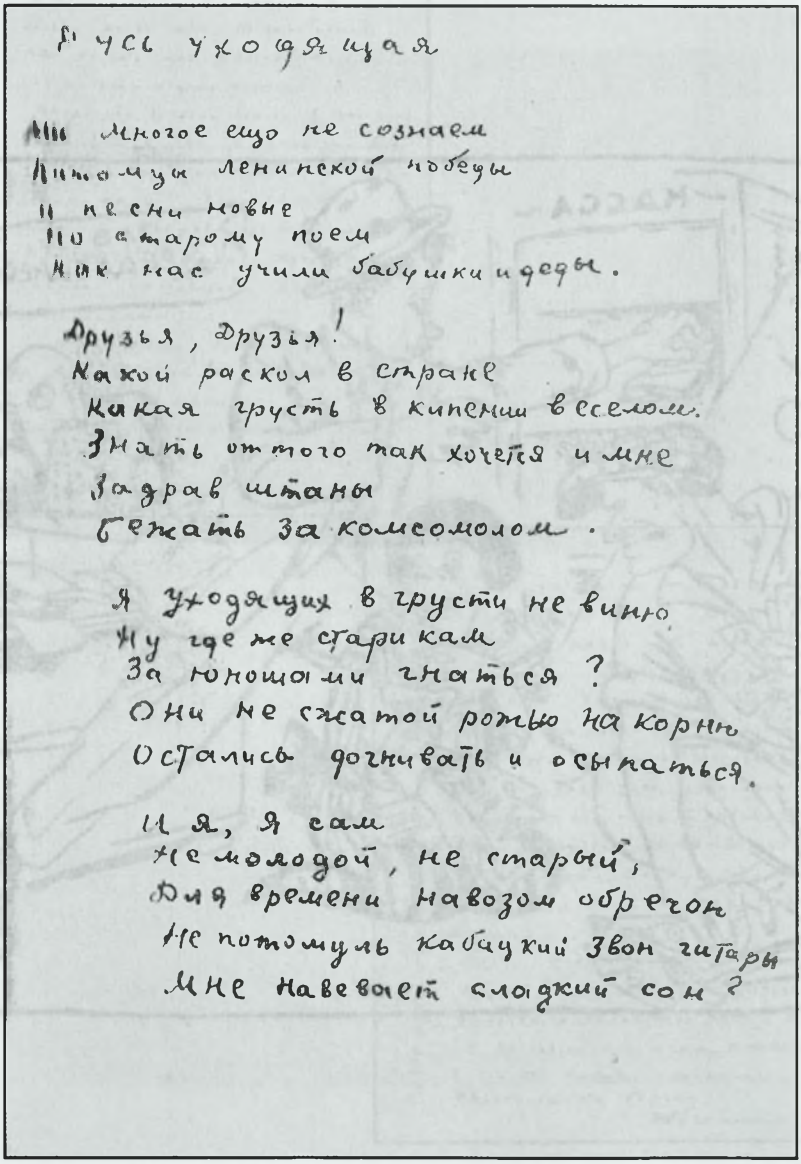
Дорогая! Стихи мне хочется и
прошу не от скуки. Не скучно потому
что денег мне в Москве нечего.
Из каких кладите назовем.
Несколько времени тому назад в Тегеране
а потом поеду в Батум или Баку.
Составим для стихов для собра-
вления книги. Продайте ее в
таком порядке под названием
„Рябиновый костёр" Куда можно
Сперва поговорите с Ионовским
(Мясницкая). .
Вороновскому я полагаю чтоб
он будет на состав 200 руб.
На днях я послал им персидские
Стихи. Стихи говорят от Клычкова
да и я доволен ими.



Живу по-свойски отлично. Получаю
хоть ли, мне тоже. Одно
удовольствие нашем себе играть
в бильярд. Проигрываю все время
Недавно выиграли в карты
1000 руб. а после проиграли
1200 руб. Какая-то полоса невезения.
Дорогой знаю ужасно. Купе
тов в Москве. Живу в отеле, плачу
день обходится в 20-25 руб.
Гости, гости, гости, хоть бы
кто меня спас от них. Главное
мешает работать.
Когда получите деньги за нашу
Кедрину тогда мы вам и вы сходите
в Лавр и взамен мои стихи. У
Ив. Ивановича мой шарф красно-бурый
и его от меня. Напом
первостатейное барахло.
25/X 24 г.

С.А.Есенин. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф. 20 октября 1924.

А.М.Любимов. Дружеский шарж на С.А.Есенина, В.В.Маяковского и Л.Н.Сейфуллину. 1924.



Русь уходящая

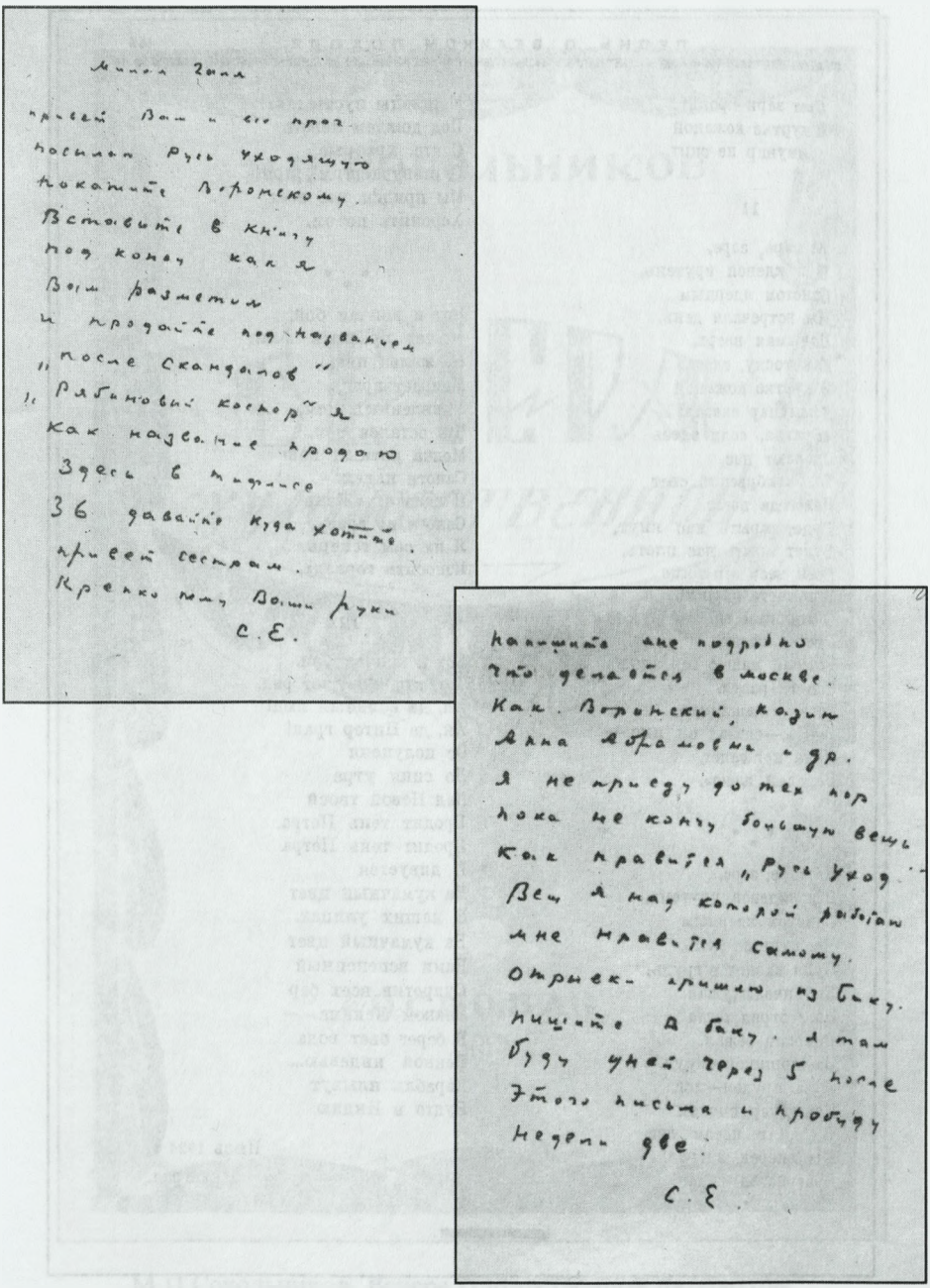
Мы многое еще не сознаем
Из-за угла ленинской победы
И песни новые
По старому поем
Как нас учили бабушки и деды.

Друзья, друзья!
Какой раскол в стране
Какая грусть в кипеньи всеобщем.
Знать оттого так хочется и мне
Задрав штаны
Бежать за комсомолом.

Я уходящих в грусти не виню
Ну где же старикам
За юношами гнаться?
Они не сжатой рожью на корню
Остались дочинать и осыпаться.

И я, я сам
Не молодой, не старый,
Для времени навозом обречен
Не потому ль кабацкий звон гитары
Мне навевает сладкий сон?

С.А.Есенин. Стихотворение «Русь уходящая». Автограф. 1–2 ноября 1924.



Милая Галя

Привет Вам и его прог
Посылаю Русь уходящую
Покажите Воронскому.
Вставьте в книгу
под конец как я
Вам разметил
и продайте под названием
"После скандалов"
"Рябиновый костер" я
как назло не продаю
Здесь в Мерике
36 давайте куда хотите
Привет сестрам.
Крепко жму Ваши руки
С. Е.

напишите мне подробно
что делается в Москве.
Как Воронский, кадит
Анна Абрамовна и др.
Я не приеду до тех пор
пока не кончу большую вещь
Как правится "Русь Уход
Вещь я над которой работаю
мне нравится самому.
Отпечатан пришлю из Баку.
Напишите в Баку. А там
буду ждать через 5 после
этого письма и пробуду
недели две.
С. Е.

С.А.Есенин. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф. После 2 ноября 1924.

Свет зари кропит.
В куртке кожаной
Коммунар не спит.

11

На заре, заре,
В дождевой крутень,
Свистом ядерным
Мы встречали день.
Подымая вверх,
Как тоску, глаза,
В куртке кожаной
Коммунар сказал:
«Братья, если здесь
Одолеют нас,
То октябрьский свет
Навсегда погас.
Будет крыть нас кнут,
Будет крыть нас плеть,
Всем весь век тогда
В нищете корпеть».
С горьким гневом рук
Утерев слезу,
Ротный наш с тех слов
Сапоги разул.
Громко кашлянув,
«—На,—сказал он мне,—
Дома нет сапог,
Передай жене».

* * *

На заре, заре,
В дождевой крутень,
Свистом ядерным
Мы сушили день.
Пуля входит в грудь,
Как пчелы ужал.
Наш отряд тогда
Впереди бежал.
За лощиной—пруд.
А за прудом—лог.
Коммунар ничком
В землю носом лег.
Мы вперед, вперед!
Враг назад, назад!
Мертвецы пусть так,
Под дождем лежат.
Спите, храбрые,
С отзвучавшим ртом!
Мы придем вас всех
Хоронить потом.

* * *

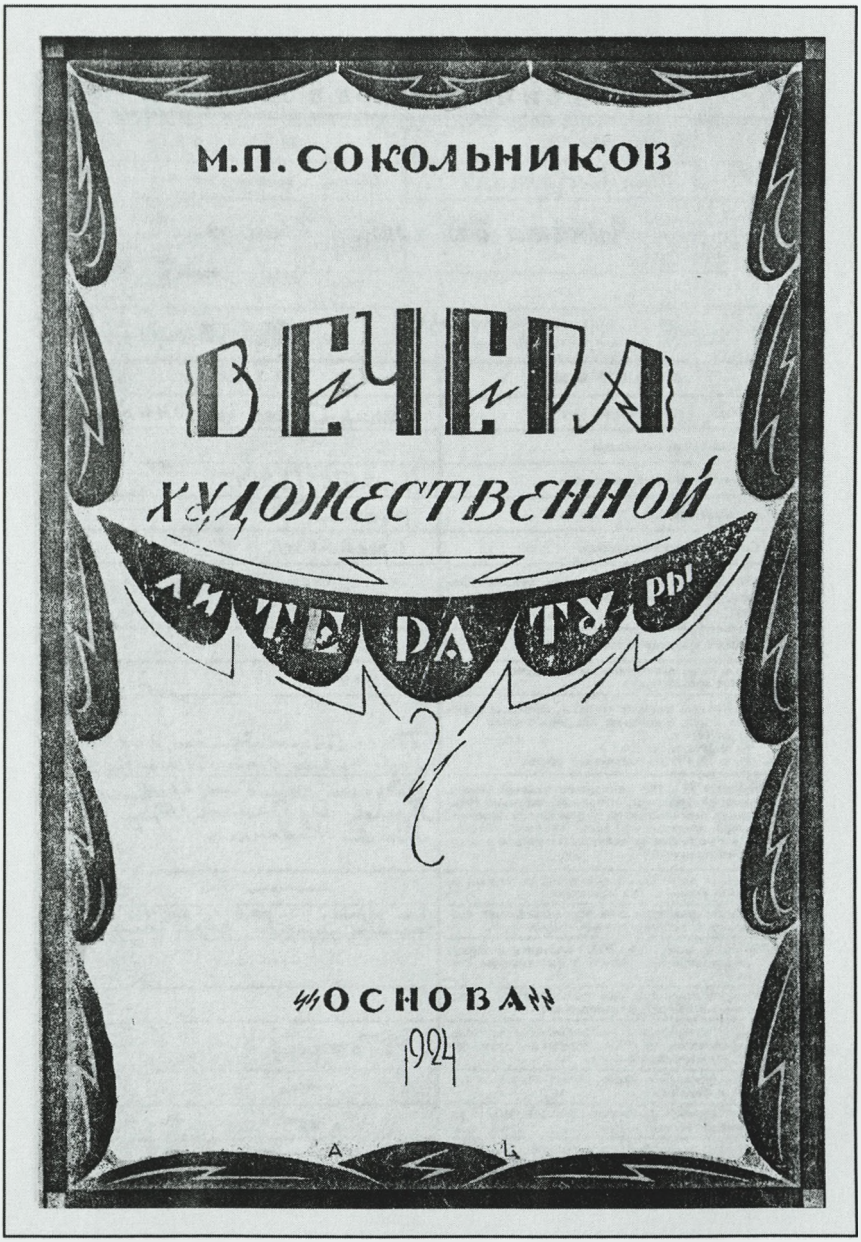
Вот и кончен бой,
Машет красный флаг.
Не жалея пят,
Удирает враг.
Удивленный тем,
Что остался цел,
Молча ротный наш
Сапоги надел.
И сказал: «Жене
Сапоги не враз,
Я их сам теперь
Износить горазд».

12

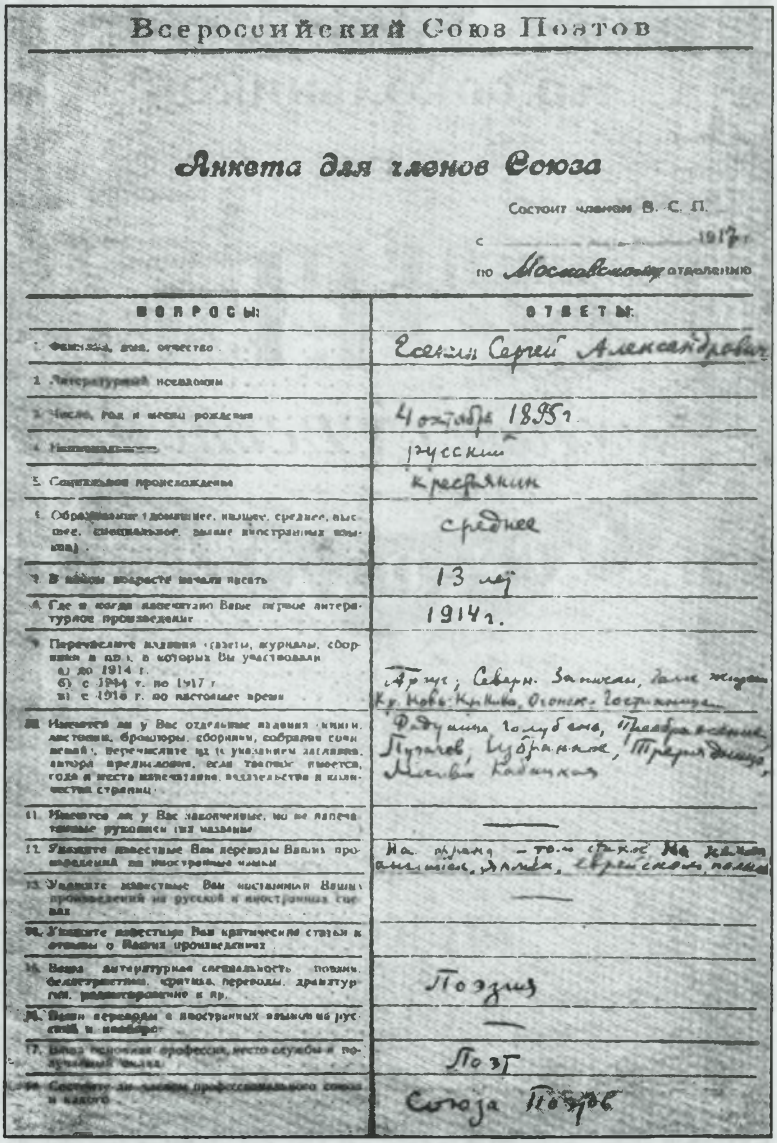
Вот и кончен бой.
Тот, кто жив, тот рад.
Ай, да вольный люд!
Ай, да Питер град!
От полуночи
До синя утра
Над Невой твоей
Бродит тень Петра.
Бродит тень Петра
И дивуется
На кумачный цвет
В наших улицах.
На кумачный цвет
Нами вспененный
Супротив всех бар
Знаком Ленина.
В берег бьет вода
Пеной индевью...
Корабли плывут
Будто в Индию.

Июль 1924 г.
Ленинград.

С.А.Есенин. Поэма «Песнь о великом походе» (журнал «Звезда», Л., 1924, № 5). Фрагмент.



М.П.Сокольников. Вечера художественной литературы (Иваново-Вознесенск, 1924). Обложка книги, в которой говорится о С.А.Есенине.



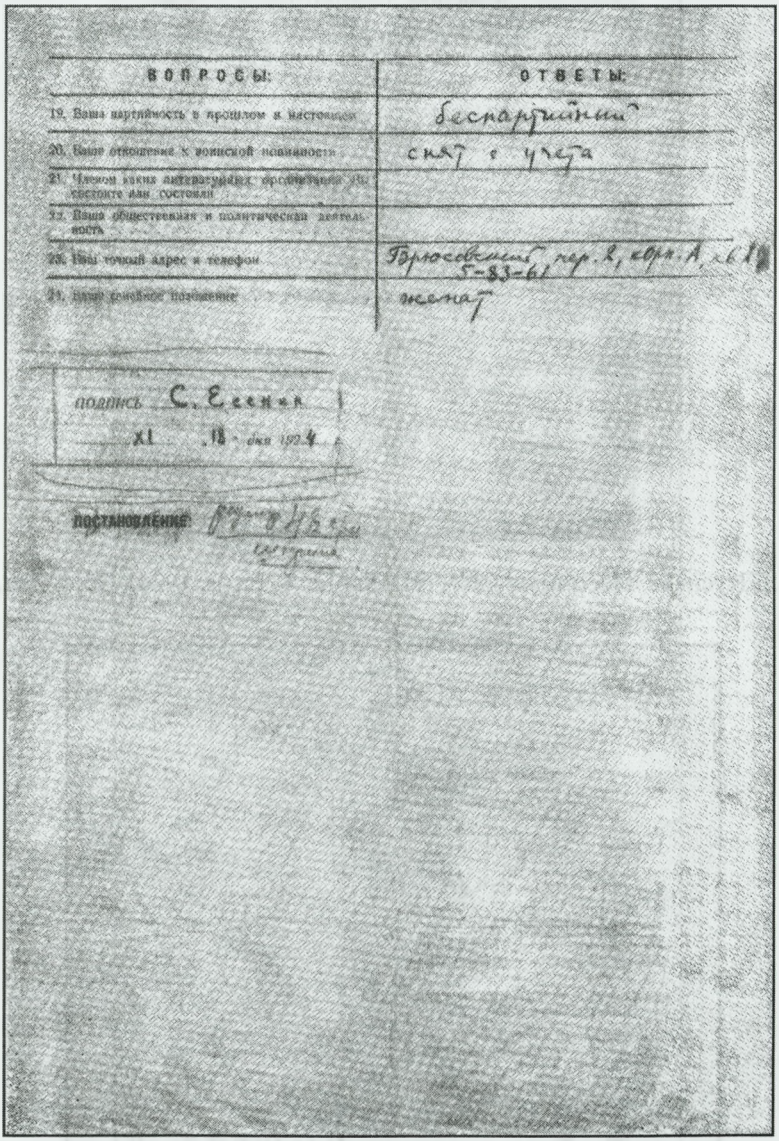
Всероссийский Союз Поэтов

Анкета для членов Союза

Состоит членом В. С. П.
с ____ 1917 г.
по Московскому отделению

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
1. Фамилия, имя, отчество	Есенин Сергей Александрович
2. Литературный псевдоним	
3. Число, год и место рождения	4 октября 1895 г.
4. Национальность	русский
5. Социальное происхождение	крестьянин
6. Образование (домашнее, начальное, среднее, высшее, специальное, знание иностранных языков)	среднее
7. В каком возрасте начали писать	13 лет
8. Где и когда напечатано Ваше первое литературное произведение	1914 г.
9. Перечислите издания (газеты, журналы, сборники и пр.), в которых Вы участвовали а) до 1914 г. б) с 1914 г. по 1917 г. в) с 1918 г. по настоящее время	Друг; Северн. Записки, Голос жизни Ку. Нов. Кривое Зеркало, Огонек, Гостиница
10. Имеются ли у Вас отдельные издания книги, листовки, брошюры, сборники, собрание сочинений? Перечислите их (с указанием заглавия, автора предисловия, если таковые имеются, года и места напечатания, издательства и количества страниц)	Радуница, Голубень, Преображение, Пугачев, Кобыльи поля, Трерядница, Москва Кабацкая
11. Имеются ли у Вас законченные, но не напечатанные рукописи (их названия)	—
12. Укажите известные Вам переводы Ваших произведений на иностранные языки	На армян. — то-ли строк. На языки английск., немец., еврейск., польск.
13. Укажите известные Вам инсценировки Ваших произведений на русском и иностранных языках	—
14. Укажите известную Вам критическую статью и отзывы о Ваших произведениях	
15. Какая литературная специальность: поэзия, беллетристика, критика, переводы, драматургия, радиотворчество и пр.	Поэзия
16. Ваши переводы с иностранных языков на русский и наоборот	—
17. Ваша основная профессия, место службы и получаемый оклад	Поэт
18. Состоите-ли членом профессионального союза и какого	Союза Поэтов

С.А.Есенин. Анкета для членов Всероссийского союза поэтов, заполненная Г.А.Бениславской. 18 ноября 1924.

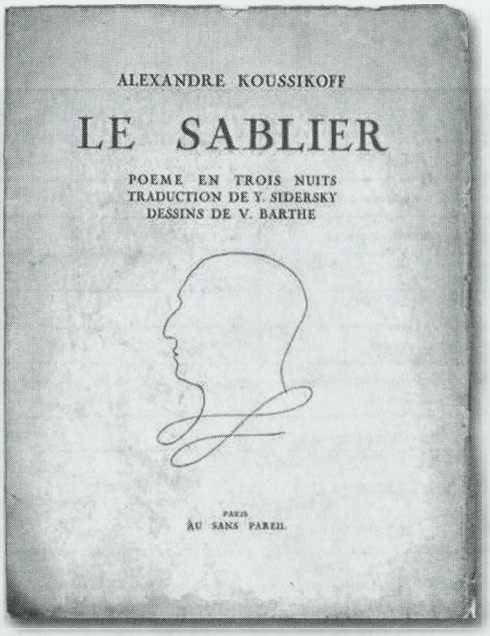


ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
19. Ваша партийность в прошлом и настоящем	беспартийный
20. Ваше отношение к воинской повинности	снят с учета
21. Членом каких литературных организаций Вы состоите или состояли	
22. Ваша общественная и политическая деятельность	
23. Ваш точный адрес и телефон	Брюсовский пер. 2, кв. 4, кв. 1 5-83-61
24. Ваше семейное положение	женат

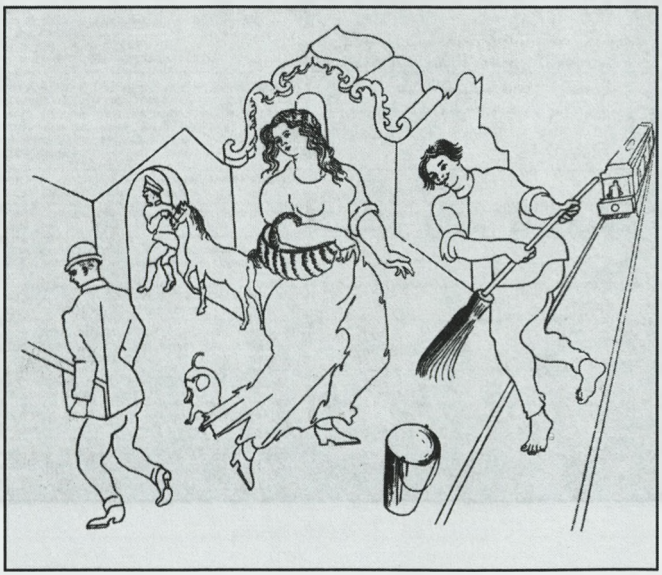
подпись С. Есенин

XI .18 - дня 1924 г.

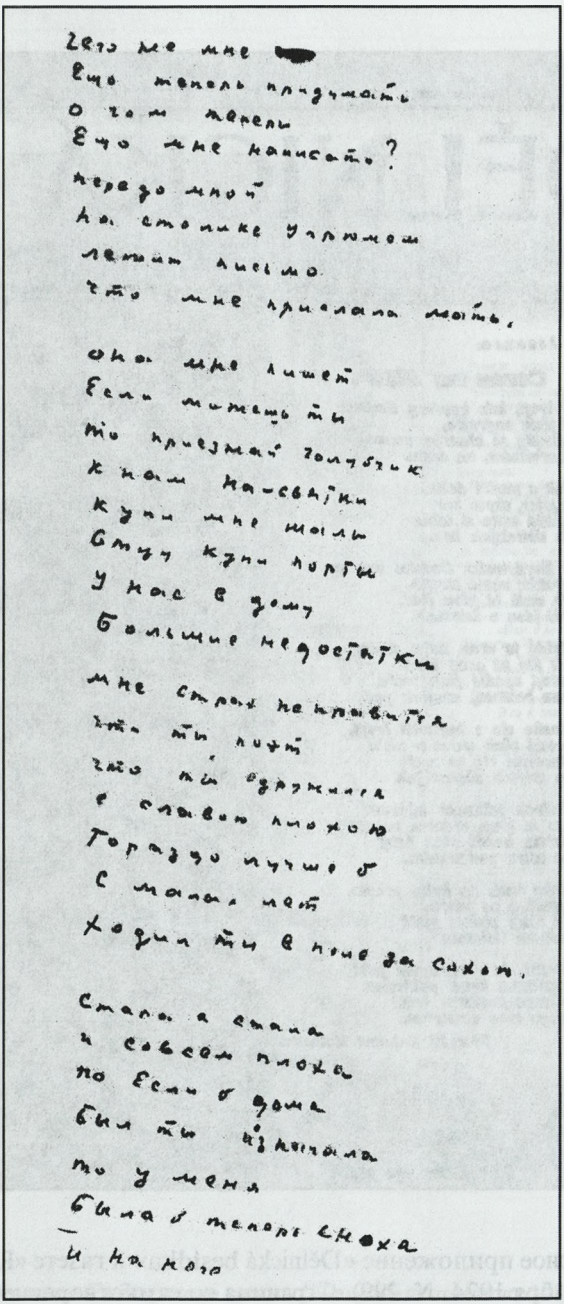
ПОСТАНОВЛЕНИЕ:



А.Б.Кусиков. Песочные часы («Le Sablier», Paris, 1924). Обложка.



А.Дункан и С.А.Есенин. Рисунок В.Барта из книги А.Б.Кусикова «Песочные часы» («Le Sablier», Paris, 1924). Собрание Г.Маквея.



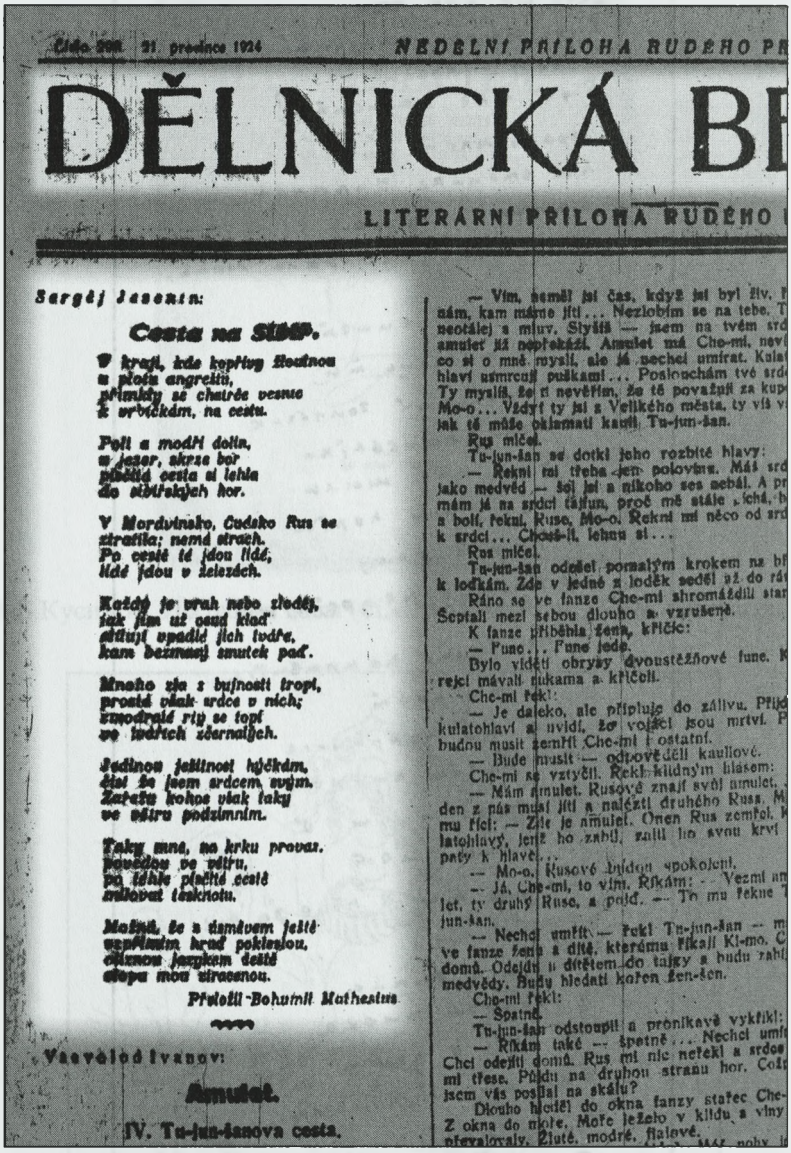
Что же мне [redacted]
Еще теперь придумать
О том теперь
Что мне написать?
Передо мной
На столике уголком
Лежит письмо
Что мне прислала мать.

Она мне пишет
Если слышишь ты
Что приезжай голубчик
К нам насовсем
Куда мне шлешь
Стучу куда попало
У нас в дому
Большие недостатки

Мне стоит не напиться
Что ты, мать
Что ни воскресенье
С самого утра
Гораздо лучше б
С тобой нам
Ходить ты в поле за сеном.

Стала я стара
И совсем плоха
Но если б дома
Была ты хотя
То у меня
Была б теплая печка
И на ней

С.А.Есенин. Стихотворение «Письмо от матери». Автограф. 1924.



Číslo 299. 21. prosince 1924 NEDĚLNÍ PŘÍLOHA RUDÉHO PR

DĚLNICKÁ BE

LITERÁRNÍ PŘÍLOHA RUDÉHO

Sergěj Jesenin:

Cesta na Sibiř.

V kraji, kde kopřivy žloutnou
a plotu angrešth,
přímky se chatrče vesnic
k vrbičkám, na cestu.

Pole a modří dolin,
a jezer, skrze bor
přitéká cesta ai lehla
do sibiřských hor.

V Mordvinsku, Čudsku Rus se
ztratila; nemá strach.
Po cestě tě jdou lidé,
lidé jdou v železech.

Každý je vrah nebo zloděj,
jak jim už osud kladl
oblouk spadlé jich tváře,
kam bezmezný smutek padl.

Mnoho zla z bujnosti tropí,
prostá však srdce v nich;
zmodralé rty se topí
ve tvářích zčernalých.

Sudinou jasnost hýčkám,
čtou že jsem srdcem svým.
Zatažky krkoše však taky
ve větru podzimním.

Taky mně, na krku provaz.
Povedou ve větru,
po lidské pláště cestě
smlouvat těsknotu.

Možná, že s démonem ještě
vzpomínám hrad pokleslou,
cizinou jazykem dcestě
slepou mou viracenou.

Přeložil Bohumil Mathesius.

Vsevolod Ivanov:

Amulet.

IV. Tu-jun-šanova cesta.

— Vím, nemáš jsi čas, když jsi byl živ, [illegible]
ním, kam máme jíti... Neztobím se na tebe. T
neotálej a mluv. Slyšíš — jsem na tvém srd
amulet již nepotřebuji. Amulet má Che-mi, nev
co si o mně myslí, ale já nechci umírat. Kula
hlavy usmrcují puškami... Poslouchám tvé srd
Ty myslíš, že ti nevěřím, že tě považuji za kup
Mo-o... Vždyť ty jsi z Velikého města, ty víš v
jak tě může oklamati kaulí Tu-jun-šan.

Rus mlčel.

Tu-jun-šan se dotkl jeho rozbité hlavy:

— Řekni mi třeba jen polovinu. Máš srd
jako medvěd — šel jsi a nikoho ses nebál. A pr
mám já na srdci tajnu, proč mě stále „ich, h
a bolí, řekni, Rusi, Mo-o. Řekni mi něco od srd
k srdci... Chceš-li, lehnu si...

Rus mlčel.

Tu-jun-šan odešel pomalým krokem na bř
k loďkám. Zde v jedné z loděk seděl již do rá

Ráno se ve fanze Che-mi shromáždili star
Šeptali mezi sebou dlouho a vzrušeně.

K fanze přiběhla žena, křičíc:

— Fune... Fune jede.

Bylo vidět obrysy dvoustěžňové fune. K
řekl mávali rukama a křičeli.

Che-mi řekl:

— Je daleko, ale připluje do zálivu. Přijd
kulatohlaví a uvidí, že vojáci jsou mrtví. P
budou musit zemřít Che-mi i ostatní.

— Bude musit — odpověděli kauliové.

Che-mi se vztyčil. Řekl klidným hlasem:

— Mám amulet. Rusové znají svůj amulet,
den z nás musí jíti a naléztí druhého Rusa. M
mu řekl: — Zde je amulet. Onen Rus zemřel, k
latohlavý, jenž ho zabil, zalil ho svou krví
paty k hlavě...

— Mo-o. Rusové buďte spokojeni.

— Já, Che-mi, to vím. Říkám: — Vezmi an
let, ty druhý Rusi, a pojď. — To mu řekne T
jun-šan.

— Nechci umřít — řekl Tu-jun-šan — m
ve fanze ženu a dítě, kterému říkají Ki-mo. C
domů. Odejdu s dítětem do taigy a budu zabí
medvědy. Budu hledati kořen žen-šen.

Che-mi řekl:

— Špatně.

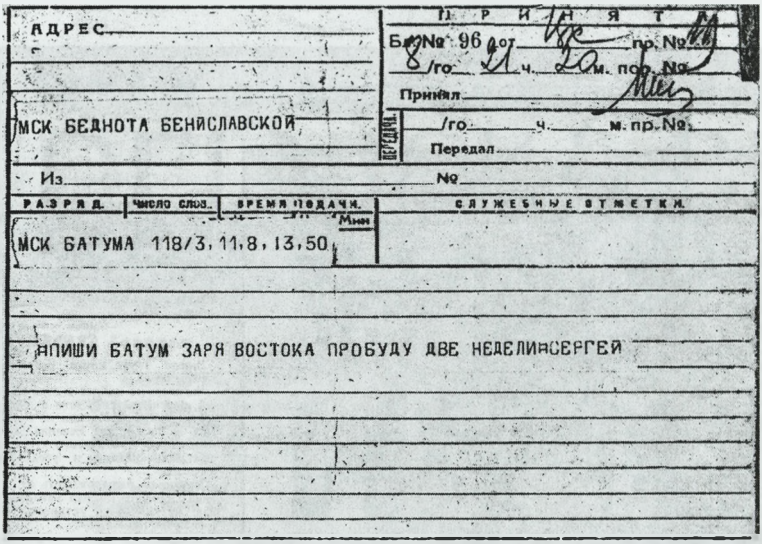
Tu-jun-šan odstoupil a pronikavě vykřikl:

— Říkám také — špatně... Nechci umř
Chci odejíti domů. Rus mi nic neřekl a srdce
mi třese. Půjdu na druhou stranu hor. Což
jsem vás poslal na skálu?

Dlouho hleděl do okna fanzy stařec Che-
Z okna do moře. Moře ježelo v klidu a vlny
převalovaly. Žluté, modré, fialové.

Литературное приложение «Dělnická besídka» к газете «Rude pravo» (Praha, 21 декабря 1924, № 299). Страница со стихотворением С.А.Есенина «В том краю, где желтая крапива...» (под заголовком «Путь в Сибирь») в переводе Богумила Матезиуса.

Журнал «Сибирские огни» (Новониколаевск; 1924, № 4; за сентябрь — октябрь). Обложка и страница с рецензией (подпись: «Н.») на книгу С.А.Есенина «Москва кабацкая».



АДРЕС

МСК БЕДНОТА БЕНИСЛАВСКОЙ

ПРИНЯТ

Бл.№ 96 от 8/го 21 ч. 20 м. пр. №

Принял

/го ч. м. пр. №

Передал

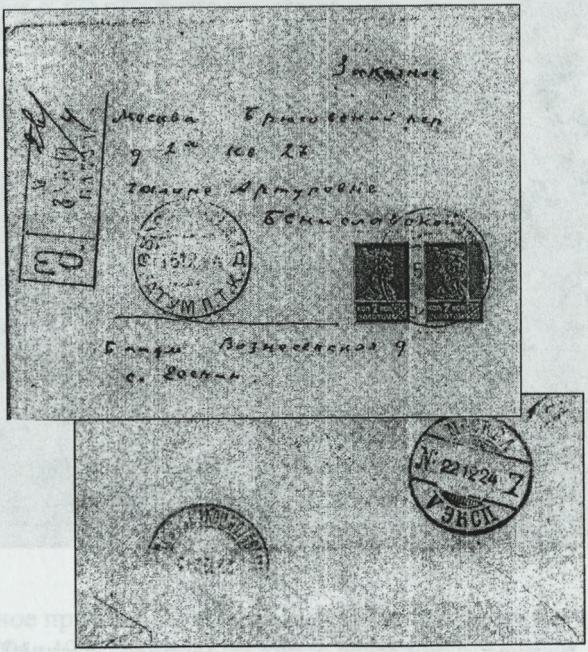
Из №

РАЗРЯД. ЧИСЛО СЛОВ. ВРЕМЯ ПОДАЧИ. Час Мин СЛУЖЕБНЫЕ ОТМЕТКИ

МСК БАТУМА 118/3,11,8,13,50

НПИШИ БАТУМ ЗАРЯ ВОСТОКА ПРОБУДУ ДВЕ НЕДЕЛИСЕРГЕЙ

С.А.Есенин. Телеграмма к Г.А.Бениславской. 8 декабря 1924.



Конверт от письма С.А.Есенина, отправленного Г.А.Бениславской. 15 декабря 1924.

С.А.Есенин и О.Кобцова. Фото. Декабрь 1924.

С.А.Есенин, Н.К.Вержбицкий, Н.П.Стор, Л.И.Повицкий, М.С.Тарасенко.
Фото. Декабрь 1924.

С.А.Есенин, Н.П.Стор, М.С.Тарасенко, Л.И.Повицкий, Н.К.Вержбицкий на Приморском бульваре. Фото. Декабрь 1924.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

ПЕСНЬ О ВЕЛИКОМ ПОХОДЕ

1

Эй, вы, встречные,
Поперечные,
Тараканы, сверчки
Запечные.
Не народ, а дрохва
Подбитая!
Русь нечесаная,
Русь немытая!
Вы послушайте
Новый вольный сказ,
Новый вольный сказ
Про житье у нас.
Первый сказ о том,
Что давно было.
А второй про то,
Что сейчас всплыло.
Для тебя я, Русь,
Эти сказы спел,
Потому что был
И правдив и смел.
Был мастак слагать
Эти притчины,
Не боясь ничьей
Зуботычины.

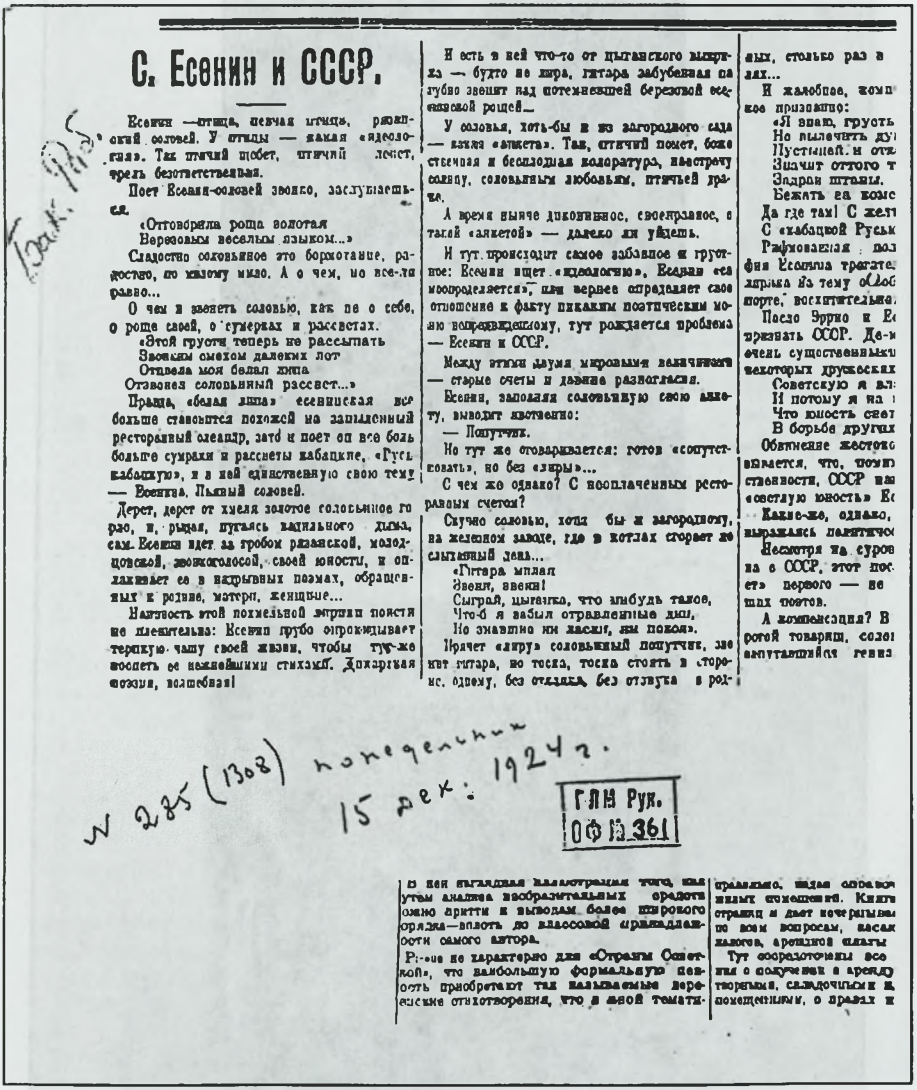
* * *

Ой во городе,
Да во Ипатьеве,
При Петре было
При императоре.
Говорил слова
Непутевый дьяк:
«Уж и как у нас, ребята,
Стал быть царь дурак.
Царь дурак-батрак
Сопли жмет в кулак,
Строит Питер град
На немецкий лад.
Видно, делать ему
Больше нечего,
Принялся он Русь
Онемечивать.
Бреет он князьям
Бradье, усе.
Как не плакаться
Тут над Русью?
Не тужить тут как
Над судьбиною:
Непослушных он
Бьет дубиною».
Услыхал те слова
Молодой стрелец.
Хвать смутьяницка
За тугой косец.
«Ты пди, полли,
Не кочурься, брат.
Я свезу тебя
Прямо в Питер град.
Привезу к царю:
«Кайся, сукин кот.
Кайся, сукин кот,
Что смущал народ».

2

По Тверской-Ямской,
Под дугою вбряк,
С колокольцами

Журнал «Октябрь» (М., 1924, № 3).
Обложка и страница с началом «Песни о великом походе» С.А. Есенина.



С. Есенин и СССР.

Есенин — птица, певчая птица, рязанский соловей. У птицы — какая «идеология». Так птичий щебет, птичий лепет, трель безответственная.

Поет Есенин-соловей звонко, заслушаешься.

«Оттворяла роща золотая
Нерезовым весалым языком...»

Сладостно соловьиное это бормотание, радостно, что кому-то мило. А о чем, но все-ли равно...

О чем и звенеть соловью, как не о себе, о роще своей, о сумерках и рассветах.

«Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет
Отвлекла моя белая липа
Отзвенел соловьиный рассвет...»

Правда, «белая липа» есенинская все больше становится похожей на запыленный ресторанный олеандр, затем и поет он все боль больше сухарки и рассчеты кабацкие, «Русь кабацкую», и в ней единственную свою тему — Есенина. Пьяный соловей.

Дерет, дерет от хмеля золотое соловьиное горло, и, рыдая, пугаясь вакильного дыма, сам Есенин идет за гробом рязанской, молодецкой, звонкоголосой, своей юности, и оплакивает ее в надрывных поэмах, обращенных к родине, матери, женщине...

Наивность этой поэмальной эмоции поистине не извинительна: Есенин грубо опрокидывает терпкую чашу своей жизни, чтобы тут-же воспеть ее нежнейшими стихами. Дикарская поэзия, волшебная!

И есть в ней что-то от цыганского надрыва — будто не лира, гитара забубенная пьяную звенит над потемневшей березовой есенинской рощей...

У соловья, хоть-бы и за загородного сада — языка «анкета». Так, птичий помет, божественная и беспредельная колоратура, известную солнцу, соловьиным любовью, птичьей грязи.

А время нынче дикопинное, своеобразное, и такой «анкетой» — далеко ли уйдешь.

И тут происходит самое забавное и грустное: Есенин ищет «идеологию», Есенин его мгновенно определяется", или вернее определяет свое отношение к факту пикантным поэтическим мою непременному, тут рождается проблема — Есенин и СССР.

Между этими двумя мировыми величинами — старые счеты и давние разногласия.

Есенин, заломив соловьиную свою анкету, выводит кокетливо:

— Попутчик.

Но тут же оговаривается: готов «попутствовать», но без «иры»...

С чем же однако? С неоплаченным ресторанным счетом?

Скучно соловью, хоть бы и загородному, на железном заводе, где в котлах стонет железный дева...

«Гитара миная!
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Что-б я забыл отравленные дни,
Но знаешь ни каспи, ни покои».

Прячет «иру» соловьиный попутчик, где нет гитара, но тоска, тоска стонть в «горле, одному, без отклика, без отзвука в род-

ных, столько раз в
лах...
И жалобное, комп
ное признание:
«Я знаю, грусть
Не вылечить ду
Пустишей и отк
Значит оттого т
Задран штаны.
Бежать на коме
Да где там! С жел
С «кабацкой Русь
Рафинированная поэ
фия Есенина трагиче
лирика из тему «Лоб
порте,» восхитительна.
После Эрно и Ес
признать СССР. Де-и
очень существенных
некоторых русских
Советскую я зл
И потому я на
Что юность свет
В борьбе других
Обаяние жестоко
является, что, помим
ственности, СССР им
«советскую юность» Ес
Какие-же, однако,
выражались поэтическо
Несмотря на суров
на с СССР, этот поэ
ет» первого — не
ших поэтов.
А компенсация? В
рогой товарищ, солне
амятливейшая гения

№ 285 (1308) понедельник
15 дек. 1924 г.

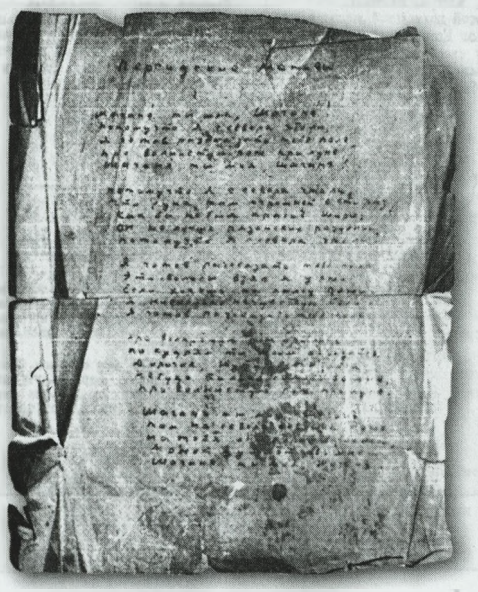
ГЛН Рук.
ОФ № 361

в ней выгладная иллюстрация того, как путем анализа изобразительных средств можно притти к выводам более широкого порядка—вплоть до классовой принадлежности самого автора.

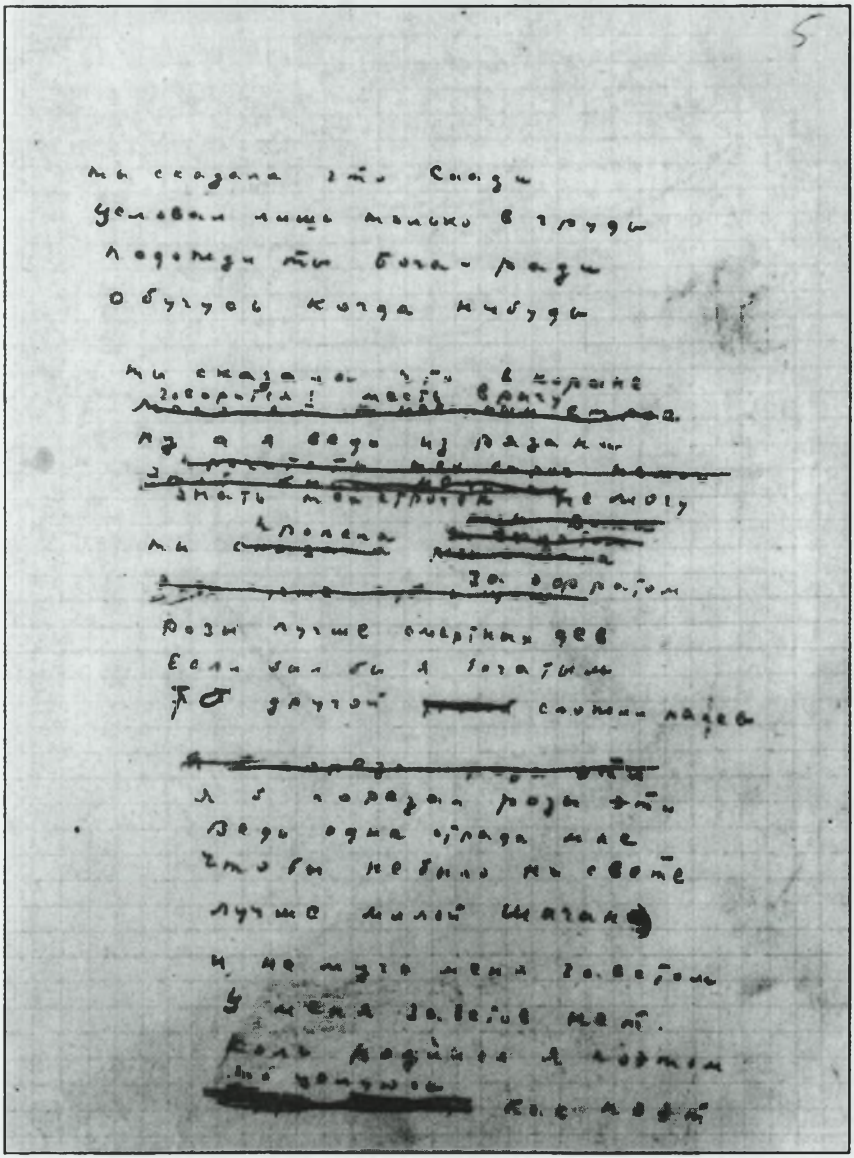
Р[...]ое не характерно для «Страны Советской», что наибольшую формальную новость приобретают так называемые переходные стихотворения, что в иной тематически, столько раз

Публикации о С.А.Есенине с его библиографической пометкой из принадлежащей поэту тетради.

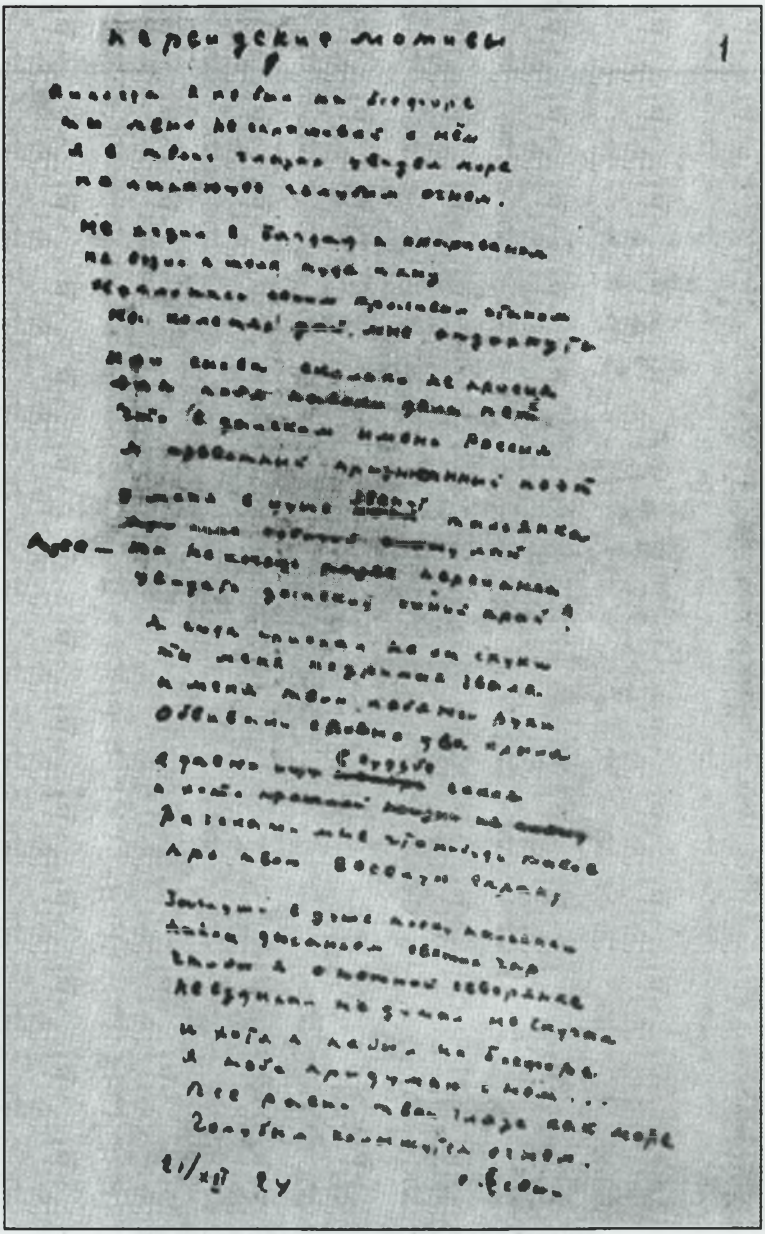
Ш.Н.Тальян. Фото. 1920-е.



С.А.Есенин. Стихотворение «Шаганэ ты моя, Шаганэ...».
Автограф. До 19 декабря 1924.

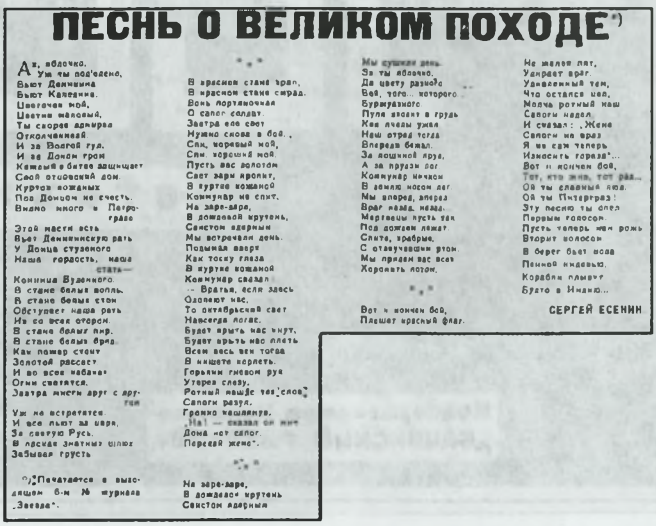


С.А.Есенин. Стихотворение «Ты сказала, что Саади…». Автограф. 19 декабря 1924.



С.А.Есенин. Стихотворение «Никогда я не был на Босфоре...». Автограф. 21 декабря 1924.

С.А.Есенин. Книга «Русь Советская» (Баку, 1924). Обложка.



ПЕСНЬ О ВЕЛИКОМ ПОХОДЕ*)

Ах, яблочко,
Ум ты под'ядено,
Вьют Деникина
Бьют Колчака.
Цветочек мой,
Цветик невзрачный,
Ты скорей адмирал
Отколчаченный
И за Волгой гул,
И за Доном гроб
Катаный в битвах защищает
Свой отцовский дом.
Куртка вождных
Под Донцом не счесть.
Видно много в Петрограде
Этой масти есть
Будет Деникинскую рать
У Донца студеного
Наша гордость, наше
стать—
Конница Буденного.
В стане белых вопль,
В стане белых стон
Обступает наша рать
Их со всех сторон.
В стане белых пир,
В стане белых врал
Как пожар стоит
Золотой рассвет
И во всех избах
Огни светятся.
Завтра жизнь друг с другом
Уж не встретятся
И все пьют за царя,
За святую Русь,
В ласке знатных шлюх
Забывая грусть

*) Печатается с выскакивающим б-м № журнала „Звезда".

* * *

В красном стане храп,
В красном стане сирад.
Вонь портяночная
О салог солдат.
Завтра его свет
Нужно снова в бой.
Спи, чоровый мой,
Спи, хороший мой.
Пусть вас золотом
Свет зари кропит,
В пуртее вожаной
Коммунар на спит.
На заре-заре,
В домовой крутень,
Свистом ядерным
Мы встречаем день.
Подымай аварь
Как тоску глаза
В куртке вожаной
Коммунар сказал:
— Братья, если здесь
Одолеют нас,
То октябрьский свет
Навсегда погас.
Будет врыть нас внук,
Будет врыть нас плеть
Всем весь век тогда
В нищете корпеть.
Горьким гневом рук
Угрею слезу,
Ратный нашДе тех слов
Сапоги разул.
Громко машинтру.
„На" — сказал он мне
Дома нет сапог.
Пересей жене".

* * *

На заре-заре,
В домовой крутень
Свистом ядерным

Мы сушили весь
Эх ты яблочко,
Да цвету разного
Вей, того... которого
Буржуазного
Пуля вгонял в грудь
Как пчелы гуляй
Наш отряд тогда
Вперед бежал.
За лощиной луг,
А за лугом лог
Коммунар начал
В землю носом лег
Мы вперед, вперед
Враг назад, назад.
Мертвецы пусть так
Под дождем лежат
Спите, храбрые,
С отзвучавших уст
Мы придем вас всех
Хоронить потом.

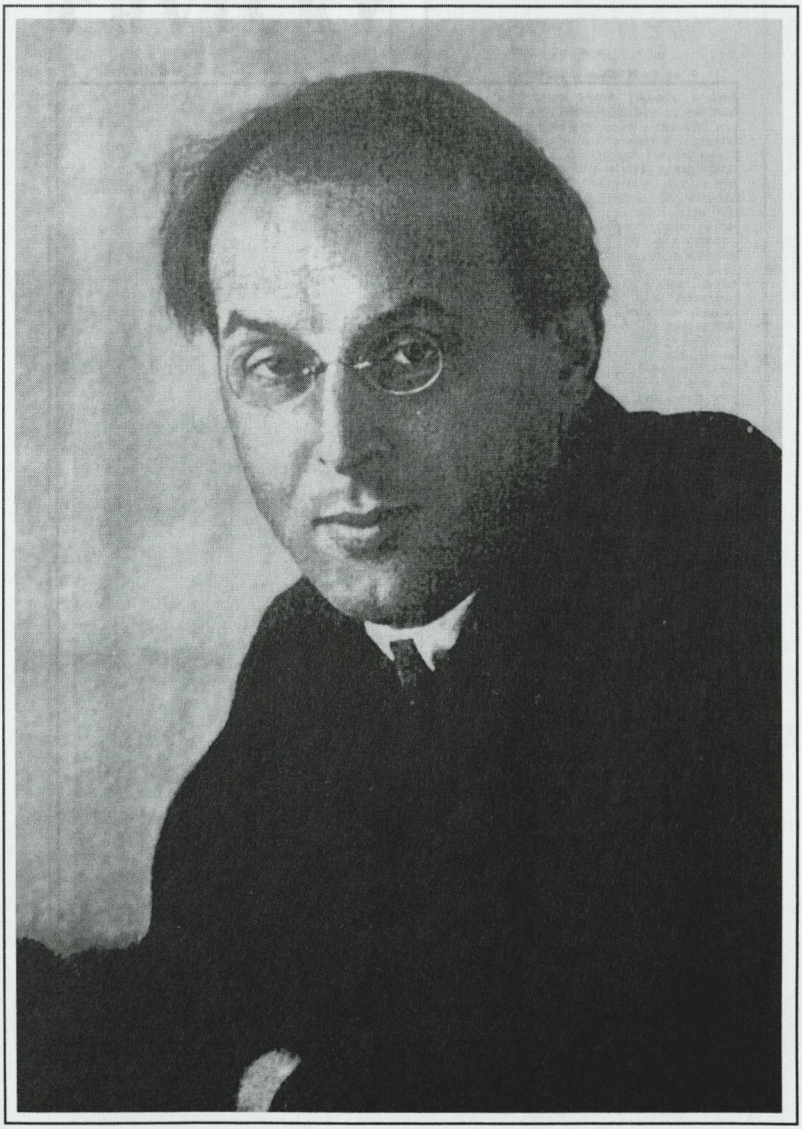
* * *

Вот и кончен бой,
Плещет красный флаг.

Не жалея лет,
Умирает враг
Удалецкий тем,
Что остался цел,
Молчь ротный наш
Сапоги надел,
И сказал: „Жене
Сапоги не враз
Я не сам теперь
Изнесть торгав"...
Вот и кончен бой,
Тот, кто жив, тот раз...
Ой вы славные лов
Ой вы Питерград!
Эту песню ты спел
Первым голосом
Пусть теперь нам ромь
Второй голосом
В берег бьет волн
Пенной кидевью.
Корабли плывут
Будто в Индию...

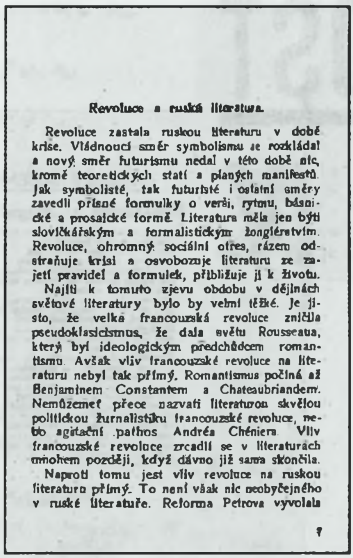
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Журнал «Шквал» (Одесса, 1924, № 8). Обложка и страница с фрагментом «Песни о великом походе» С.А. Есенина.



А.Н.Александров. Фото. 1920-е.

Иржи Вейл. Фото. 1920-е.



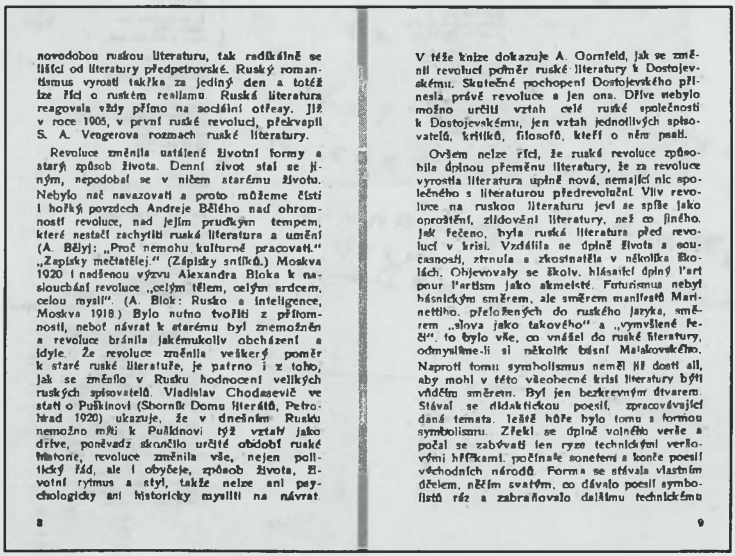
Revoluce a ruská literatura.

Revoluce zastala ruskou literaturu v době krise. Vládnoucí směr symbolismu se rozkládal a nový směr futurismu nedal v této době nic, kromě teoretických statí a planých manifestů. Jak symbolisté, tak futuristé i ostatní směry zavedli přísné formulky o verši, rytmu, básnické a prosaické formě. Literatura měla jen býti slovíčkářským a formalistickým žonglérstvím. Revoluce, ohromný sociální otřes, rázem odstraňuje krisi a osvobozuje literaturu ze zajetí pravidel a formulek, přibližuje ji k životu.

Najíti k tomuto zjevu obdobu v dějinách světové literatury bylo by velmi těžké. Je jisto, že velká francouzská revoluce zničila pseudoklasicismus, že dala světu Rousseaua, který byl ideologickým předchůdcem romantismu. Avšak vliv francouzské revoluce na literaturu nebyl tak přímý. Romantismus počíná až Benjaminem Constantem a Chateaubriandem. Nemůžeme přece nazvati literaturou skvělou politickou žurnalistiku francouzské revoluce, nebo agitační pathos Andréa Chéniera. Vliv francouzské revoluce zrcadlí se v literaturách mnohem později, když dávno již sama skončila.

Naproti tomu jest vliv revoluce na ruskou literaturu přímý. To není však nic neobyčejného v ruské literatuře. Reforma Petrova vyvolala

7



novodobou ruskou literaturu, tak radikálně se lišící od literatury předpetrovské. Ruský romantismus vyrostl takřka za jediný den a totéž lze říci o ruském realismu. Ruská literatura reagovala vždy přímo na sociální otřesy. Již v roce 1905, v první ruské revoluci, překvapil S. A. Vengerova rozmachem ruské literatury.

Revoluce změnila ustálené životní formy a starý způsob života. Denní život stal se jiným, nepodobal se v ničem starému životu. Nebylo nač navazovati a proto můžeme čísti i hořký povzdech Andreje Bělého nad ohromností revoluce, nad jejím prudkým tempem, které nestačí zachytiti ruská literatura a umění (A. Bělyj: „Proč nemohu kulturně pracovati.“ „Zapisky mečtatělej.“ (Zápisky snílků.) Moskva 1920 i nadšenou výzvu Alexandra Bloka k naslouchání revoluce „celým tělem, celým srdcem, celou myslí“. (A. Blok: Rusko a inteligence, Moskva 1918.) Bylo nutno tvořiti z přítomnosti, neboť návrat k starému byl znemožněn a revoluce bránila jakémukoliv obcházení a idyle. Že revoluce změnila veškerý poměr k staré ruské literatuře, je patrno i z toho, jak se změnilo v Rusku hodnocení velikých ruských spisovatelů. Vladislav Chodasevič ve statí o Puškinovi (Sbornik Domu literátů, Petrohrad 1920) ukazuje, že v dnešním Rusku nemožno mluvi k Puškinovi týž vztah jako dříve, poněvadž skončilo určité období ruské kultury, revoluce změnila vše, nejen politický řád, ale i obyčeje, způsob života, životní rytmus a styl, takže nelze ani psychologicky ani historicky myslíti na návrat.

8

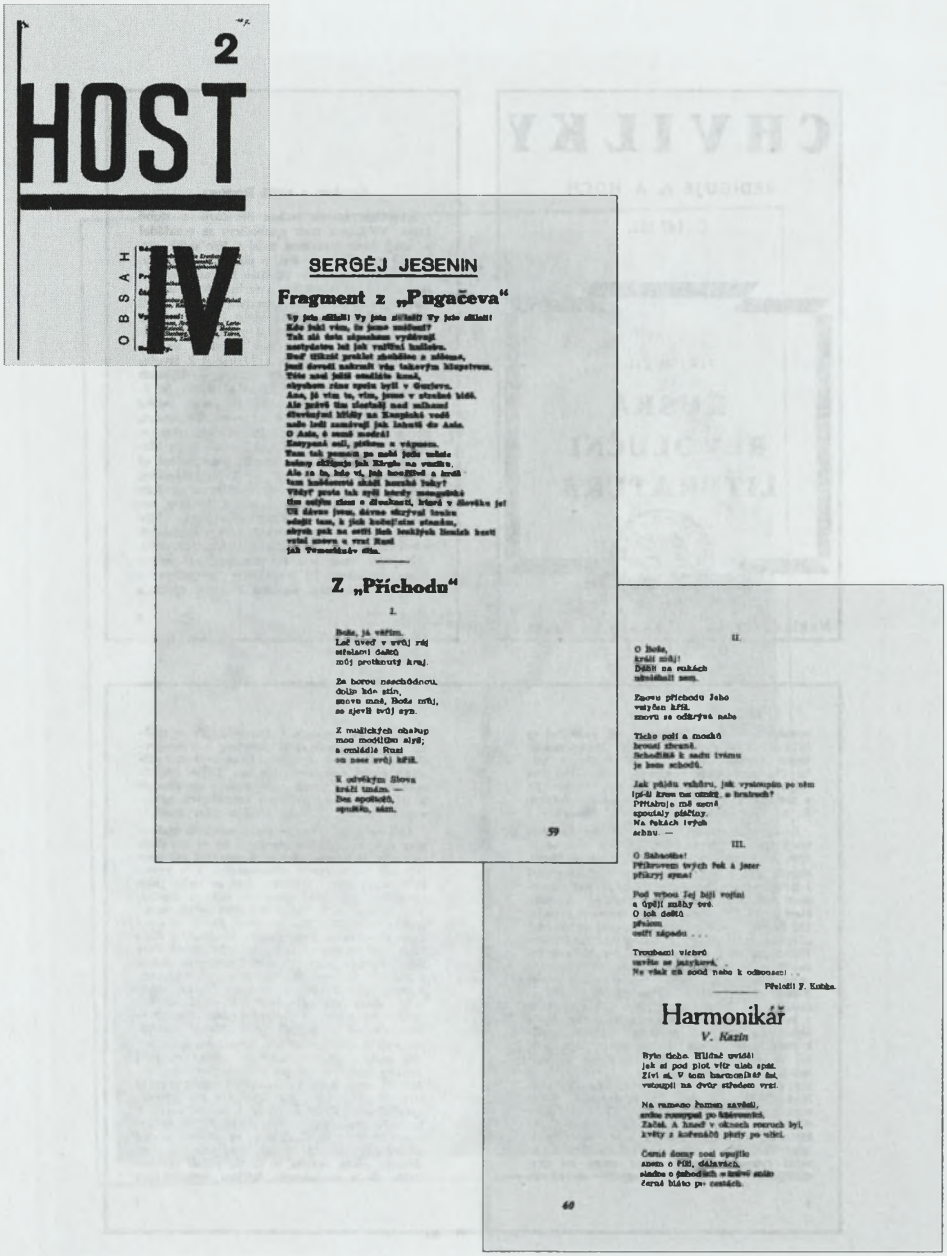
V téže knize dokazuje A. Gornfeld, jak se změnil revolucí poměr ruské literatury k Dostojevskému. Skutečné prochopení Dostojevského přinesla právě revoluce a jen ona. Dříve nebylo možno určiti vztah celé ruské společnosti k Dostojevskému, jen vztah jednotlivých spisovatelů, kritiků, filosofů, kteří o něm psali.

Ovšem nelze říci, že ruská revoluce způsobila úplnou přeměnu literatury, že za revoluce vyrostla literatura úplně nová, nemající nic společného s literaturou předrevoluční. Vliv revoluce na ruskou literaturu jeví se spíše jako oproštění, zlidovění literatury, než co jiného. Jak řečeno, byla ruská literatura před revolucí v krisi. Vzdálila se úplně života a současnosti, ztrnula a zkostnatěla v několika školách. Objevovaly se školy, hlásající úplný l'art pour l'artism jako akmeisté. Futurismus nebyl básnickým směrem, ale směrem manifestů Marinettiho, přeložených do ruského jazyka, směrem „slova jako takového“ a „vymyšlené řeči“, to bylo vše, co vnášel do ruské literatury, odmyslíme-li si několik básní Majakovského.

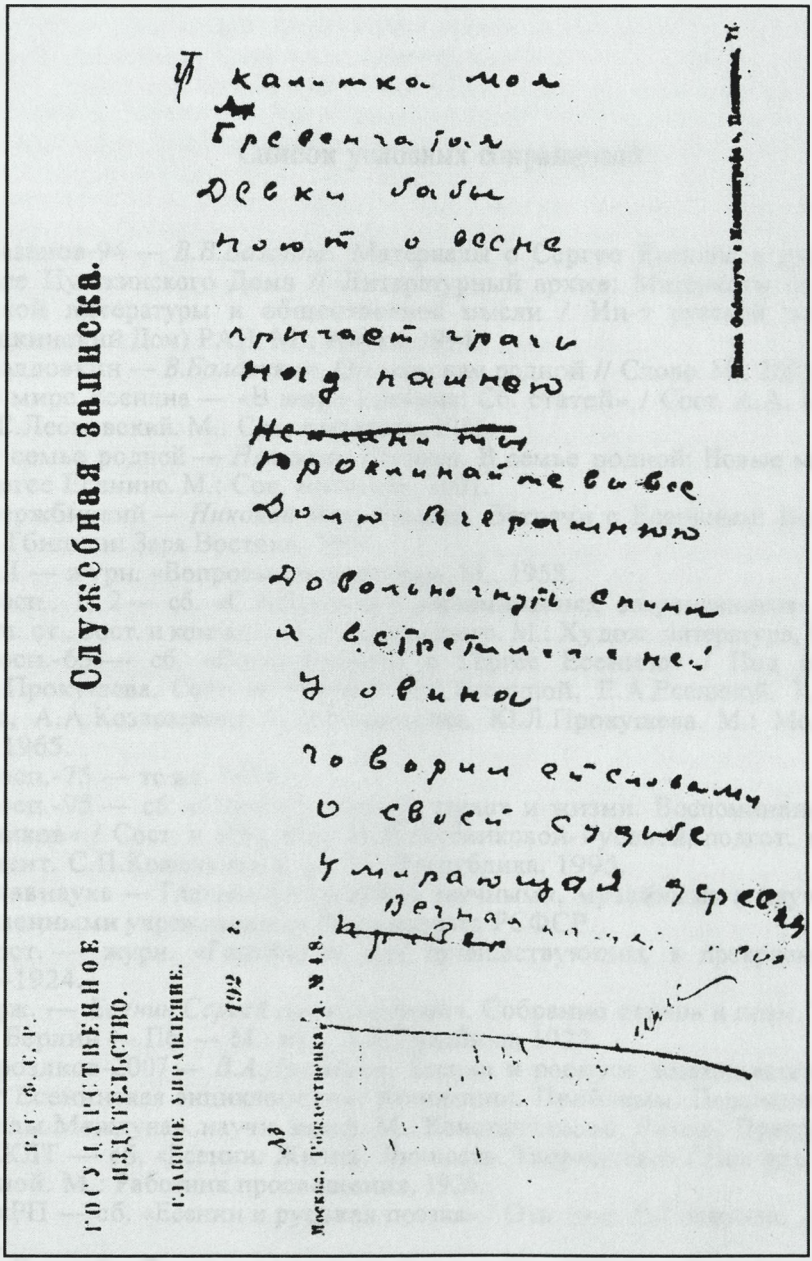
Naproti tomu symbolismus neměl již dosti sil, aby mohl v této všeobecné krisi literatury býti vůdčím směrem. Byl jen bezkrevným dtvarem. Stával se didaktickou poesií, zpracovávající daná témata. Ještě hůře bylo tomu s formou symbolismu. Zřekl se úplně volného verše a počal se zabývati jen ryze technickými verlotvými hříčkami, počínaje sonetem a konče poesií východních národů. Forma se stávala vlastním dějem, něčím svatým, co dávalo poesii symbolistů ráz a zabraňovalo dalšímu technickému

9

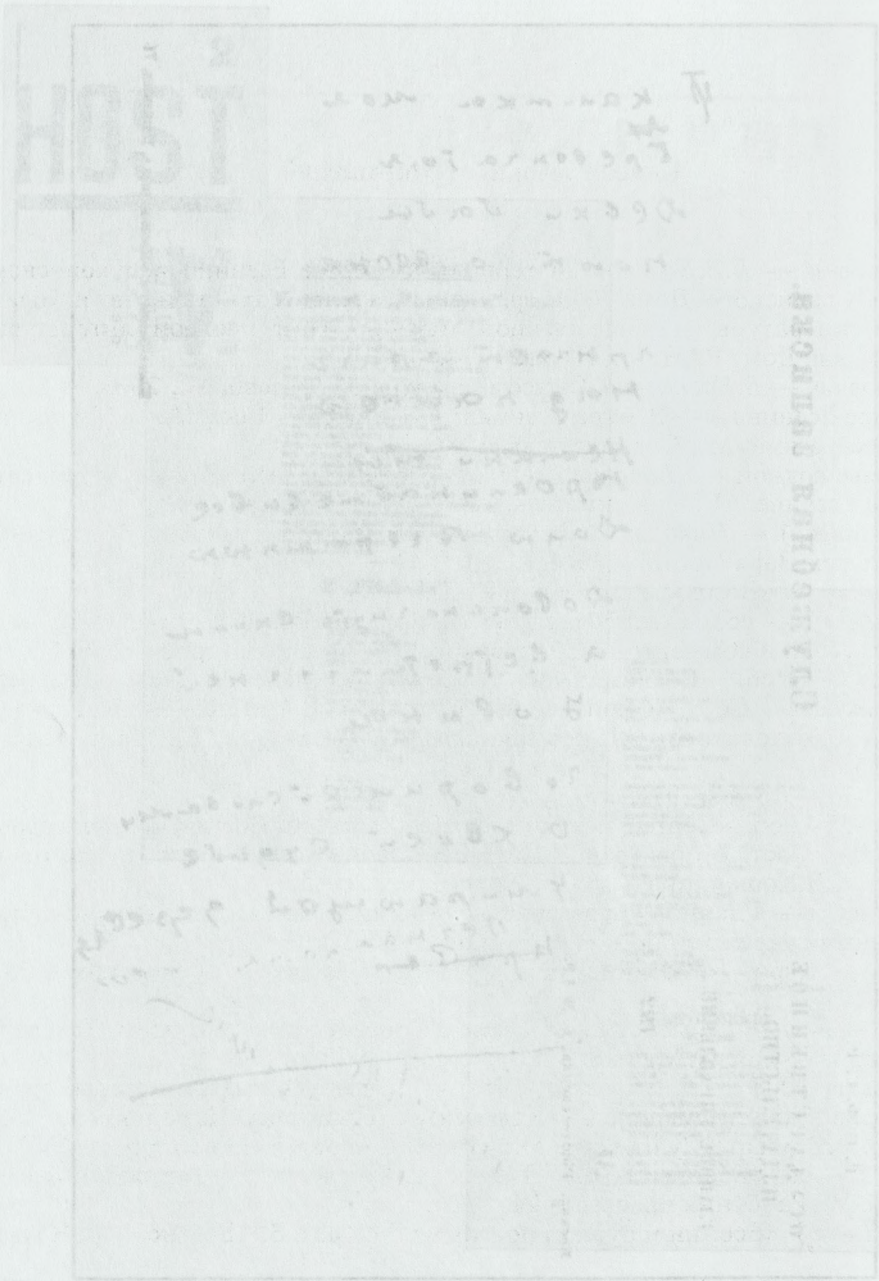
Сборник «Chvilky» (Praha, 1924). Титульный лист и страницы со статьей И.Вейла «Ruská revolučni literatura» («Русская революционная литратура»).



Журнал «Host» (Praha, rog. IV, № 2). Обложка и страницы с произведениями С.А.Есенина: фрагментом драматической поэмы «Пугачев» и отрывком из поэмы «Пришествие» (переводчик Франтишек Кубка).



С.А.Есенин. Стихотворение «Калитка моя...». Автограф. 1924–1925.



Журнал «Нова» (Praha, rog. IV, № 2). Обложка и страницы с произведениями С.А. Есенина: фрагментом драматической поэмы «Пугачев» и отрывками из поэмы «Пришествие» (стихотворение «Сшила мне...»). Автограф. 1924–1925.

Список условных сокращений

Базанов-94 — *В.В.Базанов*. Материалы о Сергее Есенине в рукописном отделе Пушкинского Дома // Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли / Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. М.; Наука, 1994.

Болдовкин — *В.Болдовкин*. Он всем нам родной // Слово. М., 2003. № 2.

В мире Есенина — «В мире Есенина: Сб. статей» / Сост. А.А. Михайлов и С.С.Лесневский. М.: Сов. писатель, 1986.

В семье родной — *Наталия Есенина*. В семье родной: Новые материалы о Сергее Есенине. М.: Сов. писатель, 2001.

Вержбицкий — *Николай Вержбицкий*. Встречи с Есениным: Воспоминания. Тбилиси: Заря Востока, 1961.

ВЛ — журн. «Вопросы литературы», М., 1958.

Восп., 1, 2 — сб. «С.А.Есенин в воспоминаниях современников», т. 1–2 / Вступ. ст., сост. и коммент. А.А.Козловского, М.: Худож. литература, 1986.

Восп.-65 — сб. «Воспоминания о Сергее Есенине» / Под общ. ред. Ю.Л.Прокушева. Сост. и примеч. А.А.Есениной, Е.А.Есениной, К.Л.Зелинского, А.А.Козловского, С.П.Кошечкина, Ю.Л.Прокушева. М.: Моск. рабочий, 1965.

Восп.-75 — то же, 1975.

Восп.-95 — сб. «Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников» / Сост. и общ. ред. Н.И.Шубниковой-Гусевой, подгот. текстов и коммент. С.П.Кошечкина и др. М.: Республика, 1995.

Главнаука — Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями Наркомпроса РСФСР.

Гост. — журн. «Гостиница для путешествующих в прекрасном», М., 1922–1924.

Грж. — *Есенин Сергей Александрович*. Собрание стихов и поэм. Том первый. Берлин — Пб. — М.: изд. З.И.Гржебина, 1922.

Дроздков-2007 — *В.А.Дроздков*. Есенин и роспуск имажинистской группы // Есенинская энциклопедия: Концепции. Проблемы. Перспективы: Материалы Междунар. научн. конф. М.: Константиново; Рязань: Пресса, 2007.

ЕЖЛТ — сб. «Есенин: Жизнь. Личность. Творчество» / Под ред. Е.Ф.Никитиной. М.: Работник просвещения, 1926.

ЕиРП — сб. «Есенин и русская поэзия» / Отв. ред. В.Г.Базанов. Л.: Наука, 1967.

ЕиС — сб. «Есенин и современность» / Ред. В.Г.Базанов. М.: Современник, 1975.

Есенин, I–VII (1–3) — *Сергей Есенин*. Полное собрание сочинений в семи томах [девяти книгах] / Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН / Гл. ред. Ю.Л.Прокушев; Ред. коллегия: Л.Д.Громова, Н.В.Есенина, С.П.Есенина,

С.П.Кошечкин, Ф.Ф.Кузнецов, Г.И.Ломидзе, Л.А.Озеров, Н.Н.Скатов, В.В.Сорокин. — М.: Наука — Голос, 1995–2000 [т. I–VII (2)]; М.: Наука, 2001 [т. VII (3)].

И.Дункан и Макдугалл — *Ирма Дункан, Алан Росс Макдугалл*. Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции / Пер. с англ., вступ. ст., коммент. Г.Г.Лахути. [М.:] Моск. рабочий, 1995.

Инвентаризационный каталог — Инвентаризационный каталог изданий Госиздата, «Прибоя» и «Военного вестника» 1923–1928 на 1 января 1929 г. / (Торговый сектор: Отдел учета). М.; Л.: Гос. изд-во, 1929.

Как жил Есенин — сб. «Как жил Есенин: Мемуарная проза» / Сост., послесл. и коммент. А.Л.Казакова. Челябинск, Южно-Уральское кн. изд-во, 1992.

Катанян — *В.Катанян*. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е, доп. М.: Сов. писатель, 1985.

Клейнборт-98 — *Лев Клейнборт*. «В стихах его была Русь» // Кузнецов В. Тайна гибели Есенина: По следам одной версии. М.: Современник, 1998.

Кн. летопись — «Книжная летопись» (Пг.- Л.).

Круг-III — Альманах артели писателей «Круг». [Вып.] III. М.; Л.: Круг, 1924.

Летопись, 1 — Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В 5 т. Т. 1: 1895–1916 / Гл. ред. Ю.Л.Прокушев. М.: ИМЛИ РАН, 2003.

Летопись, 2 — Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В 5 т. Т. 2: 1917–1920 / Гл. ред. А.Н.Захаров. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Летопись, 3 (1) — Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В 5 т. Т. 3: 1921–1923. Кн. 1: 1921 — 10 мая 1922 / Гл. ред. А.Н.Захаров. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Летопись, 3 (2) — Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В 5 т. Т. 3: 1921–1923. Кн. 2: 10 мая 1922 — 2 авг.1923 / Гл. ред. А.Н.Захаров. М.: ИМЛИ РАН, 2008.

ЛН — непериодич. сб. «Литературное наследство», М., 1931.

ЛР — газ. «Литературная Россия», М., 1963.

М. каб. — Есенин. Москва кабацкая. Л.: [Б. и.], 1924.

Маквей-2004 — *Гордон Маквей*. Московская школа Айседоры Дункан // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 2003. М.: Наука, 2004.

Маквей-2006 — *Гордон Маквей*. Новое об имажинистах // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 2004. М.: Наука, 2006.

Мануйлов-98 — *В.Мануйлов* «О Ленине так не жалели...» // *В.Кузнецов* Тайна гибели Есенина: По следам одной версии. М.: Современник, 1998.

Мариенгоф — *А.Мариенгоф*. Роман без вранья. Л.: Прибой, 1927.

Марков — *И.И.Марков*. О Сергее Есенине // ЕиРП.

Материалы — сб. «С.А.Есенин: Материалы к биографии» / Отв. ред. Н.Б.Волкова; сост., подгот. текстов, коммент. Н.И.Гусевой, С.И.Субботина, С.В.Шумихина. М.: Историч. наследие, 1992 (фактически — 1993).

Мой век — сб. «Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова» / Сост., указатель имен С.В.Шумихина и К.С.Юрьева, вст. ст., коммент. С.В.Шумихина. М.: Моск. рабочий, 1990.

МУНИ — Московское управление недвижимого имущества.

Наб. экз. — наборная рукопись первого, второго и третьего томов «Собрания стихотворений», подготовленная автором в 1925 г. (ГЛМ).

Нак. — газ. «Накануне», Берлин, 1922–1924.

НКИД — Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР.

НЛО — журн. «Новое литературное обозрение», М., 1993.

НМ — журн. «Новый мир», М., 1925.

Новое о Есенине, 2 — «Есенин академический: Актуальные проблемы научного издания: Есенинский сб. Вып. II / ИМЛИ им. А.М.Горького РАН» / Отв. ред. Ю.Л.Прокушев; Ред.-сост. М.В.Скороходов. М.: Наследие, 1995. (Новое о Есенине; 2).

Новое о Есенине, 3 — «Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум: Есенинский сб. Вып. III» / ИМЛИ им. А.М.Горького РАН / Отв. ред. Ю.Л.Прокушев; Ред.-сост. А.Н.Захаров, Ю.Л.Прокушев. — М.: Наследие, 1997. (Новое о Есенине. 3).

Новое о Есенине, 4 — «Издания Есенина и о Есенине: Итоги. Открытия. Перспективы: Есенинский сб. Вып. IV: Межд. научн. конференция... 1–2 окт. 1997 г. / ИМЛИ им. А.М.Горького РАН» / Отв. ред. Ю.Л.Прокушев; Сост. А.Н.Захаров. М.: ИМЛИ РАН; «Наследие», 2001. (Новое о Есенине; 4).

Памяти Есенина — сб. «Памяти Есенина». М.: Всероссийский союз поэтов, 1926.

Письма — сб. «Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы» / Общ. ред. Н.И.Шубниковой-Гусевой; сост. С.П.Митрофановой-Есениной и Т.П.Флор-Есениной; коммент. С.П.Митрофановой-Есениной, С.И.Субботина и др.; подгот. текстов и указатель имен С.И.Субботина. М.: Республика, 1995.

Повицкий — *Лев Повицкий*. О Сергее Есенине и не только... / Сост. И.Л.Повицкий. М.: Апарт, 2006.

Радуница, 4 — «"Радуница": Информац. сб.» / Добровольное общество любителей книги РФ; Есенинское общество «Радуница» при Московском гор. отделении ВООПИиК. М., 1993. № 4.

РЗЕ, 1, 2 — сб. «Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, очерки, эссе, статьи» / Вступ. ст., сост. и коммент. Н.И.Шубниковой-Гусевой. М.: ИНКОН, 1993, т. 1 и 2.

РЛ — журн. «Русская литература» (Л. — СПб., с 1958).

Ройзман — *М.Ройзман*. Всё ,что помню о Есенине. М.: Сов. Россия, 1973.

САЕ — сб. «Сергей Александрович Есенин: Воспоминания» / Под ред. Ив. Евдокимова. М.; Л.: ГИЗ, 1926.

СЕФ — Сергей Есенин: [Фотоальбом]. М.: Издание Екатерины Есениной, 1928.

Собр. ст. — *Сергей Есенин*. Собрание стихотворений, тт. 1–3. М.; Л.: Госиздат, 1926; т. 4: Стихи и проза. М.; Л.: Госиздат, 1927.

СЕГС — сб. «Сергей Есенин глазами современников» / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Н.И.Шубниковой-Гусевой. СПб.: Росток, 2006.

Ст24 — *С.Есенин*. Стихи (1920–24). М.; Л.: Круг, 1924.

Ст. ск. — *Сергей Есенин*. Стихи скандалиста. Берлин: И.Т.Благов, 1923.

Столетие Сергея Есенина см. Новое о Есенине, 3.

Тетр. ГЛМ — тетради Есенина с газетными, журнальными и книжными вырезками отзывов о нем и о его творчестве (ГЛМ).

«Товарищи по чувствам, по перу...» — сб. «Сергей Есенин в Грузии: "Товарищи по чувствам, по перу..."» / Сост. и ред. Г. Бебутов. Тбилиси: Мерани, 1986.

Хлысталов — *Э.Хлысталов*. 13 уголовных дел Сергея Есенина: По материалам секретных архивов и спецхранов. [М.:] Русланд, 1994.

Хроника, 2 — *В.Белоусов*. Сергей Есенин: Лит. хроника. М.: Сов. Россия, 1970. Ч. 2.

Цекпрос — Центральный комитет профсоюза работников просвещения.

Шипулина-2005 — *Г.Шипулина*. Я северный ваш друг и брат // Лит. Азербайджан, Баку, 2005. № 11.

Шнейдер — *Илья Шнейдер*. Встречи с Есениным: Воспоминания. М.: Сов. Россия, 1965.

Шубникова-Гусева — *Н.И.Шубникова-Гусева*. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001.

Шубникова-Гусева-2008 — *Н.И.Шубникова-Гусева*. Сергей Есенин и Галина Бениславская. СПб.: Росток, 2008.

Эрлих — *В.Эрлих*. Право на песнь. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930.

Юсов-94 — *Н.Г.Юсов*. Прижизненные издания С.А.Есенина: библиогр. справочник. М.: Златоцвет, 1994.

Юсов-96 — *Н.Г.Юсов*. «С добротой и щедротами духа...» : Дарственные надписи Сергея Есенина / Науч. ред. и автор послесл. С.П.Кошечкин, Челябинск: Лит.-изд. артель «Алексей Казаков со товарищи»; Челябинское полиграфич. объединение «Книга», 1996.

Юшкин-2006 — *Ю.Б.Юшкин*. Вспоминая... небылое // Есенин на рубеже эпох: Итоги и перспективы: Материалы Междунар. научн. конф. М.: Константиново; Рязань: Пресса, 2006.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГЛМ — Государственный литературный музей Российской Федерации. Отдел рукописных фондов (Москва).

ГМЗЕ — Государственный музей-заповедник С.А.Есенина (с. Константиново Рязанской обл.).

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М.Горького Российской академии наук. Рукописный отдел (Москва).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Рукописный отдел (Санкт-Петербург).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва).

РГВА — Российский государственный военный архив (Москва).

ЦА ФСБ РФ — Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (Москва).

Указатель произведений и книг С.А.Есенина

Автобиография (1923) 46, 321, 322
Автобиография (1924) 5, 382
Анкета <журнала> «Книга о книгах» 305–306, 364
Анкета для членов В.С.П. 43, 44
Анна Снегина 13, 212, 290, 327, 352, 455, 495
«Ах, как много на свете кошек…» 328
Баллада о двадцати шести 14, 411, 415, 463, 508, 510, 536, 661
«Берегись, Керзон...» 431
Березовый ситец, *книга* 305, 330
Больничное *см.* «Годы молодые с забубенной славой...»
Быт и искусство 396
В.Я. Брюсов 435
В дурную погоду *см.* «Поет зима — аукает...»
«В том краю, где желтая крапива…» 8, 358, 507, 537, 688
В хате 86, 174, 318
Весна 14, 508, 509, 514
«Вечер черные брови насопил...» 43, 159, 208, 291, 307, 341, 366, 436, 512, 513, 533, 602
Возвращение на родину 290, 292, 294, 299, 304, 312, 333, 348, 364, 378, 395, 397, 426, 436, 443, 446, 447, 451, 472, 489, 498, 510
Волчья гибель *см.* «Мир таинственный, мир мой древний...»
Воробушки *см.* «Поет зима — аукает…»
Воспоминание («За окном, у ворот...») 216
Воспоминание («Теперь октябрь не тот…») 456, 457
«Всё живое особой метой...» 32, 102, 153, 304, 318, 322, 341, 436, 530, 560
«Годы молодые с забубенной славой…» 220, 246, 288, 436, 438, 443, 536, 672
«Гой ты, Русь, моя родная…» 174, 275, 322
Голубень 8, 180, 181, 322, 358
Голубень, *книга* 48, 69, 70, 112, 151, 174, 177, 200, 208, 209, 258, 298, 328, 339, 353, 358, 370, 441, 466
«Грубым дается радость…» 172, 436, 451
Гуляй-поле 129, 193–195, 216, 233, 234, 266, 277, 293, 294, 323, 348, 364, 388, 422, 435, 532–534, 536, 598, 600, 618, 666
«Да! Теперь решено! Без возврата...» 145, 201, 208, 231, 341, 436, 533, 601
Две поэмы, *книга (не выходила)* 386, 393, 422, 462, 472, 488, 490, 505
«Дождик мокрыми метлами чистит...» *см.* Хулиган
«Дорогая, сядем рядом...» 43, 91, 98, 99, 107, 184, 304, 341, 436
«Душа грустит о небесах…» 112
«Если будешь…» 389
«Есть одна хорошая песня у соловушки…» *см.* Песня
Железный Миргород 19, 33, 37, 38, 40, 52, 54, 55, 58, 59, 64, 67, 78, 79, 80, 96, 105, 116, 146, 529, 543, 544
«За всё, что минуло...» 389, 520
«За темной прядью перелесиц…» 111, 322, 358
«Закружилась листва золотая…» 213
«Заметает пурга…» 69, 213
«Заметался пожар голубой...» 42, 43, 83, 92, 102, 322, 341, 436, 497, 529, 530, 545, 560
«Запели тесаные дроги…» 8, 171, 178, 524
«Заря Востока» 434
Звезды 216
«Зеленая прическа…» 438

И.Д. Рудинскому 216
Избранное, *книга* 48, 145, 181, 353, 391, 451, 499
«Издатель славный! В этой книге…» 249, 331, 340, 534, 628
Инония 8, 9, 70, 71, 152, 170, 177, 179, 180, 186, 187, 201, 210, 211, 257, 258, 271, 339, 342, 354, 385, 386, 451, 489, 522, 524, 532, 588
Иорданская голубица 196, 451, 489
Исповедь хулигана 8, 48, 56, 115, 153, 161, 177, 179, 258, 322, 347, 371, 385, 436, 446, 451, 522, 524
Исповедь хулигана, *книга* 339, 353, 466
Исус младенец, *книга* 353
К Пушкину *см.* Пушкину
Как должна рекомендоваться Марина 190
«Калитка моя…» 525, 538, 705
Клавдии Александровне Любимовой 469
Ключи Марии 396, 521
Ключи Марии, *книга* 31, 122, 353, 466, 520
Кобыльи корабли 112, 179, 446, 489
Когда я был мальчишкой 327, 364
Корова 358, 368
Ленин (Отрывок из поэмы «Гуляй-поле») 129, 195, 196, 216, 234, 323, 348, 369, 375, 405
Лисица 358
Льву Повицкому 483, 485, 492
Любовь хулигана, *книга (не выходила)* 124
Любовь хулигана, *цикл* 5, 13, 42, 43, 83, 91, 98, 102, 159, 223,184, 244, 375, 392, 436, 446, 532, 585
Марфа Посадница 175, 329, 370
«Матушка в купальницу по лесу ходила...» 322
Метель 14, 508, 509, 514
Миклашевская, *книга (не выходила)* 124
Микола 370
«Милая Пераскева…» 468
«Мир таинственный, мир мой древний...» 38, 341, 436
«Мне грустно на тебя смотреть...» 43, 91, 304, 341, 375, 436
«Мне осталась одна забава…» 31, 32, 145, 201, 231
Москва кабацкая, *книга* 5, 14, 29, 32, 43, 124, 144, 145, 147, 163, 165, 183, 186, 190, 217, 218, 230, 250, 261, 265, 266, 341, 342, 343, 344, 345, 349, 350, 374, 386, 428, 441, 462, 464, 465, 473, 490, 532, 534, 535, 537, 586, 633, 634, 689, 708
Москва кабацкая, *цикл* 13, 33, 46, 50, 53, 60, 63, 77, 112, 115, 126, 145, 167, 168, 191, 192, 201, 208, 211, 212, 231, 244, 246, 247, 294, 303, 312, 325, 371, 431, 436, 438, 451, 458, 510, 533, 536, 601, 672
«Мы теперь уходим понемногу…» 282, 304, 348, 361, 372, 386, 388, 436, 437, 443
На Кавказе 14, 306, 374, 395, 400, 401, 409, 443, 471
На родине *см.* Возвращение на родину
Над «Капиталом», *цикл* 508
Народная: Подражание песенке матери 96, 522, 523
«Не бродить, не мять в кустах багряных…» 286, 358
«Не ветры осыпают пущи...» 8, 513
«Не жалею, не зову, не плачу…» 29, 68, 133, 153, 286, 304, 358, 436
«Не ругайтесь! Такое дело...» 81, 341, 436
Небесный барабанщик 386, 489
«Небо ли такое белое…» 422, 536, 667
«Нивы сжаты, рощи голы...» 8, 9, 69, 180, 213, 426, 513
«Низкий дом с голубыми ставнями...» 293, 420, 427, 443, 534, 536, 623, 668
«Никогда я не был на Босфоре...» 506, 507, 537, 698
«Нощь, и поле, и крик петухов…» 358
О «Зареве» Орешина 96
«О красном вечере задумалась дорога...» 358, 404
<О писателях-«попутчиках»> 283–284, 340
О России и революции, *книга* 486, 489, 490, 496

«О Русь, взмахни крылами...» 151, 322, 371, 404, 489
<«О смычке поэтов всех народностей»> 400
Октоих 177, 209
Октябрь 456
Осень 8, 47, 471
Ответ 14, 455, 480, 505, 510
«Отговорила роща золотая...» 372, 375, 376, 377, 414, 419, 443, 462, 472, 480, 535, 650
Отчарь 81, 173, 489
Памяти Брюсова 435, 437
Памяти Ширяевца *см.* «Мы теперь уходим понемногу...»
Пантократор 7, 329, 522, 534, 627
Папиросники 171, 206, 207, 392
«Пахнет рыхлыми драченами...» *см.* В хате
Певущий зов 81
Персидские мотивы, *книга* 504
Персидские мотивы, *цикл* 13, 14, 443–445, 450, 451, 484, 487, 497, 502
Песнь о великом походе 5, 13, 52, 68, 310, 312, 337, 338, 340, 341, 344, 348–349, 350, 354–356, 363, 365, 366, 368, 373, 374, 375, 377, 378, 386, 393, 396, 397, 400–403, 409, 414, 420–422, 426, 431, 435, 441, 451, 457, 462–464, 472, 473, 479, 488, 489, 497, 498, 499, 507, 508, 510, 511, 534, 535, 537, 630, 640, 682, 694, 700
Песнь о великом походе, *книга* 310, 356, 358, 383, 388, 476, 505
Песнь о собаке 69
Песнь о хлебе 178, 436, 489
Песня 366
Письмо деду 14, 503, 505, 514
Письмо к женщине 14, 469, 470, 490, 504, 505, 510, 512
Письмо матери 13, 225, 226, 233, 278, 288, 303, 304, 366, 386, 392, 436, 434, 454, 455
Письмо от матери 14, 480, 505, 510, 537, 687
«Под красным вязом крыльцо и двор...» 111
«Поет зима — аукает..» 69, 164, 217, 325, 351, 439, 474, 532, 534, 595, 625
«Пой же, пой. На проклятой гитаре...» 32, 93, 145
«Пойду в скуфье смиренным иноком...» 358
После скандалов, *книга (не выходила)* 488
Поэма о 36 5, 13, 352, 356, 357, 363, 365, 376, 380, 381, 386, 393, 399, 400, 407, 408, 420–422, 431, 440, 441, 451, 455, 462, 487, 488, 489, 495, 505, 510, 535, 642
Поэтам Грузии 14, 401, 470, 471
Предисловие 182
Преображение 8, 9, 180, 181, 209, 258, 385
Преображение, *книга* 69, 70, 112, 177, 339, 353, 441, 521
Пришествие 8, 170, 209, 258, 525, 538, 704
«Проплясал, проплакал дождь весенний...» 322
Пророк 7, 710
Пугачев 8, 56, 78, 104, 105, 132, 142, 143, 153, 161, 163, 175, 177, 182, 198, 204, 210, 211, 250, 307, 312, 326, 329, 367, 439, 441, 447, 451, 452, 466, 469, 516, 522, 525, 538, 704
Пугачев, *книга* 195, 239, 253, 255, 258, 304, 339, 353, 466, 534, 614
Пурга *см.* «Заметает пурга...»
«Пускай ты выпита другим...» 43, 91, 99, 184, 304, 341, 436
«Пусть я толка, да не таковского...» 525
Пушкину 44, 288, 297, 392, 420, 436, 443, 534, 621
«Разбуди мня завтра рано...» 318
Радуница. *книга* 32, 48, 69, 70, 112, 151, 174, 208, 209, 268, 304, 339, 353, 370
Ржаной путь, *книга (не выходила)* 249, 332
Ржаные кони, *книга (не выходила)* 353
Россияне 139, 140
Русь 11, 118, 119, 151, 174, 178
Русь бесприютная 14, 52, 455, 460, 465, 467

Русь советская 68, 304, 323, 324, 340, 399, 408, 419, 420, 421, 426, 431, 436, 442, 443, 445, 451, 458, 459, 488, 489, 498, 509, 510, 513, 534, 622
Русь советская, *книга* 5, 14, 392, 454, 537, 699
Русь уходящая 14, 291, 403, 421, 454–456, 487, 488, 491, 495, 510, 536, 680
Рябиновый костер, *книга (не выходила)* 455, 470, 492
«Свет вечерний шафранного края…» 506, 507
Сельский часослов 385
Сельский часослов, *книга* 69, 339, 353
«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» 57, 145, 341, 344, 436
<Собрание сочинений в одном томе> 377, 451
Собрание стихов и поэм 112, 489, 490, 534, 626, 707
<Собрание стихов и поэм в 2-х томах> (*не выходило*) 182
Собрание стихотворений 708, 709
Сорокоуст 8, 48, 112, 122, 204, 210, 322, 367, 370, 385, 436, 447, 489, 498, 524
Стансы 14, 424, 425, 426, 432, 443, 451, 463, 487, 488, 490
Стихи скандалиста, *книга* 112, 129, 359, 360
Стихи (Стихи 1920–24), *книга* 198, 436, 499, 514, 536, 671, 709
«Сторона ль ты моя, сторона...» 32, 102, 436, 530, 560
Страна Негодяев 5, 53, 61, 96, 182, 195–197, 206, 390, 421, 441, 451, 488, 535, 536, 652, 654, 665
Страна Негодяев, *книга (не выходила)* 13, 124, 389, 340
Страна советская, *книга* 476
Сукин сын 352, 399, 419, 500
«Сыпь, гармоника! Скука... Скука...» 12, 156, 438, 536, 672
Табун 174, 180
«Там, где вечно дремлет тайна…» 9, 180, 532, 584
«Тетя Мотя…» 454
Товарищ 7, 8, 81, 177, 208, 235, 322, 329, 370, 371, 385, 474, 480, 503, 522, 533, 606
«Топи да болота...» 69
Трерядница, *книга* 48, 69, 70, 112, 152, 177, 186, 209, 258, 339, 419, 466
Триптих, *книга* 170, 177, 339, 353
«Тучи с ожерёба…» 489
«Ты прохладой меня не мучай...» 43, 91, 341, 375, 386, 436
«Ты сказала, что Саади...» 501, 502, 506, 514, 537, 697
«Ты такая ж простая, как все...» 42, 43, 83, 91, 102, 107, 322, 341, 436, 530, 560
«Улеглась моя былая рана...» 443, 484, 536, 676
Ус 81, 329
«Устал я жить в родном краю…» 8, 112, 513
Форма, *цикл* 96, 522, 523
Хулиган 322, 436
Цветы 14, 483, 492, 500, 505, 506, 513
«Цветы на подоконнике…» 523
Черемуха 261
Черный человек 7, 57, 58, 96, 206, 710
Черный человек, *книга (не выходила)* 124
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!...» 496, 501, 502, 506, 514, 537, 696
«Шафранный день звенит в колосьях…» 309
«Эта улица мне знакома...» 126, 163
«Этой грусти теперь не рассыпать…» 327, 340, 420, 427, 443, 536, 668
«Эх, жизнь моя…» 428
«Я и сам когда-то, Сокол…» 32
«Я обманывать себя не стану…» 126, 145, 153, 341, 436
«Я пастух, мои палаты…» 86
«Я покинул родимый дом…» 112
«Я последний поэт деревни…»
«Я снова здесь, в семье родной…» 181
«Я спросил сегодня у менялы...» 443, 453, 484
«Я усталым таким еще не был…» 169, 201, 231, 436, 443
Яр 271

Указатель имен

А. В. 94
А. Г. 468
А. Д. 134
А. З. 442
А. Л. 168
А. Т. *см.* Туринцев А.А.
Абрамович, сотрудник ГПУ 279, 286
А-в, М. 217
Авербах Л.Л.140, 213, 284, 439
Аверченко А.Т. 287, 330
Аверьянов М.В. 370
Авраамов А.М. 99
Агнивцев Н.Я. 180, 181
Адалис (Ефрон А.Е.) 95
Адамова М.А. *см.* Чагина М.А.
Адамович Г.В. 367, 389
Адонц Г.Г. 134, 329
Адресат (псевд.) *см.* Осоргин М.А.
А-за, Л. 214
Айвазян М.А. 16
Айкуни Г.С. 133
Айседора *см.* Дункан А.
Айхенвальд Ю.И. 263
Аксельрод И.В. 35, 101, 102, 108, 119, 120, 125, 197, 233, 274, 490
Аксенов И.А. 129, 133, 134, 136, 218, 238, 290, 365
Аксенова А. 529, 542
Акульшин И. *см.* Акульшин Р.М.
Акульшин Р.М. 35, 87, 92, 456, 530, 556
Алгасов П. 395
Александр, швейцар «Стойла Пегаса» 79, 102
Александр *см.* Соколов А.С.
Александра Николаевна *см.* Райх (по сцене Хераскова) А.Н.
Александров А.Н. 426, 438, 537, 701
Александров И. 164
Александров С. 46, 56, 61
Александров-Вольский, сотрудник газеты «Бакинский рабочий» 410
Александровский В.Д. 50, 70, 121, 126, 133, 141, 180, 213, 215, 218, 286, 305, 322, 396, 429, 456, 463, 483, 519
Алексеев А.М. 48, 187
Алексеев (Чарноцкий) Г.В. 322
Алтаузен Д.М. 92
Альтман Н.И. 196, 533, 600
Амелина А.В. 8, 15, 177, 180, 259, 522, 525
А-н, А. 164
Ананьин В.И. 69, 351
Анатолий *см.* Мариенгоф А.Б.
Ангарский (Клёстов) Н.С. 213, 353, 444, 474
Андреев, судья 189
Андреев И. 314
Андреев Л.Н. 484
Андреева (урожд. Юрковская) М.Ф. 41
Андроникашвили-Пильняк К.Б. 96, 274, 322
Аникина О.Л. 15, 16
Аничков Е.В. 183
Анищенко К.Р. 197
Анна Абрамовна *см.* Берзинь А.А.
Анна Ивановна *см.* Райх А.И.
Анна Ивановна *см.* Сахарова А.И.
Анненков Ю.П. 34, 531, 534, 576, 628
Анненский И.Ф. 186, 188, 517
Анов Н. (Иванов Н.И.) 323
Ан-ов, Р. 323
Антокольский П.Г. 134, 322
Антон Крайний *см.* Гиппиус З.Н.
Антонов А.С. 523
Апирина Е.Г. 266, 444
Апушкин Я.В. 359

Апхаидзе Ш.Н. 397, 478
Арбейтер (псевд.) 163
Ардаров, участковый надзиратель 12, 135, 137, 154
Ардов (Зигберман) В.Е. 43, 127, 529, 547
Аросев А.Я. 144, 154, 322, 364, 386, 452
Арский (Афанасьев) П.А. 133, 322
Артамонов М.Д. 109
Артамонова М. 81, 295
Артеменко В.И. 83, 98, 100
Артемов, участник диспута (Воронеж) 219
Архипов Н.И. 125, 127, 374
Архипова Л.А. 523
Арцыбашев М.П. 143
Асеев Н.Н. 70, 95, 129, 133, 134, 136, 156, 162, 186, 199, 215, 222, 267, 322, 353, 382, 386, 400–402, 410, 415, 434, 456, 457, 459, 495, 511, 516, 520, 524
Астахова Е.Н. 15
Афанасьев-Соловьев И.И. 248, 271, 393
Ахматова А. (Горенко А.А.) 139, 181, 186, 199, 267, 344–346, 372, 394, 423, 459, 516, 520, 524, 535, 635
Ахобадзе В.М. 434
Ашукин Н.С. 69

Б. 185
Б. В. В. 161, 531, 573
Б-а (псевд.) 304
Баал-Махшовес (Эльяшев И.И.) 99
Бабель И.Э. 274, 283, 361, 362, 393, 403, 422, 437, 445, 451, 463, 511, 518, 520, 535, 647
Бабенчиков М.В. 39
Базанов В.В. 121, 139, 330, 341, 707
Базанов В.Г. 707
Байрон Д.-Г. 142, 272, 292
Балахович *см.* Булак-Балахович С.Н.
Балтрушайтис Ю.К. 186
Балуашвили В.И. 6
Бальмонт К.Д. 50, 56, 146, 186, 213, 270, 286, 371, 486, 519
Барадашкины, семья 295
Баранов В.С. 6
Баратынский (Боратынский) Е.А. 91, 294
Баркова А.А. 70
Барт В.С. 469, 537, 686
Барышев Ал. 134
Бахрах И.А. (псевд. Исбах) 185, 289, 440
Башин В. 435
Бебутов Г.В. 6, 467, 477, 709
Бедный Д. (Придворов Е.А.) 12, 136–139, 146, 149, 150, 154, 180, 184, 187, 192, 259, 276, 322, 338, 422, 425, 426, 429, 432, 440, 452, 490
Безыменский А.И. 90, 131, 141, 196, 213, 227, 276, 284, 393, 403, 421, 439, 449, 456, 480, 502, 516
Безымянский *см.* Безыменский А.И.
Беликова П.Г. 424
Белицкий Е.Я. 310, 368, 386, 409
Белова Е.Д. 25, 26, 529, 542
Белоконь А.Г. 10
Белоусов В.Г. 5, 58, 217, 235, 243–245, 250, 502, 710
Белый А. (Бугаев Б.Н.) 39, 111, 134, 146, 162, 177, 178, 180, 181, 186, 187, 215, 240, 258, 268, 423, 437, 458, 520, 524
Беляев С.М. 274
Бен-Гали (Гехтман И.Е.) 434
Бенедиктов М. 263
Бениславская Г.А. 5, 7, 9, 11, 20, 21, 29, 42, 43, 51, 53, 57, 62–64, 72, 73, 79, 83–89, 98, 99, 101–103, 105, 106, 113, 118–120, 123, 128, 130, 144, 157, 159–161, 163, 165, 171, 185, 186, 194, 198, 202, 206, 207, 218, 220, 225, 228, 235, 252, 261, 264–266, 268, 269, 272, 273, 285–287, 305, 321, 323, 324, 330, 334, 337, 338, 340, 343, 348–352, 357, 362, 363, 375, 377, 379, 380, 388, 390, 391, 393, 394, 399, 401, 409, 413, 415, 419, 422, 424, 431, 432, 435, 440, 442, 443, 445, 451, 455, 462, 464, 469, 470, 472, 476–481, 483, 484, 486–493, 495, 496, 499, 501–507, 512, 513, 515, 529, 534, 535–537, 549, 559, 561, 562, 615, 616, 629, 631, 632, 636, 648, 674, 675, 678, 681, 684, 690

Бердянова Н.Н. 15, 16
Березарк И.Б. 126
Берзинь (Берзина) А.А. 85, 123, 206, 207, 220, 225, 234, 235, 252, 269, 277, 354, 356, 358, 365, 368, 373–375, 377, 378, 388, 391, 404, 408, 437, 440, 444, 451, 455, 472, 488, 490, 495, 496, 505, 519, 530, 534, 557, 617
Березовский Ф.А. 364, 380
Берковский Л. 485
Берлин И.С. 488, 505
Бернштейн М.С. 265, 268
Бескин О.М. 310, 381, 386, 398
Беспалов М.С. 129, 196
Бессалько (Безсалько) П.К. 121, 189, 498
Бинкин Г. 292
Бишарев О.Л. 30, 324, 434, 484
Благой Д.Д. 387
Блок А.А. 26, 39, 40, 50, 56, 61, 71, 74, 94, 100, 102, 110, 112, 114, 115, 121, 125, 126, 143, 157, 169, 177, 178, 180–182, 186, 187, 192, 200, 213, 215, 222, 231, 234, 240, 246, 250, 254, 255, 259, 260, 262, 267, 268, 270, 272, 273, 286, 293, 296, 314, 326, 327, 360, 371–373, 377, 386–388, 414, 420, 438, 442, 446, 456, 475, 480, 486, 516, 517, 519, 524
Блюмкин Я.Г. (Я.-С.Г.) 46, 51, 342
Бобрищев-Пушкин А.В. 39
Бобров С.П. 212, 291
Богачев В. 238
Богдановский К. 471
Богомильский Д.К. 35, 124, 159, 196, 233, 234, 274, 299, 300, 322, 378, 390
Богомолов Н.А. 16
Богорат Л.М. 317, 343, 344
Богословский А.Н. 287
Богословский Н.В. 287, 534, 620
Боденгейн М. 73
Боженко К.Н. 322
Б-ой, Д. *см.* Благой Д.Д.
Бойко С.А. 275
Болдовкин В.И. 411, 412, 417, 418, 443, 493, 707
Большаков К.А. 291, 359, 381
Борисов (Шерн) С.Б. 32, 33, 45, 46, 52, 60, 120, 127, 373, 393, 439
Борисова М.Ф. 529, 542
Бр., М. 232
Брагинский М.-Л. 73, 99, 138
Браун Н.Л. 248
Брегадзе Л.Г. 415, 417, 536, 664
Бродский Б.И. 153, 154
Бродский И.И. 103, 530, 533, 561, 600
Бродский Н.Л. 221
Брокгауз Ф.-А. 404
Броневский В. 329, 534, 627
Бронштейн Л. *см.* Троцкий (Бронштейн) Л.Д.
Брюсов В.Я. 50, 92, 94, 95, 126, 129, 134, 136, 152, 162, 166, 180, 185, 186, 191, 212, 218, 223, 240, 267, 290, 322, 377, 392, 423, 433, 435, 437, 442, 525
Буачидзе Б.М. 396
Бубрих Л. 99
Буденный С.М. 156
Булак-Балахович С.Н. 342
Булгакова Л.В. 86
Бунин И.А. 55, 186, 524
Бурлюк Д.Д. 165, 524
Бутович Л. 378
Бухарин Н.И. 70, 288

В., актер 262
В., публицист 458
В., репортер 63
В. М. 271
В. П. 293
Вагинов (Вагенгейм) К.К. 330, 533, 612
Вагнер Р. 119
Вадим *см.* Шершеневич В.Г.
Важа Пшавела (Разикашвили Л.П.) 471
Валентина *см.* Кулёмкина В.
Вандурский В. 7, 198, 329
Ванька *см.* Старцев И.И.
Вардин (Мгеладзе) И.В. 123, 124, 141, 213, 220, 223, 225, 227, 234, 242, 243, 252, 266, 269, 278, 283, 284, 288, 352, 356, 373–375, 393, 394, 396, 397, 399, 404, 405, 408, 409, 422, 432,

440, 442, 445, 448, 458, 480, 487, 495, 515, 531, 572
Варенцова Е.М. 16
Вартанов А.С. 249
Василевский И.М. 119
Василенко В.М. 40, 54, 58, 79
Васильев И. 173, 531, 581
Васнецов В.М. 176
Васька *см.* Рутинов В.В.
Введенский Д. 519
Вдовин В.А.6, 38, 293, 403, 418, 422
Вейдле В.В. 459
Вейл И. 8, 520, 538, 702, 703
Вейс Д.Л. 55
Вересаев (Смидович) В.В. 322
Вержбицкая С.Н. 501, 515
Вержбицкий Н.К. 7, 403, 406–408, 433–435, 437, 452–454, 457, 460, 461, 470, 479, 481–483, 487, 496, 500, 501, 503, 504, 508, 509, 514, 515, 537, 692, 693, 707
Верлен (псевд.) 498
Веселый А. (Кочкуров Н.И.) 253, 328, 386, 440
Весновская Г.Ф. 158
Ветлугин А. (Рындзюн В.И.) 97, 142, 155
Вечерний А. (псевд.) 457
Виленский Д.Ф. 484
Вильямс А.-Р. 9, 10, 74, 75, 530, 552
Винавер К. 7, 235, 533, 606
Виноградская С.С. 7, 33, 57, 58, 73, 85, 193, 205–207, 220, 376, 394, 408, 419, 420, 432, 490, 505
Винокур Г.О. 141
Випел Я. 8, 524
Вирап (Вирапян) Н.А. 434, 477, 478
Вихрев Е.Ф. 70
Владимиров С.В. 440
Владиславлев (Гульбинский) И.В. 353, 499, 535, 639
Владычина Г.Л. 180
Власов-Окский (Власов) Н.С. 301–303
Войнова, знакомая Н.П.Зубовой 394
Войтоловский Л.Н. 260
Волгин Б.Н. 134
Волин Б.М. (Фрадкин И.Е.) 139, 141, 154, 162–164, 213, 284, 439, 531, 572
Волков, сотрудник аппарата МУНИ 98
Волков А.А. 6
Волков М.И. 508
Волкова Н.Б. 7, 708
Волконский Н.О. 134, 237, 238
Волошин (Кириенко-Волошин) М.А. 13, 70, 141, 186, 274, 286, 524
Волфон А. 73, 99
Волынская В.И. 164, 325, 439, 474
Вольнов (Владимиров) И.Е. 55, 108, 120
Вольный Ив. *см.* Вольнов (Владимиров) И.Е.
Вольпин В.И. 144, 145, 163, 165, 166, 168, 183, 186, 190, 217, 277, 343, 373, 374, 488
Вольпин Н.Д. 7, 41, 205, 248, 275
Воронова О.Е. 6, 16
Воронский А.К. 66–68, 70, 82, 89, 90, 138, 167, 183, 191, 196–199, 208, 212, 213, 218, 219, 221–224, 230, 233–235, 253, 269, 271, 278, 286, 288, 291, 293, 320, 322–324, 352, 354, 386, 389, 407, 409, 410, 422, 436, 437, 441, 443, 444, 455, 475, 487–489, 493, 495, 497, 499, 504, 505, 511, 513, 515, 518, 529, 531, 533, 550, 571, 578, 602, 605
Воронцов К.П. 16
Ворошилов К.Е. 156
Воскресенский В.Е. 146, 148, 149
Врангель П.Н. 392
Всеволод Эмильевич *см.* Мейерхольд В.Э.
Выгодский Д.И. 47
Вышеславцева А.Г. 103–105, 307
Вышеславцева С.Г. 103–105, 307
Вяземский П.А. 428

Г. К. 122, 263
Гайдебуров П.П. 103, 104
Галеева Т.А. 133
Галя *см.* Бениславская Г.А.
Ганди М. 305

Ганин А.А.12, 13, 29, 90, 108, 109, 114, 120, 134–139, 144, 147, 154, 157, 158, 161–164, 191, 192, 199, 285, 329, 369, 530, 531, 563, 573
Ганнушкин П.Б. 224
Ганьшин С.Е. 163
Гаприндашвили В.И. 398, 478
Гардинг У.-Д. 65
Гартман Е.О. 79, 161, 203
Гастев А.К. 121, 329, 524
Гачева А.Г. 398
Гейман З.В. 204, 391
Гейне Г. 250, 267, 424
Гели Николаевна *см.* Чагина Р.П.
Гендин С.Г. 158
Генкрих М. 7, 15
Герасимов М.П. 50, 121, 129, 136, 140, 141, 154, 180, 181, 215, 260, 273, 281, 322, 328, 440, 456, 524
Герман Э.Я. *см.* Кроткий Э.
Герчиков Р. 135
Гершензон М.О. 134, 162
Герштейн Г.М. 207
Гёте И.-В. 267
Гетей, участник «суда над футуристами» (Батум) 485
Гехт С.Г. 361, 362, 535, 647
Гецов М.А. 265, 266, 268, 269
Гильбо А. 218
Гиляровский В.А. 129, 191, 291
Гиммельфарб Б.В. 127, 235, 396
Гиппиус В. 353
Гиппиус З.Н. 186, 218, 262, 263, 286, 291, 427, 475, 524
Гирявый Ф.Я. 423
Гисенькин З.И. 155, 165
Гливенко И.И. 293
Глубоковский Б.А. 192, 201, 219, 359, 381, 429
Гоголь Н.В. 39, 108, 184, 284, 315, 320, 370, 481
Голант Е.Я. 86
Голодный М. (Эпштейн М.С.) 402, 456
Гольденвейзер А.Б. 134, 162
Голубев Н. 303
Голубева Л.Г. 15
Голубков В.В. 499
Гольдберг, публицист (Баку) 458
Гомер 347
Гомозкова М.С. 16
Горбов Д.А. 507
Горинов Н. 216
Горностаев Н.П. 499
Городецкий С.М. 70, 186, 240, 280, 297–299, 306, 383
Горшанов В.И. 361
Горшков В.В. 279
Горький М. (Пешков А.М.) 55, 60, 116, 117, 119, 142, 143, 146, 206, 253, 286, 322, 328, 342, 371, 393, 403, 422, 463, 485, 517, 520, 709, 710
Готхарт Н.Л. 345
Гофман В.В. 186
Грандов М.С. 10, 74, 79, 82, 85, 88, 89, 98, 100, 123, 207, 225, 530, 552, 554
Грандова М.В. 530
Грандова Н.Д. 79, 85
Грасис К.Я. 152
Гребенщиков Г.Д. 284
Гри (псевд.) 37
Грибоедов А.С. 228, 362, 397, 398, 536, 659
Григорий (с. 34) *см.* Карасев Г.А.
Григорович Д.В. 282
Григорьев А.А. 204, 323, 327
Григорьев Б.Д. 133, 149, 347
Григорьев М.С. 94, 134
Григорьев С.Т. 353, 466
Григорьева Л.Г. 15
Грин А. (Гриневский А.С.) 248, 322
Громов, участковый надзиратель 191
Громова Л.Д. 707
Гроссман-Рощин И.С. 456
Груздев И.А. 132, 428
Грузинов И.В. 7, 28, 33, 38, 40, 41, 46–48, 50, 69, 70, 91, 99, 101, 112, 113, 160, 180, 192, 195, 201, 203, 218, 219, 221, 231, 238, 240, 286, 293, 294, 295, 357–359, 367, 372, 375, 376, 378, 379, 381–383, 394, 395, 398, 399, 427, 429, 472, 495, 708
Грузинский А.Е. 338

Гудзий Н.К. 364
Гудини Г. 239
Гуль Р.Б. 110, 153, 154, 156, 183, 231, 286, 301
Гумилев Н.С. 134, 172, 185, 186, 263, 272, 286, 442, 524
Гурвич Е.А. 431
Гурджи И. 453
Гусев-Оренбургский С.И. 73, 99
Гусева Н.И. *см.* Шубникова-Гусева Н.И.
Гусман Б.Е. 149, 353
Гутман Д.Г. 423
Гущин Ф. (Гутштейн Ф.А.) 160, 184, 190, 193

Д. И. 334
Давыдов В.Н. (Горелов И.Н.) 261
Давыдов М.М. 330
Давыдова З.А. 295
Даль В.И. 192
Данилов М.Х. 425, 430, 432, 457, 458, 473, 509, 510
Данте Алигьери 187
Девятайкина А.В. 16
Дега Э. (И.-Ж.-Э.) 49
Деев-Хомяковский (Деев) Г.Д. 109, 216
Дейч Б. 180, 377
Дельвиг А.А. 260, 306
Демянцевич И. 316, 317, 319
Дени (Денисов В.Н.) 529, 550
Денисова-Соколова П.М. 441, 460, 467, 468, 478, 501, 506
Державин Н.С. 322
Джапаридзе Л. 478
Джикия Г. 465
Дивуар Ф.-Ж.-П. 168, 525
Дижур Ю.С. 201
Дикун З.М. 16
Добролюбов, сотрудник аппарата Моссовета 89
Добролюбов Н.А. 371
Доброхотов В. 149
Д-ов, М. *см.* Данилов М.Х.
Долганов М.В. 432
Доливо-Саботницкий А.Л. 114
Д'Ор О.Л. *см.* Оршер И.Л.
Дорогойченко А.Я. 180
Доронин И.И. 440, 456, 498, 515, 525
Достоевский Ф.М. 97, 184, 262, 321, 475, 521
Дрексель К. 160
Дрожжин С.Д. 191, 192, 204, 216, 223, 263, 291, 302, 303, 342
Дроздков В.А. 6, 16, 270, 469, 707
Дубнова С.М. 186
Дудоров М.С. 167, 303, 304
Дункан А. 5, 19–21, 23–30, 34–38, 40–42, 45, 51–53, 56, 57, 62, 67, 70, 73, 74, 78, 82, 84, 89, 96, 98–101, 105, 107, 108, 119, 120, 125, 127, 128, 130, 131, 143, 147, 160, 177, 202, 203, 214, 242, 253, 256, 268, 270, 289, 388, 389, 413, 444, 469, 475, 499, 513, 514, 520, 529, 530, 537, 542, 548, 551, 559, 686
Дункан (Эрих) И. 19, 23–26, 28, 36, 38, 67, 202, 389, 499, 708
Думнов В.В. 69
Дымов О. (Перельман И.И.) 73, 99

Е. В. 223
Евдокимов И.В. 138, 199, 226, 271, 391, 438, 445, 709
Евдокимыч *см.* Евдокимов И.В.
Евреинов Н.Н. 261
Екатерина, Катя *см.* Есенина Е.А.
Екатерина II 367
Ельцин Б.Н. 362
Ельцов Н.Н. 242
Енукидзе А.С. 74, 162
Еремеев К.С. 322
Ерофеев В. 149
Ерошин Е. 73
Есенин А.Н. 334, 368
Есенин К.С. 21–23, 44, 228, 229, 529, 540
Есенин Ю. см. Изряднов Г. (Ю.) С.
Есенин-Вольпин А.С. 275
Есенина А.А. 85, 89, 205, 289, 294, 328, 334, 362, 363, 365–367, 372, 394, 424, 431, 440, 477, 484, 489, 490, 495, 496, 504, 505, 507, 512, 513, 536, 670, 707

Есенина Е.А. 9, 13, 20, 41, 77, 79, 84, 85, 101, 103, 105–107, 120, 123, 124, 128, 130, 157, 159, 160, 205–207, 218, 220, 229, 264, 265, 272, 285, 290, 293, 321, 334, 351, 352, 363, 365–368, 373–375, 377, 378, 383, 390, 391, 393, 394, 399, 404, 407–409, 411, 424, 436, 440, 462, 464, 469, 472, 473, 477, 484, 487, 489, 490, 492, 495, 496, 504, 505, 507, 512–514, 533, 534, 536, 604, 629, 670, 707, 709
Есенина Н.В. 15, 96, 144, 391, 707
Есенина С.П. 6, 14, 15, 535, 652, 707, 709
Есенина Т.С. 21–23, 172, 228, 229, 529, 540, 541
Есенина Т.Ф. 248, 334, 362, 513
Ефимов Бор. (Фридлянд Б.Е.) 186, 532, 590
Ефремин А. (Фрейман А.В.) 368

Жаров А.А. 385, 386, 440, 456
Жаров М.И. 43
Жемчугова П.И. 346
Женя *см.* Лившиц Е.И.
Жирмунский В.М. 94, 212, 452
Жуков П.Д. 131, 185, 342

Заболоцкий Н.А. 306
Заводчиков В.П. 456
Загорский М. 221
Зайцев Б.К. 524
Зайцев П.Н. 31, 126
Замятин Е.И. 39, 347, 375, 393, 520, 524
Заноза (псевд.) 463
Затаевич А.В. 114
Захаров А.Н. 6, 201, 398, 708, 709
Захаров-Мэнский (Захаров) Н.Н. 242, 279
Зданович А.А. 120
Зелёная Р. (И.В.) 43, 251, 252, 261, 262, 533, 613
Зелинский К.Л. 5, 11, 89, 90, 440, 530, 556, 707
Земсков В.Ф. 5
Зенин И.И. 423
Зенкевич М.А. 297–299
Зимин С.И. 127
Зина, Зинаида Николаевна *см.* Райх З.Н.
Зозуля Е.Д. 213, 274, 322, 451
Золотаревы, семья 295
Золотницкий А.В. 72
Золя Э. 169
Зонин А.И. (Бриль Э.И.) 98
Зорин (Гомбарг) С.С. 70
Зося *см.* Вержбицкая С.Н.
Зотова Т.Я. 16
Зощенко М.М. 122, 214, 254, 261, 274, 283, 284, 291, 422
Зубакин Б.М. 13, 115, 145, 146, 200
Зубова Н.П. 394
Зуев А.Н. 322
Зылев, сотрудник аппарата Главнауки 469

Иван Иванович *см.* Уваров И.И.
Иванов Вс. В. 70, 81, 98, 122, 128, 139, 212, 213, 218, 224, 236, 237, 239, 240, 241, 247, 249, 253, 268, 273, 274, 278, 283, 284, 286, 291, 322, 323, 378, 386, 392, 422, 429, 445, 451, 463, 533, 611
Иванов Вяч.И. 186, 377, 485, 520, 524
Иванов Д. 442, 446
Иванов-Грамен Н.К. 154
Иванов-Разумник (Иванов Р.В.) 73, 151, 180, 313, 353
Иванова Г.П. 441
Ивановская М. 190
Ивнев Р. (Ковалев М.А.) 20, 27, 28, 31, 40, 47, 48, 50, 52, 62, 63, 69, 70, 72, 129, 136, 157, 159, 168, 180, 181, 185, 192, 201, 203, 218, 219, 221, 231, 238, 241, 286, 289, 290, 365, 369, 393, 395, 407, 456
Игнатьев Б. 368
Изадора *см.* Дункан А.
Изгоев Н. 140
Изряднов Г.(Ю.) С. 22
Изряднова А.Р. 22
Илен 99
Ильина (в замужестве Буданцева) В.В. 113, 530, 562
Ильинский И.В. 43

Илья Ильич *см.* Шнейдер И.И.
Инбер В.М. 43, 126, 222, 274, 451
Ингулов (Рейзер) С.Б. 140, 144, 213, 284, 440
Ионов (Бернштейн) И.И. 126, 225, 230, 248, 249, 330–332, 337, 338, 342, 386, 393, 397, 472, 492, 495, 500, 505, 534, 628
Ионов П.Н. 445
Иорданский И.И. 388
Иосиф *см.* Аксельрод И.В.
Иоффе Е.В. 496, 497
Иоффе Е.Д. 217, 232, 233, 243, 244, 343
Ирма *см.* Дункан (Эрих) И.
Исбах *см.* Бахрах И.А.
Истомин А.И. 237, 238
Истомин Я.А. 134

К. Ш. 169
Каверин (Зильбер) В.А. 142, 249, 274, 322
Казаков А.Л. 708, 710
Казанский Б.В. 94
Казанский В.И. 226, 227
Казин В.В. 32, 70, 83, 134, 162, 175, 199, 208, 223, 226, 227, 282, 297–299, 322–324, 329, 339, 348, 357, 378, 386, 399, 404, 432, 437, 440, 463, 487, 493, 494, 516, 519, 530, 555
Каледин А.М. 355, 365, 374, 401
Калинин М.И. 9, 10, 74–77, 79, 90, 161, 529, 552
Калмановский А.М. 165, 218, 219, 343
Калязина К.А. 318
Каменев (Розенфельд) Л.Б. 134, 135, 162
Каменева (Розенфельд) О.Д. 134, 162
Каменский В.В. 100, 125, 129, 134, 136, 141, 157, 161, 180, 186, 200, 218, 223, 241, 291, 329, 372, 438, 456, 466, 524
Каменщиков Е. 198
Камский М. *см.* Долганов М.В.
Капица В.Ф. 16
Кар Г. фон 167
Кара-Мурза В.Н. 434
Карасёв Г.А. 34
Карачунская Г.М. 388
Кармен Р.Л. 108, 296
Карохин Л.Ф. 6, 16, 103–105, 307, 314, 317, 341
Карп М. 434
Карпов П.И. 90, 121, 191, 192, 279, 285, 287, 288, 328, 329, 371, 391
Касаткин И.М. 96, 108, 120, 121, 144, 154, 322, 386, 515, 530, 557
Каскевич М. 126
Катаев В.П. 273, 451
Катанян В.А. 292, 708
Кауричев Н.С. 392
Кауфман, художник 530, 557
Кац М.А. 303
Кац С.А. 302, 303
Качалов (Шверубович) В.И. 36, 41
Керженцев (Лебедев) П.М. 144, 154
Керзон Дж.-Н. 431
К-ий, Л. *см.* Пирагис Л.Ю.
К-ий, П. 50
Киквадзе Н. 465
Кикодзе П. 396
Кин Э. 308
Кипренский О.А. 346
Кирилл *см.* Мариенгоф К.А.
Кирилл Владимирович, вел. князь 142
Кириллов В.Т. 50, 121, 140, 141, 173, 175, 215, 273, 277–279, 282, 322, 365, 402, 456, 474, 519
Клдиашвили С.Д. 478
Клейнборт Л.М. (Н.) 34, 188, 197, 198, 307, 308, 322, 474, 532, 591, 708
Клычков С.А. 12, 13, 33, 47, 56, 61, 81, 90, 91, 95, 107, 109, 121, 123, 134–139, 144, 147, 153, 154, 157, 158, 161–164, 169, 191, 192, 199, 213–215, 260, 273, 279–281, 283, 285, 287, 289, 301, 302, 324–329, 348, 364, 370, 371, 387, 391, 395, 404, 439, 496, 530, 531, 534, 535, 563, 573, 620, 657
Клюев Н.А. 8, 20, 25, 29, 34, 47, 50, 61, 68, 81, 84, 95, 100–103, 105, 106, 108, 109, 113–115, 119–121, 123, 125, 126, 127, 150–152, 163, 170, 180, 181, 186, 188, 189, 192, 199, 213–215, 218, 222, 224, 234, 240,

247, 249, 250, 254, 258–260, 263, 264, 268, 282, 289, 303, 305–308, 318, 322, 329, 339, 342–345, 347, 348, 353, 359, 370–372, 374, 377, 401, 404, 420, 439, 457, 471, 474, 475, 498, 499, 516, 520, 521, 524, 530, 533, 561, 611
Книппер (Книппер-Чехова) О.Л. 41
Князев В.В. 150, 180, 263, 282, 338, 531, 578
Кобцова О.В. 484, 500, 501, 515, 519, 537, 691
Коган П.С. 56, 70, 94, 97, 98, 134, 150, 162, 183–185, 259, 291, 347, 353, 364, 437, 439, 452, 474, 488
Коган Ф.И.173
Когоут Н.Н. 226, 227
Козловская Я.М. 101, 144, 186, 207, 220, 225, 408, 490, 505, 515
Козловский А.А. 43, 83, 145, 267, 276, 425, 438, 502, 507, 707
Козловский М.Ю. 120
Козырев М.Я. 273
Колас Я.(Мицкевич К.М.) 392
Колобов Г.Р. 67
Колоколов Н.И. 180
Колчак А.В. 392
Колчина К.А. 159
Кольцов А.В. 50, 71, 80, 110, 259, 263, 371, 414, 521
Кольцов М. (Фридлянд М.Е.) 108, 141, 167
Комахидзе, партработник (Батум) 484
Комиссаров, судья 167
Конар Ф.М. 386
Конёнков С.Т. 33, 34, 44, 68, 109, 131, 152, 153
Кононенко Е.В. 79, 85, 123, 161, 530, 552
Конради М. 342
Конушкин И. 431
Кончаловский П.П. 134
Коонен А.Г. 41
Копман В. 99
Кордиг А. 146
Корнеев А. 156
Корнеев Б.И. 479
Корнеев (Карнеев) Д.И. 361
Корниенко Н.В. 16
Корнилов Л.Г. 401
Корницкий, сотрудник НКИД 485
Королев В.Л. 134, 147, 224, 286
Корсаков С.С. 190
Костерин А.Е. 440
Костя, Константин *см.* Есенин К.С.
Костя *см.* Соколов К.А.
Котляревский Н.А. 263
Котлярова В. 404
Котрелев Н.В. 16, 485
Коцин, председатель Цекпроса 469
Кочетов С. 368
Кошечкин С.П. 6, 15, 35, 140, 141, 248, 284, 389, 401, 416, 425, 523, 707, 708, 710
Крайний В.М. 129, 196
Крайский (Кузьмин) А.П. 330, 533, 612
Красавина Н. 295
Красильников В.А. 439
Краславский Г.М. 519
Краснов П.Н. 365, 374, 401
Криницкая, рабкор 485
Кричевский М.И. 197
Кроммелинк Ф. 429
Кроткий Э. (Герман Э.Я.) 128, 236, 393
Крумм Р. 362
Крутов П.П. 242
Крученых А.Е. 141
Кубицкий А. 143
Кубишова Г. 7, 15
Кубка Ф. 8, 176, 257, 259, 524, 525, 532, 538, 592–594, 704
Куза В.В. 393
Кузмин М.А. 143, 186, 218, 223, 286, 291, 442, 524
Кузнецов В.И. 254, 261, 262, 264, 432, 343, 708
Кузнецов Ф.Ф. 708
Кузько П.А. 91, 285
Кузьмичев, рабочий сцены 237
Куимов А. 316–319
Кукушкин И.И. 485, 501
Кукушкина Т.А. 16, 330

Кулёмкин А.Ф. 171, 391, 392
Кулёмкина В. 392
Куняев С.С. 109, 139, 285
Куняев С.Ю. 109, 139, 285
Купала Я. (Луцевич И.Д.) 392
Куприн А.И. 493
Куприяновский П.В. 324
Кусиков (Кусикян) А.Б. 73, 96, 99, 122, 145, 154, 166, 169, 185, 192, 200, 203, 216, 218, 232–234, 258, 311, 353, 369, 370, 393, 458, 469, 520, 524, 525, 537, 686
Кутейникова А.А. 16

Л. М. *см.* Межеричер Л.М.
Ладыжников И.П. 183, 438
Лазарева И.В. 486
Лазаревский И.И. 134, 162
Лакшин, драматург 78
Ланде 99
Лапин, практикант милиции 12, 154
Лапшин И.И. 263
Лафарг П. 169
Лаффит С. 5
Лахути Г.Г. 708
Лебедев В.И. 149
Лебедев В.П. 254
Лебедева С. 295
Лебедевы, семья 295
Лев Осипович, Лёва *см.* Повицкий Л.И.
Левин В.М. 73, 99
Левин И.М. 73, 99
Левин Ф. 161
Лежнев А. (Горелик А.З.) 230, 369, 459
Лейтес А.М. 222
Лелевич Г. (Калмансон Л.Г.) 139, 141, 213, 284, 364, 439, 498, 499, 515, 531, 535, 571, 656
Лемке М.К. 47
Ленин (Ульянов) В.И. 88, 191, 193–196, 204, 212, 216, 217, 289, 324, 369, 382, 410, 432, 446, 533, 600
Леонидзе Г.Н. 6, 397, 398, 433, 467, 476, 478, 535, 658
Леонидзе Е. 535, 658
Леонов Л.М. 240, 370, 393, 403, 451
Леонтьев Н.П. 50
Лепешинский П.Н. 196
Лермонтов М.Ю. 50, 90, 184, 270, 306, 314, 321, 371, 393, 511, 517
Л-ес, А. *см.* Лейтес А.М.
Лесков Н.С. 108
Лесневский С.С. 707
Либединский Ю.Н. 172, 193, 213, 227, 272, 284, 439, 497
Лившиц В. 330
Лившиц Е.И. 96, 153, 265, 266, 268, 269, 444, 490
Лившиц М.И. 242, 252, 265, 266, 268, 269, 334, 340, 348, 350-351, 399, 404, 408, 409, 432, 442, 444, 484, 490, 505, 534, 632
Лидин (Гомберг) В.Г. 273, 445, 463
Литвин Е.Ю. 16
Литовский (Каган) О.С. 54, 70, 525
Лифшиц М.О. 434, 435
Ло Гатто Э. 15, 169–171, 187, 188, 198, 215, 531, 579, 580
Ломан А.П. 5, 103, 318, 345
Ломидзе Г.И. 708
Ломоносов М.В.204, 231, 267, 270, 286
Лондон Дж. (Г.-Д.) 239
Лопатухин Э.Б. 434
Лория П.О. 506
Лохвицкая М.А. 186
Лука Лукич (псевд.) 213
Лукницкий П.Н. 344, 345
Луначарский А.В. 69, 88, 134, 156, 196, 201, 212, 214, 231, 242, 288, 437, 469, 479, 488, 498
Лундберг Е.Г. 97
Лунц Л.Н. 249
Лурье В.И. 480
Львов-Рогачевский (Рогачевский) В.Л. 12, 56, 141, 154, 191, 214, 273, 278–281, 283, 322, 353, 364, 369, 437, 466, 474, 475, 499, 535, 536, 649, 679
Любимов А.М. 469
Любимов Г.П. 114
Любимова К.А. 469
Людендорф Э.-Ф.-В. 167
Лютер А. 108, 443

Люхин М.И. 327, 328
Ляховец Д.К. 276
Ляшко (Лященко) Н.Н. 122, 386

М. 205
М. Д. *см.* Данилов М.Х.
М. К. 458
Мазепа И.С. 305
Мазуркевич В.А. 336
Майзель М.Н. 129
Майзель С.А. 203
Майоров И.А. 70
Майский И.М. (Ляховецкий Я.) 270, 271, 310, 344, 348–351, 368, 409, 472, 488, 492, 535, 635
Маквей Г. 6, 15, 19, 24–26, 88, 131, 160, 166, 202, 212, 484, 486, 494, 529, 537, 542, 551, 686, 708
Макдональд (Мак-Дональд), машинист сцены 97
Макдугалл А.-Р. 499, 708
Маккормик (Мак-Кормик) Р.-Р. 321
Малахов С.А. 456
Малашкин С.И. 39
Малинников И.А. 12, 90, 134, 135
Мальцев, милиционер 191
Малышев А.Е. 134
Малышкин А.Г. 386
Мамед, житель Баку 412
Мамин-Сибиряк (Мамин) Д.Н. 284
Мандельштам О.Э. 13, 129, 136, 180, 186, 273, 286, 402, 423, 442, 463, 516
Мандельштам Р.С. 473
Мани-Лейб *см.* Брагинский М.-Л.
Мануйлов В.А. 413, 414, 417, 419, 425, 426, 429, 708
Марголин С.А. 393, 422
Мариенгоф А.Б. 21, 27, 32, 35, 38, 40–42, 45, 47, 48, 50–52, 54, 57–59, 62, 63, 67, 69, 70, 72–74, 79, 81, 86–88, 101, 117, 122, 127, 128, 132, 134, 148, 150, 155, 160, 163, 166, 168, 180, 181, 185, 192, 201, 203, 218, 219, 221, 231–234, 240, 241, 266, 269, 291, 311, 353, 364, 369, 370, 393–395, 399, 407, 456, 457, 466, 495, 496, 520, 524, 708
Мариенгоф К.А. 21
Марий Г. 65
Марков И.И. 305–307, 313, 347, 374, 708
Маркс К. 169, 258, 395, 424, 429, 430, 432
Марчанова М. 8, 524
Марченко (Муравьева) А.М. 6, 282
Марья Афанасьевна, кухарка семьи Мейерхольдов-Райх 22
Марьянова М.М. 218
Масс В.З. 134, 423
Масчан С.С. 5
Матвеева А.Г. 484
Матезиус Б. 8, 471, 480, 513, 537, 688
Мать *см.* Есенина Т.Ф.
Махно (Михненко) Н.И 193, 195, 196, 206, 392
Машбиц-Веров И.М. 519
Маширов (Маширов-Самобытник) А.И. 50, 121, 215, 330
Машкин А.П. 173, 531, 582
Машкова А.Г. 15
Маяковский В.В. 8, 55, 65, 70, 71, 74, 80, 81, 90, 92–95, 108, 110, 112, 126, 129, 130, 136, 143, 150, 165, 168, 180, 181, 184, 186–188, 198, 199, 204, 212, 214, 215, 218, 222–224, 232, 241, 250, 259, 260, 263, 265, 267, 268, 286, 291, 292, 329, 347, 364, 367, 369, 382, 395, 400, 401, 410, 413, 414, 417, 420, 422, 423, 437, 442, 443, 451, 452, 456, 457, 459, 466, 471, 480, 485, 493, 497, 516, 520, 524, 536, 679
Медведев П.Н. 68, 306, 347
Медичи Л. 427
Межеричер Л.М. 531, 571
Мейерхольд В.Э. 22, 23, 88, 89, 99, 105, 134, 162, 228, 229, 240, 469
Мекш Э.Б. 292
Меликсетов, участник «суда над футуристами» (Батум) 485
Мельмейстер, композитор 133, 143
Мельникова-Папоушкова Н.Н. 8, 178, 531, 583

Менахем 73, 99
Меньшой-Гай А.Г (Левин Л.С.) 73, 193, 196, 216
Мережковский Д.С. 186, 524
Мерхоленко Д.Д. 295
Мечтатель В. *см.* Левин В.М.
Мещеряков В.Н. 469
Мещеряков Н.Л. 55, 162, 288
Миклашевская А.Л. 41–45, 83, 91, 98, 102, 107, 117, 184, 341, 346, 529, 545
Милославская М.М. 72
Минаев К. 163
Минский (Виленкин) Н.М. 186
Митурич П.В. 286
Мирский Д. *см.* Святополк-Мирский Д.П.
Мисникевич Т.В. 16, 330
Мистер Дудль (псевд.) 421
Митрофанова-Есенина С.П. *см.* Есенина С.П.
Михайлов, режиссер 469
Михайлов А.А. 707
Михайлов А.Д. 292
Михайлов К. 15, 181, 367
Михаленко Н.В. 15
Мицишвили Н.И. 478
Миямото Т. 9, 15, 181, 532, 584
Могилевский С.И. 485, 494, 497, 501
Молодяков В.Э. 8, 9, 15, 181
Молчанов И.Н. 456
Моне К. (О.-К.) 49
Моночиненков Ф.Г. 469
Мопассан Ги, де 117
Морщинер И.С. 190, 217, 243–245, 250, 343
Москвина З.В. 16, 74
Мочульский К.В. 70, 215
Мошин Л.К. 303
Муран К.М. 460, 492
Муратова Е.В. 305
Мюллер И. 239

Н. 473, 537, 689
Н. И. 442
Н. К. 409
Набатов Б. 486
Наблюдатель (псевд.) 108
Надсон С.Я. 168, 181
Назарова А.Г. 9, 10, 11, 53, 57, 62, 72–74, 78, 83–85, 88, 101, 102, 106, 113, 118, 119, 127, 144, 157, 159, 160, 186, 391, 434, 440, 506
Назарова Г.С. 14
Нальди Р. *см.* Олькиеницкая-Нальди Р.Г.
Наппельбаум И.М. 249–251, 533, 611
Наппельбаум М.С. 249–251, 530, 533, 561, 610–612
Нарбут В.И. 134, 154, 162, 260
Наседкин В.Ф. 7, 52, 58, 87, 289, 329, 392, 456, 486, 489, 490, 530, 556
Наумов Е.И. 6
Невский А.Я. 16
Недзельский Е.Л. 257, 259, 475
Нейман М.В. 230
Не-коммунист (псевд.) 253
Некрасов Н.А. 50, 113, 259, 260, 414
Немирович-Данченко Вас. И. 134, 162
Немо (псевд.) 35
Неров М.И. 237
Нестеров М.В. 131
Нефедов Ф.М. 216
Нива Ж. 185, 193
Нивин, поэт 396
Никандров (Шевцов) Н.Н. 273
Никашин П. 263, 281
Никё М. 8, 15, 168, 181
Никитин И.С. 50, 80, 270, 370, 371
Никитин Н.Н. 122, 143, 214, 224, 254, 262, 263, 274, 282, 283, 378, 386, 429, 479
Никитина Е.Ф. 339, 707
Никишин А.А. 431
Никонов А. 216
Никритина А.Б. 21, 35, 41, 42, 45, 117, 270, 410
Никулин (Ольконицкий) Л.В. 30, 456
Нинидзе, житель Тифлиса 463
Новиков И.А. 129, 136
Новиков-Прибой А.С. 307
Новицкий К.П. 144, 154

Обрадович С.А. 122, 140, 147, 180, 208, 223
Овидий (Публий Овидий Назон) 187
О.Генри (Портер У.-С.) 117
Озеров (Гольдберг) Л.А. 708
Оксенов И.А. 254, 261, 262, 264, 341–343, 386, 533, 612
Окунев Як. (Окунь Я.М.) 88
Оленин А.Б. 180, 410
Ольга Георгиевна, няня Т.С. и К.С. Есениных 228, 229
Ольденбург С.Ф. 134, 162
Олькиеницкая-Нальди Р.Г.186–188, 532, 588
Орешин П.В. 12, 13, 33, 50, 56, 81, 90, 91, 120–123, 126, 132, 134–139, 143, 144, 147, 148, 150, 151, 154, 157, 158, 161–164, 175, 180, 192, 199, 204, 214–216, 222, 260, 274, 275, 279–281, 283, 285, 286, 293, 297–303, 306, 324, 328, 329, 339, 348, 353, 357, 359, 371, 377–379, 381, 395, 404, 432, 439, 441, 474, 487, 495, 498, 518, 521, 530, 531, 563, 573
Орлов Г.Н. 105
Орлов Н. 260, 263
Оршер И.Л. 55, 64, 107
Ос., Мих. *см.* Осоргин (Ильин) М.А.
Осинский Н. (Оболенский В.В.) 196, 288, 474
Осоргин (Ильин) М.А. 231, 262, 480, 520
Островский А.Н. 184, 214
Остролецкий П. 106
Осэ К. 9, 15, 180, 181, 532, 584
Отец *см.* Есенин А.Н.

П. Я. 153
Павлова М.М. 16
Павлович Н.А. 330
Павчинский Н.В. 484
Панкальди С. 15
Панкратов С. 129, 275
Панкратова В.И. 15, 16
Панов М. 164
Пантелеевы, бр., издатели 310
Панфилов А.Д. 224, 523
Панфилов Е.А. 173, 531, 581
Паоло *см.* Яшвили П. (П.Д.)
Папкова Е.А. 249
Парнок С.Я. 402, 459, 520
Пастернак Б.Л. 129, 136, 180, 186, 199, 204, 218, 222, 223, 267, 270, 286, 291, 364, 393, 402, 403, 451, 456, 459, 493, 516, 520, 524,
Пашко О.В. 395, 456
Первухин М.К. 184, 243, 265, 270
Переверзев В.Ф. 134
Перцов В.О. 440
Пессимист *см.* Швейцер В.З.
Пестряков М.Н. 242
Петр I 270, 271, 338, 349, 373, 511
Петров Б. 164
Петров С.Г. *см.* Скиталец
Петровская Н.И. 216
Петровский П.Н. 129, 291, 463
Петропавловский, докладчик на диспуте (Киев) 410
Пешич М.М. (Пешић М.) 5, 476
Пиксанов Н.К. 134, 162, 364, 474
Пильняк Б. (Вогау Б.А.) 13, 37, 39, 62, 63, 70, 81, 96, 98, 106, 108, 122, 134, 139, 184, 185, 197, 214, 219, 223, 224, 234, 238, 240, 253, 263, 268, 273, 274, 278, 282–284, 286, 291, 322, 325, 340, 342, 347, 378, 386, 392, 393, 403, 422, 423, 443, 451, 463, 520, 524, 531, 571
Пиотровский Вл. (Корвин-Пиотровский В. Л.) 25
Пирагис Л.Ю. 25
Платон И.С. 238
Плетнев В.Ф. 144, 154
Плетнев Г.А. 219
Плеханов Г.В. 169
Плотников И.П. 404, 519
Повицкий И.Л. 709
Повицкий Л.И. 27, 300, 415, 440, 441, 481–487, 489–492, 496, 497, 500, 501, 504, 519, 537, 692, 693, 709
Поволоцкий Я.Е. 72
Подъячев С.П. 55

Познер С.В. 353
Позоева Е.В. 117
Покровский М.Н.162, 469
Покровский С.П. 21, 57, 101–103, 161, 163
Полежаев Н. 275
Полетаев Н.Г. 180, 196, 524, 533, 600
Полищук В.Л. 222
Полонская (урожд. Мовшенсон) Е.Г. 81, 98, 161, 254, 274, 276, 399, 421, 533, 612
Полонский (Гусин) В.П. 12, 154, 155, 212, 230, 288, 291, 331, 364
Полонский Я.П. 169, 253, 517
Полоцкий С.А. 72, 203, 248, 250, 271, 286, 330, 337, 352, 533, 611
Поляков В. 295
Поляков Е. 295
Поляков С.А.129, 134, 274, 283
Поляковы, семья 295
Попов Г. 242, 520
Попов Н.Ф. 89, 90, 98
Поршаков П.С. 234
Поспелов А. 499
Поэт-хулиган А. (псевд.) 164
Правдухин В.П. 451
Преображенский Е.А. 212
Приблудный И. (Овчаренко Я.П.) 29, 30, 57–59, 62, 64, 67, 79, 101, 102, 105, 106, 118, 125, 200, 214, 241–243, 250, 252, 265–267, 269, 274, 287, 313, 315, 316, 318, 319, 329, 336, 337, 340, 344, 347–349, 351, 361, 363, 373, 389, 438, 439, 490, 493, 495, 496, 530, 533, 534, 561, 608, 611, 620
Примочкина Н.Н. 517
Пришвин М.М. 274, 278, 285, 286, 365
Прокофьев А.А. 306
Прокушев Ю.Л. 5, 6, 55, 196, 431, 469, 707–709
Птица, Птичка *см.* Силин А.Д.
Пугачев Е.И. 97, 176, 261, 521
Пуришкевич В.М. 137, 143, 149
Пушкин А.С. 14, 39, 50, 74, 75, 91, 97, 108, 142, 169, 178, 184, 201, 214, 231, 260, 262, 294, 296–299, 305, 306, 314, 317, 320, 321, 323, 330, 346, 364, 370, 371, 377, 388, 401, 412–414, 417, 428, 430, 445, 476, 481, 506, 516, 517, 534, 621, 624
Пущин И.И. 460
Пчелинцев И. 508
Пыпин А.Н. 338
Пышкины, семья 321
Пяст (Пестовский) В.А. 114, 115, 245, 253, 261, 336, 427, 459

Р. Б. 515
Рабинович Е.Ф. 474, 476
Рабинович М. 108, 109, 130
Раввинов А. 452
Радек К. (Собельсон К.Б.) 288
Радимов П.А. 120, 121, 150, 215
Радлова А.Д. 330, 524
Разумник *см.* Иванов-Разумник (Иванов Р.В.)
Разумовский (Махалов) С.Д. 299
Райх А.И. 22
Райх (по сцене Хераскова) А.Н. 229
Райх З.Н. 22, 23, 113, 171, 227–229, 469, 506, 529, 531, 540, 577
Раскольников (Ильин) Ф.Ф. 410, 488
Распутин (позднее Новых) Г.Е. 126, 307
Рачинский Г.А. 134
Рашковская А.Н. 185, 517
Реггнотти В. *см.* Ричиотти В. (Турутович Л.И.(О)
Рейснер М.А. 212
Ремизов А.М. 370, 524
Ренников А. (Селитренников А.М.) 116, 451
Ренуар О. (П.-О.) 49
Репейников Ф. 422
Рерих Н.К. 186
Решетников Ф.М. 113
Рита *см.* Лившиц М.И.
Ричиотти В. (Турутович Л.И. (О.)) 72, 173, 203, 247, 248, 250, 251, 253, 286, 293, 308, 310, 319, 352, 444, 531, 533, 534, 581, 611, 614
Роббинс Дж. 73, 99
Робеспьер М. 362

Робинс *см.* Роббинс Дж.
Рогожин Н.П. 303, 456
Родкин М.В. 12, 135, 154, 157
Родов С.А. 141, 213, 215, 284, 439
Рождественский В.А. 103, 104, 248, 310, 313–315, 317, 330, 332, 333, 335, 336, 341, 533, 612
Розанов, докладчик на диспуте (Киев) 410
Розанов В.В. 110
Розанов И.Н. 296–298, 328, 410, 437
Розен М. 456
Розен Р. 149
Розенгейм М.П. 517
Розенцвейг Б.И. 81
Розовская Е.С. 444
Ройзман М.Д. 7, 48, 50–52, 58, 63, 64, 69, 70, 84, 192, 205, 206, 218, 229, 230, 233, 236, 239, 241, 243, 298, 379, 383, 393, 395, 709
Рокфеллер Д.-Д. 97, 321
Романовский И. *см.* Морщинер И.С.
Ром-Лебедев И.И. 295
Ромов С.М. (Роффман С.Д.) 429
Россинский Б.И. 362
Рудинский И.Д. 21
Руднева, работница 180
Рукавишников В. 268, 475
Рукавишников И.С. 218, 387, 456
Русаков, докладчик на диспуте (Томск) 244
Руставели Ш. 453
Рутинов В.В. 418, 450
Рутковская Н.Л. 469
Рутте М. 524
Руцкая Л. 410, 421
Рыженко И.Г. 453, 454

Саади 417
Сабанеев Л.Л. 99
Савватиев, сотрудник ГПУ 136
Савицкий В.Н. 146, 148
Савицкий П.Н. 171
Савкин Н.П. 187, 357–359, 378, 379, 381, 383, 394, 403, 407, 424, 429, 431, 464, 465, 523, 535, 651
Савченко Т.К. 6, 15, 30, 201, 398
Садофьев И.И. 121, 248, 254, 310–312, 479, 533, 612
Сазонов Н. 164
Сакулин П.Н. 134, 204, 216, 273, 296, 297, 299, 437, 488
Салаевы А.Г. и И.Г. 69
Самобытник *см.* Маширов (Маширов-Самобытник) А.И.
Самоделова Е.А. 338
Самодуров, крестьянин 130
Сандрар Б. (Зауэр Ф.) 429
Сандро *см.* Кусиков А.Б.
Санников Г.А. 140
Саорханов Г.А. 203
Сараджишвили В. (И.П.) 467
Сарьян М.С. 478
Сафаревич И. 330
Сахаровы *см.* Сахаров А.М., Сахарова А.И.
Сахаров А.М. 35, 86, 101, 102, 108, 154, 172, 197, 205, 241, 248, 253, 255, 256, 264, 268, 269, 289, 290, 292, 294, 295, 306–308, 320, 323, 337, 340, 341, 348, 351, 407, 444, 446, 490, 495, 534, 616
Сахарова А.И. 248, 264, 337
Сашка *см.* Сахаров А.М.
Сварог (Корочкин В.С.) 310
Св-в, Н. *см.* Светлов (Свиньин) Н.Ф.
Светлов В. (Ивченко В.Я.) 268
Светлов (Свиньин) Н.Ф. 359
Светлый Г. (Павлюченко Г.И.) 144, 147
Свищев-Паола Н.И. 391, 533, 604
Святополк-Мирский Д.П. 204, 291, 323
Северянин И. (Лотарёв И.В.) 71, 74, 186, 295, 466
Сейфуллина Л.Н. 213, 422, 437, 445, 452, 463, 518, 536, 679
Селиханович А.Б. 420
Сельвинский И.Л. (К.Л.) 516
Селянин С.А. 70
Семашко Н.А. 134, 369
Семенов С.А. 386
Семенов С.Т. 204
Семенова С.Г. 398
Семёновский Д.Н. 55, 58, 70, 80

Сергий Радонежский 341
Серебрянский М. 275
Серегина С.А. 15
Сережникова В.С. 25
Сидерский Е. 469
Сидоров Н.П. 221
Сидоров-Окский Г.А. 181, 359, 381
Сикарулидзе, ред.
газ. «Пухара» (Батум) 484
Силин А.Д. 236, 394
Сиповский В.В. 353
Ск. (псевд.) 191
Скатов Н.Н. 708
Скворцов А.С. 359, 381
Скиталец (Петров С.Г.) 328
Скороходов М.В. 15, 23, 709
Славатинский А.С. 136, 167
Славинский Ю.М. 134
Слёзкин Ю.Л. 181, 213
Словцова Е.Б. 198
Слоним М.Л. 188, 218
Слонимский М.Л. 261, 274
Случановский А.В. 180
Случевский К.К. 270, 517
Смирнов Н.И. 12, 154, 372
Смирнов П. 295
Смольский О.К. 303
Собко В.Д. 386
Соболев Ис. 326
Соболев Ю.В. 273, 279
Соболь А. (Ю.М.)12, 143, 154, 273, 279, 286
Сокол (Соколов) Е.Г. 31, 32, 200, 268, 389
Соколов А.А. 439–440, 517, 518
Соколов А.К. 441
Соколов А.С. 367
Соколов В.А. 69, 410
Соколов И.В. 180
Соколов К.А. 441, 444, 460, 467, 468, 475, 478, 479, 481, 484, 487, 495, 500, 501, 503, 504, 506, 515, 536, 677
Соколов С.Н. 367
Соколова П.В. 374
Соколовский А. 165
Сокольников М.П. 465, 537, 683
Солобай Н.М. 15, 74
Соловьев Ал. 463
Соловьев Б.И. 399, 517
Соловьев Вл. С. 177, 178, 186, 188, 270
Соловьева Е.Е. 164, 325, 439, 474
Сологуб Ф. (Тетерников Ф.К.) 50, 286, 313, 372, 520, 524
Сонин Л. 291
Соня *см.* Виноградская С.С.
Сорин В.Г. 410, 488
Сорокин В.В. 708
Сосновский Л.С. 12, 70, 126, 136–141, 147, 149, 154, 156, 157, 162–164, 166, 186, 192, 214, 440, 487, 490, 530, 532, 568, 590
Софья Николаевна *см.* Вержбицкая С.Н.
Спасский К. *см.* Меньшой-Гай А.Г.
Спектор У. 362
Станиславский (Алексеев) К.С. 437
Старцев И.И. 46, 74, 84, 195, 277, 278, 501
Стеклов Ю.М. (Нахамкис О.М.) 184
Степанов А. 303
Степанова О. 295
Степановы, семья 295
Степанченко Д.И. 187, 188
Степной Н. (Афиногенов Н.А.) 281
Столица (урожд. Ершова) Л.Н. 186, 213
Столпник (псевд.) 291
Стор (Стороженко) Н.П. 396–399, 434, 435, 441, 484, 486, 496, 537, 692, 693
Струве П.Б. 171
Субботин В.Е. 425
Субботин С.И. 6, 7, 15, 38, 54, 55, 58, 113, 145, 196, 291, 323, 375, 401, 404, 470, 503, 515, 708, 709
Субботина С.С. 15, 171, 187
Суднов П.Е. 316–318
Суриков И.З. 50, 204, 216, 342, 521
Сушицкий В.А. 38
Сэйчо, японский художник 532, 584

Т. 130, 168
Табидзе Н.А. 406, 470, 477

Табидзе Т.Ю. 6, 397, 398, 401, 406, 407, 463, 467, 468, 470, 471, 476, 478, 480, 535, 658
Таганов Л.Н. 215
Таиров (Корнблит) А.Я. 30, 41, 99, 117, 134, 240
Таиров Е. 485
Тальников (Шпитальников) Д.Л. 55
Тальян (Тертерян) Ш.Н. 496, 497, 501, 502, 509, 537, 696
Таня, Татьяна *см.* Есенина Т.С.
Тарабукин Н.М. 48, 499
Тарановский К.Ф. 476
Тарасенко М.С. 485, 496, 501, 537, 692, 693
Тарасов-Родионов А.И. 356, 364, 440
Тартаковер С. 8, 181
Тартаковский П.И. 6
Тарутин В.П. 15, 19, 38
Телегин Н.В. 295
Теодоров Е.К. 181
Терехина В.Н. 347
Тиняков А.И. 26
Типот В.Я. 43, 423
Тисленко Я.М. 191, 371
Титов Ф.А. 328, 503
Титова Н.Е. 248, 328
Тихон, патриарх (в миру Белавин В.И.) 63, 146
Тихонов Н.С. 81, 142, 222, 254, 274, 286, 293, 315, 325, 330, 378, 393, 399, 400, 403, 410, 421, 422, 437, 456, 459, 463, 516, 518, 520
Тициан *см.* Табидзе Т.Ю.
Толстая С.А. *см.* Толстая-Есенина С.А.
Толстая-Есенина С.А. 58, 86, 96, 153, 221, 235, 390, 418, 492, 507
Толстой А.К. 71
Толстой А.Н. 13, 258, 274, 328, 335, 336, 347, 393, 403, 422, 423, 463, 520, 524
Толстой Л.Н. 39, 90, 92, 126, 184, 321, 369, 370, 475, 521
Толя *см.* Мариенгоф А.Б.
Томский С. (псевд.) 336
Топорков А.К. 192, 359, 381
Тоффел 73, 99
Тредьяковский (Тредиаковский) В.К. 231
Третьяков С.М. 393, 403, 410, 422
Трофимов В.И. 418
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 13, 37, 40, 50–52, 65, 67, 81–83, 89, 98, 100, 131, 135, 138, 139, 141, 146, 152, 185, 212, 224, 234, 265, 268, 288, 289, 320, 342, 352, 427, 457, 474, 499, 531, 569–571
Трошин П. 303
Трубачев С.С. 310
Труцци Р. 239
Тугендхольд Я.А. 439
Тукалевский Вл. 291
Туманный Д. (Панов Н.Н.) 241
Турабов С.Ф. 5
Тургенев И.С. 39, 184, 282, 394
Туринцев А.А. 183, 475
Турова Е.И. 353
Турчинский Л.М. 16
Туфанов А.В. 533, 612
Тынянов Ю.Н. 278, 516
Тютчев Ф.И. 142, 267

Уваров И.И. 309, 444
Уитмен У. 50, 80
Умников С.Д. 316, 317
Уринов Я.И. 421
Успенский Г.И. 282, 320
Успенский Ф.И. 146
Устинов Г.Ф. 39, 70, 121, 122, 145, 183, 184, 247, 260, 525
Устинова Е.А. 523
Устрялов Н.В. 511
Утесов Л. (Вайсбейн Л.И.) 251, 261, 533, 613
Уточкин С.И. 362
Ушаков Н.Н. 399

Файнберг А. 347
Файнштейн Л.Ф. 418, 425
Фатов Н.Н. 452
Федин К.А. 68, 386
Федоров В.В. 237
Федоров В.П. 129
Федоровская Е.Н. 23

Федорченко С.З. 274
Федюхин А.А. 16
Федя *см.* Богомильский Д.К.
Фейнберг М.И. 138
Филипп Сергеевич, дворник 36
Филиппов Б.М. 261
Фельдман З.П. 181
Фет (Шеншин) А.А. 90, 270, 516, 519
Фиалка (псевд.) 165
Фирдоуси А. 417
Флеров В.А. 261
Флеров И.А. 69, 351
Флор-Есенина Т.П. 6, 709
Фовицкий А.Л. 73, 99, 486
Фомин С.Д. 29, 37, 95, 100, 115, 287, 288, 371
Форш О.Д. 274
Фофанов К.М.186
Франциск Ассизский 178
Француз И.А. 358
Фрезинский Б.Я. 16, 143, 161, 421
Фрейфельд Д.Я. 343
Френкель Л.Д. 369
Фридман Б.З. 92, 93
Фриче В.М.134, 162
Фроман (Фракман) М.А. 330
Фрунзе М.В. 363
Фурман Г.В. 499
Фурманов Д.А. 364

Харламов Н.И. 523
Харламова Т.И. 523
Хармс Д. (Ювачев Д.И.) 306
Хатаевич Р.М. 134
Хатисов, метранпаж (Тифлис) 433
Хачатурова К.Г. 24, 26, 130
Хвильовой М. (ФитилевН.Г.) 222, 223
Хелминский Н.Э. 322
Хиони В.Н. 362
Хитров Е.М. 215, 216
Хлебников В. (В.В). 110, 180, 283, 369, 516, 524
Хлопуша (Соколов А.Т.) 522
Хлысталов Э.А. 6, 10, 79, 135, 158, 203, 205, 220, 224, 710
Ходасевич В.Ф. 46, 180, 354, 516, 517
Ходоровский И.И. 469
Ходотов Н.Н. 261, 262
Хомчук Н.И. 103, 318
Хорев А.П. 440
Хорева А. 440
Хорева О. 440
Хориков Н.П. 33, 200, 216
Хрулева Р.П. 16

Царькова Т.С. 16
Цветаева М.И. 186, 212. 427
Цвибельфиш *см.* Глубоковский Б.А.
Церукавский Н.В. 208
Цибели Ш. 485
Циклоп (псевд.) 428, 432
Цинговатов А.Я. 259
Цитович С.П. 197
Цхакая М. 461
Цявловский М.А. 297

Чавчавадзе А.Г. 397, 398
Чавчавадзе Н.А. 398
Чаган З. 147
Чагин (Болдовкин) П.И. 200, 202, 407, 409–411, 415, 416, 418, 424, 425, 451, 458, 483, 487, 492, 506, 507, 510, 522, 523, 536, 661–663
Чагина М.А. 103, 416, 425, 523
Чагина Р.П. 492
Чадова В. 486
Чапыгин А.П. 120, 121, 247, 254, 255, 274, 306, 307
Чеботаревская Е.Н. 58, 96, 377
Чекрыгин В.Н. 69, 192, 375, 376
Черемных М.М. 530, 568
Черкасова М. 295
Чернова Е.Б. 314
Чёрная Л. (Киселева Н.С.) 295
Чёрный А. *см.* Чёрный С.
Чёрный С. (Гликберг А.М.) 459
Чернышевский Н.Г. 479
Чернышов А.М. 475
Чернявский В.С. 245, 254–256, 263, 264, 319, 323, 352, 475
Черняк Я.З. 138
Чехов А.П. 55, 282, 284, 475

Чиковани С.И. 396
Чихачёв П.В. 297
Чичинадзе К.А. 503
Чубар (Чубарян) Е.Г. 486
Чубаров Н. 295
Чуйко, режиссер 469
Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) 520
Чуковский Н.К. 427
Чумак П. 75, 77
Чумаченко А.А. 129

Шагинян М.С. 113, 186, 274, 530, 562
Шакро, житель Тифлиса 453
Шаляпин Ф.И. 149
Шаншиашвили С.И. 478
Шапирштейн-Лерс (Шапирштейн; псевд. Эльсберг) Я.Е. 353
Шарапов Н.И. 316–318
Шаров (Ефимов) Е.Е. 301, 303, 304
Ш-в, Г. 260
Шварц М. 99
Шведов Я.З. 384, 442
Швейцер В.З. 305, 412, 416, 494, 496
Швыров А.В. 308, 310
Шевелева О.А. 315, 316, 341
Шевченко Е.С. 459
Шевченко Т.Г. 80
Шенгели Г.А. 35, 456
Шепеленко Д.И. 90, 91, 285
Шереметев Н.П. 346
Шершеневич В.Г. 8, 40, 47, 48, 50, 52, 54, 58, 59, 62, 63, 69, 70, 72, 73, 88, 100, 122, 125, 129, 132, 134, 150, 157, 168, 169, 176, 181, 192, 200, 201, 203, 219, 221, 231–234, 241–243, 259, 276, 286, 289, 291, 311, 312, 321, 353, 369–372, 383, 395, 399, 437, 438, 456, 457, 466, 520, 521, 524, 525, 708
Шимановский В.В. 78, 103–105, 143, 163, 198, 254, 307, 533, 613
Шипулина Г.И. 305, 380, 421, 710
Шипулинский Ф.Н. 134
Ширяевец (Абрамов) А.В. 29, 37, 56, 61, 81, 90, 120, 121, 136, 215, 234, 239, 260, 276–283, 285–287, 301–303, 328, 329, 348, 371, 372, 387, 534, 620
Шишкины, семья 295
Шишков В.Я. 274, 283, 284
Шкапская М.М. 113, 126, 186, 530, 533, 562, 612
Шкловский В.Б. 126, 218, 427, 520
Шмерельсон Г.Б. 203, 248, 250, 251, 264–266, 286, 307, 330, 337, 352, 472, 533, 611, 612
Шмидт О.Ю. 134
Шнеерзон *см.* Шмерельсон Г.Б.
Шнейдер И.И. 7, 19, 21–28, 34, 36–38, 40, 41, 62, 67, 72, 98, 130, 202, 388, 389, 710
Шнитников Ю. 314
Шокальский Е. 7, 15, 199, 329
Шоу Б. 271
Шпенглер О. 305
Штейнберг А. 99
Штеренберг Д.П. 134
Шубникова-Гусева Н.И. 6, 7, 14, 15, 21, 29, 30, 42, 53, 58, 73, 83, 85, 86, 96, 98, 99, 101–103, 105, 113, 118, 120, 139, 157, 159–161, 163, 184, 190, 212, 243, 261, 266, 268, 269, 271, 321, 334, 338, 340, 348, 350, 352, 355, 357, 363–365, 375, 379, 380, 389, 391, 394, 398, 408, 418–420, 432, 434, 436, 464, 473, 480, 481, 484, 489, 490, 492, 493, 495, 498, 506, 507, 707–710
Шумихин С.В. 7, 331, 332, 708
Шумская Е.Л. 157
Шура, Шурка *см.* Есенина А.А.
Шутова А.И. 158

Щеголев П.Е. 341, 342, 535, 634
Щербиновская О.С. 236–238

Эйхенбаум Б.М. 278, 520
Элиава Ш.З. 331
Элленгорн Е.Я. 304
Элленс Ф. (Эрменгем Ф. ван) 72
Энгельс Ф. 395, 430
Эпштейн М.С. 469
Эрг *см.* Гуль Р.Б.
Эрдман Б.Р. 286, 370, 393, 429

Эрдман Н.Р. 40, 48, 50, 69, 72, 168, 201, 203, 221, 370, 393, 395, 423, 429
Эренбург И.Г. 100, 108, 125, 150, 157, 180, 181, 200, 216, 218, 353, 372, 438, 443, 452, 459, 524
Эрлих В.И. 7, 247, 248, 250, 251, 262, 268, 280, 286, 307, 312, 313, 316, 337, 341, 352, 354–356, 363, 383, 393, 398, 399, 401, 407, 409, 422, 440, 441, 444, 462, 472, 473, 481, 488, 489, 491, 492, 496, 498, 523, 533–535, 611, 613, 624, 640, 710
Эрлих П. *см.* Эрлих В.И.
Эрьзя (Нефёдов С.Д.) 418
Этли 218
Эфрос А.М. 12, 134, 154, 273, 520

Юденич Н.Н. 392, 464, 473
Южин (Сумбатов) А.И. 134
Юр. (псевд.) 98
Юренев В.Н. 303
Юрин М.П. 448–450, 452, 468
Юрьев, сотрудник ГПУ 136
Юрьев К.С. 708
Юсов Н.Г. 6, 7, 9, 14, 15, 74, 96, 140, 141, 145, 180, 195, 204, 242, 284, 293, 322, 324, 328, 343, 345, 363, 375, 378, 389, 391, 399, 401, 425, 436, 523, 710
Юст. С. (псевд.) 217
Юшин П.Ф. 6
Юшкевич С.С. 181
Юшкин Ю.Б. 6, 10, 14, 15, 135, 249, 393, 394, 396, 409, 448, 710

Яблонский В.П. 358, 381, 391, 525, 535, 657
Яворский Б.Л. 134
Ягода Г.Г. (Иегуда Е.Г.) 158
Языков Н.М. 264, 306, 387
Яковлев М. 316, 319
Яковлев (Трифонов-Яковлев) А.С. 273
Яковлев (Эпштейн) Я.А. 288
Яковлева В.Н.134, 469
Яковчик К. 392
Якубовский Г.В. 325
Якулов (Якулян) Г.Б. 69, 134, 192, 356, 359, 370, 381, 410, 415, 429, 536, 660
Яна *см.* Козловская Я.М.
Ярмолинский А. (А.С.) 180, 377
Ясенский Б. (Зискинд В.Я., по др. данным Зисман А.) 7, 367
Ясинская З.И. 94
Ясинский И.И. 474
Ясный А. (Яновский А.М.) 348
Ясслер И. 99
Яунзем И.П. 114
Яшвили П. (П.Д.) 397, 398, 463, 465, 470, 476, 477, 535, 658
Яшвили Т. 535, 658
Ященко А.С. 170
Aucouturier M. 292

Depretto C. 292
Deutsch B. *см.* Дейч Б.

Gerspacher A. 390

McVay G. *см.* Маквей Г.
Miss Olli, miss Ol'-Ol' *см.* Кобцова О.В.

Laffitte S. *см.* Лаффит С.
Lane J. 180, 377

Naldi R. *см.* Олькиеницкая-Нальди Р.

Prunier 97

Ricciardi R. 262

Stock A. 169
Storch-Marien O. 257

Tartakover S. *см.* Тартаковер С.
Treves fr., издатели 186

Voisin 97

Weil J. *см.* Вейл И.
Win., K. *см.* Винавер К.

Содержание

Предисловие 5

Летопись

1923 15
1924 180

Приложение

Содержание приложения 529
Материалы приложения 539

Список условных сокращений 707
Указатель произведений и книг С.А.Есенина 711
Указатель имен 715

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М.Горького

Л 52

Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В пяти томах. Т. 4. 3 августа 1923 – 1924.
Составление тома Н.И.Шубниковой-Гусевой.
Указатели С.А.Серегиной. Ответственный редактор тома М.В.Скороходов.
Научная и общая редакция тома С.И.Субботина. — М.: ИМЛИ РАН, 2010. — 736 с.
ББК 83.3 (Рос-Рус)

Летопись жизни и творчества С.А.Есенина

В пяти томах

Том четвертый

3 августа 1923 – 1924

Редактор *Т.С.Шеханова*

Корректоры *М.В.Скороходов, Т.С.Шеханова*

Изготовление оригинал-макета
Л.В.Владимирской

Подписано к печати 03.11.2010.
Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Печ. 46 л. Тираж 1000 экз.

ИМЛИ РАН,
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а.
Тел.: (495) 690-05-61, 691-23-01

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 2065

ISBN 978-5-9208-0378-8